
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1897.

Подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть года въ 1897 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXI. — ТОМЪ CCCLVIII. — 1/13 МАРТА, 1897.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1897

2532

ПО ДРУГОМУ

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Позолота покрывала карнизы и выпуклости скульптурнаго потолка. Со штофныхъ стѣнъ наклонялись картины; одна—въ нѣсколько аршинъ—съ какимъ-то историческимъ сюжетомъ. Электрическія лампочки разныхъ цвѣтовъ выглядывали изъ-за зелени листьевъ. Шаги входившихъ глушилъ коверъ. Пахло куреньемъ. У каждыхъ дверей стояло по два лакея въ шолковыхъ чулкахъ и башмакахъ.

Публика прибывала тихо: военные въ эполетахъ, статскіе во фракахъ и смокингахъ, многіе въ бѣлыхъ галстухахъ. Свѣтлыя накидки, прически съ цвѣтами и трэны мелькали въ туалетахъ дамъ.

Въ этомъ обширномъ проходномъ салонѣ, похожемъ на залу музея, поодаль, на угловомъ диванчикѣ, присѣли Студенцова и ея кавалеръ Анемоновъ.

Онъ и уговорилъ ее быть на генеральной репетиціи вечера, гдѣ „эфебъ" будетъ бороться съ турецкимъ атлетомъ Махмудомъ. Студенцова не сразу согласилась. Но когда самъ Шпандинъ пред-

---

*) См. выше: февраль, стр. 567.

ложилъ ей билетъ, какъ бы въ видѣ подарка—она заплатила за него пять рублей.

Кромѣ борцовъ въ программѣ значились и другіе нумера: и монологи изъ репертуара Коклѐна, и шансонетки, и двойной квартетъ балалаечниковъ-любителей. Но главнымъ притягательнымъ нумеромъ были борцы.

Анемоновъ только-что пріѣхалъ изъ Италіи и, по пути, попалъ въ Парижъ. Она нашла своего кавалера гораздо менѣе занимательнымъ, чѣмъ въ послѣдній разъ — на морскомъ берегу. Его манера разсказывать казалась ей слишкомъ дѣланной. И во всѣхъ его повадкахъ было что-то слащаво-извращенное, къ чему она прежде относилась гораздо снисходительнѣе.

Вотъ и теперь онъ не переставалъ восхищаться „эфебомъ". Сейчасъ ходилъ онъ къ нему въ уборную и во всѣхъ подробностяхъ описывалъ его костюмъ.

— Вы увидите, какъ цвѣтъ атласа оттѣняетъ его изумительную мускулатуру. Онъ—точно бронзовый!

— Можетъ быть... Но безъ васъ, Анемоновъ, я бы не попала сюда. Вашъ „эфебъ" хотѣлъ мнѣ подарить билетъ... я не пожелала принимать отъ него такихъ подарковъ.

— Вы его недостаточно оцѣнили, мой другъ... а онъ, напротивъ, очень вамъ преданъ и говорилъ мнѣ, что готовъ...

— Знаю, знаю...

Она перебила его, боясь, что рѣчь зайдетъ о томъ—какъ она съ нимъ совѣтовалась насчетъ биржи. О своихъ дѣлахъ она не хотѣла говорить здѣсь съ Анемоновымъ.

Никогда еще ея пріятель не казался ей такимъ чуждымъ тому, что̀ происходило въ ея душѣ. Неужели она заразилась тамъ, на Пескахъ, въ обществѣ добродѣтельныхъ семидесятниковъ?

Бритое лицо Анемонова, его прическа, бантъ галстуха, духи, маленькій складной вѣеръ, торчавшій у него изъ-за вырѣза бѣлаго жилета—все это смотрѣло очень модно, но вызывало въ ней жуткое чувство.

Анемоновъ началъ ей разсказывать о своемъ визитѣ парижскому поэту, котораго и она—одно время—считала величайшимъ изъ современныхъ лириковъ. Онъ нашелъ его въ бѣдной квартирѣ, но при немъ нѣсколько его поклонниковъ и молодая женщина — „вся сотканная изъ милосердія" — ухаживаетъ за нимъ самоотверженно.

Слушая своего пріятеля и совѣтника, Студенцова вспоминала, —какихъ нравовъ былъ всегда этотъ лирикъ. Ей случилось какъ-то читать въ газетахъ процессъ, послѣ котораго его засадили на

годъ въ тюрьму, и она вспыхнула, когда нѣкоторыя свидѣтельскія показанія всплыли въ ея памяти.

Вѣроятно, и Анемоновъ почти такихъ же нравовъ; только онъ хитрѣе и осторожнѣе, и врядъ ли когда попадется, особенно въ своемъ отечествѣ...

Вообще, она была очень недовольна тѣмъ, что пріѣхала сюда. Сейчасъ прошелъ гусаръ, князь Дашевъ, товарищъ Шпандина, и посмотрѣлъ въ ея сторону. Послѣ своего „номера“, Шпандинъ можетъ явиться въ залу и подвести къ ней гусара; а ей этого не хотѣлось. Кажется, и эти барскіе чертоги принадлежатъ кузену гусара—еще болѣе крупному милліонеру, чѣмъ онъ.

Будь она иначе настроена—ей было бы занимательно очутиться въ такой обстановкѣ, смотрѣть на лица, туалеты, картины, бронзу, позолоченые карнизы, мраморные бюсты, лакеевъ въ башмакахъ, въ ожиданіи атлетическаго зрѣлища.

— Меня ваши борцы совсѣмъ не интересуютъ,—сказала она Анемонову съ гримасой.—Въ Лондонѣ я еле могла высидѣть—кажется, въ London Pavillon...

— Мой другъ... въ васъ еще кроются разные запреты! Вы посмотрите, даже чиновный Петербургъ начинаетъ проникаться культомъ прекраснаго тѣла. И вы увидите... женщины, молодыя дѣвушки будутъ... comme des jeunes spartiates...

— Въ костюмѣ Евы упражняться въ палестрѣ!

— Вы увидите... Tiens! Quelle jolie toilette?

Публика все прибывала. Студенцова глядѣла въ лорнетъ на туалеты и прически женщинъ, и чувство непріятной тревоги закрадывалось въ нее.

Она сама была одѣта слишкомъ просто и бѣдновато для такой обстановки. Общество собиралось довольно смѣшанное, больше все биржевики и желѣзнодорожники. Брилліанты блестѣли въ ушахъ и на открытыхъ шеяхъ. Идти въ залу она медлила.

Ей предстояла и встрѣча съ Аришей Полкановой. Та, навѣрно, покажетъ и свою „лебединую шею“. Флиртъ со Шпандинымъ у нея, конечно, въ полномъ ходу. За такого „эфеба“ она сразу не выйдетъ замужъ, но прибережетъ его на черный день. Вчера она забѣжала къ ней и просила быть непремѣнно и апплодировать Шпандину посильнѣе. Она похвалилась и тѣмъ, что и Шемадуровъ будетъ на этомъ вечерѣ.

Князь Дашевъ опять появился въ дверяхъ проходной гостиной. Онъ пристально глядѣлъ на Студенцову.

— Кто этотъ гусаръ? — спросилъ ее шопотомъ Анемоновъ.

— Какой-то князь... богачъ.

— Il vous gobe! Très crâne, ce militaire!

— Пріятель вашего эфеба.

— Такъ я могу васъ познакомить черезъ Шпандина?

— Оставьте... не желаю.

— Вы нынче Богъ знаетъ въ какомъ настроеніи! Пора идти въ залу. Мѣста ненумерованныя, и мы рискуемъ очутиться въ заднихъ рядахъ.

— Не все ли равно?!

Студенцова завидѣла плотную фигуру Ариши въ нѣжно-голубомъ платьѣ, съ вырѣзомъ на груди, и въ длинныхъ перчаткахъ. Она шла съ плотнымъ, сѣдымъ и краснолицымъ господиномъ, во фракѣ и при звѣздѣ—съ своимъ дядей.

— Идемте, Анемоновъ! — окликнула Студенцова и быстро поднялась.

Она не желала „созерцать“ формъ своей подруги. Ея туалетъ тоже раздражалъ ее.

II.

Все пришло въ волненіе передъ нумеромъ „борцовъ“. По залѣ пронеслась замѣтная дрожь. Головы и торсы женщинъ застыли въ ожиданіи.

Съ небольшого возвышенія боковыхъ скамеекъ, гдѣ она сидѣла рядомъ съ Анемоновымъ — Студенцовой видны были ряды бѣлыхъ съ позолотой стульевъ, точно залитые цвѣтомъ обнаженнаго тѣла, откуда поднимался какъ бы паръ, насыщенный всякими духами, отъ шипра до „испанской кожи“. Она не ожидала такого общаго обнаженія на репетиціи благотворительнаго вечера.

Электрическій свѣтъ проникалъ эти волны женскаго тѣла, игралъ на бриллiантахъ, дѣлалъ цвѣты и колеръ матерій мягче и оживленнѣе.

Давно Студенцова не попадала въ такой воздухъ чувственныхъ ощущеній, и гдѣ же? — въ морозномъ и хмуромъ Петербургѣ. Куда она ни посмотритъ—вездѣ плечи, руки, шеи, округлости спинъ, вырѣзанныхъ до среднихъ позвонковъ. Одна молодая еще дама—жена сухого и сѣденькаго генерала—проплыла мимо нея, неся свой молочный бюстъ—что-то похожее на „опару“ —это народное слово пришло Студенцовой на память, когда она провожала ее глазами.

Анемоновъ дѣлалъ свои любительскія замѣтки шопотомъ. Онъ находилъ, что тутъ больше „мяса“, чѣмъ линій и контуровъ, и

продолжалъ доказывать, что „божественное“ тѣло явится у здѣшнихъ женщинъ тогда только, когда онѣ будутъ упражняться „comme des jennes spartiates“, выходя на состязаніе въ „палестрѣ“, послѣ того, какъ покроютъ себя „слоемъ масла“.

Онъ указывалъ ей больше на мужчинъ, стоявшихъ стѣной въ глубинѣ залы и въ двухъ боковыхъ дверяхъ. Гусаръ очутился у притолоки ближайшей къ нимъ двери. Онъ все смотрѣлъ въ ихъ сторону—и это ей было непріятно. Она замѣтила, въ другой колоннѣ мужчинъ, пухлое лицо Шемадурова. Значитъ, Ариша не зря хвасталась—она заставила этого „вожака“ придти на такое зрѣлище, гдѣ героемъ будетъ Шпандинъ. Вотъ кто не теряетъ времени и умѣетъ охотиться за мужчинами! Этого „вожака“ Ариша возьметъ себѣ въ мужья, если онъ добьется положенія въ ученомъ мірѣ, т.-е. хорошихъ окладовъ. А со Шпандинымъ она навѣрно и теперь ужъ цѣлуется.

Студенцова видѣла ея голову, съ вѣткой сирени, и шею, поднимающуюся крѣпкимъ стволомъ изъ пышныхъ плечъ и вырѣза полуоткрытаго лифа. И волосы ея блестѣли, и кожа, и платье. Вся она была точно налитая. Ариша сидѣла между дядей и какимъ-то блондиномъ, съ наружностью и манерами чиновника, безцвѣтнаго и высокоприличнаго, въ высочайшихъ воротничкахъ, съ крупнымъ бантомъ бѣлаго галстуха. Можетъ быть, и этого Ариша готовитъ себѣ „comme une poire pour la soif“. И въ тридцать лѣтъ она будетъ носить такую же „опару“, какъ та генеральша.

Сцену отдѣляла отъ рядовъ креселъ низенькая баллюстрада. За ней сидѣлъ оркестръ любителей.

Раздался звонокъ. Оркестръ проигралъ пиччикàто изъ „Коппеліи“—и занавѣсъ медленно поднялся.

Бинокли и лорнеты пришли въ движеніе.

Вышли борцы. Бюстъ Шпандина охватывалъ черный атласный колетъ, съ открытой шеей и голыми руками. Икры его выступали изъ чернаго же трико сверху; а снизу были надѣты шолковые, также черные, съ полосками, чулки и башмаки съ бантами.

Противникъ его—трапезундскій турокъ Махмудъ—выступилъ изъ лѣвой кулисы, переваливаясь съ боку на бокъ, огромный, съ морщинистымъ, низкимъ лбомъ и загорѣлой мѣдно-красной шеей. Глаза его—на выкатѣ—отливали слюдой, и ротъ онъ осклабилъ. На немъ пестрѣло полосатое трико, а бедра покрывала ярко-красная шолковая матерія. Головной уборъ его похожъ былъ на мятую бабью кичку.

— Какой звѣрь!—прошепталъ Анемоновъ надъ ухомъ Студенцовой.—Quelle brute infecte!

Глаза ея пріятеля такъ и впились въ Шпандина. Въ группѣ молодыхъ людей, близко къ нимъ—трое были военные—выдѣлялся безусый, женоподобный блондинъ въ смокингѣ. Онъ переглянулся съ Анемоновымъ, хотя они, кажется, не были знакомы, и оба опять ушли глазами на сцену, любуясь бюстомъ и мускулатурой рукъ „эфеба".

Ее начинало разбирать чувство, похожее на тошноту.

Борцы поклонились другъ другу. И сейчасъ же, разомъ, сблизились и, слегка подпрыгнувъ, обнялись не подъ мышки, а за затылокъ.

Такъ они продѣлывали до трехъ разъ. Эти пріемы были совершенно такіе, какъ и тамъ, въ лондонскомъ кафé-шантанѣ, гдѣ она видѣла цѣлыхъ шесть паръ борцовъ всякихъ націй, въ томъ числѣ и какого-то русскаго, похожаго на цыгана. Одинъ англичанинъ былъ сѣдой, лысый, жирный, съ отвислымъ животомъ—отвратительный.

Послѣ пробы силъ, борцы начали свою возню. Студенцова глядѣла больше на залу. Волны женскаго тѣла—въ видѣ живого ковра—разливались подъ нею. Всѣми начинало охватывать замѣтное волненіе. Щеки у нѣкоторыхъ—тѣхъ, кто не притирался—или блѣднѣли, или шли пятнами; рѣсницы нервно вздрагивали, всѣ бюсты подались впередъ, рѣдко кто шепталъ сосѣдкѣ на ухо. Удовольствіе было новое и захватывающее. Зачесанный затылокъ Ариши напряженно бѣлѣлъ подъ лоснящимися волосами, и Студенцова сама начала физически ощущать—какъ ея подруга ушла въ перипетіи состязанія Шпандина съ трапезундскимъ „Махмудкой"—такъ его назвалъ офицеръ около нея, передъ поднятіемъ занавѣса.

Борцы были уже на полу́—это вышло скорѣе, чѣмъ ожидали тѣ, кто держалъ пари за Шпандина. Турокъ былъ грузнѣе и выше его на цѣлую голову, и ему не трудно было повалить его. Но эфебъ извивался змѣей, выгибалъ грудь, какъ истый гимнастъ, руки и ноги закидывалъ и выворачивалъ такъ, что хрустѣли суставы, опрокидывалъ турка и наваливался на него. Оба пыхтѣли—и отъ нихъ шелъ паръ.

— Touchera pas!—страстно шепталъ Анемоновъ, весь красный отъ волненія.

— Touchera!—отвѣтила ему въ тонъ дама, съ громаднымъ бюстомъ, затянутая, почти задыхающаяся.

— Touchera pas!—задорнѣе крикнулъ Анемоновъ.

Зала забыла хлопать—такъ она была возбуждена и увлечена емъ, разбудившимъ всѣ ея инстинкты.

III.

Шпандинъ одолѣвалъ. Въ кучкѣ молодыхъ мужчинъ, стоявшихъ ближе къ оркестру, ему сильно зааплодировали. Тутъ были и члены атлетическаго клуба. Нѣкоторые держали за него пари.

Турокъ началъ чуять, что низкорослый гяуръ очень гибокъ и мускулистъ. Онъ въ полустоячемъ положеніи обхватилъ лѣвой рукой плечо противника, а правой ударилъ его два раза по шейнымъ позвонкамъ, чтобы вызвать въ немъ обморочное состояніе.

Это не всѣ замѣтили—даже между мужчинами; но нѣсколько женщинъ—и въ томъ числѣ Полканова—повскакали разомъ съ своихъ мѣстъ и стали кричать:

— Не смѣть! Не смѣть!

Раздался и крикъ мужчинъ.

Двое военныхъ бросились даже къ сценѣ. Всѣми овладѣло вдругъ гнѣвное настроеніе. „Презрѣнный Махмудка"—и вдругъ смѣетъ пускать въ ходъ такіе гнусные пріемы!

— Чтò такое случилось? — спросила Студенцова своего пріятеля.

— Вы не видите?

— Онъ ударилъ его, кажется?

— Но развѣ это позволяется? C'est ignoble!

Анемоновъ — уже блѣдный, съ перекошеннымъ ртомъ—тоже порывался кинуться къ сценѣ, но протискаться не было никакой возможности.

— Успокойтесь! Не все ли равно—кто кого одолѣетъ?

Но Анемоновъ не слыхалъ ея словъ. Тотъ блондинчикъ, чтò переглядывался съ нимъ—весь красный — шикалъ, что есть силъ и, по выраженію лица, готовъ былъ растерзать „презрѣннаго Махмудку".

Удары турка нѣсколько ошеломили Шпандина; но онъ не потерялъ сознанія. Еще минутъ съ пять возились оба и пыхтѣли. Студенцовой начинало дѣлаться тошнѣе. Что-то прямо животненное царило въ биткомъ набитой залѣ. Никакихъ античныхъ формъ красоты и тѣлеснаго изящества не распознавала она въ этой злобной вознѣ. Въ лондонскомъ „Павильонѣ", по крайней мѣрѣ, они работали съ найма и валили другъ друга скоро, такъ что всѣ шесть паръ покончили въ полчаса.

Здѣсь это затягивалось. Хлопанье, крики, шиканье, бранные возгласы, взвизгиванья — смѣшивались съ спертымъ воздухомъ, насыщеннымъ испареніями обнаженнаго тѣла и крѣпчайшихъ духовъ.

— Г-о-о-о! — вдругъ, точно громко лопнувшій пузырь, разнеслось по залѣ.

— Il a touché, l'animal!—кричалъ восторженно Анемоновъ, показывая ей, какъ Шпандинъ пригнулъ противника и сталъ ему колѣномъ на животъ, разозлившись за его двѣ тукманки по затылку.

Въ уши Студенцовой нестерпимо колотилъ непрерывающійся гвалтъ криковъ и апплодисментовъ. Шпандинъ блѣдный, съ влажнымъ лбомъ, низко раскланивался. Его колетъ былъ оборванъ на лѣвомъ плечѣ и рука выставлялась, вся голая, короткая, съ выпуклыми мышцами.

— Quel biceps! Quel biceps!—захлебываясь, повторялъ Анемоновъ, и глазами приглашалъ ее раздѣлить его восторгъ.

— Перестаньте! — почти сердито остановила она его.—Выведите меня пожалуйста изъ этого... пекла. Теперь антрактъ?

— Да, кажется.

Ему хотѣлось за сцену, къ эфебу. Но благовоспитанность превозмогла, и онъ, взявъ ее подъ руку, сталъ протискиваться вслѣдъ за толпой.

Они добрались, наконецъ, до зимняго сада, гдѣ на нихъ сейчасъ же повѣяло прохладой. Рядомъ была комната, вся раззолоченная, въ восточномъ стилѣ. Лакеи стояли съ подносами, предлагая мороженое и пуншъ. Студенцова взяла мороженаго и опустилась въ кресло, чтобы немного расправить члены отъ сидѣнья въ тѣснотѣ залы.

— Тамъ прекрасный буфетъ, — указалъ Анемоновъ влѣво, откуда виднѣлись цѣлые снопы окрашеннаго электрическаго свѣта. —Du champagne à discretion! Très chic! Петербургъ дѣлаетъ успѣхи... А вы, мой другъ, — продолжалъ онъ потише,— просто меня огорчаете.

— Чѣмъ?

— Помилуйте! Вы точно какая евангелистка... „капитанъ арміи спасенія". Откуда это у васъ взялось? Неужели интеллигенція Петербурга—онъ подчеркнулъ слово—стала васъ передѣлывать на свой ладъ?

— Эта забава—низменная. И вводить ее въ гостиныя можетъ быть и очень ново; но довольно-таки печально.

— Jenny, Jenny! Mais vous oubliez vos auteurs!..

Она взглянула на него вопросительно.

— Вы конечно видали въ „Comédie Française“ комедію Альфреда Мюссè—„Il ne faut jurer de rien“?

— Видала.

— Но изволили забыть — чтò говоритъ, въ первомъ актѣ, племянникъ своему дяденькѣ, желающему женить его? Онъ согласенъ жениться только на такой дѣвицѣ, которая все знаетъ и вездѣ бывала, куда бѣгалъ тогдашній Парижъ. И между прочимъ вотъ на такія „luttes“ въ Елисейскія-Поля. Весь свѣтскій Парижъ увлекался ими. А когда написана эта вещь? Около пятидесяти лѣтъ назадъ.

— Все это можетъ быть, Анемоновъ, но мнѣ еще до сихъ поръ тошно.

— Пойдемте выпить шампанскаго. Ça va vous donner d'autres idées.

Она не нервничала; но въ этихъ „чертогахъ“, среди всей этой разряженной толпы, ей не было ни весело, ни просто курьёзно. Неловкое чувство отъ того, что ея туалетъ слишкомъ простъ, давно уже прошло. Вѣдь ей въ сущности нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ этихъ барынь, дѣвицъ, генераловъ, молодыхъ фрачниковъ и офицериковъ. Ничего ни тонкаго, ни изящнаго, она не замѣчала вокругъ, и ей не хотѣлось прислушиваться къ разговорамъ.

Она видѣла, войдя въ столовую съ фигурнымъ дубовымъ потолкомъ, гдѣ ее непріятно ослѣпили канделябры съ электрическими лампочками,—какъ всѣ кидаются къ даровому буфету, занимавшему лѣвую стѣну. Два стакана шампанскаго они съ Анемоновымъ не могли получить цѣлыхъ пять минутъ.

И тутъ чувствовалось то же царство „тѣла“, что-то алчное и мало культурное. Она вспомнила балъ въ парижскомъ Hôtel de Ville, гдѣ буфетные прилавки брались съ бою. И тамъ, и здѣсь, все то же мѣщанство—только тамъ настоящее, изъ лавочниковъ и контористовъ; а здѣсь—служилое, съ дворянскими замашками.

— Чтò теперь?—спросилъ кто-то около нихъ.

— Балалаечники.

— Скоро?

— Кажется, уже звонятъ.

Началось обратное движеніе изъ столовой.

— Вы стремитесь поздравить вашего героя?—спросила она Анемонова. — Ступайте, только доведите меня до зимняго сада. Я и оттуда могу слушать. Для меня это бренчанье сортомъ немного выше колотушекъ Махмуда по затылку вашего эфеба.

IV.

Въ концертную залу, черезъ зимній садъ, только-что прошли на сцену гуськомъ молодые люди во фракахъ, съ балалайками въ рукахъ.

За колонной, въ уголкѣ, куда лапчатые листья не пускали много свѣта, присѣла Студенцова.

Ей не хотѣлось опять въ залу. Она сейчасъ бы уѣхала; но нумеръ ея платья остался у Анемонова, а онъ убѣжалъ за сцену къ Шпандину.

Въ отдаленіи проходили въ залу—въ другомъ направленіи, изъ той большой гостиной, съ картинами, гдѣ она сидѣла передъ представленіемъ.

Проплыла опять генеральша съ своей „опарой". Пробѣжалъ тотъ блондинчикъ, что̀ переглядывался съ Анемоновымъ. Нѣсколько военныхъ сюртуковъ промелькнули еще. Потомъ все затихло. И со сцены смутно раздалось бренчанье балалаекъ.

Этотъ зудящій „дрэнь-дрэнь-дрэнь"—издали казался ей жалкимъ и вульгарнымъ. Она рѣшила, что не пойдетъ въ залу, а просидитъ здѣсь.

Изъ комнаты въ восточномъ стилѣ, откуда мерцалъ свѣтъ позолоты съ красными узорчатыми разводами, выглянуло мужское лицо, точно кого ища.

Она узнала Шемадурова и окликнула его.

„Навѣрно, ищетъ Аришу",—подумала она.

— Иванъ Сергѣичъ!—позвала она погромче.

Шемадуровъ вошелъ совсѣмъ, оглянулся и надѣлъ pince-nez.

— Подите сюда.

Онъ узналъ голосъ Студенцовой, но ея фигура была закрыта растеніями.

— Вы, Евгенія Андреевна! Въ такомъ одиночествѣ?..

— Вы ищете... ее?—спросила она.

— Ее?

— Ну да, Аришу Полканову?

— Если угодно, да.

— Присядьте... на минуту.

Онъ какъ бы нѣхотя опустился на стулъ.

— Неужели вы такъ стремитесь слышать это бренчанье?

— Говорятъ, они замѣчательно играютъ.

— Балалайка—все балалайка.

— Это конечно... Вы позволите мнѣ закурить?

— Пожалуйста. Вась тянетъ туда? Скажите.

Онъ пожалъ плечами.

— Ариша—лакомый кусокъ. Но я не для того васъ окликнула, Шемадуровъ.

Вчера она хотѣла написать ему и вызвать къ себѣ. Откладывать разговоръ она не желала. Онъ можетъ пожертвовать балалаечниками.

— Чѣмъ могу служить?—выговорилъ Шемадуровъ, съ своей обычной полу-насмѣшливой улыбкой.

— Я прочла вашу статью, направленную противъ Разсудина.

— Почему же она моя?

— Вы сами знаете, что ваша!—строже выговорила Студенцова, поглядѣвъ на него.

— Ну, и что же?

— Нельзя третировать, въ подобномъ тонѣ, такого человѣка, даже если онъ и врагъ!

Она почти съ удивленіемъ почувствовала, что ее разбираетъ волненіе. Блѣдное лицо Разсудина представилось ей искаженное горечью. Онъ ей самъ не жаловался, но она знала, черезъ Надежду Өедоровну, какую онъ ночь провелъ.

— Это—дѣло моей авторской совѣсти...

— Полноте!—остановила она его, и голосъ ея слегка дрогнулъ.—Васъ онъ не задѣвалъ. Вы, еще въ томъ мѣсяцѣ, первый стали его вышучивать.

— И онъ разозлился и написалъ нелѣпѣйшую отповѣдь.

— Я читала ее.

— И содержаніе оной одобрили?

Шемадуровъ засмѣялся своимъ высокимъ теноркомъ.

— Свое мнѣніе я вамъ не буду говорить. Но я считала васъ гораздо больше джентльменомъ...

— Каковъ есть—такимъ и берите.

— Оставьте этотъ приказчичій тонъ.

Пухлое лицо Шемадурова вспыхнуло.

— Если это намекъ на мое происхожденіе...

— Нисколько. Я не знаю—откуда вы родомъ, изъ купцовъ, или изъ дворянъ.

— Мнѣ кажется, Евгенія Андреевна... здѣсь совсѣмъ не мѣсто...

— Почему? Я надѣюсь, что бесѣда со мною стóитъ того бренчанья. А на Аришу вы достаточно налюбовались.

— Вовсе не потому...

— Ну полноте!—остановила она его.—Извините, вы—вожакъ молодежи...

— Вовсе я не вожакъ!

— Магистръ...

— И даже не магистръ.

— Ну, я тамъ не знаю! Но позвольте мнѣ, Шемадуровъ, спросить васъ: неужели не признавать вашего ученія — ересь и достойно самой позорной казни?

— Кто же это говоритъ?

— Стоитъ только прочесть вашу послѣднюю выходку...

— Почему же выходку?—подхватилъ онъ и какъ-то странно запыхтѣлъ.

— Я не умѣю иначе выразиться.

— Почему же вашъ пріятель, считающій себя мученикомъ, позволяетъ себѣ инсинуаціи: точно будто я и тѣ, кто держится моихъ взглядовъ — точно будто мы стоимъ за ненавистные и этимъ господамъ порядки? Это идіотство—не понимать сути нашихъ стремленій!

— Вотъ и я такая идіотка... Можетъ быть, немножко и понимаю, что̀ вы проповѣдуете; но ни крошечки не преклоняюсь.

— Неужели отъ декадентства обратились къ мистическому народничеству? Ха, ха!

Это показалось Студенцовой не столько дерзкимъ, сколько мальчишескимъ.

Она укоризненно покачала головой.

— Извините,—начала она, сдерживая себя: — я очень жалѣю, что задержала васъ здѣсь и завела такой разговоръ. Павелъ Ѳедоровичъ — мой добрый знакомый. Мы не одного лагеря—вы это прекрасно знаете—но я имѣю привычку стоять за своихъ друзей и не стѣсняюсь высказывать мои мнѣнія... не боясь ничьей учености.

Шемадуровъ всталъ и переминался на одномъ мѣстѣ.

— Идите, идите... Постойте, еще одно слово. Вы можете у меня встрѣтиться съ Разсудинымъ.

— И что же?

— Я надѣюсь, что вы, хоть устно, воздержитесь отъ тѣхъ любезностей, какія вы ему говорите въ печати.

— Могу и совсѣмъ не доставлять ему удовольствія встрѣчи со мною.

— Другими словами—вы избавляете себя отъ обязанности бывать у меня?

Онъ ничего не отвѣтилъ, скосилъ ротъ, съ чѣмъ-то вродѣ поклона, быстро повернулся и поспѣшилъ въ концертную залу.

Она подняла голову и прошлась по лицу платкомъ. Щеки горѣли, въ груди жгло.

Неужели Разсудинъ сталъ ей такъ дорогъ, что она могла вызвать Шемадурова на такой чисто-россійскій разговоръ и наслушаться отъ него безнаказанныхъ рѣзкостей?..

Разсудинымъ она ужъ конечно не увлекается; но онъ сталъ ей, именно въ эту минуту, очень близокъ, гораздо ближе, чѣмъ этотъ „вожакъ" молодежи, чѣмъ Анемоновъ съ его эфебомъ, и весь этотъ Петербургъ — ученый и неученый, добродѣтельный и хищный, тотъ, что пишетъ и читаетъ книжки, и тотъ, что теперь хлопаетъ балалаечникамъ...

И когда она полузакрыла глаза, оттуда доносилось зудящее: „дрэнь, дрэнь, дрэнь"!

V.

— Евгенія Андреевна! Вотъ вы гдѣ!

Окликъ заставилъ ее встрепенуться. Она не заснула, но глубоко задумалась.

Передъ ней стоялъ, уже въ солдатской формѣ, герой вечера Шпандинъ—не одинъ. Ихъ было трое: по срединѣ—онъ, по бокамъ—Анемоновъ и гусаръ.

— Позвольте мнѣ представить вамъ моего пріятеля... князь Дашевъ.

Гусаръ наклонилъ голову низко на грудь, петербургскимъ жестомъ, и опустилъ рѣсницы.

Студенцова немного смутилась. Это было мимолетное чувство, но Шпандинъ замѣтилъ его.

Эфебъ таки-настоялъ на своемъ и сдѣлалъ это, не предупредивъ ее. Сердиться на него она не имѣла прямого повода; но она совсѣмъ не была рада этому знакомству, по разнымъ соображеніямъ.

Князь Дашевъ поднялъ голову и немного вбокъ поглядѣлъ на нее.

Его свѣтлокаріе, возбужденные глаза какъ будто усмѣхались.

Конечно, отъ Шпандина онъ давно знаетъ, что она была съ Розой Юліановной въ маскарадѣ. До сихъ поръ онъ что-то не является къ хозяйкѣ.

— Вотъ—два нашихъ спортсмена,—заговорилъ Анемоновъ,

беря ихъ за руки. Одинъ—въ палестрѣ, другой—на ипподромѣ. Князь—первый ѣздокъ въ полку, а полкъ—первый въ дивизіи...

— Ахъ, Вѣтровъ! Какъ ты красиво аттестуешь насъ!—отозвался Шпандинъ.—Но я свое дѣло сдѣлалъ—откланялся Евгеніи Андреевнѣ и представилъ ей перваго наѣздника въ первомъ полку. А теперь я ретируюсь. Ѣсть смертельно хочется.

— Ты развѣ еще ничего не ѣлъ?—спросилъ гусаръ.

Голосъ у него былъ все такъ же немного хриплый, простуженный, подъ стать его загорѣлому, худому лицу.

— Я пойду кормить тебя!—вызвался Анемоновъ, и съ нѣжностью поглядѣлъ на Шпандина.

Они ушли такъ быстро, что это показалось ей не безъ умысла. Можетъ быть, и Анемоновъ былъ въ заговорѣ — оставить ее въ tête-à-tête съ княземъ.

— Вы позволите?—спросилъ онъ ее, указавъ рукой на мѣсто рядомъ съ ней.

— Пожалуйста.

Смущеніе ея прошло—и досада также. Она не забыла ихъ разговора въ маскарадѣ. Что-то есть въ этомъ кавалеристѣ простое и не банальное. И то, что̀ про него разсказывалъ ей Шпандинъ—припомнилось ей.

— Этотъ домъ—вашего родственника, князь?

— Да, двоюроднаго брата.

— Il fait bien les choses!

Онъ на это только улыбнулся. Ея фраза не вызвала его на французскій разговоръ. Это ей скорѣе понравилось. И въ маскарадѣ, она замѣтила, что богачъ-служака не желаетъ вовсе держать себя салоннымъ молодымъ человѣкомъ.

Какъ и тогда, онъ немного горбился и держалъ свою цвѣтную фуражку на эфесѣ сабли; волосы были у него небрежно причесаны, и усы падали вдоль щекъ безъ малѣйшаго признака фиксатуара. На рукахъ, безъ перчатокъ, лежалъ такой же загаръ, какъ и на лицѣ. Онъ ими не занимался и, кажется, имѣлъ привычку кусать ногти.

— Вы тоже членъ атлетическаго клуба?

— Я по этой части не спеціалистъ.

— Вы любите службу, князь?

— Люблю.

Его возбужденные, точно отъ вина, глаза опять усмѣхнулись.

Голосъ ея онъ прекрасно узналъ, и хотѣлъ ей дать это понять безъ словъ.

— Шпандинъ говорилъ мнѣ какъ-то: вы очень занимаетесь солдатами, князь?

Такъ было лучше — повести разговоръ въ самомъ простомъ тонѣ.

— А развѣ вы этимъ интересуетесь?—спросилъ онъ и подался впередъ, поставивъ саблю между ногъ, привычнымъ жестомъ кавалериста.

— Онъ васъ такъ цѣнитъ!

— Изъ него выйдетъ хорошій служака. И вообще онъ молодецъ... на всѣ руки!..

Ей бы ничего не стоило заговорить съ нимъ уже совсѣмъ попросту. Если ему такъ нравилась эффектная литвинка—отчего же онъ не продолжаетъ своего ухаживанья? Для него такая женщина была бы самой подходящей. Вѣдь онъ ничего, вѣроятно, больше не ищетъ, кромѣ пышныхъ формъ?

Пускай милѣйшая пани Дембицкая и владѣетъ имъ!

Но взять такой тонъ было бы рискованно. Онъ можетъ Богъ знаетъ чтò подумать! Непріятно и то, что онъ имѣетъ поводъ считать ее пріятельницей своей хозяйки.

— Вы проведете всю зиму въ Петербургѣ?—спросилъ князь, видимо стѣсняясь.

— Не знаю... если не погонитъ климатъ.

— Куда же—на югъ... въ Италію, въ Ниццу?

— Я не люблю Ривьеры.

— И Монте-Карло не любите?

— Всего менѣе.

— Не скучаете здѣсь?

Она чувствовала, что онъ все еще стѣсненъ, что ему хотѣлось бы иначе и о другомъ заговорить съ нею.

Но о чемъ же?

Его лицо, фигура, тонъ, манеры не вызывали въ ней даже простого любопытства и никакого желанія понравиться ему. То, что онъ „адски богатъ“—она вспомнила выраженіе Розы Юліановны—останется при немъ. И съ огромнымъ состояніемъ врядъ ли съумѣетъ онъ создать что-нибудь такое, чтò дало бы ему особое обаяніе въ глазахъ женщины, какъ она...

— Я слышала, князь, что вы учите молодыхъ солдатъ...

— Это моя обязанность.

— Не такъ, какъ другіе, а—con amore.

— Надо же чѣмъ-нибудь заниматься! Иначе полковая жизнь слишкомъ выйдетъ пуста...

Его загорѣлое и худое лицо получило сейчасъ же другое выраженіе.

— Какъ будто нельзя обставить свою жизнь иначе?

— Не знаю... всякій беретъ то, что̀ ему по силамъ. Я уже давно живу,—сказалъ онъ другимъ тономъ, и его толстоватыя губы раскрылись въ грустную усмѣшку.—Мальчишкой пятнадцати лѣтъ я уже былъ на полной волѣ. Женился... на первомъ курсѣ...

— Вы—бывшій студентъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ совсѣмъ просто.—Мнѣ иногда кажется, что я уже въ лѣтахъ матёраго полковника, а не корнетъ... Петербурга я не люблю,—продолжалъ онъ все искреннѣе.—Вотъ мой кузенъ... владѣлецъ...

— Этихъ чертоговъ,—добавила Студенцова.

— Именно! Его это еще тѣшитъ... А мнѣ было бы въ тягость. Извините пожалуйста... То, что̀ я вамъ говорю, для васъ ничуть не занимательно.

И, нагнувъ голову, какъ бы въ видѣ поклона, онъ духомъ выговорилъ:

— Вы мнѣ позволите надѣяться, что мы видимся не въ послѣдній разъ?

Онъ это сказалъ, какъ говорятъ женщинѣ, которая принимаетъ у себя—кого ей угодно.

Она промолчала.

VI.

Съ утра Надежда Ѳедоровна—въ большой тревогѣ. Братъ ея не спалъ всю ночь, чуть не до пяти часовъ, всталъ совсѣмъ разбитый, глотнулъ чаю и убѣжалъ—должно быть, въ редакцію.

Опять эта полемика! Какъ она ненавистна ей! Что это за нравы между людьми, которые величаютъ себя „собратами"? Нигдѣ, ни въ какомъ званіи нѣтъ ничего подобнаго. Чиновникъ, купецъ, простой крестьянинъ, а ужъ тѣмъ паче военный—не знаютъ такой взаимной травли. Да еще величаютъ себя „интеллигенціей" и „солью земли", и сравниваютъ себя съ „городомъ на горѣ".

Эти горькія мысли и возгласы чередовались въ ея трепетной душѣ, и она знала, что ничѣмъ тутъ помочь не можетъ. Такъ пойдетъ и дальше, и чѣмъ дальше будетъ, тѣмъ хуже...

Ей вспомнилось то время, какое она провела съ братомъ въ захолустномъ городкѣ западной Сибири. Жили бѣдно, тѣсно, безъ общества, безъ всякихъ развлеченій, но Паша былъ тогда бодръ и спокоенъ, писалъ съ увлеченіемъ свои очерки, много гулялъ

и зимой, и лѣтомъ, спалъ хорошо, смотрѣлъ на будущее съ надеждой, мечталъ о возвращеніи въ Петербургъ.

Вотъ онъ, Петербургъ! И не въ лагерѣ „гасильниковъ" нашелъ онъ такихъ противниковъ, а среди самыхъ молодыхъ умниковъ, которые смотрятъ на него почти какъ на юродиваго.

Третьяго дня она тихонько добыла себѣ ту книжку журнала, гдѣ появилась замѣтка, направленная противъ него. Она знала, что авторъ ея—Шемадуровъ. Будь ея братъ и совсѣмъ безобидный, котораго „лѣнивый не бьетъ"—и то нельзя не возмутиться. Зло, ехидно, съ разными ядовитыми шуточками и дерзкими намеками. Невозможно не почувствовать кровной обиды—особенно такому человѣку, какъ ея братъ! Будь онъ преисполненъ высокомѣрія—онъ тогда бы посмотрѣлъ на этого „вожака", какъ на ничтожнаго мальчишку и плюнулъ бы. Но онъ себя ко всякому приравниваетъ, смотритъ на такого противника не сверху внизъ, а вровень, хочетъ убѣдить, доказать, дѣйствовать, какъ честный до мозга костей писатель. Онъ скорбитъ за тѣхъ юнцовъ, которыхъ такой Шемадуровъ увлекаетъ; а ни разу не подумалъ о томъ, что у него есть свои читатели, что ихъ много, не меньше, чѣмъ у Шемадурова, что и въ здѣшней молодежи его любятъ, и стоитъ ему гдѣ-нибудь выйти на эстраду—и ему будетъ оказанъ восторженный пріемъ.

Она упрекала себя въ томъ, что тогда предостерегала его насчетъ участія въ вечерахъ. Можетъ быть, и то было излишней трусостью—не пускать въ печать предисловія. По крайней мѣрѣ, всѣ бы прочли и поняли, что этотъ человѣкъ выстрадалъ. Лучше уже рискнуть, да сказать свое слово! Его надо убѣдить—какая ему цѣна. И тогда онъ будетъ хоть сколько-нибудь застрахованъ отъ этой петербургской руготни...

Говорила она долго съ Токаревымъ. Онъ готовъ всячески поддержать ее; но Паша запирается, избѣгаетъ бесѣды на эту тэму; а Нилъ Петровичъ слишкомъ деликатенъ и не хочетъ его тревожить.

Одна ея надежда — на Студенцову. Та заходила къ нимъ вчера днемъ—Паши не было дома, и они втроемъ много толковали. И Студенцова находитъ, что недостойно Паши впутываться въ безконечныя препирательства. Надо все это бросить!..

Хорошо такъ разсуждать со стороны; а онъ не можетъ. Слишкомъ онъ нервенъ и страстенъ. Сколько лѣтъ былъ заживо похороненъ въ снѣгахъ онъ и томился возвращеніемъ въ обѣтованную землю. Не думалъ—не гадалъ, что здѣсь заведутся новые умники.

„Свалится, непремѣнно свалится"!—повторяла про себя Надежда Өедоровна, предчувствуя скорую болѣзнь брата. Къ доктору не пойдетъ—сколько его ни проси. Не насильно же его везти—связать и положить въ карету? Она сама должна отправиться къ тому профессору—товарищу брата—и „слезно" просить, чтобы онъ пріѣхалъ сюда, утромъ, захватилъ Пашу въ постели и произвелъ строгій осмотръ.

Это рѣшеніе немного успокоило Надежду Өедоровну.

Часу въ третьемъ позвонили въ передней. Она обрадовалась, думая, что братъ вернулся и хоть немного отдохнетъ передъ обѣдомъ.

Горничная пришла доложить, что Павла Өедоровича желаетъ видѣть „господинъ Дроздовъ".

— Они сказали,—прибавила она вполголоса, — что вы ихъ знаете. Не можете ли принять ихъ?

— Проси! Проси!

Анохина сейчасъ же вспомнила того добродушнаго „учителька" со штранда. Здѣсь онъ былъ у нихъ всего разъ осенью. Братъ обошелся съ нимъ суховато... кажется, заподозрилъ, что онъ—тайный приверженецъ Шемадурова и, пожалуй, переноситъ тому все, что̀ говорятъ о немъ.

Съ ней онъ тогда же успѣлъ объясниться. Его положеніе дѣлалось крайне тяжелымъ: обоихъ онъ любилъ—и Шемадурова, и Павла Өедоровича; а теперь вотъ началась такая „драная грамота".

Дроздовъ входилъ въ столовую смирненько, одѣтый въ неизмѣнную рубашку съ шитымъ воротомъ, безъ галстуха. Только визитка была изъ темнаго трико.

— Небось... забыли меня, Надежда Өедоровна?—спросилъ онъ, взглядывая на нее своими ласково-пугливыми глазами.

— Ну, вотъ еще!... Садитесь, садитесь. Вы къ брату? Его съ утра нѣтъ.

— Поди—въ редакціи?

— Должно быть.

Гость пододвинулся къ ней и протянулъ обѣ руки.

— Вотъ что̀, добрѣйшая Надежда Өедоровна... Я пришелъ къ вашему брату не то что съ повинной, а для разговора по душѣ.

— Не разстраивайте вы его, Бога ради!

— Знаю я, все знаю!..—воскликнулъ Дроздовъ высокой нотой.—И я за Павла Өедоровича много терзался. Но, наконецъ, и меня взорвало!

— Противъ вашего идола, господина Шемадурова?

— Не въ немъ одномъ тутъ сила. Тамъ цѣлый совѣтъ, и они его настраиваютъ...

— Это не оправданіе!

— Я и не оправдываю, Надежда Ѳедоровна... Вы только выслушайте меня. Повѣрьте—я вотъ второй мѣсяцъ такъ маюсь. На душѣ скверно. Никогда я не былъ: „и нашимъ, и вашимъ". Павла Ѳедоровича люблю, всѣ его идеи и принципы раздѣляю и до сихъ поръ убѣжденъ въ томъ, что оба направленія могли бы слиться въ одно. Можетъ, это и глупо, что я говорю, но такъ я чувствую. А теперь ужъ ходу назадъ нѣтъ! На той недѣлѣ я пришелъ туда,—онъ провелъ рукой,—къ тѣмъ господамъ и самому Ивану Сергѣичу...

— Это Шемадуровъ?

— Да, выложилъ ему все, отдѣлалъ—подъ воскъ! Говорю: „вы можете быть убѣждены въ истинѣ вашего ученія; но такъ щунять людей, какъ Разсудина—это отступничество!

— Такъ и сказали?

— Такъ и сказалъ!

Анохина быстро приподнялась и поцѣловала его въ лобъ.

— Спасибо, голубчикъ! — проговорила она тронутымъ голосомъ.—Только онъ еще пуще будетъ ехидничать.

— Пускай! Я душу отвелъ. Послѣ того, вотъ нѣсколько дней, все не рѣшался идти сюда. Однако, думаю, чего трусить?!.. Иду... И пришелъ.

— Такъ и надо было сдѣлать!—вскричала Анохина.

VII.

Имъ обоимъ стало хорошо. Оба любили Разсудина, хотя и не одинаково, и понимали—какія онъ теперь переживалъ минуты. Оба стали честить этотъ „сквернопакостный" городъ—такъ его назвалъ нѣсколько разъ Дроздовъ.

Надежда Ѳедоровна пригласила его остаться обѣдать. Дроздовъ сначала-было отговаривался тѣмъ, что это не его часъ; но согласился съ видимымъ удовольствіемъ.

— Отобѣдайте съ нами, развлеките Пашу, скажите ему—какъ вы отдѣлали Шемадурова. А главное, покажите вы ему, что надо себя выше ставить, не принимать такъ къ сердцу всякую строку.

— Именно! Именно! Въ одно слово со мной, Надежда Ѳе-

доровна. Помилуйте! Да вѣдь здѣсь дня нельзя прожить, чтобъ кто-нибудь тебя не обругалъ, или изъ подворотни не обдалъ помоями. Нравы самые поганые! Но надо закалить себя.

— Я такъ и жду,—продолжала Анохина,—что онъ свалится. Какая-нибудь нервная болѣзнь... Или ударъ... или полная...

Она искала слова.

— Прострація—подхватилъ Дроздовъ.—Это самое петербургское слово. У насъ чуть кто лишнее выпилъ или награды ему не дали къ Рождеству — сейчасъ: „у меня прострація". А при натурѣ Павла Ѳедоровича очень возможна настоящая неврастенія.

— Да, да!.. Вотъ такъ ляжетъ на кровать, повернется головой къ стѣнѣ и будетъ лежать, какъ живой мертвецъ.

— Не дадимъ, Надежда Ѳедоровна, не допустимъ!

Дроздовъ всталъ и заходилъ около стола, помахивая правой рукой.

— Вотъ и онъ самъ!—полушопотомъ воскликнула она.—Въ передней позвонили.

И Анохина поднялась, готовая сейчасъ же бѣжать на встрѣчу брату. Но она воздержалась—онъ этого не любитъ.

Въ столовую, тихонько пріотворивъ половинку двери, вошелъ студентъ Михалковъ.

Его безусое красивое лицо съ большими глубокими глазами смотрѣло неувѣренно. Онъ немного побаивался Анохиной, хотя она всегда была съ нимъ очень привѣтлива.

— Павелъ Ѳедоровичъ скоро будетъ?—спросилъ онъ своимъ тихимъ голосомъ, подавая ей руку.

— Жду къ обѣду.

— А я не одинъ... Со мною—слушательница женскихъ курсовъ... Сергунова, Марѳа Игнатьевна. Она желаетъ обратиться къ Павлу Ѳедоровичу.

— Что жъ! Просите ее сюда!

Надеждѣ Ѳедоровнѣ этотъ приходъ студента и курсистки былъ сегодня особенно пріятенъ. Братъ убѣдится—какъ его цѣнитъ молодежь.

Михалковъ выбѣжалъ въ переднюю и вернулся съ рослой брюнеткой, не очень молодого лица, нѣсколько мужественнаго, въ темномъ, хорошо сшитомъ платьѣ и шляпкѣ съ перьями. Анохина давно не встрѣчалась съ женской учащейся молодежью и ожидала совсѣмъ другого въ туалетѣ, прическѣ, манерахъ.

— Братъ долженъ быть къ обѣду; но, можетъ, онъ и опоздаетъ. Не долго ли вамъ дожидаться?—обратилась она къ Сергуновой.

— Маров Игнатьевна,—заговорилъ студентъ,—просила меня познакомить ее съ Павломъ Өедоровичемъ... А потомъ она явится съ двумя своими подругами.

— Это насчетъ чтенія, навѣрно?—спросилъ Дроздовъ, подходя къ Михалкову.

Анохина перезнакомила ихъ.

И Дроздову было „лестно“ за Разсудина. Да онъ и вообще льнулъ къ молодежи, огорчаясь часто тѣмъ, что находилъ и среди нея разныхъ „милостивыхъ государей“—какъ онъ любилъ выражаться, по-московски.

— Благодарю васъ за брата,—сказала Анохина, ласково глядя на обоихъ: —только онъ теперь очень занятъ и вообще разстроенъ...

— Чтò же такое съ Павломъ Өедоровичемъ?—спросилъ заботливо студентъ.

„Зачѣмъ я его выдаю“? дала на себя окрикъ Анохина. „И безъ того, я думаю, оба все читали“.

— Да ничего! —отвѣтилъ за нее Дроздовъ.—Это его разсѣетъ. Вѣдь вы—обратился онъ въ сторону курсистки—насчетъ участія въ вечерѣ конечно?

— Мы надѣемся,—значительно отвѣтила она:—что Павелъ Өедоровичъ не откажетъ намъ.

— Я вамъ скажу, какъ кардиналъ Ришельё въ „Серафимѣ Лафайль“ говоритъ—я такую переводную мелодраму видалъ гимназистомъ: „А вы, сударыня, надѣйтесь, надѣйтесь и надѣйтесь“!

Студентъ разсмѣялся, и Анохина улыбнулась; но Сергунова хранила все тотъ же серьезный видъ. Это не понравилось Дроздову. Въ его время, молодыя дѣвушки, которыхъ онъ считалъ своими „товарками“, были проще, смотрѣли менѣе барышнями. Онъ подсѣлъ къ ней и, поглядывая на нее вбокъ, спросилъ:

— Вы, небось, на словесномъ отдѣленіи?

— Да, на словесномъ.

— И чѣмъ же больше занимаетесь? Поди, и латынь зубрите?

— Да, я изучаю этотъ языкъ.

„Экая ты какая торжественная“!—подумалъ Дроздовъ.

— И насчетъ философіи прохаживаетесь?

— То-есть, какъ же это, „прохаживаюсь“?—чопорно спросила она.

— Ужъ вы извините... У меня жаргонъ свой. И я черезъ все это проходилъ. Только въ мое время у насъ другіе были устои... Теперь самая закорузлая метафизика пошла въ ходъ, съ достаточной примѣсью мистицизма...

— Надо столковаться, что̀ называть мистицизмомъ? — спросила она и вся выпрямилась.

По ея широкому рту прошлась усмѣшка и еще больше подзадорила Дроздова.

— Да что-жъ тутъ столковываться? — вскричалъ онъ и переглянулся съ студентомъ.—Тотъ жадно сталъ вслушиваться въ начинающійся споръ; но самъ еще не рѣшался вступить въ него.

— Теперь только и стали какъ слѣдуетъ интересоваться философіей.

— А мы, выходитъ, были такъ... оглашенные?

Дѣвица пожала плечами.

— Намъ это не безъизвѣстно, что теперь ученыя барышни —обратился Дроздовъ къ Анохиной—все Платона да Спинозу цитируютъ!.. Я недавно попалъ въ одинъ кружокъ... Кого мы почитали: Огюстъ Контъ, Милль, Спенсеръ, Льюсъ,—это такъ... дрянцо съ пыльцой! Это, видите ли, все жалкіе позитивисты... А намъ подай самыхъ завзятыхъ метафизиковъ... изъ древнихъ, Платона, а изъ новыхъ — Лейбница, да Шеллинга, да Шопенгауера, да этого, какъ бишь его... дай Богъ памяти, сразу не выговоришь—Шлейермахера, что-ли!..

Они оба со студентомъ разсмѣялись.

— Кто интересуется исторіей мышленія...—начала-было Сергунова.

— Позвольте!—стремительно перебилъ ее Дроздовъ и вскочилъ съ мѣста.—Это только одинъ отводъ глазъ! А суть въ томъ, что старыя дрожжи стали опять бродить. И нашлись руководители, которымъ бы слѣдовало родиться тысячи двѣ лѣтъ назадъ, когда пиѳагорейская премудрость процвѣтала!

Онъ поглядѣлъ пристально на студента.

— Не знаю — какого вы толка... нынѣшняго, или нашего, но скорблю, если и для васъ наши авторитеты оказались въ заштатныхъ старичкахъ, о которыхъ и упоминать-то совѣстно!

VIII.

— Какая у васъ оживленная бесѣда!

Возгласъ входившаго въ столовую Токарева заставилъ всѣхъ обернуться къ двери.

Первый поднялся студентъ. Онъ уже былъ представленъ Токареву; но Дроздовъ зналъ его только въ лицо.

— Позвольте отрекомендоваться... Дроздовъ. На штрандѣ имѣлъ случай видать васъ издали.

— Припоминаю и я,—сказалъ Токаревъ, пожимая ему руку.

Съ нимъ познакомили и Сергунову.

— Пожалуйста, господа, продолжайте. Я не хочу прерывать вашъ разговоръ.

— Да вотъ, Нилъ Петровичъ, насчетъ философіи заспорили, —пояснила Анохина.

По ея лицу Токаревъ видѣлъ, что она въ менѣе тревожномъ настроеніи насчетъ брата.

— Вотъ онѣ — она указала рукой на Сергунову — желаютъ обратиться съ другими своими товарками къ Пашѣ—читать публично. Я ужъ и боюсь его отговаривать,—прибавила она вполголоса.—А Дроздовъ сталъ донимать эту дѣвицу. Правъ онъ или не правъ—не знаю. Настолько я не компетентна.

— Такъ вы обвиняете... Кого же? Вашу собесѣдницу или все ея поколѣніе? — спросилъ заинтересованно Токаревъ и присѣлъ къ нимъ.

— Вотъ изволите видѣть, Нилъ Петровичъ,—возбужденно заговорилъ Дроздовъ, быстро затягиваясь папиросой.—Развѣ вамъ уже не случалось попадать въ нѣкоторые кружки теперешней учащейся молодежи... въ особенности женской? И что же? Такіе явились у нея руководители, которые воспитываютъ въ своихъ слушателяхъ и слушательницахъ совершенное пренебреженіе къ тѣмъ мыслителямъ, какихъ мы почитали... да и ваше поколѣніе, если не ошибаюсь. А для нихъ — повторяю — Огюстъ Контъ, Милль, Льюсъ, Спенсеръ—это такъ... мразь какая-то!

— Неужели это такъ? — спросилъ съ тихой усмѣшкой въ глазахъ Токаревъ, поглядѣвъ на Сергунову.

— Почему же мразь? — отозвалась та въ сторону Дроздова. —Ни у одного изъ этихъ позитивистовъ нѣтъ, однако, своей системы мышленія...

— И у Конта нѣтъ?!—крикнулъ Дроздовъ и заходилъ около своего стула.

— Я хочу сказать—полнаго міропониманія...

— Барышня! Пожалуйста вы насъ громкими словами не запугивайте. Ужъ коли у Конта не было пониманія міра, такъ у кого же оно есть? Не у господина ли Ѳаворскаго, отрицающаго пространство и время?

Онъ кивнулъ головой Токареву.

— Одинъ изъ здѣшнихъ архи-метафизиковъ: собственное тѣло отрицаетъ!..

— Это очень не ново,—замѣтилъ Токаревъ.—И Бёрклэй, и Фихте, давно доказывали то же самое...

— Зачѣмъ сейчасъ личности?—болѣе сердито возразила Сергунова.—Теперь тѣ, кто интересуется мышленіемъ—не желаютъ довольствоваться только „послѣднимъ словомъ науки"...

— Безъ науки нѣтъ и никакой философіи!—отозвался студентъ—и тотчасъ же покраснѣлъ.

Молчать дольше ему стало трудно.

— Правильно, господинъ студентъ! — крикнулъ Дроздовъ и хлопнулъ его по плечу.—Безъ науки нѣтъ ничего, кромѣ метафизическихъ бредней!

Сергунова только пожала плечами.

Токаревъ вдумчиво слушалъ и смотрѣлъ. Дроздовъ былъ слишкомъ на десять лѣтъ старше ихъ обоихъ. Въ Сергуновой чувствовалось что-то новое, не похожее и на то, чтò заставляло въ эту минуту краснѣть студентика и придавало такой блескъ его красивымъ и глубокимъ глазамъ. Онъ слыхалъ про того Ѳаворскаго, о комъ упомянулъ Дроздовъ. И ему сдавалось, что руководительство такихъ вотъ дѣвицъ, какъ эта брюнетка съ мужественнымъ лицомъ, будетъ принадлежать или метафизикамъ на подкладкѣ мистицизма, или запѣваламъ-риторамъ, во вкусѣ господина Полечѣева, до сихъ поръ не забытаго имъ. И ему казалось немного страннымъ, что эта дѣвица явилась къ Разсудину. Его авторитеты, конечно, тѣ же, чтò и у Дроздова.

— Позвольте, однако,—продолжалъ студентъ, пододвигаясь къ Сергуновой,—Марѳа Игнатьевна. Какая же это исторія философіи, если цѣлое направленіе хѐрятъ?..

— Кто вамъ говоритъ: хѐрятъ?—остановила она его тономъ старшей.

— Какъ же не хѐрятъ? Чтобы судить о такихъ умахъ, надо читать ихъ. А я доподлинно знаю, что ихъ сочиненій не спрашиваютъ...

— Чтò я говорилъ!—почти взвизгнулъ Дроздовъ.

Всѣ разомъ заспорили. Токаревъ и Анохина старались ихъ успокоить. Совсѣмъ уже стемнѣло въ столовой.

— Позвольте, господа!—остановила Анохина.—Надо зажечь лампу.

Дроздовъ и студентъ стали помогать ей. Тутъ въ столовую вошелъ Разсудинъ.

— Это ты, Паша?—окликнула Анохина.

— Я... я... у васъ здѣсь большая компанія.

Голосъ у него былъ нѣсколько утомленный. И руки Надежды

Θедоровны сейчасъ начали вздрагивать, пока она заправляла лампу.

— Вотъ, Паша, тебя цѣлое общество дожидается... Дроздовъ, Михалковъ и его знакомая... къ тебѣ съ порученіемъ. И Нилъ Петровичъ тутъ.

Свѣтъ изъ-подъ матоваго колпака упалъ на лицо ея брата. Она его не видала съ утра: глаза возбуждены, краснота въ щекахъ; но большого разстройства незамѣтно.

Онъ поздоровался со всѣми довольно привѣтливо. Дроздовъ сейчасъ же отвелъ его немного въ сторону и принесъ ему свою „повинную". Разсудинъ пожалъ ему руку, и взглядъ его оживился.

— Ну, спасибо, спасибо,—выговорилъ онъ. — Вы по-пріятельски поступили, Максимъ Кузьмичъ. Да мнѣ, наконецъ, это все... какъ бы это помягче выразиться...

— Безусловно наплевать!—подсказалъ Дроздовъ и разсмѣялся.

— Именно.

„Ну, слава Богу"!—вскричала про себя Анохина.

— Паша, Максимъ Кузьмичъ у насъ отобѣдаетъ.

Она обратилась къ молодымъ людямъ.

— Я бы и васъ просила, да, видите, у насъ какая столовая—только четверымъ и есть мѣсто.

Михалковъ подвелъ Сергунову къ Разсудину, и она, все съ тѣмъ же важнымъ видомъ, объяснила ему „мотивъ своего прихода".

— Что же, Павелъ Θедоровичъ,—отозвался Токаревъ: — вы отказываться не будете. Я знаю навѣрно, что и Надежда Θедоровна не станетъ за васъ трусить.

— Полно, такъ ли, Надя? — спросилъ Разсудинъ гораздо веселѣе.

— Такъ, такъ. А теперь проси всѣхъ къ себѣ, а я здѣсь буду накрывать.

Кажется, теперь какъ-будто пойдетъ иначе. И первая ея мысль была: „навѣрно, сидѣлъ у Студенцовой".

Передъ той ему было бы совѣстно такъ „малодушествовать" изъ-за какихъ-то статеекъ. Всѣ тутъ его любятъ и уважаютъ. Очень нужно, что какой-то умникъ выискался и безъ пути ехидствуетъ.

Михалковъ и Сергунова стали откланиваться. Токаревъ проводилъ ихъ до передней и сказалъ студенту:

— Не измѣняйте этимъ словамъ: безъ науки нѣтъ мышленія!..

IX.

— Вы, Жѐнни, въ подавленной психіи опять?

Анемоновъ наклонился надъ ней.

Студенцова подняла на него отяжелѣлыя вѣки — ночь она спала плохо; и когда проснулась, поздно, въ одиннадцатомъ часу, то передъ ея глазами что-то такое выяснилось — какъ будто фигура.

— Знаете... Анемоновъ... сегодня *она* сбиралась ко мнѣ въ гости...

— Кто она?

— Моя полковница.

Онъ вскинулъ голову.

— Ah! J'y suis!.. ваша галлюцинація.

— Да, только она расплылась въ смутное пятно.

— Позвольте сначала ручку... А потомъ я присяду.

Его бритое лицо зарумянилось. Отъ него вѣяло морознымъ воздухомъ. Коричневый длинный сюртукъ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ облекалъ его пухлое тѣло и придавалъ ему внѣшность католическаго аббата.

— Ахъ, какъ отъ васъ пахнетъ духами!

Она закрыла глаза.

— Но это—Impérial Russe отъ Houbigand... Вы когда-то любили этотъ запахъ...

— Сегодня... у меня нервы какъ натянутыя струны.

— Пора, пора встряхнуть себя, Женни!

Анемоновъ присѣлъ на бортъ кушетки, взялъ ея руку и два раза поцѣловалъ.

— Женни, милая... Я вами недоволенъ!..

— Чтò такое?

— Да вы здѣсь совсѣмъ неузнаваемы. Неужели вы... какъ бы это сказать... vous avez changé casaque?.. Ударились въ народническій радикализмъ съ этимъ лохматымъ Разсудинымъ?

— Вздоръ вы говорите, Анемоновъ!

Сегодня онъ ей казался особенно изломаннымъ и чуждымъ, съ его пухлыми щеками, прической à la Boticelli, старомоднымъ галстухомъ и этой коричневой хламидой, доходившей ему чуть не до щиколокъ.

— Зачѣмъ же такъ рѣзко, мой другъ? Вотъ чтò значитъ дышать петербургскимъ воздухомъ цѣлыхъ четыре мѣсяца... Вѣдь, кажется, мы друзья. Да или нѣтъ?

— Ну, друзья.

— И вы сами просили меня быть у васъ для серьезнаго разговора.

Она точно что тутъ только вспомнила и взяла себя за високъ.

— Вѣдь я васъ еще не успѣла спросить о вашемъ свиданіи съ моимъ зятемъ... на ярмаркѣ, въ Нижнемъ. Вы мнѣ писали, но я этого письма рѣшительно не помню. Врядъ ли оно и дошло до меня.

— Но я прекрасно знаю и помню, что вы мнѣ ничего на это именно письмо не отвѣчали. Повторю здѣсь то, съ чѣмъ я уѣхалъ изъ Нижняго. Вашего beau-frère мнѣ удалось видѣть всего одинъ разъ. И мое впечатлѣніе было такое—этотъ господинъ наканунѣ краха, и, видимо, избѣгалъ всякаго категорическаго объясненія.

— И вы отъ него ничего положительнаго не добились?

— Общія мѣста! Онъ меня увѣрялъ, что вы все знаете, что онъ ничего отъ васъ не скрываетъ... и что сумму—за треть или за четверть года—уже не помню—вы „имѣете получить" въ Петербургѣ въ концѣ осени.

— Но до сихъ поръ ея нѣтъ... и, вѣроятно, не придетъ... послѣ того, какъ онъ меня предупредилъ, что эта высылка въ треть будетъ сокращена чуть не на половину. Вотъ его письмо.

Студенцова встала, подошла къ столику и достала письмо.

— Вотъ прочтите... чѣмъ это отзывается?..

— Да все тѣмъ же, т.-е. крахомъ,—выговорилъ въ полголоса Анемоновъ и опять присѣлъ на край кушетки.

Онъ искренно смутился, и Студенцова почувствовала, что этотъ эстетъ—каковы бы ни были его интимные нравы—преданъ ей.

— Однако,—вымолвилъ онъ, прикладывая палецъ къ щекѣ:
—Il faut aviser, ma chère, il faut aviser!

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, потомъ опять присѣлъ.

— Что же вы хотите дѣлать? Ѣхать туда? Или послать адвоката?

Весь дальнѣйшій разговоръ они вели въ полголоса.

— Ѣхать! Посылать адвоката? Но у меня нѣтъ на это средствъ.

— Вы стало... à sec?

— Почти-что. Если онъ ничего мнѣ не вышлетъ... черезъ три недѣли... я безъ гроша!

— Женни, Женни милая... но какъ же можно было такъ небрежно вести свои дѣла?

— Оставимъ выговоры, Анемоновъ.

— Я готовъ былъ бы ѣхать... хоть я и не считаю себя дѣльцомъ. Но... на это нужны средства.

И вдругъ глаза его блеснули и пухлый ротъ раскрылся.

— А этотъ рессурсъ?..

И, нагнувшись къ ней, онъ началъ ей, по-французски и въ полголоса, разсказывать. Три дня прогостилъ онъ съ Шпандинымъ у князя Дашева, въ Царскомъ. У того превосходныя конюшни и въ англійскомъ стилѣ коттеджъ. Всѣ эти три дня они не переставали говорить о ней. Князь боится ѣхать одинъ съ визитомъ и умолялъ взять его съ собою, предупредивъ ее.

— C'est une forte tocade, ma chère!—повторялъ Анемоновъ, разводя руками.—Имъ стоитъ заняться. Онъ уменъ и чрезвычайно щедръ. Женился онъ неудачно и достоинъ полной симпатіи такой женщины, какъ вы, Женни...

Она остановила его жестомъ и попросила говорить только по-французски.

За дверью, въ своей комнатѣ, сидѣла пани Дембицкая и могла все слышать.

Знакомство съ гусаромъ было ей очень непріятно, и онъ долженъ понять—почему. Ея хозяйка втянула ее въ свою маскарадную интригу. Гусаръ не ѣдетъ, и та начинаетъ уже дуться на нее, думая, что она его „отбила".

— Вы понимаете, Анемоновъ, какъ все это банально.

Оглянувшись, Студенцова прибавила ему на ухо:

— И черезъ десять дней надо ей платить.

— Сколько?—спросилъ онъ и покраснѣлъ.

— Сто двадцать рублей.

Она знала, что онъ живетъ на очень маленькія деньги, потому что вездѣ „умудряется" гостить у пріятелей.

— Mais ce n'est pas cela!—стремительно заговорилъ Анемоновъ, беря ее опять за обѣ руки.—Будетъ великой глупостью, мой другъ, оттолкнуть такого человѣка, какъ князь.

Въ глазахъ его промелькнуло что-то, показавшееся ей слащаво-развратнымъ.

— Онъ мнѣ предложенія не сдѣлаетъ,—промолвила Студенцова.

— Chi lò sà?

— Да я и не желаю спекулировать на это!

— Ta, ta, ta! Съ какой стати намъ съ вами держаться буржуазныхъ прописей? Развѣ вы забыли, какъ нашъ Оскаръ опредѣляетъ всякую мораль?

— Нѣтъ, не забыла. Но одно дѣло—остроумная формула, другое дѣло—поведеніе.

Анемоновъ отпустилъ ея руки и разсмѣялся въ носъ. Въ эту минуту ей сдѣлалось съ нимъ неловко.

Передъ ней впервые стоялъ ребромъ вопросъ: идти ли на честную нищету, или ухватиться за князя, какъ за спасительный канатъ? И въ тусклыхъ, голубыхъ глазахъ ея пріятеля она читала тотъ же вопросъ.

— Почему же не принять его? — спросилъ Анемоновъ.— Vos scrupules sont d'un naïf!..

Студенцова подумала: „вѣдь онъ правъ"! Съ какой стати будетъ она деликатничать съ какой-нибудь пани Дембицкой?

И ей стало полегче.

X.

Постучавши въ дверь и не дождавшись отвѣта, въ комнату выплыла хозяйка, въ своемъ цвѣтистомъ пеньюарѣ, съ косой, подхваченной бантомъ.

— Милая Жени Андреевна,—запѣла она, кланяясь гостю:— къ вамъ какой-то студентъ... вотъ карточка. Позволите принять?

Анемоновъ быстро посмотрѣлъ на нее вбокъ и замѣтно улыбнулся глазами. Одного взгляда на эту пышную даму довольно было, чтобы опредѣлить ее вѣрно. Ему было жаль свою „подружку" и немного обидно за нее. Съ какой стати ставить она себя на одну доску съ такой „мадамой"?

— Можетъ войти? — спросила также пѣвуче Роза Юліановна.

— Попросите.

И когда хозяйка ушла, они переглянулись.

— Il faut décamper d'ici!—шепнулъ онъ, нагнувшись къ ней.

„А чѣмъ заплатить впередъ"?—подумала она, и у нея защемило на сердцѣ.

— Это очень милый юноша,—выговорила она, подбодривъ себя и поправила волосы.

— Оттуда? Изъ-подъ народнической подворотни?

— Оттуда. Ха, ха!

Михалковъ тихо вошелъ, потирая руки отъ мороза. Его нѣжная кожа порозовѣла, и двѣ пряди волосъ бросали тѣнь на бѣлый, умный лобъ. Студенческій сюртукъ молодилъ его и дѣлалъ фигуру еще стройнѣе.

Анемоновъ заглядѣлся на него.

— Quel joli minois! — шепнулъ онъ Студенцовой и повелъ своимъ пухлымъ ртомъ.

Студенцова ласково протянула ему руку и попросила присѣсть поближе къ кушеткѣ. Они познакомились у Разсудина, гдѣ она его немного поэкзаменовала насчетъ его начитанности, назвала ему нѣсколько книжекъ, и когда онъ признался, что нѣкоторыхъ парижскихъ поэтовъ и прозаиковъ „не сразу понимаетъ“—предложила почитать ему, чтó онъ пожелаетъ.

При Анемоновѣ студентъ сдѣлался застѣнчивѣе. Онъ сѣлъ, подогнувъ колѣни, и продолжалъ потирать руки.

Студенцова познакомила ихъ.

— Ну, какъ Павелъ Өедоровичъ?—спросила она.—Все въ разстройствѣ?

— Немножко. Надежда Өедоровна, бѣдная, слишкомъ боится за него. А, по-моему, онъ теперь бодрѣе.

— И будетъ читать въ пользу того общества?

— Онъ въ принципѣ согласился.

— Только вы пожалуйста не впутайте его въ какую-нибудь исторію! Начнете качать его или говорить разныя глупости.

— Я такихъ восторговъ не одобряю,—выговорилъ Михалковъ и потупился.—Надо щадить...

— То-то же! Впрочемъ, вы мальчикъ пай. Вотъ,—продолжала она въ сторону Анемонова:—образцовый юноша. Поглядите, какой у него видъ, точно съ фрески Мазаччіо. И какая жажда знанія, идей,—неутомимая!..

— Полноте, Евгенія Андреевна!—остановилъ ее Михалковъ и махнулъ кистями рукъ.

— Не оправдывайтесь. Вотъ и сюда, Анемоновъ, онъ, вы думаете, пришелъ, чтобы за мной ухаживать? Все насчетъ хорошихъ книжекъ.

— Нѣтъ, я не за этимъ, Евгенія Андреевна.—Михалковъ быстро поднялся.—Я на минутку... И не буду васъ безпокоить.

— Да сидите, сидите. Вотъ мой пріятель превосходно читаетъ. Онъ вамъ сейчасъ прочтетъ нѣсколько вещицъ своего любимаго поэта Метерлинка. Вы съ нимъ мало знакомы?

— Это символистъ и декадентъ?

— Символистъ, да,—поправилъ Анемоновъ, выпрямляя грудь;—но декадентъ—только по опредѣленію буржуазныхъ критиковъ.

— Я употребляю общеизвѣстный терминъ,—Михалковъ покраснѣлъ;—но не хочу изрекать голословныхъ приговоровъ и желалъ бы какъ слѣдуетъ познакомиться съ этимъ движеніемъ. Но вѣдь столько есть еще прекрасныхъ вещей, которыхъ я не

знаю! А къ вамъ, Евгенія Андреевна, я вотъ зачѣмъ—не угодно ли будетъ попасть на одинъ вечеръ, гдѣ извѣстный теперь... во многихъ кружкахъ—Полечѣевъ будетъ читать и защищать свой рефератъ на литературную тему? И вамъ, быть можетъ, интересно будетъ?—обратился онъ къ Анемонову.—Этотъ господинъ считается нѣкоторымъ образомъ звѣздой... Нилъ Петровичъ Токаревъ слышалъ его на одномъ обѣдѣ и возмутился. Я тоже считаю его, какъ у насъ говорятъ, порядочнымъ рисовальщикомъ.

— Un poseur?—перевелъ Анемоновъ.

— Да, да!

— У кого же соберутся?

— Въ одной частной квартирѣ. Если пожелаете, я подожду васъ тамъ... Это недалеко отъ васъ... по ту сторону Невскаго.

Онъ досталъ адресъ и сталъ прощаться.

— Не хочу васъ больше безпокоить. Рефератъ состоится на будущей недѣлѣ во вторникъ.

— Я вамъ напишу, Михалковъ. А Разсудинъ будетъ?

— Нѣтъ, я его и не приглашалъ. Господинъ Полечѣевъ способенъ возмутить его не менѣе, чѣмъ Нила Петровича... А вы—другое дѣло.

— Я декадентка? Упàдочница? Вы это хотѣли сказать?

— Вамъ будетъ курьёзно.

— Спасибо!

Анемоновъ поблагодарилъ его съ своей изысканной вѣжливостью и проводилъ до передней.

Когда наружная дверь звякнула, онъ опять сѣлъ на край кушетки и взялъ Студенцову за руку.

— Вы его развиваете... этого свѣтлоокаго юношу? А?

— Еще не успѣла... Надо привить ему другіе вкусы. Въ немъ есть что-то очень... чистое и трепетное.

Анемоновъ щелкнулъ языкомъ.

— Стоитъ ли тратить порохъ на студентиковъ? Женни! Je reviens à mes moutons...

— Вы опять о томъ... лошадятникѣ?

— Но онъ совсѣмъ не солдафонъ. Въ немъ есть что-то положительно оригинальное... Онъ стòитъ, чтобы имъ заняться...

— Охотиться за нимъ я не буду. И пожалуйста говорите тише. Она понимаетъ и по-французски.

Анемоновъ прищурилъ на нее глаза. Ей стало дѣлаться жутко.

— Смотрите, Женни. Не упустите момента! Жизнь не прощаетъ ошибокъ. Васъ предостерегаетъ испытанный другъ. Вы—

на распутьи. Говорю это не въ видѣ поученія. Мы съ вами должны стоять выше прописей. Время не ждетъ! Чтò же у васъ есть впереди? Сцена?..

Она мотнула головой.

— Вы талантливы. Но нужно время учиться, добиваться дебютовъ. Задобривать всѣхъ, чѣмъ только молодая женщина можетъ задобрить—всякаго актера, учителя декламаціи, режиссера. Que sais-je!

— Чтò же вы изъ меня жилы тянете, Анемоновъ? — глухо вскричала она и всплеснула руками... — Чтò я могу сдѣлать... вотъ—въ настоящую-то минуту?

— Самую простую вещь... Позволить мнѣ привести его къ вамъ.

— Сюда?

— Куда же?.. У меня нѣтъ своей квартиры... Какое же вамъ дѣло до той особы?

Онъ пожалъ плечами и сдѣлалъ гримасу.

— Est-ce que ça compte, ça?.. И наконецъ развѣ я васъ соблазняю? Ха, ха! Почему же не быть только вѣжливой съ порядочнымъ человѣкомъ, который сразу оцѣнилъ васъ? Нѣтъ никакого мотива упираться... Чего же вы боитесь?

— Ничего. Мнѣ все равно. Только не ставьте меня передъ какой-то стѣной.

— Такъ можно привезти его?

Она кивнула головой, чтобы только онъ больше не приставалъ къ ней.

XI.

Пришлось подниматься въ пятый этажъ, и Студенцова совсѣмъ запыхалась, когда дошла до верхней площадки.

На ней стояла вѣшалка, вся покрытая верхнимъ платьемъ. Дверь на одну половину пріотворили. И вся передняя уже была переполнена шинелями, студенческими пальто, дамскими шубками.

Стѣнная лампочка освѣщала ее тускло. Двѣ горничныхъ снимали платья. А въ первой комнатѣ, низкой и просторной, въ полусвѣтѣ абажуровъ уже темнѣла цѣлая толпа, на стульяхъ и диванахъ. Оттуда шелъ несмолкаемый гулъ разговоровъ.

— А! Евгенія Андреевна! Пожалуйте. Я вамъ приготовилъ отличное мѣсто.

Михалковъ выбѣжалъ къ ней на встрѣчу. Онъ сторожилъ около

дверей и сталъ хлопотать—повѣсить ея шубку такъ, чтобы она могла ее послѣ найти.

— Видите, сколько набралось!—шепталъ онъ.—Точно первое представленіе.

Вмѣстѣ съ ней раздѣвались и другія женщины—и пожилыя дамы въ наколкахъ, и подростки въ распущенныхъ волосахъ, и дѣвушки—съ типомъ курсистки.

Въ дверяхъ толпились студенты, гимназисты, молодые люди свѣтскаго вида. Молодежь преобладала.

— Сюда, Евгенія Андреевна, къ стѣнкѣ! Я занялъ вамъ прекрасное мѣсто на диванѣ.

Этотъ юноша тронулъ ее своею заботливостью. Она ему улыбнулась и рукой сдѣлала движеніе, чтобы онъ не очень усердствовалъ.

Мѣсто было дѣйствительно хорошее. Съ него она могла видѣть всю аудиторію. Направо, въ глубинѣ, поставили столъ съ двумя свѣчами. Позади его и вдоль противоположной стѣны тѣсно разсѣлись, все больше женщины. Лица ихъ трудно было разсмотрѣть; между ними виднѣлись и сѣдыя бороды, и лысины пожилыхъ мужчинъ.

— Развѣ нѣтъ здѣсь хозяевъ?—спросила Студенцова полушопотомъ.

— Имъ можно и не откланиваться... Здѣсь слишкомъ много народу. Я знакомъ съ племянникомъ... вонъ тамъ, гимназистъ... Этого достаточно. Вы кого-нибудь здѣсь знаете, Евгенія Андреевна?

Михалковъ сталъ около нея, въ уголъ, и говорилъ стоя, низко нагнувшись.

— Кажется, ни души.

И, въ самомъ дѣлѣ, этого Петербурга она не знала. А здѣсь собралась, быть можетъ, одна только пятидесятая того, что̀ въ Россіи зовутъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго, „интеллигенція“. Общество было порядочное, довольно даже чопорное, судя по̀ манерамъ нѣкоторыхъ дамъ. И молодежь не имѣла растрепаннаго вида, особенно женская. Черный цвѣтъ пересиливалъ въ туалетахъ. Гулъ отъ разговоровъ разливался сдержанный, безъ рѣзкихъ возгласовъ или визгливыхъ переливовъ, по которымъ, за границей, Студенцова, въ публикѣ, всегда узнавала русскихъ.

— А вы многихъ знаете?—спросила она Михалкова.

— Кое-кого... вонъ Ѳаворскій... мистикъ и метафизикъ. Очень увлекаетъ свою аудиторію. Особенно нѣкоторыхъ дѣвицъ. Помните... у Павла Ѳедоровича вы встрѣтили Сергунову... мою знакомую. Вонъ она... и другія его амазонки. Мы ихъ такъ зовемъ—полѣвѣе... сидятъ кружкомъ, и онъ по срединѣ, у печки.

Она приставила къ глазамъ свой лорнетъ, что дѣлала въ крайнихъ случаяхъ, и разглядѣла бѣлокурую голову молодого еще мужчины. Волосы длинными прядями лежали на вискахъ. Изъ-подъ бѣлесоватыхъ бровей глядѣли два темныхъ, узкихъ глаза, сдавленные вѣками. Удлиненная борода придавала ему сходство съ молодымъ монахомъ. Онъ сидѣлъ, сложивъ руки на груди, и его худая шея вытягивалась изъ-подъ отложнаго воротника рубашки.

Она узнала и Сергунову — очень старательно причесанную, въ бархатномъ спенсерѣ съ черной стеклярусной отдѣлкой. Эта дѣвица ей не понравилась у Разсудина. Остальныя женщины показались ей безцвѣтны и какъ-то на одинъ образецъ. Сергунова о чемъ-то спрашивала блондина, и онъ отвѣчалъ больше молчаливымъ киваньемъ своей довольно выразительной головы.

— А гдѣ же первый теноръ?

Она употребила выраженіе Токарева.

Михалковъ тихо прыснулъ и на ухо сказалъ ей:

— А вонъ направо, въ тѣни, у письменнаго стола, стоитъ и оправляется. Рядомъ съ нимъ офицеръ съ серебряными пуговицами.

— Это и есть господинъ Полечѣевъ?

— Онъ самый.

Въ другомъ мѣстѣ она бы приняла его за чиновника или комми: русые волосы на крутомъ лбу, подстриженная маленькая бородка, очки, средній ростъ, визитка, цвѣтной галстухъ и полосатыя панталоны—что-то отзывающееся и конторой, и канцеляріей, и классомъ средняго учебнаго заведенія, и даже редакціей газеты.

Голову свою онъ держалъ назадъ и сквозь стекла золотыхъ очковъ поглядывалъ на своего собесѣдника съ застывшей на губахъ усмѣшечкой большой увѣренности въ себѣ. Было что-то въ немъ, напомнившее ей средней руки заграничныхъ лекторовъ.

Кто-то засуетился около столика. Принесли графинъ съ водой и стаканъ.

Стулья пришли въ движеніе. Изъ передней понадвинулась кучка молодыхъ людей.

Разговоры быстро смолкли. Нѣсколько запоздалыхъ дамъ усаживались и шуршали платьями.

Референтъ сдѣлалъ рукой движеніе, извиняясь вѣроятно передъ офицеромъ, съ которымъ говорилъ, и сталъ пробираться къ своему лекторскому столику.

Онъ отодвинулъ стулъ и, прежде чѣмъ сѣсть, вынулъ изъ

боковаго кармана пачку листковъ, въ четверку, сложенную пополамъ, положилъ ее на столъ между двумя подсвѣчниками и сѣлъ осторожно, оперся локтями о столъ, нагнулъ голову и, какъ бы вглядываясь въ свою аудиторію, произнесъ тихо и медленно:

„Милостивыя государыни и милостивые государи“!

Голосъ его вибрировалъ, теноровый и довольно жидкій. Въ дикціи слышалась отчетливость произношенія слоговъ, точно онъ играетъ на сценѣ.

Свое обращеніе къ аудиторіи онъ произнесъ съ опущенными рѣсницами и потомъ поднялъ высоко голову, расправилъ листки и заговорилъ—сначала на болѣе низкихъ нотахъ:

— Вамъ извѣстна тема моей бесѣды...

— А какая это тема?—шепнула Студенцова студенту.

— Взглядъ и нѣчто, Евгенія Андреевна...

— То-есть?

— Антологическій элементъ въ русской поэзіи.

— А—а!

Въ другое время она бы осталась довольна такимъ выборомъ; но она чувствовала себя несвободной. Ей припомнилось то, что̀ Токаревъ и Развудинъ говорили ей объ этомъ „софистѣ“ и „риторѣ“. И его наружность, тонъ и манеры не располагали ее къ спокойному слушанью. Лекторъ слишкомъ любовался собою и въ каждомъ словѣ, въ каждомъ оборотѣ фразы звучало усиліе —плѣнять свою аудиторію.

„Неужели это понравится и Анемонову“?—подумала она и спросила Михалкова:

— А мой пріятель здѣсь?

— Анемоновъ?

— Да.

— Здѣсь... какъ разъ пришелъ къ началу.

Въ кучкѣ, стоявшей въ дверяхъ, бритое лицо Анемонова выдѣлялось овальнымъ пятномъ.

XII.

Болѣе получаса, безъ перерыва, лилась рѣчь лектора. Онъ переворачивалъ листки, но рѣдко заглядывалъ въ нихъ. Выходило такъ, какъ будто онъ произносилъ свой рефератъ наизусть.

Слушая его, Студенцова старалась отрѣшиться отъ внѣшнихъ впечатлѣній—голоса, манеръ, повадокъ этого „перваго тенора“

Выборъ тэмы она не считала ни скучнымъ, ни изысканнымъ. Она любила поэзію, привыкла восхищаться формой, ставила себѣ въ достоинство то, что для нея красота стиха — выше всего, не прощала никому тенденціозной морали и разныхъ „хорошихъ словъ", за которыми не всплывало никакого поэтическаго образа.

И все-таки, по прошествіи получаса напряженнаго вниманія, она уже испытывала что-то раздражающее, и въ самой тэмѣ, и въ томъ, какъ лекторъ излагалъ ее.

Нѣсколько разъ она находила, про себя, что многое и она оцѣниваетъ такъ же, или почти такъ же; но подо всѣмъ этимъ сидѣло еще нѣчто — какое-то чуждое ей „направленіе", отзывающееся уже совсѣмъ не культомъ чистой красоты, а какъ бы смѣсью мозгового франтовства съ учительствомъ сомнительнаго вкуса.

Она закрыла глаза и въ ушахъ ея трещали — точно горошины, выскакивающія изъ сухихъ стручьевъ—отдѣльныя фразы, цитаты въ прозѣ и стихахъ—и по-русски, и по-нѣмецки, и по-латыни, и по-французски. Къ нѣмецкимъ стихамъ лекторъ выказывалъ особое пристрастіе и произносилъ ихъ наизусть, съ закинутой назадъ головой и слащавымъ выраженіемъ, старательно и съ русскими ошибками на всѣхъ гласныхъ.

Это актерство начало ей положительно претить, и въ одномъ мѣстѣ она должна была сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы, по-парижски, не крикнуть:

— Oh-la-la!

Она поглядѣла на Михалкова, и они, безъ словъ, поняли другъ друга.

А фразы текли, производя—въ общемъ—жужжанье, съ подъемомъ голоса въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лекторъ „приподносилъ" аудиторіи хлёсткія опредѣленія. Каждыя три-четыре минуты слышались обороты и выраженія, томительно высиженныя „въ тиши кабинета", похожія на тяжелыя завитушки архитектурныхъ орнаментовъ. Студенцова сначала спокойно отмѣчала ихъ, въ умѣ; но потомъ они начали „дергать" ей нервы. Тутъ были: и „стихійный подборъ", и „волшебное овеществленіе", и какія-то „изступленныя сонмища", и „заскакавшая за барьеръ мысль". Далѣе шли: „цѣпи непоколебимыхъ умовоспріятій", „замыслы потревоженной совѣсти", „воинствующіе взрывы" и „суевластіе модныхъ предразсужденій".

Въ одномъ латинскомъ изреченіи она схватила непонятное ей слово „festinasse" и поглядѣла на тотъ уголъ, гдѣ скучились дѣвицы-подростки.

— Хоть бы онъ потрудился переводить для этихъ малолѣтокъ! — шепнула она Михалкову.

Вѣроятно, и студентъ не все понялъ въ этой цитатѣ.

— Вотъ мельница-то безъ помолу! — выговорила она про себя.

Но для нея рефератъ этого Полечѣева сдѣлался, подъ конецъ, чѣмъ-то въ родѣ испытанія ея собственныхъ взглядовъ, вкусовъ, оцѣнокъ и симпатій.

Вѣдь и онъ — противникъ всякой утилитарной литературы, какъ и она. И онъ стоитъ за „высо̀ты поэтическаго творчества" и язвительно обозначаетъ все, что̀ не покоится на этихъ высотахъ словами: „такъ-называемая россійская словесность". И онъ ратуетъ за полнѣйшую свободу „эстетическаго созерцанія" — совершенно такъ, какъ ея пріятель Анемоновъ.

Но почему же ей противно не только то, *какъ* онъ говоритъ, но и почти все то, что̀ онъ говоритъ. Она давно считаетъ себя независимой передъ какимъ бы то ни было громкимъ именемъ; однако, въ двухъ мѣстахъ, она даже покраснѣла, когда онъ зачѣмъ-то притянулъ къ отвѣту лорда Бэкона, какъ автора „Novum organon", назвалъ его „ограниченнымъ дилеттантомъ разсудочности", а Тэна объявилъ чѣмъ-то въ родѣ „облыжнаго позитивиста".

Давно ли, въ спорѣ съ Разсудинымъ, она высказывала такія вещи о Некрасовѣ и Салтыковѣ, что тотъ поблѣднѣлъ и сталъ стыдить ее будто за что-то глубоко-возмутительное по своему ретроградству? А вотъ этотъ влюбленный въ себя референтъ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ отозвался и о томъ, и о другомъ писателѣ.

Отчего же она не чувствуетъ себя за-одно съ нимъ? Отчего ей хотѣлось бы, чтобы ему пошикали, чтобы кто-нибудь отдѣлалъ его. А вся эта молодежь безмолвно слушаетъ его, ничѣмъ не протестуя, точно глашатая новыхъ истинъ.

И еще больше получаса лилась струя.

Въ комнатѣ стало душно. Женщины начали разомлѣвать. Мужская половина публики дослушала рефератъ бодро.

Послѣ цитаты въ стихахъ, произнесенной нараспѣвъ и съ круглообразнымъ жестомъ правой руки, онъ глотнулъ изъ стакана и, раздѣльно, подчеркивая каждое слово, резюмировалъ, профессорскимъ тономъ, свои главныя положенія.

Ему захлопали довольно дружно. Онъ привсталъ два раза и прошелся платкомъ по влажному лбу.

Всѣ остались на мѣстахъ, чего-то ожидая.

— Что̀ же теперь будетъ? — спросила Студенцова студента.

— Возраженія. А вы не будете говорить, Евгенія Андреевна?

— Съ какой стати? Но я такъ устала сидѣть...

Издали она кивнула Анемонову. Онъ съ рудомъ пробрался къ ея мѣсту.

— Très crâne, ce monsieur!—полушутливо выговорилъ онъ, присаживаясь къ ней.

— Вамъ нравится?

— Что-жъ! Это хорошій симптомъ, мой другъ. Нашего полку прибываетъ.

— Но развѣ вы не находите, что это отзывается лампаднымъ масломъ и квасомъ вмѣстѣ?

— Именно, именно!—подхватилъ Михалковъ, и глаза его заблестѣли.—Евгенія Андреевна вѣрно опредѣлила. Вѣдь этотъ господинъ—отрыжка чего-то совершенно затхлаго, только онъ прикрываетъ себя разными выкрутасами...

— Полноте, полноте!—мягко остановилъ его Анемоновъ.—Это нѣсколько фразисто, есть вообще рисовка; но все-таки оно лучше нравоученій моральной критики.

Щеки студента разгорѣлись. Онъ поглядѣлъ на Студенцову, какъ бы прося ее поддержать его. Но кругомъ все опять смолкло, и неловко было затѣвать споръ.

— Если кому угодно представить свое замѣчаніе,—я готовъ.

И еще разъ глотнувъ изъ стакана, референтъ откинулся на спинку стула и сложилъ руки на груди.

Протянулась пауза. Женская доля публики поглядывала на мужскую, особенно въ дальній уголъ, около двери въ переднюю.

XIII.

Не сразу заговорили оппоненты. Дѣлалось даже томительно.

— Parlera-t'-on, parlera-t'-on pas? — проронилъ Анемоновъ извѣстнымъ парижскимъ звукомъ студенческихъ сборищъ.

Наконецъ, кто-то откашлялся слѣва, изъ самаго темнаго угла. Всѣ повернули туда головы. Студенцова не могла различить кто изъ мужчинъ, сидѣвшихъ тамъ, заговорилъ.

Голосъ былъ молодой и нервный. Слова выходили изъ горла съ большимъ трудомъ.

— Многоуважаемый Эліодоръ Лукичъ... Я такъ сказать... не особенно компетентенъ въ... этихъ... вопросахъ. Но... если... вы...

Дальше пошло еще хуже.

Минутъ черезъ пять можно было смутно уразумѣть, что оппо-

нентъ не раздѣляетъ эстетическаго „credo" референта, что онъ стоитъ за „нравственную стихію" въ изящномъ творчествѣ; но неумѣлость дѣлала все, что̀ онъ говорилъ—слишкомъ тягучимъ и сбивчивымъ; терялась всякая связь его доводовъ, и нудность публики все возростала.

— Кто это?—спросила Студенцова.

— Мой знакомый, Евгенія Андреевна, изъ кончившихъ курсъ. Отличный господинъ, только говорить не умѣетъ.

Михалковъ вздохнулъ.

— А что же изъ студентовъ никто не выступаетъ?

— Стѣсняются. Здѣсь все такіе тузы, какъ Ѳаворскій. Да и Полечѣевъ зубастъ. Сейчасъ начнетъ пугать цитатами. И скапустишься.

— Мнѣ кажется, и этотъ давно уже капустится. Хоть бы его убрали.

Ее самоё начало разбирать желаніе — посчитаться съ этимъ „многоуважаемымъ Эліодоромъ Лукичемъ". Можно и даже должно стоять за полную свободу искусства и поэзіи; но нельзя такъ вспѣнивать свою діалектику, и главное — маскировать чистымъ эстетизмомъ что-то архи-тенденціозное въ патріотическо-правовѣрномъ духѣ.

Но онъ „зубастъ"... Здѣсь ее никто не знаетъ, и слишкомъ много разныхъ „дѣвчонокъ". Съ какой стати рисковать? Да еслибъ она и чувствовала себя не менѣе зубастой, чѣмъ Полечѣевъ—ей противно было бы выступать, какъ женщинѣ, хотя многія изъ этихъ дамъ и дѣвицъ были бы польщены тѣмъ, что ихъ „сестра" явилась оппонентомъ такому хлёсткому краснобаю.

Для нея, въ эту минуту, всѣ эти слушательницы были жалки —до-нѐльзя. Изъ-за чего онѣ, по доброй волѣ, соглашаются выказывать все свое умственное убожество, играть роль безмолвныхъ гимназистокъ? По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ нѣкоторыхъ модныхъ амфитеатрахъ Collége de France и Сорбонны, у любимыхъ лекторовъ—Ляруме, Фагэ или Рибо—массы дамъ кажутся сверху какимъ-то цвѣтникомъ, въ цвѣтахъ и лентахъ громадныхъ шляпокъ, въ туалетахъ, какихъ здѣсь не увидишь и въ театрахъ. Это для нихъ — модное развлеченіе, и онѣ играютъ такую же роль, какъ вездѣ. Тамъ нѣтъ повода возражать. Онѣ и безъ возраженій дѣйствуютъ на лектора своимъ женскимъ обаяніемъ, и онъ для нихъ только и старается, а уже никакъ не для мужчинъ.

— Господи!—прошептала она.—Неужели и дальше такъ будетъ?

— Повремените, Евгенія Андреевна.

Косноязычный оппонентъ наконецъ совсѣмъ запутался и смолкъ на полуфразѣ. Всѣ вздохнули свободнѣе.

Заслышался опять чей-то мужской голосъ, съ манерой говорить, похожей на манеру референта. Они, видимо, были одного „пошиба“ и одного возраста; но Студенцова ни его лица, ни фигуры отчетливо разглядѣть не могла.

— Магистрантъ! — доложилъ ей сейчасъ Михалковъ: готовится къ каѳедрѣ...

Этотъ обратился къ референту въ почтительно-пріятельскомъ тонѣ, сталъ величать его, черезъ каждыя двѣ фразы, по имени и отчеству и говорить ему разныя лестныя вещи, какъ бы поясняя публикѣ — какого мыслителя и критика она сейчасъ имѣла счастье слушать.

— Это какое-то масонство!—шепнула Студенцова сидѣвшему около нея Анемонову.

— Oui, ils se casseront l'ensensoir? sur leurs nez respectifs! —съострилъ тотъ.

Начался какой-то дуэтъ взаимныхъ изліяній. Полечѣевъ съ блуждающей улыбкой и круглымъ жестомъ руки — давалъ пространныя объясненія, уже чисто автобіографическаго характера. Аудиторія узнала, когда и въ какой обстановкѣ онъ „проникъ“ въ смыслъ того или иного произведенія. Точно также и оппонентъ просвѣтилъ аудиторію—на какомъ курсѣ университета почувствовалъ онъ влеченіе къ поэзіи Пиндара и какія дѣлалъ усилія, чтобы въ переводѣ знаменитой оды Сафо до тонкости сохранить метръ подлинника—такъ называемый „sapphicus“.

Все это было складно, красиво, полно разныхъ тонкостей, и все такъ же преисполнено чего-то для нея слащаваго и фальшиваго. Она сравнивала это съ слушаньемъ старательно сочиненной музыкальной пьесы, гдѣ композиторъ выѣзжаетъ только на контрапунктахъ и фугахъ; а творческой мысли нѣтъ, и мелодія повторяется все та же—съ разными прикрасами.

Время близилось уже къ полуночи. Послѣ „магистранта“ протянулась опять довольно томительная пауза и послѣднимъ выступилъ блондинъ съ лицомъ монаха.

— Анатолій Александровичъ! Анатолій Александровичъ!—зажурчали женскіе голоса вокругъ Студенцовой.

Она должна была сильно напрячь свой слухъ. Ѳаворскій говорилъ очень слабо и картаво. Онъ не возражалъ, а только освѣтилъ нѣкоторые пункты реферата.

Запахло чѣмъ-то затхло-отвлеченнымъ. Говорилось все это

искренно, съ внутреннимъ огонькомъ; но огонекъ этотъ не согрѣвалъ ее. Оба они—на другой ладъ—опять спѣлись—одинъ съ подкладкой своего охранительнаго русофильства, другой съ порываніемъ въ надчувственную область, съ отрицаніемъ времени, пространства и реальныхъ явленій, всего, что̀ не чистая „идея“.

Студенцова вглядывалась въ лица самыхъ молодыхъ слушательницъ, и ей стало смѣшно вспомнить, какъ еще восемь лѣтъ назадъ, когда она бѣгала по разнымъ лекціямъ, вѣтеръ дулъ совсѣмъ не съ той стороны и на такого Өаворскаго смотрѣли бы какъ на юродиваго.

— Не удалиться ли до разъѣзда?—спросилъ Анемоновъ.—Il est assommant, ce monsieur!

Михалковъ проталкивался впередъ; сзади шелъ Анемоновъ.

Въ передней она спросила студента:

— Намъ по дорогѣ. Не хотите ли я подвезу васъ?

Михалковъ покраснѣлъ.

— Благодарю васъ, Евгенія Андреевна.

— Vous gobez le petit Jesus?—шепнулъ ей Анемоновъ и на площадкѣ сказалъ:—Послѣ-завтра мы являемся съ княземъ. Вы не можете отнѣкиваться.

— Хорошо, хорошо!

Сверху раздались заключительныя рукоплесканія.

XIV.

Январское солнце заглянуло, около трехъ часовъ, въ комнаты. Оно играло на стѣнѣ, противъ того кресла, гдѣ сидѣла Студенцова—съ глазу на глазъ съ своимъ гостемъ.

Анемоновъ ввелъ его къ ней, и черезъ десять минутъ удалился. Въ передней онъ кому-то сказалъ нѣсколько словъ. Но кому—она не знала, и это ее безпокоило. Кажется, хозяйки не было дома, и она слышала, что дверь отворяла горничная. Роза Юліановна могла вернуться. Приглашать ее сюда, для знакомства съ княземъ Дашевымъ, было бы совершенно неумѣстно. Князь пріѣхалъ къ ней и долго добивался этого. Еслибъ онъ желалъ завести интригу съ Дембицкой, онъ сдѣлалъ бы это тотчасъ послѣ того маскарада.

Но пани Дембицкая могла увидать пальто въ передней и пожаловать сюда.

Это было бы немногимъ лучше.

Ей самой такая тревога казалась недостойной. Точно она

боится своей хозяйки. До сихъ поръ она никогда и ничѣмъ особенно не смущалась.

Разговоръ шелъ туго. Гость былъ замѣтно стѣсненъ, крутилъ пальцы замшевой перчатки и безпрестанно перекладывалъ саблю: то поставитъ ее между ногъ, то положитъ себѣ на колѣни. Она не чувствовала въ себѣ никакого желанія „занимать“ его.

И самъ по себѣ онъ не вызывалъ въ ней никакого интереса. Даже то, что она ему сильно нравится, совсѣмъ не подмывало ее.

Сидѣлъ онъ передъ ней, и солнечный лучъ, пробиваясь сквозь тюлевыя занавѣсы, освѣщалъ его голову и всю фигуру.

Золотые шнуры и завитушки на груди блестѣли. И фуражка —рѣзкимъ краснымъ пятномъ—лежала на колѣняхъ. Воротникъ, опушенный мерлушкой, сдавливалъ ему худую и загорѣлую шею, съ тоненькой полоской бѣлья. Правая рука, безъ перчатки, державшая эфесъ сабли, не выказывала никакой породы; жилистые пальцы, съ короткими ногтями.

Худое лицо могло нравиться, съ этимъ хрящеватымъ носомъ, длинными усами, широкимъ лбомъ и затуманеннымъ взглядомъ добрыхъ глазъ.

Но ей это лицо ничего не говорило.

И—точно нарочно—передъ ней вдругъ всплыла картина: изумрудное небо; воды Неаполитанскаго залива играютъ подъ искристыми снопами полуденнаго солнца. Пароходъ везетъ ихъ на Капри. Кругомъ все ликуетъ; идетъ гулъ веселыхъ разговоровъ; труппа пѣвцовъ въ красныхъ колпакахъ занимаетъ средину палубы.

Вздрагивающій голосъ запѣвалы несется вдаль:

„Addio, bella Napoli“.

И она знаетъ, что тамъ, на островѣ, они будутъ подниматься вмѣстѣ. Ея спутникъ ждетъ только минуты, когда она не будетъ уже такъ строго слѣдить за собою. Вотъ они и наверху, поднимаются по кручѣ... скоро придутъ къ развалинамъ дворца Тиверія. Они проходятъ по улицѣ — узкой, точно корридоръ, вслѣдъ за кавалькадой туристовъ — на ослахъ; бабы въ яркихъ платьяхъ тычутъ имъ въ лицо нитки коралловъ; мальчишки, кувыркаясь, выпрашиваютъ милостыню. Въ воздухѣ есть что-то и пахучее, и опьяняющее. Сердце бьется, къ вискамъ приливаетъ. Краски неба, домовъ, костюмовъ, горъ—мечутся въ глаза.

Вотъ они очутились въ тѣнистомъ проходѣ одни. Онъ беретъ

ее подъ-руку и глядитъ на нее своими огромными, овальными глазами.

Его лицо—и лицо этого русскаго князя! Итальянецъ былъ дѣйствительно опасенъ. До сихъ поръ она помнитъ — чего ей стоило не отдаться гипнозу такой красоты. Всякая черта, каждая линія торса, взглядъ, движеніе, голосъ — все навѣвало на васъ забвеніе той крутизны, съ какой вы можете полетѣть внизъ.

А тутъ все такое обыкновенное, отзывающееся Петербургомъ вчерашняго дня. Нѣтъ даже дикости молодечества, хоть чего-нибудь напоминающаго барскую удаль.

— И вамъ не скучно одной? — спросилъ князь и оглянулъ комнату.

На этотъ банальный вопросъ она не хотѣла отвѣтить такимъ же общимъ мѣстомъ, въ родѣ того, что ей „нигдѣ не скучно".

— Вы хорошо помѣстились.

Она подумала: „вотъ онъ сейчасъ спроситъ — у кого нанимаю. Ну, и пускай".

Было бы слишкомъ малодушно продолжать смущаться тѣмъ, что ея хозяйка—пани Дембицкая.

— Я зáново знакомлюсь съ Петербургомъ, князь.

— Гдѣ же вы больше бываете?.. Танцуете?

— Свѣтскихъ домовъ у меня почти-что нѣтъ!

— Въ интеллигенціи?

Онъ выговорилъ это слово просто, безъ всякой усмѣшки.

— Да, всего больше.

— Что жъ, это интереснѣе, чѣмъ здѣшніе вечера, журъфиксы. Я давно на все это махнулъ рукой.

— И живете безъ женскаго общества?

— Почти-что.

Тутъ только онъ грустно улыбнулся.

Ему, видимо, хотѣлось перейти къ болѣе интимнымъ тэмамъ.

— Отчего же такой зарокъ?—спросила она, немного оживляясь.—Вы такъ молоды... Неужели вамъ не хочется хоть кусочка счастья?

— Кусочка?—повторилъ онъ и тихо разсмѣялся.

Смѣхъ былъ у него пріятный.

— Вы это очень хорошо сказали, Евгенія Андреевна,—кусочка! На большую порцію я не разсчитываю.

— Это намекъ, князь?.. На личную судьбу?

Почему же ей не перевести разговоръ на такую почву? По крайней мѣрѣ, хоть выберутся поскорѣе изъ тягучихъ банальностей.

— Мнѣ кажется,—онъ заговорилъ искренно и строгимъ то-

номъ:—разсчитывать на что-нибудь прочное, на вѣчное блаженство—слишкомъ наивно. А главное—великая глупость связывать себя на неопредѣленный срокъ.

— Чѣмъ? Супружествомъ?

— Если хотите, да—и вообще, и внѣ брака.

— Раздѣляю вашъ взглядъ, князь,—полушутливо вымолвила она и бросила на него взглядъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

— Я это серьезно говорю, Евгенія Андреевна.

Онъ сидѣлъ, нагнувъ голову, и не глядѣлъ на нее. Правая рука продолжала теребить перчатку.

— Вамъ довольно и одного опыта?

— Довольно,—отвѣтилъ онъ и повелъ головой молодымъ и оригинальнымъ жестомъ.

— И будто вы на вѣкъ застрахованы?

— По крайней мѣрѣ отъ всякихъ формальныхъ цѣпей.

„Однако, что же это?—спросила она про себя.—Онъ порядочной дѣвушкѣ дѣлаетъ такія предостереженія"?

И ей захотѣлось осадить его. Но тонъ князя не былъ ни вызывающимъ, ни безцеремоннымъ.

XV.

Незамѣтно у нихъ установился болѣе искренній тонъ.

Онъ пересталъ нервно возиться съ саблей и вертѣть свободную перчатку, пододвинулъ свое кресло и сидѣлъ въ самой простой позѣ, немного согнувшись и опираясь обѣими руками о колѣни.

Ему хотѣлось высказаться „вообще", какъ любятъ это дѣлать русскіе мужчины, когда сходятся съ кѣмъ-нибудь, даже если они и очень влюблены.

Французъ, а въ особенности итальянецъ, и безъ любви началъ бы сейчасъ съ признанія. Ему было бы дико или наивно до глупости—производить обмѣнъ взглядовъ и принциповъ, когда надо становиться на колѣни, или восторженно декламировать стихи, или цѣловать руки, или грозить покончить съ собою.

А такъ ей болѣе нравилось, въ русской обстановкѣ. Ни съ однимъ иностранцемъ она не могла бы—въ первый разговоръ съ глазу на глазъ—чувствовать себя такъ свободно, безъ всякой личной тревоги, безъ малѣйшей необходимости отражать удары; нападать, оцѣнивать каждое слово или жестъ: — что̀ они значатъ, есть ли въ нихъ правда, или это только комедія, рисовка, или

одинъ изъ безчисленныхъ „подходовъ“ опытнаго охотника за женщинами?

Полузакрывъ глаза, по своей привычкѣ, она слушала его, безъ всякаго желанія возражать, показывать ему, что она его умнѣе, и остроумнѣе, и свѣтлѣе смотритъ на жизнь, больше видѣла и знаетъ многое, о чемъ онъ имѣетъ, вѣроятно, самое смутное понятіе.

И такъ же мало хотѣлось ей испытать на немъ свое женское обаяніе, вызвать въ немъ проблескъ страсти или затянуть тотъ узелъ, который онъ самъ на себя надѣваетъ.

— Никто не застрахованъ,—говорилъ онъ точно про себя:— но зачѣмъ дѣлать это такъ гадко?

— Обманываютъ, князь, всѣ на одинъ ладъ. Развѣ мужчины лучше?

— Не знаю... По крайней мѣрѣ, не будетъ столько ненужнаго притворства!

— Что же тутъ удивительнаго? Мужчина смѣлѣе, потому что онъ не сразу все теряетъ. У него сила, и положеніе, и деньги.

— Деньги!—повторилъ онъ—и его передернуло. Въ первый разъ онъ всталъ и началъ ходить маленькими шагами.—Деньги! Вотъ это самая главная гадость!

Лицо у него было въ эту минуту страдальческое. Она поглядѣла на него почти съ удивленіемъ.

Не трудно было бы крикнуть ему:

„Кто же мѣшаетъ вамъ освободиться отъ этой обузы“?

Но доводъ былъ бы слишкомъ прямолинеенъ. Она по доброй волѣ не отказалась бы отъ своего достатка, потому что только деньги даютъ свободу и независимость. Только они позволяютъ поддерживать свое достоинство, и общечеловѣческое, и женское.

Она, быть можетъ, наканунѣ полнаго разоренія. Не будетъ большой доблести съ ея стороны—громить деньги и выставлять себя безсребренницей.

— Да, вся гадость въ нихъ... не просто въ деньгахъ, Евгенія Андреевна, а въ капиталахъ. И не въ тѣхъ, какіе у человѣка дѣйствительно имѣются... а въ милліонѣ. Всѣ называютъ васъ богачомъ. У васъ милліоны! Куры не клюютъ! И кончено! И пока вы совсѣмъ не разоритесь и не будете просить милостыни вонъ тамъ на троттуарѣ—все равно вамъ изъ своей репутаціи не вылѣзти. Ха, ха!

Въ его смѣхѣ зазвучали нервныя ноты.

— И будто все вышло отъ этого... въ вашей...

Она затруднилась выборомъ слова.

— Договаривайте — въ моей исторіи... А какъ же не все. Извольте прислушать.

Онъ присѣлъ къ ней очень близко, и руки его пришли въ движеніе.

— Ну, будь я бѣдный чиновничекъ, или приказчикъ, или кто бы то ни было—и влюбись въ первую попавшуюся дѣвицу, безъ всякаго приданаго. Одно изъ двухъ — или она подала бы мнѣ коляску, или сдѣлала бы глупость—связала бы свою судьбу съ бѣднякомъ... изъ любви, или изъ жалости — все равно. Но тутъ не было бы главнаго источника всякой фальши и пошлости! Тутъ не пахло бы милліономъ. Дѣвица пребывала въ ничтожествѣ... И вдругъ—милліонъ! Если ея сердце еще свободно—развѣ она можетъ о чемъ-нибудь разсуждать? Такое счастье слетѣло съ облаковъ.

— Вдобавокъ титулъ.

— Ничего не значитъ титулъ! Князей — какъ нерѣзанныхъ собакъ. Особенно татарскаго происхожденія. А мы вѣдь татаре,— выговорилъ онъ съ буквой „е" на концѣ.—У моего дяди доѣзжачимъ былъ родовитый князь, потомокъ великихъ князей суздальскихъ. Но деньги! Это — все! И вотъ заплетается цѣлая сѣть, откуда нельзя выпутаться. Пошла безъ любви, человѣкъ для нея — не существуетъ. Она его только терпитъ. Черезъ годъ, когда привыкнетъ къ роскоши и расцвѣтетъ какъ женщина, и ей наговорятъ достаточно о ея шикѣ и прочемъ — тогда инстинктъ проснется, и она начнетъ соображать, что̀ ей нисколько не будетъ трудно, и, купаясь въ роскоши—обдѣлывать свои любовныя дѣла. Денегъ ей уже не нужно. Она сама будетъ одаривать избраннаго ею счастливца. Все равно — юнкеръ это, или корнетъ, или теноръ, или просто велосипедистъ изъ нѣмецкихъ гезелей. Не будь милліоновъ — у нея хватило бы честности просто сказать: „Душа моя, я не любила тебя, когда становилась подъ вѣнецъ. А теперь—не могу жить безъ такого-то. Дай мнѣ разводъ"... И кончено! А тутъ какъ же разстаться съ мужемъ, изображающимъ собою... вы избавите меня отъ сравненія.

Она хотѣла-было крикнуть ему:

„Не разстраивайте себя, князь! Я не любопытна".

Но онъ говоритъ съ такимъ оживленіемъ. Ему *надо* высказаться. Что̀ бы это ни было—порывъ или тонкій разсчетъ—она не будетъ его удерживать.

— И обманъ тянется до тѣхъ поръ, пока супругъ не изловитъ съ поличнымъ... не желая этого, конечно. Но и тутъ опять все тѣ же деньги! Съ вами начнутъ торговаться. Всякій водо-

возъ или дворникъ вышвырнетъ свою дражайшую половину, и пускай она идетъ жаловаться на него... А ты долженъ откупиться...

Онъ не договорилъ и взялся рукой за лобъ.

— Евгенія Андреевна!—вскричалъ онъ:—вы пожалуйста не думайте, что я скряга! Или такой злюка, что способенъ, походя, перебирать всю эту грязь... А стихъ нашелъ! Такъ говоришь только съ другомъ...

XVI.

Она первая протянула ему руку. Дашевъ, пожимая, нагнулся, но не поцѣловалъ, и это ей понравилось.

Слѣдовало бы сейчасъ же сказать ему:

„Дружба между мужчиной и женщиной—только одна маска".

Она не сдѣлала никакого замѣчанія. Ей было пріятно то, что она его слушаетъ, а сама можетъ и не говорить. Пускай его высказывается; такъ выходитъ умнѣе и оригинальнѣе.

И опять сравненія напрашивались ей. Будь на его мѣстѣ иностранецъ, особенно англичанинъ, тотъ бы—въ первый разговоръ—ни за что не сталъ бы вводить ее въ свое интимное прошедшее. Въ этомъ всегда сказывается грубоватость чувства русскаго—кто бы онъ ни былъ. И опять ей пришло на мысль: быть можетъ это только ловкій пріемъ—сразу дать ей понять, что его на супружество не изловишь.

Она быстро поглядѣла на него: лицо его въ эту минуту слишкомъ ярко говорило о внутреннемъ волненіи. Если оно такъ, то и она имѣетъ поводъ поставить ему нѣсколько вопросовъ.

— Какъ же вамъ жить князь?—промолвила она тихо и ласково.
—Съ такимъ настроеніемъ—все для васъ отравлено.

Онъ пожалъ плечами.

— Отравлено—это слишкомъ сильно сказано, Евгенія Андреевна. А только я немножко поумнѣлъ... хотя, признаюсь, было бы пріятнѣе чувствовать по прежнему.

— Другими словами—жить въ самообманѣ?

— Въ томъ-то и дѣло, что это невозможно.

— Но и теперь, князь, вы не застрахованы отъ увлеченій.

Студенцова выговорила это просто и серьезно и значительно поглядѣла на Дашева.

— Нѣтъ, не застрахованъ; только теперь уже не будетъ такого обмана.

— Какъ же это знать! Сколько я васъ поняла, вы боитесь

сдѣлаться еще разъ предметомъ спекуляціи на ваше богатство? И вы не хотите брака ни подъ какимъ видомъ?

— Ни подъ какимъ видомъ!—повторилъ онъ, всталъ и отошелъ къ окну.

— Знаете чтò, князь... вѣдь нашъ разговоръ принялъ щекотливый характеръ... если не для васъ, то для меня.

— Простите, пожалуйста! Можетъ быть, это очень безтактно, чтò я говорилъ... но зачѣмъ же я буду скрывать?..

— И я вамъ сказала бы совершенно искренно, что бракъ для меня почти что ненавистенъ. Но вы мнѣ не повѣрили бы. Вы вѣдь считаете ваше богатство источникомъ всякаго обмана. Каждую женщину вы заподозрите въ томъ, что она хочетъ прибрать васъ къ рукамъ изъ-за денегъ. По моему, лучше превратиться въ офицера, живущаго жалованьемъ. Вы это можете всегда сдѣлать, очень просто, въ какой бы то ни было формѣ.

— Мнѣ бы и хотѣлось этого, Евгенія Андреевна, честное слово! Я люблю лошадей, люблю ѣзду, и солдатиковъ люблю.

— Я это знаю отъ Шпандина.

— Онъ надо мной подтруниваетъ, будто я, видите ли, всю душу полагаю на то, чтобы какого-нибудь рядового Гудзэнко или Погуляй-Непейпивъ—у насъ не мало хохловъ—превратить въ наѣздника и обучить его грамотѣ. Мнѣ бы слѣдовало быть школьнымъ учителемъ... въ этомъ увѣряю васъ. Только въ полку лучше. Тутъ молодечество есть. И выправка лучше. Вы его научаете и за собой слѣдить, и за лошадью ходить, то, чтò ему пригодится!

— Но все-таки вы не откажетесь отъ своего богатства и въ простые армейскіе драгуны съ личнымъ доходомъ въ тысячу рублей не пойдете?..

— Кто знаетъ!

— Чтобы не мучиться... вамъ и надо такъ сдѣлать, князь.

— Мнѣ только не хотѣлось бы ничего такого... чтò бы было, какъ говорится, съ бацу! Европу не удивишь, и весь родъ человѣческій не спасешь тѣмъ, что раздашь все. Анекдотъ-то о баронѣ Ротшильдѣ я всегда помню—какъ къ нему парижскіе рабочіе ворвались въ революцію. Онъ имъ и высчиталъ, что каждому слѣдуетъ по золотому, если раздѣлить между всѣми пролетаріями его милліоны. Два золотыхъ они и получили отъ него.

— Анекдотомъ нельзя злоупотреблять, князь.

— Конечно! Я и самъ еще не знаю — какъ мнѣ поумнѣе распорядиться тѣмъ, чтò у меня есть. Вотъ, быть можетъ, еще

маленько поумнѣю. Тогда увидимъ. Самому мнѣ, ей Богу, много не нужно. Въ полку тратишь тысячи на обязательныя попойки—такъ вѣдь это обычай только въ богатыхъ полкахъ. Да и то кромѣ катценъ-яммера ничего не даетъ! А я люблю, чтобы у меня утромъ, въ манежѣ—голова ясна была.

Снова подсѣлъ онъ къ ней и улыбался глазами.

— Вотъ вѣдь мы, русскіе, какъ ведемъ разговоръ... Куда мы съ вами зашли?

— Мы идемъ все по той же линіи, князь!—вскричала Студенцова и откинула голову на спинку кресла. Значитъ, вы—все въ томъ же положеніи. И законный бракъ, и свободная любовь —для васъ одинаково связаны съ такимъ страхомъ и подозрѣніемъ, при которыхъ немыслимы увлеченіе, поэзія страсти или даже простая и тихая симпатія.

— Лучше полное одиночество, чѣмъ повтореніе стараго!

Онъ пристукнулъ саблей по ковру.

— Если мнѣ суждено сойтись съ кѣмъ-нибудь, никакихъ клятвъ и обѣтовъ ни съ той, ни съ другой стороны не нужно! Кто первый охладѣетъ, тотъ и скажетъ. Во мнѣ, Евгенія Андреевна, нѣтъ ожесточенія. Я не пресыщенъ... Я вообще не люблю ухарства... И не циникъ я. Женщину я готовъ былъ бы ставить высоко. Не всѣ же лживы, не всѣ бездушны!..

— Бѣда, стало, только въ однѣхъ деньгахъ?—возбужденно спросила она, немного подавшись впередъ станомъ.

Портьера входной двери заколыхалась. Дашевъ не оборачивался и не расслышалъ шороха.

Показалась голова Розы Юліановны, и ея глаза, съ поволокой, блеснули злобно и ротъ повела напряженная усмѣшка.

„И пускай“!—вскричала про себя Студенцова и, не мѣняя позы, сдѣлала жестъ правой рукой по направленію къ двери.

— Вы ко мнѣ? Войдите.

Пани Дембицкая вошла, въ бархатной шубкѣ и шляпкѣ, точно она сейчасъ вернулась съ прогулки. Князь всталъ и поклонился ей такъ, какъ будто въ первый разъ ее видитъ.

— Моя хозяйка, Роза Юліановна Дембицкая — князь Дашевъ,—назвала Студенцова.

XVII.

Гость посидѣлъ не больше пяти минутъ. Пани Дембицкая—вся красная, съ блестящими глазами — выпрямляла свою грудь,

оправляла кружева и почти ничего не говорила. Слишкомъ неожиданно было для нея такое „кѐпство“ ея жилицы.

Дашевъ разъ взглянулъ на нее съ улыбкой и что-то сказалъ самое обыкновенное, очень вѣжливымъ тономъ, который прямо показывалъ полное нежеланіе ухаживать за нею.

Когда онъ поднялся съ кресла и протянулъ руку Студенцовой, Роза Юліановна не выдержала.

— Вы, кажется, князь, меня не узнали?—спросила она съ пылающими щеками.

— Я васъ видалъ,—отвѣтилъ онъ просто.—Но голосъ вашъ не сразу узналъ.

Это былъ прямой намекъ на разговоръ въ маскарадѣ.

— У васъ короткая память, князь. Очень рада, что вы удостоили квартиру мою своимъ посѣщеніемъ.

Студенцова пристально поглядѣла на нее. Та не докончила фразы и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери.

Дашевъ поклонился ей, не подавая руки, и она откинула ему портьеру.

— Теперь вы у насъ частый гость будете,—раздался въ передней ея густой голосъ, и она напряженно засмѣялась.

Студенцова осталась въ гостиной. Она досадовала и на эту искательницу богача-содержателя, и на себя самоё за то, что она волнуется—точно будто въ чемъ провинилась или боится за свое дальнѣйшее знакомство съ княземъ.

Но оставаться жилицей пани Дембицкой будетъ, во всякомъ случаѣ, непріятно. Надо съѣхать къ концу мѣсячнаго срока.

Изъ передней глухо донеслись еще нѣсколько фразъ, сказанныхъ княземъ и Розой Юліановной. И опять—ея напряженный смѣхъ.

Въ портьерѣ показалась ея пышная фигура.

— Вы позволите... на минуту?—зазвучалъ ея вибрирующій голосъ.

— Пожалуйста... только позвольте мнѣ переодѣться... Я должна выѣхать.

— Сдѣлайте одолженіе. Я долго васъ не буду удерживать.

Она остановилась въ дверяхъ спальни, куда вошла Студенцова, и продолжала говорить.

— Поздравляю васъ, милая Женни Андреевна. Вы очень тонко все это подвели... *Досконале*!

— Чтò такое?—отозвалась Студенцова и подошла къ ней поближе.

— Іезусъ-Марія! За кого же вы меня считаете? За провин-

ціональную дуру? Ха, ха! Я съ вами такъ шляхетно поступала... А вы...

— Позвольте,—мягко остановила ее Студенцова:—позвольте. Я ничѣмъ тутъ не виновата. Я избѣгала знакомства съ княземъ... И чтò же я могла сдѣлать, Роза Юліановна?

— Какъ чтò? Іезусъ-Марія! Вы мнѣ—ни одного слова, ни одного! Вѣдь вы знали, что онъ будетъ у васъ... И вамъ достаточно извѣстно—какой я интересъ имѣла къ нему. Но я вамъ оказывала довѣріе... *Якъ Бога кохамъ!* Ничего не подозрѣвала... И вдругъ—извольте, полюбуйтесь... Ха, ха!

— Довольно,—строже прервала ее Студенцова...—Я не стану оправдываться. Вамъ я ни въ чемъ не мѣшала. Такъ случилось противъ моей воли.

— Превосходно, великолѣпно! И вотъ въ моей партикулярной квартирѣ... я должна теперь терпѣть?

— Ничего вы терпѣть не будете, Роза Юліановна. . Черезъ нѣсколько дней начнется новый мѣсяцъ... Я освобожу эти комнаты... Больше я ничего не могу сдѣлать. Вы не заставите же меня хлопотать о вашемъ интересѣ передъ княземъ?..

Студенцова притворила дверь и начала одѣваться.

Изъ гостиной донеслись до нея сначала тяжелые шаги хозяйки. Она вдругъ опустилась въ кресло и заплакала. Раздались всхлипыванья съ какимъ-то подвываньемъ.

— Роза Юліановна... Прошу васъ!..

Она кинулась къ ней.

— Ну, полноте... Я неспособна ни на что неблаговидное... Успокойтесь! Я понимаю, вамъ онъ очень нравился... И вы ему... Развѣ я мѣшаю! Поймите... Теперь вы съ нимъ познакомились. Я готова совсѣмъ стушеваться.

Въ эту минуту ей было очень совѣстно—точно она, въ самомъ дѣлѣ, провинилась. Не желаетъ она отбивать у нея милліонера-гусара!

— Ну, чтò же я вамъ могу еще сказать? Вѣдь вы слышали, что Дашевъ ни на комъ не женится. Онъ мнѣ не женихъ!

— Такъ что жъ изъ этого?—всхлипывая, перебила Дембицкая.—Много найдется охотницъ сдѣлаться княгиней и богачкой. И я не собиралась за него замужъ. Я еще не сумасшедшая... И скажите, ради Бога,—продолжала она, утирая слезы платкомъ,—гдѣ же такая разница между нами... въ его глазахъ, по крайней мѣрѣ? И вы свободная обывателька, какъ и я... можете жить вольно...

— Позвольте...

Студенцова поднялась и отошла къ двери въ спальню. Встала и Дембицкая.

— Что я такого сказала?—закричала та.—Чѣмъ же я хуже васъ? Я прямо, по дружбѣ говорила, что для меня можно зробить такой интэресъ... И для васъ!.. Ха, ха!.. Не откажетесь! Небось!

— Довольно, моя милая! — крикнула ей Студенцова.—Избавьте вы меня отъ вашихъ замѣчаній.

— Прошу, прошу!—задыхаясь, повторила Дембицкая и стремительно выплыла изъ комнаты.

— Какая пошлость!—прошептала Студенцова и стала тереть себѣ виски одеколономъ. Ладони рукъ горѣли и вся она слегка вздрагивала.

Никогда еще ничего подобнаго съ ней не приключалось. Она провела двѣ зимы въ дешевомъ отельчикѣ Латинскаго квартала, гдѣ студенты живутъ съ своими подругами, заходила съ Анемоновымъ въ ночныя кафé, гдѣ служатъ дѣвицы, въ такъ называемые „caboulots", посѣщала балы Moulin Rouge и Бюлье—и ни одна тамошняя женщина не позволила себѣ такой выходки.

И почти цѣлую недѣлю она должна будетъ состоять жилицей этой Розы Юліановны.

XVIII.

„Къ кому же, однако, обратиться"?—былъ первый вопросъ, заданный себѣ ею, когда она, на другой день, проснулась и лежала въ полутьмѣ.

Должно быть, горничной данъ уже особый наказъ отъ хозяйки: обыкновенно она устремлялась поднимать сторы, по первому звонку, а теперь медлитъ.

„Къ кому"?

Черезъ шесть дней—срокъ квартиры. Розѣ Юліановнѣ платила она—до сихъ поръ—за мѣсяцъ впередъ. Та можетъ затѣять съ ней дѣло, пожаловаться мировому, такъ какъ она ее не предупредила за двѣ недѣли. Но и безъ всякаго разбирательства ей и переѣхать не на что.

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ она ждетъ пакета съ деньгами. Пакетъ не является. Она хотѣла послать депешу; но ее удержало малодушное чувство: отвѣтная депеша можетъ совсѣмъ „приплюснуть" ее.

До вчерашней нелѣпой исторіи съ Дембицкой—она не хотѣла углубляться въ то, чтò можетъ произойти съ ней—не нынче-завтра. Но теперь на нее глядѣла уже во всѣ глаза самая настоящая нужда... а потомъ и нищета.

— Чтò дѣлать?—громко прошептала она, и кровь бросилась ей въ лицо.

„Неужели"? — мысленно спросила она себя и сложила на груди руки.

„И очень просто",—отвѣтила она. Въ тонѣ этого отвѣта она услыхала интонаціи Шпандина и подруги ея Ариши Полкановой.

Ничего не можетъ быть проще: получить письмо или депешу изъ Сибири—пріискъ сталъ, и надо его продавать съ аукціона. Не только ничего не останется на ея долю, но упадетъ даже долгъ. Отказываться она не имѣетъ права ни отъ какихъ долговыхъ обязательствъ. Для этого надо было—вò-время—отказаться отъ наслѣдства.

И почему вотъ теперь она все это знаетъ, соображаетъ дѣльно, а еще мѣсяцъ или полгода назадъ такъ безпечно обращалась съ своимъ добромъ? Довѣренность она дала зятю полную, не послала никого туда, и сама не поѣхала, не уничтожила и довѣренности.

Сегодня же можетъ придти письмо или депеша. И если они оповѣстятъ о полномъ крахѣ, то какъ же ей занимать на свой переѣздъ, зная, что она не можетъ отдать... раньше чего?

На это она не въ состояніи отвѣтить.

Значитъ, она и теперь уже нищая. Это совсѣмъ не громкое слово. Для нея, остаться съ нѣсколькими десятками рублей—нищета. И еслибъ пани Дембицкая знала это, она и не то бы еще ей наговорила. Какъ же она смѣла приравнять себя къ ней—хозяйкѣ квартиры, которая позволяетъ ей жить безбѣдно на плату жильцовъ?

На что же ей теперь разсчитывать, если тамъ, гдѣ добываютъ золото—работа стала и наложены казенныя печати?

Роза Юліановна и тутъ сильнѣе и значительнѣе ея. Та хотѣла „зробить интэресъ" и, вѣроятно, имѣла поводъ думать, что она—приглянулась князю Дашеву. Не пригласи она ее въ маскарадъ—у нихъ бы пошло на ладъ. Вѣдь ему нужна любовница—этому резонеру-моралисту, съ его скептицизмомъ и недовѣріемъ къ женщинамъ. А она—еще свѣжа и роскошна и умѣла бы угождать ему во всемъ.

Роза Юліановна ни себѣ, ни другимъ не лжетъ, не выдаетъ себя за добродѣтельную особу. Она прямо охотилась за бога-

чомъ-гусаромъ. Съ нимъ не выгорѣло—найдетъ другого, поскромнѣе, а можетъ, и такого, что сразу обезпечитъ ее, и она будетъ жить какъ настоящая барыня, не нуждаясь въ сдачѣ лишнихъ комнатъ.

И опять всталъ передъ ней вопросъ, съ которымъ она сегодня раскрыла глаза:

„Къ кому же обратиться—прежде чѣмъ она найдетъ средства какъ-нибудь устроить жизнь свою"?

Она начала перебирать всѣхъ петербургскихъ „друзей".

Первымъ пришелъ ей на умъ Разсудинъ.

И онъ, и сестра его, окажутся искреннѣе и сердечнѣе другихъ—въ этомъ она ни секунды не сомнѣвалась. Но они сами—бѣдняки.

Ей нужно, по меньшей мѣрѣ, рублей двѣсти, чтобы переѣхать и прожить хоть мѣсяцъ. Если они ей дадутъ, то Разсудинъ добудетъ ихъ не иначе, какъ взявъ впередъ гонораръ „авансомъ". А развѣ она можетъ ручаться, что отдастъ въ срокъ? И въ какой срокъ?..

Токаревъ? Это было бы всего удобнѣе. Но и онъ небогатый человѣкъ. И передъ нимъ совѣстно.

Какъ вдругъ, чуть не въ одинъ мигъ, въ ней воскресли всѣ тѣ „щепетильности", которыя она считала ниже себя! Вѣдь это, въ сущности, вздоръ: вамъ нужны деньги, вы обращаетесь къ добрымъ знакомымъ. Есть у нихъ—хорошо. Кто порядочный человѣкъ—тотъ дастъ всегда, не разсчитывая непремѣнно на отдачу; такъ и она всегда поступала, когда у нея просили взаймы.

А вотъ совѣстно! Вѣроятно, было бы неловко, еслибъ она и навѣрно знала, что черезъ мѣсяцъ ей пришлютъ.

„Шляхетный гоноръ"! — какъ назвала бы Роза Юліановна. Онъ, должно быть, сильнѣе мозговой работы; онъ кроется въ глубинѣ безсознательной души.

Кто же еще изъ мужчинъ? Шпандинъ—чего же проще? Обратиться къ нему не прямо, а черезъ Анемонова. У ея пріятеля-эстета врядъ ли есть „une somme disponible". Онъ живетъ въ обрѣзъ и, какъ она не разъ замѣчала, насчетъ денегъ онъ очень прижимистъ.

Но съ Шпандинымъ она не желаетъ связываться. Ей до сихъ поръ и то непріятно, что она говорила съ нимъ на тэму биржевой игры. Быть ему одолженной—значитъ выносить безъ всякаго протеста его безцеремонность.

Вѣдь и это все—пустяки. Что же церемониться съ „эфе-

бомъ"? Видно, и тутъ заговорили сейчасъ какіе-то фибры, и они оказываются посильнѣе того, что можно примѣрить какъ модную шляпку и—коли не нравится—сбросить съ головы?..

Совѣстно, неловко, непріятно, гордость и чувство своего „я" не позволяетъ. Но вѣдь можетъ настать такой моментъ, что отъ кого угодно примешь.

Она похолодѣла. Впервые ощутила она что-то ѣдкое и принижающее—и это „нѣчто" уже дунуло на нее своимъ дуновеніемъ не изъ благоуханныхъ сферъ, куда она всегда стремилась, а изъ петербургской подворотни—потный, кислый запахъ черной лѣстницы съ кадушками помой.

„Къ кому же"?—въ послѣдній разъ спросила она.

„Къ Аришѣ"!—схватилась она, какъ за находку, и начала поспѣшно одѣваться.

А горничная такъ и не пришла поднять шторы. И изъ гостиной не слышно было, что она накрываетъ на столъ для утренняго кофе.

XIX.

Посыльный принесъ ей отвѣтъ отъ Полкановой, что та заѣдетъ часу въ пятомъ.

Студенцова не хотѣла ѣхать къ ней сама. Она могла найти дома ея тетку, для нея весьма тошную особу, или дядю, съ его прибауточками крупнаго чиновника-шутника. У Ариши комната была неудобная для разговора съ глазу на глазъ.

Она знала, что Ариша аккуратна и не заставитъ себя ждать. И въ четверть пятаго она уже звонила въ передней.

— Евгенія Андреевна здорова?—раздался ея вопросъ.

— Не знаю-съ. Можетъ быть... голова или нервы... Я ихъ не видала.

Отвѣчала сама хозяйка.

Ариша навѣрно сейчасъ подмѣтитъ перемѣну тона Розы Юліановны.

Въ своей запискѣ Студенцова ничего не говорила о себѣ; а только убѣдительно просила Полканову быть у нея сегодня или завтра.

— Ты здорова?—спросила Полканова, входя въ гостиную.

Она была, какъ всегда, свѣжая, улыбающаяся, съ выраженіемъ себѣ на умѣ, характернымъ для многихъ петербургскихъ дѣвицъ, похожихъ на нее, въ суконномъ свѣтло-гороховомъ

платьѣ, которое обтягивало ея грудь такъ, что грозило лопнуть, и въ воротникѣ изъ брюссельскаго кружева—черномъ съ бѣлымъ.

— Спасибо, Irène, — поздоровалась она съ Полкановой, не употребляя непріятнаго той слова „Ариша“.

У нея вышло безъ задней мысли; но она себя все-таки поймала на такомъ „подходѣ“.

— Здорова?—повторила Полканова.

— Ничего. А ты какъ нынче блистательна... Прелестный воротникъ... Очень модный! Подарокъ?

— Нѣтъ, здѣсь только что получено.

— Point de Bruges,—опредѣлила Студенцова.

— De Bruxelles,—поправила Полканова.

— Можетъ быть... не хочу спорить. Ты, стало, кутишь? Присядь. Извини, что потревожила тебя. Ты во всякое время гуляешь, а я боюсь погоды. Прелестный воротникъ!—повторила она, касаясь пальцами шитья крупныхъ бѣлыхъ разводовъ.—Ты выиграла на внутреннемъ займѣ?

— Нѣтъ... Я никогда не выигрывала. Хоть бы пятьсотъ рублей.

— Стало, у тебя есть билетъ?

— Нѣсколько штукъ есть. Такъ... пустяки.

— Ну, на повышеніе играла удачно?..

Полканова блеснула глазами и кивнула головой.

— Спасибо Шпандину, котораго ты почему-то держишь въ черномъ тѣлѣ. А онъ премилый.

— И мы съ нимъ подъ шумокъ флиртируемъ?

— Подъ шумокъ!.. Вовсе нѣтъ. Мы только пріятели.

— И онъ далъ тебѣ хорошій совѣтъ?

— Ты и по этой части не желаешь воспользоваться имъ?

— Мнѣ не на что играть,—отвѣтила Студенцова и почувствовала, что она стѣсняется.

Все это были опять-таки „подходы“. И ей дѣлалось почти совѣстно за себя. Неужели трудно занять у пріятельницы? Но выходило такъ, какъ будто она выспрашивала Аришу—при деньгахъ ли та, и выпытала у нея, что та въ выигрышѣ.

Она хотѣла спросить. „Много-ли ты выиграла“?—и ей опять стало стыдно.

Но Ариша была сегодня гораздо откровеннѣе обыкновеннаго.

— Да,—продолжала она,—напрасно не поручишь ты Шпандину дѣлать за тебя заказы въ какой-нибудь солидной конторѣ, гдѣ у тебя будетъ счетъ...

— On call?

— Конечно. Ты теперь имѣешь понятіе объ этомъ?

А вдругъ какъ Ариша спроситъ ее: получила ли она деньги изъ Сибири? Шпандинъ, навѣрно, говорилъ съ ней объ этомъ.

Что же тогда? Лгать? Изворачиваться? Еще вчера въ ней жила смутная надежда на то, что тамъ... за Ураломъ, все какъ-нибудь обойдется; но пришла минута занять, и все у нея внутри сжалось, и ее наполнила увѣренность, что ей нечѣмъ будетъ заплатить долгъ, ни черезъ недѣлю, ни черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Но Ариша—биржевая игрица, стало быть, предается дозволенному хищничеству. Она можетъ долго ждать. Только бы она не задала сейчасъ такой вопросъ, на который пришлось бы отвѣчать ложью.

Студенцова подсѣла къ ней и взяла ее за талію.

— Видишь ли, у меня къ тебѣ маленькая просьба...

— Говори.

Въ большихъ и красивыхъ глазахъ Полкановой не появилось безпокойства. Можетъ быть, ей было даже пріятно, что вотъ „эта гордячка Женни“ будетъ просить ее о какомъ-то одолженіи.

Но просьба не сразу соскочила съ языка.

— Вотъ ты удачно играешь на биржѣ...

— Хочешь, чтобы я тебя взяла въ долю? Ха, ха! Шпандинъ опытнѣе меня. Лучше проси его. Только онъ даетъ довольно крупные ордера. А ты теперь при большихъ деньгахъ?

Щеки Студенцовой быстро порозовѣли.

— Вовсе нѣтъ.

— Ну, подожди.

Въ тонѣ Полкановой она не подмѣчала пока ничего подозрительнаго. До сихъ поръ она ни съ кѣмъ, кромѣ Анемонова, не говорила о своихъ денежныхъ дѣлахъ, ожиданіяхъ и страхахъ. А онъ не станетъ пересказывать это, даже и „эфебу“, которымъ онъ такъ восхищается.

— Не можешь ли ты одолжить мнѣ .. рублей триста?—духомъ выговорила Студенцова.

Даже голосъ ея замѣтно оборвался.

— А-а!—протянула Полканова и сейчасъ же поднялась съ кушетки, гдѣ онѣ обѣ сидѣли, и стала оправлять свой богатый кружевной воротникъ.

— Тебѣ нельзя?—тверже произнесла Студенцова, близко подошла къ ней и поглядѣла ей въ лицо съ усмѣшкой.

— Я не говорю этого.

— Боишься?

— Вовсе нѣтъ. Но только у меня въ ассигнаціяхъ нѣтъ такой суммы. Или на счету въ конторѣ, или въ цѣнныхъ бумагахъ.

— Такъ какъ же быть?

„А вдругъ полный погромъ... тамъ?—мигомъ пронеслось въ головѣ.—Неужели я способна сознательно утаить отъ кого бы то ни было"?

Но вѣдь у Ариши счетъ on call и цѣнныя бумаги.

— Только вотъ что̀, Irène... Я не могу взять на себя обязательство уплатить тебѣ въ срокъ. Лучше не давай. Но росписку я дамъ, и если хочешь—проценты.

— Это такая незначительная сумма!—отозвалась Полканова и свой пышный ротъ немного скосила, силясь улыбнуться.

— Напиши сама росписку и, будь добра, принеси ее мнѣ, если можно, завтра.

— Ты ждешь изъ Сибири?—спросила перехваченнымъ звукомъ Полканова, сбираясь уходить.

— Да,—отвѣтила Студенцова.

Она не лгала: вѣдь могъ же придти и денежный пакетъ.

— Хорошо. Я очень рада.

Изъ груди Полкановой вырвалось даже что-то въ родѣ вздоха облегченія.

— Sans faute, Irène?

— Sans faute, Jenny.

И онѣ поцѣловались.

XX.

Еще добрая половина вещей была не прибрана. Студенцова съ утра укладывалась и къ обѣду очень устала.

На завтра она рѣшила переѣзжать. Ариша дала ей триста рублей не деньгами, а тремя билетами четырехъ-процентной ренты, съ тѣмъ, чтобы заложить ихъ, и сама составила очень обстоятельную росписку.

На вечеръ осталась укладка разныхъ мелкихъ вещей и всѣхъ книгъ.

Она легла отдохнуть послѣ обѣда и задремала. Былъ уже восьмой часъ, когда она раскрыла глаза. У нея какъ-то вылетѣло изъ головы то, ка́къ прошли цѣлыхъ четыре дня въ поискахъ новой квартиры. Она только этимъ и занималась и нигдѣ больше не была, не видала ни Анемонова и никого изъ друзей „съ Песковъ".

Все то же щепетильное чувство не позволяло ей говорить съ кѣмъ бы то ни было о сибирскихъ дѣлахъ или разсказывать, почему она такъ внезапно съѣзжаетъ.

Свои требованія она сократила больше, чѣмъ вдвое, и все-таки не могла сразу напасть на порядочную „меблировку". Пришлось взять просто „нумеръ" съ перегородкой, немного менѣе грязный и печальный. Но и онъ стоитъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ, „съ двумя самоварами".

Оглянула она свой франтоватый „салонъ", освѣщенный висячей лампой съ голубымъ абажуромъ, и тотчасъ же вернулась опять къ тому, какъ ей предстоитъ устроиться, и зѝново почувствовала, что такъ ей уже больше не жить, съ тѣмъ хоть и не Богъ знаетъ—какимъ комфортомъ, къ которому привыкла не со вчерашняго дня.

Теперь начнется кочеваніе по петербургскимъ меблировкамъ. Случись это съ ней въ Парижѣ, только не зимою, она бы и за тридцать франковъ въ мѣсяцъ устроилась гдѣ-нибудь въ rue Montparnasse или позади обсерваторіи, съ чудеснымъ видомъ, въ шестомъ этажѣ, ходила бы въ дешевую „crèmerie" и въ „бульонъ". И въ аудиторіяхъ, съ даровымъ входомъ всюду, въ аллеяхъ Люксембурга, не испытывала бы ничего гнетущаго и унизительнаго, той нечистоплотной запущенности, безъ которой бѣдность немыслима здѣсь, и вездѣ, на родинѣ.

И вспомнилась ей послѣдняя ея квартирка, изъ двухъ комнатъ, противъ памятника Клоду Бернару, передъ порталомъ Collége de France, на rue des Ecoles.

Чтò тогда погнало ее? Почему не осталась она тамъ до сихъ поръ? Анемоновъ правъ: это все русское бродяжество, безпорядочная тревога, неумѣніе быть ничѣмъ довольнымъ и знать, къ чему стремишься. Суевѣрное чувство подсказывало ей, что возвращеніе домой было для нея „началомъ конца".

Про Парижъ нѣкоторые русскіе любятъ кричать, что онъ засасываетъ въ свою тину, и въ одинъ годъ молодая дѣвушка хорошей фамиліи превращается въ авантюристку и падаетъ съ каждымъ днемъ все ниже и ниже. Ей и тамъ указывали на двухъ русскихъ барынь... еще недавно изъ самаго „избраннаго" общества. И чтò изъ нихъ сдѣлалъ Парижъ! Не одна нужда губитъ тамъ, а весь воздухъ города, насыщенный міазмами. Она вспомнила лицо одной изъ этихъ барынь. Анемоновъ назвалъ ей ея фамилію. Говорили, что у нея есть еще средства; но она, съ задоромъ безстыдства всегда держала себя какъ продажная женщина.

„Вотъ чтò дѣлаетъ вашъ Парижъ“!—восклицаютъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ.

Но ей этотъ городъ не страшенъ... Ну вотъ съ ней вышло бы то же самое, чтò и здѣсь: денегъ изъ Сибири не шлютъ, а надо мѣнять квартиру и платить впередъ. Болѣе того, она лишилась бы всякой ренты.

И все-таки ей было бы легче. Она нашла бы средство вынырнуть. Ужъ если чего-нибудь добиваться, такъ тамъ. Женщина молодая, съ умомъ, съ образованіемъ, смѣлая, не бездарная, не можетъ не вызывать интереса. Тамъ *цѣнятъ* все, чтò только есть въ женщинѣ привлекательнаго или новаго.

Ну да, *даромъ* вамъ никто ничего не сдѣлаетъ стоющаго: не дастъ ходу, не приметъ на сцену, не возьметъ въ свои ученицы. Русскіе мужчины честнѣе, быть можетъ потому, что у нихъ вялыя натуры, что у нихъ нѣтъ такой потребности въ женской граціи, въ ласкѣ, въ чувствѣ обладанія, какъ въ любомъ парижанинѣ, и молодомъ, и старомъ.

Какой бы цѣной ни выбились вы изъ ничтожества, но Парижъ вознаградитъ васъ щедрѣе, чѣмъ любой городъ въ мірѣ. А чтò вамъ поднесетъ Петербургъ взамѣнъ того, чтò вы утратите? Здѣсь и успѣхъ-то не дастъ вамъ ничего прочнаго. Сегодня васъ носятъ на рукахъ, кричатъ, бѣснуются, подносятъ цѣлые лѣса букетовъ, брилліанты, жемчугà, а тамъ, глядишь, вы слиняли. Такъ, зря!

Перебирая все это въ головѣ, она ни одной секунды не остановилась мыслью на молодомъ мужчинѣ, богатомъ, титулованномъ, который вотъ тутъ, нѣсколько дней назадъ, сидѣлъ около ея кушетки. И тамъ, на берегахъ Сены, такой „покровитель“ былъ бы изъ самыхъ цѣнныхъ. Но въ русской обстановкѣ онъ гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ въ Парижѣ. Она это сознавала, и все-таки дорого бы дала, чтобы перелетѣть туда сейчасъ же. Не великую ли глупость сдѣлала она, заплативъ сегодня впередъ за квартиру? Не лучше ли было бы съ тремя стами рублей сѣсть въ вагонъ и пролетѣть прямо въ Парижъ, и тамъ—бухъ въ это засасывающее море! И погибать тамъ было бы занятнѣе.

Часы въ передней простучали восемь. Пора вставать и укладываться, а она чувствовала вялость во всемъ тѣлѣ. Можетъ быть, она успѣла уже простудиться, рыская по Петербургу съ утра до вечера, за поисками нумера.

Подняться тяжело. Она прислушалась. Въ квартирѣ стоитъ

полная тишина. Хозяйка, разумѣется, въ циркѣ; сегодня суббота, „шикозный день", слѣдуя ея жаргону.

Какъ будто позвонили, но очень слабо. Горничная не шла. Еще звонокъ—уже посильнѣе.

„Неужели князь"?—спросила она и тотчасъ же поднялась. Если онъ — она не приметъ, и не потому только, что одѣта слишкомъ по домашнему.

Сегодня его визитъ былъ бы ей особенно непріятенъ.

Не хотѣла бы она принимать его и въ той „меблировкѣ", куда завтра переберется. И она не хитритъ, не рисуется. Для нея немыслимо обратиться къ нему, даже за простымъ совѣтомъ.

Наконецъ-то горничная отворила кому-то дверь.

XXI.

— Вотъ вы, Михалковъ, и поможете мнѣ уложить книги.

Она была обрадована его приходомъ.

Симпатичнаго юношу она желала бы „развить". Въ немъ и въ пріятеляхъ его по гимназіи и университету идеи 60-хъ годовъ получили новый оттѣнокъ, менѣе прямолинейный. И этимъ надо было воспользоваться. Нѣсколько книжекъ онъ уже получилъ отъ нея. Недавно она отдала ему цѣлый вечеръ и читала вслухъ романъ Джорджа Мередита, во французскомъ переводѣ. Это его еще недостаточно „забираетъ"; но кое-что уже дѣйствуетъ.

— Начнемъ сейчасъ же. Дайте мнѣ все, что̀ вы найдете на полкахъ.

Михалковъ съ большимъ усердіемъ началъ переносить книги съ полокъ на столъ и ставилъ ихъ такъ, чтобы потомъ было удобнѣе укладывать.

— Ну что̀ тамъ, на Пескахъ?—спросила она его.—Павелъ Ѳедоровичъ какъ?

— Да что̀, Евгенія Андреевна, онъ въ очень такомъ нервномъ настроеніи. Немножко его какъ будто оживило то, что онъ будетъ читать.

— Надежда Ѳедоровна не боится?

— Она очень рада. Только бы брату была какая-нибудь „игрушечка"—такъ она выражается. Безсонница его одолѣваетъ, и умственная работа почти-что въ тягость. А лечиться не желаетъ.

Взглянувъ на Студенцову, студентъ усмѣхнулся.

— Надежда Ѳедоровна бываетъ очень довольна, когда онъ отъ васъ придетъ...

— Что же вы не договариваете, Михалковъ?—откликнулась Студенцова.

Она сидѣла около ящика и укладывала книги, которыя онъ ей подавалъ.

— Я ничего не хотѣлъ больше сказать, Евгенія Андреевна.

Но глаза его сконфуженно замигали.

— Это очень понятно,—какъ бы про себя проговорилъ онъ.

— Вы все какими-то намéками,—веселѣе замѣтила она, произнеся слово „намэкъ" какъ москвичи, когда дурачатся.

— Конечно,—заговорилъ Михалковъ, немножно волнуясь.—Павелъ Ѳедоровичъ такая чистая душа... и такъ одинокъ...

— А Надежда Ѳедоровна? Она на него молится!

— Конечно. Она чудесная женщина. Но это не то...

— Ну хорошо,—отозвалась Студенцова.—Какая вы красная дѣвица, Михалковъ!

Она подошла къ нему и прикоснулась рукой къ его плечу.

— Почему же такъ?

— Да ужъ нечего. Это видно. И это я въ васъ особенно люблю.

— Главное тò непріятно за Павла Ѳедоровича,—глаза Михалкова затуманились:—онъ такъ волнуется изъ-за полемики.

— Развѣ Шемадуровъ опять чѣмъ-нибудь разразился?

— Не одинъ онъ... и его адепты также.

— А вы его ученьемъ не увлекаетесь?

— Нѣтъ. Мы интересуемся, и очень, экономическими вопросами; но только не дѣлаемъ изъ этого какого-то евангелія. Можно и своимъ умомъ добраться — правы ли эти господа и ихъ учитель.

— Какой вы мудрый, Михалковъ!

Онъ поглядѣлъ на нее кротко, своими глубокими темными глазами.

— Вы не обижайтесь!.. Я говорю безъ всякаго желанія иронизировать. Только вы въ оцѣнкѣ поэзіи держитесь еще...

— Запоздалыхъ мнѣній, Евгенія Андреевна?..

— Слишкомъ классическихъ. Подайте-ка мнѣ вонъ тотъ желтый томикъ.

Подавая, онъ прочелъ заглавіе и имя автора.

— Вы этого француза не знаете?

— Нѣтъ, не читалъ. Слышалъ что-то. Онъ изъ декадентовъ навѣрно?

— А кто мнѣ далъ слово—зря не употреблять этого термина? А?

— Какъ же иначе выразиться?

— Да никакъ... Просто поэтъ. Вотъ позвольте... у меня тутъ есть закладка?

— Есть.

— Дайте мнѣ книжку. Я вамъ прочту его сонетъ. Только правду говорите—вникаете или нѣтъ?

— Я всегда правду говорю, Евгенія Андреевна.

Онъ сказалъ это безъ задора и такъ мило, что ей захотѣлось приласкать его, какъ маленькаго.

— Ну, слушайте.

— Вѣдь у нихъ все съ вывертами. Чего я, пожалуй, и не пойму.

— Чего не поймете — спросите. Да тутъ и нѣтъ никакой трудности.

Прочла она замедленнымъ тэмпомъ и въ двухъ мѣстахъ спрашивала его глазами—хорошо ли онъ понимаетъ?

— Какъ же на вашъ вкусъ Михалковъ?

— Что-жъ! Это хорошо. Есть чувство... есть и ὀбразность.

— То-то!

— Но вѣдь не всѣ такъ пишутъ, Евгенія Андреевна, изъ этихъ самыхъ...

— Опять!

— Ну, символистовъ, что-ли... А вы со здѣшними знакомства не водите?

— У меня еще полсезона впереди.

Она добавила мысленно: „если я дотяну его“.

— Прошлой зимой я проникалъ въ эти кружки. И что же! Меня не то возмущало, что попадаются между ними совсѣмъ юродивые... А то, что есть такіе дома, гдѣ ихъ принимаютъ и какъ будто съ сочувствіемъ... Они-то воображаютъ, что на нихъ съ почтеніемъ и уваженіемъ смотрятъ, а ихъ—гостямъ, послѣ чая, преподносятъ для потѣхи.

— Неужели?

— Увѣряю васъ! Вотъ съ одного такого вечера я и ушелъ возмущенный. Студентъ тамъ читалъ свои вещи. Ну, декламируетъ онъ смѣшновато, это точно; но стихи сами по себѣ ничего. И онъ всю душу свою въ нихъ полагаетъ. А хозяева его подъуськиваютъ и пересмѣиваютъ съ гостями... Гадость какая!

Опять ей захотѣлось приласкать его послѣ этого возгласа.

— Теперь, Михалковъ, надо укладывать безъ перерыва. Давайте мнѣ сразу вотъ всѣ эти томики.

Ящикъ скоро наполнился—и съ верхомъ.

— Такъ не закроется! Сядемъ оба на ящикъ, авось утрамбуемъ.

Оба засмѣялись и со смѣхомъ сѣли на ящикъ, стараясь посильнѣе надавливать на крышку.

Въ профиль черты лица студента казались еще тоньше, съ длинными рѣсницами и худощавыми щеками, съ нѣжной окрашенностью кожи.

Студенцова невольно заглядѣлась на него. Они сидѣли плотно другъ къ другу.

— Довольно?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, посидимъ еще.

Они не слыхали, какъ кто-то вошелъ въ гостиную.

— Павелъ Ѳедоровичъ! — смущенно шепнулъ Михалковъ и тотчасъ же вскочилъ.

Разсудинъ остановился въ дверяхъ.

XXII.

Михалковъ сконфуженно смотрѣлъ на Разсудина. И тотъ не сразу подалъ ему руку.

— Вотъ уложиться мнѣ помогъ,—указала на него Студенцова.

— Если я вамъ помѣшалъ, я могу и удалиться.

Разсудинъ, говоря это, избѣгалъ ея взгляда, и даже голосъ его замѣтно вздрагивалъ.

— Да теперь уже все почти готово. Присядьте. Кто же васъ гонитъ?

— Нѣтъ... да что же...

Онъ путался въ словахъ.

Студентъ пришелъ въ еще большее смущеніе и самъ взялся за фуражку.

— Позвольте мнѣ, Евгенія Андреевна, удалиться. Я вѣдь собственно эту книгу принесъ. Только ужъ извините... теперь она врядъ ли взойдетъ въ ящикъ.

— Не бѣда, — отозвалась Студенцова. — Я ее завяжу въ плэдъ. Почему же бы вамъ не выпить съ нами чаю?

— Я не большой чаепійца. Мнѣ пора, Евгенія Андреевна.

Михалковъ поспѣшно простился и вышелъ. Она его проводила въ переднюю и оттуда минуты съ двѣ еще доносились ихъ

голоса до Разсудина. Въ неловкой позѣ стоялъ онъ около стола и дергалъ бородку. Въ лицо ему вступила краска. И когда Студенцова вернулась, онъ опять отвернулъ отъ нея голову.

— Здравствуйте, Павелъ Өедоровичъ,—заговорила она, протягивая ему обѣ руки.—Вы со мной хорошенько не поздоровались.

Въ его пожатіи было что-то особенно нервное. Она поглядѣла на него.

— Вы здоровы?

— Какъ видите.

— Вижу, вы на ногахъ. Но у васъ такое лицо...

— Оставимъ это!—рѣзко сказалъ онъ.—Довольно и того, что сестра Надя тормошитъ меня своими безконечными вопросами. Право, вы меня какимъ-то чуть не психопатомъ считаете.

— Зачѣмъ же клеветать, и на кого же? На такое существо, какъ Надежда Өедоровна. Да и меня совсѣмъ напрасно припутали. Ахъ! Я устала! Позвольте прилечь... И вы подите сюда. Спасибо, что зашли. Я Пески совсѣмъ не забыла. Но цѣлыхъ четыре дня я рыскала по Петербургу... искала комнату.

Разсудинъ подошелъ къ кушеткѣ, но не сразу опустился въ кресло.

— Почему же было не дать намъ знать, что вы переѣзжаете? И Надя, и я, мы помогли бы вамъ. Въ такую анаөемскую погоду... еще простудитесь. Вотъ и для укладки...

— Я люблю сама. Да вотъ милѣйшій студентъ завернулъ и помогъ мнѣ.

Разсудинъ промолчалъ.

— Вы недовольны квартирой?—глухо спросилъ онъ и тутъ только сѣлъ.

— Дорого... Мнѣ не по деньгамъ.

— Вы привыкли къ хорошей обстановкѣ.

— Мало ли чтò, Павелъ Өедоровичъ!.. Помните, какъ на этомъ самомъ мѣстѣ вы умоляли меня бросить постыдное участіе въ такомъ дѣлѣ, какъ золотые пріиски? Вы можете теперь радоваться.

— Продали?

— Какое! Я, кажется, наканунѣ полнаго погрома.

Онъ всталъ и, нагнувшись къ ней, спросилъ съ тревогой въ глазахъ:

— Лопнуло все дѣло?

— Кажется.

— И вы... такъ шутя это говорите?!

— А чтò же прикажете дѣлать? Плакать? Вы первый стали

бы стыдить меня. Чтò будетъ, то и будетъ! Вы заподозрите меня въ рисовкѣ, но я не даромъ взяла своимъ motto слова... Вотъ какъ разъ и та книга, которую я давала читать Михалкову. Дайте-ка ее, я вамъ прочту эти слова.

Онъ подалъ ей книгу.

— Вотъ и закладка. Послушайте. „Les soucis des pygmées, dans lesquels s'use la vie, n'ont plus beaucoup de sens pour moi"... Вы подумаете сейчасъ же: какая она хвастунья... Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ хвастунья. Жизнь не шутка... Хоть кого скрутитъ!

— Но позвольте... почему же вы все скрывали отъ тѣхъ, кто, кромѣ добра, кажется...

— Полноте, Разсудинъ... Это совсѣмъ не скрытность. Вы не дѣлецъ... То дѣло, чѣмъ я до сихъ поръ жила, вы презираете и не можете не презирать. Довольно объ этомъ! Еще успѣемъ наговориться о житейскихъ дрязгахъ.

— Почему же дрязгахъ, Евгенія Андреевна?—повторилъ онъ и поглядѣлъ на нее съ выраженіемъ, котораго она еще не знала у него.—Вы говорите—жизнь не шутка... А между тѣмъ вы къ ней относитесь точно къ какому-то увеселительному зрѣлищу... И къ жизни, и къ людямъ...

Голосъ его оборвался. Онъ опустилъ голову въ обѣ ладони, точно желая унять жаръ.

„Чтò это съ нимъ?—тревожно подумала Студенцова.—Неужели начало припадка"?

— Другъ мой, Павелъ Ѳедоровичъ... зачѣмъ изъ-за меня приходить въ дурное настроеніе!

— Развѣ это не правда?—перебилъ онъ ее.—И все вы производите какіе-то эксперименты... in anima vili...

— Вы даже латинскіе афоризмы начали приводить... Ха, ха, это дурной знакъ!..

Ей хотѣлось придать разговору шутливый оттѣнокъ, но онъ не поддавался на него.

— Вотъ хоть бы этотъ студентикъ...

— Какой? Михалковъ? Ахъ, Боже мой! Я была за тысячу верстъ отъ него...

— Конечно! Вы его стали сбивать съ толку... книжки прямо растлѣвающія давать... производить эксперименты и надъ его юной душой... такъ, отъ скуки.

— Вы это—серьезно?—спросила она, поднимая голову.

— Я не умѣю иначе говорить, Евгенія Андреевна... Но развѣ это хорошо?

На этотъ разъ голосъ его задрожалъ сильнѣе. Лицо было и гнѣвное, и страдальческое.

Студенцовой припомнилась тутъ „намеки“ Михалкова. Она смущенно поглядѣла на Разсудина, какъ бы желая найти другую причину его страннаго тона.

— Полноте... Вы ошибаетесь. Я не имѣю никакихъ видовъ на этого юношу... Онъ для меня—умненькій bébé, не больше!

— Совсѣмъ онъ не bébé! Ему двадцать лѣтъ.

Разсудинъ вскочилъ и отошелъ къ окну—т›чно онъ боялся показать, какъ ему тяжело.

— Не знаю... можетъ быть, ему и двадцать лѣтъ,—продолжала Студенцова полушутливо.—Но что жъ изъ этого? Мнѣ просто захотѣлось, чтобы онъ прочелъ нѣсколько хорошихъ книжекъ... Немножко развить его вкусъ.

— Вкусъ? Къ чему? Къ растлѣвающему дилеттантству? Или еще къ чему-нибудь похуже?..

— Павелъ Ѳедоровичъ! — остановила она его. — Мнѣ это больно слышать. Если вамъ что-нибудь такъ не нравилось, то почему же было не сказать мнѣ это дружески... безъ такихъ гнѣвныхъ вспышекъ?.. Сядьте сюда... Видите, я вамъ протягиваю руку.

Онъ медленно приближался колеблющейся походкой. Студенцова продолжала ждать какого-нибудь припадка.

— Сядьте, вотъ сюда, поближе. Я не сержусь. Вы нервны. Васъ губитъ этотъ ужасный городъ съ его дикими литературными нравами. И зачѣмъ вы только возвращались въ него!..

XXIII.

— Да, да... это вѣрно!—откликнулся Разсудинъ и закрылъ лицо руками.—Зачѣмъ, зачѣмъ?—повторялъ онъ прерывающимся звукомъ.

Ей заслышалось что-то въ родѣ глухого плача.

„Неужели“?—подумала она и тотчасъ же спустила ноги, присѣла къ нему ближе и дотронулась рукой до его плеча.

— Павелъ Ѳедоровичъ! Милый! Что же это я какая глупая!.. Только масло подливаю. Вамъ и безъ моего резонерства слишкомъ тяжело!

Онъ не отнималъ рукъ отъ лица и еще ниже нагнулъ голову.

— Но вѣдь у васъ есть могучее средство уйти отъ всѣхъ

этихъ прелестей журнализма. Вы талантъ!.. Я вамъ это говорю. Настоящій талантъ, Павелъ Ѳедоровичъ. Да будь у меня хоть половина вашего дарованія, развѣ я стала бы тратить свои силы— на что? На препирательство съ моими соперниками по журнализму! La belle affaire!—воскликнула она.—Кому это нужно? Даже и для защиты того, за что вы пострадали? Да пишите вы художественные очерки, какіе угодно... изъ какой угодно русской жизни, ими вы будете производить ту же пропаганду, но гораздо сильнѣе и ярче проникнете въ огромный кругъ читателей. На вашемъ мѣстѣ я бы сдѣлалась сотрудникомъ популярнаго изданія, которое печатаютъ въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ, чтобы меня читали въ каждой лавкѣ, въ каждомъ деревенскомъ трактирѣ!..

Она остановилась. Разсудинъ не слушалъ ее. Голова его все такъ же низко была опущена въ ладони рукъ, и онъ качалъ ею, какъ это дѣлаютъ въ минуты сильной физической боли.

И вдругъ руки его упали, и она увидала его совсѣмъ блѣдное лицо, съ каплями слезъ по щекамъ. Глаза были полузакрыты, ротъ нервно вздрагивалъ. Онъ съ усиліемъ сдерживалъ рыданія.

Ей стало очень его жалко и вмѣстѣ обидно за него. Но мысль о томъ, что это не дрязги литераторской жизни, а нѣчто другое, не пришла еще ей въ эту минуту.

— Другъ мой!

Она взяла его за руку.

— Вѣдь это ниже васъ!

— Эхъ, полноте... вы не хотите... понять!

Разсудинъ почти вырвалъ руку, сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая подняться, и не смогъ.

— Не хотите... Какъ же иначе? Развѣ вы можете откликнуться на душу такого простеца, какъ я?.. Ха, ха! Не правда ли смѣшно? Вотъ, я сейчасъ чуть не сдѣлалъ вамъ сцену... изъ-за того студентика. Какъ будто я имѣю какое-нибудь право!

И онъ крикнулъ:

— Пошло! Безобразно! Отвратительно! Недостойно даже вашей жалости...

— Хорошо, хорошо,—начала-было Студенцова.

Но онъ вскинулъ руками и почти крикнулъ:

— Не обращайтесь со мною такъ... Умоляю васъ. Я не малолѣтокъ... Вы видите, что̀ во мнѣ говоритъ. Или даже и этого я не стою, чтобы обратить хоть какое-нибудь вниманіе?..

Слова вылетали у него отрывисто, съ трудомъ, и ротъ судорожно вздрагивалъ.

Студенцова все поняла, и ей стало вдругъ жутко до слезъ.

Неужели она его завлекала? Вѣдь дѣлалъ же намеки Михалковъ! Стало быть это всѣмъ извѣстно. И Анохина, и Токаревъ, это видѣли. Припомнился ей разговоръ съ Токаревымъ, когда онъ провожалъ ее изъ театра. Онъ, конечно, боялся за Разсудина, не считая ее способной отвѣтить на его страсть.

Да, это страсть—запоздалая, мучительная. Она впервые овладѣла его цѣломудренной душой.

Разсудинъ стыдливымъ жестомъ нагнулъ голову, и она упала на ея колѣни, а руками онъ ихъ охватилъ и весь вздрагивалъ. Рыданія прорвались, и больше минуты онъ былъ не въ силахъ ничего вымолвить.

„Что я надѣлала"!—былъ первый ея возгласъ.

Какъ быть теперь? Онъ—милый человѣкъ, честный, талантливый, глубоко убѣжденный, способный жертвовать всѣмъ во имя идеи. Но она изъ одной общей симпатіи не можетъ принадлежать ему. Скажи она одно слово, и онъ отдастъ ей всего себя. Вотъ онъ, законный союзъ! И какой! Все въ Разсудинѣ трепещетъ беззавѣтнымъ чувствомъ. Этотъ не будетъ заявлять сразу, какъ гусаръ Дашевъ, что вступать во второй разъ въ бракъ онъ ни подъ какимъ видомъ несогласенъ.

Но развѣ для нея—если она дѣйствительно безъ предразсудковъ—это не все равно?.. И полюби она одного изъ нихъ—развѣ она стала бы добиваться положенія „супруги"?

Но если ее не прельстило сближеніе съ богачомъ-гусаромъ, если она не считаетъ еще себя способной отдаться не любя, то какъ же ей быть съ этой страстью, которой она не раздѣляетъ? Отдаться изъ жалости, изъ великодушія?..

Въ вискахъ у нея забило. Всѣ эти вопросы и возгласы прошли въ ней съ захватывающей быстротой.

И точно кто сшивалъ ей губы. Она молчала, опустивъ руки на края кушетки, и боялась взглянуть на него.

Рыданія его смолкли.

— Я хочу...—началъ онъ, заикаясь.—Я прошу... одного слова... будь это приговоръ... Но только правду...

— Погодите,—отозвалась она и тотчасъ подняла голову.—Вы меня полюбили. Я не стану охлаждать ваше чувство, говорить, что надо убѣдиться въ немъ. Въ ваши лѣта, Павелъ Ѳедоровичъ, такъ не обманываются. Но вы меня захватили врасплохъ. Я не солгу, сказавъ, что вы мнѣ симпатичны, хотя между нами нѣтъ полнаго ладу. Мы не одного лагеря—вы это сами находили не разъ.

— Умомъ однимъ нельзя жить... а вы бѣжите... отъ всего, что не умъ,—вымолвилъ онъ нѣсколько спокойнѣе.

— Нѣтъ, я не бѣгу ни отъ чего.

— Только насильно милъ не будешь?—глухо спросилъ онъ, и лицо его болѣзненно перекосило.

Разсудинъ всталъ и отошелъ къ окну.

— Зачѣмъ такъ...

Студенцова подбѣжала къ нему и протянула обѣ руки.

— Я не хочу подачекъ! Я не хочу! Не надо! Не дѣлайте надъ собой усилій быть великодушной и корректной. Не надо! Не надо!

Онъ схватилъ шапку и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Павелъ Өедоровичъ!—крикнула она ему вслѣдъ, но не пошла за нимъ, не удерживала его.

Она считала бы это нечестнымъ.

П. Боборыкинъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

Въ теченіе многихъ лѣтъ вопросъ о „переселеніи“ былъ у насъ вопросомъ спорнымъ. Дѣло шло не о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ поощрять переселеніе сельскаго населенія?—вопросъ становился гораздо категоричнѣе, именно: слѣдуетъ ли вообще допускать переселеніе?

Но пока и въ общественномъ мнѣніи, и въ оффиціальныхъ сферахъ, этотъ важный вопросъ обсуждался съ самыхъ противоположныхъ сторонъ и не находилъ разрѣшенія, жизнь и сила вещей брали свое; избытки нашего сельскаго населенія изъ густо населенныхъ губерній приливали изъ году въ годъ въ наши восточныя губерніи, въ Сибирь, на Алтай и даже въ Приамурскій край.

Только въ самое послѣднее время, съ открытіемъ постройки сибирской желѣзной дороги, этотъ вопросъ первостепенной важности былъ выведенъ изъ своего неопредѣленнаго положенія и поставленъ на твердую, раціональную почву.

Въ настоящее время, почти всѣ европейскія страны изливаютъ ежегодно часть избытка своего населенія за границу; эмиграція сдѣлалась почти вездѣ обыденнымъ явленіемъ. Долгое время европейская эмиграція направлялась главнымъ образомъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные-Штаты; затѣмъ, въ послѣдніе годы она направилась въ Бразилію, Аргентину и разныя южно-американскія республики.

Ища за океаномъ спасенія отъ одолѣвающей его дома тѣсноты, устрояя свое благосостояніе на чужбинѣ, эмигрантъ теряетъ всякую подъ собою почву, такъ какъ онъ вполнѣ отрѣшается отъ прежней родины и не скоро въ состояніи сродниться съ новыми

условіями жизни. Во всякомъ случаѣ связь съ родиной оказывается у него совершенно порванною.

Въ нѣсколько болѣе благопріятномъ положеніи находятся страны, обладающія заморскими колоніями, въ которыя можетъ направляться теченіе переселенцевъ, при чемъ сохраняется нѣкоторая связь между выселившимся населеніемъ и его отечествомъ, метрополіей. Вотъ почему вопросъ объ африканскихъ колоніяхъ получилъ въ послѣднее время столь выдающееся значеніе; на этой почвѣ сталкиваются соперничествующіе интересы и Англіи, и Германіи, и Бельгіи, и Франціи.

Россія въ отношеніи колонизаціи находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, обладая въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ свободными землями, на которыя могутъ изливаться избытки сельскаго населенія, не только не разрывая связи съ своимъ отечествомъ, но служа, напротивъ того, къ бо̀льшему сплоченію этихъ дальнихъ странъ съ Россіей.

Ганзенъ,—съ замѣчательнымъ сочиненіемъ котораго мы уже познакомили читателей въ первой части нашего труда [1]),—относится нѣсколько отрицательно къ колонизаціонному вопросу въ европейскихъ странахъ.

По его мнѣнію, для успѣшной колонизаціи необходимо два условія. Во-первыхъ, чтобы въ странѣ существовалъ вообще избытокъ населенія, что̀ почти вездѣ бываетъ, и, во-вторыхъ, чтобы люди, составляющіе этотъ избытокъ, были способны къ тяжелому труду колонизаціи. Этого послѣдняго условія онъ въ западно-европейскихъ странахъ не находитъ.

Чисто-земледѣльческое государство могло бы, по его мнѣнію, постоянно отдавать избытокъ своего населенія, не ослабляя наличности послѣдняго. Такого рода выселеніе существовало въ древнія времена въ Греціи; подобнаго же рода выселеніе происходило въ позднѣйшее время въ Германіи, въ эпоху „переселенія народовъ“.

Но коль скоро въ странѣ уже образовалось значительное среднее сословіе, — послѣднее начинаетъ поглощать, какъ извѣстно, весь избытокъ сельскаго населенія, и тогда для колонизаціи оказывается доступнымъ уже только избытокъ городского населенія. Но этотъ избытокъ составляетъ несравненно худшій элементъ: онъ состоитъ именно изъ личностей, которыя лишены тѣхъ главныхъ качествъ, которыя особенно необходимы для успѣха колонизаціи —прилежанія, энергіи и выдержки въ работѣ.

---

[1]) Государство и Землевладѣніе. Ч. I, изд. 1896 года.

Еще худшій матеріалъ даетъ избытокъ фабричнаго населенія, такъ-называемаго класса рабочихъ. Для страны можетъ быть полезно отъ нихъ отдѣлаться, но колонизаторовъ изъ нихъ никогда не выйдетъ.

За исключеніемъ земледѣльческихъ странъ, на колонизаціонную способность которыхъ уже указано, во всѣхъ другихъ странахъ, по мнѣнію Ганзена, переселеніе за границу какъ лицъ сельскаго сословія, такъ и способныхъ и имѣющихъ у себя дома достаточно занятія лицъ средняго класса, всегда должно дѣйствовать въ смыслѣ пониженія умственнаго уровня въ странѣ. Особенно же вредно выселеніе сельскаго сословія, когда оно происходитъ вслѣдствіе его экспропріаціи и перехода крестьянскихъ земель въ другія руки, какъ это совершалось долгое время въ Ирландіи.

Въ тѣхъ же исключительныхъ случахъ, когда въ странѣ оказывается дѣйствительный естественный избытокъ сельскаго населенія, не находящій себѣ размѣщенія въ городскомъ классѣ, —слѣдовало бы, по мнѣнію Ганзена, заботиться о внутренней колонизаціи, т.-е. о переводѣ его въ другія, менѣе населенныя мѣстности страны, въ видахъ предупрежденія его эмиграціи за границу.

Россія находится именно въ томъ положеніи, которое Ганзенъ считаетъ наиболѣе благопріятнымъ для разрѣшенія переселенческаго вопроса.

Несомнѣнно, Россія уже давно вышла изъ состоянія *исключительно* земледѣльческой страны, въ Россіи уже образовалось довольно значительное среднее сословіе, которому земледѣльческое населеніе можетъ отдавать часть своихъ избытковъ. Но Россія все же еще преимущественно земледѣльческая страна, болѣе трехъ-четвертей всего ея населенія принадлежитъ къ сельскому классу; какъ ни значительно развилось въ послѣднее время наше среднее сословіе, въ сравненіи съ численностью земледѣльческаго населенія, оно все еще составляетъ минимальную величину, и вотъ почему избытокъ послѣдняго столь значителенъ, что не можетъ быть поглощенъ вполнѣ городскимъ классомъ, который изъ него восполняется.

Зависимость благосостоянія страны отъ равномѣрнаго распредѣленія въ ней сельскаго населенія уже съ давнихъ поръ признавалась нашимъ правительствомъ.

Во времена существованія у насъ крѣпостного права надѣленіе крестьянъ достаточнымъ для безбѣднаго ихъ существованія количествомъ земли считалось обязательнымъ. Это начало ясно и

опредѣленно было выражено въ нашемъ до-реформенномъ законодательствѣ (ст. 1107 т. IX св. зак. изд. 1857 г., которое постановляло, что отъ помѣщиковъ, бывшихъ не въ состояніи надѣлить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ $4^1/_2$ десятинами на каждую м. п. душу, крестьяне должны быть отбираемы въ вѣдомство казны. Поэтому уже въ тѣ времена приходилось—для удовлетворенія требованій закона о достаточномъ обезпеченіи крестьянъ землянымъ надѣломъ—прибѣгать къ переселенію нарождавшагося населенія на новыя, пустопорожнія мѣста. Можно потому утверждать, что въ Россіи съ увеличеніемъ народонаселенія росло и пространство земли, такъ какъ значительныя втунѣ лежащія земли могли считаться для производительности страны несуществующими до тѣхъ поръ, пока онѣ не поступили подъ обработку.

Живую и яркую картину подобныхъ переселеній помѣщичьихъ крестьянъ можно найти между прочимъ въ интересной книгѣ Аксакова: „Записки Багрова-внука“.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, статья 1107-ая должна была упраздниться, но никакихъ другихъ постановленій касательно разселенія сельскаго люда въ новое положеніе включено не было. Вопросъ этотъ остался совершенно незатронутымъ, вѣроятно потому, что совершенно не имѣлось въ виду прикрѣпить всѣхъ крестьянъ къ занятіямъ на своей землѣ; полагалось, что избытокъ населенія будетъ находить занятія и заработки въ качествѣ работниковъ какъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, такъ и въ различныхъ отрасляхъ нашей промышленной дѣятельности. Имѣлось въ виду, что крестьяне, сдѣлавшись свободными людьми, должны будутъ сами о себѣ заботиться, пріискивая средства для поддержанія своего благосостоянія. При новыхъ порядкахъ, для крестьянъ возникали совершенно новыя условія жизни, при которыхъ приростъ населенія могъ находить себѣ удовлетвореніе, безъ всякаго правительственнаго на него воздѣйствія. Путями арендованія сосѣднихъ помѣщичьихъ и казенныхъ земель и путемъ пріобрѣтенія земли, они могли выполнять недостаточность надѣла; затѣмъ, усиленные переходы рабочихъ на лѣтнее время изъ густонаселенныхъ въ сосѣднія степныя губерніи на рабочее время могли доставить значительному числу мѣстныхъ жителей средства существованія; наконецъ, можно было ожидать, что улучшеніе культуры сдѣлаетъ землю болѣе производительною и потому дастъ возможность каждому домохозяину питаться на меньшемъ пространствѣ земли.

Во всемъ этомъ высказывалась однако уже съ самаго начала нѣкоторая двойственность взгляда на вопросъ. Съ одной стороны,

правительство слагало съ себя всякую заботу о переселеніи нарождающагося семьями населенія, предоставляя крестьянамъ самимъ заботиться о своей дальнѣйшей судьбѣ, а съ другой стороны, оно не предоставляло имъ необходимой для этого свободы дѣйствія, потому что вслѣдствіе первоначально добровольнаго, а потомъ обязательнаго выкупа, крестьяне долгое время оказывались фактически привязанными къ землѣ.

Для того, чтобы судить, насколько арендованіе и покупка земли, отхожіе промыслы и улучшеніе культуры могли удовлетворять потребностямъ наростающаго населенія, необходимо подвергнуть спеціальному обсужденію каждую изъ вышеуказанныхъ панацей.

I.—Крестьянская аренда.

Вопросъ о крестьянскихъ внѣнадѣльныхъ арендахъ былъ подвергнутъ обстоятельному изслѣдованію въ статьѣ г. Карышева: „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды“ (т. II-й Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи, по даннымъ земской статистики, 1892 г.).

По богатству матеріала и обстоятельности обработки, трудъ г. Карышева представляетъ замѣчательное явленіе въ нашей статистической литературѣ. Мы позволимъ себѣ позаимствовать у него нѣкоторыя данныя, необходимыя для разъясненія вопроса.

Изслѣдованіе г. Карышева захватываетъ 103 уѣзда преимущественно центральныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ губерній. Въ этомъ районѣ изслѣдованія насчитывается $2^1/_2$ милліона наличныхъ крестьянскихъ дворовъ. Изъ этого числа около $42^1/_2$ процентовъ, т.-е. до одного милліона дворовъ, не ограничиваясь своими надѣлами, принанимаютъ къ нимъ посторонnія земли.

Принимая численность двора, въ среднемъ, въ $7^1/_2$ душъ об. пола (это нѣсколько болѣе того, что̀ обыкновенно принимается; г. Короленко исчисляетъ по 6 душъ об. пола на каждый дворъ), г. Карышевъ приходитъ къ заключенію, что въ изслѣдованномъ имъ районѣ *до семи съ половиною милліоновъ* душъ находятся въ зависимости отъ того, возможно ли арендованіе чужихъ земель.

Площадь крестьянскаго надѣла составляетъ въ этой мѣстности 36 съ половиною милліоновъ десятинъ, арендуется же въ этой мѣстности до семи милліоновъ десятинъ; такимъ образомъ, внѣнадѣльная земля составляетъ около *одной пятой* простран-

ства надѣльной земли. Но эти цифры относятся только до пахоты; если же принять въ разсчетъ пастбища и разныя другія угодья, нанимаемыя крестьянами, то окажется, что вся арендуемая земля составляетъ около 30% надѣльной,—другими словами, болѣе четверти всей земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, имъ не принадлежитъ.

Среднюю арендную цѣну за одну десятину можно принять въ 6,3 рубля. По этому разсчету, общая сумма, выплачиваемая крестьянами въ указанной мѣстности за арендованіе необходимыхъ имъ земель, составляетъ около сорока-пяти милліоновъ рублей.

Арендные платежи значительно превосходятъ сумму податныхъ платежей. Въ 95 уѣздахъ, въ которыхъ г. Карышевъ имѣлъ возможность получить по этому предмету точныя данныя, 918.838 арендующихъ дворовъ выплачиваютъ за арендуемую землю 23.877.900 руб. ежегодно, что̀ составляетъ на каждый дворъ среднимъ числомъ по двадцати-пяти руб.,—выкупныхъ же платежей приходится на каждый дворъ только 11 р. 22 коп., мірскихъ платежей сходитъ со двора 3 р. 39 к., а всего 14 руб. 61 коп. Изъ вышеизложеннаго видно, какую скромную роль играютъ подати въ сравненіи съ арендною пла̀тою за землю; при такихъ условіяхъ возможность обходиться безъ арендованія чужой земли должна имѣть выдающееся вліяніе на благосостояніе крестьянскаго населенія. Этимъ обстоятельствомъ объясняется между прочимъ меньшій процентъ недоимокъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, несмотря на довольно плохую почву, въ сравненіи съ центральными и южными губерніями.

Власть земли еще сильна надъ русскимъ крестьянствомъ; въ массѣ оно не разорвало еще связи съ ней, и вотъ почему, прежде чѣмъ бросать свой надѣлъ и дворъ и переселяться на чужую сторону, домохозяинъ пытается путемъ найма земли у себя дома устроить сколько-нибудь свое хозяйство. Было бы предложеніе—съемщики всегда найдутся. Это можетъ считаться общимъ правиломъ; отдѣльныя случайныя исключенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не могутъ служить опроверженіемъ этому положенію. Крестьяне захватываютъ всѣ земли, которыя только могутъ отойти въ аренду. Такое неуклонное преобладаніе подобнаго явленія можетъ быть объяснено только тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще нужда въ расширеніи собственной сельско-хозяйственной площади не находитъ достаточнаго удовлетворенія; упомянутая нужда ощущается внѣ всякихъ различій въ условіяхъ хозяйства и состава населе-

нія всѣхъ группъ земледѣльческой массы и на всей территоріи, обслѣдованной г. Карышевымъ.

Въ послѣднее время явились нѣкоторые признаки, указывающіе на то, что общее положеніе, констатированное г. Карышевымъ, какъ бы начинаетъ измѣняться; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жалуются, что крестьяне отказываются отъ аренды; что земли некому сдавать и т. п.; но если вникнуть ближе въ причины этого явленія, то оказывается, что это происходитъ не отъ уменьшенія потребности найма, а отъ разоренія крестьянъ, вызваннаго цѣлымъ рядомъ неурожайныхъ годовъ. Крестьяне отказываются въ такихъ мѣстностяхъ отъ аренды, не потому, чтобы они не нуждались въ землѣ, а потому, что имъ уже не подъсилу платить аренду, и что вслѣдствіе разоренія они забрасываютъ даже свое хозяйство. Эго печальное явленіе потому никакъ не можетъ служить опроверженіемъ общаго начала, подмѣченнаго г. Карышевымъ.

Предложеніе земли тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе число больше-владѣльческихъ имѣній въ данной мѣстности. Это—очевидно a priori, и легко можетъ быть подтверждено положительными данными. Если раздѣлить всѣ арендующія губерніи на полосу меньшихъ арендъ, къ которой г. Карышевъ относитъ пространство, идущее отъ южныхъ морей по направленію къ сѣверу, захватывая часть курской, воронежской, орловской и тамбовской губерніи, почти всю рязанскую, и затѣмъ расширяющееся на сѣверъ по линіи отъ востока къ западу,—и на многоарендную полосу, окружающую малоарендную полосу съ юго-востока, юга и запада, то окажется, что въ малоарендной полосѣ приходится крупнаго землевладѣнія 52%, средняго 32% и мелкаго 16%, а въ многоарендной полосѣ—крупнаго землевладѣнія 62,5%, средняго 30,5% и мелкаго 7%; другими словами, многоарендныя губерніи—это губерніи съ преобладающею крупною земельною собственностью.

Внутри двухъ главныхъ условій *спроса* и *предложенія* является еще цѣлый рядъ второстепенныхъ причинъ, также обусловливающихъ развитіе и направленіе крестьянскаго арендованія.

Обращаясь къ вопросу объ отношеніи арендуемой земли къ надѣльной, можно бы предполагать, что величина надѣла и величина арендуемой земли должны измѣняться въ обратномъ между собою отношеніи. Наличная площадь крестьянскихъ надѣловъ, не удовлетворяя требованіямъ существующей сельскохозяйственной культуры, заставляетъ крестьянъ обращаться къ найму на сторонѣ; казалось бы потому естественнымъ, что малоземельные

крестьяне должны прибѣгать къ арендѣ въ болѣе значительной степени, и что возможность арендованія при прочихъ равныхъ условіяхъ должна приводить къ нѣкоторому уравновѣшенію, восполняя бо̀льшею арендою ме́ньшіе надѣлы. На практикѣ однако выходитъ совершенно другое. Несомнѣнно, чѣмъ менѣе у крестьянина надѣла, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ восполненіяхъ его арендованіями чужой земли. Но не всѣ крестьяне въ состояніи осуществить это естественное стремленіе, главнымъ образомъ вслѣдствіе тѣхъ хозяйственныхъ различій, которыя проявляются среди крестьянской массы. Различія эти играютъ крупную роль въ борьбѣ, происходящей между земледѣльцами изъ-за полученія желаемой доли предлагаемыхъ къ сдачѣ земель. Дворы, сравнительно болѣе обезпеченные надѣломъ, рабочей силой и сельскохозяйственнымъ инвентаремъ, имѣютъ болѣе данныхъ для побѣды въ этой борьбѣ и потому оттѣсняютъ на второй планъ дворы менѣе обезпеченные. Сравнивая различныя мѣстности между собою, несомнѣнно, что, при данныхъ условіяхъ предложенія, болѣе будутъ арендоваться тѣ мѣстности, которыя болѣе нуждаются въ землѣ, т.-е. малонадѣльные районы. Но было бы ошибочно предполагать, что въ каждой данной мѣстности наиболѣе нуждающіеся въ землѣ дворы арендуются болѣе другихъ. Такъ какъ болѣе или менѣе всѣ нуждаются въ землѣ, количество же предложенія ограничено, то болѣе арендуютъ не болѣе нуждающіеся, а, напротивъ того, болѣе состоятельные домохозяева, т.-е. въ сущности именно тѣ, которые нуждаются въ землѣ менѣе другихъ. Тамъ, гдѣ представляется возможнымъ прослѣдить отношеніе размѣровъ арендъ къ количеству собственной земли съемщика, съ удивительною ясностью выступаетъ поражающій фактъ: аренды возрастаютъ и падаютъ не въ *обратномъ*, а въ *прямомъ* отношеніи къ бо̀льшей или меньшей величинѣ надѣла; нивелирующая роль пользованія чужою землей между отдѣльными домохозяевами совершенно уничтожается. Можно даже сказать, что съемка чужой земли служитъ обыкновенно въ уѣздѣ однимъ изъ главныхъ признаковъ, отличающихъ состоятельный крестьянскій дворъ отъ несостоятельнаго.

Что̀ же дѣлается съ остальными? Они получаютъ послѣ своихъ болѣе обезпеченныхъ конкуррентовъ остатки земель, предназначенныхъ къ сдачѣ. Съемка ихъ сокращается потому до крайнихъ размѣровъ, далеко не соотвѣтствующихъ ихъ дѣйствительной потребности. Недостаточная обезпеченность собственной землей становится у нихъ причиной слабаго пользованія чужою землей, а это послѣднее обстоятельство ведетъ къ дальнѣйшему

ослабленію ихъ хозяйственнаго положенія. Разница въ размѣрахъ благосостоянія между крестьянами такимъ образомъ должна становиться все болѣе и болѣе глубокой. Богатые богатѣютъ, а бѣдные бѣднѣютъ, если только не находятъ во внѣнадѣльныхъ заработкахъ источника пропитанія и поправленія своего хозяйства.

Распредѣленіе земли, арендуемой крестьянами, обусловливается впрочемъ еще до нѣкоторой степени способомъ ея съемки.

Земли снимаютъ *общества*, *отдѣльные крестьяне* и *артели*.

При *общинной* арендѣ, распредѣлителемъ земли является сама община, которая всегда можетъ уравновѣсить въ раздѣлѣ снятый участокъ по нуждамъ каждаго члена общины; поэтому при такой формѣ арендованія происходитъ обыкновенно довольно справедливое распредѣленіе арендуемой земли. Общинный съемъ стремится въ принципѣ къ нивеллированію въ хозяйственномъ отношеніи всѣхъ членовъ общины въ смыслѣ обезпеченія каждому домохозяину minimum'а благосостоянія. Часто арендованная земля даже вполнѣ сливается съ надѣльною, подвергаясь за тѣмъ общей разверсткѣ. Иногда община выдвигаетъ даже на первый планъ болѣе нуждающихся. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ саратовской губерніи, по мѣрѣ возрастанія нужды въ землѣ, міръ при разверсткѣ отводитъ все бо̀льшее и бо̀льшее мѣсто признаку потребности въ землѣ, и часто бѣдному отводятъ болѣе, чѣмъ среднезажиточному.

Хотя подобное отношеніе къ нуждающимся членамъ общества и представляетъ явленіе исключительное, но вообще можно сказать, что при общинныхъ арендахъ бѣднѣйшіе члены общества всегда имѣютъ возможность получить посильное участіе въ арендуемой землѣ. Рядомъ статистическихъ данныхъ г. Карышевъ доказываетъ убѣдительно, что съ распространеніемъ мірскихъ арендъ всегда улучшается крестьянское хозяйство. Чѣмъ доступнѣе крестьянамъ аренда, тѣмъ они прочнѣе держатся и своихъ надѣловъ, а такъ какъ въ обществахъ, арендующихъ землю міромъ, послѣдняя болѣе доступна всѣмъ членамъ, какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ, то въ такихъ обществахъ замѣчается меньшій процентъ заброшенныхъ хозяйствъ.

При общинной съемкѣ не только достигается болѣе справедливое распредѣленіе земли между всѣми домохозяевами, но общества имѣютъ еще бо̀льшею частью возможность снимать землю на болѣе продолжительное время, и при томъ не по десятинѣ, а цѣлыми участками, и тѣмъ обезпечить за собою не только необходимое пространство пахотной земли, но и разныя другія угодья, покосы, пастбища и т. д.

Несомнѣнно потому, что съ народно-хозяйственной точки зрѣнія общинное арендованіе представляетъ существенную выгоду. Эта форма арендованія преобладаетъ однако только тамъ, гдѣ предложеніе земли значительно, т.-е. въ мѣстностяхъ многоарендныхъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится дѣло при *единоличныхъ* крестьянскихъ арендахъ. Отдѣльные крестьяне бо̀льшею частью не въ состояніи снимать цѣлые участки, а арендуютъ землю пополосно или подесятинно, и притомъ снимаютъ ее обыкновенно на болѣе короткій срокъ, нерѣдко даже погодно. Такимъ образомъ, въ средѣ ихъ является ежегодная погоня за мелкими участками, вызывающая взаимную между ними конкурренцію, при которой болѣе самостоятельные, какъ уже выше указано, всегда одерживаютъ верхъ; устраненіе же отъ пользованія арендной землей менѣе зажиточныхъ крестьянъ ведетъ къ постепенному преобразованію крестьянъ-земледѣльцевъ въ наемныхъ рабочихъ; имъ уже трудно вести собственное хозяйство, оно забрасывается; такіе крестьяне окончательно сдаютъ свои надѣлы, уже не обезпечивающіе имъ прокормленія,—другимъ.

Между общинной и единоличной арендой стоитъ *артельная* аренда, получившая вмѣстѣ съ временемъ значительное распространеніе. Артельная аренда мало-по-малу вышла изъ общинной аренды, путемъ совершеннаго устраненія начала попечительной заботливости о малосостоятельныхъ членахъ общины. Въ артели условіемъ участія въ арендѣ ставится на первое мѣсто уже не нужда въ землѣ, а возможность выплачивать арендные взносы. Вездѣ, гдѣ является посторонняя конкурренція, она искусственно возвышаетъ цѣну на землю и тѣмъ самымъ поставляетъ общины въ необходимость относиться осторожнѣе къ съемкѣ земли, такъ какъ, при постепенномъ возвышеніи арендной платы увеличивается вѣроятность недоимки, за которую пришлось бы расплачиваться состоятельнымъ членамъ общества. Вотъ почему начинаютъ давать бѣднѣйшимъ членамъ лишь слабое участіе въ арендѣ, а за тѣмъ мало-по-малу доходятъ до того, что ихъ совершенно исключаютъ. Число отпадающихъ членовъ становится все значительнѣе, число остающихся съемщиковъ все уменьшается, и наконецъ общинная аренда перестаетъ существовать и по названію, превращаясь въ артельную,—на мѣсто общества становится товарищество изъ нѣсколькихъ съемщиковъ.

До сихъ поръ мы говорили только о наймѣ земли крестьянами для ихъ собственнаго употребленія, но параллельно съ этимъ начинается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ развиваться *спекуляціон-*

ная аренда, представляющая явленіе весьма нежелательное и опасное во многихъ отношеніяхъ. Настойчивое стремленіе надѣльнаго крестьянства къ расширенію своей сельско-хозяйственной площади вызываетъ выгодность для арендаторовъ передачи нанятыхъ участковъ другимъ—частями, по возвышеннымъ цѣнамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ коихъ условія тому особенно благопріятствуютъ, подобная передача земель становится исключительнымъ занятіемъ нѣкоторыхъ крестьянъ, — они мало-помалу оставляютъ даже собственное хозяйство, чтобы посвятить себя исключительно спекуляціонной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, въ самарской губерніи преобладаетъ типъ мѣстныхъ крестьянъ-капиталистовъ. Сравнительная легкость и выгодность условій арендованія уже повліяла на обогащеніе отдѣльныхъ лицъ мѣстнаго населенія, которыя направляютъ свои средства въ ущербъ своихъ бывшихъ односельчанъ.

Совершенно другое явленіе мы видимъ на юго-западѣ. Тамъ крестьянскій элементъ гораздо слабѣе, и потому выдаются преимущественно еврейскія спекуляціонныя аренды. Посторонніе капиталы привлекаются къ спекуляціи на землю, вслѣдствіе безспорной выгодности предпріятія, обусловленной легкостью борьбы съ арендаторами изъ первыхъ рукъ, т.-е. крестьянами, въ виду представляемой съемщикомъ-капиталистомъ бо̀льшей гарантіи владѣльцу земли въ исправности взноса арендной платы. Посторонніе капиталисты ведутъ дѣло въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ капиталисты, вышедшіе изъ среды крестьянъ.

Хотя спекуляціонная аренда и не представляетъ еще господствующаго явленія въ бо̀льшей части мѣстностей, однако постоянный ростъ спроса на землю, который только въ послѣднее время нѣсколько пріостановился, вызываетъ все бо̀льшее развитіе спекуляціонной аренды. Эта сравнительно новая сила капитала, прилагаемаго къ спекуляціи на землю, производитъ разрушающее дѣйствіе, особенно на общинныя аренды, съуживая ихъ все болѣе и болѣе; домохозяинъ становится предметомъ спекуляціи. Въ ростовскомъ-на-Дону уѣздѣ, напримѣръ, всѣ съемочныя земли переоброчиваются въ третьи руки. То же замѣчается въ бахмутскомъ, бугурусланскомъ, хотинскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ. Такимъ образомъ возникаетъ и у насъ то же явленіе, которое разоряетъ Ирландію — фермерское посредничество.

Прибыль посредника слагается на счетъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Несмотря на то̀, большинство сдатчиковъ предпочитаютъ имѣть дѣло съ однимъ лицомъ, хотя это и обусловли-

вается нѣкоторымъ пониженіемъ цѣны,—потому что одно лицо, капиталистъ, представляетъ наибольшую гарантію исправности; даже въ неурожайный годъ съемщикъ-капиталистъ не доведетъ до недоимки. Но какою цѣною достигается такая исправность,—объ этомъ бо̀льшая часть сдатчиковъ не думаютъ. Снявъ цѣлый участокъ, капиталистъ-съемщикъ получаетъ монопольное значеніе и можетъ сдавать землю въ розницу по значительно увеличеннымъ цѣнамъ. Прибыль посредниковъ равняется иногда нѣсколькимъ стамъ процентовъ съ наемной цѣны. Такимъ образомъ въ окончательномъ результатѣ теряютъ обѣ стороны—и сдатчикъ, и дѣйствительный съемщикъ,—выигрываетъ только посредникъ.

При съемкѣ изъ вторыхъ рукъ, процессъ выбрасыванія за бортъ менѣе состоятельныхъ сельскихъ хозяевъ долженъ развиваться еще въ гораздо бо̀льшей степени; тутъ уже о какихъ-либо соображеніяхъ съ потребностями съемщика не можетъ быть и рѣчи; полученіе наибольшаго и наиболѣе обезпеченнаго дохода отъ земли становится единственною цѣлью. Едва ли можно представить себѣ процессъ болѣе пагубный для страны и болѣе вредный для земледѣльческаго его населенія, какъ вступленіе въ арендное дѣло спекулятивно-фермерскаго посредничества.

Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ условій происходитъ постоянная борьба между общинными, единоличными и спекуляціонными съемщиками земли.

Достаточное обезпеченіе мѣстнаго земледѣльца землею парализуетъ возможность спекулятивнаго примѣненія капитала къ арендѣ. Тамъ, гдѣ мірская аренда стремится надѣлить каждаго общинника необходимымъ ему клочкомъ земли, передача арендованной земли въ третьи руки становится немыслимой. Вторженіе спекулятивнаго арендованія появляется всякій разъ, какъ скоро ни надѣлъ, ни общинная аренда, не въ состояніи достаточно обезпечить крестьянина, т.-е. вообще при недостаткѣ земли и, вслѣдствіе того, слабаго предложенія его въ данной мѣстности. Разъ подобная борьба возникла, единоличная аренда начинаетъ захватывать изъ предлагаемой земли наиболѣе выгодные участки; общинная аренда продолжаетъ еще существовать нѣкоторое время, но мало-по-малу по необходимости превращается въ артельную аренду. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ интенсивность спроса, увеличиваются и размѣры прибыли—а тѣмъ болѣе привлекается и капиталовъ къ арендованію. Напротивъ того, въ области большого предложенія земли, шансы общинной аренды увеличиваются; хотя единоличная аренда и въ такихъ мѣстностяхъ захватываетъ значительное пространство земли, но она не въ состояніи вос-

препятствовать развитію рядомъ съ нею и мірскихъ арендъ. Наиболѣе выгодныя условія общинная аренда находитъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ казенныя и удѣльныя земли.

Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ результаты свободнаго соперничества не заставляютъ себя ждать. Разъ выпущенные изъ рукъ общины участки къ ней уже не возвращаются. Во многихъ мѣстностяхъ земли начинаютъ уже сосредоточиваться въ рукахъ того класса владѣльцевъ, который составляетъ главнымъ образомъ контингентъ крупныхъ арендныхъ промышленниковъ. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ величины аренднаго фонда, постепенно сокращается и предложеніе земли; кое-гдѣ увеличиваются господскія запашки, хотя это и составляетъ еще исключеніе; въ иныхъ мѣстахъ свободные участки казенной земли занимаются переселенцами; въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ переходъ значительнаго числа имѣній изъ рукъ старо-помѣстнаго сословія въ руки промышленниковъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ-капиталистовъ; наконецъ, ко всему этому принадлежитъ на югѣ расширеніе владѣній колонистовъ.

Все это вліяетъ на уменьшеніе общинныхъ арендъ и на переходъ земли въ руки промышленника-арендатора, и приводитъ къ системѣ эксплуатаціи, обѣщающей въ будущемъ несомнѣнное истощеніе почвы.

Аренды бываютъ *денежныя* и *натуральныя* (скопщина испольная и отработная аренда).

Въ существѣ денежныя аренды всегда дешевле, и потому состоятельные члены общества всегда стремятся къ найму за деньги. Бѣднѣйшіе члены общества, напротивъ того, стоятъ за натуральную аренду, съ одной стороны, въ виду трудности во всякое время добыть необходимыя для уплаты аренды деньги, а съ другой стороны, въ виду опасности, представляемой для нихъ денежною арендою,—опасности, не всегда уравновѣшиваемой большею дешевизною послѣдней. При денежной арендѣ, уплативъ извѣстное число рублей за десятину, крестьянинъ, въ случаѣ неурожая, терпитъ страшный убытокъ; пропадаютъ не только сѣмена и работа, но и рубли, уплаченные за землю. Трудъ свой крестьянинъ цѣнитъ мало, и потому преимущество скопщины представляется ему очевиднымъ. Онъ разсчитываетъ на то, что хотя и придется отдать значительную часть урожая владѣльцу, но если только сборъ будетъ хорошъ, то и на его долю достанется порядочная часть, при сравнительно малой затратѣ наличныхъ средствъ, а при неурожаѣ онъ теряетъ только трудъ и сѣмена. Потерять то, что̀ онъ заплатилъ изъ своего кармана, ему не предстоитъ опасности. Вотъ

почему натуральная аренда продолжаетъ существовать, хотя условія ея и становятся все невыгоднѣе.

Система отработки въ ряду натуральной аренды представляетъ повидимому наиболѣе преимуществъ. Арендаторъ не только не расходуется на деньги, но и сохраняетъ все произведеніе земли, платя за нее работою, которую крестьяне не очень цѣнятъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ даже болѣе или менѣе отсутствуютъ выгодные посторонніе заработки. Но эта система имѣетъ и обратную сторону. Уже не говоря о томъ, что трудъ крестьянина цѣнится очень низко, съемщикъ обязанъ отработать условные дни по первому требованію—а это требованіе совпадаетъ обыкновенно съ потребностью его собственнаго хозяйства, которое отъ этого страдаетъ. Запоздать посѣвомъ или уборкой много значитъ для крестьянина; въ страдное время, по словамъ крестьянъ, недѣля кормитъ годъ. По этому состоятельные крестьяне все же предпочитаютъ денежную аренду. Натуральная аренда держится во многихъ мѣстахъ потому, что, какъ уже указано, она не требуетъ наличныхъ денегъ и связана съ меньшимъ рискомъ, въ случаѣ неурожая. Кромѣ того, для сдатчиковъ натуральная аренда съ отработкой представляетъ тоже нѣкоторую выгоду, доставляя имъ рабочій трудъ, особенно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ иначе трудно добыть рабочихъ. Но и для нихъ она имѣетъ много невыгодныхъ сторонъ; не получая денежнаго вознагражденія за свой трудъ и возмѣщая имъ плату за землю, такой рабочій работаетъ обыкновенно дурно, небрежно, и не можетъ сравниваться съ наемнымъ рабочимъ по приносимой пользѣ; страдаютъ и хозяйство крестьянина, и хозяйство помѣщика.

Весьма важное значеніе въ арендномъ вопросѣ имѣетъ *время*, на которое снимается земля. Когда община снимаетъ цѣлый участокъ, то это происходитъ обыкновенно въ видѣ многолѣтняго найма, а долгосрочность аренды всегда удешевляетъ стоимость аренды, и соединена бываетъ кромѣ того съ пользованіемъ нѣсколько болѣе выгодными условіями. Напротивъ того, пополосная единоличная аренда большею частію ограничивается годовымъ срокомъ, земля снимается изъ года въ годъ. Несмотря на ея неудобства, эта послѣдняя система преобладаетъ однако надъ съемкой въ годы, какъ то видно изъ нижеприводимыхъ цифръ:

Въ малоарендномъ районѣ:				
снимается	погодно	74,6%	на года	25,4%
Въ многоарендномъ районѣ:				
на юго-западѣ	„	71,6%	„	28,4%
на югѣ	„	55%	„	45%
на юго-востокѣ	„	45,5%	„	54,5%

Итакъ, оказывается, что во всемъ малоарендномъ районѣ, а также и на юго-западѣ, до трехъ-четвертей всей арендуемой земли снимается погодно. На югѣ почти половина, а на юго-востокѣ болѣе половины арендованной земли снимается на продолжительные сроки. Это объясняется на югѣ значительнымъ количествомъ въ этой мѣстности казенныхъ и удѣльныхъ земель, которыя вообще предоставляютъ крестьянамъ-съемщикамъ болѣе выгодныя условія. Въ юго-западномъ районѣ, въ которомъ встрѣчается минимальная часть долгосрочныхъ арендъ, наличность казенныхъ и удѣльныхъ земель незначительна, и составляетъ не болѣе 3,3% всего пространства земли; напротивъ того, въ юго-восточномъ районѣ, гдѣ продолжительность арендныхъ сроковъ превосходитъ половину всѣхъ съемокъ, т.-е. достигаетъ наибольшаго развитія, казенныя и удѣльныя земли составляютъ до 8,5% всей площади земли. Другимъ условіемъ долгосрочности аренды представляется нахожденіе значительнаго пространства земли, предлагаемаго на съемъ; въ такихъ мѣстностяхъ и съ частновладѣльческими хозяевами заключаются аренды на продолжительное время. Это происходитъ именно въ южномъ районѣ, гдѣ, несмотря на значительное преобладаніе частновладѣльческихъ земель, долгосрочныя аренды составляютъ около половины всѣхъ сдѣлокъ. На юго-западѣ, напротивъ того, гдѣ и предложеніе земли незначительно, и немного казенныхъ и удѣльныхъ земель—долгосрочныя аренды не достигаютъ даже одной трети всѣхъ сдѣлокъ.

Вообще же при прочихъ равныхъ условіяхъ арендаторы всегда стремятся получить землю на продолжительные сроки, а сдатчики предпочитаютъ годовую аренду; существованіе казенныхъ и удѣльныхъ земель склоняетъ борьбу въ пользу съемщиковъ не только непосредственно, потому что казна и удѣлы идутъ на долгіе сроки, но и косвенно, потому что этимъ самымъ и частные владѣльцы побуждаются соглашаться на болѣе выгодныя для съемщиковъ условія.

Наибольшее развитіе погоднаго найма встрѣчается именно въ тѣхъ районахъ, гдѣ крестьяне менѣе обезпечены землей, т.-е. гдѣ они болѣе всего нуждаются въ землѣ и гдѣ у нихъ слабо развито скотоводство. Центръ Россіи и юго-западъ по среднему пространству земли, приходящемуся на каждый дворъ, рѣзко отличаются отъ остальныхъ двухъ районовъ; центральный районъ даетъ кромѣ того максимальную цифру безлошадныхъ дворовъ, и именно въ этихъ районахъ преобладаетъ погодная аренда.

Обращаясь къ вопросу о платѣ за землю, мы уже видѣли, что средняя арендная цѣна колеблется въ предѣлахъ 6—7 рублей за

десятину; по отдѣльнымъ мѣстностямъ эта средняя цѣна распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ *малоарендной* полосѣ она составляетъ на сѣв.-востокѣ—8 р. 44 к. за десятину, въ центральныхъ губерніяхъ—10 р. 32 к., въ горномъ югѣ—7 р. 79 к., въ степномъ югѣ—4 р. 2 к., и наконецъ на сѣверо-западѣ 2 р. 34 к. Въ *многоарендной* полосѣ она составляетъ 10 р. 32 к. на юго-западѣ, 5 р. 75 к. на юго-востокѣ, 2 р. 88 к. на югѣ и 2 р. 16 к. на сѣверо-западѣ.

Въ общемъ можно сказать, что до самаго послѣдняго времени движеніе арендныхъ цѣнъ шло постоянно кверху [1]). Такое поступательное движеніе обусловливалось главнымъ образомъ естественнымъ ростомъ спроса на землю, вслѣдствіе увеличенія численности населенія, но кромѣ того въ этомъ же направленіи дѣйствовали и разныя другія обстоятельства. Такъ, напр., въ ростовскомъ-на-Дону уѣздѣ арендная плата увеличилась вслѣдствіе распространенія частнаго землевладѣнія среднихъ размѣровъ. Многочисленные мелкіе собственники уступали мѣсто болѣе крупнымъ владѣльцамъ, — вслѣдствіе чего уменьшалась конкурренція сдатчиковъ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали—возвращеніе владѣльцевъ на свою землю для личнаго занятія хозяйствомъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и т. п. случайныя причины.

Вообще можно принять за правило, что въ каждой мѣстности арендная цѣна тѣмъ выше, чѣмъ больше лицъ участвуютъ въ каждой отдѣльной арендѣ: дешевле всѣхъ нанимаютъ отдѣльныя лица (капиталисты), нѣсколько дороже—артели, а еще дороже—общины. Особенно вліяютъ на поднятіе цѣнъ посредники, вторгающіеся между землевладѣльцемъ и дѣйствительнымъ съемщикомъ, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ. Въ самарскомъ уѣздѣ арендаторы-посредники снимали казенныя земли по 2 р. 30 к. за десятину, а сами сдавали ихъ въ третьи руки по 6 и даже по 10 руб. за десятину. Въ ставропольскомъ уѣздѣ купцы арендуютъ 14.932 десятины, т.-е. почти треть всей подлежащей арендѣ земли, сдавая ее крестьянамъ по 1 р. 50 к., по 3 рубля, по 6, 9, 12 и даже до 15 руб. за десятину, которая имъ самимъ обходилась отъ 1 р. 18 к. до 2 р. 21 коп. Эти цѣны не среднія, но все же цѣны дѣйствительно существовавшія въ уѣздѣ.

Въ послѣднее время, какъ уже выше указано, замѣчается однако нѣкоторая остановка въ ростѣ арендныхъ цѣнъ на землю,

[1]) Возвышеніе арендныхъ цѣнъ шло даже въ постоянно возрастающей прогрессіи. Въ семидесятыхъ годахъ арендныя цѣны росли быстрѣе, чѣмъ въ шестидесятыхъ, въ восьмидесятыхъ—быстрѣе, чѣмъ въ семидесятыхъ.

проявляется даже обратное движеніе; такъ, въ воронежской губерніи, въ елецкомъ уѣздѣ орловской и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, уже жалуются на то, что не находятъ съемщиковъ на землю даже по пониженнымъ цѣнамъ. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ разныхъ обстоятельствахъ, а главнымъ образомъ—въ упадкѣ благосостоянія крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проявляется уменьшеніе спроса на земельную аренду.

Вслѣдствіе паденія цѣнъ на хлѣбъ при продуктивной неизмѣняемости земли, уже въ восьмидесятыхъ годахъ начался упадокъ доходности хозяйствъ. При такихъ условіяхъ въ рукахъ съемщика оставалась все мѣньшая и мѣньшая доля дохода отъ воздѣлки земли, и вотъ почему платежная способность съемщиковъ-крестьянъ, а также и ихъ личное потребленіе все болѣе и болѣе сокращались; къ тому же, мѣстами земля, при существующихъ порядкахъ воздѣлки, сильно истощалась и не давала уже прежнихъ урожаевъ, а при такомъ положеніи дѣла трудно становилось платить за аренду земли прежнюю высокую цѣну. Наконецъ, неурожай 1891 года, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, до того разорили крестьянъ, что они уже не могутъ думать объ арендованіи чужой земли, имъ приходится бросать даже собственное хозяйство. Вслѣдствіе того, стремленіе къ переселенію все увеличивается и параллельно съ этимъ уменьшается спросъ на арендованіе мѣстной земли.

Можно ли однако считать постояннымъ подобное явленіе?

Во-первыхъ, оно проявляется только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, поставленныхъ въ особенно неудовлетворительныя условія и особенно пострадавшихъ отъ неурожаевъ, а далеко не вездѣ. Затѣмъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія спросъ на землю долженъ постоянно увеличиваться, а при такихъ условіяхъ упадокъ арендныхъ цѣнъ, замѣчаемый въ послѣднее время, можетъ быть только явленіемъ временнымъ, преходящимъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, г. Карышевъ приходитъ къ заключенію, что при невмѣшательствѣ государства будущіе плоды дѣйствующей арендной системы не трудно предвидѣть—по аналогіи съ исторіею другихъ странъ.

Лишеніе хозяйственной самостоятельности надѣльнаго крестьянства и обращеніе его въ батрачество—таковы послѣдствія, которыя, повидимому, влекутъ за собою существующіе въ этой области порядки. Для предупрежденія столь печальныхъ послѣдствій, г. Карышевъ считаетъ своевременнымъ и необходимымъ

вмѣшательство правительства въ область нашихъ арендныхъ отношеній.

По довольно распространенному мнѣнію, дифференцированіе сельскаго населенія, подъ давленіемъ естественнаго закона спроса и предложенія на землю, не только не вредно благосостоянію страны, но даже желательно, потому что несостоятельные крестьяне, принужденные отказываться отъ своего хозяйства, станутъ доставлять необходимый контингентъ рабочихъ рукъ какъ большимъ землевладѣльцамъ, такъ и разбогатѣвшимъ хозяевамъ изъ крестьянъ.

Но дѣйствительно ли это такъ желательно? Слѣдуетъ ли, въ виду давленія естественнаго закона спроса и предложенія, соперничества капитала и мелкаго землевладѣнія, ничего не дѣлать и ожидать спокойно сложа руки, чтò изъ этого выйдетъ?

Въ настоящее время вопросъ о постепенной экспропріаціи мелкаго землевладѣнія обращаетъ на себя вниманіе общественнаго мнѣнія почти во всѣхъ европейскихъ странахъ. Всѣ признаютъ уже опасность, которая грозитъ съ этой стороны.

Въ сравненіи съ другими странами, мы находимся еще въ первыхъ стадіяхъ капиталистическаго и промышленнаго развитія. Въ сравненіи съ другими государствами, земли у насъ еще много, городское капиталистическое сословіе у насъ еще далеко не получило такого значенія, какое оно имѣетъ за границей; Россія все еще преимущественно страна земледѣльческая, и несмотря на это различіе, стремленіе къ экспропріаціи мелкаго сельско-хозяйственнаго владѣнія уже начинаетъ проявляться и у насъ. И это происходитъ не только въ видѣ такъ называемаго кулачества, т.-е. эксплуатаціи въ деревняхъ бѣдныхъ крестьянъ богатыми, но еще и въ гораздо худшей, чисто спекулятивной формѣ *капитальнаго посредничества* между землевладѣльцами и съемщиками земли,—того посредничества, которое повело къ разоренію Ирландіи, и распространеніе котораго у насъ крайне нежелательно. При системѣ земледѣльческаго посредничества съемщикъ изъ третьихъ рукъ принужденъ выплачивать не только наемную плату землевладѣльцу, но еще и проценты и прибыль на капиталъ, затраченный въ посредническую спекуляцію и служащій гарантіей исправнаго полученія землевладѣльцемъ слѣдующей ему арендной платы.

Весьма ошибочно было бы предполагать, что при подобномъ дифференцированіи крестьянское населеніе распадется на двѣ значительныя группы: состоятельныхъ домохозяевъ и батраковъ. Такое дифференцированіе составляетъ начальную переходную сту-

пень. Дальнѣйшее развитіе данныхъ условій все болѣе и болѣе уменьшаетъ численность класса состоятельныхъ домохозяевъ, вслѣдствіе невозможности и для нихъ бороться съ невыгодными условіями земельной конкурренціи. Мало-по-малу останется только незначительное меньшинство, которое не только будетъ находить возможность удовлетворять своей земельной потребности, но еще и богатѣть. На поверхности крестьянской массы появятся люди, обладающіе капиталомъ и кредитомъ въ размѣрахъ достаточныхъ, для еще бо́льшаго увеличенія конкурренціи своимъ односельчанамъ, а все остальное населеніе частью подчинится тяжелой необходимости снимать землю у пересдатчиковъ, частью совсѣмъ откажется отъ дополнительнаго найма, броситъ свои надѣлы и въ батрачествѣ начнетъ искать средствъ къ своему существованію.

Можно ли дѣйствительно считать нормальнымъ такое положеніе въ странѣ, при которомъ только богатые богатѣютъ, а бѣдные бѣднѣютъ? Прогрессивное обѣднѣніе среди сельскаго народонаселенія нельзя признать ни справедливымъ, ни желательнымъ для страны. Старательный хозяинъ можетъ, помимо своей вины, впасть въ разстройство,—развѣ не слѣдуетъ помочь ему стать на ноги? Наконецъ, развѣ естественно и справедливо, что при существующей конкурренціи на долю бѣднаго достается, при арендованіи, худшая земля, и что за эту худшую землю ему нерѣдко приходится платить дороже того, что состоятельный крестьянинъ платитъ за хорошую землю; желательно ли существованіе такихъ условій, которыя прекращаютъ бѣдному всякую возможность стать на ноги, подавляя его окончательно?

Съ положеніемъ, что бѣдный долженъ безусловно бѣднѣть, а богатый богатѣть, никакъ примириться нельзя, и вотъ почему мы полагаемъ, что г. Карышевъ правъ, указывая на необходимость правительственнаго вмѣшательства въ дѣло арендованія земли.

Но какимъ образомъ можно воздѣйствовать на существующія условія этой стороны сельской жизни?

Относительно надѣльной земли, для предупрежденія экспропріаціи крестьянъ уже приняты мѣры, ограничивающія свободу отчужденія крестьянскихъ участковъ. Но этимъ однимъ цѣль еще не достигается. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ арендованіе земли составляетъ насущную потребность крестьянина, собственное хозяйство земледѣльца находится въ тѣсной зависимости отъ возможности аренды. Если хорошему хозяину легко арендовать землю, то, напротивъ того, малосостоятельный поставленъ въ этомъ отношеніи въ крайне трудное положеніе; между тѣмъ, во многихъ мѣстностяхъ только тотъ хозяинъ въ состояніи поддерживать свое хо-

зяйство, который въ состояніи арендовать необходимыя ему дополнительныя угодья. Устраненный отъ аренды, онъ не можетъ вести и своего хозяйства, забрасываетъ его и, несмотря на формальное воспрещеніе отчужденія надѣла, превращается въ разореннаго батрака.

Правительство не лишено нѣкоторой возможности вліять на эту сторону дѣла. Мы видѣли, что вездѣ, гдѣ преобладаютъ казенныя и удѣльныя земли, положеніе крестьянъ-съемщиковъ значительно улучшается. Необходимо въ этихъ видахъ принять мѣры къ тому, чтобы казенная земля сдавалась въ аренду только непосредственнымъ съемщикамъ, устраняя безусловно спекулянтовъ-посредниковъ.

По новому уставу крестьнскаго банка, правительство имѣетъ въ виду пріобрѣтеніе частныхъ земель для сдачи ихъ въ аренду крестьянамъ. Не касаясь здѣсь вопроса, насколько возможно будетъ на практикѣ осуществить это благое намѣреніе, несомнѣнно, что если оно осуществится, оно повліяетъ также весьма благотворно на условія арендованія земель.

Наконецъ, можно указать еще на одно средство.

Посредники, которые наживаются и на счетъ землевладѣльца, и на счетъ съемщика, становятся возможными только потому, что они принимаютъ на себя передъ землевладѣльцами гарантію, обезпечивающую ему вѣрное и своевременное поступленіе рентной платы. Не будь этого, землевладѣльцу, очевидно, было бы выгоднѣе сдавать землю непосредственно съемщику, потому что при этомъ онъ получилъ бы болѣе дохода, несмотря на то, что съемщикъ сталъ бы платить менѣе прежняго.

Поэтому является вопросъ: не можетъ ли правительство принимать въ нѣкоторыхъ случаяхъ на себя роль гарантирующаго посредника? Намъ приходилось слышать отъ землевладѣльцевъ, что вмѣсто полученія 12 р. за десятину,—аренда которую имъ платятъ крестьяне, но платятъ неаккуратно и несвоевременно,—они удовольствовались бы 8 и даже 6 рублями, если бы правительство взяло на себя гарантировать имъ этотъ доходъ. Итакъ, является вопросъ, не можетъ ли правительство, не ограничиваясь пріобрѣтеніемъ частныхъ земель для сдачи ихъ крестьянамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимать на себя роль посредника, снимая землю частныхъ лицъ въ аренду, для сдачи ихъ крестьянамъ.

Мы не скрываемъ отъ себя, что приведеніе въ исполненіе этой мысли на практикѣ должно встрѣтить во многихъ отношеніяхъ крайнее затрудненіе, но мысль сама по себѣ заслуживаетъ пол-

наго вниманія; весьма бы желательно сдѣлать опытъ въ скромномъ размѣрѣ въ такой мѣстности, гдѣ арендныя цѣны достигли значительной высоты, и гдѣ уже начинаетъ распространяться посредническая аренда. Только послѣ такого опыта можно будетъ судить, насколько подобная мысль осуществима на практикѣ.

Вышеизложенныя соображенія нѣсколько удалили насъ отъ главнаго вопроса. Вопросъ объ арендѣ возникъ въ смыслѣ опредѣленія возможности, путемъ арендованія земли, устранить необходимость переселенческаго движенія. Все вышеприведенное изслѣдованіе приводитъ прямо къ противоположному результату. Аренда не только не можетъ замѣнить переселенія, но переселеніе является, напротивъ того, естественнымъ условіемъ здороваго развитія арендованія. Только этимъ путемъ можно предотвратить усиленный спросъ на землю—и спросъ именно со стороны тѣхъ, которымъ приходится платить дороже всѣхъ, т.-е. со стороны малонадѣльныхъ и малосостоятельныхъ крестьянъ. Безъ сокращенія этого слишкомъ настойчиваго спроса путемъ переселенія, удержаніе арендныхъ цѣнъ въ сколько-нибудь разумныхъ размѣрахъ немыслимо. Случаи вздорожанія арендной платы, въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ, на 200 и даже до 400% служатъ тому самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ.

II.—Отхожіе промыслы.

Приростъ населенія, стѣсняя мѣстное населеніе, толкаетъ его куда бы то ни было, лишь бы гдѣ-нибудь найти заработки. Нужда заставляетъ крестьянъ искать хотя временныхъ заработковъ, и потому происходившее въ до-реформенное время въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ передвиженіе рабочихъ на лѣтнее время изъ густонаселенныхъ въ степныя южныя губерніи все болѣе и болѣе развивалось и дошло до ежегоднаго массоваго передвиженія. Каждую весну до милліона рабочихъ обоего пола отправляются на заработки, возвращаясь осенью восвояси.

Первоначально теченіе рабочихъ шло въ южныя степныя губерніи, но теперь уже изъ южныхъ губерній, напр. полтавской, народъ начинаетъ идти на заработки, направляясь частію въ херсонскій и таврическій край, частію въ кубанскую область.

Въ какой мѣрѣ развивается это движеніе, видно изъ того, что въ 1878 г. въ полтавской губерніи взято рабочими паспортовъ на отходъ 90.392, а въ 1892 г.—153.041, что составляетъ увеличеніе на 70%. Харьково-николаевская ж. д. пере-

везла въ 1872 г.—48.052 рабочихъ, а въ 1894 г.—176.309, т.-е. почти въ четыре раза болѣе. По ростово-владикавказской ж. д. въ 1892 г. перевезено 345.155 рабочихъ.

Движеніе это до сихъ поръ никѣмъ и ничѣмъ не регулируется и происходитъ со стихійною силою. Вся эта масса рабочихъ, около милліона душъ, считая мужчинъ, женщинъ и подростковъ, направляется обыкновенно не по вызову нанимателей, даже не по свѣдѣніямъ о видахъ на урожай, а просто наугадъ.

Движеніе рабочихъ доходитъ иногда до такого размѣра, что уходятъ не только лишнія, но и необходимыя на мѣстѣ рабочія силы, ставя мѣстныхъ хозяевъ въ трудное положеніе, такъ что приходится даже обращаться къ найму рабочихъ изъ другихъ губерній. Такіе случаи бываютъ почти постоянно послѣ урожайныхъ годовъ, когда уходившіе на заработки крестьяне вернулись съ хорошей выручкой, что̀ и побуждаетъ на слѣдующій годъ еще большее число отправляться на заработки. Гонимые нуждою, рабочіе спѣшатъ собрать послѣднія деньги на дорогу, часто закладывая даже зимнее платье, и стремятся съ открытіемъ весны пуститься въ путь, въ надеждѣ найти заработки. Хорошо если урожайный годъ,—тогда рабочихъ берутъ нарасхватъ по высокимъ цѣнамъ, но при худомъ урожаѣ и особенно неурожаѣ, обыкновенно масса пришлыхъ рабочихъ не находитъ работы, или можетъ найти такую только при самой низкой цѣнѣ; берутъ даже работу за одни харчи. Оборванные и голодные безработники скопляются въ городахъ и на станціяхъ; голодъ и болѣзни вызываютъ между ними усиленную смертность, появляется воровство и другія преступленія, и въ концѣ концовъ приходится отправлять ихъ домой на казенный счетъ или имъ самимъ возвращаться, побираясь Христовымъ именемъ. Возвратившись домой и не имѣя ни запасовъ, ни сбереженій, истративъ послѣднее на дорогу, такой рабочій и дома не найдетъ заработковъ — его ожидаютъ нужда и голодъ. Трудно опредѣлить, сколько тратится ежегодно денегъ непроизводительно этимъ милліономъ рабочихъ, также — и какъ велика потеря времени на это передвиженіе. Если предположить только десять рублей на человѣка, то это составитъ уже десятки милліоновъ.

При обратномъ явленіи, т.-е. когда оказывается недостатокъ рабочихъ, землевладѣльцы бываютъ принуждены платить за уборку хлѣба крайне высокія цѣны, такъ что иногда даже часть хлѣба остается несжатою. Это происходитъ преимущественно тогда, когда урожайный годъ слѣдуетъ за неблагопріятнымъ годомъ. Наученное печальнымъ опытомъ прошлогодняго разоре-

нія, большинство рабочихъ уже не рискуетъ снова пытать счастія на югѣ или на востокѣ, и землевладѣльцамъ приходится нести громадные убытки вслѣдствіе недостатка рабочихъ. Такимъ образомъ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходитъ нынѣ движеніе рабочихъ, въ неурожайный годъ разоряются преимущественно рабочіе, а въ урожайный—землевладѣльцы.

При совершенномъ отсутствіи всякаго регулирующаго направленія, въ мѣстахъ скопленія рабочихъ сами собою образуются рабочіе рынки, — но въ какихъ условіяхъ, даже трудно себѣ представить. Число такихъ рабочихъ рынковъ весьма значительно. Типичнымъ представителемъ этихъ рынковъ служитъ мѣстечко Каховка, гдѣ происходитъ наемъ рабочихъ для херсонской и таврической губерній. Въ Каховку, къ 9 мая, когда здѣсь открывается мануфактурная и сельско - хозяйственная ярмарка, собирается ежегодно отъ 30 до 50 тысячъ рабочихъ. Приспособленій для помѣщенія рабочихъ здѣсь нѣтъ никакихъ, если не считать единственнаго барака, въ которомъ можетъ помѣститься до 500 человѣкъ. Вся же остальная масса валяется на землѣ подъ палящимъ южнымъ солнцемъ и питается изъ харчевенъ дорогою и не всегда доброкачественною пищей. И всѣ остальные рабочіе рынки ничѣмъ не отличаются отъ Каховки,—нѣтъ ни помѣщеній для защиты рабочихъ отъ зноя и непогоды, ни чайныхъ, ни столовыхъ, ни медицинской помощи заболѣвающимъ въ пути.

Мы не будетъ долѣе останавливаться на всѣхъ неудобствахъ и неурядицахъ, сопряженныхъ въ настоящее время съ неурегулированнымъ массовымъ передвиженіемъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ давно уже обратилъ на себя вниманіе правительства; насъ интересуетъ здѣсь главнымъ образомъ другой вопросъ,—насколько это передвиженіе можетъ воспособить мѣстному недостатку въ землѣ и сократить потребность въ переселенію.

Могло бы казаться, что массовые переходы рабочихъ на лѣтнее время изъ густонаселенныхъ въ малонаселенныя мѣстности должны дѣйствовать какъ клапанъ, черезъ который отвлекается излишнее давленіе извѣстной силы; но не говоря уже о томъ, что дѣйствіе этого клапана, какъ видно изъ вышеизложеннаго, имѣетъ свои весьма вредныя стороны, — онъ во всякомъ случаѣ не въ состояніи удовлетворить потребность той части населенія, которая нуждается въ увеличеніи земельнаго надѣла,—и потому сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на вопросъ о переселеніи имѣть не можетъ.

Прежде всего, отхожіе промыслы нисколько не уменьшають спроса на землю и измельченія надѣловъ, потому что уходящіе крестьяне сохраняютъ свои надѣлы.

Затѣмъ, какъ ни смотрѣть на отхожее движеніе, — смотрѣть ли на него какъ на явленіе крайне нежелательное, вредное само по себѣ, потому что случайные барыши отхожихъ рабочихъ въ урожайные года вполнѣ уравновѣшиваются полнѣйшимъ разореніемъ ихъ въ годы, когда они не находятъ достаточно работы, не говоря уже о томъ, что населеніе пріучается къ бродячей жизни, причемъ особенно подростки и молодыя женщины, вдали отъ надзора родителей, падаютъ нравственно, предаваясь пьянству и разврату, — или смотрѣть на него какъ на явленіе само по себѣ полезное, доставляющее рабочимъ хорошіе заработки, а землевладѣльцамъ необходимую рабочую силу, и требующее только правильнаго урегулированія, въ видахъ устраненія существующей въ настоящее время неурядицы въ этомъ дѣлѣ,—повторяемъ — какъ ни смотрѣть на отхожіе промыслы, одно несомнѣнно,—что это движеніе, достигшее въ настоящее время столь значительнаго развитія, должно въ будущемъ постепенно уменьшаться.

Населеніе губерній, нуждающихся до сихъ поръ въ пришлыхъ рабочихъ, мало-по-малу увеличивается ежегодно, частью вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, частію потому, что нѣкоторая доля пришлыхъ рабочихъ окончательно осѣдаетъ въ краѣ, переходя въ положеніе постоянныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, во избѣжаніе весьма непригладныхъ отношеній, которыя по винѣ обѣихъ сторонъ установляются между рабочими и ихъ нанимателями,—землевладѣльцы, желая поставить себя въ возможно независимое къ пришлымъ рабочимъ положеніе, массами пріобрѣтаютъ косилки, жатвенныя и другія машины, которыя сокращаютъ до 80% потребность въ косаряхъ. Во многихъ изъ этихъ мѣстностей весеннія полевыя работы уже теперь производятся почти исключительно мѣстными рабочими, потребность въ пришлыхъ рабочихъ остается только во время уборки хлѣба, и то только въ урожайное время. При такихъ условіяхъ, потребность въ пришлыхъ рабочихъ должна уменьшаться съ году на годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ уменьшаться и уходъ мѣстнаго населенія на дальніе заработки.

Въ виду всего вышеизложеннаго, можно утверждать положительно, что отхожіе промыслы существеннаго вліянія на переселенческое движеніе имѣть не могутъ.

III.—Улучшеніе культуры.

Говоря о недостаткѣ надѣльной земли во многихъ мѣстностяхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду настоящую ея культуру. Съ измѣненіемъ культуры, при болѣе интензивной, улучшенной обработкѣ земли, и малонадѣльные участки, казалось бы, станутъ достаточными для прокормленія крестьянской семьи.

Интензивная культура всегда является послѣдствіемъ прироста населенія. Вездѣ, пока земли было много относительно численности населенія, велось экстензивное хозяйство: не было повода затрачивать значительный капиталъ на обработку земли, при изобиліи новинами, распашка коихъ обѣщаетъ богатый урожай. Такъ дѣло шло и въ европейскихъ государствахъ. Но по мѣрѣ развитія численности населенія, пространство свободныхъ земель стало уменьшаться, и по необходимости пришлось обращаться къ интензивной обработкѣ земли, полагая въ эту обработку и болѣе труда, и болѣе капитала. Этимъ объясняется то крайнее развитіе интензивной обработки земли, до которой дошли государства западной Европы. Чѣмъ культура интензивнѣе, тѣмъ она требуетъ приложенія бо́льшаго капитала, а потому, какъ то видно въ изслѣдованіи Ганзена, вызываетъ болѣе риску; этотъ рискъ увеличивается еще—съ развитіемъ внѣшней торговли.

Если представить себѣ изолированное государство въ томъ видѣ, какъ его описываетъ Тюненъ, въ извѣстномъ сочиненіи „Der isolirte Staat“ [1]), то подобная интензификація культуры представляла бы явленіе совершенно естественное и цѣлесообразное. Но государства находятся въ сношеніи съ другими странами; между ними есть такія, которыя пребываютъ еще въ періодѣ дешевой экстентивной культуры, а съ дешевымъ заграничнымъ хлѣбомъ трудно бороться хлѣбу, добытому при дорогой интензивной культурѣ.

До начала настоящаго столѣтія всѣ государства находились относительно сельско-хозяйственной производительности, можно сказать, еще въ положеніи „изолированнаго государства“ Тюнена, хлѣбная международная торговля играла самую незначительную роль, всѣмъ почти приходилось довольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. При такихъ условіяхъ интензивная культура не представляла никакой опасности.

Но съ развитіемъ заграничной хлѣбной торговли положеніе

---

[1]) v. Thünen, 1825.

дѣла стало мало-по-малу измѣняться;—измѣнившіяся условія стали сказываться съ особенною рѣзкостью въ послѣднее время. Не столько увеличеніе производительности хлѣба въ заатлантическихъ странахъ, сколько удешевленіе и ускореніе средствъ сообщенія вызвали опасную для туземнаго хлѣба конкурренцію. Благодаря удивительному развитію средствъ сообщенія, на европейскихъ рынкахъ сталъ появляться хлѣбъ, который прежде до нихъ не доходилъ. Это обстоятельство не могло не подрывать благосостоянія западно-европейскихъ странъ, съ ихъ крайне-интензивной культурой, которая уже не была въ состояніи выдерживать конкурренцію дешеваго хлѣба, привозимаго изъ Америки, Индіи, Аргентины и Россіи. Чему, какъ не этому обстоятельству, слѣдуетъ приписать всеобщія сѣтованія сельскихъ хозяевъ, которыя стали раздаваться во всѣхъ государствахъ западной Европы?

Можно ли послѣ того говорить у насъ объ интензификаціи культуры, особенно среди нашего крестьянскаго населенія? Нашъ хлѣбъ находитъ столь значительный сбытъ за границей—только благодаря его дешевизнѣ. Эта дешевизна составляетъ именно предметъ всѣхъ жалобъ и сѣтованій въ настоящее время, а потому можно бы утверждать, что вздорожаніе хлѣба будетъ для насъ благомъ; если даже вслѣдствіе того мы и будемъ вытѣснены изъ нѣкоторыхъ иностранныхъ рынковъ, то благосостояніе въ странѣ поднимется, и мы сами будемъ потреблять больше хлѣба. Но не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ нашу собственную Аргентину. Будетъ ли интензивная культура, которая могла бы развиться въ центральныхъ губерніяхъ, въ состояніи выдерживать соперничество нашего дешеваго закубанскаго хлѣба, который прибываетъ теперь въ такомъ количествѣ на наши рынки?—затѣмъ сибирская ж. д. открываетъ путь сибирскому хлѣбу, который несомнѣнно сдѣлаетъ интензивную культуру хлѣба внутри Россіи невозможною.

По этому поводу одинъ изъ немногихъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ дѣятелей въ привислянскихъ губерніяхъ, Ю. Карцовъ, въ статьѣ, помѣщенной въ „Новомъ Времени“, справедливо приводитъ слѣдующія соображенія.

Сила русскаго земледѣлія передъ европейскимъ Западомъ заключается не въ примѣненіи капитала, а въ обиліи дѣвственныхъ рессурсовъ и дешевизнѣ рабочаго труда. На этихъ двухъ факторахъ и должны мы строить наше государственное хозяйство, если только не хотимъ работать и торговать въ убытокъ. На дняхъ сообщалось по поводу долины Куры, нынѣ покрытой болотами, что она можетъ дать отъ 30 до 50 зеренъ урожаю. По-

ложимъ, министерство земледѣлія произведетъ осушку сказанныхъ болотъ. Никакіе дренажи, никакіе фосфориты или улучшенныя породы скота не сравняются по доходности съ подобною операціей. Типы хозяйствъ съ преобладаніемъ техники и капитала даютъ намъ Германія и Англія. И что же? Въ Англіи площадь посѣвовъ сократилась до минимума, а въ Германіи, если хозяйство еще держится, то единственно въ силу высокихъ пошлинъ. Въ Россіи, гдѣ сбыта нѣтъ, техника отсутствуетъ, а деньги дороги, желать ли намъ умноженія культурныхъ хозяйствъ? Но если помѣщичьи экономіи не въ силахъ выдержать конкурренціи, то крестьянское хозяйство находится въ иныхъ, чтобы не сказать лучшихъ, условіяхъ. Крестьянинъ работаетъ почти безъ всякой техники и при минимальной затратѣ капитала. Въ сбытѣ крестьянинъ не нуждается, ибо собственный продуктъ потребляетъ самъ со своею семьею. Вспомогательнымъ источникомъ являются отхожіе промыслы, которые даютъ ему готовую деньгу. Обратите нашего крестьянина въ фермера, и на немъ тотчасъ отразятся дороговизна капитала и дешевизна цѣнъ, невыгоды которыхъ онъ до сихъ поръ не зналъ. По своеобразности своего экономическаго быта нашъ крестьянинъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ что-либо перенять у сосѣда-помѣщика.

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ много справедливаго. При данныхъ условіяхъ думать объ интензивности въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которая дала бы ему возможность довольствоваться меньшимъ пространствомъ земли въ мѣстностяхъ густо населенныхъ, значитъ думать о невозможномъ и даже о нежелательномъ. Нѣкоторыя улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ несомнѣнно желательны и даже достижимы,—но это такія улучшенія, какъ травосѣяніе, болѣе глубокая вспашка и т. п., которыя не измѣнятъ основного характера крестьянскаго хозяйства, не сдѣлаютъ его интензивнымъ и капиталистическимъ и не уменьшатъ спроса на землю.

IV.—Избытокъ свободныхъ рукъ.

Итакъ, ни аренда, ни отхожіе промыслы, ни улучшенія культуры, не въ состояніи удовлетворить вполнѣ потребности въ землѣ нашего сельско-хозяйственнаго населенія. Но помимо занятія на своей землѣ, нашъ крестьянинъ можетъ находить еще средства существованія въ наемной работѣ у сосѣда-помѣщика и у разныхъ промышленныхъ дѣятелей. Надѣленіе всего наростающаго населенія землей, очевидно, невозможно; затѣмъ, является вопросъ—

можетъ ли наемная работа поглотить весь избытокъ нашего сельскаго населенія, не находящаго занятія на своей землѣ?—Для разрѣшенія этого вопроса надо обратиться къ нѣкоторымъ статистическимъ даннымъ.

19 февраля 1861 г., въ моментъ освобожденія крестьянъ, наше сельское населеніе было надѣлено землею въ размѣрѣ, предполагавшемся достаточнымъ для его обезпеченія, приблизительно соразмѣрно фактическому въ то время пользованію. Нормы надѣла могли быть взяты только среднія; высшая норма была опредѣлена въ 3,5 дес. на душу. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ фактическое пользованіе не достигало высшей нормы, пришлось ограничиться размѣромъ существовавшаго до тѣхъ поръ дѣйствительнаго пользованія,—дорѣзывать земли было не откуда; напротивъ того, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне пользовались прежде землею свыше 3½ десятинъ на душу, послѣдовала отрѣзка избытка. Извѣстно, какую роль играли съ тѣхъ поръ отрѣзныя земли въ отношеніяхъ между крестьянами и ихъ бывшими помѣщиками.

Такимъ образомъ, можно утвердительно сказать, что общее количество земли, которымъ были надѣлены крестьяне, не касаясь даже дарственныхъ надѣловъ, было нѣсколько меньше того количества, которое до тѣхъ поръ находилось въ ихъ дѣйствительномъ пользованіи. Съ тѣхъ поръ пространство надѣльной земли не увеличилось, а естественный приростъ увеличивалъ численность населенія изъ году въ годъ. Являющійся такимъ образомъ недостатокъ земли восполнялся отчасти арендованіемъ ея, отчасти прикупкою земли, какъ на собственныя средства крестьянъ, такъ и при помощи крестьянскаго банка. Во внутреннихъ губерніяхъ надѣльная земля, которая была отведена крестьянамъ въ моментъ ихъ освобожденія, составляла 110 милліоновъ десятинъ. Пространство земли, арендуемой крестьянами въ этихъ губерніяхъ, можно опредѣлить въ среднемъ въ 10½ милліоновъ десятинъ въ годъ. Прикуплено крестьянами всего около 7 милл. дес.

Такимъ образомъ пространство земли, эксплуатируемое непосредственно крестьянами, увеличилось на 17½ милл. дес., что составляетъ приблизительно около 17% первоначальнаго надѣла.

Приростъ населенія въ теченіе тридцатипяти-лѣтняго періода, истекшаго со времени освобожденія крестьянъ,—исчисляя его въ различныхъ мѣстностяхъ отъ 1 до 2% въ годъ, слѣдуетъ принять приблизительно въ 50%.

Итакъ, между тѣмъ какъ сельское народонаселеніе возросло

на 50%,—количество земли, находящееся въ его пользованіи, увеличилось только на 17%.

Вышеприведенныя цифры показываютъ, что далеко не весь приростъ населенія можетъ пристроиться къ землѣ въ родныхъ мѣстностяхъ. Это впрочемъ совершенно естественно, иного и быть не могло, такъ какъ населеніе постоянно ростетъ—а земли не прибываетъ.

Идеаломъ развитія страны было бы такое положеніе, при которомъ около земли оставалось бы то число жителей, которое удовлетворительно можетъ ею кормиться, образуя широкую группу мелкихъ сельскихъ хозяевъ; остальная же часть обращалась бы къ наемному труду, занимаясь работою или у сосѣднихъ землевладѣльцевъ, или въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, и снискивая себѣ этимъ путемъ обезпеченныя средства существованія.

Но въ дѣйствительности мы далеки отъ этого идеала.

Въ сводѣ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія въ Россіи, изданномъ канцеляріею комитета министровъ, приводится нижеслѣдующій интересный валовой разсчетъ. Какъ ни приблизительно это исчисленіе, основанное не столько на положительныхъ данныхъ, сколько на предположеніяхъ, служащихъ основаніемъ данному разсчету,—послѣдній приводитъ къ весьма важному результату, заслуживающему полнѣйшаго вниманія.

Если землю, состоящую въ пользованіи крестьянъ, имѣющихъ не свыше нормальнаго надѣла, распредѣлить на число лицъ, которое могло бы быть удовлетворено этою землею при исчисленіи каждому хозяину высшаго указнаго надѣла (соотвѣтствующаго въ сущности тому, что̀ необходимо каждому состоятельному хозяину, чтобы удовлетворительно вести свое хозяйство) и сравнить это число съ числомъ наличныхъ крестьянъ,—то окажется, что въ пятидесяти губерніяхъ европейской Россіи, 7.200.000 человѣкъ, или около 22% всего крестьянскаго населенія, составляютъ превышеніе противъ того числа лицъ, которое могло бы быть обезпечено высшимъ указнымъ надѣломъ.

При относительно еще слабомъ развитіи у насъ обрабатывающей промышленности, послѣдняя, по разсчету С. А. Короленко (Сельско-хоз. и стат. свѣд., по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ, вып. V-й), можетъ дать занятія только около 4% наличной рабочей силѣ.—Такимъ образомъ остается до 18% свободныхъ отъ занятій рукъ; часть этихъ 18% находитъ занятіе, воздѣлывая земли постороннихъ владѣльцевъ, но, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго разсчета, сельско-хозяйственная наемная работа

далеко не въ состояніи занять весь избытокъ свободныхъ рукъ. Не находя достаточнаго занятія ни у сосѣдей землевладѣльцевъ, ни въ другихъ промыслахъ, избытокъ сельскаго населенія прилѣпляется къ надѣльной землѣ, которая потому все болѣе и болѣе мельчаетъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ.

Уже въ 1878 г. у насъ насчитывалось наличныхъ душъ крестьянъ, обладающихъ надѣломъ менѣе одной десятины, болѣе полумилліона въ черноземномъ районѣ, и до 200.000 душъ въ не-черноземномъ; съ тѣхъ поръ отношеніе къ землѣ сельскаго населенія должно было принять еще болѣе неблагопріятный характеръ,' земля должна была дробиться все болѣе и болѣе, приводя крестьянскія хозяйства все къ большему разстройству, въ силу ничѣмъ не сдерживаемаго ихъ измельченія.

Интересною иллюстраціею того, какъ это дробленіе прогрессируетъ, и къ какимъ оно приводитъ экономическимъ результатамъ, могутъ служить нижеслѣдующія данныя, почерпнутыя изъ монографіи г. П—ва—о положеніи нѣкоторыхъ уѣздовъ средняго Поволжья,—близко изслѣдованныхъ авторомъ въ „Вѣстн. Европы“.

Еще въ 1886 г., изъ числа бывшихъ государственныхъ крестьянъ насчитывалось до 5 общинъ, у которыхъ надѣлъ на наличную душу составлялъ отъ семи до десяти десятинъ, и до 23 общинъ, надѣленныхъ отъ пяти съ половиною до семи десятинъ,—а семь лѣтъ спустя, первой категоріи уже не оставалось ни одного общества, второй же категоріи—изъ 23 оставалось только еще 10 общинъ; всѣ остальныя перешли въ низшія категоріи.

Точно также у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 1886 г. еще насчитывалось: первой категоріи 1 община; второй 2 общины; третьей категоріи съ надѣломъ отъ 4,5 до 5,5 дес. на душу было еще 7 общинъ; четвертой категоріи съ надѣломъ отъ 3,5 до 4,5 дес. 12 общинъ, и наконецъ пятой категоріи отъ 2,5 до 1,5 дес. на душу 91 община; а въ 1893 г. первая категорія совершенно исчезла, второй и третьей категоріи оставалось всего по одной общинѣ, двѣнадцать общинъ четвертой категоріи уменьшились на половину, а изъ 91 общины пятой категоріи осталось всего 71 община. Всѣ остальныя перешли въ низшія категоріи, т.-е. владѣютъ уже менѣе $1^1/_2$ десятинами на душу.

Существовать своею землею могутъ только первыя четыре категоріи; остальныя принуждены принанимать землю.

Вотъ почему даже въ такой мѣстности, какъ Поволжье, въ которой вообще нельзя жаловаться на недостатокъ земли, значительная часть крестьянъ производитъ количество хлѣба недоста-

точное для годового пропитанія, и скотоводство сокращается у нихъ съ поразительною быстротою. Не стало простора,—говоритъ авторъ, не стало и прежняго хозяйства; послѣдствіемъ этого у крестьянъ проявилась апатія, безпечность, охлажденіе къ труду, страсть къ празднованію и пьянству, и въ лучшемъ случаѣ—исканіе новыхъ земель. Но этимъ дѣло не ограничивается,—уменьшеніе земельнаго надѣла отражается крайне рельефно и на самомъ приростѣ населенія. Такъ, напр., у государственныхъ крестьянъ, надѣленныхъ первоначально семью десятинами на ревизскую душу, что составляетъ около 4,4 дес. на наличную душу—приращеніе населенія составляло 61%; у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ на ревизскую душу 3,5 дес., что составляетъ на наличную душу 2,35 дес., приращеніе населенія составляло 52%, а у крестьянъ, получившихъ дарственный надѣлъ—уже только 39%—т.-е. приращеніе населенія шло почти вдвое слабѣе, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, щедро надѣленныхъ землею.

Въ виду важности вопроса объ избыткѣ рабочаго населенія въ сельскомъ хозяйствѣ, были сдѣланы попытки опредѣлить хотя приблизительно то количество труда, которое потребно для обработки всей воздѣлываемой у насъ земли, т.-е. какъ находящейся во владѣніи крестьянъ, такъ и находящейся во владѣнія другихъ лицъ.

Опредѣливъ средній высшій размѣръ земли, могущей удобно быть обрабатываемой однимъ взрослымъ рабочимъ (то, что нѣмецкіе статистики называютъ Arbeitergränze) и сравнивая затѣмъ эту норму съ дѣйствительнымъ количествомъ земли, которое приходится у насъ на одного рабочаго, С. А. Короленко старается выяснить этимъ путемъ дѣйствительный избытокъ рабочей силы, который представляетъ наше населеніе.

На основаніи данныхъ центральнаго статистическаго комитета, въ 37 губерніяхъ европейской Россіи, въ которыхъ у крестьянъ преобладаетъ общинное землевладѣніе, не препятствующее раздѣлу семействъ, числится 7.119.000 крестьянскихъ дворовъ, при 21.595.000 наличныхъ душъ мужескаго пола. На одинъ дворъ приходится такимъ образомъ нѣсколько болѣе трехъ душъ мужского пола. Наше народонаселеніе распредѣляется довольно равномѣрно между мужскимъ и женскимъ поломъ, такъ что на 3 души муж. пола можно считать столько же душъ женскаго пола, всего же на каждый дворъ приходится шесть душъ обоего пола. А такъ какъ на общее число душъ взрослыхъ рабочихъ приходится обыкновенно на половину, то надо считать всего на

каждый дворъ среднимъ числомъ по три взрослыхъ рабочихъ обоего пола.

На основаніи существующихъ данныхъ г. Короленко принимаетъ предѣлъ участка земли, могущій быть обработываемъ силами одной семьи въ 15 десятинъ, что составляетъ по 5 дес. на одну *взрослую* об. п. душу, или по $2^1/_2$ дес. на каждую *наличную* обоего пола душу.

Вся площадь удобной земли, какъ крестьянской надѣльной, такъ и частно-владѣльческой (необходимо основывать разсчетъ на совокупности удобной земли, такъ какъ крестьяне питаются не только обработкой собственной земли, но и владѣльческой) въ пятидесяти губерніяхъ европейской Россіи составляетъ 222 милліона десятинъ, число же сельскихъ жителей опредѣляется въ 71,5 милліон. душъ об. пола. Такимъ образомъ, всей удобной земли приходится около 3,1 дес. на душу, или 18,6 дес. на дворъ—количество, превышающее на 3,6 десятины высшій предѣлъ возможной обработки. По этому разсчету оказывается около 41 [1]) милл. десятинъ избытку, на обработку коихъ, считая по $2^1/_2$ дес. на душу, недостаетъ около 16 милл. рабочихъ.

Но этотъ разсчетъ совершенно измѣняется, если его основать не на общемъ количествѣ удобной земли (въ которое входятъ громадныя невоздѣлываемыя пространства сѣверныхъ губерній), а на существующей площади посѣвовъ, равняющейся всего около 64 милл. дес.

Изъ ряда вычисленій г. Короленко приходитъ къ выводу, что цифру семь десятинъ подъ посѣвомъ (какъ крестьянской, такъ и владѣльческой земли въ совокупности) слѣдуетъ считать предѣльною для рабочей семьи, т.-е. около $2^1/_3$ дес. на рабочую душу об. пола; по этому разсчету, для обработки 64 милл. дес. потребуется около 27,5 милл. рабочихъ об. пол. Между тѣмъ, 71,5 милл. душъ об. пол., составляющіе наше сельское населеніе, даютъ, по вышеуказанному разсчету, 35,7 милл. взрослыхъ об. пола рабочихъ, т.-е. на 8,2 милл. болѣе чѣмъ потребно для обработки всей нашей посѣвной земли.

Какъ же эти 8,2 милл. распредѣляются по другимъ работамъ? По разсчету г. Короленко, около 1,2 милл. занято на фабрикахъ и горныхъ заводахъ; около 1,5 милл.—обработкою земли подъ разныя культурныя растенія: табакъ, свекловицу и т. п.; около 1,4 милл. считается евреевъ, которые земледѣліемъ не занимаются; около 2 милл. занято разными лѣсными промыслами; около

---

[1]) 71 милл. душъ=11,8 дворамъ×3,6 дес.

1 милліона находятъ занятіе по скотоводству и въ разныхъ ремеслахъ,—затѣмъ, все еще остается болѣе милліона, изъ которыхъ одна часть занимается разными мелкими промыслами или уходитъ на заработки, а вся остальная масса рабочихъ, не находя обезпеченнаго употребленія своему труду, представляетъ естественный ежегодный контингентъ переселенцевъ.

Чтобы придать своему валовому разсчету болѣе практическое значеніе, г. Короленко дѣлитъ всѣ 50 губ. европейской Россіи на три группы: къ первой онъ относитъ губерніи съ абсолютнымъ избыткомъ рабочаго населенія, ко второй группѣ—губерніи съ недостаткомъ населенія, и, наконецъ, къ третьей группѣ—губерніи съ недостаткомъ населенія по отношенію къ пространству удобной земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющія избытокъ рабочаго населенія, такъ какъ въ губерніяхъ третьей группы не вся удобная земля находится въ обработкѣ.

Въ настоящемъ вопросѣ насъ интересуютъ преимущественно губерніи первой группы.

Эта группа включаетъ двадцать-одну губернію, преимущественно изъ центральныхъ и западныхъ, а именно губерніи: ковенскую, виленскую, волынскую, гродненскую, подольскую, кіевскую, полтавскую, харьковскую, воронежскую, курскую, черниговскую, орловскую, тульскую, рязанскую, тамбовскую, пензенскую, симбирскую, казанскую, московскую, калужскую и нижегородскую.

Избытокъ населенія въ этой группѣ губерній опредѣляется круглымъ числомъ въ семь милліоновъ душъ, или *три съ половиною милліона взрослыхъ рабочихъ*. Этотъ избытокъ населенія соотвѣтствуетъ недостатку земли въ 17,5 милл. десятинъ, считая нормальный предѣлъ по 15 дес. на 6 душъ семьи. Вслѣдствіе экстензивности хозяйства въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній, избытокъ рабочаго населенія оказывается еще значительнѣе и доходитъ до *пяти милліоновъ*. Изъ нихъ около полумилліона находятъ занятіе на фабрикахъ московскаго района, около четверти милліона на другихъ фабрикахъ и горныхъ заводахъ; около трехъ четвертей милліона слѣдуетъ положить на обработку другихъ, кромѣ хлѣба, произведеній сельскаго хозяйства; около четверти милліона занимаются разными кустарными производствами, наймомъ въ личныя услуги и т. п.; наконецъ, если прибавить еще одинъ милліонъ еврейскаго населенія, то получится всего $2^3/_4$ милліона; остальные затѣмъ $2^1/_4$ милліона рабочихъ уже не находятъ занятій въ предѣлахъ губерній этой группы.

Разсчетъ г. Короленко можно еще подкрѣпить данными „Свода Матеріаловъ", изданными канцеляріею комитета министровъ.

Не входя во всѣ подробности, которыми такъ богато это изданіе, и останавливаясь только на двухъ наиболѣе густо населенныхъ районахъ—сѣверо-черноземномъ и средне-черноземномъ, мы увидимъ слѣдующее: въ десяти губерніяхъ, входящихъ въ эти два района, приходится болѣе полумилліона рабочихъ мужского пола, которые не могутъ найти занятія на мѣстѣ родины, а именно: въ пензенской, орловской, тамбовской, черниговской, рязанской, тульской и курской губерніяхъ сѣвернаго черноземнаго района, число мужского пола лицъ, не имѣющихъ возможности приложить своего труда къ мѣстному земледѣлію, составляетъ 542.250 душъ; по отчисленію же изъ нихъ двухъ-третей на занятія въ мѣстной фабричной и заводской промышленности и въ разныхъ другихъ промыслахъ, остается около 200.000 рабочихъ, не имѣющихъ возможности приложить своего труда въ предѣлахъ района. Въ четырехъ же губерніяхъ, составляющихъ средній черноземный районъ, избытокъ рабочихъ противъ потребности мѣстнаго земледѣлія составляетъ около 387.000 душъ, изъ которыхъ только незначительная часть можетъ найти себѣ занятіе въ разныхъ мѣстныхъ не-земледѣльческихъ производствахъ.

Мы остановимся на этихъ немногихъ данныхъ, такъ какъ ихъ вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ настоятельной необходимости правильной организаціи переселенческаго движенія изъ густо населенныхъ губерній въ слабо населенныя мѣстности и особенно въ Сибирь.

Чтò же въ этомъ отношеніи сдѣлано?

Обзоръ того, чтò было сдѣлано до сихъ поръ для регулированія переселенческаго вопроса, мы можемъ подраздѣлить на три части: первая изъ нихъ будетъ посвящена отношенію правительства къ переселенческому вопросу съ момента освобожденія крестьянъ по 1892 годъ; вторая — участію крестьянскаго банка въ переселенческомъ дѣлѣ, и, наконецъ, третья — дѣятельности правительства съ 1892 г., т.-е. съ момента образованія комитета по постройкѣ сибирской желѣзной дороги по настоящее время.

V.—Переселенческій вопросъ съ 1861 по 1892 годъ.

Значительная часть періода времени, отъ освобожденія крестьянъ по 1892 г., можетъ быть охарактеризована отрицательнымъ отношеніемъ правительства къ переселенческому дѣлу.

Наше до-реформенное законодательство было основано, какъ выше указано, на требованіи достаточнаго обезпеченія крѣпост-

наго населенія землею. Требованіе ст. 1107 т. IX Св. Зак., изд. 1857 г., побуждало какъ землевладѣльцевъ, такъ и само правительство постоянно заботиться, по мѣрѣ сгущенія населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, о переселеніи избытка крестьянъ на новыя свободныя земли. У казенныхъ крестьянъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, постоянное систематическое переселеніе избытка населенія на свободныя казенныя земли было совершенно правильно организовано, составляя какъ бы постоянный процессъ движенія народонаселенія преимущественно на югъ и на востокъ Россіи. Существовали правила, которыми точно опредѣлялось: въ какихъ случаяхъ слѣдовало приступать къ переселенію части мѣстнаго крестьянскаго населенія и въ какія мѣстности его направлять; въ пользу переселенцевъ установлялись различныя льготы, имъ оказывалось необходимое воспособленіе, какъ во время пути, такъ и по прибытіи на мѣсто водворенія.

Съ освобожденіемъ крестьянъ и упраздненіемъ казеннаго управленія надъ государственными крестьянами все это рѣзко прекращается. Ни казна, ни помѣщики, уже не считаютъ своею обязанностью заботиться о регулированіи движенія народонаселенія. Положеніе 19-го февраля 1861 г., предоставивъ крестьянамъ личную свободу, установляло только рядъ правилъ—относительно перехода крестьянъ изъ одного общества въ другое; относительно же переселенія крестьянъ не встрѣчается никакихъ указаній въ законахъ объ устройствѣ лицъ сельскаго состоянія, за исключеніемъ предоставленія права водворенія на свободныхъ участкахъ крестьянамъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, горнозаводскимъ мастеровымъ, безземельнымъ батракамъ, однодворцамъ западныхъ губерній и отставнымъ нижнимъ чинамъ.

Затѣмъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, т.-е. по самый 1881 годъ, было сдѣлано только одно распоряженіе по этой части; было разрѣшено надѣлять изъ казенныхъ земель уфимской и оренбургской губерній всѣхъ имѣющихъ по закону право на такой надѣлъ, т.-е. безземельныхъ крестьянъ, крестьянъ, получившихъ даровой четвертной надѣлъ, и всѣхъ получившихъ увольненіе отъ общества. Кромѣ того, въ томъ же году было сдѣлано распоряженіе о перечисленіи переселенцевъ, водворившихся въ тобольской и томской губерніяхъ съ переводомъ на нихъ долговъ, недоимокъ, казенныхъ платежей и сборовъ, съ разсрочкою послѣднихъ на четыре года. Эти распоряженія имѣли преимущественно характеръ надѣленія землей лицъ, имѣющихъ на то право, и урегули-

рованія положенія лицъ уже переселившихся, не касаясь общаго переселенческаго вопроса.

Слѣдовало, однако, предвидѣть, что съ освобожденіемъ крестьянъ приростъ населенія будетъ продолжаться, земли же у крестьянъ не только не прибавилось, но, напротивъ того, убавилось, потому что почти вездѣ норма надѣла была нѣсколько ниже того пространства земли, которымъ крестьяне дѣйствительно пользовались во время крѣпостного быта. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что на основаніи Положенія 19-го февраля при освобожденіи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ за основаніе разсчета, при надѣленіи ихъ землей, принята была не наличная, а ревизская душа. Между тѣмъ, сказки послѣдней народной переписи были составлены въ 1857 г., отводъ же земель по уставнымъ грамотамъ начался только съ конца 1861 г., т.-е. четырьмя годами позже, вслѣдствіе чего на весь естественный приростъ населенія за это время надѣла присчитано не было. А какъ ежегодный перевѣсъ рождаемости надъ смертностью въ крестьянскомъ населеніи можно принять, по крайней мѣрѣ, въ $1^0/_0$, то слѣдуетъ предполагать, что болѣе $4^0/_0$, т.-е. почти одна двадцатая часть всего крестьянскаго населенія, осталась безъ надѣла. Такимъ образомъ, уже въ моментъ освобожденія крестьянъ оказывался нѣкоторый избытокъ населенія — противъ установленнаго земельнаго надѣла.

Отсутствіе какого-либо постановленія по этому предмету въ Положеніи 19-го февраля и дальнѣйшая пріостановка всякой законодательной и распорядительной дѣятельности правительства въ теченіе двадцати лѣтъ могутъ быть объяснены слѣдующими причинами.

Въ моментъ освобожденія крестьянъ господствовало мнѣніе, что крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости и надѣленные землей, уже не нуждаясь въ правительственной опекѣ, сами будутъ заботиться о своемъ благосостояніи, и что не вполнѣ обезпеченныя землею личности этого сословія всегда будутъ находить достаточное примѣненіе своему труду на помѣщичьихъ земляхъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ. При этомъ, однако, совершенно упускалось изъ виду, что и въ прежнее время они уже обработывали эту землю, но только барщиннымъ трудомъ, теперь же имъ будетъ приходиться обработывать ее съ найма въ качествѣ свободныхъ рабочихъ; общее же количество земли по отношенію къ крестьянскому населенію въ каждой мѣстности нисколько не измѣнилось—на приростъ населенія никакого запаса не оказывалось.

Затѣмъ, столь поразительное бездѣйствіе правительства объясняется отсутствіемъ спеціальныхъ органовъ, компетентныхъ входить въ это дѣло. До мировыхъ посредниковъ оно не касалось; государственные же крестьяне были изъяты изъ-подъ вѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, и это можетъ быть главное — такое положеніе дѣла объясняется преобладавшимъ въ то время неблагопріятнымъ для переселенческаго движенія настроеніемъ общественнаго мнѣнія, насколько оно слагалось въ землевладѣльческихъ кругахъ и въ высшихъ сферахъ общества.

Настроеніе это было вызвано отчасти опасеніемъ, что крестьяне, получивъ свободу, массами станутъ бродить по всей Россіи. Но была другая, болѣе серьезная причина для землевладѣльцевъ опасаться переселенія крестьянъ. Крестьянская реформа вызвала рѣзкій переломъ въ прежнемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ; предстояла необходимость измѣнить всѣ хозяйственныя привычки и порядки при замѣнѣ даровой работы наемнымъ трудомъ. Весьма естественно, что это озабочивало всѣхъ хозяевъ, и дѣйствительно это было дѣло не легкое. Коренным измѣненіемъ ихъ отношеній къ рабочему сословію—всѣ землевладѣльцы были поставлены на первое время въ весьма затруднительное положеніе. Приходилось привыкать работать съ наемными рабочими, заводить свой инвентарь и т. п. А между тѣмъ въ такое переходное время, по винѣ обѣихъ сторонъ, отношенія хозяевъ къ рабочимъ принимали весьма неудовлетворительный характеръ,—жаловались на то̀, что трудно добыть рабочихъ, что свободный рабочій работаетъ плохо, что рабочіе не исполняютъ рабочихъ контрактовъ, и т. п. При трудности справиться съ этими неблагопріятными обстоятельствами, оставалось только одно—отдавать землю крестьянамъ въ наемъ. Можно было опасаться, что при значительномъ развитіи переселенія, трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцы потеряютъ и съемщиковъ на предлагаемую въ аренду землю, и такимъ образомъ лишатся единственной оставшейся еще въ ихъ рукахъ вѣрной статьи дохода. Отдѣльныя лица могутъ, изъ высшихъ побужденій, жертвовать своими интересами на пользу общества; но цѣлые классы населенія всегда и вездѣ относятся къ экономическимъ вопросамъ съ эгоистической точки зрѣнія; прежде всего они должны помышлять о сохраненіи собственныхъ интересовъ. Вотъ почему классъ землевладѣльцевъ смотрѣлъ у насъ въ то время недоброжелательно на переселенческій вопросъ; а такъ какъ это былъ классъ самый вліятельный, то его образъ воззрѣнія отражался и на настроеніи правительства.

То, чтò прежде, въ до-реформенное время, считалось дѣломъ самымъ естественнымъ и необходимымъ, т.-е. выселеніе избытка населенія на свободныя земли, то, чтò не только дозволялось и поощрялось, но даже прямо предписывалось закономъ, то, послѣ 1861 года, стало представляться дѣломъ крайне опаснымъ, которое не только не слѣдуетъ поощрять, но которому даже слѣдуетъ препятствовать всѣми мѣрами,—дѣломъ, о которомъ даже не слѣдуетъ и говорить. Вопросъ о переселеніи получилъ характеръ вопроса неблагонадежнаго: человѣку благонадежному, консервативному не слѣдовало и касаться его...

Внезапное прекращеніе извѣстнаго, вошедшаго въ жизнь народа, организаціоннаго механизма не могло не дѣйствовать крайне вредно на положеніе крестьянскаго населенія въ густо населенныхъ губерніяхъ.

Сила вещей, однако, дѣлала свое дѣло. Ежегодно увеличивавшееся число крестьянъ, недостаточно обезпеченныхъ на родинѣ земельнымъ надѣломъ, продолжало вызывать среди нихъ стремленіе къ переселенію, которое при такихъ условіяхъ стало происходить самовольно. Къ концу 70-хъ годовъ число всѣхъ переселенцевъ въ уфимской и оренбургской губерніяхъ доходило уже до 100.000 душъ—несмотря на запрещеніе и на разныя стѣснительныя мѣры, которымъ подвергался выходъ изъ общества. Уходили бòльшею частію изъ дому по срочнымъ паспортамъ, подъ видомъ отправленія на заработки, и шли въ Оренбургъ, Уфу, Сибирь, а затѣмъ, прибывши туда, приписывались тамъ къ обществамъ старожиловъ, принимавшихъ ихъ въ надѣлъ, или жили среди нихъ безъ всякой приписки, занимаясь первое время наемной работой у старожиловъ. Къ началу 80-хъ годовъ число *ежегодно* переселявшихся крестьянъ доходило уже до 40.000, и это по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, а такъ какъ при самовольномъ уходѣ значительная часть переселенцевъ ускользала отъ регистраціи, то, по всей вѣроятности, дѣйствительное число ихъ было гораздо значительнѣе.

Самовольное переселеніе, при отсутствіи всякаго правительственнаго содѣйствія, было сопряжено съ тяжкими страданіями и наносило громадныя потери живому населенію и имущественнымъ средствамъ страны. Трудно себѣ представить въ настоящее время, до чего доходили эти страданія и эти потери. Лица, которымъ удавалось дойти до мѣста назначенія и поселиться окончательно въ новой странѣ, достигали цѣли только послѣ усиленныхъ страданій, оставивъ на пути значительную часть своего семейнаго состава, унесеннаго болѣзнями и смертностью. Еще

хуже было положеніе крестьянъ, не дошедшихъ до мѣста назначенія, или не нашедшихъ возможности пристроиться на новомъ мѣстѣ, и которые потому принуждены были вернуться обратно. Подобныя возвращенія кончались полнымъ ихъ разореніемъ, они возвращались на родину нищими. Распродавъ при отправленіи въ путь все свое имущество и отказавшись отъ земли и усадьбы, они приходили домой, израсходовавъ въ пути весь свой небольшой достатокъ, не имѣя дома уже ни крова, гдѣ пріютиться, ни земли, ни скота, необходимаго для ея обработки. Безъ всякихъ средствъ существованія, имъ оставалось только кормиться поденщиной, а тамъ, гдѣ не хватало работы—нищенствовать.

Правительство, очевидно, не могло оставаться безучастнымъ зрителемъ подобной неурядицы и подобныхъ страданій. Въ 1881 году оно рѣшается, наконецъ, принять нѣкоторое участіе въ направленіи переселенческаго дѣла. Въ іюлѣ этого года было постановлено предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ разрѣшать, впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ предположеній по вопросу о крестьянскомъ переселеніи, ходатайства о выселеніи лицъ, хотя и не имѣющихъ по дѣйствующему закону на то права, но экономическое положеніе коихъ къ тому вынуждаетъ. Всѣ недоимки въ податяхъ и выкупныхъ платежахъ должны были быть переводимы на переселенцевъ съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой за недоимки переселенцевъ отвѣтственности. Уплату недоимокъ, а также и текущихъ за отведенную землю платежей допускалось разсрочивать на такое число лѣтъ, въ теченіе коихъ признано будетъ возможнымъ взыскать ихъ съ переселенцевъ, соображаясь съ ихъ платежными силами. Далѣе, было постановлено отводить имъ въ пользованіе на сроки отъ 6 до 12 лѣтъ свободные участки казенныхъ земель размѣромъ не свыше 8 дес. на душу, съ обложеніемъ ихъ оброчнымъ платежемъ сообразно съ дѣйствительнымъ доходомъ, получавшимся казною съ этихъ земель до водворенія на нихъ переселенцевъ. Наконецъ, для содѣйствія переселенцамъ, направляющимся въ юго-восточныя губерніи и западную Сибирь, была образована въ видѣ опыта переселенческая контора въ селѣ Батракахъ, у переправы черезъ Волгу. Впослѣдствіи эта контора была переведена въ Сызрань.

Въ дополненіе къ постановленію 1881 года были затѣмъ выработаны нижеслѣдующія общія начала, для положенія ихъ въ основаніе переселенческому закону.

Переселеніе должно быть всецѣло подчинено направленію правительства. Къ переселенію допускаются наиболѣе нуждаю-

щіеся крестьяне по избранію мѣстной администраціей. Кромѣ льготы по отношенію къ денежнымъ платежамъ, переселенцамъ оказывается помощь по передвиженію во время пути, выдачею заимообразно въ необходимомъ размѣрѣ ссудъ на путевые расходы; такія же ссуды предоставляются имъ, по прибытіи на мѣсто назначенія, на обзаведеніе. Возвратъ всѣхъ этихъ ссудъ разсрочивается на нѣсколько лѣтъ. Въ главнѣйшіе пункты переселенческаго движенія, а также въ города Томскъ и Тобольскъ командируются особенныя довѣренныя лица, снабженныя надлежащими инструкціями для направленія переселенческаго движенія на мѣстахъ. Администраціи предоставляется право останавливать переселеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда она убѣдится, что переселеніе предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли. Самое же направленіе дѣла возлагается на министерство вн. дѣлъ.

Всѣ эти начала были въ 1886 г. Высочайше одобрены, и одновременно съ приступомъ къ выработкѣ на этихъ началахъ спеціальнаго переселенческаго закона были командированы чиновники въ Екатеринбургъ, Оренбургъ, Златоустъ, Тобольскъ и Томскъ, для направленія переселенцевъ и оказанія имъ помощи, на что̀ былъ испрошенъ особенный кредитъ.

И послѣ постановки переселенческаго вопроса на эту почву въ дѣйствіяхъ правительства продолжала однако выказываться нѣкоторое время все еще нѣкоторая нерѣшительность и неопредѣленность. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сознанія, что уже невозможно далѣе предоставлять этотъ вопросъ самому себѣ, правительство рѣшалось на оказаніе нѣкотораго пособія переселяющимся, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ опасенія [1]), чтобы подобное содѣйствіе не повлекло за собою неблагопріятныхъ послѣдствій, чтобы оно не вызвало нежелательное массовое передвиженіе народа,—правительство, не рѣшаясь стать на дореформенную почву, стремилось ограничить воспособленіе пе-

---

[1]) Это опасеніе продолжало господствовать у насъ до послѣдняго времени, пока грубая логика фактовъ не убѣдила, наконецъ, въ томъ, что условія жизни, слагающіяся въ мѣстностяхъ съ скученнымъ населеніемъ, при недостаточномъ отливѣ его въ другія мѣстности, порождаетъ послѣдствія гораздо болѣе непріятныя, чѣмъ тѣ, которыя могли бы проявиться при разрѣженіи населенія, которыхъ до сихъ поръ такъ опасались. На основаніи свѣдѣній, заключающихся въ оффиціальныхъ источникахъ (донесенія предсѣдателя рязанскаго отдѣла крестьянскаго банка), въ губерніяхъ рязанской, тамбовской и харьковской землевладѣльцы не только не опасаются уже выселенія крестьянъ, но сами желали бы избавиться отъ избытка нуждающагося населенія и готовы были бы даже изъ собственныхъ средствъ помочь его переселенію.

реселенія самыми тѣсными предѣлами. При такихъ условіяхъ, требованіе, чтобы переселеніе всецѣло было подчинено направленію правительства, получало какъ бы характеръ не столько желанія содѣйствовать развитію и организаціи правильнаго переселенческаго движенія, сколько желанію стѣснить его въ возможно узкія границы.

Какое скромное приложеніе нашли, на первое время, предполагаемыя мѣропріятія, видно изъ того, что въ 1884 году былъ испрошенъ на пособіе переселенцамъ кредитъ всего только въ 40.000 рублей, а въ послѣдующіе затѣмъ годы этотъ кредитъ былъ даже уменьшенъ до 20.000. Чтò можно было сдѣлать съ такимъ кредитомъ въ такомъ вопросѣ?! При выдачѣ каждой высылающейся семьѣ только 50 р. пособія на слѣдованіе въ пути и на обзаведеніе, изъ 20.000 руб. могло быть выдаваемо пособіе только 400 семьямъ, а на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній уже въ 1880 году число самовольно переселяющихся доходило до 40.000 душъ. О томъ же направленіи дѣятельности правительства по переселенческому вопросу свидѣтельствуетъ и медленность разработки переселенческаго закона, которою правительство очевидно не спѣшило. Къ начертанію основаній для новаго закона было приступлено въ 1881 году—самый же законъ вышелъ только въ 1889 году,—такимъ образомъ, на его составленіе употреблено около девяти лѣтъ!

Содержаніе новаго закона „о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли и о порядкѣ перечисленія лицъ означенныхъ сословій, переселившихся въ прежнее время", утвержденнаго 13-го іюля 1889 года, заключалось въ слѣдующемъ.

Переселеніе допускается не иначе какъ съ предварительнаго разрѣшенія правительства. Лица, предпринявшія переселеніе безъ сего разрѣшенія, возвращаются въ мѣсто приписки. Разрѣшеніе на переселеніе дается только въ томъ случаѣ, когда на то есть дѣйствительныя причины и притомъ имѣются свободные участки казенной земли, предназначенной для заселенія переселенцами.

Получившій разрѣшеніе на переселеніе не обязанъ испрашивать увольнительнаго отъ своего общества приговора. Изъ состоящихъ въ европейской Россіи и нѣкоторыхъ азіатскихъ губерніяхъ казенныхъ земель образуются особые участки, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это можно будетъ сдѣлать безъ ущерба для выгодъ казны. Казенныя земли европейской Россіи отводятся переселенцамъ первоначально во временное арендное пользованіе, по письменнымъ договорамъ на сроки отъ шести до двѣнадцати

лѣтъ, а по прошествіи оныхъ могутъ быть оставляемы за нанимавшими ихъ лицами въ *безсрочное* пользованіе, на одинаковыхъ основаніяхъ съ бывшими государственными крестьянами тѣхъ мѣстностей. Въ губерніяхъ томской и тобольской, а равно и въ областяхъ Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской, казенныя земли предоставляются переселенцамъ прямо въ постоянное, безсрочное пользованіе, съ соблюденіемъ условій, на которыхъ такія же земли отдаются сибирскимъ крестьянамъ-старожиламъ, съ выдачею при томъ особыхъ актовъ, въ которыхъ имѣютъ быть означаемы пространства и границы земельныхъ участковъ, а также слѣдующіе за нихъ казнѣ платежи. Отведенные участки не могутъ быть отчуждаемы, ни обременяемы долгами. Казенныя земли представляются поселенцамъ въ общинное или подворное пользованіе по ихъ собственному выбору. Съ общиннымъ пользованіемъ связывается круговая порука. Наемная плата за отводимыя земли въ европейской Россіи не должна превышать выкупныхъ, безъ погасительной части, платежей, которые причитаются съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ одинаковыхъ селеній. Въ губерніяхъ томской и тобольской плата земли опредѣляется сообразно съ подушною за землю податью, вносимою мѣстными крестьянами-старожилами, по переложенія ея на десятины. Въ прочихъ сибирскихъ губерніяхъ наемная плата опредѣляется особыми положеніями.

Переселенцамъ предоставляются слѣдующія льготы. Лица, освобожденныя въ Россіи отъ подушной подати, не облагаются ею и при неречисленія въ мѣстности, гдѣ эта подать еще существуетъ. Всѣ переселенцы освобождаются отъ всякаго рода казенныхъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя земли въ европейской Россіи на два года, а въ остальныхъ мѣстностяхъ на три года, считая со дня новаго водворенія. Въ послѣдующіе затѣмъ три года переселенцы облагаются упомянутыми сборами и платежами въ половинномъ размѣрѣ. Лицамъ, достигающимъ въ годъ переселенія призывнаго возраста, исполненіе воинской повинности отсрочивается въ Россіи на два года, а въ остальныхъ мѣстностяхъ на три. По прибытіи на мѣсто новаго водворенія, переселенцы имѣютъ право воспользоваться ссудами на продовольствіе и обсѣмененіе полей, не ожидая окончательнаго причисленія и на тѣхъ же основаніяхъ, какія установлены для мѣстныхъ крестьянъ. Еще не выкупленные крестьянскіе надѣлы, освобождающіеся за переселеніемъ крестьянъ, остаются въ составѣ земель тѣхъ сельскихъ обществъ, къ которымъ переселенцы принадлежали. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на эти общества переводятся какъ лежащіе на

этихъ надѣлахъ выкупные платежи, такъ и всѣ недоимки въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ, состоящія на выбывающихъ членахъ общества. Въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано необходимымъ оказать тѣмъ или другимъ переселенцамъ особое содѣйствіе со стороны правительства, министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, разрѣшать выдачу путевыхъ пособій, во время слѣдованія переселенцевъ къ мѣсту назначенія, а по прибытіи на мѣсто—разрѣшать какъ производство денежныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе, пріобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, такъ и отпускъ необходимаго для возведенія усадебныхъ построекъ лѣсного матеріала изъ казенныхъ дачъ, безвозмездно или за попенныя деньги.

Законъ 13-го іюля 1889 года заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, довольно полный сводъ постановленій, касающихся переселенія. Къ требуемому уже въ прежнее время правительственному разрѣшенію для переселенія—законъ 1889 года присоединяетъ угрозу объ обратномъ водвореніи самовольныхъ переселенцевъ на прежнее мѣсто жительства. Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, насколько возможно безусловное воспрещеніе всякихъ самовольныхъ переселеній на практикѣ,—возвращеніе поселенцевъ на прежнее мѣсто жительства, равняющееся конечному ихъ разоренію, такъ какъ они на мѣстахъ уже все продали, во всякомъ случаѣ никакъ нельзя было признать мѣрою практическою и цѣлесообразною, и дѣйствительно, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, отъ примѣненія этой мѣры на практикѣ пришлось отказаться съ самаго начала.

Отсрочка на первое время всякихъ казенныхъ платежей—мѣра въ высшей степени раціональная. Дѣйствительно, прежде всего надо дать переселенцу окрѣпнуть, стать на новосельѣ твердой ногой; до того онъ едва ли можетъ сдѣлаться исправнымъ плательщикомъ. Не менѣе полезна и отсрочка въ отбываніи воинской повинности; является только вопросъ—не слѣдовало ли бы идти еще далѣе и освободить совершенно отъ военной службы хотя нѣкоторыхъ членовъ семейства первыхъ переселенцевъ.

По отношенію къ прежнимъ обществамъ, законъ 1889 года заключаетъ въ себѣ категорическое отличіе отъ постановленій 1881 года. По положенію 1881 года на переселенцевъ переводились всѣ платежи какъ по выкупу, такъ и по недоимкамъ въ казенныхъ податяхъ, съ полнымъ освобожденіемъ отъ нихъ мѣстныхъ обществъ. Законъ же 1889 года, напротивъ того, оставляетъ всѣ эти платежи на прежнемъ обществѣ. Оставленіе за нимъ вы-

купныхъ платежей совершенно раціонально, такъ какъ общество остается собственникомъ выкупленной земли, но едва ли можно согласиться съ цѣлесообразностью оставленія на обществѣ и всѣхъ недоимокъ. Но объ этомъ будетъ сказано далѣе.

На основаніи новаго закона было регистровано переселеніе въ 1889 году около 2.000 семей, въ 1890 г.—7.600 семей, а въ 1891 г.—приблизительно столько же. Такимъ образомъ, можно сказать, что съ установленіемъ новаго закона число разрѣшенныхъ переселеній не только не увеличилось, но даже нѣсколько уменьшилось, такъ какъ прежде, въ 1887 году, было зарегистровано до 9.000 семей, а въ 1888 г.—даже свыше 19.000 семей-переселенцевъ.

Одновременно съ правительствомъ, въ обезпеченіи участи переселенцевъ приняла участіе и частная дѣятельность. Для этой цѣли образовалось „Общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ", которое употребило на этотъ предметъ, за все время своего существованія, около 60.000 рублей, собранныхъ частною благотворительностью, т.-е. немногимъ меньше тѣхъ средствъ, которыя были ассигнованы правительствомъ, за то же время,—на переселенческое дѣло.

Ѳ. Тернеръ.

ИЗЪ „SINNEN UND MINNEN“

Р. ГАММЕРЛИНГА.

1.—ПСАЛОМЪ ЖИЗНИ.

О, радостный лучъ бытія,
Ты блещешь зарею багряной
Надъ полною тайны нирваной,
Сливаясь съ пучиной ея!
О, волны житейскаго моря,
Волненье борьбы и побѣдъ,
И отдыхъ—работѣ во слѣдъ,
Порывы блаженства и горя!

Я съ каждымъ цвѣткомъ полевымъ
Хотѣлъ бы воскреснуть весною,
И съ каждой вечерней звѣздою
Подъ сводомъ сіять голубымъ.
И съ облакомъ плыть надъ долиной,
И каждому вторить ручью,
И въ пѣснѣ излить лебединой
Хотѣлъ бы я душу мою!

Хотѣлъ бы я въ солнечномъ блескѣ
Съ пучиною слиться морской
И съ нею же—пѣной сѣдой
Дробиться и въ шумѣ, и плескѣ...

Хотѣлъ бы съ громадою тучъ
Я вихремъ упасть на долины,
И рухнуть, какъ дубъ, чьей вершины
Коснулся божественный лучъ.

2.—ЗАВѢЩАНІЕ.

Пламя люблю я, когда съ высоты
Свѣтитъ оно яркой розсыпью звѣздною,
Молніи блескомъ сіяетъ надъ бездною
Намъ съ высоты.

Воздухъ люблю я, свободный эѳиръ!
Въ немъ, высокό надъ скалистами кручами,
Носятся вихри съ орлами и тучами,
Зыбля прозрачный эѳиръ.

Волны люблю я—въ теченьѣ своемъ
Вѣчно шумливыя, вѣчно бѣгущія,
Къ каждому берегу ласково льнущія,
Въ вѣчномъ теченьѣ своемъ.

Землю, гдѣ вѣетъ отрадный покой,
Сердцемъ люблю я! По лугу зеленому
Сладостно взору бродить утомленному,
Сладостнѣй—вѣчный покой.

Имъ завѣщаю я душу и прахъ:
Пламени—духъ мой, эѳиру безбрежному—
Душу мою, океану мятежному—
Сердце, землѣ же—мой прахъ.

Духу огнемъ пламенѣть суждено,
Жадно стремиться душѣ къ безконечному,
Сердцу—отдаться волненію вѣчному,
Праху—истлѣть суждено.

3.—СЛУЖЕНІЕ КРАСОТѢ.

(Сонетъ.)

Кто сдѣлался жрецомъ добра и красоты,
Тотъ полный горечи извѣдаетъ напитокъ,
И встрѣтитъ на пути возвышенныхъ попытокъ
Шипѣнье зависти и ропотъ клеветы.

Кого вѣнчаютъ лавры и цвѣты—
Находитъ въ нихъ порой и тернія избытокъ,
И, откровенія развертывая свитокъ,
Слезою платитъ онъ за свѣтлыя мечты.

Ему, парящему въ недостижимыхъ грёзахъ,
Какъ жизнь порою ни полна—
Не суждено покоиться на розахъ:
Избранникъ музъ, кѣмъ смерть побѣждена,
Предъ игомъ жизни, чуждымъ и наноснымъ,
Склоняется челомъ побѣдоноснымъ.

4.—СИЛА ЛЮБВИ.

(Macht der Minne.)

Есть ли гдѣ такая сила,
Чтобы сердцу запретила,
Въ упоеніи тревожномъ,
Жить мечтой о невозможномъ,—
И, въ душѣ лелѣя свято
Милый образъ, безъ возврата,
Навсегда отдаться власти
Роковой, безумной страсти?

Не одинъ судьбы избранникъ
Передъ ней—невольный данникъ—
Въ жизни этой преклонялся,
Умирая—улыбался.
Сколько славныхъ и безвѣстныхъ
Навсегда въ могилахъ тѣсныхъ,

Повинуясь этой силѣ,
Отъ страданій опочили!

Сколько ихъ—безумья полны,
Черезъ пламя, черезъ волны
Вмѣстѣ шли въ аидъ безмолвный,
Отдавая жизнь и кровь!
Неизбѣжна ты, могила,
Плодотворна—жизни сила,
Но обѣихъ побѣдила
Всемогущая любовь.

5.—ОРЕЛЪ.

Тѣшитъ орла безграничный небесный просторъ.
Въ вѣчномъ стремленьѣ къ чертогамъ лазурнымъ,
Смѣло купаясь въ сіяньѣ пурпурномъ,
Въ солнце безстрашно вперяетъ онъ взоръ.

Даромъ сугубымъ природа его надѣлила,
Щедро его одарила она:
Зоркость орлиному взору дана,
Мощнымъ крыламъ—небывалая сила.

Крылья такія же духу природа даетъ,
Но безъ орлинаго смѣлаго ока.
Если же взоромъ онъ въ высь проникаетъ глубоко—
Нѣтъ ему крыльевъ, чтобъ съ ними достигнуть высотъ.

6.—НОЧНЫЯ ВѢЯНІЯ.

Чу! Вершина ели
Шепчетъ въ полуснѣ,
Словно прошумѣли
Крылья въ вышинѣ...
Чтò пророчитъ шопотъ—
Тайною полнà,
И сама не знаетъ
Этого она.

Такъ въ душѣ порою
Трепетный испугъ,
Тихія созвучья—
Возникаютъ вдругъ...
Чтὸ въ нихъ: близость горя?
Радость торжества?
Смутно въ насъ глаголетъ
Голосъ божества.

7.—ОДИНОЧЕСТВО.

Безмятежнымъ все дышетъ покоемъ,
Надъ землею—волшебные сны;
Только море немолчнымъ прибоемъ
Бьется въ берегъ, при свѣтѣ луны.

Тамъ, у берега, чудная роза
Распустилась съ возвратомъ весны.
Къ ней несутся: влюбленная грёза
И вечерніе вздохи волны.

И вздыхаетъ волна:—Еслибъ стала
Я жемчужною каплей росы—
Я слезою бы чистой блистала
Въ сердцевинѣ у розы-красы.
Но напрасно во мракѣ ей внятно
Все о томъ же лепечутъ струи:
Ей томленье мое непонятно,
Непонятны ей вздохи мои.

И влекутъ меня звѣзды-царицы;
На прозрачную влагу мою
Проливаютъ онѣ—чаровницы—
Золотого сіянья струю.
Но, увы! безконечно далёко
Отъ меня алой розы уста
И сіяетъ изъ бездны глубокой
Недоступныхъ свѣтилъ красота.

8.—ЖРЕЦЪ БОГИНИ ГЕРТЫ.

(Поэма.)

На сѣверномъ прибрежьѣ, у свинцовыхъ
Шумящихъ волнъ, въ тѣни вѣтвей сосновыхъ
Богини жрецъ задумчиво сидѣлъ.
И странныхъ думъ кружилась вереница
Въ его мозгу, и взоръ его горѣлъ...
Невдалекѣ богини колесница
Виднѣлася, передъ которой всѣ
Склонялися, хотя никто доселѣ—
И самые жрецы—не лицезрѣли
Богини ликъ во всей его красѣ:
Алтарь ея, скрываемъ темной тканью,
Былъ недоступенъ смертныхъ созерцанью.

Но юнаго жреца все существо
Безуміе желанья охватило,
Оно росло съ неудержимой силой:
Онъ хочетъ знать и видѣть божество!

Онъ поднялся, и къ алтарю богини,
Не трепетнымъ хранителемъ святыни
Приблизился,—но, блѣденъ и суровъ,
Какъ дерзкій воръ, сорвалъ съ нея покровъ.
И что же?.. Тамъ, гдѣ, тайну нарушая,
Не ставилъ досель еще никто—
Лишь пустота зіяла роковая,
Зіяло грозное *ничто*.

Но взоръ его все ярче разгорался
И въ пустоту проникнуть онъ старался,
А тьма кругомъ зіяла все мрачнѣй,
Зловѣщѣе; какъ хлопья снѣговыя,
Передъ глазами искры огневыя
Кружилися и вихрилися въ ней...
А онъ глядѣлъ. Предъ нимъ—безумно дики
Являлися чудовищные лики
И странныя видѣнья безъ числа,

Дышавшія презрѣніемъ и гнѣвомъ...
И ширилася бездна и росла
У ногъ его, готовясь страшнымъ зѣвомъ
Пожрать его и цѣлый міръ...
И онъ
Отпрянулъ вдругъ, и, страхомъ ослѣпленъ,
Онъ ринулся въ бушующее море.

Тогда жрецы воскликнули:—О, горе!
Онъ палъ, огнемъ священнымъ опаленъ,
Приблизившись къ своей богинѣ Гертѣ!
Никто не зналъ, что самъ на встрѣчу смерти
Онъ кинулся безумно съ высоты—
Испуганъ, ослѣпленъ зіяньемъ пустоты.

О. Михайлова.

ОЧЕРКИ
СОВРЕМЕННАГО
ПЕЛОПОННЕСА

III.—Олимпія и ея Священная роща [1]).

На желѣзнодорожной станціи „Олимпія",—названіе, странно звучащее своимъ древне-классическимъ именемъ въ связи съ хитроумнымъ изобрѣтеніемъ XIX-го вѣка,—стоитъ такой же вокзальчикъ-караулка, какъ и на другихъ маленькихъ станціяхъ этой дороги.

Мы вылѣзаемъ изъ вагона съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ въ непроглядную темноту, охватывающую все кругомъ... Около вокзала пусто и безлюдно. Единственный любопытный человѣкъ, ожидавшій поѣзда, былъ коммиссіонеръ гостиницы „Grand' Hôtel d'Olympie", не замедлившій представиться намъ и захватить наши вещи. Въ маленькихъ уголкахъ Греціи, какъ мы убѣдились потомъ, не существуетъ маленькихъ гостинницъ; всѣ онѣ непремѣнно „грандотели", и если вы не встрѣтите въ нихъ ничего подобнаго условіямъ жизни, которыя привыкли встрѣчать въ настоящихъ grand'hôtel'яхъ большихъ европейскихъ городовъ,—зато смѣло можете надѣяться получить обычные всѣмъ грандотелямъ грандіозные счеты...

Огней гостинницы, однако, нигдѣ по близости не видно, и омнибуса тоже не видать. Вмѣсто кареты, подводятъ къ вокзалу

---

*) См. выше: февр., 640 стр.

крошечнаго заспавшагося ослика съ уныло повисшими ушами, и величественный представитель Grand' Hôtel d'Olympie нагружаетъ этого скромнаго питомца элидскихъ пастбищъ нашими чемоданами и сакъ-вояжами. Два огромныхъ усатыхъ паликара въ фустанеллахъ, похожіе какъ двѣ капли воды на албанскихъ разбойниковъ, вынырнули изъ ночного мрака въ качествѣ охранителей нашего имущества, не особенно однако успокоивъ насъ насчетъ его безопасности.

Оказалось, что намъ предстояло не особенно близкое пѣшеходство отъ вокзала до гостинницы, хотя шедшій впереди насъ словоохотливый представитель грандотеля съ фонаремъ въ рукѣ самымъ развязнымъ тономъ увѣрялъ насъ, что до отеля всего нѣсколько шаговъ...

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ было гораздо приличнѣе приближаться къ развалинамъ греческаго святилища не въ новомодной европейской каретѣ, а первобытнымъ способомъ древняго грека, на своихъ на двоихъ, ощупывая невѣрно ступавшею въ темнотѣ ногою каждый камушекъ священной почвы. Такое ночное странствіе невольно наводило на воспоминанія давно протекшихъ вѣковъ, когда по выраженію поэта:

На Посидоновъ пиръ веселый
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ...

Черезъ полчаса ходьбы, взобрались мы кое-какъ на гору, откуда привѣтливо глядѣли на насъ будто въ воздухѣ висящія освѣщенныя окна двухъ, трехъ домовъ.

Гостинница „Олимпія" довольно просторна, чиста и удобна, хотя устроена на простую ногу, какъ и подобаетъ въ такомъ глухомъ деревенскомъ углу. Кровати громадныя, съ свѣжимъ бѣльемъ; умыться есть гдѣ; съѣсть кусокъ горячаго мяса и выпить стаканъ вина тоже можно, а больше—чего же нужно? Правда, чай устроить было очень трудно, масло пришлось возвратить назадъ, но это уже болѣе или менѣе баловство. Зато выспались отлично и встали въ шесть часовъ утра совсѣмъ бодрые.

Въ распахнутыя широкія окна полились лучи яркаго солнечнаго дня, и глянула на насъ своими пустынными лѣсными холмами тѣсная долина Алфея... Крутой холмъ Кроноса, на которомъ еще до начала олимпійскихъ игръ уже стояло древнее эллинское святилище, и который пріосѣняетъ собою храмы и портики Олимпіи, еще купаетъ въ тѣняхъ ночи свою лѣсную чащу. Зато скаты противоположныхъ ему холмовъ, до макушки

засѣянныхъ ячменемъ и пшеницею, и только сверху покрытыхъ сильно порѣдѣвшими рощами, залиты веселыми огнями утра. Голубая лента Алфея змѣится внизу среди нанесенныхъ его же разливами желтосѣрыхъ песковъ. Еще ближе къ намъ, въ глубокомъ и узкомъ провальѣ, катитъ въ Алфей свои на видъ теперь смиренныя, но весною разрушительныя воды притокъ его Кладеосъ...

Низменная равнина у ногъ Кроноса, въ углу, образуемомъ сліяніемъ Кладеоса и Алфея, вся покрыта частыми, какъ камни стариннаго кладбища, развалинами олимпійскихъ храмовъ и ристалищъ. Издали они не производятъ особеннаго впечатлѣнія и кажутся безпорядочнымъ полемъ разрушенія.

Мы отправились къ нимъ въ сопровожденіи служителя гостинницы и своего драгомана. Но изъ археологическаго музея, зданіе котораго стоитъ рядомъ съ гостинницею, сейчасъ же присоединился къ намъ одинъ изъ оффиціальныхъ смотрителей развалинъ, хорошо знающій всѣ здѣшнія древности и съ трудомъ коверкавшій кое-что по-французски. Всѣ мы молча спустились въ долину и оглянулись кругомъ: насъ охватывало кольцо милыхъ сельскихъ холмовъ, тишина и безлюдье патріархальныхъ полей; ослики и коровы беззвучно жевали, наслаждаясь утреннимъ солнышкомъ, сочную траву... Бабочки рѣяли въ воздухѣ; кроткое, блѣдно-голубое небо глядѣло сверху. Мирное молчаніе этой зеленой пустыньки такъ подходило къ многовѣковой могилѣ былой греческой славы, былого культа силы и красоты...

Высоко надъ кровлями нашей гостинницы и музея подымалась на своей лѣсистой горѣ деревенька Друва, гдѣ жили долгое время, до постройки музея и гостинницы, трудолюбивые нѣмецкіе археологи и архитекторы, производившіе раскопки Олимпіи. А съ другой стороны, въ долинѣ, что̀ уходитъ отъ насъ влѣво и внизъ, ярко играетъ на лучахъ утренняго солнца маленькая розовая станція желѣзной дороги—это не совсѣмъ умѣстное вторженіе въ тысячелѣтній покой древнихъ могилъ безпокойнаго новаго духа.

Вблизи—развалины Олимпіи гораздо величественнѣе и живописнѣе, чѣмъ издали. Только отсюда можешь оцѣнить ихъ обширность и понять ихъ расположеніе. Уцѣлѣли отъ разрушенія одни нижнія основанія зданій и памятниковъ, но они даютъ довольно ясное представленіе объ ихъ планѣ и размѣрахъ; нѣкоторыя колонны еще стоятъ въ цѣлости, отъ другихъ устояли только половинки и обломки. Но зато тутъ же около зданій лежатъ поверженныя остальныя колонны, капители, архитравы, ко-

торыя дополняютъ картину цѣлаго зданія. Среди обломковъ этихъ откопано много хорошо сохранившихся статуй, бюстовъ, барельефовъ и разныхъ архитектурныхъ украшеній, но эти предметы, какъ болѣе цѣнные, хранятся въ музеѣ. Они много дорисовываютъ въ воображеніи туриста былыя славныя сооруженія этого священнаго для Греціи мѣста.

Мы начали осмотръ съ „палестры". Это—родъ широкой галереи, окружающей четырехугольный дворикъ и обставленной рядами іоническихъ колоннъ. Всѣ колонны бороздчатыя, съ продольными желобками; рубчатая форма колоннъ вообще господствуетъ въ Олимпіи. Семь колоннъ палестры сохранились стоячими, иныя даже съ капителями наверху. Вышина ихъ аршинъ до пяти. Остальныя—разбиты до половины или совсѣмъ свалены съ своихъ основаній. Всѣ колонны изъ раковистаго темнаго известняка, который, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, былъ кругомъ оштукатуренъ. Но кое-какія части были мраморныя. Полъ палестры сдѣланъ изъ крѣпко выжженныхъ рубчатыхъ терракотовыхъ плитъ, чтобы босая нога борющихся и бѣгающихъ не скользила по гладкому камню. Такъ какъ палестра была назначена для гимнастическихъ упражненій, то кругомъ галереи устроено множество отдѣльныхъ помѣщеній, гдѣ состязавшіеся готовились къ борьбѣ и слушали наставленія своихъ учителей. Тутъ были ихъ холодныя и горячія бани, комнаты для раздѣванія и умащиванія масломъ, арены для бѣганья и борьбы. Палестра была окружена густыми деревьями, защищавшими отъ солнечнаго зноя упражнявшихся въ ней атлетовъ.

Кромѣ того, вокругъ каждаго зданія Олимпіи тщательно устроены были каменные желоба для протока воды; ихъ очень сложную и искусную сѣть можно теперь прослѣдить по всей площади развалинъ отъ ея начала, подъ горою Кроноса, до выводного устья къ скатамъ рѣки Кладеоса.

Южнѣе палестры маленькій круглый храмикъ Геры-Герооnъ, отъ котораго остались только основанія и мѣсто жертвенника; въ заднихъ углахъ его, повидимому, были секретныя мѣста для жрецовъ, которые почитали Геру домашнею покровительницею своею и наслѣдственно сохраняли въ своемъ родѣ званіе служителей Олимпійскаго Зевса и Геры, его божественной супруги. Тутъ же и развалины Теоколона—жилища этихъ самыхъ жрецовъ. За ними идутъ развалины мастерской Фидіаса. Древніе жители Элиды, соревнуя роскошнымъ Аѳинамъ, захотѣли украсить храмъ своего святилища такимъ же великимъ произведеніемъ скульптуры, какимъ Фидій только-что прославилъ аѳинскій Акрополь, поставивъ

въ немъ свою колоссальную статую Аѳины-Паллады. И вотъ они пригласили Фидія съ цѣлою толпою его учениковъ въ Олимпію и построили ему тамъ мастерскую совершенно тѣхъ же размѣровъ и того же расположенія, какъ и главный храмъ Олимпіи, для котораго онъ долженъ былъ создать статую Зевса, превосходящую красотою и богатствомъ все, что̀ существовало до тѣхъ поръ въ области ваянія.

Во времена византійскаго христіанства, безжалостно истреблявшаго остатки древнихъ языческихъ святынь Греціи, на мѣстѣ этой мастерской былъ построенъ большой православный храмъ и при немъ учрежденъ монастырь. Византійскій храмъ этотъ въ свое время былъ также разрушенъ язычниками-варварами. Остатки его сохранились гораздо лучше эллинскихъ древностей и несравненно богаче ихъ мраморными украшеніями, карнизами съ тонкою рѣзьбою, изящными мраморными надписями, мраморнымъ рѣшотчатымъ поломъ и пр. По всей вѣроятности, впрочемъ, всѣ эти бѣлые мраморы были выломаны изъ храмовъ языческой Олимпіи. Стѣны храма стоятъ еще на значительную высоту; подъ поломъ древняя римская цистерна для воды.

Мѣста̀ алтаря и другихъ частей храма видны очень ясно. За алтаремъ дворикъ съ кладбищемъ для знатныхъ прихожанъ, полный высокихъ мраморныхъ пьедесталовъ съ надписями, но уже безъ вѣнчавшихъ ихъ прежде статуй и бюстовъ. Тутъ же по сторонамъ были и жилища монаховъ.

Огромное зданіе Леонидайона почти примыкаетъ съ юга къ Фидіевой мастерской и тоже все занято развалинами византійскаго храма. 32 мраморныя колонны окаймляли прежде это зданіе съ каждой изъ длинныхъ сторонъ его. Теперь изъ нихъ уцѣлѣло только 20. Отъ остальныхъ видны только базисы и обломки.

Во времена олимпійскихъ игръ, Леонидайонъ служилъ мѣстомъ пребыванія знатныхъ лицъ и депутацій богатыхъ городовъ, посѣщавшихъ празднества, о помѣщеніи которыхъ только и заботились геллэнодики, т.-е. распорядители игръ, предоставлявшіе остальной массѣ гостей располагаться кругомъ Священной рощи, какъ они знаютъ, въ палаткахъ, или прямо подъ открытымъ небомъ.

Въ обширномъ храмѣ, построенномъ на мѣстѣ этого античнаго дворца, одинъ изъ позднѣйшихъ римскихъ правителей Олимпіи устроилъ себѣ удобное помѣщеніе, разбивъ внутренность храма на нѣсколько комнатъ. Около дворца этого еще можно видѣть круглыя мраморныя стѣнки концентрическихъ каналовъ, проводившихъ воду въ роскошные нѣкогда садики и цвѣтники,

и основанія фонтана-колодца. Здѣсь въ толщу земли углубляется коррндоръ съ поперечными перегородками, вырытый въ цѣляхъ дальнѣйшихъ раскопокъ. Тутъ яснѣе всего видно, какимъ толстымъ слоемъ глины—въ 6, 8 и 10 аршинъ—прикрыта теперь древняя Олимпія.

До сихъ поръ мы все держались внѣшней окружности Олимпіи, гдѣ были расположены ея жилыя зданія. Но вотъ передъ нами тріумфальныя ворота римской постройки, когда-то великолѣпно украшенныя мраморомъ, котораго обломки еще кое-гдѣ видны; сквозь тройныя двери этихъ воротъ проходили въ заповѣдные предѣлы Altis, „Священной рощи", обнесенной кругомъ оградою и вмѣщавшей въ себѣ славные храмы Олимпіи. Центральною и господствующею святынею среди этихъ храмовъ былъ знаменитый храмъ Зевса Олимпійскаго. Онъ построенъ по срединѣ Священной рощи на искусственно поднятой террасѣ, укрѣпленной стѣнками, и оттого сразу бросается въ глаза. На каменномъ возвышеніи въ ростъ человѣка стоятъ ряды до половины обрушившихся колоннъ огромной толщины, не менѣе $2^1/_2$ аршинъ въ поперечникѣ. Всѣ онѣ изъ темнаго и грубаго известняка, рубчатыя, какъ и колонны палестры, и всѣ дорическаго стиля, безъ базисовъ, съ колоссальными капителями гомерической простоты.

Капители эти, впрочемъ, давно низвергнуты на землю, такъ какъ ни одинъ изъ могучихъ столбовъ не сохранился въ цѣлости; устояли на стилобатахъ храма только нижнія половины ихъ. Но нѣкоторыя колонны опрокинуты были землетрясеніемъ цѣликомъ, съ пяты до макушки, и лежатъ теперь протянувшись во всю свою длину, будто нарочно для изученія археологовъ.

Древніе не вытесывали изъ камня цѣлыхъ столбовъ, подобныхъ удивительнымъ гранитнымъ монолитамъ Исаакіевскаго собора или колонны Александра Благословеннаго. Всѣ столбы олимпійскихъ, аѳинскихъ и другихъ античныхъ храмовъ Греціи, какіе я видѣлъ, сложены изъ громадныхъ круглыхъ жерновозъ, каждый аршина въ $1^1/_2$ вышины, такъ что упавшая колонна разсѣдается на свои суставы.

Съ каждой длинной стороны Зевсова храма стоитъ по 13 такихъ громадныхъ столбовъ и по 6 — съ короткихъ сторонъ, всего 38 столбовъ. Фасадъ храма обращенъ къ востоку, и оттуда входятъ въ него по пологой и широкой, когда-то мраморной лѣстницѣ. Слѣды мраморныхъ плитокъ, расположенныхъ шахматами, видны въ полу храма поверхъ болѣе древней грубой мозаики изъ мелкихъ голышей. Эта античная выстилка была замѣнена

мраморомъ, очевидно, во времена римскаго владычества, вѣроятно императоромъ Адріаномъ, который тратилъ огромныя сокровища на возстановленіе въ быломъ блескѣ славныхъ памятниковъ Греціи.

Хорошо еще видно мѣсто, гдѣ стояла главная святыня Олимпіи—Олимпійскій Зевсъ. Статуя была вся изъ золота и слоновой кости, такихъ громадныхъ размѣровъ (около 6 саженъ), что подходила подъ самый потолокъ храма. При раскопкахъ ее уже не нашли, и есть преданіе, будто бы при императорѣ Θеодосіѣ Великомъ греки увезли ее въ Константинополь и тамъ предали торжественно всесожженію, какъ языческаго идола, привлекавшаго къ себѣ темныя народныя массы. Но вѣрнѣе, что статуя Зевса погибла во время одного изъ большихъ пожаровъ Константинополя. Во всякомъ случаѣ невозможно было бы и разсчитывать, чтобы славная во всемъ древнемъ мірѣ статуя, представлявшая къ тому же собою цѣлую сокровищницу дорогихъ матеріаловъ, осталась непохищенною при столькихъ грабежахъ и разореніяхъ Пелопоннеса.

Древніе не находили достаточно восторженныхъ словъ для описанія этого шедёвра Фидіаса и величайшей славы эллинскаго искусства. Тѣло Зевса во всѣхъ своихъ обнаженныхъ частяхъ было сдѣлано изъ слоновой кости, а одежды—изъ чистаго золота. На падавшихъ по плечамъ волосахъ былъ надѣтъ оливковый вѣнецъ изъ зеленаго золота. Выраженіе лица верховнаго повелителя Олимпа поражало всѣхъ своимъ спокойнымъ величіемъ, мужественною красотою и вмѣстѣ добротою. Въ одной рукѣ онъ держалъ золотой скипетръ, увѣнчанный орломъ,—символъ своей царственной власти надъ людьми и богами; въ другой—золотую же крылатую статую побѣды, въ память его торжества надъ своимъ отцомъ Кроносомъ, всепожирающимъ богомъ времени, у котораго онъ отнялъ державу вселенной. Словомъ, Зевсъ былъ изображенъ тутъ богомъ мира и благости, а не гнѣвнымъ богомъ борьбы и мщенія, какимъ его часто изображали въ архаическій періодъ греческаго искусства; „кроткій и мирный, бодрствующій надъ умиренною и объединенною Греціею“, какъ выразился о немъ одинъ изъ очевидцевъ статуи Діонъ Хризостомъ. Богатство и разнообразіе украшеній этой статуи не имѣли ничего себѣ подобнаго въ тогдашнее время. Золотая мантія была испещрена всевозможными фигурами и узорами, звѣрями и лиліями; громадный тронъ изъ мрамора, чернаго дерева, слоновой кости и золота былъ сплошною плетеницею чудныхъ скульптуръ и рельефовъ, драгоцѣнныхъ камней и живописи. Всѣ сцены миθологіи были здѣсь. На пьедесталѣ, поддерживавшемъ тронъ, изображены были боги

и богини Олимпа, какъ свита, столпившаяся вокругъ верховнаго вождя своего. „Я—творенье Фидіаса, Аѳинянина, сына Хармидеса" —гласила краткая, но горделивая надпись у ногъ Зевса.

„Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:
Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многохолмный.
И на высшей главѣ многохолмнаго сидя Олимпа,
Самъ онъ вѣщалъ, а безсмертные окрестъ безмолвно внимали"...

Невольно вспоминается при этомъ образъ „молній метателя" Зевса, начертанный дивными гекзаметрами Гомера.

Восторгъ древнихъ передъ произведеніемъ Фидіаса охватывалъ цѣлые вѣка.

„Иди въ Олимпію удивляться творенію Фидіаса и почитай себя несчастнымъ, если ты умрешь, не увидя его!" — говорилъ Эпиктетъ въ своей олимпійской рѣчи.—„Если даже душа человѣка смущена заботами и печалями до того, что онъ теряетъ сонъ, то и тогда, увидя созданіе Фидіаса, я увѣренъ, онъ забудетъ всѣ безпокойства и огорченія, приносимыя ему жизнью: такъ велика, о, Фидіасъ, красота твоего произведенія, столько ты разлилъ въ немъ блеска и глубокаго чувства".

А одинъ греческій поэтъ выразился еще восторженнѣе:

„О, Фидіасъ!—писалъ онъ въ своей „Антологіи":—или самъ богъ сошелъ съ небесъ, чтобы показать тебѣ себя, или ты побывалъ на Олимпѣ, чтобы созерцать тамъ бога"!

Старое эллинское преданье увѣряетъ, будто Фидіасъ, окончивъ свой славный трудъ, распростерся передъ воздвигнутою статуею Олимпійца и въ горячей молитвѣ просилъ бога принять его созданіе, выразивъ чѣмъ-нибудь достойнымъ божества свое благоволеніе къ художнику... Тогда будто бы прогремѣлъ громъ, небо разверзлось и огненная стрѣла молніи ударила въ полъ храма у подножія статуи.

Черная мраморная доска съ золотымъ кругомъ долго обозначала, во время процвѣтанія храма, на полу мѣсто этой Зевсовой милости...

Элидцы такъ высоко цѣнили заслугу Фидіаса, что, помимо щедрой награды ему самому, они содержали потомъ его потомковъ, поручивъ имъ наслѣдственный уходъ за славною статуею, передъ которою приходилось постоянно наливать въ особыя углубленія оливковое масло, чтобы испареніями его предохранять отъ господствовавшей въ Олимпіи сырости слоновую кость и золото статуи. Мѣсто, гдѣ помѣщалась статуя, было недоступно для обыкновен-

ныхъ смертныхъ и отдѣлялось отъ „целлы", или „наоса", особою оградою, украшенною прекрасною живописью Паненуса, ученика и брата Фидіаса. За эту ограду могли входить только жрецы храма.

Самъ храмъ Олимпійскаго Зевса въ былыя времена тоже не былъ похожъ на то, чѣмъ мы его теперь видимъ. Это было одно изъ прекраснѣйшихъ созданій древняго греческаго зодчества. Построенъ онъ былъ, за пять столѣтій до Р. Хр., уроженцемъ Элиды, Лебономъ, и украшеніе его было поручено знаменитѣйшимъ художникамъ того времени. Известнякъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, извлеченъ изъ сосѣднихъ каменоломенъ и былъ въ свое время плотенъ, крѣпокъ и блестящъ, какъ мраморъ, хотя и смотритъ теперь грязнымъ и ноздреватымъ. Вся военная добыча элидцевъ шла въ теченіе многихъ лѣтъ на этотъ храмъ.

Крыша его, открытая въ серединѣ солнцу и воздуху, была покрыта мраморною черепицею и покоилась на украшенныхъ барельефами фризахъ и архитравахъ. Оба фронтона ея представляли собою чудныя группы мраморныхъ статуй, къ счастью уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ и дающихъ наглядное понятіе о быломъ художественномъ великолѣпіи храма. На серединѣ фронтоны эти были увѣнчаны статуями крылатой побѣды изъ позолоченной бронзы, и на каждомъ углу—такими же золочеными вазами; карнизъ вокругъ всего зданія опоясывался, будто гирляндою цвѣтовъ, ярко раскрашенными акротерами изъ терракоты.

Массивныя бронзовыя двери вели въ святилище, наполненное статуями боговъ, окруженное колоннадами портиковъ. Вышина храма была около 10 саж., длина около 33 саж., ширина около 14 саж.

Но самое зданіе храма было только средоточіемъ цѣлаго сонма алтарей, жертвенниковъ, статуй, тѣснившихся со всѣхъ сторонъ вокругъ главнаго капища, среди рощи оливъ, платановъ, и бѣлыхъ тополей, и составлявшихъ какъ бы одно цѣлое съ храмомъ.

Теперь это только одни пьедесталы давно низвергнутыхъ статуй, воздвигавшихся здѣсь нѣкогда героямъ, завоевателямъ, ораторамъ, философамъ, побѣдителямъ на олимпійскихъ играхъ. Нѣкоторыя разбитыя статуи еще можно отыскать среди обломковъ мрамора, но огромное большинство ихъ, найденное при раскопкахъ, унесено въ музей. Зато греческія надписи на пьедесталахъ видны во множествѣ.

Есть цѣлый рядъ статуй героямъ троянской войны: Нестору, Улиссу и другимъ; есть статуи Телемаку, Ойнамосу, основателю олимпійскихъ игръ, и проч., а рядомъ съ ними какому-нибудь

эретрійскому быку или коню, обогнавшему всѣхъ на ипподромѣ. Попался намъ даже пьедесталъ съ надписью Праксителя. Вообще, судя по надписямъ, это былъ не только храмъ, но и некрополисъ своего рода, и пантеонъ эллинскихъ знаменитостей.

Развалины Булетеріона—нѣсколько южнѣе Зевсова храма и уже внѣ предѣловъ священной Altis. Въ Булетеріонѣ происходили совѣщанія судей, присуждавшихъ награды побѣдителямъ на олимпійскихъ играхъ и разбиравшихъ споры между состязавшимися. Двѣ длинныя, округленныя галереи съ колоннами и посреди нихъ четырехъ-угольная комната, гдѣ судьи принимали присягу,—составляютъ помѣщеніе судилища. Въ закругленіяхъ были камеры для казны и сокровищъ. Къ сѣверо-востоку отъ Булетеріона, прямо изъ тріумфальныхъ римскихъ воротъ, вы входите въ Гиподамейонъ, посвященный Гиподамѣ, женѣ Пелопса, легендарнаго основателя олимпійскихъ игръ, а изъ него, черезъ портикъ Агнаптоса, во дворецъ Нерона, уже опять внѣ ограды Altis'а.

Этотъ дворецъ занималъ сравнительно очень большое пространство, но уцѣлѣло отъ него немного: мозаиковый полъ въ одной изъ комнатъ, цистерны, бани и портикъ со множествомъ примыкающихъ къ нему маленькихъ жилыхъ комнатъ. Въ эллинское время въ этомъ зданіи помѣщались распорядители игръ, гелленодики, избиравшіеся въ числѣ восьми человѣкъ, по числу племенъ Элиды, и пользовавшіеся величайшимъ почетомъ. Право избранія гелленодиковъ и вообще завѣдываніе олимпійскими играми маленькая Элида не уступала никому, такъ что ея граждане оставались всегда хозяевами этого великаго обще-греческаго празднества.

Неронъ, прибывъ на олимпійскія игры, обратилъ жилище гелленодиковъ подъ свой временный дворецъ. За дворцомъ Нерона почва еще не снята и поднимается обрывистою стѣною сажени въ двѣ толщины, такъ что хорошо уцѣлѣвшая восьмиугольная башенка, такъ называемый октогонъ, повидимому имѣвшая связь съ водопроводомъ дворца, на половину охвачена кругомъ землею.

Отъ дворца Нерона, окруженнаго развалинами множества невѣдомыхъ римскихъ построекъ, приходится повернуть на сѣверъ, въ „галерею Эхо", очень длинную галерею, окаймлявшую съ востока Altis, въ которой стоятъ рядами пьедесталы статуй; по надписямъ видно, что большинство этихъ статуй уже позднѣйшаго времени, эпохи римскаго владычества. Отсюда избранная публика привѣтствовала кликами счастливыхъ побѣдителей.

Древніе писатели разсказываютъ, что эхо повторяло до семи

разъ всякій звукъ въ этой галереѣ. Проводники наши, въ подражаніе своимъ предкамъ, тоже испустили съ террасы галереи дикіе клики, которые были подхвачены каменистыми скатами Кроноса и должны были оправдать въ нашихъ глазахъ древнее преданіе.

Впереди „галереи Эхо" находилась общественная площадь, „агора", вся покрытая въ свое время статуями и алтарями. Павзаній насчиталъ до восьмидесяти однихъ алтарей, на которыхъ ежемѣсячно жрецы должны были совершать жертвоприношенія. Здѣсь толпился народъ, слушая ораторовъ, философовъ, пѣвцовъ и стихотворцевъ. Съ этою, вѣроятно, цѣлью передъ самою галереею устроена такъ называемая проэдрія, президентская трибуна своего рода, богато украшенная щедротами Птолемея Филадельфа статуями и мраморомъ, отъ которыхъ уцѣлѣли теперь только жалкіе остатки. Можетъ быть, проэдрія служила въ то же время и каѳедрою для состязавшихся всенародно стихотворцевъ и ораторовъ.

Около проэдріи и „галереи Эхо", вдоль сѣверной стѣны Altis'a, тянулся прежде рядъ статуй Зевсу, такъ называемый Занесъ, отъ котораго уцѣлѣли только нижніе камни. Всѣ эти статуи были воздвигнуты на счетъ штрафныхъ денегъ, взыскивавшихся судьями олимпійскихъ игръ съ нарушившихъ установленныя правила борцовъ, наѣздниковъ и другихъ состязателей. Отсюда мы повернули къ сводчатому проходу, пробитому въ толщахъ почвы, черезъ который выходили прежде изъ предѣловъ святилища къ „стадіону".

Корридорный проходъ, когда-то оштукатуренный и ярко раскрашенный, теперь на половину обвалился и только кое-гдѣ сохранилъ слѣды расписанной штукатурки; византійцы повытаскали желѣзо и свинецъ, которыми были скрѣплены камни этого свода, и этимъ вызвали его разрушеніе.

V.—На аренѣ олимпійскихъ игръ.

Стадіонъ былъ расположенъ на зеленыхъ лужайкахъ у лѣваго берега Алфея,—оттого онъ занесенъ раньше и больше другихъ наносами рѣки. На немъ наросъ сплошной пластъ земли не менѣе восьми, десяти аршинъ толщины. Стадіонъ—это арена для бѣга и борьбы. Откопана пока только часть его, дающая понятіе объ его устройствѣ. Весь онъ вымощенъ бѣлымъ известнякомъ или, можетъ быть, грубымъ, неполированнымъ мраморомъ, и въ

началѣ его видны мѣста столбиковъ, отъ которыхъ должны были начинать свой бѣгъ состязующіеся.

Но эта пустынная мощеная площадь, откопанная только маленькою частичкою изъ-подъ земляныхъ наносовъ, не въ силахъ дать приблизительнаго понятія о тѣхъ, полныхъ жизни, блеска и веселья, аренахъ, которыя подъ названіями стадіона и ипподрома неудержимо привлекали къ себѣ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ все говорившее по-гречески и по-гречески чувствовавшее человѣчество.

Обѣ арены были обставлены кругомъ статуями, алтарями, колонками, на которыхъ вывѣшивались объявленія распорядителей паръ.

Между стадіономъ и ипподромомъ огромное, украшенное богато, зданіе съ сараями и конюшнями, въ формѣ корабельной кормы, давало пріютъ колесницамъ и конямъ, прибывавшимъ на состязаніе. Вода была проведена сюда съ горъ и обтекала въ мраморныхъ желобахъ и бассейнахъ обѣ арены, чтобы борцы и бѣгуны могли на всякомъ мѣстѣ утолить свою жажду.

Множество роскошно убранныхъ колесницъ, запряженныхъ парами и четверками дорогихъ коней, выѣзжали изъ зданія „заставы" на обширную площадь ипподрома, тянущуюся на 170 саженъ въ длину и на 85 въ ширину. Сотни рослыхъ, богатырски сложенныхъ атлетовъ толпились у окраинъ стадіона, готовясь къ великому состязанію.

Стадіонъ былъ вдвое короче ипподрома, и самое важное изъ всѣхъ состязаній былъ пробѣгъ всего одинъ разъ отъ начала его до конца. Эллинское преданіе увѣряло, что самъ Геркулесъ, одинъ изъ миѳическихъ основателей игръ, отмѣрилъ нѣкогда это пространство своими богатырскими ногами. Побѣдитель на этомъ простомъ и сравнительно нетрудномъ бѣгѣ считался первымъ тріумфаторомъ Олимпіи.

Странность эта имѣла историческое объясненіе: при основаніи олимпійскихъ игръ не было никакого другого состязанія, кромѣ простого пробѣга одинъ разъ стадіона, поэтому оно и осталось въ памяти народа, какъ самое древнее и самое для него священное. Впрочемъ этотъ легкій и быстрый бѣгъ самъ по себѣ былъ любимѣйшимъ зрѣлищемъ греческой толпы, потому что при немъ нагляднѣе всего можно было оцѣнить красоту и изящество формъ соревновавшихъ юношей.

Слѣдующія состязанія были уже сложнѣе: пробѣжать стадіонъ два раза и наконецъ—двѣнадцать разъ. Это уже составляло пространство въ нѣсколько верстъ, и потому замедленныя движенія

бѣгущихъ не могли быть такъ красивы и граціозны. Чтобы сдѣлать состязаніе еще болѣе труднымъ, арена усыпалась глубокимъ слоемъ песку, въ которомъ тонули ноги бѣгущихъ. Для ободренія состязавшихся на пути ихъ стояли три столба съ крупными надписями; на первомъ было написано: „будь смѣлъ"! на второмъ: „спѣши"! и на третьемъ: „возвращайся"!

Сначала происходилъ бѣгъ на длинныхъ разстояніяхъ, и уже послѣ всѣхъ—бѣгъ простой, гдѣ состязавшимся приходилось развить всю энергію своихъ мускуловъ, показать все искусство своихъ движеній, чтобы вырвать у своихъ соперниковъ самую славную изъ всѣхъ олимпійскихъ наградъ. Греческіе юноши силою настойчивыхъ упражненій пріобрѣтали такую быстроту и выносливость, о которой намъ трудно теперь составить понятіе. Разсказываютъ, напр., объ одномъ побѣдителѣ олимпійскихъ игръ, что, пробѣжавъ двѣнадцать разъ стадіонъ первымъ изо всѣхъ, онъ, въ порывѣ радости, не останавливаясь, продолжалъ бѣгъ изъ Олимпіи въ свой родной Аргосъ черезъ козьи тропы и цѣпи горъ и, прибѣжавъ туда въ тотъ же вечеръ, сдѣлалъ такимъ образомъ около девяноста верстъ.

На томъ же стадіонѣ происходила борьба атлетовъ. Она тоже имѣла разныя степени: простая борьба, кулачный бой, потомъ соединеніе того и другого, называемое „панкратосъ", и наконецъ самая трудная и сложная изо всѣхъ—„пентатль", гдѣ необходимо было побѣдить соперниковъ не только въ борьбѣ или кулачкахъ, но еще и въ бѣгѣ, въ прыганьѣ, въ метаньѣ копья и диска...

Слѣдуя спартанскому способу воспитанія, отъ греческаго юноши требовалось перенесеніе самыхъ тяжелыхъ условій и одолѣніе всевозможныхъ препятствій. Поэтому время олимпійскихъ игръ назначено было въ самый разгаръ лѣтней жары, которая въ Греціи бываетъ особенно невыносима. Именно, игры происходили въ концѣ нашего іюня или въ началѣ іюля, съ 11-го дня древняго греческаго мѣсяца гекатомбеона, который начинался въ первое новолуніе послѣ лѣтняго солнцестоянія; кромѣ того, и бѣгъ, и борьба, должны были происходить въ полдень; бѣгуны и борцы обязаны были состязаться совершенно голыми, съ непокрытою головою...

При этихъ условіяхъ побѣдить соперниковъ въ какомъ-нибудь пентатлѣ, переходя безъ отдыха отъ скачковъ въ нѣсколько саженъ длины къ бросанью тяжелаго каменнаго диска, и отъ захватывающаго духъ бѣга къ отчаянной рукопашной борьбѣ—могли только прославленные атлеты. Поэтому къ этимъ высшимъ формамъ спорта допускались уже тѣ, которые успѣли доказать цѣ-

лымъ рядомъ предварительныхъ гимнастическихъ подвиговъ свое особенное искусство и силу.

Кромѣ грубой силы и прежде грубой силы, вкусомъ греческой публики требовалось отъ участниковъ игръ ловкости и красоты движеній, находчивости, изобрѣтательности въ уловкахъ, быстроты и вѣрности взгляда. Но въ пентатлѣ всего этого требовалось вдвойнѣ, потому что тамъ было несравненно больше поводовъ проявить эти высшія качества борьбы во всемъ ихъ блескѣ и разнообразіи. Побѣдители въ пентатлѣ признавались за совершеннѣйшихъ изъ смертныхъ, какъ развившіе въ полной гармоніи тѣлесную красоту, силу, ловкость и неутомимость. Поэтому пентатлемъ обыкновенно заканчивались состязанія стадіона и ипподрома. Какой-нибудь кулачный бой или борьба, обнаруживавшіе одностороннюю силу мускуловъ, не могли имѣть такой привлекательности въ глазахъ изящнаго эллина, тѣмъ болѣе, что обычные результаты кулачнаго боя могли даже возмутить его эстетическое чувство зрѣлищемъ распухшихъ, исковерканныхъ и окровавленныхъ физіономій или изуродованныхъ членовъ.

Старинная греческая эпиграмма въ такихъ злыхъ выраженіяхъ подсмѣивалась надъ этимъ грубымъ видомъ спорта:

„Послѣ двадцати лѣтъ, Улиссъ былъ узнанъ своимъ псомъ Аргосомъ; но ты, Стратофонъ, послѣ четырехъ часовъ кулачнаго боя сдѣлался неузнаваемымъ не только для собакъ, но и даже для твоихъ соотечественниковъ. Чтò я говорю! Если бы ты захотѣлъ взглянуть на себя въ зеркало, то ты самъ бы закричалъ съ проклятіями: „нѣтъ, я не Стратофонъ"!

Тѣмъ не менѣе, настойчивое упражненіе греческихъ юношей въ борьбѣ и боѣ вырабатывало изъ нихъ атлетовъ, для которыхъ, казалось, не было ничего невозможнаго, и образы которыхъ сохранила намъ эллинская скульптура въ могучихъ статуяхъ Геркулеса Фарнезскаго и разныхъ борцовъ. Нельзя не вѣрить, глядя на такія статуи, подвигамъ Полидамасовъ, Милоновъ Кротонскихъ, Клеомедовъ, Ѳеагеновъ и прочихъ богатырей, о которыхъ съ патріотическою гордостью повѣствуютъ древнія лѣтописи грековъ, и которымъ были въ свое время воздвигнуты статуи въ олимпійской Священной рощѣ,—этомъ палладіумѣ физической силы и мужества.

Клеомедъ, напримѣръ, потерялъ разсудокъ отъ огорченія, что его лишили вѣнка побѣдителя на олимпійскихъ играхъ за убійство соперника, и, войдя въ училище, гдѣ находилось тогда до 60 дѣтей, онъ повалилъ вдругъ столбы, поддерживавшіе крышу, и похоронилъ ихъ всѣхъ подъ развалинами...

Ѳеагенъ въ свою жизнь одержалъ на олимпійскихъ и другихъ священныхъ играхъ до 1.200 разныхъ побѣдъ.

Милонъ даже одѣвался подобно Геркулесу и въ битвѣ съ сибаритами подобно ему сражался палицею; онъ пробѣгалъ олимпійскій стадіонъ съ большимъ быкомъ на плечахъ и поддержалъ своими руками падавшую колонну, на которой укрѣплена была крыша зданія, грозившая раздавить собраніе пиѳагорійцевъ.

Полидамасъ, задушившій льва на горѣ Олимпъ голыми руками, не побоялся поддержать сокрушавшійся сводъ пещеры, изъ которой успѣли спастись его друзья, но въ которой онъ самъ погибъ подъ тяжестью придавившихъ его утесовъ.

Конскіе бѣга и скачки, до сихъ поръ играющіе такую роль въ увеселеніяхъ современнаго европейскаго общества, — были страстно любимы и древними греками.

Богатые люди того времени воспитывали цѣлые заводы рѣзвыхъ и сильныхъ лошадей и не жалѣли ничего, чтобы переманить къ себѣ какого-нибудь прославленнаго наѣздника. Своими колесницами, бѣгунами и скакунами на олимпійскихъ играхъ богачи тщеславились другъ передъ другомъ больше, чѣмъ всѣмъ другимъ. Даже цари и города присылали на состязаніе свои колесницы и своихъ наѣздниковъ.

Тэронъ, царь агригентскій, Гелонъ и Гіеронъ Сиракузскіе, Архелай Македонскій, Павзаній, царь Лакедемона, и многіе другіе были записаны въ свое время на скрижаляхъ олимпійскихъ побѣдителей.

Алкивіадъ, въ апогеѣ своего величія и власти, выставилъ на олимпійскомъ ипподромѣ семь колесницъ и заслужилъ три награды. На радости онъ угостилъ великолѣпнымъ пиромъ, на счетъ впрочемъ злосчастныхъ аѳинянъ и союзниковъ ихъ, всю Грецію, собравшуюся на игры.

Замѣчательно, что и въ древнія времена, которыя мы такъ смѣло величаемъ патріархальными и наивными, при скачкахъ, бѣгахъ и даже борьбѣ, были въ ходу тѣ же подкупы и обманы, какъ и въ нашъ грѣшный вѣкъ. Нѣкоторые побѣдители, напр., объявляли себя уроженцами тѣхъ городовъ, которые платили имъ за это деньги, чтобы привлечь такимъ образомъ незаслуженную славу своему имени. Наѣздники, за полученные щедрые подарки, лживо увѣряли судей, будто лошади и колесницы ихъ принадлежатъ подкупившимъ ихъ богатымъ людямъ. Видно, и тогда, когда люди еще ходили и бѣгали нагишомъ передъ почтенной публикой, деньги имѣли ту же неотразимую силу, какъ и въ наше зломудрое время. Но зато и уличенные обманщики же-

стоко расплачивались за это передъ судьями олимпійскихъ игръ, не только крупными штрафами, но и безпощадною поркою розгами...

Современники съ особеннымъ восторгомъ описываютъ конскія ристалища на олимпійскомъ ипподромѣ, теперь мирно погребенномъ подъ иломъ Алфея.

Сигналъ колесницамъ подавалъ бронзовый орелъ, поднимавшійся съ помощью искуснаго механизма надъ центральнымъ алтаремъ арены и шумно распускавшій тамъ свои крылья. Въ то же мгновеніе бронзовый дельфинъ, заграждавшій входъ на арену, самъ собою опускался въ землю.

Десятки колесницъ четвернями и парами устремлялись по этому сигналу на перегонки другъ передъ другомъ. Требовалось объѣхать 12 разъ ипподромъ.

Колесницъ было обыкновенно такое множество, а нѣкоторые проходы въ ипподромѣ такъ узки, что почти всегда нѣсколько колесницъ опрокидывались или разсыпались отъ столкновенія другъ съ другомъ, и должны были удаляться съ покрытой обломками арены. Зато радости побѣдителей не было предѣловъ. Толпы народа, окружавшія со всѣхъ сторонъ арену и усыпавшія собою скаты Кроноса, который амфитеатромъ своего рода охватываетъ стадіонъ и ипподромъ, восторженными криками, рукоплесканіями, цвѣтами и пальмовыми вѣтвями привѣтствовали счастливыхъ наѣздниковъ, словно какихъ-нибудь великихъ завоевателей, возвращающихся съ похода.

Геллэнодики, въ пышныхъ одеждахъ своего званія, торжественно вручали побѣдителю пальмовую вѣтвь,—символъ его первенства,—впредь до назначенія настоящей награды по окончаніи всѣхъ состязаній и по исполненіи всѣхъ предписанныхъ религіей священныхъ обрядовъ въ послѣдній день, опредѣленный для олимпійскихъ игръ.

Въ завѣтной оградѣ Altis'а, недалеко отъ Зевесова храма, росла древняя дуплистая маслина, посаженная по преданію самимъ Геркулесомъ, божественнымъ основателемъ и первымъ борцомъ олимпійскаго игрища... Вѣнокъ изъ вѣтвей этой священной маслины служилъ единственной наградой героямъ олимпійскихъ состязаній, такою же простою и вмѣстѣ полною трогательнаго величія, какими были сами они и весь ихъ наивный, поэтическій вѣкъ...

Толпа родныхъ и земляковъ, разодѣтыхъ въ праздничныхъ пурпуровыхъ одеждахъ, подъ звуки музыки вводила и вносила на своихъ плечахъ передъ кресла судей счастливцевъ, просла-

вившихъ свою семью и родину. Они тоже были разодѣты по праздничному, въ цвѣтахъ, съ пальмовыми вѣтками въ рукахъ. Наѣздники являлись сюда съ лошадьми и колесницами, обвитыми цвѣтами...

Гимномъ поэта Архилоха воспѣвались прежде всего подвиги побѣдителей; народъ увлеченно подхватывалъ послѣднія строфы пѣсни, и голосъ многотысячной толпы смѣшивался съ звуками музыки...

Герольды вызывали по именамъ заслужившихъ награды, и геллэнодики вѣнчали этихъ „олимпіониковъ" оливковыми вѣнками на высокой террасѣ Булетеріона, передъ храмомъ Зевеса, на глазахъ всей собравшейся Греціи, при восторженныхъ крикахъ толпы... Вѣнки, назначаемые въ награду, лежали при этомъ на священномъ столѣ, рѣзномъ изъ слоновой кости и золота, работы славнаго Колотеса.

Начинались затѣмъ благодарственныя моленья богамъ, роскошное угощеніе побѣдителей въ пританеѣ на счетъ олимпійскаго святилища. Имена ихъ записывались на вѣчныя времена на скрижаляхъ храмовъ, поэты воспѣвали ихъ подвиги, скульпторы обезсмертили ихъ образы въ бюстахъ и статуяхъ. Статуями и великолѣпными гробницами чествовали не только побѣдителей-людей, но и побѣдителей-коней. Лошади Кимона были похоронены вмѣстѣ съ нимъ въ фамильномъ склепѣ. Кобылѣ Фейдоласа, которая выиграла призъ одна, потерявъ по пути своего всадника, воздвигли прекрасную статую въ Altis, вблизи Зевесова храма. На слѣдующій день богатые побѣдители и сами устраивали народу шумные пиры, растрачивая иногда для этого цѣлыя состоянія.

Отнынѣ это были герои отечества, предметъ общаго удивленія и поклоненія. Побѣда на олимпійскихъ играхъ считалась ни съ чѣмъ несравнимою общественною заслугою, величайшею добродѣтелью своего рода.

Видѣть своего сына увѣнчаннымъ оливковою вѣтвію—это былъ предѣлъ земныхъ желаній грека.

Клеомедъ, мы видѣли, потерялъ разсудокъ, когда его лишили олимпійскаго вѣнка за убійство соперника въ борьбѣ. Мудрецъ Хилонъ умеръ отъ радости въ самой Священной рощѣ Олимпа, обнимая сына, одержавшаго на его глазахъ побѣду... Два сына Діагора Родосскаго, который и самъ въ молодости одерживалъ побѣды на играхъ, оба разомъ заслужили олимпійскіе вѣнки; какъ только увѣнчали ихъ масличными вѣтвями, они въ порывѣ радости подняли на свои могучія плечи престарѣлаго богатыря-отца и торжественно пронесли его по всей Олимпіи, черезъ толпы народа,

привѣтствовавшаго ихъ цвѣтами и кликами: „Умри, Діагоръ, тебѣ больше ничего не остается желать"!—кричали кругомъ счастливому отцу; и старикъ не выдержалъ напора радостныхъ чувствъ и тутъ же, на рукахъ дѣтей, испустилъ дыханіе.

Возвращеніе олимпіоника въ свой родной городъ было сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ. Многочисленная толпа сопровождала ихъ. Всѣ участники шествія были въ пурпуровыхъ мантіяхъ; колесницы и верховые кони увеличивали торжественную процессію.

Житель Агригента, Экзенетъ, побѣдившій соперниковъ олимпіониковъ на ипподромѣ, возвратился въ Сицилію, въ родной городъ свой, провожаемый многими сотнями колесницъ, изъ которыхъ только запряженныхъ однѣми бѣлыми лошадьми было триста колесницъ!..

Какъ настоящіе побѣдители, олимпіоники не входили въ свои города обычнымъ путемъ смертныхъ, черезъ городскія ворота,—для нихъ нарочно продѣлывали проломы въ стѣнѣ... Въ своей отчизнѣ они дѣлались самыми почетными людьми. Всѣ и вездѣ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ театрахъ, должны были уступать имъ первыя мѣста, въ битвахъ они имѣли право сражаться рядомъ съ царемъ, ихъ избавляли отъ всякихъ повинностей и даже нерѣдко содержали на общественный счетъ.

При такомъ почетѣ и такихъ практическихъ выгодахъ для олимпіониковъ ничего нѣтъ удивительнаго, что побѣда на олимпійскихъ играхъ была обставлена далеко не легкими условіями...

Къ ней приходилось подготовляться цѣлыми годами неутомимаго и постояннаго упражненія въ своемъ искусствѣ. Никто кромѣ природнаго грека не смѣлъ выступать состязателемъ на олимпійскихъ играхъ. Даже македонскій царь, пожелавшій участвовать въ нихъ, долженъ былъ доказывать документами свое эллинское происхожденіе.

Игры эти почитались священными не по одному имени. Рожденный въ рабствѣ, опороченный преступленіемъ или дурною жизнью, не могъ приближаться къ оградѣ Altis. Только совѣсть, чистая передъ богами и людьми, признавалась достойной пальмы побѣдителя. Города и цѣлыя республики безпощадно изгонялись изъ священной ограды, пока не примирялись съ разгнѣванными богами.

Атлеты, выступавшіе на состязанія, должны были спеціально подготовлять себя къ этому въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, десяти мѣсяцевъ и потомъ пройти рядъ очень тяжелыхъ окончательныхъ экзаменовъ своего рода въ палестрахъ и гимназіяхъ Элиды и Олимпіи.

Передъ началомъ игръ не только они сами, но ихъ родственники и наставники приносили торжественную клятву на алтарѣ Зевса надъ внутренностями жертвъ, въ присутствіи геллэнодиковъ и своего народа, въ томъ, что дѣйствительно со всѣмъ усердіемъ посвятили эти десять мѣсяцевъ упражненіямъ въ борьбѣ и бѣганьѣ; что не имѣютъ на душѣ никакого дурного поступка, никогда не подвергались тюремному заключенію или наказанію и ничѣмъ въ своей жизни не были опозорены.

Гармоническій взглядъ древняго грека на человѣческую природу нигдѣ не выразился такъ ярко, какъ въ этомъ неразрывномъ объединеніи доблестей духа съ доблестью тѣла, красоты нравственной съ красотою физической.

Чтобы докончить обзоръ олимпійскихъ развалинъ, мы вернулись черезъ сводчатый проходъ опять въ предѣлы священной Altis и поднялись на подошву Кроноса, которая въ древнія времена представляла изъ себя цѣлый амфитеатръ ступенчатыхъ сидѣній для зрителей. Иродъ Агриппа, знаменитый аѳинскій риторъ-меценатъ, подперъ стѣною осыпавшуюся подошву Кроноса и провелъ по этой стѣнѣ водопроводъ въ бани и въ зданія олимпійскаго святилища, отведя для этого одинъ изъ горныхъ притоковъ Алфея.

Этотъ роскошный подарокъ аѳинскаго богача былъ особенно драгоцѣненъ для олимпійской рощи; деревья ея страшно страдали отъ лѣтней засухи, а безчисленные посѣтители не знали, гдѣ напиться. Вообще отъ времени римскаго владычества здѣсь осталось много водяныхъ сооруженій всякаго рода: бассейны, бани, цистерны, водопроводы. Стѣна Ирода уцѣлѣла до сихъ поръ. Ниже ея, но тоже по подошвѣ Кроноса, выровненной въ террасу, стоялъ рядъ оригинальныхъ маленькихъ домиковъ, отъ которыхъ сохранились только основанія, и которые служили сокровищницами различныхъ городовъ, присылавшихъ въ Олимпію своихъ юношей и свои почетныя посольства.

Намъ указали развалины сокровищницъ Гелы, Мегары, Сикіона, Византіи, Кирены, Сибариса и друг., въ прахѣ которыхъ найдены очень любопытные обломки скульптурныхъ украшеній, собранные теперь въ музеѣ. Пройдя этотъ рядъ развалинъ, мы подошли къ экзедрѣ Ирода Агриппы.

Экзедра—это, устроенная въ горѣ полукруглая галерея, охватывающая собою довольно большой мраморный бассейнъ, куда собирались воды Иродова акведука.

Цѣлый рядъ мраморныхъ статуй окружалъ прежде этотъ бассейнъ, и имя Региллы, жены Ирода, которой было посвящено строеніе, красовалось на его фронтонѣ. Отдѣльная колоннада на другой сторонѣ бассейна была назначена для рѣчей ораторовъ и декламаціи поэтовъ. Въ Священной рощѣ Олимпіи собирались на состязаніе не одни борцы и наѣздники. Всѣ таланты и знанія Греціи, вся ея слава, ученая и боевая, являлись сюда предъ лицо и на судъ своего народа.

Это была своего рода всемірная выставка всего, до чего успѣло доработаться во всѣхъ вѣдомыхъ тогда странахъ міра богато одаренное эллинское племя. Ѳемистоклъ послѣ саламинской побѣды и философъ Платонъ во дни своей высшей славы одинаково считали за великую честь показаться на олимпійскихъ играхъ и заслужить восторженныя привѣтствія народа.

Живописцы, даже такіе, какъ Зевксисъ, несли сюда свои лучшія картины, скульпторы—свои статуи; Геродотъ читалъ здѣсь отрывки изъ своей исторіи; рапсоды пѣли здѣсь поэмы Гомера, Гезіода, Эмпедокла; философы излагали свои системы; ораторы, подобные Лизіасу и Изократу, соревновали другъ съ другомъ въ краснорѣчіи. Знаменитые софисты, какъ Гиппіасъ и Горгіасъ, поучали публику житейской мудрости. Государственные люди старались здѣсь заключать политическіе союзы и договоры и отдавать подъ покровительство Зевсовыхъ святынь оставляемыя въ его алтаряхъ хартіи.

Внизу экзедры видны основанія Метроона, храмика матери боговъ Реи, жены Кроноса, а за нимъ до самаго храма Зевса—пустырь агоры, заросшій пожелтѣвшими травами. По срединѣ этого пустыря еще видно углубленіе съ камнями, гдѣ стоялъ въ древности жертвенникъ Зевсу, главнѣйшая и самая почитаемая святыня олимпійской рощи. Здѣсь, по преданію, была принесена Геркулесомъ, миѳическимъ основателемъ олимпійскихъ игръ, первая кровавая жертва Зевсу. Верхняя площадка овальной каменной террасы, на половину покрытой землею, вся изъ сплошной золы отъ сожженныхъ жертвъ. Съ высоты ея жрецы олимпійскаго владыки изрекали народу свои прорицанія.

Вокругъ Зевсова алтаря разбросано много отдѣльныхъ камней и кучекъ пепла, на которыхъ тоже стояли прежде алтари и приносились жертвы различнымъ богамъ. Нѣсколько дальше, подъ горою, обширныя развалины Гереона, древнѣйшаго изъ всѣхъ храмовъ не только Олимпіи, но и цѣлой Греціи, посвященнаго женѣ Зевса, Герѣ. Онъ сохранился лучше другихъ строеній и представляетъ собою типическій образецъ дорическаго

стиля. Колонны такія же массивныя и такого же темнаго известняка, какъ и въ храмѣ Зевса, но страннымъ образомъ всѣ онѣ разной толщины,—предполагаютъ—оттого, что ставились въ разное время, взамѣнъ постепенно гнившихъ первобытныхъ деревянныхъ столбовъ, одинъ изъ которыхъ еще засталъ въ этомъ храмѣ извѣстный греческій писатель Павзаній. Уже это одно указываетъ на сѣдую древность ихъ. Расположеніе храма то же, какъ и въ храмѣ Зевса.

Въ пронаосѣ, т.-е. притворѣ храма, много мраморныхъ памятниковъ съ хорошо сохранившимися надписями, посвященныхъ различными городами Греціи Зевсу и Герѣ; въ надписяхъ этихъ —цѣлые синодики родныхъ художника, съ подробнымъ объясненіемъ, чей онъ сынъ, кто его дочь, кто дѣдъ и т. п.

Государства и города не только самой Греціи, но даже малѣйшей греческой колоніи считали своею священною обязанностью присылать отъ себя на олимпійскія игры пышныя депутаціи, такъ называемыя „өэоріи", которыя приносили здѣсь умилостивительныя и благодарственныя жертвы богамъ, покровителямъ своихъ городовъ, и уже непремѣнно всесильному владыкѣ Олимпа, Зевсу, дѣлали богатые вклады, воздвигали статуи, алтари и цѣлые храмы... Установился даже обычай воздвигать статуи и подносить вѣнки не только въ честь боговъ, но и въ честь другихъ городовъ и государствъ, которымъ хотѣли оказать особенную любезность, чтобы заискать ихъ дружбу. Декреты о постановкѣ такихъ почетныхъ памятниковъ торжественно читались на олимпійскихъ играхъ въ собраніяхъ народа.

Въ „целлѣ" Гереона, т.-е. въ главномъ помѣщеніи храма, статуи боговъ тянулись двумя рядами вдоль стѣнъ, замыкаясь у задней стѣны храма одиноко стоявшимъ длиннымъ пьедесталомъ Геры, огромная голова которой найдена была здѣсь же; многія изъ этихъ статуй были изъ слоновой кости и золота. Среди уцѣлѣвшихъ пьедесталовъ правой стороны одинъ принадлежитъ знаменитой статуѣ Праксителя, Гермесу, составляющей теперь величайшую скульптурную славу не только олимпійскаго музея, но и всей Греціи. Статую эту, которую мы потомъ видѣли въ музеѣ Олимпіи, нашли лежащею у своего пьедестала съ обломанною рукою; къ несчастію, руку не могли отыскать и должны были замѣнить новою.

У храма Геры происходили въ древности единственныя въ своемъ родѣ священныя игры, такія же состязанья въ быстротѣ бѣга дѣвъ Элиды, какія происходили въ дни олимпійскихъ игръ между юношами Греціи. Женщинамъ воспрещалось подъ стра-

хомъ смертной казни присутствовать на олимпійскихъ играхъ. Онѣ могли смотрѣть на нихъ только издали, съ того берега Алфея. Ференика, дочь знаменитаго родосскаго борца, не могла воздержаться отъ искушенія присутствовать при состязаніи сына своего на олимпійскихъ играхъ и явилась туда переодѣтая учителемъ гимнастики.

Но она выдала себя, обнимая побѣдившаго сына, и должна была погибнуть по законамъ Олимпіи, если бы судьи не пощадили въ ней потомка славной фамиліи борцовъ, считавшей свой родъ отъ самого Геркулеса. Зато съ тѣхъ поръ наставники атлетовъ должны были являться на олимпійскія игры такими же голыми, какъ и ихъ ученики.

Игры Геры служили такимъ образомъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за изгнаніе женщинъ изъ общаго греческаго празднества. Шестнадцать избранныхъ женъ, по двѣ изъ каждаго колѣна Элиды, руководили этими играми и назначали за нихъ награды, а вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывали хорами музыки, воспѣвавшими Геру, и тканьемъ драгоцѣнныхъ покрывалъ для статуй богини... Элидскія дѣвы состязались въ бѣгѣ полунагія, съ распущенными волосами, и получали въ награду такіе же оливковые вѣнки, какъ и юноши. Побѣдительницы кромѣ того имѣли право помѣстить свои портреты въ храмѣ Геры, что для нихъ было, конечно, гораздо пріятнѣе, чѣмъ повязки изъ масличныхъ вѣтвей...

Теперь мы двигаемся къ выходу изъ олимпійскаго святилища и послѣдовательно осматриваемъ встрѣчающіяся намъ развалины: сначала мало сохранившійся Пелопіонъ, гробницу Пелопса, одного изъ легендарныхъ основателей игръ, потомъ Филиппейонъ, изящный круглый храмъ, съ восемнадцатью іоническими колоннами и круглою же целлою, построенный въ память херонейской побѣды Филиппомъ Македонскимъ, гдѣ стояли въ свое время богато украшенныя золотомъ и слоновой костью статуи македонскихъ царей Аминты и Филиппа, съ ихъ женами, и Александра. Затѣмъ черезъ фундаменты пританеи, на которыхъ можно ясно видѣть расположеніе двора и окружавшихъ его комнатъ, мы посѣтили римскія бани съ замѣчательно сохранившеюся прекрасною мозаикою, изображающею Тритона и нереидъ.

Чтобы публика не портила и не похищала кусочковъ этой мозаики, она нарочно завалена глиною и камнями, которые каждый разъ нужно расчищать для осмотра туристовъ. Тутъ же вблизи и остатки мраморной лѣстницы, по которой когда-то всходили на холмъ Кроноса, къ вѣнчавшему его древнему храму всепожирающаго бога времени, отца Зевеса... Опять ворота, но

уже другія, которыми мы выходимъ изъ священныхъ предѣловъ Altis.

Мы сейчасъ же попадаемъ въ цѣлый лабиринтъ колоннъ, въ громадную галерею гимназіи, тянущуюся на двѣсти-пятьдесятъ метровъ, но еще далеко не вполнѣ откопанную. На свѣтъ божій явился пока только длинный восточный портикъ ея, гдѣ были дворы и жилища для обучавшихся. Пространство между гимназіей и палестрою, съ которой мы начали и около которой кончили свой систематическій обходъ олимпійскихъ развалинъ, занято пропилеями, входною галлереею, которая, судя по остаткамъ, была прежде украшена мраморомъ и скульптурою. Мы вышли изъ Олимпіи опять черезъ тотъ же узенькій мостикъ Кладеоса. Хотя настоящее лѣто еще не началось, въ Кладеосѣ воды осталось очень мало, и она видна намъ глубоко внизу будто на днѣ оврага. Воду эту не пьютъ, такъ какъ она очень нездорова, а возятъ на осликахъ изъ горныхъ ручьевъ. Иродовъ водопроводъ, поившій всю Олимпію, бралъ воду тоже съ вершины горы, за три версты отъ Олимпіи. Вглядываясь въ глубокое русло Кладеоса, мы замѣтили очень низко подъ водою, подъ слоемъ красной глины громадной толщины, уже знакомые намъ остатки римскихъ бань. Это намъ показало, что берега Кладеоса скрываютъ подъ своими наносами еще много неизслѣдованныхъ построекъ древняго греческаго святилища. Нѣсколько часовъ ходьбы по развалинамъ Олимпіи на лѣтнемъ греческомъ солнцѣ—трудъ не особенно легкій. Не нужно забывать, что на всей площади развалинъ нѣтъ пяди земли, не заваленной нанесеннымъ мусоромъ и обломками; во многихъ мѣстахъ приходится ходить по остріямъ камней, по округлостямъ упавшихъ столбовъ, по ребрамъ разрушенныхъ стѣнъ. Ноги у насъ были порядкомъ изломаны и избиты, а сами мы обливались потомъ. Нужно было хорошенько отдохнуть въ тѣнистыхъ комнатахъ гостинницы съ запертыми рѣшетчатыми ставнями и открытыми настежъ стеклами, чтобы набраться силъ для осмотра музея.

Въ музей мы отправились, когда жаръ сталъ немного спадать. Онъ построенъ всего восемь лѣтъ тому назадъ въ видѣ древняго дорическаго храма съ портиками кругомъ, съ обычными храму пронаосомъ, целлою и эпистодомосомъ, т.-е. прихожею, залою и заднею комнатою... Какъ всѣ греческія публичныя зданія, олимпійскій музей тоже построенъ на средства частнаго лица, аѳинскаго банкира Зигроса, жившаго долго въ Россіи, архитекторомъ нѣмцемъ, и стоилъ Зигросу двѣсти-двадцать-тысячъ драхмъ.

При музеѣ живутъ только два сторожа, настолько знакомые съ древностями музея и развалинами Олимпіи, что могутъ служить толковыми путеводителями. Директоръ же музея Леонгарди живетъ постоянно въ Аѳинахъ, гдѣ онъ состоитъ въ то же время директоромъ Національнаго музея, и только изрѣдка посѣщаетъ Олимпію.

V.—Мраморные боги и божественные мраморы.

Олимпійскій музей не великъ, но полонъ художественныхъ сокровищъ; онъ удивительно дополняетъ впечатлѣнія, навѣваемыя развалинами Олимпіи. Если тамъ вы видите остовы старыхъ храмовъ и палестръ, знакомитесь съ ихъ расположеніемъ и архитектурою, то здѣсь эти самые храмы оживаютъ передъ вами въ былой красотѣ своихъ святынь и своего роскошнаго убранства. На темно-вишневыхъ длинныхъ стѣнахъ целлы, освѣщенной, какъ бы со второго этажа, рядами высоко приподнятыхъ оконъ, съ великолѣпной отчетливостью вырѣзаются разставленныя вдоль нихъ бѣлыя группы статуй въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ стояли нѣкогда въ глубинѣ трехъугольныхъ фронтоновъ знаменитаго Зевсова храма.

Направо — восточный, налѣво — западный фронтонъ. Не всѣ статуи этихъ фронтоновъ уцѣлѣли. У многихъ недостаетъ очень важныхъ частей, отъ нѣкоторыхъ остались только ничтожные обломки. Но несмотря на это фигуры собраны и разставлены знатоками-археологами какъ имъ слѣдовало быть, такъ что глазъ легко дополняетъ по наличнымъ остаткамъ утраченныя части, и въ общемъ группы производятъ огромное и цѣлостное художественное впечатлѣніе. Для бо̀льшей наглядности тутъ же на стѣнѣ воспроизведена въ маленькомъ размѣрѣ гипсовая модель фронтона, гдѣ та же группа статуй изображена во всей своей неприкосновенности, какою она должна была выйти изъ рукъ художника.

Содержаніе этихъ замѣчательныхъ скульптуръ было одною изъ любимыхъ тэмъ древнихъ греческихъ мастеровъ: на западномъ фронтонѣ прославляется основаніе олимпійскихъ игръ. Огромная статуя Зевса, главнаго покровителя игръ, въ честь котораго онѣ и были основаны, занимаетъ середину фронтона. Вокругъ него стоятъ миѳическіе герои, имена которыхъ связаны съ началомъ олимпійскихъ игръ. Сцена представляетъ собою извѣстное состязаніе элидскаго царя Эномаоса съ Пелопсомъ, который вы-

рвалъ у него себѣ въ жены, какъ цѣну побѣды, дочь его Гиподайму. Конюхи, стоящіе на колѣняхъ, съ трудомъ удерживаютъ подъ устцы четверки бѣшеныхъ коней, въ то время какъ оба наѣздника страстно оспариваютъ передъ верховнымъ богомъ побѣду своего соперника. Гиподайма стоитъ уже на сторонѣ удалого Пелопса; Стеропа, вѣрная жена Эномаоса, на его сторонѣ, а съ обоихъ краевъ фронтона, въ низкихъ углахъ его, глядятъ съ стихійнымъ равнодушіемъ на треволненія людскія рѣчные боги Алфея и Кладеоса въ видѣ могучихъ старцевъ, возлежащихъ на берегу.

Нельзя наглядѣться на спокойное величіе и благородство царственной фигуры Зевса, на эти могучіе, великолѣпные торсы, на все это гармоническое сочетаніе членовъ прекраснаго и правильно развитого человѣческаго тѣла, въ самыхъ свободныхъ, смѣлыхъ и разнообразныхъ движеніяхъ его...

Складки мраморныхъ одеждъ льются съ такою естественностью, что сквозь нихъ чувствуешь напряженіе живого тѣла. Выраженія каменныхъ лицъ говорятъ съ вами понятною вамъ рѣчью.

Расположеніе фигуръ удивительно приспособлено къ условіямъ архитектуры храма, къ трехъ-угольному полю фронтона, на которомъ они были поставлены. Надъ всѣмъ господствующая стоящая фигура бога-покровителя въ высокомъ центрѣ фронтона и лежащіе въ безстрастномъ покоѣ старцы-боги въ нижнихъ углахъ его, кажется, не могли бы помѣститься съ бо̀льшимъ удобствомъ и съ бо̀льшей необходимостью ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

На восточномъ фронтонѣ—еще болѣе оживленная мраморная драма: битва лапитовъ съ кентаврами, напавшими на греческую свадьбу. Эти четвероногіе люди-звѣри, въ образѣ которыхъ пластическая фантазія грека олицетворила неистовую дикость какихъ-нибудь кочевниковъ Албаніи, умыкавшихъ себѣ невѣстъ разбойническими набѣгами, представлены здѣсь художникомъ въ самый развалъ ожесточенной рукопашной схватки съ мужественными юношами Греціи. Тутъ Тезей, популярный герой всѣхъ греческихъ боевыхъ легендъ; Пиритой, отбивающій свою жену отъ Эвритіона, царя кентавровъ.

Невозможно вырѣзать изъ мрамора болѣе сложную и болѣе трудную сцену: эти перекинутыя черезъ лошадиные крупы нагія тѣла дѣтей и женщинъ, отчаянно выбивающихся изъ охватившихъ ихъ звѣрскихъ объятій, эти переплетшіеся другъ съ другомъ въ смертельной борьбѣ люди и чудовища, требовали для своего созданія такого знанія мускулатуры тѣла, такой привычки

свободно выражать на камнѣ самыя сложныя движенія и положенія, такого вообще художественнаго вкуса и опыта, что нельзя удивляться, почему созданія этихъ художниковъ младенческаго вѣка человѣчества—до сихъ поръ остаются недостижимыми образцами для современныхъ мастеровъ. И здѣсь, въ серединѣ фронтона — стоящая во весь ростъ великолѣпная юношеская фигура Аполлона, простирающаго руку помощи лапитамъ, а въ боковыхъ углахъ—вылѣзающія изъ воды полулежащія нимфы.

Работу восточнаго фронтона преданіе приписываетъ Пеоніосу, западнаго—Алкмену, двумъ великимъ художникамъ древности, современникамъ и соревнователямъ Фидіаса, имѣвшимъ большое вліяніе и на его талантъ. Впрочемъ въ олимпійскомъ музеѣ хранится и несомнѣнное произведеніе Пеоніоса, этого Микель-Анджело древности, по выраженію одного знатока—прелестная статуя крылатой побѣды, воздвигнутой нѣкогда жителями Навпакта въ память побѣды ихъ надъ спартанцами, и поставленной передъ храмомъ Зевса, на пьедесталѣ которой хорошо уцѣлѣла надпись съ именемъ Пеоніоса изъ Мендѐ.

На короткихъ стѣнахъ целлы — болѣе мелкая скульптура, найденныя въ развалинахъ метопы съ фриза того же Зевесова храма.

На всѣхъ этихъ двѣнадцати метопахъ изображаются горельефомъ различные подвиги Геркулеса; бо̀льшая ихъ часть впрочемъ сильно разрушена, такъ что немногія представляютъ сколько-нибудь понятное содержаніе. Однако, несмотря на это, олимпійскія метопы признаны знатоками за одни изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній древней греческой скульптуры, непосредственно предшествовавшей школѣ Фидіаса.

Но величайшее художественное сокровище Олимпіи и цѣлой Греціи—это статуя Гермеса, работы Праксителя. Какъ главная святыня этого храма искусствъ, она и хранится въ святая святыхъ его, въ задней комнатѣ, соотвѣтствующей эпистодомосу древнихъ греческихъ храмовъ.

Гермесъ стоитъ одинъ въ комнатѣ, какъ стоитъ одна въ музеяхъ Лувра Венера Милосская или Сикстинская Мадонна въ Дрезденской галереѣ. Пракситель создалъ своего юнаго бога уже не изъ грубаго и желтоватаго пентелейскаго мрамора, изъ котораго были высѣчены группы фронтоновъ и метопы фриза, а изъ нѣжнаго какъ живое тѣло бѣлаго паросскаго мрамора. Теперь, конечно, послѣ многовѣкового пребыванія во прахѣ, подъ грязными наносами Алфея и Кладеоса, мраморъ этотъ уже далеко не бѣлъ, но зато сталъ словно еще жизненнѣе. Юноша Гер-

месъ, этотъ любимый идеалъ древняго грека, воплощавшій въ своемъ образѣ всѣ его былыя способности, вкусы, достоинства и пороки, стоитъ въ граціозной и небрежной позѣ, любуясь сидящимъ на его лѣвой рукѣ младенцемъ Діонисомъ (т.-е. Вакхомъ) и показывая ему правою рукою какой-то забавляющій его предметъ. Эта правая рука до половины отбита и возстановлена уже впослѣдствіи. Голени статуи тоже пострадали, и въ нихъ вставлены свѣжіе куски. Выразительная красота этого ласково улыбающагося лица, изящество, простота и сила формъ, граціозная непринужденность всѣхъ изгибовъ и поворотовъ тѣла, неподражаемая естественность складокъ одежды, падающей съ руки бога, превосходятъ все, что можетъ себѣ представить воображеніе. Это— идеалъ юноши, какимъ онъ могъ вырости въ счастливые вѣка полной гармоніи духа и тѣла, подъ счастливымъ небомъ юга.

Праксителева Гермеса знатоки ставятъ выше прославленнаго Аполлона Бельведерскаго, и достаточно разъ увидѣть его, чтобы не сомнѣваться въ истинѣ этого мнѣнія. Гермеса смѣло можно признать первою по совершенству статуею мужа, извѣстною Европѣ, точно также какъ Венеру Милосскую—прекраснѣйшею изъ женскихъ статуй...

Гермесъ еще дороже тѣмъ, что это—единственная подлинная статуя величайшаго греческаго скульптора IV вѣка. Въ подлинности его сомнѣваться нельзя, потому что Павзаній въ своемъ подробномъ описаніи божествъ олимпійскаго храма Геры прямо говоритъ:

„Есть еще здѣсь мраморный Гермесъ, держащій на рукѣ ребенка Діониса; статуя эта работы Праксителя“.

До находки Гермеса Европа не видѣла въ подлинникахъ ни одной работы Праксителя, Лизиппа, Поликлета и другихъ великихъ художниковъ древности, а должна была довольствоваться слабыми подражаніями и копіями съ ихъ произведеній.

Пракситель, по мнѣнію древнихъ, не зналъ себѣ соперниковъ особенно въ изображеніи головъ, въ выраженіи лицъ, и статуя Гермеса въ высокой степени подтверждаетъ эту характеристику художника.

Справедливо выразился одинъ археологъ, что еслибы Германія не отыскала въ развалинахъ Олимпіи ничего другого кромѣ статуи Гермеса, то все-таки истраченный ею милліонъ далеко не былъ бы потерянъ...

Портики, окружающіе целлу, тоже обращены въ помѣщеніе музея. Но тамъ еще много неразобранныхъ художественныхъ богатствъ. Бюсты, головы, статуи, отбитыя отъ статуй части,

метопы, триглифы, капители колоннъ, сосуды, акротеры изъ темной терракоты, наполняютъ безъ особеннаго порядка эти боковыя комнаты. Среди нихъ особенно много произведеній римскаго времени, отличающихся огромными размѣрами и роскошью мраморовъ; они къ тому же и сохранились гораздо лучше. Тутъ и императоры-атлеты, и богини, и любовницы императоровъ, львы, орлы, торсы воиновъ, мраморные панцыри и щиты. Замѣчательно, что на всѣхъ почти статуяхъ римскіе императоры носятъ албанскія фустанеллы, короткія по колѣна юбки въ многочисленныхъ складкахъ, висящія изъ-подъ богато украшенныхъ рельефами панцырей и оставляющія наружу могучія голени ихъ, перевязанныя ремнями сандалій. Тутъ же собраны древніе бронзовые сосуды, треножники, котлы, бронзовыя статуи, мраморныя доски съ хронологическими надписями о жрецахъ, секретаряхъ и прочихъ оффиціалахъ олимпійскихъ игръ, всякія ex voto, приносимыя богомольцами и жертвователями, вообще вся внутренняя жизнь олимпійскихъ храмовъ и ристалищъ, насколько она могла запечатлѣться въ камнѣ или металлѣ... Археологія въ этихъ безцѣнныхъ остаткахъ захватила, такъ сказать, съ поличнымъ самую сѣдую и мало извѣстную древность, еще дышущую близкимъ родствомъ съ Египтомъ и Финикіею.

Только подробно осмотрѣвъ всѣ эти коллекціи мраморовъ, терракотъ и бронзъ, получаешь вполнѣ ясное представленіе о томъ, чѣмъ была когда-то Олимпія. Сокровища музея словно одухотворяютъ мертвые трупы олимпійскихъ развалинъ. Запасшись этими новыми впечатлѣніями, намъ захотѣлось полюбоваться раскопками Олимпіи, уже не развлекаясь частными подробностями и не утомляя себя систематическими странствованіями отъ одной развалины къ другой, а, такъ сказать, однимъ общимъ взглядомъ, въ одной цѣльной осмысленной картинѣ.

Въ сопровожденіи того же услужливаго и основательно знающаго свое дѣло сторожа музея, который водилъ насъ по развалинамъ и показывалъ скульптуру, пошли мы передъ закатомъ солнца на Кроносъ. Этотъ холмъ „бога времени“, вмѣстѣ съ наносами Кладеоса и Алфея похоронилъ подъ дождевыми наплывами своей почвы, будто въ безднѣ временъ, колоннады и статуи бѣломраморной Олимпіи.

На вершинѣ его стоялъ въ древности высокочтимый алтарь Кроносу, гдѣ приносились ему жертвы. Самыя олимпійскія игры при происхожденіи своемъ должны были прославлять не что̀ иное, какъ борьбу Зевса съ своимъ всепожирающимъ родителемъ и его побѣду надъ нимъ.

Мы поднялись на гору сзади, черезъ виноградники, по узкой тропѣ среди гущи молодыхъ деревьевъ. Тутъ и дубъ, и поддубъ, и гранатникъ, и цитизусъ въ ярко кровавыхъ и ярко золотыхъ цвѣтахъ, и особая порода сосны съ мягкими иглами, въ родѣ лиственницы; но больше всего заполоняетъ гору лѣсная груша, черезъ колючки которой мы едва могли пролѣзать. Зато въ воздухѣ какой-то настой ароматовъ. Всякія пахучія травы густо укрываютъ почву вездѣ, гдѣ деревья позволяютъ пробиться имъ. Шалфей достигаетъ роста человѣка и кустится деревянистыми букетами. Почва Кроноса — сѣрожелтая глина, насквозь пропеченная южнымъ солнцемъ, почти готовая та самая терракота, изъ которой древній грекъ лѣпилъ акротеры и статуэтки своихъ храмовъ. На оголенной макушкѣ лѣсистаго Кроноса—ямы и кучи земли, въ которыхъ систематическіе нѣмцы непремѣнно хотѣли доискаться остатковъ древняго храма Кроноса, хотя ихъ старанія до сихъ поръ еще не увѣнчались ничѣмъ.

Мы съ наслажденіемъ разсѣлись отдохнуть на выжженной, правда, травѣ въ вечерней прохладѣ этого пустыннаго лѣсного холма, съ вершины котораго далеко видна была вся окрестность. Безмолвныя горы кругомъ, обросшія лѣсомъ, — это тоже Олимпъ, въ подражаніе славному Олимпу Ѳессаліи, откуда пришли нѣкогда въ Пелопоннесъ дорическія племена, населившія въ числѣ другихъ его областей и маленькую плодородную Элиду. Они-то дали названіе рѣки Пенея, орошающаго темпейскую долину ихъ далекой родины, рѣкѣ, на которой построили свой главный городъ Элисъ, и названіе глубоко чтимаго ими Олимпа, обиталища ихъ Зевса и всѣхъ ихъ древнихъ боговъ,—горамъ, окружавшимъ великую святыню новаго отечества, также посвященную Зевсу... Олимпія и была прозвана по этому имени священной горы грековъ.

Влѣво отъ насъ, къ сторонѣ Аркадіи, на сосѣдней горѣ стоялъ въ древности городъ Пиза, соперникъ Элиса, не хотѣвшій ему уступить право владѣнія священною рощею Олимпіи и разрушенный поэтому элидцами послѣ жестокой войны. Теперь отъ него не осталось даже развалинъ—такъ давно совершилось это разрушеніе. Нѣсколько дальше за Алфеемъ, тоже на высокой горѣ, развалины другого древняго города Фриксы, которыя современный грекъ, мало свѣдущій въ археологіи, окрестилъ обычнымъ своимъ общимъ именемъ Палеокастро, т.-е. старой крѣпости, какъ русскій народъ безразлично называетъ „старымъ городищемъ" всякіе остатки исчезнувшихъ городовъ.

Тишина горной пустыни и благоуханье лѣсныхъ травъ про-

никали въ душу какою-то смиряющею и сладостною волною. Ни одного звука не долетало снизу, ни одной живой души не было видно въ разстилавшихся у нашихъ ногъ безмолвныхъ долинкахъ; даже около маленькаго домика желѣзнодорожнаго вокзала, будто по ошибкѣ затеряннаго въ этихъ величавыхъ ландшафтахъ старой исторической могилы, все словно вымерло.

Только желтая лента песчанаго ложа Алфея, едва отличимаго отъ песковъ своими мутно-бурыми струями, вьется капризными петлями, изворотами, змѣйками между выступовъ лѣсистыхъ холмовъ,—одна здѣсь вѣчно живая и вѣчно безпокойная сила, самовластный хозяинъ этой священной пустыни, покинутой человѣкомъ... Недаромъ художественная фантазія эллина олицетворяла рѣки—и въ своей миѳологіи, и въ своей скульптурѣ— въ образѣ бога, — не-человѣчески могучаго и вѣчно живущаго существа. Никакой другой минуты и никакого другого мѣста не могли мы лучше выбрать для созерцанія олимпійскихъ развалинъ въ ихъ общей картинѣ. Отсюда, кажется, чувствуешь незримое вѣяніе давно угасшей жизни, видишь проплывающія мимо твоихъ духовныхъ очей тѣни героевъ, наполнявшихъ когда-то радостнымъ шумомъ своихъ подвиговъ эту тѣсную зеленую долину.

Развалины внизу у нашихъ ногъ видны намъ теперь какъ на планѣ; заходящее солнце ярко освѣтило одну сторону ихъ своими низкими боковыми лучами, и всѣ эти столбы и стѣны вырѣзались вдругъ на фонѣ неосвѣщенныхъ мѣстъ отчетливо и ясно, будто насквозь проступившіе огнемъ, такъ что можно издали пересчитать каждый уступъ, каждый камушекъ...

Въ этихъ розовато-огненныхъ лучахъ заката грязные и темные обломки кажутся внезапно ожившими, облеченными въ прежній блескъ мраморовъ...

Глядя на нихъ въ этомъ ихъ праздничномъ одѣяніи, легче возстановляешь въ воображеніи своемъ то далекое время, когда вмѣсто этихъ прахомъ покрытыхъ каменныхъ остововъ, вмѣсто этого безмолвнаго поля разрушенія и смерти, у подножія Кроніона весело зеленѣла своими аллеями платановъ, своими купами кипарисовъ и маслинъ Священная роща Altis, полная чудныхъ храмовъ, ристалищъ, дворцовъ, бѣломраморныхъ колоннадъ, населенная цѣлыми полчищами статуй, алтарей, жертвенниковъ, кипѣвшая жизнерадостнымъ одушевленіемъ, движеніемъ и шумомъ безчисленной толпы...

Особые посланцы, — „вѣстники мира“, какъ называли ихъ греки,—за нѣсколько мѣсяцевъ до начала олимпійскихъ игръ расходились изъ Элиды по всей Греціи, разнося во всѣ родные

нимъ углы радостную вѣсть о наступленіи времени всеобщаго примиренія и всеобщихъ празднествъ. Хотя это дѣлалось всего одинъ разъ въ четыре года, но и этотъ рѣдкій юбилей, прекращавшій хотя на нѣсколько недѣль непрестанныя междоусобныя войны и взаимныя насилія тѣхъ безпокойныхъ вѣковъ, вливалъ необходимую струю братскаго единенія въ разрозненныя мелкія общины Греціи. Общее негодованіе всѣхъ эллинскихъ народовъ и жестокія кары боговъ, провозглашаемыя на весь міръ ихъ прославленными оракулами, встрѣчали малѣйшее нарушеніе мира въ священные дни олимпійскихъ игръ. Начатая война прекращалась, опускалось поднятое на врага оружіе, при первомъ звукѣ олимпійскаго торжества...

Маленькая Элида, какъ область, посвященная Зевсу, сама считалась священною страною; ни одинъ воинъ не смѣлъ переступать ея предѣловъ съ оружіемъ въ рукахъ; а если бы какой-нибудь вооруженный отрядъ позволилъ себѣ перейти границу Элиды въ дни олимпійскихъ празднествъ, то съ него взыскивалось въ пользу Зевсова храма громадный для того времени штрафъ —по двѣ мины серебра за каждаго солдата.

Изо всѣхъ странъ и со всѣхъ сторонъ толпами спѣшили мужи и юноши Греціи на свой всенародный праздникъ.

Одѣвались въ лучшія свои одежды; несли свои сокровища въ подарки чествуемымъ храмамъ; вели за собою воловъ, телятъ, козъ и овецъ въ жертву любимымъ богамъ; богатые ѣхали на коняхъ и роскошно убранныхъ колесницахъ. Дорога отъ Пенея къ Алфею, изъ бывшей столицы Элиды-Элиса къ рощѣ Олимпіи, та самая, которою мы только что пронеслись въ вагонѣ желѣзной дороги, въ теченіе нѣсколькихъ дней была покрыта толпами, направлявшимися съ музыкой и пѣснями въ Олимпію. Она называлась „Священною дорогою" и походила скорѣе на аллею прекраснаго парка, чѣмъ на дорогу; на всемъ протяженіи ея были воздвигнуты алтари, статуи, жертвенники, цвѣли и зеленѣли деревья... Пустынныя теперь долины Алфея и Кладеоса, окрестные холмы, на которыхъ высятся теперь скромные домики Друвы и другихъ сосѣднихъ селеній, — все это далеко вокругъ наполнялось шумомъ и движеніемъ. Разбивались шатры и цѣлыя становища; располагались и прямо подъ тѣнью рощъ; нагруженныя всякими товарами и съѣстными припасами барки двигались въ то же время по Алфею, чтобы выгодно сбывать свои запасы нахлынувшему сюда многолюдству. По горнымъ тропамъ тоже гнали сюда караваны нагруженныхъ товарами муловъ и ословъ, стада скота для убоя; везли и несли все, что̀ только

можно было сбыть на этой громадной всенародной ярмаркѣ, гдѣ самый скромный человѣкъ невольно дѣлался тароватѣе и роскошнѣе, чѣмъ всегда.

Не одни, впрочемъ, торговцы и ремесленники спѣшили сюда, въ надеждѣ хорошихъ барышей; живописцы, скульпторы, музыканты, художники всякаго рода тоже искали выгодныхъ заказовъ и щедрыхъ покровителей на празднествѣ, собиравшемъ въ одну тѣсную семью всѣхъ богачей и всѣхъ владыкъ греческаго міра...

Олимпія дѣлалась на эти дни мѣстомъ свиданія и сближенія людей, удаленныхъ другъ отъ друга и огромными пространствами, и разницею своего общественнаго положенія. Олимпія обращалась тогда въ настоящую духовную столицу эллинства. Греки разныхъ племенъ, разныхъ городовъ и областей, даже разныхъ частей свѣта, узнавали тутъ другъ друга, говорили другъ съ другомъ на одномъ и томъ же языкѣ, молились однимъ и тѣмъ же богамъ, восторгались и вдохновлялись однимъ и тѣмъ же, прославляли однихъ и тѣхъ же героевъ, проникались сознаніемъ общей греческой славы, общаго греческаго генія, общихъ греческихъ интересовъ; и такимъ образомъ, несмотря на свое государственное раздробленіе, несмотря на постоянныя междоусобицы и взаимное соперничество, невольно спаивались въ одну могучую народность, одушевленную общимъ эллинскимъ духомъ и способную въ минуты общей опасности встать на защиту эллинства, какъ одинъ человѣкъ. Только этимъ и можно себѣ объяснить, какъ эти крошечныя государства, иныя не больше любой русской волости, могли не только сопротивляться, но и сокрушать полчища варварскихъ царствъ, на нихъ нападавшихъ, и играть такую важную роль въ современномъ имъ человѣчествѣ, являясь для него своего рода мыслящимъ мозгомъ и вдохновляющимъ сердцемъ, создавая для него философію, науку, искусства, политическую и общественную жизнь. Древніе греки, конечно, понимали это великое объединяющее значеніе олимпійскихъ игръ и не могли не считать ихъ священными для себя. Какъ Зевсъ, верховный повелитель Олимпа, объединялъ въ ихъ глазахъ подъ своею властью весь многоголовый Пантеонъ олимпійскихъ боговъ — dii majores и dii minores,—такъ и олимпійская святыня Зевса собирала подъ одно общее греческое знамя всѣ крупныя и мелкія государства Греціи...

Сами по себѣ никакія любимыя упражненія, развлеченія и обряды не были бы въ силахъ возбуждать въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ одно и то же священное и радостное чувство во

всѣхъ по свѣту раскинутыхъ племенахъ Греціи, во всѣхъ людяхъ Греціи, кто бы они ни были, простые пахари и садовники, или философы и цари.

Не даромъ Анаксагоры, Пиѳагоры, Сократы, Платоны и Демосѳены, раздѣляли съ неграмотною толпою ея благоговѣніе къ Олимпіи и являлись вмѣстѣ съ нею на ея игрища. Не даромъ могущественные владыки греческаго происхожденія, Діонисіи сиракузскіе, Филиппы македонскіе, соревновали своими колесницами, конями и борцами на стадіонѣ и ипподромѣ Олимпіи съ простыми атлетами и наѣздниками греческаго демоса. Они чувствовали, что кто былъ признанъ и возвеличенъ Олимпіею, тотъ былъ признанъ и возвеличенъ цѣлымъ греческимъ міромъ, что въ завѣтныхъ предѣлахъ Altis, у алтаря олимпійскаго Зевса билась настоящая собирательная душа Греціи, отражавшаяся въ самыхъ далекихъ ея уголкахъ. Но олимпійскія игры имѣли и другое глубокое значеніе для Греціи. Это былъ торжественный всенародный экзаменъ всему, что̀ зналъ и что̀ умѣлъ грекъ, колоссальная всемірная выставка всего, чѣмъ могъ похвалиться греческій атлетъ, греческій философъ, историкъ, скульпторъ, музыкантъ, поэтъ, ораторъ, учитель, заводчикъ коней, мастеръ колесницъ, и пр., и пр.

Экзаменъ этотъ былъ въ то же время и торжественно объявляемою всенародною программою греческаго воспитанія, греческихъ просвѣтительныхъ идеаловъ.

Древній грекъ изумительно-счастливо разрѣшилъ трудную задачу педагогіи. „Здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ“ — у него было не только остроумнымъ афоризмомъ, а составляло практическую основу всего воспитанія, всего склада жизни. Красоту онъ понималъ только какъ гармонію духа и тѣла, и такая красота для него была вмѣстѣ и нравственность.

Сильное, правильно разросшееся тѣло, смѣлое, ловкое и вмѣстѣ изящное въ каждомъ движеніи своемъ, должно было непремѣнно соединяться съ мужественною стойкостью воли, желѣзнымъ самообладаніемъ, смѣлостью и благородствомъ духа. Такое тѣло и такой духъ могли развиваться только на вольномъ воздухѣ, подъ живительными лучами солнца, гдѣ свободно дышется груди, гдѣ радостно двигается по жиламъ кровь — постояннымъ упражненіемъ и мускуловъ, и воли, настойчивымъ соревнованіемъ другъ съ другомъ въ силѣ, смѣлости и выносливости. И греческая педагогія не ошиблась: она дѣйствительно создала идеальное юношество, создала цѣлое населеніе богатырей и красавцевъ, которыхъ художественныя формы обезсмертила древняя скульптура, и въ которыхъ въ то же время горѣло непоколебимое чув-

ство справедливости, чести и долга, какъ они понимались тогда, радостная готовность принести всякую жертву на защиту своего отечества и святынь своей религіи...

Сознаніе своей силы не дѣлало греческаго юношу заносчивымъ и тщеславнымъ. Греческая педагогія воспитывала въ нихъ великую скромность и почтенье къ лѣтамъ и заслугамъ. Но инстинктивное ощущеніе здоровой и могучей жизни—только наполняло этихъ простодушныхъ сыновъ Эллады доброю радостью и свѣтлою любовью къ міру, тѣми незамѣнимыми благами, которыхъ уже почти не знаетъ теперь современная намъ мрачная и всѣмъ недовольная молодежь...

Древній грекъ ежедневно убѣждался, что его государственная и общественная сила, спокойствіе его семьи, счастливое настроеніе духа, богатство, здоровье, долголѣтіе, — все заключено въ этомъ гармоническомъ развитіи тѣла и духа, въ одинаковой гибкости ума и членовъ, въ одинаковой крѣпости мышцъ и воли, въ нравственной сдержанности, точно также какъ въ физической выносливости. Поэтому онъ и воздалъ божескія почести своей системѣ воспитанія, призналъ священными свои гимнастическія игры, прославлялъ какъ героевъ своихъ молодыхъ атлетовъ. Ихъ мышцы и ихъ доблестный духъ замѣняли ему, какъ въ Спартѣ и Элидѣ, — стѣны крѣпости. Ихъ красота и удаль служили вдохновеніемъ его скульпторамъ и поэтамъ; ихъ скромныя привычки, терпѣнье, настойчивость въ трудѣ, горячая привязанность къ учрежденіямъ и обычаямъ родины, наполняли благополучіемъ его частную жизнь.

Все это было, конечно, только въ цвѣтущіе вѣка Греціи, пока поддерживались во всей чистотѣ строгія и простыя основы эллинскаго воспитанія, не перерождаясь еще подъ вліяніемъ корыстныхъ и тщеславныхъ побужденій въ ремесленную односторонность, въ пустыя театральныя зрѣлища, лишенныя всякаго нравственнаго смысла.

„Какъ вода—самая лучшая изъ всѣхъ стихій, какъ золото—самое драгоцѣнное изъ сокровищъ смертнаго, какъ свѣтъ солнца превосходитъ все земное блескомъ и жаромъ своимъ, нѣтъ болѣе благородной. побѣды, какъ побѣда на олимпійскихъ играхъ"!—восклицалъ поэтъ Пиндаръ въ одной изъ своихъ вдохновенныхъ одъ, восхваляя воспитательные обычаи своей родины.

Гомеръ,—художникъ-бытописатель юности греческаго народа, —нарисовалъ намъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ незабвенными чертами цѣлыя портретныя галереи современныхъ ему прекрасныхъ юношей, такъ удивительно соединявшихъ въ себѣ желѣзную мощь

съ изяществомъ формъ и дѣвственную чистоту сердца съ орлиною смѣлостью духа:

„Ложе покинулъ тогда и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ.
Послѣ подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный,
Съ мѣднымъ въ рукѣ онъ копьемъ передъ сонмомъ народнымъ явился;
Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,
Такъ что дивилися люди, его подходящаго видя"...

—такъ описываетъ Гомеръ Телемака, типическаго представителя этого античнаго юношества...

Безжалостное время давно погребло въ могильномъ прахѣ героевъ и храмы Олимпіи... Кроносъ (время), когда-то побѣжденный здѣсь, по древней легендѣ, своимъ сыномъ-громовержцемъ, въ концѣ концовъ все-таки побѣдилъ и Зевса, и всѣхъ его олимпійцевъ... Увѣнчанные цвѣтами жертвенники Герѣ и Аполлону, бѣломраморныя статуи Фидіаса и Праксителя, величественныя колоннады Зевсова храма, все похоронилъ Кроносъ въ теченіе столѣтій глинистыми осыпями своего холма. Чего не доразрушили землетрясенія, пожары и грабежи варваровъ, то докончили зимніе дожди, весенніе потоки и разливы рѣкъ. Съ миѳическихъ временъ до IV-го вѣка по Рождествѣ Христовомъ, болѣе тысячелѣтія продолжались священныя игры Олимпіи, пока императоръ Ѳеодосій Великій, въ своемъ христіанскомъ рвеніи, не запретилъ навсегда эти языческія празднества... Варварскія орды Алариха бьются съ византійскими войсками въ окрестностяхъ Олимпіи и разоряютъ ея уцѣлѣвшіе храмы. Ѳеодосій II поступаетъ еще хуже варваровъ: онъ приказываетъ сжечь всѣ зданія Олимпіи, какъ очагъ язычества. Наконецъ, два жестокія землетрясенія, разрушившія нѣсколько городовъ Греціи, погребаютъ Олимпію подъ ея собственными развалинами...

Византійская крѣпостца возникаетъ на прахѣ палестръ и Фидіасовыхъ мастерскихъ, и древніе олимпійскіе храмы дѣлаются даровою каменоломнею для новыхъ насельниковъ Греціи, не вѣдающихъ ея исторіи и преданій...

Только съ XVIII-го вѣка образованная Европа начинаетъ понемногу вспоминать старую славу Олимпіи и интересоваться ея развалинами. Французы, послѣ наваринской битвы, сдѣлали первыя раскопки. Но весь громадный трудъ и вся великая честь извлеченія изъ утробы земной Олимпіи на свѣтъ Божій принадлежитъ

нѣмцамъ. Извѣстный историкъ Греціи Курціусъ, учитель наслѣднаго принца Фридриха, — впослѣдствіи императора на нѣсколько дней и отца нынѣшняго германскаго императора Вильгельма II,—съумѣлъ возбудить интересъ къ этимъ раскопкамъ въ своемъ ученикѣ и старомъ императорѣ Вильгельмѣ. Съ ихъ могущественною помощью, а потомъ при щедромъ пособіи германскаго рейхстага, истратившаго на это предпріятіе около милліона марокъ,—Курціусъ одолѣлъ всѣ препятствія, открылъ и научно разработалъ эту греческую Помпею своего рода, со всѣми ея археологическими и художественными сокровищами въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь любуемся ею съ высоты древняго Кроніона.

300 рабочихъ ежедневно, въ теченіе 6-ти лѣтъ, работали надъ тѣмъ, чтобы снять съ развалинъ Олимпіи, придавившій ее сплошной пластъ въ 10 и 12 аршинъ толщины. Зато и научная добыча нѣмцевъ щедро вознаградила ихъ за труды и расходы.

Кромѣ откопанныхъ многочисленныхъ зданій Олимпіи, они собрали въ музей 130 статуй и барельефовъ, 13.000 бронзовыхъ вещей, 6.000 древнихъ монетъ, 400 надписей, тысячи предметовъ изъ терракоты и пр.

Открытія и находки эти освѣтили многія темныя страницы античной жизни и позволяютъ теперь каждому любознательному путешественнику осязать своими руками, наслаждаться самолично интереснѣйшимъ, весьма оригинальнымъ и, можетъ быть, самымъ поучительнымъ изъ памятниковъ древней Греціи...

Евгеній Марковъ.

НАЧАЛО
ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ
ВЪ РОССІИ
1857—59 гг.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ появились тѣ „училища для приходящихъ дѣвицъ“, которыя потомъ были переименованы въ женскія гимназіи и прогимназіи.

Теперь такія училища существуютъ почти во всѣхъ городахъ Россіи; въ нихъ могутъ учиться дѣти и болѣе бѣдныхъ родителей, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Но въ ту, не особенно отдаленную отъ насъ эпоху, среднее образованіе было доступно почти исключительно дочерямъ высшихъ классовъ, притомъ — въ ограниченномъ числѣ; полученіе такого образованія было обусловлено отчужденіемъ дѣвочки на все время отъ родной семьи; тѣ же немногія, которымъ удалось получить образованіе, выростали въ искусственной обстановкѣ и выходили въ жизнь совершенно къ ней неподготовленными. И все это было сравнительно недавно.

Необходимость измѣнить такое исключительное положеніе женскаго образованія сознавалась тогда меньшинствомъ образованныхъ людей; но это было и не удивительно при тѣхъ условіяхъ, какими было обставлено женское образованіе вплоть до „эпохи великихъ реформъ“. Закрытая система институтовъ къ тому времени получила уже широкое развитіе и, казалось, навсегда утвердилась въ нашемъ отечествѣ.

Эпоха имп. Николая Павловича можетъ быть названа расцвѣтомъ институтовъ; число ихъ росло съ каждымъ годомъ; но не всѣ еще, предположенные къ учрежденію, институты были открыты, когда обстоятельства внезапно измѣнились. Крымская война, на театрѣ которой женщины впервые, и съ успѣхомъ, дѣйствовали на общественномъ поприщѣ, вступленіе на престолъ императора Александра II, начавшіяся съ первыхъ же лѣтъ его царствованія крупныя преобразованія, участіе, какое приняло въ нихъ русское общество, выдвинувшее много давно наболѣвшихъ вопросовъ и въ ихъ числѣ первымъ—вопросъ о воспитаніи, наконецъ заботы великой княгини Елены Павловны объ улучшеніи положенія женщинъ—все это создало благопріятныя условія, которыми и воспользовался бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ.

5-го марта 1856 года, онъ представилъ государю докладъ о положеніи женскаго образованія въ Россіи и предложилъ помочь этому дѣлу учрежденіемъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, и даже большихъ селеніяхъ—*открытыхъ* женскихъ училищъ. По этому докладу тогда же состоялось Высочайшее повелѣніе: учредить сначала въ губернскихъ городахъ такія школы, „приближенныя по курсу къ гимназіямъ, по мѣрѣ способовъ, какіе къ тому могутъ представиться".

Начало было сдѣлано, и, повидимому, А. С. Норовъ не сомнѣвался въ томъ, что идея открытыхъ, всесословныхъ, женскихъ училищъ встрѣтитъ сочувствіе и помощь со стороны общества и правительственныхъ лицъ. Поэтому, вѣроятно, въ разосланныхъ попечителямъ учебныхъ округовъ циркулярахъ о состоявшемся 5-го марта Высочайшемъ повелѣніи, онъ, не разъясняя всего дѣла въ подробностяхъ и считая, конечно, излишнимъ распространяться о пользѣ и необходимости именно такихъ училищъ, просилъ попечителей доставить ему свѣдѣнія о существующихъ въ округѣ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также мнѣнія о томъ: гдѣ преимущественно ощущается настоятельная потребность въ женскихъ училищахъ, какіе должны быть въ нихъ предметы преподаванія, какія потребуются на ихъ устройство средства, гдѣ и какіе могутъ представиться мѣстные способы для покрытія расходовъ по нимъ. Но онъ не имѣлъ при этомъ въ виду, что не только масса населенія, но и образованные слои общества, при господствовавшей у насъ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія закрытой и сословной системѣ женскаго воспитанія, не могутъ сразу освоиться съ мыслью о совершенно новыхъ началахъ этого воспитанія. И дѣйствительно, мысль Норова была понята

не всѣми даже попечителями учебныхъ округовъ. Изъ представленныхъ ими отзывовъ на запросъ министра, только въ одномъ (попечителя казанскаго округа) было сказано, что „потребность въ женскихъ школахъ сознается"; во всѣхъ другихъ ясно сквозило недоумѣніе—зачѣмъ правительство требуетъ учрежденія новыхъ женскихъ училищъ, когда никакихъ новыхъ училищъ не нужно; но разъ оно этого требуетъ, то, по мнѣнію всѣхъ попечителей, изложенному въ представленныхъ ими проектахъ, эти училища должны быть заведеніями закрытыми, съ институтскою программою, т.-е. тѣ же институты съ незначительными лишь измѣненіями. Одинъ изъ попечителей высказалъ мнѣніе, что теперь дѣвушекъ учатъ слишкомъ много — „точно всѣ готовятся въ гувернантки". Относительно средствъ на устройство новыхъ училищъ всѣ попечители одинаково заявили, что никакихъ средствъ въ виду не имѣется.

Высочайшее повелѣніе 5-го марта 1856 года, впрочемъ, нигдѣ не было обнародовано и стало извѣстнымъ въ обществѣ лишь въ 1857 году изъ напечатаннаго въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" этого года отчета министра за истекшій годъ. Впрочемъ, о немъ проникли и ранѣе слухи, и дѣло истолковывалось каждымъ по своему. Въ одной, едва ли не единственной за весь 1856 годъ объ этомъ корреспонденціи изъ провинціи—сообщалось, что училища учреждаются для будущихъ женъ чиновниковъ и выражалась благодарность за то, что о нихъ думаютъ. При этомъ говорилось, что такъ какъ большинство чиновниковъ губерніи кончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то для ихъ женъ требуется образованіе въ объемѣ курса приходскаго—и ужъ никакъ не выше уѣзднаго училищъ. При такихъ училищахъ, по мнѣнію автора корреспонденціи, должны быть устроены пансіоны, ибо „экипажей у чиновниковъ нѣтъ, посылать въ училище дѣвочку въ сопровожденіи прислуги трудно, а дѣвочкѣ одной ходить по улицѣ неприлично". Въ заключеніе, авторъ предлагалъ устроить новыя училища при женскихъ обителяхъ, гдѣ они обойдутся дешево, и въ лицѣ монахинь имѣется готовый преподавательскій персоналъ [1]).

Когда Высочайшее повелѣніе 5-го марта было объявлено населенію, возникли недоумѣнія: какая цѣль устройства новыхъ женскихъ училищъ? для какого сословія они предназначаются? Въ циркулярѣ министра сказано, что для дочерей дворянъ уже

---

[1]) „С.-Пет. Вѣдомости". 1856 г. № 242. Корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода.

есть институты, а новыя училища учреждаются для средняго класса; но зачѣмъ же тогда привлекать въ участію въ ихъ устройствѣ другія сословія? Идея всесословности женскихъ училищъ и притомъ на общественныя, а не на казенныя средства, рѣшительно не поддавалась пониманію, въ ея возможность и не вѣрили.

Одновременно съ разсылкой циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ (28 марта 1856 года), А. С. Норовъ обратился и къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой пригласить дворянство и городскія сословія къ пожертвованіямъ на устройство новыхъ женскихъ училищъ.

Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ, С. Ланского, былъ полученъ въ сентябрѣ 1857 года. Ланской говорилъ, что не можетъ теперь предложить сословіямѣ жертвовать на женскія училища, ибо „по недавнему окончанію войны, сопряженной съ болѣе или менѣе значительными для всѣхъ сословій пожертвованіями, признано необходимымъ оказать имъ разныя снисхожденія и льготы. Дѣлать въ то же время приглашенія къ новымъ пожертвованіямъ было бы едва ли своевременно, и во всякомъ случаѣ сія мѣра могла бы съ большимъ успѣхомъ быть приведена въ дѣйствіе только черезъ нѣкоторое время, когда хозяйственныя отношенія государства придутъ въ нормальное положеніе“. Въ своемъ отвѣтѣ Ланской указывалъ на неясность и неполноту циркуляра министра народнаго просвѣщенія о Высочайшемъ повелѣніи 5-го марта. „Учрежденіе открытыхъ женскихъ училищъ у насъ есть нововведеніе,—писалъ Ланской;—польза и важность котораго не всѣми можетъ быть понята, особенно средними классами... Недостаточно сообщить, что женскія заведенія будутъ приближаться къ гимназическому курсу; гимназическій курсъ примѣненъ лишь къ потребностямъ мужского пола и имѣетъ преимущественно ученый характеръ. Поэтому трудно составить себѣ понятіе, въ какой мѣрѣ гимназическое образованіе можетъ быть распространено на женскія школы, особенно для дочерей бѣдныхъ чиновниковъ, купцовъ, даже мѣщанъ и ремесленниковъ. Дабы предупредить толки и поселить довѣріе, надо развить убѣжденіе въ ихъ необходимости и привлечь къ пожертвованіямъ, надо бы, кажется, при самомъ приглашеніи къ сему сословій, объяснить значеніе заведеній, условія пріема, и хотя бы въ общихъ чертахъ, программу преподаванія“.

По мнѣнію Ланского, „надо опасаться, что дворянство будетъ уклоняться отъ пожертвованій, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ дворянъ обязательно жертвуютъ на институты, а всѣ, которые вновь рѣшатся на пожертвованія, потребуютъ, конечно, учрежде-

нія такихъ же заведеній, какъ доказываютъ поступившія уже ходатайства отъ дворянъ смоленской и вологодской губерній". Относительно городскихъ обществъ, министръ полагалъ, что, „при весьма низкой степени развитія и благосостоянія ихъ", эти пожертвованія будутъ незначительны, да и то въ немногихъ лишь городахъ [1]). При этомъ онъ препроводилъ А. Норову и самыя ходатайства дворянствъ смоленскаго и вологодскаго.

Постановленіе смоленскаго дворянства объ учрежденіи въ Смоленскѣ института для воспитанія благородныхъ дѣвицъ состоялось еще въ 1849 году и было подтверждено дворянствомъ въ 1852-мъ [1]).

Вологодское дворянство, на основаніи постановленія комитета ополченія, 22-го декабря 1855 года, ходатайствовало объ учрежденіи въ Вологдѣ института на 50 благородныхъ дѣвицъ. Въ постановленіи комитета сказано: „пусть союзники враговъ Христа и церкви узнаютъ, что полчища враговъ не только никогда не устрашатъ русскихъ, но что они, неся въ одной рукѣ оружіе на пораженіе злодѣевъ, другою разсѣеваютъ сѣмена вѣры, любви и надежды. Въ этомъ сознаніи, признавая, что источникъ вѣры, любви и надежды есть матери семействъ и сестры", комитетъ опредѣлилъ: повергнуть къ стопамъ Монарха свое ходатайство.

Къ институту рѣшено присоединить существовавшій въ Вологдѣ дѣтскій пріютъ—„особымъ отдѣленіемъ для снабженія института прислугою и дальнѣйшаго образованія тѣхъ изъ малютокъ дѣтскаго пріюта, которыя одарены большими способностями, для образованія изъ нихъ класса учительницъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ ополченія постановилъ „повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе имена лицъ, изъявившихъ готовность вспомоществовать основанію института".

Представляя 27-го іюня 1856 года копію этого постановленія министру внутреннихъ дѣлъ, вологодскій губернаторъ сообщалъ, что комитетъ ополченія, по окончаніи сформированія и передъ выступленіемъ дружинъ вологодской губерніи, за доблестный подвигъ дворянства въ ополченіи не только по уѣздамъ, гдѣ есть дворянскія имѣнія, но и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, опредѣлилъ, для обезпеченія семействъ дворянства губерніи въ образованіи своихъ дочерей, безъ разлуки съ ними, исходатайствовать дозволеніе учредить институтъ, „украшенный обожаемымъ именемъ царствующей императрицы". Губернаторъ сообщалъ, что постановленіе это было

---

[1]) Арх. минист. народн. просв.

[2]) Наши „Мат. для ист. жен. обр. въ Россіи", 1828—1855, стр. 35, выноска.

имъ передано губернскому предводителю для предложенія на обсужденіе дворянства, что общее собраніе предводителей и депутатовъ отнеслось сочувственно къ проекту необходимаго въ краѣ института и просило разрѣшить сборъ по губерніи, вмѣстѣ съ пожертвованіями на институтъ. Вполнѣ раздѣляя мысль о необходимости института, губернаторъ разрѣшилъ сборъ и уже поступило пожертвованіе на институтъ отъ неизвѣстнаго 1.500 рублей, которые внесены въ вологодскій приказъ общественнаго призрѣнія.

Съ своей стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ Норова сообщить ему, какое пособіе потребуется отъ его вѣдомства на женскія училища, чтобы онъ могъ прежде сообразить, что̀ возможно удѣлить изъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ, а потомъ уже обратиться къ разнымъ сословіямъ за пожертвованіями.

Одновременно съ этимъ Ланской переслалъ статсъ-секретарю Гофману поступившее въ 1856 году въ министерство ходатайство нижегородскаго губернатора о томъ, чтобы отпускавшіеся до тѣхъ поръ изъ нижегородскаго приказа общественнаго призрѣнія 2.071 рубль 43 копѣйки въ годъ казанскому институту были обращены на содержаніе въ Нижнемъ-Новгородѣ „школы для дѣвицъ". Ланской изъявлялъ на это свое согласіе, если вѣдомство учрежденій императрицы Маріи откажется получать это пособіе. Въ своемъ докладѣ императрицѣ Гофманъ представлялъ, что если согласиться на ходатайство нижегородскаго губернатора, то за нимъ послѣдуютъ ходатайства и другихъ губернаторовъ, а это лишитъ институты почти 80.000 рублей ежегоднаго дохода, безъ котораго они существовать не могутъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и предлагалъ отвѣтить; но императрица велѣла, чтобы нижегородскій приказъ попрежнему отпускалъ казанскому институту по 2.071 р. 43 коп. въ годъ, а такую же сумму выдавать „нижегородскому дѣвичьему училищу" изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій императрицы Маріи [1]).

Это была первая—и единственная за весь 1856 годъ, поступившая на женскія училища, денежная сумма. Указывая на нее въ своемъ отчетѣ за этотъ годъ, какъ на выраженіе „особеннаго Всемилостивѣйшаго участія въ успѣхѣ дѣла императрицы", А. С. Норовъ въ 1857 году говорилъ, что въ министерствѣ уже собраны необходимыя данныя, и „можно надѣяться, что мало-по-

---

[1]) Арх. IV отд. Соб. Е. И. В. Канц.

малу образованію дѣвицъ средняго сословія положится доброе начало". Онъ прибавлялъ, что представятся только затрудненія въ денежныхъ средствахъ на устройство и содержаніе училищъ, если дворянство и городскія общества не примутъ въ этомъ дѣятельнаго участія.

Въ приложенныхъ къ отчету вѣдомостяхъ о числѣ учебныхъ заведеній во всѣхъ вѣдомствахъ, завѣдывавшихъ народнымъ образованіемъ въ имперіи (и царствѣ польскомъ), также о числѣ учащихся въ этихъ заведеніяхъ, было показано 482.802 учащихся; изъ нихъ женскаго пола 51.632, т.-е. учащіяся дѣвочки составляли нѣсколько болѣе $^1/_9$ общаго числа учащихся.

Между тѣмъ въ русскомъ обществѣ проявился горячій, живой интересъ и къ женскому воспитанію и образованію. Онъ былъ вызванъ извѣстною статьею: „Вопросы жизни" Н. И. Пирогова, напечатанною въ іюльской книжкѣ „Морского Сборника" 1856 г. „Эта статья,—говоритъ Д. Д. Семеновъ,—произвела совершенный переворотъ въ нашихъ взглядахъ на воспитаніе и образованіе... Ее читали и во дворцѣ, и въ бѣдныхъ квартирахъ, и великосвѣтскія дамы, и скромныя матери семействъ... Пироговскій идеалъ:—ищи и будь человѣкомъ... надо перевоспитать себя, надо давать дѣтямъ другое воспитаніе, надо познать себя, надо вникнуть въ нашу индивидуальность, надо задать себѣ вопросы: въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? какое наше назначеніе? къ чему мы призваны? чего должны искать?" [1]).

Въ своей статьѣ Пироговъ говорилъ и о женщинахъ, для которыхъ требовалъ также общечеловѣческаго образованія, выработки и развитія внутренняго человѣка во имя самихъ женщинъ, но еще болѣе въ интересахъ мужчинъ и семьи.

„Сѣтуя на прошлое,—говоритъ онъ, обращаясь къ мужчинамъ,—въ борьбѣ съ собою, вы начали перевоспитывать себя. Трудясь и роясь въ душѣ, вы дошли до убѣжденій, вы научились жертвовать собою. Съ трудомъ вы дошли, наконецъ, и до извѣстной степени самосознанія... Протекло полжизни... Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ: какъ устроить вашъ семейный бытъ и какъ найти сочувствіе въ кругу своихъ? Но что если васъ не пойметъ та, въ которой вы хотите найти сочувствіе къ убѣжденіямъ, такъ дорого пріобрѣтеннымъ, въ которой вы ищете сотрудницу въ борьбѣ за идеалъ?.. Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи, жена будетъ смотрѣть съ безсмысленной улыбкой идіота на вашу завѣтную борьбу? Или, какъ Мареа, расточая

[1]) *Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго (Р. Школа, 1892 г., мартъ).

всевозможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслью—угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытіе? Что, если, какъ Ксантиппа, она будетъ поставлена судьбою для испытанія крѣпости и постоянства вашей воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленныя полжизнію перевоспитанія, трудной борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?..“

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ самихъ женщинъ, Пироговъ говоритъ: „А знаете ли, что̀ значитъ этотъ же вопросъ жизни для женщины, которая была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, которая, оставивъ дюжинное направленіе толпы, отчетливо и ясно постигаетъ, что въ будущемъ назначена ея жизни цѣль? ...Каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать (въ потомствѣ) и жертвовать развита несравненно болѣе, и которой недостаетъ еще довольно опыта, чтобы хладнокровнѣе перенести обманъ надеждъ; скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который, поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?..

„Ни возрастъ женщины, ни наше воспитаніе, ни опытъ жизни —не вѣрныя поруки. Молодость влечетъ ее къ суетѣ. Воспитаніе дѣлаетъ куклу, опытъ жизни родитъ притворство. Еще счастлива та молодость, въ которой суета несовсѣмъ искоренила воспріимчивость души, въ которой свѣтъ, съ его мелочными приличіями, не успѣлъ оцѣненить ее и сдѣлать недоступною къ убѣжденіямъ въ Высокомъ и Святомъ. Еще счастлива та молодость, когда толпы молодыхъ и старыхъ прислужниковъ, послѣдователей шаткихъ взглядовъ, воспользовавшись этой воспріимчивостью, не усыпили ее для высшихъ впечатлѣній, не уничтожили возможность понять, образовать себя“.

Пироговъ писалъ свою статью до освобожденія крестьянъ, т.-е. когда еще не измѣнились экономическія условія помѣщичьяго быта и передъ большинствомъ дѣвушекъ еще не стоялъ роковой вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба. Поэтому онъ могъ думать и писать, что, „вступая въ свѣтъ, женщина менѣе, чѣмъ мужчина, подвергается грустнымъ слѣдствіямъ разлада основныхъ началъ воспитанія съ направленіемъ общества. Она рѣже осуждена бываетъ снискивать себѣ трудами насущный хлѣбъ и жить совершенно независимо отъ мужчины. Торговое направленіе общества менѣе тяготитъ надъ нею. Въ кругу семьи ей отданъ на

сохраненіе тотъ возрастъ жизни, который не лепечетъ еще о золотѣ". Далѣе, онъ продолжаетъ: „Но зато воспитаніе, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а черезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что̀ отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эмансипація, вотъ эта мысль. Паденіе, вотъ первый шагъ... Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ. Не всякій врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, пытать и нюхать то, что̀ отвратительно смердитъ. Однакоже, раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужны, какъ и для мужчины. Чтобы услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобы быть сопутницей въ борьбѣ,—ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля,—чтобы жертвовать, мышленіе,—чтобы избирать и имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей"...

Пироговъ приходитъ къ заключенію, что „не положеніе женщины въ обществѣ, но воспитаніе ея, въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества, вотъ что̀ требуетъ перемѣны".

Статья Пирогова послужила исходною точкой наступившаго затѣмъ педагогическаго движенія не только въ литературѣ и обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ.

Нѣсколько ранѣе ея появленія, 5-го марта 1856 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ, въ которомъ было сказано: „признавая одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ Нашихъ заботъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія Нашей возлюбленной Россіи, Мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Нашимъ наблюденіемъ и попеченіемъ" [1]). Вслѣдствіе этого указа было постановлено представлять непосредственно государю, въ подлинникѣ, журналы только-что возстановленнаго главнаго правленія училищъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся измѣненія внутренняго устройства учебныхъ заведеній и внутренняго ихъ управленія, также по части воспитательной и учебной.

Въ 1856 же году министерство народнаго просвѣщенія приступило къ пересмотру устава гимназій. Высочайшимъ повелѣніемъ 17-го января 1857 года разрѣшено открывать въ столи-

---

[1]) П. Собр. Т. XXXI. 30470.

цахъ частные пансіоны и школы; вообще „отмѣнялась вредная монополія и вводилось благодѣтельное соперничество въ дѣлѣ частнаго воспитанія" [1]). Разрѣшеніе открывать пансіоны и школы давалось всѣмъ русскимъ подданнымъ, но при строгой разборчивости нравственныхъ ихъ качествъ и благонадежности; въ томъ же году оно было распространено и на „благонадежныхъ уроженокъ западныхъ губерній", причемъ разрѣшалось и преподаваніе на польскомъ языкѣ.

Перепечатавъ статью Пирогова въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія", редакція объяснила, что статья эта подходитъ къ задачѣ министерскаго журнала: распространять въ обществѣ здравыя понятія о воспитаніи. „Мы мало вникали,— говоритъ редакція,—въ эти основанія (воспитанія); для насъ существуетъ болѣе обрядъ воспитанія, чѣмъ его внутренній смыслъ съ его глубокимъ значеніемъ и неотразимыми умственными и нравственными слѣдствіями" [2]).

Въ отчетѣ за 1856 годъ министръ писалъ: „со стороны нашихъ юношей надобно, чтобы они сильнѣе и сильнѣе прилѣплялись къ труду мысли, строгому и послѣдовательному, почерпая въ немъ самомъ и въ пользѣ, ожидаемой отъ него отечествомъ, возбужденіе и поощреніе для себя, не удовлетворяясь одною внѣшностью образованности. А нельзя не сознаться, что у насъ вообще слишкомъ довольствовались внѣшнею образованностью, считая, или даже выказывая ее за настоящую".

Вліяніе статьи Пирогова отразилось и на женскомъ образованіи. Пользуясь вызваннымъ ею настроеніемъ общества и правительства, литература стала открыто указывать на несостоятельность господствовавшей до тѣхъ поръ закрытой и сословной системы женскихъ институтовъ; а такъ какъ поставленная Пироговымъ цѣль воспитанія—*быть человѣкомъ*, обусловливала общечеловѣческое образованіе, не пріуроченное ни къ какимъ сословнымъ особенностямъ, то мысль объ устройствѣ открытыхъ и всесословныхъ женскихъ училищъ, высказанная педагогами еще десять лѣтъ назадъ въ проектѣ Мусина-Пушкина, теперь естественно выступала на очередь.

Подъ вліяніемъ всего этого движенія, а также носившихся въ обществѣ слуховъ, будто императрица Марія Александровна не сочувствуетъ системѣ институтскаго воспитанія, помощникъ инспектора классовъ Николаевскаго сиротскаго института, А. А.

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв. 1857 года.

[2]) Журн. мин. нар. просв. 1856 г. Т. 90.

Чумиковъ, представилъ въ концѣ 1856 года императрицѣ записку, въ которой изложилъ недостатки этой системы. Въ числѣ ихъ онъ указалъ на то, что институтами управляютъ начальницы, которыя, „какъ всякая женщина, пользуясь правомъ власти, по свойству самой натуры ея, весьма легко переходитъ границы своего права, дѣлается до крайности властолюбивою и деспотичною"; начальствованіе женщины ставитъ и преподавателей „въ весьма жалкое, несовмѣстное съ званіемъ положеніе, часто даже крайне унизительное, а еще чаще вынуждающее ихъ измѣнять свои педагогическіе принципы въ угоду женскаго своеволія, односторонности или ограниченности взгляда". Рядомъ съ этимъ въ запискѣ были выставлены преимущества открытыхъ заведеній для женщинъ [1]). Такую же записку Чумиковъ представилъ и министру народнаго просвѣщенія, который, черезъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, князя Щербатова, при которомъ Чумиковъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій, поручилъ ему написать проектъ открытыхъ женскихъ училищъ по образцу нѣмецкихъ Töchterschulen. Такія училища, по проекту Чумикова, должны приготовлять дѣвушекъ къ дѣйствительной жизни; они учреждаются и содержатся на частныя и общественныя средства, управляются лицомъ, указаннымъ училищнымъ совѣтомъ черезъ посредство директора губернскихъ училищъ; этому лицу и ввѣряются собранныя на училище суммы; ему присвоивается званіе директора женскаго училища и непосредственное начальствованіе надъ нимъ; директоръ никому не даетъ отчета въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. За оказанное училищу денежное пособіе, училищный совѣтъ, или правительство, имѣетъ право обучать въ училищѣ безплатно извѣстное число бѣдныхъ ученицъ, назначать предметы курса и объемъ преподаванія того или другого предмета. Курсъ ученія шестилѣтній, причемъ первые четыре года преподаются предметы уѣзднаго училища; остальные два года посвящаются на распространеніе и дополненіе пройденнаго, „съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, составляющихъ необходимое условіе полнаго образованія дѣвицы". Въ числѣ такихъ предметовъ Чумиковъ указалъ на необходимыя свѣдѣнія изъ химіи, технологіи, домашняго и сельскаго хозяйства. Иностранные языки, музыка и танцы должны преподаваться за особую плату. При училищахъ могутъ быть пансіоны совершенно независимые отъ директора [2]).

---

[1]) *А. Чумиковъ.* Къ вопросу объ основаніи женскихъ гимназій въ Россіи. („Р. Стар." 1888 г., апрѣль).

[2]) Мысли объ устройствѣ женскихъ училищъ въ губерніяхъ (Журналъ для воспитанія, издаваемый А. Чумиковымъ. 1857 г. Т. I, №№ 3 и 4).

Эти же мысли были высказаны въ отзывѣ князя Щербатова въ 1856 году и повторены имъ, въ бытность его уже попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, въ концѣ 1857 года.

Къ этому времени идея объ открытыхъ, всесословныхъ женскихъ училищахъ перешла въ дѣйствительность. При полученіи весною 1856 года циркулярнаго предложенія попечителя московскаго учебнаго округа объ устройствѣ женскихъ училищъ, костромское губернское начальство, представивъ подробныя свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ каждаго города губерніи, увѣдомило дирекцію училищъ, что доходы всѣхъ городовъ недостаточны въ такой степени, что не могутъ даже быть удовлетворены штаты полицейской и пожарной командъ; но что губенское правленіе опредѣлило: снестись отъ лица губернатора съ уѣздными предводителями дворянства и предписать костромскому полиціймейстеру, городничимъ и головамъ уѣздныхъ городовъ, чтобы они объявили дворянамъ, разночинцамъ, купцамъ и мѣщанамъ о необходимости устроить женскія школы и пригласили ихъ указать мѣстные для того способы, не ссылаясь на городскіе доходы. Директоръ народныхъ училищъ обратился къ губернскому предводителю дворянства съ предложеніемъ допустить извѣстное число вольноприходящихъ учениць въ Романовскій костромской институтъ, когда онъ будетъ открытъ, съ тѣмъ, чтобы вольноприходящія присутствовали на урокахъ подъ надзоромъ особыхъ классныхъ дамъ и отдѣльно отъ воспитанницъ института. Но это предложеніе было отклонено на дворянскомъ собраніи, бывшемъ въ началѣ 1857 г., и состоявшееся тогда постановленіе было подписано 146-ю лицами [1]). Тогда директоръ разослалъ городскимъ жителямъ, штатнымъ смотрителямъ и школьнымъ учителямъ, также при предложеніи губернатора предводителямъ дворянства, городничимъ и городскимъ головамъ, „программу" слѣдующаго содержанія: „Граждане города N! Вы знаете, что въ семейной жизни человѣка хорошій домашній бытъ, христіанское настроеніе и мирное счастье много зависятъ отъ душевныхъ качествъ женщины-хозяйки, отъ ея ума и находчивости. Мужъ съ утра уходитъ на обычный трудъ, чтобы достать средства къ жизни, добыть необходимую копѣйку и часто возвращается домой уже вечеромъ. Въ это время жена, какъ хозяйка, бережливо употребляетъ трудовыя деньги мужа, какъ мать—учитъ дѣтей первымъ нравственнымъ правиламъ жизни; какъ супруга — обдумываетъ, какимъ ласковымъ словомъ ободрить мужа, еслибы тяжелый трудъ утомилъ его и

---

[1]) „Р. Педаг. Вѣстникъ", издаваемый А. Григорьевымъ. 1860 г. Т. II.

провелъ на челѣ морщины неудовольствія. Вотъ какимъ добрымъ ангеломъ является въ семьѣ женщина! Но вы согласитесь, что она не можетъ хорошо выполнить этихъ обязанностей, если не будетъ достаточно къ тому приготовлена образованіемъ, на сознаніи своего назначенія. Слѣдовательно, дѣвочекъ надо учить какъ мальчиковъ. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, желая каждому изъ насъ семейнаго счастія, 5-го марта сего года, изрекъ царственное свое повелѣніе, чтобы въ любезной ему Россіи учредились училища для дѣвицъ не только во всѣхъ городахъ, но и въ селахъ, гдѣ священникъ можетъ быть прекраснымъ учителемъ по самому званію своему. Обдумать внутреннее устройство и курсъ наукъ для каждаго дѣвическаго училища, для каждой школы, возложено на мѣстное училищное начальство; а средства къ помѣщенію и содержанію училища, къ вознагражденію учителей и классныхъ надзирательницъ, должны быть открыты тѣми сословіями, для которыхъ училища будутъ полезны, потому что каждая казенная копѣйка имѣетъ уже свое назначеніе и не можетъ идти на этотъ предметъ.

„Граждане города N! Если для васъ, какъ для всякаго русскаго, священны каждое слово и желаніе Государя, если вы, какъ и всѣ благомыслящіе, сознаете необходимость учрежденія дѣвичьихъ училищъ; если вы, какъ православные сыны Церкви, вѣруете, что устами Помазанника Своего сказуетъ волю Свою самъ Богъ, то какъ не исполнить волю Божью и Государеву? какъ не найти средства для совершенія столь полезнаго всѣмъ дѣла?

„Средства могутъ быть различныя, напримѣръ: 1) ежегодное пожертвованіе извѣстной, небольшой, суммы. Еслибы каждый отецъ и мать семейства поставили себѣ за правило одинъ разъ въ годъ, положимъ въ день своего рожденія, вмѣстѣ со свѣчкою передъ иконою, вносить опредѣленную лепту на воспитаніе дѣвицъ, напримѣръ, $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_{10}$, $^1/_{20}$ долю рубля, смотря по достатку, то въ общей сложности по губерніи можетъ составиться капиталъ, которому правительство съумѣетъ дать направленіе, сообразное его назначенію. 2) Можно сдѣлать постановленіе, чтобы при совершеніи брачныхъ союзовъ женихъ и невѣста вносили на воспитаніе дѣтей опредѣленную по сословіямъ сумму, на которую и получали бы отъ церковнаго старосты своего прихода билетъ. Эту жертву иному придется сдѣлать разъ въ цѣлую жизнь, и въ какую торжественную минуту! 3) Подобнымъ образомъ справедливо было бы согласиться и на такое учрежденіе, чтобы при крещеніи каждаго новорожденнаго младенца пла-

тить на воспитаніе его небольшую сумму, которую также нужно распредѣлить по сословіямъ. Эта жертва въ семействѣ повторяется не часто, а притомъ радость родителей о рожденіи младенца должна удвоиться при мысли, что и будущее воспитаніе его становится обезпеченнымъ.

„Вотъ три весьма легкіе способа исполнить благословенную мысль Отца-Государя. Всѣ они могутъ быть устроены по приходскимъ церквамъ, откуда суммы и препровождаются по назначенію. Всѣ три способа однако должны быть нераздѣльны, потому что случаи, на коихъ основаны два послѣдніе — рѣдки и, слѣдовательно, не могутъ удовлетворить цѣли своего назначенія"...

Въ заключеніе „программа" предлагаетъ постановить на общемъ совѣтѣ гражданъ, чтобы при крестинахъ крестьянскихъ дѣтей взносъ былъ не менѣе 2 копѣекъ, ремесленниковъ — не менѣе 5-ти, мѣщанъ — 10, купцовъ третьей гильдіи — 20, второй — 40, первой — 80 копѣекъ; эти цифры утроить для жениха при бракосочетаніяхъ, а для невѣсты удвоить [1]).

Въ мартѣ 1857 года, состоялись приговоры буйской и макарьевской городскихъ думъ. Первая постановила обложить опредѣленнымъ взносомъ въ пользу женскихъ училищъ лицъ, отправляющихся на промыслы при полученіи ими паспортовъ и билетовъ, а относительно другихъ жителей—предложить на общественномъ сходѣ. Купеческія и мѣщанскія общества Макарьева обязались вносить ежегодно, при объявленіи купеческихъ капиталовъ и при взносѣ податей: купцы 3-ей гильдіи по рублю съ семейства, мѣщане по 30 копѣекъ; при совершеніи браковъ купцовъ 3-ей гильдіи по 1 р. 50 коп. съ жениха, по 1 рублю съ невѣсты; съ мѣщанъ по 60 коп. съ жениха, по 40 коп. съ невѣсты; при крестинахъ, купцы 3-ей гильдіи должны были вносить по 50 копѣекъ, мѣщане по 10-ти. Кромѣ того, было предоставлено думѣ просить отъ лица всего общества живущихъ въ Макарьевѣ купцовъ 1-ой гильдіи, Кокорева и Пустовалова, принять участіе въ учрежденіи дѣвичьяго училища „предоставляя мѣру пожертвованія ихъ произволу" [2]).

Жители Галича, Солигалича и Варнавина отвѣтили, что у нихъ нѣтъ способовъ, указанныхъ въ программѣ.

Въ іюнѣ 1857 года, въ Костромѣ происходилъ дворянскій съѣздъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на немъ дворянъ былъ по-

---

[1]) Журналъ для Воспитанія. Руководство для родителей и преподавателей, издаваемое Александромъ Чумиковымъ. Спб. Т. I. 1857. № 10.

[2]) Донесеніе макарьевскаго приходскаго учителя, 3 марта 1857 г. (Журн. для Восп. № 10).

четный попечитель костромской гимназіи (избиравшійся дворянствомъ), подпоручикъ артиллеріи Александръ Николаевичъ Григоровъ, которому тутъ же, по его словамъ, пришла мысль самому, на свой счетъ, устроить въ Костромѣ женское училище для приходящихъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ въ наслѣдство золотые пріиски. „Тогда,—объяснялъ онъ впослѣдствіи—покойная жена моя и я поспѣшили устроить женскую гимназію" [1]).

О своемъ намѣреніи Григоровъ заявилъ директору народныхъ училищъ, сказавъ, что жертвуетъ училищу купленный имъ за 30.000 рублей домъ и обязуется давать ежегодно по 2.000 р. на плату учителямъ до тѣхъ поръ, пока будетъ состоять попечителемъ гимназіи [2]).

По представленному Григоровымъ проекту, женское училище назначалось для дѣвицъ всѣхъ свободныхъ состояній, безъ опредѣленія комплекта ученицъ. По словамъ знавшихъ Григорова, кромѣ этого училища, онъ намѣревался открыть особое, приходское, для дѣтей мѣщанскаго и другихъ низшихъ сословій, „имѣющихъ въ будущности болѣе скромное назначеніе" [3]).

По соглашенію съ Григоровымъ, директоръ училищъ составилъ проектъ Положенія „губернскаго училища дѣвицъ въ г. Костромѣ, приближеннаго по курсу наукъ къ гимназіи". Въ шестилѣтній курсъ ученія (по году въ каждомъ классѣ) входили слѣдующіе предметы: Законъ Божій (12 уроковъ въ недѣлю во всѣхъ шести классахъ), русскій языкъ и основанія славянскаго (18 уроковъ), географія и свѣдѣнія изъ законовъ (12 уроковъ), языки французскій и нѣмецкій (по 15 уроковъ), англійскій для желающихъ, за особую плату, статистика, исторія всемірная и русская (16 уроковъ), ариѳметика (10 уроковъ), геометрія (4 урока), физика (4 урока), естественная исторія (6 уроковъ), чистописаніе (3 урока), рисованіе (5 уроковъ), рукодѣлія и домашнее хозяйство (15 уроковъ), музыка, пѣніе и танцы за особую плату. Всего въ недѣлю 144 урока въ шести классахъ.

При поступленіи въ училище дѣвицы, не моложе 9—10-ти лѣтъ, должны были умѣть читать и писать по-русски, знать необходимыя молитвы и таблицу умноженія. Выдержавшія испытаніе по программѣ низшихъ классовъ могли поступать прямо въ высшій, до 4-го включительно. Плата за ученіе въ трехъ

---

[1]) Представленіе попечителя московскаго учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія (Арх. мин. нар. просв. 1873 г.).

[2]) Донесеніе управляющаго моск. учебн. округомъ управляющему министерствомъ нар. просв. 1857 г.

[3]) Моск. Вѣд. 1857 г. № 132.

низшихъ классахъ полагалась по 20 рублей въ годъ, въ трехъ высшихъ—по 30. Никто не освобождался отъ платы за ученіе, но еслибы въ одно и то же время поступили три сестры, то плата взималась только за двухъ. За 12 ученицъ, дочерей „бѣднѣйшихъ чиновниковъ“, Григоровъ обязался платить самъ. Для иногороднихъ—къ училищу присоединялся находившійся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія частный пансіонъ вдовы генералъ-маіора Шкотъ (бывшей воспитанницы Смольнаго, выпуска 1814 года), которая назначалась начальницею училища, а бывшія воспитанницы пансіона могли оставаться „комнатными“ ея пансіонерками съ платою по 100 рублей въ годъ, включая сюда и ученіе. Кромѣ того, въ видахъ обезпеченія помѣщенія дочерей не живущихъ въ городѣ родителей, каждой классной дамѣ предоставлялось право имѣть воспитанницъ, по соглашенію съ родителями.

Преподавателями должны были быть учителя гимназій и уѣзднаго училища, также классныя дамы, обязанности которыхъ приняли на себя безвозмездно г-жа Шкотъ и ея племянница, бывшая ея помощница по пансіону. По § 10 проекта Положенія, плата класснымъ дамамъ за уроки, которые имъ предоставлялись только въ случаѣ недостатка въ преподавателяхъ, должна была составлять лишь $^3/_4$ положенной за тѣ же уроки учителю.

Представляя этотъ проектъ управляющему московскимъ учебнымъ округомъ, директоръ училищъ писалъ: „Черезъ три или четыре года училище можетъ быть упрочено постройкой дома для Романовскаго института, съ которымъ его легко соединить какъ гимназію съ пансіономъ. Между тѣмъ дворянство и другіе жители губерніи на опытѣ увидятъ выгоды заведенія, гдѣ за 20—30 рублей въ годъ можно дать дочери желаемое образованіе, не удаляя ее изъ семейнаго круга“ [1]).

Штатъ училища былъ составленъ въ суммѣ 8.890 р., изъ которыхъ на учебную часть назначалось 5.960 р. Оно во всѣхъ отношеніяхъ должно было состоять подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ дирекціи костромскихъ училищъ.

Министерство приняло предложеніе Григорова „съ благодарностью“, но нѣсколько измѣнило его програму: оно исключило изъ нея преподаваніе „свѣдѣній изъ законовъ“ и статистику, и прибавило, что всемірная исторія должна преподаваться „кратко“.

Это, первое въ Россіи, всесословное женское училище для

---

¹) Представленіе управляющаго моск. уч. округомъ г. управляющему министерствомъ нар. пр. 1857 (Арх. мин. нар. пр.).

приходящихъ, было открыто 26-го августа 1857 года. На торжествѣ открытія присутствовали: епископъ, губернаторъ, бригадный генералъ, вице-губернаторъ, предсѣдатели губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и другіе военные и гражданскіе чины, также родители и посторонніе лица. Архіерейскіе пѣвчіе пѣли „Боже Царя храни", директоръ гимназіи и Григоровъ произнесли рѣчи, послѣ которыхъ присутствовавшимъ былъ предложенъ завтракъ, а дѣтямъ розданы конфекты [1]). Сразу поступило 50 учениць, преимущественно дочерей дворянъ и чиновниковъ.

Дворянство костромской губерніи дало въ честь Григорова, 17-го октября 1857 года, торжественный обѣдъ, на которомъ выразило ему, черезъ губернскаго предводителя, чувства признательности за его добрыя дѣла.

Григоровъ немедленно приступилъ къ перестройкѣ подареннаго имъ училищу дома, преобразивъ его въ роскошное зданіе, обошедшееся ему болѣе, чѣмъ въ 150.000 рублей [2]). Тогда же онъ высказалъ намѣреніе „приписать къ училищу тысячу душъ, чтобы оно существовало вѣки вѣчные, носило мое имя и было отъ меня вполнѣ обезпечено" [3]). Это онъ и исполнилъ въ слѣдующемъ же году, въ день открытія комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, подаривъ училищу тысячу десятинъ земли съ 240 крестьянскими душами [4]).

Достойно замѣчанія, что огромная заслуга Григорова, основавшаго въ г. Костромѣ на свои средства *первое* въ Россіи открытое женское училище, притомъ въ такое время, когда это дѣло по своей новизнѣ не встрѣчало въ обществѣ ни сочувствія, ни поддержки, и прошло почти незамѣченнымъ не только обществомъ, но и правительствомъ. Послѣднее тѣмъ болѣе странно, что въ первые годы учрежденія женскихъ училищъ новаго типа правительство всячески поощряло мелкія даже на нихъ пожертвованія, о которыхъ доводило до свѣдѣнія государя и испрашивало жертвователямъ Высочайшую благодарность. О крупномъ же пожертвованіи Григорова, повидимому, не было даже доведено, какъ бы слѣдовало, до свѣдѣнія государя и императрицы, ибо когда, при ихъ посѣщеніи въ 1858 году костромскаго училища, въ которомъ было тогда уже 117 учениць, императрицѣ было доложено, что одна изъ нихъ скажетъ рѣчь съ выраженіемъ благодарности ей, а также Григорову, императрица потомъ, уѣзжая, сказала: „ста-

---

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1857 г. Т. 95.

[2]) Отчетъ т. сов. Могилянскаго, 6-го авг. 1864 г. (Арх. мин. нар. просв.).

[3]) „Моск. Вѣд." 1857 г. № 132.

[4]) Донесеніе начальника костромской губ. министру, 16-го авг. 1858 г.

райтесь, чтобы побольше было приходящихъ дѣвицъ и чтобы въ заведеніи во всемъ была простота" [1]).

Только въ 1864 году, когда дѣла Григорова разстроились, онъ, подаривъ училищу огромный домъ, въ которомъ сдѣлалъ еще въ 1860 году на свой счетъ новыя пристройки для помѣщенія въ нихъ отдѣленія предположеннаго дворянствомъ Романовскаго института и обязавшись и впредь выплачивать училищу по 2.000 рублей въ годъ, согласился отказаться отъ завѣдыванія имъ. Тогда, по ходатайству костромского директора училищъ, поддержанному предводителемъ дворянства, Григорову былъ данъ орденъ Анны 2-й степени, разрѣшено назвать училище Григоровскимъ, а ему самому предоставлено пожизненное право быть непремѣннымъ членомъ попечительнаго совѣта училища, переименованнаго тогда въ гимназію, и позволено жить въ свободной части училищнаго зданія.

Равнодушіе общества къ дѣлу Григорова можно отчасти объяснить тѣмъ, что хотя какъ только Высочайшее повелѣніе 5-го марта 1856 года стало извѣстно публикѣ, о немъ заговорили въ журналахъ и газетахъ, а въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появилась и корреспонденція изъ Костромы объ основанномъ Григоровымъ училищѣ, — но ни это извѣстіе, ни даже Высочайшее повелѣніе 5-го марта не произвели того дѣйствія, какого можно было бы ожидать, еслибы они появились въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Въ 1857 году уже знали о желаніи государя освободить крестьянъ, объ учрежденіи секретнаго комитета для обсужденія реформы крестьянскаго дѣла и о разрѣшеніи (въ ноябрѣ 1857 года) литовскому дворянству образовать губернскій комитетъ для составленія проекта „объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ". Поэтому главное вниманіе общества было обращено на ходъ этой, величайшей изъ всѣхъ, реформъ,—этимъ отчасти и объясняется его равнодушное отношеніе къ реформѣ женскаго воспитанія и образованія.

Кромѣ Григорова, пожертвованіе женскому училищу было сдѣлано еще попечителемъ рязанской гимназіи, т. с. Рюминымъ, по иниціативѣ котораго въ 1856 году было приступлено къ преобразованію существовавшаго въ Рязани Барыковскаго женскаго училища въ трехклассное съ шестигодичнымъ курсомъ. Ему Рюминъ подарилъ каменный домъ, обязался вносить на содержаніе училища по 3.000 рублей въ годъ въ теченіе шести

[1]) Донесеніе начальника костр. губ. мин. нар. просв. 16-го авг. 1858 г.

лѣтъ, и кромѣ того на содержаніе извѣстнаго числа воспитанницъ—по 250 рублей въ годъ.

Но въ концѣ 1857 года движеніе въ пользу устройства открытыхъ всесословныхъ женскихъ училищъ получило сильную поддержку въ столицѣ. Инспекторъ классовъ павловскаго института, профессоръ Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій, только-что передъ тѣмъ вернувшійся изъ командировки, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, за границу, съ цѣлью ознакомленія съ педагогическими учрежденіями Германіи, Франціи и Швейцаріи, вошелъ въ совѣтъ института съ ходатайствомъ объ открытіи при институтѣ особыхъ классовъ для приходящихъ учениць, съ курсомъ Павловскаго института, отличавшагося по устройству отъ другихъ институтовъ тѣмъ, что съ 1850 года въ немъ было семь годичныхъ классовъ, а также преподавалась педагогика. Для классовъ приходящихъ Вышнеградскій предлагалъ нанять особую квартиру въ смежномъ съ институтомъ домѣ. Онъ бралъ на себя руководительство этими классами безъ всякаго за то вознагражденія, а учителя института соглашались преподавать въ классахъ за такую плату, какая имъ будетъ назначена, какъ бы мала она ни была. По проекту Вышнеградскаго, приходящія должны были платить по 36 рублей въ годъ за ученіе; имѣя въ виду, что въ пансіонахъ плата значительно выше, Вышнеградскій не сомнѣвался, что учениць будетъ много, и сборъ за ученіе покроетъ всѣ расходы по классамъ. Онъ просилъ лишь отпустить единовременно, на наемъ квартиры и снабженіе классовъ учебными пособіями, 1.500 рублей [1]). Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній не нашелъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство, но онъ поручилъ Вышнеградскому составить проектъ самостоятельнаго женскаго всесословнаго открытаго училища.

Такимъ образомъ, одновременно въ двухъ вѣдомствахъ обсуждались проекты устройства женскихъ училищъ новаго типа.

Между тѣмъ, въ разныхъ городахъ стали приниматься мѣры къ учрежденію такихъ училищъ. Въ Полтавѣ, въ концѣ 1857 года, былъ сдѣланъ починъ устроить женское училище исключительно общественными силами. Учителя полтавской мужской гимназіи, кадетскаго корпуса и уѣзднаго училища предложили преподавать въ женскомъ училищѣ даромъ въ теченіе первыхъ шести лѣтъ. Нѣсколько дамъ изъ полтавскаго общества заявили желаніе

[1]) 25-тилѣтіе спб. ж. гимн. вѣдомства учр. имп. Маріи, 19-го апр. 1858—1883. (Краткая историческая записка, Спб. 1883 г.).

исполнять безвозмездно обязанности классныхъ дамъ въ новомъ училищѣ. Для первоначальнаго его обзаведенія обратились къ дворянству губерніи и къ купечеству.

Городской голова обѣщалъ содѣйствіе купечества, а дворянство отказало въ немъ. Сообщая это извѣстіе, полтавскій корреспондентъ прибавляетъ, характеризующее тогдашній взглядъ русскаго общества на устройство женскихъ училищъ, замѣчаніе: „впрочемъ,—говоритъ онъ,—справедливость требуетъ замѣтить, что оба сословія не нашли ничего особенно дурного, какъ въ самомъ учрежденіи, такъ и въ добровольныхъ услугахъ ихъ дѣтямъ, со стороны жертвователей перваго рода. Затѣмъ послѣдовали замѣчанія со стороны бюрократіи, вліятельной среды купечества и въ то же время безсемейной, замѣчанія, состоявшія въ удивленіи, въ сомнѣніяхъ на счетъ поданныхъ купечествомъ надеждъ, въ трудности исполненія и т. д. и т. д.“ [1]).

21-го января 1858 года начальникъ главнаго штаба Я. Ростовцевъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія полученное имъ отъ полтавскаго губернатора увѣдомленіе объ изъявленной нѣкоторыми преподавателями полтавскаго кадетскаго корпуса готовности содѣйствовать устройству въ Полтавѣ женскаго училища, безплатнымъ въ немъ преподаваніемъ; 11-го апрѣля попечитель учебнаго округа сообщилъ министру, что то же желаніе заявили директору училищъ и учителя полтавской гимназіи, а полтавскій губернаторъ вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о разрѣшеніи напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ объявленіе для вызова желающихъ принять участіе въ дѣлѣ. При этомъ былъ представленъ списокъ лицъ, изъявившихъ желаніе жертвовать училищу своимъ трудомъ. Между ними былъ камергеръ, почетный членъ полтавскаго института, Бѣлуха-Кохановскій, 54 преподавателя (даже по урокамъ домоводства и сельскаго хозяйства), 19 дамъ общества, бухгалтеръ и письмоводитель полтавской дирекціи училищъ. Даже инспекторъ классовъ института предложилъ свои услуги женскому училищу. Въ пользу послѣдняго была устроена лотерея, для которой учителя жертвовали кто чѣмъ могъ: вещами, книгами, картинами [2]). Всего было собрано 1.000 рублей единовременно и обѣщано ежегодныхъ 400 рублей. Учредители составили проектъ устава и программу курса, въ которой было включено преподаваніе гигіены и педагогики въ старшихъ классахъ, также понятія объ отечествен-

[1]) *Ласточка.* Журналъ для дамъ и дѣвицъ. Спб. 1859 г., іюль.

[2]) *И. К. Зайцевъ.* Воспоминанія стараго учителя. 1805—1887. („Р. Стар.“ 1887 г., іюнь).

ныхъ законахъ и домоводство. Участіе въ педагогическомъ совѣтѣ училища предоставлялось и лицамъ женскаго пола, награды и наказанія совсѣмъ устранялись. Плата за ученіе во всѣхъ классахъ, кромѣ приготовительнаго или „класса грамотности", гдѣ обучали даромъ, была назначена 10 рублей въ годъ.

Особенности устава и программы полтавскаго училища повлекли за собою продолжительную переписку съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и замедлили открытіе училища, которое состоялось только въ августѣ 1860 года. Въ первые же два дня поступило 177 ученицъ, большей частью (107) дочерей дворянъ и чиновниковъ, но было 7 крестьянскаго сословія, остальныя— купцовъ и мѣщанъ.

Въ Вологдѣ, еще въ 1856 году, тотчасъ по полученіи увѣдомленія князя Щербатова о Высочайшемъ повелѣніи 5-го марта, городская дума отвѣтила на предложеніе вологодскаго губернатора принять участіе въ устройствѣ женскихъ училищъ, что она дѣлу сочувствуетъ, но не имѣя данныхъ ни о числѣ училищъ, ни объ объемѣ преподаванія въ нихъ, опредѣлила вносить на ихъ устройство и содержаніе по 1.250 рублей въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1857 года. Когда министромъ внутреннихъ дѣлъ эта сумма была найдена недостаточною, вологодскій губернаторъ предложилъ дѣло на обсужденіе дворянства, которое сначала выразило желаніе имѣть въ Вологдѣ дворянскій институтъ для воспитанія дворянскихъ дочерей, но потомъ согласилось открыть въ своей средѣ подписку на женское училище [1]).

Въ запискѣ министра народнаго просвѣщенія, представленной государю 7-го декабря 1857 года, было сказано, что дѣло устройства женскихъ училищъ встрѣтило въ населеніи живое сочувствіе; что хотя у всѣхъ „затруднительное денежное положеніе, но на основаніи этого сочувствія можно сказать, что оно создастъ средства, хотя не обильныя, но дающія возможность приступить къ дѣлу". Перечисляя имѣющіяся уже на устройство женскихъ училищъ средства, въ запискѣ упоминается: о поступившемъ въ министерство народнаго просвѣщенія (30 го мая 1858 г.) отъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіи, что въ случаѣ если въ Вологдѣ будетъ учреждено открытое женское училище, то мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія будетъ отпускать ему по тысячѣ рублей ежегодно въ теченіе десяти лѣтъ;

[1]) Женскія училища вѣд. мин. нар. просв. въ губерніяхъ спб. уч. округа. Составлено по порученію начальства спб. уч. округа окружнымъ инспекторомъ округа П. Максимовичемъ по оффиціальнымъ отчетамъ объ этихъ училищахъ. 1865 г. (Арх. мин. нар. пр.).

что смоленское дворянство постановило взимать по числу душъ, по 1/2 копѣйки съ души, для капитала, собираемаго по подпискѣ на устройство въ Смоленскѣ благороднаго для дѣвицъ пансіона, что въ Самарѣ, по добровольной подпискѣ частныхъ лицъ и городского общества, получено 5.000 рублей на женское училище и, кромѣ того, имѣется еще 7.292 рубля, собранныхъ въ теченіе шести лѣтъ на устройство въ Самарѣ дѣтскаго пріюта; признавая устройство дѣтскаго пріюта ненужнымъ, губернаторъ предлагалъ и эту сумму обратить на женское училище, передавъ ему и пожертвованный пріюту купцомъ Щеткинымъ обгорѣлый каменный домъ [1]); что наказный атаманъ войска донского представилъ военному министру проектъ учрежденія женскаго училища въ Новочеркасскѣ; что нижегородскій губернаторъ увѣдомилъ министра о томъ, что отпускавшіеся мѣстнымъ приказомъ общественнаго призрѣнія казанскому институту на воспитаніе дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ губерніи, 2.071 рубль 43 коп. обращены на женское училище въ Нижнемъ-Новгородѣ; что въ Костромѣ открыто женское училище на собственныя средства Григорова; что въ Тотьмѣ собрано 597 рублей, на проценты съ которыхъ, съ присоединеніемъ обѣщанныхъ городскимъ обществомъ и двумя купцами 180 рублей ежегодно, предположено открыть двухклассное женское училище. „Министерство,—говорилось въ запискѣ,—имѣя въ виду съ одной стороны—скудость средствъ, а съ другой—общую потребность и желаніе осуществить благодѣтельную мѣру, слѣдуетъ убѣжденію, что создавъ что̀ можно, при самыхъ умѣренныхъ способахъ, оно сдѣлаетъ твердый и вѣрный шагъ къ дальнѣйшему постепенному усовершенствованію возникающаго рода заведеній для воспитанія дѣтей женскаго пола. Въ этихъ видахъ оно дѣйствуетъ домашнимъ, такъ сказать, образомъ, тѣми способами, которые у него подъ рукою; напримѣръ, учителя гимназій и училищъ, поощряемые начальствомъ, изъявляютъ готовность преподавать въ женскихъ училищахъ или даромъ, или за малую плату“ [2]).

Въ отчетѣ за 1857 годъ министръ говорилъ, что за весь годъ открыто только одно училище (въ Костромѣ), но и оно обязано своимъ существованіемъ пожертвованію частнаго лица, и что „всѣ обстоятельства дѣла устройства женскихъ училищъ подлежатъ обсужденію главнаго правленія училищъ“ [3]). Но еще въ декабрѣ

---

[1]) Представленіе самарскаго губернатора въ комитетъ гл. попеч. дѣтскихъ пріютовъ 23-го марта 1857 г. О преобразованіи дѣтскихъ пріютовъ въ женскія училища ходатайствовали и другіе начальники губерній.

[2]) Арх. мин. нар. просв.

[3]) Журн. мин. нар. просв. 1858 г. Т. 98.

1857 года статсъ-секретарь баронъ М. Корфъ возвратилъ министру народнаго просвѣщенія его записку о женскихъ училищахъ, увѣдомивъ, что „дѣло еще не зрѣло для разсмотрѣнія въ главномъ правленіи, ибо объ учрежденіи ихъ едва можно помышлять прежде, чѣмъ будутъ въ виду положительные способы для ихъ содержанія, а о нихъ нѣтъ еще отзывовъ стасъ-секретаря Блудова и министра внутреннихъ дѣлъ".

19-го февраля 1858 года, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій представилъ государю и императрицѣ составленный Вышнеградскимъ проектъ отдѣльнаго женскаго всесословнаго училища для приходящихъ, переданный, по Высочайшей волѣ, на предварительное обсужденіе главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Совѣтъ призналъ, что „въ настоящее время для Россіи настаетъ необходимость, въ видахъ распространенія женскаго образованія, имѣть и такія учебныя заведенія, гдѣ дочери недостаточныхъ родителей, не отлучаясь на продолжительное время отъ семейства, могли бы получать основательное и къ ихъ назначенію приноровленное образованіе" [1]). По Высочайшемъ утвержденіи проекта, главный совѣтъ постановилъ устроить открытое женское училище въ Петербургѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: оно состоитъ подъ покровительствомъ императрицы Маріи Александровны, называется „Маріинскимъ", находится въ вѣдѣніи главнаго совѣта; ближайшее управленіе имъ поручается особому попечителю по назначенію государя, а для непосредственнаго наблюденія за обученіемъ назначаются начальникъ и главная надзирательница, утверждаемые императрицею. Училище учреждается для дѣтей всѣхъ свободныхъ состояній, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ; но съ разрѣшенія попечителя могутъ поступать и моложе девяти, и старше тринадцати лѣтъ, если онѣ подготовлены къ слушанію курса въ соотвѣтствующемъ ихъ возрасту высшемъ курсѣ. Комплектъ опредѣлялся въ 250 ученицъ, но если помѣщеніе позволитъ и найдутся средства для открытія параллельныхъ классовъ, то можно принимать и большее число ученицъ. Курсъ ученія семилѣтній, съ 7-ю годичными классами. Предметы ученія обязательные: Законъ Божій, русскій языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, ариѳметика, пѣніе, чистописаніе, рисованіе и рукодѣлія; необязательные: французскій и нѣмецкій языки, музыка и танцы. По окончаніи курса обучавшимся всѣмъ предметамъ, какъ обязательнымъ, такъ и необязательнымъ, предоставляются права, которыми пользуются воспитанницы институтовъ, т.-е. на званіе

---

[1]) Журн. гл. совѣта 13-го марта 1858 г.

домашней учительницы; отличившіяся благонравіемъ и успѣхами награждаются медалями и книгами на общихъ правилахъ, изложенныхъ въ уставѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Годовая плата за обученіе обязательнымъ предметамъ назначается въ 25 рублей съ ученицы; за обученіе иностраннымъ языкамъ, также танцамъ — по 5 рублей за предметъ, а за обученіе музыкѣ по 1 рублю каждый урокъ. Содержаніе училища было опредѣлено въ 11.500 р. въ годъ. Для покрытія этого расхода предполагалось 8.700 руб. платы съ ученицъ и 3.000 рублей, которые должны были отпускаться ежегодно изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній. Начальнику училища было положено всего 500 рублей въ годъ жалованья; но чтобы „побудить его стараться о привлеченіи возможно бо́льшаго числа учащихся и черезъ то усилить способы благосостоянія заведенія“, ему было предоставлено право получать по 4 рубля съ каждой ученицы изъ остатка отъ годовыхъ расходовъ училища [1]).

Эти основанія главный совѣтъ полагалъ принять въ видѣ опыта на три года съ тѣмъ, чтобы по минованіи этого срока былъ составленъ полный уставъ училища. Вмѣстѣ съ представленіемъ государю проекта главный совѣтъ просилъ разрѣшенія выдать на первоначальное устройство училища 2.000 рублей единовременно, кромѣ полагавшихся къ ежегодному отпуску 3.000 рублей, а также назначить начальникомъ училища „извѣстнаго познаніями по части педагогики, инспектора классовъ Павловскаго института, Н. А. Вышнеградскаго, который составлялъ первоначальный проектъ объ учрежденіи училища“ [2]).

15-го марта 1858 года, государь утвердилъ это представленіе главнаго совѣта, а 22-го состоялся именной указъ совѣту объ устройствѣ Маріинскаго женскаго училища, попечителемъ котораго Высочайше повелѣно быть принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

Такая быстрота, съ которою была принята въ правительственныхъ сферахъ и осуществилась въ столицѣ идея, еще такъ недавно казавшаяся неосуществимою — всесословной, открытой женской школы, составляетъ огромную заслугу передъ русскимъ обществомъ покойнаго Н. А. Вышнеградскаго, который, по свидѣтельству очевидцевъ и ближайшихъ его сотрудниковъ по устройству Маріинскаго училища, обладалъ замѣчательно свѣтлымъ умомъ, педагогическимъ талантомъ, умѣлъ увлекать своихъ слушателей, привязывать къ себѣ дѣтей и владѣлъ даромъ органи-

---

[1]) Пятидесятилѣтіе IV. отд. Соб. Е. И. В. канцеляріи. 1828—1878 г., стр. 243.
[2]) Пятидесятилѣтіе, стр. 245.

затора дѣла. Своимъ умѣньемъ убѣждать людей, онъ склонилъ на сторону своей идеи принца Ольденбургскаго, горячо поддерживавшаго мысль Н. А. Вышнеградскаго [1]). Благодаря этимъ даннымъ, а также „житейскому опыту, ораторскому краснорѣчію, педагогическому такту, организаторскому таланту, Н. А. Вышнеградскій завоевалъ въ высшихъ сферахъ расположеніе къ совершенно новому въ Россіи типу женскихъ учебныхъ заведеній" [2]). Но этимъ не исчерпывались трудности дѣла. Хотя очень многіе родители, не имѣвшіе возможности помѣстить своихъ дочерей въ институты и дорогіе модные пансіоны, или не желавшіе разставаться съ дѣтьми, страдали отъ отсутствія такихъ заведеній, въ которыхъ ихъ дочери могли бы получить сколько-нибудь основательное образованіе, не покидая семьи; но для большинства ихъ идея всесословной школы не была симпатична; ее надо было растолковать, съ нею помирить, а для этого нуженъ былъ человѣкъ, обладавшій всѣми нужными въ такомъ дѣлѣ качествами, и кромѣ того, энергичный, горячо и безкорыстно преданный дѣлу, готовый отдать ему всѣ свои силы, все свое время. Такимъ именно былъ Н. А. Вышнеградскій.

Еще задолго до Высочайшаго соизволенія на учрежденіе Маріинскаго женскаго училища, Н. А. Вышнеградскій началъ подготовлять общество и родителей къ новому типу женскихъ учебныхъ заведеній. Въ издававшемся имъ въ 1857 году журналѣ „Русскій Педагогическій Вѣстникъ", онъ, печатая статьи о воспитаніи вообще, приглашалъ желающихъ сообщать редакціи свои мнѣнія о недостаткахъ и потребностяхъ его въ разныхъ мѣстахъ. А такъ какъ въ журналѣ много говорилось и о женскомъ воспитаніи и образованіи, то, вызывая отвѣты и на этотъ вопросъ, Вышнеградскій какъ-будто хотѣлъ имѣть доказательства того, что общество чувствуетъ потребность въ такихъ заведеніяхъ, какъ женскія гимназіи. И дѣйствительно, въ „Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ" за 1857 годъ было помѣщено много корреспонденцій изъ разныхъ концовъ Россіи о женскомъ воспитаніи и образованіи въ данной мѣстности, при чемъ предлагались цѣлые проекты и программы открытыхъ женскихъ училищъ. Эти проекты и программы, каковы бы они ни были, редакція охотно помѣщала на страницахъ журнала.

Е. І. Лихачева.

---

[1]) *В. Я. Стоюнинъ*. Образованіе русской женщины (По поводу 25-ти-лѣтія р. ж. гимназій. „Историч. Вѣст.", апр. 1883 г.).

[2]) *Д. Д. Семеновъ*. Изъ пережитаго. Въ Маріинской женской гимназіи. Посвящается памяти Н. А. Вышнеградскаго. („Р. Школа". 1892 г., мартъ).

СТИХОТВОРЕНІЕ

*
* *

Сидючи дома, я въ окна взгляну ли,—
Вижу: декабрь перемѣну принесъ;
Съ дня Спиридона уже повернули
Солнце на лѣто, зима на морозъ.

Долго ждать солнцу намѣченной встрѣчи;
Времени много пройдетъ до тѣхъ поръ...
Пышутъ тепломъ изразцовыя печи;
Съ оконъ не сходитъ морозный узоръ.

Солнце, межъ тѣмъ, повернуло на лѣто,
Къ днямъ пробужденья лѣсовъ и полей.
Чижикъ нашъ, въ клѣткѣ почуявши это,
Пробуетъ пѣть и глядитъ веселѣй.

Пусть свирѣпѣютъ морозы, метели!
Солнцу—причинѣ благой бытія—
Мы уже съ радости пѣсни запѣли
Оба—затворники, чижикъ и я.

Алексѣй Жемчужниковъ.

5 января, 1897.
Тамбовъ.

Н. С. ТИХОНРАВОВЪ

и

ЕГО НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Окончаніе.

II *).

Другую сторону научныхъ трудовъ Тихонравова составляла его дѣятельность профессорская. Она шла рядомъ съ его литературными трудами и нерѣдко совпадала съ ними не только въ общей постановкѣ предмета, что̀ естественно, но и въ частности: содержаніе его печатныхъ работъ повторялось на лекціяхъ или первыя бывали почти воспроизведеніемъ послѣднихъ; Тихонравовъ, какъ говорятъ его ученики, обыкновенно сполна писалъ свои лекціи.

Своихъ курсовъ онъ, однако, не печаталъ, вѣроятно, потому, что предполагалъ впослѣдствіи болѣе полную ихъ обработку. Слушатели Тихонравова, собравшіе о немъ свои воспоминанія, какъ-будто съ нѣкоторымъ недовольствомъ отмѣчаютъ отзывы некрологовъ, что онъ не оставилъ ни одной широкой цѣльной работы, не оставилъ печатныхъ трудовъ общаго характера и т. п.; жалуются даже на неясность и будто бы замалчиваніе въ отзывахъ о дѣятельности Тихонравова [1]), — но здѣсь же рядомъ совершенно просто объясняется причина, почему некрологи могли не сказать

*) См. выше: февраль, стр. 721.

[1]) Памяти Тихонравова, стр. 67—68.

объ его университетскихъ курсахъ: „лекціи Тихонравова, совмѣщающія въ себѣ результаты научныхъ изысканій его собственныхъ и чужихъ и обнимающія широкіе отдѣлы исторіи русской литературы, остались при его жизни не напечатанными и лежатъ доселѣ въ разрозненныхъ тетрадяхъ“. Правда, здѣсь упоминается, что еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ лекціи Тихонравова проникали въ Казанскую духовную академію, и что „только, благодаря вліянію этихъ лекцій, сложились и выдвинулись такіе научные дѣятели, какъ проф. Порфирьевъ, Щаповъ и др.“ [1]),—но вообще лекціи Тихонравова были очень мало извѣстны внѣ круга его слушателей, и намъ привелось познакомиться съ ними лишь въ послѣдніе мѣсяцы, и притомъ только отрывочно. Въ одномъ изъ некрологовъ было именно высказано желаніе, чтобы курсы Тихонравова были изданы: „на ученикахъ его болѣе всего лежитъ обязанность блюсти память своего наставника: они могутъ это сдѣлать, не только руководясь его примѣромъ въ своихъ собственныхъ трудахъ, но и предпринявъ изданіе его замѣчательныхъ университетскихъ курсовъ... Если не стало самого Тихонравова, то пусть трудами его школы расширится и упрочится слѣдъ его въ той наукѣ, для которой потратилъ онъ свои силы и дарованія“. Въ настоящее время изданіе этихъ курсовъ приготовляется.

Для слушателей Тихонравова опредѣленіе его дѣятельности печатными его трудами представляется неполнымъ, и напротивъ, настоящимъ образомъ значеніе его дѣятельности высказывается только въ сопоставленіи этихъ трудовъ съ его университетскими курсами, съ его личнымъ вліяніемъ и руководствомъ. Только въ этомъ соединеніи они видятъ истинное выраженіе его научнаго содержанія и его личнаго значенія: то и другое они цѣнятъ весьма высоко. Изъ ихъ отзывовъ приводимъ нѣсколько свидѣтельствъ, особливо компетентныхъ.

Въ однихъ воспоминаніяхъ приводится содержаніе упомянутой вступительной лекціи Тихонравова 1859 года, и затѣмъ авторъ говоритъ: „Этотъ широкій и научный взглядъ проходитъ и черезъ всѣ курсы Тихонравова, примѣняясь постоянно къ разнообразнымъ курсамъ въ теченіе 30 лѣтъ. Есть и другая характерная, но вполнѣ понятная, внѣшняя черта этой первой лекціи. Вся лекція построена на рукописномъ, доселѣ неизслѣдованномъ и не

[1]) Припомнимъ, однако, что Тихонравовъ началъ лекціи только съ сентября 1859, и Щаповъ, въ 1859 уже издавшій свою извѣстную книгу о расколѣ, былъ, вѣроятно, самостоятельный начетчикъ, погрузившійся тогда въ рукописи Соловецкой библіотеки, скорѣе подъ вліяніемъ Буслаева и Аѳанасьева.

освѣщенномъ матеріалѣ. Въ то же время она даетъ цѣлый рядъ обработанныхъ фактическихъ данныхъ. Эта черта сохранилась и во всѐ послѣдующее время профессорской дѣятельности Тихонравова; всегда мы въ нихъ находимъ цѣлый рядъ новыхъ данныхъ, освѣщаемыхъ и вводимыхъ въ кругъ изслѣдованія... Въ этомъ лежитъ громадное не только педагогическое, но и научное значеніе его лекцій: съ этой стороны его лекціи—такой же научный трудъ, какъ и его другіе труды, изданные или еще лежащіе въ его бумагахъ. Разница вся только въ томъ, что лекціи, какъ чтенія, назначаемыя не только для обогащенія фактами, но и имѣющія цѣль педагогическую, даютъ кромѣ этого новаго матеріала, новыхъ изслѣдованій, общія положенія и методологическія указанія для ученика. Этимъ характеромъ лекцій объясняется и та тѣсная связь, которую мы находимъ между учеными трудами Тихонравова и его лекціями.

„Обыкновенно Тихонравовъ читалъ одновременно два курса: одинъ, который можно съ нѣкоторой оговоркой назвать общимъ, для младшихъ курсовъ, и другой (назовемъ его спеціальнымъ) для старшихъ курсовъ. Кромѣ того, въ началѣ каждаго года, имъ посвящалось нѣсколько часовъ для объясненія темъ обязательныхъ для слушателей сочиненій; эти объясненія были особенно цѣнны для учениковъ: здѣсь они на разнообразныхъ темахъ учились, какъ надо браться за работу, какъ относиться къ своей задачѣ; какъ опытный учитель, Тихонравовъ здѣсь точно объяснялъ методы и пріемы научныхъ изслѣдованій... начиная, напр., съ того, какъ надо читать, чтобы съ пользой извлечь необходимое для работы, какъ ознакомиться съ исторіей вопроса и пособіями, кончая самостоятельнымъ изслѣдованіемъ... Замѣчателенъ былъ и самый пріемъ объясненія: съ рѣдкимъ талантомъ умѣлъ Тихонравовъ дать руководство опытнаго, вліятельнаго учителя и въ то же время предоставить свободу и самостоятельное развитіе способностей ученика, постоянно требуя отъ него прежде всего составить самостоятельное мнѣніе о предметѣ изслѣдованія. Предполагаемыя темы отличались всегда разнообразіемъ и въ характерѣ, и въ объемѣ“... [1])

Сильное впечатлѣніе чтеній Тихонравова изображаетъ съ не меньшимъ увлеченіемъ другой его слушатель, который не сдѣлался послѣ его спеціальнымъ ученикомъ. „Помню, какъ теперь, съ какимъ жаднымъ интересомъ мы, первокурсные новички, ожидали первой лекціи знаменитаго ученаго, по избранному имъ на

---

[1]) Тамъ же, стр. 45 и д., воспоминанія М. Н. Сперанскаго.

тотъ годъ курсу исторіи русской литературы переходной эпохи,— второй половины XVII-го и начала XVIII-го столѣтія. Не стану распространяться о высокихъ научныхъ достоинствахъ этого курса и объ исключительной важности самого историческаго момента, избраннаго профессоромъ для освѣщенія; скажу только о впечатлѣніи, вынесенномъ нами изъ первой же лекціи Тихонравова и затѣмъ укрѣплявшемся и усиливавшемся съ каждой новой его лекціей. Это было прежде всего впечатлѣніе не только полнаго обладанія предметомъ, основательнаго знанія, но и полной самостоятельности изслѣдованія, не нуждающейся въ ссылкахъ на чужія мнѣнія, всегда опирающейся на результаты собственныхъ изысканій и приходящей къ своимъ, оригинальнымъ выводамъ. Едва-ли нужно говорить о томъ, насколько такая самостоятельность мысли придавала авторитетности научнымъ выводамъ профессора и какъ сильно она импонировала на насъ, начинающихъ свои занятія подъ руководствомъ такого наставника, у котораго каждая фраза являлась продуманною и взвѣшенною, каждое положеніе—строго провѣреннымъ и основывающимся на фактахъ. Эта самостоятельность мысли не была у Тихонравова результатомъ желанія казаться оригинальнымъ, проводить непремѣнно новые взгляды... Тихонравовъ вносилъ въ свои лекціи духъ строгой объективности, не дозволяющей личному „я“ выдвигаться на первый планъ, и въ то же время духъ строгаго критицизма даже въ мелочахъ, при чемъ логичность, послѣдовательность и основательность его доводовъ невольно увлекали аудиторію и приковывали ея вниманіе даже къ сухимъ, повидимому, мало интереснымъ деталямъ спеціальнаго характера. Въ этомъ отношеніи лекціи Тихонравова могли служить для приступающихъ къ наукѣ образцомъ истинно-научнаго метода изслѣдованія частностей и комбинированія ихъ въ одно стройное цѣлое... Навѣрное всѣ ученики Тихонравова живо помнятъ, какія цѣнныя указанія и разъясненія давалъ онъ, предлагая свои темы для курсовыхъ работъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ согласятся, что его руководящія указанія никогда не имѣли въ виду заранѣе предрѣшить выводъ, къ какому долженъ придти неопытный въ научномъ трудѣ авторъ. Эти студенческія сочиненія, которымъ Тихонравовъ вполнѣ основательно придавалъ бо́льшую цѣну, чѣмъ мало надежному и непрочному заучиванію передъ экзаменомъ литографированныхъ лекцій, были для его слушателей, особенно для избиравшихъ себѣ его излюбленную спеціальность, серьезной подготовкою къ ихъ будущей дѣятельности и во всѣхъ безъ исключенія развивали духъ

пытливости, критики, анализа и способность методическаго, научнаго мышленія".

„Но,—продолжаетъ авторъ воспоминаній,—не одна самостоятельность мысли, соединенная съ детальнѣйшимъ знаніемъ предмета, неотразимо приковывала вниманіе аудиторіи къ лекціямъ Тихонравова: не менѣе сильно дѣйствовала на умы слушателей цѣльность, стройность и законченность его изложенія, всегда проникнутаго одною руководящею идеею. Благодаря этой цѣльности, особенно яркими являлись характеристики отдѣльныхъ дѣятелей литературы и цѣлыхъ эпохъ въ духовной жизни народа съ ихъ господствующимъ міросозерцаніемъ и идеалами. Стоитъ только вспомнить отдѣлы курсовъ Тихонравова, посвященные Кантемиру, Тредьяковскому, Ломоносову, Сумарокову, которые всѣ, какъ живые, проходили передъ слушателями въ своеобразномъ освѣщеніи и съ ярко очерченною физіономіею; въ особенности считаю себя въ правѣ утверждать это по отношенію къ грандіозной фигурѣ русскаго самородка XVII-го в., богатыря раскола, протопопа Аввакума, неизгладимо врѣзывавшейся въ воображеніе, точно изваянной во всемъ величіи ея мрачнаго фанатизма и несокрушимой энергіи. Эта цѣльность изображенія, истекавшая изъ дара повсюду выдѣлять общее изъ массы частностей, подмѣчать основныя характерныя черты во всѣхъ явленіяхъ и затѣмъ сопоставлять факты однородные и связывать ихъ въ одну стройную картину,—эта цѣльность наиболѣе уясняла для слушателей сложные историко-психологическіе процессы народнаго мышленія и творчества и, обогащая учениковъ массою новыхъ знаній, одновременно содѣйствовала приведенію этого запаса въ строгую систему, пріучала отъ анализа переходить къ синтезу, отъ отдѣльныхъ фактовъ къ общему выводу...

„Однако, никакія внутреннія достоинства лекцій не въ состояніи были бы вполнѣ искупить сухости, отвлеченности, безжизненности изложенія, и потому здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ и необходимымъ отмѣтить еще одну сторону дѣла,—необычайную образность, конкретность, можно сказать смѣло,—художественность языка Тихонравова, сказывавшуюся въ его лекціяхъ, въ живой бесѣдѣ съ аудиторіею, быть можетъ, даже еще сильнѣе, чѣмъ въ его печатныхъ трудахъ. Мы уже не говоримъ о безукоризненной литературной отдѣлкѣ его слога; но очевидно, что одной такой отдѣлки мало, чтобы вдохнуть жизнь въ изложеніе, одѣть въ плоть и кровь выводимые образы; для достиженія такой пластичности природное дарованіе должно приходить на помощь тщательному труду, и этимъ высокимъ даромъ Тихонравовъ обла-

далъ, какъ немногіе избранные. Каждая его лекція не только представляла нѣчто вполнѣ цѣльное по содержанію, проникнутое одною идеею, но и законченное по обработкѣ произведеніе мастера, въ которомъ каждое слово стоитъ на своемъ мѣстѣ, вполнѣ выражаетъ свою мысль, каждое сравненіе мѣтко, каждый образъ бьетъ въ глаза своею жизненностью, каждый оборотъ изященъ въ своей безыскусственной простотѣ" [1]).

Еще подробнѣе характеризуетъ лекціи Тихонравова одинъ изъ его слушателей, который по его стопамъ выбралъ древнюю письменность предметомъ для своихъ изученій: онъ опредѣляетъ преподаваніе Тихонравова въ связи съ его цѣлой научной дѣятельностію.

„Будучи еще студентомъ, Тихонравовъ просиживаетъ свои досуги въ Погодинскомъ древлехранилищѣ, твердо увѣренный, что древнюю литературу слѣдуетъ изучать въ ея первоисточникахъ, и уже въ то время стремящійся всѣми силами къ возможно полному собиранію историко-литературныхъ фактовъ, какъ единственной основы твердаго научнаго вывода. Уже много позднѣе, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, онъ съ особой настойчивостью повторяетъ ту же мысль о необходимости обширнаго и основательнаго знакомства съ памятниками и источниками старой и новой русской литературы. Умѣньемъ справляться съ этой черной работой научной архитектоники онъ всецѣло обязанъ своей усидчивой преданности къ архивнымъ занятіямъ. Въ результатѣ получается рѣдкая библіографическая полнота, необыкновенная документальность его студенческихъ и позднѣйшихъ ученыхъ работъ...

„По убѣжденію Тихонравова, повѣствователь судебъ древнерусской литературы, не обращающійся къ архивному и рукописному матеріалу, лишаетъ себя возможности сообщить вѣрныя и самостоятельныя данныя о литературныхъ явленіяхъ прошлаго. Только при пристальномъ фактическомъ изученіи нашей литературной старины удовлетворится сочувствіе изслѣдователя къ своему литературному прошедшему, которое только въ этомъ случаѣ на трудъ изслѣдователя отвѣтитъ „живыми глаголами"... Впослѣдствіи это пристрастіе къ фактическому матеріалу разростается до необычайныхъ, ему одному доступныхъ, размѣровъ проникновенія въ рукописную, архивную старину: въ его позднѣйшихъ чтеніяхъ о Ломоносовѣ и Сумароковѣ, особенно о Новиковѣ, Карамзинѣ и Жуковскомъ, на глазахъ увлеченнаго слушателя происходитъ

[1]) Тамъ же, стр. 58 и д., воспоминанія г. Аммона.

буквально перекрестный допросъ литературныхъ памятниковъ, писемъ, автобіографій и воспоминаній, записокъ и мемуаровъ, альманаховъ, черновыхъ бумагъ и т. п. Каждый фактъ провѣряется другимъ, ни одна мелочь не обходится безъ строгой, критической оцѣнки: на каждомъ шагу такъ и чувствуется убѣжденный послѣдователь А. В. Горскаго, автора извѣстнаго Описанія рукописей Синодальной библіотеки... Эта кажущаяся, на поверхностный взглядъ, кропотливость изслѣдованія имѣетъ свои глубокія основанія. Именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи научные пріемы Тихонравова невольно напрашиваются на сопоставленіе ихъ съ основными воззрѣніями Тэна. Будущему біографу Тихонравова предстоитъ опредѣлить и выдѣлить долю вліянія критическихъ воззрѣній Тэна, если только такая связь дѣйствительно существовала съ научными пріемами московскаго ученаго. Несомнѣнно, однако, есть извѣстныя точки совпаденія и видимое родство между критическими пріемами обоихъ выдающихся научныхъ дѣятелей. Для того, чтобы раскрыть факты, найти ихъ конечную, психологическую основу, для этого, по взглядамъ того и другого, недостаточно остроумныхъ сближеній, отвлеченныхъ сужденій. Нужны твердо установленные факты, тщательно собранные по крупицамъ изъ запыленныхъ свертковъ забытыхъ архивовъ. Если сущность творческой научной работы состоитъ въ анализѣ фактовъ, въ раскрытіи первичныхъ причинъ запутанныхъ явленій, то естественно искать прежде всего матеріала, подлежащаго научной переборкѣ. Извѣстно, что въ основу своего научнаго метода Тэнъ полагалъ анализъ фактовъ, ведущій въ результатѣ къ размноженію фактовъ, сокрытыхъ въ одномъ общемъ наименованіи. Между тѣмъ какъ культурная, такъ и литературная исторія имѣетъ дѣло, въ большинствѣ случаевъ, съ прошедшимъ, весьма рѣдко съ настоящимъ: спрашивается, гдѣ и какъ искать фактическій матеріалъ? Несомнѣнно, въ библіотекахъ и архивахъ, въ старыхъ записяхъ и неизданныхъ памятникахъ, актахъ, мемуарахъ и т. п...

„Просматривая научныя работы и университетскія чтенія Тихонравова, можно видѣть, какое широкое значеніе придавалъ онъ документальному анализу. На первомъ планѣ всюду стоитъ реальная, фактическая достовѣрность выводовъ, добытыхъ изъ массы критически-очищенныхъ фактовъ, зачастую впервые имъ открытыхъ. Подобно Тэну, онъ любитъ точныя данныя, реальныя очертанія и опредѣленные размѣры: нравственныя качества, затаенныя желанія и духовныя силы народа, отпечатлѣнныя въ литературныхъ памятникахъ, принимаютъ *осязательныя*, видимыя

формы и краски. Съ особымъ пристрастіемъ любилъ онъ задерживать вниманіе слушателей на мелкихъ, едва уловимыхъ отзвукахъ литературной старины,—отзвукахъ, наглядно рисующихъ настроеніе массы, ея сѣрыя, будничныя треволненія и заурядныя мечтанія. Накопляя мелкіе литературные факты, онъ оцѣнивалъ и взвѣшивалъ въ нихъ господствующее настроеніе эпохи и выслѣживалъ симптомы вновь обозначившихся теченій".

Авторъ воспоминаній отмѣчаетъ, какъ по своимъ общимъ теоретическимъ понятіямъ Тихонравовъ былъ связанъ съ лучшими стремленіями того времени, которыя приводили къ ближайшему изученію народа и народной жизни и къ защитѣ нравственнаго и общественнаго интереса народныхъ массъ. Вліянія времени дѣйствуютъ на него съ его первой сознательной жизни: „То время было особое, быть можетъ, нѣсколько наивное по отношенію къ окружавшей дѣйствительности, но зато богатое идеалами и полное надеждъ на будущее. Къ тому времени наши первостепенные писатели (какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь) начинаютъ, по влеченію какого-то смутнаго инстинкта, присматриваться къ народной жизни, подумывать о народной долѣ; у идеалистовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ (Герцена, Бѣлинскаго и Чернышевскаго) этотъ смутный порывъ находитъ себѣ опору въ необычайно-возбужденномъ общественномъ сознаніи, а первостепенные научные дѣятели приходятъ къ тому же результату путемъ научнаго убѣжденія, воспитаннаго романтическими вѣяніями тогдашней нѣмецкой филологіи. Въ то время московскій университетъ могъ гордиться блестящими представителями русской науки: съ одной стороны высшаго развитія достигала учено-литературная дѣятельность Грановскаго и Кудрявцева, съ другой—выступало на научное поприще молодое поколѣніе ученыхъ, съ Ѳ. И. Буслаевымъ и С. М. Соловьевымъ во главѣ". Къ тому же времени, нѣсколько раньше и позже относятся труды Кавелина, Калачова, Забѣлина, Костомарова; и когда, на первыхъ шагахъ главнымъ образомъ черезъ Буслаева, Тихонравовъ воспринялъ вліянія Гримма и нѣмецкой филологіи по взгляду на старину и народность, и по пріему изслѣдованія, то рядомъ дѣйствовали и эти упомянутыя научныя и общественно-народолюбивыя стремленія,—и тогда окончательно опредѣлились его взгляды на содержаніе исторіи литературы, особливое влеченіе къ ея забытымъ народнымъ элементамъ, и то отрицательное отношеніе къ прежнимъ историкамъ литературы, о которомъ мы раньше упоминали. Слушатель Тихонравова замѣчаетъ, что старую эстетическую школу Тихонравовъ не долюбливалъ всей душой; мы

указывали раньше, что при этомъ, быть можетъ, не была достаточно оцѣнена историческая необходимость этой эстетической школы, которая должна была выяснить отсутствовавшее въ массѣ общества пониманіе художественныхъ элементовъ литературы, и которая въ свое время и въ данныхъ условіяхъ имѣла великую заслугу объясненіемъ Пушкина, защитой Гоголя и истолкованіемъ глубокаго общественнаго значенія литературы. Для правильной оцѣнки ея исторической роли, не должно забывать, что если прежняя эстетическая школа почерпала свои ученія изъ нѣмецкой эстетики, то и новая народно-историческая школа заимствовала свое научное оружіе на первый разъ изъ той же нѣмецкой науки, въ новомъ періодѣ ея развитія. Та и другая имѣли и имѣютъ свое историческое право и свою историческую связь, — хотя бы на первый разъ онѣ встрѣтились весьма враждебно: еще раньше Тихонравова и вѣроятно еще въ большей степени это враждебное отношеніе къ старой эстетической школѣ было и у Ѳ. И. Буслаева.

Но затѣмъ весьма любопытно читать объясненіе историко-литературныхъ взглядовъ Тихонравова у его слушателя, который имѣлъ матеріалъ для этого объясненія не только въ печатныхъ сочиненіяхъ, но также въ лекціяхъ и, безъ сомнѣнія, также въ личныхъ бесѣдахъ.

„Эстетическая школа,—говоритъ авторъ воспоминаній,—интересовалась исключительно исторіей прогресса художественнаго творчества, причемъ вычеркивала цѣлыя эпохи, не подходившія подъ аристократическій масштабъ ея критики. Между тѣмъ для новой науки важно было прослѣдить процессъ развитія, который обнаруживается, главнымъ образомъ, въ мелкихъ фактахъ и захватываетъ цѣлые народные слои. Еще Кудрявцевъ, говоря о необыкновенномъ разнообразіи содержанія исторіи, высказалъ чрезвычайно мѣткую мысль, что „чѣмъ больше разрабатываются отдѣльныя части, подробности, самыя мелочи, тѣмъ болѣе выясняется общее, угадывается цѣлое“. Въ этой оговоркѣ сокрыто зерно позднѣйшей исторической критики Тэна, воззрѣній послѣдняго на громадную важность накопленія и анализа фактическаго матеріала: кстати слѣдуетъ замѣтить, что и Тэнъ не забытъ Тихонравовымъ въ перечнѣ научныхъ авторитетовъ“.

„Тихонравовъ видѣлъ въ изученіи простой, безыскусственной словесности единственный путь къ уясненію процесса литературнаго развитія націи. Эта новая точка зрѣнія принадлежала не одному Тихонравову: она усвоена была всѣми послѣдователями Гриммо-Буслаевской школы... Новые взгляды, въ противовѣсъ

критикѣ Бѣлинскаго, смѣло заявлены были Костомаровымъ, въ его вступительной лекціи... Единственнымъ средствомъ проникнуть въ народную жизнь, единственнымъ средствомъ реставрировать литературное прошлое—было спуститься къ изученію безличной народной словесности, къ кропотливому собиранію мелкихъ, сырыхъ и обыденныхъ литературныхъ фактовъ. И дѣйствительно, Тихонравовъ любилъ и умѣлъ прислушиваться къ тому, что̀ глухо волновалось и двигалось подъ поверхностью оффиціальной литературы, что̀ стремилось къ свѣту въ нижнемъ слоѣ потока человѣческой жизни...

„Вообще, въ лекціяхъ и печатныхъ трудахъ находили себѣ пристанище тѣ памятники народной литературы, мимо которыхъ съ пренебреженіемъ проходилъ эстетическій критикъ. Между тѣмъ, эти отверженные эстетикой факты литературнаго прошлаго одни только способны выяснить самый процессъ возрастанія художественнаго чувства и пониманія.

„Эстетическая школа, по взгляду Тихонравова, выродилась изъ такъ-называемой ложно-классической теоріи. Въ своихъ лекціяхъ онъ даетъ общую характеристику этой послѣдней теоріи, характеристику, являющуюся и со стороны содержанія, и со стороны формы настоящимъ шедевромъ. По высказанному здѣсь задушевному убѣжденію Тихонравова, въ русской литературѣ, поздно появившейся и, сравнительно съ европейскими, менѣе развитой, ложно-классицизмъ еще до сихъ поръ опредѣляетъ и содержаніе, и методъ обработки нашей исторіи словесности. Между тѣмъ западная наука, воспринятая Тихонравовымъ, создала новую историческую школу, которая закрѣпила за народной литературой право на преобладаніе".

Указавъ еще разъ на близость пріемовъ историческаго изслѣдованія Тихонравова съ пріемами Тэна, авторъ воспоминаній продолжаетъ: „Не одна документальность научной работы сближаетъ обоихъ ученыхъ: есть и другія точки совпаденія. Въ характеристикѣ выдающихся литературныхъ дѣятелей (Ломоносова, Новикова, Карамзина, Жуковскаго и др.) Тихонравовъ всегда старается прослѣдить, какими нитями каждый выдающійся писатель привязанъ къ своему времени, къ своей странѣ. Результаты литературной дѣятельности писателя онъ разсматриваетъ въ тѣсной связи съ исторіей его чувствъ, съ развитіемъ его вѣрованій и убѣжденій, стараясь при этомъ выяснить, какъ извѣстная эпоха отражается въ литературѣ, и какъ литература, въ свою очередь, дѣйствуетъ на понятія эпохи; какіе современные вопросы нашли себѣ выраженіе въ томъ или другомъ литератур-

номъ произведеніи; какая среда, въ которой суждено было вращаться писателю, и какъ эта среда отразилась на личности автора. Такимъ образомъ, рядомъ съ характеристикой писателя или литературнаго памятника, проходитъ передъ умственнымъ взоромъ слушателя пристальное изученіе отдѣльной эпохи, изученіе условій народной и общественной жизни: исторія литературы тѣсно сливается съ исторіей духовной жизни народа, съ культурной исторіей.

„Съ рѣдкимъ мастерствомъ умѣлъ Тихонравовъ отъ застывшаго литературнаго памятника перейти къ умной человѣческой личности, притаившейся за этимъ произведеніемъ и смотрящей на міръ и людей съ точки зрѣнія своихъ личныхъ симпатій и антипатій“ [1]).

Единственнымъ трудомъ, гдѣ Тихонравовъ касался цѣлаго вопроса исторіи русской литературы, былъ извѣстный разборъ Исторіи русской словесности, Галахова, напечатанный въ 1878 въ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ, и который Тихонравовъ называлъ полушутя своей докторской диссертаціей. По существу дѣла этотъ разборъ не былъ прямымъ догматическимъ изложеніемъ и представлялъ рядъ критическихъ замѣчаній по отдѣльнымъ вопросамъ, проходя однако все пространство русской литературы отъ древнѣйшихъ памятниковъ до начала XIX-го столѣтія. Галаховъ былъ, собственно говоря, продолжателемъ той эстетической критики, къ которой Тихонравовъ относился отрицательно; одна черта сближала его съ новымъ направленіемъ, а именно въ своихъ отдѣльныхъ очеркахъ по новѣйшей литературѣ, еще до появленія „Исторіи словесности“, Галаховъ, между прочимъ по поводу изданія русскихъ классиковъ Смирдина, сталъ разсматривать русскихъ писателей не только съ эстетической точки зрѣнія, но также и съ исторической. Онъ сталъ доискиваться ближайшихъ образцовъ, которые оказывали вліяніе на русскихъ писателей, и указывать отраженіе этихъ образцовъ въ русскихъ условіяхъ, искалъ также слѣдовъ вліянія русскаго общественнаго быта: нужно было обращаться къ западнымъ источникамъ нашего подражанія и надо было обращаться къ нашей бытовой исторіи; эстетическая точка зрѣнія заслонялась уже новыми историко-литературными интересами въ томъ смыслѣ, какъ этого требовала теперь новая школа. Надо отдать справедливость Галахову, что въ этомъ отношеніи онъ въ своей Исторіи сло-

---

[1]) Тамъ же, стр. 66 и д., воспоминанія А. Д. Карнѣева.

весности вводилъ не мало новаго матеріала, который до тѣхъ поръ не находилъ мѣста въ изслѣдованіяхъ старой литературы. Но если и здѣсь его изслѣдованіе не всегда угадывало настоящіе источники того или другого литературнаго движенія и его главныя характерныя особенности, то онъ, какъ вообще собственно литературный кружокъ „сороковыхъ годовъ“, былъ относительно древней русской литературы совершеннымъ профаномъ. Ему было незнакомо и непривычно обращеніе съ тѣми фактами древней письменности, въ области которыхъ совершались тогда изслѣдованія Буслаева, которыми теперь съ особенною настойчивостью занимался Тихонравовъ и нѣсколько другихъ старыхъ и молодыхъ ученыхъ; но такъ какъ Галаховъ предпринялъ исторію русской словесности въ полномъ ея составѣ, ему необходимо было погрузиться и въ этотъ для него мало извѣстный и по старинному даже мало интересный періодъ. Съ тѣми рукописями, которыя при тогдашнемъ положеніи нашей археографіи представлялись новымъ изслѣдователямъ какъ единственный источникъ для литературнаго изученія старины, Галаховъ былъ незнакомъ,—и въ той мѣрѣ, въ какой необходимо было бы для построенія цѣльной исторіи древней литературы, оно было бы въ ту минуту почти немыслимо (лишь долго спустя явился новый опытъ исторіи древней письменности съ бо̀льшимъ знаніемъ рукописной старины въ книгѣ Порфирьева, но и тамъ всего чаще изслѣдованіе остается внѣшнимъ перечисленіемъ фактовъ): онъ долженъ былъ удовольствоваться тѣми указаніями, какія были въ литературѣ,—но ихъ было еще немного и ими онъ воспользовался не вполнѣ. Кромѣ того старый историкъ литературы не овладѣлъ и тѣмъ методомъ изслѣдованія, который сталъ развиваться вообще въ критической исторіи литературы.

Такимъ образомъ, авторъ книги и критикъ стояли на двухъ очень несходныхъ, иногда противоположныхъ точкахъ зрѣнія, и рецензія Тихонравова состоитъ изъ длиннаго ряда замѣчаній, которыя относятся и къ методу изслѣдованія, и къ фактическимъ ошибкамъ, происходившимъ отъ недостаточнаго пользованія матеріаломъ,—и въ древнемъ періодѣ этотъ матеріалъ былъ въ особенности рукописный. На первыхъ же страницахъ Тихонравовъ указываетъ, какъ въ сущности въ книгѣ Галахова обнаруживаются взгляды той же старой „литературной“ критики, на которой онъ воспитался, какъ этой старой точкой зрѣнія опредѣлился выборъ историко-литературнаго матеріала и тотъ видъ, какой получила въ его трудѣ вся литература до-Петровская: съ точки зрѣнія Тихонравова вся постановка предмета должна была

имѣть совсѣмъ иной видъ. Правда, Галаховъ усиливался дать кромѣ „литературной" критики и „историческую" оцѣнку разбираемыхъ произведеній, но обѣ точки зрѣнія были сопоставлены механически, и самая „литературная" критика, примѣняемая тамъ, гдѣ ей совсѣмъ не было мѣста, приводила къ вещамъ неумѣстнымъ или даже къ нелѣпостямъ.

На книгѣ Галахова наглядно отразилось цѣлое тогдашнее положеніе дѣла. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ управленіи военно-учебныхъ заведеній поднятъ былъ вопросъ о новой постановкѣ преподаванія русской словесности. Для опредѣленія новой программы приглашены были особливо извѣстные преподаватели, и въ результатѣ явился въ 1852 году „конспектъ русскаго языка и словесности" для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, составленный Галаховымъ и Ѳ. И. Буслаевымъ. Самое вѣдомство видимо не сознавало, что призваны были педагогическія силы, въ сущности несовмѣстимыя по своимъ основнымъ взглядамъ; но, по крайней мѣрѣ, оно обращалось къ людямъ, которыхъ справедливо считало компетентными. Въ практической программѣ, исполненной по оффиціальному порученію, сливались два взгляда, и исполненіе ея могло быть различно въ рукахъ различныхъ преподавателей: воспитанный на той или другой школѣ, преподаватель могъ различно выполнять ея общія указанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ программѣ была отдана дань старымъ классическимъ писателямъ, и, напримѣръ, Жуковскій, какъ критикъ, сохранялъ авторитетъ въ теоріи словесности. Когда затѣмъ Галаховъ составлялъ свои учебники, хрестоматіи, и наконецъ исторію словесности, онъ старался исполнить требованія программы, что̀ должно было обезпечить его книгамъ роль принятаго руководства. Двойственность конспекта осталась въ его исторіи словесности и собственная наклонность къ литературной критикѣ дала перевѣсъ тѣмъ устарѣлымъ понятіямъ, доля которыхъ проявилась уже въ конспектѣ.

Разбирая общія положенія книги, Тихонравовъ постоянно долженъ былъ указывать и эту устарѣлость старой теоріи, и недостаточную оцѣнку того „историческаго" изученія, которое у Галахова понималось слишкомъ поверхностно. Новая точка зрѣнія, собственно говоря, совсѣмъ устраняла старую теорію словесности, установлявшую мнимо неизмѣнныя формы поэзіи и прозы, и на ея мѣсто указывала историческое развитіе этихъ формъ: исторія литературы представляла именно разнообразное развитіе и видоизмѣненіе этихъ формъ по различнымъ условіямъ вѣковъ и народностей. Тихонравовъ замѣчаетъ, что самъ Гала-

ховъ сознавалъ иногда неприложимость эстетической мѣрки къ нѣкоторымъ произведеніямъ литературы, напримѣръ какъ басни Хемницера; но въ другихъ подобныхъ случаяхъ онъ опять берется за ту же мѣрку и считаетъ возможнымъ примѣнять теорію эпической поэмы къ „Россіадѣ" Хераскова и т. п., и даже самъ излагаетъ въ своей Исторіи теоріи оды, басни и т. п., какъ будто бы онѣ дѣйствительно имѣли обязательное значеніе для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Тихонравовъ объясняетъ, что историческая критика давно уже отвергла всякую возможность эпопеи для новѣйшаго времени, и напоминаетъ слова Вильгельма Гумбольдта, что „героическую эпопею въ наши дни можно съ полнымъ правомъ отнести къ числу невозможностей; что величественный блескъ эпопеи угасъ съ закатомъ греческаго солнца", и напоминаетъ также, что теорію эпоса надо искать не въ старыхъ эстетикахъ, а, напримѣръ, въ трудахъ братьевъ Гриммовъ, на которые и было между прочимъ указано въ упомянутомъ конспектѣ по взглядамъ г. Буслаева.

Различнымъ оказывалось самое основаніе понятій о литературѣ. Когда Галаховъ говорилъ, что предметъ исторіи словесности—постепенное развитіе литературы „отъ ея начала" до настоящаго времени и т. д., Тихонравовъ спрашивалъ: „Но гдѣ *начало* литературы? откуда начинать исторію словесности? Приверженцы литературной критики и философской эстетики не любили отодвигать начало литературной исторіи въ слишкомъ далекую древность. Они любовались красотою готоваго художественнаго произведенія, закрывая глаза на тотъ процессъ, результатомъ котораго оно явилось; они не любили подвергать анализу тревожныхъ, не пришедшихъ въ гармонію историческихъ элементовъ; эпохи начатковъ, переходныя эпохи въ исторіи народной жизни не представляли для нихъ никакого интереса. Исторію французскаго языка, напр., они начали чуть не съ Жуанвиля, и быстро пробѣгали весь „варварскій" періодъ средневѣковой французской литературы, начиная отдыхать лишь на эпохѣ *Возрожденія*. Бѣлинскій, отмѣчавшій словами: словесность, письменность и литература „три главные періода въ исторіи народнаго сознанія, выражающагося въ словѣ", полагалъ, что „періодъ литературы у всѣхъ новѣйшихъ народовъ начинается собственно съ эпохи изобрѣтенія книгопечатанія", что „до изобрѣтенія книгопечатанія, словесность Европы носитъ на себѣ характеръ письменности, т.-е. *разъединенности и случайности*", что „если въ средніе вѣка и являлись *великіе люди*, сильные мыслію и утверждавшіе свое время, то они *безплодно* бросали въ мракъ своего

времени яркія молніи могучей мысли". Новая историко-литературная школа, основанная на сравнительномъ изученіи народности, подкрѣпленная надежнымъ руководствомъ сравнительной грамматики и сравнительной миѳологіи индо-европейскихъ народовъ, уже давно выработала убѣжденіе, что „всѣ существенныя основы языка, быта семейнаго и племеннаго, миѳологическихъ и поэтическихъ преданій—составляютъ нераздѣльную собственность всей группы народовъ индо-европейскихъ или арійскихъ, и именно *въ ту отдаленную эпоху*, живая память о которой сохранилась до нашихъ временъ въ древнѣйшихъ гимнахъ и обрядахъ священныхъ книгъ древне-индійскаго племени, извѣстныхъ подъ именемъ Ведъ" (слова г. Буслаева). Эта отдаленная эпоха, когда члены арійской семьи составляли еще одно нераздѣльное цѣлое, привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей языка, миѳологіи, поэзіи индо-европейскихъ народовъ; изученіе ея должно было выяснить „первыя основы индо-европейскихъ народностей". Отдаленная эпоха, когда слагались отдѣльныя народности, выдѣлившіяся изъ общей арійской, эпоха, скрывавшая въ себѣ истинныя основы дальнѣйшаго литературнаго развитія народа, получила въ глазахъ изслѣдователей народности высокое значеніе, и ея характеристика сдѣлалась существенною частію, необходимымъ введеніемъ въ исторію языка и литературы народа. Основанная на данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія, сравнительной миѳологіи и быта арійской семьи, такая характеристика разъясняетъ древнѣйшія судьбы извѣстной народности, ея первобытную культуру, тѣ основы народности, изъ которыхъ развивалась и которыми опредѣлялась послѣдующая историческая жизнь народа. Исторія народной словесности въ настоящее время немыслима внѣ этой связи съ отдаленной національной стариной, внѣ ея связи съ исторіею языка съ одной стороны, съ миѳологіею съ другой".

Сообразно съ этимъ должна быть поставлена и первая задача исторіи литературы. „Прагматическая исторія русской словесности должна начинаться съ указанія того мѣста, которое занимаетъ русскій народъ въ семьѣ другихъ народовъ; опредѣливши это, изслѣдователь долженъ перейти къ характеристикѣ народной жизни, „культурнаго состоянія" славянъ до выдѣленія и послѣ выдѣленія ихъ изъ арійской семьи; долженъ объяснить далѣе развѣтвленіе языка славянскаго и распаденіе славянской семьи на отдѣльныя народности, вѣрованія и бытъ, развившіяся на общеславянской основѣ, и начинавшія новую историческую жизнь послѣ обособленія того или другого народа въ особое историче-

ское цѣлое. Введенія, приблизительно такого содержанія, признаны необходимою частію исторіи народной словесности". Онъ приводитъ въ примѣръ Вакернагеля въ его исторіи нѣмецкой литературы, введеніе въ исторію славянскихъ литературъ Крека, предварительный очеркъ древняго періода въ исторіи сербо-хорватской литературы Ягича. Правда, что въ шестидесятыхъ годахъ подобная задача для русской древности была не легко-выполнима, и такого введенія, обставленнаго научнымъ образомъ, мы въ сущности не имѣемъ и до сихъ поръ. Правда только, что въ книгѣ Галахова древній періодъ русской письменности былъ изложенъ крайне недостаточно, и Тихонравовъ справедливо указывалъ, что въ сущности здѣсь отразилось именно пристрастіе къ старой „литературной" критикѣ и неумѣнье стать на настоящую историческую точку зрѣнія.

Вслѣдъ затѣмъ Тихонравовъ указываетъ словами г. Буслаева и свою собственную антипатію къ прежней эстетической точкѣ зрѣнія за ея *аристократическое* направленіе. „Не только съ точки зрѣнія эстетической, но и *исторической*,—говоритъ г. Буслаевъ,—изслѣдователь обращался только къ свѣтиламъ литературы и искусства, и именно къ свѣтиламъ первой величины: выставлялъ великія достоинства Данта и Шекспира, Ломоносова или Державина, и, съ высоты своего эстетическаго трибунала,—вооруженный мнимо безпристрастною критикою,—величаво раздавалъ мелкія награды прочимъ писателямъ, которыхъ удостоивалъ своей эстетической оцѣнки. Что за дѣло было такому выспреннему критику до нашихъ народныхъ пѣсенъ, оскорблявшихъ его утонченный вкусъ, воспитанный въ аристократической обстановкѣ, такъ-называемыхъ, образцовыхъ академическихъ произведеній? Что за дѣло было ему до нашихъ старинныхъ сборниковъ, наполненныхъ поученіями и повѣствованіями на ломаномъ болгаро-русскомъ и польско-русскомъ языкѣ, наполненныхъ сочиненіями, которыя, можетъ быть, вполнѣ удовлетворяли нашихъ грубыхъ предковъ, но къ которымъ нельзя было приложить формулы объ отношеніи художественной идеи къ формѣ, опредѣляемомъ законами его эстетики? И такіе *теоретики-критики* не только не хотѣли знать нашей *письменной старины и народности*, но и на самомъ дѣлѣ не знали ни той, ни другой, и, своими выспренними взглядами становясь будто бы выше нашей старины и народности, только возбуждали къ той и другой презрѣніе, приведшее къ вредному предразсудку, довольно распространенному еще и теперь, будто можно составить себѣ вѣрное понятіе объ исторіи литературы на изученіи позднѣйшихъ писателей, начиная

отъ Кантемира или Ломоносова, безъ основательнаго знанія нашей древней литературы и безъ живѣйшаго сочувствія къ народной словесности".

Тихонравовъ вполнѣ принималъ эти положенія. Мы имѣли случай указывать, какое историческое право имѣла въ своемъ источникѣ эта, такъ названная здѣсь, „литературная" критика: она была эстетическимъ воспитаніемъ общества къ той художественной литературѣ, которая развивалась въ послѣднія два столѣтія, а затѣмъ эта новѣйшая литература, изслѣдователей которой винили въ аристократизмѣ, представляла собой отраженіе великаго историческаго поворота, совершившагося въ русской жизни съ прошлаго вѣка, и который въ свою очередь имѣлъ всѣ права на сочувствіе. Дѣло въ томъ, что древній періодъ представлялъ собою ту первобытную ступень развитія, на которой не могъ остановиться великій историческій народъ, а новая литература приносила болѣе высокую степень просвѣщенія, ранѣе совсѣмъ невѣдомую, и въ которой заключены были надежды на дальнѣйшіе успѣхи цѣлой національной жизни. Правда, и эту историческую сторону литературнаго развитія прежняя эстетическая критика обнимала не сполна, но основа ея сочувствій къ новѣйшей поэзіи заключалась именно въ этомъ желаніи, чтобы русская литература восприняла и великое содержаніе европейской науки и широкій горизонтъ поэтическаго творчества. Съ другой стороны эта прежняя критика во всякомъ случаѣ лишена была цѣльнаго взгляда на внутреннюю жизнь русскаго народа, потому что не знала его многовѣковой старины, а потому, и вмѣстѣ съ тѣмъ по характеру всѣхъ тогдашнихъ общественныхъ отношеній, лишена была и нѣсколько точнаго представленія о современной внутренней жизни народа. Въ тѣ годы, тридцатые и сороковые, было очень трудно и уразумѣніе этой старины и народности: изученіе ихъ было едва затронуто; только еще приводились въ извѣстность и собирались памятники старой письменности, и послѣдующимъ десятилѣтіямъ предстояло еще раскрывать содержаніе этихъ памятниковъ и дѣлать въ нихъ неожиданныя открытія. Мы видѣли, наконецъ, что самый методъ изученія народной древности и поэзіи данъ былъ европейской наукой, которая объясняла и смыслъ народнаго преданія и доставляла выработанные пріемы филологической критики. Прибавимъ, однако, что Тихонравовъ, при всемъ отрицательномъ отношеніи къ „литературной критикѣ", высоко цѣнилъ ея главнѣйшаго представителя, за которымъ признавалъ великія достоинства, и именно заслугу въ оцѣнкѣ писателей XVIII-го и XIX-го вѣка. „Надъ разборомъ

русскихъ писателей XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка трудился знаменитый критикъ сороковыхъ годовъ, соединявшій тонкій эстетическій вкусъ съ горячею преданностью тѣмъ просвѣтительнымъ началамъ, орудіемъ которыхъ была русская литература двухъ послѣднихъ столѣтій... Достопамятныя критическія статьи Бѣлинскаго о сочиненіяхъ Пушкина, заключающія въ себѣ, между прочимъ, историческій обзоръ русской литературы отъ Кантемира до Жуковскаго включительно и свидѣтельствующія о томъ, какъ глубоко чувствовалъ ихъ авторъ необходимость разъяснить преемство историческихъ явленій въ новой русской литературѣ,—эти критическія статьи долгое время замѣняли учебное руководство по исторіи новой русской словесности" [1])...

Для людей прежняго литературнаго поколѣнія старая письменность была область совсѣмъ непривычная и невѣдомая, и въ своемъ разборѣ изложенія древняго періода въ книгѣ Галахова, Тихонравовъ отмѣчалъ у него чисто внѣшнее отношеніе къ древнимъ памятникамъ и въ длинномъ рядѣ примѣровъ указывалъ, какъ за этимъ внѣшнимъ перечисленіемъ фактовъ, и то не всегда точнымъ, отъ историка старой школы укрывался внутренній смыслъ ихъ содержанія. Критикъ объяснялъ, что эти старыя книги были для своего времени исполнены живого содержанія, что въ этой письменности происходило извѣстное движеніе, которое сильно затрогивало умы и въ концѣ концовъ создавало народное міровоззрѣніе: нужно только внимательное изученіе этихъ памятниковъ, чтобы открылась внутренняя основа ихъ содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ историка старой школы ускользаютъ и общія отношенія древней русской литературы.

„Оставаясь вѣренъ преданіямъ эстетической критики, г. Галаховъ не приноситъ особеннаго интереса къ изученію тѣхъ историческихъ вопросовъ, тѣхъ литературныхъ отраслей, которые въ настоящее время привлекаютъ къ себѣ силы изслѣдователей исторіи литературы. Для изучающихъ исторію литературы древнерусской, а также юго-славянской, въ настоящее время, къ счастію, получилъ первостепенное значеніе вопросъ о византійскомъ вліяніи на литературу сербовъ, болгаръ и русскихъ. Сравнительно-историческій методъ изученія народной словесности далъ этому вопросу сильный толчокъ и даже расширилъ его далеко за тѣсные предѣлы славянской народности. Бенфеевская теорія литературнаго заимствованія, каковы бы ни были ея недостатки, раздвинула кругозоръ изслѣдователей народной словесности и примѣненіе ея

[1]) Рецензія книги Галахова, стр. 107—108.

къ изученію литературной старины европейской обогащаетъ исторію европейскихъ литературъ въ средніе вѣка цѣлою массою новыхъ фактовъ. Уже Бенфей въ знаменитыхъ примѣчаніяхъ своихъ къ Панчатантрѣ имѣлъ случай указать мимоходомъ на то первостепенное значеніе, которое для изслѣдователя странствующихъ сказаній средневѣковой Европы получаютъ нѣкоторые памятники византійской литературы, будучи иногда единственными представителями утраченныхъ восточныхъ произведеній (таковъ, напр., по Бенфею „Стефанитъ и Ихнилатъ"). Въ дѣлѣ распространенія восточныхъ сказаній среди славянскихъ народностей—сербской, болгарской и русской, Византіи принадлежитъ такая же роль, какая въ отношеніи къ западной Европѣ выпала на долю арабовъ и евреевъ. Но литературное вліяніе Византіи захватывало и средневѣковыя литературы далекаго европейскаго запада. Недавніе труды Саѳаса, Вильгельма Вагнера, Жиделя и Эмиля Леграна пролили много свѣта на отношеніе средневѣковой европейской словесности къ византійской и на то взаимодѣйствіе, которое существовало между ними въ средніе вѣка. Изученіе византійской литературы, обѣщая освѣтить правильнымъ образомъ исторію средневѣковой литературы западной Европы, тѣмъ большее значеніе имѣетъ для изслѣдователей литературъ юго-славянскихъ и древне-русской. Скажемъ болѣе: только спокойное изученіе литературныхъ памятниковъ Сербіи, Болгаріи, древней Россіи *сравнительно* съ непосредственнымъ изученіемъ византійской словесности сдѣлаетъ со временемъ возможною исторію древней русской литературы", и т. д.

Сообщивши много важныхъ критическихъ замѣчаній по поводу древней повѣсти, апокрифическихъ книгъ, перваго начала театра и др., Тихонравовъ оспариваетъ въ книгѣ Галахова такія общія положенія, какъ дѣленіе исторіи литературы на періоды. Галаховъ считалъ древній періодъ для западной Руси до конца XVI вѣка или до основанія кіевской академіи, для Великороссіи—до второй половины XVII вѣка (разумѣя основаніе новыхъ школъ, дѣятельность Симеона Полоцкаго и т. п.). Тихонравовъ считалъ эту хронологію невѣрной. Исходя отъ литературныхъ явленій XVI вѣка, онъ такъ объясняетъ свою точку зрѣнія. „По словамъ „Исторіи русской словесности" время пребыванія Максима Грека въ Россіи (1518—1556) „составляетъ въ русской исторіи періодъ многихъ нестроеній, начало которыхъ восходитъ еще къ XIII в. и которыя, накопляясь и развиваясь въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій, вполнѣ обнаружили свою силу въ XVI в., такъ что правительство нашлось вынужденнымъ созвать для разсмотрѣнія ихъ особый соборъ, означаемый именемъ Стоглаваго". Въ другомъ

мѣстѣ г. Галаховъ замѣчаетъ, что „наклонность къ *новымъ мнѣніямъ*, которыя въ XVI вѣкѣ сильною враждою раздѣляли грамотныхъ людей и въ умѣ многихъ брали превосходство надъ личною непріязнію и личнымъ пристрастіемъ, преимущественно обнаруживалась въ Новгородѣ и Псковѣ, и въ сѣверныхъ монастыряхъ". Къ этимъ новымъ мнѣніямъ г. Галаховъ относитъ ученіе Башкина и Өеодосія Косаго. Нѣсколько ниже г. Галаховъ, признавая „самую живую связь" между Стоглавомъ и дѣятельностію Максима Грека, объясняетъ ее такимъ образомъ: „что̀ Максимъ Грекъ обличалъ своимъ словомъ, то, наконецъ, раскрылось во всей ясности передъ глазами свѣтскаго и духовнаго правительства. Іоаннъ Грозный и митрополитъ Макарій сознали *болѣзненное состояніе русской жизни* и необходимость ея улучшенія. Какъ многоразличные безпорядки современнаго имъ общества возводятъ они къ одному источнику, такъ и за пособіемъ противъ зла обращаются къ одному существенному средству". Этотъ отрицательный и, такъ сказать, дисциплинарный взглядъ на XVI в. мало объясняетъ литературное движеніе въ великой Россіи въ эту эпоху... Великорусская литература XVI вѣка представляетъ много новыхъ явленій, источникомъ которыхъ нельзя признать ни „*болѣзненное состояніе русской жизни*", ни „многія нестроенія, начало которыхъ восходитъ еще къ XIII вѣку". Чѣмъ объяснить то стремленіе къ охранѣ своей „отчины и закона", своихъ „православныхъ обычаевъ", какъ не тѣмъ, что въ XVI вѣкѣ дѣйствительно оказывалось много „новыхъ мнѣній" или, по выраженію Стоглава, „душегубительныхъ волкъ и всякихъ козней вражіихъ"? По словамъ г. Галахова, „предметъ многочисленныхъ сочиненій Максима Грека—раскрытіе *ложныхъ* понятій и дѣйствій. Существенный характеръ ихъ—обличительный, критическій. Хотя критика немыслима безъ опредѣленныхъ началъ, но догматическое, положительное ученіе стоитъ въ нихъ не на первомъ планѣ. Главное вниманіе обращено на опроверженіе мнѣній, противныхъ христіанскому просвѣщенію". Но всегда ли правъ Максимъ Грекъ въ своихъ обличеніяхъ? Всегда ли онъ раскрываетъ только дѣйствительно „ложныя понятія и дѣйствія"?.. Что̀ для Максима Грека и для Стоглава было „ложнымъ въ сферѣ православія и науки"—свидѣтельствовало ли въ самомъ дѣлѣ о болѣзненномъ состояніи современной русской жизни? скрывало ли въ себѣ на самомъ дѣлѣ „ложныя понятія и дѣйствія" и было ли результатомъ многихъ давнихъ „нестроеній"? Стоглавъ, Четіи-Минеи, особая литературная школа въ русской агіографіи XVI в., Домострой, появленіе подлинника и азбуковника, обличительныя

писанія Максима Грека громко говорятъ намъ о возбужденіи охранительныхъ началъ въ умственномъ движеніи московской Руси XVI вѣка, объ энергическомъ стремленіи „утвердить неколебимо въ роды и роды“ русскую національную отчину и православную старину; но книга г. Галахова мало придаетъ значенія этому возбужденію и не указываетъ, чѣмъ оно вызвано. А возбужденіе сильное; опасность для отчины и православія отъ душегубительныхъ волкъ и козней вражіихъ, для Москвы, для этого третьяго Рима—велика, страшна, особенно послѣ того какъ, по словамъ старца Филоѳея, „два Рима пали“. Московское царство „этого окаяннаго вѣка“ представляется Максиму Греку въ видѣ печальной вдовы, которая сидитъ въ пустынѣ, *на распутіи*; ее окружаютъ хищные звѣри: львы, медвѣди, волки и лисы—тѣ, коихъ Стоглавъ называетъ просто душегубительными волками. Пустой путь есть путь этого окаяннаго—*послѣдняго* вѣка. По воззрѣніямъ Максима Грека, антихристъ „не зѣло далече, но при дверяхъ стоитъ, якоже божественное писаніе учитъ насъ явственнѣ, глаголюще, на осьмомъ вѣцѣ быти хотящу всѣхъ устроенію, сирѣчь и *греческія области престанію* и началу мучительства богоборца антихриста“. Симптомы тяжелой переходной эпохи, раздвоенія, борьбы стараго идеала съ новымъ—ярко выражаются въ литературѣ и умственномъ движеніи московской Руси въ XVI вѣкѣ: здѣсь, а не во второй половинѣ XVII вѣка начинается новый отдѣлъ, скажемъ опредѣленнѣе: новый періодъ въ исторіи древней русской литературы“.

Факты, истолкованные такимъ образомъ, очевидно, давали совсѣмъ иную картину, чѣмъ та, какая получалась изъ одного внѣшняго ихъ сопоставленія. Мы видѣли раньше, что въ своей вступительной лекціи къ курсу, который посвящался литературѣ XVIII вѣка, Тихонравовъ считалъ нужнымъ начинать ея исторію съ глубины XVII столѣтія; но, слѣдя за развитіемъ движенія, искавшаго новыхъ источниковъ просвѣщенія, онъ восходилъ теперь еще далѣе, въ XVI вѣкъ. Его пріемъ заключался именно въ томъ, что онъ внимательно изучалъ наравнѣ съ крупными и тѣ частныя, нерѣдко мелкія, явленія, въ которыхъ, однако, высказывалась настоящая подкладка бродившихъ понятій; эти явленія онъ отыскивалъ въ самыхъ различныхъ областяхъ старой письменности, и если онѣ совпадали, это, очевидно, было признакомъ общаго настроенія извѣстной среды. Въ этихъ случаяхъ онъ въ особенности находилъ опору въ своей богатой начитанности въ письменныхъ памятникахъ, которыхъ огромная масса оставалась еще неизданной,—по этому личному опыту онъ и утвер-

ждалъ всегда, что изученіе старой литературы именно требуетъ изученія рукописей.

Подобнымъ образомъ онъ настаивалъ на изученіи подробностей и для новаго періода литературы. Опять крупныя явленія литературы получали новую оригинальную окраску въ забытыхъ подробностяхъ, которыя бывали любопытны именно тѣмъ, что исходили изъ обыкновеннаго круга общества или даже изъ народа. Въ его историко-литературномъ воззрѣніи была именно та отличительная черта, что онъ не довольствовался вершинами литературнаго движенія и напротивъ искалъ въ литературѣ отраженія жизни самыхъ различныхъ слоевъ общества: онъ думалъ, что для историка литературы, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ, необходимо дать мѣсто не только тѣмъ произведеніямъ, которыя возникали подъ вліяніемъ европейскихъ образцовъ и стремились создать новое содержаніе научныхъ понятій и новую поэзію, но и тѣмъ, которыя были продолженіемъ старой письменности, и гдѣ въ часто народномъ кругу совершалось своего рода движеніе.

Мы приведемъ еще одинъ эпизодъ изъ критическихъ замѣчаній Тихонравова, относящійся къ эпохѣ Петра Великаго. Здѣсь онъ опять не соглашался съ ходячими представленіями о литературѣ того времени, какія нашли мѣсто въ книгѣ Галахова.

„Предлагая характеристику литературы Петровскаго времени, —говорилъ Тихонравовъ,—г. Галаховъ показываетъ намъ только одну ея сторону,—литературу печатную, болѣе или менѣе оффиціальную; мы не видимъ литературы противоположнаго лагеря, литературы старовѣрческой: историческая картина не представляетъ необходимой полноты. Мы видимъ снова однихъ „представителей“ литературы и не знаемъ, что̀ движется и глухо волнуется подъ поверхностію оффиціальной литературы, какія тетрадки и листы обносятся по рукамъ кромѣ книгъ, напечатанныхъ по Царскаго Величества указу. Петровская литература еще движется въ старой формѣ—въ фо̀рмѣ болѣе рукописной, чѣмъ печатной. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Галаховъ, что „самъ Петръ и лучшіе умы его эпохи не успокоивались силою власти, которая могла безконтрольно приводить задуманныя мѣры въ исполненіе, не обращая вниманія на голоса, раздававшіеся внѣ и внутри Россіи, но старались оправдать эти мѣры путемъ печатнаго слова, дѣйствовать убѣжденіемъ, признавая за нимъ законную силу“. Но книга г. Галахова въ обзорѣ литературы Петровскаго времени именно не даетъ замѣтить того, кто стоялъ въ центрѣ ея, заправлялъ ею, кто самъ поправлялъ вѣдомости, церковныя службы, выбиралъ книги для перевода, писалъ программы для руководствъ,

указывалъ идеи, которыя слѣдовало распространить путемъ печатнаго слова—т.-е. самого царя. Взглянемъ хотя на ту литературу, которая развилась въ теченіе великой сѣверной войны—на проповѣди, школьныя драмы, объясненіе тріумфальныхъ вратъ, издававшіяся для всенароднаго множества, на первые опыты публицистики (въ родѣ Разсужденія о законныхъ причинахъ шведской войны), даже эктеніи на супостатовъ, церковныя службы: какое единство мысли, направленія, даже образовъ! Чувствуешь, что сокровенныя нити всѣхъ этихъ произведеній сходятся въ твердыхъ рукахъ одного человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла и не любящаго диссонансовъ". И затѣмъ онъ опять дѣлаетъ рядъ любопытныхъ указаній, измѣняющихъ общепринятое представленіе, напримѣръ, относительно Ѳеофана, и т. д.

Въ дальнѣйшей исторіи Тихонравовъ также дѣлаетъ весьма существенныя поправки къ мнѣніямъ Галахова. Таковы, напримѣръ, его объясненія литературнаго развитія Карамзина, гдѣ онъ придаетъ великое значеніе кружку Новикова, значеніе, котораго прежніе историки обыкновенно не замѣчали, какъ не замѣчалъ и Галаховъ. Такимъ образомъ и та литературная реформа, которая присвоивалась обыкновенно Карамзину, отодвигается далѣе, и, по мнѣнію Тихонравова, въ началѣ своемъ составляла именно заслугу Новиковскаго кружка.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ внимательное изученіе фактовъ, на которомъ настаивалъ Тихонравовъ, приводило, во-первыхъ, къ болѣе правильному пониманію отдѣльныхъ явленій, а затѣмъ къ иной постановкѣ даже основныхъ періодовъ въ развитіи литературы.

Эта рецензія книги Галахова осталась однимъ изъ важнѣйшихъ трудовъ Тихонравова именно потому, что въ ней, хотя въ очень сжатомъ очеркѣ, намѣчены по разнымъ существеннымъ вопросамъ литературной исторіи тѣ взгляды, къ которымъ онъ приходилъ въ своихъ собственныхъ изученіяхъ. Потому эта рецензія очень часто цитировалась историками литературы, находившими въ ней взгляды авторитетнаго изслѣдователя. Для цѣлей рецензіи онъ могъ конечно ограничиваться краткими замѣтками, но понятно, что надо было желать болѣе подробнаго изложенія какъ самой аргументаціи, такъ и общихъ заключеній,—и мы видѣли, что слушатели Тихонравова съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ читали замѣчанія некрологовъ о томъ, что Тихонравовъ не оставилъ трудовъ цѣльнаго характера, и указываютъ такіе труды въ его университетскихъ лекціяхъ.

Но это указаніе говорило о трудѣ, имѣвшемъ частное значеніе, и которому авторъ не придалъ значенія литературнаго: лекціи остались неизданными. Мы упоминали, что ближайшимъ кружкомъ слушателей Тихонравова приготовляется изданіе его сочиненій, и въ томъ числѣ его лекцій. Съ исполненіемъ этого изданія трудъ Тихонравова явится въ его полномъ составѣ, на сколько онъ успѣлъ выразиться въ его печатныхъ сочиненіяхъ и университетскихъ лекціяхъ. Если онъ самъ не издалъ послѣднихъ, причиною было, безъ сомнѣнія, его желаніе дать своему труду видъ болѣе законченный, отвѣчающій не однимъ тѣснымъ и спеціально педагогическимъ требованіямъ университетской аудиторіи, но и болѣе широкимъ требованіямъ, какія вызываются положеніемъ вопросовъ въ наукѣ. Онъ не успѣлъ этого сдѣлать; но лекціи сами по себѣ представляютъ своего рода законченную работу и исполнены интереса.

Издатели, безъ сомнѣнія, постараются собрать все, что сохранилось изъ лекцій Тихонравова съ 1859 года и до тѣхъ поръ, когда онъ оставилъ каѳедру. Въ настоящее время мы не имѣемъ свѣдѣній о цѣломъ составѣ и видоизмѣненіяхъ его курсовъ. Мы не имѣемъ также опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, какъ составились существующіе литографированные курсы. Какъ говорятъ, Тихонравовъ обыкновенно писалъ сполна свои лекціи: были ли литографированные тексты только списаны съ тетрадей Тихонравова или, что называется, были „записаны“ и послѣ, можетъ быть, просмотрѣны имъ? Судя по тому, что въ литографированныхъ курсахъ находятся цитаты изъ памятниковъ съ особенностями древняго написанія, можно предполагать и первое и второе,—т.-е. текстъ, болѣе или менѣе удостовѣренный.

Изъ лекцій Тихонравова была до сихъ поръ напечатана только одна, помѣщенная въ сборникѣ московскаго Общества любителей словесности на 1896 годъ (стр. 35—44): „Общій взглядъ на древнюю русскую литературу“. И затѣмъ нѣсколько ссылокъ на лекціи Тихонравова находимъ въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ г. Карнѣева. Мы имѣли возможность познакомиться съ нѣсколькими курсами Тихонравова, которые были сообщены намъ слушателями его, принимающими участіе въ приготовленіи упомянутаго изданія его сочиненій (М. Н. Сперанскимъ и В. Е. Якушкинымъ). Эти курсы относятся къ концу семидесятыхъ и къ восьмидесятымъ годамъ и обнимаютъ различные періоды и предметы исторіи литературы, отъ исторіи русскаго языка и палеографіи и до писателей начала XIX столѣтія. Эти курсы не обнимаютъ предмета въ цѣльномъ и послѣдова-

тельномъ изложеніи и представляютъ скорѣе подробное изложеніе отдѣльныхъ историческихъ эпизодовъ, но особенность левцій состояла въ томъ, что Тихонравовъ, остановившись на извѣстномъ явленіи, на извѣстномъ дѣятелѣ, старался изобразить ихъ во всей ихъ исторической обстановкѣ, въ ихъ связи съ цѣлымъ правленіемъ народной жизни, съ ихъ отраженіемъ въ другихъ областяхъ литературы, и наконецъ указывать связь явленій письменности съ явленіями народной поэзіи. Напримѣръ, въ курсѣ объ исторіи русскаго языка онъ даетъ общее введеніе, гдѣ разсказываетъ о возникновеніи науки о языкѣ, о сравнительномъ языкознаніи, затѣмъ переходитъ къ славянскимъ племенамъ и говоритъ, наконецъ, объ особенностяхъ и судьбахъ русскаго языка. Въ другомъ курсѣ, давши введеніе объ общемъ развитіи литературы, онъ переходитъ къ палеографіи, приводитъ исторію ея въ европейской наукѣ, дѣлаетъ очеркъ стараго русскаго письма и въ заключеніе останавливается на трудахъ тѣхъ ученыхъ, которые основали изученіе древней русской письменности. Онъ подробно говорилъ о трудахъ Новикова, дѣятельности котораго вообще онъ придавалъ большое историческое значеніе, видя въ немъ ревностнаго изслѣдователя старины, руководившагося народнымъ инстинктомъ, и, черезъ свой кружокъ, воспитателя Карамзина; далѣе онъ подробно говорилъ о митрополитѣ Евгеніи и библіографическихъ трудахъ съ конца XVIII столѣтія, объ изслѣдованіяхъ Востокова, наконецъ о трудахъ Горскаго и Невоструева, архіепископа Филарета, Ундольскаго и др. Это обозрѣніе, обставленное характерными подробностями объ условіяхъ времени и свойствѣ ученой работы, служило прекраснымъ введеніемъ для тѣхъ изслѣдованій о древней письменности, въ которыя Тихонравовъ посвящалъ своихъ слушателей. Или Тихонравовъ предпринималъ спеціальные курсы, и ученая работа совершалась на глазахъ его слушателей, какъ, напримѣръ, въ лекціяхъ о Словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ онъ сначала производилъ палеографическую реставрацію текста, испорченнаго въ изданіи гр. Мусина-Пушкина, которое за погибелью самой рукописи осталось единственнымъ исходнымъ пунктомъ изслѣдованія текста [1].

Не перечисляя тѣхъ курсовъ, которые были нами просмотрѣны, замѣтимъ, что ихъ изданіе можетъ послужить съ большою пользой и для дальнѣйшей разработки предмета, и для дѣла преподаванія — тѣмъ опытомъ, какой собранъ былъ Тихонраво-

---

[1]) Вкратцѣ эти палеографическія замѣчанія изложены были въ его учебномъ изданіи этого памятника.

вымъ въ его изученіяхъ, и тѣмъ способомъ изложенія, гдѣ предметъ объяснялся множествомъ раціонально подобранныхъ фактовъ и параллелей. Для ближайшей характеристики пріемовъ его изслѣдованія и преподаванія мы остановимся подробнѣе на одномъ эпизодѣ его лекцій о среднемъ періодѣ нашей письменности,— хотя неудобство цитировать неизданные тексты лишитъ наше изложеніе подлинныхъ характерныхъ подробностей.

Курсъ, читанный въ 1878—1879 году (а можетъ быть, читавшійся и ранѣе) и повторенный съ нѣкоторыми измѣненіями потомъ, посвященъ былъ различнымъ отдѣльнымъ эпизодамъ этой письменности, касаясь однако болѣе раннихъ и болѣе позднихъ эпохъ. Курсъ начинался указаніемъ трехъ главныхъ путей, какими шли литературныя воздѣйствія на древнюю русскую письменность, а именно со стороны Византіи, Болгаріи (или вообще южнаго славянства) и православнаго Востока (Святой земли). Далѣе, обширный трактатъ посвященъ былъ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ — ея первому происхожденію, постепенному возрастанію ея объема, отношенію статьи къ дѣйствительному составу отвлеченныхъ книгъ въ нашей письменности и условіямъ распространенія этихъ книгъ. Слѣдовалъ потомъ подробный разборъ сказанія о премудромъ Акирѣ, опредѣленіе его источника, различныхъ русскихъ редакцій этого сказанія, и наконецъ тѣхъ примѣненій къ русскому быту, какія оно въ концѣ концовъ получило на русской почвѣ; поученіе отца къ сыну, находящееся въ этомъ сказаніи, поставлено въ связь съ другими подобными наставленіями древней письменности, между прочимъ въ такихъ сборникахъ, какъ Златая цѣпь, Измарагды, Златоусты, и наконецъ въ Домостроѣ; въ заключеніе указывается вліяніе поученій Акира на Слово Данила Заточника, повѣсть о Горѣ-Злочастіи и пр. Передъ тѣмъ данъ разборъ житія Касьяна, относительно котораго приводятся указанія на его русское происхожденіе. Далѣе, исторія повѣсти о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, и разборъ ея славянскаго перевода. Особая лекція посвящена обще-арійскимъ вѣрованіямъ о загробной жизни, и далѣе погребальнымъ обрядамъ, какъ свидѣтельству народныхъ представленій о будущей жизни, преданіямъ о раѣ и адѣ, въ связи съ которыми находится извѣстное сказаніе новгородскаго архіепископа Василія о земномъ раѣ. Эти объясненія служатъ введеніемъ къ разбору „Хожденія Богородицы по мукамъ“: приводится литературная исторія этого памятника и объясненіе его русской редакціи. Рядомъ съ этимъ поставлено, далѣе, Слово о видѣніи апостола Павла (или апокалипсисъ Павла): это опять хожденіе

по мукамъ, которое имѣло свои отраженія въ другихъ памятникахъ русской письменности. Затѣмъ, начавъ съ разсказа о черной смерти въ XIV столѣтіи, Тихонравовъ говорилъ о западной сектѣ флагеллантовъ, гейслеровъ или бичующихся, и впервые сдѣлалъ предположеніе о тѣсной связи ея съ новгородскими стригольниками: указывая сходство въ ученіяхъ и обрядахъ обѣихъ сектъ, западной и русской, Тихонравовъ прибавлялъ, что даже въ пѣсняхъ нашихъ каликъ перехожихъ сохранились отголоски того суроваго аскетическаго духа, какимъ отличались нѣмецкіе гейслеры. Изложивъ свѣдѣнія о черной смерти въ Германіи и Италіи и разсказы о религіозномъ возбужденіи, какое произвела моровая язва, Тихонравовъ находилъ, что подобное возбужденіе, развивавшееся въ весьма различныхъ направленіяхъ, имѣло мѣсто и въ тогдашней русской жизни; русскія секты XIV вѣка представляютъ параллельныя явленія: рядомъ съ аскетизмомъ стригольниковъ, проповѣдовавшихъ необходимость общественнаго покаянія, въ Твери появились „лихіе люди", которые утверждали, что земного рая совсѣмъ нѣтъ и что не будетъ также и вѣчныхъ мукъ, потому что Богъ такъ милосердъ, что не могъ бы ихъ установить, и вмѣсто аскетизма являлось разрѣшеніе всѣхъ мірскихъ удовольствій; въ связи съ этимъ являлось то сказаніе архіепископа новгородскаго Василія о земномъ раѣ, гдѣ существованіе рая доказывалось и книгами, и личными показаніями его духовныхъ дѣтей новгородцевъ, которые въ морскихъ странствіяхъ сами видѣли этотъ рай. По мнѣнію Тихонравова, изъ секты стригольниковъ съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ литовскихъ и нѣмецкихъ выходцевъ, развилась впослѣдствіи другая, еще болѣе распространившаяся секта—жидовствующіе, и опять въ томъ же Новгородѣ: это былъ христіанскій мистицизмъ, или раціонализмъ, съ примѣсью настоящаго іудейства. Свѣдѣнія объ этихъ сектахъ скудны; исходя только отъ противниковъ, онѣ не полны и односторонни; писанія самихъ еретиковъ не сохранились; но самый историческій фактъ внѣшняго распространенія секты, проникшей наконецъ до самаго великокняжескаго двора, указываетъ на сильное возбужденіе умовъ. Секта увлекала не только людей невѣжественныхъ; напротивъ, въ числѣ ея приверженцевъ, болѣе или менѣе рѣшительныхъ, бывали люди книжные и съ большимъ общественнымъ положеніемъ, такъ что, очевидно, секта производила извѣстную книжную пропаганду, вносила какія-то новыя понятія, которыя способны были дѣйствовать и на книжныхъ людей. Слѣды этого книжнаго содержанія въ ереси жидовствующихъ Тихонравовъ указываетъ особливо въ дѣятельности еврея

Өедора, который переводилъ на русскій языкъ псалтирь и книгу Есөирь, и послѣдняя вошла въ составъ того полнаго списка Библіи, который собиралъ новгородскій архіепископъ Геннадій, величайшій врагъ и преслѣдователь секты. Въ связи съ этимъ религіознымъ возбужденіемъ XV вѣка Тихонравовъ излагаетъ исторію и содержаніе памятниковъ, которые получали особый интересъ для русскихъ читателей, между прочимъ вслѣдствіе ожиданія конца міра въ исходѣ этого столѣтія (1492): таково было знаменитое Слово Меөодія Патарскаго о концѣ міра, извѣстное еще съ первыхъ вѣковъ нашей письменности, и къ которому теперь обращались снова въ виду страшнаго событія; вмѣстѣ съ нимъ Тихонравовъ разсказывалъ житіе Андрея Юродиваго. Далѣе, однимъ изъ предвѣстій кончины міра было паденіе Царьграда, и Тихонравовъ разбираетъ сказанія объ этомъ событіи въ связи съ говорившими о немъ пророчествами; къ памятникамъ этого рода примыкалъ и апокрифическій апокалипсисъ Іоанна Богослова,—и Тихонравовъ объясняетъ, какъ на основаніи этихъ апокрифическихъ откровеній создался знаменитый стихъ о Голубиной книгѣ. Останавливаясь довольно подробно на этомъ религіозномъ движеніи, Тихонравовъ сопоставляетъ историческіе факты съ книжными памятниками и народно-поэтическими преданіями въ цѣльную картину мистическихъ настроеній того вѣка, — изъ нихъ въ концѣ концовъ создалось новое мистическое вѣрованіе или новая теорія о третьемъ Римѣ, который долженъ былъ стать на мѣсто двухъ павшихъ; этотъ третій Римъ была Москва... Курсъ завершается двуми трактатами: одинъ посвященъ разбору Стоглава; другой—подробному объясненію дѣятельности Максима Грека,—то и другое опять съ его собственными оригинальными соображеніями, которыя не всегда сходились съ обычными взглядами тогдашнихъ историковъ литературы.

Изъ приведенныхъ образчиковъ можно видѣть, что Тихонравовъ ставилъ вопросы исторіи литературы очень самостоятельно и оригинально. Вѣроятно большая практика преподаванія и съ другой стороны вообще живое пониманіе предмета дѣлали то, что его изложеніе пріобрѣтало всегда чрезвычайно реальный и жизненный характеръ. Палеографія не оставалась техническимъ объясненіемъ предмета; она тотчасъ связывалась съ исторіей науки, съ объясненіемъ того, какъ самая старина мало-по-малу раскрывалась для изслѣдованія и историческаго сознанія; исторія науки соприкасалась съ явленіями исторіи общественной, среди которыхъ она возникала и развивалась, и такимъ образомъ спеціальный предметъ представалъ со всѣми чертами его научнаго

значенія и вмѣстѣ общественныхъ условій, потому что и въ дѣйствительности изученіе старины было не дѣломъ одной археологіи, но и дѣломъ національнаго сознанія. Въ другомъ случаѣ, направляясь въ глубину средневѣковой письменности, Тихонравовъ искалъ въ ней не одного перечета памятниковъ „по вѣкамъ", а напротивъ, старался открыть общія характерныя черты эпохи и затѣмъ разъяснялъ ихъ изъ самыхъ разнородныхъ памятниковъ, гдѣ становились рядомъ и лѣтописный разсказъ, и грамота, и житіе, и повѣсть, и апокрифическая книга, и поэзія духовнаго стиха: встрѣченный памятникъ, когда онъ былъ мало извѣстенъ, получалъ здѣсь же свое историко-литературное объясненіе, но частная критика не прерывала общаго хода историческаго объясненія, и извѣстное явленіе, обставленное этимъ разнороднымъ матеріаломъ, — какъ оно было обставлено имъ въ исторической дѣйствительности,—получало то всестороннее объясненіе, какое и должно быть цѣлью исторіи. Этимъ общимъ характеромъ содержанія опредѣлялось и свойство изложенія: указавши въ главныхъ чертахъ характеръ эпохи, Тихонравовъ постоянно говорилъ фактами, наглядными примѣрами, подлинными словами памятниковъ, разнородными сличеніями; отъ одного вѣка переходилъ къ другому, когда въ немъ продолжался тотъ же процессъ народнаго вѣрованія, изъ одной литературной области переходилъ въ другую, какъ самыя идеи выражались и въ формѣ житія, и въ отзывѣ лѣтописца, и въ народной пѣснѣ. Онъ останавливался и на спеціальномъ изученіи отдѣльныхъ писателей, когда, напримѣръ, въ старой литературѣ Максимъ Грекъ, въ новѣйшей Ломоносовъ, Новиковъ, Карамзинъ, Жуковскій и т. д. являлись характернымъ и вліятельнымъ выраженіемъ вѣка, но и здѣсь опять онъ особенно заботился о томъ, чтобы выяснить это выраженіе, поставить писателя въ среду окружавшей его жизни и рядомъ съ нею объяснить его развитіе. Наконецъ, независимо отъ большого знанія присоединялось чисто литературное дарованіе, когда изъ своего матеріала,—въ древней письменности, нерѣдко еще полусырого, — онъ умѣлъ собрать ясную картину съ опредѣленными очертаніями, обдуманной перспективой и искусно подобранными подробностями.

Можно пожалѣть, что эти лекціи не были въ свое время изданы Тихонравовымъ. Тотъ недостатокъ полной обработки, который могъ для него казаться препятствіемъ къ изданію, легко объяснялся бы спеціальнымъ назначеніемъ этихъ чтеній, но зато онѣ принесли бы, безъ сомнѣнія, великую пользу не только для молодого филологическаго поколѣнія другихъ университетовъ, но

и для тѣхъ, у кого изученіе древней письменности или новѣйшей литературы было спеціальностью. Мы видѣли, какъ высоко цѣнили лекціи Тихонравова тѣ его слушатели, которые выбрали эти изученія своей спеціальностью и труды которыхъ успѣли уже занять видное мѣсто въ ученой литературѣ; нѣтъ сомнѣнія, что лекціи Тихонравова, хотя бы и безъ его личнаго руководства, могли бы подобнымъ образомъ содѣйствовать распространенію историко-литературнаго знанія и правильнаго историко-литературнаго метода... Несмотря на большую массу изслѣдованій, какія, особливо въ послѣднее время, посвящаются историко-литературнымъ вопросамъ, нельзя не видѣть, что остается еще много пробѣловъ и въ частныхъ изслѣдованіяхъ, и въ общей постановкѣ предмета: и въ томъ и въ другомъ отношеніи левціи Тихонравова могли бы и теперь принести немалую пользу. Въ вопросахъ спеціальныхъ изслѣдованія во многихъ случаяхъ подвинуты въ послѣднее время далеко впередъ: издано многое, что̀ прежде было доступно только въ рукописяхъ; многіе отдѣльные памятники разработаны съ большою подробностью и, напримѣръ, международныя связи нашей легенды и повѣсти разъяснены съ такою обширною массою сличеній, какой и самъ Тихонравовъ не предполагалъ,—но и здѣсь его изысканія сохраняютъ свою поучительность въ томъ отношеніи, что онѣ всегда были сосредоточены именно на старыхъ русскихъ формахъ преданія въ тѣсной связи съ историческою дѣйствительностью.

Изданные труды Тихонравова, также какъ его лекціи, достаточно раскрываютъ пріемы его работы: о нихъ говорятъ и приведенныя выше воспоминанія его слушателей. На первомъ планѣ стояло для него историческое удостовѣреніе литературнаго факта: опредѣленіе его эпохи; его сѳставъ,—вопросъ чрезвычайно важный въ древней письменности, гдѣ данный памятникъ подвергался въ разное время и въ разныхъ кругахъ весьма значительнымъ измѣненіямъ и такимъ образомъ самъ получалъ свою частную исторію; явные или скрытые его источники; отношеніе литературнаго факта къ дѣйствительности; различныя отраженія его въ послѣдующіе періоды; особенности стиля и языка. Съ извѣстными видоизмѣненіями эти критическія требованія онъ прилагалъ и къ древней письменности, и къ новѣйшей литературѣ: какъ въ изданіяхъ древнихъ памятниковъ онъ стремился къ абсолютно точной передачѣ стараго написанія, такъ въ послѣдніе годы жизни онъ усиленно заботился о передачѣ всѣхъ минимальныхъ варіантовъ

въ сочиненіяхъ Гоголя. Въ томъ и другомъ случаѣ у него были опредѣленныя цѣли: въ разнорѣчіяхъ древняго памятника онъ слѣдилъ видоизмѣненіе понятій, литературной манеры; въ варіантахъ Гоголя онъ хотѣлъ проникнуть въ процессъ литературнаго труда у первостепеннаго писателя. Когда представлялся памятникъ единственный въ своемъ родѣ, какъ Слово о полку Игоревѣ, онъ подвергалъ его тѣмъ болѣе внимательному изученію, и, напримѣръ, ему первому, совершенно въ духѣ его обычныхъ пріемовъ, пришла мысль предпринять палеографическую реставрацію Слова. Древняя русская письменность была небогата самостоятельными произведеніями, многія черты древняго быта не находили выраженія въ условной литературѣ; поэтому пріобрѣтало большую важность ихъ изученіе по косвеннымъ свидѣтельствамъ старины и въ кругъ литературныхъ изученій должны были быть привлекаемы самые разнообразные памятники,—и Тихонравовъ дѣйствительно всегда ставилъ это своей задачей... То же детальное изученіе онъ примѣнялъ и къ новой литературѣ, и напримѣръ особенно любопытными образчиками его работы были здѣсь его изслѣдованія о Карамзинѣ, рѣчь о Пушкинѣ и исторія литературнаго труда Гоголя въ примѣчаніяхъ къ изданію его сочиненій.

Для объясненія пріемовъ работы Тихонравова, кромѣ самыхъ сочиненій, кромѣ упомянутыхъ воспоминаній его слушателей, мы имѣемъ еще цѣнныя указанія, которыми обязаны прежнему слушателю Тихонравова, потомъ товарищу по профессурѣ и авторитетному изслѣдователю древней русской письменности, В. О. Ключевскому.

„Н. С.,—разсказываетъ г. Ключевскій,—былъ довольно замкнутый ученый, не любившій раскрываться не только передъ студентомъ, но и передъ близкимъ товарищемъ по занятіямъ. Въ аудиторію онъ всегда приходилъ съ тщательно обработанною и отдѣланной лекціей, въ которой заботливо скрыта была отъ вниманія слушателя вся черновая работа. Онъ думалъ, что лучше вовсе не читать лекцій, чѣмъ читать ихъ кой-какъ, и потому читалъ ихъ всегда прекрасно, только довольно рѣдко, по крайней мѣрѣ, въ годы моего студенчества (1861—1865). Въ то время онъ, какъ и Ѳ. И. Буслаевъ, читалъ лекціи и по всеобщей литературѣ, потому что у насъ тогда не было особыхъ преподавателей этого предмета. По русской литературѣ, сколько мнѣ извѣстно, онъ читалъ или спеціальные, монографическіе курсы, или, впрочемъ рѣже, общіе, точнѣе, сборные, представлявшіе

выборку важнѣйшихъ эпизодовъ изъ спеціальныхъ (о научной разработкѣ предмета, о народной словесности и апокрифахъ, о Стоглавѣ, расколѣ, Кантемирѣ, Тредьяковскомъ, Ломоносовѣ, Новиковѣ, Карамзинѣ и т. д.). Первые пять изъ указанныхъ отдѣловъ иногда развивались въ цѣльный и обстоятельный историческій обзоръ древне-русской литературы: такой обзоръ былъ прочитанъ въ семидесятыхъ годахъ на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ, и изъ него слушательницамъ остались особенно памятны по подбору фактовъ и постепенному сгущенію красокъ лекціи о зарожденіи и ростѣ западнаго вліянія или „тяги къ Западу", какъ выражался лекторъ. Лекція его составлялась изъ трудолюбиво подобранныхъ и мастерски сложенныхъ подробностей, которыя осторожно обобщались и умѣренно освѣщались разсужденіями лектора. Нерѣдко она имѣла видъ изящной мозаики разнообразныхъ мелкихъ данныхъ, которыя своимъ подборомъ и расположеніемъ представляли такое послѣдовательное развитіе мысли профессора и живостью конкретныхъ чертъ сообщали предмету такую изобразительную наглядность, что, несмотря на свое обиліе, легко и стройно укладывались въ памяти слушателя. Особенно умѣлъ онъ критическимъ разборомъ и сопоставленіемъ списковъ и редакцій, мозаическимъ подборомъ источниковъ и варіантовъ выяснить происхожденіе, ростъ и составъ какого-либо апокрифа, зарожденіе, развитіе и осложненіе легенды, идею и ходъ разработки литературнаго типа. Всѣмъ этимъ, при его превосходной манерѣ чтенія, лекціи его производили сильное методологическое впечатлѣніе: слушатель если и не вполнѣ отчетливо понималъ, какъ добывались, обработывались и подбирались всѣ эти такъ складно уложенные детали, то живо чувствовалъ, какъ возбуждаетъ и убѣждаетъ мысль такое детальное изученіе, возстановляющее цѣльный образъ разбитаго предмета посредствомъ подбора разсѣянныхъ по памятникамъ осколковъ.

„Я слишкомъ недостаточно знакомъ съ тѣми спеціальными отдѣлами исторіи литературы, надъ которыми особенно долго и упорно работалъ Н. С., чтобы могъ быть для него занимательнымъ собесѣдникомъ по занимавшимъ его вопросамъ, да и не отваживался вступать съ нимъ въ разсужденія о такихъ предметахъ, чтобы не смущать его своими наивными недоразумѣніями. Но, бывало, въ тихіе іюньскіе вечера, сидя на берегу Сѣтуни или Москвы-рѣки и глядя на застывшіе въ водѣ поплавки въ безнадежномъ ожиданіи поклева, мы перекидывались черезъ раздѣлявшій насъ кустъ отрывистыми замѣчаніями объ оскудѣніи рукописнаго рынка въ Москвѣ, о новостяхъ у букинистовъ Си-

лина и Большакова, о московскихъ собраніяхъ и собирателяхъ рукописей, о ходѣ изученія древнерусской письменности и т. д. Н. С. былъ библіоманъ въ душѣ: онъ не только дорожилъ рѣдкой книгой или рукописью, какъ ученый, знающій имъ научную цѣну,—онъ любилъ ту и другую, какъ виртуозъ любитъ свой инструментъ. Когда, бывало, перебираешь съ нимъ новый рукописный товаръ въ лавочкѣ у Ильинскихъ воротъ и попадется какая-нибудь рѣдкость въ родѣ *рафлей* или неизвѣстнаго еще *хожденія* во св. землю, по молчаливо-сосредоточенному лицу и неосторожно засвѣтившимся маленькимъ глазамъ живо чувствовалось, какъ напрягались его нервы. Я уважалъ въ немъ это увлеченіе, не раздѣляя его. Это не было безцѣльное любительское увлеченіе: оно вытекало изъ обдуманнаго взгляда на ближайшія научныя задачи, какія предстоитъ разрѣшить изучающему исторію русской литературы. Онъ думалъ, что въ этой отрасли знанія предстоитъ еще много открытій, что ея будущее таится въ неизслѣдованномъ рукописномъ матеріалѣ и что только терпѣливымъ детальнымъ изученіемъ этого матеріала можно добыть ключъ къ рѣшенію ея важнѣйшихъ задачъ. Отсюда его осторожность въ выводахъ, нерасположеніе къ широкимъ обобщеніямъ, наклонность къ микроскопическимъ наблюденіямъ, къ мелкимъ библіографическимъ и критическимъ разысканіямъ. Самъ онъ избралъ для спеціальнаго изученія одинъ очень трудный и сложный вопросъ, выступающій изъ рамокъ исторіи литературы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Боюсь, я опредѣлю этотъ вопросъ узко и односторонне, принявъ за его сущность то, что̀ меня въ немъ преимущественно занимаетъ... Припоминая, о чемъ всего охотнѣе говорилъ онъ въ частныхъ бесѣдахъ, и сопоставляя это съ содержаніемъ его печатныхъ сочиненій, я думаю, что такимъ предметомъ его спеціальнаго изученія былъ вопросъ о двухъ вліяніяхъ, византійскомъ и западномъ, которыя одно за другимъ особенно сильно подѣйствовали не только на нашу литературу, но и на весь складъ жизни нашего общества. Онъ съ усиленнымъ вниманіемъ останавливался на явленіяхъ, въ которыхъ особенно явственно сказывалось дѣйствіе этихъ вліяній или противодѣйствіе имъ. Этимъ интересомъ, думается мнѣ, объединяются его печатные труды, видимо столь разнообразные по своимъ темамъ и казавшіеся плодами случайныхъ находокъ въ рукописяхъ: статьи о бояринѣ Морозовой, о Квиринѣ Кульманѣ, о московскихъ вольнодумцахъ, о началѣ русскаго театра и др. Все это—частичныя работы надъ однимъ цѣльнымъ предметомъ, надъ вопросомъ о двухъ вліяніяхъ, въ составъ котораго входилъ и вопросъ, много лѣтъ

усиленно занимавшій Н. С. и предполагавшійся стать темой цѣлой диссертаціи. „Отреченныя книги древней Руси". Эта диссертація, какъ извѣстно, еще въ 60-хъ годахъ была печатно заявлена на заглавномъ листѣ сборника памятниковъ отреченной русской литературы, который служилъ къ ней приложеніемъ, долго ожидалась читающимъ русскимъ обществомъ, но не была напечатана, вѣроятно, по извѣстной привычкѣ Н. С. работать медленно и осторожно, собирая матеріалы, обрабатывая подробности. Въ лекціяхъ и устныхъ бесѣдахъ онъ яснѣе, чѣмъ въ печати, высказывалъ свой основный взглядъ на то, какъ дѣйствовали на движеніе русской мысли оба вліянія, византійское и западное. Древне-русская литература не была столь однообразна и суха, какою представляется она при изученіи памятниковъ духовной письменности, развивавшейся подъ церковно-византійскимъ вліяніемъ. Рядомъ съ этой „оффиціальной" литературой пробивались другія теченія, питавшія народную мысль и фантазію. Таковы были отреченныя сказанія свѣтскаго характера, приходившія на Русь первоначально изъ той же Византіи, а потомъ—съ XVI в. съ латинскаго Запада. Эта запретная литература „ложныхъ книгъ" по своей близости къ народнымъ понятіямъ и потребностямъ имѣла даже больше вліянія и больщій кругъ читателей, чѣмъ литература оффиціальная, „истинная". Укрываясь отъ церковнаго преслѣдованія, пришлый апокрифъ изъ области письменности проникалъ въ сферу устной народной словесности и, такимъ образомъ, входилъ въ составъ туземнаго народнаго сознанія. Этимъ возбуждалось и поддерживалось движеніе народной мысли и фантазіи, задерживаемое оффиціальной литературой, чуждавшейся житейскихъ интересовъ и почти отрѣшившейся отъ народной жизни, старавшейся замкнуть мысль въ неподвижныя понятія.

„Изложенный сейчасъ взглядъ хорошо извѣстенъ. Я припомнилъ его здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ возможно простѣйшей схемѣ только для того, чтобы показать, какъ въ немъ объединялись, повидимому, разнопредметныя изслѣдованія Н. С. и что̀ давала такая обработка чисто-литературнаго матеріала для уясненія общаго хода русской исторіи. Вопросъ объ отреченныхъ книгахъ органически сростался съ общимъ вопросомъ о вліяніяхъ византійскомъ и западномъ; апокрифъ, проводникъ обоихъ вліяній, особенно второго, вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствовалъ исключительному господству и одностороннему направленію перваго. Изученіемъ отреченныхъ книгъ древней Руси Н. С. подходилъ къ тому таинственному, трудно-уловимому мо-

менту въ исторіи духовной жизни народа, къ которому вы въ своей диссертаціи подходили нѣсколько съ другой стороны,—къ моменту встрѣчи пришлой книги съ народною фантазіей и мыслью, которыя перерабатывали книжный матеріалъ въ легенду, повѣрье, понятіе, даже въ пѣсню, въ духовный стихъ. Этотъ моментъ привлекалъ къ себѣ усиленное вниманіе Н. С. Это и понятно: на этомъ моментѣ всего удобнѣе наблюдать дѣйствіе обоихъ стороннихъ вліяній, сначала византійскаго—на народную мысль и фантазію, еще пропитанныя языческими понятіями и образами, потомъ западнаго—на умы уже выдержанные византійскимъ вліяніемъ съ его обрядовою дисциплиной, „съ его монашескими идеалами, съ его замкнутою въ богословскую сферу наукой и литературой", какъ выразился Н. С. въ статьѣ о боярынѣ Морозовой. Здѣсь всего явственнѣе вскрывалась двойственность элементовъ, встрѣчавшихся, боровшихся и постепенно сроставшихся въ народномъ сознаніи,—то состояніе или настроеніе, которое Н. С. обозначалъ своимъ характернымъ и столь извѣстнымъ терминомъ—*двоевѣріемъ*, составленнымъ по образцу выраженій, встрѣчающихся въ словахъ преп. Ѳеодосія печерскаго и въ древнерусскихъ поученіяхъ, направленныхъ противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Отсюда же его интересъ къ древне-русскимъ эпитимейникамъ, разнымъ „предсловіямъ покаянію, заповѣдямъ св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ, исповѣданіямъ княземъ и болярамъ и дѣтемъ боярскимъ"—ко всѣмъ этимъ наставленіямъ о покаяніи, истиннымъ и особенно апокрифическимъ, называвшимся „худыми номоканунцами", два образчика которыхъ напечатаны имъ во II томѣ „Памятниковъ отреченной русской литературы". Не одинъ часъ провели мы надъ этими эпитимейниками, стараясь объяснить встрѣчающіяся въ нихъ темныя слова и выраженія. Въ бумагахъ Н. С—ча должны найтись выписки изъ рукописныхъ памятниковъ этого рода, мною видѣнныя. Здѣсь на совѣстномъ судѣ духовника, среди предписаній, живо рисующихъ нравы и понятія двоевѣрныхъ людей, ярко выступаютъ пороки, нравственные навыки и общественныя отношенія, завѣщанные языческой стариной и долго сохранявшіеся, благодаря медленному воздѣйствію христіанства. Въ „худыхъ номоканунцахъ" Н. С—ча особенно занимали поправки, какими древнерусское духовенство смягчало суровыя требованія цареградскаго канона и эпитимейника, уменьшая, напримѣръ, эпитимьи для холоповъ, совершавшихъ преступленія подъ гнетомъ нужды или насилія.

„Такъ историкъ литературы подавалъ руку своимъ сосѣдямъ,

работающимъ въ смежныхъ областяхъ историческаго изученія, помогая имъ уяснить, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ и какимъ сложнымъ процессомъ складывается народное міросозерцаніе, а, не зная этого міросозерцанія, что можно объяснить сколько-нибудь удовлетворительно въ политической, юридической и нравственной жизни народа?

„Вотъ и все, что я могу припомнить о Н. С., какъ о преподавателѣ и изслѣдователѣ. Работая довольно медленно и очень молчаливо, онъ не оставилъ обильнаго матеріала для воспоминаній. Я далекъ отъ мысли, что мнѣ удалось отмѣтить все существенное въ его ученыхъ пріемахъ и научныхъ воззрѣніяхъ. Я и не ставилъ себѣ такой цѣли, а хотѣлъ только сказать, что меня наиболѣе занимаетъ въ его пріемахъ и воззрѣніяхъ, какъ я понимаю тѣ и другія. Болѣе всего чту я его отношеніе къ источнику, уваженіе къ тексту памятника, если можно такъ выразиться, любовь или привычку терпѣливо искать и умѣніе находить въ немъ мелкія, но живыя подробности и изъ нихъ отливать крупный фактъ, цѣльное и вѣское знаніе. Потомъ я цѣню въ немъ качество, которое я назвалъ бы чутьемъ научнаго вопроса: онъ умѣлъ выбирать вопросы важные и трудные, но доступные разрѣшенію, непохожіе на уравненіе со многими неизвѣстными, и притомъ вопросы очередные, стоящіе на первой очереди въ избранной области знанія. Одного вопроса о двухъ вліяніяхъ, какъ его ставилъ Н. С., было бы достаточно, чтобы надолго удержать его имя въ памяти людей, занимающихся исторіей русской литературы и жизни. Его упрекали въ одномъ недостаткѣ, чуть не въ порокѣ: онъ мало писалъ, т.-е. печаталъ. Въ этомъ видѣли недостатокъ трудолюбія, даже равнодушіе къ читающему обществу, съ которымъ онъ могъ и долженъ былъ щедрѣе дѣлиться результатами своихъ ученыхъ работъ. По личнымъ наблюденіямъ и мнѣ думалось, что онъ не любилъ писать. Объ этомъ можно жалѣть тѣмъ болѣе, что онъ былъ мастеръ писать: читателямъ его памятны спокойная простота и ясность его изложенія, умѣнье вводить въ рѣчь живыя краски времени и источника, сдержанность сужденій и отчетливость выводовъ. Но я расположенъ объяснять эту нелюбовь лучшими побужденіями. Я часто замѣчалъ, что преподаватели вообще не охотники писать. Какъ преподаватель и хорошій преподаватель, Н. С. предпочиталъ живое слово молчаливой бесѣдѣ съ неизвѣстнымъ читателемъ. Притомъ и по своему взгляду на ближайшія задачи въ исторіи русской литературы, по своему чутью очереди въ порядкѣ изученія предмета онъ думалъ, что пока нужнѣе соби-

раніе, разборка и изданіе матеріала, чѣмъ его систематическая обработка и изложеніе обобщенныхъ выводовъ. Потому, какъ извѣстно, онъ больше собиралъ и издавалъ, чѣмъ писалъ, и издавалъ прекрасно. Да и ректорство на много лѣтъ отвлекло его отъ ученыхъ работъ, о чемъ самъ онъ жалѣлъ не меньше тѣхъ, кто зналъ цѣну его научнаго труда. Медлительность и мнительность, по винѣ которыхъ многіе начатые имъ труды остались неоконченными, можно объяснить скорѣе его уваженіемъ къ обществу, чѣмъ равнодушіемъ къ его потребностямъ. Передъ читающимъ обществомъ онъ не любилъ показываться кой-какъ, запросто; къ его интересамъ онъ относился точно такъ же, какъ къ чужимъ мнѣніямъ, съ почтительной осторожностью. А его отношеніе къ чужимъ мнѣніямъ я считаю одною изъ характерныхъ его особенностей, о которой должно напомнить. Онъ охотно высказывалъ одобреніе, но воздерживался отъ порицаній. Я не помню, чтобы мнѣ случилось видѣть его спорящимъ и даже не могу представить его себѣ въ положеніи спорщика. Онъ былъ опасный оппонентъ на диспутахъ; но я также не помню, чтобы его возраженія вызывали споръ, потому что съ ними обыкновенно соглашались. Въ частной ученой бесѣдѣ онъ слушалъ очень внимательно и спокойно,—все равно, сочувствовалъ ли онъ высказываемому мнѣнію или нѣтъ,—и прекрасно запоминалъ слышанное: случалось, что много лѣтъ спустя онъ напоминалъ собесѣднику мысль, имъ высказанную и потомъ забытую. Такое отношеніе къ чужому мнѣнію тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что при этомъ Н. С—чу приходилось бороться съ нѣкоторыми неровностями своего характера, соединявшаго въ себѣ трудно совмѣстимыя качества, впечатлительность и сдержанность, а въ иныхъ случаяхъ доставить торжество второму свойству надъ первымъ можно было только значительнымъ усиліемъ воли. Въ его присутствіи иногда высказывались по исторіи русской литературы опрометчивыя и заносчивыя сужденія, способныя раздражать, особенно такого впечатлительнаго въ душѣ человѣка, какимъ былъ Н. С. Но онъ обыкновенно выслушивалъ ихъ молча и только по спокойно-сосредоточенному и снисходительному выраженію его лица можно было догадываться, что онъ относится къ такимъ сужденіямъ какъ къ привычной и неизбѣжной непріятности. Я хорошо запомнилъ это спокойное и добродушное лицо въ ту минуту, когда на р. Бедринкѣ въ Зенинѣ, гдѣ онъ живалъ лѣтомъ, разъ упустилъ только-что пойманнаго имъ большого леща, сажая его въ сѣтку".

Не мало любопытныхъ данныхъ о ходѣ работъ Тихонравова найдется въ перепискѣ Тихонравова—въ письмахъ къ нему, которыя мы просматривали въ его бумагахъ въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ, и въ его собственныхъ письмахъ, которыя придется еще собирать будущему біографу и изъ которыхъ мы могли воспользоваться только немногимъ. Такъ въ бумагахъ Тихонравова находятся многочисленныя письма, съ пятидесятыхъ до девяностыхъ годовъ: Билярскаго (по поводу изданія бумагъ Ломоносова), арх. Амфилохія, арх. Порфирія (о цензурѣ Никодимова Евангелія, 1860), А. В. Горскаго, В. М. Ундольскаго, А. А. Куника (о Ломоносовѣ), кн. П. П. Вяземскаго, А. Е. Викторова, Ф. Терновскаго, П. П. Пекарскаго, Срезневскаго, С. М. Соловьева, П. В. Анненкова, И. С. Тургенева, И. Е. Забѣлина, А. Н. Веселовскаго, г. Филимонова, Я. К. Грота, М. И. Сухомлинова, И. Чельцова (о рукописяхъ Стоглава, 1863), И. Чистовича, В. Н. Хитрово, С. А. Усова и пр.

Мы привели выше нѣсколько писемъ Тихонравова изъ пятидесятыхъ годовъ. Приводимъ нѣсколько извлеченій изъ позднѣйшей переписки, которою имѣли возможность пользоваться и гдѣ есть любопытныя подробности о ходѣ его работъ. Съ пятидесятыхъ годовъ началась его переписка съ Срезневскимъ [1]). Въ январѣ 1853 г., онъ напоминаетъ о себѣ Срезневскому, какъ своему „бывшему наставнику“ (въ Педагогическомъ Институтѣ), и посылаетъ ему нѣсколько своихъ первыхъ печатныхъ работъ. Въ другомъ письмѣ не обозначеннаго времени, но изъ шестидесятыхъ годовъ, когда Тихонравовъ занятъ былъ отреченной литературой, находимъ извѣстія объ этихъ его занятіяхъ. Онъ обращался къ Срезневскому съ просьбою оказать содѣйствіе изданію третьяго тома его книги.

„Два изданные мною тома „Памятниковъ“,—писалъ Тихонравовъ,—далеко не исчерпываютъ даже и того запаса образцовъ этой обширной и важной литературной отрасли, который уже собранъ мною въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ. Московскій университетъ далъ мнѣ матеріальныя средства предпринять нѣсколько болѣе или менѣе продолжительныхъ поѣздокъ въ Петербургъ и Троицкую лавру и, кромѣ того, содѣйствовалъ напечатанію небольшой части собраннаго мною матеріала. Но изданія, подобныя „Памятникамъ отреченной литературы“, не могутъ разсчитывать на широкое и быстрое распространеніе въ публикѣ. Средства мои не позволяютъ мнѣ думать о продолженіи изданія

1) Она была намъ сообщена Всев. И. Срезневскимъ.

„Памятниковъ", мною собранныхъ. Еще въ февралѣ истекающаго (?) года третій томъ оныхъ былъ разсмотрѣнъ и разрѣшенъ къ печати петербургскимъ комитетомъ духовной цензуры; но всѣ мои попытки найти издателя для этого труда остались совершенно безплодными"... „Изъ прилагаемаго при семъ оглавленія третьяго тома „Памятниковъ" вы изволите усмотрѣть, что половина вошедшихъ въ него произведеній никогда не была издаваема въ славяно-русскихъ переводахъ; что нѣкоторыя изъ нихъ (Откровеніе Варуха) неизвѣстны и по греческимъ подлинникамъ; что самыя произведенія, уже обнародованныя въ славянскихъ текстахъ, являются здѣсь въ *новыхъ*, самостоятельныхъ *славянскихъ* редакціяхъ (Вопросы Іоанна Богослова, Вареоломѣевы вопросы); третьи. наконецъ, примѣчательны по древности списковъ и языка (смерть Авраама). Послѣ февраля я дополнилъ свой третій томъ нѣсколькими новыми пріобрѣтеніями изъ рукописей московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ, такъ что въ настоящее время онъ, по соображеніямъ моимъ, возросъ до 40 печатныхъ листовъ".

Къ письму приложено слѣдующее:

„Содержаніе 3-го тома „Памятниковъ отреченной русской литературы".

1) Первоевангеліе Іакова (по рук. XVI вѣка, Троицкой Лавры).

2) Евангеліе Никодима въ 2-хъ редакціяхъ:
 a) по рукописи XV в. Софійскихъ библ.
 b) краткая по рукописи Ундольскаго XVI в.

3) Посланіе Пилата къ Тиверію кесарю:
 a) изъ Сильвестровскаго сборника XIV в.
 b) изъ рукописи XV в. Синод. библ.
 c) особая редакція изъ сербской рукописи XV в.

4) Смерть Авраама—изъ рукописи XIII в. Савостьянова.

5) Вареоломѣевы вопросы Богородицѣ, изъ рукописи XV в. Духовн. Акад.

6) Хожденіе Богородицы по мукамъ, изъ рукописи 17 вѣка, принадлежащей мнѣ.

7) Вопросы Іоанна Богослова Аврааму о праведныхъ душахъ (изъ рукописи 17 в., принадлежащей мнѣ).

8) Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ (изъ рукописи прошлаго вѣка Соловец. библіот.).

9) Видѣніе пророка Исаіи (изъ серб. рукописи 15 вѣка Савостьянова).

10) Послѣднее видѣніе Даніила пророка (изъ рукописи 16 в. Румянц. музея).

11) Откровеніе Варуха (изъ рукописи 15 вѣка Москов. Духовн. Акад.).

12) Богумильское сказаніе о началѣ міра (изъ рукописи 17 вѣка, Ундольскаго).

13) О святомъ Θеоктеристѣ (изъ рукописи 17 в., принадлежащей мнѣ).

14) Лживыя молитвы (изъ рукописей 14 и 17 в. Соловец. библ.).

15) Молніяникъ
16) Колядникъ
17) О лунныхъ дняхъ
18) Окруженіе мѣсяца
} изъ рукописи 18 в. Духовн. Акад.

19) Альманахъ (изъ рукописи 18 в. Пуб. библ.).

20) Тайная тайныхъ (псевдо-) Аристотеля (изъ рукописи 17 в. Синод. библ.)".

Не знаемъ, почему это изданіе не состоялось. Впослѣдствіи, долго спустя, онъ снова началъ переговоры съ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о печатаніи этого третьяго тома, но и на этотъ разъ дѣло не было приведено къ концу [1]), и только послѣ его смерти небольшая часть этого третьяго тома была издана въ „Сборникѣ" русскаго отдѣленія; и также послѣ его смерти изданы были Отдѣленіемъ его незаконченные „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина" (Спб. 1894).

Въ письмахъ Я. К. Грота (въ бумагахъ Румянцовскаго музея) находимъ опять переговоры о выпускѣ въ свѣтъ упомянутаго выше юбилейнаго словаря питомцевъ московскаго университета 1854—1855 г., гдѣ между прочимъ находится составленная Тихонравовымъ біографія Новикова, далеко не потерявшая своего значенія даже теперь, послѣ нѣсколькихъ изслѣдованій, посвященныхъ знаменитому дѣятелю Екатерининскихъ временъ. Гротъ находилъ возможнымъ и желательнымъ выпускъ этихъ старыхъ напечатанныхъ листовъ съ однимъ объяснительнымъ предисловіемъ; но и это изданіе не состоялось.

Въ письмахъ П. П. Пекарскаго (тамъ же) находимъ переговоры о приглашеніи Тихонравова въ Петербургъ въ составъ академическаго Отдѣленія русскаго языка и словесности. Тихонравовъ, повидимому, не захотѣлъ покидать Москвы.

Значительное собраніе писемъ Тихонравова было намъ сообщено Л. Н. Майковымъ. Письма относятся къ ихъ общимъ инте-

---

[1]) Ср. некрологъ, Л. Н. Майкова, въ Журналѣ мин. нар. просв., 1894, январь стр. 12 отдѣльнаго оттиска.

ресамъ въ древней письменности, но наибольшая часть занята вопросами Тихонравова по поводу принятой имъ на себя редакціи извѣстнаго 10-го изданія сочиненій Гоголя. Тихонравовъ примѣнилъ къ изданію сочиненій Гоголя такую же, доходившую до послѣднихъ мелочей, точность, какую онъ примѣнялъ, напримѣръ, къ памятникамъ XIV-го вѣка. Онъ поставилъ себѣ задачей пересмотрѣть всѣ рукописи Гоголя, какія только могли быть ему доступны, подробно сличить ихъ разнорѣчія, выдѣлить различныя редакціи каждаго произведенія—гдѣ было возможно, отъ первыхъ набросковъ до той формы, какую произведеніе Гоголя получало въ окончательной отдѣлкѣ; изъ рукописей Гоголя онъ хотѣлъ собрать все, что было написано великимъ писателемъ до мелкихъ отрывочныхъ замѣтокъ въ записной книжкѣ; изготовляя текстъ сочиненій, онъ собиралъ малѣйшія разнорѣчія рукописныхъ копій и печатныхъ изданій, исходившихъ отъ самого Гоголя. Это рѣдкое по своей внимательности изученіе дало ему возможность составить тѣ „примѣчанія“, въ которыхъ онъ объяснялъ исторію написанія всѣхъ главныхъ произведеній Гоголя, относительно которыхъ сохранились какія-либо указанія въ самыхъ рукописяхъ, какія-нибудь свидѣтельства въ его письмахъ, въ разсказахъ и воспоминаніяхъ его друзей и лицъ его знавшихъ. Онъ изучалъ въ Петербургѣ рукописи Гоголя, находящіяся въ Публичной Библіотекѣ, но затѣмъ эти рукописи были ему высылаемы изъ Библіотеки черезъ московскій университетъ. Случалось, что онъ не успѣлъ отмѣтить какую-нибудь подробность, и когда рукописи были возвращены, справка становилась невозможной; случалось, что въ рукописяхъ Гоголя, которыя были вообще очень небрежны и неразборчивы, онъ не въ состояніи былъ прочесть нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ и т. п.,—и въ этихъ крайнихъ случаяхъ сыпались его письма къ г. Майкову, который былъ тогда помощникомъ директора Публичной Библіотеки. Приводимъ нѣсколько образчиковъ, чтобы дать понятіе объ этомъ отношеніи Тихонравова къ дѣлу.

Въ одномъ изъ первыхъ писемъ по этому предмету, по обыкновенію безъ означенія года, въ 1887 г. [1]), Тихонравовъ пишетъ: „Сегодня, 21 іюля, въ правленіи Университета получены и переданы въ библіотеку присланныя вами рукописи Гоголя. Я бросился на нихъ, какъ хищный звѣрь бросается на добычу; но вооруженъ я былъ не когтями звѣря, а корректурнымъ листомъ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ, которая была у меня давно набрана по изданію Аѳ. Ѳ. (въ „Рус. Архивѣ“, 1885 г., № 7).

---

[1]) Хронологія писемъ установлена Л. Н. Майковымъ.

Оставалось свѣрить тѣ немногія страницы съ автографомъ автора, переданнымъ въ числѣ другихъ бумагъ Гоголя А. А. Ивановымъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Но именно этихъ отрывковъ изъ „Мертвыхъ Душъ" (какъ выразился А. Ѳ. въ „Рус. Архивѣ") и не оказалось въ присланныхъ въ университетъ бумагахъ Гоголя. Какъ объяснить это обстоятельство, не знаю. Между тѣмъ, въ данную минуту мнѣ всего нужнѣе эти „отрывки изъ М. Д.": повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ выдержала уже 7-го іюля послѣднюю корректуру и мнѣ остается сдѣлать сводку съ вашею рукописью. Выручите меня изъ бѣды: пришлите *оффиціально въ дополненіе* къ уже присланнымъ бумагамъ эти для меня необходимые теперь отрывки изъ „М. Д." Такъ какъ уже послѣдовало разрѣшеніе выслать въ университетъ не только бумаги Гоголя изъ собранія Иванова, но и пріобрѣтенныя Публичною Библіотекою другія бумаги Гоголя, то, я полагаю, не потребуется новаго ходатайства о разрѣшеніи переслать въ университетъ „отрывки изъ М. Д." Въ моемъ изданіи повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ занимаетъ 17-й листъ третьяго тома, листы 18—23 уже отпечатаны, но ни 17-го листа, ни примѣчаній къ 3 тому не могу двинуть въ печать, не получивши вожделѣнныхъ отрывковъ. Убѣдительнѣйше прошу не отказать въ моей просьбѣ".

Или въ письмѣ отъ 1889 года:

„Обращаюсь къ вамъ съ нѣсколькими просьбами. Не откажите исполнить ихъ поскорѣе:

1) Мнѣ нужно знать: a) сколько листовъ въ рукописи Погодинскаго Древлехранилища, гдѣ „Носъ"? b) къ концу рукописи приплетенъ особый поллистъ, на которомъ помѣщено начало „Носа" — одинаковая ли бумага, что и на предшествующихъ страницахъ? c) нѣтъ ли въ той и другой водяныхъ знаковъ и какіе? d) бумага, на которой написанъ „Носъ", не представляетъ ли слѣдовъ вырѣзки изъ тетради, купленной Библіотекою у Мозговаго? e) не одинаковая ли бумага тамъ и здѣсь?

2) Въ рукописи Мозговаго на об. 4 листа написано нѣсколько начальныхъ строкъ „Носа"; я ихъ списалъ. Но въ моей копіи, кажется, есть ошибки. Меня смущаютъ здѣсь три мѣста, подчеркиваемыя здѣсь зеленымъ карандашомъ: „23 числа 1832 года случилось". И такъ мѣсяцъ не обозначенъ?—„съ намыленною бородою" (не „щекою" ли?). Наконецъ, не разобрано слово въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Супруга Ивана Ивановича, которой ( ) чрезвычайно трудное".

Въ томъ же письмѣ онъ жалуется на болѣзнь, которая стала его одолѣвать: „Оставляя университетъ, думалъ найти спокойствіе

и возможность работать для печати—ни того, ни другого не получилъ. Третій мѣсяцъ боленъ. Доктора долго не могли опредѣлить болѣзнь и, кажется, только недавно напали на правду. Боль въ ногахъ не давала мнѣ спать болѣе трехъ часовъ въ сутки въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ; въ результатѣ явилось сильное общее нервное разстройство. Никуда не выпускаютъ; дѣла не могу вести настоящаго. Отъ этого замедлился выходъ третьяго тома Гоголя".

Однажды въ томъ же году случилось съ нимъ „затменіе". Онъ просилъ сдѣлать ему копію одной повѣсти Гоголя, и когда это было сдѣлано, оказалось, что копія уже у него была. Онъ пишетъ: „Затменія" въ послѣднее время находятъ на меня нерѣдко, я сильно опасаюсь за свое здоровье, расшатанное разными непріятностями. Тороплюсь кончить Гоголя и боюсь, что не доведу дѣла до конца".

Въ одномъ письмѣ 1890 года, онъ говоритъ опять о своей болѣзни и другихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ; рядомъ съ Гоголемъ у него были однако и другіе научные вопросы. Онъ пишетъ: „Вслѣдствіе той же болѣзни, я не имѣю возможности *теперь же* списать для васъ отрывки „Цареградской бесѣды" и предпочитаю выслать рукопись въ ваше распоряженіе въ Петербургъ. Завтра это будетъ исполнено. Это тѣмъ болѣе будетъ полезно, что я колеблюсь въ опредѣленіи времени, когда писаны (особымъ почеркомъ) эти страницы. Вы съ Аѳ. Ѳ. рѣшите этотъ вопросъ лучше моего. Объ одномъ буду просить—не печатать „Сказанія о вавилонскомъ царствѣ", которое тамъ находится съ весьма важнымъ добавленіемъ—я готовлюсь издать его самъ".

Въ письмѣ 1891 года онъ говоритъ: „На дняхъ я пріобрѣлъ тетрадку XVI-го в. и нашелъ въ ней неизвѣстный донынѣ литературный памятникъ, переведенный по всѣмъ признакамъ съ нѣмецкаго. Эта находка очень заинтересуетъ Веселовскаго". Какой былъ это памятникъ, мы пока не знаемъ.

Письмо отъ декабря 1892 года представляетъ свѣдѣнія о предположенныхъ имъ планахъ и исполненныхъ работахъ этого года. Рядомъ съ Гоголемъ, Тихонравовъ занимался изданіемъ сочиненій Фонъ-Визина и приготовлялъ обширное критическое изданіе житія св. Сергія Радонежскаго. Первое осталось неоконченнымъ: въ предисловіи къ изданной послѣ первой части упомянутыхъ раньше „Матеріаловъ" для изданія Фонъ-Визина изложенъ (по настоящему письму) планъ цѣлаго изданія. Житіе Сергія было, повидимому, готово уже въ концѣ 1892 года,—потому что Тихонравовъ надѣялся переслать экземпляръ г. Майкову еще до Рождества; но

выходъ изданія опять затянулся и оно не появилось до сихъ поръ. Свѣдѣнія о составѣ изданія житія Сергія, на основаніи этого письма, сообщены были въ отчетѣ Русскаго Отдѣленія за 1892 годъ [1]).

Мы упоминали выше, что въ послѣдніе годы его трудовъ Тихонравову посчастливилось открыть два любопытные памятника той старой письменности, изученіе которой было однимъ изъ главнѣйшихъ интересовъ всей его научной дѣятельности. Однимъ изъ этихъ памятниковъ былъ новый списокъ Девгеніева Дѣянія, хотя поздній, но очень интересный для изученія этого произведенія; другимъ были два совершенно неизвѣстныя прежде хожденія въ Святую Землю священноинока Варсонофія въ половинѣ XV-го вѣка. Тихонравовъ сдѣлалъ о нихъ только предварительныя сообщенія, и первое еще остается неизданнымъ, а второе явилось недавно въ ряду изданій Палестинскаго Общества съ комментаріемъ, часть котораго была написана еще Тихонравовымъ, а вторая составлена г. Долговымъ.

Въ это же время онъ работалъ надъ изданіемъ нѣсколькихъ былинъ, сохранившихся въ старыхъ записяхъ: это была часть изданія, задуманнаго вмѣстѣ съ В. Ѳ. Миллеромъ. Изданіе „Былинъ старой записи", составлявшее долю Тихонравова и уже отпечатанное, сгорѣло въ пожарѣ типографіи и, сдѣланное вновь, вышло еще при жизни Тихонравова [2]), и потомъ явилось также въ составѣ цѣлаго сборника [3]).

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ 1893 года къ Л. Н. Майкову идетъ рѣчь объ этомъ второмъ изданіи старыхъ былинъ: понадобились еще справки въ одной рукописи въ Публичной Библіотекѣ, потому что онъ хотѣлъ напечатать текстъ по рукописямъ „буква въ букву". Кромѣ того онъ очень просилъ объ ускореніи изданія Фонъ-Визина, которое шло очень медленно: „Я особенно забочусь объ ускореніи этого изданія, потому что здоровье мое со дня на день падаетъ: работать съ перомъ въ рукахъ не всегда могу — очень разстроились въ послѣднее время нервы. Отъ „Житій пр. Сергія" отвлекся изученіемъ новонайденнаго памятника—„Хожденія Варсонофія" въ Св. Землю. Къ сожалѣнію, не имѣю главныхъ пособій"...

Послѣднимъ трудомъ его была рѣчь, прочитанная имъ 31-го октября въ собраніи московскаго Общества любителей словесности:

---

[1]) Сборникъ Русскаго Отдѣленія Академіи, т. LIV. Спб. 1893; Отчетъ, стр. 11.

[2]) Пять былинъ по рукописямъ XVIII-го вѣка. Москва, 1891.

[3]) Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера. М. 1894.

„И. С. Тургеневъ въ московскомъ университетѣ, 1833—1834 г.“, которая напечатана была въ „Вѣстникѣ Европы“ (1894, февраль); но Тихонравовъ уже не видѣлъ ея въ печати.

27-го ноября 1893 года Тихонравовъ умеръ.

Такова была его широкая и разносторонняя дѣятельность. Его имя займетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ выдающихся мѣстъ въ той литературѣ эпохи реформъ, которой принадлежитъ столь великая заслуга въ развитіи нашего историческаго сознанія и народовѣдѣнія. Лишь въ немногихъ своихъ трудахъ Тихонравовъ выходилъ изъ круга спеціальныхъ изученій, недоступныхъ обыкновенному читающему обществу; но его научный авторитетъ, между прочимъ черезъ посредство его профессуры, доставлялъ ему большую извѣстность и внѣ круга ученыхъ спеціалистовъ. Въ самой области науки онъ въ особенности сдѣлалъ много для широкой постановки историко-литературнаго вопроса: настаивая на изученіи рукописной старины, онъ съ своими поисками, во-первыхъ, расширилъ наше знаніе этой старины и затѣмъ ввелъ въ историко-литературное изслѣдованіе множество памятниковъ, которые раньше не были имъ затронуты; это достигалось тѣмъ, что древній письменный памятникъ представлялся ему не сухимъ предметомъ археологіи, а свидѣтелемъ живого движенія старой исторіи, свидѣтелемъ стараго міровоззрѣнія, общественныхъ волненій, религіозныхъ упованій, народно-поэтическихъ преданій. Послѣ Ѳ. И. Буслаева, который впервые взглянулъ на старую письменность съ точки зрѣнія народно-поэтической старины, едва-ли кто-нибудь другой сдѣлалъ такъ много, какъ Тихонравовъ, для расширенія историко-литературныхъ наблюденій въ старой письменности, а затѣмъ и въ полузабытой литературѣ XVIII-го вѣка. Онъ не спеціализировался на какомъ-либо одномъ вѣкѣ, одной области литературы; напротивъ, его интересы шли въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, и вездѣ онъ искалъ въ произведеніяхъ литературы эти отголоски жизни, и не только жизни такъ называемаго общества, но и народа.

Трудъ Тихонравова остался недовершенъ; но мы не сомнѣваемся, что для него откроется еще новая пора научнаго и образовательнаго вліянія, во-первыхъ, когда будутъ изданы его университетскіе курсы, и во-вторыхъ, когда явится сдѣланное должнымъ образомъ описаніе его замѣчательнаго рукописнаго и книжнаго собранія. Наконецъ, живымъ свидѣтельствомъ его научнаго вліянія остается достойная школа его учениковъ. Далеко не всѣмъ

нашимъ ученымъ приводилось создавать школу; Тихонравовъ несомнѣнно ее создалъ.

Для примѣра намъ достаточно назвать нѣсколько трудовъ, мысль которыхъ внушалась очевидно указаніями Тихонравова, и которыхъ исполненіе было примѣненіемъ его критическихъ и издательскихъ пріемовъ. Такъ съ самаго начала Тихонравовъ объяснялъ первостепенную важность памятниковъ апокрифическихъ для истолкованія народныхъ преданій и поэзіи, и важныя работы сдѣланы были молодымъ, рано умершимъ, ученымъ А. Васильевымъ, который предпринялъ изученіе и изданіе неизданныхъ греческихъ памятниковъ этого рода, находящихся въ главныхъ библіотекахъ Европы. Другой замѣчательный трудъ въ этомъ направленіи принадлежитъ М. Н. Сперанскому (Славянскія апокрифическія Евангелія. М. 1895). Далѣе, Тихонравовъ съ особливымъ интересомъ изслѣдовалъ другіе памятники, которые имѣли вліяніе на складъ письменныхъ и народныхъ преданій, и г. Карнѣевымъ сдѣлано было чрезвычайно обстоятельное изслѣдованіе и изданіе текстовъ „Физіолога" (Спб. 1890). Съ такимъ же интересомъ Тихонравовъ обращался къ изслѣдованію древней повѣсти, и по его стопамъ опять сдѣлано было чрезвычайно внимательное изслѣдованіе и изданіе текстовъ „Александріи" г. Истрина (Москва, 1893), и его же изслѣдованіе сказаній объ Индѣйскомъ царствѣ. Далѣе, г. Долговъ исполнилъ нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ по комментарію старыхъ паломническихъ „хожденій". Г. Северьяновъ предпринялъ описаніе славянскихъ памятниковъ вѣнской библіотеки. Общими трудами учениковъ Тихонравова предпринято было, въ память сорокалѣтія его ученой дѣятельности, великолѣпное изданіе, „буква въ букву", одного изъ тѣхъ памятниковъ древней письменности, важность котораго въ особенности указывалъ Тихонравовъ: это была „Толковая Палея по списку, сдѣланному въ Коломнѣ въ 1406 г. Трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова" (М. 1892).

Всѣ эти труды, какъ видимъ, посвящены старой письменности, и это довольно понятно. Здѣсь въ особенности требовалось собрать и опредѣлить самый матеріалъ литературы, до тѣхъ поръ почти нетронутый, привести въ извѣстность тексты и объяснить ихъ происхожденіе. Почти всегда это была работа весьма сложная, и тѣмъ больше заслуга питомцевъ Тихонравова, которые брали на себя эти трудныя задачи.

А. Пыпинъ.

ФАУСТУЛУСЪ

„Faustulus. Roman von Fried. von Spielhagen".

XIV *).

На слѣдующій день, послѣ полудня, Арно входилъ въ домъ съ зелеными ставнями. Противъ своего обыкновенія, онъ медленно началъ подниматься вверхъ по лѣстницѣ, а кто-то спускался къ нему на встрѣчу. На площадкѣ они встрѣтились: то былъ его коллега Ганнеманъ; онъ принялъ весьма озадаченный видъ при взглядѣ на товарища.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, любезный коллега!—проговорилъ Арно, продолжая подниматься дальше, безъ остановки.

— Еслибъ вы только могли выслушать меня минутку...—запинаясь, пробормоталъ д-ръ Ганнеманъ.

— Какъ? Здѣсь, на лѣстницѣ?

— Одну минутку!.. Я долженъ вамъ представляться въ нѣсколько странномъ свѣтѣ...

— Вовсе нѣтъ! „Le roi est mort—vive le Roi"! Въ лицѣ вашемъ я даже вижу вполнѣ законнаго себѣ преемника... Parole d'honneur!

— Это весьма любезно, весьма по-товарищески съ вашей стороны! Но я смотрю на это скорѣе какъ на временное, такъ сказать, замѣстительство. Ни въ какомъ случаѣ не хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы могли заподозрить...

— Можете быть совершенно спокойны. Я окончательно отказался отъ практики въ этомъ домѣ: можете хоть всему город-

---

*) См. выше: февр., 662 стр.

такъ и сказать... Сегодня же меня привело сюда дѣло совершенно частнаго характера... Будьте здоровы!

Изумленный коллега такъ и остался стоять на мѣстѣ.

На верхней площадкѣ Зибольдъ предупредительно поспѣшилъ на встрѣчу къ Арно и заставилъ его войти въ комнату рядомъ съ гостиной. Благодаря тому, что въ ней стояло нѣсколько книжныхъ шкаповъ, Лора называла ее библіотекой.

— А я вѣдь собственно пришелъ къ вашей супругѣ, — сказалъ Арно.— Вернувшись только-что домой, я нашелъ отъ нея записку съ просьбой зайти.

— Да, знаю, знаю! — подхватилъ Зибольдъ, смущенно потирая свои бѣленькія ручки.— Часа два тому назадъ... Но вслѣдъ затѣмъ ей вдругъ сдѣлалось дурно. Докторъ Ганнеманъ былъ какъ разъ внизу... въ аптекѣ...

— Я только-что встрѣтилъ его на лѣстницѣ и сказалъ ему, что съ моей стороны дорога въ этотъ домъ ему открыта; что послѣ всего происшедшаго я долженъ отказаться отъ чести здѣсь практиковать. А затѣмъ, не будете ли вы такъ добры проводить меня къ вашей супругѣ...

— Она мнѣ поручила передъ вами извиниться. Она въ высшей степени нервно настроена. Вся эта роковая случайность...

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе...

Арно отодвинулъ свой стулъ. Зибольдъ вскочилъ поспѣшно.

— Но, милый, глубокоуважаемый докторъ!.. Зачѣмъ такъ торопиться? Вы и представить себѣ не можете, до какой степени судьба меня... ужасно меня... Но развѣ нѣтъ никакой возможности... Такіе старые друзья, какъ мы съ вами,—такіе испытанные, старые друзья...

— Весьма счастливъ! Но такое обхожденіе, какое позволила себѣ ваша супруга съ бѣдной Стиной Пребровъ, я простить не могу! И никогда въ жизни не прощу! Я для того и пришелъ, чтобы высказать это вашей супругѣ... Не будете ли вы такъ добры ей это передать,—отъ моего имени, конечно...

— Ну да, ну да, конечно! Если ужъ такъ надо непремѣнно. И, наконецъ, вы знаете Лору; знаете, до чего она вспыльчива; знаете, какъ мало она обдумываетъ все, что̀ дѣлаетъ и говоритъ! Фрейлейнъ Христ... то-есть Стина, такая добрая, податливая, послушная дѣвочка; и я... могу вамъ поклясться!.. я ни на минуту не вѣрилъ, что это такъ и было... Но женщины въ этомъ отношеніи созданы совершенно иначе: онѣ сейчасъ же готовы всему, чему угодно, другъ про друга повѣрить...

Арно прислушался. Наконецъ, истина должна была выйти на свѣтъ божій.

Но неужели эта истина позорна для любимой дѣвушки? Никогда въ жизни!

— „Всему, чему угодно“? — переспросилъ Арно. — Я вѣдь, надѣюсь, имѣю нѣкоторое право на то, чтобы просить о такой любезности съ вашей стороны: скажите пожалуйста, въ чемъ, приблизительно, состоитъ это „все“?

Зибольдъ уставился на него изъ-за своихъ очковъ.

— Ну, развѣ фрейлейнъ Христ... развѣ сама Стина ничего вамъ не говорила?

— Я знаю только то, что съ нею обошлись недостойнымъ образомъ; но что̀ именно ставили ей въ упрекъ—это мнѣ неизвѣстно.

— Ну да, конечно, конечно. Такъ какъ это невѣрно... такъ какъ это *конечно* невѣрно... то она и не могла, понятно...

— Г-нъ Зибольдъ! Прошу васъ еще разъ высказаться окончательно. Я этого настоятельно требую!

Миніатюрный человѣчекъ переминался съ ноги на ногу, теръ себѣ носъ, двигалъ очками.

— Вы меня этимъ ставите въ ужасное, жестокое положеніе. Какъ же это такъ... Впрочемъ, вы имѣете право требовать... И наконецъ, я тоже — вашъ братъ-мужчина... въ сущности намъ вѣдь, конечно, нечего быть какими-то святыми... Ходятъ слухи... увѣряютъ, будто...

— „Будто“ что̀,—чортъ побери?!

— Что Хри... Стина—ваша любовница!

Арно разразился громкимъ смѣхомъ.

Зибольдъ былъ слишкомъ возбужденъ для того, чтобы разобрать, какъ натянуто звучалъ этотъ смѣхъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, такъ и надо!—сказалъ онъ съ облегченіемъ.—Это и въ самомъ дѣлѣ вѣдь забавно.

— Ну, положимъ, это зависитъ отъ того, ка̀къ кто посмотритъ,—возразилъ Арно, который уже успѣлъ совладать съ собою.—Во всякомъ случаѣ, это было бы ужъ черезчуръ дерзкой выходкой—навязать на шею семьѣ пріятеля свою любовницу! И даже, насколько мнѣ кажется, выходкой довольно глупой,—отдать ее подъ покровительство такой образцово-добродѣтельной особы, какъ ваша супруга... Такая гнусная выдумка (простите!)... и неужели же ваша супруга дала себя обмануть? Теперь я, конечно, могу осмѣлиться спросить: чья это выдумка?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло: *чья*? Не одинъ и не два, а

сто разъ говорилъ я Лорѣ: ну, какъ ты можешь довѣрять этой изолгавшейся бабёнкѣ,—Мальвинѣ?

— А!.. Она опять у васъ?

— Упаси Боже! Она, повидимому, насильно ворвалась къ женѣ; или, можетъ быть, моя жена сама призвала ее...

— Остановимся на послѣднемъ.

— Ахъ, Боже мой! Въ этомъ еще нѣтъ ничего дурного. Всякому захочется по возможности ближе и подробнѣе разузнать про дѣвушку, которую принимаешь въ домъ, такъ сказать, въ видѣ дочери. А у такихъ мелкихъ людишекъ (Боже ты мой!)—какъ знать? Мало ли что̀ могло приключиться! Года три тому назадъ,—короче говоря, передъ тѣмъ, какъ вамъ сюда пріѣхать,—была у насъ, напримѣръ, кухарка, такая еще молоденькая дѣвчонка...

— Вернемся лучше къ дѣлу!.. Что̀ же такое было надо вашей супругѣ отъ Мальвины?

— Совершенно вѣрно!.. Видите ли, она приходится Стинѣ Пребровой кузиной или чѣмъ-то въ этомъ родѣ; знаетъ всю ея семью, всѣхъ ея родныхъ, въ Сундинѣ и на Недурѣ. Если кому все достовѣрно извѣстно, такъ ужъ конечно ей.

— И эта особа осмѣлилась сказать...

— Ничего опредѣленнаго, увѣряю васъ, голубчикъ! Такъ, знаете, въ видѣ намековъ, недомолвокъ... ну, мало ли что̀ можетъ представиться подобной особѣ; она утверждаетъ, что еще недавно Стина считалась невѣстой одного молодого лоцмана на Недурѣ; человѣкъ онъ красивый, статный... И Стина, будто бы, очень его любила. Родители, само собою разумѣется, были согласны. Свадьба была назначена,—ну, словомъ, все въ порядкѣ. Но тутъ... (нѣтъ, милый докторъ, вы не имѣете права на меня сердиться, „relata refero"... да, „relata refero"!) явились вы разокъ, другой на Недуръ... бывали въ домѣ Преброва, даже ночевали... Вдругъ дѣвушка знать не хочетъ своего жениха, становится задумчива, хочетъ бѣжать въ Америку или Богъ вѣсть куда. Тутъ подоспѣло письменное приглашеніе отъ моей жены... Стина вдругъ опять чувствуетъ себя совсѣмъ счастливой и довольной, больше не хочетъ ужъ бѣжать въ Америку, но зато хочетъ ѣхать къ намъ, сюда, не взирая на то, что родители ея, а также и женихъ умоляютъ ее, чтобъ она лучше оставалась дома... Ну, вотъ вамъ, докторъ, вотъ какъ представила Мальвина это дѣло.

— А супруга ваша и не утерпѣла, чтобъ не принять все это за чистую монету?

— Ахъ, Боже мой,—ну да! Всѣ женщины на одинъ ладъ: вездѣ-то и повсюду чудится имъ любовная интрига или что-нибудь въ этомъ родѣ. И, наконецъ, ужъ вы простите, милый докторъ, съ тѣхъ самыхъ поръ вы сами держали себя такъ... такъ странно! Что бы жена моя ни придумала на пользу этой малюткѣ, ничто васъ не удовлетворяло. Ваши посѣщенія, которыя насъ всегда такъ радуютъ, становились все рѣже и короче. Подъ конецъ вы и совсѣмъ перестали приходить. Тогда-то, будто бы, замѣтила жена, что Христина принималась часто потихоньку плакать...

— Смѣяться, что-ли, ей прикажете, когда вашей супругѣ угодно было ее обижать, довести ее даже до того, что она не знала, какъ ей быть, и вчера вечеромъ прибѣжала ко мнѣ? Ну, а теперь, въ больницѣ, она по крайней мѣрѣ застрахована отъ побоевъ. Я еще вчера вечеромъ вамъ написалъ, что отвезъ ее туда, и что сегодня пришлю за ея вещами.

— Ужъ все отправлено, милѣйшій докторъ, цѣлый часъ тому назадъ. Боже мой! Ихъ и всего-то было такъ немного!

— Ну, значитъ, все въ порядкѣ... Прощайте!

— Но, милый мой, голубчикъ докторъ! Я въ этомъ все еще никакъ не разберусь. Мы съ вами такіе старые испытанные друзья... И наши дѣловыя отношенія...

— Будьте спокойны, я, какъ и прежде, буду впредь свои рецепты направлять въ вашу лабораторію.

— Но, любезный, милѣйшій!..

Арно больше его не слушалъ. Онъ быстро очутился за дверью.

Въ ту же минуту дверь въ гостиную кто-то рванулъ и въ библіотеку влетѣла Лора въ утреннемъ капотѣ, лишь кое-гдѣ застегнутомъ; темные волосы ея въ безпорядкѣ свѣсились на лобъ, глаза сверкали, на блѣдныхъ щекахъ горѣли багровыя пятна.

— Трусишка!.. Дрянь!.. — кричала она на мужа, который отскочилъ назадъ и залепеталъ:

— Но... но что же я... сдѣлалъ... такого?

— Ты далъ ему волю поносить меня, вмѣсто того, чтобы меня защитить! Вмѣсто того, чтобы ему, въ его противное злобное лицо прямо бросить вызовъ:—моя жена права, тысячу разъ права, что вышвырнула вонъ изъ дома вашу... дѣвку!

— Но, Лора! Если разсуждать по совѣсти, то почему мы можемъ знать...

— „*Мы*! *Мы*"!.. Зналъ ли ты хоть когда и что-нибудь? *Я* знаю, и этого съ тебя должно быть довольно... „Въ боль-

ницу! Въ „*его*“ больницу, гдѣ все пляшетъ по его дудкѣ! Развѣ ты этого все еще не можешь понять, ду... простофиля!

Она подбѣжала къ окну.

— Вонъ, вонъ онъ идетъ на своихъ поджарыхъ ногахъ... идетъ къ своей возлюбленной коммерціи-совѣтницѣ, чтобъ посмѣяться надо мной!.. Ну, погоди же, я отобью у тебя всякую охоту смѣяться!

И Лора потрясала кулаками по направленію къ площади, по которой шелъ ея невѣрный любовникъ...

Выйдя на улицу, Арно глубоко и облегченно вздохнулъ.

„Такъ-то! Нашему эпизоду пришелъ конецъ. Могу себя поздравить! Но не выйдетъ ли изъ этого всего новаго эпизода? Что-жъ, весьма возможно, но, по всей вѣроятности, онъ будетъ коротокъ, если старикъ Пребровъ не согласится“...

Онъ замедлилъ шаги и не сводилъ глазъ съ зеркальныхъ оконъ совѣтницы.

„Тамъ ужъ навѣрно слышали, а завтра будетъ всему городу извѣстно. Итакъ, будемъ осторожны... Будемъ держаться такъ, чтобы все это показалось людямъ совсѣмъ неправдоподобнымъ“...—Г-жа совѣтница дома? Можетъ меня принять?—спросилъ онъ вслухъ лакея.

— Пожалуйте въ гостиную! Г-нъ докторъ, вы можете войти безъ доклада...

Красивая, какъ и всегда, хозяйка дома пошла къ нему на встрѣчу, протягивая руку въ знакъ привѣта.

— Я васъ ждала, милѣйшій докторъ!

— Вы всегда такъ добры...

— Я знала хорошо—можете еще разъ подивиться роскошнымъ акустическимъ условіямъ нашего дорогого Увелина!—что „тамъ“ у васъ произошла нѣкая катастрофа... Къ кому же вамъ и придти отвести душу, какъ не къ своимъ друзьямъ?

— И въ самомъ дѣлѣ, у меня было непреодолимое желаніе разсказать вамъ обо всемъ... Еслибы только все это не было такъ легкомысленно! Ну, просто, сказать стыдно!

— Нѣтъ, досадно и противно,—это опредѣленіе будетъ вѣрнѣе; досадно, что нельзя было поступать осторожнѣе... Говоря откровенно, я давно видѣла, что къ этому придетъ ея затѣя. Это такая особа, которая при всѣхъ ея достоинствахъ и совершенствахъ,—въ нихъ я все-таки не могу ей отказать...

— Какъ и я также!.. Тѣмъ болѣе, что впредь между нею и мной ляжетъ бездонная пропасть. Сегодня былъ „тамъ“ мой прощальный бенефисъ.

— А!..

Г-жа Моорбекъ вспыхнула до корня волосъ.

— Съ этимъ васъ можно только поздравить!—тихонько сказала она.

И это вышло такъ забавно-робко, такъ радостно-смущенно, что Арно не могъ не разсмѣяться. Г-жа Моорбекъ тоже не въ состояніи была удержаться отъ улыбки.

— Собственно говоря, это далеко не смѣшно! — замѣтила она уже опять серьезно.—Если дружба можетъ рухнуть съ такой быстротою, то чтò же послѣ этого есть прочнаго въ жизни человѣческой?

— Любовь, пожалуй?

— ...Въ которую *вы* не вѣрите, конечно! Да и какъ можетъ въ нее вѣрить тотъ, который прежде всего и во всемъ видитъ и преслѣдуетъ только свою выгоду? Допустимъ, что въ одинъ прекрасный день ему покажется, что его любовь не приноситъ ему выгоды... ну, чтò жъ тогда?

— Съ точки зрѣнія моей теоріи, тогда представленіе, во всякомъ случаѣ, окончено, занавѣсъ падаетъ... Но на практикѣ дѣло принимаетъ иногда совсѣмъ иной оборотъ, нежели въ теоріи.

— Даже если у человѣка на плечахъ такая „теоретическая" голова, какъ ваша?

— Въ этомъ случаѣ даже, пожалуй, и того скорѣе! Шекспиръ сказалъ однажды: „Никто еще не попадался такъ, какъ мудрецы, вступившіе въ ряды òрдена... дураковъ"...

— И совершенно вѣрно! Знаете, о чемъ мнѣ часто приходилось думать? Позволите вы мнѣ быть совершенно откровенной и говорить не стѣсняясь?

— Наоборотъ, прошу!—отвѣчалъ докторъ.

— Мнѣ кажется, что вы-то именно и подвергаетесь опасности—счастьемъ всей своей жизни и даже, пожалуй, самой жизнью поплатиться за любовь, которую вамъ испортитъ ваша же теорія.

— Но тѣмъ лишь больше подтвердилось бы, что въ такомъ теоретическомъ мозгу все-таки ходилъ вѣтеръ?

— А можетъ быть и нѣтъ? Можетъ быть, послѣ того, какъ долгое время голова мучила своимъ тиранствомъ сердце, въ свою очередь и послѣднее просто захотѣло воспользоваться правомъ побѣдителя и сдѣлалось жестокимъ и неумолимымъ.

— Что же, и это можетъ быть! „Vae victis"... „Горе побѣжденнымъ"... къ которымъ я, впрочемъ, не чувствую ни малѣйшей симпатіи! Кто побѣжденъ—тотъ, значитъ, этого заслуживаетъ—такъ или иначе.

— Ахъ, простите, пожалуйста! Мнѣ сейчасъ вспомнилось, что я должна вамъ дать порученіе!

— Къ вашимъ услугамъ.

Г-жа Моорбекъ дважды придавила пуговку звонка и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ дверямъ. Въ комнату вошла горничная, съ которой хозяйка дома обмѣнялась нѣсколькими словами, а затѣмъ вернулась къ Арно, въ амбразуру окна.

— Вы, кажется, удивлены?

— Немножко. У *васъ* въ домѣ я ни въ какомъ случаѣ не могъ бы ожидать встрѣтить эту... эту женщину.

— Вы бы должны были знать Мальвину... Ея аттестаты очень хороши, даже не исключая и послѣдняго, отъ г-жи Зибольдъ. И, наконецъ, она необыкновенно ловка,—по крайней мѣрѣ, болѣе ловка, нежели обыкновенно бываютъ горничныя въ Узелинѣ, хоть имъ и приходится именно въ горничныхъ служить. Шитье и уборка никакъ имъ не даются! Наконецъ, мнѣ для Алексы необходима особая прислуга: я жду ее домой черезъ недѣлю.

— Уже такъ скоро?

— Да. Фрейлейнъ Фолькмаръ еще больше расхворалась. Она считаетъ долгомъ закрыть пансіонъ, который она больше не въ состояніи сама вести. Да и курсъ Алексы уже почти оконченъ.

— И когда она пріѣзжаетъ?

— Въ субботу вечеромъ; а въ воскресенье, то-есть шестнадцатаго,—мы думаемъ устроить одинъ изъ нашихъ маленькихъ обѣдовъ,—въ честь Алексы. Не смѣйте и подумать не быть у насъ въ этотъ день! Смотрите же, не забудьте: въ четыре часа!

— Буду непремѣнно минута въ минуту!—отвѣтилъ Арно и уже откланялся, прощаясь, когда совѣтница воскликнула:

— А, кстати, докторъ, я хотѣла васъ спросить: вы помѣстили дѣвочку Пребровыхъ къ себѣ въ больницу?

— Куда-жъ бы иначе я съ ней дѣвался?

— Конечно, это было самое подходящее. Отецъ, вѣрно, за нею пріѣдетъ?

— Я написалъ ему сегодня утромъ.

— Ну, тогда, значитъ, и отъ этой обузы вы освободитесь. Au revoir, любезный докторъ!

— Au revoir!..

XV.

Въ продолженіе всѣхъ послѣдующихъ дней Арно часто спрашивалъ себя, онъ ли это? Не околдовалъ ли его какой-нибудь могучій чародѣй, что онъ вдругъ такъ измѣнился? Изъ кореннаго человѣконенавистника, презрительно относившагося къ людямъ, онъ превратился въ сантиментальнаго и изнѣженнаго,— въ Гесснеровскаго пастушка, который воркуетъ по своей голубкѣ. Онъ считалъ дни и часы, пока ее увидитъ; а увидавъ—опять прижималъ къ своей груди; покрывалъ поцѣлуями ея пухлыя, свѣжія губки; весь отдавался чаду любви, обаяніе котораго ничуть не казалось ему меньше оттого, что онъ самъ себѣ казался смѣшнымъ и часто спрашивалъ себя: долго ли такое состояніе можетъ продлиться?

Едва ли долго!.. Уже четыре дня пролетѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ на Недуръ; послѣ перваго письма отправилъ второе, а все еще не могъ дождаться съ острова отвѣта. Это—недобрый знакъ: очевидно, стѣсняются отвѣтить ему отказомъ; но, наконецъ, должны же когда-нибудь прислать отвѣтъ!

„И тогда — прости, милая, любимая дѣвушка! Моя стройная лань! Мое чистое блаженство, мое безумное наслажденье! Между нами ляжетъ пустынное море. Бушуя, будетъ оно гнать свои волны на песчаный берегъ, гдѣ ты будешь — безнадежно, одиноко—простирать руки, страстно тоскуя по своемъ миломъ, какъ и онъ по тебѣ“!

Просто отчаяніе на него нападало, когда онъ представлялъ себѣ эту возможность, которая съ каждымъ днемъ все больше и больше угрожала превратиться въ дѣйствительность. Онъ ловилъ себя на томъ, что строилъ самые безумные планы, какъ бы ему такъ устроиться, чтобы никто не могъ у него отнять любимое существо. Ему представлялось, что онъ фермеръ-эмигрантъ на дальнемъ западѣ Америки и, какъ говоритъ поэтъ:— „рубитъ сосну, на которой вьютъ гнѣзда орлы“... Онъ невольно долженъ былъ злобно разсмѣяться, когда припоминалъ, что никогда еще ему не удавалось съ твердой увѣренностью отличить, напримѣръ, букъ отъ дуба; а сосну отъ ели и тому подобное!

Мечтая такимъ образомъ и въ сущности ни о чемъ не думая, Арно сидѣлъ однажды въ своемъ рабочемъ кабинетѣ при больницѣ, машинально играя ножичкомъ для писемъ. Шелъ уже пятый день послѣ описанныхъ выше происшествій.

Но вотъ сторожъ вошелъ къ нему съ письмомъ и доложилъ, что молодой матросъ ожидаетъ отвѣта.

Письмо было не запечатано въ конвертъ, а сложено по-старинному. Адресъ былъ выведенъ непривычной, но твердой рукою. Эта рука казалась даже тверже его собственной, на которую онъ смѣло могъ положиться во время операцій; а между тѣмъ, она дрожала, когда онъ развертывалъ письмо. Съ лихорадочной поспѣшностью онъ прочелъ:

„Добрѣйшій г. докторъ!

„Лоцманъ Пребровъ и его супруга, оба грамотные, но непривычные къ письму, просили меня сообщить вамъ, съ полнымъ почтеніемъ, нижеслѣдующее. Ваши оба драгоцѣнныя посланія, отъ понедѣльника и отъ середы, получены ими въ собственныя руки. Они ознакомились съ ихъ содержаніемъ; много горестнаго и много основательнаго надъ нимъ передумали и взвѣсили. Имъ очень трудно, конечно, разстаться со своей Стиной; и не столько по причинѣ работы, которою она могла бы и дома пользу приносить, сколько главнымъ образомъ по причинѣ того, что они уже старики и никакой-то у нихъ въ жизни нѣтъ, кромѣ нея, отрады. Очень ужъ они будутъ за нее тревожиться; особенно во время долгихъ, зимнихъ вечеровъ, когда разъиграется норд-остъ или нордъ; оба вѣдь здѣсь иной разъ дуютъ очень жестоко. Однако же, если такъ г. докторъ полагаютъ и такъ считаютъ, что для Стины лучше и полезнѣе остаться въ городѣ и подъ присмотромъ г-на доктора учиться ходить за больными (а ремесло сидѣлки—честное и богоугодное дѣло, по примѣру самого Господа нашего Іисуса Христа и Его учениковъ), потому что она въ будущемъ можетъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь лучшимъ, нежели женой бѣднаго и простого лоцмана, которая никогда не знаетъ, вернется ли къ ней мужъ, домой. Взвѣсивъ все это хорошенько (а также и многое другое, о чемъ писать весьма неудобно), они не хотятъ препятствовать Стинѣ; и только просятъ милосердаго Бога, чтобы Онъ помиловалъ ее, сохранилъ въ чистотѣ и честности.

„А за симъ, они остаются вашими, г. докторъ, покорнѣйшими слугами.

„За лоцмана Петра Преброва и за его жену Анну-Марію подписалъ старшина лоцмановъ, Карлъ Бонзакъ.

Приписка. „У Стины, конечно, отъ времени до времени будетъ свободный денекъ, въ который она можетъ провѣдать своихъ стариковъ на Недурѣ, заодно, когда будетъ изъ Узелина возвращаться какое-нибудь лоцманское судно?

„Теплое шерстяное платье на зиму вышлемъ при первой возможности.—Старшина".

Арно положилъ письмо на столъ и принялся медленно ходить взадъ и впередъ.

„А что, если бы я все-таки отправилъ ее назадъ? Еще не поздно. Почемъ знать, можетъ быть, завтра ужъ будетъ поздно! Теперь, пока, она пожалуй, еще способна вынести разлуку. Что же касается меня... Ба! Однимъ разочарованіемъ больше или меньше—не все ли мнѣ равно? Не будь этого морского чудовища!.. Видѣть, что ее все-таки принесутъ въ жертву этому уроду (къ этому вѣдь придетъ въ концѣ концовъ)! Это для меня просто невыносимо"!

Въ дверь постучались. Опять явился сторожъ съ докладомъ, что молодой матросъ говоритъ: ему пора ѣхать обратно. Можно ли получить отвѣтъ?

— Я самъ сейчасъ ему отвѣчу на словахъ. Приведите его сюда!

— Такъ лучше будетъ (прибавилъ Арно про себя въ то время, какъ сторожъ ходилъ за посланнымъ). Послѣ такого письма, я во всякомъ случаѣ долженъ еще разъ съ нею переговорить. Весьма возможно, что ее одолѣетъ тоска по родинѣ... Впрочемъ, посмотримъ!..

За дверью раздалось топанье тяжелыхъ сапогъ, и сторожъ пропихнулъ въ дверь Іохена Лахмунда.

Арно молча уставился на него. Странно, какъ это ему въ голову не приходило, что этимъ посланнымъ могъ быть именно Іохенъ! Вотъ онъ стоитъ передъ нимъ, этотъ уродъ, крѣпко стиснувъ круглую фуражку въ своихъ грубыхъ, красныхъ кулакахъ, и таращитъ на него свои выпученные глаза.

— А, это вы? Вотъ и прекрасно! Въ такомъ случаѣ, я еще успѣю отвѣчать письмомъ. Такъ вотъ, кланяйтесь хорошенько отъ меня старикамъ... и отъ Стины, которая, конечно, остается здѣсь, если отецъ съ матерью ничего противъ этого не имѣютъ.

— А я-то какъ, г. докторъ?

— Другъ мой, я васъ не понимаю,—возразилъ Арно, принуждая себя быть спокойнымъ, въ то время какъ сердце его усиленно билось.

— Я только то хочу сказать, что люблю Стину. Я—честный малый и хочу на ней жениться.

— Мнѣ такъ и говорили. Но видите ли, Іохенъ Лахмундъ, для этого надо бы еще, чтобъ сама Стина также васъ любила и такъ же горячо желала выйти за васъ замужъ. Но если съ

ея стороны нѣтъ ни того, ни другого желанья? Вы вѣдь не захотѣли бы сдѣлать ее несчастной?

Отвѣта не было. Іохенъ стоялъ безмолвно, неподвижно, вперивъ глаза въ потолокъ.

— Да, такъ-то, другъ любезный,—продолжалъ Арно, облокотившись на свой письменный столъ и повидимому непринужденно играя разрѣзательнымъ ножичкомъ:—это въ жизни случается и довольно часто. То дѣвушка не хочетъ знать своего жениха, то, наоборотъ, онъ ее. Тогда приходится закусить губы и мириться со своей судьбою. Вамъ же это не должно быть такъ ужъ особенно тяжело. Конечно, Стина прекрасная дѣвушка; но развѣ мало дѣвушекъ одинаково прекрасныхъ? Вы —человѣкъ сильный, молодой, знаете свое дѣло... Мнѣ Бонзакъ самъ говорилъ, что васъ скоро ужъ назначатъ въ лоцманы. Чего же больше? Тогда найдется вамъ невѣстъ сколько угодно: за васъ каждая съ удовольствіемъ пойдетъ. Зачѣмъ же непремѣнно вамъ понадобилась Стина?

Іохенъ продолжалъ стоять неподвижно.

— А можно мнѣ съ нею переговорить?

— Увѣряю васъ, это ни къ чему не поведетъ; это совсѣмъ напрасно.

— Г-нъ докторъ, мнѣ съ нею необходимо переговорить!

Арно раздражительно заложилъ ножикъ за спину и подошелъ къ звонку.

— Скажите фрейлейнъ Стинѣ, что я прошу ее подняться сюда. Ее ждетъ Іохенъ Лахмундъ съ Недура; ему хотѣлось бы съ нею повидаться,—сказалъ онъ сторожу и тотъ вышелъ.

Арно остался стоять передъ матросомъ.

— Я васъ оставлю съ нею наединѣ. Надѣюсь, что вы будете себя вести какъ порядочный человѣкъ. Впрочемъ, я буду пока тутъ же, рядомъ. И постарайтесь говорить короче: вамъ безъ того уже было некогда, да и мнѣ также!

Іохенъ все стоялъ безъ движенья. Только дрожь замѣтно пробѣжала по его могучему тѣлу, когда въ комнату вошла Стина.

Взглядъ его, однако, все еще не могъ оторваться отъ потолка.

Робко вошла Стина и сдѣлала два-три шага впередъ. На ней было теперь синее платье и сѣрый передникъ сидѣлокъ. Блѣдная, опустивъ глаза, она остановилась съ легкимъ трепетомъ, какъ подсудимая, которая ждетъ приговора. Арно поспѣшилъ ее предупредить:

— Милая Стина! Я только-что получилъ отъ вашихъ роди-

телей письмо, что они не препятствуютъ вамъ оставаться здѣсь. Іохенъ Лахмундъ желалъ бы съ вами попрощаться, и я ему позволилъ подъ условіемъ, чтобы онъ васъ не задержалъ. Я думаю, пяти минутъ довольно? Я вернусь черезъ пять минутъ!

Уходя, онъ хотѣлъ поймать глазами взглядъ Стины, но это ему не удалось. Раздраженный, разстроенный, въ душевной тревогѣ, онъ заперъ за собою дверь и принялся расхаживать въ операціонной залѣ, между столами и матрацами, стараясь ступать неслышно, чтобы прислушаться къ шуму за дверью.

Но дверь была двойная, ничего не было слышно.

— Или они такъ тихо говорятъ? Или обмѣниваются только взглядами? Мужчина—страстными; Стина уклончивыми? Или она, можетъ быть, не отталкиваетъ его? Можетъ быть, надъ ея новой любовью восторжествовала старая... привязанность, привычка?

Арно посмотрѣлъ на часы. Секундная стрѣлка медленно подвигалась впередъ и даже словно стояла на мѣстѣ. „Пять минутъ"?! зачѣмъ онъ не сказалъ тогда же: „пять часовъ"?.. Вотъ прошли двѣ, а пока пройдутъ остальныя три, онъ можетъ и совсѣмъ съ ума сойти! Еще мальчишкой, въ первомъ классѣ, онъ носился съ мыслью, что можетъ вдругъ, неожиданно сойти съ ума!

— Но вѣдь это сумасшествіе и есть! Фаустулусъ все свое счастье ставитъ въ зависимость отъ того, отвѣчаетъ ли на его страсть ничтожная дѣвушка-простушка! Послѣдній изъ его лакеевъ имѣетъ право поднять его на смѣхъ!..

Вдругъ за стѣною глухой крикъ.

Въ одинъ мигъ дверь открыта. Стина бросается къ нему на грудь.

— Что? Что онъ съ тобой сдѣлалъ?

— Ничего, ничего!

— Ступайте вонъ! Сейчасъ же!

Іохенъ опустилъ правую руку въ карманъ своихъ широкихъ штановъ, но тотчасъ вынулъ ее пустую. Изъ-подъ густыхъ бровей скользнулъ внизъ, подъ защитой ихъ, ужасный взглядъ его выпученныхъ глазъ и остановился на Стинѣ, которая прижалась къ своему возлюбленному, обнимавшему ее, какъ бы въ защиту отъ него.

Еще минута—и его уже не было въ комнатѣ.

— Ну, что случилось?—спрашивалъ Арно.

— Ничего, ничего! Мнѣ просто было страшно...

— Такъ хочешь теперь здѣсь со мной остаться?

— О, да! И навсегда!

———

Согласно своему обыкновенію, Арно явился къ совѣтницѣ вòвремя, минута въ минуту.

Когда слуга открылъ ему дверь въ большую гостиную, тамъ онъ засталъ одного только Рихарда, который, со своей обычной привѣтливостью, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Простите, милый докторъ! Мальвина все еще „убираетъ" нашу Алексу, а мама стоитъ тутъ же, въ нѣмомъ созерцаніи своего божества. Папѣ еще секундочку осталось повозиться въ конторѣ... Я счастливъ, что могу хоть на минутку завладѣть вами.

— О, пожалуйста!

— Докторъ, вѣдь эта дѣвочка Пребровыхъ нàходится у васъ въ больницѣ?

— „Въ больницѣ"?—да; „у меня"?—нѣтъ!

— Да вѣдь я такъ именно и понимаю. Но, докторъ, я безъ ума влюбленъ въ эту малютку!

— Да вы совсѣмъ не знаете ее!

— Не знаю? Я-то?.. Сколько разъ видѣлъ яее тамъ, у окна! Три раза мнѣ случилось встрѣтиться съ нею на шоссе въ Сундинѣ, когда она каталась съ этою Зибольдъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, конечно!

— Не правда ли? Да бòльшаго вѣдь и не надо для того, чтобы влюбиться... по уши!

— Ну?.. А дальше чтò?

— Вы должны доставить мнѣ возможность съ нею говорить.

— За это я удостоюсь особой благодарности отъ вашей мамаши!

— О, въ этомъ я ужъ ей признался: я во всемъ признаюсь мамà!

— Вы молодецъ! А чтò мамà сказала?

— Она сказала, чтобы я попросилъ васъ скорѣй отправить эту дѣвочку обратно на Недуръ...

— Чтò, какъ мнѣ кажется, самый прямой и ясный выводъ.

— Но это бы не помогло. Я беру первую попавшуюся лодку и лечу за ней.

— А чтò, если бы вы, попутно, вдругъ влюбились въ свою сестру?

— Готовъ и на это!

— Ну, и будьте тѣмъ довольны.

— Нѣтъ, не могу! Сестра совсѣмъ не то, не настоящее! И, сверхъ того, развѣ ужъ необходимо быть заразъ влюбленнымъ въ двухъ?

— Или въ „тысячу-три": Mille e tre! У васъ и Донъ-Жуану впору поучиться!

— Донъ-Жуану?! Онъ вообще—мой идеалъ.

— Если бы только подъ конецъ его не уносили черти!

— А вы вѣрите въ чорта?

— Въ того, который сидитъ въ насъ самихъ,—и даже очень вѣрю!

Но тутъ вошелъ коммерціи совѣтникъ одновременно съ начальникомъ окружной охраны—фонъ-Гроссъ, съ его женой и дочерью.

— Куда же, однако, дѣвались мáма и Алекса?—спросилъ съ нетерпѣніемъ совѣтникъ, послѣ перваго же обмѣна привѣтствій.

— А вотъ и онѣ!—воскликнула весело совѣтница Моорбекъ, вслѣдъ за которой изъ сосѣдней комнаты вышла ея дочь, Алекса.

Семейство Гроссъ, которое только недавно поселилось въ Узелинѣ, совсѣмъ еще не было знакомо съ Алексой, и потому приходилось представить ее торжественно и оффиціально.

Затѣмъ совѣтница обратилась къ доктору:

— А вы, милѣйшій докторъ, конечно, еще помните мою Алексу?

— Тѣмъ не менѣе, я не могъ бы ее узнать.

— Какъ будто бы у васъ была хоть тѣнь представленія о томъ, какою именно я должна быть?!—промолвила Алекса, и ея ноздри иронически встрепенулись.

— Положимъ, весьма слабая!—возразилъ Арно.—Вы тогда были маленькой дѣвочкой, для которой самое важное на свѣтѣ было—чтобы къ ней относились серьезно.

— Должна васъ предупредить, что въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, я ничуть не измѣнилась.

— Ну, такъ я и знала, что вы оба съ первой же минуты, какъ увидитесь, начнете спорить!—замѣтила совѣтница, улыбаясь.

Дамы обратились къ почтъ-директору Ленцу, къ его женѣ и дочери, радушно привѣтствуя ихъ.

— Жена директора—крестная мать Алексы, а Матильда Ленцъ—другъ и товарищъ ея дѣтскихъ игръ,—шепнулъ доктору Рихардъ.

Вскорѣ все общество уже было въ полномъ сборѣ, какихъ-нибудь тридцать человѣкъ, на половину молодежи. Арно былъ крайне раздосадованъ. Совѣтница сказала, что это будетъ одинъ изъ ея обычныхъ маленькихъ обѣдовъ, на которые, по ея желанію, онъ всегда являлся въ сюртукѣ. Такъ точно онъ пришелъ и сегодня, а между тѣмъ, большинство мужчинъ красовалось во

фракахъ и въ орденахъ или знакахъ отличія (если у кого были таковые), дамы же всѣ безъ исключенія были весьма парадно одѣты.

Потомъ онъ сталъ сердиться, что его сердятъ... такіе пустяки!

Вотъ почему онъ оказался весьма неразговорчивымъ собесѣдникомъ своихъ сосѣдокъ: майорши и директорши, которую онъ велъ къ столу. Впрочемъ, ему еще было сравнительно удобно, что ни та, ни другая не заявляли на это претензій,—да и не могли заявить, такъ какъ ихъ собственная рѣчь лилась свободнымъ потокомъ. Онъ журчалъ, не переставая, то справа, то слѣва отъ Арно, повѣствуя съ одной стороны о военныхъ, съ другой — о почтовыхъ дѣлахъ, съ примѣсью какихъ-то дѣтскихъ сказокъ — quantum satis, какъ ѣдко замѣтилъ Арно про себя.

Онъ узналъ, что майоръ состоялъ на службѣ въ потсдамскомъ гвардейскомъ полку и вышелъ въ отставку вслѣдствіе интригъ, которыя не поддавались подробному описанію,—прослуживъ въ полку на два года дольше, чѣмъ бы слѣдовало. Эта отставка очень успокоила ее (т.-е. майоршу); ей, какъ потомку бюргеровъ, по горло засѣли высокомѣрные взгляды и отношенія дворянской родни.

— Ужъ и вы, докторъ, не думаете ли, что дочь крупнаго бременскаго виноторговца ниже какой-нибудь баронессы или княгини „такой-то"? И вообще, что̀ тамъ за исторіи творятся! Описывать, такъ на множество томовъ хватитъ! Но я прекрасно знаю, къ чему меня обязываетъ положеніе, которое, несмотря на отставку, все еще принадлежитъ моему мужу. Да и Богъ съ нимъ, съ этимъ положеніемъ, жалости достойно! Проживемъ и безъ жалкаго содержанія, присвоеннаго майорскому чину. Не даромъ я изъ рода „Лупрехтъ и компанія" въ г. Бременѣ!..

Но тутъ, на послѣднемъ же словѣ, ее перебила директорша, принявшаяся разубѣждать ее:

— Бременъ, конечно, интересный городъ, но все-таки онъ не сравнится съ Гамбургомъ, гдѣ я провела свою юность у тетки. Тогда мнѣ и во снѣ не снилось, чтобы судьба когда-нибудь забросила меня въ какой-то Узелинъ. Повышеній въ почтовомъ вѣдомствѣ ужъ не будетъ; теперь весь міръ только и кричитъ, что о желѣзныхъ дорогахъ, и каждый ничтожнѣйшій уголокъ хочетъ имѣть свой собственный вокзалъ. Положимъ, я-то уже примирилась съ этимъ; но мнѣ обидно за мужа! Онъ доброй старой Нагглеровской школы; но нынче вѣдь ни къ чему непригодно солидное и честное отношеніе къ судебнымъ дѣламъ. Вотъ, напримѣръ, и добросовѣстныхъ матерей вы также не найдете;

только смотрѣть приходится да удивляться, что̀ творится на свѣтѣ! Не разъ ужъ приходилось прибѣгать къ вмѣшательству полиціи. Если же мать выраститъ дочь свою, какъ подобаетъ и какъ не стыдно передъ Богомъ и людьми—дитя ея навѣрно будетъ на балахъ изображать изъ себя шпалеры,—что̀ прямо ведетъ ее въ будущемъ на стезю... экономки!

На этомъ пунктѣ обѣ дамы сходились единодушно, но съ тою только разницей, что у майорши—„слава Богу"—не было дочерей, но зато три сына въ трехъ различныхъ кадетскихъ корпусахъ... а съ ними тоже тьма заботъ и хлопотъ!

Въ отвѣтъ на это, директорша прошептала Арно:

— Не понимаю, какъ это хватаетъ у людей смѣлости жаловаться, когда всѣ дѣти воспитываются на казенный счетъ! Вѣдь это всѣмъ извѣстно!

„Такъ вотъ каковы люди, для которыхъ ты созидаешь своего „Фаустулуса"!—подумалъ Арно про себя.—Все это—самые дюжинные мужчины и женщины; ихъ мысли—пресмыкаются по землѣ, ихъ интересы вращаются вокругъ самаго жалкаго, мелочнаго изъ вопросовъ: что̀—*твое,* а что̀—*мое*"!

Онъ обвелъ вокругъ недовольнымъ взглядомъ и остановился на Алексѣ, которая сидѣла прямо противъ него и задорно болтала со своими молодыми сосѣдями. Не разъ до Арно долеталъ ея веселый хохотъ и сверкали при свѣтѣ огней ея бѣлые зубы.

Еще такъ недавно Алекса казалась ему несравненно красивѣе, нежели была на самомъ дѣлѣ! Въ сравненіи съ матерью, она, конечно, даже *не* красива. У нея не было и помину о той строгой правильности очертаній, которыми онъ любовался въ лицѣ совѣтницы. Лобъ Алексы былъ немного ниже, чѣмъ бы слѣдовало, носъ не подходилъ ни къ какой категоріи носовъ; губы слишкомъ пышны, ротъ слишкомъ великъ. Волосы густые и темные,— все-таки не имѣли того изсиня-чернаго блеска, который былъ у матери,—а равно и глаза были у дочери свѣтлѣе; разрѣзъ глазъ не былъ такимъ миндалевиднымъ; брови и рѣсницы—не такъ длинны и густы. Какъ онъ уже успѣлъ замѣтить раньше,—Алекса была на полголовы ниже матери и далеко не такъ стройна, какъ та; даже ея фигура скорѣе проявляла склонность къ полнотѣ, которую онъ считалъ въ молодой дѣвушкѣ непривлекательною и даже... противной.

„Она и я,—мы никогда не подружимся"! — подумалъ онъ про себя.

Въ то время, какъ шумъ и трескотня голосовъ заставляли его молчать, а цѣлые потоки болтовни лились не переставая, онъ

наудачу вставлялъ свои: *да* и *нѣтъ*! Между тѣмъ, его душа была *тамъ*, у *той*... у его „трепетной лани", пташки... милой и любимой! Онъ мысленно цѣлуетъ ея бѣлокурые волосы, ея синіе глазки, розовыя губки—свѣжія, какъ утренняя роса... какъ тогда, въ кустахъ, въ замолкшемъ лѣсочкѣ, который ужъ не разъ съ тѣхъ поръ давалъ имъ пріютъ. Какъ тогда, въ тотъ блаженный мигъ, когда *она* пришла къ нему, на городскую квартиру, съ порученіемъ отъ г-жи Ливоніусъ и... съ тѣхъ поръ ему принадлежала *вся*: и тѣломъ, и душой!

„Она любить умѣетъ... да! И лучше, искреннѣе, горячѣе, нежели вонъ та барышня, которая ровно ничего изъ себя не представляетъ, кромѣ того, что она—благородная, патриціанка!.. Она бы съ отвращеніемъ оплевала дочку лоцмана, которая такъ добровольно отдала любимому человѣку все, что имѣла: свою невинную, чистую душу и молодое, дѣвственное тѣло! Какъ ты бѣдна, въ сравненіи съ нею,—дрянь, богачка! Копи, копи свои богатства: они разлетятся въ прахъ, если на другую чашу вѣсовъ я положу мою святую тайну"!..

— Г-нъ докторъ! Позвольте!..—раздался надъ нимъ чей-то голосъ.

Онъ оглянулся черезъ плечо и взглядомъ встрѣтился съ Мальвиной, которая служила у стола вмѣстѣ съ двумя оффиціантами и съ другой горничной. Она стояла позади него уже довольно давно, предлагая вазу съ фруктами и едва замѣтно улыбаясь своими красивыми губами. Эта улыбка могла означать насмѣшку надъ его разсѣянностью, но могла означать и что-нибудь совершенно другое. Какъ бы то ни было, эта улыбка быстро, какъ молнія, появилась и такъ же быстро исчезла. Минуту спустя, Мальвина уже обходила ту сторону стола и на доктора не смотрѣла, какъ бы желая сказать ему безъ словъ:

„Я умѣю молчать"!

Но что же собственно могла она знать про исторію съ Лорой? Да, вѣроятно,—все!

А чего ей не удавалось подсмотрѣть, входя внезапно въ комнату или подслушать у дверей, — то ужъ навѣрно помогло дополнить ея услужливое воображеніе. Вотъ откуда ведутъ начало безумная неделикатность Лоры и ея горячность. Если не до того (сто разъ, пожалуй!), такъ послѣ, какъ она призывала къ себѣ Мальвину, Лора, конечно, выдала себя; особенно же просьбой разузнать про Стину.

„Что-жъ, пожалуй, и здѣсь, въ этомъ домѣ, Мальвина намѣрена продолжать свое предательское дѣло? Весьма возможно,

если я не куплю ея благосклонность и молчаніе... Но это значило бы признать себя виновнымъ, предать себя всецѣло въ ея руки! Ничего больше мнѣ не остается, какъ предоставить дѣлу идти своимъ чередомъ... Впрочемъ, у меня есть защитница — г-жа Моорбекъ: сунуться къ ней на глаза со своими сплетнями не очень-то посмѣетъ такая особа! Дочка, пожалуй, скорѣе станетъ ее слушать"...

Арно замѣтилъ самъ, что онъ стоитъ близко къ тому, чтобъ возненавидѣть Алексу Моорбекъ.

XVI.

Обѣдъ окончился.

Онъ довольно долго затянулся, благодаря тому, что майору фонъ-Гроссъ угодно было, совсѣмъ подъ конецъ, предложить тостъ за здоровье „столько же прекрасной, сколько и радушной хозяйки дома". И это побудило директоршу Ленцъ весьма энергично кивнуть головой по адресу своего супруга, который тотчасъ же пустился въ безконечное разглагольствованіе о томъ, что семьи Моорбековъ и Ленцовъ уже многіе года живутъ въ тѣсной дружбѣ... Наконецъ, онъ крикнулъ „ура!" подругѣ своей дочери, — новѣйшему и драгоцѣннѣйшему пріобрѣтенію г. Узелина, — фрейлейнъ Алексѣ!

Такое множество любезностей, расточаемыхъ его дамамъ, побудило совѣтника не оставлять ихъ безъ отвѣта, и этотъ отвѣтъ вышелъ не изъ короткихъ... тѣмъ болѣе, что совѣтникъ усердно изучалъ въ Англіи искусство говорить рѣчи, и никто не могъ ему доставить бо́льшаго удовольствія, какъ дать поводъ показать пріобрѣтенное имъ ораторское искусство.

Такъ, по крайней мѣрѣ, довольно непочтительно, пояснилъ доктору Рихардъ, когда они послѣ обѣда пошли прогуляться въ саду. Начинаясь за домомъ, садъ спускался къ самой рѣкѣ, отъ которой уже слишкомъ вѣяло прохладой. Вскорѣ г-жа Моорбекъ позвала всѣхъ въ домъ, ссылаясь на авторитетъ Арно, который нашелъ съ ея стороны жестокостью — лишать его самого и его коллегъ доброй полудюжины доходнѣйшихъ „простудъ".

Вернувшись въ домъ, молодежь занялась сначала фантами, а потомъ перешла и на танцы, число которыхъ разрослось до того, что совершенно приковало совѣтницу къ роялю. Пожилые мужчины и старики засѣли за „бостонъ", безъ котораго, какъ пояснилъ совѣтникъ майору фонъ-Гроссъ, ни одно сборище узелинцевъ — просто немыслимо.

Хотя и сильно скучалъ Арно, а все же еще оставался въ гостяхъ: его не влекла къ себѣ одинокая комната; а Стина, какъ ему было извѣстно, была приглашена вечеромъ на чашку чаю къ г-жѣ Ливоніусъ вмѣстѣ съ докторомъ Радловымъ и съ ея племянницей, которая служила продавщицей въ модномъ магазинѣ, на гаваньской площади.

Онъ сидѣлъ, мечтая, въ зимнемъ саду, который примыкалъ къ танцовальному залу. Разъ только онъ попробовалъ закрыть глаза подольше и покрѣпче, чтобъ увидѣть Стину. Но неоднократно испытанное средство на этотъ разъ не хотѣло удаваться: ему видѣлось только блѣдно-розоватое облачко, изъ котораго не появлялась ея милая фигурка. Чисто-психологическое могло быть этому объясненіе: съ тѣхъ поръ какъ любимая дѣвушка въ дѣйствительности ему принадлежала, воображеніе отказывалось служить его чувству посредникомъ.

— Ахъ! Простите, пожалуйста!

Арно открылъ глаза. Передъ нимъ была Алекса, стремившаяся опять въ залъ, изъ котораго пришла.

— Тамъ было такъ жарко! А такъ какъ я кстати не ангажирована...

— Не угодно ли вамъ присѣсть на минуту?

Онъ придвинулъ ей плетеный стулъ по ту сторону мраморнаго столика; но Алекса съ минуту колебалась принять это приглашеніе и только погодя немного сѣла.

— Отчего вы не танцуете? — спросила она, помахивая на себя платочкомъ.

— Я не танцую.

— Какъ это такъ?

— Никогда не учился.

— Отчего же, въ такомъ случаѣ, вы не играете въ карты?

— Этому также не догадались меня научить.

— Такъ вы должны очень скучать въ обществѣ.

— Да,—въ такомъ, гдѣ только играютъ въ карты и танцуютъ.

— Какъ это дѣлаютъ вездѣ въ Узелинѣ. Но почему же вы здѣсь остаетесь?

— Почему остается невольникъ на галерахъ, къ которымъ прикованъ?

— Знаете ли, мнѣ кажется, что вамъ нигдѣ не будетъ пріятно, гдѣ вы не будете первенствовать.

— Вотъ замѣчаніе, которое я не ожидалъ услышать изъ устъ молоденькой дѣвушки!

— Весьма естественно! Честолюбіе *мы* прибберегаемъ для себя:—*мы* вѣдь мужчины, владыки міросзданія!

— Но я легко могу себѣ представить, что и женщина можетъ быть честолюбивой.

— А дѣвушка — пѣтъ?

— Можетъ быть, въ видѣ исключенія.

— Ну, такъ и смотрите на меня какъ на такое исключеніе... Отчего вы такъ странно глядите на меня?

— Я смотрю на исключеніе.

Но его пытливый взглядъ остановился, собственно говоря, на ея красиво-приподнятой верхней губѣ. Тѣнь ли это упала отъ висячей лампы, или надъ губой дѣйствительно виднѣлся легкій пушокъ, который въ глазахъ Арно какъ бы придалъ ей болѣе пикантный оттѣнокъ...

— А видите простое, дюжинное лицо,—которое встрѣчается повсемѣстно.

— Я считаю просто невозможнымъ, чтобы кто-либо счелъ дюжиннымъ ваше лицо.

— Даже, если кто меня сравнитъ съ мамой?

— Можетъ быть... пожалуй!

— Не правда ли, она очень красива? Рядомъ съ нею всякая можетъ потерять. Въ Сундинѣ я вездѣ считалась первой; здѣсь — я буду всегда только вторая.

— Это вѣдь можетъ развиться въ цѣлую роскошную трагедію: „Мать и дочь", или „Ревность передъ зеркаломъ".

— Да вы поэтъ!

— Если вообще можно такъ назвать человѣка, который пишетъ стихи.

— И пишете теперь большую драму, какъ говоритъ мамá.

— Совершенно вѣрно!

— Нельзя ли вамъ будетъ когда-нибудь намъ ее прочесть?

— Какъ только кончу.

— А когда это будетъ?

— Да никогда! Я варьирую тэму безъ конца.

— А какую тэму?

— Сдѣлалъ ли Каинъ дѣйствительно преступленіе противъ Авеля?

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— А для меня — есть! Почемъ знать, — можетъ быть, немного спустя, Авель самъ приказалъ бы какимъ-нибудь ангеламъ, которые, конечно, ему, какъ благочестивому человѣку, служили,—

казнить Каина, какъ революціонера?.. А тотъ только его предупредилъ.

— Ничего подобнаго я еще не слыхала!

— Охотно вѣрю.

— Но это мнѣ нравится и даже очень! Мнѣ бы даже хотѣлось побольше объ этомъ послушать.

— Что же, пожалуй; когда-нибудь позднѣе. Когда мы съ вами будемъ добрыми друзьями.

— А есть надежда? — спросила Алекса и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

Во взглядѣ и во всѣхъ ея чертахъ—ни малѣйшей тѣни кокетства: взглядъ—серьезный и пытливый; выраженіе лица выжидательно-напряженное. Прошли двѣ-три секунды, прежде чѣмъ послышался отвѣтъ Арно:

— Говоря по совѣсти, я сомнѣваюсь!

— Но почему же?

— Потому, что два однородныхъ электричества взаимно отталкиваются.

— А знаете ли вы, что, съ точки зрѣнія мамы, вы мнѣ сказали комплиментъ?

— Какъ такъ?

— Она считаетъ васъ единственнымъ умнымъ человѣкомъ въ Узелинѣ.

— Однако, вы не произвели на меня такого впечатлѣнія, какъ будто бы вы привыкли на все смотрѣть глазами вашей мамы или кого бы то ни было другого.

— Ну, ужъ это — съ вашего позволенія! — я принимаю съ вашей стороны за прямой комплиментъ!

— Таково было и мое намѣреніе.

Улыбка (первая съ самаго начала разговора) сверкнула у нея въ глазахъ и дрогнула на пухлыхъ губахъ, съ которыхъ, казалось, уже готовъ былъ слетѣть отвѣтъ, но Арно его не разслышалъ...

Послѣ двухъ-трехъ полныхъ, заключительныхъ аккордовъ, музыка въ сосѣдней комнатѣ умолкла. Цѣлыя облака легкихъ дѣвичьихъ платьевъ налетѣли и окружили Алексу, увлекая ее вслѣдъ за собой, въ танцовальную залу, откуда ужъ неслись звуки ритурнеля къ кадрилю.

Арно еще посидѣлъ немного, задумчиво подпершись локтемъ и стараясь разобраться въ томъ впечатлѣніи, которое произвела на него эта дѣвушка, и странный разговоръ, который она съ нимъ вела, но никакъ не могъ себѣ этого уяснить. Въ общемъ

итогѣ онъ все-таки считалъ, что это было впечатлѣніе скорѣе отталкивающаго, нежели притягательнаго свойства.

Онъ сердито всталъ, бросилъ утомленный взглядъ въ открытую настежь дверь залы, гдѣ, повидимому, пары все еще не могли размѣститься для кадриля, и ушелъ.

На площадку, гдѣ Лудвигъ помогалъ ему одѣться, выбѣжалъ изъ своей комнаты Рихардъ, спѣша скорѣй нести куда-то листки нотъ...

— Вы ужъ хотите уходить?

— Мнѣ надобно еще провѣдать одного больного. Прошу васъ, извинитесь за меня передъ вашей мама́!

— Но вы еще вернетесь?

— Не думаю... наврядъ!

— Докторъ!—началъ Рихардъ, который взглядомъ далъ понять лакею, чтобы тотъ удалился.—Вы не забыли свое обѣщаніе?

— А какое?

— Да познакомить меня съ маленькой Пребровой.

— Еще разъ повторяю вамъ, мой юный другъ: влюбитесь вы въ свою сестру! Это безопаснѣе для васъ, и вдобавокъ выгоднѣе. Ваша сестра—необыкновенно умная дѣвушка.

— Вы мнѣ позволите такъ ей и передать?

— Это было бы безполезно: она ужъ это слышала отъ меня самого. Прощайте!

Очутившись на улицѣ, онъ продолжалъ, словно нити, сплетать свои мысли, бормоча себѣ подъ носъ:

— Она умна, безспорно! Только умныя женщины всегда мнѣ казались непривлекательными. Мы, въ концѣ концовъ, ищемъ въ женщинѣ то самое, чего нѣтъ въ насъ самихъ. Сколокъ съ нашего собственнаго *я*—только въ болѣе слабой, тусклой и безцвѣтной формѣ—ну, къ чему онъ намъ? Легкій пушокъ, какъ усики, надъ верхней губою — меня не привлечетъ. Къ тому же и у Теодоры, руки которой какъ разъ теперь старается добиться Фаустулусъ, потому что она ему принесетъ въ приданое Нубію и Египетъ, — подъ ея подвижными ноздрями красовалась такая же пушистая тѣнь!..

Ему показалось страннымъ, что онъ вдругъ теперь вспомнилъ про свою драму, которую въ пылу раздраженія отложилъ въ сторону еще нѣсколько недѣль тому назадъ. И вдругъ передъ нимъ развернулась сцена, которая обѣщала въ значительной степени приблизить его драму къ концу.

Если каждый изъ его разговоровъ съ Алексой будетъ имѣть такое же вліяніе на его „Фаустулуса", то онъ готовъ будетъ,

пожалуй, простить ей не только ея погоню за остроуміемъ, но даже и... ея усики!

Арно ускорилъ шаги, чтобы занести на бумагу новую сцену, которая все яснѣе и яснѣе возникала въ его воображеніи.

Послѣ дождливой, вѣтряной, прохладной весны и начала лѣта, наступило настоящее тихое лѣто съ цѣлыми днями и недѣлями жары. Поселяне и земледѣльцы потирали руки: если ничто не помѣшаетъ, жатва обѣщаетъ быть роскошной!

Къ сожалѣнію, жара, которая выгоняла могучій колосъ и наливала зерно, на людей дѣйствовала менѣе благопріятно. На дѣтей, какъ бичъ Божій, напалъ тифъ: случаи, которые весной являлись въ видѣ спорадическихъ, теперь становились все чаще и чаще, особенно же въ деревняхъ на шоссе въ Сундинѣ. Тамъ условія водоснабженія были очень плохи, и бдительность городского управленія не могла ничѣмъ помочь.

Арно мало приходилось отдыхать: вся его деревенская практика была сосредоточена именно въ этихъ краяхъ. Передъ его подъѣздомъ почти постоянно стояли экипажи, присланные за нимъ: отъ богатаго ландо крупнаго помѣщика-землевладѣльца и до маленькой крестьянской телѣжки, въ которой два мѣшка соломы замѣняли сидѣнье, а тощая кляча—настоящую лошадь. Да и въ городѣ было работы больше обыкновеннаго; въ больницѣ почти всѣ кровати были заняты.

— Чистое намъ счастье, г. докторъ, что у насъ есть Стина! —говорила г-жа Ливоніусъ.—Право, я бы не знала, какъ безъ нея справляться.

И въ самомъ дѣлѣ, Стина была избранницей и любимицей всѣхъ, жившихъ въ больницѣ, да и больныхъ тоже. Кто бы изъ нихъ ни имѣлъ съ нею дѣло, тотъ ни за что не хотѣлъ отпускать ее отъ себя; кто же зналъ о ней только по наслышкѣ, тотъ просилъ, чтобъ его отдали къ ней подъ надзоръ.

— Ужъ правду-истину сказать, я вовсе не такъ суевѣрна,— говорила доктору г-жа Ливоніусъ:—все это знахарство и тому подобное мнѣ до-смерти противно! Но что отъ этой дѣвушки исходитъ особая цѣлительная сила, которая порой превосходитъ наше пониманье, въ этомъ я тоже твердо убѣдилась! У Іетты Янсенъ, кровать № 3, третьяго дня было 42°, и вы еще тогда покачали головой... Да, да: вспомните-ка хорошенько! Тогда, подъ утро, меня смѣнила Стина. Въ десять часовъ утра, температура спала до 39°, а ужъ сегодня и до 37°

— Такъ оно все идетъ своимъ порядкомъ, милая Ливоніусъ!—возразилъ докторъ.

— Въ этомъ я и не сомнѣваюсь, г. докторъ. Но такой нѣжный голосокъ, такое милое, привѣтливое личико, такая легкая ручка, какъ у Стины, это все вѣдь дѣйствуетъ г. докторъ...

— Ну, такъ что же?

— Вы сами свидѣтель: я никогда не выносила сору изъ избы. Но Стину, такъ сказать, вы отдали мнѣ подъ опеку; впрочемъ, и безъ того, я бы считала своимъ долгомъ присматривать за ней, беречь ее... Нечего вамъ поглядывать на меня такъ тревожно, ничего въ этомъ нѣтъ дурного! Можетъ быть, даже что-нибудь чудно-хорошее, по крайней мѣрѣ для Стины.

— Не мучайте меня! Вдобавокъ, мнѣ некогда сегодня утромъ...

— Всего три слова: мнѣ кажется, что д-ръ Радловъ въ нее влюбленъ!

— А!—промолвилъ Арно, облегченно вздыхая.—Почему вы такъ думаете?

— Боже мой, г. докторъ! У всякаго есть на то глаза. Началось это еще съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ обоихъ приглашала на чашку чаю, въ воскресенье вечеромъ, недѣли четыре тому назадъ. Вы тогда были у г. коммерціи-совѣтника въ гостяхъ. Д-ръ Радловъ всегда такъ молчаливъ,—словечка отъ него съ трудомъ добьешься,—въ тотъ вечеръ, онъ былъ даже разговорчивъ! Моя племянница не могла быть тому причиной: она добрая дѣвушка, но дурна, какъ смертный грѣхъ!.. Послѣ того онъ началъ избѣгать встрѣчи съ Стиной, и бѣгалъ отъ нея цѣлыхъ восемь дней, ну, до того, что смѣшно было, какъ онъ только умудрялся! Но тутъ онъ вдругъ, наоборотъ, начинаетъ слѣдовать за ней повсюду, гдѣ бы она ни была, принимается сокрушаться, что она будто бы его не замѣчаетъ, краснѣетъ, бѣдный, и блѣднѣетъ, когда она случайно взглянетъ на него...

— Какъ вы полагаете, знаетъ ли объ этомъ Стина?

— И, Боже упаси! Она—сама невинность.

— Что же, мнѣ надо съ нимъ поговорить?

— Думается мнѣ, г. докторъ, что это было бы все-таки хорошо! Онъ такъ высоко цѣнитъ васъ. И наконецъ, еслибы вы поставили передъ нимъ этотъ вопросъ въ настоящемъ свѣтѣ... Боже мой! все-таки изъ этого ровно ничего не выйдетъ! Его отецъ—медицины-совѣтникъ, мать—рожденная фонъ-Плюсковъ изъ Мекленбурга. Всю ихъ семью я знаю: они страшно горды, г. докторъ, и долго-долго не рѣшались выдать дочь за человѣка

бюргерскаго происхожденія. Ну, что ей дѣлать, этой бѣдной Стинѣ, въ такомъ дворянскомъ кругу? Долго ли, коротко ли, а его переводъ въ Берлинъ долженъ состояться. Или онъ самъ будетъ искать себѣ практики въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ, да тамъ и застрянетъ, а жалко это было бы для него самого!

— Благодарю васъ,—сказалъ Арно, подавая ей руку:—я обдумаю это дѣло, и ужъ теперь могу сказать, что это очень щекотливый вопросъ. Радловъ такъ обидчивъ!

— Положимъ, это за нимъ водится, но отъ васъ...

— Хорошо, хорошо! Я буду имѣть въ виду,—заключилъ Арно.—Впрочемъ, для него новость, сообщенная г-жей Ливоніусъ, не была уже новостью.

Онъ давно замѣчалъ все возраставшее чувство, которое питалъ къ Стинѣ его коллега, но его цѣлямъ отвѣчало—ничего не замѣчать и теперь, передъ г-жей Ливоніусъ, разыгрывать озадаченнаго и удивленнаго. Арно и не думалъ спѣшить объясняться со своимъ товарищемъ, какъ того желала Ливоніусъ,—это вѣдь могло вызвать рѣшительную катастрофу. За Стину ему нечего было опасаться, даже еслибы онъ и не былъ въ ней такъ увѣренъ. Радлова онъ зналъ еще въ Берлинѣ,—зналъ, до чего педантично относится къ вопросамъ совѣсти этотъ робкій, замкнутый въ себя молодой человѣкъ. Не могло быть лучшей ширмы для его отношеній къ Стинѣ, какъ участіе, которое всѣ служащіе въ больницѣ, начиная съ привратника и кончая г-жей Ливоніусъ, принимали въ такомъ дѣлѣ, за исходомъ котораго одинаково напряженно слѣдили, хотя въ своихъ воззрѣніяхъ и пророчествахъ многіе расходились.

Одни полагали, что ничего рѣшительно изъ этого не выйдетъ; другіе утверждали, что и не такія еще невѣроятныя происшествія случались, а больница для этого—самое настоящее мѣсто. Г-жа Ливоніусъ, хоть и придерживалась послѣдней партіи, оставалась, однако, при своемъ воззрѣніи, что это было бы несчастіемъ для доктора или даже для нихъ обоихъ, но все-таки вела себя сдержанно, какъ и подобало сообразно съ ея высокимъ положеніемъ въ больницѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что всеобщее вниманіе было устремлено въ совершенно обратную сторону, Арно все-таки не упускалъ изъ виду мельчайшія предосторожности по отношенію къ Стинѣ. Привыкнувъ сдерживать выраженіе своего лица и глазъ, онъ могъ безъ труда быть въ присутствіи Стины ничѣмъ другимъ, какъ только ея благосклоннымъ начальствомъ. Ему удавалось даже изрѣдка давать ей выговоръ

за какое-нибудь незначительное упущеніе, или внушительно укорять ее въ менѣе удачномъ исполненіи ея обязанностей, къ великому удивленію служащихъ и раздраженію Радлова, котораго только привычное уваженіе къ своему старшему коллегѣ удерживало отъ прямого ему противорѣчія.

А между тѣмъ, стѣсненіе, которое Арно такимъ образомъ вынужденъ былъ на себя налагать, не находило соотвѣтственнаго удовлетворенія, которое вознаграждало бы за него, удовлетворяя требованіямъ его страсти. Послѣ того, какъ онъ два раза уже принималъ Стину у себя на дому подъ благовиднымъ предлогомъ, послѣ того, какъ они оба раза вполнѣ насладились любовнымъ напиткомъ, Арно ужъ больше не рѣшался на это въ третій разъ, особенно же послѣ того, какъ г-жа Ливоніусъ заявила ему:

— Конечно, ничего въ этомъ нѣтъ неприличнаго, а все-таки лучше не подавать дурнымъ людямъ повода къ сплетнямъ! Лучше ужъ я пошлю кого-нибудь другого.

Съ тѣхъ поръ ему приходилось довольствоваться только встрѣчами въ корридорахъ или въ больничной палатѣ, или еще короткими свиданіями съ милой въ лѣсочкѣ. Туда онъ могъ пробираться, только дѣлая видъ, что уходитъ изъ больницы и направляется въ городъ, домой, а затѣмъ возвращался окольнымъ путемъ, и черезъ калитку, отъ которой у него былъ ключъ, проходилъ въ тихую, безлюдную рощицу.

Сначала все это страшно его раздражало, и онъ въ безумныхъ, порывистыхъ рѣчахъ изливалъ возлюбленной свое отчаяніе; не мало часовъ потратилъ онъ также на тщетное обдумываніе, нѣтъ ли возможности какимъ бы то ни было способомъ помочь такому тягостному положенію дѣлъ... Но теперь его нетерпѣніе лишь изрѣдка прорывалось, отчаяніе смирилось;—и, наконецъ, къ чему ломать себѣ голову надъ возможностью пособить бѣдѣ, если по опыту уже видно, что все равно ничего изъ этого не выйдетъ?

Вдобавокъ, не особенно благопріятна для развитія нѣжныхъ чувствъ и докторская практика, которая не даетъ человѣку съ утра до ночи передохнуть и вынуждаетъ его проѣзжать цѣлыя мили въ экипажѣ безъ мягкаго сидѣнья, по пыльнымъ шоссе или по ужаснѣйшимъ проселочнымъ дорогамъ. Когда человѣкъ такимъ образомъ, изо дня въ день, защищаетъ отъ смерти, на самой ея границѣ, десятки ввѣренныхъ ему живыхъ существъ, тогда онъ по неволѣ становится жестокъ и къ себѣ, и къ другимъ, и, наконецъ, теряетъ даже тотъ незначительный общественный лоскъ, котораго надо съ трудомъ добиваться цѣлыми годами, чтобы его хоть нѣсколько себѣ усвоить.

XVII.

Г-жа Моорбекъ улыбалась, когда Арно заявлялъ о себѣ нѣчто подобное въ ея присутствіи. Она, съ своей стороны, никакъ не могла бы согласиться, что его обхожденіе въ обществѣ ухудшилось; ей скорѣе казалось совершенно обратное.

За послѣднія нѣсколько недѣль Арно заходилъ къ нимъ чаще, нежели обыкновенно. Собственно говоря, можно бы это было приписать его любви къ Рихарду или даже настойчивости молодого человѣка, хотя Арно не разъ отказывался помочь ему познакомиться со Стиной.

— Проѣзжайте себѣ мимо больницы сколько вамъ угодно,—часто говаривалъ докторъ,—но туда прошу не забираться! Такой *дэнди*, какъ вы—существо неотразимое для такой юной, неопытной дѣвушки. Не могу я взять на себя эту отвѣтственность, не говоря уже о томъ, что вы только напрасно обожгли бы свои молодыя крылышки, то-есть, гораздо больше, нежели они теперь уже обожжены. Ужъ и задастъ же мнѣ тогда ваша мамà!—или фрейлейнъ Алекса: не знаю, право, чтò хуже.

— Никому другому я не позволилъ бы дразнить меня *маменькинымъ сыночкомъ*, или вообще человѣкомъ, который держится за сестрины юбки!—возразилъ Рихардъ, смѣясь.—Вамъ-то, конечно, можно это позволить. Но зато, въ наказанье, приходите сегодня вечеромъ, какъ только можете освободиться, къ намъ въ садъ: мы сыграемъ партію въ кегли или погребемъ съ часочекъ. Вотъ вамъ и надлежащая кара!

Арно пришелъ и не мѣшалъ Рихарду посвящать его въ тайны кегельнаго искусства, но не проявлялъ, однако, значительныхъ успѣховъ и смѣшилъ Алексу тѣмъ, что любой шестнадцатилѣтній мальчишка съумѣлъ бы лучше его справляться съ весломъ.

Алекса теперь почти всегда примыкала къ ихъ маленькому обществу и замѣтно гордилась тѣмъ, что увѣренно и сильно катала шары и такъ же сильно и ловко справлялась съ веслами.

— Я если чтò дѣлаю, такъ или хорошо, или ужъ вовсе нѣтъ!—говорила тогда молодая дѣвушка, щеки ея пылали, дыханье было глубоко и порывисто.

— Маленькіе люди, какъ я, напримѣръ, должны быть скромны,—возражалъ Арно.

— *Скромны?!*—восклицала Алекса.—Ну, да, какъ былъ скроменъ калифъ, который облачался въ халатъ дервиша и ве-

черкомъ отправлялся себѣ бродить по улицамъ, смѣяться надъ добрыми людьми.

— Развѣ онъ такъ и дѣлалъ, въ самомъ дѣлѣ? Спиноза сказалъ бы ему, что надъ житейскими дѣлами не слѣдуетъ ни плакать, ни смѣяться, а слѣдуетъ ихъ изучать.

— Философія хладнокровной лягушки! Ну, мыслимо ли изучать людей иначе, какъ если не поплачешь и не посмѣешься вмѣстѣ съ ними? А вамъ, какъ сочинителю и поэту, слѣдовало бы это знать!

— Съ моимъ сочинительствомъ будетъ то же, что съ моимъ умѣньемъ играть въ кегли и грести.

— Если вы въ скоромъ времени не представите мнѣ доказательствъ противнаго, я по неволѣ должна буду вамъ повѣрить.

— Если эта увѣренность не сдѣлаетъ васъ счастливой, то по крайней мѣрѣ не сдѣлаетъ и несчастной!.. Итакъ, покончимъ на этомъ!

— Вы-то, конечно, чувствовали бы себя несчастнымъ, еслибъ послѣднее слово осталось не за вами! А мнѣ бы не хотѣлось сдѣлать васъ несчастнымъ,—заключила Алекса.

Слушать, какъ они оба спорятъ и пикируются, было для Рихарда сущей потѣхой. Онъ пробовалъ повторять матери своей ихъ словесный турниръ, но при этомъ, какъ на старался, къ великому своему смущенію, не могъ „въ точности воспроизвести самыя остроты“.

— Это замѣчательно!—говорила совѣтница:—при мнѣ они, собственно говоря, никогда не спорятъ.

— Уваженія ради, которое они къ тебѣ, мама, питаютъ!—возражалъ сынъ.

Но г-жѣ Моорбекъ не вѣрилось въ это уваженіе. Для нея было возможно совершенно другое и болѣе вѣроятное объясненіе, которое, однако, сулило ей впереди не мало тревожныхъ часовъ, полныхъ думъ и заботъ.

Вообще говоря, ей было понятно, что такой человѣкъ, какъ Арно, могъ имѣть въ глазахъ Алексы большую притягательную силу. Она сама была слишкомъ умна для того, чтобы не отдать должное умному человѣку, и навѣрно подобный феноменъ встрѣчался ей впервые.

Опять-таки, хоть Алексу нельзя назвать кокеткой въ заурядномъ значеніи этого слова, думала мать, ея самолюбіе и гордость должны быть польщены, когда ей удастся подчинить своему обаянію *такого* мужчину. Ей будетъ лестно имѣть право

сказать: онъ видитъ въ тебѣ человѣка, равнаго себѣ, онъ уважаетъ въ тебѣ существо, сродное ему!

Да и она сама, совѣтница, съ самаго начала ихъ знакомства охотно цѣнила большія умственныя способности своего доктора, но долгое время пришлось ей употребить, пока она хоть сколько-нибудь привыкла къ его грубому обхожденію, къ его угловатымъ манерамъ. Даже и до сихъ поръ онъ еще иной разъ значительно испытывалъ выносливость ея нервовъ. Своимъ сдержаннымъ и незамѣтнымъ способомъ совѣтница понемногу допытывалась, какого мнѣнія о докторѣ ея Алекса? Самымъ невиннымъ образомъ она высказывала дочери сожалѣніе о шероховатостяхъ въ характерѣ и въ обхожденіи Арно.

Странно сказать, Алекса, которая зорко подмѣчала и ѣдко вышучивала такія же шероховатости въ другихъ, въ данномъ случаѣ не желала ихъ знать, и даже утверждала, когда опровергать ихъ было невозможно, что она не можетъ принимать ихъ въ разсчетъ.

— *Такихъ* людей, какъ докторъ Арно, нельзя мѣрить одинаковой мѣркой съ заурядными людьми. *Такіе* люди говорятъ иначе, нежели всѣ другіе; въ *ихъ* распоряженіи есть такія выраженія, такіе обороты рѣчи, которые и въ голову никому больше не придутъ, какъ бы ни ломалъ надъ ними свои мозги заурядный человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ правъ съ точки зрѣнія банальныхъ условій вѣжливости въ обществѣ, какъ бы ни говорило противъ нихъ ихъ собственное поведеніе! Кому онъ не нравится, пусть отстранится и дастъ ему дорогу: съ *такими* видными людьми имъ не тягаться, это прекрасно каждому извѣстно. Я съ своей стороны никогда еще надъ этимъ въ тупикъ не становилась. Вотъ потому-то мнѣ и кажется, что виноваты не эти *видные* люди, а скорѣе *мелкіе*. Лучше бы ужъ имъ такъ и сидѣть между собою.

Когда Алекса пускалась въ такія смѣлыя разсужденія, совѣтницѣ иной разъ казалось, будто она слышитъ Арно, а не дочь свою. Между ними и въ самомъ дѣлѣ возникло какъ бы духовное сродство, и это было въ ея глазахъ если не залогомъ взаимнаго счастья, то, по крайней мѣрѣ, первымъ и необходимѣйшимъ изъ его условій.

Ей мучительно грустно было подумать, что ей самой приходится отказывать себѣ въ этомъ счастьѣ, потому что это главное условіе супружескаго единенія осталось невыполненнымъ. Какъ тяжко, какъ горько и трудно достается человѣку такой опытъ, такое сознаніе! Нѣтъ никого на свѣтѣ (по крайней мѣрѣ,

она не знала никого такого), кто былъ бы такъ добръ и сердцемъ, и душою, такъ благороденъ въ помыслахъ, какъ ея мужъ. Скоро почти уже двадцать-пять лѣтъ, какъ они женаты, а еще ни разу не приходилось ей слышать отъ него грубаго слова; чтобы они когда-нибудь, изъ-за чего-нибудь поспорили или повздорили—это казалось ей просто немыслимымъ!

А между тѣмъ, какъ они были далеки другъ отъ друга, какъ ихъ мысли расходились! До какой степени были неизвѣстны ему тѣ пути, которые вели въ особый міръ, гдѣ она только и могла жить полной жизнью! Какъ это *онъ* могъ жить и даже не подозрѣвать, что есть „такой", совсѣмъ отдѣльный міръ?.. Да! Создать своему ребенку счастье, — именно такое счастье, которое мелькало передъ ней вдали, какъ Fata-Morgana, никогда не облекаясь въ дѣйствительность!.. Эта чудная, божественная мечта вызывала ей слезы на глаза, заставляла сердце порывисто биться...

Что Арно бѣденъ,—ахъ, Боже мой! что жъ такое? Въ ея собственномъ родительскомъ домѣ, изъ года въ годъ, приходилось бороться съ нуждой; нерѣдко въ дверь стучалась даже настоящая нищета. Но семья смѣло голодала и холодала, а въ общество являлась не иначе, какъ съ улыбкой на лицѣ, пряча свои исколотые пальцы въ перчатки, раза три уже побывавшіе въ стиркѣ. Такъ дѣло шло, покуда не явился молодой богачъ купеческаго рода изъ Ультима-Ѳулы и съ царственною щедростью навсегда положилъ конецъ нуждѣ и лишеніямъ всей семьи. Или она должна была отвергнуть предложеніе его руки и сердца,—руки, достаточно сильной и щедрой, чтобы добровольно спасти ихъ всѣхъ отъ бѣдствій и нужды? Ей это ничего не стоило, кромѣ отказа отъ воображаемаго счастья, которое всѣ называли пустою мечтой.

Здѣсь же—другое дѣло: Арно не нуждался въ посторонней помощи. Онъ былъ настолько мужчиной, чтобы самому создать себѣ свое счастье. Въ данное время какъ-разъ у него ведутся переговоры съ одною изъ первыхъ знаменитостей Берлина, которые если окончатся благопріятно (все даетъ поводъ это думать), то обезпечатъ ему въ высшей степени почетное мѣсто въ столицѣ. Развѣ онъ нуждается въ Моорбековскихъ деньгахъ? Денегъ у него самого будетъ черезъ край! Если все обдумать хорошенько, такъ въ выигрышѣ скорѣе окажется Алекса. Провинціалкѣ, какъ бы она богата ни была, всегда будетъ трудно дождаться возможности промѣнять свой маленькій мірокъ, съ которымъ ее связываютъ тысячи узъ, на столичный, къ которому

она душой стремится, благодаря инстинкту, который живетъ въ каждомъ живомъ существѣ.

„А все же!.. Все же"!..

А все же, могла ли добросовѣстная мать довѣрить своего ребенка такому человѣку, какъ Арно? Что онъ порвалъ свои сношенія съ г-жею Зибольдъ—за это совѣтница была ему крайне благодарна; но въ душѣ у нея все-таки осталось непріятное ощущеніе. Такая женщина, которая въ ея глазахъ такъ низко стояла, не должна бы быть для него ничѣмъ бо̀льшимъ, какъ обыкновенной паціенткой, но отнюдь не въ качествѣ „любовницы", если ужъ принимать это слово въ самомъ грубомъ и гадкомъ его смыслѣ. Въ какомъ бы наименѣе компрометтирующемъ смыслѣ ни употреблять это слово, все же это не освобождаетъ его отъ обвиненія въ заблужденіи и безвкусіи выбора.

„Ну, а эта еще исторія съ дочкой лоцмана? Конечно, онъ съ добрымъ намѣреніемъ привезъ ее къ г-жѣ Зибольдъ; но какъ мало говоритъ этотъ поступокъ въ пользу его познанія души человѣческой! А когда „тамъ" все пришло къ печальному концу (какъ и должно было придти: это могъ бы заранѣе предугадать всякій разумный человѣкъ!), онъ долженъ былъ тотчасъ же отправить дѣвочку обратно къ ея родителямъ, на Недуръ, вмѣсто того, чтобы принять ее въ свою больницу. Положимъ, я сама, какъ патронесса, отъ времени до времени тамъ бываю, и могла убѣдиться, что Стина тамъ дѣйствительно на хорошемъ счету; изъ устъ самой Ливоніусъ слышала я блестящую похвалу скромности, усердію и основательности молодой дѣвушки".

А все-таки было тутъ и нѣчто такое, что̀ ей не нравилось и отъ чего она никакъ не могла отдѣлаться.

„Слишкомъ она молода и хороша собой, чтобы жить въ учрежденіи, во главѣ котораго стоятъ двое мужчинъ: одинъ едва-едва тридцати лѣтъ, другой же только двадцати-шести"!

Г-жа Моорбекъ не имѣла повода сомнѣваться въ честности и добросовѣстности почтенной Ливоніусъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она не могла считать эту полуобразованную и чрезвычайно-занятую женщину надлежащей воспитательницей для такого ребенка изъ простой среды, какимъ была Стина, незнакомая со свѣтомъ и его обычаями. Совѣтница уже предлагала доктору, что она на свой счетъ помѣстить дочь Преброва въ пансіонъ; но Арно въ отвѣтъ только отрицательно покачалъ головой и проговорилъ:

— Повѣрьте мнѣ, это значило бы только безъ пользы пробросать деньги. У Стины не такой складъ ума, чтобы сдѣлаться ученой. Въ воспитательницы или что нибудь въ этомъ родѣ она

положительно не годится. Единственное, чтò можетъ изъ нея выйти, это образцовая сидѣлка; а для этого она уже стоитъ на хорошей дорогѣ... Отчего бы ее тамъ и не оставить?

Г-жа Моорбекъ была далека отъ того, чтобы заподозрить Арно въ эгоистичности или неблаговидности намѣреній въ данномъ случаѣ. И Рихарду, вдобавокъ, онъ оказалъ настоящую дружескую услугу, когда такъ основательно образумилъ его, наставилъ на путь истинный относительно Стины...

А все же!.. Все же...

„Мужчина, который въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ выказываетъ такъ мало нѣжности чувствъ, такъ нетактиченъ и такъ беззастѣнчиво, такъ невольно, безсознательно обнаруживаетъ свою нетактичность,—можетъ ли *такой* мужчина любить Алексу, какъ бы сама Алекса желала быть любимой? Да и вообще, любитъ ли онъ ее, насколько такому человѣку, какъ онъ, дано любить"?

Сегодня г-жа Моорбекъ была увѣрена, что можетъ съ увѣренностью это утверждать; но завтра же утромъ сама съ улыбкой будетъ вспоминать о своихъ материнскихъ „сватовскихъ мечтаніяхъ". И въ то же время она все-таки вполнѣ сознавала, что минуты, когда она вѣрила въ счастье дочери, отнюдь не наполняли ее чувствомъ этого счастья, равно какъ и то, что улыбка ея была также недостаточно искренна. А затѣмъ, пробудившись отъ своихъ тяжелыхъ думъ, она глубоко вздыхала и тихо про себя шептала, склоняясь снова надъ своей работой:

— Что жъ дѣлать! Надо ужъ всему предоставить идти своимъ чередомъ, какъ Богу угодно!..

По обычаю, въ первую субботу каждаго мѣсяца, въ домѣ коммерціи совѣтника собиралось два стола партнеровъ для игры въ „бостонъ".

Г-жа Моорбекъ была такъ любезна, что замѣнила почтъ-директора, который въ послѣднюю минуту прислалъ сказать, что не будетъ.

Арно пришелъ довольно поздно и хотѣлъ уже уйти, тѣмъ болѣе, что даже Рихарда не оказалось дома,—его задержали въ кегельномъ клубѣ, который онъ самъ основалъ при одномъ кафè въ предмѣстьѣ Сундина. Но хозяйка дома, которой доложили о приходѣ доктора, велѣла его просить остаться; скоро пойдутъ къ столу, а пока не будетъ ли г. докторъ такъ любезенъ посидѣть съ барышней въ гостиной.

— Но только съ уговоромъ, если я васъ этимъ не обременяю, фрейлейнъ Алекса!—замѣтилъ Арно.

— Это было бы впервые, — возразила она, откладывая въ сторону работу, которой она занималась при свѣтѣ большой лампы съ рефлекторомъ.—А впрочемъ, ни за чтò впередъ нельзя ручаться. Ну, какъ же ваша практика?

— Да сравнительно тише, спокойнѣе; но эта перемежка не надолго, и осень какъ разъ будетъ еще злѣе. Если жаркое лѣто отниметъ не всѣ силы у людей, то работы по уборкѣ хлѣба окончательно ихъ истощатъ. И тогда явится у насъ тифозная эпидемія въ самой своей опредѣленной формѣ.

— Тифъ ваша спеціальность?

— По крайней мѣрѣ, это болѣзнь, надъ которой я наиболѣе работалъ съ научной точки зрѣнія.

— И этому вы, кажется, обязаны своимъ назначеніемъ въ Берлинъ?

— Ну, для этого „еще такъ много надо разрѣшить сомнѣній", какъ говоритъ полковникъ Врангель въ „Валленштейнѣ".

— Мнѣ это очень жаль!..

— Вамъ такъ хотѣлось бы скорѣе отъ меня отдѣлаться?

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, что вы, наконецъ, занимаете достойное васъ положеніе. Здѣсь мѣсто ниже васъ!

— Цезарь хотѣлъ быть лучше первымъ въ деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ.

— Вотъ, мнѣ кажется, и причина, почему онъ сдѣлался въ Римѣ первымъ!

— Онъ принадлежалъ къ числу счастливцевъ, въ которыхъ живетъ только одна единая душа. Во мнѣ же, къ сожалѣнію, ихъ двѣ: душа медика и душа поэта. Первая изъ нихъ, вѣроятно, тепличное растеніе.

— Это ужъ не въ первый разъ вы такъ презрительно говорите о своемъ призваніи. Если оно вамъ настолько несимпатично, зачѣмъ вы за него взялись?

— Зачѣмъ человѣкъ въ борьбѣ съ волнами хватается за первый попавшійся обломокъ бревна, который очутится у него подъ рукою?

— А не могли бы вы мнѣ разсказать объ этомъ немножко поподробнѣе? Я такъ мало знаю изъ вашей прошлой жизни.

— И ничего не потеряли! Я ни за что не хотѣлъ бы ее снова пережить.

— Такъ она была тяжела?

— Бываетъ и еще тяжелѣе... Но на меня въ ней повліяло

то, что ей роковымъ образомъ суждено было попирать ногами мою гордость. Отецъ мой былъ мелкій чиновникъ въ г. Вольдомѣ, и умеръ, когда мнѣ было десять лѣтъ. Мать послѣдовала за нимъ два года спустя. Она оставила мнѣ небольшой капиталецъ, но мой опекунъ разсчиталъ, что его должно хватить на мое гимназическое и студенческое образованіе, принимая во вниманіе, конечно, чтобы я по одёжкѣ протягивалъ ножки. Положимъ, эта „одёжка" была очень коротка. И въ самомъ дѣлѣ, ея хватало еще на уплату моего содержанія у одного честнаго сапожника, въ смыслѣ того, что называется „lodging"; что же касается стола, „board", и о немъ позаботился мой хитроумный опекунъ: на шесть дней въ недѣлю онъ мнѣ выхлопоталъ то, что̀ принято вообще называть „безплатнымъ обѣдомъ" у шести различныхъ добродушныхъ бюргеровъ. Не знаю, считалъ ли онъ, что по воскресеньямъ возьметъ на себя самъ прокормить меня (хоть самъ и сидѣлъ впроголодь), или онъ причислялъ меня къ категоріи хищныхъ звѣрей въ зоологическомъ саду, которыхъ тамъ заставляютъ голодать по одному дню въ недѣлю; только онъ въ своихъ разсчетахъ, совершенно опустилъ изъ виду воскресенье. Поэтому, въ праздничный день, когда моимъ товарищамъ было раздолье дома, я могъ,—если погода была хороша,—идти себѣ гулять на всѣ четыре стороны. Если же стояла непогода, я говорилъ своему башмачнику, что мнѣ нездоровится, оставался дома и работалъ... Вы позволите мнѣ выкурить папиросу?

— Я сейчасъ принесу вамъ огня.

— Благодарю; у меня есть все, что̀ надо.

Все время, пока докторъ говорилъ, Алекса сидѣла неподвижно, ни одного единственнаго раза не отрывая отъ него своего взгляда, и ему невольно припомнилось, что греческіе боги никогда не знавали, что̀ значитъ моргать глазами. Доктору было забавно разъигрывать изъ себя наголодавшагося бѣдняка, какимъ онъ рисовалъ себя передъ олимпійски-обезпеченной и сытой богачкой.

Затянувшись разъ, другой, онъ продолжалъ:

— Собственно говоря, работалъ я всегда. Что̀ же мнѣ больше было дѣлать? Вы недавно удивлялись, что я не научился танцовать. Я и много еще чему не научился: кататься на конькахъ, плавать, ѣздить верхомъ, грести... и мало ли еще чему другому! Въ моемъ воспитаніи громадные пробѣлы; казалось, оно къ одному только и было направлено: сдѣлать изъ меня рабочее животное. Такъ какъ это похвальное намѣреніе никому и ничему не мѣшало, то оно и должно было вполнѣ достигнуть цѣли. На то у меня

была, какъ говорится, „голова“! А потому не удивительно, что въ каждомъ классѣ за мною ужъ всегда считалось первое мѣсто, какъ бы по праву, а преподавателямъ даже становилось жутко отъ моего близкаго сходства съ ними, въ смыслѣ познаній. Но комичнѣе всего было то, что я глубоко презиралъ эту самую ученость, которая мнѣ доставляла такъ много почестей и похвалъ. Если она мнѣ не помогала дѣлать золото, найти философскій камень или открыть четвертое измѣреніе, то всѣ эти жалкія крохи латыни, греческаго и всякой другой злополучной дребедени не могли сдѣлать меня также счастливымъ. Вотъ почему, когда я поступилъ въ университетъ, мнѣ было положительно все равно, въ какую сторону направить свои занятія. Рѣшающій толчокъ далъ моей судьбѣ опять-таки мой опекунъ, у котораго были хорошія связи; онъ выхлопоталъ мнѣ стипендію медика-студента въ Грейфсвальдѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто „начальника іезуитовъ“, я сдѣлался докторомъ медицины.

— Какъ такъ: „начальника іезуитовъ“?

— Да такъ,— это, собственно говоря, только такое выраженіе, —одно изъ многихъ, которыми люди обозначаютъ безумныя мечтанія о безграничной власти и величіи, о какихъ мое тревожное воображеніе мечтало, когда я шелъ по избитой дорогѣ, сквозь строй житейской пыли и копоти, стремясь достигнуть власти въ почтенномъ ремеслѣ, бокъ-ô-бокъ съ разнымъ людскимъ сбродомъ. Во мнѣ было и всегда есть что-то такое, чтò возмущается противъ ограниченій, наложенныхъ на насъ судьбою, когда она еще только повелѣваетъ намъ родиться на свѣтъ божій съ такимъ узкимъ кругозоромъ, и вынуждаетъ насъ считаться съ такими понятіями, какъ напримѣръ: „время“ и „мѣсто“, которыя не что иное, какъ нищенскія клюки; и надѣлила насъ чувствами—настолько жалкими и тупыми, что тысячи животныхъ способны насъ въ этомъ пристыдить. Она бросила насъ въ жизнь, которая намъ ежедневно являетъ вопросъ: не лучше ли бы было для насъ, еслибъ мы вовсе не существовали? Она же постоянно истязаетъ насъ страхомъ смерти, хоть сама и не можетъ сдѣлать для насъ ничего другого какъ только готовить нашему презрѣнному существованію единственный конецъ—смерть!

Арно вдругъ порывисто всталъ и пошелъ ходить большими шагами по толстому ковру, благодаря которому ихъ не было слышно.

Изъ столовой, смежной съ гостиной, изъ-за притворенной двери изрѣдка доносилось то болѣе громкое слово, то шумъ го-

лосовъ во время скоропреходящаго спора, то стукотня марокъ, а затѣмъ наступала безмолвная тишина.

Алекса сидѣла неподвижно, только глаза ея слѣдили за двигавшейся передъ нею фигурой, которая то пріобрѣтала неясность очертаній, удаляясь въ самую глубину большой гостиной, то снова выступала яснѣе при яркомъ свѣтѣ лампы.

Такъ же внезапно, какъ и вскочилъ, Арно опять усѣлся и, садясь, притянулъ свой стулъ ближе къ молодой дѣвушкѣ и, оперишсь локтями, прижавъ къ вискамъ ладони, заговорилъ еще поспѣшнѣе и еще горячѣе.

— Когда же, наконецъ, мы пришли къ убѣжденію, что стѣны нашей темницы, которыя мы въ юной самонадѣянности своей мечтали проломить, сильнѣе насъ самихъ; когда мы убѣдились, что мы проклятьемъ осуждены на нескончаемое заточенье, стоймъ на порогѣ къ потерѣ разсудка, только тогда мы начинаемъ разрисовывать эти стѣны героическими ландшафтами съ далекимъ, безграничнымъ горизонтомъ, надъ которымъ заходящее солнце бросаетъ свои багровые лучи, фигурами великихъ, могучихъ людей, которые могутъ дѣлать и дѣлаютъ все, чего мы не дѣлаемъ, потому что *не можемъ* дѣлать: завоевываютъ города и земли, ѣздятъ на своихъ гордыхъ флотиліяхъ по морямъ-океанамъ, жертвуютъ жизнью тысячи людей ради нашей славы, и наоборотъ, тысячамъ приносятъ счастье, чтобы только возмечтать о себѣ, какъ о богѣ... И мало ли какихъ еще другихъ фокусовъ не выдѣлываютъ люди? Хотя бы, напримѣръ, выскребываютъ всю свою безсмыслицу и глупость передъ молодой, прекрасной и умной дѣвицей, которая уже считаетъ своего собесѣдника сумасшедшимъ и только недоумѣваетъ: не позвать ли ей къ себѣ на помощь старика Лудвига, или поскорѣй пригласить сюда игроковъ, которые бы ее защитили?

Арно опустилъ руки на столъ и поглядѣлъ на Алексу съ горькой, насмѣшливой улыбкой. Въ ея широко-раскрытыхъ глазахъ былъ такой же остановившійся взглядъ, и она медленно проговорила:

— Я въ защитѣ не нуждаюсь; но есть другой, котораго необходимо защитить—отъ него самого. Я знаю одно только существо на свѣтѣ, которое способно быть для него такой защитой...

— И это—вы?

— Да! Только *я* одна.

— А если я васъ нà-словѣ поймаю?

— Я ничего иного и не жду,—возразила молодая дѣвушка, и обѣ свои руки положила на его руку.

Арно наклонился и приникъ къ нимъ губами.

Позади послышался шелестъ платья. Они оглянулись.

Удивленная, испуганная, г-жа Моорбекъ увидала передъ собой два блѣдныхъ лица, которыя старались ободрить ее улыбкой.

— Алекса! Докторъ!.. Что̀ это значитъ? Что̀ съ вами случилось?

— Мы сейчасъ дали другъ другу слово, мама̀!..

XVIII.

На слѣдующій день, около полудня, Арно подъѣзжалъ къ больницѣ въ экипажѣ коммерціи совѣтника.

Онъ ѣхалъ туда прямо съ визита къ невѣстѣ и своимъ будущимъ тестю и тещѣ, которыхъ онъ хотѣлъ пріятно изумить радостною вѣстью. Сегодня поутру изъ Берлина пришло оффиціальное увѣдомленіе, за которымъ вскорѣ послѣдуетъ оффиціальное назначеніе, согласно съ предложенными имъ условіями. Его назначили въ директоры ново-устроенной и стоившей большихъ издержекъ больницы, возведенной съ соблюденіемъ его указаній, пятнадцатаго сентября. Сверхъ того, на него возлагалась обязанность читать клиническія лекціи въ университетѣ, пока еще въ качествѣ экстраординарнаго профессора.

Поздравляя, желая ему счастья, обнималъ его коммерціи совѣтникъ чуть не со слезами на глазахъ.

— Какъ это все чудесно! И какъ замѣчательно кстати! — восклицалъ онъ.—А только никогда не думалъ я, что такъ скоро придется мнѣ разстаться со своей Алексой!..

— *Г-нъ профессоръ*, — такъ и будетъ стоять на пригласительныхъ билетахъ!—ликовалъ Рихардъ.

— Глупое дитя!—перебила его Алекса.—Тогда намъ пришлось бы подождать ихъ разсылать до пятнадцатаго сентября.

Арно поддерживалъ ее, но Рихардъ не хотѣлъ дать себя разубѣдить.

— Съ той минуты, какъ у него въ рукахъ оффиціальное извѣщеніе, онъ уже *профессоръ*, и баста!—настаивалъ онъ.

Разгорѣлся споръ. Рихардъ вмѣстѣ съ отцомъ составлялъ меньшинство; Арно и Алекса съ матерью видѣли въ этой выставкѣ напоказъ профессорскаго званія лишь пустое хвастовство, которое ихъ возмущало.

— И сверхъ того, это была бы ложь,—порѣшила Алекса.—

Я дала слово не профессору, а *доктору* Арно. И даже, собственно говоря, вовсе не ему, а просто любимому человѣку.

— Ну, въ такомъ случаѣ пусть напечатають: помолвлены— Алекса Моорбекъ и ея любимый человѣкъ! — воскликнулъ разгнѣванный юноша, выбѣгая изъ комнаты.

Но не успѣлъ онъ еще запереть за собою дверь, какъ уже снова распахнулъ ее и бросился къ доктору на шею, повторяя:

— Любимый человѣкъ!

Между тѣмъ, становилось уже поздно, для Арно по крайней мѣрѣ. Ему предстояло сдѣлать въ городѣ еще два визита, а до больницы было далеко; день былъ необыкновенно жаркій. Внимательный совѣтникъ, не спрашивая позволенія доктора, приказалъ заложить для него ландо, которое ужъ было у подъѣзда.

Арно это было не по вкусу, но онъ не могъ отказаться, не обижая добродушнаго хозяина дома. Итакъ, онъ покорился, но ѣхалъ въ удрученномъ настроеніи духа, которое испытывалъ въ продолженіе всего визита, хоть и скрывалъ его, и съ каждой минутой становился мрачнѣе.

Когда коляска остановилась у подъѣзда больницы, Арно замѣтилъ, что какая-то женская фигура вышла изъ боковыхъ дверей, въ которыя входили и выходили посѣтители, и быстро удалялась, направляясь къ улицѣ черезъ площадку. Эту особу доктору было видно лишь съ тыла, но его острый взглядъ тотчасъ же призналъ въ ней Мальвину. Видъ этой подозрительной особы, бывшей горничной Лоры, а теперь камеръюнгферы его невѣсты, совершенно ошеломилъ его и значительно повысилъ степень его озлобленія.

— Какъ можете вы допускать сюда такую особу? — напустился онъ на г-жу Ливоніусъ, которая встрѣтилась съ нимъ по дорогѣ въ его комнату.

— Какую особу?—спросила перепуганная женщина.

— Ну, да—Мальвину! Не знаю, какъ ее тамъ дальше звать.

— Ахъ, да, она—двоюродная сестра нашей Стины, докторъ! Я не имѣла никакого повода запрещать ей у насъ бывать, если она приходитъ навѣстить сестру.

— Значитъ, она бывала здѣсь уже не разъ?

— Раза два—три.

— И сейчасъ тоже она была опять у Стины?

— Весьма вѣроятно, только я ее сегодня не видала. Стина у себя въ комнатѣ. Она не спала всю ночь и эту спать не будетъ. Часъ тому назадъ намъ доставили еще больную, опять тифозную.

— Ну, хорошо. Скажите, пожалуйста, Стинѣ, что я хотѣлъ бы съ нею поговорить. Гдѣ новая больная?

— Въ нумерѣ четвертомъ.

— Ее принималъ Радловъ?

— Да. Онъ и сейчасъ тамъ, около нея. Онъ говоритъ, это тяжелый трудный случай.

— Радловъ все видитъ въ черномъ цвѣтѣ!

Докторъ пошелъ дальше, наверхъ, а г-жа Ливоніусъ посмотрѣла ему вслѣдъ, покачала головой и подумала про себя:

„Ну, чтò онъ можетъ имѣть противъ этой Мальвины? Или въ этой Зибольдовской исторіи есть что-нибудь такое"...

Между тѣмъ, Арно еще разъ вмѣстѣ со своимъ коллегой изслѣдовалъ больную. Дѣйствительно, она была опасна.

— Не можете ли вы мнѣ подарить минутку?—спросилъ д-ръ Радловъ, выйдя вмѣстѣ съ Арно изъ палаты, гдѣ лежала больная, и останавливаясь съ нимъ у дверей въ его комнату.

— Само собою разумѣется,—отвѣтилъ Арно, отворяя дверь.— Но мнѣ казалось, что относительно больной у насъ нѣтъ разногласія?

— Это совсѣмъ другое, это дѣло частнаго характера.

— Надѣюсь, ничего непріятнаго?

Только сейчасъ замѣтилъ Арно, что его сослуживецъ былъ необыкновенно блѣденъ.

— Ну, это какъ посмотрѣть,—возразилъ тотъ и положилъ руку на спинку стула, который ему предложилъ Арно. Его сильная рука дрожала.

— Не мучьте же вы меня! Скажите: чтò такое?

— Простите! Мнѣ вѣдь и самому не легко дается вамъ сказать, что я долженъ уѣхать отсюда—и уѣду.

— Но чего ради?

Отвѣтъ послѣдовалъ не скоро. Въ безпомощномъ смущеніи молодой докторъ смотрѣлъ по сторонамъ и мѣнялся въ лицѣ. Наконецъ, онъ сказалъ, съ трудомъ принуждая себя говорить.

— Я знаю, вы мой другъ. Я могу съ вами говорить открыто. Впрочемъ, я и безъ того не имѣлъ бы намѣренія играть съ вами въ прятки; вѣдь во всемъ мірѣ не нашлось бы другой причины, которая могла бы вынудить меня разстаться съ вами и съ больницей. Но я... я люблю Стину Пребровъ, люблю ее безумно! Вчера вечеромъ просилъ я ее быть моей женой; она мнѣ отказала!

Никогда Арно не допускалъ возможности, чтобы сынъ тайнаго совѣтника, человѣкъ съ выдающимися связями, могъ предло-

жить дочкѣ простого лоцмана свою руку и сердце, какъ бы горячо онъ ее ни любилъ! *Ему* это и въ голову не приходило, а между тѣмъ кому, какъ не ему, дала Стина вполнѣ насладиться своей любовью? Онъ чувствовалъ, что Радловъ честнѣе и благороднѣе его. Некрасивое чувство стыда зашевелилось въ немъ, вмѣстѣ съ одной мыслью, которая показалась ему адски-лукавой.

Ахъ, да не все ли равно? И безъ того онъ самъ знаетъ прекрасно, что со вчерашняго вечера черные демоны расходились у него въ душѣ, и самъ сатана держитъ ее теперь въ своей власти.

— И потому-то вы хотите уѣхать?

— Могу ли я здѣсь оставаться,—возразилъ возбужденно молодой человѣкъ:—и встрѣчаться съ нею безпрестанно въ корридорахъ и въ палатахъ, и на ея прелестномъ, грустно-задумчивомъ лицѣ читать свой безнадежный приговоръ? Это была бы пытка, какъ для меня, такъ и для нея! Я хочу ее избѣжать для насъ обоихъ.

— Но, милый мой коллега! Сердце дѣвушки вовсе ужъ не такой „rocher de bronze". Это вѣдь все равно, что вѣтеръ, который сегодня дуетъ такъ, а завтра иначе. Дайте же вы ей время хорошенько обдумать это дѣло!

— Времени у нея было ужъ довольно! Давно для нея перестало быть тайной, что я ее люблю. Судя по одному замѣчанію г-жи Ливоніусъ, я долженъ заключить, что объ этомъ знаютъ многіе изъ живущихъ здѣсь.

— Тѣмъ болѣе необходимо вамъ остаться!.. Уѣзжайте сейчасъ, и за вами вслѣдъ посыплются насмѣшки, на придачу къ вашему собственному матеріальному урону. Я думаю, что ваше дѣло далеко не пропало; знаете: „тише ѣдешь, дальше будешь". Въ чемъ дѣвушка могла отказать простому врачу, въ томъ не откажетъ... Слушайте, коллега, у меня есть для васъ цѣлый коробъ новостей! Вчера вечеромъ я помолвленъ съ фрейлейнъ Моорбекъ; сегодня утромъ получаю изъ Берлина увѣдомленіе, что обстоятельства, о которыхъ я вамъ уже говорилъ, складываются совершенно такъ, какъ мнѣ того хотѣлось. Къ пятнадцатому сентября я уже долженъ быть въ Берлинѣ. До этого дня остается около шести недѣль, изъ которыхъ я долженъ вычесть время на свадебное путешествіе и на приготовленія къ свадьбѣ. До тѣхъ поръ вы успѣете освоиться съ обязанностями директора больницы и окончательно примете на себя это званіе, когда я его оставлю. Чего жъ вамъ еще больше, странный вы человѣкъ? Вы только на четыре года моложе меня, а я вѣдь стою во главѣ

этой больницы вотъ уже два года. Надо только вѣрить въ самого себя! Положимъ, вы нѣсколько позднѣе начали практиковать, но здѣсь вамъ представляется весьма удобный случай дойти до всего собственнымъ опытомъ. А если и случится, что вамъ что-либо не удастся (что̀ бываетъ, понятно, со всякимъ), здѣсь ни одна собака васъ за это не облаетъ! Я уже говорилъ и прежде съ коммерціи совѣтникомъ, и тогда предлагалъ ему, чтобъ вы были здѣсь моимъ преемникомъ. Онъ совершенно со мною согласенъ, а для Узелина, какъ вамъ извѣстно, его желаніе—законъ!.. Затѣмъ, пробывъ здѣсь два—три года, вы послѣдуете за мною въ Берлинъ, гдѣ я тѣмъ временемъ уже успѣю что-нибудь для васъ припасти. А съ вами вмѣстѣ пріѣдетъ и Стина, которая, конечно, ужъ давно будетъ вашей женою...

Мрачное выраженіе лица Радлова нѣсколько прояснилось, пока его уговаривалъ Арно; но затѣмъ онъ опять глубоко вздохнулъ и проговорилъ, печально качая головой:

— Прекрасныя мечты! Но осуществить ихъ не придется. Еслибъ я былъ не *я*, а *вы*! *Вы* — такой человѣкъ, который превращаетъ свои мечты въ дѣйствительность... А я... *мои* мечты такъ и останутся—мечтами!

Онъ провелъ рукой по лбу.

— Все равно, я вамъ очень благодаренъ за ваше доброе желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца и за ваше дружеское вниманіе.

— Итакъ, вашей отставки я не принимаю!

— Мы можемъ еще послѣ объ этомъ переговорить.

— Ну, хорошо! И, я надѣюсь, въ болѣе примирительномъ тонѣ, нежели сегодня?

Докторъ Радловъ вышелъ.

Арно почувствовалъ, какъ будто у него съ лица свалилась маска—улыбающаяся, добродушно-искренняя маска, которая была на немъ во время разговора. Онъ подошелъ къ зеркалу. Между бровями у него легла глубокая складка; въ остановившихся глазахъ сверкалъ холодный, зловѣщій взглядъ. Въ углахъ губъ дрожала злобная усмѣшка.

„Такъ вотъ ка̀къ смотритъ... подлецъ!..“

Арно вздрогнулъ, когда въ дверь вдругъ кто-то тихо постучался; проведя рукою по лицу, онъ голосомъ, которому старался придать оттѣнокъ непринужденности, крикнулъ:

— Войдите!

— Стина!.. Моя дорогая! Моя крошка Стина!

Арно схватилъ ее за обѣ руки; онѣ были холодны, какъ ледъ; подъ глазами, смотрѣвшими въ землю, были синеватые круги.

— Да ты больна, дитя?

Она, молча, покачала головой. Онъ ей подалъ стулъ, и она сѣла, сложивъ руки на колѣняхъ, какъ это было у нея въ привычкѣ.

У него на языкѣ такъ и вертѣлось:

— „Да посмотри же на меня, по крайней мѣрѣ“!

Но не хватало духу сказать это вслухъ, и вмѣсто того онъ проговорилъ:

— Если ты чувствуешь себя нехорошо... Мнѣ надо говорить съ тобой о серьезныхъ дѣлахъ... Не лучше ли намъ отложить до завтра?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Сегодня!—торопливо и тревожно прошептала она.—Я чувствую себя совсѣмъ здоровой.

— Ну, такъ я постараюсь, по возможности, говорить короче. Прежде всего, чтобы не позабыть, я приказалъ г-жѣ Ливоніусъ не пускать больше сюда Мальвину, если она явится опять. Это очень дурная особа, которая никогда не скажетъ ни слова, чтобы не солгать.

Стина медленно подняла и открыла глаза; передъ ея твердымъ и спокойнымъ взоромъ онъ невольно долженъ былъ опустить свой взглядъ.

— Но что вы помолвлены вчера,—это не ложь?—спросила она тихо-тихо; но ему голосъ ея показался громовымъ. Ему пришлось собрать всѣ свои силы, чтобы хоть сколько-нибудь сдержанно проговорить:

— Мнѣ очень жаль, что ты это услышала отъ такой особы. Я хотѣлъ самъ тебѣ сказать. Да, милое дитя, я дѣйствительно помолвленъ съ фрейлейнъ Моорбекъ. Впрочемъ, теперь или нѣсколько позднѣе, это былъ вопросъ только времени! Съ нею ли, или съ другой — это для меня пожалуй тоже не особенно важно. О любви, конечно, не можетъ быть и рѣчи... съ моей стороны, по крайней мѣрѣ: ты сама знаешь, кого я люблю... и буду любить вѣчно!.. Но, видишь ли, дитя: жениться на тебѣ мнѣ все равно нельзя; ты и сама вѣдь это понимаешь. Я голъ, какъ соколъ, я почти та́къ же бѣденъ, какъ и ты. Всю нашу жизнь мы бы съ тобой не выбились изъ этой нищеты. Мнѣ было просто необходимо взять за себя богатую невѣсту, которая мнѣ помогла бы выйти дальше въ люди и доставила бы положеніе въ свѣтѣ, на которое я имѣю право заявлять притязанія.

Стина сидѣла передъ нимъ не шевелясь, опустивъ глаза, сложивъ руки на колѣняхъ, и, повидимому, спокойно принимала его слова. Онъ шагалъ передъ нею взадъ и впередъ, и радъ былъ, что она относится такъ спокойно. Опять онъ упустилъ изъ виду, что эти второразрядныя натуры не одарены чуткими нервами!

— Видишь ли, милое мое дитя! При всемъ томъ, я все-таки подумалъ о тебѣ. Наша любовь, благодаря Бога, еще никому въ мірѣ не извѣстна; но какая-нибудь случайность могла вывести ее на свѣжую воду и... что̀ тогда? Тогда твое доброе имя погибло бы на вѣкъ! Тогда ты не могла бы вернуться на Недуръ, а здѣсь тебѣ было бы слишкомъ жутко оставаться. Тогда не могло бы быть и рѣчи о замужествѣ, которое тебѣ все-таки когда-нибудь да предстоитъ. Ты еще очень молода и та̀къ хороша собой! Замужество придетъ непремѣнно въ свое время. Десятки молодыхъ людей захотятъ видѣть тебя своей женой; — такихъ молодыхъ людей, которые гораздо выше тебя по своему происхожденію и о которыхъ ты никогда бы не подумала и не могла подумать, покуда не пріѣхала сюда. Одинъ изъ нихъ только-что вышелъ отсюда... Онъ до смерти въ тебя влюбленъ: это... докторъ Радловъ...

Въ то время, какъ ему пришлось произнести это имя, Арно, будто нечаянно, отвернулся отъ нея къ окну.

— А вы ему сказали про наши отношенія?

Онъ повернулся къ ней на каблукахъ.

— Да ты съума сошла?

— Тогда мнѣ самой пришлось бы ему объяснить.

Онъ дико уставился на нее.

— Мнѣ даже пришлось бы ему объяснить и еще больше!..

Стина разомкнула свои сложенныя руки и въ отчаяніи подняла ихъ къ нему; но тотчасъ же онѣ упали, какъ безжизненныя, на колѣни. Голова ея склонилась и вытянулась впередъ. Изъ ея опущенныхъ глазъ скатились по блѣднымъ щекамъ двѣ крупныя слезинки.

— Да ты увѣрена, что это такъ? — спросилъ Арно глухимъ голосомъ послѣ ужасающаго молчанія.

Стина не отвѣчала.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и растерянно остановился.

— Я только потому тебя спросилъ, что въ этомъ легко ошибиться. Но допустимъ, что оно такъ и есть, какъ ты говоришь... Боже мой, что̀ же тутъ такого? Въ концѣ концовъ должны же были мы къ этому быть готовы. Ну, дальше-то что̀?..

Понятно, тебѣ здѣсь невозможно будетъ оставаться; да и не нужно! Недѣли черезъ двѣ, я найду, что тебѣ необходимы морскія купанья, спокойная жизнь на отдыхѣ въ деревнѣ или тамъ что-нибудь подобное. Твое пребываніе можетъ затянуться или— еще того лучше!—ты совсѣмъ сюда не вернешься: я тебя оставлю у себя при большой больницѣ, въ Берлинѣ. (Я вѣдь переѣзжаю въ Берлинъ... въ сентябрѣ). Ахъ, Боже мой! Что-нибудь такое ужъ можно будетъ устроить. Само собою разумѣется, я позабочусь обо всемъ... да, обо всемъ! Моя малютка Стина должна устроиться хорошенько... Не такъ ли, крошка-Стина?

Онъ подошелъ къ ней поближе и съ нѣжной настойчивостью поднялъ ей голову. Въ ея большихъ голубыхъ заплаканныхъ глазахъ отражалось глубокое горе... Онъ прижалъ ея голову къ своей груди, чтобъ только больше не смотрѣть въ эти глаза; затѣмъ поцѣловалъ ее въ лобъ и пробормоталъ:

— Бодрись! Бодрись, дитя! Все еще обойдется и даже гораздо... да, гораздо лучше, нежели тебѣ кажется теперь. А я тебя не оставлю: даю тебѣ честное слово! ни теперь, ни когда бы то ни было. И любить тебя буду — вѣчно! Слышишь ли: вѣчно, вѣчно!.. Ну, полно, полно! Вытри же свои слезки: не надо, чтобъ другіе замѣчали, что у тебя лицо заплакано. Завтра я опять къ тебѣ выйду; тогда мы и переговоримъ еще подробнѣе объ этомъ... Ну, полно, полно! А теперь... ступай, всѣ ужъ и то станутъ удивляться, о чемъ мы съ тобой могли разсуждать наединѣ такъ долго!

Обвивъ ея станъ рукою, онъ проводилъ ее до самой двери, еще разъ коснувшись поцѣлуемъ ея лба. Къ ея нѣжнымъ губамъ, къ которымъ прежде онъ такъ страстно жаждалъ горячо приникнуть, онъ теперь не смѣлъ прикоснуться.

Взглядъ его остановился неподвижно на бѣлой двери, которая за нею затворилась; но самой двери онъ не видѣлъ. Ему чудился бѣлый парусъ, исчезавшій вдали, надъ синѣющимъ морскимъ просторомъ...

Но вотъ передъ нимъ опять выплыла дверь.

— Ну да!—проговорилъ онъ, оборачиваясь лицомъ въ комнату:—я начиналъ ужъ ясно чувствовать, что мы съ нею съ каждой секундой все больше и больше расходимся. Но это не моя вина: такъ уже все идетъ на свѣтѣ... Можетъ ли кто этотъ порядокъ измѣнить?

XIX.

Г-жа Ливоніусъ была убѣждена, что длинный разговоръ, который Стина вела съ докторомъ Арно, касался доктора Радлова; она готова была поклясться!

— Радловъ посватался за нее, она ему отказала, а директоръ ей растолковалъ надлежащую точку зрѣнія... свою, конечно: ея вѣдь точка зрѣнія совсѣмъ иная, и, по всей вѣроятности, никто съ нею не будетъ согласенъ. Это только онъ все мѣтитъ повыше, ему все не достаточно хорошо! Стина умнѣе: она знаетъ, что равный норовитъ охотнѣе примкнуть къ равному, и что бѣдному дѣтищу простого лоцмана не слѣдъ выходить за сына тайнаго совѣтника. Ей, можетъ быть, и трудно было ему отказать. Но это не бѣда! Лучше ей теперь пролить надъ нимъ двѣ-три слезинки, не поспать ночь, другую, нежели на всю свою жизнь сдѣлать себя несчастной.

Такимъ образомъ, когда подъ вечеръ Стина снова появилась съ блѣднымъ лицомъ, съ покраснѣвшими, заплаканными глазами, ея грустный видъ и особенно тихое, безгласное обращеніе показались г-жѣ Ливоніусъ вполнѣ понятными. И отказать ей у нея не хватило силы, когда Стина попросила разрѣшенія смѣнить на ночь сидѣлку у постели больной.

— Я вѣдь все равно спать не могу, — замѣтила молодая дѣвушка.

И въ этомъ ей вполнѣ вѣрила почтенная надзирательница.

— Только ужъ тогда возьмите себѣ первую смѣну, до трехъ часовъ ночи; васъ придетъ смѣнить сестра Бэтти. Обѣщайте, что вы ей уступите свое мѣсто,—тогда позволю!

И Стина обѣщала.

Въ тиши ночной она сидѣла у кровати своей больной и думала, думала, думала... Какъ это все могло къ этому придти? Ей все казалось такъ запутано, такъ невѣроятно, какъ только возможно во снѣ или въ бреду... И въ то же время ясно, что иначе не могло быть, ни къ чему больше не могло придти. Цѣлыми днями и ночами она невольно думала о немъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ увидала его въ первый разъ, тамъ, утромъ, между дюнами. Въ то утро онъ такъ ласково съ ней говорилъ, хотя и видѣлъ ее въ такомъ нарядѣ,—вспомнить, такъ со стыда сгоришь! Даже чулковъ не было у нея на ногахъ! Впрочемъ, это случилось въ первый и въ послѣдній разъ, хоть то утѣшеніе!

Однако, и оно было ненадолго: нѣсколько дней спустя, докторъ опять заѣхалъ къ нимъ.

„Ну, ужъ на этотъ разъ я была молодцомъ: запряталась отъ него подальше, а когда онъ вошелъ въ дѣтскую, къ Бонзакамъ,—бѣгомъ выбѣжала въ другую дверь!.. И думала опять о немъ все время, день и ночь"...

Какъ это было страшно, когда вдругъ пришло письмо отъ такой дамы, которая звала ее къ себѣ, которую она, Стина, даже по имени не знала! Но вѣдь для этого надо поѣхать въ Узелинъ, а въ Узелинѣ „онъ" живетъ. Она его, по крайней мѣрѣ, хоть еще разокъ увидитъ, встрѣтитъ на улицѣ, а онъ ее и не узнаетъ... ну, конечно! Ее узнать? Къ чему она ему?

О, Боже, какъ она смѣялась, когда онъ потомъ ей разсказалъ, что все это онъ самъ подстроилъ только для того, чтобы опять встрѣчать свою малютку-Стину, которую такъ любитъ, безъ которой жить не можетъ!..

Стина тихонько сама про себя улыбнулась. Какъ она была счастлива тогда! Какъ счастлива безмѣрно!..

Цѣлый часъ пролежала ея больная неподвижно, а затѣмъ начала метаться направо и налѣво. Сначала она бормотала отрывистыя рѣчи; потомъ все громче, громче и яснѣе, осмысленнѣе, но въ бреду.

Ливоніусъ передала Стинѣ исторію этой несчастной. Ее, бѣдную дѣвушку, обольстилъ землевладѣлецъ, человѣкъ грубый, безсердечный, который потомъ знать не захотѣлъ ни ее, ни ея ребенка, котораго пришлось отдать на попеченіе къ чужимъ людямъ. Тамъ онъ и умеръ въ скорости,—бѣдное, жалкое созданіе!

Теперь, лежа въ бреду, несчастная упрекала себя, что она, она убила своего ребенка! Она сама желала ему смерти, потому что знала, что съ нимъ дурно обращаются, а она, какъ ни голодала, чтобъ только что-нибудь скопить, но ничего не накопила. И вотъ—ребенокъ умеръ.

„Можетъ быть, она и сама, своими руками его удавила, схватила за горло и бросила въ воду?..—думала Стина, слушая ее. — Тамъ, гдѣ-нибудь на озерѣ, въ лѣсу, гдѣ шепчется тростникъ и по вечерамъ кричатъ ночныя птицы, гдѣ она сиживала не разъ съ своимъ милымъ на мягкой, на густой травѣ... Буль, буль... забулькала бурая вода, когда она въ нее бросила бѣдненькаго крошку... Буль, буль, буль"!

И въ самомъ дѣлѣ, больная сидѣла на постели и безъ конца все повторяла: „буль, буль, буль"!.. Ужасно, жутко было ее слу-

шать! Стина даже подумала, что, пожалуй, она не выдержитъ, и ей придется кого-нибудь къ себѣ позвать...

Въ самомъ концѣ рощицы, подальше, гдѣ она примыкала къ открытымъ полямъ, былъ маленькій прудъ или, собственно говоря, большая яма, изъ которой когда-то копали известнякъ; вода въ ней въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ доходила до шести футовъ въ глубину. Такъ говорили больничныя дѣвушки, которыя въ эти страшно-знойные дни иной разъ раннимъ утромъ бѣгали туда купаться.

„Отчего бы и мнѣ туда не окунуться? — подумала вдругъ Стина:—и попасть въ одинъ изъ тѣхъ глубокихъ омутовъ, изъ которыхъ, — какъ говоритъ Ганна, никогда уже не выскочишь, если не умѣешь плавать"!

А Стина не умѣла...

Между тѣмъ, больная упала въ подушки и больше не шевелилась. Стинѣ показалось, что лихорадка усилилась. Надо было воспользоваться удобнымъ случаемъ смѣрить температуру. Сорокъ-три градуса!.. Сейчасъ же надо сдѣлать ванну!..

Старушка-сидѣлка, которая отличалась чисто-мужской силой и которая всегда помогала въ подобныхъ случаяхъ, вскорѣ была на мѣстѣ.

— Нѣтъ нужды звать доктора Радлова; насчетъ купанья я смыслю побольше, нежели этотъ молодой человѣкъ!

Все сошло благополучно; больную уложили въ постель, и Стина опять осталась съ нею одна.

Бредъ начался опять, но ужъ не такой сильный. Теперь больной чудились только рыбы: все чудныя, блестящія, гладкія рыбы!

Онѣ сновали передъ ней въ чистой, прозрачной водѣ, то туда, то сюда. Такъ это было весело ей смотрѣть! Такъ хорошо, пріятно!.. Вотъ и она сама превратилась въ рыбу... Ахъ, это еще лучше! Ну, что за наслажденіе!..

„Нѣтъ, это — не годится! Люди сейчасъ же скажутъ: бросилась въ воду, утопилась! Надо такъ сдѣлать, чтобы всѣмъ показалось, будто все это нечаянно вышло... И откуда только эта Мальвина узнала, что я его люблю? Кромѣ нея, не знаетъ вѣдь никто на свѣтѣ! Мальвина говорила это съ самаго начала и все повторяла, хоть я и клялась всѣми святыми въ мірѣ, что это неправда. Ложь — большой грѣхъ; но нельзя же прямо въ этомъ сознаться! Вотъ и сегодня тоже, когда Мальвина сломя голову прибѣжала мнѣ сказать и крикнула на встрѣчу: „А знаешь ли, вѣдь онъ помолвленъ съ нею"!—я спокойно возразила ей: —Что жъ тутъ такого?"

И она опять отдалась своимъ думамъ, своимъ глубокимъ думамъ.

Вѣдь она, Стина, никогда не ожидала, чтобы онъ долженъ былъ на ней жениться. Ни разу въ голову ей это не пришло даже тогда, когда уже знала, въ какомъ она положеніи. Впрочемъ, она и вообще ничего не думала, кромѣ того, что все готова бы, любя, для него сдѣлать, не требуя себѣ взамѣнъ никакой награды. Развѣ же это не самая высшая, безмѣрно высокая изо всѣхъ наградъ, что *онъ* самъ отвѣчалъ любовью на ея любовь?!

„А теперь — онъ меня больше не любитъ! Съ сегодняшняго дня я это знаю. И дѣло не въ его помолвкѣ,—нѣтъ! Изъ каждаго слова мнѣ это было понятно; изъ каждаго прикосновенія чувствовалось ясно. Если же онъ теперь меня не любитъ, значитъ и вовсе, никогда въ жизни не любилъ! Можетъ ли вдругъ пройти любовь, если она разъ поселится у человѣка въ сердцѣ"?

Нѣтъ, нужно умереть!..

„Только, чтобъ ни одна душа не знала причины; особенно Мальвина"!..

Часы надъ главнымъ входомъ въ больницу пробили три...

Тихо, безшумно ступая, пришла на смѣну сестра Бэтти. Стина ей отдала отчетъ, какъ больная провела ночь. Лихорадка довольно понизилась; Стина даже думала, что бѣдная дѣвушка можетъ еще оправиться; сестра Бэтти съ нею соглашалась.

Въ ту минуту, когда послѣдняя отвернулась къ окну, чтобы посмотрѣть, насколько уже становилось свѣтлѣе,— Стина поспѣшно нагнулась надъ больною и поцѣловала ее въ лобъ. А затѣмъ— простилась съ Бэтти и ушла въ свою комнатку.

Тамъ она накинула себѣ на плечи платокъ, а другой, поменьше — на голову, предварительно снявъ съ себя свой форменный передникъ, равно какъ и бѣленькій чепчикъ, который она повѣсила надъ рукомойникомъ, стоявшимъ на комодѣ. Ей хотѣлось, еслибы кто встрѣтился, чтобы въ ней не тотчасъ признали больничную сидѣлку; и въ то же время она не должна была имѣть такой видъ, какъ будто уходитъ совсѣмъ, чтобы ужъ больше никогда не возвращаться.

Тихо ступая, Стина спустилась по каменнымъ плитамъ корридоровъ—въ кухню. Никто ей не попался на встрѣчу. Въ кухнѣ также,—какъ, впрочемъ, она и ожидала,—ни души! Только мухи, которыхъ она, войдя, спугнула, зажужжали, бросаясь во всѣ стороны.

На кухонномъ, до-бѣла вычищенномъ столѣ лежала толстая книга—узкая, продолговатая, въ которой кухарка, Маля, имѣла обыкновеніе еще съ вечера записывать, чтò надо купить на другой день. Стина открыла эту книгу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было заложено карандашомъ, и прочитала:—„*Зелени*: стручковъ и бобовъ. *Говядины*: тридцать фунтовъ. *Рыбы*: камбалы, щукъ"...

Стина подчеркнула слово „рыбы" и написала на листкѣ бумаги:

„Дорогая Маля! Я сама схожу за рыбой: у меня голова горитъ послѣ того, какъ я провела ночь въ комнатѣ больной. Я лучше всего пойду прямо на пристань, тамъ всегда свѣжѣе! Будьте покойны, въ рыбѣ я знаю толкъ и слишкомъ дорого не дамъ. Черезъ часъ я вернусь.—Стина".

Она захлопнула книгу, сняла со стѣнки коричневую корзинку для рыбы, тихо затворила за собою дверь, которая вела изъ кухни во дворъ; перешла черезъ весь дворъ и отворила калитку, а затѣмъ уже пошла по дорогѣ, которая вела вдоль стѣны, огибавшей дворъ, прямо на пригородное шоссе.

Было уже совершенно свѣтло, несмотря на то, что еще добрыхъ полчаса оставалось до разсвѣта. Птицы щебетали въ деревьяхъ садовъ, которыя окаймляли дорогу; тутъ и тамъ крупныя капли росы лежали на листьяхъ кустовъ, вѣтви которыхъ просовывались сквозь деревянныя рѣшотки заборовъ; въ воздухѣ еще не прошла ночная прохлада, и Стина подумала, что день будетъ, вѣроятно, опять очень жаркій: заря была такая ясная, даже скорѣе съ желтой, нежели съ красной окраской. Это, конечно, предвѣщало жаркій день.

Ей было однако удивительно, что она думала объ этомъ: ну, какое ей дѣло до пташекъ и до утренней росы! Все это хорошо для нихъ, для тѣхъ людей, которые теперь еще спятъ за спущенными занавѣсками и проснутся для того, чтобы прожить грядущій день... Прежде чѣмъ взойдетъ солнце, Стины Пребровой ужъ не будетъ на свѣтѣ!

— Ахъ, еслибъ ужъ тутъ были рыбаки! Въ жаркіе дни они любятъ пораньше собираться, до восхода солнца. Но иной разъ вѣтеръ дуетъ противный или теченіе бываетъ слишкомъ быстро; тогда они, пожалуй, запоздаютъ на часъ или больше. Впрочемъ, тотъ ли другой изъ нихъ, вѣроятно, окажется на мѣстѣ.

Вотъ она и въ городѣ!..

Булочныя уже были открыты. То-и-дѣло попадались ей на встрѣчу рабочіе или шныряли черезъ дорогу нечесанныя горнич-

ныя, въ туфляхъ, въ наскоро-накинутомъ платьѣ. Одни только воробьи шумѣли на крышахъ, да ласточки пролетали надъ отсырѣвшей мостовой. Видно, и въ городѣ выпала сильная роса...

Черезъ площадь Стинѣ было бы ближе пройти; но туда идти ей не хотѣлось. Не хотѣлось проходить мимо дома съ зеркальными окнами, гдѣ жила *та*, которая ѣздить въ экипажѣ, обитомъ шолковой матеріей, и съ которой онъ завтра же будетъ сидѣть рядомъ, разъѣзжая по своимъ предсвадебнымъ визитамъ. Также мимо того дома, у котораго зеленыя ставни, гдѣ ей, Стинѣ, пришлось пережить столько дурного съ *тою*, съ которой онъ тоже когда-то былъ въ связи. Стина сегодня не повѣрила Мальвинѣ, когда она сказала, что у него перебывало уже много другихъ любовницъ, — дѣвушекъ и женщинъ; но теперь она всему вѣритъ.

„О, да: онъ дурной человѣкъ! Не даромъ Іохенъ говорилъ: — Ну, Стина, сама знаешь, я матросъ, такъ ужъ матросъ и есть! Только я далеко не такъ дуренъ, какъ *тотъ*"!

Бѣдный Іохенъ! Какъ слезы у него катились градомъ, когда онъ ей принесъ письмо въ больницу: — „Онъ больше ей не будетъ повторять, что ее любитъ. Только бы она вернулась къ нимъ, на Недуръ, къ своимъ старикамъ"!..

„На Недуръ... къ своимъ старикамъ"!..

Изъ узкаго проулка Стина вышла къ „корабельному двору" у пристани, гдѣ строили новыя суда и заклепывали старыя. Рабочихъ тамъ еще не было; но ведра смолы и дегтю, плотничьи инструменты, все такъ стояло и лежало, какъ было оставлено наканунѣ. Въ одномъ изъ бревенъ, изъ которыхъ выпиливали доски на высокихъ кòзлахъ, засѣла пила... Сто разъ видѣла она все это; сто разъ слышала стукотню молотковъ и топоровъ, лязгъ плотничьей пилы; вдыхала запахъ свѣжаго дегтю и смолы, древесныхъ стружекъ и воды...

А вотъ и онъ, широкій просторъ рѣки! Красноватымъ оттѣнкомъ отливаютъ ея струи при отраженномъ свѣтѣ восходящаго солнца. Теперь оно скоро должно было взойти... Тамъ и сямъ надъ водою стояли столбы легкаго тумана, которые вмѣстѣ съ теченіемъ направлялись къ морю. Теченіе было необыкновенно быстро: довольно большая древесная щепка, которую водой смыло съ берега, порывисто вертясь, пронеслась мимо Стины...

Да, мимо нея, на Недуръ, къ ея старикамъ!

А что̀, если она такъ и сдѣлаетъ, какъ ее горячо умолялъ Іохенъ? Если она вернется, откуда пришла? Что̀, если она будетъ жить вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ, у котораго нѣтъ отца,

подъ вѣчно-печальнымъ взоромъ добраго старика, на заплаканныхъ глазахъ у милой, доброй матери, подъ укоризненными взглядами Іохена, г-жи Бонзакъ и всѣхъ честныхъ людей—мужчинъ и женщинъ... Нѣтъ, нѣтъ! Въ тысячу разъ лучше прямо въ воду!..

Вотъ—отсюда! прямо съ бревенъ, которыя, плотно связанныя, лежали въ водѣ, у самаго берега: мимо нихъ быстрое теченіе катитъ свои волны... Но нѣтъ! тогда никто не подумаетъ, что это нечаянно; а вѣдь она такъ именно и порѣшила, чтобы это было будто бы „случайно“.

Стина посмотрѣла вверхъ по теченію, гдѣ обыкновенно стояли лодки рыбаковъ, но не могла разглядѣть, есть ли тамъ хоть одна: ихъ загораживали два-три болѣе крупныхъ судна. Ей надо было сперва ихъ обойти.

Она поспѣшно зашагала черезъ сваи и цѣпи, которыми эти суда были притянуты на блокахъ къ берегу. Въ церкви св. Іоанна, что̀ на гаваньской площади, часы пробили четыре: нельзя больше терять ни минуты! Тутъ и тамъ изрѣдка уже появлялись человѣческія фигуры. Одно судно уже подняло парусъ и поворачивало по теченію, прочь отъ берега. На другомъ, на реѣ главной мачты, повисли два матроса, отвязывая парусъ.

Вотъ и рыбачьи лодки: одна, двѣ, три, четыре... Самая первая, ближняя, была въ то же время и самая большая. Она даже не могла подойти къ самому берегу: съ набережной на лодку были переброшены мосточки, въ видѣ простой доски.

Да, вотъ такъ, именно такъ Стина все это себѣ и представляла! Сердце ея забилось.

Уже теперь навѣрное удастся!

Она пошла по направленію къ лодкѣ, внутренность которой ей было теперь видно съ берега. Въ ней былъ одинъ только человѣкъ,—старичокъ, какъ ей показалось, который стоялъ къ ней спиною и перебиралъ рыбу, перебрасывая ее изъ одного ящика въ другой.

Стина спустилась и пошла по узкой дощечкѣ, которая еще не высохла послѣ росы и немного гнулась подъ ея тяжестью. Рыбакъ услышалъ за собой ея скрипѣнье и оглянулся, удивляясь, что такъ рано уже спѣшитъ покупатель; онъ безъ труда узналъ Стину Преброву, дочь старика Петра Преброва. Только четыре недѣли тому назадъ онъ былъ въ больницѣ, гдѣ ему вынимали изъ правой руки большую щепу. Тогда-то онъ и видѣлъ ее и слышалъ, какъ ее зовутъ, и кто она такая.

— Ну, Стина Пребровъ, что̀ вамъ такъ понадобилось спозаранку?—проговорилъ онъ.

— Да купить рыбы для больницы, Кришанъ Гӧфтъ, — возразила Стина такъ же ласково, какъ говорилъ съ нею старикъ.

— А чего вамъ, собственно, угодно?

— А чтò у васъ есть? Напримѣръ, камбала?

— Еще бы! Она, правда, мелковата, но зато свѣжа!

— Такъ отсчитайте мнѣ десятка два въ корзинку... Понятно, покрупнѣе!

Она нагнулась впередъ, стоя на самомъ краю мосточковъ, и протянула къ нему корзинку, которую онъ взялъ у нея изъ рукъ. Стина стояла и смотрѣла, какъ онъ отсчитывалъ ей рыбу.

— Ну, вотъ, готово! А для васъ вотъ и еще одна рыбка на придачу. Не надо ли еще чего?

— Найдется у васъ щука?

— Одна, единственная, но зато чудесная!

— Покажите, пожалуйста!

Старикъ вынулъ рыбу изъ ящика и показалъ.

— Только бы она вошла въ корзинку!

— Э, должна войти! Я ее хвачу разокъ по головѣ: она и будетъ себѣ лежать смирно!

— Нѣтъ, ради Бога, не надо!

— Она выскочитъ у васъ, непремѣнно!

— Но крышка закрывается прекрасно.

— Ну, какъ угодно.

— А чтò стòитъ вся рыба?

— Ну, вамъ я дешево отдамъ! Пусть это будетъ для почина.

Рыбакъ назвалъ весьма умѣренную сумму, которую Стина ему и отсчитала изъ своего маленькаго кошелька, гдѣ у нея хранились карманныя деньги, которыя ей выдавались каждую недѣлю изъ больничныхъ денегъ, послѣ долгаго сопротивленія съ ея стороны. У старика не оказалось сдачи двухъ-трехъ мелкихъ монетъ.

— Все равно, оставьте! — проговорила Стина: — я зайду какъ-нибудь на дняхъ: тогда и сосчитаемся.

— Что-жъ, по мнѣ хоть и такъ!

— А чтò я васъ просить хотѣла, Кришанъ Гӧфтъ: когда вы опять поѣдете на Недуръ?

— Пожалуй, въ концѣ недѣли. Класъ Свантовъ собирается крестить своего мальчишку: я ему дядей прихожусь.

— Не будете ли вы такъ добры поклониться моимъ...

— Поклонюсь, съ удовольствіемъ.

— И... и Іохену Лахмунду!

— Старый рыбакъ подмигнулъ ей, глядя на нее снизу вверхъ своими маленькими свѣтлыми глазами:

— А, это вѣрно—суженый?

— Объ этомъ я еще не думаю.

— Ну, отчего же? Тутъ нѣтъ грѣха... Хорошо, все исполню.

— Благодарю. Прощайте!

— Прощайте!

Старикъ поднялся повыше и подалъ ей корзинку.

— Смотрите, осторожнѣе несите: тяжеленько! На мосткахъ-то немножко скользко!

— Ну, ужъ не такъ, чтобы очень!

Рыбакъ опять нагнулся надъ своею рыбой.

Стина сдѣлала одинъ шагъ впередъ и оглянулась на другія лодки: тамъ тоже все оживилось. Явились еще покупатели и покупательницы; нѣсколько человѣкъ шли по широкой набережной къ лодкамъ. Повернувшись немного лѣвѣе, она увидала, что краешекъ солнца засіялъ на горизонтѣ надъ самыми прибрежными лугами.

И этого солнца ей уже больше не видать!..

Она открыла крышку корзины. Зачѣмъ умирать рыбѣ вмѣстѣ съ ней?..

Щука изогнулась колесомъ и полетѣла въ воду, описавъ въ воздухѣ большую дугу. Стина невольно вскрикнула слегка.

Старикъ оглянулся.

— Чтò случилось?

— Моя щука!..

— А чтò я говорилъ!.. Оставьте, пусть себѣ плыветъ. Не выплыветъ, будьте покойны!

Онъ видѣлъ, какъ Стина стояла на мосткахъ, нагнувшись впередъ всѣмъ станомъ. Еще мгновенье—и она упала въ воду съ корзинкою въ рукахъ.

Рыбакъ схватилъ живо багоръ и бросился на носъ лодки. Теченіемъ должно было пронести ее мимо; но его багра не хватало, а теченіе въ этомъ мѣстѣ было очень быстро.

— Господи!..—вскрикнулъ старикъ: — И она, бѣдная, тоже не выплыветъ!..

А. Б—г—

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
КРИЗИСЪ

„Natura curat, medicus juvat"...

Сельско-хозяйственный кризисъ существуетъ у насъ давно, а оффиціально онъ признанъ былъ въ 1888 году. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, отъ 6 января 1888 года, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, высказалъ, что „положеніе землевладѣнія въ имперіи, угнетаемаго разнообразными, неблагопріятно сложившимися экономическими условіями, становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Составляя основу производительныхъ силъ государства и долженствуя быть источникомъ его могущества и благосостоянія, землевладѣніе испытываетъ такія въ своей трудовой дѣятельности стѣсненія, при которыхъ ослабляется самая устойчивость сельско-хозяйственной производительности, несмотря на сравнительную удовлетворительность урожаевъ за минувшее пятилѣтіе. Неудержимо развивающееся съ 1881 года паденіе цѣнъ на всѣ хлѣбные продукты привело населеніе къ тому, что наибольшая часть произведеній земли не только не приноситъ хозяевамъ сколько-нибудь вознаграждающей ихъ трудъ прибыли, но даетъ прямой убытокъ. Терпѣливо и безропотно перенося столь тягостныя для земледѣлія и землевладѣнія условія, населеніе не можетъ, однако, не сознавать, что и оставаться въ этихъ условіяхъ государству, по преимуществу земледѣльческому, невозможно, и что единичныя усилія частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, сами по себѣ, безъ правительственнаго содѣйствія, не въ состояніи достигнуть

сколько-нибудь успѣшныхъ результатовъ на поприщѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній".

Докладъ графа Толстого удостоился Высочайшаго одобренія, и въ томъ же январѣ 1888 года была учреждена многочисленная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора фонъ-Плеве. Названа она была „коммиссіей по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія въ пятилѣтіе 1883—1887 гг.".

Коммиссія отнеслась къ порученному ей дѣлу съ должной серьезностью, и результатомъ ея четырехъ-лѣтней дѣятельности было предложеніе цѣлаго ряда мѣръ, общій характеръ которыхъ былъ—непосредственная помощь правительства русскому землевладѣнію. Многія изъ этихъ мѣръ осуществлены, какъ, напримѣръ, самая коренная съ точки зрѣнія административной помощи, а именно учрежденіе министерства земледѣлія, въ которомъ, по мнѣнію коммиссіи [1]), „могло бы сосредоточиваться все попеченіе о хозяйственныхъ нуждахъ различныхъ классовъ Имперіи".

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время центральное правительство относилось и относится съ небывалой до сихъ поръ у насъ отзывчивостью къ предлагаемому общественнымъ мнѣніемъ на пользу землевладѣнія, особенно если предложеніе высказывается настойчиво и убѣдительно. Очевидно, существуетъ полное единеніе убѣжденій какъ правительства, такъ и общественнаго мнѣнія, въ необходимости и цѣлесообразности помощи русскому землевладѣнію въ его безспорно нынѣ тягостномъ положеніи. Мѣры и принимаются, —а паденіе цѣнъ на произведенія сельско-хозяйственнаго труда, которое озабочивало графа Толстого въ 1888 году, все болѣе и болѣе усиливается, все болѣе и болѣе разоряетъ русское землевладѣніе. Правительственная и общественная помощь оказывается безсильной; примѣненное къ недугу леченіе оказывается недостаточнымъ, и самъ собою рождается вопросъ о цѣлесообразности самой помощи. До сихъ поръ всюду правительственная и общественная помощь въ обширныхъ размѣрахъ примѣнялась въ исключительныхъ случаяхъ—и только какъ временная мѣра. Дѣйствительно, постоянно помогать большинству населенія никакое правительство не можетъ, потому что средства, которыми оно располагаетъ, оно получаетъ отъ того же населенія. Какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общественнаго мнѣнія, несомнѣнно желаніе помочь русскому землевладѣнію

[1]) Докладъ предсѣдателя Высочайше учрежденной въ 1888 году коммиссіи. С.-Петербургъ, 1892 г., стр. 139—140.

и земледѣлію; несомнѣнно также, что до сихъ поръ это желаніе не достигло своей цѣли. Постараемся вкратцѣ и, пожалуй, вслѣдствіе того все еще недостаточно, — выяснить причину такого явленія.

I.

Въ оффиціальномъ признаніи существованія сельско-хозяйственнаго кризиса въ 1888 году было указано, что причина его —паденіе цѣнъ на произведенія земли—началась въ 1881 году. Еще ранѣе доклада графа Толстого, обѣднѣніе русскаго землевладѣнія обратило на себя вниманіе центральнаго правительства. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, Н. Х. Бунге, 31 декабря 1886 года, о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1887 годъ, по которой сумма предполагаемыхъ, обыкновенныхъ, государственныхъ доходовъ была исчислена въ 793.118.046 рублей, между прочимъ, было сказано: „поспѣшное установленіе крупныхъ налоговъ не только представляется несвоевременнымъ, но можетъ оказаться даже излишнимъ, потому что, при наступленіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и нѣкоторомъ ослабленіи сельско-хозяйственнаго кризиса, наступитъ снова естественный ростъ государственныхъ доходовъ“. Вѣроятно, высказанная такимъ человѣкомъ, какъ Н. Х. Бунге, надежда на нѣкоторое ослабленіе сельско-хозяйственнаго кризиса была своего рода данью уваженія общественному мнѣнію. Всѣ тогда вѣрили,— не у насъ однихъ,—что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ—явленіе временное. Что̀ бы сдѣлалъ или предпринялъ Н. Х. Бунге при дальнѣйшемъ и бо̀льшемъ паденіи этихъ цѣнъ, неизвѣстно, такъ какъ въ 1887 году онъ оставилъ занимаемое имъ мѣсто и былъ замѣненъ И. А. Вышнеградскимъ. Въ томъ же 1887 году началось крупное повышеніе всякихъ налоговъ, въ видѣ ли новыхъ, или—увеличенія размѣра существующихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно началось не менѣе крупное повышеніе таможенныхъ пошлинъ не съ одной только фискальной цѣлью, но въ видахъ усиленнаго поощренія отечественной обработывающей промышленности. Коренное измѣненіе нашей экономической политики привело, какъ будто, къ блестящему внѣшнему положенію нашего государственнаго бюджета чуть ли не моментально; непосредственнымъ же результатомъ поощренія отечественной промышленности было повышеніе Германіей той пошлины, которая у нея взималась съ нашего хлѣба, и, наконецъ, послѣдовала такъ-называемая таможенная съ нею

война. Германія—главный потребитель нашей ржи, и принятыя ею мѣры относительно этого хлѣба всего тяжелѣе отразились на той части нашего черноземнаго, хлѣбороднаго района, которая производить пшеницу не можетъ. Новый поворотъ нашей экономической политики, энергически и послѣдовательно проведенный, оставшійся, впрочемъ, и до сихъ поръ безъ коренного измѣненія, былъ тяжкимъ испытаніемъ для всего русскаго землевладѣнія, уже обезсиленнаго предъидущей бездоходностью сельско-хозяйственной промышленности. Примѣру Германіи послѣдовали и другія страны, потребляющія нашъ хлѣбъ, и русское землевладѣніе стало все болѣе и болѣе разоряться. Къ коренной причинѣ бездоходности сельско-хозяйственной промышленности—паденію хлѣбныхъ цѣнъ—присоединилась такимъ образомъ: искусственное удешевленіе русскаго хлѣба на международномъ рынкѣ и увеличенное, двойственное обложеніе сельскаго населенія—въ пользу государственнаго казначейства въ видѣ повышенія налоговъ, и въ пользу отечественной промышленности—въ видѣ повышенія цѣнъ на все необходимое для населенія. Другого естественнаго и логическаго послѣдствія такого одновременно послѣдовавшаго и разнороднаго отягощенія сельскаго населенія не могло и быть, какъ именно усиленное его разореніе.

Къ несчастію, такое ясное положеніе было затемнено особенностями русской сельской жизни и существовавшими теченіями въ общественныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Общественное мнѣніе было введено въ заблужденіе, въ главныхъ чертахъ, выносливостью сельскаго населенія и желаніемъ принести ему дѣйствительно необходимую и плодотворную пользу. Ограниченность потребностей русскаго сельскаго населенія такъ всѣмъ извѣстна, что полагаю вполнѣ достаточно сказать, что выносливость его безпредѣльна. Что же касается до помощи ему, то въ сущности всякому со стороны трудно понять нужду въ хлѣбѣ у производящаго его въ избыткѣ. При такомъ, со стороны, сужденіи объ этой нуждѣ, вполнѣ естественно искать причину ея скорѣе въ производителѣ хлѣба, чѣмъ въ условіяхъ сбыта производимаго. Какъ ни ограниченны потребности сельскаго населенія, но все же онѣ существуютъ; между тѣмъ, никто не придавалъ должнаго значенія такому, однако, простому факту, что вотъ такой-то прежде, для пріобрѣтенія необходимыхъ ему десяти рублей, продавалъ на базарѣ одинъ возъ зерна, а теперь вынужденъ продать ихъ два, а то и два съ половиной. Обращалось преимущественно вниманіе на цѣль и способъ продажи зерна: производительна ли эта цѣль? не для пьянства ли, не для веселой ли жизни, безъ всякаго раз-

счета продается зерно? сама торговля хлѣбная производится ли должнымъ образомъ, и, наконецъ, продаваемое зерно—кàкъ оно выращено и въ какомъ видѣ поступаетъ на продажу?—Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ искали прочнаго основанія для упорядоченія какъ производства зерна, такъ и торговли имъ. Въ самомъ же упорядоченіи признавалось наиболѣе надежное средство къ повышенію благосостоянія сельскаго населенія. Признанная необходимость упорядоченія не могла ограничиться одной технической стороною сельско-хозяйственной промышленности и хлѣбной торговли. Неминуемо она должна была въ своемъ развитіи захватить всю сельскую жизнь. Экономическая дѣятельность землевладѣнія подверглась изученію, и въ ней-то и старались отыскать причину обѣднѣнія его.

Землевладѣніе у насъ можетъ быть раздѣлено на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличающіяся части: на личное и общинное; первое преимущественно дворянское, второе и самое крупное—крестьянское. Вслѣдствіе такого положенія, общественное мнѣніе также рѣзко раздѣлилось относительно способовъ помочь землевладѣнію и упорядочить его дѣятельность. Одни находили спасеніе сельскаго населенія отъ обѣднѣнія чуть ли не въ обязательномъ трудѣ крестьянина на пользу помѣщика, и признавали необходимымъ подчинить крестьянство строгой административной опекѣ; другіе доказывали, что обѣднѣніе крупнаго, капиталистическаго землевладѣнія происходитъ единственно отъ его неумѣлости; крестьянство же страдаетъ отъ недостаточности земли. Возникъ даже споръ о значеніи пониженія хлѣбныхъ цѣнъ. Многіе доказывали и очень убѣдительно, и вполнѣ научно, что дешевый хлѣбъ приноситъ убытокъ крупному землевладѣльцу и полезенъ для крестьянина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагались мѣры къ защитѣ базарнаго крестьянскаго хлѣба отъ скупщиковъ-кулаковъ. Споры о преимущественныхъ правахъ на помощь и упорядоченіе того или другого землевладѣнія затемняли дѣло, отвлекали вниманіе общественнаго мнѣнія отъ истиннаго его положенія; но мѣры все же принимались съ цѣлью упорядочить и помочь какъ личному, такъ и общинному крестьянскому землевладѣнію. Хлѣбныя цѣны, между тѣмъ, все болѣе и болѣе падали, и положеніе обѣихъ частей русскаго землевладѣнія все болѣе и болѣе ухудшалось. Если смотрѣть на крестьянство какъ на сельское рабочее сословіе, то дѣйствительно интересы его противоположны интересамъ нанимателя, личнаго землевладѣнія, и тутъ помощь и упорядоченіе, пожалуй, умѣстны; но разъ дѣло въ сбытѣ произведеній — вопросъ кореннымъ образомъ измѣняется.

При продажѣ двадцати-пяти пудовъ, какъ при продажѣ двадцати-пяти тысячъ пудовъ, цѣна продаваемаго имѣетъ наибольшее значеніе для каждаго изъ продавцовъ, каково бы ни было различіе въ суммѣ вырученныхъ отъ продажи денегъ. Никакая помощь, никакое упорядоченіе, помимо повышенія цѣнъ, не можетъ помочь сословію, продающему свои произведенія убыточно, особенно если тягостное его экономическое положеніе остается безъ измѣненія.

Идеи о государственной помощи и особенно объ упорядоченіи промышленности и даже жизни и дѣятельности населенія—не у насъ однихъ процвѣтаютъ. Достаточно вспомнить бывшее въ началѣ лѣта прошлаго 1895 года однородное предложеніе правительству взять на себя всю хлѣбную торговлю, предъявленное по обѣимъ сторонамъ Вогезскихъ горъ—консервативнымъ депутатомъ графомъ Каницомъ въ германскомъ рейхстагѣ, и радикальнымъ Жоресомъ—во французской палатѣ депутатовъ. Въ западной Европѣ, при скученности ея народонаселенія и громадномъ развитіи путей сообщенія, проникающихъ чуть не во всякую деревушку,—уничтоженіе частнаго, личнаго почина и подчиненіе каждаго постояннымъ указаніямъ той или другой организаціи,—еще, пожалуй, осуществимо. У насъ же, въ нашей громадной Россіи, съ ея рѣдкими поселками и при ея разнообразныхъ климатическихъ, бытовыхъ и всякихъ другихъ условіяхъ и особенностяхъ, было бы преждевременно ставить къ каждому мѣсту и дѣлу чиновника, призваннаго указывать, ка̀къ и что̀ дѣлать. Въ западной Европѣ уже возможенъ не только такой чиновникъ, но и контроль надъ нимъ; у насъ же осуществленіе полнаго упорядоченія жизни и дѣятельности населенія согласно выработанному на этотъ предметъ плану—пока еще немыслимо.

II.

Непосредственная причина паденія хлѣбныхъ цѣнъ на международномъ рынкѣ, это—настоящее, обильное, постоянное, чуть не ежедневное снабженіе его хлѣбомъ. Снабженіе это, производящееся нынѣ всѣми странами обоихъ полушарій всего свѣта, стало возможнымъ единственно благодаря улучшенію и громадному развитію путей и способовъ сообщенія. Еще недавно, лѣтъ около тридцати тому назадъ, считалось научной истиной, что пароходы могутъ съ выгодой служить только для перевозки пассажировъ и цѣнныхъ грузовъ. Дѣйствительность доказала противное. Нынѣ громадные, океанскіе, винтовые пароходы перевозятъ съ

выгодой на большія разстоянія такой громоздкій и сравнительно малоцѣнный грузъ, какъ зерно. Желѣзныя дороги точно также, благодаря развитію ихъ провозоспособности, всюду теперь съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ конкуррируютъ даже съ болѣе дешевыми водными путями. Положительно можно сказать, что главная, коренная причина пониженія хлѣбныхъ цѣнъ — расширеніе и улучшеніе путей и способовъ сообщенія. Главная причина, само собою разумѣется, нисколько не исключаетъ другихъ, могущихъ содѣйствовать успѣшному производству зерна, или затруднять его. Во всякомъ случаѣ, какъ бы успѣшно ни производилось зерно, но разъ его или нельзя, или трудно двинуть на рынокъ, а на мѣстѣ сбыть невозможно, то условія передвиженія этого зерна являются и для его производства самыми важными и самыми существенными.

Мы призваны соперничать на международномъ хлѣбномъ рынкѣ съ мѣстностями, которыя съ большей или меньшей выгодностью являются нашими конкуррентами только вслѣдствіе развитія у нихъ путей и способовъ сообщенія. Какимъ же образомъ можемъ мы съ успѣхомъ и, главное, съ выгодой вести эту экономическую войну, какъ не вооружившись одинаково съ нашими конкуррентами, т.-е. развивъ наши пути и способы сообщенія согласно съ требованіями нашей же сельско-хозяйственной промышленности? Это — коренное, главное и самое существенное основаніе, безъ котораго никакія улучшенія по части производства зерна и торговли имъ не достигнутъ, да и не могутъ достигнуть цѣли. Собственно препятствій не имѣется ко введенію того или другого улучшенія такого рода, но вполнѣ использовать его невозможно вслѣдствіе или отсутствія путей сообщенія, или недостаточности ихъ. Логика всякаго развитія, въ общемъ, неумолима; она не допускаетъ скачковъ, а требуетъ послѣдовательности и стройности. Наконецъ, можно ли вести войну съ сѣвероамериканскимъ паровозомъ и южно-американскимъ, индійскимъ и австралійскимъ пароходомъ — на телѣгѣ съ нешинованными колесами, — это показало русское сельское населеніе. Борьба такая, несомнѣнно, не лишена своего рода достоинства, но ни къ чему другому, какъ разоренію владѣльца телѣги, она привести не можетъ.

Мы видѣли изъ доклада графа Толстого, что страданія сельскаго населенія отъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ начались въ 1881 году, а слѣдовательно продолжаются *пятнадцать лѣтъ*. Всѣмъ извѣстно, что въ послѣднее время паденіе этихъ цѣнъ еще болѣе усилилось, и, надо отдать справедливость, указаніе на пользу раз-

витія путей сообщенія въ борьбѣ съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ встрѣчалось и встрѣчается все чаще нынѣ, какъ въ печати, такъ и въ ходатайствахъ учрежденій, которымъ такое право предоставлено по закону. Къ несчастію, однако, указаніе это недостаточно выставляется на первый планъ, а является одною изъ многихъ мѣръ, какъ напримѣръ: правительственная инспекція, метеорологическія станціи, опытныя поля и многія другія подобныя мѣры, которыми предполагается спасти сельское населеніе отъ разоренія. Можетъ быть, этимъ объясняется, что именно въ истекшее злополучное пятнадцатилѣтіе, только къ концу его, постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, собственно въ Россіи, нѣсколько оживилась, хотя значительно болѣе въ изученіи, въ предположеніяхъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Въ какомъ же положеніи были еще недавно существующія желѣзныя дороги, можно получить весьма любопытныя свѣдѣнія изъ книги г. фонъ-Вендриха: „Отчетъ по управленію перевозками по желѣзнымъ дорогамъ въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая (декабрь 1891—мартъ 1892). С.-Петербургъ 1896 г.“. Свѣдѣнія, собранныя въ этой книгѣ, подтверждены документально и, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ опровергнуты не были. Читая книгу г. фонъ-Вендриха, дающую подробный отчетъ истинно печальнаго положенія такихъ крупныхъ линій, какъ владикавказская, козлово-воронежо-ростовская, курско-харьково-азовская, московско-курская и сызрано-вяземская, вполнѣ понимаешь причину той дорого стоившей и не вполнѣ успѣшной борьбы съ голодомъ, которая велась въ отдаленныхъ изъ пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ, единственно вслѣдствіе недоставленія хлѣба, заблаговременно и въ достаточномъ количествѣ закупленнаго. Тяжелый урокъ, данный голодной зимой 1891—1892 гг., повидимому, не оставилъ замѣтнаго слѣда. Въ послѣдующія зимы, а также и въ настоящей, какъ въ печати, такъ и на мѣстахъ, читаются и слышатся обычныя жалобы о залежахъ на станціяхъ хлѣбныхъ грузовъ и объ отказѣ въ пріемѣ ихъ. Послѣдній, впрочемъ, способъ упорядоченія хлѣбной торговли на нашей сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ примѣняется только въ два послѣдніе года; прежде къ нему не прибѣгали. Жалобы высказываются и подаются съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Очевидно, выносливое русское населеніе уже свыклось съ желѣзнодорожными невзгодами и относится къ нимъ съ той же безропотной покорностью, съ какой оно переноситъ и другія бѣдствія, какъ засуха, градъ и всякія мухи и черви, истребляющіе порой его посѣвы.

Въ многолюдномъ совѣщаніи, созванномъ министерствомъ фи-

нансовъ на 21 сентября 1896 г. по вопросу о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, къ сожалѣнію, вслѣдствіе неотложныхъ служебныхъ обязанностей, я могъ участвовать только въ первые три дня. Мнѣ удалось, однако, заявить въ одномъ изъ частныхъ, вечернихъ, предварительныхъ засѣданій, что вопросъ о тарифахъ, какъ онъ ни важенъ самъ по себѣ, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе, такъ какъ наши желѣзныя дороги не возятъ грузовъ, и въ подтвержденіе сказаннаго я передалъ тѣ крупныя и продолжительныя затрудненія грузового движенія, которыя были на сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ въ прошлую зиму и уже возобновились нынѣ ранней осенью. Мое мнѣніе не нашло поддержки въ собраніи; напротивъ, оно вызвало замѣчаніе, что мы всѣ созваны и собрались по вопросу о тарифахъ, а никакъ не о провозоспособности желѣзныхъ дорогъ. Замѣчаніе было высказано такимъ же представителемъ землевладѣнія, какимъ былъ и я, и, нельзя не сознаться, оно было формально вѣрно. Наконецъ, въ той борьбѣ, которая неминуемо должна была произойти въ такомъ совѣщаніи изъ-за тарифныхъ ставокъ между представителями мѣстностей и интересовъ не только различныхъ, но и противоположныхъ, возбужденіе всякаго вопроса, прямо не относящагося до этой борьбы, было, можетъ быть, преждевременно.

Впослѣдствіи я постараюсь нѣсколько подробнѣе выяснить значеніе правильнаго грузового движенія на желѣзныхъ дорогахъ; теперь же могу только заявить, что вполнѣ сознаю всю важность желѣзнодорожныхъ тарифовъ для экономической жизни и дѣятельности мѣстностей, по которымъ эти дороги проходятъ. Смотрѣть, однако, на тарифы эти какъ на источникъ, какъ на возможность помощи сельскому населенію врядъ ли вѣрно и справедливо. Проведеніемъ всякой желѣзной дороги создаются новые экономическіе, промышленные и торговые центры, интересы которыхъ во многомъ зависятъ отъ тарифовъ на грузы, идущіе изъ этихъ центровъ, да и само грузовое движеніе зависитъ отъ этихъ тарифовъ. Всюду, вслѣдствіе этого, принято за основное правило относиться съ крайней осторожностью ко всякому коренному измѣненію желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Уменьшеніе ихъ размѣра, не нарушающее ихъ основаній, безспорно только благотворно, но и тутъ имѣются предѣлы. Кому бы ни принадлежала желѣзная дорога,—частной ли акціонерной компаніи, или правительству,—но требовать отъ нея жертвъ для помощи населенію несправедливо, да и неосновательно, если, разумѣется, эти жертвы превышаютъ обязательства, принятыя на себя дорогой. Акція—такая же собственность, какъ домъ, земля и кошелекъ въ кар-

манѣ. Нарушеніе права собственности въ одномъ случаѣ нарушаетъ вѣру въ это право, безъ которой врядъ ли можетъ существовать устойчивая гражданственность. Смотрѣть на правительство какъ на богатаго собственника, могущаго свободно благодѣтельствовать, также невѣрно. Средства его составляются взносами населенія. Пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ признавалось помощью сельскому населенію, произведенія котораго составляютъ главную часть желѣзнодорожныхъ грузовъ, и о тарифахъ на эти произведенія только и рѣчь была. Сельское населеніе—самая главная и самая многочисленная часть плательщиковъ въ государственное казначейство, и если это послѣднее получило бы значительный недоборъ въ своихъ доходахъ отъ помощи, оказанной сельскому населенію, неминуемо этотъ недоборъ, прямо или косвенно, пришлось бы покрыть изъ средствъ того же населенія.

Будемъ надѣяться, что пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на хлѣбные грузы принесетъ существенную пользу производителямъ зерна, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно не нарушитъ и ничьихъ интересовъ и не потребуетъ никакихъ непосильныхъ жертвъ ни отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, ни отъ правительственныхъ. Можетъ ли, однако, такое пониженіе принести дѣйствительную пользу обѣднѣвшему сельскому населенію теперь, въ настоящее время? Будущее неизвѣстно. Намъ, живущимъ при сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ, хорошо извѣстно только положеніе грузового движенія на ней нынѣ; о залежахъ же грузовъ на другихъ дорогахъ, о которыхъ пишутъ въ газетахъ, намъ правильно судить невозможно. Относительно же нашей дороги можно смѣло завѣрить, что всѣ отправители хлѣба по ней безусловно съ радостью согласятся прибавить къ существующему, неуменьшенному тарифу по копѣйкѣ на пудъ, а то и болѣе,—лишь бы грузы принимались и отправлялись безъ задержки, а также шли бы до мѣста назначенія правильно.

III.

Хлѣбная торговля въ послѣднее время кореннымъ образомъ измѣнилась на главныхъ міровыхъ центрахъ потребленія. Возможность постояннаго ихъ снабженія устранила необходимость закупки и храненія въ нихъ значительныхъ и обширныхъ запасовъ всякаго зерна. Хлѣбныя цѣны вслѣдствіе того стали зависѣть не отъ запасовъ потребительныхъ рынковъ, а отъ условій

ихъ снабженія. Всѣмъ извѣстная разновременность снабженія хлѣбомъ потребительныхъ рынковъ въ связи съ обиліемъ свѣдѣній объ урожаѣ, запасахъ и движеніи зерна, собираемыхъ и публикуемыхъ всюду правительственными и частными учрежденіями, должна была бы создать устойчивыя среднія хлѣбныя цѣны, единственно вслѣдствіе полной возможности съ приблизительной вѣрностью предвидѣть отношеніе спроса къ предложенію. Способы снабженія, однако, міровыхъ рынковъ весьма различны въ разныхъ странахъ, и въ нихъ не менѣе различно экономическое развитіе; вслѣдствіе сего къ вѣрнымъ основаніямъ опредѣленія хлѣбныхъ цѣнъ присоединился невѣрный, случайный элементъ. Когда поступитъ хлѣбъ изъ такой-то мѣстности съ плохими путями сообщенія и сколько его поступитъ, при способности мѣстнаго населенія ограничить свое потребленіе,—представляетъ собою вопросы, не поддающіеся предвидѣнію, и тѣмъ устраняетъ возможность сколько-нибудь вѣрнаго разсчета. На всѣхъ рынкахъ, какіе бы они ни были, всякій продавецъ старается и стремится получить за продаваемое имъ какъ можно болѣе; но на международномъ рынкѣ, при обширности его снабженія и возможности случайнаго появленія на немъ массы однороднаго съ продаваемымъ продукта, тотъ же продавецъ вынужденъ спѣшить сбытомъ своего товара. Такое положеніе, очевидно, ведетъ скорѣе къ пониженію хлѣбныхъ цѣнъ и, вмѣстѣ, устраняетъ возможность серьезной, дѣйствительной спекуляціи на ихъ повышеніе. Обширная закупка хлѣбныхъ запасовъ и продолжительная ихъ выдержка стали немыслимы вслѣдствіе разнообразія, разновременности и легкости снабженія международнаго рынка, чтò, къ слову сказать,—прямая выгода потребителя. Въ наше время удешевленіе произведеній сельско-хозяйственной промышленности не составляетъ единичнаго экономическаго явленія, но распространяется и на всѣ производства при нормальномъ ихъ развитіи. Не малую выгоду потребителя въ настоящее время представляетъ демократизація хлѣбной торговли. При существующихъ путяхъ и способахъ сообщенія, а также кредитныхъ и коммиссіонныхъ учрежденій, эта торговля стала доступной мелкому капиталисту, и тѣмъ болѣе доступной и способной къ развитію, чѣмъ болѣе и вѣрнѣе обезпеченъ быстрый оборотъ, т.-е. возвратъ денегъ. Это измельчаніе хлѣбной торговли, какъ уже сказано, выгодно для потребителя; оно увеличиваетъ предложеніе на рынкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно приноситъ не малую выгоду и производителю зерна, увеличивая и оживляя мѣстный спросъ на него.

Чуть не ежечасная измѣнчивость на потребительныхъ рын-

кахъ хлѣбныхъ цѣнъ, вслѣдствіе легкости и скорости удовлетворенія на нихъ всякаго спроса, создала благопріятную почву для биржевой спекуляціи, на которую — не у насъ однихъ — принято указывать какъ на одну изъ главныхъ причинъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ. При обсужденіи спекуляціи хлѣбомъ на срокъ, необходимо имѣть въ виду, что это, если такъ можно выразиться, палка о двухъ концахъ. Для того, чтобы продать на такой-то срокъ партію такого-то зерна по опредѣленной цѣнѣ,— въ надеждѣ, что къ сроку цѣна понизится и получится для продавца барышъ,—необходимо найти покупателя, которому нужна бы была эта партія въ указанный срокъ, или который бы полагалъ, что въ этотъ срокъ цѣна купленнаго повысится, и онъ получитъ барышъ отъ разницы въ свою пользу между наступившей цѣной и той, по которой состоялась покупка. Никто не спекулируетъ въ пустую: всѣ спекулируютъ только съ цѣлью наживы, выгоды, а для того требуются необходимо двѣ стороны, одинаково заинтересованныя въ ожидаемой выгодѣ, а слѣдовательно, и въ охраненіи своихъ интересовъ. Всякія же обманныя дѣйствія при спекуляціи, со стороны ли покупателя, или продавца, нигдѣ, насколько извѣстно, не поощряются, а всюду могутъ служить предметомъ уголовнаго преслѣдованія. До сихъ поръ понижатели хлѣбныхъ цѣнъ, т.-е. продавцы, пользовались постояннымъ успѣхомъ не отъ того, что они особенно ловки и умѣлы,—таковы, вѣроятно, и покупатели,—но единственно вслѣдствіе благопріятно сложившихся для нихъ обстоятельствъ, которыя одни и имѣютъ значеніе. Спекуляція, однако, дѣйствительно можетъ усилить естественное теченіе торговыхъ сдѣлокъ въ ту или другую сторону, но сама она не творитъ основаній этихъ сдѣлокъ. Вѣрить въ такое могущество спекуляціи, это—придавать ей слишкомъ большое значеніе, котораго она не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Мы въ деревнѣ съ гордостью читаемъ газетныя сообщенія, что то или другое наше зерно все болѣе и болѣе занимаетъ первенствующее мѣсто на международномъ рынкѣ. Все чаще въ печати попадается выраженіе, что относительно ржи мы—главные хозяева германскаго рынка. Дѣйствительно, послѣднее очень лестно именно для нашего брата, живущаго въ той части черноземнаго района, которая производитъ только рожь въ озимомъ клину. При этомъ, статистическія изслѣдованія, какъ за границей, такъ и у насъ, указываютъ, что отношеніе мірового производства хлѣба къ его потребленію скорѣе въ пользу производства. Естественный ростъ всеобщаго народонаселенія долженъ вызвать увели-

ченіе спроса на произведенія сельско-хозяйственной промышленности, а слѣдовательно, повысить ихъ цѣну. Всякій недородъ въ одной изъ странъ, снабжающихъ всемірный хлѣбный рынокъ, при быстротѣ настоящихъ всеобщихъ сообщеній, долженъ неминуемо отозваться повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ на этомъ рынкѣ. Однако мы видѣли до сихъ поръ въ прошломъ только пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ; а въ настоящемъ, при осуществленіи ожидаемаго повышенія, врядъ ли въ состояніи будемъ воспользоваться этимъ повышеніемъ вполнѣ.

Въ правительственномъ сообщеніи департамента желѣзныхъ дорогъ министерства финансовъ, опубликованномъ во всѣхъ столичныхъ и главныхъ мѣстныхъ газетахъ, въ половинѣ октября 1896 года, было разъяснено, что, благодаря слабому урожаю въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Аргентинѣ, а также полному недороду въ Индіи, наступило значительное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ какъ на міровыхъ главныхъ рынкахъ, такъ и въ нашихъ отпускныхъ портахъ. Происшедшій вслѣдствіе этого повышенія усиленный подвозъ хлѣбныхъ грузовъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ, „при крайнемъ несоотвѣтствіи съ существующими на желѣзныхъ дорогахъ средствами къ передвиженію, уже и прежде вызывалъ залежи грузовъ. Такъ, къ 1-му октября остатки ввезенныхъ грузовъ составляли въ 1894 г. — 14.503; въ 1895 г.—21.820; а въ 1896 г.—45.484 вагона“. Затѣмъ, департаментъ, выяснивъ, что „среднее количество пудоверстъ, совершенныхъ нашими товарными вагонами и паровозами, больше такихъ же данныхъ на заграничныхъ дорогахъ, что̀ естественно увеличиваетъ износъ нашего подвижного состава, сравнительно съ заграничнымъ“,—оканчиваетъ свое сообщеніе слѣдующими словами: „Постоянное содержаніе желѣзныхъ дорогъ въ состояніи, могущемъ полностью удовлетворить всѣмъ внезапнымъ требованіямъ развивающейся промышленности и торговли, потребовало бы столь значительныхъ издержекъ казны, что вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли немедленно удовлетворить увеличившимся требованіямъ промышленности и не предпочтительно ли мириться съ періодическимъ повтореніемъ залежей грузовъ, и въ какомъ размѣрѣ допустимы эти послѣднія — можетъ подлежать разрѣшенію лишь совмѣстно съ остальными нуждами государства“.

Нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ такому откровенному и дѣловитому разъясненію правительственнаго учрежденія только-что нами приведенному. Кратковременныя залежи на желѣзнодорожныхъ станціяхъ продукта, на который послѣдовалъ неожиданный, пожалуй внезапный, усиленный спросъ, бываютъ и за границей.

Всего болѣе интересны и важны вслѣдствіе того тѣ продолжительныя хлѣбныя залежи на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, которыя издавна, періодически, изъ года въ годъ, въ большей или меньшей степени повторяются и ростутъ вслѣдствіе развитія, вопреки всякимъ препятствіямъ, нашей промышленности и торговли. Такія обычныя періодическія залежи, насколько извѣстно, бываютъ только у насъ. Для выясненія ихъ значенія позволю себѣ привести то, что̀ происходило на сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ въ прошлую 1895 — 1896 гг. зиму. Никакого усиленнаго спроса на хлѣбъ не было; грузовое движеніе было, такъ сказать, нормальное, и то, что̀ было на этой дорогѣ, можетъ служить образчикомъ того, что̀ происходитъ и на другихъ линіяхъ. Залежи грузовъ вѣдь всюду бываютъ. Впрочемъ долженъ оговориться — сызрано-вяземская дорога находится отчасти въ исключительномъ положеніи. Она стала головной линіей великаго сибирскаго пути, быстрый ростъ котораго всѣмъ извѣстенъ; а между тѣмъ она осталась почти въ томъ же положеніи провозоспособности, когда именовалась моршанско-сызранской и оканчивалась у Волги. На этой дорогѣ нынѣ все болѣе и болѣе соперничаютъ между собою дальніе и мѣстные грузы. Въ сущности, однако, на южныхъ дорогахъ хлѣбъ соперничаетъ съ углемъ, а на дорогахъ, примыкающихъ къ портамъ, или потребительнымъ центрамъ, точно также конкуррируютъ дальніе грузы съ мѣстными; слѣдовательно, грузовое движеніе на сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ не представляетъ собою такихъ значительныхъ особенностей, которыя бы препятствовали ему служить основаніемъ для уясненія значенія того, что̀ происходитъ и на другихъ дорогахъ.

17-го октября 1895 года, въ первый разъ по открытіи движенія на сызрано-вяземской жел. дорогѣ (10-го октября 1874 г.), было опубликовано въ „Пензенскихъ Вѣдомостяхъ“ о закрытіи станцій въ этой губерніи для пріема грузовъ. То же повторилось и нынѣ, но съ нѣкоторымъ добавленіемъ. Теперь, при объявленіи о прекращеніи пріема грузовъ на такой-то станціи, предоставляются, — на основаніи постановленія г. министра путей сообщенія, отъ 16-го февраля 1886 г., за № 1418, — во временное пользованіе грузоотправителей площади свободной станціонной земли для складыванія грузовъ, за цѣлость и сохраненіе которыхъ дорога, однако, не принимаетъ отвѣтственности. Бывали случаи, что, вслѣдствіе незнанія о прекращеніи пріема грузовъ на станціи, приходилось привезенный грузъ везти назадъ. Это очень легко можетъ быть, такъ какъ въ деревнѣ почтовая корреспонденція получается, когда за ней посылаютъ въ городъ или

на почтовую станцію. Нельзя вслѣдствіе того не отнестись съ сочувствіемъ къ предоставленію свободной станціонной земли для склада грузовъ. Очевидно также, что скоро будетъ *десять лѣтъ*, какъ правительство обратило свое вниманіе на залежи грузовъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Такой складъ, однако, представляетъ собой явленіе мало утѣшительное: приходится приспособлять свободную землю для склада, охранять его отъ метелей и оттепелей; нанимать сторожа или даже сторожей и, наконецъ, слѣдить за возможностью сдать грузъ на станцію. Такой вольный грузъ не входитъ въ очередь; притомъ, очищеніе станціи отъ груза идетъ въ зависимости отъ средствъ дороги, и зачастую бываетъ, что изъ сложенныхъ нѣсколькихъ вагоновъ удается сдавать ежедневно, или черезъ день или два, по одному вагону, — слѣдовательно приходится до полнаго окончанія держать на станціи приказчика и сторожа. Всѣ эти накладные расходы ложатся тяжелымъ бременемъ на зерно, въ виду его низкой цѣны. Въ прошлую зиму цѣна ржи падала до *двадцати* копѣекъ за пудъ и ниже.

Закрытыя 17-го октября 1895 г. для пріема грузовъ станціи сызрано-вяземской желѣзной дороги, въ продолженіе всей зимы 1895—1896 гг. до поздней весны, то открывались для пріема, то опять закрывались, и во все это время правильнаго и вѣрнаго грузового движенія на ней рѣшительно не было. Необходимо еще принять въ соображеніе, что при общей неподготовленности всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ къ оживленному грузовому движенію, — на передаточныхъ и узловыхъ станціяхъ скопленіе вагоновъ, какъ скопленіе грузовъ на простыхъ станціяхъ, имѣетъ одинаковое послѣдствіе, т.-е. замедленіе движенія, принятіе, насколько возможно, мѣръ къ упорядоченію его и затѣмъ — пріостановку движенія въ видахъ того же упорядоченія. Въ сущности, отказъ пріема грузовъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ — это только, такъ сказать, острое проявленіе постояннаго, недостаточнаго грузового движенія. Движеніе это происходитъ не вслѣдствіе требованій и нуждъ торговли, а согласно провозоспособности и перевозочнымъ средствамъ дорогъ. Такой порядокъ вещей уничтожаетъ возможность всякой правильной торговли, всякаго правильнаго сбыта. Зерно появляется на рынокъ не тогда, когда на него былъ предъявленъ спросъ, а тогда, когда возможно было наконецъ его доставить. При низкихъ цѣнахъ на зерно такое его появленіе на рынкѣ, не подготовленномъ къ его принятію за невозможностью вѣрной срочной его поставки, вполнѣ понятно, роняетъ еще болѣе его цѣну. Пониженіе же цѣнъ одного рынка, мгновенно разнесенное телеграфомъ на другіе, несомнѣнно вліяетъ на нихъ.

При существующемъ нынѣ быстромъ общеніи всего міра, то, что̀ происходитъ съ хлѣбомъ у такого крупнаго поставщика всемірнаго рынка зерномъ, какъ Россія, не можетъ не вліять на этотъ рынокъ.

Принято обвинять русское землевладѣніе, что оно, вслѣдствіе своей косности и непрактичности, не умѣетъ освободиться отъ эксплуатаціи посредниковъ-купцовъ. Очень краснорѣчиво доказывается необходимость соединиться въ общества, товарищества, и соединенными силами самимъ заняться сбытомъ своихъ произведеній. При этомъ указывается на балтійскія провинціи и на сѣверо-западный нашъ край, гдѣ такіе союзы процвѣтаютъ. Прежде всего необходимо замѣтить относительно указанныхъ мѣстностей, что близость ихъ къ портамъ значительно смягчаетъ для нихъ пагубное вліяніе постоянной желѣзнодорожной неурядицы и тѣмъ самымъ создаетъ подходящую почву для самодѣятельности. Несмотря на это, въ упомянутомъ мною уже тарифномъ совѣщаніи представители этихъ мѣстностей горячо жаловались на наплывъ у нихъ массы черноземнаго хлѣба, выбрасываемаго на рынокъ безъ всякаго разсчета, и тѣмъ настолько понижающій хлѣбныя цѣны, что вести хозяйство становится невозможнымъ. Всѣ рѣчи клонились къ защитѣ болѣе культурнаго нашего запада отъ дешеваго черноземнаго хлѣба. Германія и часть Европы, несмотря на принятыя мѣры, не могутъ защитить себя отъ этого дешеваго хлѣба, вывозъ котораго, даже и при все бо̀льшемъ паденіи цѣнъ, все увеличивается. Устраненіе искусственнаго удешевленія дешеваго черноземнаго хлѣба становится міровымъ вопросомъ.

Въ нашъ вѣкъ все бо̀льшей и бо̀льшей спеціализаціи всякаго труда, врядъ ли можно обойтись безъ посредничества, особенно при свободномъ развитіи конкурренціи въ экономической жизни и дѣятельности. Купеческое посредничество безспорно составляетъ накладной расходъ при сбытѣ; но тѣ общества и товарищества, которыя совѣтуютъ нашему землевладѣнію устроить то же, должны будутъ прибѣгнуть къ тому же посредничеству, но только изъ среды своей, т.-е. имѣть спеціальныхъ агентовъ для сбыта произведеній членовъ союза. Это посредничество составитъ также накладной расходъ, размѣръ котораго будетъ зависѣть всецѣло отъ успѣшности сбыта. Можно ли надѣяться на такую успѣшность въ мѣстностяхъ, вынужденныхъ отправлять свои грузы по желѣзнымъ дорогамъ, одинаково отдаленнымъ отъ центровъ потребленія или портовъ, какъ сызрано-вяземская ж. дорога. Полагаю, никто не затруднится отвѣтить отрицательно на этотъ вопросъ. Не купцы искусственно понижаютъ цѣны покупаемаго ими, а

обстоятельства. Въ сущности, купецъ нисколько не заинтересованъ ни въ низкихъ, ни въ высокихъ цѣнахъ. Главное для него— барышъ отъ разницы въ его пользу между цѣной, заключенной имъ, и той, по которой онъ продастъ купленное. При благопріятныхъ обстоятельствахъ для сбыта, онъ склоненъ рисковать при покупкѣ дать дороже, чѣмъ бы слѣдовало, такъ какъ именно тогда проявляется конкурренція въ закупкахъ, и онъ даже вынужденъ на рискъ. Теперь всюду, гдѣ существуетъ возможность вѣрнаго и быстраго оборота торговли, занимающіеся ею довольствуются малымъ барышомъ въ каждой операціи, въ виду доступности скораго повторенія ея. Не таковъ ходъ торговли при неблагопріятныхъ условіяхъ сбыта. Купецъ, разумѣется, долженъ при покупкѣ принять въ разсчетъ всѣ тѣ крупные и мелкіе расходы, вѣрные и случайные, которые онъ понесетъ отъ задержки грузового движенія. Въ прошлую зиму, грузы лежали на станціяхъ по два мѣсяца и болѣе. Нынѣ на станціи Пенза, находящейся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ сбыта, чѣмъ въ прошлую зиму, такъ какъ отъ нея теперь можно, помимо сызрано-вяземской дороги, отправлять грузъ по пенза-рузаевской вѣтви московско-казанской дороги и балашовской, рязанско-уральской,—тѣмъ не менѣе, на этой станціи 24-го ноября грузились вагоны, сданные 4-го октября! Двухмѣсячная отсрочка отправки представленнаго груза есть, по меньшей мѣрѣ, такая же отсрочка возврата затраченныхъ на покупку денегъ, возврата мѣшковъ,—но, главное, невозможность продать купленное по опредѣленной цѣнѣ, за полной неизвѣстностью, когда это купленное достигнетъ своего назначенія. Разумѣется, при покупкѣ зерна у производителя его, купецъ старается оградить себя какъ можно болѣе отъ потерь и даетъ самую низкую цѣну. Сдѣлки эти, послѣдовавшія на базарѣ, или въ домѣ купца, одинаково становятся общеизвѣстными и устанавливаютъ мѣстныя цѣны, которыя, въ свою очередь, имѣютъ несомнѣнное вліяніе на цѣны на потребительныхъ, портовыхъ и всякихъ другихъ рынкахъ. Что можетъ дѣлать, при такихъ условіяхъ, обѣднѣвшее землевладѣніе, вынужденное продавать произведенія своего труда для удовлетворенія тѣхъ обязательствъ и взысканій, которыя лежатъ на немъ? Прибѣгнуть къ кредиту, о доступности котораго такъ много пишутъ и говорятъ? Но, при такой прочной организаціи искусственнаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, всякій кредитъ, какъ бы дешевъ и доступенъ онъ ни былъ, это—лишній накладной расходъ, это—только увеличеніе разоренія. Такъ и было въ прошлую зиму; всѣ тѣ, которые увѣровали въ весеннее повышеніе цѣнъ, съ та-

кой увѣренностью пропагандируемое, и взяли ссуды подъ хлѣбъ, дождались цѣны этого хлѣба ниже полученной ссуды.

Въ послѣднее время хлѣбныя цѣны повысились; вѣроятно, нашъ черноземный хлѣбъ, благодаря трудности и невѣрности сбыта, опять явится понижателемъ этой цѣны. Если же цѣна окажется устойчивой, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что нашъ мѣстный хлѣбъ не въ состояніи будетъ воспользоваться ею вполнѣ. До нѣкоторой степени нынѣ упомянутыя уже новопостроенныя вѣтви, пенза-рузаевская и балашовская, облегчаютъ мѣстностямъ, по которымъ онѣ проведены, убыточность желѣзнодорожныхъ невзгодъ. Этими линіями пользуются и болѣе отдаленныя мѣстности, прежде сбывавшія свои произведенія сызрано-вяземской дорогѣ, но, разумѣется, съ увеличеніемъ расхода по доставкѣ къ станціямъ грузовъ.

IV.

Увеличеніе провозоспособности желѣзныхъ дорогъ, по мѣрѣ развитія промышленности и торговли въ мѣстности, по которой онѣ проведены, составляетъ капитальную затрату, которая, такъ сказать, входитъ въ основной капиталъ самаго предпріятія. Въ каждой такой затратѣ, во всякомъ предпріятіи, съ хозяйственной точки зрѣнія, имѣется въ виду производительность, т.-е. въ какомъ размѣрѣ и какъ скоро окупится эта затрата увеличеніемъ доходности, ожидаемымъ отъ нея для самаго предпріятія. Примѣняя эту точку зрѣнія къ улучшенію провозоспособности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, нельзя не придти къ заключенію, что въ общемъ, не говоря объ исключительныхъ обстоятельствахъ, нормальное, такъ сказать, развитіе промышленности и торговли, возбужденное желѣзными дорогами, настолько усилилось и усиливается, что крупная даже затрата на приведеніе ихъ провозоспособности въ согласіе съ народившимися потребностями,—положительно производительная затрата, положительно вѣрно и скоро окупится. Проведеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, устройство, наконецъ, столь давно признанныхъ необходимыми подъѣздныхъ путей, еще болѣе увеличатъ притокъ грузовъ къ существующимъ дорогамъ и тѣмъ обезпечатъ имъ еще бо́льшую, противъ настоящей, выгоду. Несомнѣнно также, что при устраненіи тѣхъ препятствій, которыми нынѣ стѣснена наша промышленность и торговля, развитіе ихъ усилится, и тѣмъ самымъ создадутся новые и увеличатся существующіе, внутренніе, промышленные и торговые центры, что̀ внесетъ неминуемо разнообразіе въ желѣзнодорожное,

грузовое движеніе. Какую бы выгоду, однако, ни приносило это движеніе населенію, но оно составляетъ основаніе доходности всякой желѣзной дороги, и вполнѣ понятно—чѣмъ больше движеніе, тѣмъ выше доходность. Посмотримъ теперь на значеніе настоящей недостаточности провозоспособности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, устраняя совершенно вопросъ о нуждахъ и благосостояніи населенія тѣхъ мѣстностей, которымъ эти дороги служатъ. Остановимся только на недостаткѣ подвижного состава, на который указываетъ приведенное уже нами правительственное сообщеніе. Оставимъ даже въ сторонѣ вопросъ о безопасности усиленнаго пользованія недостаточнымъ, подвижнымъ составомъ, — вопросъ, однако, имѣющій нѣкоторое значеніе. Частыя крушенія поѣздовъ, бывшія въ Германіи, во время войны 1870—1871 гг., особенно на ангальтской дорогѣ, ясно доказали, что усиленное пользованіе недостаточнымъ подвижнымъ составомъ небезопасно. Посмотримъ на дѣло только съ чисто-коммерческой точки зрѣнія. Ускоренный износъ нашего подвижного состава, о которомъ говоритъ правительственное сообщеніе,—это вѣдь чистая потеря части капитала, которая врядъ ли вознаграждается увеличеніемъ его доходности. Практика эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ выработала опредѣленныя нормы сроковъ службы какъ паровозовъ, такъ и вагоновъ, и, вполнѣ естественно, эти сроки должны сокращаться отъ усиленнаго употребленія какъ первыхъ, такъ и вторыхъ, особенно у насъ, когда наибольшее грузовое движеніе происходитъ зимой. При нашихъ лютыхъ иногда морозахъ, продолжительное нахожденіе паровоза подъ парами на воздухѣ, а еще болѣе безпрерывное его отапливаніе и охлажденіе—быстро и кореннымъ образомъ портятъ металлическія его части. Даже съ одной коммерческой точки зрѣнія увеличеніе и улучшеніе провозоспособности нашихъ желѣзныхъ дорогъ прежде всего и болѣе всего полезно имъ самимъ.

Въ изданномъ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ министерства путей сообщенія „Краткомъ обзорѣ коммерческой дѣятельности сызрано-вяземской желѣзной дороги по перевозкамъ за 1894 годъ", валовой доходъ этой дороги за пятилѣтіе 1890—1894 гг. значится слѣдующій:

въ 1890 году		7.692.557	руб. 74	коп.
„ 1891 „		8.289.468	„ 97	„
„ 1892 „		8.582.459	„ 50	„
„ 1893 „		9.884.303	„ 85	„
„ 1894 „		11.035.185	„ 26	„

Если принять въ соображеніе, что на этой дорогѣ въ го-

лодную зиму 1891—1892 года, перевозился исключительно хлѣбъ, закупленный для голодающихъ по пониженному тарифу, грузы же особаго комитета перевозились даромъ, то нельзя не придти къ заключенію, что доходность этой дороги достигла такихъ размѣровъ, что всякая затрата на улучшеніе и увеличеніе ея провозоспособности безусловно и скоро окупится. Могутъ возразить, что валовой доходъ еще не даетъ вѣрнаго понятія о размѣрѣ чистаго, который одинъ цѣнится во всякомъ коммерческомъ предпріятіи и дѣлѣ; но во всякомъ случаѣ второй—находится въ прямой зависимости отъ перваго. Если валовой доходъ въ пять лѣтъ увеличился чуть не на 50%, то надо полагать, что и чистый увеличился, если не въ такомъ же, то въ весьма близкомъ къ нему процентномъ отношеніи.

Въ общественномъ мнѣніи существуетъ убѣжденіе, что у насъ невозможно имѣть, какъ за границей, многочисленнаго подвижного состава, за отсутствіемъ обратнаго грузового движенія. Достаточно побывать въ окрестностяхъ крупныхъ европейскихъ городовъ, чтобы убѣдиться, что снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ жизни, и весьма громоздкимъ, къ слову сказать, производится не иначе, какъ подъ условіемъ постояннаго обратнаго движенія пустыхъ вагоновъ тѣмъ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ болѣе снабжаемый городъ. Правда, у насъ обратный пробѣгъ пустыхъ вагоновъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Европѣ; но наши конкурренты по снабженію хлѣбомъ международнаго рынка врядъ ли находятся въ лучшихъ, чѣмъ мы, въ этомъ отношеніи условіяхъ. Какъ бы выше насъ ни стояли Сѣверо-Американскіе Штаты въ экономическомъ отношеніи, но надо полагать, что не всякій вагонъ, привезшій пшеницу въ Нью-Іоркъ изъ какой-нибудь отдаленной мѣстности къ западу отъ Чикаго, возвращается туда груженымъ; болѣе же вѣроятія, что онъ идетъ туда такимъ же пустымъ, какъ и у насъ. Точно также, вѣроятно, исполинскіе великолѣпные пароходы, приспособленные спеціально для замораживанія мяса (freezing works), которые возятъ его изъ Австраліи, Новой Зеландіи и Фалкландскихъ острововъ, аккуратно каждые пятнадцать дней въ Лондонъ, врядъ ли возвращаются съ полнымъ грузомъ. Нынѣ отправки эти лѣтомъ будутъ еженедѣльныя. Разстояніе, проходимое этими пароходами, гораздо значительнѣе пробѣга нашихъ вагоновъ. Они идутъ сорокъ дней и болѣе въ одинъ путь. Во избѣжаніе жаровъ Чермнаго (Краснаго) моря, эти пароходы изъ Лондона идутъ на мысъ Доброй Надежды, а возвращаются, огибая южную оконечность Южной Америки.

Позволю себѣ нѣсколько остановиться на доставкѣ замороженнаго мяса (frozen meat) въ Англію, какъ на очень убѣдительномъ примѣрѣ, какихъ результатовъ можно достигнуть правильнымъ срочнымъ сбытомъ. Перевозка замороженнаго мяса — совершенно новый видъ и промышленности, и торговли: въ 1880 году было вывезено изъ Австраліи всего *четыреста* бараньихъ тушъ, а въ 1895 году таковыхъ было доставлено въ Англію 5.013.000, изъ которыхъ 2.409 500 доставила Новая Зеландія, 968.900—Австралія, 19.400—Фалкландскіе острова и 1.615.200 —Аргентинская республика. Еще недавно изъ Австраліи и Новой Зеландіи ничего, кромѣ шерсти, не вывозилось; постепенное же увеличеніе вывоза мяса до громадныхъ размѣровъ не только не встрѣчало никакихъ препятствій со стороны тѣхъ двухъ частныхъ компаній, которыя занимались перевозкой его, но онѣ, эти компаніи, шли на встрѣчу потребностямъ возрастающаго сбыта и удовлетворяли его, разумѣется, не безъ выгоды для себя. Всего интереснѣе, что привозное замороженное мясо цѣнилось на лондонскомъ рынкѣ за полцѣны мѣстнаго парного и потому не могло доставить значительной выгоды ни производителямъ его, ни торгующимъ имъ,—тѣмъ не менѣе промышленность эта развивалась, какъ мы видѣли, единственно вслѣдствіе обезпеченнаго дешеваго и вѣрнаго сбыта. Нынѣ, со введеніемъ вывоза не вполнѣ замороженнаго, а обмороженнаго мяса (chilled meat), цѣна котораго на лондонскомъ рынкѣ гораздо выше, несомнѣнно вывозъ мяса еще болѣе разовьется, принося еще бо́льшую пользу какъ мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, такъ и учрежденіямъ, перевозящимъ ея произведенія.

V.

По заключенію статьи: „Общность интересовъ сельскаго хозяйства и желѣзныхъ дорогъ“, помѣщенной въ № 44 „Земледѣльческой Газеты“, отъ 2-го ноября 1896 г., удвоеніе подвижного состава нашихъ желѣзныхъ дорогъ потребуетъ единовременный расходъ въ *двѣсти пятьдесятъ* милліоновъ рублей, подъ условіемъ, однако, покупки этого состава за границей, гдѣ можно пріобрѣсти паровозъ (конечно, безъ пошлинъ) за *восемнадцать* тысячъ рублей, а товарный вагонъ—*за восемьсотъ*. Полагаю, излишне говорить, насколько паровозы и вагоны, производимые нашей отечественной промышленностью, значительно дороже. Это

неоднократно было выяснено печатью, и повторять грустныя цифры неутѣшительно.

Сказанное нами о сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ относительно ея провозоспособности, за малыми исключеніями, въ большей или меньшей степени встрѣчается и на другихъ дорогахъ, слѣдовательно, для пользованія подвижнымъ составомъ, приведеннымъ въ соотвѣтствіе съ требованіями на него, потребуется еще значительная затрата собственно на улучшеніе самыхъ дорогъ. Какая она будетъ и будетъ ли — вопросъ, не подлежащій здѣсь разрѣшенію. Во всякомъ случаѣ, какъ бы велика въ общемъ она ни была, она несомнѣнно полезна и настоятельно необходима,—но, разумѣется, чѣмъ дешевле обойдется эта затрата, тѣмъ скорѣе она окупится и тѣмъ болѣе увеличится ея полезность. Къ несчастію, большинство нашего общественнаго мнѣнія признаетъ безусловный вредъ всякихъ заграничныхъ заказовъ и покупокъ, въ виду необходимости сохраненія торговаго баланса, заключающагося на бумагѣ въ нашу пользу. Даже у насъ въ деревнѣ нерѣдко приходится слышать, что, покупая что-либо за границей, мы отдаемъ наши рубли безвозвратно нѣмцамъ. Здѣсь было бы вполнѣ неумѣстно входить въ подробное разсмотрѣніе ученія о торговомъ балансѣ, дающемъ уже давно ежегодно многіе милліоны въ нашу пользу, что однако нисколько не препятствуетъ намъ—именно съ тѣхъ поръ, какъ мы на бумагѣ такъ богатѣемъ—такъ же ежегодно все болѣе и болѣе бѣднѣть въ дѣйствительности. Предположимъ, что ученіе о торговомъ балансѣ безусловно вѣрно, и что получаемые по оному милліоны, неизвѣстно къ кому и куда поступающіе, составляютъ дѣйствительную и общеполезную цѣнность, и остановимся только на вредѣ заграничныхъ заказовъ и покупокъ. Если кому-либо нуженъ плугъ или какое-либо другое сельско-хозяйственное орудіе или машина, самое существенное условіе при такой покупкѣ—это чтобы покупаемое вполнѣ достигало своей цѣли и было дешево. Какъ для сельско-хозяйственной промышленности, такъ и для всякой другой, изобрѣтеніе необходимаго орудія только тогда производительно, когда при затратѣ для этого меньшаго капитала получается болѣе полезной работы. Тогда произведенія, результатъ этой работы, обходятся дешевле, чѣмъ увеличивается доходность всего дѣла и получается возможность продавать съ выгодой эти произведенія также дешевле. Орудія и машины, изготовляемыя отечественной промышленностью, обходятся гораздо дороже заграничныхъ—и, разумѣется, это увеличиваетъ стоимость всякаго производства, къ которому они примѣняются. Предположимъ однако, что покупка фабрикатовъ оте-

чественной промышленности приноситъ общую, безусловно вѣрную пользу, но въ такомъ случаѣ необходимо было бы разъ навсегда отказаться отъ всякихъ займовъ, заключенныхъ и заключаемыхъ за границей. Если мы не должны покупать дешево за границей вещь намъ необходимую, а обязаны платить за нее гораздо дороже у себя дома, такъ какъ эта единовременная затрата, выгодная для отдѣльнаго лица, ее совершившаго, вредна въ общемъ,—то еще меньше можемъ мы брать заграничныя дешевыя деньги, за которыя намъ придется въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ въ видѣ процентовъ расплачиваться своими дорогими. Для постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ мы занимали деньги преимущественно за границей, и эти займы совершались не въ силу того или другого взгляда на эту операцію, но по необходимости. При богатствѣ сбереженій въ западной Европѣ и скудости ихъ у насъ, другого выхода не было: за границей деньги въ изобиліи и дешевы; у насъ ихъ мало, и онѣ дороги. Очевидно, при такихъ условіяхъ, чѣмъ дешевле строится дорога, тѣмъ производительнѣе употребленіе занятыхъ на этотъ предметъ денегъ. Если же мы изъ этихъ денегъ тратимъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ на паровозы, вагоны, рельсы и всякія другія металлическія принадлежности, то мы терпимъ двойной убытокъ: отъ бо̀льшей, чѣмъ бы слѣдовало, затраты дорого намъ стоющихъ денегъ и отъ излишняго удорожанія самаго предпріятія. Желѣзная дорога, съ одной стороны, коммерческое предпріятіе, и чѣмъ меньше она стоитъ, тѣмъ легче она можетъ быть доходной; но вмѣстѣ съ тѣмъ она и общеполезное учрежденіе,—и тутъ точно также, чѣмъ меньше она стоитъ, тѣмъ болѣе можетъ она быть полезной. Желѣзная дорога получаетъ не только монопольное право возить по данному извѣстному направленію, но имѣетъ также и обязанность это исполнять, и очевидно, чѣмъ дешевле и доступнѣе исполняетъ она эту обязанность, тѣмъ болѣе приноситъ она пользы.

Обыкновенно искусственное поддержаніе высокой доходности отечественной обработывающей промышленности представляется какъ временная мѣра, необходимая для всесторонняго нашего экономическаго развитія и для разработки природныхъ нашихъ богатствъ, которыя бы иначе пропадали. Тяжелыя жертвы, которыя вслѣдствіе того должно нести громадное большинство населенія, никѣмъ не отвергаются, но онѣ объясняются тѣмъ, что настоящее обѣднѣніе обезпечиваетъ будущее богатство. Это до нѣкоторой степени утѣшительно для тѣхъ, благосостояніе которыхъ кореннымъ образомъ уничтожено настоящимъ; они могутъ думать, что въ будущемъ, если не къ нимъ, то къ ихъ дѣтямъ

или внукамъ благосостояніе вернется. Пожалуй, это такъ и есть на нашемъ глубокомъ черноземѣ. Нынѣ, вслѣдствіе убыточности сельскаго хозяйства, приходится на этомъ черноземѣ, вмѣсто плуга, пускать соху и вообще обработывать кое-какъ землю, лишь бы было дешево. Результатъ такого веденія дѣла—все болѣе понижающаяся производительность нашихъ хлѣбородныхъ полей и еще бо̀льшее обѣднѣніе обѣднѣвшихъ собственниковъ этихъ полей. Соха, однако, захватываетъ не болѣе двухъ вершковъ культурнаго слоя, и этимъ сохраняется неприкосновеннымъ нижайшій пластъ, представляющій собою богатый капиталъ, цѣлину, которая навѣрное роскошно оплатитъ лучшую дорогую обработку, когда та станетъ возможной. Врядъ ли въ такомъ же положеніи находится обработывающая отечественная промышленность. Постараемся вкратцѣ это уяснить.

Несомнѣнно желательно, чтобы наши природныя богатства разработывались въ нашемъ обширномъ отечествѣ; но эти богатства—капиталъ, который нисколько не теряетъ своей цѣнности отъ того, что онъ лежитъ непроизводительно. Напротивъ, онъ можетъ возрости въ этой цѣнности, если въ будущемъ появится усиленное на него требованіе. Многіе ученые спеціалисты указываютъ, что каменноугольное богатство Англіи, служившее ей такъ долго прочнымъ основаніемъ ея промышленнаго да и всякаго могущества, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ изсякнетъ. Насколько вѣрны вычисленія спеціалистовъ—вопросъ спорный; несомнѣнно однако, что чѣмъ болѣе разработывается всякій рудникъ, тѣмъ труднѣе достается содержимое въ немъ, и тѣмъ болѣе требуется затратъ для добычи этого содержимаго. При естественномъ ходѣ экономической жизни, природныя богатства также естественно и разработываются безъ всякихъ поощреній. Очень можетъ быть тогда, что настоящая вѣрная выгода устраняетъ всякую мысль о пользѣ и выгодѣ будущихъ поколѣній; но врядъ ли можно признать за правильное хозяйство тѣ жертвы, которыя приносятся настоящимъ—въ видѣ премій, заказовъ, запретительныхъ пошлинъ и пр.—для ускоренной и усиленной разработки нашихъ природныхъ богатствъ съ цѣлью прочно обезпечить хотя бы только бо̀льшую трудность ихъ разработки въ будущемъ. Въ печати неоднократно появляется чуть не радостное извѣстіе, что вотъ такая-то иностранная компанія, пріобрѣтя такіе-то рудники, строитъ тамъ рельсовый, или машинный, или вагонный заводъ. Врядъ ли можно надѣяться, что барыши такой компаніи, высокая доходность предпріятія которой обезпечена столькими жертвами всего населенія, не уйдутъ за

границу, а уходъ туда нашихъ рублей мы такъ ревниво, но неуспѣшно оберегаемъ. Что же можетъ остаться отъ предпріятія, основаннаго въ виду особыхъ, исключительныхъ, большихъ барышей, когда эти барыши уменьшатся вслѣдствіе того, что жертвы, приносимыя для того населеніемъ, окажутся рѣшительно и очевидно непосильными. Вѣроятно, ничего,—а если дѣло касалось рудныхъ богатствъ, то развѣ воспоминаніе о прежней ихъ доступности и легкости ихъ добычи. Обыкновенно поучаютъ, что обработывающая промышленность, разъ она затратила значительныя средства на свое дорого стоющее оборудованіе, — она уже не прекращаетъ своего производства, даже при уменьшенія доходности его. Это вполнѣ вѣрно при настоящемъ положеніи капитала въ западной Европѣ, ищущаго всюду помѣщенія болѣе выгоднаго, чѣмъ то, которое имѣетъ у себя дома, но подъ условіемъ нормальнаго помѣщенія, каковымъ уже никакъ нельзя назвать то, которое представляетъ наша нынѣ отечественная промышленность. Еслибы иностранные капиталы привлекались къ намъ единственно той разницей процента, который деньги даютъ за границей и у насъ, то никакихъ поощреній не потребовалось бы, и они тогда оставались бы крѣпко въ томъ предпріятіи, въ которое поступили, каковъ бы ни былъ ходъ развитія его. Нынѣ же, привлеченные искусственнымъ преувеличеніемъ доходности, весьма сомнительно, чтобы они остались при своей дѣятельности, когда доходность эта уменьшится.

Установившіяся теченія вліятельнаго общественнаго мнѣнія образовали давно такое глубокое русло, изъ котораго мало надежды, чтобы они могли скоро выйти, а потому преждевременно говорить о томъ, что будетъ, когда наша отечественная промышленность перестанетъ пользоваться своей настоящей исключительной доходностью. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что заграничный заказъ подвижного состава будетъ отклоненъ, а значительное, вслѣдствіе того, увеличеніе и безъ того крупной на этотъ предметъ затраты окажется несовмѣстнымъ съ остальными нуждами государства. Впрочемъ, собственно относительно нашего подвижнаго состава надо замѣтить, что онъ постоянно ростетъ. Изъ приведеннаго правительственнаго сообщенія видно, что къ 1-му сентября 1896 года весь подвижной составъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ тѣмъ же числомъ 1894 года, въ два года увеличился на 680 паровозовъ и 21.273 вагона. Къ несчастію, въ томъ же сообщеніи указано, что въ процентномъ отношеніи ввозъ грузовъ на станціи жел. дорогъ за тѣ же два года увеличился на 23%, а паровозовъ прибыло на 12% и вагоновъ на

14%. О пропускной способности нашихъ желѣзныхъ дорогъ не упоминается въ сказанномъ сообщеніи, и надо полагать, что если она была неудовлетворительна при существовавшемъ недостаточномъ подвижномъ составѣ, то она станетъ еще болѣе такой при увеличеніи этого состава. Единственный исходъ при такихъ условіяхъ для нашей промышленности и торговли, это—въ дальнѣйшей своей дѣятельности согласовать ее съ тѣми способами сбыта, которые могутъ доставить наши желѣзныя дороги. Какъ ни желательно такое упорядоченіе промышленности и торговли, но врядъ ли оно можетъ быть осуществлено равномѣрно, и, очевидно, выбрасываніе хлѣба на рынокъ безъ всякаго разсчета будетъ продолжаться и впредь. Отсрочка возможности согласовать продажу хлѣба со спросомъ на него и продолженіе вынужденнаго его предложенія въ зависимости только отъ перевозныхъ средствъ, роняя его цѣну, всего болѣе болѣзненно отразятся на той части сельскаго населенія, которая, вслѣдствіе своего предъидущаго обѣднѣнія, всего болѣе нуждается въ правильной его продажѣ.

Съ усвоенной общественнымъ мнѣніемъ точки зрѣнія на торговый балансъ и на необходимость поощренія высокой доходности отечественной промышленности,—недостаточность и неудовлетворительность нашихъ путей сообщенія, очень вѣроятно, признаются нарушающими только частные интересы, которые сами должны умѣть развиваться согласно съ существующими условіями. Протекціонизмъ становится (для сельскаго хозяйства) проповѣдникомъ ученія: „laissez faire, laissez passer“, и дѣло разъясняется очень просто: надо-молъ выжидать цѣнъ и умѣть вести дѣло.— Нѣтъ надобности, полагаю, разъяснять, какъ трудно бѣдности и нуждѣ выжидать своего удовлетворенія. Но если и признать, наконецъ, что недостаточность перевозочныхъ способовъ и средствъ нарушаетъ только одни частные интересы,—то нельзя однако не замѣтить, что печальной памяти зима 1891—1892 гг. ясно и крайне убѣдительно доказала, что такая недостаточность можетъ имѣть и государственное значеніе.

Мнѣ хотѣлось еще поговорить о тѣхъ способахъ, примѣненіе которыхъ, по мнѣнію многихъ, сдѣлаетъ выходъ изъ нынѣшняго тяжелаго положенія нашего сельскаго населенія вполнѣ возможнымъ, — но я это отлагаю. Дѣйствительно, что̀ можетъ помочь сельскому населенію, если оно останется при настоящихъ условіяхъ своей экономической дѣятельности? Какая помощь можетъ уравновѣсить гнетущій это населеніе многообразный грузъ? Не

въ положительномъ отношеніи къ сельскому населенію залогъ его благосостоянія, а въ отрицательномъ: въ облегченіи его отъ непосильнаго гнёта искусственно созданныхъ экономическихъ условій. Только тогда природныя силы сельскаго организма получатъ возможность развиваться и разовьются. Русская деревня доказала, что она живуча. Своей выносливостью она доказала, что умѣетъ не только приспособляться къ долголѣтнимъ тяжелымъ условіямъ своего быта и жить, но даже и подвигаться. Это—вѣрное ручательство, что она, быть можетъ, съумѣетъ воспользоваться сама, безъ всякой помощи, возможностью развить свою дѣятельность и быть еще болѣе полезной государству, чѣмъ теперь. Но при облегченіи дѣйствія природныхъ силъ, и сама помощь сдѣлается цѣлесообразнѣе. Natura curat, medicus juvat.

Кн. Д. Друцкой-Сокольнинскій.

КАНЦЕЛЯРСКАЯ ТАЙНА

У НАСЪ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ послѣднее время замѣчаются, такъ сказать, новыя вѣянія въ вопросѣ о постановкѣ нашихъ многочисленныхъ канцелярій. Послышались авторитетные и энергическіе голоса о водвореніи въ этихъ канцеляріяхъ порядка, болѣе соотвѣтствующаго интересамъ тѣхъ, ради кого всѣ эти канцеляріи существуютъ, т.-е. интересамъ публики. Уже оффиціально признается, что „канцелярщина" заѣдаетъ наше дѣлопроизводство, что связанная съ нею и издревле извѣстная волокита порождаетъ не только многописаніе, толченіе воды, хожденіе вокругъ да около, но явно тормазитъ рѣшеніе всякихъ вопросовъ и, что̀ называется, изводитъ публику. Давно уже признаютъ, что это многописаніе непомѣрно разростается, что оно забираетъ въ свою сферу самые важные государственные вопросы и часто плодитъ только одну безплодную переписку, оставляя самые вопросы безъ разрѣшенія, но—довольствуясь тѣмъ, что „дѣло находится въ движеніи". Въ любомъ вѣдомствѣ безъ труда можно указать десятки такъ называемыхъ „неотложныхъ вопросовъ", не разрѣшаемыхъ десятками лѣтъ только вслѣдствіе многописанія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко встрѣтить случаи, когда подъ „кратчайшими сроками" оказывались сроки въ нѣсколько лѣтъ.

Въ недавнее время, между прочимъ, и министерство юстиціи заговорило самымъ рѣшительнымъ тономъ о „преувеличенномъ обиліи формальностей", „чрезмѣрномъ количествѣ составляемыхъ бумагъ", „пространномъ и неудовлетворительномъ ихъ изложеніи", излишнемъ стремленіи къ отчетливой канцелярской внѣшности и канцелярскимъ украшеніямъ и подавляющемъ значеніи „бумажно-канцелярскаго искусства",—однимъ словомъ, о необходимости,—вмѣсто всей этой кан-

целярской элоквенціи,—стремиться къ стилистической точности и правильности отечественнаго языка и къ сокращенію количества выпускаемыхъ бумагъ. Количество это во многихъ вѣдомствахъ исчисляется уже давно не тысячами, а десятками тысячъ нумеровъ въ годъ. Нѣсколько ранѣе, чѣмъ возбудило этотъ вопросъ судебное вѣдомство, были приняты кое-какія мѣры противъ размноженія бумажнаго дѣла въ вѣдомствахъ военномъ и въ министерствѣ Императорскаго двора; но вѣковой, можно сказать, вопросъ „о сокращеніи переписки" только періодически возбуждается и нѣсколько обостряется, но до сихъ поръ къ желанному рѣшенію не можетъ приблизиться, а напротивъ, даже отъ него удаляется, и потому, нужно признаться, какъ ни мало надеждъ на его скорое и благопріятное разрѣшеніе (если судить по сдѣланнымъ уже въ этомъ направленіи многочисленнымъ попыткамъ), нельзя все-таки не желать самымъ искреннимъ образомъ, чтобы не оставлялись и впредь эти попытки приблизиться къ желанному рѣшенію, чтобы оставалась надежда, что хоть когда-нибудь канцелярщина и волокита перестанутъ такъ заѣдать нашу жизнь и тормазить всякое живое дѣло, какъ они тормазятъ и заѣдаютъ теперь, и что придетъ время, когда, благодаря этой канцелярщинѣ, многія наши благія начинанія не будутъ погибать въ канцелярской пучинѣ, какъ это случается иногда и теперь.

Помимо канцелярщины и волокиты, однимъ изъ самыхъ сильныхъ тормазовъ, препятствующихъ желанной быстротѣ и успѣху нашего канцелярскаго дѣлопроизводства, является еще столь извѣстная въ чиновничьемъ мірѣ „канцелярская тайна". Ни одному изъ нашихъ многочисленныхъ законоположеній, столь заботливо предусматривающихъ всякія мелочныя подробности канцелярскаго дѣла, такъ не посчастливилось заслужить вниманіе нашего чиновничества и не удалось получить такого широкаго и популярнаго толкованія и столь великой извѣстности, какъ этой самой „канцелярской тайнѣ". Правда, едва ли очень немногіе изъ нашей несмѣтной канцелярской рати въ состояніи дать объясненіе—какъ явился на свѣтъ этотъ якобы спеціальный законъ для обузданія чиновничьей болтливости и пріученія чиновника къ умѣнію держать служебные секреты, и какъ началось бытіе этого закона; но эта „тайна" традиціонно и весьма ревниво блюдется въ каждой самой маленькой канцеляріи, про нее слышалъ всякій самый маленькій чиновникъ, и къ ея покровительству весьма охотно прибѣгаютъ въ самыхъ различныхъ и нужныхъ, а болѣе ненужныхъ случаяхъ. Этой тайной нерѣдко изводятъ просителя, явившагося „по собственному дѣлу"; еще охотнѣе прилагаютъ ее къ ходатаямъ по чужимъ дѣламъ, и кому же не извѣстно, что подъ предлогомъ неукоснительнаго сохраненія этой тайны практикуется самая

злокачественная медленность и волокита? Этою же тайною прикрывается чаще всего чиновничья нелюбезность и небрежность. Въ силу будто бы закона объ этой тайнѣ многія административныя учрежденія строго держатся того воззрѣнія, что даже участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ не полагается объявлять *мотивовъ* административныхъ рѣшеній, а достаточно-де однихъ рѣшеній. Наконецъ, бываютъ случаи, когда подъ покровомъ этой тайны совершаются явныя злоупотребленія и прямое нарушеніе казеннаго интереса, такъ какъ во имя этой тайны ограждаются отъ огласки такія дѣянія, огласка которыхъ именно особенно желательна и необходима въ интересахъ самого же государства.

Но что такое „канцелярская тайна" и имѣется ли въ нашемъ законодательствѣ какое-либо спеціальное постановленіе, устанавливающее такую тайну и карающее ея нарушеніе? Вотъ вопросъ, имѣющій, по моему мнѣнію, даже не столько юридическій интересъ, сколько интересъ общественный, и на этотъ вопросъ я постараюсь дать въ настоящей моей замѣткѣ посильный отвѣтъ.

Если сдѣлать экскурсію въ область нашего законодательства, то мы напрасно бы тамъ искали какого-нибудь положительнаго опредѣленія этого термина, а, равнымъ образомъ, не нашли бы уголовнаго закона, карающаго за нарушеніе этой, т.-е. канцелярской тайны. Однако, хотя дѣйствительно никакого прямого закона, карающаго нарушеніе „канцелярской тайны", нѣтъ, но выраженіе это дѣйствительно встрѣчается въ нашемъ сводѣ, и, несмотря на отсутствіе какого-либо точнаго опредѣленія этого термина, все наше дѣлопроизводство, начиная съ учрежденій самыхъ высшихъ и кончая низшими, такъ сказать проникнуто духомъ канцелярской тайны. Даже сенаторамъ вмѣняется въ обязанность соблюдать эту „канцелярскую тайну" (ст. 241 Учр. сен. 1892), „не оглашая преждевременно дѣлъ ими выслушанныхъ и поданныхъ голосовъ".—Не освобождены отъ той же обязанности члены государственнаго совѣта, которые приглашаются „воздерживаться отъ всякихъ разглашеній по дѣламъ" и даже больше—„они не должны имѣть никакихъ сношеній съ лицами, коихъ тяжебныя дѣла имѣются въ госуд. совѣтѣ" (192 Учр. госуд. канц. 1892). Управляющій дѣлами комитета мин. обязанъ также наблюдать „чтобы не были выдаваемы приватно какія-либо бумаги, въ производствѣ состоящія, или копіи и свѣдѣнія" (132 Учр. ком. мин. 1892). Въ главѣ объ общ. образов. мин. (т. I, ч. II, изд. 1892, ст. 41, 43, 45, 110, 116) мы встрѣчаемся съ дѣлами „тайнѣ подлежащими" и „дѣлами секретными" безъ дальнѣйшаго поясненія, какія именно

дѣла относятся къ этой категоріи. Но затѣмъ на протяженіи всего нашего свода мы встрѣчаемся, если не ошибаюсь, только одинъ разъ съ нѣкоторымъ подобіемъ опредѣленія термина „канцелярская тайна", но это опредѣленіе касается до дѣлъ, производящихся собственно въ сенатѣ... Именно въ ст. 273 Учр. прав. сен. (изд. 1892) говорится, что „никто изъ канцелярскихъ чиновниковъ и служителей не долженъ позволять себѣ имѣть сношеній съ тяжущимися, или прежде посылки указа открывать кому-либо изъ постороннихъ тайну канцелярскую, т.-е. положеніе производства дѣлъ, резолюціи, голоса или мнѣнія сенаторовъ, и виновные въ нарушеніи сего подвергаются всей законной строгости". Но и это опредѣленіе, какъ видно изъ его прямого смысла, относится до дѣлъ тяжебныхъ, но не вообще до всѣхъ другихъ дѣлъ, находящихся въ производствѣ—и, повидимому, это опредѣленіе не относится ни до дѣлъ административныхъ, т.-е. не имѣющихъ тяжебнаго характера, ни въ частности до дѣлъ, производимыхъ по суд. уст. Императора Александра II.—При ближайшемъ затѣмъ ознакомленіи съ порядками, преподанными въ законѣ для канцелярскаго дѣлопроизводства вообще, придется признать, что не какой-либо прямой законъ, а именно эти порядки и повели къ установленію, если можно сказать, обычая канцелярской тайны по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія; придется признать, что такой обычай дѣйствительно существуетъ и настолько повсемѣстно узаконился, что вошелъ въ плоть и кровь нашихъ канцелярскихъ порядковъ, и потому приходится считаться по неволѣ не столько съ закономъ, сколько съ этимъ обычаемъ.

Не входя пока ни въ какія предположенія, откуда появилось въ нашей канцелярской практикѣ такое поклоненіе культу „канцелярской тайны", отмѣтимъ лишь, что терминъ этотъ вездѣ и весьма охотно примѣняется, толкуется неимовѣрно распространительно; что нѣкоторыя административныя учрежденія проявляютъ особо нѣжную любовь къ этой тайнѣ, и что кромѣ нѣкоторой опоры, которую этотъ терминъ находитъ въ отдѣльныхъ статьяхъ нашего свода законовъ, едва ли не будетъ самымъ правильнымъ заключить, что объясненіе столь широкаго его примѣненія слѣдуетъ искать въ совершенномъ обособленіи нашей бюрократіи и ея отчужденіи отъ живой дѣйствительности, а также въ нашей боязни всякой гласности и въ непривычкѣ выслушивать голосъ общественнаго мнѣнія.

Чтобы пояснить мою мысль и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать, какъ иногда своеобразно понимается „канцелярская тайна", всего удобнѣе привести живой примѣръ такого распространительнаго толкованія и указать, къ какимъ иногда совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ приводитъ непомѣрное поклоненіе культу канцелярской тайны.

Въ одномъ административномъ учрежденіи былъ такой случай. Одинъ благонамѣренный чиновникъ усмотрѣлъ, что въ подвѣдомственномъ ему учрежденіи, занимавшемся строительными работами, не соблюдается такъ называемый казенный интересъ, такъ какъ работы, при большой стоимости и неудовлетворительномъ качествѣ, поглощаютъ много казенныхъ денегъ. Источникомъ такого убыточнаго для казны порядка служило, какъ выяснилось, установившееся въ сказанномъ строительномъ учрежденіи своеобразное, хотя и несообразное съ прямыми интересами казны пониманіе закона о такъ называемомъ „хозяйственномъ способѣ работъ".

Извѣстно, что законъ нашъ знаетъ три способа работъ и заготовленій. Во-первыхъ, способъ подрядный, во-вторыхъ, способъ хозяйственный, и въ-третьихъ, способъ коммерческій. Въ двухъ послѣднихъ способахъ подряды и заготовленія производятся не такъ называемыми вольными подрядчиками, а правительственными агентами, т.-е. чиновниками, но съ тою существенною разницею, что при способѣ коммерческомъ эти правительственные агенты являются въ роли обыкновенныхъ подрядчиковъ, берущихъ за извѣстную плату на свой коммерческій рискъ извѣстную операцію, а при способѣ хозяйственномъ этотъ правительственный агентъ обязанъ свято соблюдать не свои собственные, а единственно интересы казны, т.-е. обязанъ все пріобрѣтать по цѣнамъ наиболѣе для казны сходнымъ, такъ какъ казна смотритъ на него не какъ на коммерсанта и обыкновеннаго подрядчика, а какъ на своего чиновника, лишь по необходимости выполняющаго подрядную операцію, и потому гарантируетъ его отъ всякихъ приплатъ изъ собственнаго кармана, возмѣщая всѣ сдѣланныя такимъ заготовителемъ по неволѣ передержки и переплаты, между тѣмъ какъ до обыкновеннаго, вольнаго подрядчика казнѣ нѣтъ дѣла, и наживаетъ ли онъ на подрядѣ или теряетъ—въ это казна не входитъ. Эту общую картину установленныхъ въ законѣ способовъ работъ по подрядамъ и заготовленіямъ необходимо пополнить замѣчаніемъ, что изъ всѣхъ трехъ способовъ законъ совершенно основательно на первомъ мѣстѣ ставитъ способъ подрядный и обязываетъ предпочитать его всѣмъ другимъ, разрѣшая прибѣгать къ способамъ хозяйственному и коммерческому только по необходимости, т.-е. когда нѣтъ вольныхъ подрядчиковъ, или время не позволяетъ съ ними войти въ соглашеніе.

Въ строительномъ учрежденіи, о которомъ идетъ рѣчь, подрядный способъ, однако, не только не предпочитался двумъ остальнымъ, но былъ совершенно изгнанъ изъ употребленія, и въ учрежденіи этомъ практиковались только два послѣднихъ способа и преимущественно хозяйственный. Всѣ чины учрежденія постоянно занимались хозяй-

ственными строительными работами; но такъ какъ эти же самые чины, по закону, являлись лицами, обязанными наблюдать за правильностью производимыхъ построекъ, то оказывалось, что они сами же за собою наблюдали и сами себѣ выдавали удостовѣренія въ правильности и прочности построекъ, т.-е. контролировали другъ друга и выдавали одинъ другому, въ чемъ слѣдовало, одобрительные свидѣтельства и аттестаты. Выходило такъ, что чиновникъ Ивановъ удостовѣрялъ, что чиновникъ Петровъ, или Степановъ, прекрасно построили такое-то казенное зданіе, а чиновникъ Петровъ или Степановъ въ свою очередь удостовѣряли, что Ивановъ дѣйствовалъ съ полнымъ соблюденіемъ казеннаго интереса.

Такъ шло двадцать лѣтъ. При всякой попыткѣ обратиться къ подрядному способу работъ, чиновники Ивановъ, Петровъ и Степановъ дружно докладывали начальству, что подрядчиковъ рѣшительно не находится, ибо работы чрезвычайно невыгодны, и что только единственно по этой причинѣ они, Ивановъ, Петровъ и Степановъ, должны заниматься строительствомъ непосредственно, вмѣсто того, чтобы только наблюдать за постройками.

Нужно однако замѣтить, что, несмотря на удостовѣренія, взаимно выдаваемыя Ивановымъ Петрову и Степанову и обратно въ прекрасныхъ качествахъ произведенныхъ работъ, было уже давно обращено вниманіе на то обстоятельство, что всѣ казенныя зданія находились въ состояніи постояннаго ремонта, чего совершенно не наблюдалось по отношенію къ находившимся рядомъ съ казенными частными постройками, которыя ремонтировались одинъ разъ въ 3 — 4 года, между тѣмъ какъ казенныя зданія ремонтировались непремѣнно ежегодно. Также было обращено вниманіе и на то сразу непонятное обстоятельство, что вольные подрядчики, работавшіе въ другихъ мѣстностяхъ, всегда дѣлали большія уступки на работахъ (отъ 10 до 40 проц.), между тѣмъ какъ Ивановъ, Петровъ и Степановъ никогда никакихъ остатковъ отъ ассигнованныхъ имъ суммъ на работы не представляли, но зато систематически удостовѣряли, что они потому не представляютъ этихъ остатковъ, что произвели работъ гораздо болѣе, нежели это было предположено по смѣтамъ и ремонтнымъ описямъ, причемъ они не затрудняли себя представленіемъ доказательствъ того, что излишне будто бы произведенныя работы были дѣйствительно необходимы.

Такъ или иначе, но по иниціативѣ вышеупомянутаго благонамѣреннаго чиновника былъ испробованъ подрядный способъ работъ, и опытъ вполнѣ удался:—подрядчики не только нашлись въ совершенно достаточномъ количествѣ, но, благодаря ихъ конкурренціи, работы чрезвычайно подешевѣли и доставили казнѣ тѣ сбереженія

(отъ 10 до 40 проц.), которыя получались и въ другихъ мѣстностяхъ, а въ то же время чиновники Ивановъ, Петровъ и Степановъ, освобожденные отъ строительства, получили возможность возвратиться къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, т.-е. къ наблюденію за подрядчиками и постройками. Высшая мѣстная власть, съ своей стороны, не только одобрила произведенный опытъ, но предписала впредь не допускать хозяйственныхъ работъ, кромѣ случаевъ исключительныхъ, а всегда предпочитать тотъ способъ работъ, который предпочитаетъ самъ законъ, т.-е. способъ подрядный.

Такъ прошло года три. Чиновники-строители, однако, не унимались и періодически докладывали начальству о всевозможныхъ преимуществахъ хозяйственнаго способа работъ, якобы наилучшаго и для казны наивыгоднѣйшаго, усматривая эти преимущества въ особенности въ томъ, что за тѣ же, молъ, деньги работъ производилось будто бы гораздо болѣе, чѣмъ требовалось по описямъ и смѣтамъ. Тогда благонамѣренный чиновникъ подалъ начальству обстоятельный докладъ о преимуществахъ подряднаго способа работъ, подкрѣпивъ свои доказательства неотразимыми фактами и цифрами. Докладъ этотъ удостовѣрялъ: 1) несостоятельность вообще хозяйственныхъ работъ, производимыхъ чиновниками,—несостоятельность, подтверждаемую двадцатилѣтней практикой; 2) дурное ихъ вліяніе на прямыя и непосредственныя обязанности чиновниковъ-строителей; 3) искусственное созданіе многихъ лишнихъ и ненужныхъ работъ; 4) отсутствіе за ними контроля, такъ какъ взаимный контроль самихъ чиновниковъ-строителей не могъ считаться дѣйствительнымъ, и 5) очевидную денежную невыгодность этихъ работъ для казны.

Докладъ этотъ *для свѣдѣнія* былъ посланъ въ копіи начальнику такого же сосѣдняго строительнаго учрежденія, въ которомъ были также свои Ивановы, Петровы и Степановы, также предпочитавшіе хозяйственный способъ подрядному и также не находившіе въ теченіе 20 лѣтъ охотниковъ заняться выполненіемъ казенныхъ подрядовъ. И вотъ эта посылка копіи доклада начальнику сосѣдняго строительнаго учрежденія послужила основаніемъ къ обвиненію благонамѣреннаго чиновника и, затѣмъ, къ привлеченію его къ отвѣтственности ни въ чемъ иномъ, какъ „въ нарушеніи канцелярской тайны", да еще въ нарушеніи съ вредными послѣдствіями (II часть ст. 419 и 420 Ул.). Вышло это такъ, что кто-то, посочувствовавшій огорченнымъ строителямъ Иванову, Петрову и Степанову, доложилъ кому слѣдуетъ, что посылка копіи доклада сосѣднему начальнику имѣетъ характеръ злонамѣреннаго нарушенія канцелярской тайны, и высшая мѣстная власть, еще недавно одобрившая замѣну хозяйственнаго способа работъ подряднымъ, почему-то вдругъ поколеба-

лась, и кончилось все тѣмъ, что хотя хозяйственный способъ уже болѣе не возрождался, но благонамѣренный авторъ доклада не только получилъ серьезный нагоняй, но лишь во вниманіе къ тому, что имъ руководила одна благонамѣренность и желаніе соблюсти казенный интересъ, онъ былъ по особому ходатайству освобожденъ отъ уголовнаго суда, который ему угрожалъ на точномъ основаніи ст. 419 и 420 Улож., подъ каковыя статьи закона и были подведены его преступныя дѣянія.

Но какая же тайна была нарушена пострадавшимъ блюстителемъ казеннаго интереса? Кому было ввѣрено храненіе этой тайны? Кто потерпѣлъ отъ ея нарушенія? Было ли въ данномъ случаѣ требуемое закономъ разглашеніе или *сообщеніе* тайны съ нарушеніемъ порядка канцелярскаго производства (ст. 419 Улож.)? Распространилась ли для чьей-либо чести оскорбительная молва? (ст. 420 ул.).

Казалось бы, что на основаніи простого здраваго смысла слѣдовало признать, что въ данномъ случаѣ не было нарушенія ни канцелярской, ни какой иной тайны, такъ какъ самое дѣло ни въ какой канцеляріи не было, а слѣдовательно не могло быть ни нарушителя канцелярской тайны, ни потерпѣвшаго отъ этого нарушенія. Казалось бы также, что въ данномъ случаѣ не было ни разглашенія, ни недозволеннаго сообщенія, ни распространенія оскорбительной для чьей-либо чести молвы, но наличность всѣхъ этихъ признаковъ преступленія была тѣмъ не менѣе признана, и уже самая возможность такого толкованія этихъ статей (нужно, однако, думать—единственная въ своемъ родѣ) заставляетъ нѣсколько остановиться на вопросѣ о правильномъ пониманіи этихъ статей и вообще на вопросѣ о канцелярской тайнѣ.

Едва ли встрѣчается надобность провѣрять и изслѣдовать по полному собранію происхожденіе законовъ, изображенныхъ въ ст. 419 и 420 улож., и мнѣ кажется, что безъ этого изслѣдованія не требуется большихъ усилій для того, чтобы уразумѣть истинный смыслъ этихъ двухъ статей. Мнѣ кажется, что этотъ истинный смыслъ никогда не могъ возбуждать и не возбуждалъ сомнѣнія, доказательствомъ чего можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что эти статьи никогда не подвергались толкованію правительств. сената, хотя отсутствіе такого толкованія можетъ быть, пожалуй, объяснено и тѣмъ, что не было ни одного случая примѣненія этихъ законовъ за всѣ тридцать лѣтъ существованія судебныхъ уставовъ и не было такихъ случаевъ, можетъ быть, потому, что всѣ наши многочисленные хранители канцелярской тайны были на высотѣ пониманія своихъ обязанностей и служебнаго долга.

Въ самомъ дѣлѣ, однако, можно ли, на точномъ основаніи ст. 419

и 420 Улож. о нак., предположить, что по точному и буквальному смыслу этихъ двухъ статей закона всякая канцелярская бумага и всякое заведенное въ канцеляріи дѣло подлежитъ дѣйствію тайны, нарушеніе которой, въ видѣ ли разглашенія или сообщенія, допускается не иначе какъ съ надлежащаго разрѣшенія, а въ противномъ случаѣ подвергаетъ нарушителя законной отвѣтственности? Не говоря уже про приведенный выше случай, спрашивается—имѣется ли вообще какое-либо разумное основаніе устанавливать ту, можно сказать, повальную тайну, къ которой и такъ въ излишней степени проявляется расположеніе въ нашемъ совершенно не контролируемомъ общественнымъ мнѣніемъ чиновничествѣ, и не будетъ ли эта повальная тайна орудіемъ притѣсненія въ рукахъ не только недобросовѣстныхъ, но и просто лѣнивыхъ чиновниковъ? Затѣмъ, спрашивается—если эта тайна установлена не закономъ, а установилась обычаемъ, то слѣдуетъ ли относиться съ поощреніемъ къ сохраненію этого обычая? и, наконецъ, было бы интересно знать — извѣстна ли такая „канцелярская тайна" какому-нибудь изъ иностранныхъ законодательствъ?

Прежде чѣмъ перейти къ отвѣту на поставленные вопросы, приведемъ нѣсколько нашихъ законоположеній, опредѣляющихъ отношенія служащихъ лицъ къ ихъ обязанностямъ вообще и, въ частности, къ довѣреннымъ имъ по службѣ особымъ секретамъ.

Всѣ законодательства, не исключая и нашего, охраняютъ нѣкоторыя, такъ сказать, спеціальныя тайны, но ни одно, также не исключая нашего, нигдѣ не включаетъ въ область этой тайны безчисленное, и въ особенности у насъ, множество бумагъ, составляющихъ такъ-наз. канцелярскую переписку. Такъ, повсюду законъ охраняетъ тайну государственную, нѣкоторые виды тайнъ профессіональныхъ (врачебная, коммерческая, нотаріальная, банковская, адвокатская, исповѣдная, судебная, бухгалтерская, слѣдственная и проч)., но собственно повальной „канцелярской" тайны не знаетъ ни иностранное, ни наше законодательство. Въ нашихъ общихъ законахъ о внутреннемъ устройствѣ присутственныхъ мѣстъ не имѣется также какого-либо особаго отдѣла, въ которомъ было бы перечислено, какія именно дѣла должны считаться тайными, и были бы сгруппированы всѣ постановленія о храненіи тайнъ, ввѣренныхъ по службѣ. Эти постановленія встрѣчаются и въ улож. о наказ., и въ т. II общ. губ. учрежд. Въ т. II разбросано всего нѣсколько статей о тайныхъ и секретныхъ дѣлахъ и бумагахъ. Такъ, въ ст. 179 (изд. 1876 г.; по изд. 1892 г., ст. 131), между прочимъ, говорится: „кромѣ свѣдѣній, подлежащихъ тайнѣ", всякое учрежденіе обязано выдавать копіи бумагъ и документовъ даже лицамъ, не участвующимъ въ дѣлѣ, если

они представятъ удостовѣреніе, что это нужно для подтвержденія ихъ правъ". Эта же мысль выражена въ ст. 419 Улож. Въ ст. 190 того же II тома (изд. 1876 г.; по изд. 1892—ст. 142) требуется „по дѣламъ тайнѣ подлежащимъ" дѣлать надпись: „секретно". Въ ст. 659 (изд. 1876 г.; по изд. 1892—ст. 431, прим. 2), въ которой подробнѣйшимъ образомъ перечисляются всѣ виды переписки, ведомой по вѣдомству губернскихъ учрежденій, упоминается въ п. 3-мъ „переписка, требующая особенной тайны", а по ст. 660 (изд. 1876; изд. 1892—ст. 431) ведется особый реестръ дѣламъ „секретнымъ". Но затѣмъ ни въ этой, ни въ другихъ статьяхъ закона не перечисляется, какія же именно дѣла и бумаги подлежатъ храненію въ тайнѣ, и, повидимому, это предоставляется опредѣлить самимъ начальствующимъ лицамъ; но что не всѣ бумаги и не всѣ дѣла подлежатъ тайнѣ, это можно заключить уже изъ прямого смысла ст. 179, въ которой говорится о выдачѣ справокъ изъ дѣлъ, „кромѣ свѣдѣній, подлежащихъ тайнѣ". Такимъ образомъ, вопросъ о подведеніи подъ законъ о тайнѣ того или другого рода дѣлъ и бумагъ такъ и не разрѣшается вторымъ томомъ нашихъ законовъ, и въ этомъ томѣ только въ одномъ случаѣ встрѣчается ясное указаніе на отвѣтственность, и притомъ „особенную", тѣхъ, кто сообщитъ постороннимъ лицамъ резолюцію, „не подлежащую еще къ общему свѣдѣнію, или тѣмъ, кто „прежде времени объявитъ протоколъ или покажетъ чужое мнѣніе или голосъ" (ст. 228 т. II, изд. 1876 г.); но и эта статья очевидно относится до дѣлъ судебныхъ и притомъ производящихся въ судахъ стараго устройства, и въ изданіи 1892 г.—исключена. Изъ этого выходитъ, что, основываясь собственно на указаніяхъ т. II, не представляется никакой возможности выяснить, какая же отрасль канцелярской переписки всякаго административнаго управленія подлежитъ безусловной или даже условной тайнѣ, но если прослѣдить весь длинный перечень дѣлъ, ведомыхъ въ этихъ управленіяхъ, то придется придти къ заключенію, что только самое незначительное число этихъ дѣлъ можетъ, по самому своему характеру, подлежать храненію въ тайнѣ, для огромнаго же большинства ихъ это храненіе въ тайнѣ, такъ сказать, физически невозможно. Нельзя же предположить, что законъ требуетъ храненія въ тайнѣ такихъ, напримѣръ, дѣлъ, какъ дѣла о народномъ образованіи и здравіи, дѣла о народномъ продовольствіи, внутренней безопасности, общественномъ хозяйствѣ, опекѣ, общественномъ призрѣніи, просвѣщеніи, эпидеміяхъ, эпизоотіяхъ, о происшествіяхъ и проч. и проч., весьма подробно перечисленныхъ въ ст. 659 т. II (изд. 1876 г.). Изъ множества дѣлъ, значащихся въ этой статьѣ, можно бы еще, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, временно или постоянно, хранить въ тайнѣ

дѣла объ иновѣрческой пропагандѣ, дѣла о нравственности, дѣла о случаяхъ расточительности; но и на эти случаи никакихъ указаній въ законѣ не встрѣчается, и, напротивъ, законъ разрѣшаетъ даже печатать въ оффиціальныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (ст. 766, 767 т. II; по изд. 1892 г.—ст. 540 и 541) *всякаго рода свѣдѣнія*, не исключая свѣдѣній статистическихъ, этнографическихъ, историческихъ и проч. Остаются затѣмъ дѣла о личномъ составѣ чиновъ управленія, и вотъ на эти-то именно дѣла, какъ извѣстно, особенно охотно распространяется обычай „канцелярской тайны", и, кажется, будетъ безошибочно сказать, что эти дѣла по преимуществу доставляютъ возможность прилагать на практикѣ эту тайну и широко, и произвольно. Не нужно даже приводить образцовъ такихъ широкихъ и произвольныхъ подведеній подъ тайну разныхъ дѣлъ и бумагъ. Эта широта толкованій простирается иногда такъ далеко, что чиновнику, уволенному отъ службы, не показывается резолюція, по которой состоялось это увольненіе,—служащему не говорится о положеніи дѣла о просимомъ имъ отпускѣ, переводѣ, командированіи и т. д., а въ указанномъ выше случаѣ съ благонамѣренныиъ чиновникомъ соблюденіе этой тайны зашло даже такъ далеко, что отъ обвиняемаго не требовали никакого объясненія и ему объявляли только окончательную резолюцію, налагавшую на него взысканіе за нарушеніе канцелярской тайны, произведя такимъ образомъ расправу съ виновнымъ съ полнымъ соблюденіемъ тайны.

При внимательномъ обсужденіи вопроса о самой возможности повальной канцелярской тайны нельзя не остановиться на томъ соображеніи, что если не считать подлежащими храненію въ тайнѣ только тѣ немногія дѣла, которыя указаны въ ст. 421—425 улож. о нак., а также, пожалуй, еще и тѣ, также весьма немногія дѣла, которымъ, нарочито, по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ, пожелаютъ придать временно характеръ дѣлъ секретныхъ или тайнѣ подлежащихъ [1]), то нужно было бы признать большимъ упущеніемъ закона непоименованіе всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ тайнѣ, и предоставленіе рѣшенія этого вопроса чьему-либо личному усмотрѣнію,—упущеніе тѣмъ болѣе непонятное, что оно могло только повести, и отчасти дѣйствительно повело, къ произвольному расширенію понятія о тайныхъ и секретныхъ дѣлахъ. Это упущеніе, если только это

---

[1]) Въ ст. 419 т. II, изд. 1892, предвидятся дѣла, которыя могутъ оставаться на нѣкоторое время въ тайнѣ въ видахъ успѣха губернаторскихъ распоряженій, а также дѣла, которыя губернаторы хранятъ въ тайнѣ „доколѣ нужно", производя по онымъ, если возможно, всю переписку своеручно.—Подъ дѣла этой категоріи предоставлено подводить всѣ вопросы „о нуждахъ и потребностяхъ" ввѣренныхъ губерній.

упущеніе, не можетъ быть, однако, предположено уже по тому одному, что законъ нашъ, стараясь предусмотрѣть малѣйшія подробности въ порядкѣ канцелярскаго производства, рѣшительно не могъ обойти полнымъ молчаніемъ совсѣмъ не мелочный вопросъ о секретныхъ дѣлахъ.

Извѣстно, что законъ нашъ то проявляетъ иногда обидное недовѣріе къ своимъ агентамъ, то руководитъ ими въ самыхъ элементарныхъ вещахъ. Во второмъ томѣ общихъ законовъ понынѣ встрѣчаются указанія, какъ слѣдуетъ составлять черновые отпуски (ст. 195), какъ вести словесныя пренія или „диспуты" (ст. 150), съ поясненіемъ, что каждый членъ долженъ говорить кратко (ст. 148) и проч. При этомъ недовѣріе, проявляемое закономъ къ его исполнителямъ, заходитъ такъ далеко, что до сихъ поръ въ сводѣ сохраняется постановленіе, обязывающее предсѣдателя присутственнаго мѣста принимать прошенія не иначе, какъ въ самомъ присутствіи, и притомъ при бытности двухъ членовъ (ст. 110). Сохраняется также въ нашемъ сводѣ законовъ (ст. 112 т. II) законъ, которымъ „строжайше" воспрещается удерживать на дому какія-либо бумаги, а также законъ (ст. 122), обязывающій предсѣдателя даже словесныя прошенія принимать не иначе, какъ въ присутствіи члена. Эти мелочныя опасенія и недовѣріе даже къ предсѣдательствующимъ лицамъ доходитъ до того, что особый законъ (ст. 109) требуетъ, чтобы всѣ пакеты вскрывались не иначе, какъ въ присутственномъ мѣстѣ, и чтобы печать непремѣнно при этомъ ломалась и уничтожалась [1]). Губернаторамъ законъ рекомендуетъ быть „доступными" не только въ служебныхъ, но и въ частныхъ сношеніяхъ. Отъ нихъ законъ требуетъ обходительности, ласки, желанія сдѣлать по возможности для каждаго пріятное и т. д. (ст. 417, т. II, изд. 1892). За самыми высшими сановниками имперіи какъ бы не признается возможнымъ обойтись безъ руководительства и надзора, и законъ весьма заботливо перечисляетъ не только ихъ права и обязанности, но руководитъ каждымъ ихъ служебнымъ дѣйствіемъ. Напр., сенаторамъ предлагается являться въ сенатъ не позже 10 ч. утра (ст. 42 Учр. сен. изд. 1892) и не позволяется имѣть разговоры о дѣлахъ постороннихъ, не касающихся службы Е. И. В. Съ нѣкоторою даже суровостью законъ говоритъ (ст. 437 Уч. сен.), что сенаторы обязаны „изыскивать средства къ достиженію правды, а не къ продолженію времени", а оберъ-прокурору поручается наблюдать (ст. 76 тамъ же), чтобы дѣла рѣшались не менѣе, какъ тремя сенаторами. Подроб-

---

[1]) Примѣчаніе. Статьи 195, 150, 148, 110, 112, 122, 109, т. II, изд. 1876 г., соотвѣтствуютъ статьямъ 145, 112, 110, 86, 88, 9', 85 того же тома, изд. 1892 г.

нѣйшимъ образомъ законъ указываетъ, какъ ставить и разрѣшать вопросы, подлежащіе рѣшенію сената, и для облегченія гг. сенаторовъ даже предлагаются вопросы ставить „раздробительно" (ст. 89. тамъ же). Членамъ государственнаго совѣта также законъ совѣтуетъ (ст. 95 Учр. гос. сов.), при обсужденіи дѣлъ, „не предаваясь влеченію мыслей постороннихъ и неопредѣлительныхъ, основывать свои мнѣнія на сужденіяхъ положительныхъ"... Руководя, такъ сказать, каждымъ шагомъ служащаго лица, вникая во всѣ подробности устройства канцеляріи (означено даже, какую мебель обязательно имѣть въ присутственныхъ мѣстахъ), заботясь въ особенности о быстромъ и правильномъ теченіи дѣлъ и въ этихъ видахъ даже создавъ особую категорію дѣлъ „нетерпящихъ времени" (ст. 75 Общ. обр. мин., т. I), къ числу каковыхъ, между прочимъ, относятся дѣла „о наполненіи праздныхъ мѣстъ", т.-е. попросту о замѣщеніи вакансій, законъ, повидимому, предусмотрѣлъ все, рѣшительно все [1]), и вдругъ, предусматривая всѣ эти часто довольно несущественныя мелочи или вещи, такъ сказать, сами собою разумѣющіяся, могъ ли законъ не выразить категорически, какія именно дѣла слѣдуетъ признавать секретными и тайнѣ подлежащими, какъ бы предоставляя разрѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію служащихъ? Очевидно, этого не могло быть, и дѣйствительно, въ ст. 421—425 улож. заключаются указанія—нарушеніе какихъ именно служебныхъ тайнъ подлежитъ уголовной карѣ и, казалось бы, никакихъ иныхъ, кромѣ поименованныхъ дѣлъ, нельзя предполагать подлежащими тайнѣ. Въ ст. 421 наказуется „недозволенное сообщеніе мнѣнія судей или судебныхъ актовъ или другихъ принадлежащихъ къ дѣламъ бумагъ *прикосновеннымъ лицамъ*; въ ст. 422 предусматривается случай „злонамѣреннаго открытія обвиняемому въ преступленіи судебныхъ о немъ актовъ и иныхъ бумагъ, *могущихъ служить* къ сокрытію истины"; ст. 424 караетъ должностныхъ лицъ за „открытіе принадлежащаго правительству или частному человѣку секрета какихъ-либо издѣлій работъ и проч.; ст. 425 опредѣляетъ наказаніе за намѣренное или ненамѣренное открытіе государственныхъ тайнъ иностраннымъ правительствамъ, и, наконецъ, ст. 423 преслѣдуетъ вообще за „разглашеніе дѣлъ, подлежащихъ тайнѣ, и недозволенное сообщеніе кому-либо бумагъ, отмѣченныхъ надписью: „секретно". Послѣдняя статья по содержанію своему почти аналогична съ ст. 419 и 420, и раз-

[1]) Законъ также предусмотрѣлъ необходимость сокращенія переписки и вмѣняетъ въ обязанность министрамъ постоянно заботиться о сокращеніи переписки и того же требовать отъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ (ст. 37. Общ. обр. мин-ства), что́ нисколько не мѣшаетъ перепискѣ фатально разростаться какъ у министровъ, такъ и у подвѣдомственныхъ имъ лицъ.

ница между ними, повидимому, лишь та, что ст. 423 прямо указываетъ на существованіе особой категоріи дѣлъ „подлежащихъ тайнѣ“, статья же 419 разумѣетъ вовсе не дѣла и бумаги, тайнѣ подлежащія, но караетъ лишь разглашеніе и сообщеніе постороннимъ лицамъ всякаго рода канцелярской переписки, если это разглашеніе и сообщеніе сдѣлано, „вопреки порядку для производства дѣлъ и храненія дѣловыхъ бумагъ установленному“, съ усиленіемъ взысканія съ виновнаго въ тѣхъ случаяхъ, если отъ этого разглашенія или сообщенія произошли, или даже только *долженствовали* произойти, какія-либо вредныя послѣдствія. Для кого именно долженствовали произойти эти вредныя послѣдствія, этого въ законѣ не указывается, но нужно предполагать, что послѣдствія эти должны быть вредны для самаго дѣлопроизводства, такъ какъ слѣдующая статья 420 Ул. предусматриваетъ вредныя послѣдствія для чьей-либо чести въ видѣ распространенія молвы оскорбительнаго свойства.

Изъ общаго смысла приведенныхъ статей выходитъ, что, съ одной стороны, существуетъ особая категорія дѣлъ и бумагъ „подлежащихъ тайнѣ“, а съ другой—оказывается, что всякая бумага и всякое дѣло, находящееся въ правительственномъ учрежденіи, не подлежитъ ни разглашенію, ни сообщенію постороннимъ лицамъ, иначе какъ въ установленномъ порядкѣ дѣлопроизводства, т.-е. съ чьего-то дозволенія и разрѣшенія, и, слѣдовательно, до полученія этого дозволенія и разрѣшенія всякое разглашеніе и сообщеніе, какъ сдѣланное вопреки порядку дѣлопроизводства, составляетъ служебное преступленіе, т.-е., другими словами, всякая канцелярская бумага и всякое дѣло представляетъ если не полную, то до извѣстной степени тайну, что уже прямо противорѣчитъ вышеприведенной ст. 418, т. II Общ. губ. учр., по силѣ которой только нѣкоторымъ дѣламъ, и то временно, придается характеръ дѣлъ секретныхъ. При распространительномъ толкованіи ст. 419 Улож. получился, естественнымъ образомъ, тотъ выводъ, что на полученіе всякой справки изъ дѣла, даже справки, касающейся самого участвующаго лица, необходимо разрѣшеніе и дозволеніе, иначе же выдача такой справки можетъ быть признана сдѣланной вопреки порядку дѣлопроизводства и подведена подъ дѣйствіе ст. 419 Улож., по которой виновному грозитъ ни болѣе ни менѣе какъ преданіе суду, съ надеждой, въ лучшемъ случаѣ, получить строгій выговоръ съ внесеніемъ въ послужной списокъ...

Однако кто именно долженъ давать это дозволеніе на разглашеніе дѣлъ и сообщеніе актовъ, а до полученія такого разрѣшенія всякое дѣло и всякая бумага составляетъ, по установившемуся обычаю, какъ бы непремѣнный секретъ. На этотъ счетъ въ нашемъ сводѣ не находится никакихъ указаній, а канцелярская практика въ

разныхъ мѣстностяхъ практикуетъ разные пріемы и обычаи. Иногда начальникъ канцеляріи даетъ, такъ сказать, общее разрѣшеніе разъ навсегда выдавать нужныя справки, и этимъ занимаются младшіе чины канцеляріи, рѣшая по своему разумѣнію, когда можно дать справку безъ длинныхъ разговоровъ и когда съ нѣкоторымъ притѣсненіемъ; иногда же вопросъ о выдачѣ справокъ обязательно проходитъ чрезъ руки самого начальника канцеляріи, и тогда просители претерпѣваютъ всяческія муки и томленія. Тогда хожденіе за справками пріобрѣтаетъ характеръ подвижничества, характеръ нѣкоего паломничества, и вырабатывается въ особый культъ. Просителей изводятъ въ школѣ долготерпѣнія и нерѣдко вымогательства. Тутъ проявляются тѣ „субъективные взгляды начальствующихъ лицъ", а вредъ такихъ взглядовъ достаточно ясно изображенъ въ томъ циркулярѣ министра юстиціи, который не одобряетъ канцелярщину, волокиту, многописаніе и проч. Во всякомъ случаѣ всѣ эти разнообразные порядки выдачи справокъ устанавливаются практикой, а не закономъ, какъ практикой же, а не закономъ установились „разнообразныя изъясненія служебной вѣжливости и подчиненности", какъ практикой созданъ витіеватый канцелярскій слогъ и желтоватая, съ синимъ отливомъ, министерская бумага... Въ иной канцеляріи мелкій чиновникъ безжалостно объявляетъ просителю, что выдать справку еще не разрѣшено, что начальнику-де подано на разрѣшеніе, но начальникъ, молъ, занятъ, и нельзя же его безпокоить изъ-за какой-то справки. Въ захолустьяхъ Закавказья и Туркестана всякому проѣзжающему, вѣроятно, доводилось видѣть расположенныя лагеремъ, по близости полицейскихъ и административныхъ управленій, группы всадниковъ дикаго облика, флегматично валяющихся на землѣ по трое сутокъ въ ожиданіи полученія справокъ. Чтобы не очень было скучно проводить время этого ожиданія, дикіе всадники нарочно ѣдутъ цѣлыми группами и съ ангельскимъ терпѣніемъ выжидаютъ, пока какой-нибудь юркій писецъ изъ туземцевъ принесетъ на клочкѣ бумаги № и число бумаги, отправленной туда или сюда, по дѣлу просителя, и тогда всадники опять ѣдутъ туда, куда ушла бумага, и тамъ снова практикуются въ долготерпѣніи, пока опять какой-нибудь бывалый человѣкъ не укажетъ практическаго и испытаннаго способа къ скорому полученію всякихъ справокъ и притомъ безъ дозволенія начальства...

Затѣмъ спрашивается, кого законъ разумѣетъ подъ посторонними лицами", что разумѣется подъ „вредными послѣдствіями" разглашенія и сообщенія, какимъ способомъ судъ долженъ опредѣлять еще не проявившіяся, но „долженствующія" проявиться вредныя послѣдствія такого разглашенія и сообщенія, и что, наконецъ, слѣдуетъ

разумѣть подъ „разглашеніемъ и сообщеніемъ“? Объ этомъ мы не будемъ здѣсь распространяться; замѣтивъ при этомъ еще разъ, что никакихъ руководящихъ разъясненій по этимъ вопросамъ не имѣется. Можно лишь отмѣтить ту особенность, что ст. 419, 420 и 424 Улож. преслѣдуютъ разглашеніе и сообщеніе „постороннимъ лицамъ“, а въ ст. 423 уже нѣтъ постороннихъ лицъ, а есть разглашеніе „кому-либо“, изъ чего нѣкоторые расположены заключить, что въ первомъ случаѣ подразумѣваются одни частныя лица, а во второмъ какъ частныя, такъ и правительственныя, и хотя это послѣднее предположеніе приводитъ къ заключенію, что законъ нашъ какъ бы одобряетъ взаимные секреты вѣдомствъ и учрежденій, но такое толкованіе дѣйствительно существуетъ и между прочимъ высказано однимъ изъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Перечень статей, касающихся вопроса о канцелярской тайнѣ, дополнимъ еще указаніемъ на статью 716 т. III Уст. о службѣ гражд., по силѣ коей „всякую ввѣренную тайну“, касающуюся службы и пользы Его Императорскаго Величества, каждое состоящее на службѣ лицо обязано хранить свято и ненарушимо и никому не сообщать, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и кому не велѣно будетъ о томъ объявлять“, изъ чего еще разъ слѣдуетъ, что храненію подлежатъ именно „ввѣренныя тайны“, и все, что къ категоріи этихъ тайнъ не относится, не должно считаться ни тайнымъ, ни секретнымъ.

Примѣняя всѣ эти разсужденія къ разсказанному выше случаю усердія благонамѣреннаго чиновника къ охраненію такъ-называемаго казеннаго интереса, сами собой возникаютъ вопросы: а) разгласилъ ли этотъ чиновникъ что-либо, сообщивъ свои служебныя наблюденія и выводы начальнику сосѣдняго строительнаго учрежденія? б) разгласилъ ли онъ какое-либо дѣло или бумагу, подлежащія храненію въ тайнѣ? в) сдѣлано ли имъ что-либо вопреки установленному порядку канцелярскаго дѣлопроизводства, и если сдѣлано недозволенное разглашеніе или сообщеніе постороннимъ лицамъ, то кто эти постороннія лица? д) была ли послѣдствіемъ этого разглашенія оскорбительная для чьей-либо чести молва?

На всѣ эти вопросы нельзя отвѣтить иначе какъ отрицательно. Кажется, не требуется доказывать, что въ данномъ случаѣ не было ни „разглашенія“, ни „дѣла“, ни „недозволеннаго сообщенія“, ни „нарушенія порядка дѣлопроизводства“, ни оскорбительной для чьей-либо личной чести молвы, ни нарушенія „ввѣренной по службѣ тайны“, и что возбужденіе преслѣдованія противъ благонамѣреннаго чиновника есть прямой результатъ не только широкаго и своеобразнаго пониманія несуществующаго въ уголовномъ законѣ термина „канцелярская тайна“, но еще болѣе результатъ совсѣмъ неправиль-

наго пониманія такъ-называемыхъ „общихъ обязанностей служащихъ лицъ“, опредѣляемыхъ въ нашемъ законодательствѣ весьма подробно. Что такое широкое пониманіе „канцелярской тайны“ едва ли желательно, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Помимо, такъ сказать, здраваго смысла, протестующаго противъ такого толкованія, помимо прямого смысла вышеприведенныхъ законоположеній, противъ такого толкованія говорятъ также только-что упомянутыя „общія служебныя обязанности“ чиновниковъ, и, наконецъ, ни въ одномъ изъ иностранныхъ кодексовъ нельзя найти не только такого широкаго пониманія „канцелярской тайны“, но нельзя указать ничего подобнаго такому толкованію.

Извѣстно, что наши законы въ своемъ стремленіи установить возможно точныя правила и всякаго рода регистрацію на всѣ случаи, возникающіе изъ служебныхъ отношеній, заходятъ такъ далеко, что не удовлетворяются даже подробнымъ перечисленіемъ въ присягѣ на вѣрность службы всѣхъ обязанностей, принимаемыхъ на себя каждымъ поступающимъ на службу, но еще указываютъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ постановленій не только „обязанности служащихъ“, но даже тѣ „качества, которыя должны быть зерцаломъ поступковъ каждаго служащаго“. Эти качества, положительно требуемыя закономъ отъ каждаго служащаго, суть: 1) здравый разсудокъ; 2) добрая воля въ отправленіи порученнаго; 3) человѣколюбіе; 4) усердіе къ общему добру; 5) честность, безкорыстіе и воздержаніе отъ взятокъ; 6) радѣніе о должности, и 7) покровительство невинному и скорбящему (ст. 712, т. III). Кромѣ того, законъ еще требуетъ „нелицемѣрнаго, усерднаго и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей“, говоря, что „лѣность и нерадѣніе и неприлежность къ порученному дѣлу да почтутся для нихъ, чиновниковъ, наивящшимъ стыдомъ, упущенія же должности и нерадѣніе по части блага общаго, имъ ввѣреннаго, главнѣйшимъ поношеніемъ“ (тамъ же, ст. 714).

Но помимо этихъ служебныхъ качествъ и, кромѣ безусловнаго знанія своего дѣла, или, какъ законъ выражается, „знанія всѣхъ уставовъ“, законъ требуетъ отъ служащихъ также качествъ нравственныхъ, возлагая на начальниковъ не только надзоръ „надъ поведеніемъ и обхожденіемъ“ своихъ подчиненныхъ, но даже уполномочивая начальство: 1) „побуждать подчиненныхъ къ похвальному любочестію и добродѣтелямъ, удерживая ихъ отъ безбожнаго житія, пьянства, лжи и обмановъ“ (ст. 723 тамъ же); 2) преслѣдовать роскошь, расточительность, безпутство, мотовство (т. II, ст. 216, изд. 1892) и предохранять отъ гибельнаго лжемудрствованія (тамъ же, ст. 217).

Не станемъ говорить, какъ далека дѣйствительность отъ того

идеальнаго служащаго, украшеннаго всѣми человѣческими и чиновничьими добродѣтелями, на котораго указывается въ приведенныхъ законахъ. Быть можетъ, нигдѣ, какъ въ нашемъ бюрократическомъ мірѣ, такъ хорошо не подтверждается та мысль, что въ станъ такъ называемыхъ людей безвредныхъ идутъ гораздо охотнѣе, чѣмъ въ станъ людей полезныхъ. Вмѣсто похвальнаго любочестія у насъ народился чисто необузданный карьеризмъ, благонамѣренность преобразилась въ молчалинскія добродѣтели, и, конечно, весьма немногіе страшатся того наивящшаго стыда и главнѣйшаго поношенія, которымъ почтется нерадѣніе по части блага общаго. Еще недавно А. Ѳ. Кони, въ своей превосходной оцѣнкѣ дѣятельности покойнаго Д. А. Ровинскаго, цитировалъ прекрасныя слова этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля, обращенныя къ судебнымъ слѣдователямъ, впервые назначеннымъ на эту должность въ Москвѣ. Въ этихъ словахъ Д. А. Ровинскій убѣждалъ ихъ прежде всего быть людьми, а затѣмъ уже чиновниками... Всѣ, однако, знаютъ, какъ въ дѣйствительности мало приходится видѣть въ чиновникахъ людей, какъ рѣдко приходится въ нихъ встрѣчать усердіе къ общему добру и къ общему благу, какъ рѣдко не только покровительство невинному и скорбящему, но даже просто человѣческое отношеніе къ такъ называемымъ просителямъ, безжалостно кормимымъ извѣстными „завтраками“, и какъ вообще проявляется много лѣни, сухого формализма и высокомѣрія съ людьми невысокаго ранга, имѣющими несчастье обзавестись какими-либо дѣлами въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ. Притомъ же, кто у насъ не знаетъ, что не старшіе чины, не высокопоставленныя лица доводятъ этихъ просителей что называется до бѣлаго каленія, а тѣ помощники разныхъ помощниковъ, которые ближе стоятъ къ публикѣ и больше всего помыкаютъ ею въ сознаніи своего неизбѣжнаго вліянія на успѣшный ходъ нашего неимовѣрно разростающагося дѣлопроизводства... Извѣстно, впрочемъ, что даже несомнѣнно великіе люди весьма часто сомнѣваются въ себѣ, но люди маленькіе, и въ особенности маленькіе чиновники, никогда не сомнѣваются въ своемъ значеніи...

Возвращаясь къ исторіи пострадавшаго за благонамѣренность чиновника, нужно сказать, что изъ длиннаго перечня перечисленныхъ въ законѣ обязательныхъ, даже по штату, чиновничьихъ добродѣтелей и качествъ, казалось бы, только одно усердіе къ общему добру и радѣніе о должности должно было служить побужденіемъ для всякаго власть имѣющаго къ прекращенію всякихъ злоупотребленій, а въ томъ числѣ и строительныхъ, а по силѣ также по штату обязательнаго для каждаго чиновника здраваго разсудка не слѣдо-

вало бы закутывать ни въ какую, а тѣмъ паче въ канцелярскую тайну уже обнаруженныя злоупотребленія и, напротивъ, по здравому же разсудку было только крайне желательно возможно широкое оглашеніе этихъ злоупотребленій, дабы и въ другихъ мѣстахъ они всемѣрно были пресѣкаемы. Да и самъ законъ какъ бы спеціально на такіе случаи говоритъ:—„всѣ служащіе, начальствующіе и подчиненные должны пребывать между собою въ соединеніи и общимъ вѣрнымъ трудолюбіемъ и прилежною работою чинить другъ другу всякое въ службѣ Е. Имп. Вел. вспоможеніе" (ст. 724, т. III); но установившееся на практикѣ непомѣрно широкое пониманіе канцелярской тайны привело къ тому, что сообщеніе начальнику сосѣдняго района результатовъ примѣненія болѣе выгодныхъ для казны способовъ строительныхъ работъ было сочтено за нарушеніе какой-то тайны, когда, казалось бы, болѣе правильнымъ было считать необнаруженіе этой тайны противозаконнымъ бездѣйствіемъ власти и преступнымъ нерадѣніемъ о сохраненіи казеннаго интереса. Таковы были грустныя и неожиданныя послѣдствія широкаго пониманія канцелярской тайны, хотя, быть можетъ, случай этотъ былъ, слѣдуетъ надѣяться, единственнымъ въ своемъ родѣ.

Для лучшаго освѣщенія этого вопроса, можетъ быть, не безполезно будетъ остановиться на постановкѣ этого вопроса въ нѣкоторыхъ иностранныхъ европейскихъ кодексахъ. Но прежде необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что даже при бѣгломъ взглядѣ на тотъ отдѣлъ нашего улож. о нак., который посвященъ преступленіямъ должности, не можетъ всякаго не поразить то великое число предусматриваемыхъ закономъ служебныхъ нарушеній, какого вовсе не замѣчается ни въ одномъ изъ европейскихъ кодексовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ нерадѣніе, небрежность, несоблюденіе установленнаго порядка само по себѣ, т.-е. безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій или безпорядковъ, такъ сказать an und für sich, не считая, что у насъ есть еще небрежность и нерадѣніе съ вредными послѣдствіями. Далѣе мы видимъ „неявку къ должности", „неявку изъ отпуска", уходъ со службы ранѣе чѣмъ полагается и приходъ позднѣе назначеннаго срока, „неявку на дежурство", „принятіе прошеній не въ указанномъ мѣстѣ", „удержаніе бумагъ на дому", „разсылку бумагъ чрезъ постороннихъ лицъ", и т. д., и т. д. Кромѣ этихъ общечиновничьихъ преступленій, есть еще особыя, по каждому вѣдомству, спеціальныя преступленія, какъ-то: полицейскія, межевыя, слѣдственныя, нотаріальныя, казначейскія, по кредитной части и

проч. Словомъ, всѣхъ этихъ преступныхъ нарушеній такъ много и подъ рубрику преступныхъ дѣяній подводятся такія мелкія отступленія отъ порядка, что во всей милліонной арміи русскаго чиновничества едва ли найдется хоть одинъ не преступившій противъ какой-либо изъ предусматриваемыхъ закономъ категорій нарушеній. И тѣмъ не менѣе найдется еще не мало такихъ не предусматриваемыхъ нашимъ уложеніемъ нарушеній, но которыя имѣютъ характеръ несравненно болѣе зловредный, чѣмъ какое-нибудь удержаніе бумагъ на дому, и такія нарушенія весьма разумно предусматриваются всѣми европейскими кодексами. Къ числу ихъ нужно отнести въ особенности такъ называемыя „притѣсненія“ (concussion), часто совсѣмъ мелкія, неуловимыя и весьма трудно обнаруживаемыя, и тѣмъ не менѣе весьма распространенныя между нашими мелкими чиновниками, преимущественно имѣющими дѣло съ публикою. Всѣ эти выдерживанія просителей въ переднихъ и пріемныхъ комнатахъ въ ожиданіи какихъ-нибудь ничтожныхъ справокъ, всѣ эти формально-законныя проволочки, за недосугомъ да за множествомъ дѣлъ, всѣ эти „завтраки“—чтó такое, въ большинствѣ случаевъ, какъ не притѣсненія?.. Но, затѣмъ, нѣтъ, кажется, буквально ни одного чиновника, который бы, „на точномъ основаніи“ одной изъ многочисленныхъ статей нашего Уложенія, не подлежалъ привлеченію къ законной отвѣтственности и не долженъ былъ бы подвергнуться соотвѣтственному взысканію. Цѣлыя министерства, со всѣми подвѣдомственными имъ учрежденіями, подлежали бы взысканію за поздній приходъ на службу. Добрая половина чиновниковъ подлежала бы преслѣдованію за удержаніе бумагъ на дому, и всѣ безъ исключенія лица, принимающія просителей и вскрывающія пакеты и конверты, являются повально нарушителями закона, требующаго уничтоженія взломанныхъ печатей и пріема просителей и прошеній не иначе, какъ въ присутственномъ мѣстѣ и при бытности члена учрежденія.

И однако никто, вѣроятно, не скажетъ, чтобы такая предусмотрительность нашего закона относительно служебнаго поведенія чиновниковъ ограждала нашихъ просителей, ходатаевъ и вообще публику отъ разнообразнѣйшихъ прижимокъ и въ особенности столь всѣмъ извѣстныхъ невниманія и неделикатности. Въ иностранныхъ кодексахъ эта невнимательность и неделикатность именно и подводятся подъ притѣсненія, а всякія вымогательства за обѣщаніе ускорить дѣло именуются „испорченностью“ или „продажностью“ (corruption) и караются довольно чувствительно; у насъ такой испорченности почему-то не предусматривается (у насъ говорится только о грубомъ вымогательствѣ, мздоимствѣ и лихоимствѣ), но зато преду-

сматривается „тайна“, получившая на практикѣ названіе канцелярской и особенно способствующая развитію „испорченности“ во французскомъ смыслѣ этого слова. Ни въ одномъ изъ европейскихъ кодексовъ не встрѣчается постановленій, подобныхъ нашимъ ст. 419 и 420 Улож., преслѣдующихъ „разглашеніе и сообщеніе дѣлъ и бумагъ безъ дозволенія или вопреки порядку канцелярскаго дѣлопроизводства“, т.-е. устанавливающихъ караемость извѣстнаго дѣянія не за то, что дѣянія эти принесли какія-либо вредныя послѣдствія, а только за то, что не испрошено часто совсѣмъ ненужное дозволеніе или разрѣшеніе, ибо совершенно непонятно, почему нужно чье-то дозволеніе или разрѣшеніе, когда, по здравому смыслу, недозволенія или неразрѣшенія и быть не можетъ, если только не предоставить извѣстнымъ лицамъ право безконтрольнаго распоряженія въ этихъ случаяхъ, т.-е. право практиковать совершенный произволъ личныхъ усмотрѣній. Впрочемъ, къ слову сказать, ст. 419 и 420 Улож. представляютъ далеко не единственные примѣры встрѣчающихся въ нашемъ законодательствѣ случаевъ предоставленія усмотрѣнію начальствующихъ лицъ разрѣшенія такихъ вопросовъ, относительно которыхъ не долженъ бы быть, говоря принципіально, допускаемъ произволъ личныхъ взглядовъ и настроеній. Такъ напр., извѣстно, что донынѣ существуетъ законоположеніе (ст. 529, т. III, п. 7), воспрещающее чиновникамъ издавать безъ дозволенія своихъ начальниковъ сочиненія, „заключающія что-либо касающееся до внѣшнихъ или внутреннихъ отношеній Россійскаго государства“, т.-е., другими словами, предоставляющее начальству чиновниковъ-сочинителей воспретить печатаніе чего бы то ни было, даже одобреннаго цензурой, ибо, не касаясь уже вопросовъ о внѣшнихъ отношеніяхъ, что же не можетъ быть подведено подъ широкую рубрику „внутреннихъ отношеній“, начиная съ статистическихъ изслѣдованій, археологическихъ изысканій, свѣдѣній объ эпидеміяхъ, эпизоотіяхъ, пожарахъ, голодовкахъ и проч. и кончая хотя бы сообщеніемъ о рожденіи какого-нибудь урода чудовищнаго вида?

Не говоря уже про необычайную предусмотрительность нашего закона, грозящаго наказаніемъ за „долженствовавшія“ произойти, но не происшедшія послѣдствія какого-нибудь недозволеннаго разглашенія или сообщенія, нельзя также не отмѣтить просто практическихъ неудобствъ, вызываемыхъ предоставленіемъ начальникамъ канцелярій права дозволять или не дозволять разглашать и сообщать дѣла и бумаги, находящіяся въ присутственныхъ мѣстахъ, тѣмъ еще болѣе, что остается совершенно невыясненымъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ такимъ неопредѣленнымъ терминомъ, какъ разглашеніе и сообщеніе?

Въ просмотрѣнныхъ мною четырехъ кодексахъ западной Европы, нѣмецкомъ, французскомъ, австрійскомъ и итальянскомъ, я вовсе не нашелъ ни термина „канцелярская тайна", ни какихъ-либо постановленій, дающихъ основаніе считать тайными и секретными всѣ производящіяся въ канцеляріяхъ дѣла, пока не послѣдуетъ установленное разрѣшеніе на ихъ разглашеніе или сообщеніе. Ни въ одномъ изъ этихъ кодексовъ также не встрѣчается ни выраженіе „разглашеніе дѣлъ", ни терминъ „постороннія лица" или просто „посторонніе". Наконецъ, ни въ одномъ изъ этихъ кодексовъ я не встрѣтилъ угрозъ наказаніемъ за вредныя отъ разглашенія послѣдствія, еще не происшедшія, но *долженствовавшія* произойти.

Въ частности, въ германскомъ кодексѣ (Strafgesetzbuch für das deutsche Reich, 15 Mai, 1891) находятся постановленія, карающія нарушенія: а) государственной тайны—п. 92, б) почтовой тайны—п. 354, в) телеграфной тайны—п. 356, г) адвокатской тайны—п. 356, е) спеціальныхъ тайнъ — нотаріальной, врачебной, аптекарской—п. 300, ж) дипломатической тайны—п. 353. Всѣмъ этимъ нарушеніямъ придается характеръ нарушеній служебныхъ, но караются они тюрьмою, не менѣе какъ на три мѣсяца вообще, кромѣ нарушенія государственной тайны, за что полагается смирительный домъ не менѣе 2 лѣтъ (при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ—6 мѣсяцевъ). Нарушеніе дипломатической тайны карается въ германскомъ кодексѣ или тюрьмой, или штрафомъ до 5.000 марокъ, а нарушеніе спеціальныхъ тайнъ—или тюрьмой, или штрафомъ до 1.500 марокъ. Кромѣ того, германскій кодексъ предусматриваетъ умышленное вскрытіе частными лицами чужихъ закрытыхъ писемъ (п. 299) и караетъ это преступленіе штрафомъ до 300 марокъ или тюрьмой до 3 мѣсяцевъ. Кстати замѣтить, что въ германскомъ кодексѣ не встрѣчается тѣхъ тонкихъ подраздѣленій на замѣчанія, выговоры, предостереженія и проч, какія находятся въ нашемъ Уложеніи.

Болѣе другихъ кодексовъ обильный чиновничьими преступленіями, кодексъ французскій, все-таки, далеко уступаетъ нашему Уложенію въ количествѣ предусматриваемыхъ служебныхъ нарушеній, но за то явно превосходитъ наше Уложеніе въ похвальномъ стремленіи обезпечить публику отъ всего того, что̀ называется притѣсненіемъ (concussion) со стороны чиновниковъ. Выраженія „притѣсненіе" и „испорченность" толкуются въ этомъ кодексѣ чрезвычайно широко, и нельзя сомнѣваться, что въ большинствѣ случаевъ, когда у насъ примѣняется или долженъ примѣняться законъ о медленности, небрежности и нерадѣніи, былъ бы, по французскому кодексу подведенъ законъ о притѣсненіи, и нужно сознаться, что это было бы

сдѣлано съ полнымъ основаніемъ, ибо вся эта медленность, при совершенномъ необремененіи нашихъ служащихъ занятіями, не является ли не чѣмъ инымъ, какъ притѣсненіемъ? Однако, при всемъ изобиліи предусматриваемыхъ французскимъ кодексомъ чиновничьихъ преступленій, въ немъ спеціально не поименовываются такого рода нарушенія, какъ, напр., неприходъ на службу или несвоевременный уходъ со службы, но зато всякое преступленіе (crime) публичнаго чиновника (fonctionnaire) трактуется энергичнымъ эпитетомъ „вѣроломства и злодѣянія“ (forfaiture;—ст. 166 Code Pénal).

Въ частности, по вопросу о тайнѣ во французскомъ кодексѣ предусматривается вскрытіе писемъ, довѣренныхъ почтѣ (ст. 187), нарушеніе проффессіональныхъ тайнъ медиками, аптекарями, акушерками и т. п., что карается заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ одного до 6 мѣсяцевъ или денежнымъ штрафомъ отъ 100 до 500 франковъ, а также предусматривается нарушеніе секрета фабричныхъ производствъ (ст. 418 С. Р.). Въ послѣднемъ случаѣ законъ караетъ самую попытку сообщенія фабричныхъ тайнъ иностранцамъ, или даже французамъ, проживающимъ въ иностранныхъ государствахъ, и особенно если тайна касается производства оружія или военнаго снабженія. Въ этихъ случаяхъ наказаніе доходитъ до временнаго лишенія правъ (отъ 2 до 10 лѣтъ), послѣ понесенія тюремнаго заключенія отъ 2 до 5 лѣтъ. Взяточничество и такъ-называемыя „благодарности“ французскій кодексъ относитъ къ разряду corruption.

Кодексъ итальянскій (Code Pénal italien, I Janv. 1890), много позаимствовавшій изъ французскаго Code Pénal, содержитъ въ себѣ цѣлую главу о нарушеніи тайнъ (Des délits contre l'inviolabilité du secret. Chap. V). Въ этой главѣ предусматривается нарушеніе тайнъ телеграфныхъ и почтовыхъ (ст. 162, 163) какъ чиновниками, такъ и частными людьми; предусматривается нарушеніе разныхъ спеціальныхъ тайнъ, а также нарушеніе тайны тѣхъ бумагъ, „которыя должны быть секретными“ (ст. 177); наконецъ предусматривается и corruption и concussion; но ни изъ какихъ положеній итальянскаго кодекса также нельзя сдѣлать того вывода, что печать тайны лежитъ на всѣхъ канцелярскихъ бумагахъ и дѣлахъ, и что печать можетъ быть нарушаема только съ надлежащаго дозволенія и разрѣшенія. Кстати замѣтить, что итальянскій кодексъ караетъ также отказъ въ исполненіи требованія подъ предлогомъ неясности, противорѣчія или недостаточности закона (ст. 163), и хотя у насъ также существуетъ законъ, воспрещающій откладывать рѣшеніе дѣлъ подъ предлогомъ неясности, недостаточности и проч., но нарушеніе этого закона у насъ не преслѣдуется никакимъ наказаніемъ. и установленіе какой-либо кары за такое дѣяніе было бы, мимоходомъ сказать, весьма

желательно и у насъ, такъ какъ ссылкой на подобную неясность или недостаточность часто объясняется та многолѣтняя волокита разныхъ ходатайствъ, которая свойственна многимъ нашимъ административнымъ учрежденіямъ.

Наконецъ, и австрійскій законъ (Das Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen, von 27 Mai 1852) также не предполагаетъ за всѣми дѣлами и бумагами свойства секретности, не требуетъ особаго дозволенія на разглашеніе и сообщеніе, но прямо опредѣляетъ отвѣтственность только тѣхъ лицъ, которымъ „ввѣрена тайна", и особенно предусматриваетъ „вредныя и опасныя послѣдствія" этихъ нарушеній (gefährlichen Weise eröffnet § 102 c), не устанавливая ни однимъ намекомъ того положенія, что весь корпусъ чиновниковъ является держателемъ и хранителемъ какой-то необъятной „канцелярской тайны".

Вотъ все, чтó мнѣ казалось возможнымъ высказать по поводу незаконно водворившейся въ нашихъ административныхъ учрежденіяхъ и поголовно на всѣ бумаги распространенной „канцелярской тайны". Мнѣ кажется, что не требуется пояснять, что я весьма далекъ отъ мысли пропагандировать безконтрольное и ничѣмъ не стѣсняемое разглашеніе всего, чтó поступаетъ въ наши многочисленныя канцеляріи. Не требуется также объяснять, что между повальной тайной и повальнымъ оглашеніемъ есть разумная середина, и едва ли кого-нибудь можно заподозрить въ желаніи сдѣлать обозрѣніе канцелярскаго дѣлопроизводства общедоступнымъ, а содержаніе канцелярскихъ дѣлъ и бумагъ достояніемъ базарныхъ сплетенъ и общественныхъ пересудовъ. Трудно, конечно какими-нибудь точными опредѣленіями установить предѣлы необходимой тайны, но для того чтобы найти эти предѣлы безъ какихъ-либо категорическихъ указаній закона и полагается всѣмъ служащимъ имѣть, кромѣ доброй воли въ исполненіи порученнаго, еще и здравый разсудокъ, при помощи котораго найдутся искомые предѣлы необходимой тайны.

По всѣмъ такимъ основаніямъ все сказанное нами приводитъ съ необходимостью къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ.

Такъ какъ всякая тайна должна быть ввѣрена, то всѣ дѣла, которыя по самому своему существу должны быть всегда признаваемы секретными, а также и тѣ, которымъ законъ желаетъ временно дать характеръ секретныхъ, должны быть указаны въ законѣ, и, затѣмъ, не должно быть отнюдь допускаемо распространительное толкованіе тайны и произвольное подведеніе подъ дѣйствіе этой тайны всякаго

рода дѣлъ и бумагъ, поступающихъ въ дѣлопроизводство. Тѣмъ болѣе не должно быть признаваемо нарушеніемъ тайны сообщеніе участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, сдѣланное „вопреки установленному порядку" (I ч. ст. 419 Улож.), такъ какъ такое дѣяніе составляетъ нарушеніе порядка, а не нарушеніе тайны.

Подъ посторонними лицами, упоминаемыми въ ст. 420 Улож. и друг., слѣдуетъ, по здравому разсудку, понимать лицъ дѣйствительно постороннихъ дѣлу, т.-е. нисколько не заинтересованныхъ въ томъ или другомъ его ходѣ и исходѣ и потому, при освѣдомленіи о такихъ дѣлахъ, проявляющихъ лишь или праздное любопытство, или стремленіе къ собиранію новостей, но подъ посторонними лицами никакъ не должны быть разумѣемы оффиціальныя учрежденія и вѣдомства вообще, а тѣмъ болѣе вѣдомства, заинтересованныя въ полученіи извѣстнаго рода свѣдѣній, въ цѣляхъ болѣе правильнаго веденія дѣла.

Какъ по общему смыслу приведенныхъ выше законоположеній, такъ и по духу требованій, предъявляемыхъ нашимъ законодательствомъ къ каждому служащему, всякій чиновникъ обязанъ всемѣрно содѣйствовать охранѣ и соблюденію казеннаго интереса, а потому сообщеніе правительственнымъ лицамъ всякаго рода свѣдѣній, касающихся соблюденія этого интереса, не только не можетъ считаться противозаконнымъ дѣяніемъ, но, обратно, несообщеніе этихъ свѣдѣній, казалось бы, должно быть признаваемо несоблюденіемъ пользъ службы, т.-е. противозаконнымъ бездѣйствіемъ власти и неисполненіемъ принятой присяги.

Подъ преступнымъ разглашеніемъ слѣдуетъ разумѣть не сообщеніе одиночнымъ лицамъ, а болѣе или менѣе широкое распространеніе свѣдѣній дѣйствительно „тайнѣ подлежащихъ", при чемъ разглашеніе должно быть вредное, такъ какъ одно разглашеніе, не принесшее вреда, должно считаться дѣяніемъ безразличнымъ, а тѣмъ болѣе не подлежитъ преслѣдованію разглашеніе, только долженствовавшее имѣть вредныя послѣдствія, но въ дѣйствительности ихъ не имѣвшее, такъ какъ такое, не принесшее вреда, разглашеніе и не должно считаться долженствующимъ имѣть вредныя послѣдствія. Желательно притомъ, чтобы въ самомъ законѣ были точнѣе указаны способы разглашенія (напр. печать, слухи, письма и проч.).

Наконецъ, по примѣру иностранныхъ европейскихъ кодексовъ желательно установленіе и у насъ болѣе точныхъ указаній, какія именно проффессіональныя тайны подлежатъ храненію подъ страхомъ наказанія за ихъ разглашеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, единовременно съ ожидаемымъ обновленіемъ нашихъ администра-

тивныхъ порядковъ, исключить изъ Уложенія о наказ. какъ тѣ мелкія нарушенія обязанностей службы, которыя могутъ быть караемы въ порядкѣ инструкціонномъ, такъ въ особенности неясныя законоположенія о дѣлахъ и бумагахъ, подлежащихъ храненію въ тайнѣ; эти законоположенія не разъ приносили совсѣмъ нежелательные результаты, создавая почву для тягостной канцелярской волокиты, канцелярскаго формализма и канцелярской тайны.

Ник. Дингельштедтъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1897.

Тульское губернское и алексинское уѣздное дворянство.—Рѣчь бывшаго спб. губернскаго предводителя дворянства.—Статья Б. Н. Чичерина о современномъ положеніи русскаго дворянства.—Еще къ вопросу о взаимномъ отношеніи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ.—Мнимый „бюрократическій соціализмъ“ земскихъ учрежденій.—Письмо В. В. Пржевальскаго.

Конецъ прошлаго года былъ ознаменованъ обостреніемъ давно существующаго явленія—жалобъ дворянства на тяжелыя условія, въ которыя поставлено дворянское землевладѣніе, и ходатайствъ о мѣропріятіяхъ, которыя клонились бы къ улучшенію этихъ условій. Въ саратовскомъ дворянскомъ собраніи дѣло дошло до просьбы объ удаленіи представителей мѣстной печати, будто бы непріязненной къ дворянству—и хотя эта просьба и не была уважена губернскимъ предводителемъ, но вслѣдъ затѣмъ двери засѣданія были закрыты для публики вообще. Тульское чрезвычайное дворянское собраніе приняло доклады своего предводителя, предлагавшаго, между прочимъ, просить объ освобожденіи заемщиковъ дворянскаго банка на три года отъ взноса срочныхъ платежей, съ уплатою их въ года, слѣдующіе за окончаніемъ срока займа, и безъ начисленія процентовъ. Одобрена, въ принципѣ, и необходимость образованія капитала дворянской взаимопомощи, путемъ прибавки къ дворянскому сбору такой же суммы, какая сложена съ дворянскихъ земель на основаніи милостиваго манифеста 14-го мая 1896 г. (уменьшившаго на половину государственный поземельный налогъ)—и если эта мѣра не получила немедленнаго осуществленія, то только потому, что раскладка дворянскихъ сборовъ зависитъ по закону отъ *очередного* дворянскаго собранія. Постановленіе тульскаго собранія вызвало протестъ въ средѣ самого мѣстнаго дворянства. Алексинскій уѣздный предводитель, П. А. Скобельцынъ, обратился къ дворянскому собранію

своего уѣзда съ докладомъ, въ которомъ предлагалъ признать, что въ ходатайствѣ о новыхъ льготахъ заемщикамъ дворянскаго банка нѣтъ необходимости, и что существующій въ тульской губерніи капиталъ дворянской взаимопомощи не требуетъ увеличенія новыми сборами. Общій смыслъ этого доклада выраженъ весьма рельефно въ эпиграфѣ, съ которымъ онъ появился въ печати; этотъ эпиграфъ—вопросъ Фонъ-Визина Екатеринѣ II-ой: „Отчего всѣ въ долгахъ"? и отвѣтъ императрицы: „Оттого въ долгахъ, что проживаютъ болѣе нежели дохода имѣютъ". Докладъ г. Скобельцына имѣлъ оригинальную судьбу. Онъ былъ включенъ въ перечень занятій чрезвычайнаго алексинскаго дворянскаго собранія, созваннаго на 10-е декабря, но исключенъ изъ него губернскимъ предводителемъ; собранію предоставлено было только избрать изъ своей среды члена въ коммиссію, образованную чрезвычайнымъ губернскимъ собраніемъ „для обсужденія мѣръ къ дальнѣйшему упроченію дворянскаго землевладѣнія въ тульской губерніи". Предполагалось, очевидно, не допустить обсужденія взглядовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ ходатайствами чрезвычайнаго губернскаго собранія. Цѣль эта достигнута не вполнѣ: избирая отъ себя члена въ вышеупомянутую коммиссію, алексинское собраніе нашло нужнымъ указать, что изъ числа 273 дворянскихъ имѣній алексинскаго уѣзда заложено только *двадцать*, и помощь незначительному меньшинству не оправдывается общедворянскими потребностями. Благодаря настойчивости и искренности алексинскаго дворянства, для всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей становится совершенно ясно, что въ увлеченіяхъ губернскихъ дворянскихъ собраній далеко не всегда слѣдуетъ видѣть спокойное, обдуманное мнѣніе всего сословія.

Льготы заемщикамъ дворянскаго банка—только одинъ изъ пунктовъ, около которыхъ вращаются специфически-дворянскія вожделѣнія. И въ Саратовѣ, и въ Тулѣ, опять поднимается вопросъ о дворянскихъ заповѣдныхъ имѣніяхъ—и находитъ, какъ и слѣдовало ожидать, сочувственный отголосокъ въ реакціонной печати, соединяющей съ нимъ еще болѣе широкіе замыслы. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 9), какъ ни важна заповѣдность, въ качествѣ гарантіи противъ дальнѣйшаго обезземеленія помѣстнаго дворянства, она не достигнетъ цѣли, если останется „изолированною". Государственное значеніе дворянства „можетъ быть обезпечено не однимъ только сохраненіемъ дворянства, какъ культурнаго элемента, но и возстановленіемъ былого политическаго значенія этого высшаго служилаго класса... Для того, чтобы создать изъ помѣстнаго дворянства политическую силу, необходимо, прежде всего, возвратить ему его исконное помѣстное служилое значеніе... Главная роль дворянства—

роль высшаго класса, *правящаго населеніемъ на мѣстахъ* (курсивъ въ подлинникѣ) и подчиненнаго государственной власти... Чтобы возвратить дворянству эту роль, необходимо дать ему въ мѣстной провинціальной жизни то положеніе, которое оно должно было сразу же занять послѣ крестьянской реформы, и которое давало бы ему возможность дѣятельно принимать къ сердцу всѣ интересы нашей сельской жизни и плодотворно заботиться объ ея нравственномъ и матеріальномъ благоустройствѣ". Все это въ одно и то же время и ясно, и неясно. Ясно то, что даже теперь, послѣ реформы 1889 г., отдавшей въ руки дворянъ мѣстную судебно-административную власть, послѣ реформы 1890 г., обезпечившей за ними господство въ земскихъ собраніяхъ, газетные сторонники помѣстнаго дворянства— устами которыхъ говоритъ, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе значительная часть „правящаго класса",—все еще считаютъ его недостаточно властнымъ и могучимъ, все еще требуютъ для него болѣе широкой и выдающейся *роли*. Неясно то, въ чемъ же именно должна заключаться эта роль,—тѣмъ болѣе неясно, что рѣчь идетъ только объ управленіи населеніемъ *на мѣстахъ*, а не о какомъ-либо вліяніи на общегосударственное управленіе. Усилить положеніе дворянства въ земскихъ собраніяхъ, значило бы замѣнить земское самоуправленіе— и безъ того уже слишкомъ часто *земское* лишь по имени—самоуправленіемъ дворянскимъ, т.-е. отдать въ руки *одного сословія* хозяйственныя дѣла *всего населенія*. Администрація, судъ, надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ—все это сосредоточено въ рукахъ земскихъ начальниковъ, назначаемыхъ изъ среды дворянства и при участіи его предводителей. Правда, въ дворянскихъ сферахъ слышится иногда сожалѣніе о томъ, что земскіе начальники не *избираются* дворянствомъ, что они слишкомъ зависимы отъ губернатора —но не такимъ чувствомъ продиктована, очевидно, статья „Московскихъ Вѣдомостей", любовно трактующая о *подчиненіи* „правящаго класса" государственной власти. Не мѣшало бы, поэтому, поставить точку надъ *і*, т.-е. дать точную формулу спеціально-дворянской программы. Мы едва ли ошибемся, если предугадаемъ главные ея пункты: *вотчинная полиція*, т.-е. право каждаго помѣщика-дворянина (или его уполномоченнаго) охранять благоустройство на своей землѣ и на землѣ сосѣдей не-дворянъ, съ дисциплинарной властью надъ не-привилегированными нарушителями порядка и въ особенности надъ непокорными и неисправными сельскими рабочими; замѣщеніе мѣстными и помѣстными дворянами, по рекомендаціи уѣзднаго предводителя, не только должности земскаго начальника, но и многихъ другихъ уѣздныхъ должностей—полицейскихъ (исправники, становые пристава), финансовыхъ (податные инспектора), агрономическихъ

(уѣздные агрономы), административно-учебныхъ (инспектора народныхъ училищъ),—помимо всякаго образовательнаго ценза (а въ крайнемъ случаѣ—и помимо имущественнаго ценза), но съ непремѣннымъ соблюденіемъ ценза сословнаго; увеличеніе числа земскихъ начальниковъ и возвышеніе ихъ содержанія; расширеніе ихъ дискреціонной власти и возможно бóльшее освобожденіе ихъ, какъ судей, отъ формъ и обрядовъ судопроизводства—другими словами, окончательное ихъ обращеніе изъ администраторовъ-судей въ администраторовъ чистой воды, облеченныхъ, между прочимъ, судебною властью; замѣна выборныхъ крестьянскихъ властей назначенными, по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ; низведеніе волостныхъ и сельскихъ сходовъ на степень совѣщательныхъ органовъ при земскомъ начальникѣ; учрежденіе почетныхъ земскихъ начальниковъ, взамѣнъ почетныхъ мировыхъ судей; удаленіе изъ уѣзднаго съѣзда, а если можно, то и изъ губернскаго присутствія всѣхъ судебныхъ элементовъ, плохо гармонирующихъ съ сословнымъ строемъ и сословнымъ духомъ; совершенное изъятіе мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій изъ-подъ контроля сената. Все это вмѣстѣ взятое возвратило бы помѣстному дворянству его „исконное помѣстное служилое значеніе" и создало бы для него то положеніе, которое оно „должно было сразу же занять послѣ крестьянской реформы"—т.-е. то положеніе, которое готовили для него тогдашніе крѣпостники и которому помѣшали осуществиться великіе дѣятели освободительной эпохи.

Откровенность, какъ бы далеко она ни заходила, во всякомъ случаѣ лучше недомолвокъ. Статьи „Московскихъ Вѣдомостей", или постановленія тульскаго дворянскаго собранія, не оставляютъ мѣста для серьезныхъ недоразумѣній; совершенно опредѣленна ихъ исходная точка, достаточно понятны и ихъ конечныя цѣли. Нельзя сказать того же самаго о нѣкоторыхъ другихъ заявленіяхъ, старающихся совмѣстить несовмѣстимое. Сюда относится, напримѣръ, рѣчь бывшаго с.-петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, произнесенная недавно на устроенномъ въ его честь прощальномъ обѣдѣ. Ходатайствамъ дворянскихъ собраній объ облегченіи участи заемщиковъ дворянскаго банка недоброжелатели сословія придаютъ, по словамъ гр. А. А. Бобринскаго, одностороннюю, неправильную окраску, съ цѣлью доказать несостоятельность дворянства. „Пока вопросъ,—продолжалъ ораторъ,—ограничивался вѣковой борьбой дворянства съ его завистниками, дѣло было привычное и особенно волноваться не было причинъ. Но за послѣднее время неправильныя мнѣнія о дворянствѣ и отзывы, согласные съ обвиненіями его враговъ, нашли отголосокъ въ сужденіяхъ лицъ правительственныхъ и открыто высказываются въ доку-

ментахъ государственной важности. Открыто заявляется, что затруднительное положеніе и задолженность дворянъ не должны порождать отождествленія интересовъ извѣстной группы землевладѣльцевъ съ общегосударственными интересами страны". Напомнивъ, что нѣчто подобное было высказано уже годъ тому назадъ, но встрѣтило дружный отпоръ со стороны происходившаго въ Петербургѣ совѣщанія губернскихъ предводителей дворянства, гр. Бобринскій замѣтилъ, что низкія цѣны на хлѣбъ тягостны не для одного помѣстнаго дворянства, но и для всего сельскаго населенія. „Нѣтъ, — воскликнулъ онъ,—мы не *извѣстная группа землевладѣльцевъ*! Мы—представители интересовъ землевладѣнія всей Россіи, представители нуждъ и нашихъ, и крестьянскихъ, и общегосударственныхъ. Дворянство всегда было заявителемъ общихъ нуждъ. Если требуются примѣры, то они недалеки. Роковой 1891 годъ съ достаточною убѣдительностью показалъ значеніе помѣстнаго дворянства въ экономическомъ строѣ государства. Золотыми буквами начертана будетъ на страницахъ исторіи дѣятельность мелкопомѣстныхъ дворянъ въ эту годину испытаній. Дворянство осталось вѣрнымъ исконнымъ традиціямъ. Общія нужды страны всегда служили лозунгомъ дворянства. Отъ этого знамени мы не отступимъ: въ немъ вся наша сила. Это хорошо знаютъ наши противники... но да будетъ позволено заявить, что этого не забываемъ и мы! Итакъ, мы, дворянство, мы представители нуждъ земли русской и, какъ таковые, мы прежде всего люди земскіе".

Пригласивъ дворянъ не смущаться сокращеніемъ дворянскаго землевладѣнія, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ освобожденія крестьянъ, гр. Бобринскій приходитъ къ слѣдующему заключенію: „имена наши могутъ погибнуть, роды смѣняться, земля перейти къ другимъ, но образованное передовое представительство земли русской не умретъ никогда. Мы не чужды преобразованію и готовы слѣдовать за вѣкомъ. Феодальной кастой мы никогда не были! Замкнутой группой быть не хотимъ, но чтобы дворянство совсѣмъ извелось на Руси... чтобы престолъ лишился этой незыблемой опоры...—Нѣтъ, господа, не бывать этому!"—Почти двадцать лѣтъ сряду гр. Бобринскій стоялъ во главѣ с.-петербургскихъ губернскихъ собраній, дворянскаго и земскаго, и заслужилъ репутацію человѣка, отлично умѣющаго владѣть и распоряжаться своимъ словомъ. Къ его рѣчамъ, по какому бы поводу и при какой бы обстановкѣ онѣ ни были сказаны, нельзя относиться какъ къ зауряднымъ фразамъ зауряднаго застольнаго спича. И вотъ, если приложить къ его послѣдней рѣчи болѣе строгія критическія требованія,—въ ней оказывается, прежде всего, громадный логическій скачокъ. Начавъ съ ходатайствъ о льготахъ для заемщиковъ дворянскаго банка, ораторъ переходитъ внезапно къ вопросу совершенно

другого порядка—о низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, на минуту, что паденіе цѣнъ на хлѣбъ одинаково невыгодно для всѣхъ группъ и категорій землевладѣльцевъ и что, ходатайствуя о мѣрахъ, могущихъ противодѣйствовать этому явленію, дворянство ограждаетъ интересы не только свои, но и крестьянскіе. Слѣдуетъ ли отсюда, что такой же характеръ имѣютъ и ходатайства о льготахъ для заемщиковъ дворянскаго банка? Не ясно ли, что въ этихъ послѣднихъ ходатайствахъ нѣтъ и не можетъ быть ровно ничего выгоднаго для крестьянъ и что, наоборотъ, всякое переложеніе банковыхъ платежей съ заемщиковъ на обще-государственныя средства неминуемо должно увеличить податное бремя массы населенія? Въ оффиціальномъ заявленіи, текстъ котораго съ такимъ негодованіемъ цитируется гр. Бобринскимъ, говорится именно о *задолженности дворянъ*; какимъ же образомъ оно можетъ быть опровергнуто указаніемъ на солидарность дворянства и крестьянства въ совершенно другой области хозяйственной жизни?.. За однимъ логическимъ скачкомъ слѣдуетъ другой, не менѣе смѣлый. Утверждая, что „дворянство всегда было заявителемъ общихъ нуждъ", гр. Бобринскій ссылается на примѣръ „рокового 1891-го года". Но развѣ дворянство, *какъ сословіе*, сдѣлало что-либо для борьбы съ послѣдствіями неурожая? Развѣ *оно* „заявило" о надвигающемся или надвинувшемся бѣдствіи, развѣ *оно* разсѣяло упорно державшіяся въ оффиціальныхъ сферахъ невѣрныя представленія о степени нужды? Безспорно, многіе дворяне, какъ мелкопомѣстные, такъ и другіе, принимали дѣятельное участіе въ организаціи помощи голодающимъ; но вѣдь рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ дворянахъ (наравнѣ съ которыми трудилось множество лицъ изъ другихъ сословій), а о *дворянствѣ*. Конечно, неудачный выборъ примѣра не доказываетъ еще, самъ по себѣ, несостоятельность тэзиса, въ подтвержденіе котораго онъ приведенъ; но въ данномъ случаѣ едва ли можно было замѣнить его другимъ, болѣе подходящимъ. Дворянство, какъ сословіе, *никогда* не было „заявителемъ народныхъ нуждъ"; правомъ ходатайства дворянскія собранія *всегда* пользовались и пользуются въ интересахъ сословія, хотя бы они и были прямо противоположны интересамъ страны. Исключеній здѣсь такъ мало, что они могутъ лишь подтверждать правило. „Представителями нуждъ земли русской" бываютъ, безспорно, и дворяне, но именно и только тогда, когда они дѣйствуютъ не какъ дворяне, а какъ *земскіе люди*; въ этомъ только смыслѣ и можно признать, вмѣстѣ съ гр. Бобринскимъ, что „образованное передовое представительство земли русской не умретъ никогда". Еслибы „лозунгомъ" дворянства служили „общія нужды страны", этого не могли бы отрицать и его противники; факты го-

ворятъ громче предвзятой мысли—но что же дѣлать, если ихъ нѣтъ, если ихъ не могутъ указать, безъ явной натяжки, самые ревностные защитники сословія?.. Не безполезной для дворянства рѣчь гр. Бобринскаго окажется только тогда, если то, чтó выставлено въ ней какъ *фактъ*, будетъ понято и принято какъ *поученіе*. Особеннаго вниманія заслуживаютъ, съ этой точки зрѣнія, слова оратора: „мы не чужды преобразованію и готовы слѣдовать за вѣкомъ...“

Отъ притязаній, ничѣмъ не оправдываемыхъ, отъ панегириковъ, ничѣмъ не заслуженныхъ, отрадно перейти къ трезвому, правдивому слову человѣка, котораго никто не можетъ заподозрить въ „зависти“, въ систематической враждѣ къ дворянству. Такое слово сказано недавно Б. Н. Чичеринымъ въ замѣчательной статьѣ: „О современномъ положеніи русскаго дворянства“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 28). Напомнивъ, что отрицательное отношеніе къ дворянству встрѣтило въ немъ противника именно въ эпоху наибольшаго распространенія подобныхъ взглядовъ (т.-е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ), г. Чичеринъ замѣчаетъ, что надежды, которыя онъ тогда возлагалъ на дворянство, въ значительной степени оправдались. „Изъ среды дворянства вышелъ первый призывъ мировыхъ посредниковъ, который вынесъ на своихъ плечахъ великое дѣло освобожденія... Дворянство же заняло первенствующее мѣсто въ земскихъ учрежденіяхъ; оно наполнило мировые суды. Если земство и мировой судъ принесли какую-нибудь пользу, если они заслужили благодарность русскаго общества, то и этимъ оно обязано исключительно мѣстнымъ помѣщикамъ. Гдѣ были путные дворянскіе элементы, тамъ дѣло шло успѣшно; прорѣхи оказывались только тамъ, гдѣ они отсутствовали... Стоя во главѣ другихъ сословій и управляя мѣстными дѣлами, дворянство пользовалось своими правами не для себя, а для другихъ. Можно сказать, что въ это время все гражданское управленіе Россіи покоилось, въ концѣ концовъ, на уѣздныхъ предводителяхъ. Они были предсѣдателями и земскихъ собраній, и уѣздныхъ и рекрутскихъ присутствій, и училищныхъ совѣтовъ, часто даже мировыхъ съѣздовъ, а въ случаяхъ надобности—и уѣздныхъ управъ. Предводитель былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ уѣздѣ, съ которымъ всѣмъ приходилось считаться. Никогда значеніе дворянства и его представителей не стояло такъ высоко, какъ именно въ царствованіе Александра II, въ эпоху, слѣдовавшую за освобожденіемъ крестьянъ. Послѣдующее время значительно поколебало это положеніе. Умаленіе правъ земства было, въ сущности, умаленіемъ правъ дворянства, которое въ земскихъ учрежденіяхъ находило вознагражденіе за т

что было имъ утрачено при освобожденіи крестьянъ". Учрежденіе крестьянскихъ присутствій, съ ихъ непремѣнными членами, было далеко не удовлетворительно, но его недостатки легко было исправить, не прибѣгая къ ломкѣ. „Вмѣсто того произошелъ крупный переворотъ: всѣ права по крестьянскому управленію и по суду были отняты у земства. Выборные непремѣнные члены замѣнены назначаемыми правительствомъ и подчиненными губернатору земскими начальниками; мировые суды, которые вполнѣ подходили къ требованіямъ населенія и на которые лучшіе мѣстные люди положили всю свою душу, были уничтожены. Когда знаешь, съ какимъ невообразимымъ трудомъ въ Россіи слагается что-нибудь порядочное и какъ легко все разрушается, нельзя не скорбѣть объ утратѣ этого учрежденія, которое, при всѣхъ несовершенствахъ, сопряженныхъ со скудостью мѣстныхъ элементовъ, съ непривычкою къ новому дѣлу и съ неблагопріятными условіями русской жизни, оставило по себѣ хорошую память. Судъ, вмѣстѣ съ крестьянскимъ управленіемъ, былъ ввѣренъ облеченнымъ произвольною властью земскимъ начальникамъ. Въ первый разъ бюрократія внѣдрялась въ самое сердце уѣзда, забирала важнѣйшія мѣстныя дѣла въ свои руки. Положеніе уѣзднаго предводителя было подорвано; дворянство, господствующее въ земскихъ учрежденіяхъ, утратило свое мѣстное вліяніе. Въ видѣ утѣшенія, оно получило ничего не значащія привилегіи и грошевыя матеріальныя выгоды. Въ преобразованныхъ земскихъ учрежденіяхъ ему дано было представительство отдѣльно отъ другихъ сословій. Живая связь съ остальнымъ, болѣе или менѣе крупнымъ землевладѣніемъ, сближавшая сословія на почвѣ общихъ интересовъ, была порвана. Съ другой стороны, учрежденъ былъ банкъ спеціально для дворянъ, съ пониженными процентами, которыхъ убыточность покрывалась лотерейными займами. Разорительный соблазнъ дешеваго кредита соединялся съ развращающей потачкой азартной игрѣ, и все это для выгодъ сословія, которому честь должна быть высшимъ, руководящимъ началомъ жизни". Заманчивыя льготы не привели ни къ чему; обѣдпѣніе дворянства продолжалось. Сначала оно зависѣло отъ самихъ дворянъ („лично я—говоритъ г. Чичеринъ—не знаю помѣщика, который разорился бы не по собственной винѣ"), но затѣмъ оно было ускорено и обострено новыми, неблагопріятными для Россіи условіями міроваго рынка. „Отъ дворянскихъ собраній пошли жалостныя воззванія къ правительству о помощи". Созваны были губернскіе предводители, но и они „не знали что придумать". Отрицательно относясь къ различнымъ дворянскимъ проектамъ (взятіе въ опеку дворянскихъ имѣній, подлежащихъ продажѣ съ публичнаго торга, обращеніе на дворянскія нужды части взимаемаго съ дворянскихъ имѣ-

ній государственнаго поземельнаго налога, учрежденіе заповѣдныхъ имѣній), г. Чичеринъ видитъ общій ихъ недостатокъ въ томъ, что они „становятся на чисто-сословную почву". Вопросъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ имѣетъ совершенно общій характеръ: для обсужденія мѣръ, могущихъ помочь бѣдѣ, „нужно не совѣщаніе губернскихъ предводителей, а коммиссія изъ спеціалистовъ, въ томъ числѣ и выборныхъ отъ мѣстныхъ собраній". Дворянство — продолжаетъ г. Чичеринъ—„не есть благотворительное учрежденіе, которое должно содержаться на общественный счетъ. Государство нуждается не въ призрѣваемыхъ, а въ крѣпкихъ силахъ, на которыя оно могло бы опираться. Все государственное значеніе дворянства основано на томъ, что оно въ состояніи стоять на своихъ ногахъ. Издавна принято называть дворянство первою опорою престола. Какою же оно можетъ быть опорою, когда оно само требуетъ поддержки"? Классъ независимыхъ землевладѣльцевъ, „управляющихъ мѣстными дѣлами и черезъ это вліяющихъ и на общій ходъ событій", нуженъ, по мнѣнію г. Чичерина, „вездѣ и всегда"; въ Россіи онъ составляетъ „первую и самую насущную потребность". Этой потребности „удовлетворяло русское дворянство настолько, насколько это было возможно при существующемъ матеріальномъ и умственномъ уровнѣ русскаго общества. Поэтому и разореніе русскаго дворянства нельзя не считать бѣдствіемъ для страны. Когда по этому поводу изъ демократическаго лагеря слышится нѣкоторое злорадство, то нельзя не сказать, что такое чувство идетъ наперекоръ истинной любви къ отечеству. Оно объясняется лишь теоретическимъ легкомысліемъ или сословною завистью, отчасти—и не всегда красивыми явленіями, поражающими особенно въ столицахъ, гдѣ нерѣдко въ высшихъ слояхъ выставляются напоказъ притязанія, далеко не соотвѣтствующія умственному содержанію и нравственному уровню. Само дворянство не должно, однако, подавать повода къ проявленію такого рода непріязненныхъ чувствъ. А это оно дѣлаетъ, когда хлопочетъ о разныхъ льготахъ и стремится обособиться отъ другихъ. Единственное достойное его поведеніе состоитъ въ томъ, чтобы стараться собственными силами справиться съ труднымъ матеріальнымъ положеніемъ. Не сокрушаться о прошломъ, не жаловаться на настоящее, а смѣло глядѣть въ будущее: таково должно быть настроеніе сословія, которое не считаетъ свое историческое призваніе оконченнымъ. Правительство оно можетъ просить лишь о томъ, чтобы оно не обременяло его черезъ мѣру, сравнительно съ другими; въ остальномъ оно должно полагаться на себя. Безъ сомнѣнія, многіе падутъ въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни; *но останется здоровое ядро,—тѣ, которые въ состояніи устоять на своихъ ногахъ,—а это именно то,*

что требуется для государства и отечества. Съ водвореніемъ общей гражданской свободы, разложеніе сословнаго строя составляетъ только вопросъ времени. Оно можетъ быть ускорено экономическими невыгодами, и въ этомъ отношеніи современный хозяйственный кризисъ составляетъ историческое событіе, существенно вліяющее на ходъ неотразимаго процесса. Но изъ этого разложенія должна выйти новая жизнь. Она явится только тогда, когда здоровые элементы, скинувъ съ себя старыя путы, рѣшительно вступятъ на новую дорогу. Въ этомъ заключается надежда Россіи".

Мы изложили подробно содержаніе статьи г. Чичерина, потому что признаемъ ее чрезвычайно важной и какъ характеристику недавняго прошлаго, и какъ оцѣнку настоящаго, и какъ попытку заглянуть въ будущее. Далеко не все сказанное авторомъ кажется намъ одинаково правильнымъ—но мы хотѣли ознакомить нашихъ читателей съ *цѣлымъ* взглядомъ г. Чичерина, а не только съ симпатичными для насъ его сторонами. Въ ретроспективномъ обзорѣ послѣднихъ десятилѣтій невѣрно, прежде всего, утвержденіе, что пользой, принесенною земствомъ и мировымъ судомъ, русское общество обязано *исключительно* помѣщикамъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣло шло успѣшно не только благодаря „путнымъ дворянскимъ элементамъ", стоитъ только вспомнить исторію земскихъ учрежденій въ губерніяхъ вятской и пермской: „дворянскихъ элементовъ" здѣсь не было никакихъ, а между тѣмъ земства обѣихъ губерній во многомъ опередили земства центральной дворянской Россіи — и едва ли въ чемъ-либо отъ нихъ отстали. Нельзя, далѣе, согласиться и съ тѣмъ, что въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ „гражданское управленіе Россіи покоилось, въ концѣ концовъ, на уѣздныхъ предводителяхъ дворянства". Роль, отведенная имъ закономъ, дѣйствительно была очень велика, но исполняли они ее во всемъ ея объемѣ крайне рѣдко, ограничиваясь, бо̀льшею частью, *номинальнымъ* первенствомъ въ уѣздѣ. Предсѣдателями уѣздныхъ управъ они бывали не столько тамъ, гдѣ оказывалась „надобность" въ ихъ работѣ, сколько тамъ, гдѣ нельзя было найти для поста предводителя подходящее лицо, согласное служить безъ жалованья. Ошибается, наконецъ, г. Чичеринъ, говоря, въ первой части своей статьи, о *дворянствѣ*, тогда какъ слѣдовало бы говорить о *дворянахъ*, т.-е. объ отдѣльныхъ лицахъ изъ среды дворянскаго сословія. Дворянство, какъ *корпорація*, не могло бы выставить изъ своей среды ни мировыхъ посредниковъ перваго призыва, ни мировыхъ судей, одинаково справедливыхъ ко всѣмъ классамъ населенія, ни земскихъ дѣятелей, преданныхъ интересамъ массы. Въ самый разгаръ эпохи преобразованій дворянскія собранія, за весьма немногими исключеніями, оставались столь же равнодуш-

ными къ общимъ вопросамъ, какими они были раньше и продолжаютъ быть теперь. Оппозиціонныя вспышки, ознаменовавшія собой, кое-гдѣ, ближайшія къ крестьянской реформѣ сессіи дворянскихъ собраній, были вызваны не столько сознательнымъ желаніемъ новизны, сколько раздраженіемъ и разочарованіемъ, связаннымъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Все хорошее, внесенное дворянами въ дѣятельность новыхъ учрежденій, должно быть поставлено, такимъ образомъ, въ активъ образованнаго *класса*, а не въ активъ дворянскаго *сословія*... Совершенно правъ, зато, г. Чичеринъ, когда онъ, сожалѣя объ уничтоженіи выборнаго, земскаго суда, выборнаго, земскаго элемента въ крестьянскомъ управленіи, самостоятельнаго, безсословнаго земства, видитъ во всемъ этомъ не усиленіе, а *умаленіе* дворянства. Онъ совершенно правъ, находя, что численнымъ преобладаніемъ дворянъ въ преобразованномъ земствѣ и назначеніемъ земскихъ начальниковъ изъ среды помѣстнаго дворянства отнюдь не уравновѣшивается ущербъ, нанесенный дворянству водвореніемъ бюрократіи „въ самомъ сердцѣ уѣзда", переходомъ въ ея руки важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлъ. Онъ совершенно правъ, подчеркивая опасность и вредъ „ничего не значащихъ привилегій и грошевыхъ матеріальныхъ выгодъ". Никто въ консервативномъ лагерѣ, къ которому безспорно принадлежитъ г. Чичеринъ, не говорилъ такимъ тономъ о перемѣнахъ, не оставившихъ камня на камнѣ въ грандіозной постройкѣ шестидесятыхъ годовъ; никто не раскрывалъ съ такимъ авторитетомъ противорѣчіе между дѣйствительными и мнимыми интересами дворянства. Необходимо только помнить, что о многомъ, составляющемъ, по мѣткому выраженію Б. Н. Чичерина, „умаленіе правъ дворянства", ходатайствовали сами дворянскія собранія...

Если дворянство, *какъ сословіе*, не играло и не играетъ той роли, къ которой призванъ, наиболѣе обезпеченный и образованный классъ населенія, то едва ли правильно обвинять его противниковъ, какъ это дѣлаетъ г. Чичеринъ, въ теоретическомъ легкомысліи или, тѣмъ болѣе, въ „сословной зависти". О *сословной зависти*— т.-е. о враждебномъ чувствѣ цѣлой общественной группы, занимающей сравнительно скромное мѣсто въ сословной іерархіи, — можно говорить только тамъ, гдѣ за высшимъ, правящимъ классомъ непосредственно слѣдуетъ другой, обладающій если не de jure, то de facto, крѣпкой организаціей и готовый сказать своему привилегированному сосѣду: ôte-toi de là que je m'y mette! У насъ такого класса нѣтъ; буржуазія—этотъ естественный соперникъ и преемникъ дворянства—въ Россіи не существуетъ. Хотя наше купечество, по мнѣнію его газетныхъ поклонниковъ, *все можетъ*, но на самомъ дѣлѣ оно не имѣетъ никакихъ данныхъ для конкурренціи съ дворянствомъ и

даже не образуетъ *сословія*, потому что купеческія права не передаются по наслѣдству. Есть, по всей вѣроятности, *купцы*, завидующіе *дворянамъ*—но о *сословной* зависти *купечества* по отношенію къ *дворянству* не можетъ быть и рѣчи. Противники дворянскихъ привилегій выходили у насъ, сплошь и рядомъ, изъ среды самихъ дворянъ—и болѣе чѣмъ странно было бы обвинять ихъ въ зависти къ самимъ себѣ. „Завистники дворянства"—очень удобная тэма для застольныхъ рѣчей; но въ статьѣ г. Чичерина она производитъ впечатлѣніе диссонанса. Что касается до „теоретическаго легкомыслія", то едва ли нужно страдать этимъ недостаткомъ, чтобы усомниться въ способности нашего дворянства образовать изъ себя классъ „независимыхъ землевладѣльцевъ" и сосредоточить въ своихъ рукахъ, ко благу населенія, управленіе мѣстными дѣлами. По собственнымъ словамъ г. Чичерина, все способствовало, четверть вѣка тому назадъ, именно такому обороту дѣлъ— и если онъ не совершился тогда, то гдѣ же основаніе думать, что онъ совершится теперь, при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ? Мы готовы вѣрить, вмѣстѣ съ г. Чичеринымъ, что никакіе сельско-хозяйственные кризисы, никакія невзгоды не уничтожатъ въ средѣ дворянъ-землевладѣльцевъ „здороваго ядра", могущаго „устоять на своихъ ногахъ",—но именно потому мы не видимъ никакого „злорадства" въ констатированіи факта, что большинство дворянства, какъ сословія, ищетъ спасенія исключительно въ правительственной поддержкѣ, хотя бы и обременительной для народной массы. Совѣты, съ которыми г. Чичеринъ обращается къ дворянству, очень хороши; трудно только предположить, чтобы они были услышаны и приняты къ руководству... Всего важнѣе просвѣтъ, открываемый г. Чичеринымъ въ будущее. Послѣднія слова его статьи дышатъ бодростью и надеждой— не той болѣзненной надеждой, которая тѣшитъ себя несбыточною мечтою о неизмѣнности и неприкосновенности однажды сложившихся общественныхъ формъ, а надеждой здоровой и трезвой, мирящейся съ неизбѣжнымъ и въ самомъ разложеніи стараго усматривающей источникъ и залогъ новой жизни.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ реакціонная печать неустанно и усиленно занимается вопросомъ объ отношеніи губерніи къ уѣздамъ, стараясь съузить сферу дѣйствій губернскаго земства и осуждая вмѣшательство его въ дѣла, предоставленныя, будто бы, исключительному вѣдѣнію уѣздныхъ земствъ. Началась или, по меньшей мѣрѣ, значительно обострилась эта агитація именно тогда, когда многія губернскія земства выдвинули на первый планъ организацію всеобщаго обученія. Такое совпаденіе едва ли случайно. Мысль о

всеобщемъ обученіи раньше всего зародилась въ уѣздныхъ земствахъ, много сдѣлавшихъ для его подготовки; но, многочисленныя и разрозненныя, обладающія далеко не одинаковыми средствами, стоящія на весьма различныхъ ступеняхъ развитія школьнаго дѣла, они не могли бы приступить къ устройству всеобщаго обученія съ тою обдуманностью и систематичностью, не могли бы осуществить его съ тою сравнительною быстротою, какая доступна для губернскихъ земствъ. Inde ira: отсюда походъ противъ губернскихъ земствъ, предпринятый врагами народнаго образованія [1]). Не называя прямо и открыто настоящихъ мотивовъ этого похода, они прикрываютъ ихъ, однако, завѣсой довольно прозрачной. Вотъ, напримѣръ, заключительныя слова одной изъ многихъ статей, направленныхъ противъ широкаго пониманія компетенціи губернскаго земства: „вообще всѣ эти пререканія между уѣздными и губернскими земствами, вся эта борьба между церковною и свѣтскою школой, всѣ эти явно политическія тенденціи, вносимыя въ область, которая должна стоять далеко отъ политики, всѣ эти колебанія, волненія и страсти по поводу такого святого дѣла, какъ образованіе и воспитаніе юношества,—все это далеко не отрадныя явленія, и они неизбѣжно приводятъ къ одной мысли, къ одному вопросу, не было ли бы лучше, еслибы правительство взяло народную школу всецѣло въ свои руки, какъ въ воспитательномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи, и вполнѣ избавило бы мѣстныя общественно-хозяйственныя учрежденія отъ этого несвойственнаго и, повидимому, непосильнаго имъ дѣла" („Моск. Вѣд.", № 39)?

Изъятіе народной школы изъ вѣдѣнія земства — вотъ настоящая цѣль нападеній, видимымъ объектомъ которыхъ служитъ „деспотизмъ" или „узурпація" губернскаго земства. Дѣло, очевидно, не въ томъ, *какъ далеко* губернское земство раздвигаетъ свой кругъ дѣйствій: дѣло въ томъ, *въ какую сторону* оно его раздвигаетъ. Когда оберъ-прокуроръ св. синода, года четыре тому назадъ, обратился къ уѣзднымъ и *губернскимъ* земскимъ собраніямъ съ предложеніемъ оказать поддержку церковно-приходскимъ школамъ, „Моск. Вѣдомости" и ихъ союзники не противопоставили этому предложенію формальной fin de non recevoir: они не утверждали, что губернскія земскія собранія *не въ правѣ* назначать субсидіи школамъ духовнаго вѣдомства, такъ какъ каждая отдѣльная школа имѣетъ значеніе только для своего уѣзда. Еслибы губернскія земства откликнулись на призывъ оберъ-прокурора св. синода крупными ассигновками, зна-

[1]) Самыми опасными врагами народнаго образованія въ настоящее время мы считаемъ не тѣхъ, которые откровенно провозглашаютъ его нежелательнымъ и вреднымъ, а тѣхъ, которые хотятъ свести его къ минимуму, обращающему его въ пустое слово.

чительно увеличивъ, тѣмъ самымъ, цифру платимаго уѣздами губернскаго земскаго сбора, они заслужили бы этимъ только похвалу органовъ печати, столь упорно порицающихъ въ настоящее время участіе губернскаго земства въ расходахъ на начальныя школы... Менѣе искрененъ, чѣмъ редакція московской газеты, одинъ изъ ея сотрудниковъ, пишущій подъ псевдонимомъ: „Старый земецъ". Онъ не высказывается за изъятіе начальной школы изъ вѣденія земства, ограничиваясь пожеланіемъ, чтобы земство умѣрило свою заботу о народномъ образованіи: вѣдь эта забота „не вмѣнена земству въ особую обязанность, не выдвинута закономъ изъ остальныхъ обязанностей земства", да и разрѣшеніе школьнаго вопроса *непосильно* для земства безъ дѣятельнаго вмѣшательства со стороны правительства. Итакъ, земству рекомендуется „поспѣшать медленно", выдвигая на первый планъ только то, что̀ подчеркиваетъ законъ, а не то, чего требуетъ жизнь... Честь и слава земства заключается именно въ томъ, что оно не держалось такихъ „молчалинскихъ" принциповъ. Сколько бы ни говорили теперь о *непосильности* для земства заботъ о народномъ образованіи, исторія не забудетъ, что *земскими силами* создана въ Россіи правильно организованная народная школа. Всякая новая сессія земскихъ собраній приноситъ новыя доказательства тому, что наиболѣе обезпеченнымъ продолженіе и завершеніе великаго дѣла является въ рукахъ, его начавшихъ.

Благодѣтельное вліяніе школъ „старый земецъ" считаетъ возможнымъ лишь тогда, когда будутъ удовлетворяться одновременно и другія потребности края. „Въ самомъ дѣлѣ,—восклицаетъ онъ,—къ чему школа, если къ ней 3/4 года нельзя добраться никакими путями, вслѣдствіе отсутствія мостовъ, гатей и т. п.? Къ чему школа, если при малѣйшей эпидеміи половина дѣтскаго населенія падетъ ея жертвой, а земство, истощивъ всѣ свои средства на школьное дѣло и доведя платежную способность населенія до послѣднихъ предѣловъ напряженія, не будетъ уже въ состояніи бороться съ эпидеміей? Наконецъ, земство, истративъ свои запасные капиталы на постройку школъ, не въ силахъ будетъ придти на помощь населенію въ случаѣ народнаго бѣдствія въ видѣ голода, когда онъ нагрянетъ со всѣми своими послѣдствіями"... Заботясь о школѣ, подготовляя введеніе всеобщаго обученія, земство нигдѣ не перестаетъ исполнять другія свои функціи, и въ напоминаніяхъ „стараго земца" не предстоитъ никакой надобности. Нѣкоторыя изъ нихъ легко вывернуть наизнанку: можно спросить, напримѣръ, къ чему устройство новыхъ больницъ и увеличеніе числа врачей, если населеніе, за отсутствіемъ школы, не понимаетъ и не принимаетъ самыхъ простыхъ мѣръ предосторожности противъ заразныхъ болѣзней? Много ли найдется

школъ, въ которыя три четверти года нельзя попасть за отсутствіемъ моста или гати? Школы вездѣ и всегда устраиваются съ такимъ разсчетомъ, чтобы онѣ были доступны для ближайшаго населенія. Не думаемъ, дальше, чтобы продовольственныя пособія оказывались гдѣ-нибудь земствомъ изъ *запасныхъ капиталовъ*; для этого существуютъ продовольственные капиталы, употребляемые согласно съ ихъ спеціальнымъ назначеніемъ. Всѣ эти ссылки на другія обязанности земства—только отводъ глазъ отъ главнѣйшей его задачи, выдвинутой на первый планъ не произвольно и не случайно, а силою вещей: не даромъ же усиленная забота о начальной школѣ возникаетъ вслѣдъ за народными бѣдствіями 1891 и 1892 г.

Юридическаго свойства взаимныхъ отношеній между губернскими и уѣздными земствами мы касались въ нашихъ обозрѣніяхъ уже много разъ[1]) и теперь возвращаться къ нему не будемъ; остановимся только на политико-экономической или политической сторонѣ вопроса, насколько она затронута въ статьѣ Б. Н. Чичерина („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 37), въ данномъ случаѣ оказавшагося, къ сожалѣнію, единомышленникомъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Съ особенною строгостью г. Чичеринъ отнесся къ слѣдующимъ словамъ московской губернской земской управы (въ одномъ изъ ея докладовъ по народному образованію): „причиною неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ по губерніи является бо́льшее или меньшее удобство сбыта въ Москву произведеній труда и промышленности, т.-е. условія отъ земства не зависящія и не могущія быть измѣненными. Регуляторомъ въ этомъ отношеніи должно быть губернское земство, которое одно можетъ внести въ это дѣло нѣкоторое равновѣсіе и хотя нѣсколько возстановить нарушенную сложившимися историческими условіями жизни справедливость“. Въ дѣйствительности,—замѣчаетъ по этому поводу г. Чичеринъ—„не только губернское земство, но и государство не призвано уравнивать естественно сложившіяся имущественныя отношенія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ мѣстностей. *Имущественное уравненіе не есть требованіе справедливости, а соціалистическое начало, идущее наперекоръ требованіямъ справедливости.* Послѣдняя состоитъ въ томъ, чтобы каждому воздавать то, что́ ему принадлежитъ, а не въ томъ, чтобы всѣхъ класть на одно ложе, вытягивая однихъ и укорачивая другихъ, на подобіе миѳическаго разбойника Прокуста. Богатый можетъ помогать бѣдному по долгу христіанской любви; но это не есть справедливость, а благотворительность, то-есть нравственное начало, а не юридическое. Основное же начало права есть *правда*, или справедливость, которая, въ при-

[1]) См., напримѣръ, „Внутр. Обозрѣніе“, въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1895 г.

ложеніи къ общественнымъ союзамъ, состоитъ въ равномѣрномъ распредѣленіи какъ общественныхъ тягостей, такъ и выгодъ, доставляемыхъ членамъ на общія средства. Только соціалисты подъ именемъ справедливости разумѣютъ обираніе имущихъ въ пользу неимущихъ"... „Въ государственной жизни, — читаемъ мы дальше, — происходитъ двоякое теченіе: одно сверху, другое снизу. Первое исходитъ отъ правительства и чрезъ посредство іерархически-устроенной бюрократіи распространяется на народъ; второе исходитъ отъ общества и постепенно восходитъ къ правительству. Послѣднее представляетъ начало земское. Здѣсь краеугольнымъ камнемъ всего зданія служатъ мелкія земскія единицы. Болѣе крупныя единицы призваны лишь восполнять ихъ тамъ, гдѣ рождаются потребности общія для цѣлой мѣстности, но ни въ какомъ случаѣ онѣ не должны нарушать самостоятельности первыхъ и вторгаться въ область ихъ дѣйствія. Въ такомъ именно положеніи находится губернское земство относительно уѣздовъ. Если же оно стремится навязывать имъ свои взгляды, если оно беретъ ихъ въ опеку, въ особенности же если оно старается произвести между ними уравненіе, заставляя однихъ платить въ пользу другихъ, то оно тѣмъ самымъ подрываетъ земское начало, — *оно дѣйствуетъ не какъ земство, а какъ бюрократія, и притомъ какъ бюрократія проникнутая соціалистическими тенденціями, то-есть самая опасная и вредная*". Сколько здѣсь „страшныхъ словъ" — и какъ охотно эти слова подхватываются исконными врагами земства! „Московскія Вѣдомости", напримѣръ, перепечатываютъ большую часть статьи г. Чичерина подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ: „Бюрократическій соціализмъ земскихъ учрежденій". Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", такимъ „соціализмомъ" проникнута на каждомъ шагу дѣятельность государственной власти: проведеніе государствомъ желѣзной дороги, имѣющей мѣстное значеніе, устройство подъѣздного пути, открытіе казенной школы -- все это является обращеніемъ средствъ всего населенія на потребности одной его части. Въ государственной сферѣ безпрестанно совершается, такимъ образомъ, именно то, что̀ дѣлаетъ губернское земство по отношенію къ уѣздамъ, уѣздное земство—по отношенію къ различнымъ частямъ уѣзда, всякая болѣе крупная единица—по отношенію къ болѣе мелкимъ, входящимъ въ ея составъ. Государство, земство, городъ, волость, имѣютъ, при этомъ, въ виду вовсе не *уравненіе имуществъ*, а съ одной стороны—болѣе правильное распредѣленіе податного бремени, съ другой—болѣе равномѣрное удовлетвореніе потребностей, невозможное при безусловномъ господствѣ принципа: chacun chez soi. Существуютъ, цѣлыя мѣстности, на которыя государство въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ тратитъ гораздо больше, чѣмъ

отъ нихъ получаетъ—и никому не приходитъ въ голову видѣть въ этомъ нѣчто въ родѣ соціализма, хотя бы и „государственнаго"... Справедливость, въ приложеніи къ общественнымъ союзамъ, состоитъ, по словамъ г. Чичерина, „въ равномѣрномъ распредѣленіи какъ общественныхъ тягостей, такъ и выгодъ, доставляемыхъ членамъ союза на общія средства". Это опредѣленіе покоится на двухъ положеніяхъ, одинаково устарѣвшихъ и въ наукѣ, и въ государственной жизни. Одно изъ нихъ, разсматривая налогъ какъ вознагражденіе за услуги, оказываемыя государствомъ, требовало соразмѣрности между величиною налога и количествомъ или цѣнностью услугъ, получаемыхъ плательщикомъ; другое пріурочивало справедливость налога единственно къ его пропорціональности, т.-е. находило совершенно правильнымъ, чтобы платежи бѣдняка и богача находились въ одномъ и томъ же отношеніи къ ихъ доходу. Теперь давно уже поняли, что соразмѣрность между налогомъ и услугой, возможная—и то лишь до извѣстной степени—развѣ при взиманіи *пошлинъ*, немыслима какъ общая основа теоріи налоговъ или податной системы; столь же ясно и то, что пропорціональность, сама по себѣ—крайне недостаточная гарантія справедливости. Положеніемъ о квартирномъ налогѣ начало *прогрессивности* узаконено и у насъ въ Россіи. „Обираніе имущихъ въ пользу неимущихъ" г. Чичеринъ усматриваетъ, быть можетъ, и въ прогрессивномъ подоходномъ налогѣ—но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ въ этомъ отношеніи съ нимъ несогласные были соціалистами, „уравнителями" имуществъ, послѣдователями Прокуста... Не нужно также быть „бюрократомъ", чтобы допускать — въ сферѣ дѣятельности земства, какъ и государства — то, чтó г. Чичеринъ называетъ „платежемъ однихъ въ пользу другихъ". Такой платежъ совершенно неизбѣженъ, какъ только объектомъ налога служитъ сколько-нибудь крупная территоріальная единица. Возьмемъ, для примѣра, земскую больницу въ уѣздномъ городѣ: ею всегда пользуются преимущественно жители ближайшихъ волостей, въ пользу которыхъ платятъ, такимъ образомъ, волости болѣе отдаленныя. Возьмемъ шоссейныя дороги, содержимыя губернскимъ земствомъ: онѣ проходятъ, сплошь и рядомъ, не по всѣмъ уѣздамъ [1]), и слѣдовательно одни уѣзды платятъ въ пользу другихъ. Чтó же ужаснаго въ нѣкоторомъ увеличеніи суммы подобныхъ платежей, въ особенности если оно предпринимается собраніемъ, соединяющимъ въ себѣ представителей всѣхъ уѣздовъ? Можно возражать противъ него съ точки зрѣнія практичности, цѣлесообразности,

[1]) Въ с.-петербургской губерніи, напримѣръ, дороги, содержимыя на губернскій счетъ, имѣются только въ пяти уѣздахъ изъ восьми, да и между этими пятью уѣздами распредѣлены весьма неравномѣрно.

но отнюдь не во имя основныхъ принциповъ обложенія, логически влекущихъ за собою такъ называемый „платежъ однихъ въ пользу другихъ". Что касается до *опеки* губернскаго земства надъ уѣздными, то о ней меньше всего можетъ идти рѣчь въ московской губерніи, гдѣ принятіе или непринятіе субсидій, ассигнуемыхъ губернскимъ земствомъ на начальныя школы, зависитъ отъ доброй воли самихъ уѣздовъ... Въ концѣ статьи г. Чичерина идетъ рѣчь о несправедливомъ отношеніи губернскаго земства къ городу Москвѣ, ничего не получающему отъ земства и платящему въ его пользу все больше и больше. Что никакой несправедливости здѣсь нѣтъ — это мы старались показать въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ обозрѣній (№ 5).

Въ той части нашего февральскаго обозрѣнія, которая посвящена разбору статьи В. В. Пржевальскаго о проектѣ уголовнаго уложенія, было замѣчено, между прочимъ, что г. Пржевальскій предлагаетъ слить исправительный домъ съ тюрьмою. Мы получили отъ г. Пржевальскаго, по этому поводу, слѣдующее возраженіе: „Я никогда и нигдѣ не предлагалъ *слить* тюрьму съ исправительнымъ домомъ. Въ моихъ статьяхъ я предлагалъ изъ карательной системы нашего будущаго уложенія „*выбросить* то наказаніе, которое въ проектѣ названо *тюрьмою*", и находилъ вполнѣ достаточнымъ оставить лишь *три* нормальныхъ вида наказанія лишеніемъ свободы: каторгу, исправительный домъ и арестъ. Предлагая вычеркнуть изъ проекта наказаніе, именуемое имъ тюрьмою, я отнюдь не высказывалъ той мысли, что дѣянія, караемыя по проекту тюрьмою, слѣдуетъ наказывать непремѣнно исправительнымъ домомъ. Само собою разумѣется, что дѣянія, наказуемыя въ проектѣ тюрьмою, должны быть, въ случаѣ отмѣны этого вида наказанія, распредѣлены, относительно наказуемости, между исправительнымъ домомъ и арестомъ, въ зависимости отъ мотивовъ преступнаго дѣятеля. Развивать болѣе подробно эту мысль въ примѣненіи именно къ данному предложенію мнѣ казалось излишнимъ въ виду того, что чрезъ весь мой разборъ карательной системы проекта красною нитью проходитъ идея необходимости индивидуализированія наказанія и совершенно различныхъ карательныхъ мѣръ для двухъ большихъ классовъ преступниковъ— случайныхъ и хроническихъ. Стоя на подобной точкѣ зрѣнія, я съ особымъ удовольствіемъ присоединяюсь къ справедливымъ возраженіямъ автора „Внутренняго Обозрѣнія" противъ сліянія тюрьмы съ исправительнымъ домомъ".

Что заключеніе въ исправительномъ домѣ *всѣхъ* тѣхъ, кому проектъ грозитъ тюрьмою, противорѣчило бы основной мысли г. Пржe-

вальскаго—это безспорно; но мы были введены въ заблужденіе слѣдующимъ мѣстомъ его статьи: „система наказаній для преступниковъ, дѣйствовавшихъ въ силу антисоціальныхъ, позорныхъ мотивовъ, страдаетъ излишнимъ плеоназмомъ; изъ нея слѣдуетъ выбросить то наказаніе, которое въ проектѣ названо тюрьмою. *Различіе между тюрьмою и исправительнымъ домомъ сводится, по проекту, въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему*" (дальше идутъ указанія на разницу въ срокахъ лишенія свободы и одиночнаго заключенія и въ долѣ чистаго дохода отъ работъ, отчисляемой въ пользу заключеннаго). Отсюда легко было заключить, что отсутствіе серьезнаго различія между обоими видами наказанія составляетъ для г. Пржевальскаго аргументъ въ пользу ихъ сліянія. Съ *исключеніемъ* тюрьмы изъ числа наказаній мы, впрочемъ, также не можемъ согласиться, по тѣмъ же, отчасти, соображеніямъ, которыя мы приводили противъ сліянія ея съ исправительнымъ домомъ. Изъ числа проступковъ, которые проектъ облагаетъ тюрьмою, многіе слишкомъ тяжелы, чтобы влечь за собою только арестъ—и недостаточно тяжелы, чтобы подвергать виновныхъ исправительному дому. Большую цѣнность имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, и возможность перехода отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ (при признаніи виновнаго заслуживающимъ снисхожденія), между тѣмъ какъ при уничтоженіи тюрьмы едва ли могъ бы быть допущенъ переходъ отъ исправительнаго дома къ аресту.

„СОЕДИНЕННЫЯ“ НАЧАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА ВЪ Г. РИГѢ.

Личныя наблюденія и замѣтки.

Къ началу новаго учебнаго 1897/98 года, въ сентябрѣ, ожидается открытіе, въ Петербургѣ, перваго многоклассснаго („соединеннаго“) училища; домъ для него уже отстроенъ вчернѣ въ самомъ центрѣ Васильевскаго Острова, на углу 7-й линіи и Средняго проспекта. Это послужило для насъ поводомъ познакомиться со школами того же, болѣе совершеннаго типа въ г. Ригѣ; тамъ онѣ дѣйствуютъ уже свыше 12 лѣтъ. Но и въ Берлинѣ, да и во всѣхъ другихъ городахъ Германіи, гдѣ, какъ извѣстно, школьное дѣло есть дѣло старое, можно сказать—древнее, современныя народныя школы устраиваются по этому новому типу вовсе не такъ давно, на нашихъ глазахъ, а именно, за послѣднія всего 25—30 лѣтъ. Наши читатели могли ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ современною организаціею народной школы въ Берлинѣ изъ спеціальной статьи, посвященной недавно у насъ этому предмету [1]. „Наканунѣ франко-прусской войны (въ концѣ 60-хъ годовъ),—говоритъ авторъ этой статьи,—положеніе народной школы въ Берлинѣ приблизительно было на той ступени развитія, на какой оно находится у насъ въ обѣихъ столицахъ, Петербургѣ и Москвѣ. Преимущество Берлина состояло въ томъ, что, благодаря закону объ обязательномъ обученіи, почти всѣ дѣти дѣйствительно учились, но сама по себѣ городская школа, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и содержанію, была не выше нынѣшней русской. Значительная часть школъ помѣщалась въ наемныхъ домахъ; собственныя училищныя зданія города имѣли мало привлекательный видъ; внутри классы были переполнены; не было ни „плацовъ“ для игръ, ни гимнастическихъ залъ, ни рекреаціонныхъ комнатъ. Недавно городъ срылъ послѣдній изъ школьныхъ домовъ того періода (до 60-хъ годовъ); онъ построенъ былъ въ 1840 г. и производилъ впечатлѣніе жалкаго пигмея въ сравненіи съ красивыми зданіями нынѣшняго Берлина. Такое блестящее состояніе городскихъ народныхъ школъ въ германской столицѣ есть продуктъ только послѣднихъ 25 лѣтъ — и это для насъ во всякомъ случаѣ утѣшительный

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы“ 1896 г., окт., стр. 817: „Народная школа въ Берлинѣ“.

фактъ, такъ какъ онъ намъ говоритъ, что не вѣка, а только два, три десятка лѣтъ могутъ понадобиться на то, чтобы и мы могли достигнуть такого же высокаго уровня"... И наоборотъ, конечно, мало будетъ и цѣлыхъ вѣковъ, если никогда не рѣшиться сдѣлать тотъ первый шагъ, который въ Берлинѣ сдѣлали четверть вѣка тому назадъ.

Въ 1894 г., въ Берлинѣ праздновалось открытіе 200-го городского училищнаго дома въ 20-ть классовъ (на 1.000 учащихся), а такихъ тамъ числится 214 училищъ. У насъ въ Петербургѣ численность училищъ гораздо выше, чѣмъ въ Берлинѣ, а именно 342 училища; но въ берлинскихъ 214 училищахъ обучается около 200.000 дѣтей, а въ нашихъ 342—около 18.000 учащихся. Понятно само собою, что у насъ въ 342 училищахъ столько же и классовъ, а въ Берлинѣ въ каждомъ училищномъ домѣ соединено отъ 15 до 20 классовъ; въ нѣкоторыхъ же „двойныхъ школахъ"—для мальчиковъ и дѣвочекъ—соединено 40 классовъ, на 2.000 учащихся.

Въ Петербургѣ, оказывается, первый опытъ постройки городского дома для 12 классовъ, сравнительно съ Берлиномъ, дѣлается, слѣдовательно, въ минимальномъ размѣрѣ. Это будетъ первый такого типа домъ въ Петербургѣ, но, какъ мы уже упомянули, далеко не первый въ имперіи, такъ какъ, между прочимъ, въ Ригѣ давно уже, болѣе 12 лѣтъ, существуютъ подобные дома, называемые тамъ „соединенными училищами" — у насъ они названы пока „многоклассными". Познакомиться съ ихъ школьною жизнью, порядками, результатами обученія въ нихъ было тѣмъ болѣе необходимо, что такія училища существуютъ на нашей почвѣ и дѣйствуютъ на основаніи нашихъ существующихъ законовъ. Вотъ почему намъ казалось необходимымъ, и при знакомствѣ нашемъ съ внутреннимъ порядкомъ и ходомъ обученія въ иностранныхъ многоклассныхъ училищахъ, увидѣть такія же училища, устроенныя у насъ—въ г. Ригѣ. Мимоходомъ, конечно, представился случай познакомиться и съ общимъ положеніемъ тамъ школьнаго дѣла по начальному или элементарному народному образованію, и съ отношеніемъ къ нему мѣстнаго общественнаго управленія, и съ условіями, которыми обставлена въ Ригѣ внѣшняя и внутренняя жизнь школы. Все это, какъ оказалось, значительно отличается отъ нашихъ школьныхъ порядковъ и условій въ столицѣ,—и, какъ намъ кажется—не совсѣмъ къ нашей выгодѣ.

Городъ Петербургъ, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ превышаетъ своимъ населеніемъ г. Ригу, гдѣ оно приближается къ 200.000. Общее число элементарныхъ, начальныхъ, школъ, содержимыхъ рижскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, около 40, съ 3.100 учащихся обоего пола, сверхъ значительнаго числа начальныхъ школъ, содержимыхъ частными лицами; изъ тѣхъ двѣ, такъ называемыя,

„соединенныя школы", или многоклассныя—одна на Тотлебенской улицѣ, другая—на Суворовской (послѣдняя довольно далеко отъ центра), сосредоточиваютъ въ себѣ около 1.200 учащихся. Обѣ помѣщаются въ прекрасныхъ городскихъ трехъ-этажныхъ домахъ (особенно хорошъ домъ въ Тотлебеновской улицѣ и по красотѣ фасада, и по внутреннему расположенію классовъ и ихъ обстановкѣ). Домà „соединенныхъ" училищъ отстроены въ 1884 г.; въ январѣ 1885 г. происходило ихъ открытіе. Постройка каждаго изъ этихъ трехъ-этажныхъ домовъ обошлась около 80.000 рублей. Внутреннее расположеніе въ обоихъ домахъ представляетъ общій типъ всѣхъ новѣйшихъ многоклассныхъ училищъ за границею, съ тѣмъ отличіемъ, что широкіе корридоры, замѣняющіе, и тутъ, и тамъ, рекреацію, идутъ не по серединѣ зданія, а потому и помѣщеніе классовъ одностороннее, а не двухстороннее, какъ то будетъ у насъ по главному фасаду. Эти же самые корридоры, служащіе для цѣлей рекреаціи въ перемѣну между классами, служатъ также и раздѣвальной для дѣтей. Нижній этажъ содержитъ квартиры учащаго, завѣдывающаго всѣмъ училищнымъ хозяйствомъ, и двухъ его помощниковъ, а также и различныя службы. Второй и третій этажи заняты исключительно 12 классами на 600 учащихся обоего пола—мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ то предполагается и у насъ. Въ третьемъ же этажѣ помѣщается также и обширное актовое зало съ хорами; оно служитъ для ежедневной общей, предъ началомъ ученія, утренней молитвы, отдѣльно для дѣтей латышскаго и нѣмецкаго языка; тамъ же обучаютъ пѣнію и вольнымъ гимнастическимъ движеніямъ.

Весь учительскій персоналъ состоитъ изъ 14 лицъ: 11 учителей, обучающихъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, 1 православный законоучитель и 2 учительницы рукодѣлья. Большинство учащихъ окончило педагогическій курсъ въ юрьевскихъ (дерптскихъ) и въ прибалтійской учительскихъ семинаріяхъ. Учитель-завѣдующій получаетъ, сверхъ готовой квартиры, 1.100 р. жалованья и 600 рублей дополнительныхъ, а всего 1.700 р. Одинъ изъ его помощниковъ получаетъ 900 р. съ квартирою, а другой—600 руб., также съ квартирою, и 50 рублей добавочныхъ. Затѣмъ, 6 учителей получаютъ по 1.000 руб. жалованья, 350 квартирныхъ и по 200 р. добавочныхъ; 1 учитель—900 рублей, квартирныхъ 200 р. и добавочныхъ 50 р.; наконецъ, 1 учитель получаетъ 600 р. и 150 р. квартирныхъ, а учительницы рукодѣлія—по 200 руб. жалованья. Однимъ словомъ, полное содержаніе персонала изъ 12 предметныхъ учащихъ и 2 рукодѣльныхъ, вмѣстѣ взятое, составляетъ главный расходъ, сверхъ трехъ даровыхъ квартиръ, въ общей суммѣ до 15.000 рублей,—значительно выше того, во что обходится содержаніе такого же персонала у насъ. По-

добный размѣръ вознагражденія учащихъ, конечно, составляетъ первую безспорную выгоду школьнаго дѣла въ Ригѣ, и отчасти объясняется тѣмъ, что тамъ вовсе отсутствуютъ учительницы.

Составъ учащихся въ томъ же „соединенномъ училищѣ", въ улицѣ Тотлебена, къ 1-му января 1897 г., за выбытіемъ нѣкоторыхъ въ теченіе перваго полугодія, равнялся: 390 мальч. и 190 дѣвочекъ, а всего 580 учащихся обоего пола; но комплектъ учащихся, въ случаѣ надобности, можетъ быть увеличенъ до 720 мѣстъ. По вѣроисповѣданіямъ, изъ 580 дѣтей обоего пола: православныхъ — 32; католиковъ—12; протестантовъ — 522; евреевъ—12; прочихъ вѣроисповѣданій—2. По племенамъ: 34 русскихъ; 311 нѣмцевъ; 201 латышей; 10 эстовъ, 12 поляковъ и 12 евреевъ.

Сами учащіе—не классные, а предметные, т.-е. каждый учащій ведетъ не всѣ предметы совокупно, а одинъ извѣстный предметъ въ различныхъ классахъ. Программа элементарныхъ, начальныхъ, училищъ несравненно шире нашихъ программъ по „Положенію о начальныхъ училищахъ 1874 г.": у насъ обучаютъ Закону Божію (краткій катехизисъ и св. исторія), чтенію, письму, первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики и, если возможно, церковному пѣнію. Въ рижскихъ начальныхъ училищахъ, сверхъ того, дѣти (того же возраста) обучаются русской грамматикѣ, географіи и исторіи, преимущественно отечественной, естествознанію; въ ариѳметикѣ проходятъ дѣйствія надъ дробями и именованными числами. Такое значительное различіе между курсомъ рижскихъ и петербургскихъ начальныхъ училищъ происходитъ отъ того, что наши училища устроены по Положенію 1874 года, между тѣмъ какъ въ Ригѣ такія же училища существуютъ по Положенію объ училищахъ 1820 года—и, какъ оказывается на дѣлѣ, въ отношеніи программы, къ выгодѣ тамошнихъ начальныхъ школъ, а потому кончившій курсъ въ рижскихъ начальныхъ школахъ несравненно выше такого же ученика въ школахъ нашей столицы. И такой вдвое болѣе обширный курсъ, сравнительно съ нашими училищами, проходится съ замѣчательнымъ успѣхомъ, какъ въ томъ мы имѣли случай удостовѣриться лично; при этомъ еще слѣдуетъ замѣтить, что въ рижской школѣ приходится преодолѣвать такія затрудненія, которыхъ мы не знаемъ и не можемъ знать. Преподаваніе, въ послѣдніе годы, ведется съ самаго начала ученія на русскомъ языкѣ, котораго вновь поступающія дѣти вовсе не знаютъ: въ ихъ семьяхъ языкъ былъ или латышскій, или нѣмецкій. Благодаря возрасту, способному еще къ усвоенію языковъ, и большому искусству и терпѣнію учащихъ, дѣти, конечно, не безъ труда достигаютъ въ русскомъ языкѣ, сравнительно, большихъ результатовъ, но, намъ говорили, что въ началѣ 90-хъ годовъ, при бывшемъ попечителѣ округа

М. Н. Капустинѣ, эти же результаты достигались съ меньшимъ трудомъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ тогда въ младшемъ возрастѣ преподаваніе шло на понятномъ для дѣтей языкѣ, но въ то же время ихъ обучали русскому языку съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ можно было вести преподаваніе уже на русскомъ языкѣ; главное же—при прежней системѣ, болѣе естественной и раціональной, дѣти прочнѣе усвоивали себѣ русскій языкъ, между тѣмъ какъ теперь они такъ же легко и скоро утрачиваютъ пріобрѣтенное, какъ легко и скоро его пріобрѣли, особенно если, возвратясь изъ школы въ семью, они тамъ не находятъ для себя практики.

Укажемъ еще на одну особенность школьныхъ условій въ Ригѣ, рѣзко отличающуюся отъ нашихъ условій. Это—плата за ученье въ начальныхъ училищахъ: въ Петербургѣ, гдѣ городу каждый учащійся обходится minimum 42 рубля, плата за ученіе въ начальныхъ училищахъ взимается не болѣе двухъ рублей, съ освобожденіемъ бѣднѣйшихъ и отъ такой платы; на дѣлѣ, фактически, оказывается всегда, что нашъ городъ освобождаетъ отъ платы до 16% всего числа учащихся. Совершенно другое мы видимъ въ Ригѣ, и, повидимому, Петербургъ, по крайней мѣрѣ, хоть въ этомъ отношеніи, представляетъ преимущество предъ Ригою, гдѣ плата за ученіе въ начальныхъ училищахъ является, сравнительно говоря, колоссальною: въ „соединенныхъ“ училищахъ—20 рублей, съ пониженіемъ ея для менѣе состоятельныхъ до 14 рублей, и въ простыхъ—12 рублей, съ пониженіемъ до 8 рублей; правда, при этомъ городъ разрѣшаетъ вовсе освобождать отъ платы 25% всего числа учащихся. Но вліяніе на общій ходъ народнаго образованія такихъ двухъ почти противоположныхъ размѣровъ платы, какъ 2 рубля въ Петербургѣ и 20 рублей въ Ригѣ—совершенно обратное. Въ Петербургѣ, при двухърублевой платѣ за ученіе, съ 1877 г. вовсе уничтожена всякая частная инициатива въ дѣлѣ начальнаго образованія, такъ какъ она у насъ поставлена въ полную невозможность конкуррировать съ городомъ, который изъ 42 рублей стоимости каждаго учащагося можетъ взять на себя приплату въ 40 рублей, что̀ совершенно недоступно частному лицу; но, устранивъ частную иниціативу въ дѣлѣ начальнаго образованія, городское общественное управленіе, какъ оказалось, не могло вполнѣ замѣнить ее собою, и несмотря на сравнительно громадную цифру (свыше 700.000 рублей—около 8% всего городского бюджета), расходуемую городомъ ежегодно на начальныя училища, дѣло и до сихъ поръ не обходится безъ многихъ отказовъ съ одной стороны, а съ другой—сопровождается крайнимъ переполненіемъ дѣйствующихъ училищъ, сверхъ нормы, и, конечно, ко вреду для успѣховъ и здоровья дѣтей и самихъ учащихъ. Въ

городѣ же Ригѣ при 20-рублевой платѣ (съ пониженіями) является полная возможность и частной иниціативѣ работать на томъ же поприщѣ, совмѣстно съ городскимъ общественнымъ управленіемъ; менѣе состоятельные могутъ и въ городскихъ школахъ платить по уменьшенной цѣнѣ—до 8 рублей, а дѣйствительно нуждающіеся вовсе освобождаются отъ платы, и притомъ въ значительномъ числѣ 25% (въ Петербургѣ, какъ мы видѣли, освобождаются весьма щедро, но дѣйствительность не требуетъ болѣе 16%). Такимъ образомъ, выходитъ, что болѣе состоятельные люди въ Ригѣ платятъ собственно за менѣе состоятельныхъ и даже вовсе несостоятельныхъ. Въ Петербургѣ мы видимъ совершенно другое, и помимо воли городского общественнаго управленія, въ результатѣ получается слѣдующее: городское общественное управленіе содержитъ, правда, на свой счетъ школы и для бѣдныхъ—и тутъ оно совершенно право—но въ значительномъ числѣ случаевъ вышеупомянутая приплата, къ 2 рублямъ, сорока рублей на каждаго учащагося изъ городской кассы имѣетъ въ то же время значеніе субсидіи со стороны города зажиточнымъ и болѣе или менѣе состоятельнымъ людямъ, съ тѣмъ, чтобы они могли весьма дешево обучать своихъ дѣтей въ городскихъ школахъ. Конечно, надобно желать имѣть возможность сдѣлать начальное обученіе вообще даровымъ, но это еще не достигнуто у насъ ни въ среднемъ, ни въ высшемъ образованіи, которое требуетъ далеко не такихъ расходовъ, какое потребовало бы повсемѣстное народное даровое образованіе, такъ какъ оно одновременно должно было бы быть и всеобщимъ. При настоящемъ же положеніи дѣла, едва ли справедливо требовать даже и двухрублевую плату безразлично какъ съ тѣхъ, которые могутъ затрудниться и такою платою, такъ и съ тѣхъ, которые вовсе не затруднились бы платить въ три или четыре и даже въ пять разъ болѣе. Во всякомъ случаѣ, при равномѣрной платѣ всегда необходимо произойдетъ то, что̀ и произошло въ Петербургѣ: если бѣдные пользуются здѣсь почти даровымъ обученіемъ, то такимъ же почти даровымъ обученіемъ пользуются и другіе классы жителей, болѣе или менѣе состоятельные.

Между тѣмъ, финансовый порядокъ школьнаго хозяйства въ Ригѣ отразился особеннымъ образомъ и на мѣстной городской кассѣ. Мы не имѣли подъ руками городскихъ отчетовъ, и потому должны довольствоваться устными отвѣтами на тѣ вопросы, съ которыми мы обращались къ лицамъ, стоящимъ близко къ дѣлу, а потому можемъ выражаться только въ круглыхъ и приблизительныхъ цифрахъ.

Городу Ригѣ обходятся тѣ 3.100 учащихся, которые обучаются въ школахъ, содержимыхъ на его счетъ, около 60.000 рублей, но общій расходъ на эти училища превышаетъ эту сумму чуть не вдвое,

такъ какъ деньги, собираемыя за ученіе, идутъ на содержаніе школъ. Мы имѣемъ точныя цифры бюджета только одного изъ „соединенныхъ" училищъ (Тотлебенская улица), и изъ нихъ заключаемъ, что вышесказанное въ общихъ чертахъ должно быть весьма правдоподобно: такъ, въ 1896 году на содержаніе этого училища израсходовано 22.187 рублей, но изъ нихъ городъ выдалъ изъ своей кассы только 14.902 р., а 7.285 рублей получены изъ платы за ученіе въ немъ, и кромѣ того въ расходѣ показаны 4.732 рубля, внесенныхъ въ городскую кассу, которые, вѣроятно, должны были покрыть городу его расходы на содержаніе дома, ремонтъ его, а также составить % на затраченный капиталъ по постройкѣ дома (80.000 рублей). Однимъ словомъ, въ этомъ отдѣльномъ случаѣ городская касса издерживаетъ около 15.000 рублей, а около 12.000 рублей покрываются, очевидно, изъ другихъ источниковъ,—при этомъ 25% учащихся могли быть вовсе освобождены отъ платы.

Къ какому же мы могли придти общему выводу относительно главнаго предмета нашей экскурсіи въ Ригу—„соединенныхъ" или многоклассныхъ училищъ этого города, работающихъ уже 12 лѣтъ? Одинъ изъ мѣстныхъ органовъ печати, „Рижскій Вѣстникъ" (№ 25), уже послѣ нашего отъѣзда, почтилъ насъ обращеніемъ къ намъ съ вопросомъ, на который редакція, повидимому, ожидаетъ отрицательнаго отвѣта: „едва ли,—замѣчаетъ почтенная газета,—М. М. Стасюлевичъ вынесетъ относительно рижскихъ соединенныхъ школъ что-нибудь положительное, убѣдительно говорящее въ пользу устройства школъ этого типа"... Почему же такъ?—спросимъ мы.—„Однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ условій, — отвѣчаетъ газета,—которымъ должна удовлетворять всякая первоначальная школа, это ея *пространственная близость къ учащимся*". Совершенно справедливо: должна быть непремѣнно норма для района каждаго многокласснаго училища, при чемъ разстояніе отъ крайнихъ предѣловъ района не должно, по возможности, удаляться болѣе какъ на версту или полторы версты. Конечно, если два существующія училища въ Ригѣ считать единственнымъ школьнымъ центромъ для *всего* города, то газета была бы совершенно права, но изъ ея возраженія слѣдовалъ бы тогда одинъ правильный выводъ: необходимо имѣть такія же училища и въ другихъ частяхъ города, прямо противоположныхъ помѣщенію нынѣшнихъ двухъ соединенныхъ школъ. Такъ это и будетъ сдѣлано въ Петербургѣ; конечно, если представить себѣ, что домъ, отстроенный на Вас.-Острову, долженъ служить школою чуть не для всего Петербурга, то возраженіе газеты пріобрѣтетъ всю силу; но этотъ домъ поставленъ въ центрѣ Острова,—съ одной стороны, между Б. Невой и Малой Невой, а съ другой — между 1-й и 15-й линіями; въ этомъ районѣ

нынѣ помѣщаются 28 училищъ, съ дѣтскимъ населеніемъ, по нормѣ, въ 1.400 учащихся, а многоклассному училищу можно принять не болѣе 600; очевидно, что домъ не можетъ помѣстить въ себѣ даже и половины дѣтей этого района, а въ такомъ случаѣ самый дальній пунктъ для учащагося въ этой школѣ едва ли превыситъ версту разстоянія отъ школы, а такою „пространственностью" должна быть удовлетворена, мы увѣрены въ томъ, и газета. Нельзя же возражать противъ такихъ соединенныхъ школъ тѣмъ, что василеостровская школа будетъ очень далека для ходьбы въ нее съ Малой Охты, или отъ морского порта: для другихъ районовъ, конечно, должны быть устроены свои центральныя школы. Это разумѣется само собою. Въ Берлинѣ такихъ школъ 214, а потому надобно думать, что тамъ пространственность вполнѣ соблюдена; если Рига будетъ продолжать начатое ею дѣло, то вышеупомянутое возраженіе падетъ само собою. Но Рига не строитъ, однако, послѣ того подобныхъ же училищныхъ домовъ—вотъ что́ могли бы намъ сказать, въ видѣ болѣе сильнаго возраженія; быть можетъ, опытъ убѣдилъ городское общественное управленіе въ непригодности школъ такого типа? Намъ не случалось этого слышать въ бесѣдѣ съ представителемъ города, г. городскимъ головою, которому мы обязаны любезнымъ содѣйствіемъ къ ознакомленію съ городскими соединенными школами; а благодаря самому внимательному и крайне обязательному личному содѣйствію со стороны мѣстнаго учебнаго начальства, гг. директора и инспекторовъ округа и города, мы успѣли въ короткое время ознакомиться съ блестящими результатами обученія въ этихъ школахъ, чѣмъ, конечно, эти лица, вполнѣ свѣдущія въ школьномъ дѣлѣ, не могли не быть вполнѣ довольны. На наше замѣчаніе имъ, что въ Петербургѣ, однако, находятся люди, претендующіе, по своему оффиціальному положенію, на званіе педагоговъ, и которые вооружаются противъ такихъ „соединенныхъ" училищъ, мы получали выраженіе одного удивленія. Не даромъ бывшій директоръ городскихъ училищъ, г. Шведеръ, въ своей рѣчи, по случаю открытія этихъ двухъ „соединенныхъ" школъ въ Ригѣ въ 1885 г., сказалъ по поводу того: „Если эти школы нельзя считать полнымъ достиженіемъ цѣли школьнаго дѣла, то это, во всякомъ случаѣ, большой шагъ къ его улучшенію, и я надѣюсь, что, безъ сомнѣнія, другіе города скоро рѣшатся подражать намъ"... Съ того времени прошло 12 лѣтъ, и настоящее процвѣтаніе этихъ школъ дозволяетъ прибавить къ тому, что ихъ устройство заслуживаетъ подражанія.

Но „Рижскій Вѣстникъ" говоритъ главнымъ образомъ противъ подобнаго типа школъ только потому, что онѣ нарушаютъ требованіе „пространственной близости" учащихся отъ школы. Мы и со-

гласны съ газетой относительно правильности такого требованія, но если оно въ Ригѣ остается неудовлетвореннымъ, то въ этомъ виновенъ не типъ школы, а то обстоятельство, что ихъ только двѣ въ городѣ, а не столько, сколько было бы нужно для числа всѣхъ учащихся; впрочемъ, кромѣ этого типа, въ Ригѣ есть немало школъ городскихъ стараго типа (къ которому принадлежатъ всѣ петербургскія школы), содержимыя частными лицами, какихъ въ Петербургѣ, по причинамъ, объясненнымъ нами выше, нѣтъ и не можетъ быть. „Рижскій Вѣстникъ“ указываетъ еще на дороговизну рижскихъ школъ; можно спорить о размѣрѣ платы, но выше мы указали на то, что и дешевизна влечетъ за собою другое неудобство, не менѣе важное: городъ помогаетъ не столько бѣднымъ, сколько оказываетъ помощь людямъ болѣе или менѣе достаточнымъ, чтобы они могли на счетъ города дешевле давать дѣтямъ начальное образованіе. Впрочемъ, всѣ возраженія „Рижскаго Вѣстника“ таковы, что на нихъ возможно отвѣчать, такъ какъ редакція дѣлаетъ ихъ, очевидно, bona fide — вполнѣ добросовѣстно. Но что̀ отвѣчать на такія возраженія, какія намъ случилось прочесть, предъ отъѣздомъ въ Ригу, въ одномъ петербургскомъ журналѣ, и притомъ выдающемъ себя за спеціальный педагогическій органъ. Трудно даже предполагать тутъ одно простое невѣжество и рутину, иногда свойственную нѣкоторымъ спеціалистамъ, хотя, впрочемъ, невѣжество для иныхъ спеціалистовъ не составляетъ чего-нибудь рѣшительно невозможнаго. Въ „Русскомъ Начальномъ Учителѣ“ (декабрь, 1896 г., стр. 496), мы прочли такое извѣстіе: „Въ сентябрѣ (1896 г.) — говоритъ этотъ журналъ — происходила закладка въ Петербургѣ перваго школьнаго зданія на 12 школъ, т.-е. на 600 учащихся. Радость, что школамъ дадутъ хорошее помѣщеніе, вполнѣ отравляется (!) сожалѣніемъ, что строятъ зданіе не для отдѣльной школы съ 3 — 4 классами, но хотятъ устраивать столь вредное (?) въ воспитательномъ отношеніи массовое скопленіе учащихся и проявляютъ любовь къ муштровкѣ (?!) учащихся. Вопросъ былъ рѣшенъ въ Думѣ безъ совѣщанія съ врачами и педагогами и неудачно“ [1]). Очень трудно, да и напрасно, на все это возражать редакціи хотя бы и спеціальнаго журнала, которая, повидимому, не знаетъ или не хочетъ знать даже того, что̀ извѣстно и не-педагогамъ, а именно, что въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ педагогія, типъ „соединенныхъ“ школъ есть почти исключительно преобладающій. Если же редакція „Русскаго Начальнаго Учи-

[1]) Послѣднее не совсѣмъ вѣрно: по извѣстному намъ порядку въ Думѣ, подобныя дѣла рѣшаются въ ней не иначе, какъ по выслушаніи заключенія спеціальной училищной коммиссіи, въ средѣ которой имѣются эксперты и педагоги, въ числѣ которыхъ находятся и весьма опытные и извѣстные педагоги.

теля“ чувствуетъ себя „отравленною“ при одной мысли о постройкѣ перваго училища новаго типа въ Петербургѣ, то мы можемъ только посовѣтовать ей, какъ отличное противоядіе—поѣздку хотя бы въ Ригу для знакомства съ неизвѣстнымъ, повидимому, ей дѣломъ. Но что́ разумѣетъ редакція подъ именемъ какой-то „муштровки“—рѣшительно не понимаемъ; если же подъ этимъ разумѣть суровое обращеніе съ дѣтьми, какъ съ кантонистами, то ничего подобнаго въ рижскихъ „соединенныхъ“ школахъ мы не видѣли, кромѣ превосходнаго школьнаго порядка, который гораздо легче поддерживается именно въ „соединенныхъ“ училищахъ, вслѣдствіе многочисленнаго персонала въ нихъ учащихъ; и при этомъ отличное сердечное отношеніе этихъ учащихъ къ ихъ питомцамъ, а главное, замѣчательные успѣхи дѣтей, при обширной программѣ курса начальнаго ученія, вслѣдствіе возможности въ такихъ школахъ болѣе правильной системы класснаго, а не отдѣленнаго преподаванія, которое, вдобавокъ, требуетъ на себя бо́льшихъ расходовъ, нежели первое. Можетъ быть, подъ „муштровкою“ слѣдуетъ понимать изгнаніе изъ школы всякой распущенности; дѣйствительно, въ „соединенныхъ“ школахъ никакая распущенность немыслима.

Мы имѣли, къ сожалѣнію, весьма небольшое время для того, чтобы ближе изучить школьное дѣло въ г. Ригѣ, чего оно вполнѣ заслуживаетъ; интересно, напримѣръ, и то, что въ то время, какъ мы заботимся о введеніи у насъ всеобщаго обученія, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, давно уже, съ сороковыхъ годовъ, закономъ введено, — и не на бумагѣ, а въ дѣйствительности, — обязательное въ селахъ начальное обученіе. Но намъ и этого времени было вполнѣ достаточно, чтобы ознакомиться съ отзывами о „соединенныхъ“ училищахъ такихъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ постоянное наблюденіе за ними; эти отзывы, естественно, должны имѣть для насъ весьма авторитетное значеніе, которое мы не позволимъ себѣ и сопоставить съ „извѣстіемъ“ „Русскаго Начальнаго Учителя“, повидимому, недостаточно освѣдомленнаго о томъ, о чемъ редакція этого журнала извѣщала.

М. Ст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1897 г.

Европейская дипломатія и критскій вопросъ.—Недоумѣнія и противорѣчія въ политическихъ извѣстіяхъ.—Послѣднія событія на островѣ Критѣ.—Нейтралитетъ и вмѣшательство броненосцевъ.—Патріотическія увлеченія въ Греціи и ихъ результаты.

Чрезвычайно трудная задача предстоитъ дипломатамъ великихъ европейскихъ державъ въ настоящее время, и ни одинъ добросовѣстный приверженецъ общаго мира не станетъ, конечно, мѣшать ихъ усиліямъ привести къ благополучной развязкѣ обострившійся греко-турецкій кризисъ по поводу Крита. Всѣ кабинеты проникнуты, безъ сомнѣнія, искреннимъ желаніемъ мира; всѣ заявляютъ о твердой рѣшимости избѣгнуть поводовъ къ опаснымъ столкновеніямъ и возстановить спокойствіе на европейскомъ юго-востокѣ. Миролюбивыя стремленія дипломатіи заслуживаютъ сами по себѣ полнаго сочувствія, и если они не всегда достигаютъ цѣли, то всего менѣе можно въ этомъ винить общественное мнѣніе и печать. Въ частности у насъ замѣчается за послѣдніе годы полное равнодушіе къ турецкимъ дѣламъ; ни армянскія избіенія, ни хроническія замѣшательства на островѣ Критѣ не волновали нашего общества и не возбуждали въ немъ обычныхъ симпатій къ бѣдствующимъ христіанскимъ подданнымъ Турціи. Наши газеты, даже самыя патріотическія, и притомъ въ вульгарномъ смыслѣ этого слова, обнаруживали необыкновенно трезвое отношеніе къ событіямъ и склонны были скорѣе осуждать армянъ и грековъ, чѣмъ заступаться за нихъ. Наши публицисты, не хуже записныхъ дипломатовъ, разсуждали о важномъ принципѣ неприкосновенности оттоманской имперіи, о необходимости сохраненія турецкаго status quo, ради великихъ интересовъ мира въ Европѣ. Такое настроеніе, повидимому, господствуетъ у насъ и понынѣ. Если же повсюду—кромѣ слабой Греціи—проявляется безусловное миролюбіе, то дипломатія можетъ, повидимому, спокойно заниматься своимъ дѣломъ, безъ опасеній и тревогъ. Дѣятели печати могли бы также, съ своей стороны, свободно высказывать свои взгляды, не рискуя поколебать общую увѣренность въ прочности мира или нарушить ходъ дипломатическихъ переговоровъ и совѣщаній. Но академическое обсужденіе вопросовъ, озабочивающихъ кабинеты, не представляется излишнимъ даже и при отсутствіи матеріала для какихъ-нибудь споровъ и недоумѣній; въ данномъ же случаѣ споры и недоумѣнія возникаютъ на каждомъ шагу, незави-

симо отъ различія интересовъ и точекъ зрѣнія державъ, участвующихъ въ такъ называемомъ „европейскомъ концертѣ". Одни и тѣ же факты понимаются людьми неодинаково; извѣстные принципы и слова толкуются каждымъ по своему, и то, что ясно для дипломатовъ, остается часто весьма темнымъ или загадочнымъ для обыкновенныхъ смертныхъ. А такъ какъ дипломатамъ приходится въ концѣ концовъ считаться и съ мнѣніями публики, то и имъ не безполезно знать, какія впечатлѣнія и идеи вызываются въ обществѣ политическими обстоятельствами, входящими въ сферу ихъ спеціальности.

Простые смертные готовы, напримѣръ, видѣть безцѣльное фразерство въ постоянныхъ заявленіяхъ о поддержаніи мира;—между тѣмъ, эти заявленія повторяются въ серьезнѣйшемъ тонѣ самыми выдающимися представителями европейской дипломатіи—и, слѣдовательно, имѣютъ всѣ признаки искренности. Профаны думаютъ, далѣе, что мира давно не было въ турецкихъ земляхъ, гдѣ безчинствовали башибузуки, и что нельзя считать мирнымъ такое состояніе, при которомъ систематически вырѣзываются сотни и тысячи человѣческихъ существъ; а дипломаты неуклонно говорили о мирѣ даже и во время рѣзни въ армянскихъ мѣстностяхъ Турціи. Армянъ погибло въ общемъ счетѣ не меньше, чѣмъ сколько стоила бы добрая война; и многіе до сихъ поръ не могутъ сообразить, какую связь имѣютъ эти кровавыя жертвы съ тѣми увѣреніями о прочности мира и согласія, которыя авторитетно подтверждались въ Европѣ по поводу армянскихъ избіеній. Очевидно, дипломатія расходилась съ общественнымъ мнѣніемъ. То же самое происходитъ теперь съ критскимъ вопросомъ: чѣмъ сильнѣе разгорается борьба на островѣ Критѣ, чѣмъ больше совершается тамъ насилій и ужасовъ всякаго рода, тѣмъ настойчивѣе заявляютъ со всѣхъ сторонъ о существованіи и сохраненіи общаго мира. Еще одно обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе заурядной публики. Европейскіе кабинеты давно уже дѣйствуютъ въ Константинополѣ въ безусловномъ взаимномъ согласіи; много разъ торжественно возвѣщалось это полное единеніе державъ относительно Турціи, и послѣ одного эпизода съ Англіею, бывшаго осенью прошлаго года, не произошло ничего такого, что намекало бы на нарушеніе этого установившагося согласія. Державы дѣйствуютъ совмѣстно и въ переговорахъ съ Портою, и въ критскихъ водахъ; это подтвердилось какъ нельзя яснѣе въ недавней бомбардировкѣ позицій кандіотовъ броненосцами соединенныхъ европейскихъ эскадръ. Однако, чуть ли не ежедневно сообщалось въ газетныхъ телеграммахъ, что возстановлено единодушіе, которое и раньше ничѣмъ не было нарушено. Казалось бы, что по отношенію къ Кандіи не могло быть и рѣчи о какихъ-либо разногласіяхъ между кабинетами, насколько можно судить по фактамъ по-

слѣдняго времени. Между тѣмъ, въ газетахъ отъ 14 (26) февраля мы опять читаемъ утѣшительное извѣстіе изъ Лондона: „теперь удостовѣрено, что между державами существуетъ полное согласіе относительно немедленнаго разрѣшенія критскаго вопроса". Въ собственной телеграммѣ одной газеты сказано даже, что „господствуетъ общая радость (въ Лондонѣ) по поводу полнаго возстановленія (!) международнаго соглашенія и европейскаго концерта". Профаны недоумѣваютъ, почему надо вновь возстановлять согласіе, о прочности котораго еще незадолго до того и чуть ли не наканунѣ заявляли руководящіе западно-европейскіе дипломаты. Съ какой стати радуются въ Лондонѣ возстановленію того̀, что и безъ того существовало и существуетъ? Естественно поэтому, что являются скептики, для которыхъ это единодушіе вовсе не такъ прочно, равно какъ и заявленія о мирѣ во время турецкихъ кровопролитій.

Что касается заботъ объ общемъ мирѣ въ Европѣ, то онѣ вообще имѣютъ какой-то особенный характеръ. Великія державы, охраняющія миръ, какъ будто, говорятъ: „мы весьма боимся, что нарушимъ миръ и станемъ воевать между собою";—но что̀ можетъ заставить ихъ воевать между собою, если онѣ сознаютъ всю пагубность войны и сами являются охранительницами мира даже между посторонними государствами и народами? Дипломаты объясняютъ, что война можетъ возникнуть позже, изъ-за турецкихъ земель, въ случаѣ распаденія оттоманской имперіи, а потому необходимо во что бы то ни стало охранять неприкосновенность Турціи, какая бы тамъ ни происходила рѣзня въ ея предѣлахъ. Объясненіе это мало вразумительно, однако, для непосвященныхъ. Если Турція распадается и, напримѣръ, Кандіи суждено отдѣлиться отъ владѣній султана, то постоянная отсрочка этой неизбѣжной развязки нисколько не обезпечиваетъ ближайшаго будущаго и создаетъ только мучительный хроническій кризисъ, служащій непрерывнымъ источникомъ волненій и замѣшательствъ. Сколько бы ни откладывать рѣшеніе, оно раньше или позже сдѣлается обязательнымъ и неотложнымъ;—тогда оно не станетъ легче отъ того, что будетъ навязано событіями, помимо воли и участія державъ. Только въ одномъ случаѣ кризисъ могъ бы окончиться самъ собою, безъ нарушенія внѣшней цѣлости оттоманской имперіи,—если бы жители, неудобные или нежелательные для турокъ, были окончательно истреблены безъ остатка. Но это, конечно, не входитъ и не можетъ входить въ разсчеты никакой дипломатіи.

Безъ сомнѣнія, крайне трудно устроить судьбу турецкихъ областей общимъ международнымъ соглашеніемъ; но отъ возможныхъ разногласій до войны—еще цѣлая бездна, и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предполагать, что передовыя культурныя націи въ самомъ дѣлѣ спо-

собны броситься одна на другую для кроваваго разрѣшенія вопросовъ, относительно которыхъ не разъ уже представлялась возможность сговориться заблаговременно, по указаніямъ здраваго человѣческаго смысла. Еслибы заранѣе установленъ былъ, напримѣръ, принципъ, что освободившіяся отъ турецкой власти земли должны быть устроены на началахъ автономіи подъ общимъ покровительствомъ и контролемъ державъ, то гдѣ же былъ бы матеріалъ для споровъ и войны? Правда, на отдѣльныя области претендуютъ мѣстныя и пограничныя народности, искони враждующія между собой;—въ Македоніи сталкиваются притязанія грековъ и болгаръ; греки требуютъ присоединенія Эпира и Кандіи, и повсюду существуетъ еще сильный мусульманскій элементъ, не допускающій христіанскаго владычества и даже христіанской равноправности. Эти непримиримыя мѣстныя соперничества крайне запутываютъ и усложняютъ задачу; но положеніе значительно упростилось бы, еслибы сами великія державы подали примѣръ безкорыстія и отреклись отъ произвольныхъ территоріальныхъ захватовъ на европейскомъ юго-востокѣ. Впрочемъ, при современныхъ условіяхъ международной политики, при господствѣ скрытаго взаимнаго недовѣрія и контроля, насильственные захваты территорій въ Европѣ становятся почти немыслимыми, и откровенное признаніе этого факта не составляло бы уже особенной заслуги. Теперь сами великія державы обращаются съ наставленіями и угрозами къ малосильной Греціи за то, что она покусилась сдѣлать захватъ и присоединить къ себѣ исторически связанный съ нею Критъ, послѣ долгихъ, безнадежныхъ волненій и междоусобій на этомъ злополучномъ островѣ; но во имя какой идеи и какого принципа могутъ онѣ убѣдить грековъ отказаться отъ ихъ завѣтной національной мечты? Съ точки зрѣнія общепринятыхъ политическихъ правилъ и традицій Греція виновна лишь потому, что она слишкомъ слаба для борьбы съ Турціею; но она всегда можетъ отклонить ссылку на эту слабость простымъ заявленіемъ, что героизмъ принятаго рѣшенія опасенъ лишь для самихъ грековъ, а не для кого другого. Если же опасность возникаетъ при этомъ и для великихъ державъ, которыя могутъ перессориться между собою подъ вліяніемъ необходимости покончить съ восточнот-урецкимъ вопросомъ во всемъ его объемѣ,—то это обстоятельство не говоритъ въ пользу Европы, и ссылаться на подобные доводы неудобно для дипломатіи. Противъ возставшихъ кандіотовъ и пришедшихъ къ нимъ на помощь грековъ употребляется державами военная сила, чтобы прекратить ихъ военныя дѣйствія на островѣ;—опять-таки непосвященные задаютъ себѣ вопросъ, почему такія же военныя мѣры не были употреблены въ прошломъ году для прекращенія звѣрствъ, совершавшихся тамъ почти на глазахъ командировъ европейскихъ эскадръ.

Мы упоминали въ свое время объ одномъ характерномъ случаѣ: съ англійскаго броненосца замѣчено было сильное движеніе между прибрежными жителями, на которыхъ, очевидно, напали турки; командиръ распорядился спустить шлюпки съ матросами и направилъ ихъ къ берегу, чтобы принять бѣгущихъ и спасающихся, но вслѣдъ за тѣмъ онъ отозвалъ шлюпки обратно, такъ какъ корабли другихъ націй не послѣдовали его примѣру, и поступокъ его могъ бы быть признанъ нарушеніемъ нейтралитета. Нельзя, конечно, предположить, что эта разница въ способѣ дѣйствій объясняется только неодинаковыми силами государствъ, съ которыми приходится имѣть дѣло: съ Греціею несравненно легче справиться, чѣмъ съ Турціею, и потому рискованно было мѣшать туркамъ расправляться съ безоружными людьми, тогда какъ нѣтъ никакого риска въ военныхъ мѣрахъ противъ грековъ. Но подобныя соображенія не могли, разумѣется, руководить политикою великихъ культурныхъ націй; а факты, между тѣмъ, остаются неясными для постороннихъ зрителей современной исторической сцены.

Недоумѣнія вызывались и фактическими извѣстіями съ острова Крита за послѣднее время. Мы узнаемъ, напр., изъ одной телеграммы, что въ городѣ Канеѣ „господствуетъ спокойствіе", а именно: пожары, истребившіе окрестныя оливковыя деревья, погасли; домъ греческаго епископа и двѣсти другихъ зданій окончательно сгорѣли; мусульманское населеніе напало на военный арсеналъ и завладѣло двумя тысячами ружей Мартини; при стычкѣ съ войсками убито два человѣка, а раненыхъ — пять. Странное это „спокойствіе",—но оно получаетъ еще болѣе странное освѣщеніе въ другой депешѣ, помѣщенной тутъ же рядомъ: „все христіанское населеніе исчезло изъ Канеи, и въ городѣ живутъ исключительно солдаты и мусульманскіе туземцы". Оба извѣстія сообщаются въ „Кёльнской газетѣ" (еженедѣльной), отъ 11 февраля (нов. ст.). Очевидно, возстановленіе спокойствія въ Канеѣ заключалось именно въ томъ, что исчезли всѣ христіанскіе жители,—одни истреблены, другіе бѣжали,—и что оставшіеся мусульмане по неволѣ должны успокоиться за отсутствіемъ враговъ. Такого рода миръ, быть можетъ, водворился, и во многихъ армянскихъ мѣстностяхъ азіатской Турціи, — миръ кладбища и пустыни,—но не это спокойствіе имѣется въ виду при заботахъ о мирѣ въ турецкихъ владѣніяхъ.

Въ августѣ прошлаго года, критскій вопросъ считался уже разрѣшеннымъ ко всеобщему удовольствію; представители европейскихъ кабинетовъ выработали программу реформъ, которыя, по ихъ убѣжденію, должны были дѣйствительно успокоить населеніе и положить

конецъ безпорядкамъ. Новое административное устройство, основанное на началахъ самоуправленія, было торжественно введено по указу султана, подъ гарантіею великихъ державъ; созвано народное собраніе, и новый правитель острова, бывшій князь Самоса, христіанинъ Беровичъ-паша, приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей при видимомъ сочувствіи и довѣріи большинства мѣстныхъ жителей, не только христіанъ, но и мусульманъ. Все было предусмотрѣно дипломатами въ этой критской конституціи—даже „печатаніе книгъ и журналовъ, основаніе типографій и ученыхъ обществъ"; только одинъ небольшой пунктъ наводилъ на размышленіе: турецкія войска занимали островъ по прежнему, подъ начальствомъ особаго генерала, и должны были въ опредѣленныхъ случаяхъ оказывать содѣйствіе генералъ-губернатору. Военный начальникъ не былъ подчиненъ гражданскому—будто бы, по той случайной причинѣ, что во главѣ войскъ стоялъ командиръ болѣе высокаго ранга въ военномъ отношеніи, чѣмъ Беровичъ-паша, а потомъ Порта разъяснила дипломатамъ, что назначить менѣе высокопоставленнаго генерала для командованія войсками на островѣ Критѣ невозможно, въ виду численнаго состава этихъ войскъ; а уменьшить численность отряда тоже нельзя, такъ какъ порядокъ далеко еще не возстановленъ. Дипломатія довольствовалась этими объясненіями, и для турокъ оставленъ былъ надежный путь къ фактической отмѣнѣ вынужденныхъ уступокъ, сдѣланныхъ великимъ державамъ. Имѣя за собою военную силу, критскіе мусульмане подняли голову, и надежда ихъ на возвращеніе стараго владычества надъ христіанами получила твердую почву. Когда затихли армянскія волненія, Порта могла вновь приняться за критскія дѣла;—остальное шло уже по привычной турецкой системѣ, пока наконецъ опять не возгорѣлось возстаніе на злополучномъ островѣ. Дипломаты хлопотали объ организаціи мѣстной жандармеріи при участіи иностранныхъ офицеровъ, какъ было условлено въ критской „конституціи"; Порта придумывала возраженія, переговоры затягивались, послы въ Константинополѣ совѣщались, и дѣло мало подвигалось впередъ. Нѣсколько сотъ жандармовъ изъ иноземныхъ наемниковъ не могли бы, конечно, служить противовѣсомъ турецкой вооруженной силѣ и обезпечить безопасность населенія; весь этотъ вопросъ не имѣлъ вообще того значенія, какое ему придавалось. Между тѣмъ время уходило, и новые порядки, обѣщавшіе кандіотамъ миръ и спокойствіе, превращались на дѣлѣ въ мертвую букву, согласно неизмѣннымъ турецкимъ традиціямъ. Нельзя сказать, чтобы критскіе христіане были слишкомъ требовательны; въ сущности съ самаго начала они домогались только возстановленія того, что̀ было признано и объявлено Портою еще въ 1878 году при

участіи державъ. Никто также не скажетъ, что европейская дипломатія располагала недостаточнымъ опытомъ и матеріаломъ относительно прежнихъ неудавшихся попытокъ устройства критской автономіи; тѣмъ не менѣе снова допущены были повторявшіеся много разъ промахи и ошибки, съ тѣми же печальными послѣдствіями.

Туземное мусульманство, поддерживаемое прямо или косвенно турецкими солдатами, играло дѣятельную наступательную роль въ возникшихъ затѣмъ столкновеніяхъ. Турки по обыкновенію усмиряли христіанъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, совершая внезапные набѣги на ихъ жилища. Могучіе европейскіе броненосцы наблюдали происходившее и воздерживались отъ вмѣшательства, хотя умиротвореніе Крита при помощи объявленныхъ реформъ должно было совершаться подъ контролемъ и гарантіею великихъ державъ. Событія принимали все болѣе жестокій характеръ; газеты аккуратно сообщали о нихъ телеграфныя свѣдѣнія; послы въ Константинополѣ совѣщались, кабинеты устанавливали свое взаимное согласіе (или „концертъ", по усвоенному нашими газетами жаргону), а броненосцы въ критскихъ водахъ сохраняли нейтралитетъ, ограничиваясь лишь пріемомъ христіанскихъ семействъ, которымъ удалось бѣжать. Извѣстія съ острова были однообразны: „въ Канеѣ продолжаются безпорядки, — телеграфируютъ, напр. отъ 5-го февраля въ „Кельнскую газету" (далеко не расположенную къ грекамъ и кандіотамъ),—на улицахъ происходила вечеромъ битва; насилія не коснулись пока европейцевъ. Во многихъ мѣстахъ города пожары; цѣлыя улицы уже уничтожены огнемъ. Броненосцы и консульства принимаютъ бѣглецовъ"... „Турецкіе солдаты,—говорится въ другой депешѣ,—стрѣляютъ въ христіанъ близъ валовъ крѣпости. Мусульмане подожгли значительнѣйшую часть христіанскихъ кварталовъ Канеи; огонь грозитъ дворцу архіепископа и школьнымъ зданіямъ. Командиры англійскихъ, итальянскихъ и французскихъ судовъ отправились на берегъ и старались остановить распространеніе огня, а также собрать бѣглецовъ. Нѣкоторыя христіанскія семейства, пытавшіяся бѣжать къ броненосцамъ, подверглись нападенію турокъ, причемъ нѣсколько человѣкъ было убито. Общее число жертвъ опредѣляется до сихъ поръ въ триста человѣкъ. Иностранные броненосцы начинаютъ перевозить бѣглецовъ на Милосъ; туда доставлено уже на итальянскомъ кораблѣ около 750 женщинъ и дѣтей. Консульства переполнены христіанскими семьями". Далѣе, отъ 6-го февраля: „Почти всѣ христіанскіе жители города доставлены на иностранныя суда; около трехсотъ оставшихся христіанъ охраняется отрядомъ матросовъ. Болѣе половины всѣхъ христіанскихъ домовъ сгорѣло; консульскіе архивы переданы командирамъ броненосцевъ. Число жертвъ оказывается

меньше, чѣмъ сообщалось. Сильные патрули европейскихъ матросовъ ходятъ по городу". Французскіе корабли „перевезли на Милосъ триста бѣжавшихъ женщинъ и дѣтей; бѣглецы, потерявшіе все свое имущество, находятся въ плачевномъ положеніи, нуждаются въ одеждѣ и пищѣ. Изъ Ретимо и Гераклейона настоятельно требуютъ присылки иностранныхъ кораблей, такъ какъ ожидаются безпорядки".

Послѣ всего этого наступило упомянутое выше „спокойствіе" въ Канеѣ,—съ исчезновеніемъ христіанъ. Изъ разныхъ мѣстъ острова получались тревожныя извѣстія; мусульмане осаждали христіанскія села, или, наоборотъ, отряды вооруженныхъ христіанъ нападали на турокъ. Силы инсургентовъ увеличивались, такъ какъ къ нимъ присоединялись многіе обыватели, способные носить оружіе; они заняли нѣкоторыя мѣстности къ югу отъ Канеи и готовились овладѣть городомъ, въ числѣ до четырехъ тысячъ человѣкъ. Инсургенты не щадили мусульманъ, когда тѣ попадались имъ въ руки; они съ озлобленіемъ мстили за своихъ близкихъ и во многихъ случаяхъ обнаруживали такое же звѣрство, какъ и турки. На островѣ водворилась анархія; самъ генералъ-губернаторъ Беровичъ былъ осужденъ мусульманами въ Ретимо и впослѣдствіи удалился на одинъ изъ иностранныхъ броненосцевъ. Находившіяся въ критскихъ водахъ европейскія эскадры предоставляли событіямъ идти своимъ чередомъ; онѣ соблюдали нейтралитетъ, хотя имѣли законное право и фактическую возможность положить предѣлъ дальнѣйшимъ избіеніямъ и безчинствамъ. Дипломаты не думали объ оккупаціи; они все возстановляли и подтверждали взаимное между собою согласіе, давали благоразумные совѣты Портѣ и успокоивали разгоряченные умы патріотовъ въ Аѳинахъ. Около Канеи стояло въ бездѣйствіи 23 военныхъ корабля, а въ окрестностяхъ города люди свободно убивали другъ друга. Кандіоты взывали къ своимъ соплеменникамъ въ Греціи, гдѣ настроеніе становилось все болѣе критическимъ. Греки настойчиво требовали отъ своего правительства энергическихъ мѣръ для освобожденія Крита, и министры, вслѣдъ за королемъ и королевскою фамиліею, увлеклись патріотическимъ порывомъ, который долго, однако, сдерживался соображеніями благоразумія.

Но вмѣшательство Греціи не могло быть неожиданностью ни для представителей иностранныхъ державъ въ Аѳинахъ, ни для самихъ кабинетовъ, озабоченныхъ турецкими дѣлами; оно легко было бы предупреждено, еслибы раньше европейская дипломатія рѣшилась предпринять что-нибудь реальное для прекращенія кровавой анархіи на Критѣ.

Греки не скрывали своихъ намѣреній и приготовленій. Въ засѣданіи греческой палаты депутатовъ, 5 февраля (нов. ст.), министры

заявили, что три броненосца и нѣсколько торпедныхъ судовъ готовятся къ отплытію къ Канеѣ для защиты греческихъ подданныхъ. Это заявленіе было встрѣчено восторженными возгласами сочувствія со стороны представителей всѣхъ партій. Послѣ засѣданія, министръ иностранныхъ дѣлъ, Скузесъ, посѣтилъ иностранныхъ посланниковъ чтобы сообщить имъ о принятомъ рѣшеніи. Черезъ нѣсколько дней, 10 февраля, флотилія изъ шести миноносокъ отправилась въ море, подъ командою королевича Георга; возбужденныя толпы народа провожали принца при отъѣздѣ и горячо привѣтствовали короля и всю королевскую семью; такія же шумныя оваціи происходили въ теченіе дня, когда королева раздавала помощь критскимъ бѣглецамъ. На слѣдующій день, 11-го числа (нов. ст.), греческое правительство оффиціальной нотою довело до свѣдѣнія державъ, что Греція не можетъ долѣе оставаться равнодушною зрительницею событій на островѣ Критѣ, въ виду ея обязанностей и чувствъ относительно родственнаго по племени и вѣрѣ населенія. Воодушевленіе въ Аѳинахъ росло съ каждымъ днемъ. Наслѣдникъ престола, королевичъ Константинъ, дѣлалъ смотръ войскамъ, назначеннымъ къ отправкѣ въ критскія воды; онъ напутствовалъ солдатъ патріотическимъ воззваніемъ, въ присутствіи королевы, среди громкихъ ликованій собравшейся народной массы. Войска посажены были на три парохода, и цѣль экспедиціи ни въ комъ не возбуждала сомнѣній. Всѣ понимали, что дѣло идетъ о занятіи Крита для оказанія поддержки инсургентамъ. Это было 13 (1) февраля, и дипломатія имѣла еще полную возможность предотвратить попытку грековъ заблаговременною оккупаціею главныхъ прибрежныхъ пунктовъ острова отъ имени Европы. Понятно, что греки не стали бы заявлять притязаніе на вмѣшательство въ пользу кандіотовъ, еслибы они нашли островъ уже занятымъ отрядами европейскихъ военныхъ силъ. Но броненосныя эскадры ничего не предпринимали, пока не начали дѣйствовать греки. Греческія суда, тотчасъ по прибытіи къ Криту, успѣли нарушить нейтралитетъ и навлечь на себя строгое порицаніе командировъ иноземныхъ флотовъ. Турецкое транспортное судно „Фуадъ“ приняло въ городѣ Кандіи отрядъ турецкихъ солдатъ и башибузуковъ, чтобы перевезти ихъ въ другое мѣсто, гдѣ они были болѣе нужны, т.-е. гдѣ имъ предстояло обычнымъ способомъ укрощать христіанъ. Греческій корабль „Міаулисъ“ принудилъ это судно повернуть обратно, при чемъ направилъ въ него выстрѣлы изъ своихъ орудій; такимъ образомъ, доставка башибузуковъ и солдатъ по назначенію, для экзекуціонныхъ дѣйствій противъ христіанскихъ жителей и инсургентовъ, не могла состояться по винѣ грековъ. Съ точки зрѣнія международнаго права, греческій командиръ поступилъ неправильно; но иначе ему приходилось предоставить

туркамъ перевозить башибузуковъ туда, гдѣ дѣло избіенія и опустошенія еще не вполнѣ окончено, какъ это дѣлали другіе, болѣе могущественные броненосцы, строго сохранявшіе правила нейтралитета. Но негодованіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ по поводу этого нарушенія нейтралитета кажется нѣсколько искусственнымъ и натянутымъ. Положеніе дѣлъ на островѣ Критѣ само по себѣ ненормально; никакой правильной, разумной власти тамъ не существуетъ, а при господствѣ анархіи трудно руководствоваться принципами, установленными для регулярныхъ международныхъ отношеній. Военныя дѣйствія башибузуковъ противъ женщинъ и дѣтей также не предусмотрѣны никакимъ, ни международнымъ, ни внутреннимъ государственнымъ правомъ; и если они широко практикуются въ Турціи, то примѣнять къ нимъ правила нейтралитета довольно мудрено. Во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать, чтобы военный греческій корабль безучастно присутствовалъ при высадкѣ башибузуковъ на берегъ для кровавой расправы съ туземными греками и ихъ семействами; самое присутствіе греческихъ судовъ, рядомъ съ внушительными нейтральными эскадрами, не имѣло бы смысла, еслибы они такъ же пассивно относились къ кандіотамъ, какъ и броненосцы другихъ державъ. Рѣшимость нарушить формальное право и навлечь на себя возможныя непріятныя послѣдствія такого шага вытекала, очевидно, изъ естественныхъ человѣческихъ побужденій, и можно было предвидѣть заранѣе, что греческія суда присланы къ Криту не для соблюденія, а для нарушенія нейтралитета. Вслѣдъ затѣмъ греки поступили, конечно, еще болѣе неправильно; значительный военный отрядъ высадился въ недалекомъ разстояніи отъ Канеи, въ Платаніи, подъ предводительствомъ полковника Вассоса, и сталъ распоряжаться на островѣ отъ имени короля Георга. Нѣсколько часовъ спустя, въ тотъ же день, 15 (3) февраля, иностранные броненосцы устроили оккупацію Канеи, съ разрѣшенія турецкаго правительства: соединенный отрядъ матросовъ, изъ сотни русскихъ, сотни англичанъ, сотни французовъ, сотни итальянцевъ и пятидесяти австрійцевъ, вступилъ наконецъ въ опустошенный на половину городъ, въ которомъ почти нечего было уже охранять.

Предметомъ охраны могъ быть только турецкій гарнизонъ, который вмѣстѣ съ частью мусульманскаго населенія выдерживалъ упорную осаду со стороны возставшихъ христіанъ. Еще за два дня до того, началась сильная перестрѣлка въ окрестностяхъ Канеи; христіане утвердились на сосѣднихъ высотахъ и принимали всѣ приготовительныя мѣры къ атакѣ. Утромъ 14-го (2-го) февраля, нѣсколько сотъ башибузуковъ сдѣлали вылазку и оттѣснили осаждавшихъ въ одномъ мѣстѣ; но тѣ возвратились въ гораздо большихъ

силахъ и заставили турокъ отступить. Турецкія войска находились въ крайне трудномъ положеніи, безъ распорядителей и начальства; военный начальникъ, Ибрагимъ-паша, вышелъ въ отставку вслѣдъ за удаленіемъ генералъ-губернатора Беровича. Греческій епископъ обращался къ иностраннымъ консуламъ съ просьбою содѣйствовать заключенію перемирія; инсургенты бомбардировали крѣпость мѣтко направленнымъ и убійственнымъ огнемъ. Консулы признали дипломатическое вмѣшательство невозможнымъ и удалились съ семействами на свои броненосцы; многіе мусульманскіе жители и ихъ семьи нашли пріютъ на австрійскомъ пароходѣ. Турецкіе солдаты, запертые въ своей крѣпости, дѣятельно отвѣчали на выстрѣлы христіанъ; къ вечеру они сдѣлали отчаянную попытку пробить себѣ дорогу черезъ позиціи инсургентовъ; они выступили съ четырьмя орудіями въ сопровожденіи массы туземныхъ мусульманъ, и горячая битва продолжалась до поздней ночи; въ концѣ концовъ христіане отбили нападеніе и остались на своихъ мѣстахъ. Эта вылазка считалась уже безнадежною, и сдача города осаждавшимъ христіанамъ была неминуема.

Таково было положеніе столицы Крита наканунѣ занятія ея смѣшаннымъ отрядомъ иностранныхъ матросовъ. Въ этомъ дѣлѣ хронологію необходимо установить въ точности, для пониманія дальнѣйшихъ дѣйствій грековъ и кандіотовъ. Критскіе христіане собирались уже воспользоваться плодами своихъ усилій; они видѣли уже Канею въ своей власти, когда въ дѣло вмѣшались иностранныя эскадры подъ вліяніемъ высадки греческаго отряда въ Платаніи. Представитель турецкаго правительства въ Канеѣ, Измаилъ-бей, привѣтствовалъ вмѣшательство броненосцевъ и предложилъ ихъ командирамъ занять и другіе пункты острова—Ретимо, Ситію, Киссамо, Селино, также осажденные христіанами. Турки, очевидно, смотрѣли на европейскихъ матросовъ какъ на союзниковъ, пришедшихъ выручить ихъ гарнизоны и помѣшать торжеству инсургентовъ. Европейцы заняли всего четыре порта, на сѣверномъ берегу Крита,—Канею, Ретимо, Кандію и Ситію; но этой оккупаціи приданъ былъ характеръ общей мѣры, распространяющейся на весь островъ. Итальянскій адмиралъ, какъ старшій по рангу, дѣйствовалъ отъ имени соединенныхъ эскадръ; онъ далъ знать вождямъ кандіотовъ и греческимъ начальникамъ, что они должны пріостановить свои непріязненныя дѣйствія противъ турокъ въ виду занятія Крита отъ имени великихъ державъ. Полковникъ Вассосъ воздержался поэтому отъ участія въ осадѣ Канеи и передвинулся внутрь острова, гдѣ считалъ себя въ правѣ требовать сдачи турецкихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, брать въ плѣнъ турецкихъ солдатъ, назначать общинные выборы въ городахъ и селахъ и т. п.;

въ то же время онъ повсюду возвѣщалъ присоединеніе острова къ Греціи, согласно инструкціямъ своего правительства. Эти распоряженія были, очевидно, незаконны не только въ томъ смыслѣ, что они означали войну съ турками безъ формальнаго объявленія ея, но и особенно потому, что они произвольно рѣшали критскій вопросъ въ пользу посторонняго, хотя и близкаго и родственнаго туземнымъ христіанамъ государства. Греки вышли на этотъ разъ за предѣлы своего нравственнаго права помочь бѣдствующимъ и борющимся кандіотамъ; они примѣшали къ этихъ мотивамъ личные политическіе разсчеты и заявили о нихъ во всеуслышаніе, предъ лицомъ Европы, отъ которой всецѣло зависѣло устройство судьбы Крита.

Со стороны Греціи это возвѣщеніе о переходѣ острова подъ власть короля Георга, сдѣланное на глазахъ могущественныхъ европейскихъ эскадръ, безъ согласія державъ и даже вопреки ихъ волѣ, —было поразительною наивностью; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно было крупною политическою ошибкою, такъ какъ оно сразу возстановило противъ грековъ общественное мнѣніе европейскихъ націй и побудило кабинеты энергически выступить противъ подобныхъ притязаній, опасныхъ для общаго мира. Пострадали отъ этого и кандіоты, которые, вмѣсто предстоявшаго овладѣнія критскою столицею, очутились сами подъ угрозою бомбардировки съ иностранныхъ броненосцевъ. Хотя правила о нейтралитетѣ не были обязательны для туземныхъ христіанъ, воевавшихъ противъ турокъ, однако и къ нимъ были примѣнены требованія, которыя справедливо предъявлялись начальникамъ греческихъ войскъ и греческой флотиліи. Инсургенты, осаждавшіе Канею, или не поняли предостереженія, или отнесли его исключительно къ оккупаціоннымъ греческимъ силамъ, подчиненнымъ полковнику Вассосу; они продолжали дѣйствовать самостоятельно, но вскорѣ почувствовали на себѣ значеніе европейскаго вмѣшательства. Когда 21 (9) февраля они завязали перестрѣлку съ турецкими аванпостами, то подверглись выстрѣламъ грозныхъ орудій броненосцевъ; иноземныя эскадры направили свой огонь въ наступавшіе отряды христіанъ и заставили ихъ отступить съ урономъ, хотя и безъ жертвъ: „ни одного инсургента не убито, а причиненъ только матеріальный вредъ", какъ сообщали телеграммы. Но такимъ образомъ, по ироніи судьбы, европейскіе броненосцы, столь долго и заботливо соблюдавшіе нейтралитетъ во время избіеній, грабежей и пожаровъ на островѣ Критѣ, употребили въ первый разъ свои орудія и своихъ матросовъ не противъ башибузуковъ, опустошавшихъ страну, а противъ защитниковъ и бойцовъ ея автономіи, признанной и установленной самими европейскими державами.

Событія пошли не такъ, какъ предполагали дипломаты, но все-

таки бездѣйствіе Европы и ея броненосцевъ прекратилось, и кабинеты вынуждены были дѣйствительно взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о Кандіи. Только во имя окончательнаго устройства судьбы этого острова безъ участія турокъ можно было требовать, чтобы возставшіе христіане успокоились и чтобы греческія войска удалились въ ожиданіи авторитетнаго рѣшенія Европы. Дѣятельность дипломатіи вообще оживилась, сдѣлалась болѣе энергичною и цѣлесообразною; даже согласіе державъ упрочилось, въ виду явной неправильности и ошибочности дѣйствій Греціи, но нельзя въ то же время не признать, что, именно благодаря этой неправильности, великія державы нашли себя вынужденными начать болѣе рѣшительныя дѣйствія. Министры европейскихъ державъ почти одновременно высказывались въ парламентахъ въ одномъ и томъ же духѣ; такъ, 22 (10) февраля, г. Ганото произнесъ рѣчь во французской палатѣ депутатовъ; статсъ-секретарь Маршаль фонъ-Биберштейнъ говорилъ въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, а товарищъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Керзонъ, — въ палатѣ общинъ; — всѣ они одинаково осуждали самовольное вмѣшательство грековъ и признавали необходимость обезпеченія безопасности и спокойствія Крита. Предложеніе Германіи подвергнуть блокадѣ Пирей, чтобы принудить Грецію немедленно отозвать свои войска и суда, было принято только на случай рѣшительнаго отказа греческаго правительства подчиниться общей волѣ державъ. Наконецъ, маркизъ Сольсбери, котораго наиболѣе подозрѣвали въ скрытой поддержкѣ честолюбивыхъ плановъ Греціи, изложилъ въ палатѣ лордовъ, 25 (13) февраля, содержаніе деклараціи, сообщенной имъ остальнымъ кабинетамъ, относительно желательнаго дальнѣйшаго направленія европейской политики по критскому вопросу. Декларація отличается такою же ясностью и положительностью взгляда, какъ и другія дипломатическія заявленія Англіи за послѣдніе годы. Маркизу Сольсбери вообще несвойственна уклончивость, закутанная въ туманную фразеологію, которая многимъ кажется неизбѣжнымъ признакомъ дипломатическаго искусства; онъ прямо ставитъ задачу, безъ недомолвокъ и умолчаній, и не стѣсняется опредѣлять факты, какъ они есть, хотя бы его указанія были обидны или непріятны для заинтересованныхъ государствъ, напр., какъ въ данномъ случаѣ, для Турціи. Программа его сводится къ двумъ существеннымъ пунктамъ: во-первыхъ, установленіе административной автономіи Крита, подъ верховною властью султана, должно быть непремѣннымъ условіемъ прекращенія международной оккупаціи острова; и, во-вторыхъ, если Турція или Греція будутъ упорно отказываться, въ случаѣ требованія державъ, отозвать съ Крита свои морскія и сухопутныя силы, то державамъ слѣдуетъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ.

По мнѣнію лорда Сольсбери, Турція должна очистить островъ подобно тому, какъ она сдѣлала это въ свое время относительно Сербіи и Самоса, оставивъ тамъ только небольшіе гарнизоны въ знакъ своего формальнаго владычества. Прежде всего, обязательно устраненіе грековъ отъ вмѣшательства, а затѣмъ можно будетъ устроить дѣло съ турками. Новѣйшее единодушіе державъ, о которомъ сообщаютъ газеты, означаетъ, что программа лорда Сольсбери одобрена кабинетами, и что, слѣдовательно, критскій вопросъ поставленъ наконецъ на разумную практическую почву, послѣ многихъ безцѣльныхъ колебаній и компромиссовъ. Греція, разумѣется, уступила давленію великихъ державъ, насколько можно судить по телеграммамъ изъ Аѳинъ, отъ 14-го февраля; но, потерпѣвъ неудачу въ своемъ предпріятіи, она имѣетъ нѣкоторое право быть довольною достигнутыми результатами. Благодаря военному вмѣшательству грековъ, котораго не съумѣла предупредить европейская дипломатія, международное согласіе выразилось теперь въ опредѣленномъ рѣшеніи выйти изъ прежнихъ рамокъ пассивнаго нейтралитета и устроить дальнѣйшую участь Крита не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Такой благотворный, хотя отчасти и запоздалый, поворотъ въ европейской политикѣ по отношенію къ Турціи долженъ удовлетворить всѣхъ искреннихъ друзей мира въ Европѣ.

Что касается Греціи, то раздраженіе, съ какимъ отнеслась къ ней заграничная печать, едва ли можетъ быть признано основательнымъ. Греки увлеклись своими патріотическими чувствами и взяли на себя, конечно, непосильную роль освободителей и завоевателей Крита; притомъ они увлеклись слишкомъ поздно и выбрали для этого неблагопріятный моментъ, когда въ критскихъ водахъ стояли уже многочисленныя суда иностранныхъ флотовъ. Но подобныя увлеченія не имѣютъ въ себѣ ничего постыднаго,—особенно для народа слабаго и бѣднаго, лишеннаго возможности разсчитывать на успѣхъ. Нѣкоторые публицисты думаютъ, что увлекаться рискованнымъ подъемомъ патріотическаго духа подобаетъ только могущественнымъ націямъ, которыя могутъ дѣйствовать навѣрняка,—хотя истинное самоотверженіе высказывается ярче всего, когда оно соединяется съ физическимъ безсиліемъ. Нѣмецкія газеты ставятъ въ вину грекамъ ихъ плохое государственное хозяйство, ихъ легкомысленное отношеніе къ финансовымъ обязательствамъ страны и ихъ неспособность управиться съ своими собственными внутренними дѣлами;—эти упреки, безъ сомнѣнія, справедливы, но они должны быть отнесены не къ народнымъ элементамъ, — а это именно эти народные элементы и воодушевились мыслью помочь критянамъ и увлекли за собою правительство на путь „приключеній".

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1897.

— Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 1896.

Жизнь въ каторгѣ описывалась много разъ, и въ цѣломъ и эпизодически, посторонними наблюдателями и людьми, которые сами ее испытывали. Двѣ книги особенно извѣстны: знаменитыя „Записки изъ Мертваго Дома" Достоевскаго и книга С. В. Максимова; сдѣлано было также не мало изслѣдованій объ экономическомъ и бытовомъ значеніи ссылки для Сибири и т. д. Книга г. Мельшина, какъ видно по самому заглавію, принадлежитъ къ разряду личныхъ воспоминаній человѣка, который самъ прошелъ эту жизнь. „Много лѣтъ довелось мнѣ прожить въ мірѣ отверженныхъ,—говоритъ авторъ,—и прожить не въ качествѣ посторонняго зрителя, а непосредственнаго участника во всѣхъ мелочахъ ихъ жизни, лежавшаго радомъ съ ними на тѣхъ же нарахъ, питавшагося той же омерзительной баландой, работавшаго ту же работу, дѣлившаго тѣ же умственные и нравственные интересы. Много пришлось видѣть любопытнаго; пришлось, разумѣется, и выстрадать не мало... Поэтому часто подмывало меня и до сихъ поръ подмываетъ желаніе передать свои впечатлѣнія бумагѣ, повѣдать о нихъ свѣту.

„Правда, страшно браться за задачу, которая однажды была уже блистательно выполнена великимъ художникомъ. Несмотря на то, что цѣли, которыя я ставлю себѣ, очень скромны, и что я совершенно чуждъ претензій на художественность письма, мною все-таки овладѣваетъ невольное чувство боязни, когда я вспоминаю о существованіи „Записокъ изъ Мертваго Дома": таково ужъ очарованіе генія.

„Я долго колебался... И только мысль о томъ, что столько измѣненій произошло въ этомъ мрачномъ мірѣ со времени Достоевскаго,

что его время отдѣлено отъ насъ уже нѣсколькими десятками лѣтъ, такъ многообразно отразившимися на всѣхъ сторонахъ и явленіяхъ русской жизни, а между тѣмъ не слишкомъ-то часто случается въ исторіи, чтобы такіе писатели, какъ Достоевскій, шли въ каторгу,—одна только эта мысль побудила меня взяться, наконецъ, за перо и оттолкнуть отъ себя всѣ сомнѣнія. Исполню свою задачу такъ, какъ позволятъ мои небольшія силы, не становясь на ходули и требуя въ награду себѣ не славы, а лишь одного—признанія искренности".

Затѣмъ авторъ разсказываетъ исторію, которая повлекла его въ Сибирь и на каторгу. Не будемъ приводить ея. Такъ или иначе, авторъ дорого платилъ за ошибки и увлеченія молодости. Онъ видѣлъ и испыталъ самъ всѣ подробности ссылки и жизни на каторгѣ, за исключеніемъ развѣ того, что во время странствія „по этапамъ", какъ это бывало въ прежнее время до проведенія сибирской желѣзной дороги,—онъ, принадлежа къ привилегированному званію, и благодаря хлопотамъ родныхъ, „ѣхалъ въ каторгу съ сравнительнымъ комфортомъ, пользовался отдѣльнымъ отъ партіи помѣщеніемъ на этапахъ, имѣлъ подводу и пр.". Но изъ своего „отдѣльнаго помѣщенія" и „съ подводы" онъ видѣлъ, однако, всѣ подробности странствія ссыльныхъ, а на мѣстѣ, въ восточной Сибири, онъ уже сполна раздѣлялъ всѣ условія жизни и работъ въ каторжной тюрьмѣ. Кромѣ привилегированнаго званія, авторъ былъ также и человѣкъ съ высшимъ образованіемъ: понятно, что при всѣхъ тяжкихъ личныхъ испытаніяхъ онъ становился и наблюдателемъ того особеннаго ужаснаго міра, въ которомъ ему пришлось провести нѣсколько лѣтъ. Авторъ скромно удаляетъ отъ своего труда всякое сравненіе съ „Мертвымъ Домомъ" Достоевскаго; то была дѣйствительно книга большого художника, передъ которымъ носилась кромѣ того тема мистической психологіи и поученія, но, тѣмъ не менѣе, настоящія записки имѣютъ свои замѣчательныя достоинства, по которымъ онѣ могутъ стать съ полнымъ правомъ на второе мѣсто послѣ „Мертваго Дома".

Авторъ оказался писателемъ съ недюжиннымъ дарованіемъ. Онъ съ большой наблюдательностью и въ живомъ разсказѣ передаетъ и внѣшнія черты видѣннаго и испытаннаго имъ быта, и психологію населенія тюрьмы. Книга любопытна въ разныхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, что здѣсь представлена чрезвычайно реальная, свободная отъ преувеличеній въ ту или другую сторону картина жизни „отверженныхъ", книга представляетъ значительный этнографическій интересъ. Населеніе тюрьмы, которое наблюдалъ авторъ, было, конечно, особенное, въ тюрьмѣ собрались особенно тяжелые преступники; это —отрицательная сторона жизни, главнымъ образомъ собственно на-

роднаго быта, потому что почти исключительно это были крестьяне, рабочіе, мѣщане, мелкіе купцы, приказчики и т. п. Мы не припомнимъ сравнительныхъ цифръ уголовной статистики; но намъ кажется, что для настоящей оцѣнки ея данныхъ важно было бы опредѣлять кромѣ числа убійствъ и иныхъ уголовныхъ преступленій самую квалификацію, уровень понятій, въ которыхъ отразится, конечно, въ крайнихъ и ненормальныхъ формахъ, степень развитія самой среды. Авторъ узналъ исторію многихъ людей, съ которыми жилъ въ тюрьмѣ, и которые при случаѣ разсказывали свое прошлое, и его нерѣдко поражалъ характеръ преступленій, гдѣ кромѣ личнаго извращенія сказывалась и общая низменная ступень нравственныхъ понятій цѣлой массы.

При одномъ изъ такихъ разсказовъ авторъ попробовалъ замѣтить странную логику, которая разсказчику казалась совершенно естественнымъ дѣломъ, но замѣчанія автора вызвали только новую защиту логики.

„Я не сталъ спорить,—говоритъ авторъ,—видя, что мы говоримъ на совершенно разныхъ языкахъ, и что намъ никогда не понять другъ друга. Непріятное, удручающее впечатлѣніе произвели на меня и этотъ разсказъ, и это бездушное отношеніе къ нему слушателей. Меня охватило чувство невольнаго ужаса и отвращенія къ этому мягкому, повидимому, и простодушному парню, въ душѣ котораго почудилось мнѣ присутствіе какой-то недоброй, темной, больной, быть можетъ, ему самому невѣдомой силы... И не мало времени прошло, пока я смогъ осилить себя и начать относиться къ нему по старому. Это случилось тогда только, когда ужасная исторія, услышанная мной въ этотъ день, поблѣднѣла передъ другими, въ десять разъ болѣе страшными своимъ безсердечнымъ цинизмомъ и сознательной развращенностью; когда, ближе познакомившись съ Ногайцевымъ, я узналъ, что онъ Богородицу смѣшиваетъ съ Пресвятой Троицей, Христа съ Николаемъ Угодникомъ и проч., узналъ, что душа его была въ сущности то же, что трава, растущая въ полѣ, облако, плывущее въ небѣ и повинующееся дуновенію перваго вѣтра“ (стр. 107).

Разсказывая о строгихъ правилахъ тюремной жизни, авторъ говоритъ, что въ сущности на громадное большинство тюрьма не оказывала ни малѣйшаго исправляющаго вліянія. „Даже въ Шелайской тюрьмѣ, гдѣ жизнь была до смѣшного опутана всевозможными установленіями и формализмомъ, никакія инструкціи не могли отнять у арестантовъ свободы мыслить и чувствовать сообразно ихъ понятію и умѣнью, и такъ какъ установленія эти касались только чисто внѣшняго облика и поведенія человѣка, того, чтобы въ камерахъ и

корридорахъ было чисто, чтобы одежда была въ исправности, чтобы уроки сдавались сполна и шапка съ головы снималась во-время, то въ результатѣ не было, конечно, ни одного случая перевоспитанія души человѣческой. Понятія о цѣли и смыслѣ жизни, всѣ взгляды на вещи оставались совершенно нетронутыми, и арестантъ, выходя въ „вольную команду“ или на поселеніе, начиналъ новую жизнь по тому же шаблону, по какому и раньше жилъ, съ тою только разницею, что теперь старался вести дѣло „чище“, осторожнѣе, не оставляя по возможности слѣдовъ и уликъ. Однимъ словомъ, я вынесъ такое впечатлѣніе, что терроризующій режимъ каторги вліяетъ въ желательномъ для закона смыслѣ лишь на очень небольшую группу людей, здоровыхъ отъ природы и не развращенныхъ воспитаніемъ, попавшихъ въ тюрьму благодаря какой-нибудь внезапной вспышкѣ темперамента, минутному соблазну или судебной ошибкѣ; но вѣдь такихъ незачѣмъ и устрашать: они все равно не попадутъ во второй разъ въ каторгу, а если и попадутъ, то не скорѣе всякаго другого средняго человѣка, живущаго на волѣ. За то испорченнаго до мозга костей человѣка внѣшній страхъ толкко окончательно развращаетъ, заставляя быть хитрымъ и лицемѣрнымъ. Онъ не уничтожаетъ въ его душѣ злотворныхъ бациллъ, производящихъ болѣзни преступленій, а загоняетъ ихъ, такъ сказать, въ глубь, въ невидимые для посторонняго глаза сердечные тайники, гдѣ присутствіе ихъ, однако же, не менѣе опасно для общественнаго организма“.

Начальникъ тюрьмы, бравый штабсъ-капитанъ, былъ увѣренъ, что во ввѣренной ему тюрьмѣ все обстоитъ благополучно, если въ ней нѣтъ карточной игры, пьянства, буйства. Ему могло казаться, что „тюремное дѣло въ его рукахъ кипитъ и процвѣтаетъ, что онъ идетъ впереди своего вѣка, или, по крайней мѣрѣ, ни на шагъ не отстаетъ отъ выводовъ самоновѣйшей криминальной науки; но мнѣ, передъ которымъ открывались порой сокровеннѣйшія глубины преступной души, мнѣ дѣло было виднѣе, и я съ болью въ сердцѣ видѣлъ, что ничего существеннаго, ничего хорошаго этимъ страшнымъ режимомъ не достигалось... Я видѣлъ, что всѣ эти грозныя команды, строи, маршировки, всѣ эти крики о сниманіи и надѣваніи во-время шапокъ черезъ нѣсколько же дней обращались для арестанта въ привычку, которой онъ слѣдовалъ такъ же машинально, какъ машинально подносилъ ложку ко рту, а не къ носу, когда хотѣлъ ѣсть, что даже ни малѣйшаго страха и страданія эти вещи ему не доставляли. По собственному увѣренію любого изъ арестантовъ, онъ цѣлый день готовъ бы былъ снимать и надѣвать шапку, лишь бы не допекали его другими, болѣе существенными для него способами... Да и чего же иного стали бы вы ожидать отъ человѣка, у котораго

совершенно атрофировано понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, о правѣ, объ униженіи? Больше того: у человѣка, у котораго до сей поры вы же, представители интеллигенціи (въ лицѣ властей и чиновниковъ), старались по возможности подавить, а не развить это понятіе! Страдать подобнымъ страданіемъ способенъ только интеллигентный человѣкъ, и, дѣйствительно, я съ положительностью могу утверждать, что за годы моего прозябанія въ Шелайской тюрьмѣ изъ сотенъ перебывавшихъ въ ней арестантовъ *эта сторона* тюремной жизни дѣйствовала угнетающимъ образомъ не больше какъ на 2—3 интеллигентовъ, имѣвшихъ несчастіе, подобно мнѣ, попасть въ каторгу... Что касается арестантской массы, то, мнѣ казалось, ей доставляло даже какое-то наслажденіе снять лишній разъ шапку передъ начальствомъ" (стр. 110—112).

Далѣе: „Несравненно больше терзала меня, разумѣется, мысль о тѣлесномъ наказаніи. Мнѣ казалось, что еслибы когда-нибудь самого меня подвергли этому ужасному наказанію, то вся моя духовная личность была бы навѣки раздавлена, уничтожена, что я больше не могъ бы жить и глядѣть на свѣтъ Божій. Чѣмъ-то неизгладимо позорнымъ и варварскимъ, худшимъ изъ всѣхъ остатковъ средневѣковой пытки представлялось мнѣ употребленіе плетей и розогъ наканунѣ XX вѣка... Между тѣмъ, сожителямъ моимъ и этотъ взглядъ былъ вполнѣ чуждъ и непонятенъ. Въ тѣлесномъ наказаніи пугалъ ихъ одинъ только элементъ—элементъ боли. Когда я увидѣлъ въ первый разъ длинную, толстую плеть, свитую изъ бичевокъ на подобіе женской косы, когда ее принесли въ тюрьму для наказанія приговоренныхъ по суду къ плетямъ, и въ маленькій карцерный дворикъ, кромѣ палача, вошли—самъ Лучезаровъ (начальникъ тюрьмы), докторъ, фельдшеръ и нѣсколько надзирателей, я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и долго не могъ успокоиться даже послѣ того, какъ наказанные вернулись въ камеры и разсказывали, смѣясь, что одна „проформа" была" (стр. 113).

Однажды случилось, что въ эту трущобу заѣхалъ какой-то иноземный проповѣдникъ-филантропъ. Начальникъ тюрьмы предупредилъ арестантовъ: „посѣтитъ нашу тюрьму одинъ иностранецъ, путешествующій съ религіозной цѣлью, проповѣдникъ. По отношенію къ нему также ведите себя прилично, не вздумайте обращаться къ нему съ какими-нибудь просьбами. У васъ хватитъ ума. Онъ совершенно частное лицо, не облеченное никакой властью". Посѣщеніе произошло такимъ образомъ.

„На слѣдующій день къ вечеру, неожиданно для всѣхъ, явился въ тюрьму иностранецъ-проповѣдникъ со своимъ переводчикомъ, въ сопровожденіи одного лишь старшаго надзирателя: Лучезарова не

было дома—онъ куда-то отлучился. Высокій, сгорбленный старикъ съ сѣдой бородою, въ черномъ сюртукѣ и съ грудой евангелій подъ мышками, началъ обходить камеры и читать арестантамъ нѣмецкую проповѣдь, которую переводчикъ дословно переводилъ на русскій языкъ.

— Эта книга—великая книга, одинаково необходимая какъ для крестьянина, такъ и для императора. Ученіе, заключающееся въ этой книгѣ, истинно. Оно не только истинно, но также и въ высшей степени практично, полезно. Стоитъ искренно увѣровать и попросить Бога—и онъ исполнитъ всѣ наши просьбы и желанія...

„Только-что успѣлъ проповѣдникъ произнести въ нашемъ нумерѣ эти слова, какъ раздалась оглушительная команда: „Смир-но!!" и въ камеру влетѣлъ съ надзирателями запыхавшійся, весь сіяющій Лучезаровъ. Иностранецъ смутился и замолкъ.

— Начальникъ Шелайской тюрьмы, штабсъ-капитанъ Лучезаровъ! —отрекомендовался ему бравый штабсъ-капитанъ.

„Старикъ назвалъ свою фамилію, поклонился, подалъ руку и тотчасъ же вытащилъ изъ кармана бумагу, свидѣтельствовавшую о цѣляхъ его путешествія и о разрѣшеніи посѣщать каторжныя тюрьмы. Съ наивностью, доходившей до остроумія, арестанты разсказывали послѣ, что Шестиглазый (прозвище, которое арестанты дали начальнику тюрьмы), какъ только явился, сейчасъ же потребовалъ у иностранца „пачпортъ".

— Вотъ молодчина-то!—говорили про него не то съ насмѣшкой, не то съ дѣйствительнымъ восхищеніемъ.

— Онъ никому не уважитъ. Онъ и самому губернатору, пожалуй, двадцать очковъ впередъ дастъ!

— Ну, что-жъ,—сказалъ Лучезаровъ послѣ нѣсколькихъ секундъ неловкаго молчанія, возвративъ старику его „пачпортъ": — вы ужъ поговорили съ ними?

„Старикъ, узнавъ отъ переводчика смыслъ вопроса, кивнулъ головой въ знакъ согласія, и началъ раздавать арестантамъ книги, спрашивая напередъ, грамотны они или нѣтъ. Но всѣ назывались грамотными, даже и тѣ, которые знали лишь азбуку. Послѣ этого посѣтители отправились въ другіе нумера, при чемъ при входѣ въ каждый изъ нихъ раздавалось громогласное „смирно". Иностранцу, вѣроятно, не сильно понравилось проповѣдовать при такихъ условіяхъ. Онъ поспѣшилъ удалиться, а арестанты принялись со всѣхъ сторонъ судить и рядить его".

Разсужденія были особыя: говорили объ его наружности, объ одеждѣ, соображали, что вѣроятно есть у него деньжонки, что хорошо бы такого встрѣтить на дорогѣ...

„Тяжело было слышать подобныя рѣчи, больно думать, что для такихъ именно результатовъ пріѣзжалъ за тысячи верстъ этотъ старикъ, быть можетъ, искренно вѣрившій въ святость и значеніе своей миссіи, отъ всего сердца любившій этихъ людей и мечтавшій заронить въ ихъ душевную тьму искру того божественнаго свѣта, которымъ горѣло его собственное сердце... Но кого было и винить съ другой стороны? На что негодовать?" (стр. 371)

Евангелія пошли на свертываніе папиросъ или брошены куда попало.

Для автора было понятно, что это нравственное состояніе тюремнаго населенія было тѣмъ ужаснѣе, что его нельзя было считать принадлежностью одной тюрьмы...

Независимо отъ подобныхъ разсказовъ, книга, какъ мы сказали, заключаетъ много любопытныхъ бытовыхъ подробностей, этнографическихъ замѣчаній, изображаетъ работы въ рудникахъ и т. п. Въ цѣломъ, какъ мы говорили, послѣ „Мертваго Дома" Достоевскаго, это едва ли не лучшее, хотя не менѣе тяжелое, что было писано о бытѣ сибирской тюрьмы.

— В. П. Авенаріусъ. Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографической трилогіи „Ученическіе года Гоголя". Съ восемью портретами и видами. Спб. 1897.

Г. Авенаріусъ уже не въ первый разъ берется за трудную задачу дать біографическую повѣсть изъ жизни великаго писателя. До сихъ поръ онъ издалъ двѣ біографическія повѣсти изъ жизни Пушкина: „Отроческіе годы" и „Юношескіе годы Пушкина". Его опыты были вообще встрѣчены съ значительнымъ сочувствіемъ: предназначенныя для юношества, эти повѣсти вмѣсто обычной сухой біографіи давали живой разсказъ съ историческими и бытовыми чертами, которыхъ безъ этого молодой читатель совсѣмъ бы не узналъ, и которыя, однако, были весьма важны для нѣсколько яснаго представленія объ эпохѣ, нравахъ и о самой личности юноши, будущаго великаго писателя. Авторъ относился къ своей задачѣ весьма добросовѣстно, изучалъ историческую литературу о томъ времени и старался излагать свой матеріалъ въ наглядныхъ картинахъ.

Теперь онъ задумалъ дать такіе же разсказы изъ жизни Гоголя. „Задача эта,—говоритъ г. Авенаріусъ въ предисловіи,—была однакоже значительно труднѣе: не говоря уже о томъ, что самая личность Гоголя, этого замкнутаго въ себѣ флегматика-нелюдима, не могла вызывать у читателей того же невольнаго сочувствія, какъ личность Пушкина, натуры открытой, прямой и пылкой, литературные опыты Гоголя на школьной скамьѣ были очень посредственны

и не давали повода никому изъ близкихъ ему людей (кромѣ одной только родной матери) подозрѣвать въ немъ будущаго геніальнаго писателя. Кромѣ того, свѣдѣнія о его пребываніи въ родительскомъ домѣ и въ школѣ были такъ отрывочны и, повидимому, скудны, что даже вполнѣ компетентные судьи въ составленіи біографій высказывали мнѣ сомнѣніе о возможности написать цѣлую повѣсть изъ молодости Гоголя". Но за послѣднее время собралось столько различныхъ матеріаловъ по біографіи Гоголя, что авторъ нашелъ возможнымъ составить не только одну или двѣ, но даже три повѣсти объ ученическихъ годахъ Гоголя, а именно: „Гоголь-гимназистъ"; „Гоголь-студентъ"; „Гоголь въ школѣ жизни".

Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ разсказъ о пребываніи Гоголя въ Нѣжинѣ до конца его гимназическихъ классовъ и до смерти его отца. Главная часть разсказа занята описаніемъ школьныхъ порядковъ лицея и жизни Гоголя въ средѣ его товарищей; далѣе, присоединяются эпизоды пребыванія его въ деревнѣ и въ гостяхъ у ихъ извѣстнаго родственника и покровителя Трощинскаго. Разсказъ ведется очень живо, и безъ сомнѣнія будетъ занимателенъ для молодыхъ читателей. Собственно говоря, задача представляетъ не малыя трудности. Вводить лицо вполнѣ историческое въ повѣсть, которая во всякомъ случаѣ должна быть дѣломъ фантазіи (за неимѣніемъ достаточныхъ реальныхъ фактовъ), обставлять эту біографію чертами исчезнувшаго быта, уловить складъ понятій, выдержать колоритъ языка и т. д.,—все это задачи нелегко одолимыя, и надо отдать справедливость автору, что онъ положилъ не мало труда на то, чтобы овладѣть всѣми этими подробностями своей задачи. Не скажемъ, чтобы исполненіе вездѣ насъ удовлетворяло; можетъ быть, нужно было бы больше дать вниманія тому, чтобы яснѣе намѣтить психологическія черты въ характерѣ Гоголя, уже въ это время очень сложномъ; больше выяснить черты той малорусской природы и старой сельской жизни, которая впослѣдствіи имѣла для него такое чарующее значеніе; кое-гдѣ точнѣе выдержать складъ языка, какимъ говорятъ дѣйствующія лица и т. п. Но въ цѣломъ повѣсть г. Авенаріуса есть, во всякомъ случаѣ, пріятное явленіе въ нашей литературѣ для юношества. Біографіи великихъ писателей принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ числу темъ, которыя могутъ быть особливо занимательны и поучительны для молодыхъ читателей, и заслуживаетъ полнаго сочувствія тотъ добросовѣстный трудъ, какой положенъ авторомъ для достиженія поставленной имъ цѣли. Въ концѣ, заключивъ „ученическіе годы", авторъ, безъ сомнѣнія, дастъ своимъ читателямъ, какъ эпилогъ, и очеркъ того великаго дѣла, какое изображаемый имъ писатель совершилъ въ зрѣлую пору своей дѣятельности.

— А. М. Лобода. Русскій богатырскій эпосъ. (Опытъ критико-библіографическаго обзора трудовъ по русскому богатырскому эпосу). Кіевъ, 1896.

Въ предисловіи читаемъ, что настоящая книга есть студенческая работа на тему, предложенную факультетомъ. Мы уже не разъ встрѣчаемъ подобныя работы въ печати, и должно отдать справедливость прекрасному выбору факультетомъ такихъ задачъ, которыя даютъ молодому ученому возможность осмотрѣться въ литературѣ того или другого предмета, что̀ должно быть первымъ приступомъ къ труду болѣе самостоятельному, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность сдѣлать свою работу полезной и въ серьезномъ научномъ смыслѣ.

Г. Лобода распредѣлилъ свой библіографическій опытъ на три отдѣла. Въ первомъ онъ разсматриваетъ русскій богатырскій эпосъ въ историко-литературномъ отношеніи, а именно: отмѣтивъ его формы и обычныхъ героевъ, собираетъ свѣдѣнія о богатыряхъ по лѣтописямъ, отмѣчаетъ старинныя записи, кончая Киршою Даниловымъ, и новыя собранія отъ Сахарова и Кирѣевскаго до Рыбникова, Гильфердинга, Барсова, Ефименка и т. д. Во второмъ отдѣлѣ эпосъ разсматривается въ отношеніи этнографическомъ: географическое распространеніе былинъ, сосредоточеніе ихъ въ Олонецкомъ краѣ, пріемы былиннаго творчества, стихъ, упадокъ и разложеніе былины. Третій отдѣлъ даетъ исторію постепеннаго выясненія характера и происхожденія былины, отъ первыхъ догадокъ XVIII вѣка переходя къ различнымъ взглядамъ первой половины столѣтія и, наконецъ, къ систематическимъ изслѣдованіямъ, гдѣ авторъ отмѣчаетъ сравнительно-миѳологическое направленіе (Буслаевъ, Аѳанасьевъ и др.), историческое (Л. Майковъ, Квашнинъ-Самаринъ, и здѣсь же взгляды историковъ разныхъ школъ), далѣе—теорію г. Стасова; труды г. Веселовскаго, Потебни, Кирпичникова; изслѣдованія г. Ягича, Жданова, Дашкевича, Вс. Миллера и др.

„Въ большинствѣ случаевъ,—такъ начинаетъ авторъ свое библіографическое изслѣдованіе, — съ эпосомъ индоевропейскихъ народовъ приходится знакомиться не по первоисточникамъ, не непосредственно изъ устъ народа, а по болѣе или менѣе литературнымъ обработкамъ и даже переработкамъ его. Назовемъ Книгу царей, Иліаду и Одиссею, Пѣснь о Роландѣ, Нибелунги и др. Не то мы замѣчаемъ у славянскихъ народовъ, въ частности у русскихъ. Со своимъ народнымъ эпосомъ мы имѣли возможность познакомиться прямо изъ устъ народа, такъ какъ если у русскаго народа въ настоящее время изсякла былая творческая производительность, то все же не забылись еще созданные въ дни расцвѣта послѣдней высокохудожественные образы.

„Сохраненіе народнаго эпоса до настоящаго времени въ живой народной передачѣ имѣетъ весьма важное значеніе, потому что благодаря этому чище и рѣзче могли удержаться духъ и черты подлинной неприкрашенной народности, въ литературныхъ обработкахъ всегда нѣсколько сглаживающейся и подчасъ даже подчиняющейся различнымъ литературнымъ вліяніямъ, направленіямъ и модамъ. Всякая обработка, даже самая осторожная и добросовѣстная, налагаетъ на произведеніе печать искусственности, преднамѣренности; русскія народныя эпическія пѣсни, за очень и очень ничтожными исключеніями, чужды этихъ качествъ и вольно и плавно льются, отражая въ себѣ долголѣтнюю жизнь русскаго народа, со всѣми ея горестями и радостями. Подъ таинственнымъ покровомъ поэтической передачи предъ нашимъ взоромъ вырисовываются очертанія многихъ вѣковъ русской исторіи... Въ общемъ получается цѣльная, замѣчательная по своему богатству и разнообразію, картина внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Руси, ея идеаловъ, культурныхъ общеній,—не писанная исторія, не признающая хронологіи и съ своеобразными пріемами изложенія, но тѣмъ не менѣе полная внутренней правды“!..

Все это такъ,—и не такъ. Если есть великій историческій и національный интересъ въ эпосѣ, сохранившемся въ теченіе вѣковъ въ народной памяти, то это сохраненіе было только условное и въ извѣстныхъ предѣлахъ;—и литературныя обработки, какъ у Гомера и въ Нибелунгахъ, были въ свою очередь чрезвычайно важными историческими и національными фактами. Въ нашемъ эпосѣ мы имѣемъ столь сложное, далеко не всегда ясное народно-поэтическое произведеніе, накопившее столько наслоеній разныхъ вѣковъ, разныхъ міровоззрѣній, разныхъ областныхъ, сословныхъ и иныхъ отпечатковъ,—что весьма мудрено сказать, чтобы въ немъ „чище и рѣзче могли удержаться духъ и черты подлинной, не прикрашенной народности“. Какой народности? Миѳологическая школа, какъ извѣстно, находила въ былинѣ прямо до-христіанскій миѳъ; историческая школа видѣла въ ней несомнѣнное воспоминаніе о кіевской христіанской эпохѣ; историко-литературное и сравнительное изученіе находило въ самыхъ основахъ былины, во-первыхъ, явную примѣсь чисто книжнаго поэтическаго содержанія, во-вторыхъ, несомнѣнныя параллели съ средневѣковымъ преданіемъ не только западнымъ, но и восточнымъ,—все это на пространствѣ многихъ вѣковъ развитія эпоса; а если среди уединенно совершавшейся исторической жизни русскаго народа происходила уже въ эпосѣ примѣсь чужого содержанія, то уже этимъ ограничиваются размѣры „подлинной неприкрашенной народности“, а съ другой стороны, въ этихъ непрерывавшихся въ теченіе вѣковъ постепенныхъ наслоеніяхъ теряется опредѣленность

какого-либо одного историческаго момента. Разница съ классическимъ или средневѣковымъ западнымъ эпосомъ заключается въ томъ, что тамъ эпосъ очень давно сталъ достояніемъ литературнаго развитія, другими словами, первобытное эпическое міровоззрѣніе смѣнялось послѣдующею ступенью культуры; у насъ эта смѣна происходила сравнительно съ европейскимъ Западомъ гораздо позднѣе,—надо думать, что это было въ XVI—XVII вѣкѣ: повидимому къ этому времени надо отнести (можетъ быть, за нѣсколькими исключеніями) окончательное завершеніе эпическаго цикла, послѣ чего на мѣсто былиннаго эпоса является историческая пѣсня и начинаются первыя книжныя записи былины. Въ старину, наша народная поэзія такъ усердно преслѣдовалась и проклиналась, что у книжниковъ не было мужества взяться за ея воспроизведеніе; позднѣе, для этого прошло время, потому что и самый народъ началъ забывать былину,—какъ на Западѣ забыли свой народный эпосъ, только гораздо раньше. Но если мы имѣемъ классическій и средневѣковый эпосъ въ литературной обработкѣ, то, какъ мы сказали, это имѣетъ свою великую цѣну, которой нельзя уменьшать: дѣло въ томъ, что эта обработка сохранила, и для самого народа, и для исторіи, такія стадіи древняго поэтическаго развитія, какихъ мы, напримѣръ, съ великимъ трудомъ доискиваемся въ преданіяхъ нашей былины. Гомеровскій эпосъ, какъ до извѣстной степени и средневѣковый западный, закрѣпили эту первобытную стадію поэтическаго развитія, и гомеровскія эпопеи стали для своего народа національнымъ памятникомъ, для послѣдующихъ временъ и чужихъ народовъ предметомъ художественнаго удивленія, и для новѣйшей науки обильнымъ, донынѣ неисчерпаннымъ, источникомъ изученія греческой древности.

Книга г. Лободы, собирающая свѣдѣнія о многолѣтнихъ изученіяхъ нашей былины, сама краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ трудно поддается изслѣдованію то историческое наслоеніе, древнее и позднѣйшее, какое представляетъ нашъ богатырскій эпосъ. И въ концѣ концовъ, въ заключеніе этой исторіи трудовъ, положенныхъ на его объясненіе и гдѣ на него положено было много самаго ревностнаго желанія, много остроумія и даже необыкновенной учености, авторъ далеко не удовлетворенъ результатомъ.

„Мы наблюдали,—говоритъ авторъ,—зарожденіе изученія русскаго богатырскаго эпоса, первые колеблющіеся отзывы объ этомъ эпосѣ, безусловное преклоненіе предъ нимъ, какъ предъ сокровищницею лучшихъ идеаловъ и завѣтовъ народа—однихъ, и отрицаніе его другими, будто бы во имя общечеловѣческихъ идей; наблюдали, какъ въ нестройную массу эпическаго матеріала былъ внесенъ лучъ свѣта, подчинившій его опредѣленному порядку. Слабое доселѣ изу-

ченіе пошло живѣе, взгляды чередовались со взглядами, мѣнялись цѣлыя направленія; ограниченный вначалѣ, строго былевой матеріалъ быстро расширился сравнительными разысканіями въ сосѣднихъ областяхъ. Но къ чему же это изученіе привело? Болѣе или менѣе опредѣлились тѣ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ создавалась и развивалась народная поэзія, и роль народа въ созданіи послѣдней. Порѣшенъ вопросъ о миѳологическомъ процессѣ и его роли въ былинахъ, хотя припомнимъ, что такой крупный изслѣдователь, какъ А. А. Потебня, къ установившемуся рѣшенію относился весьма скептически. Выдвинутъ и обоснованъ принципъ международности нашего эпоса, хотя эта международность едва ли не каждымъ изслѣдователемъ понимается по своему. Изъ-подъ международныхъ слоевъ эпоса вырисовываются историческія основы его, которыя, однако, далеко не вполнѣ еще опредѣлились и многими оспариваются; предметомъ спора служитъ и вопросъ о мѣстѣ и времени происхожденія русскихъ былинъ. Но несравненно больше неопредѣленности въ болѣе частныхъ вопросахъ: о генезисѣ того или иного мотива, типа, его оригинальности, либо восточномъ или западномъ его источникѣ и т. п., причемъ подобные вопросы нерѣдко обобщаются и служатъ матеріаломъ для сужденія о характерѣ всего эпоса. Сравнительные пріемы сослужили намъ великую службу тѣмъ, что собрали обширный матеріалъ, разнообразнѣйшій по своему содержанію; но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится отмѣтить, что нерѣдко сравненія дѣлаются ради сравненій, въ вопросѣ о заимствованіи упускаются изъ виду внутреннія основанія, необходимыя для послѣдняго; одностороннее увлеченіе чисто внѣшнимъ сходствомъ повело къ тому, что почти нѣтъ вопроса, по которому хотя нѣсколько человѣкъ высказалось бы одинаково. Въ погонѣ за частнымъ, изученіе котораго необходимо и плодотворно, лишь пока оно не переходитъ въ крайность, мы теряемъ свою путевую нить и теряемся въ лабиринтѣ мелочей, утративъ представленіе о томъ, какое отношеніе имѣютъ эти частности къ общему".

Самая книга обработана весьма обстоятельно: авторъ съ большою полнотой пересмотрѣлъ всю литературу, относящуюся къ былинамъ, и книга будетъ служить очень полезнымъ пособіемъ для тѣхъ, кто занимается исторіею нашего былиннаго эпоса.—П.

Въ февралѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александренко, В. Н., профессоръ Имп. варшавскаго университета.—Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в. Томъ II. Матеріалы. Варшава, 1897, VII. Стр. 414. Ц. 2 р. 25 к.

Алексѣевъ, В.—Лучшія луковичныя и шишковатыя растенія для комнатной культуры. Спб. 97. Стр. 197. Ц. 1 р. 50 к.

Алексѣевъ, П. С., д-ръ.—О пьянствѣ. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное. Съ предисловіемъ Льва Толстого: „Для чего люди одурманиваются" (Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читателей). М. 1896. Стр. 211 и 198. Ц. 60 коп.

Бабиковъ, А. Я.—Жукъ. Разсказъ въ 2 ч. Спб. 97. Стр. 552. Ц. 2 р. 75 к.

Барыковъ, А. П.—Стихотворенія и прозаическія произведенія. Спб. 1897. (Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читателей). Стр. 317. Ц. 1 р. 25 к.

Бентъ, Теод. — Путешествіе по Абиссиніи въ 1893 г. Обраб. по подлин. М. А. Лялиной. Съ 50 рис. и картой Абиссиніи. Спб. 97. Стр. 165. Ц. 1 р.

Бильдерлингъ, П. Я.—Бесѣды по земледѣлію. Съ 18 рис. Спб. 97. Стр. 102. Ц. 40 к.

Блэккъ, Д.—Мозговая работа и переутомленіе. Перев. съ англ. Спб. 97. Стр. 80. Ц. 30 к.

Бонвало, Габріэль.—Невѣдомая Азія. Путешествіе въ Тибетъ. Переводъ съ французскаго Л. А. Богдановича. Изданіе редакціи журнала „Средне-Азіатскій Вѣстникъ". Ташкентъ, 1897. Стр. 142. Ц. 80 коп., съ пересылкою 1 р.

Бржескій, Н.—Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Спб. 97. Стр. 427. Ц. 4 р.

Бунинъ, Ив.—На край свѣта. Кастрюкъ. Разсказы. Спб. 97. Стр. 30. Ц. 10 к.

Вагнеръ, К.—Молодое поколѣніе. Перев. съ 17 франц. изд. С. Леонтьевой. Съ портр автора. Спб. 97. Стр. 323. Ц. 1 р.

Вагнеръ-Фрейеръ.—Развлеченія изъ міра науки. Руководство къ опытамъ изъ физики и химіи, къ составленію коллекцій растеній, минераловъ и пр. Переводъ съ пятаго нѣмецкаго изданія И. Комаровскаго. Спб. Изданіе книжнаго магазина М. Ледерле, 1896. Стр. 336 съ рисунками. Ц. 2 р.

Вахтеровъ, В.—Народныя чтенія. Спб. 97. Стр. 209. Ц. 1 р.

Веберъ, К. К.—Крахмальное, декстринное и паточное производства. Съ атл. въ 24 табл. съ 150 фиг. Изд. 2. Атласъ. Спб. 97.

Викторовъ, П. П., д-ръ.—Дальнѣйшее развитіе и успѣхи Броунъ-Секаровскаго способа леченія болѣзней подкожными вспрыскиваніями вытяжекъ изъ органовъ животныхъ. Вып. I. М. 97. Стр. 120. Ц. 1 р. 25 к.

Водовозова, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Спб. 1897. Чехи, поляки, русины. Стр. 184. Ц. 40 к.

Вормсъ, Р.—Общественный организмъ. Перев. съ франц. п. р. А. Я. Трачевскаго. Спб. 97. Стр. 246. Ц. 75 к.

Воротынскій, А.—На разсвѣтѣ. Историческая фантазія. Римъ, 63 годъ по Р. Х. Спб. 97. Стр. 88.

Гоголь-Яновскій, Г. И.—Виноградники и виноделіе во Франціи и Германіи. Тифл. 97. Стр. 157. Ц. 1 р.

Годлевскій, С. Ф.—Э. Ренанъ, его жизнь и научно-литературная дѣятельность. Съ портр. Эрн. Ренана. Спб. 95. Стр. 160. Ц. 25 к.

Гельмгольцъ, Г. проф.—Популярныя рѣчи. Перев. п. р. Ѳ. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. Ч. II. Спб. Стр. Ц. 1 р.

Горовай, Н. Я.—Гигіеническіе очерки. I. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній. Спб. 97. Стр. 164. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я.—Очеркъ философіи Платона. М. 1897. (Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читателей). Стр. III и 189. Ц. 60 коп.

Гумилевскій, Н.—Сущность и цѣли питейной реформы въ Россіи. Спб. 97. Стр. 66. Ц. 30 к.

Дарвинъ, Ч.—Измѣненіе животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи. Перев. М. Филиппова и П. Шмидта. Съ рис. Спб. 96. Стр. 232. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, В. А. (Полочанинъ).—Грёзы юности, стих. Новочеркасскъ, 97. Стр. 121. Ц. 75 к.

Долгоруковъ, В. А.—Путеводитель по всей Сибири и Среднеазіатскимъ владѣніямъ. Годъ 2. Томскъ, 97. Стр. 528. Ц. 1 р. и 1 р. 50 к.

Дрентельнъ, Елиз.—Не слишкомъ ли много мы лечимъ нашихъ дѣтей? Харьк. 96. Стр. 31. Ц. 20 к.

Дьяконовъ, М.—Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Выпускъ II. Грамоты и записи. Юрьевъ, 1897. Стр. VI и 129.

Дювернуа, Н. Л.—Конспектъ лекцій по русскому гражданскому праву. Отд. II Общей части и Особенная часть. Изданіе студентовъ, исправленн. и дополн. Спб. 97. Стр. 423. Ц. 3 р.

Елишевъ, А. И. (Елишевскій).—На праздникѣ Франціи. Наброски туриста. М. 97. Стр. 130. Ц. 40 к.

Злотчанскій, П.—Погода и предсказанія ея. Научно-популярный очеркъ. Од. 97. Стр. 55. Ц. 30 к.

——— Возвышеніе въ степень многочленовъ и чиселъ, и извлеченіе корней изъ чиселъ. Од. 97. Стр. 20. Ц. 30 к.

——— Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2. Од. 97. Ц. 75 к.

Кайгородовъ, Дм.—Дружба съ природой. Разсказы Элизы Брайтвинъ, въ изложеніи. Спб. 97. Стр. 189. Ц. 1 р. 50 к.

Киддъ, Вен.—Соціальное развитіе. Перев. съ англ. М. Чепинской. Спб. 97. Стр. 188. Ц. 75 к.

Классенъ, В. Я.—Ф. Лассаль, его жизнь, научные труды и общественная дѣятельность. Съ портр. Лассаля. Спб. 96. Стр. 160. Ц. 25 р.

Ковалевскій, Максимъ.—Происхожденіе современной демократіи. Т. III и IV. М. 97. Стр. 334 и 352. Ц. по 2 р.

Кони, А. Ѳ.—Судебныя рѣчи 1868—1888. Обвинительныя рѣчи. Руководящія напутствія присяжнымъ. Кассаціонныя заключенія. Изд. 3-е. Спб. 97. Стр. 730. Ц. 3 р. 50 к.

Коробка, П. С.—Замѣтки мирового судьи, III: Объ устройствѣ мѣстнаго суда. Спб. 96. Стр. 81.

Краевскій, А.—Практическія замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Спб. 97. Стр. 97. Ц. 50 к.

Куплеваскій, Н. О., ордин. проф. Имп. харьковскаго унив.—Русское государственное право. Т. II. Вып. I. Харьковъ. 1897. Стр. 259.

Лермонтовъ, М. Ю.—Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника, и удалого купца Калашникова. Рисунки С. С. Соломко. Спб. 97. Стр. 26.

Литвинъ, С. К.—Среди евреевъ. Спб. 97. Стр. 385.

Лобасовъ, И.—Отдѣлительная работа желудка собаки. Спб. 96. Стр. 168.

Маминъ-Сибирякъ.—Аленушкины сказки, 3 рис. М. 97. Стр. 14 in 4°.

Минскій, Н.—При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изданіе второе. Спб. 1897. Стр. XVI и 228. Ц. 1 р.

Мопассанъ, Гюи.—Чудный другъ и другіе разсказы. Перев. съ франц. Л. Никифорова. М. 97. Стр. 328. Ц. 1 р.

Нансенъ, Фритіофъ.—Во мракѣ ночи и во льдахъ. Путешествіе норвежской экспедиціи на кораблѣ „Фрамъ" къ сѣверному полюсу. Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова. Подъ ред. Н. Березина. Спб. 1897. Вып. I. Стр. 32. Ц. 30 к. Изданіе О. Н. Поповой.

Немировичъ-Данченко, В. И.—Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. М. 97. Стр. 117. Ц. 1 р. 25 к.

Петри, Э. Ю.—Критическій обзоръ иностранныхъ пособій при преподаваніи и изученіи географіи. Спб. 97. Стр. 163.

Платонъ.—Федонъ, разговоръ. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями Дмитрія Лебедева. Изданіе второе, значительно исправленное. М. 1896. (Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читателей). Стр. 156. Ц. 40 коп.

Покровская, М. И. женщ.-врачъ.—Санитарный надзоръ надъ жилищами и санитарная организація въ различныхъ государствахъ. Спб. 97. Стр. 166. Ц. 1 р.

Поссе, В.—„На холерѣ". М. 1896. (Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читателей). Стр. 111. Ц. 40 к.

Потапенко, И. Н.—Повѣсти и разсказы. Т. XI. Спб. 97. Стр. 329. Ц. 1 р.

Пржевальскій, В. В.—Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права. Спб. 97. Стр. 104.

Протопоповъ, Н. С.—Мысли и образы въ сочиненіяхъ И. С. Тургенева. Харьк. 97. Стр.

Реклю, Эл.—Земля и люди. Бельгія и Голландія. Перев. съ франц. Пл. Краснова. Съ 67 рис. и 9 черт. Спб. 97. Стр. 325. Ц. 1 р.

Розенфельдтъ-Фрейбергъ, Н. — Очерки по вексельному праву. Спб. 96. Стр. 186.

Сабатье, Арман.—Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Перев. В. Обрепмова. Спб. 97. Стр. 176. Ц. 60 к.

Сапожниковъ. В. В.—По Алтаю. Дневникъ путешествія 1895. Съ 40 табл. видовъ и 3 карт. Томскъ, 97. Стр. 127. Ц. 2 р.

Скабичевскій, А. М.—Исторія новѣйшей русской литературы 1848—1892 г. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Съ 52 портретами въ текстѣ. Спб. 1897, VIII. Стр. 534. Ц. 2 р.

Скальковскій, К.—Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. Спб. 97. Стр. 560. Ц. 3 р.

Степовичъ, А.—Е. В. Галаганъ. 1826—1896 г. Кіевъ, 97. Стр. 26.

Стороженко, Олекса.—Украиньски Оповидання. У двохъ частехъ. Спб. 97. Стр. 384. Ц. 2 р.

Сысоевъ. В. М.—Разсказы и очерки. М. 97. Стр. 169. Ц. 1 р. 25 к.

Твэнъ, Маркъ. — Воспоминанія объ Іоаннѣ д'Аркъ ея пажа и секретаря Луи де Конта. Перев. съ англ. Л. Г. Т. II. Спб. 97. Стр. 237.

Телешовъ. Н.—За Уралъ. Изъ скитаній по западной Сибири. М. 97. Стр. 212. Ц. 75 к.

Толстой, гр. А. К.—Драматическая трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Өедоръ. III. Царь Борисъ. Спб. 97. Стр. 558. Ц. 2 р. 50 к.

Фламмаріонъ, К.—Живописная Астрономія. Перев. Е. Предтеченскаго. Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рис. Спб. 97. Стр. 696. Ц. 3 р.

Фре, Генр.—Экспериментальная психологія и спорные вопросы педагогики. Перев. съ нѣм. С. Г. Яковенко. Спб. 97. Стр. 31. Ц. 25 к.

Ф—тъ, гр.—Какъ узнать характеръ человѣка? Физіогномія, хирософія, графологія и френологія. Съ рис. Спб. 97. Стр. 219. Ц. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—О порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней. Каз. 97. Стр. 33. Ц. 30 к.

Шопенгауеръ, А.—Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. Черниговца. Критика Кантовской философіи. Добавл. къ 1 тому. Спб. 97. Стр. 390. Ц. 2 р.

Шюкэ, Артуръ.—Ж.-Ж. Руссо. Переводъ съ французскаго П. Н. Шараповой. М. 1897. (Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читателей). Стр. 195. Ц. 40 к.

Щегловъ, Ив.—Веселый театръ. I. Одноактныя шутки. II. Въ горахъ Кавказа, сцены въ 4-хъ д. Спб. 97. Стр. 465. Ц. 2 р.

Энгельгардтъ, А. Н.—Изъ деревни 12 писемъ. 1872—1887 гг. Изд. 3. Спб. 97. Стр. 693. Ц. 2 р. 50 к.

Murko, d-r. Matthias.—Die ersten Schritte des russischen Romanes. Habilitations-Vortrag, gehalten an der philosophischen Facultät der K. K. Universität in Wien. Separatabdruck aus der K. Wiener Zeitung von 9. und. 10. Jänner. Wien, 97. 16°. Стр. 21.

— Библіотека общественныхъ знаній, п. р. Л. Зака. Сер. II, вып. 2: Борьба за землю въ древнемъ Римѣ, Генр. Буля. Перев. съ нѣм. С. Сергѣева. Од. 97. Стр. 34. Ц. 20 к.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи сибирской желѣзной дороги. Вып. VI. Спб. 97. Стр. 157 in 4°.

— Графъ Шуваловъ въ польской печати. Спб. 97. Стр. 35. Ц. 50 к.

— Дешевая библіотека № 122: В. Гюго, Человѣкъ, который смѣется; въ изложеніи А. Суворина № 194: Эсхилъ, Орестія, трилогія, вып. I: Агамемнонъ, траг., съ греч. перев. В. Алексѣевъ. № 195: Вып. 2: Хоэфоры, траг., съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Спб. 97. Ц. 20 к., 20 и 15 к.

— Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1893 годъ. Спб. 1896. Изданіе министерства финансовъ. Стр. IV+168.

— Новыя мѣропріятія въ области борьбы съ нищенствомъ въ С.-Петербургѣ. Съ 5 рис. Спб. 97. Стр. 16.

— Правила и формы счетоводства и отчетности по казенной продажѣ питей. Спб. 97. Стр. 269.

— Русскій астрономическій календарь на 1897 г., Нижегородскаго Кружка любителей физики и астрономіи. М. 97. Стр. 188. Ц. 75 к.

— Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета. Подъ редакціей В. А. Гольцева. М. 1897, IV. Стр. 219. Ц. 1 р.

— Сборникъ очерковъ по городу Москвѣ. Общія свѣдѣнія по городу и обзоръ дѣятельности московскаго городского общественнаго управленія. М. 97.

— Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества, состоящаго при Имп. московскомъ университетѣ и его статистическаго отдѣленія. Т. VII. Спб. 1897. Стр. 262+146. Ц. 2 р. 50 к.

— Энциклопедическій словарь. Издатели: Ф. Брокгаузъ и Ефронъ. Т. XIX, кн. 37 (Мекененъ—Мифу-Баня); кн. 38 (Михаила орденъ—Московскій Телеграфъ). Т. XX: кн. 39 (Московскій университетъ—Наказанія исправительныя). Спб. 97.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Alphonse Daudet. Le trésor d'Arlatan. Paris, 1897. Стр. 154.

Одно изъ главныхъ литературныхъ достоинствъ Альфонса Додэ— его любовь къ Провансу и умѣнье воспроизводить какъ красоту его природы, такъ и душевный обликъ его обитателей. Всѣ повѣсти, вдохновленныя родиной романиста, принадлежатъ къ лучшимъ его произведеніямъ, и литературное значеніе Додэ основано не на его парижскихъ романахъ, а на маленькихъ провансальскихъ сказкахъ и провансальской эпопеѣ о Тартаренѣ изъ Тараскона.

Въ послѣдней своей повѣсти Додэ, послѣ долгаго промежутка, вернулся опять къ родному Провансу и, благодаря этому, написалъ искреннюю, художественную вещь. Въ противоположность послѣднимъ романамъ Додэ, въ особенности его „La petite paroisse", навѣянной „Толстовскими" идеями, Додэ здѣсь вполнѣ самобытенъ и проявляетъ лучшія стороны своего таланта. Этотъ фактъ любопытенъ самъ по себѣ. Каждый художникъ непремѣнно имѣетъ особую сферу, въ которой его таланту дышется легче. Стоитъ ему выйти изъ нея, и онъ становится подражательнымъ и искусственнымъ. Додэ трудится значительную часть своей жизни надъ тѣмъ, чтобъ уйти изъ своей сферы и участвовать въ созиданіи такъ называемаго „парижскаго романа". Но ему чужда психологія сѣвера,—а для уроженца Прованса Парижъ кажется угрюмымъ сѣверомъ,—и всѣ его типы парижскихъ дѣльцовъ, легкомысленныхъ и коварныхъ парижанокъ, невѣрныхъ мужей и женъ, академиковъ и т. д., представляютъ скорѣе фотографическіе снимки съ разныхъ парижскихъ знаменитостей, чѣмъ истинно-художественныя произведенія. Но стоитъ въ какомъ-нибудь изъ этихъ романовъ появиться фигурѣ южанина—и разсказъ загорается неподдѣльной художественностью. Никто кромѣ Додэ не умѣлъ понять до глубины южанина, рожденнаго для улицы и шума и неспособнаго ни на какіе поступки, совершенные не подъ вліяніемъ минутнаго побужденія. И если, описывая печальную сторону увлекающихся южныхъ типовъ, показывая, какъ непригодны они для прочнаго домашняго счастья и послѣдовательной общественной дѣятельности, Додэ все-таки обнаруживаетъ пристрастіе къ ихъ художественному темпераменту, то

отъ этого создаваемые имъ типы только выигрываютъ въ смыслѣ правдивости и рельефности. Даже та сантиментальность, которою проникнуты романы Додэ, кажется необходимымъ дополненіемъ этихъ описаній.

Эти качества Додэ, какъ бытописателя и психолога южной Франціи, видны и въ его послѣдней небольшой новеллѣ: „Le trésor d'Arlatan". Въ короткомъ разсказѣ, проникнутомъ солнцемъ Прованса и гуломъ моря, фабула еле намѣчена и недосказанность ея сосредоточиваетъ интересъ на основномъ меланхоличномъ настроеніи, составляющемъ фонъ разсказа. Это исторія двухъ больныхъ душъ, которыхъ случай свелъ въ маленькомъ мѣстечкѣ Камарго, около Арля. Молодой французскій писатель, Анри Д'Анжу, пріѣзжаетъ отдохнуть отъ своей сердечной драмы. Онъ страдаетъ отъ любви къ недостойной женщинѣ, пѣвицѣ, которая обманываетъ его, и которую онъ презираетъ, не будучи, однако, въ состояніи забыть. Живя въ Камарго, среди здоровыхъ впечатлѣній южной природы, онъ долго еще не перестаетъ терзаться мученіями безсильной ревности и воспоминаніями о ненавистной, но обаятельной женщинѣ. И тамъ, переживая то моменты успокоенія, то новые приступы душевной тоски, онъ видитъ, что около него страдаетъ другая, еще совсѣмъ молодая душа, и онъ чувствуетъ нѣчто родственное въ ея страданіи. Ее также мучаетъ что-то нечистое и неизлечимое. Молоденькая 15-ти-лѣтняя Зія, сестра жены лѣсничаго, у котораго онъ остановился, какъ у стараго пріятеля, огорчаетъ своихъ родственниковъ тѣмъ, что уже второй годъ арльскій священникъ отказываетъ ей въ первомъ причастіи, въ ея „bon-jour", какъ называется этотъ обрядъ въ Провансѣ. Въ чемъ грѣхъ дѣвочки—никто не знаетъ; несомнѣнно, что она не совершала никакого проступка. Во время пребыванія Д'Анжу, Зіѣ снова отказано въ причастіи — на этотъ разъ потому, что она сама написала священнику, что недостойна его. Д'Анжу сочувственно относится къ дѣвочкѣ, защищаетъ ее отъ нападковъ сестры и старается проникнуть въ ея душевный міръ. Наблюдая за дѣвочкой и подолгу разговаривая съ ней, онъ замѣчаетъ, какъ она увлекается чтеніемъ провансальскихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ южныя страсти. Затѣмъ, слѣдя за одинокими прогулками Зіи, онъ видитъ, какъ она потихоньку проникаетъ въ одинокую хижину Арлатана, тореадора, сдѣлавшагося на старости надсмотрщикомъ лошадиныхъ табуновъ. Этотъ старикъ былъ когда-то красавцемъ, покорялъ женскія сердца и хранитъ въ своей хижинѣ ящики съ разными воспоминаніями о своихъ похожденіяхъ, женскими портретами и коллекціей нескромныхъ парижскихъ гравюръ и карточекъ. Это онъ называетъ „сокровищемъ Арлатана" и эксплуатируетъ свое прошлое, показывая за деньги свои коллекціи. Кромѣ того, въ

сокровищѣ Арлатана есть всякія снадобья—„изъ тѣхъ, которыя излечиваютъ, и изъ тѣхъ, которыя убиваютъ". Весь городокъ обращается къ нему, какъ къ знахарю. Но не за снадобьями ходитъ къ нему маленькая Зія. Онъ развратилъ ея воображеніе, и, какъ она ни борется съ собой, она не можетъ очистить свою душу отъ зла, причиненнаго нечистыми разсказами Арлатана и его сокровищемъ, и сгораетъ отъ борьбы своей дѣтской совѣсти съ охватившей ее порчей. Узнавши причину ея страданій, Д'Анжу хочетъ помочь ей и старается направить ея воображеніе на чистые поэтическіе образы, хочетъ излечить ее магическимъ вліяніемъ поэзіи и музыкой прекрасныхъ стиховъ. Очень красиво разсказана эта попытка въ повѣсти: „Замедляя шаги, онъ началъ декламировать по-провансальски взволнованнымъ голосомъ одну изъ самыхъ чистыхъ пѣсенъ поэмы: „La Grenade entr'ouverte", Обанеля.

„На берегу южнаго моря, подъ этимъ легкимъ небомъ, стихи звучали и поднимались вверхъ, какъ золотыя стрѣлы.—О, какъ прекрасно, Богъ мой!—шептала дѣвочка въ восторгѣ. Видъ передъ домомъ былъ изумительный; вся вода вокругъ, каналы и пруды, блистали отраженными въ нихъ звѣздами и отблескомъ луны.—Спокойной ночи, маленькая Зія!—тихо сказалъ Д'Анжу ребенку, лицо котораго сіяло, таинственное и блѣдное.—Когда ты опять придешь сюда, мы будемъ читать поэтовъ, и поэзія насъ спасетъ". Но усилія Д'Анжу оказались напрасными. Сокровище Арлатана погубило Зію, которая, спасаясь отъ внутренней муки, бросилась въ прудъ. А между тѣмъ тотъ же Арлатанъ излечилъ неожиданнымъ образомъ сердце Д'Анжу. Среди карточекъ, которыя онъ сталъ показывать своему парижскому посѣтителю, оказалась карточка его возлюбленной, пѣвицы Мадлены, которая, побывавъ въ Камарго, удостоила своего вниманія красавца-тореадора и дала ему на память свою карточку съ надписью: „Самому красивому изъ обитателей Камарго отъ его возлюбленной". И показывая эту карточку, старикъ цинично хвасталъ своей тогдашней побѣдой, не подозрѣвая, что растравляетъ незажившую рану. И это послѣднее доказательство паденія Мадлены, которая могла увлечься грубымъ арльскимъ силачомъ, сразу излечиваетъ Д'Анжу. Говоря о смерти бѣдной Зіи въ письмѣ къ провансальскому пріятелю, онъ пишетъ: „Вы, мой другъ, какъ прежній обитатель Камарго, вѣроятно, слыхали о сокровищѣ Арлатана. Маленькая Зія умерла, потому что хотѣла увидать его, а я, напротивъ, кажется, нашелъ тамъ излеченіе и жизнь. Черезъ нѣсколько недѣль я въ этомъ окончательно увѣрюсь. Впрочемъ, меня объ этомъ предупреждалъ старикъ своими словами: „Есть у меня въ моемъ сокровищѣ зелья, которыя спасаютъ, и зелья, которыя убиваютъ". Это

сокровище Арлатана—не кажется ли оно вамъ похожимъ на наше воображеніе, сложное и разнообразное, столь опасное, если заглянуть въ него до конца? Оно можетъ причинить смерть или вернуть къ жизни". Въ этихъ заключительныхъ словахъ Додэ самъ объясняетъ символическій смыслъ своей новеллы. Воображеніе является у него такимъ же жизненнымъ началомъ, какъ сама дѣйствительность. Для маленькой провансальской дѣвочки ничего не произошло во внѣшнемъ мірѣ; никто даже не зналъ, въ чемъ заключалась одинокая драма ея чистой души, боровшейся противъ тлѣнья. Все происходило въ ней самой, среди непонятной борьбы расовыхъ инстинктовъ и духовнаго начала, и эта выдуманная дѣйствительность оказалась такою же роковой, какъ факты внѣшней жизни, даже болѣе роковой, потому что отъ внѣшней жизни можно спастись, уйдя въ себя и обращаясь къ цѣлительнымъ свойствамъ внутренняго міра. Д'Анжу излечился, потому что ушелъ отъ жизни въ себя; Зія погибла, потому что она еще не подошла къ жизни. Никакого нравственнаго поученія художникъ не выводитъ изъ этой странной повѣсти, всецѣло происходящей въ глубинѣ больной души.

Подробности разсказа Додэ прекрасны, какъ всегда, когда онъ говоритъ о Провансѣ. Самый образъ печальной Зіи, стройной, высокой арлезіянки, съ каскадомъ рыжихъ волосъ изъ-подъ высокой куафюры, сдѣланъ съ большимъ искусствомъ, такъ же, какъ параллельная ей фигура ея старшей сестры, теперь успокоившейся и утратившей свою красоту, но когда-то смущавшей всѣхъ своей безпокойной веселостью. Описанія моря, конскихъ табуновъ, гуляющихъ на просторѣ, не пугая никого, даже робкую Зію, которая боится всего, кромѣ природы,—дополняютъ живописность разсказа.

II.

Michel Salomon. Etudes et Portraits littéraires. Paris, 1896. Стр. 298.

Литературные очерки Мишеля Саломона относятся преимущественно къ писателямъ уже умершимъ, и о которыхъ можно составить цѣльное сужденіе. Изъ нынѣ живущихъ онъ говоритъ только о Лоти и m-me Северинъ, и то нѣсколько вскользь. Болѣе интересны очерки умершихъ, такъ какъ критикъ судитъ самобытно и находитъ въ давно извѣстныхъ писателяхъ стороны, мало отмѣченныя другими. Это замѣтно, напр., въ очеркахъ, посвященныхъ Барбэ д'Орвильи и Гюи де Мопассану. Какъ послѣдователь Тэна, авторъ отыскиваетъ въ писателяхъ ихъ „faculté maîtresse". Говоря о Барбэ д'Орвильи,

онъ находитъ ее въ его аристократизмѣ, которымъ объясняетъ его энергичный, гордый стиль, его презрѣніе ко всему среднему, нехудожественному, пристрастіе ко всему сильному, потому что для него сила была равнозначаща красотѣ. Видя въ аристократизмѣ Барбэ д'Орвильи основную черту его натуры, Саломонъ выводитъ изъ нея характеристику знаменитаго публициста, громившаго всю ненавистную ему посредственность во французской жизни. „Какъ человѣкъ,—говоритъ Саломонъ,—онъ прежде всего является дворяниномъ, очутившимся не на своемъ мѣстѣ, потеряннымъ среди демократіи, раздраженнымъ соприкосновеніемъ съ толпой и, въ сущности, недовольнымъ своей профессіей. Не имѣя возможности освободиться отъ условій окружающей его среды, онъ старался жить по-своему среди ненавистныхъ ему условій. Его отдѣляли отъ современности и чувства, и вкусы, и его любовь къ энергіи и ко всему чрезвычайному, какъ противоположному посредственности. Онъ старался выдѣляться даже кружевомъ своихъ манишекъ и золотымъ бордюромъ своихъ галстуховъ. Эта внѣшность вполнѣ отвѣчаетъ всему темпераменту писателя, бѣшенаго стилиста, фразы котораго переполнены самыми рѣзкими словами и самыми пламенными метафорами. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставался артистомъ, обладалъ, когда хотѣлъ, большой тонкостью и всегда большимъ остроуміемъ. Всегда оригинальный и отличающійся въ своей прозѣ такъ же, какъ и въ своемъ платьѣ, онъ сохранялъ, держа перо въ рукахъ, свои рыцарскіе нарукавники. Аристократомъ онъ также оставался надменностью своей эстетики, властнымъ тономъ своихъ сужденій и своими пренебрежительными приговорами и похвалами, столь же высокомѣрными, какъ и осужденія. Эта характеристика вѣрно рисуетъ Барбэ д'Орвильи, одного изъ самыхъ страстныхъ журналистовъ, презиравшаго вмѣстѣ съ тѣмъ журналистику. Онъ громилъ дѣятелей „Journal des Débats" за ихъ плебейство, смѣялся надъ Тьеромъ и представлялъ странное явленіе возрожденнаго рыцарства и католицизма среди полнаго торжества демократическихъ принциповъ.

Говоря о Мопассанѣ, Саломонъ становится на очень своеобразную точку зрѣнія. Онъ прежде всего отмѣчаетъ удивительное пониманіе природы у Мопассана и умѣнье описывать крестьянъ; онъ приводитъ описанія норманскихъ пейзажей и подробностей крестьянской жизни, по которымъ видно, какой богатый запасъ наблюдательности былъ у Мопассана. Но кромѣ того критикъ отмѣчаетъ въ немъ еще одну черту. Онъ говоритъ, что талантъ Мопассана съ годами становился все чище, и что та склонность описывать грязное и пошлое, которая у него была въ первыхъ романахъ, сглаживалась впослѣдствіи. Описаніе грубыхъ сторонъ жизни, по мнѣнію критика, вселило въ

душу Мопассана неисцѣлимую грусть и горечь. Онъ сталъ страдать отъ „однообразія человѣческой грязи“, какъ выражались авторы старинныхъ „fabliaux“. Въ дальнѣйшихъ разсказахъ все болѣе и болѣе является у него склонность вникать въ духовную природу человѣка и спасаться отъ внутренняго нигилизма, составляющаго недостатокъ его самыхъ тонкихъ и самыхъ художественныхъ вещей. Такого мнѣнія о Мопассанѣ держится, какъ извѣстно, гр. Левъ Толстой. Но если со стороны русскаго писателя этотъ взглядъ можетъ считаться искусственнымъ и объясняется желаніемъ приписать талантливому романисту недостающій ему этическій принципъ, то во всякомъ случаѣ у французскаго критика никакой преднамѣренности быть не можетъ. И тѣмъ болѣе достойно вниманіе это мнѣніе о надвигавшейся метаморфозѣ въ творчествѣ Мопассана, прерванномъ внезапнымъ недугомъ. Мы не можемъ, однако, согласиться съ мнѣніемъ Саломона о чистотѣ намѣреній Мопассана такъ же, какъ и съ сужденіями гр. Толстого. Если Мопассанъ и былъ истиннымъ художникомъ, то сила его во всякомъ случаѣ не въ проповѣди чистоты, а въ воспроизведеніи грусти и безцѣльности земного существованія, въ безнадежныхъ подробностяхъ его разсказовъ.

Въ книгѣ Саломона есть интересный очеркъ о Жюлѣ Тэлье, мало извѣстномъ молодомъ писателѣ, умершемъ 26-ти лѣтъ и не успѣвшемъ исполнить возлагаемыхъ на него большихъ надеждъ. Все, что̀ осталось написаннымъ послѣ него,—стихотворенія, короткіе отрывки въ прозѣ, два небольшихъ разсказа,—издано было впервые послѣ его смерти его друзьями подъ заглавіемъ: „Reliques de Jules Tellier“. Въ этой странной книгѣ есть, въ самомъ дѣлѣ, много своеобразнаго, непохожаго на то, что̀ пишется вообще въ области критики, много впечатлѣній отъ проходящей передъ взоромъ писателя жизни. Саломонъ очень вѣрно опредѣляетъ характеръ Тэлье тѣмъ, что онъ жилъ въ искусственномъ мірѣ книжныхъ впечатлѣній. Тэлье родился въ Гаврѣ и провелъ тамъ свою первую молодость. Тамъ онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ библіотекѣ, окна которой выходили на море. Когда наступала весна, онъ радовался ея приближенію, оставаясь сидѣть въ укромной комнатѣ надъ своими любимыми авторами. Тамъ, среди полокъ, покрытыхъ книгами, онъ находилъ то, что̀ другіе ищутъ въ природѣ. Нигдѣ онъ лучше не чувствовалъ силу и радость весны. Струя теплаго воздуха, врывающагося въ полуоткрытое окно, солнечный лучъ, скользящій по открытой страницѣ, будили въ немъ представленія о лугахъ и лѣсахъ. Ему казалось, что вся громадная внѣшняя сила, будящая жизнь въ природѣ, подступаетъ къ мирному городу книгъ. И именно благодаря этому, онъ чувствовалъ сдѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, божественную силу природы. А между

тѣмъ этотъ искусственный міръ, который онъ создалъ себѣ, наполнилъ навсегда его душу грустью и сдѣлалъ его творчество риторическимъ. Все у него придуманно, теоретично, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко искренно въ своемъ грустномъ настроеніи. Онъ обращаетъ свои лирическія изліянія о жизни и смерти къ возлюбленной; но нельзя не замѣтить, что эта возлюбленная существуетъ только въ его воображеніи. Онъ воспѣваетъ ее на манеръ римскихъ поэтовъ и говоритъ съ ней въ приподнятомъ тонѣ. Благодаря этой двойственности настроеній, полному одиночеству среди отвлеченнаго міра идей и книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктивному чувству природы и жизни, получается нѣчто поэтичное и не входящее ни въ какія опредѣленныя категоріи. Онъ самъ это нѣсколько понимаетъ и говоритъ объ этомъ въ своемъ воззваніи къ возлюбленной. „Въ томъ возрастѣ, когда другіе играютъ въ мячъ,—пишетъ онъ,—я выросъ молчаливымъ, занятымъ темными химерами; а въ томъ возрастѣ, когда другіе думаютъ о своихъ кузинахъ, я уже такъ много прожилъ въ мечтахъ, что мечты утомили мою душу; наступилъ день, когда я могъ владѣть тѣмъ, чего я желалъ, но я не испытывалъ больше наслажденія, которое могло бы придти. У меня были учителя, преподававшіе мнѣ разныя науки, но, обладая тонкимъ слухомъ, я сдѣлался скучнымъ поэтомъ, обладая краснорѣчіемъ—посредственнымъ ораторомъ, и имѣя хорошую память—невѣждой въ языкѣ. И я мало-по-малу опускался какъ бы подъ давленіемъ невидимой тяжести. Мрачная усталость заковывала мои члены и мой духъ, и я сталъ видѣть все въ смутномъ и грустномъ полусвѣтѣ, какой бываетъ на склонѣ зимняго дня“. Въ этомъ грустномъ тонѣ выдержана вся проза и вся поэзія Тэнье. Странно,—до чего надъ нимъ тяготѣла постоянная мысль о смерти и предчувствіе ея ранняго прихода. Онъ умеръ неожиданно очень молодымъ отъ случайно схваченнаго тифа. И все-таки вся его поэзія полна ожиданіемъ смерти, примиреніемъ съ ней и воспѣваніемъ ея красоты. Сильное впечатлѣніе производитъ примирительно-грустный тонъ всего написаннаго Тэнье. Быть можетъ, одной изъ самыхъ характерныхъ вещей въ этомъ родѣ является небольшой отрывокъ подъ названіемъ „Паукъ“, гдѣ авторъ говоритъ о невозможности нераздѣльнаго чувства, и о томъ, что онъ мирится съ переходной и несовершенной жизнью; онъ продолжаетъ любить, постоянно видя около себя то, что оскорбляетъ его чувство, подобно тому, какъ въ морѣ люди продолжаютъ свой обѣдъ, найдя на блюдѣ паука: пауки—неизбѣжные спутники въ плаваніяхъ. Критикъ особенно хвалитъ описанія природы у Тэнье, и въ самомъ дѣлѣ, есть нѣсколько пейзажей среди его прозаическихъ отрывковъ, которые по выдержанности стиля кажутся вполнѣ классическими.

Отмѣтимъ еще въ книгѣ Саломона интересныя замѣтки о „Pages rouges", m-me Северинъ, гдѣ онъ съ легкой насмѣшкой относится къ неуклонной послѣдовательницѣ Валлеса.

III.

Remy de-Gourmont. Le livre des masques. Paris, 1896, стр. 270.

Тридцать очень краткихъ, но содержательныхъ очерковъ о современныхъ французскихъ поэтахъ, связанныхъ между собою скорѣе общими намѣреніями, чѣмъ общностью таланта и направленія—таково содержаніе оригинальной книги Реми де-Гурмона. Главный интересъ ея, конечно, документальный. Назвать всѣхъ пишущихъ поэтовъ, не только извѣстныхъ, но и тѣхъ, которые прячутся по маленькимъ изданіямъ, отмѣтить все, что̀ они написали, и дать краткія формулы ихъ манеры, оставаясь безпристрастнымъ, не восхваляя того движенія, историкомъ котораго онъ становится,—таковъ былъ замыселъ Реми де-Гурмона, прекрасно выполненный имъ. Книга читается легко и интересно и даетъ полное представленіе о наличномъ составѣ молодой французской поэзіи. Что касается достоинства отдѣльныхъ поэтовъ, то авторъ предоставляетъ объ этомъ судить позднѣйшей критикѣ. По всей вѣроятности, многіе изъ этихъ тридцати именъ отойдутъ въ неизвѣстность, изъ которой они вышли, но во всякомъ случаѣ ихъ попытки способствуютъ выясненію литературной физіономіи цѣлаго поколѣнія. Въ книгѣ рисуется не только литературный, но и матеріальный обликъ поэтовъ. Каждый очеркъ сопровождается маской, т.-е. приблизительнымъ портретомъ писателя, набросаннымъ нѣсколькими бѣглыми чертами, слегка шаржирующими характерныя черты лица.

Свой собственный взглядъ на литературное движеніе въ современной Франціи Реми де-Гурмонъ выражаетъ въ предисловіи. Тамъ онъ высказывается относительно столь спорнаго и столь часто поднимаемаго въ настоящее время вопроса о символизмѣ и даетъ опредѣленіе, во всякомъ случаѣ непохожее на то, что̀ обыкновенно говорится въ послѣднее время. „Что̀ значитъ символизмъ?—спрашиваетъ онъ.—Если держаться узкаго этимологическаго значенія слова, то почти ничего. Если же идти дальше, то это можетъ значить слѣдующее: индивидуализмъ въ литературѣ, любовь къ искусству, уклоненіе отъ устарѣлыхъ формулъ, стремленіе къ новому и обособленному; кромѣ того, подъ этимъ названіемъ можно еще понимать идеализмъ, пренебреженіе къ будничнымъ фактамъ, стремленіе выбирать

въ жизни только самое характерное, обращать вниманіе только на то, чѣмъ одинъ человѣкъ отличается отъ другого, желаніе воплощать только результаты, т.-е. самое существенное; наконецъ, для поэзіи символизмъ связанъ со свободой стиха, съ котораго снимаются традиціонныя повязки и путы. И все это имѣетъ мало отношенія къ самому смыслу слова, потому что нужно помнить, что символизмъ— не что̀ иное, какъ видоизмѣненіе стараго аллегоризма, или искусства воплощать идею въ человѣческомъ существѣ, въ пейзажѣ, въ разсказѣ. Это стремленіе обнимаетъ все искусство вообще, первобытное и вѣчное искусство, и литература, лишенная его, была бы лишена всякаго значенія вообще".

Этимъ опредѣленіемъ Реми де-Гурмонъ старается объединить сторонниковъ символизма съ его противниками. Подобно послѣднимъ, онъ увѣряетъ, что символизмъ не представляетъ ничего новаго, что онъ—продолженіе вѣчныхъ принциповъ искусства (онъ вспоминаетъ о символизмѣ Данта и т. д.); подобно первымъ, онъ доказываетъ, что содержаніе современнаго искусства не исчерпывается символической формой, а представляетъ нѣчто самобытное. Говоря объ индивидуализмѣ, какъ объ основной чертѣ современнаго искусства, Реми де-Гурмонъ вступаетъ въ полемику съ противниками идеализма, конечно, не на философской, а на эстетической почвѣ, и говоритъ, что если современный идеализмъ и не представляетъ изъ себя ничего новаго и примыкаетъ по существу своему къ Канту, то новымъ во всякомъ случаѣ является его вліяніе на эстетику. Защитники прежней эстетики стояли за слѣдованіе установленнымъ образцамъ и считали всякую новизну святотатственной, а всякое проявленіе личности —признакомъ безумія. Такъ напр., Максъ Нордау доказывалъ, что „нонконформизмъ"—самое тяжкое преступленіе писателя. Противъ этого Реми де-Гурмонъ протестуетъ очень убѣжденно. По его мнѣнію, самый тяжкій грѣхъ для писателя именно „конформизмъ", т.-е. подчиненность, подражаніе, слѣдованіе правиламъ и теоріямъ. „Творчество писателя должно быть не только отраженіемъ, но наиболѣе рельефнымъ воплощеніемъ его личности,—говоритъ онъ.—Единственное оправданіе для писателя—это то, что онъ пишетъ изъ глубины своего существа и открываетъ другимъ человѣческую душу, вглядывающуюся въ самое себя; единственное оправданіе для писателя—это его оригинальность. Онъ долженъ говорить вещи еще несказанныя, а говорить ихъ въ формѣ, еще не превратившейся въ клише. Онъ долженъ создавать свою собственную эстетику, и мы должны признать столько же эстетикъ, сколько есть оригинальныхъ умовъ, и судить по тому, что̀ онѣ изъ себя представляютъ, а не по тому, чего

въ нихъ нѣтъ. Признаемъ такимъ образомъ, что символизмъ, это—выраженіе индивидуальности въ искусствѣ".

Переходя, однако, отъ формулъ къ очерку тѣхъ, кто ихъ воплощаетъ, критику приходится очень часто останавливаться на слабыхъ и даже ничтожныхъ попыткахъ. Но и въ нихъ онъ отмѣчаетъ особенности, составляющія оригинальность эстетическаго пониманія. Многіе изъ разбираемыхъ Реми де-Гурмономъ поэтовъ хорошо знакомы публикѣ, какъ по своимъ произведеніямъ, такъ и по множеству критическихъ отзывовъ, появлявшихся о нихъ въ французской и иностранной печати. Ничего новаго, напр., онъ не говоритъ о Верлэнѣ и старается только объединить его творчество и его жизнь въ нѣчто цѣлое, говоря, что Верлэнъ—„самобытная и разнообразная натура, неопредѣлимая въ своихъ элементахъ". Говоря о Вилье де-Лиль Аданѣ, онъ опровергаетъ общепринятое мнѣніе о томъ, что Вилье былъ анахронизмомъ въ современной Франціи, и, напротивъ, доказываетъ, что онъ былъ вполнѣ человѣкомъ своего времени, до того даже, что увлекался крайностями научнаго прогресса; разбираясь въ сложныхъ элементахъ его натуры, онъ находитъ въ ней два основныхъ элемента: романтизмъ и иронію. Романтизмъ проснулся въ немъ ранѣе всего другого и умеръ послѣднимъ. давъ такія капитальныя произведенія, какъ „Axel", „Akedysseril" и др. Склонность къ ироніи въ авторѣ „Contes Cruels" и „Tribulat Bonhomet" была посредствующимъ звеномъ между двумя романтическими фазами, а „Eve future" представляетъ какъ бы смѣсь этихъ двухъ различныхъ теченій, потому что эта книга, полная разъѣдающей иронія, въ то же время—книга любви. Вилье такимъ образомъ воплощалъ свою личность и въ мечтѣ, и въ сатирѣ, иронизируя надъ своей мечтой, когда жизнь ему внушала отвращеніе даже къ этой мечтѣ. Мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, какъ Реми де-Гурмонъ старается найти формулу для каждаго писателя и иногда очень удачно находитъ ее. Такъ, напр., говоря объ Анри де-Ренье, прославившемся авторѣ „Episodes", „Poèmes" и др. сборниковъ, критикъ видитъ въ немъ двѣ основныя черты: любовь къ пышности, къ тяжеловѣснымъ, богатымъ образамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно присущая мысль о смерти. „Анри де-Ренье,—говоритъ онъ,—меланхоличный и грустный поэтъ. Два слова, которыя наиболѣе часто звучатъ въ его стихахъ, это—„золото" и „смерть" („or" и „mort"), и во многихъ произведеніяхъ повтореніе этой осенней и царственной риѳмы наводитъ ужасъ Въ его послѣднихъ сборникахъ можно насчитать болѣе пятидесяти стиховъ, которые заканчиваются риѳмами or и mort. Это очень любопытная и характерная черта, которая вовсе не доказываетъ бѣдности языка, а только явную любовь къ богатому колориту и къ грустной пышности солнечнаго

заката,—пышности, переходящей въ ночную тьму". Въ самомъ дѣлѣ, всѣ стихотворенія и поэмы Ренье, выдержанныя въ строго классическомъ французскомъ стихѣ, поражаютъ богатствомъ воображенія, находящаго во всѣхъ зрѣлищахъ природы видѣнія, полныя величественнаго блеска.

Менѣе извѣстныхъ поэтовъ Реми де-Гурмонъ характеризуетъ такъ же точно, давая представленіе о томъ, что̀ въ нихъ есть самобытнаго. Интересенъ короткій очеркъ о Жюлѣ Ренарѣ, странномъ юмористѣ, который самъ себя называетъ „охотникомъ за образами" (chasseur d'images) и который обладаетъ богатствомъ характерныхъ фигуръ и тоновъ, носящихъ отпечатокъ его индивидуальности. Въ своихъ юмористическихъ разсказахъ онъ создалъ странный типъ умнаго, насмѣшливаго мальчика-фаталиста, въ своемъ рыжемъ мальчишкѣ Poil-de-Carotte. Кромѣ оригинальности юмора Жюля Ренара, Реми де-Гурмонъ хвалитъ точность и свѣжесть его картинъ изъ жизни и нравовъ, а также его сжатыя и ясныя картины природы. Онъ приводитъ небольшой отрывокъ Ренара: „Une famille d'arbres": это, въ самомъ дѣлѣ, истинное произведеніе искусства, показывающее оригинальность автора. Вотъ этотъ небольшой отрывокъ, дающій полное представленіе о художникѣ.

„Чтобы придти къ нимъ, я долженъ пройти черезъ равнину, спаленную солнцемъ. Они не живутъ у края дороги, боясь шума. Они живутъ на необработанныхъ поляхъ, близъ источниковъ, какъ одинокія птицы. Издали они кажутся непроницаемыми; но когда я подхожу ближе, стволы ихъ раздвигаются. Они принимаютъ меня съ осторожностью. Мнѣ позволяется отдыхать, освѣжиться, но я чувствую, что они наблюдаютъ меня, не довѣряютъ мнѣ. Они живутъ семьями, самыя старыя по срединѣ, а маленькія, тѣ, у которыхъ появились только первые листья, разсѣяны вокругъ, но не слишкомъ далеко. Они долго умираютъ и сохраняютъ своихъ мертвецовъ стоя, до тѣхъ поръ, пока они не распадаются пылью. Они ощупываютъ другъ друга своими длинными вѣтвями, чтобы убѣдиться, что всѣ они здѣсь, какъ слѣпые. Они дѣлаютъ гнѣвныя, порывистыя движенія, когда вѣтеръ выбивается изъ силъ, чтобы вырвать ихъ изъ земли, но между собою они никогда не спорятъ. Они шепчутся съ полнымъ согласіемъ. Я чувствую, что они—моя истинная семья; я очень скоро забуду другую. Эти деревья понемногу усыновятъ меня, и чтобы заслужить это, я учу все, что̀ нужно знать. Я уже умѣю глядѣть на облака, которыя плывутъ мимо, я умѣю сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ и я уже почти умѣю молчать".

„Когда литературныя хрестоматіи включатъ эти страницы", го-

ворить Реми де-Гурмонъ, заканчивая свой очеркъ,—„онѣ обогатятся совершеннѣйшимъ образцомъ тонкой ироніи и истинной поэзіи".

Мы привели только то, чтó авторъ „Livre des masques" говоритъ о болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтахъ. Рядомъ съ этимъ добрая половина тридцати очерковъ посвящена совершенно неизвѣстнымъ писателямъ. Въ концѣ книги есть очень полезный библіографическій указатель всего написаннаго разобранными имъ поэтами, чтò значительно увеличиваетъ литературную цѣнность книги. Портреты Ф. Валлотона, сопровождающіе книгу, сдѣланы очень искусно, и типичныя лица, представленныя въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ, остаются въ памяти читателя.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1897.

„Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей".—Судъ чести, какъ самая характерная черта новаго учрежденія.—Несостоятельность аргументовъ, приведенныхъ въ печати противъ суда чести.—Инцидентъ въ обществѣ литературнаго фонда.

„Свою судьбу" имѣютъ не только книги, но и союзы. Это испыталъ на себѣ недавно учрежденный „союзъ взаимопомощи русскихъ писателей". Дѣятельность его еще не начиналась, а отношеніе къ нему успѣло уже пройти черезъ нѣсколько фазисовъ: за сочувственными привѣтствіями послѣдовали яростныя нападки, въ свою очередь уступившія мѣсто примирительному или, по меньшей мѣрѣ, равнодушному настроенію. Картина мѣнялась если не по часамъ, то во всякомъ случаѣ по днямъ, и выразителями перемѣнъ служили, сплошь и рядомъ, одни и тѣ же органы печати. Не останавливаясь на деталяхъ и систематически избѣгая личныхъ вопросовъ, попробуемъ опредѣлить существенныя черты новаго учрежденія и предугадать возможную его судьбу, насколько она зависитъ отъ писателей, входящихъ и не входящихъ въ составъ союза.

Самой характерной особенностью союза писателей является организуемый въ его средѣ „судъ чести". О значеніи и назначеніи такого суда мы имѣли случай говорить еще въ прошломъ году [1]), по поводу цѣлаго ряда насильственныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ редакторовъ періодическихъ изданій; мы старались показать, чѣмъ судъ чести отличается какъ отъ суда короннаго, такъ и отъ суда третейскаго, что̀ новаго онъ можетъ внести въ періодическую печать и отъ чего можетъ ее избавить. Теперь намъ остается только разсмотрѣть возраженія, вызванныя имъ въ послѣднее время. Эти возраженія могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одни касаются организаціи, данной суду чести въ уставѣ „союза", другія—самой идеи суда чести. Судъ чести—говорятъ его противники—зависитъ отъ комитета, управляющаго дѣлами союза. Эта зависимость обусловливается, во-первыхъ, тѣмъ, что хотя члены суда чести избираются общимъ собраніемъ безъ кандидатскаго списка, обязательнаго для

---

[1]) См. Общественную Хронику въ №№ 7 и 9 „Вѣстника Европы" за 1896 г.

избирателей, но комитетъ можетъ указывать кандидатовъ, въ неопредѣленномъ числѣ, для свѣдѣнія общаго собранія. Такое „указаніе“ даетъ комитету средство вліять на выборы и, слѣдовательно, подчинять себѣ судъ чести, обращая его въ „начальство по дѣламъ союзной печати“, въ „цензуру домашнюю, цензуру сплетенъ, партійной вражды, партійныхъ преслѣдованій“. Вторымъ источникомъ зависимости суда чести отъ комитета является право комитета передавать на разсмотрѣніе суда поступки члена союза, „если въ нихъ усматривается противодѣйствіе цѣлямъ союза, плагіатъ, контрафакція, клевета или вообще что-либо противное чести писателя“. Способствуетъ зависимому положенію суда чести, въ-третьихъ, избираніе его членовъ только на одинъ годъ: такой короткій срокъ не можетъ дать судьямъ ни знанія, ни опыта, ни самостоятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ ихъ избавить „отъ заслуженныхъ или незаслуженныхъ нареканій“.—Первый изъ этихъ трехъ доводовъ имѣлъ бы нѣкоторую силу, еслибы указаніе кандидатовъ въ члены суда чести было *обязательно* для комитета, а члены союза представляли бы собою безформенную массу, неспособную къ организаціи, послушно слѣдующую за вожаками. На самомъ дѣлѣ комитету принадлежитъ только *право* указанія кандидатовъ—право, которымъ онъ можетъ пользоваться или не пользоваться. Разъ что это такъ, все будетъ зависѣть отъ способа дѣйствій комитета, отъ степени довѣрія, которое онъ заслужитъ. Если онъ воздержится отъ попытокъ давленія на избирателей, если онъ, при составленіи кандидатскаго списка, останется свободнымъ отъ партійныхъ соображеній и назоветъ достаточное число обще-уважаемыхъ именъ, никакой опасностью для свободы выборовъ этотъ списокъ угрожать не будетъ; въ противномъ случаѣ общее собраніе всегда можетъ выразить желаніе, чтобы комитетъ пересталъ пользоваться своимъ правомъ и никакого списка кандидатовъ въ члены суда чести собранію не предъявлялъ. Еслибы комитетъ, паче чаянія, отказался исполнить это требованіе, то неужели собраніе подчинилось бы авторитету списка, составленнаго прямо вопреки его волѣ? Это былъ бы какой-то гипнозъ, въ возможность котораго мы отказываемся вѣрить. Да и помимо открытаго столкновенія между собраніемъ и комитетомъ, неужели въ средѣ союза не найдется людей, способныхъ противопоставить однимъ вліяніямъ—другія, организаціи комитетской—организацію группъ и элементовъ, почему-либо недовольныхъ комитетомъ? А если не найдется, то гдѣ же гарантія противъ негласной агитаціи, которую, помимо всякаго кандидатскаго списка, можетъ вести комитетъ?.. Второй доводъ еще менѣе убѣдителенъ. Изъ того, что комитетъ можетъ возбудить дѣло въ судѣ чести, зависимость

послѣдняго отъ перваго вытекаетъ столь же мало, какъ зависимость коронняго суда отъ прокуратуры—изъ принадлежащаго прокуратурѣ права возбуждать судебное преслѣдованіе. Обвинитель не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ судьею; скорѣе можетъ быть рѣчь о преимуществѣ судьи передъ обвинителемъ, такъ какъ рѣшающее слово принадлежитъ суду, ничуть не связанному обвинительными требованіями. Комитетъ союза нельзя даже назвать обвинителемъ въ собственномъ смыслѣ слова: дѣло, имъ возбужденное, можетъ производиться безъ всякаго дальнѣйшаго его участія, такъ какъ уставъ вовсе не обязываетъ его поддерживать обвиненіе передъ судомъ чести. Возможны и такіе случаи, когда дѣло будетъ перенесено на судъ чести скорѣе въ интересахъ обвиняемаго, чтобы дать ему возможность гласно опровергнуть неблагопріятные для него слухи. Всякое опредѣленіе суда чести должно быть мотивировано и можетъ быть оглашено во всеобщее свѣденіе; это одно до крайности уменьшаетъ шансы потворства суда чести комитету или какой бы то ни было господствующей группѣ... Совершенно несоотвѣтствующей характеру и назначенію суда чести была бы, далѣе, несмѣняемость судей или долгосрочность ихъ полномочій. Исполнять свое призваніе судъ чести можетъ лишь до тѣхъ поръ и лишь настолько, пока и насколько онъ пользуется довѣріемъ членовъ союза. Отсюда необходимость избранія его на короткій срокъ, съ допущеніемъ, конечно, ничѣмъ не ограниченнаго переизбранія [1]). Никакихъ спеціальныхъ *знаній*, никакого спеціальнаго *опыта* для членовъ суда чести не нужно; особенности литературной профессіи извѣстны всякому члену союза, а правильнымъ ихъ пониманіемъ лицо, избираемое въ судъ чести, должно обладать уже въ самый моментъ его избранія. Вліяніе, которому судъ чести можетъ подвергнуться со стороны комитета или общаго собранія, смѣшно даже и сравнивать съ вліяніемъ, которому могутъ подвергнуться коронные судьи со стороны правительства... Допустимъ, наконецъ, что практика обнаружитъ какія-нибудь неудобства въ организаціи, данной суду чести уставомъ союза; ничто не мѣшаетъ союзу воспользоваться, въ такомъ случаѣ, правомъ, принадлежащимъ ему на основаніи § 41 устава, и возбудить вопросъ о пересмотрѣ устава, въ смыслѣ уничтоженія кандидатскаго списка, отнятія у комитета иниціативы въ возбужденіи дѣлъ передъ судомъ чести и увеличенія срока, на который избираются члены суда.

---

[1]) На основаніи § 8 устава союза, выходящіе по очереди члены комитета не могутъ быть переизбраны въ томъ же году—но по отношенію къ членамъ суда чести ничего подобнаго не установлено.

Перейдемъ ко второй, болѣе важной группѣ возраженій, направленной противъ самой идеи суда чести. Судомъ чести—утверждаютъ его противники—ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣненъ третейскій судъ, уже потому, что рѣшенія послѣдняго столь же дѣйствительны, какъ и рѣшенія судовъ государственныхъ, а рѣшенія суда чести не имѣютъ никакой легальной силы. Съ этимъ замѣчаніемъ можно было бы, до извѣстной степени, согласиться, еслибы предметомъ разбора суда чести всегда должно было служить столкновеніе *матеріальныхъ* интересовъ. Исполнительнаго листа, основаннаго на рѣшеніи суда чести, коронный судъ, безспорно, выдать не въ правѣ. Кто желаетъ взыскать съ своего противника ту или другую сумму денегъ, отобрать у него тѣ или другіе предметы, помѣшать ему совершить то или другое дѣйствіе—и считаетъ его, притомъ, способнымъ не подчиниться рѣшенію посредниковъ, если оно состоится не въ его пользу,—тотъ, конечно, не обратится къ суду чести, не имѣющему никакой понудительной власти. Но развѣ для такихъ дѣлъ создается судъ чести? Скажемъ болѣе — развѣ для *такихъ* дѣлъ учреждаются обыкновенно, въ литературномъ мірѣ, третейскіе суды? *Литературный* третейскій судъ далеко не всегда совпадаетъ съ третейскимъ судомъ, предусмотрѣннымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Послѣдній образуется не иначе, какъ на основаніи формальной третейской записи, которая одна только обезпечиваетъ собою исполнительную силу третейскаго рѣшенія, одна только уравниваетъ его съ рѣшеніемъ судебнымъ; литературный третейскій судъ обходится, сплошь и рядомъ, безъ этой формальности, либо потому, что стороны признаютъ ее излишней, вѣря въ добровольное исполненіе рѣшенія, либо, еще чаще, потому, что самый споръ идетъ вовсе не о правѣ гражданскомъ, оцѣнимомъ въ рубляхъ и копѣйкахъ, а о вопросѣ чисто-нравственнаго характера. Третейскому суду предстоитъ, напримѣръ, опредѣлить, воспользовался ли писатель мыслью или сюжетомъ, о которыхъ при немъ говорилъ другой писатель (припомнимъ извѣстное недоразумѣніе между Гончаровымъ и Тургеневымъ); имѣла ли редакція, по существу соглашенія своего съ сотрудникомъ, право сократить его статью или сдѣлать въ ней то или другое измѣненіе; вѣрно ли газетное сообщеніе о томъ или другомъ фактѣ; справедливо ли обвиненіе, взведенное однимъ писателемъ на другого. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ рѣшеніе третейскаго суда не требуетъ никакого исполненія; цѣль его достигается вполнѣ напечатаніемъ его въ газетахъ или, еще проще, сообщеніемъ его сторонамъ, отъ которыхъ зависитъ дать ему ту или другую степень гласности. Съ этой точки зрѣнія рѣшеніе третейскаго суда ничѣмъ не

отличается отъ рѣшенія суда чести—и возраженіе, почерпнутое изъ устава гражданскаго судопроизводства, падаетъ само собою.

Другое преимущество третейскаго суда противники суда чести видятъ въ способѣ его образованія. „Третейскому судьѣ"—читаемъ мы въ одной изъ статей, направленныхъ противъ новаго учрежденія, —„третейскому судьѣ, котораго я выбираю, я не только довѣряю, но могу открыть ему всю мою душу, въ полной увѣренности, что это останется его тайной и, въ видѣ сплетни, не сдѣлается общественнымъ достояніемъ, какъ это будетъ (?) въ судѣ чести. Онъ мой адвокатъ и мой судья въ то же время, т.-е. тотъ *лучшій судья*, съ которымъ только и можно мириться на этомъ свѣтѣ. Я могу поручить свое дѣло даже моему литературному и политическому врагу, въ полной увѣренности, что онъ будетъ безпристрастенъ во имя высокаго своего званія"... „Я не могу"—говоритъ другой противникъ суда чести—„вручить свою честь судьѣ, котораго я не выбиралъ... Вѣдь судьи избираются большинствомъ, а не всѣми, и значитъ, если, я, напримѣръ, былъ въ числѣ меньшинства и мнѣ придется предстать предъ этимъ судомъ, то я обязанъ подвергнуться суду людей, которыхъ я не избиралъ, и которымъ, слѣдовательно, не довѣряю". Въ этихъ разсужденіяхъ упущенъ изъ виду, прежде всего, обычный способъ образованія третейскаго суда. Весьма рѣдко всѣ члены суда избираются непосредственно самими сторонами; бо́льшею частью каждая сторона избираетъ по одному (или по два) посреднику, а эти посредники уже отъ себя выбираютъ третьяго (или пятаго), входящаго въ составъ суда въ качествѣ общаго посредника или суперъ-арбитра. Правда, выборъ общаго посредника производится обыкновенно съ согласія сторонъ—но все же нельзя утверждать, что, подчиняясь третейскому суду, я подчиняюсь исключительно судьямъ мною *выбраннымъ*. Часть судей, на самомъ дѣлѣ, мною только *допущена*, и если бы составъ суда зависѣлъ исключительно отъ *моей* воли, то онъ былъ бы, можетъ быть, существенно другой. Конечно, съ избраннымъ мною судьей я могу быть совершенно откровененъ; но какая мнѣ отъ того польза, если не все мною ему довѣренное можетъ быть сообщено имъ остальнымъ судьямъ? Рѣшеніе третейскаго суда должно быть мотивировано; иными словами, оно основывается исключительно на обстоятельствахъ и соображеніяхъ, составлявшихъ предметъ совѣщанія суда, а не на тѣхъ, которыя знаетъ только одинъ изъ судей, строго хранящій тайну своего довѣрителя... Соединеніе въ одномъ лицѣ адвоката и судьи — доводъ скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу третейскаго суда. Идеальный третейскій судья долженъ быть *только* судьею, все равно, кѣмъ бы онъ ни былъ выбранъ въ составъ суда;

но осуществить это условіе на самомъ дѣлѣ—для судьи, выбраннаго одною изъ сторонъ,—до крайности трудно. Въ концѣ концовъ судейское безпристрастіе часто выпадаетъ на долю одного общаго посредника, обращающагося, такимъ образомъ, въ единоличнаго судью, т.-е. принимающаго на себя отвѣтственность гораздо бо́льшую, чѣмъ слѣдовало бы по идеѣ третейскаго суда... Если въ третейскомъ судѣ сторона довѣряетъ не только посреднику, ею выбранному, но и другимъ—*или*, по меньшей мѣрѣ, общему посреднику,—то почему же нельзя допустить такого же довѣрія и къ судьямъ чести, хотя бы въ ихъ избраніи и не участвовалъ членъ союза, призываемый къ суду? Голосовать противъ нихъ онъ вѣдь могъ не только потому, что имъ не довѣряетъ, но и потому, что *больше* довѣряетъ другимъ, оставшимся неизбранными. Если есть лица, которыхъ, несмотря на ихъ вражду ко мнѣ, я могу допустить въ третейскіе судьи по моему дѣлу, то почему же я не могу довѣриться имъ и какъ судьямъ чести? Развѣ званіе судьи, выбраннаго многочисленнымъ собраніемъ, для цѣлаго ряда дѣлъ, менѣе высоко и менѣе отвѣтственно, чѣмъ званіе судьи, избраннаго однимъ лицомъ для одного дѣла? Развѣ въ первомъ случаѣ менѣе стимуловъ къ безпристрастію, къ отрѣшенію отъ личныхъ симпатій и антипатій, отъ партійныхъ предразсудковъ?.. Третейскій судъ, покончивъ съ ввѣреннымъ ему дѣломъ, перестаетъ существовать, распадается на свои составныя части; рѣшеніе его рѣдко обращаетъ на себя общее вниманіе, рѣдко подвергается публичной критикѣ. Судъ чести, рѣшивъ дѣло, остается на виду у всѣхъ и несетъ на себѣ нравственную отвѣтственность не только передъ сторонами, не только передъ избравшимъ его союзомъ, но и передъ обществомъ, всегда склоннымъ къ строгой оцѣнкѣ новаго учрежденія. Намъ скажутъ, пожалуй, что именно изъ сознанія отвѣтственности передъ союзомъ можетъ возникнуть опасеніе не быть избраннымъ на слѣдующій срокъ, изъ сознанія отвѣтственности передъ обществомъ—исканіе популярности, угожденіе господствующимъ теченіямъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это, конечно, возможно, но какъ общее правило—крайне невѣроятно. Участіе въ судѣ чести является, прежде всего, тягостью, которой едва ли будутъ искать, тѣмъ менѣе—домогаться per fas et ne fas. Что касается до популярности, то, въ минуты общественнаго возбужденія, она можетъ быть пріобрѣтена тенденціознымъ обвиненіемъ или тенденціозной защитой — но едва ли кому-нибудь придетъ въ голову стремиться къ ней путемъ тенденціознаго *судебнаго рѣшенія*... Насъ увѣряютъ, что „между судьями профессіональными большая рѣдкость такіе, которые отвѣчали бы всѣмъ требованіямъ не только безпристрастія, но и справедливости, такъ сказать,

душевной, основанной на законахъ психологіи и соціологіи. Судья чести, какъ бы онъ ни былъ честенъ, все-таки судья профессіональный, попавшій въ это званіе случайнымъ, иногда подтасованнымъ большинствомъ голосовъ". У судьи чести, избраннаго на одинъ годъ и соединяющаго эти функціи съ обычными литературными занятіями, нѣтъ, очевидно, ничего общаго съ типомъ „профессіональнаго судьи", для котораго судъ — единственное или главное дѣло цѣлой жизни. Отъ привычекъ и пріемовъ, свойственныхъ, иногда, судебной *профессіи*, судья чести, поэтому, столь же свободенъ, какъ и судья третейскій. Какъ тотъ, такъ и другой можетъ не отвѣчать, но можетъ и отвѣчать требованіямъ безпристрастія и „душевной справедливости"; все зависитъ здѣсь отъ личныхъ качествъ судьи, а не отъ того, избранъ ли онъ стороною, для даннаго, уже возникшаго дѣла, или цѣлымъ союзомъ, для всѣхъ дѣлъ, могущихъ возникнуть въ теченіе извѣстнаго періода времени. Возможны, конечно, неудачные, даже „подтасованные" выборы—но возможна вѣдь и ошибка въ обращеніи къ довѣренному лицу. Весьма серьезной гарантіей справедливости рѣшенія является право отвода, предоставленное сторонамъ по отношенію къ членамъ суда чести [1]). Только при крайне неблагопріятной и мало правдоподобной комбинаціи обстоятельствъ можетъ случиться, что изъ семи членовъ суда чести болѣе чѣмъ двое окажутся систематически предубѣжденными въ пользу или противъ одной изъ спорящихъ сторонъ.

Мы далеки отъ мысли, чтобы рядомъ съ судомъ чести не оставалось мѣста для суда третейскаго; мы стоимъ всецѣло на почвѣ устава союза писателей, который не даетъ суду чести никакихъ преимуществъ передъ судомъ третейскимъ, а видитъ въ нихъ учрежденія, взаимно дополняющія другъ друга. „Судъ чести"—сказано въ § 24 устава—„разбираетъ дѣла какъ между членами союза, такъ, въ случаяхъ касающихся профессіональной дѣятельности членовъ союза, и по заявленіямъ частныхъ лицъ, если обѣ стороны обратятся къ нему, или одна изъ сторонъ откажется отъ третейскаго суда, а другая обратится къ суду чести". Обращеніе *обѣихъ сторонъ* къ суду чести будетъ, очевидно, имѣть мѣсто либо тогда, когда онѣ обѣ безусловно довѣряютъ членамъ суда чести, либо тогда, когда попытки ихъ образовать третейскій судъ остались безъ успѣха или встрѣтили трудно преодолимыя препятствія — а между тѣмъ разбирательство въ обыкновенномъ судѣ представляется для нихъ неудобнымъ или

---

[1]) На основаніи ст. 26 устава союза писателей, каждая сторона можетъ отвести не болѣе двухъ членовъ суда чести, безъ объясненія причинъ, и каждый членъ суда можетъ устранить себя отъ разсмотрѣнія даннаго дѣла.

(по свойству дѣла) невозможнымъ. Въ первомъ случаѣ судъ чести — тотъ же третейскій судъ, во второмъ—единственная возможная его замѣна. Составить третейскій судъ, даже при одинаково искреннемъ желаніи обѣихъ сторонъ, вовсе не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Не легко найти посредниковъ, которые согласились бы взять на себя щекотливую, иногда тяжелую обязанность; еще труднѣе найти суперъ-арбитра, на которомъ, съ одобренія обѣихъ сторонъ, могъ бы остановиться выборъ посредниковъ, и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отказался бы отъ предлагаемой ему отвѣтственной роли. Судъ чести представляетъ то существенно важное удобство, что онъ уже готовъ, уже сформированъ, безъ всякихъ хлопотъ и просьбъ, безъ всякой потери времени. Еще бо̀льшую службу онъ можетъ сослужить въ тѣхъ случаяхъ, когда немыслимы предварительныя сношенія между сторонами, когда жалующійся или обвинитель слишкомъ раздраженъ противъ отвѣтчика, чтобы предлагать ему третейскій судъ, выжидать его отвѣта, обмѣниваться съ нимъ сообщеніями о выборѣ посредниковъ и т. п. При такихъ условіяхъ— особенно если обвинитель не принадлежитъ къ литературному міру — и происходятъ, бо̀льшею частью, тѣ печальные случаи самоуправства, предупредить которые имѣетъ въ виду, между прочимъ, уставъ союза писателей. Зная, что существуетъ судъ чести, лицо, считающее себя оскорбленнымъ, можетъ прямо прибѣгнуть къ этому суду, выигрывая время и освобождаясь отъ переговоровъ, по меньшей мѣрѣ непріятныхъ. Судъ чести можетъ предложить отвѣтчику согласиться на третейскій судъ, а въ случаѣ его отказа —немедленно приступить къ разбору дѣла. Совершенно незамѣнимымъ, наконецъ, судъ чести является тогда, когда отвѣтчикъ отказывается не только отъ третейскаго суда, но и отъ объясненія передъ судомъ чести. § 29 устава союза писателей предоставляетъ суду чести, въ такихъ случаяхъ, выслушивать одного обвинителя [1]) и, разсмотрѣвъ его доводы и доказательства, высказывать свое мнѣніе. Представимъ себѣ, что въ печати появляется сообщеніе, не соединяющее въ себѣ всѣхъ признаковъ клеветы, но крайне непріятное для лица, противъ котораго оно направлено (примѣръ: писателю вполнѣ опредѣленной окраски приписывается помѣщеніе въ газетѣ противоположнаго лагеря, безъ подписи, статьи, идущей прямо въ разрѣзъ съ извѣстными его убѣжденіями). Редакторъ газеты, напечатавшей сообщеніе, упорно отказывается какъ отъ третейскаго суда, такъ и вообще отъ какихъ бы

---

[1]) Или одного отвѣтчика, если не явится обвинитель (очень важная гарантія противъ легкомысленныхъ обвиненій).

то ни было объясненій. Чтó дѣлать оскорбленному лицу? Обратиться въ коронный судъ—нельзя, за отсутствіемъ состава преступленія; настоять на учрежденіи третейскаго суда—нѣтъ никакихъ средствъ; напечатать опроверженіе въ другой газетѣ—его не прочтутъ тѣ, которые прочитали обвиненіе, да и кто повѣритъ словамъ самого обвиняемаго, никѣмъ не провѣреннымъ и не подтвержденнымъ? При такихъ условіяхъ легко можетъ возникнуть мысль о насиліи, хотя и не ведущемъ къ цѣли, но дающемъ выходъ возмущенному чувству. Только съ учрежденіемъ суда чести открывается, въ подобныхъ случаяхъ, мирный, легальный путь къ возстановленію истины. Этого одного было бы вполнѣ достаточно, чтобы оправдать существованіе суда чести.

Въ видѣ аргумента противъ суда чести указываютъ на то, что „признаки чести писателя совершенно тѣ же, что и признаки чести каждаго человѣка“. Безспорно, особой „писательской“ чести, отличной отъ общей, нѣтъ и быть не можетъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, что нѣтъ такихъ спеціальныхъ отступленій отъ общихъ правилъ чести, которыя чаще всего встрѣчаются въ мірѣ печати и съ наибольшею правильностью могутъ быть установлены и оцѣнены людьми, принадлежащими къ этому міру. Нѣтъ вѣдь и особой „адвокатской“ чести,—и однако никто не сомнѣвается въ томъ, что нарушенія „адвокатской этики“ должны быть подвѣдомственны адвокатскому суду. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что обращеніе къ третейскому суду, безъ предъявленія какихъ-либо имущественныхъ требованій, нигдѣ не встрѣчается столь часто, какъ въ литературной сферѣ—и уже это одно говоритъ въ пользу учрежденія литературнаго суда чести. Обязанность ни о комъ, безъ достаточной причины, не отзываться дурно, не пускать въ ходъ никакихъ недоказанныхъ обвиненій существуетъ одинаково для всѣхъ—но писатели періодической прессы легче, чѣмъ кто бы то ни было, могутъ уклониться отъ этой обязанности или, по меньшей мѣрѣ, чаще чѣмъ кто бы то ни было могутъ навлечь на себя обвиненіе въ ея нарушеніи. Отсюда цѣлесообразность учрежденія, ограждающаго постороннихъ лицъ—отъ несправедливыхъ или легкомысленныхъ нападеній въ печати, писателей—отъ придирчивыхъ требованій и произвольной расправы. Менѣе важна, въ нашихъ глазахъ, возможность обращенія къ суду чести не только со стороны отдѣльныхъ лицъ, но и со стороны комитета, завѣдующаго дѣлами союза. И она, однако, далеко не лишена значенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ несправедливыхъ обвиненій со стороны тѣхъ или другихъ органовъ печати являются лица или группы лицъ, безсильныя что-либо предпринять въ свою защиту.

„Можно предсказать съ точностью"—восклицаетъ газета, наиболѣе враждебная новорожденному союзу,—„что чѣмъ больше будетъ дѣлъ у суда чести и чѣмъ болѣе будутъ печатать свои приговоры эти судьи чести, тѣмъ болѣе ихъ будутъ высмѣивать и поругивать и сдѣлаютъ притчей во языцѣхъ". Осуществленіе этого предсказанія тѣмъ болѣе вѣроятно, что оно зависитъ, до извѣстной степени, отъ самого пророка. Если значительная часть печати будетъ относиться къ рѣшеніямъ суда чести столь же „благожелательно" и „безпристрастно", какъ она относилась до сихъ поръ къ союзу писателей, то членамъ суда чести понадобится немалый запасъ терпѣнія и выдержки, чтобы спокойно дѣлать свое дѣло, въ ожиданіи лучшаго времени. Что такое время настанетъ—въ этомъ мы вполнѣ убѣждены; нужно только помнить, что „даромъ ничто не дается", что устойчивость и настойчивость — первое условіе успѣха... Къ какимъ „недоразумѣніямъ" будутъ подавать поводъ рѣшенія суда чести — объ этомъ можно судить по слѣдующему небольшому инциденту. Въ послѣднемъ общемъ собраніи литературнаго фонда (2-го февраля) бывшій предсѣдатель комитета, проф. В. И. Сергѣевичъ, произнесъ рѣчь, въ которой коснулся, между прочимъ, союза писателей и выразилъ сомнѣніе въ осуществимости его задачъ, „граничащихъ съ областью невозможнаго". Объединенію писателей мѣшаетъ, по мнѣнію оратора, различіе направленій, различіе соціальныхъ положеній, болѣзненность самолюбій, развиваемыхъ литературною дѣятельностью. Профессіональный интересъ — неподходящая почва для объединенія, такъ какъ для многихъ почтенныхъ дѣятелей литературы писательство не составляетъ профессіи. Когда, по окончаніи этой рѣчи, попросилъ слова одинъ изъ членовъ фонда, состоящій въ то же время членомъ комитета союза писателей (Н. К. Михайловскій), г. Сергѣевичъ предупредилъ его, что рѣчь предсѣдателя не подлежитъ обсужденію. Н. К. Михайловскій ограничился вопросомъ, говорилъ ли предсѣдатель отъ лица комитета фонда или только отъ собственнаго имени (г. Сергѣевичъ отвѣчалъ, что говорилъ только отъ себя); но другой членъ фонда, также состоящій членомъ комитета союза писателей —В. И. Семевскій—назвалъ рѣчь г. Сергѣевича неумѣстной. Перенося весь этотъ эпизодъ въ печать (см. „Новое Время", № 7523), г. Сергѣевичъ упрекаетъ г. Семевскаго въ желаніи стѣснить свободу рѣчи, въ стремленіи навязать другимъ свой собственный взглядъ на дѣло. „Г. Семевскій не сомнѣвается и вѣритъ, а потому и я долженъ вѣрить... Сомнѣній г. Семевскій не допускаетъ. Устное слово свободно до тѣхъ только поръ, пока говорящій не сомнѣвается и вѣритъ въ то, во что вѣритъ г. Семевскій"... „Не считаю нужнымъ

скрывать"—таковы заключительныя слова г. Сергѣевича,—„что дѣятельность цензоровъ-добровольцевъ я считаю менѣе удобной дѣятельности правительственныхъ цензоровъ. Тѣхъ всѣ знаютъ, и у нихъ можно напередъ получить одобреніе или, въ случаѣ неодобренія, сомкнуть уста; добровольцы же неизвѣстны, а потому бываетъ совершенно невозможно ихъ избѣжать". Не трудно себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ эти слова были встрѣчены газетными противниками союза писателей. Замѣчаніе, сдѣланное г. Семевскимъ, клеймится эпитетами: „нетерпимость, деспотизмъ, стамбуловщина", и толкуется въ смыслѣ указанія на тотъ параграфъ устава союза, гдѣ идетъ рѣчь о „противодѣйствіи цѣлямъ союза", какъ объ одномъ изъ случаевъ, подсудныхъ суду чести. Для всѣхъ этихъ громкихъ словъ, для этого напускного негодованія нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, ни малѣйшаго повода. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что г. Сергѣевичъ говорилъ какъ предсѣдатель, рѣчь котораго не подлежитъ обсужденію. Въ такой рѣчи не должно быть ничего полемическаго; произносимая отъ имени общества, она должна оставаться въ границахъ его дѣлъ и интересовъ и не касаться постороннихъ спорныхъ вопросовъ, на которые у общества не можетъ быть никакого коллективнаго взгляда. Литературный фондъ заинтересованъ во всемъ томъ, что̀ можетъ укрѣпить положеніе литературы, улучшить положеніе литераторовъ—но онъ не компетентенъ судить объ осуществимости мѣръ, принимаемыхъ, помимо него, для достиженія этой цѣли. Предсѣдатель фонда могъ, не выходя изъ своей роли, привѣтствовать зарожденіе союза писателей, могъ выразить желаніе, чтобы всѣ члены союза были въ то же время членами фонда, чтобы союзъ, вообще, всячески помогалъ фонду. Наоборотъ, сомнѣваться въ осуществимости задачъ союза онъ могъ только какъ частное лицо, и выраженіе такихъ сомнѣній въ предсѣдательскомъ словѣ было „не у мѣста" вдвойнѣ: во-первыхъ, потому, что это слово не допускало возраженій; во-вторыхъ, потому, что въ кругъ занятій общаго собранія литературнаго фонда вовсе не входитъ критическій разборъ устава или дѣятельности другихъ обществъ. Въ замѣчаніи В. И. Семевскаго не было, такимъ образомъ, никакого посягательства на свободу мнѣній, ничего похожаго на добровольческую цензуру; оно констатировало только, что предсѣдатель собранія вышелъ изъ своей роли, превысилъ свои права—и съ этимъ мнѣніемъ было, повидимому, согласно значительное большинство собранія, громко рукоплескавшее Е. М. Гаршину, когда онъ предложилъ выразить союзу привѣтствіе отъ имени фонда... Повторяемъ еще разъ, мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что рѣшенія суда чести, даже самыя правильныя,

будутъ толкуемы вкривь и вкось, какъ было истолковано замѣчаніе г. Семевскаго; съ этимъ заранѣе слѣдуетъ помириться, какъ съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ условій, при которыхъ приходится дѣйствовать союзу писателей. Мало-по-малу, быть можетъ, печать пойметъ, что не въ ея интересахъ подрывать учрежденіе, призванное сослужить ей большую службу. Пускай каждое отдѣльное дѣйствіе союза писателей и его органовъ подвергается самой суровой, самой требовательной критикѣ, лишь бы только она не сводилась къ отрицанію основныхъ задачъ союза и не приписывала ему заранѣе ошибокъ и недостатковъ, отъ которыхъ онъ, быть можетъ, съумѣетъ остаться свободнымъ.

О другихъ вопросахъ, касающихся „союза писателей", мы поговоримъ въ слѣдующей хроникѣ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Имп. Военно-Медицинской Академіи.

Императорская Военно-Медицинская Академія, изготовляя къ предстоящему въ 1898 году празднованію столѣтняго своего юбилея исторію Академіи и отдѣльныхъ ея каѳедръ (два особыя изданія) за сто лѣтъ, убѣдительнѣйше проситъ лицъ, владѣющихъ какими-либо документами, могущими освѣтить прошлое ея (какъ, напр., записки современниковъ, дневники, біографическія свѣдѣнія, письма, рисунки, портреты дѣятелей и т. п.), оказать любезное содѣйствіе Академіи присылкою (желательно нынѣ же, и во всякомъ случаѣ до января 1898 г.) такихъ документовъ съ указаніемъ, требуется ли возвращеніе ихъ обратно. О всѣхъ присланныхъ документахъ, если ими можно будетъ воспользоваться, какъ матеріаломъ для исторіи, съ благодарностью будетъ упомянуто на ея страницахъ. Посылки такого рода слѣдуетъ адресовать къ начальнику Академіи, тайному совѣтнику Виктору Васильевичу Пашутину. Деньги, израсходованныя на пересылку, будутъ возвращены Академіею немедленно по заявленіи о семъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Происхожденіе современной демократіи. Т. III и IV. Максима Ковалевскаго. Москва, 97. Стр. 284 и 352. Ц. по 2 р.

Въ третьемъ томѣ авторъ даетъ весьма интересный и подробный анализъ постепеннаго хода и развитія монархическихъ конституціонныхъ идей въ первую эпоху большой французской революціи и зарожденіе республиканской партіи во Франціи, благодаря той оппозиціи, которую встрѣтила принятая, наконецъ, королемъ конституція 91 года, въ аристократіи и въ самой королевской семьѣ. Послѣдній томъ посвященъ исторіи паденія венеціанской республики, павшей подъ ударами Франціи, причемъ авторъ, не соглашаясь съ тѣми, кто видитъ въ этомъ противорѣчіе съ принципами 89 года и стремленіе не къ свободѣ, а къ преобладанію въ Европѣ, доказываетъ противное, а именно, что Венеція, Швейцарія, Нидерланды и Рѣчь-Посполитая были такими же феодальными республиками, какими были и современныя имъ монархіи; такимъ образомъ, революція боролась съ старымъ режимомъ, феодальнымъ, повсюду, въ какую бы политическую форму онъ ни облекался. Вотъ точка зрѣнія, съ которой авторъ излагаетъ послѣдніе годы знаменитой въ свое время венеціанской республики и ея окончательное паденіе, сто лѣтъ тому назадъ.

Тюремный міръ. Типы и характеристики. Д-ра Эмиля Лорана. Юридическая Библіотека, № 13). Изданіе Я. Канторовича. Спб., 1897. Стр. XII+368. Ц. 1 р. 60 к.

Подъ общимъ названіемъ „Юридической Библіотеки" вышелъ уже цѣлый рядъ интересныхъ популярныхъ сочиненій по различнымъ вопросамъ и предметамъ, относящимся къ области права. Эти сочиненія, оригинальныя и переводныя, предназначены не столько для юристовъ, сколько для образованной публики вообще; таковы, напр., книги о „женщинахъ въ правѣ", о „средневѣковыхъ процессахъ о вѣдьмахъ", о гражданскомъ бракѣ — проф. Суворова, о преступности и преступникахъ — г. Д. Дриля, о гипнотизмѣ въ правѣ — д-ра С. Фишера, исторія политико-экономическихъ доктринъ — проф. Эспинаса и др. Появившееся теперь въ русскомъ переводѣ сочиненіе д-ра Лорана о типахъ тюремнаго міра содержитъ въ себѣ любопытныя наблюденія и характеристики и читается вообще съ большимъ интересомъ.

Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Подъ редакціей проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. Т. I—II. Спб., 1897. Стр. LXIV+532+581+99. Ц. 5 р. за два тома.

Это изданіе представляетъ собою сборникъ цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ по нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ нашего народнаго хозяйства. Въ обстоятельномъ введеніи, составленномъ проф. А. И. Чупровымъ и А. С. Посниковымъ, сгруппированы существенные результаты обширнаго и сложнаго труда, въ которомъ участвовали извѣстные знатоки нашей земледѣльческой промышленности: Н. Ѳ. Анненскій, проф. Каблуковъ, проф. Карышевъ, проф. Фортунатовъ, Ѳ. А. Щербина, В. И. Покровскій и др. Въ первомъ томѣ помѣщена, между прочимъ, интересная статья проф. А. И. Чупрова о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе земельной собственности. Много поучительнаго заключаютъ въ себѣ также статьи: Л. Н. Маресса — о производствѣ и потребленіи хлѣбовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, Н. А. Каблукова — о значеніи хлѣбныхъ цѣнъ для частнаго землевладѣнія, Д. И. Рихтера — о задолженности частной поземельной собственности, Ѳ. А. Щербины — о крестьянскихъ бюджетахъ въ зависимости отъ урожаевъ и цѣнъ на хлѣба, В. И. Покровскаго — о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на естественное движеніе населенія, и др. Все изданіе исполнено по программѣ, составленной департаментомъ торговли и мануфактуръ совмѣстно съ участниками предпринятой работы.

Энциклопедическій словарь. Т. XIX, вып. 37 и 38. Т. XX, вып. 39. Спб. 96 и 97. Стр. 960 и 480.

Томъ XIX и первый выпускъ XX-го тома содержатъ въ себѣ статьи отъ слова „Меценовъ" — до слова „Наказанія исправительныя". Изданіе, достигнувъ половины всего объема, или даже, быть можетъ, нѣсколько перейдя за половину, вступаетъ нынѣ въ восьмой годъ своей дѣятельности, сохраняя за послѣднія семь лѣтъ и ту же редакцію, и тотъ же богатый составъ сотрудниковъ и спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Такъ, въ послѣднихъ трехъ выпускахъ встрѣчаются имена профессоровъ Д. Анучина, В. Герье, М. Горчакова, Н. Карѣева, В. Менделѣева, В. Миллера, В. Модестова, А. Позднѣева, Вл. Соловьева, Вл. Спасовича, И. Тарханова, В. Яроцкаго, Ѳ. Эрисмана и др.

Адресная книга города С.-Петербурга на 1897 г. Составлена при содѣйствіи городского общественнаго управленія, п. р. П. О. Яблонскаго. Спб. 97. Стр. LXIV, столб. 2052 и 3954, и 1233 стр., съ планами полицейскихъ частей г. Спб., съ показаніемъ домовъ, входящихъ въ составъ улицъ съ ихъ нумерами, а также и рынковъ, Императ. и частныхъ театровъ, цирка и т. д., съ обозначеніемъ всѣхъ нумерованныхъ мѣстъ. Ц. по подп. 3 р., въ продажѣ 5 руб.

Настоящій, шестой, годъ далеко превосходитъ своею полнотою всѣ предшествовавшіе и составляетъ весьма объемистый томъ — около 120 печатныхъ листовъ — равный уже по величинѣ такимъ же изданіямъ Парижа и Берлина. Такая полнота произошла какъ отъ того, что въ алфавитномъ указателѣ при именахъ приводятся не одни адреса, но и званіе или профессія, а также и отъ внесенія въ табель домовъ, кромѣ именъ домовладѣльцевъ, и именъ ихъ квартирантовъ. Не уступая заграничнымъ изданіямъ этого рода ни внѣшнимъ изяществомъ, ни полнотою, „Адресная книга г. Петербурга" не превышаетъ ихъ и цѣною, весьма умѣренною, — особенно если принять въ соображеніе, что такія изданія у насъ еще не требуются въ такомъ количествѣ, какъ за границей.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1897.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть года въ 1897 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

VI.—Крестьянскій банкъ и переселеніе *).

Говоря о переселеніи, необходимо разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ крестьянскій банкъ содѣйствовалъ этому движенію.

На пріобрѣтенія земель, совершаемыя съ цѣлью разселенія и переселенія крестьянъ, въ уставѣ банка не было обращено особеннаго вниманія. Можно даже предположить, что первоначально имѣлось въ виду преимущественно пріобрѣтеніе крестьянами смежныхъ съ ихъ владѣніями земель—съ цѣлью, между прочимъ, избавить ихъ тѣмъ самымъ отъ тягостной и разорительной необходимости переселенія.

Такой взглядъ на дѣло, однако, далеко не оправдался на практикѣ. Въ дѣйствительности, съ самаго же перваго года существованія банка, стали появляться переселенческія покупки. Дѣло началось, по всей вѣроятности, такимъ образомъ, что землевладѣльцы, желавшіе продать свое имѣніе, стали обращаться чрезъ посредство разныхъ агентовъ къ густонаселеннымъ крестьянскимъ обществамъ, въ которыхъ нѣкоторая часть жителей намѣревалась переселиться на дальній востокъ, въ Сибирь и т. п. мѣстности, съ предложеніемъ купить вмѣсто того, при посредствѣ крестьянскаго банка, имѣнія у нихъ, и переселиться въ менѣе отдаленную …ность. Но такъ какъ въ уставѣ банка не заключалось ни…ихъ статей, касающихся спеціально переселенческихъ поку…ъ, то послѣднія, предоставленныя полнѣйшей случайности, …идно, не могли привести къ удовлетворительному результату.

*) См. выше: мартъ, стр. 75.

Всякое переселеніе, какъ мы видѣли, сопряжено съ большою затратою силъ и средствъ. Надо перебраться съ семьей и всѣмъ своимъ скарбомъ на новое мѣсто, потратиться на переѣздъ, затѣмъ, прибывъ на мѣсто назначенія, обзавестись тамъ хозяйствомъ, построиться, пріобрѣсть скотъ, необходимый инвентарь и т. д.; а такъ какъ новое хозяйство въ лучшемъ случаѣ можетъ дать доходъ только къ концу года, то кромѣ того прокормиться еще съ своей семьей, въ теченіе цѣлаго года, на взятыя съ собою средства. Можно ли при такомъ положеніи дѣла еще помышлять объ уплатѣ съ перваго же года банку процентовъ и погашенія, а во многихъ случаяхъ еще вносить дополнительный платежъ землевладѣльцу?

Удачное переселеніе возможно только—если переселенцу на первое время, пока онъ не осядетъ на землѣ и не окрѣпнетъ хозяйствомъ, будутъ оказаны разныя льготы, а при недостаткѣ собственныхъ средствъ—и пособія отъ правительства. Переселенецъ же, не только не пользующійся ни льготами, ни ссудами, но еще принужденный съ перваго года вносить платежи банку за купленную землю, никогда не будетъ въ состояніи, кромѣ исключительныхъ случаевъ, твердо засѣсть на ней и обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ; исправнаго плательщика изъ него никогда не выйдетъ.

Такой результатъ можно было предвидѣть a priori — подобныя переселенческія покупки могли только повести къ тяжелымъ убыткамъ для банка и къ разоренію въ большинствѣ случаевъ самихъ переселенцевъ, что̀ дѣйствительно и оказалось на практикѣ.

Переселенческія сдѣлки, какъ уже выше указано, начались съ перваго же года открытія дѣйствій крестьянскаго банка. Изъ 25.000 десятинъ, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ 1883 году при посредствѣ банка, 6.000 дес. составляли покупки земли, лежащей далѣе одной версты отъ мѣста жительства покупателей; это, очевидно, были земли, купленныя большею частью съ цѣлью или раздѣленія, или переселенія. Однимъ обществомъ полтавской губерніи (Нехворощинскимъ) было куплено 3.845 десятинъ съ цѣлью переселенія туда тысячи душъ изъ состава общества. Въ 1884 г., переселенцами куплено болѣе 17.000 десятинъ; число покупателей составляло 3.334 души. Въ 1885 году, 16.500 душъ переселенцевъ покупаютъ уже 80.000 десят. Такъ какъ, однако, бо̀льшая часть переселенцевъ стала бѣдствовать съ перваго же года, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстностяхъ они съ самаго начала были застигнуты неурожаями,—то въ 1886 году количество переселенческихъ сдѣлокъ уже замѣтно уменьшается, число покупате-

лей падаетъ до 14.000 душъ, а число пріобрѣтенныхъ ими десятинъ до 40.000, т.-е. до половины того, что было куплено въ предшествующемъ году. Въ 1887 году пріобрѣтено 47.000 дес., въ 1888—38.000 дес., и въ 1889—около 30.000 дес. Вообще, съ 1883 по 1890 г. (съ 1890 года въ отчетахъ банка не встрѣчается болѣе прежнихъ отдѣльныхъ указаній о числѣ переселенческихъ сдѣлокъ) 50.000 душъ пріобрѣли при помощи банка для расселенія и переселенія 210.000 десятинъ земли — такъ что переселенческія сдѣлки составляли около 7% всѣхъ сдѣлокъ крестьянскаго банка [1]).

На переселенческихъ сдѣлкахъ съ самаго начала появились громадныя недоимки: въ екатеринославской губерніи недоимки составляютъ 40% слѣдующихъ къ поступленію платежей; въ пензенской—около 50%; въ ставропольской—до 63%, а въ оренбургской губерніи всѣ переселенцы находятся и въ настоящее время въ недоимкахъ.

Причины, вызывающія недоимочность въ общей массѣ заемщиковъ крестьянскаго банка, и въ особенности дороговизна первыхъ покупокъ, должны были дѣйствовать съ удвоенною силою въ переселенческихъ ссудахъ, какъ это подтверждается отзывами предсѣдателей отдѣленій крестьянскаго банка, собранными въ 1891 году.

Предсѣдатель оренбургскаго отдѣленія сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. На переселенцахъ всего тяжелѣе отразились неурожаи, такъ какъ они совпали съ значительными расходами на обзаведеніе на новомъ мѣстѣ. Это наблюдалось въ уфимской и оренбургской губерніяхъ. Обладая, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, лишь незначительными средствами, вырученными отъ продажи имущества на родинѣ, переселенцы израсходовали всѣ эти средства на переѣздъ, доплату по ссудѣ и первоначальное устройство на новомъ мѣстѣ. Затѣмъ уже—содержать свои семьи, уплачивать банку и заканчивать свое хозяйственное устройство они должны были изъ доходовъ съ участка или промысловъ; между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, переселенцы пріобрѣтали лѣсные участки, расчистка которыхъ требовала значительной затраты труда или средствъ и могла подвигаться впередъ только медленно, доходъ же участки обѣщали въ будущемъ; непосредственный доходъ они могли получить лишь путемъ продажи лѣса, отъ возможности сбыта коего такимъ образомъ и зависѣла исправность заемщиковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ на пере-

[1]) Въ 1894 г. число ихъ дошло до 18%.

селенцахъ всего сильнѣе отразилась и неурядица внутренняго строя жизни товарищей. Часто нѣкоторыя изъ лицъ, значившихся въ купчихъ крѣпостяхъ, вовсе не являлись на землю, или же, проживъ нѣкоторое время на купленной землѣ, бросали ее и прекращали платежи; вновь принятые члены, развѣдавшіе, что легально они не имѣютъ никакихъ правъ на землю, также прекращали платежи; благодаря этому, въ средѣ товарищества начинались раздоры и несогласія, въ свою очередь вызывавшіе отказы отъ земли и все бо̀льшее и бо̀льшее накопленіе недоимокъ.

Предсѣдатель екатеринославскаго отдѣла пишетъ, что на накопленіе недоимокъ на двадцати изъ сорока земель, назначавшихся въ продажу съ торговъ, самое значительное вліяніе имѣло то обстоятельство, что куплены онѣ были переселенцами. Ни одно изъ этихъ переселенческихъ обществъ или товариществъ не обладало болѣе или менѣе прочнымъ достаткомъ, который бы давалъ имъ возможность сразу стать твердой ногой на купленную землю. Кромѣ того, при полномъ незнаніи мѣстныхъ условій жизни и хозяйства, имъ въ началѣ неизбѣжно приходилось дѣлать много ошибокъ, дорого имъ стоившихъ и приводившихъ ихъ въ разореніе; мѣстные же жители не только не оказывали имъ никакой поддержки, а напротивъ, встрѣчали ихъ крайне непріязненно и съ злорадствомъ относились ко всякой ихъ неудачѣ. Въ частности нѣкоторыя товарищества были разорены не только значительными доплатами, отъ 18 до 22%, расходами на переселеніе, неурожаемъ первыхъ лѣтъ, но еще и значительными неурядицами, возникавшими среди товарищества, благодаря значительному числу участниковъ, мало или совсѣмъ не знавшихъ другъ друга, массѣ подставныхъ лицъ и т. п. обстоятельствамъ. Сдѣлки эти устроивались въ екатеринославской губерніи, какъ бы искусственно, почти всѣ однимъ лицомъ, занимавшимся агентурой по этому предмету, причемъ происходили даже прямые обманы, съ самаго начала долженствовавшіе внести раздоръ въ товарищество незнакомыхъ между собою лицъ; нѣкоторые товарищи приглашались къ покупкѣ земли на наличныя деньги, потомъ же ихъ уплата обращалась на дополнительные взносы по всей сдѣлкѣ и т. п. Наконецъ, главный контингентъ этихъ товариществъ составляли люди малоземельные или безземельные, пустившіеся на переселеніе совсѣмъ съ ничтожными средствами, — поэтому положеніе ихъ послѣ перваго неурожая становилось критическимъ.

Въ томъ же родѣ высказываются и предсѣдатели большей части другихъ отдѣловъ.

Всѣ эти обстоятельства, съ одной стороны, сказывались крайне неблагопріятно на экономическомъ положеніи переселенцевъ, пріобрѣтавшихъ земли съ помощью крестьянскаго банка, съ другой же стороны—приводили самый банкъ въ крайне затруднительное положеніе, поставляя его почти въ невозможность успѣшно взыскивать накопившіяся недоимки.

Предвидя неизбѣжность перехода земли къ банку, неисправные плательщики оставляли земли безъ обработки и посѣва. Самая дороговизна покупки и побуждала крестьянъ нерѣдко и особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ затѣмъ цѣны на землю и на аренду понизились,—отказываться отъ дальнѣйшей уплаты, такъ какъ это составляло прямой ихъ интересъ. Такъ, напримѣръ, въ рязанской губерніи, гдѣ арендныя цѣны опредѣлились въ 3 руб. и 3 р. 70 к. за десятину, покупщикамъ приходилось платить банку отъ 4 р. 37 к. до 6 р. 60 коп.; очевидно, что при такомъ положеніи дѣла имъ казалось въ настоящемъ выгоднымъ бросать купленную землю и арендовать землю или на сторонѣ, или ту же самую, которую купили, потому что въ большей части случаевъ крестьяне, прекращая платежи на купленную землю, продолжали считать за собою преимущественное право на арендованіе именно этой земли, полагая, что банкъ отбираетъ ее только во временное административное распоряженіе. Поэтому они даже не допускали стороннихъ лицъ къ арендѣ на отобранные у нихъ участки, притѣсняя ихъ всяческимъ образомъ. Если ликвидація недоимочныхъ сдѣлокъ при присельныхъ покупкахъ представляла почти непреодолимыя затрудненія, то при переселенческихъ сдѣлкахъ она большею частью оказывалась невозможною, потому что нельзя же было просто согнать крестьянъ съ земли, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оказывалось возможнымъ возвратить переселенцевъ обратно въ прежнія ихъ общества, это было соединено съ совершеннымъ ихъ разореніемъ.

Неудобства, которыя выказались почти съ перваго же года существованія крестьянскаго банка, побудили правительство приступить къ переработкѣ его устава, направленной къ устраненію всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ.

Въ проектѣ новаго устава банка было предположено прежде всего, для облегченія плательщиковъ, понизить процентъ по ссудамъ съ $5^1/_2$ на $4^1/_2$. Одновременно предполагалось предоста-

вить банку право слѣдить за правильностью разверстки и своевременнаго взысканія платежей въ обществахъ и товариществахъ, въ видахъ недопущенія неразумнаго накопленія недоимокъ. Затѣмъ банку предоставлялось право не подвергать продажѣ съ торговъ такіе участки, которые покупщикъ не въ состояніи удержать за собою, оставляя ихъ непосредственно въ распоряженіи банка, если на то послѣдуетъ согласіе недоимщика. Отъ такого распоряженія ожидались самые благопріятные результаты въ смыслѣ возможности легчайшаго достиженія этимъ путемъ развязки неудачно сложившихся отношеній между покупщиками, такъ какъ часто достаточно удаленія двухъ, трехъ неплатящихъ членовъ товарищества, чтобы урегулировать сдѣлку и установить нормальныя отношенія между остальными покупщиками. Далѣе, полагалось не назначать имѣнія въ продажу, даже за пропускомъ всѣхъ установленныхъ сроковъ, когда будутъ на лицо достаточныя основанія разсчитывать на исправленіе недоимщиковъ. Это послѣднее право банка важно особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда неплатежъ вызывается временными причинами, независимыми отъ общей состоятельности покупателей, какъ, напр., неурожаемъ, падежомъ скота, пожаромъ и т. п. несчастіями. Вышеозначенныя предположенія были обусловлены высказавшеюся съ самаго начала необходимостью болѣе заботливаго отношенія банка къ покупщикамъ-крестьянамъ—предоставленіемъ ему активнаго участія въ заключеніи сдѣлки и попечительнаго вліянія на внутренніе распорядки въ средѣ товариществъ, купившихъ землю. Кромѣ того, въ видахъ устраненія доплаты, столь разорительно дѣйствовавшей на пріобрѣтателей поселенцевъ, полагалось увеличить размѣръ выдаваемой ссуды до 90% спеціальной оцѣнки.

Всѣ эти предположенія проекта вошли въ текстъ новаго устава.

Но затѣмъ въ проектѣ были предположены еще двѣ весьма существенныя мѣры, которыя встрѣтили весьма сильныя возраженія какъ со стороны нѣкоторой части общественнаго мнѣнія, такъ и въ средѣ законодательныхъ сферъ.

Это, во-первыхъ, право банка *пріобрѣтать* земли *на свое имя*, и, во-вторыхъ, отдача ихъ крестьянамъ въ *безсрочную аренду*.

Первое изъ означенныхъ двухъ предположеній допущено только въ видѣ временной мѣры, а безсрочная аренда — замѣнена арендою на девять лѣтъ.

Въ виду чрезвычайной важности этой стороны вопроса для переселенческаго дѣла, необходимо нѣсколько болѣе ознакомиться съ главнѣйшими возраженіями, которыя были вызваны этимъ предметомъ, и оцѣнить степень ихъ основательности.

Противъ права банка пріобрѣтать имѣнія на свое имя для перепродажи ихъ крестьянамъ прежде всего было высказано возраженіе принципіально-политическаго свойства.

Путемъ пріобрѣтенія дворянской собственности для перепродажи ея крестьянамъ банкъ призывается къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія на счетъ частнаго дворянскаго землевладѣнія на началахъ сходныхъ съ выкупомъ надѣла, чтò можетъ возбудить въ крестьянахъ опасныя надежды на дополнительный надѣлъ и вызвать искусственное измѣненіе существующаго распредѣленія недвижимой собственности. Предполагаемое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія на счетъ и во вредъ дворянскому можно уподобить попыткамъ прусскаго правительства къ вытѣсненію польскаго дворянскаго сословія изъ Познани, между тѣмъ какъ въ подобнаго рода операціи не представляется никакой потребности въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Подобный образъ дѣйствія совершенно не согласуется съ тѣмъ направленіемъ, котораго до сихъ поръ правительство постоянно держалось въ вопросахъ, касающихся землевладѣльческихъ классовъ населенія.

При крѣпостномъ правѣ владѣніе землей фактически сосредоточивалось въ рукахъ двухъ классовъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ и отводомъ имъ надѣла, земля осталась на первое время фактически во владѣніи тѣхъ же двухъ классовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ сословіямъ было предоставлено право покупать землю, и это не осталось безъ вліянія на распредѣленіе земельнаго фонда, еще остававшагося въ рукахъ дворянъ. Оказалось, что свободою покупки земли всего менѣе пользовались землевладѣльческое и земледѣльческое сословія. Земли стали уходить изъ рукъ дворянъ большею частью въ руки разныхъ спекулянтовъ и аферистовъ, эксплуатировавшихъ крестьянъ, такъ какъ дворяне не всегда были въ состояніи соперничать съ ними, а крестьяне, за отсутствіемъ кредита, не имѣли возможности въ достаточномъ количествѣ покупать предлагаемыя для продажи земли. Это обстоятельство и вызвало образованіе крестьянскаго банка, для содѣйствія крестьянамъ къ покупкѣ земли по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцами ея. Въ видахъ же сохраненія дворянской земли въ дворянскихъ рукахъ былъ одновременно учрежденъ дворянскій банкъ, съ правомъ продавать дворянскія земли несостоятельныхъ должниковъ, съ переводомъ долга только дворянамъ. Такимъ образомъ, въ основаніе дѣятельности обоихъ банковъ было положено начало: поддерживать и дворянское, и крестьянское сословіе въ экономической борьбѣ съ чуждыми землѣ

сословіями, и такимъ образомъ содѣйствовать наиболѣе согласному съ государственными интересами распредѣленію земельной собственности. Учрежденіе крестьянскаго банка имѣло кромѣ того цѣлью обозначить, что съ отводомъ крестьянамъ надѣла никакія дальнѣйшія мѣры по поземельному устройству ихъ на счетъ земельнаго фонда, остававшагося во владѣніи дворянства, не могли уже имѣть мѣста; расширеніе крестьянскаго владѣнія могло происходить далѣе только путемъ добровольныхъ покупокъ.

Измѣнившіяся обстоятельства несомнѣнно побуждаютъ отступить отъ этого первоначальнаго взгляда на задачу крестьянскаго банка. Задолженность дворянскихъ имѣній, тяжелый сельско-хозяйственный кризисъ, по неволѣ заставляютъ многихъ дворянъ отчуждать свои имѣнія, и желательно, чтобы они переходили въ руки крестьянъ, а не постороннихъ аферистовъ, которые бы потомъ являлись посредниками при сдачѣ земель въ аренду крестьянамъ. Но для этого достаточно расширенія до 90% размѣра выдаваемыхъ ссудъ и нѣкоторыхъ другихъ измѣненій относительно ограничительной нормы сдѣлокъ. При осуществленіи же предположенія проекта банкъ пересталъ бы быть простымъ посредникомъ между двумя сторонами, заключающими между собою добровольную сдѣлку, а принялъ бы на себя активную роль покупщика поземельной собственности и распредѣлителя ея между крестьянами. До сихъ поръ крестьяне обращаются къ банку когда уже сами заторговали землю; при новомъ же уставѣ, когда банкъ будетъ самъ покупать имѣнія,—подготовлять ихъ для крестьянскаго надѣла и отдавать крестьянамъ безъ приплаты, въ средѣ крестьянъ, усматривающихъ, что банкъ изъ посредника превратился въ учрежденіе, направленное къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія на счетъ дворянскаго,—могутъ возникнуть несбыточныя надежды и ожиданія относительно дополнительнаго надѣла.

Нѣкоторымъ дворянамъ продажа имѣній казнѣ можетъ быть полезна, но сомнительно, соотвѣтствуетъ ли это общимъ интересамъ дворянства, какъ землевладѣльческаго сословія. Разстройство ихъ дѣлъ произошло отъ чрезмѣрнаго пользованія кредитомъ и преувеличенной надежды на помощь правительства. Новый уставъ возбуждаетъ новыя надежды относительно возможности выгоднаго отчужденія имуществъ. Облегчая положеніе сравнительно немногихъ, онъ усилитъ затрудненія тѣхъ, которые, въ ошибочномъ расчетѣ на выгодную сдѣлку съ банкомъ, не съумѣютъ своевременно предупредить грозящаго разоренія своими собственными силами,—а такихъ окажется большинство. Допуская даже, что на первыхъ порахъ банкъ будетъ поступать осторожно

и покупать имѣнія съ большою осмотрительностью, слѣдуетъ опасаться, что, ставъ на ложный путь, трудно будетъ избѣжать нежелательныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что банкъ, благодаря выпуску свидѣтельствъ, будетъ поставленъ въ возможность развить свою покупную способность до крайнихъ размѣровъ. Въ доказательство такой возможности противники этой мѣры приводятъ фантастическіе разсчеты тѣхъ громадныхъ средствъ, которыя сосредоточатся въ банкѣ для этой операціи.

Относительно вліянія покупокъ банка на цѣны земель были высказаны два совершенно другъ другу противоположныя опасенія. Выражалось опасеніе, съ одной стороны, что, дѣйствуя въ интересѣ крестьянъ, банкъ будетъ усиленно настаивать на пониженіи цѣны отчуждаемыхъ имѣній въ ущербъ землевладѣльцамъ, а съ другой стороны, что усиленный спросъ будетъ поднимать искусственно цѣны земель въ ущербъ обѣимъ сторонамъ. Высокія цѣны, не соотвѣтствующія доходности земли, будутъ побуждать къ отчужденію своихъ имѣній и тѣхъ дворянъ, которые при другихъ условіяхъ удержали бы ихъ за собою; онѣ затруднятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, переходъ дворянской собственности изъ рукъ однихъ дворянъ въ руки другихъ дворянъ, такъ какъ дворянскимъ покупателямъ непосильна будетъ конкурренція съ крестьянскимъ банкомъ.

Земли дорого купленныя банкъ принужденъ будетъ дорого продавать крестьянамъ—отсюда слѣдуетъ ожидать роста недоимокъ и, вслѣдствіе невозможности для крестьянъ удержать дорого купленныя земли въ своихъ рукахъ, необходимости отчуждать вновь крестьянскіе участки, которые уже не будутъ покупаться другими крестьянами, стѣсненными установленною нормою пріобрѣтенія земли; дворяне не только не захотятъ пріобрѣтать такія земли, потому что это поставило бы ихъ во враждебныя отношенія къ прежнимъ владѣльцамъ-крестьянамъ, у которыхъ отчуждается земля, что несогласно съ дворянскими традиціями. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ недоимочные участки будутъ или оставаться на рукахъ банка, или будутъ переходить въ руки аферистовъ, ростовщиковъ, кулаковъ, не стѣсняющихся эксплуатировать крестьянъ, т. е. именно въ такія руки, для устраненія коихъ отъ пріобрѣтенія имѣній и былъ образованъ крестьянскій банкъ.

Кромѣ этихъ главныхъ возраженій, были приведены еще нѣкоторыя второстепенныя возраженія: о несвойственности характеру банка пріобрѣтать имѣнія, о трудности для него хозяйни-

чать въ нихъ, подготовляя ихъ къ продажѣ, о потеряхъ, которыя онъ неминуемо при этомъ понесетъ, и т. п.

Обратимся теперь къ изложенію доводовъ, которые были приведены противъ безсрочности аренды и вызвали устраненіе этого способа отдачи земли изъ новаго устава банка.

Общее направленіе законодательства у насъ и въ Европѣ, по словамъ противниковъ безсрочной аренды, идетъ къ постепенному переходу отъ неполной собственности къ формѣ полной собственности, только нѣсколько ограниченной въ видахъ и интересахъ обще-государственной пользы. И прежніе помѣщики, и государственные крестьяне, превращаются постепенно въ полныхъ собственниковъ; чиншевыя отношенія въ западныхъ губерніяхъ и царствѣ польскомъ, создавшія столь запутанныя имущественныя отношенія,—упраздняются. Учрежденіе безсрочной аренды находилось бы такимъ образомъ въ противорѣчіи съ общимъ ходомъ законодательства. Притомъ же, прежнія формы безсрочнаго пользованія землей были основаны на вотчинномъ правѣ, при чемъ право разрѣшенія перехода къ собственности предоставлялось только одной сторонѣ, помѣщику. При введеніи же предполагаемой безсрочной аренды имѣется въ виду установленіе безсрочнаго пользованія землею не на основаніи вотчиннаго права, а по договору, съ предоставленіемъ арендатору, по одностороннему его желанію, во всякое время пріобрѣсти арендуемую землю въ собственность, съ разсрочкой уплаты покупной цѣны. Введеніе подобнаго *правового* института, такого договора, не имѣющаго до сихъ поръ основанія въ нашемъ правовомъ законодательствѣ, потребовало бы во всякомъ случаѣ предварительной подробной подготовительной разработки его въ юридическомъ отношеніи. Если же разсматривать безсрочную аренду только въ видѣ переходной ступени къ частной собственности, то лучше прямо установить аренду на извѣстное число лѣтъ, не усложняя вопроса введеніемъ такого имущественнаго отношенія, которое до сихъ поръ не существовало въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ.

Насколько же всѣ эти возраженія основательны?

Опасеніе, что всякое облегченіе со стороны правительства возможности пріобрѣтенія крестьянами необходимой имъ земли поведетъ къ возникновенію разныхъ опасныхъ ожиданій и несбыточныхъ надеждъ на добавочный надѣлъ,—уже высказывалось во время учрежденія крестьянскаго банка въ восьмидесятыхъ годахъ. Между тѣмъ, за все время его существованія, не было ни

одного случая, гдѣ бы это опасеніе оправдалось. Теперь оно выставляется вновь. Какое же къ тому серьезное основаніе? Въ чемъ, въ сущности, новый порядокъ будетъ отличаться отъ прежняго? Будетъ ли банкъ получать заявленія отъ крестьянскаго товарищества о заключенной имъ съ владѣльцемъ имѣнія сдѣлкѣ, подвергать эту сдѣлку критическому разбору—и затѣмъ, въ случаѣ утвержденія ея, выдавать ссуду, какъ это было до сихъ поръ; или банкъ будетъ, получивъ заявленіе дворянина о желаніи продать имѣніе, пріискивать самъ покупателей изъ крестьянъ, какъ это предлагали противники проекта; или, наконецъ, будетъ банкъ, получивъ такое заявленіе дворянина, приступать непосредственно къ пріобрѣтенію его земли, если она оказывается подходящею для предположенной цѣли, и затѣмъ, купивъ ее, будетъ пріискивать покупателей крестьянъ,—въ этомъ трудно усмотрѣть какое-либо существенное различіе, кромѣ практическаго упрощенія дѣла. Потому едва ли можно согласиться съ опасеніемъ, что новая задача банка будетъ противорѣчить цѣлямъ, къ которымъ правительство стремилось до сихъ поръ въ землевладѣльческомъ вопросѣ. До сихъ поръ правительство стремилось оказывать содѣйствіе какъ дворянскому, такъ и крестьянскому сословію; къ той же цѣли направлена и послѣдняя реформа крестьянскаго банка. Покупая имѣнія, банкъ будетъ облегчать крестьянамъ пріобрѣтеніе необходимой имъ земли на нормальныхъ условіяхъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчать положеніе тѣхъ дворянъ, которые поставлены въ необходимость рѣшиться на отчужденіе имѣній. Покупая дворянскія имѣнія, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы за полъ-цѣны, за цѣну, дѣйствительно соотвѣтствующую ихъ стоимости, банкъ спасетъ многихъ дворянъ отъ полнаго разоренія; этимъ путемъ онъ поможетъ даже многимъ землевладѣльцамъ удержать за собою часть своихъ имѣній. При сильной задолженности дворянъ, во многихъ случаяхъ спасеніе будетъ заключаться именно въ частичной ликвидаціи. Продавъ часть своихъ владѣній и погасивъ путемъ такой продажи всѣ долги, лежавшіе на имѣніи, или по крайней мѣрѣ значительную часть ихъ, землевладѣлецъ получитъ возможность сохранить остальную часть своего имѣнія,—между тѣмъ какъ безъ того, рано или поздно, все имѣніе пошло бы съ молотка.

Возраженіе, что подобныя мѣры, могущія быть полезными отдѣльнымъ дворянамъ, будутъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для дворянскаго сословія in corpore, лишено всякаго логическаго основанія. Справедливо ли смотрѣть на дворянъ какъ на какія-то безпомощныя личности, не умѣющія соблюдать ни своихъ

личныхъ, ни своихъ сословныхъ интересовъ, и которыхъ потому слѣдуетъ ставить подъ опеку, лишая ихъ возможности отчуждать свои имѣнія? Съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы желать, чтобы имѣнія настолько понизились въ цѣнѣ, чтобы никто не находилъ выгоды продавать свое имѣніе; но развѣ это спасло бы въ окончательномъ результатѣ разорившагося владѣльца отъ потери имѣнія? Уже если стать на эту точку зрѣнія, то слѣдовало бы требовать неотчуждаемости дворянскихъ имѣній вообще, подобно тому какъ она установлена для крестьянскихъ земель,—но едва ли кто-либо рѣшится серьезно заявить подобную мысль.

Опасенія, высказываемыя относительно возможнаго вліянія операцій банка на цѣну земель, уже a priori опровергаются тѣмъ, что одновременно указывается съ различныхъ сторонъ на то, что операціи банка будутъ имѣть послѣдствіемъ и угнетеніе, и неестественное поднятіе цѣны, къ ущербу обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, несомнѣнно одно изъ двухъ: или банкъ будетъ угнетать цѣны,—а тогда выиграютъ покупатели и пострадаютъ продавцы,—или спросъ банка подниметъ цѣны, и тогда, напротивъ того, выиграютъ продавцы; но какимъ образомъ можетъ быть и то и другое—совершенно непонятно и доказываетъ только, что это возраженіе лишено всякаго практическаго основанія.

Въ дѣйствительности не произойдетъ ни того, ни другого.

Регулируя цѣны сдѣлокъ, совершаемыхъ при посредствѣ банка,—съ необходимостью чего соглашаются и возражатели,—для устраненія несоотвѣтственно дорогихъ продажъ и скрытыхъ условій о доплатѣ,—банкъ однако отнюдь не долженъ являться факторомъ, дѣйствующимъ принципіально въ ущербъ интересовъ продавца и къ исключительной выгодѣ пріобрѣтателей. Вся цѣль, какъ выше указано, заключается въ томъ, чтобы условія сдѣлокъ не переходили извѣстныхъ предѣловъ, далѣе коихъ они могли бы угрожать убытками покупщику, а затѣмъ и самому банку,—съ другой же стороны, чтобы земля не миновала рукъ крестьянъ. При земельныхъ сдѣлкахъ, совершаемыхъ при посредствѣ крестьянскаго банка, можно сказать, что бо̀льшею частью естественная борьба спроса и предложенія, опредѣляющая справедливую цѣну объекта продажи, часто совершенно отсутствуетъ, потому что обѣ стороны—и продавецъ, и покупатель—дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, т.-е. въ направленіи повышенія цѣны продаваемой земли. Продавецъ естественно стремится получить высокую цѣну за свою землю, но и покупатель-крестьянинъ, въ своей жаждѣ къ пріобрѣтенію земли, бо̀льшею частью склоненъ къ переоцѣнкѣ, къ выгодности покупки, и тѣмъ охотнѣе идетъ на сдѣлку, какая бы

ни была установляема цѣна, что расплата за землю отлагается на отдаленное будущее, съ неустранимою въ его воображеніи перспективою отсрочекъ и разнаго рода снисхожденій по отношенію къ предстоящимъ платежамъ. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ неудачъ многихъ сдѣлокъ, въ опредѣленіе коихъ банкъ на первое время не считалъ нужнымъ вмѣшиваться. Если же допустить, что банкъ можетъ дѣйствовать неразумно и несогласно съ интересами страны, искусственно угнетая цѣны покупокъ, то то же самое могло бы случиться и при прежнемъ уставѣ, при существованіи котораго банкъ, подвергая критической оцѣнкѣ всякую совершаемую сдѣлку, могъ отказывать въ ссудахъ по такимъ сдѣлкамъ, по которымъ онъ находилъ условленную цѣну слишкомъ высокою.

Возраженіе, направленное въ противоположномъ смыслѣ, что если дѣйствіе крестьянскаго банка при прежнемъ его устройствѣ вызывало вздорожаніе земли, то что̀ же будетъ при новомъ положеніи, точно также лишено основанія. Дороговизна первоначальныхъ сдѣлокъ была вызвана совсѣмъ не усиленнымъ спросомъ, а главнымъ образомъ, вышеуказанною ихъ безконтрольностью со стороны банка. Къ тому же присоединилось временное увеличеніе доходности поземельной собственности въ періодъ обильныхъ урожаевъ и существованія одновременно хорошихъ цѣнъ. Могутъ ли предполагаемыя операціи банка вести къ искусственному вздорожанію земли, когда весь его спросъ не можетъ превышать $7^1/_2$ % всѣхъ сдѣлокъ, совершаемыхъ ежегодно въ Россіи по продажѣ и покупкѣ земельныхъ имѣній? Банкъ совершенно не будетъ вызывать новаго спроса на землю; онъ будетъ покупать *только то*, что̀ будетъ предлагаться въ продажу, и даже только незначительную часть предлагаемаго. Дѣйствія его будутъ направлены только къ тому, чтобы облегчить и направить размѣщеніе по крайней мѣрѣ части той поземельной собственности, которая будетъ выбрасываться на рынокъ, къ подобранію части той земли, которую и безъ того землевладѣльцы удержать въ своихъ рукахъ не въ состояніи, и которая потому все же поступитъ на рынокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ подъ собою всякую почву и опасенія относительно того, что дворяне не будутъ въ состояніи покупать дворянскихъ имѣній, вслѣдствіе крайняго на нихъ поднятія цѣнъ, и что земля по той же причинѣ будетъ уходить изъ рукъ крестьянъ и переходить въ руки спекулянтовъ и кулаковъ.

Мы уже видѣли, что именно неудобства прежняго порядка и вызвали необходимость реформы. Несомнѣнно, банкъ и прежде

имѣлъ возможность вліять на цѣну сдѣлки, но это вызывало постоянныя неудовольствія и жалобы, и дѣйствительно влекло за собою серьезныя неудобства, уже не говоря о трудности слѣдить за скрытыми условіями доплаты и т. п. Землевладѣлецъ нашелъ покупателя, который соглашается дать требуемую цѣну, и вдругъ является на сцену банкъ, объясняетъ, что цѣна слишкомъ высока, отказываетъ въ ссудѣ—и сдѣлка разстроивается; не проще ли перенести активное вступленіе банка въ начало сдѣлки, когда она еще не состоялась, когда еще никакихъ надеждъ не возбуждено. Хозяйничество имѣніями принципіально не представляетъ подходящей операціи для банка, но развѣ при прежнемъ уставѣ этого хозяйничества можно было избѣгнуть; развѣ имѣнія не оставались за банкомъ? Вся разница—въ томъ, что, при прежнемъ положеніи, имѣнія возвращались въ банкъ въ совершенно истощенномъ видѣ, между тѣмъ какъ пріобрѣтаемыя банкомъ имѣнія, по новому уставу, будутъ находиться въ совершенно иныхъ, гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и потому хозяйничаніе въ нихъ будетъ представлять гораздо менѣе трудности.

Наконецъ, не слѣдуетъ терять изъ виду, что прямыя покупки банка не устраняютъ возможности прежнихъ операцій, непосредственныхъ сдѣлокъ между крестьянами и землевладѣльцами. Можно даже предположить, что при покупкѣ присельныхъ участковъ крестьяне, хорошо зная ихъ цѣну и степень полезности, будутъ входить въ непосредственныя сдѣлки съ землевладѣльцами,—сдѣлки, коимъ, при такихъ условіяхъ, банкъ не будетъ имѣть никакого повода отказывать въ ссудѣ, между тѣмъ какъ при переселенческихъ сдѣлкахъ будетъ преобладать покупка имѣній на имя банка, съ послѣдующею передачею ихъ крестьянамъ.

Соображая вышеизложенное, можно придти къ такому заключенію, что приведенныя возраженія вызваны отчасти недостатками редакціи самого устава, не разграничивавшаго „присельныя" сдѣлки отъ „переселенческихъ".

Съ самаго начала дѣятельности крестьянскаго банка ясно выразилось, что по существу дѣла операціи банка распадаются на двѣ совершенно различныя категоріи: во-первыхъ, на сдѣлки, имѣющія характеръ пріобрѣтенія присельныхъ имѣній, и, во-вторыхъ, на сдѣлки переселенческія. Это разграниченіе необходимо было провести въ новомъ уставѣ банка; мѣропріятія, оказывающіяся крайне необходимыми для переселенческихъ сдѣлокъ, могли быть совершенно непримѣнимыми для присельныхъ сдѣлокъ. Между тѣмъ, такого разграниченія въ уставѣ банка не было сдѣлано, и тѣмъ давался поводъ предполагать, что обсуждаемая мѣра будетъ при-

мѣняться во всѣмъ сдѣлкамъ вообще, а это обстоятельство, съ своей стороны, сообщало нѣкоторую тѣнь основанія тѣмъ политическимъ возраженіямъ, на которыя выше было указано, объ опасности возбуждать въ крестьянахъ несбыточныя надежды.

Дѣйствительно, если пріобрѣтеніе банкомъ имѣній, для отдачи ихъ впослѣдствіи подъ поселенія переселенцевъ, никоимъ образомъ не можетъ возбуждать какихъ-либо несбыточныхъ надеждъ, потому что *переселеніе* именно и устраняетъ всякую мысль о *дополнительномъ* надѣлѣ, то, съ другой стороны, нельзя не допустить, что могло бы быть нежелательно пріобрѣтеніе банкомъ смежныхъ съ крестьянскимъ надѣломъ дворянскимъ имѣній, для перепродажи ихъ впослѣдствіи въ цѣлости, за исключеніемъ только господской усадьбы, сосѣднимъ крестьянамъ. Такое увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ на счетъ смежной дворянской собственности въ нѣкоторой степени могло бы оправдывать тѣ опасенія, которыя выставлялись порицателями проекта новаго устава. При томъ же, самая мысль объ устраненіи крестьянскаго малоземелья, путемъ скупки сосѣднихъ дворянскихъ имѣній, оказалась бы совершенно непрактическою и недостигающею цѣли, потому что сколько бы ни скупать дворянскихъ имѣній въ густонаселенныхъ и малоземельныхъ мѣстностяхъ, этимъ путемъ никогда не достигнется существеннаго увеличенія крестьянскихъ надѣловъ. Въ центральныхъ густонаселенныхъ и малоземельныхъ губерніяхъ практически мыслима только прикупка крестьянами изъ сосѣднихъ дворянскихъ имѣній небольшихъ клочковъ земли, которые имъ почему-либо крайне необходимы. Это—или недостающій имъ выгонъ, или участокъ помѣщичьей земли, черезъ который имъ приходится прогонять скотъ, при чемъ возбуждаются непрерывные споры о потравахъ и т. п. Одна изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ крестьянскій банкъ на мысль приступить къ непосредственной покупкѣ имѣній, заключалась между прочимъ въ трудности вліять на установленіе справедливой цѣны при сдѣлкахъ, въ виду, какъ выше было указано, склонности обѣихъ сторонъ, и продавца, и покупателя, къ переоцѣнкѣ стоимости земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ почти полной невозможности слѣдить за тайными сдѣлками относительно дополнительныхъ взносовъ. Но значеніе этихъ обстоятельствъ существенно умаляется при покупкѣ крестьянами небольшихъ участковъ присельной земли. Эти излюбленные участки они давно знаютъ, давно уже къ нимъ прицѣнились, наконецъ—даже если такой крайне необходимый имъ участокъ и будетъ купленъ нѣсколько дороже настоящей его стои-

мости, онъ дѣйствительно имѣетъ для нихъ высшую цѣну, и такая прикупка небольшой частицы земли разорить ихъ не можетъ.

При переселенческихъ сдѣлкахъ—совершенно другое дѣло: всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій тамъ не существуетъ, и вотъ почему если покупки банкомъ имѣній присельныхъ къ крестьянскимъ надѣламъ, для перепродажи ихъ крестьянамъ, не имѣютъ достаточныхъ основаній, то подобныя покупки при переселенческихъ сдѣлкахъ вызываются самою силою вещей.

Такое положеніе дѣла не должно, однако, препятствовать банку покупать и въ центральныхъ губерніяхъ дворянскія имѣнія, выбрасываемыя на рынокъ, но только не для того, чтобы отчуждать ихъ крестьянамъ, а для того, чтобы сохранять эти имѣнія за дворянскимъ сословіемъ, потому что въ культурномъ отношеніи, какъ бы ни велось хозяйство въ дворянскомъ имѣніи, послѣднія все же служатъ культурными центрами, за которыми желательно пока сохранить этотъ характеръ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянское имѣніе идетъ съ торговъ за незначительную цѣну, или когда землевладѣлецъ, не допустившій еще имѣнія до торговъ, сознавая, что ему имѣнія не удержать за собою, самъ обратится въ банкъ съ предложеніемъ пріобрѣсть его имѣніе, такъ какъ посторонніе покупатели, пользуясь его безъисходнымъ положеніемъ, предлагаютъ ему цѣну, совершенно не соотвѣтствующую дѣйствительной стоимости имѣнія,—пріобрѣтеніе подобнаго имѣнія банкомъ было бы соединено съ двоякою пользою. Во-первыхъ, прежній владѣлецъ спасался бы тѣмъ самымъ отъ конечнаго разоренія, а затѣмъ предотвращался бы нежелательный переходъ имѣнія въ спекулятивныя руки какого-либо кулака или афериста. Само собою разумѣется, что подобныя пріобрѣтенія могли бы совершаться только въ предѣлахъ существующихъ средствъ банка.

Выдѣливъ изъ пріобрѣтеннаго имѣнія, въ случаѣ необходимости, небольшіе отрѣзные клочки земли, въ которыхъ могутъ нуждаться сосѣдніе крестьяне, и выдѣленіе коихъ не нарушаетъ экономической цѣлости хозяйственной единицы,—все остальное имѣніе въ цѣломъ его составѣ сохранялось бы за банкомъ для перепродажи его исключительно кому-либо изъ мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ.

Статья 5-я VII-го пункта Положенія допускаетъ уже продажу тѣхъ частей имѣнія, которыми не могутъ воспользоваться крестьяне соотвѣтственно правиламъ устава банка, другимъ лицамъ и учрежденіямъ. Эту статью слѣдовало бы дополнить, относительно присельныхъ имѣній, постановленіемъ аналогическимъ

съ Положеніемъ дворянскаго банка, по которому дворянскія имѣнія не могутъ быть продаваемы не-дворянамъ съ переводомъ долга. Можно бы постановить и въ данномъ случаѣ, что подобныя присельныя имѣнія, пріобрѣтаемыя банкомъ, могутъ быть перепродаваемы исключительно дворянамъ, съ допущеніемъ отчужденія ихъ постороннимъ лицамъ только въ томъ случаѣ, если въ теченіе продолжительнаго времени не окажется покупщика изъ дворянъ.

Такимъ образомъ устранилось бы одно изъ самыхъ страстныхъ возраженій противниковъ новаго устава, и вмѣстѣ съ тѣмъ банкъ пошелъ бы на встрѣчу одному изъ самыхъ существенныхъ желаній, высказываемыхъ среди нашего дворянскаго сословія.

Вопросъ этотъ довольно сложный и по своей важности заслуживаетъ всесторонняго развитія; мы здѣсь на него указываемъ только мимоходомъ, предоставляя себѣ когда-нибудь развить его подробно впослѣдствіи. Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ только замѣтить, что самая мысль—не новая; она заимствована нами изъ того, что̀ существуетъ уже въ этомъ отношеніи въ Австріи и Пруссіи, въ коихъ дворянское землевладѣніе находится также въ крайне затруднительномъ положеніи.

Обращаясь теперь къ возраженіямъ противъ безсрочной аренды, мы должны замѣтить, что и въ этомъ вопросѣ невыдѣленіе въ уставѣ банка переселенческихъ сдѣлокъ придаетъ нѣкоторымъ возраженіямъ раціональное основаніе. Дѣйствительно, какой можетъ быть разумный поводъ отдавать крестьянину, выкупающему свой надѣлъ, сосѣднюю присельную землю въ безсрочную аренду? Пользованіе двумя смежными участками на различныхъ правовыхъ началахъ могло бы вносить только путаницу въ землевладѣльческое дѣло, и такъ какъ въ проектъ устава банка въ этомъ отношеніи никакого ограниченія не было включено, то можно было предполагать, что банкъ полагаетъ отдавать въ безсрочную аренду и присельные участки.

Но совершенно другое дѣло—переселенческія сдѣлки. Устраненіемъ безсрочной аренды крестьянскій банкъ поставляется въ совершенную невозможность оказывать полезное содѣйствіе переселенческому дѣлу.

Противники безсрочной аренды становятся подъ весьма симпатическое знамя цивилизующаго значенія начала частной собственности. Мы вполнѣ признаемъ важное значеніе этого начала, какъ въ культурномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Но для того, чтобы это начало могло производить свое благотворное дѣйствіе, необходимо, чтобы оно было сознательно пріобрѣтаемо

путемъ стараній и даже нѣкоторыхъ жертвъ, а не навязываемо человѣку насильно. Только тотъ, кто пріобрѣтаетъ собственность съ нѣкоторымъ усиліемъ, будетъ цѣнить ее вполнѣ. И при обязательномъ выкупѣ собственность дается крестьянину не даромъ, но при этомъ отпадаютъ именно тѣ важныя условія, которыя придаютъ собственности цивилизующее значеніе. Въ моментъ приступа къ выкупу, который будетъ длиться тридцать, сорокъ лѣтъ, выкупающій землю едва ли можетъ надѣяться когда-либо сдѣлаться дѣйствительно ея собственникомъ,—этимъ правомъ воспользуются, вѣроятно, потомъ его дѣти или внуки,—между тѣмъ дѣйствительные платежи по выкупу приходится платить ему самому, и поэтому онъ большею частію будетъ смотрѣть на выкупные платежи просто какъ на дополнительный налогъ, и идея пріобрѣтенія права собственности въ далекомъ будущемъ на него никакого вліянія имѣть не будетъ.

При разрѣшеніи крестьянскаго вопроса у насъ пришлось прибѣгнуть къ обязательному выкупу; но можно ли утверждать, что при этомъ понятіе собственности укоренилось въ народѣ? Обязательный выкупъ составлялъ въ сущности своего рода закрѣпленіе крестьянскаго населенія; прежде крестьянинъ былъ крѣпокъ землѣ, теперь земля стала крѣпка ему—это могло быть необходимымъ требованіемъ правильнаго развитія народнаго быта, но ожидать отъ этого цивилизующаго на народъ вліянія начала собственности, очевидно, не было никакого основанія. Обращеніе временно-обязанныхъ крестьянъ въ собственниковъ земли посредствомъ обязательнаго выкупа, независимо отъ воли каждаго отдѣльнаго лица или общества, было необходимо въ видахъ расторженія отношеній крестьянъ къ ихъ прежнимъ помѣщикамъ, при чемъ выкупъ становился неизбѣжнымъ условіемъ, какъ источникъ средствъ, необходимыхъ для погашенія облигацій, выпущенныхъ для вознагражденія помѣщиковъ. Государственные же крестьяне были подчинены обязательному выкупу только изъ желанія не дѣлать различія между ними и остальными крестьянами. Было ли это дѣйствительно необходимо, выиграло ли отъ того положеніе государственныхъ крестьянъ, находятся ли они послѣ выкупа въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ до выкупа—это еще вопросъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ финансовомъ отношеніи эту операцію едва ли можно признать удачною, ибо при настоящемъ положеніи дѣла государство потребляетъ на свои текущіе расходы, вмѣстѣ съ процентами, и погасительные платежи государственныхъ крестьянъ. Относительно помѣщичьихъ крестьянъ, одновременно съ прекращеніемъ ихъ выкупныхъ пла-

тежей, прекратятся и платежи правительства по облигаціямъ, выпущеннымъ для удовлетворенія помѣщиковъ, за отобранную у нихъ землю. Но относительно государственныхъ крестьянъ ничего подобнаго не случится. Когда прекратятся ихъ выкупные платежи, государство окажется передъ довольно значительнымъ дефицитомъ, о пополненіи котораго придется тогда заботиться, такъ какъ своевременно не была предусмотрѣна необходимость употребленія той части платежей, которая соотвѣтствуетъ погасительному проценту, на погашеніе какихъ-либо государственныхъ долговъ.

Итакъ, признавая вполнѣ цивилизующее вліяніе начала собственности, необходимо,—для того, чтобы это вліяніе могло проявляться въ полной мѣрѣ,—чтобы пріобрѣтеніе этого права было послѣдствіемъ личнаго усиленнаго стяжанія. Но затѣмъ, далѣе, нельзя не признать еще, что въ сферѣ экономическихъ явленій нѣтъ ничего безусловнаго, и что потому могутъ быть такія условія, которыя даже понудятъ къ ограниченію права собственности.

Въ этомъ положеніи находится именно переселенческое дѣло. Если только порядочно вдуматься въ вопросъ, то нельзя не придти къ заключенію, что переселеніе, соединенное съ единовременною покупкою земли, въ бо́льшей части случаевъ, представляетъ совершенно противоразумное явленіе. Можетъ ли переселенецъ,—истратившій бо́льшую часть своихъ скудныхъ средствъ на переѣздъ къ мѣсту назначенія, поставленный въ необходимость заводить новое хозяйство, строиться, покупать скотъ,—можетъ ли онъ быть въ состояніи съ перваго же года платить подати и кромѣ того вносить въ банкъ установленные платежи? Главное для переселенца—сразу стать твердою ногою на новомъ мѣстѣ,—а возможно ли это при условіяхъ пріобрѣтенія имъ земли на банковыхъ началахъ? Лишеніе этой категоріи кліентовъ банка присущаго имъ характера переселенцевъ ставитъ ихъ въ совершенно невозможное положеніе. Удивительно ли послѣ того, что съ перваго же года являются недоимки; гораздо удивительнѣе было бы, еслибы этого не случилось.

Въ виду этихъ существенныхъ соображеній, въ проектъ новаго устава банка и было введено начало безсрочной аренды. При размѣщеніи переселенца безсрочнымъ арендаторомъ на землѣ, пріобрѣтенной не имъ, а банкомъ, всѣ вышеизложенныя неудобства устраняются. Отъ переселенца уже не требуется ни доплатъ, ни какихъ-либо другихъ затратъ на пріобрѣтеніе земли; если вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно его характеру, какъ переселенца, ему на первое время будетъ предоставлена установленная льгота по пла-

тежу податей (силою закона 1889 года), а также по взносу арендной платы за землю, то такой переселенецъ будетъ въ состояніи посвятить съ самаго начала всѣ свои силы и средства на устройство своего хозяйства на новомъ мѣстѣ. При безсрочной арендѣ онъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько же обезпеченнымъ въ пользованіи своимъ участкомъ, какъ еслибы онъ пріобрѣлъ его въ собственность. Безсрочная аренда, не требуя отъ переселенца на первое время затраты непосильныхъ для него средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ ему одно изъ существенныхъ удобствъ собственности, т.-е. постоянство владѣнія. Только при такихъ въ сущности условіяхъ крестьянскій банкъ и можетъ раціонально содѣйствовать переселенію. Допущеніе безсрочной аренды представляется, по нашему убѣжденію, кореннымъ условіемъ успѣшнаго развитія операцій банка по переселенческому дѣлу,—или надо согласиться на включеніе безсрочной аренды въ уставъ крестьянскаго банка, или банку слѣдуетъ прекратить всякія сдѣлки, имѣющія переселенческій характеръ.

Срочная аренда, даже на продолжительные сроки, не говоря уже о девятилѣтней арендѣ, включенной въ 6-й пунктъ VII ст. Положенія, никогда не можетъ стать въ представленіи земледѣльца окончательною формою землевладѣнія, и потому не можетъ вызвать его на устройство прочной осѣдлости. Если же онъ и рѣшится по необходимости устроиваться на арендуемой землѣ, то во всякомъ случаѣ онъ будетъ воздерживаться отъ всякихъ расходовъ на улучшеніе и развитіе своего хозяйства, кромѣ самыхъ необходимыхъ. Можно говорить о безсрочной арендѣ, или, отвергая ее, можно говорить объ отдачѣ земли переселенцу въ собственность,—но отдача земли переселенцу въ девяти-лѣтнюю аренду уже не имѣетъ никакого разумнаго основанія. Можетъ ли человѣкъ устроиваться хозяйствомъ на землѣ, которая отдается ему на краткій девятилѣтній срокъ! Проектъ устава имѣлъ именно въ виду безсрочную аренду, какъ такую форму владѣнія, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ стать переходною ступенью къ собственности, а въ другихъ случаяхъ могла бы оставаться самостоятельною и даже окончательною формою землевладѣнія, на которой земледѣлецъ могъ бы остановиться на долгое время, тѣмъ болѣе, что эта форма землевладѣнія представляетъ практически тѣ же гарантіи прочности, неотъемлемости и наслѣдственности, какъ и право собственности. Собственность, повидимому, крѣпче ареднаго пользованія, но въ дѣйствительности можетъ легко случиться, что между тѣмъ какъ арендаторъ долго просидитъ на своей землѣ, земледѣлецъ, пріобрѣвшій землю въ соб-

ственность съ помощью крестьянскаго банка, черезъ небольшое число лѣтъ, вслѣдствіе несостоятельности въ платежахъ, будетъ выселенъ и лишится своей собственности, при чемъ результатомъ пріобрѣтенія собственности будетъ для него полнѣйшее разореніе.

Безсрочная аренда не лишаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльца возможности перейти въ состояніе собственника. *Безсрочная* аренда не есть *вѣчная* аренда, это не то, что вѣчный чиншъ, это только аренда *безъ срока*; сидящій на землѣ человѣкъ можетъ сохранить характеръ арендатора десять, двадцать, тридцать лѣтъ, даже всю свою жизнь,—пока это ему кажется выгоднымъ, но онъ не лишенъ возможности пріобрѣсть во всякое время арендуемый участокъ въ полную себѣ собственность. Приступая къ пріобрѣтенію воздѣлываемой имъ земли, земледѣлецъ будетъ это дѣлать вслѣдствіе полнаго сознанія того значенія для него собственности и выгоды, какая представляется ему этою формою владѣнія. Нѣкоторые арендаторы на первыхъ же порахъ, только-что имъ удастся скопить нѣкоторыя средства, приступятъ къ выкупу земли; другіе предпочтутъ на первое время употреблять добытыя средства на улучшеніе и расширеніе своего хозяйства; третьи, наконецъ, совершенно не будутъ помышлять о пріобрѣтеніи земли, предпочитая положеніе прежнихъ государственныхъ крестьянъ положенію собственниковъ. Собственность, при такихъ условіяхъ, никому не будетъ навязываема насильно, становиться собственникомъ будетъ только тотъ, кто сознательно этого пожелаетъ.

Самая форма пріобрѣтенія земли можетъ быть совершенно различная. У насъ привыкли примѣнять ко всякому пріобрѣтенію земли крестьянами форму выкупа на банковомъ погасительномъ началѣ. Между тѣмъ, нѣкоторые арендаторы найдутъ возможнымъ—разомъ внести всю стоимость своего участка, другіе предпочтутъ платить постепенными несрочными взносами, не прибѣгая къ помощи кредита.

Кредитъ—вещь хорошая, но вещь дорогая, потому что онъ дается не даромъ: за пользованіе кредитомъ приходится платить—и чѣмъ продолжительнѣе разсрочка, чѣмъ ежегодные платежи меньше, тѣмъ болѣе въ окончательномъ итогѣ приходится уплатить за землю. Если сосчитать всѣ платежи при погашеніи многолѣтней ссуды, то окажется, что въ теченіе времени заемщикъ—на проценты и погашеніе — переплатилъ двойной и даже тройной капиталъ. Крестьяне инстинктивно сознаютъ это, и потому обыкновенно предпочитаютъ возможно-кратковременный кредитъ. Предсѣдатель саратовскаго отдѣла крестьянскаго банка пишетъ, что въ теченіе семилѣтней его дѣятельности и послѣ многихъ

объясненій съ крестьянами, онъ убѣдился, что кредитъ съ банковымъ характеромъ, для массы крестьянъ, совершенно непонятенъ. Можно ли вообще требовать отъ неграмотныхъ крестьянъ, — говоритъ онъ, — пониманія и усвоенія всѣхъ банковскихъ правилъ, когда большая часть даже образованныхъ людей, имѣющихъ дѣло съ земельными банками, не знаютъ вполнѣ ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей, по отношенію къ этимъ кредитнымъ учрежденіямъ. Крестьяне никакъ не могутъ понять—какъ это банкъ, учрежденіе правительственное, по ихъ выраженію—*казна*, желая помочь имъ, даетъ деньги на покупку земли, и потомъ, отбирая эту землю, разоряетъ ихъ и приводитъ ихъ въ положеніе худшее противъ прежняго. Съ своей стороны, предсѣдатель самарскаго отдѣла заявляетъ, что, считая весьма важнымъ и полезнымъ умалять, насколько возможно, настоящіе размѣры платежей крестьянъ за покупаемую землю, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ не менѣе важнымъ сохраненіе по возможности короткихъ сроковъ погашенія. Крестьяне придаютъ большое значеніе сроку займа. При существующихъ срокахъ они сознаютъ, что многіе изъ нихъ еще при своей жизни оплатятъ пріобрѣтенную землю и сдѣлаются полными ея собственниками. Стремленіе освободиться отъ долга и возможно скорѣе развязаться съ банкомъ у крестьянъ, при покупкѣ, всегда такъ сильно, что въ большинствѣ случаевъ они настаиваютъ на болѣе короткомъ, $24^1/_2$-лѣтнемъ срокѣ, несмотря на значительный процентъ, платимый по такимъ краткосрочнымъ ссудамъ. Кромѣ того, съ понятіемъ крестьянъ очень трудно вяжется представленіе о процентахъ. Они необыкновенно тупо усвоиваютъ себѣ, что платежъ ихъ складывается изъ процентовъ на занятыя деньги и изъ извѣстной суммы, идущей на погашеніе капитала долга. Они всегда склонны думать скорѣе, что всякій платежъ уменьшаетъ долгъ ихъ по ссудѣ на величину всего платежа. При такомъ пониманіи очень часто приходится слышать просьбу заемщиковъ: *сосчитать, сколько въ продолженіе того или другого срока они переплатятъ денегъ, и во что имъ обойдется покупаемая земля*. Чѣмъ короче срокъ займа, тѣмъ быстрѣе идетъ уменьшеніе долга и оплата купленной земли, и наоборотъ—при значительныхъ срокахъ оплата эта, особенно въ началѣ, идетъ такъ медленно, что у крестьянъ теряется даже представленіе о томъ, что за купленную землю имъ когда-либо придется перестать платить, а это, съ своей стороны, ведетъ къ равнодушію и слабой заботливости о своевременномъ взносѣ платежей.

Эти свѣдѣнія, сообщенныя предсѣдателями отдѣловъ крестьян-

скаго банка, весьма характеристичны. Только въ вышеуказанномъ воззрѣніи на дѣло кредита высказывается совсѣмъ не тупость крестьянина, а его простой здравый смыслъ, приводящій его къ инстинктивному пониманію, что кредитъ—вещь не даровая, и что потому имъ слѣдуетъ пользоваться только въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ него обойтись невозможно, и только въ крайне необходимомъ размѣрѣ, такъ какъ обойтись безъ кредита всегда дешевле.

И вотъ почему, точно также какъ переселенцу не слѣдуетъ навязывать собственности, ему не слѣдуетъ навязывать и кредита, а слѣдуетъ допустить по его желанію выкупъ земли, какъ при посредствѣ банковаго кредита, такъ и безъ него, путемъ послѣдовательныхъ платежей даже въ неопредѣленные сроки. И теперь еще существуютъ сдѣлки между крестьянами и землевладѣльцами, по которымъ они покупаютъ землю безъ посредства банка, обязуясь внести слѣдующую съ нихъ сумму въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ—*въ годы*, съ тѣмъ, чтобы земля становилась ихъ собственностью только по внесеніи послѣдняго платежа. Подобный способъ представляетъ для нихъ значительныя преимущества передъ сдѣлкою съ банкомъ. Во-первыхъ, итогъ дѣйствительнаго платежа гораздо меньшій, ибо покупатель выплачиваетъ только одинъ капиталъ, безъ приплаты ложащихся на него процентовъ, такъ какъ онъ вступаетъ въ полное обладаніе собственностью только послѣ внесенія послѣдняго платежа. Во-вторыхъ, и это самое важное, въ случаѣ невозможности по разнымъ причинамъ своевременно внести условленный платежъ, онъ не теряетъ ни внесенныхъ имъ уже денегъ, ни самой земли, т.-е. не разоряется, а только срокъ окончательнаго пріобрѣтенія права собственности отдаляется. Если онъ обязался уплатить капиталъ, напримѣръ, въ шесть лѣтъ и послѣ взноса соотвѣтственной его части въ первые годы, а потомъ, по случаю неурожая или другихъ несчастій, въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ не будетъ въ состояніи платить, то единственнымъ послѣдствіемъ его неисправности будетъ только то, что онъ вступитъ въ окончательное обладаніе обрабатываемою имъ землею не черезъ шесть, а черезъ восемь или десять лѣтъ. Продолжая получать съ него арендный платежъ, казна можетъ согласиться на такую отсрочку, безъ всякаго для себя ущерба, а потому и не налагать на него ни начетовъ, ни штрафовъ. Крестьянинъ же по случаю отдаленія срока пріобрѣтенія права собственности ничего существеннаго не теряетъ, такъ какъ онъ продолжаетъ владѣть землей на арендномъ основаніи; землю отъ него не отбираютъ, онъ не разоряется. Правда, онъ лишается процентовъ на внесенныя имъ суммы, но, во-пер-

выхъ, эта потеря несравненно меньше той приплаты, которую ему пришлось бы дѣлать при пользованіи долгосрочнымъ банковымъ кредитомъ, а затѣмъ и этотъ ущербъ его можетъ быть устраненъ путемъ постановленія, что размѣръ аренды, послѣ всякаго взноса, подлежитъ уменьшенію пропорціонально внесенной части капитала. При такой системѣ могутъ быть допускаемы даже вольные сроки взносовъ, т. е. покупщику можетъ быть предоставляемо уплачивать капиталъ по частямъ, не въ опредѣленные впредь сроки, а по мѣрѣ накопленія у него къ тому средствъ.

При сдѣлкахъ съ частными лицами подобныя условія мыслимы только въ рѣдкихъ случаяхъ. Землевладѣлецъ, продавая свое имѣніе, нуждается въ капиталѣ для уплаты своихъ долговъ или для помѣщенія его въ прибыльное предпріятіе; ему нуженъ весь капиталъ разомъ; онъ потому не можетъ согласиться на платежи *въ годы*, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда онъ отчуждаетъ небольшой отрѣзной участокъ сосѣднимъ крестьянамъ. Покупая землю у частныхъ лицъ, крестьяне потому принуждены пользоваться кредитомъ, обращаться къ пособію банка, чтобы уплатить владѣльцу сразу всю стоимость имѣнія. Но казна находится въ совершенно другихъ условіяхъ; она ничего не теряетъ, допуская уплату за землю въ годы, періодическими и даже вольными платежами, такъ какъ она въ теченіе всего времени продолжаетъ получать аренду, а между тѣмъ во многихъ случаяхъ подобный способъ пріобрѣтенія земли представляетъ гораздо болѣе выгоды переселенцамъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго едва ли представляется необходимость входить въ обстоятельное опроверженіе остальныхъ возраженій. Утвержденіе, что безсрочная аренда находилась бы въ противорѣчіи съ общимъ ходомъ нашего законодательства, которое, какъ у насъ, такъ и во всей Европѣ, направлялось постоянно къ постепенному переходу отъ неполной собственности къ формѣ полной собственности—несогласно съ дѣйствительностью, ибо закономъ 1889 года установляется для всѣхъ переселенцевъ начало безсрочнаго пользованія тою казенною землей, на которой они поселились. Странно, что порядокъ, установленный для девяти-десятыхъ всѣхъ переселенцевъ и не встрѣчавшій до сихъ поръ возраженій, возбуждаетъ такія сомнѣнія, когда дѣло идетъ о примѣненіи *того же начала* къ какой-нибудь одной десятой переселяющихся лицъ, которыя совершаютъ переселеніе при помощи крестьянскаго банка. Непонятно также, почему введеніе безсрочной аренды въ уставъ крестьянскаго банка потребовало бы предварительно подробной подготовительной разработки

этого института въ юридическомъ отношеніи, когда примѣненіе того же начала къ главной массѣ переселенцевъ до сихъ поръ не вызывало необходимости подобной разработки.

Институтъ вѣчнаго чинша, существовавшій въ западныхъ губерніяхъ и царствѣ польскомъ, дѣйствительно создавалъ крайне запутанныя отношенія между землевладѣльцами и чиншевиками, но предполагаемая безсрочная аренда имѣетъ весьма мало общаго съ такимъ чиншемъ. Тамъ собственники земли, населенной чиншевиками, были частныя лица,—поэтому и являлось такое усложненіе отношеній между ними; при предполагаемой же безсрочной арендѣ собственникомъ земли является казна,—поэтому между нею и арендаторами установились бы отношенія, подобныя не тому положенію дѣла, которое существовало при институтѣ вѣчнаго чинша, а отношенія, подобныя тѣмъ, которыя существовали у государственныхъ крестьянъ и которыя никогда ни къ какому замѣшательству не подавали повода и никакихъ жалобъ не вызывали.

Наконецъ, совершенно неосновательно утвержденіе, что и въ западной Европѣ законодательство идетъ къ постепенному переходу отъ неполной къ полной собственности. Въ Англіи, классической странѣ индивидуализма, чиншевыя учрежденія продолжаютъ существовать по прежнему, а въ сосѣдней Германіи, какъ уже указано въ первой части нашего труда, напротивъ того, въ послѣднее время высказывается, и въ общественномъ мнѣніи, и въ законодательной области, сильное стремленіе къ ограниченію, во многихъ случаяхъ, права полной собственности на землю такими условіями, которыя гораздо ближе подходятъ къ понятію неполной собственности.

Но это дѣло будущаго,—до сихъ поръ безсрочная аренда еще не вошла въ уставъ банка, а безъ нея крестьянскій банкъ лишенъ возможности оказывать полезное содѣйствіе дѣлу переселенія.

VII.—Съ 1892 года—по настоящее время.

Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 14-го января 1893 г., было постановлено привести къ концу сооруженіе сплошного сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, совмѣстно съ осуществленіемъ предположеній, способствующихъ заселенію и промышленному развитію Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ общей смѣты на постройку желѣзной дороги былъ выдѣленъ особый капиталъ въ четырнадцать милліоновъ рублей—на вспомогательныя по сибирской дорогѣ предпріятія.

Этимъ актомъ Высочайшей воли былъ выдвинутъ на ближайшую очередь вопросъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть принимаемы правительствомъ для урегулированія происходившаго съ давнихъ временъ переселенческаго движенія въ сибирскій край, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса было отнесено къ вѣдѣнію вновь образованнаго комитета сибирской желѣзной дороги.

Съ открытіемъ означеннаго комитета вопросъ о переселеніи сталъ на совершенно новую почву.

Проложеніе чрезъ Сибирь магистральной желѣзнодорожной линіи, которая въ значительномъ своемъ протяженіи должна была проходить по незаселеннымъ и пустопорожнимъ пространствамъ, естественно вызывало мысль о привлеченіи населенія въ эти мѣстности, чтобы создать такимъ образомъ новые производительные центры, которые, оживляемые желѣзною дорогой, съ своей стороны снабжали бы ее грузами.

Такимъ образомъ, силою вещей переселенческій вопросъ выдвигался на первый планъ. Нужно было разъ навсегда категорически рѣшить—слѣдуетъ ли смотрѣть на переселенческое движеніе какъ на явленіе опасное, которое необходимо сдерживать всякими мѣрами, какъ это было до тѣхъ поръ, или слѣдуетъ, напротивъ того, признать переселеніе явленіемъ нормальнымъ и полезнымъ, и потому вмѣсто стѣсненія его содѣйствовать правильному его развитію, сообщивъ ему здоровую организацію.

Прямою и открытою постановкою вопроса сибирскій комитетъ оказалъ громадную услугу будущему развитію благосостоянія нашего отечества; достаточно было прямо поставить такой вопросъ, чтобы придти къ утвердительному его разрѣшенію.

Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ экономическаго развитія Россіи, несмотря на весьма различное въ этотъ періодъ времени отношеніе правительства къ переселенческому дѣлу, тысячи сельскихъ обывателей оставляли мѣсто своей постоянной осѣдлости для переселенія въ отдаленныя мѣстности, преимущественно въ Сибирь. Главнѣйшую причину этого явленія слѣдовало несомнѣнно искать въ неблагопріятныхъ условіяхъ хозяйственнаго быта крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля сильно распахана, гдѣ арендныя цѣны стоятъ высоко, гдѣ нѣтъ постороннихъ или отхожихъ заработковъ и гдѣ слабо развита какъ кустарная, такъ и фабричная промышленность. Переселеніе въ исторической жизни нашего отечества постоянно содѣйствовало распространенію и упроченію русской народности на окраинахъ государства. Покидая родныя насиженныя мѣста и водворяясь на новыхъ, русскіе переселенцы отнюдь не раз-

рывали естественной связи народнаго единства, а напротивъ, повсюду укрѣпляли русское владычество и насаждали русскую культуру. Такой характеръ нашего переселенческаго движенія пріобрѣтаетъ особенно важное для Россіи значеніе въ виду происходившихъ въ 1894 г. на дальнемъ востокѣ политическихъ событій. Китай, по всей вѣроятности, въ недалекомъ будущемъ пріобщится къ благамъ европейской цивилизаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлается могущественнымъ нашимъ соперникомъ на азіатскомъ материкѣ. Возможному напору желтой расы необходимо противопоставить въ Сибири культурную силу русскаго народа, стойко охранявшую цѣлость государства на всѣхъ другихъ его окраинахъ.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній сибирскій комитетъ пришелъ къ заключенію, что, при существующихъ размѣрахъ переселенческаго движенія, къ этому явленію русской народной жизни не только слѣдуетъ относиться безъ всякихъ опасеній, но, напротивъ того, необходимо придать ему правильную организацію, и прежде всего обратить всѣ усилія на колонизацію края, черезъ который проходитъ сибирская желѣзная дорога.

Это рѣшеніе сразу поставило важный переселенческій вопросъ на настоящую почву. За симъ послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣропріятій въ этомъ направленіи, сообщившихъ, при ассигнованіи на то соотвѣтственныхъ средствъ, этому важному дѣлу и новую жизнь, и болѣе правильную организацію.

Сибирскій комитетъ поставилъ на первый планъ вопросъ о приведеніи въ извѣстность земель свободныхъ и годныхъ для заселенія и объ отводѣ ихъ переселенцамъ. Такъ какъ наличныхъ средствъ, которыми правительство обладало на мѣстахъ для отвода земель прибывающимъ изъ Россіи переселенцамъ, оказалось совершенно недостаточно, то было немедленно приступлено къ учрежденію при министерствѣ государственныхъ имуществъ особыхъ временныхъ партій изъ спеціальныхъ поземельныхъ и межевыхъ чиновъ, составъ коихъ былъ увеличиваемъ изъ году въ годъ.

Отводъ участковъ начался въ тобольской и томской губерніи, преимущественно съ волостей, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ и ближайшихъ къ станціямъ. Скоро, однако, оказалось, что свободныхъ казенныхъ земель въ этихъ двухъ губерніяхъ остается уже немного. Въ тобольской губерніи пришлось даже совершенно исключить изъ отводныхъ районовъ двѣ округи — курганскую и ялуторовскую, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ норма обезпеченія старожиловъ земельными угодьями уже не до-

стигала пятнадцати-десятиннаго размѣра на мужского пола душу. Выяснившійся съ самаго начала недостатокъ земли въ означенныхъ двухъ губерніяхъ вызвалъ необходимость безотлагательно приступить къ отводнымъ работамъ и въ другихъ мѣстностяхъ, а именно—въ акмолинской области, въ енисейской губерніи, въ семипалатинской и семирѣченской областяхъ, въ иркутской губерніи и даже въ приамурскомъ и уссурійскомъ краѣ. Во всѣ эти мѣстности было направлено теченіе переселенческаго потока. Съ 1893 г. по настоящее время было отведено до трехъ съ четвертью милліоновъ десятинъ, которыми можно было надѣлить, приблизительно, 215.000 душъ мужского пола, считая по пятнадцати десятинъ на душу. На 1896 г. имѣлось свободныхъ душевыхъ долей, считая участки, заготовленные помимо партій, распоряженіемъ мѣстныхъ властей, свыше 143.000.

При отводѣ надѣловъ обращалось вниманіе на тѣ, чтобы каждый участокъ былъ по возможности снабженъ удобными землями подъ всѣ необходимыя угодья—подъ пашни, луга, покосы, выгоны, лѣса, а также обладалъ водою [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что на каждыя двѣ тысячи десятинъ оставалось въ запасѣ до 120 дес. на потребность церкви и школы. Наконецъ, съ самаго начала было рѣшено изъять линію желѣзной дороги изъ числа мѣстностей, въ которыхъ допускается водвореніе ссыльно-поселенцевъ.

Хотя такимъ образомъ современная потребность переселенія въ отводѣ земельныхъ участковъ и могла быть до сихъ поръ удовлетворяема, благодаря усиленнымъ работамъ отводныхъ партій, однако запасъ отводовъ для будущаго оказывается далеко не значительнымъ, особенно въ виду постояннаго возрастанія числа поселенцевъ.

Въ ближайшихъ къ европейской Россіи мѣстностяхъ дѣйствительно остается уже немного свободной земли, такъ что приходится обращаться къ землямъ менѣе выгоднымъ. Намѣченные участки становятся съ каждымъ годомъ менѣе благопріятными. Такъ, въ 1892 г. изъ всѣхъ намѣченныхъ участковъ оказалось годными для переселенія 70%, а въ послѣдующіе три года таковыхъ оказалось только 43%, говоря преимущественно о тобольской и томской губерніяхъ.

При такихъ условіяхъ пришлось подумать о приспособленіи

[1]) Въ видахъ прочнаго водворенія поселенца на новыхъ мѣстахъ, обращено особенное вниманіе на искуственное снабженіе водою, устройствомъ колодцевъ, тѣхъ поселковъ, въ которыхъ, при отсутствіи проточной воды, обыватели принуждены были пользоваться вредною для питья водою.

къ переселенію какъ части тайги въ томской губерніи, такъ и обширныхъ пространствъ Барабинской и Ишимской степей, тѣмъ болѣе, что эти степи на значительномъ протяженіи прорѣзываются желѣзною дорогой.

Попытки приспособленія къ переселенію таежной земли до послѣдняго времени, однако, оказывались неудачными.

Проектированныя площади представляли почти сплошной лѣсъ, при совершенномъ отсутствіи годной къ культурѣ земли. Даже и послѣ ихъ расчистки отъ лѣса таежныя пространства оказываются мало пригодными для земледѣлія. Чрезмѣрная влажность, невѣроятное обиліе сорныхъ травъ, колоссальный ростъ травяныхъ частей злаковъ въ ущербъ развитію зерна, вымоканіе и полеганіе хлѣбовъ, весенніе и ранніе осенніе заморозки—все это служитъ крайнимъ затрудненіемъ и препятствіемъ развитію земледѣлія въ тайгѣ. Къ расчисткѣ лѣсныхъ площадей поселенецъ можетъ приступить только тогда, когда онъ уже обжился и окрѣпъ на своей землѣ въ хозяйственномъ отношеніи; до тѣхъ поръ лѣсныя пространства составляютъ для него мертвый капиталъ. Расчистка тайги должна быть потому предоставлена иниціативѣ старожилаго населенія, которое уже обратило огромныя таежныя пространства въ культуру, дѣлая это не торопясь, постепенно и успѣшно.

Поселеніе переселенцевъ въ тайгѣ при такихъ условіяхъ казалось невозможнымъ; представлялось возможнымъ только ихъ приселеніе къ старожиламъ, къ образовавшимся уже таежнымъ заимкамъ, которыя явились бы ячейками будущихъ поселеній, центрами, отъ которыхъ могла бы распространяться культура тайги. Новоселу необходимо по крайней мѣрѣ нѣкоторое количество земли, непосредственно пригодной къ распашкѣ, безъ всякой предварительной затраты труда на ея расчистку. Поэтому сплошной отводъ участковъ новоселамъ въ таежныхъ пространствахъ представляется совершенно невозможнымъ; но и самое переселеніе къ существующимъ уже въ тайгѣ заимкамъ сопряжено съ значительными трудностями и потому до сихъ поръ еще не могло быть практически осуществлено.

При такомъ положеніи дѣла было даже рѣшено предоставить таежныя пространства преимущественно подъ заселеніе *вольнымъ путемъ*.

Но изслѣдованія самаго послѣдняго времени, а именно лѣта 1896 года, привели къ нѣсколько другому взгляду на дѣло, выяснивъ что возможность заселенія тайги, мѣстами даже новоселами, представляется далеко не въ столь неблагопріятномъ видѣ.

Оказалось, что среди таежныхъ лѣсовъ мѣстами оказываются пространства земли, годныя подъ хлѣбопашество и могущія даже производить пшеницу. Такимъ образомъ выяснилась возможность отвода переселенческихъ участковъ даже во многихъ таежныхъ мѣстностяхъ; такъ, напримѣръ, по предварительному разсчету завѣдывающаго тобольскою партіею, можно будетъ, къ лѣту будущаго года, образовать, отграничить и снять на планъ до 50 участковъ, вмѣстимостью отъ 8 до 10 тысячъ душъ.

Но для того, чтобы воспользоваться этими участками, необходимо, кромѣ ихъ отвода, провести къ нимъ еще проѣзжія дороги, чтобы переселенецъ могъ добраться до отведеннаго ему участка и могъ провести свой громоздкій багажъ. Кромѣ того, для успѣшнаго заселенія тайги все же желательно, чтобы вмѣстѣ съ новоселами въ ней осѣдалъ и нѣкоторый процентъ старожилаго сибирскаго населенія.

Въ другихъ условіяхъ находится надѣльный вопросъ въ Ишимской и Барабинской степяхъ.

Сибирская желѣзная дорога на протяженіи 393 верстъ, между Иртышемъ и Обью, пролегаетъ по мѣстности, извѣстной подъ именемъ Барабинской степи. Полотно дороги прорѣзываетъ среднюю часть этой степи, вообще сравнительно болѣе оживленную. Если заселить вдоль сибирской дороги только полосу въ сто верстъ въ каждую сторону, то это дастъ пространство приблизительно въ милліонъ десятинъ. Всего же путемъ урегулированія стоячихъ водъ въ Барабинской степи могло бы быть добыто пространство въ четыре милліона десятинъ, годное къ обращенію подъ культуру. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы уничтоженъ главный центръ зарожденія такъ-называемой сибирской язвы.

Въ стоверстную полосу по сторонамъ дороги входитъ бассейнъ впадающей въ Иртышъ рѣки Оми, съ многочисленными притоками, отличающимися слабыми уклонами и застоями воды, вслѣдствіе чего сѣверная, лѣсистая часть Барабинской степи представляетъ почти сплошныя болота. Какъ сильно заболоченная почва, такъ и производимыя загнивающею въ ней водою крайне вредныя для человѣка испаренія дѣлаютъ эту мѣстность гнѣздомъ лихорадокъ и сибирской язвы. При такихъ условіяхъ въ настоящемъ ея состояніи она представляется совершенно непригодною для поселенія. Къ югу же отъ дороги, между нею и озеромъ Чанъ, мѣстность представляется менѣе заболоченною, но и въ ней неправильное распредѣленіе влаги составляетъ препятствіе въ выборѣ мѣста для поселенія. Далѣе же на юго-западъ часть Барабинской степи, между озеромъ Чанъ и рѣкою Иртышемъ,

имѣетъ такой же равнинный и солонцеватый характеръ, какъ и акмолинская область, къ которой она примыкаетъ.

Чтобы сдѣлать все это пространство пригоднымъ къ поселенію, необходимо осушить заболоченную мѣстность и для этого правильно распредѣлить по ней воду, при помощи комбинированной сѣти каналовъ. Въ 1894 году уже былъ сдѣланъ опытъ примѣрнымъ осушеніемъ Кошкобинскаго участка въ четыре тысячи десятинъ, который вполнѣ удался. Затѣмъ есть и такія мѣстности, которыя, напротивъ того, нуждаются въ снабженіи ихъ водою. Предварительныя изысканія позволяютъ предположить, что добываемая на глубинѣ 8—10 саженъ подпочвенная вода будетъ пригодна для употребленія. Такимъ образомъ, есть основательная надежда, что Барабинская степь можетъ быть сдѣлана пригодной для населенія.

Что же касается Ишимской степи, то она нуждается только въ обводненіи, но и это, повидимому, не будетъ представлять непреодолимыхъ препятствій, потому что залеганіе ближайшихъ къ поверхности водныхъ горизонтовъ оказалось тамъ еще благопріятнѣе, такъ какъ только въ рѣдкихъ случаяхъ превышаетъ 4—6-ти-саженную глубину. Къ подробному изслѣдованію этихъ двухъ мѣстностей и составленію плана канализаціи и обводненія уже приступлено.

Западный участокъ сибирской желѣзной дороги на протяженіи семисотъ верстъ пересѣкаетъ сѣверную часть такъ называемаго степного края, задѣвая два уѣзда акмолинской области—омскій и петропавловскій. Заселеніемъ этихъ двухъ уѣздовъ, однако, ограничиться нельзя. Къ естественному району сибирской желѣзной дороги принадлежатъ, связанныя съ нимъ въ значительной мѣрѣ водяными путями, области семирѣченская, семипалатинская и южные уѣзды акмолинской области.

Въ настоящее время весь этотъ степной край, за исключеніемъ незначительной полосы, охватывающей часть семирѣченской и семипалатинской области, лишенъ всякаго промышленнаго значенія для сибирской дороги, представляя арену киргизскихъ кочевокъ, т.-е. мѣстность ничего не вывозящую и ничего не привозящую. Желательно потому заселеніе и этихъ мѣстностей осѣдлыми земледѣльцами, но это заселеніе представляетъ немаловажныя трудности. Значительная часть пространства степной области, непригодная, въ силу неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, для земледѣльческой культуры, въ извѣстныя времена года можетъ служить пастбищемъ для скота. Но такъ какъ въ такихъ мѣстностяхъ скотъ можетъ дер-

жаться только временно, то необходимы значительные перегоны; отсюда вытекаетъ условіе кочевой жизни скотовладѣльцевъ. Кочевники эксплуатируютъ пространства земли, которыя безъ нихъ оставались бы безъ всякой пользы для государства. Кочевое же хозяйство возможно только при условіи сохраненія въ пользованіи кочевниковъ, для зимовки, нѣкоторыхъ пространствъ земли, пригодныхъ для земледѣлія, чтобы обезпечить кормленіе скота въ теченіе цѣлаго года. Такимъ образомъ, подъ водвореніе осѣдлыхъ земледѣльцевъ могутъ быть назначаемы только тѣ изъ удобныхъ земель, которыя могутъ быть отобраны отъ кочевниковъ, безъ существеннаго для нихъ ущерба,—а такое выдѣленіе связано съ значительными трудностями.

Въ виду постепеннаго оскудѣнія свободныхъ запасовъ земли для переселенія, необходимо обратить особенное вниманіе на Алтай, на который вышеуказанныя мѣропріятія не распространяются.

П. Г. Сушинскій, участвовавшій въ статистико-экономическомъ изслѣдованіи алтайскаго округа, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи въ немъ переселенческаго дѣла.

Алтай по площади превышаетъ Францію, и почти три-четверти нашихъ переселенцевъ въ теченіе 1887—1892 годовъ направлялись въ эту мѣстность. Западно-сибирская дорога будетъ способствовать переселенію туда еще въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Юридическаго межеванія тамъ не существуетъ. Въ двадцатыхъ годахъ была сдѣлана попытка размежевать земли, но она не имѣла юридическаго характера. Въ 1861 году за каждымъ лицомъ было закрѣплено фактическое въ то время землепользованіе, но въ виду относительнаго многоземелья, захватная форма владѣнія и вольное пользованіе до сихъ поръ въ большомъ ходу. По мѣрѣ роста населенія земля между тѣмъ начинаетъ пріобрѣтать бо́льшее значеніе и на Алтаѣ. Вновь являющіеся переселенцы могутъ или причисляться къ старожиламъ, или оставаться непричисленными. Число послѣднихъ постоянно увеличивается. Нерѣдко ихъ просто прогоняютъ съ мѣстъ, близкихъ къ старожиламъ или даже ко вновь поселившимся. Главное управленіе алтайскимъ округомъ не знаетъ количества всѣхъ свободныхъ земель, ходоки уже сами принуждены дѣлать развѣдки. Новые поселки бываютъ часто безъ всякаго инвентаря, при чемъ никакихъ пособій имъ не полагается; очень тяжела для новыхъ поселенцевъ безработица зимой, особенно на первыхъ порахъ.

Эти данныя о неурегулированномъ положеніи переселенческаго дѣла на Алтаѣ подтверждаются и К. Носиловымъ, недавно объ-

ѣхавшимъ этотъ край. По его словамъ, въ предгорьяхъ Алтая можно видѣть всѣхъ переселенцевъ, и старыхъ жителей, и новыхъ, но повсюду замѣтно, что ни тѣ, ни другіе еще не осѣли какъ слѣдуетъ, что переселенецъ еще часто бродитъ. Одни изъ нихъ это дѣлаютъ по необходимости, по требованію разросшейся семьи; другіе—просто въ погонѣ за наживой, за новыми нетронутыми мѣстами, съ которыхъ они снимаютъ богатый урожай, чтобы послѣ ихъ бросить; третьи просто бродятъ, высматривая зѐмли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже уже жалуются на недостатокъ земли.

При столь безпорядочномъ образѣ пользованія землей весьма естественно, что одновременно могутъ обнаруживаться столь противоположныя явленія, какъ изобиліе и недостатокъ земли. Крайне необходимо потому, пока еще не ушло время, безотлагательно принять мѣры для упорядоченія переселенческаго движенія и на Алтаѣ. Къ этому побуждаетъ еще одно особенное обстоятельство, а именно ненормальныя отношенія пришлаго переселенческаго населенія къ коренному населенію этихъ мѣстностей, киргизамъ.

Г-нъ Носиловъ, въ своей статьѣ („Нов. Вр.“), представляетъ слѣдующую печальную картину быта этихъ послѣднихъ.

На этихъ возвышенныхъ благодатныхъ степяхъ, по ту сторону Иртыша, жилъ раньше киргизъ и жилъ тамъ отъ вѣка владѣя землей, которую освятили его правовые обычаи, которую онъ считалъ своей родиной. Каково же теперь его положеніе среди переселенческихъ поселенцевъ, среди этой новой бойкой жизни русскаго переселенца! Его словно стираютъ съ земли; старинный аборигенъ страны, еще недавно богатый своими стадами, кажется теперь какимъ-то жалкимъ существомъ передъ нашими поселенцами, затертымъ, погибшимъ человѣкомъ, которому оставили однѣ вершины горъ, то, что̀ ни намъ, ни ему не нужно, гдѣ живетъ дикій звѣрь. И на этого дикаря тамъ рѣшительно никто не хочетъ обращать вниманія и признать его право на землю. Онъ не смѣетъ спустить свое стадо въ долины, онъ не смѣетъ пройти по переселенческимъ землямъ, онъ принужденъ уже платить аренду; поставленный въ печальную для него необходимость бросать скотоводство, онъ преобразуется уже въ работника русскаго крестьянина, и какого работника!—какихъ у насъ еще нѣтъ въ Россіи. Это какой-то особенный, чисто азіатскій пролетарій, бѣднякъ; ему тамъ даже нѣтъ другого названія, какъ *навозникъ*, потому что онъ живетъ на окраинахъ поселковъ, пробиваясь кое-какъ тамъ, куда валятъ ненужный поземъ; у него

нѣтъ другой одежды, кромѣ рванаго халата, онъ нагишомъ жнетъ рожь у русскаго крестьянина. Онъ или какъ собака привязанъ къ русскому человѣку, работая на него, или, озлобившись отъ нужды, дѣлается разбойникомъ, „барантой“, которая шайками мститъ нашему поселенцу за отнятую землю, грабя его стада, отбивая у него лошадей, ведя упорную глухую борьбу за обладаніе землей, за обладаніе своими угодьями.

А между тѣмъ туда ежегодно идетъ и идетъ новый переселенецъ, даже не справляясь, повидимому, есть ли тамъ свободныя зѐмли, и нисколько не обращая вниманія на то, что онъ занимаетъ пастбища и угодья киргизовъ, которые, однако, тоже имѣютъ право на жизнь и на благополучіе. Эти партіи, поддерживаемыя разрѣшеніемъ селиться, смѣло идутъ въ горы и селятся, беря большею частію землю тамъ, гдѣ имъ вздумается, и гоня беззащитнаго киргиза, который или идетъ въ работники, или, затаивъ злобу, идетъ въ горы, лѣзетъ на оставленныя ему вершины, проклиная переселенцевъ, враждуя съ ними, обворовывая ихъ при каждой возможности и возбуждая глухое недовольство среди своихъ противъ этого нашествія русскихъ. Немудрено поэтому, что въ степяхъ ростетъ это недовольство, что тамъ быстро распространяется исламъ, что тамъ торгующіе татары и путешествующіе по юртамъ муллы раздуваютъ это недовольство и утѣшаютъ киргизовъ при каждомъ политическомъ затрудненіи надеждою, что киргизъ прогонитъ скоро русскихъ и сдѣлается подданнымъ султана.

Продолженіе подобныхъ порядковъ несомнѣнно крайне нежелательно, а потому и съ этой точки зрѣнія необходимо обратить особенное вниманіе на Алтай.

Ѳ. Тернеръ.

ПО ДРУГОМУ

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Окончаніе.

XXIV *).

— Такъ ничего не нужно, Паша?—спрашивала въ полуотворенную дверь Надежда Ѳедоровна.

Въ комнатѣ ея брата сумерки уже сгустились; но онъ не зажигалъ свѣчей на письменномъ столѣ.

— Ты лежишь?

— Да,—отвѣтилъ онъ нѐхотя и повернулся къ стѣнѣ.

Анохина притворила дверь и на цыпочкахъ пошла въ свою комнатку. Вотъ второй день, какъ онъ почти не выходитъ изъ кабинета. Ему въ тягость и обѣдать вмѣстѣ. Она знаетъ—что̀ вызвало въ немъ это разстройство. Третьяго дня онъ вернулся домой въ началѣ одиннадцатаго и засталъ ее за самоваромъ. Онъ—такой скрытный—не выдержалъ и разрыдался. Безъ всякихъ разспросовъ она обо всемъ догадалась.

„Та“ добилась своего—влюбила въ себя и потомъ прогнала. Но развѣ это такой ужасный ударъ? Бракъ съ Студенцовой, при его характерѣ и убѣжденіяхъ, былъ бы великимъ несчастіемъ. И она, глупая, повѣрила тогда фразамъ этой бездушной „франтихи“ и почти радовалась тому, что Паша заинтересованъ ею.

*) См. выше: мартъ, стр. 5.

Какъ будто трудно было предвидѣть, что если страсть захватитъ его, онъ съ ней не сладитъ. Его прошлая жизнь чиста! Ни легкихъ связей, ни счастливой взаимности. А здѣсь, въ этомъ „проклятомъ“ городѣ, огорченія писателя и безъ того подтачивали его здоровье, держали въ воздухѣ постояннаго раздраженія, дѣлали еще привлекательнѣе общество Студенцовой.

Надежда Ѳедоровна чувствовала себя кругомъ виноватой и глубоко безпомощной. Брату не нужны ея утѣшенія. Онъ замкнулся въ самомъ себѣ. Чтò же дѣлать? Вымаливать у Студенцовой согласіе быть женой Паши? Вчера она цѣлый день не видала Токарева. Онъ ѣздилъ въ гости въ Царское. И сегодня съ утра его нѣтъ дома.

На него только и осталась надежда.

Она присѣла къ столику съ швейной машиной, но все у нея валилось изъ рукъ. И ежеминутно она прислушивалась: чтò братъ? Она боялась припадка или обморока. Ночь онъ провелъ безъ сна; она слышала, какъ онъ ворочался въ кровати, нѣсколько разъ вставалъ и ходилъ по комнатѣ.

Еслибъ ея была воля, она бы уложилась въ одинъ день и увезла его отсюда. Наняла бы домикъ гдѣ-нибудь въ слободкѣ, по николаевской дорогѣ, или въ уѣздномъ городѣ. Тамъ онъ писалъ бы совсѣмъ другія вещи, не ходилъ бы въ редакціи, не имѣлъ бы раздражающихъ разговоровъ. И „съ ней“ бы не могъ встрѣтиться.

Она не выдержала и опять на цыпочкахъ подошла къ двери въ комнату брата.

Оттуда, въ щель, виденъ былъ свѣтъ. Это ее немного успокоило, и она вернулась къ себѣ.

Разсудинъ присѣлъ къ столу и развернулъ книгу. Онъ принуждалъ себя читать. Не прошло и пяти минутъ, какъ книга начала тяготить его. Въ головѣ ощущалъ онъ почти обморочную усталость. Самый видъ печатной страницы дѣлался ему до-нельзя противнымъ. Онъ не въ силахъ былъ слѣдить за мыслью. Что-то похожее на „умственную тошноту“ овладѣвало имъ.

Уйти въ письменную работу, чтобы сколько-нибудь подтянуть себя, онъ безусловно не могъ. Онъ уже испыталъ это вчера.

Если такъ пойдетъ дальше, скоро настанетъ и „конецъ“. Нервная машина развинтилась и отказывается служить. То, чтò началъ Петербургъ, то додѣлала „блажь“, налетѣвшая на него.

Любовь ли это? Та ли любовь, чтò окрыляетъ духъ? Нѣтъ, въ ней есть что-то нездоровое и нечистое. Онъ сознаетъ это теперь, хотя и не можетъ ни о чемъ думать логически. И стра-

даетъ онъ нехорошимъ страданіемъ, не похожимъ на него, Павла Разсудина.

И неужели и онъ готовъ рабствовать передъ чувственной страстью? Неужели инстинкты и въ немъ не улеглись? А если не желаніе обладать этой женщиной, то что же влечетъ къ ней? Духовная симпатія, потребность въ ея сочувствіи, въ сродствѣ всего нравственнаго существа? Она подкупала его лестными фразами, и онъ сталъ поддаваться. Его суетно щекотало признаніе его художественнаго таланта. Но между ними—цѣлая пропасть.

Развѣ она способна была бы идти рука объ руку съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ? Что для нея всякое святое дѣло, судьба народа, свобода совѣсти, паденіе всѣхъ видовъ зла, насилія и мрака? Она только воздѣлываетъ свое эстетическое „я", смакуетъ красоту чего угодно, и все это одинаково, съ тѣмъ же „охотницкимъ" чувствомъ. Пускай тамъ, внизу, копошится человѣчество, кричитъ отъ боли, голодаетъ, гніетъ нравственно и физически. Если это можетъ доставить красивый образъ поэту, романисту, музыканту, живописцу—она будетъ восхищаться и тонко разбирать.

Но и только!

И неужели ему, Павлу Разсудину, нужно было пройти черезъ обиду влюбленнаго неудачника, чтобы распознать все это?

Онъ опять взялъ въ руки книгу, и черезъ двѣ минуты то же ощущеніе умственной тошноты мѣшало ему читать.

На сердцѣ защемило. Онъ закрылъ глаза. Слезы душили его. Должно быть, онъ только и умѣетъ, что плакать, какъ истерическая дѣва!

И тамъ, около ея кушетки, онъ разревѣлся. Какъ будто это могло привлечь ее къ нему? Что такое онъ въ ея глазахъ? Выдохшійся народникъ, надъ которымъ продолжаетъ подшучивать господинъ Шемадуровъ, жалкій журнальный боецъ! Она же его подбадривала, просила бросить полемику, не зарывать своего художническаго дарованія.

То же вѣдь говорилъ и Токаревъ, а онъ не врагъ его, не станетъ ему и зря льстить. Но они не хотятъ понять, что ничего онъ больше не создастъ, развѣ снова очутится гдѣ-нибудь въ еще болѣе ужасной обстановкѣ. Если ему отказаться отъ защиты своихъ идей, съ перомъ въ рукахъ,—это все равно, что наложить на себя руки. Ни силы, ни успѣха въ борьбѣ, ни куска личнаго счастья...

Онъ упалъ головой на столъ, подавляя рыданія, весь потрясенный этой безконечной цѣпью горькихъ, уничтожающихъ мыс-

лей, безсильный встряхнуть себя, неспособный ни на какую работу.

XXV.

— Къ вамъ можно, Павелъ Өедоровичъ?

Разсудинъ не сразу узналъ голосъ ихъ жильца.

— Ахъ, Нилъ Петровичъ! Входите, входите.

— Вы работали?

Токаревъ видѣлъ, входя, что онъ сидѣлъ у стола, съ головой, опущенной на руки.

— Какая работа! Ха, ха!

Разсудинъ вскочилъ и зашагалъ по комнатѣ. Ему сдѣлалось стыдно слезъ, не высохшихъ на его впалыхъ щекахъ. И волосы у него были всѣ всклочены.

— Гдѣ же работать?—возбужденно бормоталъ онъ. — Я не могу ничего... Голова отказывается.

Онъ присѣлъ на край постели. Токаревъ близко пододвинулся къ нему и положилъ ему правую руку на плечо.

— Милый вы мой, Павелъ Өедоровичъ! Вамъ бы уѣхать куда-нибудь, хоть не надолго... въ деревню или въ Царское. Вотъ я оттуда. Тамъ прекрасно себя чувствуешь. Тихо; аллеи лиственницъ въ инеѣ... тянутся на цѣлыя версты... и электрическій свѣтъ. Тишина и блескъ снѣжинокъ... Чудесно!

Разсудинъ взглянулъ на него, и сейчасъ же подумалъ: навѣрно сестра уже разболтала ему все... И онъ явился его утѣшать. Съ какого права?

Онъ поднялся и сдѣлалъ такой жестъ, точно хотѣлъ его оттолкнуть отъ себя.

— Всякому своя слеза солона, Нилъ Петровичъ! — почти сердито вымолвилъ онъ.

— Конечно... Но, право, вамъ бы хоть на недѣльку...

— Навѣрно, это идея Надежды Өедоровны?

— Кто же больше живетъ для васъ и вами? — отозвался Токаревъ вполголоса, и присѣлъ на одинъ изъ свободныхъ стульевъ.

— Слишкомъ! Слишкомъ!

Разсудинъ махнулъ рукой и опять опустился на край кровати.

— Грѣшно было бы на это жаловаться,—кротко возразилъ Токаревъ, и глядѣлъ на него съ тихой усмѣшкой.

— Но это вдвойнѣ невыносимо. Вы не можете кашлянуть, или поперхнуться, или опустить глаза, или задуматься, чтобы на лицѣ ея вы не читали тревожный вопросъ. Это ужасно!

Онъ ударилъ даже кулакомъ по одѣялу.

— Мы оба нервны! Но у нея это какая-то манія. Одиночество въ тысячу разъ лучше! Тамъ, въ снѣгахъ, въ юртѣ, будь Надя со мною—она бы меня однѣми своими заботами и сокрушеніями довела до полнаго паденія силъ или до сумасшествія.

Токаревъ дожидался, пока онъ кончитъ. Тихая усмѣшка не сходила съ его губъ.

— Вы не даромъ братъ и сестра,—замѣтилъ онъ, не поднимая голоса.—Но все, что̀ Надежда Өедоровна желаетъ для васъ... все это въ высшей степени разумно. Она видитъ, и не она одна, и я также,—прибавилъ онъ съ удареніемъ,—въ Петербургѣ вы изведетесь такъ... зря. Согласитесь, я къ вамъ не приставалъ, не давалъ, по̀ходя, совѣтовъ, по праву старшаго собрата. Но я скорблю за васъ!—голосъ Токарева дрогнулъ.

— Не надо! — крикнулъ Разсудинъ, и схватился за щеки руками.—Что̀ я за юродивый?! Всѣ жалѣютъ, всѣ скорбятъ, всѣ сокрушаются! Что̀ же это значитъ — скажите на милость? Развѣ не то, что я достойный жалости строчила? Надо мной, видите ли, издѣваются въ печати! Я не умѣю заставить замолчать тѣхъ, кто меня допекаетъ. Вѣдь да?.. Ну, скажите правду. Не золотите пилюль. Я знаю, вы слишкомъ благовоспитанный человѣкъ, чтобы отрѣзать на чистоту. Но развѣ я не правъ? Нилъ Петровичъ, батюшка! Жалости достойную фигуру изображаетъ изъ себя вашъ бывшій антагонистъ. Но тогда мы норовили бить, а теперь насъ хлещутъ. И кто? Ха, ха!..

Смѣхъ раздавался болѣзненный, и Токарева онъ хваталъ за̀ сердце.

Передъ нимъ билась душа „брата-писателя". И если самая свѣжая рана нанесена была женщиной, то она попала уже на застарѣлую язву, и теперь изъ нея сочилась кровь пополамъ съ гноемъ.

Вотъ она—доля литературнаго „дѣятеля". Въ какой другой профессіи проходитъ честный и даровитый труженикъ черезъ такія ядовитыя ощущенія? Свой собратъ — по нетерпимости или тщеславію, изъ злобы или чувства безнаказанности — обливаетъ васъ вонючими помоями и втягиваетъ въ унизительную схватку. И нигдѣ безнаказанность дикихъ нравовъ такъ не гуляетъ на полной волѣ, какъ у себя дома!..

Возбужденіе Разсудина смѣнилось паденіемъ силъ. Онъ упалъ на подушки головой и оставался такъ въ полулежачемъ положеніи.

Токаревъ подошелъ и сѣлъ у его изголовья.

— Павелъ Өедоровичъ,—заговорилъ онъ такъ же задушевно,—

въ васъ самихъ лежитъ залогъ другой, болѣе свѣтлой и достойной доли. Бросьте вы всякую полемику... У васъ талантъ!.. Уйдите въ художническое воспроизведеніе жизни—и благо вамъ будетъ!

— Ну, да,—ослабшимъ голосомъ откликнулся Разсудинъ:— и *она* то же говоритъ.

— И она права, — отозвался Токаревъ, понявъ сейчасъ, о комъ Разсудинъ обмолвился.

— Ну, да... чтобы работать на тонко-развитыхъ эстетиковъ и выслушивать одобренія отъ читательницъ, у которыхъ все нутро выѣло дилеттантство?..

И, точно спохватившись, онъ поднялъ голову и сѣлъ на кровати.

— Видите... какая я дрянь! Зачѣмъ такая пошлая выходка? Какое вамъ дѣло до моихъ счетовъ съ кѣмъ бы то ни было?!..

— Большое дѣло, — вымолвилъ Токаревъ, и протянулъ ему руку. — Вы вдвойнѣ страдаете. Но съ одной бѣдой легче справиться, Разсудинъ... Перемѣните...

— Амплуа?

— Да... Страсть—другое дѣло. Я не хочу бередить вашей раны. Но если эта женщина—та, о комъ я думаю, и она отвѣтила на ваше чувство отказомъ, она поступила честно. Она не подруга вамъ... Счастья вы съ нею не нашли бы... повѣрьте мнѣ.

— Счастья...—повторилъ Разсудинъ, съ трудомъ выговаривая слова. Онъ закрылъ лицо ладонями и опять, какъ у Студенцовой, закачалъ головой.

Въ этихъ движеніяхъ было что-то глубоко-скорбное, и Токареву стало до слезъ жаль его.

Онъ тихонько вышелъ изъ комнаты. Разсудинъ сидѣлъ все въ той же позѣ и качалъ головой. Слезы текли по щекамъ, и весь онъ судорожно вздрагивалъ.

XXVI.

Книга въ красномъ переплетѣ лежала на столѣ передъ Токаревымъ, и бѣлое пламя усиленной горѣлки ярко освѣщало страницы. Онъ—съ перомъ въ рукахъ — задумался надъ однимъ выраженіемъ.

Въ квартирѣ стояла, какъ всегда, почти жуткая тишина. Онъ зналъ, что Анохина уговорила брата прокатиться въ саняхъ. Они только-что уѣхали.

Ему трудно было уйти въ свою работу. Слишкомъ онъ жалѣлъ бѣднягу Разсудина и милую Надежду Өедоровну. Съ каждымъ днемъ онъ все больше къ ней привязывался.

Но какъ помочь горю? Хорошо, если Разсудинъ возьмется за умъ и броситъ журнализмъ. Но пока это случится—изъ его свѣжей раны будетъ капать кровь. А закроется эта рана слишкомъ быстро—мозгъ можетъ не выдержать и превратитъ его въ живого мертвеца-паралитика.

Вмѣшаться самому? Пойти къ Студенцовой сватомъ? Насколько онъ ее знаетъ—она не могла грубо и оскорбительно оттолкнуть Разсудина. Она не хотѣла лгать, вотъ и все.

Ему припомнилось тутъ, какъ онъ, уходя отъ нея ночью, послѣ спектакля въ русскомъ театрѣ, нѣсколько разъ воскликнулъ про себя:

„Бѣдный Разсудинъ“!

Предчувствіе его сбылось. Хорошо еще, что только на-половину. А если бы эта „жрица эстетизма“ поддалась жалости или тщеславію и позволила бы любить себя?

Токаревъ принялся снова за работу и перевелъ цѣлую тираду.

Ему послышался слабый звонокъ въ передней. Отпирать никто не шелъ. Вѣроятно, Надежда Өедоровна отпустила кухарку на цѣлый вечеръ; а дѣвочка убѣжала въ лавочку. Онъ положилъ перо и подошелъ къ двери.

— Аннушка!—громко крикнулъ онъ.

Отвѣта не было. Позвонили во второй разъ. Онъ пошелъ отпирать.

Въ темнотѣ площадки, плохо освѣщенной керосиновымъ фонаремъ, онъ не призналъ гостью: рослую даму въ длинномъ пальто съ пелериной и въ шляпѣ, покрытой дымчатымъ платкомъ.

— Это я, Нилъ Петровичъ.

Студенцова вошла осторожно и шопотомъ спросила:

— Они дома?

— Никого нѣтъ.

— Тѣмъ лучше. Я къ вамъ, Нилъ Петровичъ — только къ вамъ. Позволите?

Токаревъ помогъ ей снять пальто и она вошла въ его кабинетикъ, въ платкѣ, очень блѣдная, но съ возбужденными глазами. Въ черномъ платьѣ ея талія казалась еще тоньше, и узкіе рукава придавали фигурѣ что-то средневѣковое.

Онъ на нее засмотрѣлся—такъ она показалась ему инте-

ресна. Въ ея взглядѣ была грустная усмѣшка и вокругъ рта игра мышцъ—точно она пришла въ чемъ-то передъ нимъ повиниться.

— Меня къ вамъ влекло, Нилъ Петровичъ, — промолвила она, протягивая руку.

— Спасибо.

— Можетъ быть, это немножко неосторожно?

Глазами она показала на дверь.

— Вы ихъ другъ... но, быть можетъ, вамъ неизвѣстно...

— Я знаю,—отозвался Токаревъ и повелъ головой.

— Отъ него?

— Не прямо.

— Такъ отъ сестры? И она меня клянетъ?

— Она боится за брата... теперь сильнѣе, чѣмъ прежде.

— А вы что̀ мнѣ скажете? Видите, я пришла къ вамъ, точно на исповѣдь. Во всемъ Петербургѣ вы—самый близкій человѣкъ мнѣ по духу. За своимъ пріятелемъ Анемоновымъ я не послала... И еще менѣе за своей подругой Аришей Полкановой!

Токаревъ наклонилъ голову и тихо развелъ руками.

— Кто же судья... въ дѣлахъ сердца?—обронилъ онъ.

— Нилъ Петровичъ! Я не склонна къ сантиментальности, но я не хочу быть причиной чужихъ страданій. И мнѣ самой было бы очень-очень больно, еслибъ хорошіе люди, какъ вы, какъ Надежда Ѳедоровна, обвиняли меня...

— Въ чемъ же?—остановилъ онъ.

— Въ желаніи завлечь, въ бездушномъ кокетствѣ, что-ли... Я не знаю! Но въ томъ-то и бѣда, что я въ этомъ дѣлѣ глупа.

— Въ какомъ?

— Въ любовномъ... Увѣряю васъ. Я такъ мало увлечена собственной особой, что всегда послѣдняя замѣчу.

И она разсказала ему—какъ, только за полчаса до прихода къ ней Разсудина, по намекамъ студента, она стала догадываться, что его считаютъ сильно увлеченнымъ ею. Даже въ началѣ сцены она еще не понимала вполнѣ—чѣмъ онъ захваченъ.

— Такая натура! Что̀ же мнѣ дѣлать! — искренно воскликнула она.

— Вы, кажется, всегда боялись любви?

— Не боялась поэзіи чувства; но того, безъ чего она не обходится,—выговорила она вполголоса, полузакрывъ глаза своими красивыми рѣсницами, — матеріальной страсти — бѣгала. Это правда... Но тутъ... Боже мой!.. И воображеніе мое не играло, вотъ хоть бы столько!—показала она на пальцѣ.—Онъ чудесный

человѣкъ... но этого недостаточно... На страсть надо отвѣчать страстью!..

— Послушайте,—заговорилъ Токаревъ, ближе подсаживаясь къ ней, и взялъ ее за руку. Если вы сами не страстная натура, то и тихая симпатія можетъ образовать прочную связь. Мы съ вами такъ цѣнимъ въ Разсудинѣ художника. Оба мы были бы безмѣрно рады вытянуть его изъ болота журнальной перебранки.

— Еще бы!

— Завидное дѣло для женщины! А любовь все можетъ.

— Въ немъ! Но во мнѣ?.. Это былъ бы подвигъ, выполненіе извѣстной программы... если хотите, доказательство того, что у меня къ нему хорошія чувства. И только. Ему не того нужно!.. А я притворяться не умѣю и не хочу... Скажу больше... я слишкомъ люблю свободу, Нилъ Петровичъ... Повѣрьте, еслибъ мнѣ грозила нищета,—голосъ ея дрогнулъ,—и тогда я бы не схватилась за якорь спасенія всѣхъ женщинъ—за бракъ, за обезпеченную жизнь... на чужой счетъ. Какъ бы ни было тяжело на свѣтѣ, но потерю свободы, самой безусловной и безпредѣльной, не можетъ, по моему, выкупить никакое блаженство, ни чувственное, ни духовное.

— По своему, вы правы,—выговорилъ Токаревъ.

— А разъ это такъ, никто не въ состояніи быть счастливъ съ такой личностью, и всего менѣе Павелъ Ѳедоровичъ, съ его расшатанными нервами, съ его пылкой, настрадавшейся душой. Я вижу по вашимъ глазамъ, что вы со мной согласны.

XXVII.

Студенцова вдругъ смолкла. Въ передней раздались шаги.

— Это они,—прошептала она.—Право, смѣшно, что я такъ волнуюсь. Я бы хотѣла первая протянуть руку Павлу Ѳедоровичу; но это могутъ счесть фанфаронствомъ.

— Позвольте,—остановилъ ее Токаревъ:—мужскихъ шаговъ я не слышу. Вернулась, кажется, одна Надежда Ѳедоровна.

— Что-то будетъ! Я готова пострадать! — шутливо прибавила Студенцова, поднялась съ мѣста и, по привычкѣ, стала приглаживать пряди волосъ на ушахъ.

— Спасаться бѣгствомъ я не хочу,—заговорила она серьезнѣе:—и даже готова пойти къ ней на такую же исповѣдь. Вы, конечно, ближе мнѣ, Нилъ Петровичъ; но и она—такая чистая

душой; только пойметъ ли? Голова у нея всегда въ тискахъ темперамента.

Послѣднія слова она произнесла вполголоса.

Имъ обоимъ было трудно перемѣнить тэму разговора. Невольно прислушивались они, взглядывая другъ на друга.

Шаги Анохиной затихли въ столовой. Но не прошло и минуты, какъ она вернулась.

— Сюда идетъ,—прошептала Студенцова.

Шаги повернули не вправо къ кухнѣ, а влѣво, къ кабинету Токарева.

Дверь чуть-чуть пріотворили.

— Къ вамъ можно, Нилъ Петровичъ?

Токаревъ вопросительно взглянулъ на гостью. Та показала жестомъ головы, что она прятаться не желаетъ.

— Милости прошу!—громко откликнулся онъ.

Анохина вошла въ капорѣ и платкѣ и, разглядѣвъ гостью, тотчасъ же подалась назадъ.

— Вы не одни!

Зрачки ея расширились и ноздри вздрогнули

Это появленіе Студенцовой всколыхнуло ее всю.

И не одно чувство къ брату вскипѣло въ ней; а и еще что-то, болѣе личное. Съ какой стати это вечернее посѣщеніе? Мало ей стало завлечь брата въ „свои сѣти“? Она закидываетъ ихъ и на Токарева. Безстыжая женщина!

— Здравствуйте, Надежда Ѳедоровна! — привѣтливо обратилась къ ней Студенцова.

Не стоитъ она того, чтобы пожимать ей руку!

Но Анохина побоялась обидѣть гостью Токарева и молча подала свою.

— Прокатились съ Павломъ Ѳедоровичемъ? — спросилъ Токаревъ.—Но вы, кажется, вернулись однѣ?

— Пашу я завезла къ Дроздову. Онъ вспомнилъ, что у того по средамъ собираются.

— Присядьте,—пригласилъ Токаревъ.

— Нѣтъ, я хотѣла только спросить васъ...

Внутри все ходило ходуномъ у Надежды Ѳедоровны. Поведеніе Студенцовой казалось ей уже верхомъ цинизма. Но и удаляться она не хотѣла. Пускай та пойметъ, что здѣсь ей не мѣсто, и первая ретируется.

— Надежда Ѳедоровна,—начала Студенцова, не поднимая на нее глазъ,—васъ, быть можетъ, удивляетъ, что я въ этой квартирѣ... даже въ качествѣ гостьи Нила Петровича? Но... я рада

вашему приходу. Павла Өедоровича нѣтъ, и мы могли бы поговорить на свободѣ.

— О чемъ?—перебила Анохина.—Я въ вашу жизнь вмѣшиваться не хочу... Что вы Пашу довели до такого разстройства—это дѣло вашей совѣсти!..

— Позвольте, Надежда Өедоровна,—кротко остановилъ ее Токаревъ.—Обвинять въ этомъ Евгенію Андреевну было бы несправедливо. Но она очень дорожитъ вашимъ мнѣніемъ...

— Чтò вамъ въ немъ?—почти крикнула Анохина, съ дрожью въ голосѣ.—Развѣ такая женщина, какъ я, что-нибудь для васъ значитъ?

И, не выдержавъ тона, она, съ влажными глазами, блѣдная и трепетная, присѣла ближе къ Студенцовой и, глотая слезы, воскликнула:

— Ахъ, Евгенія Андреевна! Евгенія Андреевна!

Глаза ея сильно замигали, и руками она всплеснула.

— Гляжу я на васъ,—продолжала Анохина, подхваченная разливомъ чувства, уже не гнѣва, а скорѣе жалости:—гляжу я на васъ, и мнѣ вчужѣ дѣлается страшно! Вы не считаете себя виноватой. Я помню, чтò вы тамъ, въ столовой, говорили мнѣ насчетъ брата Паши. Вы его не втягивали въ любовь. Но скажите по совѣсти—развѣ вы не могли не дать ей развиться? Не могли? Потому, что въ васъ совѣсть не заговорила, у васъ, быть можетъ, и подозрѣнія не было — вплоть до той минуты, когда произошелъ взрывъ.

— Да, это такъ было,—тихо вымолвила Студенцова.

— И вы душу моего брата—только вотъ чѣмъ понимали...

Она прикоснулась ладонью ко лбу.

— Сколько дѣвушекъ пошли бы съ нимъ рука въ руку! Какого же еще счастья: отвѣтить на любовь такой свѣтлой личности, какъ Паша? Но я вѣдь по себѣ сужу. А нынѣшнія дѣвицы по другому чувствуютъ. Мы—на ихъ взглядъ—слишкомъ большія сантиментальщицы... если не хуже того. Все у насъ прямолинейно! Вѣдь такъ это называется? Нѣтъ тонкаго вкуса, всѣ ушли въ свои ахи и охи, идеи самыя ограниченныя, барахтаемся въ мелкихъ своихъ тревогахъ... А любить-то вамъ и нечѣмъ! Вѣдь правда, Евгенія Андреевна,—скажите прямо—вы смѣлая... вѣдь правда?

Щеки Анохиной разгорѣлись. Глаза возбужденно глядѣли на Студенцову — въ нихъ было что-то необычайно привлекательное по глубокой теплотѣ душевной скорби.

Волненіе сообщилось и Студенцовой. Она замѣтно поблѣднѣла и голова опустилась на грудь. Токареву стало ее жаль.

— Какъ знать, Надежда Өедоровна,—сказалъ онъ,—когда и у кого заговоритъ сердце...

— И заговоритъ—не на радость... Простите меня!—она поднялась и протянула обѣ руки Студенцовой.—Вы знаете, какъ мнѣ Паша дорогъ. Когда я вошла сюда, я способна была броситься на васъ. Но видите, это прошло. Не хочу я зря обвинять васъ. Но только объ одномъ прошу, вотъ въ присутствіи друга моего Нила Петровича... не ходите сюда! Не растравляйте раны Паши. Вы не можете его полюбить... Да и никогда онъ не нашелъ бы съ вами счастья! Ну, больше я ничего не скажу.

И, обращаясь къ Токареву, она растерянно прибавила:

— Совсѣмъ изъ головы вонъ—зачѣмъ я къ вамъ заглянула!

Новый наплывъ чувства захватилъ ее, и, боясь разрыдаться, она выбѣжала изъ комнаты.

Токаревъ и Студенцова сидѣли молча, не глядя другъ на друга...

XXVIII.

Сплошной стѣной, за колоннами, стояла публика. Одни только молодыя лица видѣла Студенцова вокругъ себя. А тамъ, на стульяхъ, вплоть до самыхъ дальнихъ колоннъ, все было занято и утопало въ дымкѣ отъ испареній. Было очень душно. Такого моря молодежи она никогда еще не видала ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ. Ей дѣлалось почти жутко. И чувство затерянности щемило ее. Она не могла сливаться съ этой массой въ одномъ настроеніи.

Вечеръ начался съ музыкальныхъ нумеровъ. Антракты тянулись. Распорядители должны были мѣнять порядокъ нумеровъ и извиняться передъ публикой. Каждому артисту сильно хлопали.

Отъ криковъ у нея зудѣло въ ушахъ и голову распирало. Было что-то стихійное въ этихъ взрывахъ и—на ея оцѣнку—некультурное. Красныя, возбужденныя лица лоснились, широко раскрывались рты, ладони ударяли одна другую безконечными раскатами.

„Чтò же такое тутъ празднуютъ?—спрашивала она.—Даютъ обыкновенный вечеръ въ пользу учащихся. Неужели это такое радостное событіе“? Въ дорогомъ ей Латинскомъ кварталѣ никогда не бываетъ такихъ благотворительныхъ вечеровъ. Тамъ молодежь—обезпеченный народъ. А если и устроятъ чтеніе или кон-

цертъ въ пользу кого-нибудь, то ничего подобнаго вы тамъ не увидите и не услышите.

Найти сидячее мѣсто было уже немыслимо, а права на нумерованный стулъ она не имѣла. И простой входъ по ея теперешнему карману достаточно дорогъ. Она начала жалѣть, что пришла сюда.

Ей захотѣлось послушать Разсудина и видѣть, какъ его будетъ принимать молодежь. Она не сомнѣвалась въ томъ, что онъ окажется главнымъ героемъ вечера. Ее влекло великодушное чувство: восторженный пріемъ излечитъ его скорѣе, чѣмъ что-либо; такъ, по крайней мѣрѣ, думала она.

Глазами она искала Анохину гдѣ-нибудь около эстрады. Ея не было. Можетъ быть, та побоялась за свои нервы и осталась дома.

Въ концѣ первой половины вечера какой-то молодой поэтъ продекламировалъ свое стихотвореніе—очень связно, шепеляво и пѣвуче. Она ничего не могла понять... И ему хлопали, и его вызвали нѣсколько разъ.

Большой антрактъ томительно затянулся. Гулъ тысячи молодыхъ голосовъ стоялъ стономъ въ залѣ и на хорахъ. Студенцова хотѣла-было немного пройтись, но двигаться было слишкомъ трудно; пришлось стоять. Она была рада и тому, что кто-то уступилъ ей мѣсто около колонны, противъ угла эстрады, и она могла облокотиться спиной.

Раздался звонокъ. Всѣ опять скучились около нея. Лица оживились и гулъ разговоровъ сразу началъ стихать.

— Разсудинъ, Разсудинъ теперь!—слышала она вокругъ себя.

Всѣ эти молодые люди и дѣвушки отлично знали—кто этотъ Разсудинъ. Щеки ихъ разгорѣлись, глаза блестѣли, они приготовили свои голоса и ладони для встрѣчи „пострадавшаго“ писателя.

Волна молодого сочувствія коснулась и ея души. Она забыла о духотѣ, трескотнѣ и крикахъ. Сердце ея участило біенія. И когда—съ угла эстрады — она завидѣла голову Разсудина, она порывисто захлопала. Вся зала грянула, и больше минуты стоялъ стонъ отъ несмолкаемыхъ криковъ...

Разсудинъ не садился и отъ сильнаго волненія держался одной рукой за спинку стула, блѣдный, съ низко опущенной головой. И только-что онъ сѣлъ за столикъ, рукоплесканія опять полились изъ всѣхъ угловъ залы. Онъ долженъ былъ два раза кланяться публикѣ.

— Чтò, чтò такое будетъ читать?—шептали около Студенцовой.

— Изъ очерковъ „Впотьмахъ".

Она не знала—какой именно очеркъ; но ей такъ захотѣлось, чтобы это было описаніе ночи и его думъ—на крышѣ юрты, покрытой окоченѣлымъ снѣгомъ, въ лунную ночь, полную неизмѣримой грусти...

Въ первыя минуты трудно было что-нибудь разслышать. Онъ выговаривалъ тихо и часто запинался. Но когда волненіе его поулеглось—голосъ сталъ раздаваться болѣе внятно, въ огромной залѣ, среди полнаго безмолвія.

Кровь прилила къ щекамъ Студенцовой: по нѣсколькимъ фразамъ, явственно донесшимся до нея, она узнала свой любимый очеркъ. Въ немъ не было никакого внѣшняго сюжета; но поэзія снѣжной могилы, гдѣ зá-живо погребены молодыя силы и лирическіе полеты его скорбной души, должны были увлечь эту публику, и безъ того подготовленную къ восторженному пріему.

Послѣднія страницы Разсудинъ прочелъ медленно, подавляя въ себѣ волненіе. Голосъ его вздрагивалъ, и онъ нѣсколько разъ останавливался и глоталъ воду изъ стакана.

Только-что онъ кончилъ,—и вся зала, какъ одинъ человѣкъ, вскочила съ мѣстъ, замахала платками; крики и рукоплесканія переливались несмолкаемыми раскатами. Многіе кинулись къ эстрадѣ.

Студенцова почувствовала, что у нея кружится голова. Она съ трудомъ протискалась къ выходу.

Изъ залы все еще несся гулъ рукоплесканій. Она сидѣла на диванѣ, съ нервной дрожью во всемъ тѣлѣ... Бóльшаго торжества не могъ ждать Разсудинъ, и она нелицемѣрно радовалась. И въ то же время ее начало щемить чувство своего отчужденія отъ всей этой тысячной молодой толпы.

Неужели это только глупо, дико, некультурно и невыносимо? Развѣ подъ этимъ не кроется чего-то, съ чѣмъ она не имѣла душевной связи и тогда, когда ей было шестнадцать лѣтъ?..

Въ залу ее больше не тянуло.

Она медленно пошла къ главному выходу, и опять ее смутилъ вопросъ: „не слишкомъ ли сильно рисковалъ Разсудинъ, дѣлаясь предметомъ такихъ овацій"?

Кто-то ее окликнулъ. Она подняла голову. Это былъ Шемадуровъ.

— Вы уѣзжаете? Отъ торжества вашего друга Разсудина?—спросилъ онъ съ игрой въ глазахъ.—Вѣдь его выкатятъ на бисъ!..

— А вамъ завидно?—довольно рѣзко спросила она.

— Это дешевые лавры. И очень выдохшіеся. Но не вся теперешняя молодежь стоитъ на колѣняхъ передъ семидесятниками... Далеко не вся!

Мѣняя тонъ, онъ съ низкимъ поклономъ спросилъ ее вполголоса:

— Вы не удѣлите мнѣ хоть полчаса?

— Теперь я очень утомлена.

— Нѣтъ, у себя. Знаю, что я для васъ не persona grata... но надѣюсь, что вы меня выслушаете и поможете...

Она дала ему свой новый адресъ.

— А вы остаетесь?—спросила она.

— Конечно... Будутъ танцы...

— Вы танцуете? Соціальный мудрецъ?!..

— И очень!.. Одно другому не мѣшаетъ.

Когда она сходила съ лѣстницы, рукоплесканія еще не прекратились.

XXIX.

— Павелъ Θедоровичъ! Вотъ я радъ! Какой пріемъ! Какой пріемъ!—повторялъ Михалковъ, заглядывая въ лицо Разсудину.

Они ѣхали въ саняхъ. Становилось очень поздно.

Въ головѣ Разсудина немного шумѣло. Онъ былъ слабъ на вино; а его заставили выпить нѣсколько „здравицъ"... Двѣ изъ нихъ онъ самъ предлагалъ.

— Который теперь можетъ быть часъ, Михалковъ? — спросилъ онъ.

— Да я думаю—третій. Но къ чему разбирать часы, Павелъ Θедоровичъ? Не помню я такого вечера! И вы видите, какъ васъ любитъ молодежь! Небось, Шемадуровъ зеленѣлъ. Онъ самъ выскочилъ произносить спичъ. Кто его просилъ? Такъ, маленькая кучка. А мы всѣ хотѣли здорово ошикать его... Не сдѣлали этого потому только, что вамъ это было бы непріятно.. Вѣдь такъ?

— Съ какой же стати? Чтобы потомъ пускать намеки— какъ я на него натравляю!

— Именно, именно! Нужды нѣтъ! Ему-то ни въ жизнь не достанется такихъ овацій.

И, точно запнувшись, Михалковъ проговорилъ потише:

— Только чтобы все благополучно сошло. Слишкомъ много всякаго народа набралось... Ну, да чортъ съ ними! Вѣдь вы

не съ эстрады говорили. Этимъ господамъ, небось, извѣстно, что на такихъ вечерахъ всегда произносятъ здравицы.

Разсудинъ промолчалъ.

— А Евгенію Андреевну видѣли?

— Кого?

— Студенцову?.. Она стояла около колонны, у самой эстрады, справа.

Михалковъ ничего не зналъ про то, чтò случилось за послѣднюю недѣлю. Онъ не бывалъ у Студенцовой съ того вечера, какъ къ ней пришелъ Разсудинъ. И Анохину онъ не видалъ съ тѣхъ же поръ. Онъ вбокъ поглядѣлъ на Разсудина, и ему показалось, что тотъ измѣнился въ лицѣ.

— Только она послѣ вашего чтенія скрылась. Во время танцевъ ея не было...

Онъ не договорилъ, смущенный мыслью, что, быть можетъ, его болтовня—неумѣстна.

Сани повернули съ Невскаго на Лиговку.

— Надежда Өедоровна... не рѣшилась поѣхать? — спросилъ онъ вполголоса.—А жаль! Какъ бы она была счастлива... Поди, до сихъ поръ еще не спитъ? Кажется, и Нилъ Петровичъ не былъ?

— У него легкая простуда. Онъ было-собирался; да я удержалъ.

— Онъ такъ высоко ставитъ вашъ талантъ, Павелъ Өедоровичъ. Сегодня-то кàкъ захватили всѣхъ эти думы на крышѣ юрты!.. Великолѣпно! И лучше всякой притчи! Смыслъ прозрачный, и глубокій, и въ такой поэтической формѣ!

— Спасибо, милый! — откликнулся Разсудинъ и потрепалъ студента по плечу.—Хотите, я васъ подвезу? Вы вѣдь около Таврическаго...

— Мерси, не надо! Я у вашего крыльца сойду... И Надежда Өедоровна будетъ довольна...

— Что вы меня живого доставили?.. Ха, ха...

Разсудинъ тихо разсмѣялся и приказалъ извозчику:

— Второй поворотъ направо!

Студентъ остановилъ его на подъѣздѣ.

— Позвольте васъ поцѣловать, Павелъ Өедоровичъ!

И, уходя, онъ крикнулъ:

— Какой вечеръ! Восторгъ!

Дворникъ отперъ Разсудину, и ему пришлось бы впотьмахъ подниматься наверхъ; но съ нимъ были спички и ключъ. Сестра навѣрное ждетъ.

Онъ зажегъ спичку и благополучно добрался до своей площадки. Съ особенной осторожностью вставлялъ онъ ключъ и отворялъ наружную дверь.

Въ передней Надежда Өедоровна уже стояла со свѣчой. Видно было, что она совсѣмъ и не ложилась.

— Надя! Зачѣмъ? Извини пожалуйста...

Она сейчасъ же замѣтила, что онъ пріятно возбужденъ— глаза блестятъ, въ лицѣ краска.

— Хорошо прошло, Паша?

Свѣчу она поставила на столъ и обняла его.

— Ты тамъ кутнулъ?—болѣе шутливо спросила она.

— Кутнулъ, Надя. Но пріема такого не ожидалъ. Даже слишкомъ.

— Скандалъ, пожалуй, вышелъ?

Рѣсницы ея трепетно задвигались.

— Нѣтъ! Безъ всякаго скандала! Завтра разскажу! Нилъ Петровичъ—какъ?

— Онъ давно заснулъ. Немножко почиталъ. Очень жалѣлъ, что и я его не пустила изъ дому.

— Теперь, Надя, спать пора!

Разсудинъ такъ это выговорилъ, что сердце Анохиной ёкнуло отъ радости.

Но въ постели, окутанный темнотой и безмолвіемъ ночи, онъ лежалъ съ раскрытыми глазами. Голова не поддавалась утомленію. Все еще передъ глазами его колыхалась тысячная публика, облитая электрическимъ свѣтомъ. Точно чадъ поднимался къ хорамъ отъ этой молодой толпы, настроенной въ униссонъ. И потомъ, взрывъ рукоплесканій при его выходѣ на эстраду. Тутъ не увлеченіе какимъ-нибудь теноромъ или виртуозомъ. Тутъ— животворящая идея. Да, не онъ, не Павелъ Разсудинъ, съ своимъ заурядныхъ талантикомъ — былъ предметомъ овацій, а его судьба, его прошлое. Такъ и надо!

И ему вдругъ вспомнились слова Студенцовой, когда она ему отсовѣтовала рисковать публичнымъ чтеніемъ своихъ вещей. Его сейчасъ же защемило въ груди. Студентъ доложилъ ему, въ простотѣ сердечной, что она была въ залѣ и стояла у эстрады.

И онъ ее увидалъ, но не сразу, а уже когда кончилъ и кланялся публикѣ. И она хлопала. Неужели искренно? Или общій порывъ увлекъ ее, и для нея нуженъ вотъ такой трескучій успѣхъ, чтобы иначе относиться къ человѣку?

И какая-то надежда, точно змѣйка, взвилась передъ нимъ. Вѣдь не изъ озорства же явилась она. Проникни она, вслѣдъ

за толпой студентовъ и курсистокъ, въ заднюю комнату, съ буфетомъ для участниковъ вечера — онъ не сталъ бы говорить при ней.

Чтò онъ собственно сказалъ въ первое свое обращеніе къ молодежи?.. Онъ не сбирался говорить и не готовился. Но развѣ можно отказываться? Какая-то волна подхватила его. Ему что-то кричали,—кажется, требовали какой-то любимой темы. Онъ весь горѣлъ. Рѣчь лилась у него, точно кто за него ее произносилъ—пылко, смѣло. Куда дѣвалось его заиканіе?!..

Вылетали, кажется, и неосторожныя слова?

Онъ не хотѣлъ припоминать. Къ чему? Это было бы слишкомъ малодушно.

Потомъ онъ долженъ былъ осушить стаканъ. Его бросились цѣловать — первымъ Дроздовъ, весь растрепанный, красный, съ блаженнымъ выраженіемъ глазъ. Кто-то крикнулъ:

— Качать!

У него закружилась голова. Онъ просилъ пощады. Его поставили на ноги. Еще была здравица. И въ ней одинъ возгласъ.

Нужно ли было его произносить?

На этомъ вопросѣ Разсудинъ сталъ засыпать, и въ его грёзѣ заплетались лица, свѣтъ, краски, звуки—въ безконечную вереницу.

XXX.

Со всѣхъ стѣнъ, изъ угловъ и драпировокъ, смотрѣлъ на Студенцову непригядный и плохо провѣтренный нумеръ.

Она, скрѣпя сердце, помирилась съ обстановкой дешевой „меблирòвки“. Обои были буровато-желтые, занавѣска на перегородкѣ тоже изжелта-бурая. Двѣ запыленныхъ олеографіи давали комнатѣ еще болѣе унылый тонъ.

Горничная, въ красномъ ситцевомъ платьѣ и съ колечками на лбу, вошла, не постучавшись, и хмуро выговорила:

— Васъ господинъ желаетъ видѣть.

Студенцова сейчасъ подумала, что это Шемадуровъ. Онъ не теряетъ времени. Значитъ, она дѣйствительно ему нужна.

На что? Ей теперь сдавалось, что она никому въ этомъ городѣ не нужна, и никто ей не нуженъ. А тѣхъ, кого она, не желая того, влюбила въ себя—она не хочетъ обманывать.

— Вотъ вы гдѣ! — раздался еще за перегородкой голосъ Шемадурова.

Онъ остановился въ портьерѣ и въ pince-nez, поднявъ не-

много носъ и прищурясь, оглядывалъ комнату. Ей это показалось безцеремоннымъ, и она, подойдя къ нему, сказала:

— По вашей теоріи *бу̀дръ* и *манжé...* я изъ капиталистки превращаюсь въ пролетарія, и волей-неволей должна буду уступить орудія производства... но только не ассоціаціи рабочихъ, а какому-нибудь такому же презрѣнному буржуа, какъ и я... Садитесь... Чѣмъ могу быть вамъ полезна?

— Да я ужъ и не знаю — дерзну ли... — началъ Шемадуровъ, пожимаясь.—Вы меня такъ все *шпыняете*, какъ тамбовскіе мужики говорятъ. Предметъ нашихъ дискуссій мы уже на сей разъ оставимъ, Евгенія Андреевна.

— У меня самой нѣтъ ни малѣйшей охоты... А что̀ вы скажете про вчерашнее торжество Разсудина?

— Видѣлъ, что и вы апплодировали.

Глаза его заискрились, и онъ сжалъ губы.

— Значитъ, не вся молодежь охладѣла къ тѣмъ, кого вы считаете послѣдними могиканами... если не жалкими межеумками?

— Это все пережитки мистицизма! Народническое нутро еще будетъ давать о себѣ знать. Но мы этимъ ни мало не смущаемся.

— Тѣмъ болѣе,—продолжала за него Студенцова,—что вамъ вообще нечего опасаться. Вы, господа, весьма ловко обѣгаете всякіе подводные камни.

— Въ какихъ же это смыслахъ? — спросилъ Шемадуровъ, дѣлая опять непріятный ей жестъ головой.

— А въ такихъ, что въ тѣхъ сферахъ, гдѣ Разсудиныхъ считаютъ неблагонадежными — на васъ, съ вашими научными законами и травлей народниковъ, вѣроятно, смотрятъ гораздо снисходительнѣе.

— Не знаю-съ!

Пухлыя щеки Шемадурова стали краснѣть.

— Иначе и быть не можетъ,—увѣренно сказала Студенцова.

— Позвольте, Евгенія Андреевна, — онъ пододвинулъ свой стулъ: — неужели вы думаете, что мы менѣе всѣхъ этихъ плакальщицъ стремимся ко благу народа? Это забавно! Только слѣпорожденный не пойметъ, что̀ насъ одушевляетъ. Мы не молимся на научный законъ потому только, что онъ законъ. Но мы имъ пользуемся для настоящей борьбы, а не для того, чтобы играть въ руку врага...

— А развѣ у васъ врагъ одинъ съ Разсудинымъ? — строго спросила она.

— Они сами не знаютъ — кто ихъ другъ, кто врагъ.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Но, Бога ради, Евгенія Андреевна, не будемъ тратить драгоцѣннаго времени на эти безплодныя превія. Желаю вашему пріятелю полнаго процвѣтанія. Вчера его качала молодежь.

— Качала? Гдѣ? Въ залѣ?

Она тоже поднялась.

— Нѣтъ... тамъ, въ буфетной комнатѣ.

— И онъ говорилъ?

— Какже! Разрывныхъ словъ былъ цѣлый ушатъ.

— Увлекся? Достанется ему?... Скажите!

— Не знаю. Можетъ быть! Да врядъ ли его считаютъ опаснымъ.

— А вы говорили?—спросила она, дурко скрывая свое желаніе кольнуть его.

— Такъ, нѣсколько словъ. Я не люблю показывать кукиша въ карманѣ. Но мы опять ударились въ сторону. Выслушайте меня... Сядьте, пожалуйста.

Онъ весь какъ-то передернулся и поправилъ на носу pince-nez.

— Евгенія Андреевна, если вы чувствуете себя способной оказать мнѣ услугу — не откажите. Вы—подруга Ирины Николаевны.

— И что же?

— Она мнѣ серьезно нравится. И я хотѣлъ бы знать, какъ она относится ко мнѣ... Вы понимаете?..

— А рисковать—не хотите прямо? Ха, ха! Основательный вы молодой человѣкъ!

— Не язвите, Бога ради!

— Вы уже давно за ней ухаживаете?

— Я не люблю этого пошлаго слова. Она, конечно, могла замѣтить.

— И навѣрно замѣтила въ надлежащій моментъ. Моя Ариша по этой части дрессирована.

— Вы такъ о ней говорите?

— Да вамъ чего же бояться? Вы вѣроятно и на бракъ смотрите съ экономической точки?

— Оставимъ остроуміе, Евгенія Андреевна. У меня серьезныя намѣренія.

— Я это слышала. Но вы желаете, чтобы я позондировала почву.

— Чтò вамъ стоитъ?!

— Чѣмъ же вы смущены, Шемадуровъ?

Она сказала это полушутливо, подавшись впередъ головой.

— Да видите ли, тутъ есть, во-первыхъ, вашъ пріятель.

— Какой это?

— Боецъ... атлетъ.

— Кто же вамъ сказалъ, что онъ—мой пріятель?

— Мнѣ Ирина Николаевна сообщала, что вы съ нимъ даже совѣтуетесь... по вашимъ дѣламъ.

— Меньше, чѣмъ она. И вы думаете, что тутъ есть что-нибудь.

— А вы?

— Не знаю. Врядъ ли Ариша разсчитываетъ на него, какъ на партію.

— И еще есть нѣкій господинъ Ильинъ. Такъ же безцвѣтенъ, какъ и его фамилія.

— Не имѣю о немъ понятія.

— Вы, можетъ быть, замѣтили его... тогда на вечерѣ съ борцами. Такъ, бѣлокуренькій.

— Ариша дѣйствуетъ на началахъ спроса и предложенія.

— Эти начала ненавистны намъ!—вскричалъ Шемадуровъ.

— Во всякомъ случаѣ она признаетъ законъ борьбы и хочетъ не меньше васъ, господа, овладѣть капиталомъ!

— Такъ вотъ вы какъ оцѣниваете вашу подругу?

— Я не хотѣла бы злословить. Она вамъ нравится. И вы найдете въ ней все то, что̀ она и теперь выказываетъ. Остальное—ваше дѣло.

— Евгенія Андреевна, вы изволите изрекать какъ оракулъ. Извините, что обратился къ вамъ,—добавилъ онъ полуобидчиво и поднялся.

— О чемъ вы меня просите, Шемадуровъ,—я постараюсь это исполнить. Но Ариша—особа довольно скрытная. Вы разрѣшите назвать васъ?

— Конечно.

— Ха, ха! вотъ неожиданно попала въ свахи! — веселѣе воскликнула она, провожая его до дверей.

XXXI.

Депеша лежала развернутой на столѣ.

Студенцова быстро двигалась по комнатѣ — въ пеньюарѣ, небрежно причесанная. Пятна выступили у нея на щекахъ. Руки она закидывала за шею и прижимала мелкими бѣлыми зубами нижнюю губу.

Раза два подходила она къ столу, брала депешу, прочитывала ее и принималась снова ходить.

Она уже знаетъ ее наизусть. Все въ ней вѣско и безповоротно. Дѣло лопнуло окончательно. Работы прекратились. Опись... Исполнительные листы... И сумма долга обозначена. Ее не выручить отъ продажи пріиска.

Стало—не только разореніе, но и банкротство.

И еще предлагаютъ ей „пожаловать". Это заставило ее почти истерически расхохотаться. На что и зачѣмъ она поѣдетъ? Развѣ пойти здѣсь на какое-нибудь уголовное дѣло, чтобы ее по этапу провели до самаго „мѣста дѣйствія"?

Депеша подписана не зятемъ, а какимъ-то повѣреннымъ. Зять—боленъ; можетъ быть, и скрылся.

Но вѣдь и онъ былъ только довѣренное лицо; а она—пайщица.

Мелкія капельки пота выступили у нея на вискахъ. Ей не хотѣлось трусить. Это было бы слишкомъ постыдно; а она сильнѣе всего на свѣтѣ, сильнѣе смерти, боялась приниженія своей „личности". Но внутри она уже чувствуетъ дрожь, знакомую ей по легкимъ припадкамъ, когда, бывало, она проснется въ захолодѣлой спальнѣ, зимой, въ Парижѣ, и все у нея начнетъ вздрагивать внутри—она сама не можетъ сказать, гдѣ именно.

Тамъ давало о себѣ знать слабое тѣло, а тутъ—душевный ударъ,—и не такой, какъ въ то утро, когда она послѣ сцены съ хозяйкой очутилась въ необходимости съѣхать съ квартиры и сдѣлать заемъ.

Но вопросъ: „чтò же теперь дѣлать"? — еще ни разу не пришелъ ей,—такъ она была пришиблена вотъ этимъ листкомъ бумаги, съ нѣсколькими строчками, выведенными рукою телеграфистки.

Одно, на что у нея достало энергіи—въ первыя же минуты по прочтеніи депеши—написать записку Анемонову и отправить ее съ посыльнымъ.

А теперь она уже сознаетъ, что ея парижскій руководитель будетъ для нея „до ничѐго"; ей пришелъ почему-то на память одинъ изъ полонизмовъ Розы Юліановны.

„До ничѐго" — повторила она про себя нѣсколько разъ. Дрожь не проходила. Ощущеніе мути въ головѣ и тошноты заставило ее сѣсть на диванъ. Весь лобъ былъ уже влажный и въ груди точно остановилось что-то.

„Такъ вотъ я какая"!—мысленно вскричала она и возмутилась.

Надо себя побороть! Она встала, подошла къ шкафчику, гдѣ у нея стояли разные пузырьки, и достала капли *Строфáнтуса* противъ припадковъ сердцебіенія. Она знала, что вслѣдъ за ощущеніемъ пустоты можетъ начаться волненіе.

Руки ея еще вздрагивали, когда она считала капли. Больше трехъ—не слѣдуетъ... Кажется, она обочлась. Начинать сызнова не хочется...

Горьковатый вкусъ лекарства освѣжилъ ее. Дрожь прохóдитъ. Но ей продолжаетъ быть стыдно за себя. Голова должна же вступить въ свои права.

Развѣ она не ожидала того, чтò глядитъ на нее—во всѣ глаза съ бланка депеши? И чтò она предпринимала, чтобы отвести ударъ? Она ждала его, правда—пассивно, но все-таки ждала. Вѣдь въ сущности ничего „рокового" не произошло?

Эти вопросы дали ей сознаніе того, что она стоитъ еще на какой-то почвѣ, а не виситъ въ воздухѣ. И никто не подмѣнилъ ей ея личности: она—все та же Евгенія Андреевна Студенцова, ей все также двадцать-пять лѣтъ; она все съ тѣмъ же умомъ и характеромъ; не стала ни бездарнѣе, ни порочнѣе, ни злѣе; никто не отниметъ у нея никакихъ силъ и способностей.

„Въ чемъ же дѣло"?—спросила она себя, беззвучно поводя губами.

Въ самой заурядной вещи. Надо начинать жить на собственный страхъ и рискъ—больше ничего.

„На собственный страхъ и рискъ"—значитъ: дѣлаться наймиткой, печататься на послѣдніе гроши—да и то чужіе—въ газетахъ, бѣгать съ ранняго утра по городу, ища „какой бы то ни было" работы въ редакціяхъ, или у книжниковъ Щукина, издающихъ дешевые переводные романы, предлагать себя въ конторщицы или гувернантки.

Она знаетъ четыре языка и даже говоритъ съ парижскимъ акцентомъ; ей цѣна — особенно въ отъѣздъ — можетъ быть не малая... Рублей на шестьсотъ въ годъ, съ полнымъ содержаніемъ.

Но самое слово „гувернантка" обдаетъ ее струей чего-то почти физически тошнаго. Это хуже ссылки... хотя бы такой, гдѣ изнывалъ Разсудинъ—тамъ, въ якутской юртѣ.

Хуже! Во сто разъ хуже! Васъ зàживо похоронятъ въ вѣчныхъ снѣгахъ; но вы—господинъ своего „я", вы никому не служите, не продаете своихъ душевныхъ силъ на ежечасную возню съ какой-нибудь тупоумной дѣвчонкой въ купеческой или дворянской семьѣ. Ея мать еще порядочно обращалась съ гувернантками. Но развѣ ей не было всегда до боли обидно за то,

какъ „мамзель“ вообще поставлена въ домѣ? Отмалчивайся, улыбайся или становись наперсницей барыни, если у той есть любовникъ и она желаетъ имѣть въ домѣ сообщницу. И будь рада, когда тебѣ сдѣлаетъ предложеніе учитель, докторъ, а то такъ и становой приставъ или приказчикъ. Мужъ—кто бы онъ ни былъ—какъ зенитъ упованій!

— Ха, ха, ха! — разсмѣялась она и сейчасъ же вспомнила всю сцену съ Разсудинымъ, его глухія рыданія и какъ онъ безпомощно качалъ головой, точно отъ адской зубной боли.

Вотъ она страсть—беззавѣтная, и въ человѣкѣ, способномъ отдать всего себя, поить и кормить ее, пока перо не выпадетъ изъ его рукъ, пойти за ней всюду, хоть опять туда, въ Сибирь, даже еслибъ она сдѣлала уголовное преступленіе. Этотъ не оттолкнетъ ее... Этотъ проститъ даже и невѣрность, если честно открыть ему глаза на свое „паденіе“.

Стоитъ написать ему письмо сегодня, немножко притвориться, пустить двѣ-три ноты... Да и притворяться не надо. Она его цѣнитъ и понимаетъ. Стоитъ сказать ему:

„Разсудинъ! У меня нѣтъ къ вамъ страстнаго чувства... Но я буду вамъ вѣрнымъ другомъ“.

Вѣдь она бы нисколько не лгала, говоря ему эти слова.

„Но мотивъ такого оборота? Разореніе... кусокъ хлѣба, даровое содержаніе... законный супругъ“?

— Честнѣе быть просто содержанкой!—шопотомъ выговорила она, и опять что-то надсадное начало щемить ее.

XXXII.

Актерское лицо Анемонова выступало бѣлесоватымъ пятномъ изъ полусумрака петербургскаго дня. Его подзавитые на лбу и ушахъ волосы немного растрепались. Рѣсницы онъ опустилъ и пухлая рука ощупывала бантъ пестраго галстуха.

Такой мимикой сказывалась его огорченность. Онъ—когда прочелъ депешу—былъ захваченъ, взялъ Студенцову за обѣ руки и въ первый разъ поцѣловалъ въ лобъ, желая показать, что она для него какъ сестра.

Но это ее не тронуло. Отъ него не пахнуло тепломъ. И не ждала она отъ него никакой серьезной поддержки. Ей стало почти непріятно, что она такъ стремительно призвала его. Она знала еще вчера, что Анемоновъ уѣзжаетъ на дняхъ—и опять за границу до іюня. Предложить ей ѣхать съ собою — онъ

не можетъ. На какія средства? Да если бы у него они и были — она не согласилась бы.

Объ этомъ онъ и не упомянулъ.

Другую руку онъ приложилъ ко лбу и сидѣлъ такъ нѣсколько секундъ молча.

— Однако, Женни, надо же дѣйствовать,—заговорилъ онъ.— Нельзя разсчитывать на то, что все „образуется". Это толстовское изреченіе хорошо только въ русскихъ пухлыхъ разговорахъ по душѣ, но въ жизни—никуда не годится.

Студенцова сидѣла на краю дивана у стола, положивъ голову на скрещенныя руки, и глядѣла въ сторону окна, не унылымъ, а скорѣе разсѣяннымъ взглядомъ.

Разговоръ уже казался ей совершенно безполезнымъ.

Анемоновъ подсѣлъ къ ней ближе и дотронулся до ея руки.

— Неужели, Женни, вы серьезно боитесь... умереть съ голоду? Quelle idée! Здѣсь, въ такой странѣ, въ такомъ обществѣ? Но этого быть не можетъ!.. Женщина съ вашими рессурсами...

— Какими?

— Ахъ, Богъ мой! Всякими. Только надо быть послѣдовательной. Вы головой поднялись выше прописной морали, а ведете себя точно русская дѣва, помѣшанная на безвкусной чистотѣ и непорочности...

— Что̀ это?—остановила она, поднимая голову, и поглядѣла затуманенными глазами.—Намекъ на князя, что-ли?

— А развѣ не правда, что вы повели себя съ нимъ смѣшно? Съ какой стати было отталкивать его? Оттого, что онъ прямо сказалъ вамъ:—„на женитьбу меня теперь не поддѣнутъ"!!..

— Я и не собиралась!..

— Но вы могли позволить ему—бывать у васъ съ нѣкоторой надеждой... Почемъ же вы знали впередъ, что онъ, какъ мужчина, даже какъ типъ, comme un slave du dernier bateau, не началъ бы интересовать васъ? Онъ—очень quelqu'un.

— Все это прекрасно, но я за нимъ посылать не буду теперь, потому только, что я разорена.

— Эхъ!..

Анемоновъ щелкнулъ языкомъ.

— Однако, согласитесь,—продолжалъ онъ потише:—согласитесь, что нравься онъ вамъ... enfin... un coup de désir!.. вы это допускаете?

— Допускаю!

— Вы бы не посмотрѣли на то, что онъ гусаръ и милліон-

щикъ... а отдались бы ему. Можетъ быть, стали бы княгиней, а можетъ быть и...

— Содержанкой?—подсказала Студенцова.

— Ахъ, другъ мой!.. Оставьте вы всѣ эти грубыя слова, играющія роль пугала для дѣтей. На упорную работу вы врядъ ли способны... Здоровье слабое...

— Я это знаю и безъ васъ, Анемоновъ.

— Не извольте брыкаться! Дѣлаться наемщицей, гувернанткой, телеграфисткой... que sais-je?.. Это для васъ... хуже...

— Ссылки и даже каторги!

Онъ повторялъ только то, что она сама себѣ говорила до его прихода.

— Ergo?.. Чтò же остается? — спросилъ онъ и поднялъ палецъ.

— Мои рессурсы?

— Да, сцена или перо... Я почти увѣренъ, что и то, и другое, дадутъ вамъ имя. Но для этого нужно время. Надо имѣть базисъ... т.-е. средства... хоть на одинъ годъ.

Но зачѣмъ онъ ей говоритъ все это? Вѣдь ему извѣстно, какъ ей несносно было бы въ кожѣ „профессіональной" женщины.

Актрисой легче добиться положенія, чѣмъ писательницей. Но она не желаетъ ничего „добиваться"—только чтобы просуществовать. Онъ, небось, сочувственно поддакивалъ ей, когда лѣтомъ, тамъ, на штрандѣ, она говорила ему, что не хочетъ никакого „дѣла"? Вѣдь это было profession de foi его ученицы! Только и стòитъ жить, что для высшихъ „трепетаній" души, для созерцанія, а не для черной работы.

— Анемоновъ,—строже окликнула она его и совсѣмъ подняла голову.—А чтò проповѣдуетъ вашъ апостолъ?

— Какой?

Онъ сдвинулъ брови.

— А божественный Оскаръ? „Le divin Oscar", какъ вы, бывало, въ Парижѣ называли его?

— Многое...

— И все, чтò онъ сказалъ, для васъ—перлы?.. вѣдь такъ?

— Положимъ... но куда вы хотите придти?

— А вы забыли одинъ изъ его афоризмовъ... или парадоксовъ, какъ хотите. Я не помню наизусть, но смыслъ такой: человѣкъ только тогда и живетъ высшей жизнью, когда онъ ничего не добивается. Дѣйствовать, напрягать силы—значитъ быть глупцомъ, который не подозрѣваетъ, что и все человѣчество тогда

только дѣлало шаги впередъ, когда оно само не знало, куда идетъ... Такъ или нѣтъ?

— Положимъ... но, другъ мой...

— Что же *но*? Стыдитесь! Будьте послѣдовательны. Вашей ученицѣ вы должны поставить пять съ плюсомъ, а вы ей даете совѣты... мольеровскаго Жеронта—употребляя вашу любимую кличку.

И она тихо засмѣялась, глядя на него все еще затуманенными глазами.

Анемоновъ быстро всталъ.

— Тогда зачѣмъ было призывать меня?—спросилъ онъ менѣе мягко.

— Я и сама о томъ же спрашиваю. Женская дрянность! Какъ только заболѣлъ високъ—сейчасъ доктора, хотя прекрасно знаешь, что это—припадокъ неизлечимой мигрени.

— Однако, Женни...

Онъ опять присѣлъ къ ней.

— Вамъ меня жаль? Вижу. Вы—болѣе романтикъ, чѣмъ я думала... И чтобы вамъ было легче, я отвѣчу вамъ въ двухъ словахъ на ваши комбинаціи: прожить годъ, какъ я привыкла, да еще учиться или портить писчую бумагу, надо, по крайней мѣрѣ, три тысячи. У васъ ихъ нѣтъ. У вашего князя я занимать не буду. Больше не къ кому обратиться... Да и не стоитъ, Анемоновъ, не стоитъ огородъ городить. Простите за неизящную прибаутку.

XXXIII.

Они и не слыхали, что кто-то тихо постучалъ изъ корридора.

— А! Милый! Какъ ты подкрался!

Анемоновъ первый увидалъ Шпандина. Тотъ остановился въ дверяхъ и сдѣлалъ хозяйкѣ подъ козырекъ, хотя былъ безъ шапки.

— Евгенія Андреевна позволитъ войти?—спросилъ онъ полушутливо.—Или здѣсь происходитъ какая-нибудь конференція, и я долженъ удалиться?

Студенцовой сейчасъ же показалось, что между ними обоими былъ уговоръ, и Анемоновъ назначилъ Шпандину придти немножко позднѣе... Можетъ быть, и разсказалъ ему про ея разореніе.

Онъ всегда деликатенъ; но къ „эфебу“ у него какое-то особое влеченіе.

Это ее почти возмутило. Она взглянула на Анемонова такъ, что тотъ понялъ.

— Parole! Il ne sait rien de rien!—успѣлъ онъ шепнуть ей.—Позвольте же ему войти.

— Вѣтровъ, здравствуй!

Они обнялись, и это ее покоробило: она вообще плохо выносила привычку русскихъ мужчинъ обниматься и цѣловаться.

— Позволите ручку?

Шпандинъ низко кланялся ей, съ пристукиваніемъ шпорами. Во взглядѣ его карихъ дерзкихъ глазъ она успѣла подмѣтить вопросъ: почему она, всегда такъ корректно одѣтая, сегодня въ небрежномъ домашнемъ туалетѣ?

Анемоновъ что-то сообразилъ. Визитъ Шпандина не могъ быть „ни съ того, ни съ сего". Подъ нимъ что-нибудь кроется. И, конечно, къ прямой выгодѣ его пріятельницы.

— Конференція наша кончена,—умышленно вѣжливо отозвался Анемоновъ.—И я удаляюсь.

Подойдя къ ней, онъ протянулъ ей обѣ руки и вполголоса сказалъ:

— Завтра я приду... прощаться. Но я не уѣду, прежде чѣмъ...

Онъ досказалъ остальное глазами.

„Уговоръ" между ними обоими сдѣлался для нея еще яснѣе.

— Изъ-за меня не стоитъ откладывать отъѣзда,—сказала она утомленнымъ голосомъ и суше, чѣмъ, быть можетъ, сама желала того.

Шпандинъ отворилъ Анемонову дверь, и они о чемъ-то перекинулись нѣсколькими словами.

Это ее еще больше раздражило.

— Послушайте,—встрѣтила она гостя:—если вы пріѣхали ко мнѣ не сами по себѣ, а въ качествѣ посла и посредника, я попросила бы...

— Оставить васъ въ покоѣ?—досказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ; но глаза его уже не блестѣли вызывающе, и лицо стало сейчасъ же серьезно.—Меня никто не посылалъ сюда, Евгенія Андреевна, честное вамъ слово... честнаго фейерверкера!..

— Оставьте эти прибаутки, Шпандинъ!..

— Да что же мнѣ дѣлать, если я фейерверкеръ—и притомъ орудійный!..

Онъ не договорилъ и протянулъ руку.

— Вы правы...—зубоскалить тутъ нечего. Виноватъ, и больше не провинюсь. Честное слово!

— Такъ васъ никто не посылалъ? — выговорила она, не глядя на него, упавшимъ, вялымъ голосомъ.

Онъ не могъ не замѣтить этого.

— Да вы нездоровы, Евгенія Андреевна. Простите... и гоните меня...

— Нѣтъ, я здорова.

— Или какое-нибудь нравственное разстройство?

И въ голосѣ его заслышались другія ноты.

Кто его знаетъ! Быть можетъ, этотъ позитивный „борецъ“ желаетъ въ самомъ дѣлѣ быть ей на что-нибудь годнымъ. Влюбленности тутъ, конечно, нѣтъ... И не будетъ онъ, какъ Шемадуровъ, просить ее насчетъ Ариши Полкановой... У нихъ, навѣрное, флёртъ—и настоящій, американскій.

— Евгенія Андреевна! Вы на меня глядите судейскимъ окомъ... Но право же я ни въ чемъ не виноватъ.

Онъ сложилъ руки жестомъ мольбы.

— Пришелъ я сюда... безъ всякаго порученія отъ кого бы то ни было,—искренно выговорилъ онъ, глядя на нее пристально и опять скорѣе смущенными, чѣмъ дерзкими глазами.

— И что̀ же вамъ угодно, Шпандинъ?

— Зачѣмъ такъ? Не обдавайте меня холодной водой... И прежде всего выслушайте. Мнѣ, Евгенія Андреевна, очень ужъ его жаль...

— Кого?

— Вы знаете сами, кого... Дашева! Помилуйте... Онъ просто захирѣлъ. Вдобавокъ схватилъ инфлюэнцу. Она бросилась сначала на горло, потомъ на сердце.

— Онъ серьезно боленъ?—спросила она менѣе сухо.

— Былъ дня два... между жизнью и смертью—я вамъ докладываю не для того, чтобы разжалобить васъ. Онъ уже встаетъ. Но это—совсѣмъ другой человѣкъ. Точно кто мнѣ его подмѣнилъ... Полная апатія. Служба, лошади, рекруты, школа... все, что̀ его наполняло, не существуетъ.

— Поправится, пройдетъ!

— Врядъ ли. Знаете, я, какъ вамъ извѣстно, сантиментальностью не зашибаюсь. Позволяю женщинамъ считать меня бездушнымъ. Но, право, меня за сердце хватаетъ. Это настоящее навожденіе. Une vraie obsession!—какъ сказалъ бы нашъ пріятель Вѣтровъ.

— Пройдетъ!

— Нѣтъ!..

Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за обѣ руки и одну поцѣловалъ.

— Вылечить его я не могу, Шпандинъ.

— А то кто же, какъ не вы? Можетъ, онъ и остынетъ къ вамъ. Это будетъ отъ васъ зависѣть. Только позвольте ему придти сюда. Будь это другая особа... Что-жъ! Я скажу прямо: для нея это было бы рисковано... Какъ угодно! Такихъ, какъ Дашевъ, на панели не найдешь. Но вы—у васъ вѣдь мозговыя полушарія всегда дѣйствуютъ,—онъ ударилъ себя по лбу:—вамъ за себя нечего бояться. А что вы его титуломъ и милліонами не прельщаетесь, такъ вы ему это давно изволили показать... Послушайте... я не хочу быть нескромнымъ, но и лгать не желаю. Я теперь самый близкій къ нему человѣкъ... И я все знаю.

— Что̀ такое?—спросила она, сдвинувъ брови.

— А то, что̀ между вами было говорено. Онъ, разумѣется, не могъ не выпалить своего пунктика насчетъ законнаго брака. Такъ это вѣдь пунктикъ. У нихъ въ семействѣ всѣ съ какой-нибудь idée fixe. Но онъ не маньякъ. Да и обманула его жена слишкомъ уже нагло. Такъ что же изъ этого? Знаю, что вы мнѣ скажете: „я къ нему ничего не чувствую“. Положимъ. Но вѣдь и отвращенія онъ въ васъ не вызываетъ... Съ какой же стати? И гораздо лучше, что онъ сразу вамъ излился...

— Такъ говорятъ только съ женщинами... извѣстнаго сорта.

— Полноте! Это была бестактность, но не цинизмъ. Онъ достаточно наказанъ. Я вижу, что онъ любитъ въ первый разъ... что̀ называется: любитъ! И я прошу васъ, Евгенія Андреевна,— вотъ на колѣни стану—протяните ему руку... Скажите, что вы не гнѣваетесь на него.

— Съ какой стати!.. Встаньте, Шпандинъ... Безъ шутовства!.. Вы попадаете въ минуту, когда для меня мужчины еще менѣе существуютъ.

Онъ поднялся и покраснѣлъ. Глаза злобно блеснули.

— Слушаю-съ. Такъ и запишемъ.

— Вы лучше помогите мнѣ выдать Аришу за Шемадурова. А она собралась за другого. Или вамъ эта комбинація неудобна для будущей роли друга дома?

— Я не сватъ. Кто ей удобнѣе, того и выберетъ.

Щелкнувъ шпорами, онъ отошелъ къ двери.

— Значитъ, я не солоно хлебавши ухожу,—сказалъ онъ солдатскимъ говоромъ.—Ахъ, и забылъ... спросить васъ: вашъ народникъ... этотъ, какъ бишь, его... Разсудинъ? Правда, что его выпроваживаютъ изъ Петербурга... въ мѣста не столь отдаленныя?

Студенцова почти испуганно вскричала:

— Быть не можетъ!

— Все бываетъ!.. Имѣю честь кланяться.

И онъ быстро исчезъ.

XXXIV.

Токаревъ шелъ внизъ по Невскому совсѣмъ разстроенный. Повстрѣчался онъ, около Доминика, съ однимъ петербургскимъ старичкомъ, извѣстнымъ въ писательскихъ кружкахъ еще съ шестидесятыхъ годовъ.

Онъ до сихъ поръ не твердъ въ его фамиліи, но знаетъ, что его зовутъ: „Степанъ Пантелеичъ".

Этотъ Степанъ Пантелеичъ гдѣ-то служитъ; кажется, онъ въ чинахъ, но видъ имѣетъ самый не-генеральскій. Бывало, столкнется онъ съ нимъ въ театрѣ или концертѣ—тотъ сейчасъ же отведетъ его въ уголокъ и шопотомъ заговоритъ:

— Тургеневъ написалъ новую повѣсть... Хорошая вещь, большая вещь...

И такъ онъ обойдетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ.

И вотъ этотъ Степанъ Пантелеичъ, приписавшій себя къ литературѣ, остановилъ его и спросилъ на ухо:

— Слышали?

— Чтò такое?

— Разсудина... автора „Впотьмахъ"—высылаютъ... въ Колу!..

Токаревъ ничего ему не отвѣтилъ и даже не сказалъ, что живетъ съ этимъ Разсудинымъ въ одной квартирѣ.

Старичокъ и не дожидался отвѣта, и затрусилъ, поглядывая направо и налѣво, по троттуару, кому бы онъ могъ сообщить свѣжую новость.

Еще сегодня утромъ Токаревъ видѣлъ на минуту Анохину, въ передней. Братъ ея, кажется, еще спалъ. Но она только поздоровалась съ нимъ, и на ея лицѣ онъ не замѣтилъ никакой особенной тревоги.

Этотъ чудаковатый чиновникъ могъ сообщить ему и вздорную новость. А чтò, если правда?

Его даже ударило въ потъ. И чѣмъ ближе онъ подходилъ къ своей улицѣ Песковъ, тѣмъ ему дѣлалось жутче.

Это можетъ случиться, и весьма! Разсудинъ увлекся на томъ вечерѣ, когда молодежь заставила его говорить, въ комнатѣ участниковъ. Надежда Ѳедоровна не имѣла, однако, никакихъ

опасеній. Она даже радовалась, что братъ ея сталъ бодрѣе и веселѣе, какъ разъ съ того вечера. Она менѣе боялась и любовной тоски.

Почти съ замираніемъ сердца поднялся Токаревъ по лѣстницѣ и тихонько отперъ дверь своимъ ключомъ.

Въ переднюю никто не вышелъ. Но Анохина была навѣрное дома: ея шубка висѣла тутъ же.

Онъ сначала прошелъ къ себѣ и присѣлъ къ письменному столу. Безъ надобности онъ сталъ прибирать книги.

„Говорить или нѣтъ“?—спрашивалъ онъ себя мысленно, чувствуя, что въ пальцахъ у него легкая дрожь.

Надежда Ѳедоровна навѣрное услыхала его шаги. Протянулось пять минутъ. Еслибъ она знала—она прибѣжала бы непремѣнно. Съ ея натурой и страстной любовью къ брату невозможно ей выдержать...

Но она не шла. Обыкновенно она объ эту пору предлагала ему чаю и сама приходила спросить: угодно или нѣтъ?

„Нѣтъ, не скажу“,—рѣшилъ онъ, поднимаясь съ кресла.

Можетъ, курьезный старичокъ съ Невскаго и выдумалъ, а для нея это будетъ страшный ударъ.

И все-таки онъ не усидѣлъ у себя и, тихонько ступая, перешелъ передней и заглянулъ въ столовую.

Столъ еще не былъ накрытъ. Въ полуотворенную дверь онъ увидалъ сѣдѣющую голову Надежды Ѳедоровны. Она сидѣла наклонившись надъ работой, и правая ея рука поднималась ритмично—съ иглой и ниткой.

Сердце у него опять ощутимо сжалось. Такъ ему стало жаль ее. Ее больше даже, чѣмъ самого Разсудина. Столько было въ ея немного согнутой фигурѣ и головѣ чего-то глубоко симпатичнаго и на этотъ разъ кротко успокоеннаго.

И вдругъ онъ нанесетъ ей ударъ такимъ извѣстіемъ.

Она услыхала его шаги, быстро обернулась и сейчасъ же сняла очки, которые надѣвала только для работы иглой.

— А! Нилъ Петровичъ! Вамъ не чайку ли, съ холода? А я заработалась и совсѣмъ не замѣтила, что уже третій часъ! И дѣвочку услала... Никто мнѣ не напомнилъ.

Лицо ея было сегодня особенно ясное. И брови лежали спокойно, и глаза не мигали, и не замѣчалось въ нихъ влаги отъ душевнаго волненія. Даже щеки какъ будто пополнѣли и порозовѣли.

„Она ничего не знаетъ“,—увѣренно подумалъ онъ.—Но ему не стало отъ этого легче... и всплылъ другой вопросъ: хорошо ли

оставлять ее въ невѣдѣніи? Не лучше ли сейчасъ же начать дѣйствовать, прежде чѣмъ Разсудина куда-нибудь потребуютъ?

Онъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Чаю я не хочу, Надежда Өедоровна, благодарю васъ. А Павелъ Өедоровичъ еще не бывалъ?

— Раньше обѣда врядъ ли вернется,—отвѣтила она совсѣмъ спокойно.—Кажется, онъ отправился завтракать къ одному пріятелю, за рѣку, на Карповку. У того дачка, онъ тамъ и зимой живетъ. И хозяйство маленькое... Это Пашу освѣжитъ. Да и вообще онъ теперь ни-че-го,—протянула она съ тихой усмѣшкой.—Присядьте, Нилъ Петровичъ, хоть на минутку. Очень ужъ я заработалась. Даже въ глаза вступило. Старость не радость!

Токаревъ не могъ никакъ найти перваго слова для осторожной фразы. Какъ бы ловко онъ ни выразился, сестра все-таки встревожится. И это такъ его смущало, что онъ рѣшительно не находилъ, съ чего бы ему начать разговоръ..

Какъ будто она стала это чувствовать.

— Нилъ Петровичъ,—заговорила она послѣ паузы, поднявъ на него глаза:—я замѣчаю, вы маленько тяготитесь петербургскимъ сезономъ... какъ господа газетчики привыкли выражаться. Поди, тянетъ туда, на югъ, на Средиземное море?

— Не очень.

— Ой-ли? Да и что̀ тутъ было бы мудренаго? Вотъ какъ вамъ скажу: будь моя воля—я бы взяла моего Пашу, посадила въ вагонъ, да и увезла бы его опять... въ губернію.

— Что̀ вы?

— А то какже? Здѣсь онъ свалится. Не нынче-завтра. Положимъ, онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, какъ къ нему относится молодежь. Но вѣдь это не можетъ наполнять его денно и нощно. А эта публицистика съ ея руготней... И конца края не предвидится. Климатъ дрянной... Жизнь безобразная... Ложится въ три, встаетъ въ двѣнадцать. Въ вѣчномъ раздраженіи. А поселиться бы въ порядочномъ городкѣ, гдѣ-нибудь около Москвы... Статьи свои онъ и тамъ можетъ писать. Но не было бы такого пекла!

На языкѣ Токарева вертѣлся вопросъ:

— „А еслибъ онъ очутился тамъ не по доброй волѣ“?

Но слова никакъ не могли соскочить съ его губъ.

— Вы, пожалуй, и правы,—вымолвилъ онъ наконецъ, облегченный тѣмъ, что фраза его вышла настолько кстати.

Въ передней позвонили.

— Это Паша! И навѣрно... встревоженъ.

— Вы узнаете даже по звонку?

— Еще бы!

Она поднялась. Но дверь отперла, должно быть, кухарка.

Разсудинъ показался въ столовой. Дверь въ нее изъ комнаты Анохиной стояла раскрытой.

Одного взгляда довольно было для сестры, чтобы прочесть что-то на лицѣ брата.

— Паша!—окликнула она еще довольно спокойно.—У меня Нилъ Петровичъ.

Когда Разсудинъ пожималъ руку Токареву, тотъ тотчасъ же почувствовалъ вздрагиванье.

— Какъ вы?—спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Чтожъ я!—возбужденно отозвался Разсудинъ, и глаза его блеснули.—Надя! Кажется, намъ съ тобой предстоитъ переселеніе обратно въ землю халдейскую изъ земли ханаанской!..

И онъ глухо разсмѣялся.

XXXV.

Все такъ же тихо было въ квартирѣ, а минуло уже два дня, какъ стряслась бѣда надъ Разсудинымъ. Онъ самъ, какъ будто, безучастно относился къ возможности своей высылки. Физически онъ былъ бодръ, и даже ночи его проходили довольно спокойно.

Но въ Надежду Өедоровну вошелъ весь зарядъ душевнаго подъема, и, безъ слезъ, безъ жалобъ, она стала дѣйствовать. Съ утра пропадала она, опаздывала къ обѣду и опять скрывалась до поздней ночи.

Ни разу она не сказала брату:

— Поѣзжай, узнавай, проси... защищайся!

И Токаревъ понималъ такое поведеніе. Она не хотѣла, чтобы ея Паша самъ шелъ „на все это". Она—другое дѣло. Если она не съумѣетъ отстоять его, то никто не сможетъ; ни у кого нѣтъ ея любви къ брату, никто не въ состояніи такъ говорить за него, какъ она.

Токаревъ въ первый же день вызвался помочь ей „чѣмъ только можетъ". Но сейчасъ ему стало и горько, и стыдно. Какую дѣйствительную поддержку онъ окажетъ ей въ хлопотахъ за Павла Өедоровича?

Никогда еще не сознавалъ онъ такъ своей безпомощности,— не Нила Петровича Токарева, пожилого русскаго дворянина, а *писателя*. Сколько лѣтъ изучалъ онъ общество вотъ этой боль-

шой столицы и отражалъ его жизнь въ повѣстяхъ и романахъ, но самъ онъ—мелкая сошка, меньше того—совершенное ничтожество; у него нѣтъ никакихъ вліятельныхъ связей, онъ незнакомъ ни съ кѣмъ, кто бы могъ замолвить вѣское слово за Разсудина и отстранить отъ него новую бѣду.

А явись онъ къ кому-нибудь изъ тѣхъ, кого надо просить, просто какъ довольно извѣстный писатель—развѣ это званіе дастъ ему хоть малѣйшіе шансы на успѣхъ? „Литераторъ"!... „Важное кушанье"!... „Est-ce que ça compte"? И всю-то пишущую братію только выносятъ, какъ необходимое зло. Если ты газетчикъ и продаешь свой товаръ, въ десяткахъ тысячъ нумеровъ, да выказываешь должный „решпектъ" передъ тѣмъ, чтò *мы* представляемъ собою—тогда мы можемъ тебя отличить, пока ты ведешь себя въ такомъ именно духѣ. Но беллетристъ, сочиняющій побасенки?!.. Намъ онъ не нуженъ. Долженъ считать себя счастливымъ, что мы его „игнорируемъ". А чуть чтò—мы ему покажемъ: какая онъ „фря". Чтò намъ за дѣло до того, что вся Европа склонилась передъ талантомъ какихъ-то тамъ русскихъ писателей? Довольно и того, что мы терпѣли небывалые проводы какого-нибудь романиста на кладбище. „C'est inouï! C'est scandaleux"! И возстань онъ изъ гроба, напиши онъ горячее письмо, прося принять участіе въ своемъ собратѣ Разсудинѣ—мы его примемъ въ оффиціальные часы и съ улыбочкой сфинкса процѣдимъ:

— Чѣмъ можемъ служить?

Да и то оттого, что его ужъ очень уважаетъ Европа, и какой-нибудь корреспондентъ иностранной газеты „изобразитъ" насъ, если мы его оборвемъ.—Такъ думалось Токареву.

Съ Разсудинымъ онъ принимался говорить, но тотъ отмалчивается. Разъ сказалъ ему только:

— Будь чтò будетъ! Мнѣ не привыкать стать!

Обвинять себя въ неосторожности, что занесся въ обращеніи своемъ къ молодежи—онъ видимо не желаетъ. Было бы совсѣмъ неумѣстно и даже жестоко пенять ему въ лицо за такое неблагоразуміе.

Въ другой разъ онъ выговорилъ безъ особенной горечи и безъ задора:

— „Еже писахъ—писахъ"!

Сегодня Надежда Θедоровна опять цѣлый день не была дома. Братъ ея заперся у себя въ комнатѣ.

Токаревъ вернулся изъ ресторана, гдѣ иногда обѣдалъ. Шелъ восьмой часъ. Его сильно потянуло къ Разсудину. Ничего онъ не

могъ разузнать—дѣйствительно ли разразится бѣда, и куда грозитъ ему подневольное путешествіе.

А вдругъ туда, въ Колу, какъ шепнулъ ему чудаковатый старичокъ, приписавшій себя къ русской литературѣ?..

У него даже захолодѣло въ груди. Теперь, въ зимнюю стужу... съ здоровьемъ Разсудина! И ѣхать надо въ рогожной кибиткѣ, и съ каждымъ днемъ морозъ будетъ все лютѣе и лютѣе.

Чу! кажется, это Надежда Өедоровна. Отворили дверь, безъ звонка. Это должна быть она.

Онъ не выдержалъ и быстро вышелъ въ переднюю. Анохина тихонько снимала свою шубку.

— Надежда Өедоровна! Ради Бога! На одно слово.

— Паша дома?—также шопотомъ спросила она.

— Онъ у себя. Войдите ко мнѣ, на минутку, умоляю васъ.

Она взяла его за обѣ руки и крѣпко-крѣпко пожала.

— Настрадался я!—обронилъ Токаревъ.

— Вѣрю!

Дрожи въ голосѣ онъ не заслышалъ. Она вошла къ нему въ шляпкѣ, повязанная сверху пуховымъ платкомъ. Глаза ея не слезились, а возбужденно блестѣли; она замѣтно похудѣла, и черты лица напряженно вытянулись.

Съ чуть слышнымъ вздохомъ отъ утомленія сѣла она на диванъ. Токаревъ присѣлъ къ ней и опять взялъ ее за обѣ руки.

— Дорогая моя Надежда Өедоровна! Еслибы я только могъ чѣмъ-нибудь облегчить...

— Не стоитъ, Нилъ Петровичъ, не стоитъ! Вы не водитесь съ сильными міра. Зачѣмъ же вамъ принимать въ чужомъ пиру похмелье?..

— Укажите. Я поѣду... куда бы то ни было!.. Но что̀ же дѣйствительно грозитъ Павлу Өедоровичу?

— Мѣста не столь отдаленныя, — выговорила она, силясь усмѣхнуться.

— Неужели?..

Слово „Кола“ остановилось у него на губахъ.

— Навѣрно... на крайній сѣверъ Европейской Россіи!..

Она не договорила и прошлась рукой по лицу, какъ бы желая сдержать наплывъ рыданій.

— Вотъ три дня я мечусь,—продолжала она, сдѣлавъ надъ собою усиліе.—Не стану вамъ разсказывать—куда и къ кому я бросалась. И Пашѣ не буду говорить! Онъ возмутится! Хотя я не унижалась, не подличала, клянусь вамъ!

— Вы-то! Голубушка!—вскричалъ Токаревъ.

— На одного человѣка... была у меня надежда. Добилась я сегодня... принялъ меня.

— Кто это?

— Вы, быть можетъ, встрѣчали. Онъ въ обществѣ все еще слыветъ за либерала... Корсунинъ, Арсеній Иванычъ.

— Что-то слыхалъ...

— Товарищъ Паши по университету. Постарше его года на три... И тотчасъ по окончаніи курса онъ угодилъ въ большое дѣло... Человѣкъ до ста тогда было привлечено. И не одинъ годъ высидѣлъ этотъ Корсунинъ. А теперь онъ на линіи сановника. Слишкомъ скоро забылъ про свои мытарства...

— Неужели грубо оттолкнулъ ваше ходатайство?

— Стыдно ему было—глядѣть мнѣ прямо въ глаза. Вѣдь я хорошо помню его прошедшее. И все молчитъ, только крестъ на шеѣ поправляетъ. Потомъ, немножко измѣнился въ лицѣ и говоритъ мнѣ: „Отвѣчаете ли вы за своего брата, что онъ откажется навсегда—отъ своихъ враждебныхъ идей и чувствъ? Да или нѣтъ“?.. Тутъ меня ударило въ сердце. Чего я не сдѣлала бы, чтобы Паша уцѣлѣлъ! Не только туда, на Бѣлое море, а сейчасъ похороню себя и тамъ, гдѣ онъ почти пять лѣтъ выжилъ. „Нѣтъ,—говорю я ему:—никакихъ такихъ зароковъ за брата своего не могу и не хочу давать, да и онъ вамъ не дастъ, скажите вы ему это прямо, съ глазу на глазъ“!

Лицо Надежды Ѳедоровны точно озарилось. Она подняла голову и приложила руку къ груди милымъ жестомъ.

— Вотъ вы какая!—вырвалось у Токарева.

Вся она въ эту минуту была полна высокой духовной красоты. Онъ невольно припалъ къ ней и обнялъ ее.

— Да, я должна была такъ отвѣтить! Но вѣдь Паша не перенесетъ, не перенесетъ!

И тутъ только рыданія начали душить ее; но она сдержала ихъ.

XXXVI.

— Барышня дома?—спросила Студенцова у лакея, въ квартирѣ Ярославцева, дяди Полкановой.

— Дома-съ.

— А баринъ?

— Они сейчасъ выѣдутъ.

— Я пройду къ барышнѣ.

Но она пріѣхала не къ Аришѣ, а къ ея дядѣ.

Съ нимъ она держалась всегда очень вѣжливо и суховато; но не могла не замѣтить, что онъ съ ней заигрываетъ. Въ его ухмыляющихся глазахъ хорошо сохранившагося чиновника сейчасъ же загорались искорки, когда онъ съ ней начиналъ балагурить, и все норовилъ, взявъ за руку, подержать ее въ своей рукѣ подольше.

Теперь и онъ ей понадобился... Разсудина высылаютъ и, по слухамъ, на дальній сѣверъ. Надо было, если не выручить его совсѣмъ, то облегчить его участь. И красное, маслистое лицо Ярославцева представлялось ей сегодня, только-что она открыла глаза. У него большія связи. Онъ пробирается въ сановники.

Съ Полкановой она еще не говорила—по просьбѣ Шемадурова; да и врядъ ли поѣхала бы сюда только изъ-за этого.

Ариша встрѣтила ее въ мѣховой кофточкѣ и шляпѣ, какъ бы показывая, что она сейчасъ же уходитъ.

На такіе „фасоны" Студенцова не обратила никакого вниманія.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—заговорила она вполголоса, увлекая ее въ уголъ ея комнаты.—Мнѣ необходимо говорить съ твоимъ дядей.

— По какому дѣлу?—спросила Ариша недовѣрчиво.

— Не о тебѣ. Твоя очередь будетъ послѣ.

— Чтò такое? У тебя все энигмы!

Твердыя щеки Ариши слегка дрогнули.

— Сначала проведи меня къ нему и подожди. Я вижу, что ты совсѣмъ одѣта... Ничего! Подожди меня! У меня есть къ тебѣ серьезное порученіе.

— Чтò такое?

Ариша покраснѣла.

— Сначала пойдемъ туда.

Давно ея подруга не видала ее такой энергичной и, продолжая недоумѣвать, слушала ее безъ возраженій.

— Дядя... къ вамъ можно?—окликнула Ариша, остановившись передъ дверью въ кабинетъ. — Женни Студенцова имѣетъ къ вамъ спѣшное дѣло.

Раздались грузные и быстрые шаги и въ двери показался Ярославцевъ, въ вицмундирѣ, со звѣздой. Онъ былъ, какъ всегда, красный, съ возбужденными глазами и осанкой здороваго пожилого дьякона, съ волнистыми прядями сѣдыхъ волосъ и такою же сѣдою бородою.

— Душевно радъ... Евгенія Андреевна... Въ кои-то вѣки!..

— Ѳаддей Богдановичъ, подарите мнѣ четверть часа.

— Хоть полчаса, если угодно. Пожалуйте, пожалуйте.

Въ его глазахъ, такого же цвѣта какъ волосы, Студенцова сейчасъ же замѣтила игру.

— Ты, Irène,—обратилась она къ Полкановой, умышленно не называя ее „Ариша“,—подождешь меня? Да?

— Подожду,—отвѣтила Ариша, заинтригованная тѣмъ, что̀ такое Женни скажетъ ей лично.

Они остались вдвоемъ въ обширномъ кабинетѣ, съ темнозеленой отдѣлкой. Ярославцевъ взялъ Студенцову за кисть руки, у сгиба, своими двумя красными пальцами, съ желтоватымъ пухомъ на утолщенныхъ суставахъ, и подвелъ къ широкому сафьянному дивану у камина.

Безъ малѣйшаго смущенія, не ища словъ, она горячо и вѣско попросила отъ него доказательства того, что онъ способенъ оказать ей большую услугу.

И когда договорила, то замедленно поглядѣла на него.

Ярославцевъ потупился и нѣсколько секундъ все поводилъ губами, выговаривая что-то въ родѣ:

— Тэ-тэ-тэ-тэ!

— Милая моя символистка,—началъ онъ и взялъ ее за обѣ руки, точно желая привлечь къ себѣ:—вы точно бомба изволили разразиться... Скажите,—онъ подмигнулъ ей:—неужели этотъ господинъ Разсудинъ такъ дорогъ вамъ? А? Вы, кажется, далеки отъ россійскаго радикализма, сколько я васъ понимаю?..

И правая его рука пожимала ея руку, упираясь двумя пальцами въ мякоть ладони.

Никогда онъ еще не былъ ей такъ противенъ, какъ теперь. Но и прежде она считала его вульгарнымъ и по уму, и по тону, и ей случалось даже заявлять Аришѣ, что она съ трудомъ вѣритъ, будто Ѳаддей Богдановичъ—изъ „ученыхъ“.

— Такъ, значитъ, большое давленіе производитъ на насъ оный разрывной сочинитель?.. А?

Глаза его еще сильнѣе заиграли.

— Съ Разсудинымъ у меня нѣтъ ничего,—строго выговорила она.—Мы съ нимъ не одного лагеря. Я просто возмущена. Онъ не заслужилъ такой кары... Я была на томъ вечерѣ. Можетъ быть, онъ увлекся въ своемъ обращеніи къ молодежи. Но я знаю, что ни въ чемъ серьезномъ онъ здѣсь не замѣшанъ...

— Та̀къ онъ вамъ, милая барышня, и выложитъ всѣ свои карты!..

— Онъ—олицетворенная прямота!

— Да, полно, не враки ли, что его туда, въ тундры?.. Однако,—Ярославцевъ разсмѣялся:—сначала у Берингова пролива

созерцать сѣверныя сіянія, а потомъ шасть въ отечество отца русской словесности Михаила Ломоносова... Признаюсь! *Кувыркалегія*!

Ей захотѣлось въ эту минуту взять его за сѣдую бороду лопатой, потрясти и бросить ему въ красное лоснящееся лицо: „Какой вы образцовый пошлякъ"!

Но она знала, что онъ не злой и даже слабоватый человѣкъ, которымъ и жена, отчасти и Ариша, вертѣли.

— Ѳаддей Богдановичъ! Я отъ васъ до тѣхъ поръ не отстану, пока вы не схлопочете ему, по крайней мѣрѣ, облегченія.

Ея глаза блеснули на него изъ пушистыхъ рѣсницъ. И блѣдный овалъ ея лица никогда еще не казался ему такимъ привлекательнымъ, и трепетныя красныя губы, и гибкая талія, и абрисъ головы, покрытой живописной шляпкой съ мѣховой оторочкой.

— Чтожъ, барышня моя неугомонная! Никакого клятвеннаго обѣщанія вамъ не даю; но попытаюсь... По крайности... васъ буду чаще видѣть. Теперь, небось, забѣжите... за своего собрата порадѣть.

— Собрата?—повторила она вопросительно.

— А какъ же? Небось изволили забыть свои французскія вирши? Тогда изъ Парижа прислали нашимъ дамамъ. Забористо, очень забористо мнѣ показалось. И риѳмы такія... какъ бишь это ваши тамъ декаденты называютъ... Ну, да все равно!..

Онъ опять взялъ ее за обѣ руки и точно потянулъ къ себѣ. Она не вырывала рукъ и въ головѣ ея выскочилъ вопросъ: „А если этотъ сатиръ тебя чмокнетъ? Чтò ты сдѣлаешь"? Пощечины во всякомъ случаѣ она не дастъ.

Студенцова встала.

— Вамъ нужно ѣхать. Гоните меня. Но знайте, Ѳаддей Богдановичъ, что я жду. Ничего отъ васъ не будетъ — послѣ завтра я здѣсь—и вторгаюсь въ вашъ кабинетъ.

— Вторгайтесь, барышня. Мы только объ этомъ и мечтаемъ.

Онъ „чмокнулъ" ее, но только въ обѣ руки и проводилъ до комнаты Ариши, и въ его пожатіи былъ опять пріемъ двухъ пальцевъ, нажимающихъ мягкое мѣсто ладони.

Полканова ждала ее, не снимая шляпы, и отвела въ спальню —у нея были двѣ комнаты.

— Смотри, Ариша, я тебѣ поручаю нѣсколько разъ на дню спрашивать дядю,—чтò сдѣлано для Женни?

— И только? Какое же дѣло у тебя собственно до меня? Что за глупая мистификація!

— Сватать тебя явилась.

Ей стало вдругъ весело. Чтò если „сатиръ“ найдетъ ходы? Говорить серьезно съ Аришей она не могла и въ шутливомъ тонѣ стала передавать ей порученіе Шемадурова.

XXXVII.

„Мнѣ все равно—выгонять, такъ выгонять“!

Такъ повторяла Студенцова, по дорогѣ на Пески; она взяла извозчика, чтобы поскорѣе быть тамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она рѣшила не принимать никакихъ мѣръ для снисканія „насущнаго хлѣба“, ее наполняетъ чувство отрѣшенія отъ себя, что-то совсѣмъ новое. Та Женни, которую развивалъ въ Парижѣ Анемоновъ, куда-то внезапно ушла. И ей такъ отрадно „кончать съ собою“ въ такомъ неожиданномъ для нея настроеніи.

Вотъ она спѣшитъ на Пески, въ квартиру, гдѣ ее могутъ не принять, или гдѣ она выслушаетъ отъ Надежды Өедоровны еще нѣсколько горькихъ истинъ.

Но чтò изъ этого?

Если она застанетъ Токарева, она и ему не скажетъ, что добилась, черезъ Ярославцева, смягченія ссылки Разсудина. На родину Ломоносова онъ ни въ какомъ случаѣ не попадетъ. Дядя Ариши завѣрялъ ее въ этомъ не дальше какъ вчера.

Она и вчера хотѣла летѣть на Пески, и потому только не поѣхала, что не ручалась за себя: отъ возбужденія могла проговориться. А она не желаетъ выставлять себя благодѣтельницей.

Разсудину она дала только страданіе—хоть и не виновата въ этомъ. И теперь она такъ неожиданно счастлива тѣмъ, что ей привелось облегчить его участь. И встрѣться она съ нимъ—она будетъ строго слѣдить за собою. Ни одного звука и жеста, способнаго ввести его въ обманъ. Никогда онъ не былъ ей ближе. Но это—чувство сестры, товарища, а не любовь. Лгать себѣ она не хочетъ, да и не можетъ. Особенно въ ея положеніи. Точно она подстроила махинацію, чтобы Разсудинъ, въ порывѣ благодарности, во второй разъ упалъ передъ ней и сталъ умолять сдѣлаться его женой.

— Какъ ты ползешь!—крикнула она извозчику, когда они подъѣзжали къ Греческой церкви.

Духомъ вбѣжала она во второй этажъ и, дернувъ за звонокъ, взялась за грудь: такъ у ней ёкнуло сердце.

Отворила ей горничная.

— Нилъ Петровичъ?—спросила она вполголоса.

— У себя... Какъ объ васъ доложить?

Она дала свою карточку и дожидалась въ дверяхъ, какъ бы не рѣшаясь войти въ переднюю.

Токаревъ самъ вышелъ изъ своего кабинета.

— Пожалуйте.. Евгенія Андреевна... какъ я радъ!

Онъ ее, безъ словъ, понялъ, и ему такъ хотѣлось не ошибиться.

— Спасибо,—говорилъ онъ, сажая ее на диванъ.—Вы—вѣрный другъ. Можетъ быть... что-нибудь и больше дружескаго чувства...

— Нѣтъ, Нилъ Петровичъ,—остановила она:—больше ничего *тутъ* нѣтъ!—и она указала рукой—гдѣ.—Но мнѣ было бы горько... теперь, когда жизнь разводитъ насъ... быть можетъ навсегда, не проститься съ нимъ достойно насъ обоихъ. Гдѣ онъ?—спросила она шопотомъ.

— Кажется... у себя. Онъ почти не выходитъ изъ своей комнаты.

— Боленъ?

— Нѣтъ. И даже не особенно подавленъ. Его уже обязали подпиской о невыѣздѣ... На будущей недѣлѣ все должно рѣшиться. Надежда Ѳедоровна цѣлые дни ѣздитъ, всюду кидается, проситъ. Ея нѣтъ теперь дома.

— И какіе же результаты?—спросила Студенцова и нарочно опустила глаза, чтобы ихъ выраженіе не выдало ее.

— До сихъ поръ отрицательные результаты. Она, при своей пылкости, не можетъ быть ловкой предстательницей за брата въ такихъ сферахъ. Но, что это за душа!—вырвалось у него съ жестомъ руки.—Даже ни одной слезы, ни одного лишняго вздоха! Что же! Куда бы ни сослали Павла Ѳедоровича, его нельзя считать несчастнымъ при такомъ ангелѣ-хранителѣ.

Въ другое время слова и тонъ Токарева показались бы ей старческой сантиментальностью, но тутъ они ее тронули.

Она протянула ему руку.

— А вы? Останетесь одни?

Токаревъ потупился.

— Для меня... это очень большая потеря... И я врядъ ли пойду на такое лишеніе.

Прежняя Студенцова засмѣялась бы и сказала:

„Чтожъ! Вы еще интересный мужчина! Анохина сдѣлаетъ прекрасную партію“.

Теперь у нея на губахъ были слова:

„Поѣзжайте съ ними“!

А она сама почему не ѣдетъ? Кто мѣшаетъ ей примкнуть къ этому „скиту“ хорошихъ людей, самыхъ лучшихъ, какихъ она знала въ Петербургѣ, и тамъ—въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ—начать совсѣмъ новую жизнь?

Отвѣта въ ней самой не было. Съ собою скоро всѣ счеты будутъ у нея подведены. Вездѣ она осталась бы та же. Никакая добровольная ссылка не возродитъ ее.

— Развѣ я не могла бы видѣть его?—спросила она также тихо.

— Не знаю... что̀ вамъ на это сказать, другъ мой.

— Безъ разрѣшенія Надежды Ѳедоровны?

Она улыбнулась ему глазами.

— А что жъ!.. Она знаетъ. Ее надо слушать.

Дверь быстро растворилась изъ передней. Анохина влетѣла въ шубкѣ и съ головой, повязанной платкомъ. Она подбѣжала къ Токареву и, какъ бы не замѣчая гостьи, обняла его.

— Радость! Радость!—задыхаясь, повторяла она. — Паша!.. Паша!.. Не сошлютъ туда!

Дальше она не могла говорить и опустилась на кресло, все еще держа Токарева за руку.

— Павла Ѳедоровича оставятъ въ покоѣ?—порывисто спросила Студенцова.

Тутъ только Анохина узнала гостью.

Радостное лицо Студенцовой сразу обезоружило ее.

— Евгенія Андреевна... такъ сокрушается, — проговорилъ Токаревъ.

— Спасибо, спасибо вамъ.

Анохина пожала руку Студенцовой съ влажными глазами.

— Его оставляютъ?—спросилъ Токаревъ, и голосъ его дрогнулъ.

— Нѣтъ... въ Петербургѣ онъ не можетъ жить... и въ Москвѣ также, но въ провинціи, гдѣ-нибудь выше Москвы.

Студенцова все это уже знала. Но не узнаютъ о ея хлопотахъ ни они, ни Разсудинъ.

— Все-таки высылка!—обронилъ Токаревъ.

— Голубчикъ! Нилъ Петровичъ! Но развѣ такъ не лучше? Я страшилась высылки на крайній сѣверъ. А теперь... не пропадемъ! Паша воспрянетъ, уѣдетъ отъ здѣшнихъ гадостей... И право, еслибъ не...

Она не досказала и отвернула голову, чтобы не выдать себя.

— Евгеніи Андреевнѣ,—началъ Токаревъ вполголоса,—было бы тяжело не проститься съ Павломъ Ѳедоровичемъ...

Анохина, проведя платкомъ по лицу, повернула его къ Студенцовой и протянула ей руку.

— Не осуждайте меня! Прошу васъ отъ всего сердца и всего моего разумѣнія... И я васъ теперь не осуждаю. Простите за то, какъ я васъ намедни приняла... Тогда сильно клокотало во мнѣ. Но вѣрьте мнѣ... оставьте его, не бередите его души. Дайте срокъ. Когда рана совсѣмъ заживетъ... я первая скажу ему—какъ вы отнеслись къ нашей бѣдѣ.

Глаза ея договорили остальное. Студенцова прочла въ нихъ: „вѣдь ты не пойдешь съ нами, не раздѣлишь судьбу горюна-ссыльнаго, не отдашь ему всю себя"?

Студенцова подавила вздохъ и сидѣла съ опущенной головой.

— Вы правы, — чуть слышно вымолвила она.—Но передъ отъѣздомъ вспомните обо мнѣ, прошу васъ.

Скажи она: кто добился облегченія кары,—Анохина не устояла бы и повела бы ее къ брату. Но ни однимъ звукомъ она себя не выдала.

XXXVIII.

Безпрестанно мѣнялось освѣщеніе — то выглянетъ солнце и освѣтитъ уголъ хмураго номера, то скроется.

Сеансъ шелъ уже добрый часъ.

Противъ Студенцовой, черезъ столъ, сидѣлъ средняго роста блондинъ, съ лицомъ русскаго мужичка, лѣтъ за тридцать, нѣсколько рябоватый, въ сѣрой блузѣ, подпоясанной кушакомъ.

Съ художникомъ Вотяковымъ она часто встрѣчалась въ Парижѣ. И тогда еще онъ все просилъ ее „посидѣть", предлагая—даромъ—сдѣлать ея портретъ пастелью.

Больше года не видала она его и столкнулась на дняхъ, въ корридорѣ своего гарни: онъ поднимался къ знакомому.

И Вотяковъ опять возобновилъ свою просьбу. Это показалось ей „забавнымъ", именно теперь, когда она „подводила свои итоги" и собиралась „въ очень далекій путь".

Художникъ нашелъ въ ея лицѣ совсѣмъ новые „мазки" и все повторялъ: какъ ему лестно будетъ схватить ея экспрессію.

На ея глазахъ въ Парижѣ—онъ тогда вернулся изъ поѣздки въ Италію и Испанію — произошла большая перемѣна въ его симпатіяхъ и вкусахъ. До того онъ былъ настоящій „русачокъ", съ проповѣдью „идейной" живописи на „животрепещущіе" вопросы и неумѣлыми протестами противъ „итальянщины". Но чувство красоты проснулось въ немъ, и онъ, не отрекаясь отъ

русскаго „нутра“, сталъ цѣнить западное искусство съ пыломъ неофита.

И въ Англіи онъ побывалъ, сходился съ тамошними „прерафаэлитами“ ставилъ высоко Бёрнъ-Джонса и Россѐтти, пересталъ „фыркать“ на Пювисъ-де-Шавàнна, и, бывало, они по цѣлымъ часамъ толковали съ ней о томъ—куда идетъ и должно идти искусство...

Вотяковъ отложилъ свои цвѣтные карандаши и закурилъ папиросу.

— Сдѣлаемъ передышку, Евгенія Андреевна! Авось солнышко еще выглянетъ. Одинъ бликъ былъ богатый, минутъ десять назадъ: всю половину лица освѣтилъ и контуръ глазной впадины. И столько у васъ теперь линій новыхъ — просто объяденье!

— Вы хотите сказать—морщинъ? — поправила она, улыбнувшись.

— Нѣтъ-съ, не морщинъ, а линій!.. И прозрачность кожи стала изумительна! Точно внутри у васъ тамъ лампочка. Право, задумай я картину изъ жизни какой-нибудь знаменитой праведницы... вы бы отъ меня не отбоярились, голубушка моя!

Голосъ былъ у него грудной, крестьянскій, слегка вздрагивающій. И когда онъ говорилъ, то кудри на лбу у него встряхивало.

— Какъ я радъ, Евгенія Андреевна, что мы вмѣстѣ проведемъ зиму въ Питерѣ... Аль вы сбираетесь опять... *дагинъ, дагинъ*?! — выговорилъ онъ съ неисправимо-русскимъ произношеніемъ.

— Куда я собираюсь?..—повторила она и опустила голову. —Вы скоро узнàете, Михаилъ Кузьмичъ.

— Чтò это вы какъ таинственно? Ужлй въ Абиссинію? Благо на нее мода...

Въ эту минуту ей вспомнился, почему-то, тотъ русскій художникъ, который писалъ, за границей, портретъ съ Анны Карениной. Только та еще не знала—когда сидѣла на сеансѣ—чѣмъ покончить,—а она знаетъ.

— Не впадайте вы въ мерехлюдію! Вы—такая умница по части искусства. И столько здѣсь найдете новаго и вамъ прямо по душѣ. Даже, поди, и не ожидаете!

— Чтò же такое?

— Вотъ я здѣсь уже около года. И первымъ дѣломъ съ молодежью сталъ возиться, завелъ и учебную мастерскую, хоть я и не профессоръ, и никакого касательства къ академіи не имѣю.

Но безъ такихъ порядковъ, какіе въ Парижѣ, дѣло не можетъ идти. Если у тебя есть кое-какой талантикъ, и видѣлъ не мало, и мысли водятся въ головѣ — ты обязанъ, безъ всякихъ претензій, открыть школу, руководить молодыми силами, по-просту, какъ, въ средневѣковье, мастера брали учениковъ! Не мудрить съ ними, не умничать, а только будить силы, помогать исканію настоящаго пути... Такъ ли, голубчикъ мой?

— Такъ, — отозвалась Студенцова, чувствуя, что внутренно она уже не отзывается, по-прежнему, на то, что̀ онъ ей говоритъ.

— Штука это теперь мудреная. Это не прежніе безсловесные ученики! Глядишь, одинъ въ Парижѣ уже работалъ, другой въ Мюнхенѣ, и въ Лондонѣ побывалъ... И скандинавовъ знаетъ, и гишпанцевъ .. И на все уже свой взглядъ. Не только мужчины, и дѣвушки также...

— Будто?—веселѣе спросила Студенцова.

— И какъ еще! Отъ прежняго гражданскаго направленія, какимъ мы, грѣшные, зашибались—слѣда не осталось!

— Не можетъ быть!

— Пожалуйте ко мнѣ вечеркомъ... Я ихъ соберу. Чайку попьемъ... Вы съумѣете вызва̀ть ихъ на разговоръ. Да они и сами за словомъ въ карманъ не полѣзутъ. Мою собственную, такъ сказать, эстетическую эволюцію вы, голубчикъ, знаете. Былъ въ иконоборцахъ насчетъ итальянщины и прочаго. Теперь узрѣлъ. Но все-таки нахожу, что юнцовъ надо умѣрять въ ихъ страстныхъ поискахъ: уловить моментъ, схватить небывалую краску, выдумать что-нибудь сверхъестественное. Иной мѣсяцами ломаетъ голову — какъ бы ему зарисовать на оранжево-огненномъ фонѣ голую женщину съ фіолетово-зеленоватыми тонами и съ отблескомъ еще чего-то справа и снизу... Ха, ха!

Она силилась засмѣяться, но у нея не вышло.

— Стало быть, прежняя... такъ-называемая честная живопись съ направленіемъ уже и здѣсь сдана въ архивъ?

— Издѣваются надъ этимъ, животики надрываютъ, когда очутятся передъ одной изъ прежнихъ прославленныхъ картинъ, навѣянныхъ тогдашней злобой дня!

— Животики надрываютъ?—повторила Студенцова.

— Вы сами увидите! Теперь самыми способными и чуткими овладѣлъ культъ красоты и такой формы, въ которой сквозили бы ихъ порывы куда-то, вплоть до мистическихъ высотъ! Да съ! *Эскюзе-дю пе̇!*—выговорилъ онъ, съ тѣмъ же акцентомъ русскаго простеца.—Повторяю вамъ, Евгеніи Андреевнѣ Студенцовой, ка-

кою я ее знаю—будетъ въ высшей степени интересно во все это войти. И это сдѣлалось такъ, само собою, безъ всякаго толчка сверху... Въ воздухѣ это виситъ, въ воздухѣ!

Онъ бросилъ окурокъ папиросы и принялся опять за работу.

—Поднимите-ка, голубчикъ, рѣсницы... Туда смотрите, въ этомъ направленіи у васъ бликъ хорошій выходитъ, въ зрачкахъ.

Какъ бы она оживилась, еслибъ еще мѣсяцъ, два назадъ, узнала такіе факты про русскую артистическую молодежь! Новый культъ красоты! Порывы въ надчувственный міръ, путемъ творческихъ образовъ, линій и красокъ! Она бы сейчасъ же пустилась на поиски такихъ „юнцовъ" и просиживала бы съ ними до пѣтуховъ въ безконечныхъ разговорахъ.

А теперь—все это отскакиваетъ отъ нея. Прежняя Студенцова умѣла жить „высокими аппетитами души" только на полной волѣ, какъ тѣ эллины, на которыхъ работали рабы.

Ея рабы — тамъ, въ сибирской тайгѣ — разбрелись. Очень можетъ быть, что имъ не доплатили за цѣлый мѣсяцъ, а то и больше. Они и ее честятъ, какъ мошенницу, если знаютъ о ея существованіи.

— Михаилъ Кузьмичъ! — она глядѣла на него вдумчиво:— на минутку! Простите, что измѣнила позу. Но вотъ что̀ вы мнѣ скажите—сколько вамъ надо еще сеансовъ?

— А вы нѣшто улетучиваетесь?

— Мнѣ нужно это знать.

— Да разика два еще подарите мнѣ...

— Хорошо. Стало быть, до будущей недѣли? И портретъ этотъ—какъ бы онъ у васъ ни вышелъ—вы выставлять не будете?

— Да я его вамъ приподнесу.

— Спасибо... но это не сто̀итъ. Оставьте для себя и вашихъ учениковъ... А теперь я буду сидѣть какъ статуя.

Скажи она еще слово—она бы не совладала съ собою.

XXXIX.

Художникъ давно ушелъ. Давно внесли лампу, пустившую сейчасъ же струю запаха дешеваго керосина.

Запахъ этотъ наводилъ на нее всегда унылое настроеніе, а теперь нервы ея ничего что-то ей не докладывали. Какъ-то все въ ней застыло.

Съ того дня, какъ она перебралась сюда, прошло около трехъ недѣль. Остается до мѣсячнаго срока платежа за комнату съ

чѣмъ-то десять дней. Она стала въ умѣ считать дни, называя ихъ. То, что̀ ей слѣдуетъ сдѣлать „передъ концомъ", она уже записала въ памятную книжку. Все это такъ несложно: хозяинъ комнатъ, Ариша, письма... кому? Неужели Разсудину? Да, ему, чтобы сказать просто, что она не переставала быть поклонницей его „настоящаго" дарованія. Разумѣется, никакихъ жалобныхъ словъ, никакой рисовки она себѣ не позволитъ.

— Токареву? Можетъ быть, онъ завернетъ къ ней проститься. Врядъ ли онъ останется здѣсь, безъ своихъ друзей.

И она, улыбаясь, подумала о томъ, съ какимъ удовольствіемъ начала бы сватать Токарева и Анохину. Они должны къ этому придти. Онъ еще не древній старецъ, хотя его и давно называютъ въ печати „нашъ маститый беллетристъ"; а у Надежды Ѳедоровны бываетъ иногда интересное лицо. Красота въ ней— чисто духовная, и Токаревъ преклоняется передъ нею.

Потомъ она присѣла къ письменному столику, выдвинула средній ящикъ и достала конвертъ, гдѣ у нея хранились ея „капиталы". Изъ занятыхъ у Ариши трехсотъ рублей были израсходованы только сто двадцать. Остальные пригодятся для неизбѣжныхъ „ненужностей" одной неизбѣжной церемоніи...

Въ умѣ она перебрала все, что̀ у нея значится въ ея туалетѣ, въ кое-какихъ „Juvelen"—она любила это смѣшно звучащее нѣмецкое слово—книгахъ, верхнемъ платьѣ, собственныхъ вещицахъ на письменномъ столикѣ и этажеркѣ. Это сто̀итъ гораздо больше трехсотъ рублей. Если Аришѣ не захочется самой „пачкаться" съ продажей—ей уладитъ все Шпандинъ,

Явись онъ сюда опять, какъ „messager de l'amour" — она обойдется съ нимъ мягко и позволитъ ему говорить въ какомъ угодно тонѣ. Какіе же могутъ у нея быть теперь счеты — съ кѣмъ бы то ни было? И она ручается за то, что ни звукомъ, ни жестомъ не выдастъ себя. Такъ она простилась и съ Анемоновымъ, уѣхавшимъ третьяго дня.

Никакихъ счетовъ ни съ кѣмъ! Какъ это славно! Ни къ людямъ, ни къ жизни, не предъявлять никакихъ „претензій"—вродѣ векселей къ уплатѣ.

Ей самой не́чѣмъ будетъ платить, когда ее потребуютъ оттуда, изъ-за Урала, къ отвѣту. И окажется, что она—„несостоятельная" должница. Ей пришли на память дѣловые термины: „неосторожный", „злостный". Кто знаетъ! Пожалуй и ее могутъ признать „злостнымъ банкротомъ".

И тогда всѣ ея знакомые будутъ имѣть „полное" объясненіе того—почему она такъ обошлась съ собою: не хотѣла пережить

срама быть несостоятельной должницей. Какое благородство души! Вотъ и женщина, а не пожелала носить такого клейма, хоть и явилась жертвой недобросовѣстности своего родственника.

Она тихо разсмѣялась. Чтожъ! И пускай! Иначе всѣ сочли бы ее шалой декаденткой, тѣмъ болѣе, что никакого „открытаго письма" она не оставитъ для пропечатанія въ рубрикѣ „происшествій".

Одиннадцать дней осталось до срока квартиры. Чего же ей торопиться? У нея все припасено, что ей нужно. И цѣлую недѣлю она проживетъ въ полной ясности души и въ сознаніи своей безусловной воли надъ бытіемъ.

Никто не отниметъ у нея этого высшаго блага, безъ котораго господа пессимисты были бы архи-правы въ своихъ избитыхъ обличеніяхъ земной юдоли...

Она взяла со столика книгу въ цвѣтной обложкѣ и присѣла къ лампѣ. Книгу эту она вывезла изъ Италіи. Прочла она ее однимъ залпомъ, еще тамъ, и въ Россіи заглядывала въ нее. Теперь она ее „штудируетъ" главу за главой, точно она „изъ этого" собирается сдавать экзаменъ.

Бумажная закладка, какія прикладываютъ иногда къ англійскимъ романамъ изданій Таухница, показала ей—гдѣ она вчера остановилась.

Читать по-итальянски ей всегда пріятно, и она начала мысленно выговаривать слова. Такъ только она и усвоиваетъ хорошо всякій текстъ. Въ Парижѣ одинъ молодой студентъ медицинской школы давно объяснилъ ей, что она—„une auditive", по своему мозговому складу.

Страницу за страницей вбирала она въ себя не лихорадочно, а съ полнымъ самообладаніемъ, какъ усвоиваютъ что-нибудь уже хорошо пройденное...

Въ дверь постучались одинъ разъ, и она, поглощенная чтеніемъ, не слыхала. Стукъ повторился. Тутъ только она подняла голову и громко крикнула:

— Войдите!

Ей помѣшали; но кто бы ни вошелъ—она способна каждаго принять привѣтливо.

Никакихъ счетовъ и ни съ кѣмъ у нея нѣтъ!

Входилъ Токаревъ осторожно, оглядывая комнату.

Студенцова быстро поднялась и подбѣжала къ нему.

— У меня было нѣчто въ родѣ предчувствія, Нилъ Петровичъ, что вы придете со мной проститься!..

— Проститься!—переспросилъ онъ.—Вы развѣ уѣзжаете?

— А вы останетесь здѣсь?

Она придержала его руку въ своей.

— Не думаю,—задушевно отвѣтилъ онъ ей.

— Садитесь... милый Нилъ Петровичъ... Хотите чаю?

— Сейчасъ пилъ. Я особенно радъ, что засталъ васъ... Вы, кажется, не на шутку собрались куда-то?

Взглядъ свой онъ задержалъ на ея лицѣ и фигурѣ. Что-то было въ ней „особенное"—и таинственное, и живописное. Щеки блѣдныя, съ прозрачностью кожи, глаза углубились и въ нихъ—матовый блескъ, дѣлающій ихъ темнѣе. Цвѣтъ губъ придавалъ рту особую обаятельность. Широкія пряди волосъ захватили оваль лица больше обыкновеннаго—точно оно изъ-за нихъ выглядываетъ. Платье, покроемъ похожее на дѣтскую блузу, даетъ чувствовать худощавую гибкость ея стана.

— Такъ вы никуда не собрались? — спросилъ онъ съ удареніемъ и подался впередъ. — Знаете, Евгенія Андреевна, въ меня закралось неясное, но упорное сомнѣніе. Нѣкоторыя ваши слова, скорѣе тонъ ихъ — смутили меня. Вы что-то скрываете, какъ будто въ вашей жизни вышло что-нибудь... и вотъ теперь, на дняхъ. Я не имѣю особыхъ правъ на вашу искренность, но я прошу васъ считать меня въ числѣ вашихъ друзей.

Онъ протянулъ руку, она пожала.

— Произошло дѣйствительно... и самая простая вещь... Но, право, не стоитъ копаться въ моей психіи... pardon за педантское слово. Лучше скажите, какъ у васъ тамъ?

— Черезъ недѣлю Разсудинъ долженъ выѣхать отсюда. Ему прямо назначили городъ.

— Гдѣ?—тревожно окликнула она.

— За Волгой... медвѣжій уголъ.

— Вынесетъ ли онъ?

— Въ кибиткѣ, отъ станціи желѣзной дороги всего двѣсти верстъ.

Лицо Студенцовой затуманилось.

— Евгенія Андреевна...—Токаревъ сталъ говорить тише:—у меня есть и другое подозрѣніе...

— Все насчетъ меня?

— Да... Почему-то мнѣ вдругъ стало ясно, послѣ вашего посѣщенія, что облегченія его участи... добился не кто иной, какъ вы... Развѣ это не такъ?

— Не знаю.

Она отвернула голову.

— Вы, вы!.. Теперь я въ этомъ увѣренъ! Это... очень хо-

рошо... Скажу по вашему: *очень красиво.* Вѣдь для васъ красота выше добра. Но что же это доказываетъ? Это — не месть въ видѣ великодушнаго порыва... Кто знаетъ, быть можетъ, вы сами не сознаете...

— Что я его люблю?

— Кто знаетъ,—повторилъ Токаревъ мечтательно.

— *Я* это знаю, Нилъ Петровичъ. Нѣтъ, подругой его я не въ состояніи быть. Я — сама по себѣ. Да и вообще, мнѣ нѣтъ мѣста въ томъ воздухѣ, гдѣ дышутъ братъ и сестра... и всѣ тѣ, кто соглашается на тяжкое подвижничество... русскихъ хорошихъ людей...

— Нѣтъ мѣста?

Онъ поднялъ голову.

— Это намекъ, Евгенія Андреевна? — тревожнѣе спросилъ онъ и всталъ.—И намекъ... слишкомъ прозрачный.

Сдѣлавъ шага три къ окну, онъ вернулся къ столу, гдѣ подъ лампой лежала итальянская книга. Заглавіе, напечатанное жирнымъ шрифтомъ на обложкѣ, привлекло его.

XL.

— „Suicidio"?—прочелъ онъ вопросительно.—И это—ваша настольная книга?

— Въ послѣднее время—да!—твердо выговорила Студенцова.

— Послушайте, другъ мой!—онъ присѣлъ къ ней на диванъ и взялъ за обѣ руки.—Неужели это что-нибудь больше, чѣмъ простое... любопытство или любознательность?

Она молчала и глядѣла на разводы пыльнаго ковра, лежавшаго передъ диваномъ.

— Неужели?..

Голосъ его оборвался. Онъ не выпускалъ ея рукъ.

— Зачѣмъ допытываться, Нилъ Петровичъ? Книга ново и умно трактуетъ этотъ... вѣчный вопросъ. Самый великій, какой есть у человѣка!.. Вѣдь такъ? Сліяніе съ міровымъ нѣчто! Потеря своего я! И почему это такъ страшно—перейти въ ничто или въ надзвѣздныя эѳирныя сферы? Вы читали статьи одного англійскаго критика... онъ, кажется, теперь уже покойный... Мэтью Арнольдъ?

— И что же?

— Въ одномъ этюдѣ онъ говоритъ на эту тэму мило и

смѣло... особенно для англичанина; для чистокровнаго идеалиста, профессора поэзіи, и гдѣ—въ правовѣрномъ Оксфордѣ!—по поводу какого-то несчастья на желѣзной дорогѣ, или самоубійства—не помню ужъ... Чтò за великая драгоцѣнность — существованіе какого-нибудь мѝстера Фѝлипсъ или мѝссисъ Эвансъ?

— Драгоцѣнность!—выговорилъ Токаревъ взволнованно.—Высшее благо и высшій символъ всемірнаго бытія!

— Положимъ. Но когда? Когда живется! Когда стòитъ жить—не больше.

Въ глазахъ его она схватила вопросъ.

— Ха, ха!—тихо разсмѣялась она.—Вы, навѣрно, думаете, что мнѣ нанесенъ сердечный ударъ? — Разбита жизнь, и разумѣется такъ, какъ полагается женщинѣ? Любовный крахъ?.. Или извѣрилась въ любовь?.. Больше вѣдь не полагается намъ, женщинамъ. Да и то господа умники не одобряютъ „le grand plongeon"? Это—видите ли—доказательство вырожденія...

— Не говорите... въ такомъ тонѣ! — остановилъ онъ ее, и Студенцова почувствовала, что ему тяжело ее слушать.

— Не буду! Простите. Но вѣдь вы—романистъ. Вы должны все понимать и ничего не пугаться. Особенно въ русскомъ обществѣ. Помилуйте — у насъ поканчиваютъ съ собою, такъ, Богъ знаетъ за что, или изъ-за пустѣйшаго мотива! И кто? Подростки, гимназисты, чуть не младенцы. Съ каждымъ днемъ все чаще. Давно ли я здѣсь живу; а я уже знаю троихъ отцовъ, у которыхъ два сына и одна дочь застрѣлились. И до сихъ поръ никто не знаетъ—почему...

— Это правда, —Токаревъ глубоко вздохнулъ и потупился.

И ему припомнилось тутъ же, какъ онъ, не такъ давно, попалъ, въ Москвѣ, на вечеринку къ одному молодому беллетристу.

Тамъ были три его пріятельницы. Ужинъ прошелъ шумно; много спорили, читали стихи, не мало и пили. Женщины не отставали отъ мужчинъ. Всѣ три поразили его своимъ душевнымъ складомъ. Ненасытная жажда всякихъ радостей и наслажденій, законныхъ и незаконныхъ, и никакихъ запросовъ и идеаловъ, полное пренебреженіе къ „цѣнѣ" жизни. Ни за одну изъ нихъ онъ не поручился бы, что она не покончитъ съ собою... такъ... отъ тщеты своего существованія.

— Представьте себѣ, Нилъ Петровичъ... — заговорила Студенцова, глядя на него ласково и пытливо своими глубокими темными глазами:—представьте себѣ, что я дѣйствительно задумала бы уйти туда—она провела рукой—вотъ съ книгой „Suici-

dio“ въ видѣ напутствія... Развѣ бы это было такъ ужасно? Потери ни для кого—никакой!..

— А для себя?

— Стало быть—и для себя не было бы потери! Прибаутку о томъ, что каждый, кто не хочетъ жить — сумасшедшій, надо сдать въ архивъ, дорогой Нилъ Петровичъ. Вы вѣдь знаете, что я—упадочница, декадентка...

— Оставимъ это!

— Для меня въ жизни есть цѣна до тѣхъ поръ, пока можно отдаваться высшимъ духовнымъ радостямъ, вибрировать въ униссонъ со всѣмъ, что̀ есть самаго цѣннаго и тонкаго въ творчествѣ человѣка... Только изъ-за этого и стоитъ жить!.. Это бездушно — на вашъ взглядъ—вѣдь вы человѣкъ шестидесятыхъ годовъ; но это такъ. До тѣхъ поръ, пока я могу быть свободно воспринимающимъ существомъ—сто̀итъ жить. Нельзя—прощайте! Не поминайте лихомъ!

— И это серьезно?

— Вполнѣ. Вотъ вы произнесли слово „серьезно“... Я его ненавижу! Какую серьезность имѣетъ не то что ужъ *мое* я, а жизнь всей нашей планеты съ высоты судебъ всего... всего? — повторила она и широко развела руками. — Не пессимистка говоритъ во мнѣ. Для меня зло и добро могутъ быть одинаково прекрасны, если прошли черезъ духъ человѣка. Вы видите, я—великая идеалистка... Но только на свой образецъ. А серьезнымъ я ничто человѣческое не считаю... вотъ такъ, какъ принято повторять у насъ. И ни на что я такъ долго не сердилась, какъ на знаменитую фразу въ концѣ Тургеневскаго разсказа „Фаустъ“. Жизнь—не шутка, жизнь—серьезное дѣло... Цитирую на память и конечно перевираю. Не восторгаюсь я и его „Довольно“. Это—брюзжанье. Но въ немъ есть культъ красоты, признаніе того, что все пройдетъ, а Венера Милосская останется. У Тургенева, кажется, стоитъ другая—медицейская? Напрасно! Я бы поставила: „милосская“...

Токаревъ слушалъ и ему все еще сдавалось, что это красивая игра, что врядъ ли подъ этимъ—безповоротные итоги. Это его немного облегчило.

— Все это прекрасно, — отозвался онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою.—Но тогда позвольте васъ спросить объ одномъ, Евгенія Андреевна. Вы—защитница новыхъ стремленій къ идеалу... Ваши учителя и сотоварищи носятся съ своими полетами въ надчувственную область. Для нихъ мистики, въ родѣ Франциска Ассизскаго—высокій образецъ совершенства. Боттичелли—ихъ богъ!

Одинъ изъ ихъ поэтовъ жилъ грязнымъ циникомъ, но онъ выдавалъ себя за вѣрующаго католика. Что же это? Поза, модный мундиръ? А если нѣтъ, то какъ же можете вы, даже и при слабомъ проблескѣ религіознаго чувства и пониманія всего существующаго, такъ распоряжаться собственной жизнью? Это — вопіющее противорѣчіе! Это—абсурдъ!

Щеки его разгорѣлись, и онъ глядѣлъ на нее пристально, сложивъ руки на груди.

— Можетъ быть, и противорѣчіе. Что же изъ этого?—не задорно, а глухимъ, грустнымъ тономъ отозвалась она и сѣла въ уголъ дивана, опустивъ рѣсницы.—Я—не мистикъ. Но еслибъ у меня была и настоящая религіозная натура,—почему же рѣшеніе моего „я“ покончить съ собою есть отрицаніе чего бы то ни было... тамъ гдѣ-то и откуда все идетъ? Я—ограниченное существо. Но я имѣю право искать смысла жизни. Я его по своему нашла. Но мнѣ нельзя, по какимъ бы то ни было причинамъ, предаваться высшимъ душевнымъ наслажденіямъ. Я уступаю мѣсто другимъ, удачницамъ. Если я преступна, божественное милосердіе приведетъ мою безсмертную душу къ чему-нибудь болѣе просвѣтленному. Даже положительныя религіи этому учатъ. Первый—католицизмъ. Но все это—вопросы церковные. Есть другая, высшая религія, ее я признаю и была бы счаслива проходить черезъ экстазы того же Франциска Ассизскаго. Но мнѣ это не дано!

— „Нѣтъ! Такъ нельзя рисоваться“!—выговорилъ про себя Токаревъ — и ему не стало почему-то ни страшно за нее, ни жаль ея, какъ „несчастной психопатки“. Ее толкало что-то болѣе сильное, чѣмъ всѣ доводы, которые онъ могъ бы привести ей. А если это—только минутное настроеніе, жизнь пересилитъ.

И онъ сказалъ вслухъ:

— Жизнь, Евгенія Андреевна, можетъ оказаться сильнѣе нашего *я*... какъ бы оно ни...

Слово не сразу ему далось.

— Какъ бы оно ни хорохорилось? Да? Ха, ха!

Она разсмѣялась молодо и дурачливо. И оба разомъ поднялись съ дивана.

— Вотъ что̀ я вамъ скажу, другъ мой... рискуя показаться вамъ какимъ-то Стародумомъ изъ Фонвизинскаго „Недоросля“...

— Все выслушаю отъ васъ.. даже разносъ.

— Ваша великая бѣда—въ томъ, что васъ не могутъ захватить судьбы родной земли. Тамъ, на Западѣ, душа ваша освободилась отъ всякихъ узъ... А здѣсь, въ этой чудно̀й и многострадальной странѣ—жизнь есть всегда крестъ...

— И житіе?—шутливо подсказала она.

— Да, житіе... Но чѣмъ оно бѣднѣе эллинскаго довольства вашихъ руководителей? Это—большой вопросъ. И будь я на вашемъ мѣстѣ—я бы крикнулъ имъ: „вы меня обворовали, вы отняли у меня величайшее благо“...

— Какое?—съ удивленіемъ остановила Студенцова.

— Мужество, Евгенія Андреевна, мужество!

И, помолчавъ, онъ пожалъ ей руку на прощанье.

— Будто мы такъ и не увидимся?—спросилъ онъ вполголоса.

— Кто знаетъ! Скажите вашимъ друзьямъ, что я почти радуюсь за нашего народника!.. Ему надо вонъ отсюда!..

XLI.

Ариша сидѣла передъ ней—румяная отъ холода, съ блескомъ на щекахъ, смягченнымъ вуалеткой, затянутая въ кофточку, съ боа и задорнымъ перомъ, похожимъ формой на ятаганъ.

Отъ нея вѣяло жизнью молодого и крѣпкаго существа, и въ глазахъ свѣтился огонекъ сдержанной чувственности, знающей, что ей будутъ скоро разрѣшены всякія наслажденія, и законныя, и тайныя.

— Такъ ты невѣста?—спросила Студенцова, оглядывая ее, точно какую красивую и модную вещь въ магазинѣ. — И тому умнику отказъ?

— Отказъ,—ласково выговорила Полканова и поправила на шеѣ боа.

— Было объясненіе?

— Я написала ему... просто и мило. Онъ долженъ понять.

— Но вѣдь ты съ нимъ кокетничала?

— Не больше, чѣмъ съ другими.

— Будто поцѣлуевъ не было?

Ариша выпятила губы и мотнула головой.

— Никуда—ни въ шею, ни въ локотокъ?

— Если я говорю тебѣ, что не было!

— Не то, что съ Шпандинымъ, — замѣтила Студенцова, усмѣхнувшись глазами.

На это Ариша ничего не сказала; а только положила ногу на ногу сильнымъ движеніемъ своего плотнаго туловища.

— Да кто же собственно твой женихъ?

— Ты его видѣла... Помнишь, на вечерѣ съ борцами... Онъ сидѣлъ рядомъ со мною.

— Блондинъ? Безцвѣтный такой?

— Ты его не знаешь. Онъ слишкомъ скромно держится. Но онъ на прекрасной дорогѣ... И вышелъ вторымъ изъ лицея. У него—блестящая будущность.

— И этого тебѣ совершенно достаточно?

— Ахъ, какая ты, Женни! Считаешь себя тонкимъ психологомъ... а не хочешь понять, что выбрать мужа—не то, что протанцовать котильонъ... или пофлертировать.

— Понимаю, милая, понимаю. И не осуждаю тебя... Его фамилія... Лукинъ?

— Ильинъ... Не громкая. Но онъ очень хорошаго дворянскаго рода—je vous prie de croire!

— И когда свадьба?

— На Красную Горку. Теперь слишкомъ мало времени осталось до великаго поста.

„Ариша и я,—подумала Студенцова, оглядывая подругу—цѣлая пропасть лежитъ между нами. Два символа..."

„Та—вся плоть, вся во вкусахъ и въ аппетитахъ, та съумѣетъ дать имъ ходъ. Она не уйдетъ изъ жизни, даже еслибъ съ ней и случился крахъ..."

„Неужели я ничтожнѣе Ариши"?—спросила она себя, и ей стало какъ будто обидно.

— Ты молодецъ! Истая дочь конца вѣка.

— Какая есть!—шутливо отозвалась Полканова.

— И ты всегда найдешься... во всякихъ тискахъ... Послушай, Ариша, — продолжала Студенцова въ болѣе искреннемъ тонѣ:—еслибы ты вдругъ изъ mademoiselle Полкановой, барышни съ приданымъ, при богатенькихъ и чиновныхъ родственникахъ, превратилась въ нищую?

— Какъ въ нищую?

— Такъ, очень обыкновенно: одна, въ настоящихъ тискахъ, когда разсуждать уже нечего, а надо хвататься за все, что̀ можетъ дать кусокъ хлѣба?

Полканова, слегка прищурясь, посмотрѣла на нее.

„Какая эта Женни ломака! Что за ненужные разговоры"!—подумала она.

— Въ такомъ положеніи я не могу очутиться

— Но неужели, Irène, ты не въ состояніи ничего вообразить себѣ?

— Понятно—могу.

— И вотъ ты здѣсь, въ Петербургѣ, совсѣмъ одна... Ни

родныхъ, ни связей, ни знакомствъ. Тебя выгоняетъ квартирная хозяйка.

— Я бы нашлась!

— Что же?.. Уроки?.. Работа?..

— А то какъ же?.. Очень просто... Прочла бы въ газетахъ всѣ объявленія и пошла бы наниматься... первое... въ продавщицы, въ магазинъ.

— Но на это есть сотни желающихъ?

— Чтò изъ этого?.. Меня навѣрно бы взяли...

И она такъ повела глазами, что Студенцова проговорила:

— Да, тебя взяли бы...

— Да и вообще меня не очень скоро разжалобишь всѣми такими мизерами... Знаю, что сотни и тысячи всякихъ мамзелей обиваютъ пороги, ища работы... Но что это за народъ? Ни на что неспособны, часто писать грамотно не умѣютъ, неопрятны, рожи, больныя... Кто же ихъ возьметъ? Скажите пожалуйста!

И она повела своими крутыми плечами.

„Да, она посильнѣе тебя",—мысленно промолвила Студенцова, но не почувствовала уже обиды. Ариша и должна быть сильнѣе, потому что она считаетъ жизнь своей драгоцѣнной особы—„священной и неприкосновенной".

И тутъ только она подумала, что ей надо воспользоваться ея приходомъ для дѣлового разговора, если уже не для того, чтобы проститься навсегда.

— Я тебѣ еще не сказала,—начала Студенцова другимъ тономъ:—что меня здѣсь черезъ недѣлю не будетъ.

— Уѣзжаешь... куда?..

— Надолго и очень-очень далеко,—значительно выговорила Студенцова; но Ариша ничего въ ея интонаціи не подмѣтила.

— Въ Сибирь?

— Въ далекую Сибирь.

— А какія оттуда вѣсти?

— Нехорошія... И вотъ я должна тебя предупредить...

На лбу Ариши сейчасъ же легли двѣ тонкихъ полоски.

— Насчетъ чего? — спросила та, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы не показать волненія и остаться „корректной".

— Я твоя должница...

— Ça ne presse pas, Jenny!

— Но я хочу ликвидировать.

— Какое слово... Женни! Что у тебя за манія... все высокимъ слогомъ...

— Тебѣ не нравится слово,—замѣни его другимъ... Нѣтъ,

послушай, Ариша, передъ моимъ отъѣздомъ я оставлю тебѣ все, чтò у меня есть цѣннаго... въ обезпеченіе моего долга.

Щеки Полкановой чуть-чуть дрогнули.

— Съ какой же стати? Я не процентщица... и въ закладъ не беру!..

— Ну, хорошо... Если тебя это коробитъ, я сама постараюсь превратить мою движимость въ наличныя деньги...

— Но, право, я могу ждать.

Это было сказано приличнымъ тономъ; но и только. Потерять триста рублей теперь, когда надо дѣлать приданое—было бы несовсѣмъ пріятно. Ей хочется — какъ разъ—въ эти два мѣсяца до свадьбы попытать счастья на биржѣ — Шпандинъ ей составилъ цѣлый планъ—и стать подъ вѣнецъ съ кругленькимъ капитальцемъ, о которомъ она не скажетъ своему жениху, даже и послѣ вѣнца.

— Хорошо... я такъ и сдѣлаю,—сказала Студенцова, вставая.

Встала и Ариша.

— А теперь—прощай... Можетъ быть, я не успѣю еще разъ проститься съ тобой.

— Ты шутишь, Женни!.. И чтò у тебя все за „Удольфскія Таинства"!

— Какія? Ха, ха!

— Такъ дядя называетъ. Это—старинный романъ Анны Рэдклифъ. Дядя о тебѣ каждый день все справляется. C'est pas gentil de ta part... Ты его о чемъ-то просила. И онъ хлопоталъ. Тоже—какія-то все таинства. Мнѣ онъ ничего не говоритъ. Но онъ обиженъ... А ты глазъ не кажешь.

— Извинись передъ нимъ... Скажи, что несовсѣмъ здорова...

— Да, ты стала совсѣмъ прозрачная... Оттого, что жизнь ведешь самую нездоровую... Все валяешься и читаешь декадентскія книжки. Ха, ха!

Ариша вдругъ повеселѣла. Она теперь была увѣрена, что передъ отъѣздомъ Женни возвратитъ ей „валёры". А гдѣ она возьметъ деньги—это уже „ея дѣло".

— Прощай на всякій случай,—Студенцова удержала ее и обняла.—Тебѣ я не буду желать счастья.

— Почему это? Вотъ мило!

— Потому что ты его навѣрно найдешь... И въ бракѣ... и даже внѣ его.

— Женни!

— Прости... Такъ сорвалось съ языка... Обо мнѣ ты долго не услышишь.

Онѣ два раза поцѣловались, и Ариша тутъ только нѣсколько удивленно поглядѣла на свою подругу; но тревожиться не захотѣла и, кинувъ громкое: „до свиданія!“, красиво кивнула ей головой въ дверяхъ.

XLII.

На столѣ догорала одиноко свѣча. Висячая лампа была потушена. Маленькая столовая смотрѣла сумрачно. Кухарка, захлопотавшись съ укладкой, забыла сегодня протопить, и въ комнатѣ ощущалась почти непріятная свѣжесть.

Завтра будутъ выносить мебель изъ двухъ спаленъ. Столовая и комнаты жильца останутся нетронутыми до конца мѣсяца. И кухарка будетъ жить столько же.

Другъ противъ друга, облокотившись на столъ, сидѣли братъ и сестра. Она уложила вмѣстѣ съ нимъ его книги. Ящикъ, перенесенный изъ комнаты брата, безъ крышки, стоялъ у окна на двухъ стульяхъ. На столѣ лежало еще нѣсколько книгъ, принесенныхъ Анохиной отъ себя.

Кромѣ платья, бѣлья и кое-какой посуды, пойдетъ большой ящикъ съ книгами. Съ ними тяжело было бы разстаться. Багажъ, когда они пріѣдутъ на послѣднюю станцію желѣзной дороги— отправятъ съ подводой.

Все уплачено здѣсь. Жили они „на книжку“ и платили за мѣсяцъ впередъ. Остается пять-шесть дней. Да сейчасъ и нашлись желающіе взять квартиру — на цѣлый годъ и даже по контракту.

— Паша? — спросила Анохина вполголоса.—Не хочешь ли закусить?

Онъ немного утомился; но лицо у него спокойное, взглядъ добрый и въ щекахъ нѣтъ нервныхъ подергиваній. Домашняя блуза дѣлаетъ его фигуру молодой. Воротъ на одну пуговицу разстегнутъ и шея—бѣлая и худая—придаетъ ему также что-то юношеское.

У Надежды Ѳедоровны въ эту минуту такое чувство, будто Паша—не меньшой братъ ея, а сынъ. Материнской любви она не знала; а ее-то природа и создала для нея. Анохину наполняетъ тихая радость. Не разстанется она, до смерти, съ своимъ „дитяткой“, поѣдетъ дѣлить съ нимъ его житье въ заволжскомъ захолустьѣ. Такъ, видно, лучше. „Пропадай пропадомъ“ этотъ Петербургъ, гдѣ въ какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ братъ ея

испыталъ столько горечи, гдѣ единственная свѣтлая минута его писательской жизни сейчасъ же повела за собою расплату.

Но ее тотчасъ же защемило. Хорошо ли, что она точно радуется его высылкѣ?

— Паша! — окликнула она и протянула ему руку черезъ столъ.—Должна я тебѣ покаяться.

— Въ чемъ?—съ усмѣшкой отозвался онъ.

— Ты, пожалуй, скажешь, что я тебя везу въ ссылку, точно въ самомъ дѣлѣ въ какую землю обѣтованную... Не случись этого вечера... все бы вошло въ колею. Почему-нибудь да тоскуете же вы всѣ по этомъ городѣ?!.. Теперь и ты вкусилъ, Паша...

— Чего? Гадостей?

— Но вѣдь не всегда бы это продолжалось. Ты бы успокоился, видя, что за тебя—цѣлая масса молодежи. Партіи вездѣ есть, Паша,—и въ Европѣ. Господа Шемадуровы свое гнутъ; а вы—свое.

— Разумѣется... Но лучше и съ ними бороться издали. Писать я и тамъ могу. А Нилъ Петровичъ предсказываетъ, что во мнѣ и беллетристъ опять воскреснетъ...

Разсудинъ не докончилъ. Когда онъ произнесъ имя Токарева, по лицу сестры проползли нервныя струйки, и она невольно отвела голову.

„Какой я отвратительный себялюбецъ“!—вдругъ подумалъ онъ про себя, и въ нѣсколько секундъ цѣлый рой мыслей и выводовъ слетѣли на него.

Развѣ она—эта добровольная сидѣлка и печальница—не человѣкъ, развѣ у нея нѣтъ никакой своей жизни и не должно быть? Она ѣдетъ съ нимъ въ новую ссылку. А что̀ онъ ей дастъ взамѣнъ? Ея ежесекундная забота о немъ—всего чаще раздражаетъ его. Давно ли онъ такъ бездушно и мелко жаловался на нее Токареву, выставляя себя чуть не мученикомъ ея нестерпимыхъ приставаній? Не оправданіе—то, что онъ былъ тогда разстроенъ. Ея любовь—самая чистая и живая изъ всего того, что̀ онъ видѣлъ гдѣ-либо, кромѣ любви къ идеѣ, въ своихъ сибирскихъ товаркахъ.

Ему стало обидно и больно за себя. И нервное чувство подступило ему къ горлу. Онъ готовъ былъ стать передъ ней на колѣни и повиниться въ своемъ бездушіи.

Кто былъ здѣсь для нея радостью и утѣшеніемъ? Тотъ старый его „собратъ“, милый, чуткій Нилъ Петровичъ, его истинный другъ. Но онъ не можетъ же отправляться съ ними въ

заволжскій медвѣжій уголъ?.. И она потеряетъ его... навсегда... Во имя чего?

— Надя!—вырвалось у Разсудина. — Онъ пододвинулъ къ ней стулъ, сѣлъ сбоку и рукой обнялъ ее за плечи. — Надя!.. Дорогая моя!.. Прости меня...

— За что?—изумленно прошептала она и, какъ маленькаго, приласкала рукой по головѣ.—За что, милый?

— Дрянь я... нервная, себялюбивая... Зачѣмъ ты поѣдешь со мной?

— Чтò ты, чтò ты, Паша?!

Она даже отодвинулась и замахала рукой.

— Это не въ Сибирь... Я устроюсь. Я привыкъ къ одиночеству. Всего трое сутокъ ѣзды... Ты могла бы наѣзжать. Лѣто провести, что-ли... Точно у тебя нѣтъ никакой своей жизни?! Это безобразно!

Онъ началъ, отъ волненія, заикаться.

— Полно, Паша, полно!

— Вѣдь здѣсь у тебя есть другъ, Надя!

Глаза его повернулись въ сторону двери въ переднюю.

— Изъ-за чего же лишать себя? Много ли тебѣ нужно прожить? А чтобы ты себя этимъ не тормошила—всѣ мои порученія будешь исполнять насчетъ статей. Сношенія постоянно будутъ. А? Надя? Право бы!

— Ни за что! — глухо воскликнула Анохина, встала и поцѣловала его въ голову.

Никогда онъ такъ съ ней не говорилъ... И такъ глубоко не понималъ ее. Да, она лишится друга; больше того, Токаревъ давно уже какъ братъ ей. Она боялась даже разбирать свое чувство къ нему. Еще сегодня, проснувшись, она прослезилась, когда подумала, что черезъ два дня Нилъ Петровичъ скроется изъ ея жизни... Письма—плохая замѣна. Да и не умѣютъ русскіе вести долгую дружескую переписку.

Разсудинъ удержалъ ее за руку и, поднявъ голову,—сказалъ вполголоса:

— Ты и этого добилась?

— Чего?

— А вотъ того, что не попаду... въ тундры сѣвера,—хотѣлъ онъ пошутить; но голосъ у него дрогнулъ.

Надежда Ѳедоровна замахала руками.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не я!.. Моя услуга была медвѣжья... Я вѣдь тебѣ не говорила, чтò я отвѣтила за тебя...

— Кому?

— Корсунину.

— Ты была и у него?

— Была.

И она ему передала свои слова.

— Спасибо, Надя!.. Такъ и слѣдовало отвѣтить.

— И не хочу я, Паша, приписывать себѣ того, что совсѣмъ не дѣло рукъ моихъ!

— Такъ чьихъ же?

— Не знаю... Можетъ быть, у нихъ тамъ зàзрила совѣсть... или...

И она поглядѣла на дверь.

— Нилъ Петровичъ?—шопотомъ спросилъ Разсудинъ.

— Такъ онъ тебѣ и скажетъ! Развѣ ты не знаешь—какой онъ человѣкъ!

Въ этомъ возгласѣ столько вылилось, что онъ опять схватилъ ее за руку.

— Надя! Останься здѣсь! Не ѣзди со мною!

— Вотъ глупости какія! — какъ бы сердито крикнула Анохина.—Лучше я тебѣ закусить справлю. Чтожъ, Паша!—она опять сѣла и держала его за обѣ руки:—Мы всѣ тутъ... Врывайся къ намъ какой хочешь алгвазилъ. Удалить насъ могутъ, даже стереть насъ съ лица земли; но душа наша ихъ вѣдѣнію не подлежитъ!

— Ха, ха!—дѣтски разсмѣялся Разсудинъ.—Послѣ-завтра гайдà! Надо и по-татарски учиться. Тамъ край инородческій... И въ самомъ дѣлѣ я проголодался. Чтò бы ты Нила Петровича пригласила?..

И Разсудинъ бодро прошелся по комнатѣ.

XLIII.

Токаревъ подошелъ къ шкафу, какъ бы затѣмъ, чтобы достать съ полки какую-то книгу.

Онъ глубоко задумался. Сегодня весь вечеръ онъ ходилъ изъ кабинета въ спальню, точно не зная, за чтò ему приняться, присаживался къ письменному столу, но работать не могъ, ложился и на кушетку.

Изъ столовой смутно доносились—сквозь двое дверей—голоса Разсудина и Анохиной. Вотъ слышно—двинули стуломъ, и вышла пауза... Потомъ—голосъ Надежды Өедоровны. Его можно узнать;

но то, что̀ она говоритъ—какъ-то невидимо вибрируетъ и хватаетъ его за сердце.

Черезъ два дня онъ уже не будетъ слушать этого голоса. Останется онъ одинъ доживать до перваго числа мѣсяца. Онъ думалъ-было удержать всю квартиру за собою. Но тогда одиночество еще больнѣе станетъ давить его...

Полгода назадъ въ немъ не было потребности имѣть уголъ въ дружеской семьѣ, и безъ малодушія мирился онъ съ некрасной долей: доживать свой вѣкъ бобылемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ около „души", какую онъ нашелъ въ Надеждѣ Ѳедоровнѣ, онъ согрѣлся. Близость такой утраты—это онъ знаетъ теперь—грызетъ его. Они уѣдутъ, онъ выберется отсюда и опять потянется его бродячая жизнь—конецъ зимы на Ривьерѣ, потомъ нѣмецкія воды и обратное кочеваніе въ Россію.

Лазурное небо ласкаетъ взглядъ, волны съ изумруднымъ отливомъ шепчутся у извилистыхъ береговъ Средиземнаго моря. Тамъ все радостно и нарядно. Круглый годъ—праздникъ природы. И жизнь течетъ, точно дрёма, съ вереницей убаюкивающихъ видѣній.

Но, Боже, какъ тамъ бываетъ прѣсно! Какая тоска—точно ѣдкая пыль—обволакиваетъ васъ и кажетъ вамъ все то же чередованіе безмятежныхъ дней, подъ „благословеннымъ" небомъ. Нѐкуда идти, не съ кѣмъ говорить, нѣтъ ни радостей, ни интересовъ, ни порываній.

Какъ челноки снуютъ поѣзда изъ города къ той скалѣ, гдѣ съ одиннадцати часовъ утра золото звенитъ на десяти столахъ игорныхъ залъ. Еслибъ еще у него была игрецкая жилка!.. Эти залы давно тошны ему, и весь пестрый и праздный людъ, что̀ слетается туда изъ двухъ частей свѣта. И все чужое... Къ своимъ, русскимъ, не тянетъ, въ разныя гостиныя разслабленныхъ или погуливающихъ барынекъ, съ разговорами, въ которыхъ ему не пристало и участвовать.

Поѣзжай куда хочешь, хоть переплывай океанъ, изучай что̀ тебѣ вздумается. Но нервъ наблюдателя давно ослабъ. Тяжело быть все „любознательнымъ туристомъ" и совать свой носъ туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ, писать о томъ, что̀ давно всѣмъ извѣстно и переизвѣстно.

Развѣ не было бы лучше засѣсть въ какой-нибудь „мурьѣ", но своей, русской, и ждать конца среди своего народа, который съ такой изумительной ясностью души встрѣчаетъ смерть?

И зачѣмъ бездушно бросать тѣхъ, съ кѣмъ онъ могъ бы дѣлить ихъ некрасную долю?..

Токаревъ все еще стоялъ въ раздумьѣ передъ книжнымъ шкафомъ.

Имъ овладѣвало волненіе, давно имъ не испытанное, не болѣзненное, а скорѣе живительное и молодое.

Дверь изъ столовой отворили. Это шаги Надежды Ѳедоровны. Вотъ она у его двери.

— Нилъ Петровичъ!—окликнула она, и его поразилъ звукъ ея голоса, полный и почти радостный.

— Чтò прикажете?

— Вы еще не собираетесь почивать?

— Нѣтъ.

— Не угодно закусить? Мы съ Пашей хотимъ спрыснуть нашъ отъѣздъ. У насъ и бутылка вина найдется.

Онъ быстро вышелъ къ ней; но въ темнотѣ передней—лампочки не зажигали—не могъ разглядѣть ея лица; а только протянулъ ей руку и пожалъ.

Анохина отвѣтила на это пожатіе и повела его.

— Извините... за эту темень... Наше хозяйство—на походѣ.

Да, она бодро и даже радостно настроена. Но не есть ли это только новое усиліе ея любящей души?

Разсудинъ сидѣлъ передъ закуской и ласково его встрѣтилъ.

— Пожалуйте, Нилъ Петровичъ, закусите, чѣмъ Богъ послалъ.

Всѣ трое сидѣли за столомъ, при свѣтѣ все той же одинокой свѣчи, чувствуя, какъ этотъ невольный отъѣздъ еще больше сблизилъ ихъ. Но Анохина не глядѣла на Токарева, боясь выдать себя. Разсудинъ налилъ всѣмъ дешевенькаго бѣлаго вина и протянулъ свой стаканъ чокнуться съ первымъ съ Токаревымъ.

— Добраго пути намъ пожелайте, Нилъ Петровичъ. Спасибо за все ваше добро.

— Какое?—съ горечью въ голосѣ остановилъ его Токаревъ.—Мнѣ стыдно и передъ вами, и передъ Надеждой Ѳедоровной, что я оказался такимъ безполезнымъ и ничтожнымъ.

— Насчетъ меня, что-ли? Не стоитъ объ этомъ и говорить!

— Какъ не стоитъ, Павелъ Ѳедоровичъ?

— Паша правъ!—отозвалась Анохина и тутъ только посмотрѣла на Токарева съ тревогой въ глазахъ: какая ему сладость въ этомъ Петербургѣ? Чтò онъ теряетъ, чтò мы оба теряемъ?..—Простите! Я васъ... Нилъ Петровичъ... не считаю за петербургскаго... Вы нашъ... И останетесь намъ дòроги...

Тревога вдругъ овладѣла ею, и глаза сдѣлались влажны.

— Зачѣмъ же говорить... останетесь? Я,—онъ запнулся, охва-

ченный новымъ наплывомъ чувства. — Я, друзья мои... не хочу разставаться съ вами!..

— Ой-ли? — крикнулъ Разсудинъ и поднялся, все еще съ стаканомъ въ рукѣ.

— Вы... съ нами... туда? — съ трудомъ выговорила Анохина, подбѣжала къ Токареву, взяла его за голову и два раза поцѣловала.

— Готовъ былъ бы въ одномъ поѣздѣ... если управлюсь...— Токаревъ старался говорить самымъ простымъ тономъ, боясь, чтобы не вышло „все это" слишкомъ торжественнымъ.—Надежда Ѳедоровна, присядьте... возьмите стаканъ, чокнемся еще разъ и выпьемъ за наше общее переселеніе...

— Въ землю ханаанскую!—добавилъ Разсудинъ.

— Голубчикъ!.. Вы въ серьёзъ?

Лицо Анохиной хранило блаженную улыбку.

— Развѣ я шутникъ, Надежда Ѳедоровна? Вотъ такъ опять и будемъ втроемъ смотрѣть, безъ страха, въ глаза судьбѣ, Разсудинъ. И васъ, и меня она, быть можетъ, ведетъ туда, гдѣ мы найдемъ свѣжія силы.

— И какъ писаться-то будетъ!—вскричала Анохина.—По-моему случилось, Паша! Сколько разъ я говорила и про себя, и Нилу Петровичу: „кабы моя была воля—взяла бы я тебя и увезла изъ этого Петербурга". Не боимся мы никакой трущобы. Какими были, такими и останемся!

— Вѣрьте, Разсудинъ,—промолвилъ Токаревъ медленно, съ широкимъ жестомъ правой руки,—мысли убить нельзя. Если у тѣхъ молодыхъ умниковъ, кто началъ травить васъ, есть что-нибудь на душѣ — они почувствуютъ, рано или поздно, какъ слѣдовало держаться другъ за друга всѣмъ... Друзья мои! Примите меня, бобыля, въ свой союзъ! Прошу у васъ этого, какъ милостыни...

Онъ смолкъ, растроганный приливомъ чувства.

XLIV.

До отхода вечерняго пассажирскаго поѣзда оставалось полтора часа.

Всѣ собрались въ столовой, откуда мебель не была еще вынесена. Надежда Ѳедоровна оставила ее—до отъѣзда Токарева: придетъ торговецъ съ Апраксина, приторговавшій весь ихъ скарбъ.

Въ углу стоялъ дорожный сундукъ. Одинъ узелъ лежалъ на столѣ, другой на полу. Опять одинокая свѣча горѣла въ низкомъ ночномъ подсвѣчникѣ.

Разсудинъ затягивалъ сундукъ веревкой. Ему помогалъ Дроздовъ, на этотъ разъ также въ темной блузѣ. Студентъ Михалковъ сидѣлъ у окна, сгорбившись, съ глазами полными слезъ.

Онъ только-что помогалъ Анохиной затягивать узлы. Она сидѣла, немного утомленная укладкой, у стола, въ такой позѣ, въ какой обыкновенно присаживаются передъ уходомъ и прощаньемъ.

Токаревъ пошелъ за чѣмъ-то въ кабинетъ.

— Не пора ли?—окликнула Анохина, не обращаясь ни къ кому.

Студентъ разстегнулъ бортъ сюртука и вынулъ часы.

— Еще больше часа до поѣзда, Надежда Өедоровна.

— Ты, Надя, всегда раньше машинистовъ являешься,—пошутилъ Разсудинъ.—Ну, теперь, Максимъ Ильичъ, наддайте-ка, голубчикъ, въ эту сторону; а то, пожалуй, не хватитъ для хорошаго узла.

Дроздовъ, напряженно, съ гримасой, сталъ тянуть веревку.

— Узелъ этотъ будетъ символомъ, Павелъ Өедоровичъ.

Онъ тоже острилъ, чтобы скрыть волненіе.

— Почему символомъ?

— Узелъ нашего пріятельства... на вѣкъ! Надежда Өедоровна! Я—вашъ гость... какъ только „первая зазеленѣетъ липа".

— Стихами заговорилъ!—откликнулась Анохина.

— Ну, Максимъ Ильичъ, еще понатужимся—и баста!—закончилъ Разсудинъ.

— Посылать за извозчикомъ?—спросила Анохина.—Ломовой дожидается.

— Посылай, коли тебѣ, Надя, такъ не терпится.

— Точно на кисельные берега рѣкъ, текущихъ медомъ и млекомъ...

Дроздовъ встряхнулся, щелкнулъ пальцами и подался къ Анохиной.

— Чтожъ! Честь честью!.. Усѣсться, что-ли, рядкомъ?

— Мы ни съ кѣмъ не прощаемся,—сказалъ Разсудинъ, пробуя крѣпость узла.—Вотъ и Михалковъ сбирается въ экскурсію на Волгу.

— Непремѣнно!—почти крикнулъ студентъ, всталъ и заходилъ вдоль свободной стѣны, совсѣмъ пустой.

Его тянуло подбѣжать къ Надеждѣ Өедоровнѣ, обнять ее и выплакаться на ея груди.

— Голубчикъ, Михалковъ,—обратилась къ нему Анохина:—я совсѣмъ что-то разомлѣла. Скажите тамъ, на кухнѣ, чтобы подрядили извозчика и за дворникомъ бы послали.

Въ передней позвонили. Токаревъ первый услыхалъ отъ себя звонокъ и пошелъ самъ отпереть.

Студентъ, направляясь въ кухню, видѣлъ, что Токаревъ впустилъ въ переднюю посыльнаго.

— Нуженъ отвѣтъ?—спросилъ Токаревъ.

— Никакъ нѣтъ... приказано только доставить.

Выпустивъ посыльнаго, Токаревъ вернулся къ себѣ.

Рука на адресѣ не была ему знакома; но онъ призналъ сейчасъ женскій почеркъ.

Въ большого формата конвертѣ онъ нашелъ записку отъ Студенцовой и письмо въ конвертѣ мѐньшаго размѣра, незапечатанное, съ надписью „Павлу Өедоровичу Разсудину“.

Быстро пробѣжалъ онъ записку; Студенцова просила его передать письмо Разсудину, если, прочтя его, найдетъ, что это „допустимо“, и обнять за нее „милую“ Надежду Өедоровну. Кончала она такъ: „Можетъ быть, вы ко мнѣ завернете еще разокъ, на этой недѣлѣ. Готовлю вамъ большое посланіе—передъ отъѣздомъ“.

Слово „отъѣздъ“ было подчеркнуто.

„Что̀ это? — подумалъ онъ. — Опять намекъ... На какой отъѣздъ“?..

Ему стало жутко. Неужели она дѣйствительно наканунѣ какого-нибудь рокового шага?

Надо прочесть письмо ея къ Разсудину. Черезъ четверть часа —пора на вокзалъ николаевской дороги.

Письмо было на четырехъ страницахъ, теплое, очень женственное и простое. Въ одно такое письмо можно было влюбиться. Но „допустимо“ ли—спросилъ онъ подлиннымъ словомъ Студенцовой—отдавать его сейчасъ Павлу Өедоровичу? Къ чему растравлять рану? Безъ Анохиной онъ не рѣшится.

— Надежда Өедоровна! На два слова!—позвалъ онъ ее изъ передней.

Она тотчасъ же прибѣжала.

— Зачѣмъ прощаться... дорогой... мой?—вполголоса сказала она, входя въ его кабинетъ.—Черезъ недѣлю вы съ нами.

— Не обо мнѣ рѣчь,—остановилъ онъ ее, беря за руку, и передалъ ей и записку, и письмо.

Анохина присѣла, въ нѣсколько минутъ пробѣжала и то, и другое, и съ измѣнившимся лицомъ поднялась съ кресла.

— Вы меня спрашиваете—какъ поступить?

— Да.

— Отдайте.

— Теперь? Или тамъ, когда пріѣду...

— Чтожъ... это не ловушка. Ей, быть можетъ, нечѣмъ любить, какъ я ей тогда сказала, но она тутъ отъ души говоритъ. Этакія слова выливаются на исповѣди... или въ рѣшительныя минуты. Право, точно она наканунѣ чего-нибудь такого...

— Трагическаго?

— Не знаю... Но отдать можно. У него никакой надежды нѣтъ на ея взаимность. Это я теперь вижу. А она такъ его высоко ставитъ. Все-таки это побѣда.

— Не лучше ли дорòгой?.. Въ вагонѣ?

— Очень ужъ ему горько будетъ уѣзжать... совсѣмъ отверженнымъ. Рискнемте, голубчикъ!

Она положила письмо на столъ, выбѣжала въ переднюю и громко позвала:

— Паша! Поди къ намъ сюда!

Разсудинъ вошелъ, вопросительно глядя на обоихъ.

— Вотъ, Павелъ Θедоровичъ,—Токаревъ подалъ ему письмо,—мнѣ поручено передать вамъ... вы увидите, отъ кого...

Руки Студенцовой Разсудинъ тоже не зналъ—у него не было даже ни одной ея записки.

— Надо сейчасъ прочесть?

— Прочти, Паша... вотъ здѣсь... не на людяхъ. А мы уйдемъ туда. Черезъ десять минутъ надо двигаться.

Оба ушли въ столовую. Дроздовъ ходилъ въ одномъ углу и хрустѣлъ суставами пальцевъ, повторяя вслухъ:

— Растреклятая, чухонская трясина! Растреклятая!

Они поняли, что онъ такъ честитъ Петербургъ...

Студентъ присѣлъ къ окну и, отвернувшись, закрылъ лицо руками.

Анохина сзади взяла его за голову и поцѣловала.

— Хорошій вы мой вьюношъ! Не стыдитесь своихъ слезъ.

— Я ничего, я ничего, Надежда Θедоровна!—забормоталъ онъ, доставая изъ кармана носовой платокъ.

Щеки его были совсѣмъ мокрыя.

Показался въ дверяхъ Разсудинъ.

Оба подошли къ нему разомъ и Анохина шопотомъ спросила:

— Ты насъ не упрекаешь за то, что отдали тебѣ письмо?

— Нѣтъ.

Онъ обоимъ пожалъ руки съ печальнымъ, но не скорбнымъ лицомъ.

„Вылечится“,—подумали они вдвоемъ.

XLV.

Все та же неопрятная горничная, въ красномъ ситцевомъ платьѣ, подала Студенцовой двѣ визитныхъ карточки.

На одной изъ нихъ—карточкѣ Анемонова—она прочла: „Le porteur de ma carte veut vous parler; ne le brusquez pas, chère Jenny“!

На другой она увидала какую-то странную фамилію и не задала себѣ вопроса: кто можетъ быть этотъ господинъ?

Но кто бы онъ ни былъ — онъ ничего не измѣнитъ въ ея „программѣ дня“. Сегодня вечеромъ все будетъ кончено.

Еслибъ это было что-нибудь ей непріятное—Анемоновъ не далъ бы своей карточки. Да, наконецъ, будь это самъ судебный приставъ по дѣлу ея пріиска—развѣ ей не все равно?

— Просите!

Мелкими шажками подкатился къ ней молодой еще мужчина, очень небольшого роста, круглый и свѣжій въ лицѣ, точно огурецъ, въ короткомъ пиджакѣ и въ пестромъ галстухѣ.

— Спайкинъ!—выговорилъ онъ дѣловымъ тономъ и опустилъ голову на жилетъ.

Она бы приняла его на улицѣ или въ Гостиномъ за приказчика изъ голландской линіи.

— Репортеръ газеты...

Онъ добавилъ—какой. Говорилъ онъ скоро и все на одной нотѣ.

— Вашъ знакомый, m-r Анемоновъ... вы позволите присѣсть?

— Пожалуйста.

„Что ему отъ меня нужно“?—подумала она.

Это не смущало ее, а скорѣе забавляло.

— Вы позволите закурить?

— Сдѣлайте одолженіе.

Онъ аккуратно вынулъ папиросу и спички и все это продѣлалъ необыкновенно быстро.

— Изволите видѣть... редакція нашей газеты поставила на очередь одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ современной психологіи—вопросъ о любви.

— Вообще? — спросила Студенцова, улыбнувшись глазами.

— Нѣтъ... въ двухъ спеціальныхъ смыслахъ—преимущества брака и свободной связи.

— Вотъ какъ!

— Да-съ... и за симъ любовь, какъ самый главный мотивъ для опредѣленія цѣны жизни. Эта тема волнуетъ публику чрезвычайно. И рядъ писемъ и разныхъ заявленій появляется уже на столбцахъ нашей газеты. Вамъ, конечно, извѣстно, что „Figaro" давно дѣлаетъ такіе опросы. Вы—настоящая парижанка и оцѣните...

— Позвольте,—мягко остановила она его.—Но тамъ обращаются обыкновенно къ извѣстностямъ...

— Не къ нимъ однимъ... И просто голоса изъ публики... особенно женскіе. Это—ихъ область. Но вашъ знакомый, m-r Анемоновъ—сообщилъ мнѣ, что вы изволили, въ бытность вашу въ Парижѣ, выступить, и съ большимъ успѣхомъ, какъ авторъ—если не ошибаюсь—сонетовъ... на французскомъ языкѣ.

Въ другое время она разсердилась бы на своего пріятеля, но теперь она кротко подумала: „Анемоновъ прислалъ интервьюировать меня, чтобы я не вдавалась въ опасную меланхолію".

— Я не писательница,—веселѣе заговорила она.—Это была такъ... проба пера.

— Все равно!.. Женщина тонкаго развитія... Редакціи будетъ особенно лестно узнать ваши итоги именно по такому вопросу.

— На первую половину я бы не могла отвѣтить. У меня нѣтъ для этого личныхъ испытаній... увѣряю васъ. А общихъ мѣстъ и безъ того достаточно, особенно въ женскихъ писаніяхъ.

— Мы не смѣемъ, такъ сказать, смущать вашей совѣсти. Но вѣдь вопросъ поставленъ очень широко, и вторая его половина...

— Какая... извините... я не сразу поняла.

— Любовь, какъ самый лучшій вкладъ въ цѣну жизни.

— Вотъ что̀!

Ей показалось забавнымъ такое совпаденіе: сегодня вечеромъ она рѣшила показать на дѣлѣ, какъ она цѣнитъ жизнь, и судьба посылаетъ ей вотъ такого господина Спайкина—для выслушанія ея личныхъ „итоговъ".

— Послушайте,—начала она.—Я могла бы отвѣтить на этотъ пунктъ, но писать сама ничего не буду.

— Это не нужно. Я собственно и явился сюда для устной бесѣды.

Онъ сунулъ пухлую ручку въ боковой карманъ, выхватилъ оттуда, съ быстротою фокусника, длинную тетрадку, въ родѣ книжки чековъ, развернулъ ее, досталъ изъ жилетнаго кармана карандашъ въ оправѣ изъ кости, помусолилъ его, положилъ ногу

на ногу, высоко, какъ дѣлаютъ мандолинисты, и приготовился писать.

Студенцова даже заглядѣлась на ловкость всѣхъ этихъ пріемовъ репортера. И въ Европѣ работа не будетъ „чище".

— Я къ вашимъ услугамъ,—пригласилъ онъ ее.

— Диктовать я не могу, m-r Спайкинъ. Это будетъ нѣсколько мыслей вслухъ. Вы ихъ потомъ изложите сами. Но только уговоръ: имени моего не приводить въ печати, ни въ какомъ случаѣ.

— Можете быть покойны!

Она говорила цѣлый часъ. Такъ и лились у нея одна мысль за другой. Репортеръ все что-то отмѣчалъ на продолговатыхъ листкахъ. Отмѣтитъ и сейчасъ же посмотритъ на нее во всѣ глаза—круглые и удивленно-недоумѣвающіе. Но она говорила не ему. Надвинувшіяся сумерки дѣлали его лицо все болѣе смутнымъ для ея большихъ, но близорукихъ глазъ. Ее не томило и не безпокоило и то, что онъ все это изложитъ по-своему, придастъ ея исповѣди банальный тонъ газетной „отмѣтки", заставитъ ее выражаться своей пухлой, расхожей прозой.

Любовь—главный вкладъ въ цѣну жизни?!..

Она записывается противъ такого тезиса—безусловно!.. Если женщинѣ чтò мѣшаетъ распознавать настоящую цѣну жизни, такъ это именно любовь... Какая бы она ни была: выдуманная или настоящая. Страсть, влеченіе къ мужчинѣ дѣлаетъ ее тупѣе и равнодушнѣе ко всему на свѣтѣ. Стòитъ жить только для высшихъ духовныхъ радостей: идеи, образы, созданія творчества, полеты въ надчувственную область!.. Красота, какъ неумирающее божество—должна быть цѣлью нашихъ стремленій; но для этого надо воспитывать себя, проходить черезъ долгій искусъ, освободить себя отъ всего женскаго, дрянного, чувственнаго, отъ вздорныхъ нервничаній, отъ погони за нимъ, за мужчиной, призваннымъ осчастливить ее...

Хорошо мѣрило цѣны жизни! Первый попавшійся молодецъ, часто пошлый, глупый, развратный, грязный—превращается въ „предметъ любви" потому только, что въ зрѣлой дѣвицѣ заговорилъ инстинктъ, вложенный въ нее природой. Чадъ прошелъ, и жизнь разбита... на вѣки. Почему? Такъ полагается по теоріи любви-счастья...

— Позвольте одинъ вопросъ...—репортеръ приподнялся.— Вы, стало быть, раздѣляете воззрѣнія на любовь Шопенгауера?

— Я не пессимистка,—отозвалась Студенцова,—и ей стало вдругъ и смѣшно, и немного совѣстно за себя.

Съ какой стати было держать передъ такимъ господиномъ чуть не цѣлую лекцію?

— Это чрезвычайно смѣло! Чрезвычайно!—повторилъ репортеръ, торопливо складывая тетрадь.—Боюсь, что не съумѣю сгустить нашу бесѣду въ такой же блестящей формѣ. Но самыя выдающіяся фразы... и повороты мысли... я занесъ текстуально.

— Вы развѣ стенографировали?

— Обязательно-съ!

Щеки его, точно изъ каучука, натянулись, и онъ показалъ рядъ превосходныхъ зубовъ.

— Премного признателенъ. Имѣю честь кланяться!

И шарикомъ вылетѣлъ онъ изъ нумера.

XLVI.

Въ корридорѣ затихло. Жильцы или сидятъ по нумерамъ, или разбрелись — кто въ театръ, кто въ гости. Шелъ девятый часъ. Комната Студенцовой—въ полутемнотѣ. Лампу она перенесла за перегородку, на ночной столикъ, и тамъ было сильно освѣщено. У постели, рядомъ съ умывальникомъ, помѣщалось кресло. На столикѣ, въ яркомъ кругѣ свѣта, чернѣетъ маленькій шестигранный пузырекъ и пустой деревянный складень для часовъ.

Свои часики и много другихъ вещей она уже превратила въ деньги—на это у нея ушло два дня—и сегодня утромъ отправила пакетъ къ Аришѣ Полкановой. На другомъ столѣ, у оконъ, лежатъ нѣсколько писемъ—одно, побольше, хозяину гарни, гдѣ на листѣ писчей бумаги она написала нѣсколько строкъ, съ просьбою — какъ распорядиться ста рублями, вложенными въ тотъ же пакетъ. Два другихъ письма—Токареву и Анемонову. На нихъ уже наклеены марки.

Она опустилась въ кресло и прикрыла ладонью глаза. Постель, съ двумя тугими подушками и байковымъ одѣяломъ, заправлена по денному, подъ нижнюю подушку. Вотъ она, черезъ полчаса, а можетъ быть и раньше—ляжетъ на эту постель и лампы не задуетъ. Это было бы малодушно. Надо схватить всѣ ощущенія до послѣдняго мгновенія сознательной жизни. Тутъ одна минута —цѣлая вѣчность. И она хочетъ все это не испытывать только, —а видѣть... смотрѣть въ глаза той... „курносой",—выговорила она мысленно и сейчасъ же сдѣлала брезгливый жестъ.

Какъ ей не стыдно употреблять избитый и пошлый терминъ?! Такая сила, какъ смерть, достойна прекрасныхъ образовъ, и бого-

подобные эллины умѣли придавать ей высокую поэтическую прелесть...

Умереть красиво — вотъ о чемъ она мечтала, когда была еще дѣвчуркой двѣнадцати лѣтъ и плакала, читая стихи на печальные сюжеты. А въ чемъ же проявить красоту, какъ не въ безстрашіи? Нечего заботиться о своихъ позахъ, какъ наемнику-гладіатору, но надо бороться съ безобразіемъ...

Она старательно причесалась, надѣла чистое бѣлье — самое изящное, какое у нея осталось, и свой парадный пеньюаръ — единственное цѣнное платье, не проданное ею для уплаты долга Полкановой.

Кто бы ее ни нашелъ здѣсь, на этой постели, завтра — когда проникнутъ сюда силой — она не хочетъ, чтобы ея тѣло являло отталкивающій видъ... Черты исказятся отъ вещества, производящаго громовой ударъ на всю нервную систему; но времени — до того — пройдетъ не мало. Лицо получитъ невозмутимое и таинственное выраженіе. Положеніе всего тѣла, рукъ, ногъ — будетъ такое, какое она можетъ дать имъ въ самый послѣдній мигъ сознанія...

Это — не смѣшная, суетная забота, — думалось ей. — Такова ея „религія“ и она умретъ, исполняя ея „каноны“. Ни передъ кѣмъ она не играетъ роли. Нѣтъ тутъ, около нея, человѣка, котораго она хотѣла бы поразить своей геройской кончиной, въ отместку за его непониманіе, за отверженную любовь, за измѣну, за весь тотъ нечистоплотный и избитый вздоръ, прикрывающійся именемъ „великихъ страстей“. Но она не трусить и можетъ безъ малѣйшей дрожи смотрѣть на шестигранный пузырекъ изъ темнаго стекла. Голова ясная, совсѣмъ точно прозрачная, и ни малѣйшей мути въ мысляхъ. Она направляетъ ихъ, какъ она хочетъ; напряженіе воли держитъ ея нервы въ безусловномъ повиновеніи.

Она вышла за перегородку и сдѣлала нѣсколько оборотовъ по засвѣжѣвшей комнатѣ. Въ окна глядитъ улица, узкая, съ большими домами, похожая на улицу Вѣны, еле освѣщенная снизу фонарями. Всякій звукъ притупленъ снѣгомъ; но изрѣдка доходитъ гулъ каретъ... тамъ, къ углу Невскаго.

Не пора ли? Начинало подступать нетерпѣніе; но она его подавила. Зачѣмъ? Еслибъ ея книги не были у букинистовъ Апраксина — она бы сѣла почитать. Ей и хотѣлось оставить одну... ту итальянскую, что такъ смутила Токарева; но это была бы претензія: точно она и съ жизнью-то пожелала проститься „по книжкѣ“.

Всплыла передъ ней фигура Токарева и такъ отчетливо, точно она его видитъ не внутри головы, а внѣ... Всплыла и исчезла черезъ нѣсколько секундъ. Она начала думать о Разсудинѣ... Не выплыветъ ли и его блѣдное, тревожно-огорченное лицо? Она не обижена тѣмъ, что онъ ничего ей не отвѣтилъ. Чтò отвѣчать? Одно ей досадно: она не знаетъ, въ эти послѣднія минуты—куда именно онъ высланъ. И ей въ первый разъ сдѣлалось отрадно сознавать, что его участь облегчена, благодаря ея хлопотамъ...

Но лицо Разсудина не появлялось... А могло бы. У нея всегда была эта способность. Ей вспомнилось, что она, прочтя статью психолога Фрэнсиса Гальтона, написала ему письмо въ Лондонъ, изъ Парижа, прося разъясненій — и онъ тотчасъ ей отвѣтилъ—кратко, на открытомъ письмѣ, но все, чтò нужно. Она могла, какъ иные ученики парижской рисовальной школы, насмотрѣвшись на какую-нибудь фигуру, положить листъ бумаги и выводить ея контуры, какъ будто по печатному рисунку.

Остановилась она ближе къ перегородкѣ и стала смотрѣть на свѣтлую стѣну, позади кровати и ночнаго столика. И вдругъ что-то въ родѣ туманнаго пятна выплыло на стѣнѣ, оклеенной желтоватыми обоями, потомъ контуры головы и лица, потомъ фигура съ красками, только тусклѣе обыкновеннаго окрашенная.

„Полковница"!—узнала Студенцова и подалась впередъ. Видѣніе не исчезало. Да, это она, „голландская" полковница, съ толстымъ добродушнымъ лицомъ; это—ея короткій носъ, большая родинка на правой щекѣ, тюлевый чепецъ съ золотыми булавками и сѣрый капотъ съ пелериной.

Никогда она ея не боялась; но сегодня она почему-то не можетъ такъ бодро и весело разглядывать ее, какъ прежде.

Она взялась за одну портьеру перегородки. Полковница скривила лицо, и ей стало жутко. Вдругъ какъ та встанетъ и пойдетъ на нее?..

Но видѣніе исчезло — расползлось по краямъ и слилось съ цвѣтомъ обой.

У нея вырвался вздохъ облегченія. Она, не желая мять постель—„зря", сѣла опять въ кресло, опустила рѣсницы и задумалась. Мысли ея, какъ бы противъ ея воли, потекли по другому руслу... Вотъ она, и за полчаса до ухода изъ жизни, испытала прямо болѣзненное состояніе. Галлюцинаціи ведутъ часто къ безумію. Но не въ этомъ только дѣло! Чтò онѣ доказываютъ? То, что призракъ принимаетъ реальную форму до поражающаго сходства. Люди простые, темные, пойдутъ на плаху, вѣря въ то,

что это не игра ихъ мозга, а живыя существа или небесныя созданія. А развѣ и все ея душевное „я“ не можетъ быть жертвой цѣлаго ряда такихъ же призраковъ: во что она вѣритъ, съ чѣмъ не мирится, изъ-за чего соглашалась жить, изъ-за чего идетъ на добровольную казнь?

Не хотѣлось ей думать въ эту сторону, но мысли надвигались и тѣснили ее, задавали ей возраженія, казали ей побѣдоносно возможность и по другому смотрѣть на „цѣну“ жизни...

Въ дверь сильно постучали. Она встрепенулась. Не открывать дверь? Почему? Вѣдь ей еще не помѣшали. Никто не взойдетъ сюда, за перегородку. А можетъ, кому-нибудь нужно? Зачѣмъ же кончать актомъ малодушнаго себялюбія?..

Она отперла. На порогѣ стоялъ высокій мужчина, въ длинномъ пальто и мѣховой шапкѣ, съ типичными бакенбардами лакея.

— Отъ его сіятельства—князя Дашева.

И онъ протянулъ ей письмо. Не принять она не рѣшилась.

— Нуженъ отвѣтъ?

— Карточку пожалуйте, что получили письмо... А объ отвѣтѣ князь ничего не говорилъ.

Карточки у нея были—съ десятокъ—и лежали на письменномъ столѣ. Она достала, отдала лакею, заперла дверь и два раза повернула ключъ.

„Теперь ужъ никому не отопру“,—рѣшила она безповоротно.

Чтобы прочесть письмо, она должна была присѣсть на край кровати. Развернула она листъ безъ всякаго волненія, но почти съ горькимъ чувствомъ. Неужели судьба не могла бы ее избавить отъ такой ненужной подробности?

Письмо пробѣжала она быстро-быстро, въ первый разъ; прочла и еще, повторяя отдѣльныя слова и фразы.

Онъ „погибаетъ“.—Ему не справиться съ своей „кручиной“. Онъ умоляетъ протянуть ему руку. Онъ ждетъ отъ нея „добраго дѣла“...

Письмо лежало передъ ней, какъ призывъ къ бытію. Отчего не рискнуть, не принять то — куда жизнь толкаетъ тебя? Быть можетъ, и на днѣ нищеты и отверженія найдешь источникъ неизвѣданныхъ душевныхъ наслажденій?..

Руку ея уже не тянуло къ темному пузырьку.

— „Успѣю“!—беззвучно прошептала она.

П. Боборыкинъ.

НАЧАЛО
ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ
ВЪ РОССІИ
1857—59 гг.

Окончаніе *).

Когда состоялся Высочайшій указъ 22-го марта 1858 года объ учрежденіи Маріинскаго училища, Н. А. Вышнеградскому пришлось лично объяснять родителямъ подробности новаго дѣла. Свидѣтель этой его дѣятельности, Д. Д. Семеновъ, заранѣе, вмѣстѣ съ В. Стоюнинымъ, приглашенный Вышнеградскимъ къ участію въ устройствѣ училища, разсказываетъ, что еще до открытія его, всякій день, съ утра и до поздняго вечера, Вышнеградскій принималъ родителей, приходившихъ узнать отъ него подробности „о совершенно неслыханномъ дотолѣ заведеніи для дѣвочекъ". Мы были свидѣтелями, — говоритъ Д. Семеновъ, — того, съ какимъ терпѣніемъ и искусствомъ онъ доказывалъ каждому всѣ выгоды школы, открытой и равной для всѣхъ: однихъ онъ увѣрялъ, что въ воспитаніи и образованіи дѣвочекъ должны одинаково участвовать семья и школа; другихъ—что школа будетъ давать не только широкое умственное образованіе, но и религіозно-нравственное воспитаніе; третьихъ—что дѣвочка изъ интеллигентнаго класса не можетъ заразиться дурными привычками отъ своей сосѣдки

*) См. выше: мартъ, 162 стр.

въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ школѣ подъ присмотромъ разумныхъ преподавателей и воспитательницъ, и что такая дѣвочка не останется безъ знанія французскаго и нѣмецкаго языковъ и танцевъ; четвертыхъ—что новая школа никогда не посягнетъ на укоренившіеся въ семьѣ религіозные и вѣковые обычаи. Одни родители настаивали на томъ, чтобы ихъ дѣти ходили въ школу съ провожатыми; другіе, напротивъ, настаивали на дозволеніи посылать дѣвочекъ однѣхъ; и то, и другое разрѣшалось; дозволялось также одѣвать дѣтей по средствамъ родителей, лишь бы одежда была приличная, чистая, аккуратная; не совѣтовалась только излишняя роскошь—шолкъ, бархатъ, браслеты, кольца, чтобы не возбуждать зависти въ однихъ дѣтяхъ, пренебреженія—въ другихъ и т. д., и т. д. И каждый отецъ, и каждая мать, уходили отъ Николая Алексѣевича успокоенными и записывали своихъ дочерей въ училище" [1])...

Еще за мѣсяцъ до открытія новаго училища, Н. А. Вышнеградскій подобралъ педагогическій персоналъ изъ лицъ хорошо ему извѣстныхъ. Въ этомъ случаѣ, какъ это бывало въ Россіи и раньше, всегда, когда дѣло шло о служеніи цѣлямъ образованія русской женщины, учителя обнаружили полную готовность безкорыстно, всѣми своими знаніями и силами содѣйствовать успѣху новаго дѣла. Хотя плата учителямъ Маріинскаго училища была опредѣлена въ 40—50 рублей за годовой часъ и несмотря на то, что училище открывалось въ апрѣлѣ, когда у лучшихъ преподавателей всѣ часы заняты, они охотно приняли предложеніе Н. А. Вышнеградскаго; они „прониклись его идеей, всѣ поняли, какое важное новое дѣло начинается, и всѣ готовы были помогать ему" [2])...

„Ихъ влекла новизна дѣла, стремленіе послужить по мѣрѣ силъ образованію русской женщины, построенному на новыхъ началахъ, желаніе поработать, примѣнить и усовершенствовать свой методъ преподаванія подъ руководствомъ опытнаго педагога, какимъ былъ Н. А. Вышнеградскій" [3])...

Педагогическій тактъ его выразился и въ томъ, что онъ согласился на назначеніе начальницею училища г-жи Овандеръ; это была, по словамъ Д. Семенова, вдова—„нѣмка съ сѣдыми буклями, нѣсколько чопорная, но богобоязненная, съ твердыми нравственными убѣжденіями, женщина безукоризненной честности и чистоты, аккуратная и добросовѣстная до педантизма. Боль-

---

[1]) *Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго.

[2]) *В. Стоюнинъ.* Образованіе русской женщины.

[3]) *Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго.

шинству родителей она очень понравилась". А въ помощницы начальницы Н. А. Вышнеградскій пригласилъ молодую дѣвушку лѣтъ тридцати, Красовскую, „симпатичную, добрую, умную, ласковую, энергичную; она сразу завоевала себѣ любовь и уваженіе дѣтей. Первая напоминала собою еще не угасшій типъ строгой, важной начальницы института; вторая представляла собою новый типъ руководительницы нарождающейся семейной школы" [1])...

Квартира для перваго въ Петербургѣ открытаго женскаго училища была нанята на углу Троицкаго переулка и Невскаго проспекта и ко дню открытія снабжена необходимыми принадлежностями.

Пріемъ учениць начался 15-го апрѣля, и въ четыре дня, къ открытію училища число ихъ простиралось до 140 [2]); изъ нихъ нѣкоторыя пришли изъ самыхъ отдаленныхъ частей города. Изъ 140 было 97 дочерей дворянъ и чиновниковъ, 12 духовнаго званія, 20 купеческаго, 10 мѣщанскаго, 1 крестьянскаго [3]); 15—взрослыхъ, 16—18-лѣтнихъ дѣвушекъ, кончившихъ курсъ въ частныхъ пансіонахъ, училищахъ св. Петра и Анны, или получившихъ домашнее образованіе, были приняты прямо въ старшій, шестой, классъ, кромѣ котораго были открыты еще три низшихъ класса [4]).

Въ такомъ составѣ, изъ четырехъ классовъ, училище было открыто 19-го апрѣля 1858 года.

На торжествѣ освященія и открытія его присутствовали: императрица Марія Александровна, принцъ П. Г. Ольденбургскій, великая княгиня Александра Петровна (дочь принца), петербургскій генералъ-губернаторъ, всѣ члены Главнаго Совѣта, министръ народнаго просвѣщенія (Е. Ковалевскій) и его товарищъ, генералъ-адъютанты В. Назимовъ и В. Хомутовъ, графиня Ю. Баранова, г-жа Баратынская, городской голова, много лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, принимавшихъ живое участіе во вновь учрежденномъ заведеніи [5]) и, съ разрѣшенія императрицы, родители поступившихъ въ училище дѣтей. Послѣ молебна императрица обошла классы „очень скромнаго, даже бѣднаго" учебнаго заведенія и выслушала стоя произнесенную Н. А. Вышнеградскимъ

---

[1]) *Д. Семеновъ*. Изъ пережитаго.

[2]) Отчетъ по Маріинскому уч. за 1858 г. (Дѣла Гл. Сов. 1859 г.).

[3]) 25-ти-лѣтіе С.-Пет. ж. гимн. вѣд. учр. Имп. Маріи. 19-го апр. 1858—1883 г. (Краткая истор. записка, С.-Пет. 1883 г.).

[4]) Тамъ же.

[5]) „С.-Пет. Вѣд.", 1858 г., № 96.

рѣчь [1]), въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ: „одно солнце на небѣ; никакіе искусственные огни не могутъ замѣнить его свѣта и теплоты; одна только на свѣтѣ у каждаго изъ насъ мать, и никакія искусственныя мѣры не замѣнятъ ея нѣжности и любви... Школа учитъ лучше, чѣмъ семья, а семья воспитываетъ несравненно лучше, чѣмъ школа... Мы совершаемъ праздникъ семейныхъ началъ въ воспитаніи, праздникъ системы образованія, которая по своей естественности представляетъ новое ручательство за правильное развитіе отечественнаго юношества" [2]).

По разсказу Д. Семенова, рѣчь Н. А. Вышнеградскаго вызвала слезы у многихъ изъ присутствовавшихъ, и тогда Н. А. Вышнеградскій, обращаясь къ императрицѣ, сказалъ: „взгляните, Ваше Императорское Величество, на эти слезы—слезы радости, упованія и благодарности за великое дѣло, которое по манію вашему совершается въ эту минуту въ Россіи". Императрица также прослезилась [3]) и, благословивъ дѣтей иконою, уѣхала.

Къ іюню 1858 года число ученицъ Маріинскаго училища увеличилось съ 140 до 200, а въ августѣ поступило еще до ста заявленій отъ родителей, желавшихъ отдать своихъ дочерей въ училище [4]), помѣщеніе котораго пришлось уже увеличить почти вдвое [5]).

Тогда по представленію принца, съ разрѣшенія императрицы, была сдѣлана публикація съ приглашеніемъ родителей, живущихъ въ отдаленныхъ отъ Маріинскаго училища мѣстностяхъ, извѣстить начальника училища о своемъ желаніи помѣстить дочерей въ подобныя же училища, еслибы они были учреждены и въ другихъ частяхъ города. Такихъ заявленій сразу получилось 213; изъ нихъ 80 изъ Коломенской части, 93 съ Васильевскаго Острова, 40 съ Петербургской и Выборгской Стороны [6]). Указывая на это, какъ на выраженіе явной потребности жителей столицы въ такихъ училищахъ, принцъ просилъ государя разрѣшить устроить еще три подобныя Маріинскому училища, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и съ присвоеніемъ и новымъ училищамъ названія „Маріинскихъ". На этомъ докладѣ принца государь написалъ: „предварительно согласенъ, но для окончательнаго утвержденія

[1]) *Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго.

[2]) „С.-Пет. Вѣд.", № 95.

[3]) *Д. Семеновъ.*

[4]) Отчетъ по Мар. уч. за 1858 г.

[5]) 25-лѣтіе жен. г. Историч. замѣтка В. П. Острогорскаго („В. Европы", апр. 1883 г.).

[6]) Журн. Гл. Сов. 16-го авг. 1858 г.

буду ожидать формальнаго представленія Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній черезъ статсъ-секретаря Гофмана. При этомъ долженъ замѣтить, что наименованіе трехъ новыхъ училищъ одинаковыми именами нахожу неудобнымъ; лучше присвоить имъ имена частей города, въ которыхъ учреждаются". Главный Совѣтъ подтвердилъ ходатайство принца и прибавилъ, что желалъ бы поручить устройство и начальство будущихъ училищъ Н. А. Вышнеградскому, освободивъ его отъ другихъ многочисленныхъ его занятій по другимъ вѣдомствамъ. Главный Совѣтъ ходатайствовалъ и о присвоеніи новымъ училищамъ названія „Маріинскихъ" и, кромѣ того, особаго, каждому изъ нихъ, названія по мѣстности, гдѣ училище будетъ находиться. Но государь написалъ на этомъ докладѣ: „Названіе Маріинскаго училища предоставить только первому учрежденному, прочія называть по частямъ города". Эти три училища—Коломенское, Васильевское и Петербургское—были открыты въ томъ же году и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ Маріинское, съ назначеніемъ каждому изъ нихъ по 2.000 рублей единовременно, на первоначальное обзаведеніе, и по 3.000 рублей ежегодно изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній.

Въ концѣ 1858 года поступило ходатайство и изъ провинціи объ устройствѣ открытыхъ женскихъ училищъ. Виленскій военный губернаторъ Назимовъ вошелъ въ Главный Совѣтъ съ представленіемъ устроить, вмѣсто предположеннаго еще въ 1845 году центральнаго института въ Вильнѣ, женскія училища, по примѣру петербургскаго Маріинскаго, въ губернскихъ городахъ края и открыть въ уѣздныхъ, гдѣ существуетъ какое-либо учебное заведеніе, четырехклассное училище съ курсомъ первыхъ четырехъ классовъ семиклассныхъ училищъ. По проекту Назимова въ курсъ этихъ училищъ должно было входить и преподаваніе польскаго языка въ числѣ другихъ „самыхъ нужныхъ для общественной и семейной жизни и для всѣхъ сословій" предметовъ. По его мнѣнію, училища въ западномъ краѣ должны состоять въ вѣдѣніи Главнаго Совѣта, а такъ какъ процентовъ съ собраннаго дворянствомъ на виленскій институтъ капитала (149.408 руб.) было недостаточно для содержанія училищъ, то Назимовъ испрашивалъ у Главнаго Совѣта ежегодное пособіе въ 3.000 рублей на каждое изъ нихъ. Въ заключеніе онъ говорилъ, что мысль объ устройствѣ открытыхъ женскихъ училищъ находятъ полезною для цѣлаго края тамошніе просвѣщенные помѣщики [1]).

---

[1]) Дѣла Гл. Совѣта. 1858 г.

Главный Совѣтъ призналъ учрежденіе открытыхъ женскихъ училищъ въ западномъ краѣ, вмѣсто виленскаго института, „мѣрою, соотвѣтствующею обстоятельствамъ и служащею къ распространенію женскаго образованія“ въ краѣ, и 3-го января 1859 г., по его представленію, послѣдовало Высочайшее утвержденіе проекта Назимова, который былъ назначенъ попечителемъ новыхъ училищъ.

Такія училища были открыты и въ царствѣ польскомъ: въ 1859 году въ Варшавѣ, а въ слѣдующемъ году еще въ пяти городахъ: Люблинѣ, Радомѣ, Сувалкахъ, Плоцкѣ и Калишѣ. Число поступившихъ въ варшавское училище ученицъ было такъ велико, что пришлось, кромѣ шестиклассцаго училища, въ томъ же году открыть еще особое, четырехклассное отдѣленіе. Эти училища содержались на средства государственнаго казначейства, отпускавшаго имъ 65.300 рублей въ годъ.

Благопріятныя условія, въ которыя были поставлены женскія училища вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, сразу обезпечивавшаго имъ денежныя средства, не существовали для училищъ министерства народнаго просвѣщенія; послѣднія всецѣло зависѣли отъ добровольныхъ пожертвованій разныхъ сословій и частныхъ лицъ; а между тѣмъ единственная, можно сказать, среда, въ которой тогда идея открытыхъ, всесословныхъ, женскихъ училищъ встрѣчала дѣятельное сочувствіе и готовность служить ея осуществленію, была среда преподавателей, педагоговъ и лицъ, которымъ были дороги интересы русскаго просвѣщенія вообще. Такихъ людей въ концѣ пятидесятыхъ годовъ было еще немного. Къ нимъ принадлежалъ директоръ ставропольской гимназіи, Я. М. Невѣровъ, имя котораго извѣстно образованному обществу и потому, что онъ былъ другомъ Станкевича и Грановскаго. Невѣровъ горячо отнесся къ дѣлу женскихъ открытыхъ училищъ и, зная, что главное затрудненіе въ этомъ дѣлѣ заключается въ отсутствіи денежныхъ средствъ, придумалъ оригинальный способъ пропагандировать идею новыхъ женскихъ училищъ въ ставропольскомъ обществѣ и подвинуть его къ пожертвованіямъ съ этой цѣлью. По его иниціативѣ, воспитанники гимназій дали 22 января 1858 года въ общественномъ театрѣ спектакль, сборъ съ котораго назначался на основаніе капитала для устройства въ Ставрополѣ женскаго училища. Эта цѣль была высказана публикѣ по окончаніи спектакля, въ видѣ пролога (какъ сказано въ афишѣ „сочиненія спеціалиста Демьяновскаго“), заключавшагося въ объясненіи директора гимназіи съ воспитанниками, при чемъ роль директора исполнялъ одинъ изъ нихъ.

„Друзья!—говорилъ директоръ, входя на сцену:—я спѣшу

сообщить вамъ радостную вѣсть: Государь Императоръ пожелалъ учредить по всей Имперіи женскія гимназіи. Онъ обратилъ свой Державный взоръ на образованіе и воспитаніе женскаго пола. Сердце русское радостно бьется при этой колоссальной вѣсти: учрежденіе женскихъ школъ повлечетъ за собою отрадные результаты не только въ образованіи женщины, но и въ нравственномъ воспитаніи мужчинъ; да, душа трепещетъ при этой мысли, и отсюда, съ подножія дикаго Кавказа, еще громче и живѣе несется къ престолу Державнаго Правителя Россіи восторженное ура!..

Всѣ гимназисты кричатъ: ура! ура! ура!

Директоръ: Но не въ одномъ только мимолетномъ крикѣ ура должна выражаться ваша радость, а скорѣй въ истинномъ сочувствіи къ желанію Монарха и стараніи посильно помогать его Царственнымъ помысламъ. Теперь война истощила капиталы Россіи; выполненіе же Царскаго желанія требуетъ денегъ; поэтому мысль о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ не можетъ осуществиться безъ помощи частныхъ лицъ, и они нашлись: въ Костромѣ помѣщикъ Григоровъ — честь и слава благородному соотечественнику!—пожертвовалъ огромный капиталъ, построилъ на свой счетъ домъ и открылъ, два мѣсяца тому назадъ, женскую шестиклассную гимназію для приходящихъ дѣвицъ и пансіонъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ также собраны большія къ тому средства, а чего недоставало, то пополнила Великая Матерь Россіи, наша Всемилостивѣйшая Государыня Императрица Марія Александровна —ура! Въ другихъ губерніяхъ также собираются приношенія. Но если уже старики и люди пожилые несутъ свою лепту на жертвенникъ благого предпріятія образованія женщины, то вы, юноши должны стараться объ этомъ гораздо болѣе; вы начинаете только жить,—будущія питомицы возникающихъ гимназій будутъ вашими подругами въ жизни. Если желаніе Монарха радостно и свято для всѣхъ, то для васъ оно—залогъ лучшей будущности, лучшаго семейнаго порядка. Поищемъ же, друзья, средство благородно и сознательно принесть и свою лепту на пользу общую.

Многіе изъ гимназистовъ: Но какъ? Какимъ образомъ?

Первый гимназистъ: Сдѣлать пожертвованіе, складчину?

Директоръ: О, нѣтъ! Деньги, которыми вы можете располагать, собственно не ваши—это трудовая копѣйка вашихъ отцовъ. Вамъ же, друзья, нужно самимъ заработать ее, чтобы потомъ пожертвовать на доброе дѣло. Поищите средства—можетъ быть найдете возможность и самимъ это сдѣлать отъ себя. Ну, вотъ, хоть ваши сценическіе опыты—они совершались прежде въ тѣс-

номъ кругу близкихъ вамъ,—я хочу теперь сдѣлать ихъ орудіемъ добраго дѣла; словомъ, мы даемъ спектакль!

Второй гимназистъ: Спектакль? Но выручка его будетъ такъ ничтожна, что не стоитъ и трудиться.

Директоръ: Это ничего не значитъ; пускай будетъ она мала, даже ничтожна, но вѣдь изъ малаго составляется великое, изъ копѣекъ ростутъ капиталы. Если мы, другіе, третьи, и во всѣхъ концахъ благословенной Россіи принесутъ жертвованія въ пользу женскихъ гимназій, то явятся и средства, и мысль Великаго Монарха скоро осуществится. Возьмемъ хоть нашъ Ставрополь. Въ немъ 17.000 жителей; еслибы каждый удѣлялъ въ годъ для благого дѣла образованія своихъ дѣтей, близкихъ и согражданъ, по пяти копѣекъ, то это составило бы уже 900 рублей. Пять копѣекъ можетъ дать каждый, даже послѣдній нищій, а пять рублей уже дѣлаютъ лишеніе и для чиновника, а потому, въ добромъ дѣлѣ, предпринимаемомъ міромъ, никогда не слѣдуетъ разсчитывать на рубли, а именно на копѣйки. Пусть вы, питомцы науки, первые внесете или будете содѣйствовать взносу этихъ благодѣтельныхъ копѣекъ, а потому я и пригласилъ васъ составить спектакль. Но дать однѣ драматическія пьесы въ спектакль будетъ неловко, въ нихъ могутъ участвовать только ваши старшіе товарищи, а трудъ долженъ быть общимъ; поэтому я присоединяю къ пьесамъ еще и дивертисманъ. Въ немъ и дѣти, и юноши, могутъ принять участіе: одинъ будетъ танцовать, другой пѣть, третій играть, и тогда вы всѣ вмѣстѣ, и каждый отдѣльно, можете сказать: и я содѣйствовалъ общему дѣлу! и я принесъ свою лепту на благо образованія!

Первый гимназистъ: Мы съ радостью явимся на судъ публики; но вѣдь мы не артисты, мы не можемъ доставить ей художественнаго наслажденія! и Богъ знаетъ, наше доброе намѣреніе найдетъ ли сочувствіе въ Ставрополѣ?

Директоръ: Найдетъ, непремѣнно найдетъ; посмотрите и ложи, и кресла, и все вокругъ полно. Васъ одобряютъ, конечно, не за талантъ вашъ, а за ваше доброе намѣреніе; стало быть, вамъ сочувствуютъ и это сочувствіе есть высшая награда наша. И такъ, друзья, смѣлѣй! не бойтесь публики, она за васъ!"...

Послѣ пролога всѣ пансіонеры гимназіи прошли польскій; учитель музыки и воспитанникъ спеціальнаго класса пропѣли каватину изъ „Пуританъ", два воспитанника на скрипкахъ и одинъ на фортепіано исполнили пьесу изъ „Фенеллы", хоръ пропѣлъ русскія пѣсни, воспитанникъ изъ горцевъ протанцовалъ лезгинку.

Къ корреспонденціи, въ которой сообщалось извѣстіе объ этомъ спектаклѣ [1]), былъ приложенъ полуоффиціальный отчетъ директора училищъ ставропольской губерніи, въ которомъ онъ, благодаря публику, доводилъ до ея свѣдѣнія, что спектакль 22 января далъ чистой выручки 545 рублей, „хотя одна ложа, нѣсколько креселъ, бо̀льшая часть партера и вся верхняя галерея не пускались въ продажу". При обыкновенныхъ спектакляхъ,—говорилось въ отчетѣ,—слѣдовало бы получить 230 рублей, слѣдовательно пожертвовано для цѣли этого спектакля 300 рублей. Имена жертвователей были напечатаны на особомъ, приложенномъ къ отчету, спискѣ.

На такія скромныя и случайныя средства должно было разсчитывать великое дѣло образованія русской женщины!

На послѣднемъ отчетѣ А. Норова, за 1857 годъ, гдѣ министръ говорилъ о встрѣчаемомъ затрудненіи въ денежныхъ средствахъ на устройство женскихъ училищъ, государь написалъ: „На чемъ остановились"? Тогда главное правленіе училищъ разсмотрѣло записку министра народнаго просвѣщенія съ проектомъ устройства женскихъ училищъ и постановило: учрежденіе ихъ предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ, соображаясь съ мѣстными средствами и потребностями; объ открытіи каждаго училища должно быть сообщаемо министерству; попечители должны при открытіи училищъ руководствоваться правилами, составленными въ министерствѣ на главныхъ началахъ, указанныхъ въ отзывахъ попечителей, за исключеніемъ пункта, въ которомъ предлагался при училищахъ совѣтъ изъ лицъ обоего пола, что̀, по мнѣнію главнаго правленія, „имѣетъ свои неудобства" [2]).

30-го мая 1858 года государь утвердилъ Положеніе о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія; хотя эти училища по Положенію должны были учреждаться на средства „правительства, разныхъ вѣдомствъ и сословій или на частныя пожертвованія", но сословіямъ и частнымъ лицамъ, учреждавшимъ на свой счетъ училище, не предоставлялось никакихъ правъ; даже выборъ начальницы зависѣлъ отъ директора мѣстной гимназіи или училищъ, изъ лицъ, имѣющихъ право на открытіе училища и „заслужившихъ полное довѣріе и одобреніе начальника губерніи, губернскаго директора училищъ или директора мужской гимназіи, а равно и обывателей города обоего пола". Ей было дано право опредѣлять размѣръ платы за ученіе и въ ея без-

[1]) Корреспонденція изъ Ставрополя, отъ 20 февраля 1857 г. („Р. Педаг. Вѣстн." 1858 г. Т. III).

[2]) Журналъ гл. правл. уч. 11 апр. 1858 г. (Арх. мин. нар. просв.).

контрольное распоряженіе должны были поступать назначенныя на содержаніе училища суммы. По курсу они раздѣлялись на два разряда: 1-го съ шестилѣтнимъ курсомъ и институтской программой, съ тою разницею, что иностранные языки, музыка, пѣніе и танцы отнесены къ предметамъ необязательнымъ; въ училищахъ 2-го разряда, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, должны были преподаваться, кромѣ закона Божія, краткая русская грамматика, русская исторія и географія сокращенно, четыре дѣйствія ариѳметики, чистописаніе и рукодѣлія.

Положеніе 1858 года было Высочайше утверждено уже при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія, Е. Ковалевскомъ, который вновь потребовалъ отъ начальствъ губерній свѣдѣній о ходѣ дѣла женскихъ училищъ. Тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, С. Ланской, 19 іюля 1858 года, увѣдомилъ Е. Ковалевскаго, что онъ разослалъ циркуляры начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства о приглашеніи дворянства и городскихъ сословій къ пожертвованіямъ на женскія училища и, кромѣ того, особымъ циркуляромъ сообщилъ начальникамъ губерній, что министерство внутреннихъ дѣлъ готово содѣйствовать училищамъ временными пособіями, также изъ доходовъ приказовъ общественнаго призрѣнія и городовъ, когда это будетъ необходимо. Въ циркулярѣ Ланского къ начальникамъ губерній было сказано, что въ помѣщеніи училищъ не должно быть никакой роскоши, и что, при недостаткѣ средствъ на устройство самостоятельнаго женскаго училища, можно обращаться къ заслуживающимъ довѣрія содержателямъ и содержательницамъ частныхъ пансіоновъ, предложивъ имъ денежное или другое пособіе, за которое они обязывались бы принять въ свое заведеніе опредѣленное число приходящихъ ученицъ и обучать ихъ по установленной для женскихъ училищъ программѣ, подлежа въ этомъ отношеніи надзору мѣстнаго начальства. Въ видахъ облегченія устройства женскихъ училищъ, было разрѣшено, по ходатайству нѣкоторыхъ губернаторовъ, преобразовывать въ женскія училища и мѣстные дѣтскіе пріюты.

Одними изъ первыхъ, учрежденныхъ въ провинціи, открытыхъ всесословныхъ женскихъ училищъ были тверскія: въ Твери и Вышнемъ-Волочкѣ. 5-го февраля 1858 года А. С. Норовъ уполномочилъ Н. Вышнеградскаго, по случаю поѣздки его въ Тверь, переговорить съ губернаторомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства и городскимъ головою объ устройствѣ въ Твери женскаго училища для приходящихъ. Тверское купечество составило 29-го апрѣля приговоръ, выписку изъ котораго поднесло импе-

ратрицѣ, когда она, вмѣстѣ съ государемъ, проѣзжала черезъ Тверь и присутствовала при открытіи, 11 августа 1858 года, училища. Въ приговорѣ было сказано: „купечество города Твери съ благодарностью сознавая высокую цѣль правительства объ открытіи женскаго училища, единодушно желая основать такое училище въ городѣ Твери и стремясь положить совершенно прочное начало этому вполнѣ благотворительному заведенію, пожертвовало по приговору своему, составленному 29-го апрѣля текущаго года: ежегодно по 2 процента съ рубля гильдейскихъ пошлинъ, вносимыхъ въ казну, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, что составитъ до 2.500 рублей въ годъ, и единовременно 1.190 рублей, на обученіе 25 бѣдныхъ дѣвицъ по 30 рублей за каждую въ годъ, въ теченіе семи лѣтъ, всего 5.250 рублей; временной купецъ Пановъ—по 1.000 рублей въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ= 3.000 рублей, и градской голова, потомственный почетный гражданинъ Головинскій—по тысячѣ рублей каждогодно въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ=5.000 рублей". Всего было собрано 16.490 рублей; изъ нихъ 5.250 рублей на плату за 25 бѣдныхъ ученицъ были пожертвованы именно по случаю пребыванія государя и императрицы въ Твери.

Училище, преобразованное изъ частнаго пансіона г-жи Гросвальдъ, которую дирекція избрала его начальницею, должно было состоять изъ шести классовъ. Въ немъ, по приговору купеческаго общества, должны были воспитываться „дочери бѣдныхъ гражданъ, оказавшихъ какія-либо заслуги передъ обществомъ".

Къ открытію поступили въ училище 60 ученицъ [1]). Императрица приняла его подъ свое покровительство и дозволила называться „Маріинскимъ".

Одновременно съ обращеніемъ къ начальствующимъ лицамъ тверской губерніи и къ губернскому предводителю дворянства, Н. Вышнеградскій обратился и къ уѣздному предводителю вышневолоцкаго дворянства съ предложеніемъ открыть въ Вышнемъ-Волочкѣ женское всесословное училище. 5-го февраля 1858 года, уѣздное дворянство, „сочувствуя благодѣтельнымъ предначертаніямъ правительства и сознавая съ благодарностью необходимость предлагаемыхъ мѣръ къ распространенію образованія", изъявило полную готовность содѣйствовать открытію женскаго училища, съ тѣмъ, чтобы плата съ ученицы была не выше 25 — 35 рублей въ годъ и поручила своему предводителю ходатайствовать передъ

---

¹) Журналъ для воспитанія. 1858. Т. IV.

императрицею о принятіи училища подъ ея покровительство и о присвоеніи ему названія „Маріинскаго“.

Купеческое общество Вышняго-Волочка собрало по добровольной подпискѣ 2.100 рублей на его обзаведеніе; инженеры и гражданскіе чины 3-го округа путей сообщенія и публичныхъ зданій пожертвовали единовременно 162 рубля; почетный гражданинъ Ванчаковъ взялся доставить нужную для училища мебель; купецъ 1-й гильдіи Власовъ предложилъ помѣщеніе для училища на первый годъ въ своемъ домѣ; Н. Вышнеградскій, независимо отъ участія съ купечествомъ въ подпискѣ на училище, обѣщалъ доставить ему всѣ нужныя учебныя пособія; соборный священникъ, магистръ Ягнъ, и штатный смотритель вышневолоцкихъ училищъ предложили преподавать даромъ, первый — законъ Божій, второй—географію.

Когда купечеству и мѣщанству было предъявлено Высочайше утвержденное 30-го мая 1858 года Положеніе о женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, то они постановили: отпускать изъ городскихъ доходовъ училищу по 300 рублей въ годъ и, при объявленіи купеческихъ капиталовъ, вносить съ купцовъ 1-й гильдіи по 5 рублей, 2-й по 3 р. и 3-й по 1 рублю, но съ тѣмъ, чтобы училище было открыто на заявленныхъ еще въ февралѣ купечествомъ основаніяхъ, т.-е. чтобы оно состояло въ вѣдѣніи Главнаго Совѣта, подъ попечительствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго и подъ начальствомъ Н. Вышнеградскаго, и чтобы за ученіе обязательнымъ предметамъ было назначено 25 рублей въ годъ съ ученицы, а необязательнымъ— 5 рублей. Кромѣ того, они просили назначить инспекторомъ титулярнаго совѣтника Филаретова, а главною надзирательницею и преподавательницею французскаго языка и рукодѣлій—дѣвицу Подобѣдову, „какъ всему обществу извѣстную своими познаніями и хорошею нравственностью“ [1]).

Такъ какъ желаніе городского общества, чтобы вышневолоцкое училище было подчинено Главному Совѣту, противорѣчило Положенію 30-го мая, по которому оно должно было состоять въ вѣдѣніи министерства, подъ наблюденіемъ губернскаго директора училищъ, то министръ народнаго просвѣщенія представилъ объ этомъ на Высочайшее разрѣшеніе. Государь согласился удовлетворить желаніе вышневолоцкаго общества и Главный Совѣтъ разрѣшилъ немедленно открыть училище на 120 приходящихъ ученицъ (74 уже имѣлись въ виду). Расходы по училищу пред-

[1]) Дѣла Гл. Совѣта. 1858 г.

полагались въ суммѣ до 4.490 рублей въ годъ, а доходы—въ 4.100 рублей; изъ нихъ сборъ на 120 ученицъ составлялъ 2.220 рублей, изъ городскихъ доходовъ 300, сборъ съ купеческихъ капиталовъ 200; остальная сумма должна была выдаваться изъ процентовъ съ запаснаго капитала, „который составляется“. Въ число доходовъ Главный Совѣтъ не включилъ обѣщанной дворянствомъ суммы, но упомянулъ о томъ, что „дворянство, безъ сомнѣнія, по изъявленной имъ готовности, окажетъ содѣйствіе училищу“ [1]). Онъ допустилъ для вышневолоцкаго училища, по мѣстнымъ условіямъ, измѣненія въ основныхъ правилахъ петербургскихъ училищъ и назначилъ почетными блюстителями: вышневолоцкаго предводителя дворянства, начальника округа путей сообщенія, городского голову, старшаго протоіерея вышневолоцкаго собора, директора училищъ тверской губерніи и Н. Вышнеградскаго „для необходимаго, особенно на первое время, посредничества между Принцемъ и училищемъ и для постояннаго слѣдованія за ходомъ онаго въ сравненіи съ подобными заведеніями въ столицѣ“.

Пожертвованія на женскія училища въ тверской губерніи были сдѣланы купечествомъ еще въ четырехъ городахъ: Кашинѣ, Калязинѣ, Бѣжецкѣ и Весьегонскѣ.

Излагая министру народнаго просвѣщенія ходъ этого дѣла въ Кашинѣ, кашинскій городской голова разсказывалъ, что въ 1859 году смотритель уѣзднаго училища потребовалъ у думы точныхъ свѣдѣній о числѣ жителей города по классамъ и гильдіямъ. „Но для какой цѣли,—пишетъ голова,—для статистическихъ свѣдѣній или въ видахъ распоряженія высшаго начальства —думѣ въ томъ отношеніи не объяснялось. Между прочимъ смотритель спрашивалъ думу: есть ли въ городѣ Кашинѣ благонамѣренные люди, которые могли бы содѣйствовать образованію“? На это голова отвѣтилъ, что „въ обществѣ неблагонамѣренныхъ людей нѣтъ, ибо они имъ нетерпимы и исключаются по законамъ; общество же желаетъ просвѣщенія“ [2]). Калязинское городское общество, ассигновавъ изъ городскихъ доходовъ по 250 рублей въ годъ на училище, обусловило свое участіе въ дѣлѣ тѣмъ, чтобы дѣти мѣщанъ и купцовъ учились даромъ. Городъ Осташковъ отказался отъ устройства новаго училища, рѣшивъ оставить въ прежнемъ положеніи то, которое существовало въ городѣ съ 1839 года.

---

[1]) Журн. Гл. Сов. 22 дек. 1858 г.

[2]) Докладная записка кашинскаго гор. головы министру нар. просв. (Арх. мин. нар. просв.).

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ были въ то же время получены увѣдомленія начальниковъ нѣкоторыхъ губерній; губернскій предводитель владимірской губерніи ограничился простымъ сообщеніемъ, что онъ передалъ дворянству циркуляръ министра объ устройствѣ женскихъ училищъ; отъ попечителя московскаго учебнаго округа было получено извѣщеніе, что на женскія училища въ костромской губерніи два помѣщика пожертвовали 50 рублей 40½ копѣекъ, да отъ В. Базилевскаго поступило 300 рублей. Черниговскій губернаторъ сообщилъ, что съ данныхъ въ Черниговѣ въ пользу женскихъ училищъ трехъ спектаклей получено 1.400 рублей, и что онъ предписалъ всѣмъ думамъ губерніи предложить городскимъ обществамъ, чтобы они изложили свои потребности и то участіе, какое примутъ въ устройствѣ училищъ. Предводитель дворянства таврической губерніи писалъ, что дворянство еще не оправилось отъ войны, но что въ его средѣ уже возникли соображенія объ устройствѣ женской школы въ Симферополѣ. Дворянство лифляндской губерніи высказалось въ томъ смыслѣ, что оно довольно своими школами. Псковское дворянство постановило отложить дѣло до другого, болѣе благопріятнаго времени.

Послѣ изданія Положенія 30 мая 1858 года о женскихъ училищахъ, начальства губерній стали усиленно побуждать населеніе къ ихъ устройству, обращаясь преимущественно къ купечеству и, въ рѣдкихъ случаяхъ, къ дворянству. Дѣло пошло быстрѣе и мало-по-малу училища стали открываться не только въ губернскихъ городахъ, но въ такихъ даже, какъ Тотьма, Устьсысольскъ, Яренскъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, населеніе соглашалось неохотно и не сразу, даже въ большихъ городахъ. Въ Херсонѣ Педагогическій Совѣтъ мужской гимназіи еще въ апрѣлѣ 1858 года, стало быть еще до изданія Положенія, постановилъ содѣйствовать устройству женскаго училища тѣмъ, что учителя предложили преподавать въ немъ безплатно. Директоръ училищъ обратился за содѣйствіемъ къ губернскому начальству приглашеніемъ городскихъ обывателей къ пожертвованіямъ на училище по подпискѣ. При этомъ было предложено разсрочить пожертвованія именно такъ, чтобы въ первый годъ каждое семейство платило по 30 копѣекъ въ годъ, а въ два остальные—по 25 копѣекъ. Считая въ Херсонѣ 6.000 семействъ, получилось бы 1.800 рублей, что̀ было бы достаточно для открытія училища. На предложеніе начальника губерніи два городскихъ общества отвѣтили, что считаютъ дѣло полезнымъ, но „по бѣдности своей не предвидятъ надобности въ заведеніяхъ для дѣтей женскаго пола". Херсонская дума замедлила отвѣтомъ. Видя

такое отношеніе городскихъ обществъ, директоръ херсонской мужской гимназіи устроилъ у себя на дому любительскій музыкальный вечеръ, давшій сбора до 487 рублей и, кромѣ того, по словамъ корреспондента „Одесскаго Вѣстника", 75 билетовъ, на сумму 505 рублей, были разобраны на обѣдѣ у директора послѣ произнесенной имъ рѣчи. Дворянство открыло на выборахъ 1859 года въ пользу женскаго училища подписку, но она дала всего 68 рублей 44 копѣйки [1]). Наконецъ, херсонская дума увѣдомила, что, „за всѣми убѣжденіями, херсонское общество всѣхъ сословій не изъявило согласія на пожертвованіе для женскихъ школъ". Александрійская городская ратуша сообщила, что „городское общество всѣхъ сословій, при всѣхъ усиленныхъ и неоднократныхъ убѣжденіяхъ членовъ ратуши и ея секретаря, не изъявляетъ согласія на пожертвованія для устройства въ Александріи женской школы". Такой отвѣтъ получился и отъ другихъ думъ и ратушъ херсонской губерніи.

Категорическіе отказы были получены отъ семи городовъ рязанской губерніи. Егорьевскіе купцы и мѣщане прямо сказали, что „никакой пользы отъ женскихъ школъ они не предвидятъ". Отъ ярославской дирекціи поступило сообщеніе, что дворяне воспитываютъ своихъ дочерей въ пансіонахъ и институтахъ; купцы считаютъ лишнимъ давать образованіе дѣвицамъ, а мѣщане и ремесленники находятъ образованіе для своихъ дочерей безполезнымъ, если не вреднымъ [2]). Старѣйшее изъ городскихъ обществъ владимірской губерніи, суздальское, заявило, что въ образованіи дѣтей женскаго пола крайней нужды не имѣетъ [3]).

Минское дворянство также отказалось открыть на свои средства женское училище. На выборахъ 1859 года оно постановило, что считаетъ такое училище безполезнымъ потому, что: 1) содержаніе каждой воспитанницы, согласно указанной правительствомъ программѣ, обойдется въ 74 рубля въ годъ, а приходящихъ, живущихъ на наемной квартирѣ, въ 60 — 70 рублей; такимъ образомъ, содержаніе дочери обойдется не живущимъ въ городѣ родителямъ въ 134 — 144 рубля въ годъ, между тѣмъ какъ въ частныхъ женскихъ пансіонахъ приходящія платятъ (вмѣстѣ съ уроками музыки) отъ 30 до 45 рублей, а живущія въ пансіонѣ на полномъ содержаніи—отъ 90 до 130 рублей; 2) въ частныхъ пансіонахъ воспитываются большею частью дочери зажиточныхъ людей; онѣ поступаютъ хорошо приготовленными и

---

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1862 г. Т. 113. (Корреспонденція изъ Одессы).

[2]) Журн. для воспитанія. 1860 г. Т. VII.

[3]) Журн. мин. нар. просв. 1860 г. Т. 107.

съ хорошимъ направленіемъ, служатъ примѣромъ для подругъ и вообще „находящіяся подъ постояннымъ надзоромъ наставницъ дѣвицы гораздо больше успѣваютъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ тѣ, которыя возвращаются въ общество слугъ или мѣщанъ, у которыхъ нанимаютъ квартиру". Поэтому—сказано въ постановленіи дворянства—ясно, что учрежденіе въ Минскѣ женской гимназіи преждевременно [1]).

Въ маленькихъ городкахъ энергичному начальству удавалось иногда сломить сопротивленіе населенія, и женскія школы постепенно учреждались. Когда, въ 1858 году, въ Великомъ-Устюгѣ начальникъ губерніи предложилъ думѣ пріискать средства къ устройству женскаго училища второго разряда, городской староста представилъ приговоръ купеческаго и мѣщанскаго обществъ, что „такъ какъ въ Великомъ-Устюгѣ есть уже женская школа, на которую дума даетъ изъ городскихъ доходовъ по 30 рублей въ годъ, то болѣе школъ не нужно". Найдя такой приговоръ двухъ городскихъ обществъ, а не всѣхъ сословій, недостаточнымъ, начальникъ губерніи предложилъ пригласить къ участію въ составленіи новаго приговора всѣхъ городскихъ обывателей, а дума поручила полиціи объявить имъ предложеніе губернатора. Мѣсяцъ спустя, полиція донесла, что оно было объявлено всѣмъ городскимъ сословіямъ, но они на открытіе второго дѣвичьяго училища не согласны. На томъ основаніи, что изъ представленной полиціею переписки не было видно, что жители города разныхъ сословій дали письменные отзывы о несогласіи на учрежденіе женской школы, дума постановила просить полицію „исполнить во всей точности" предписаніе высшаго начальства. Въ 1859 г. полиція представила думѣ новый отзывъ обывателей: „мы, нижеподписавшіеся,—говорилось въ немъ,—отношеніе думы, въ коемъ изложено предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ объ открытіи женской школы, слышали, но участвовать въ открытіи оной не согласны". Сообщая эти свѣдѣнія, окружной инспекторъ с.-петербургскаго округа, Максимовичъ [2]), прибавляетъ, что въ числѣ подписавшихъ отзывъ не было „ни одного лица, пользующагося въ городѣ извѣстностью".

Тогда штатный смотритель предложилъ начальствующимъ лицамъ города и живущимъ въ немъ чиновникамъ жертвовать для предположеннаго училища по одному проценту съ получаемаго

---

[1]) Сообщеніе ген.-ад. Назимова Главному Совѣту. (Дѣла Гл. Сов. 1860 г.).

[2]) Женскія училища вѣдомства минист. нар. просв. Составлено окружнымъ инспекторомъ, по порученію начальства Спб. уч. округа, П. Максимовичемъ, по оффиціальнымъ отчетамъ. 1865 г.

каждымъ жалованья, на что всѣ изъявили единодушное согласіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ думу обратились къ „благодѣтелю устюжскаго края, коммерціи совѣтнику, потомственному почетному гражданину", который обѣщалъ построить домъ для училища, если общество дастъ средства для его содержанія. „Со дня этого разговора, — замѣчаетъ Максимовичъ, — открытіе женскаго училища можно было считать осуществившимся". Однако, надо было собрать средства на содержаніе училища, безъ которыхъ коммерціи совѣтникъ не соглашался выстроить домъ. Бывшій директоръ училища обратился къ каждому изъ „именитѣйшихъ" лицъ въ отдѣльности, убѣждая и представляя выгоды, происходящія отъ образованія дѣвицъ, подкрѣпляя свои убѣжденія „производившимся тогда слѣдствіемъ по одному событію, совершившемуся именно отъ недостатка воспитанія и отъ невѣжества". Штатный смотритель настоялъ, чтобы дума созвала общее собраніе городскихъ обывателей всѣхъ сословій, „чего прежде не бывало и что̀ встрѣтило сильную опозицію со стороны нѣкоторыхъ". Передъ открытіемъ собранія, протоіерей успенскаго собора обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „По слову Цареву мы приступаемъ къ открытію женскаго училища, и потому всякое недоразумѣніе съ вашей стороны по сему важному предмету послужитъ выраженіемъ вашего недовѣрія къ высшей власти, всякое прекословіе будетъ выраженіемъ вашего неуваженія воли Монарха. Да не будетъ сего!" „И его не было,—говоритъ Максимовичъ,—голосъ строптивыхъ умолкъ передъ гласомъ убѣдительной истины. Всѣ единодушно старались только опредѣлить разные источники доходовъ для обезпеченія женскаго училища". Для покрытія расходовъ по его содержанію требовалось 700 рублей въ годъ; общее собраніе 1859 года постановило брать съ купеческихъ капиталовъ 1-й гильдіи по 18 руб. 75 коп. въ годъ, 2-й гильдіи—7 руб. 50 коп., 3-й—по 3 руб.; съ каждой „мѣщанской души"—по 3 копѣйки. Изъ городскихъ доходовъ было назначено на женское училище по 30 рублей въ годъ; изъ чистой прибыли городского банка — 200 рублей; со служащихъ чиновниковъ по 1% съ получаемаго ими жалованья, что̀ составило около 100 рублей. Въ общей сложности училищу было обезпечено 728 руб. 25 коп. въ годъ. Кромѣ того, духовенство открыло добровольную подписку и обѣщало повторять ее и въ будущемъ.

Утвержденіе этого приговора великоустюжскихъ гражданъ замедлилось по независящимъ отъ нихъ причинамъ; министръ внутреннихъ дѣлъ не разрѣшилъ банку отчислять изъ своихъ до-

ходовъ по 200 рублей въ годъ училищу, предоставляя городскому обществу ходатайствовать объ измѣненіи соотвѣтствующихъ параграфовъ Положенія о банкѣ, а между тѣмъ, по словамъ Максимовича, „во всѣхъ сословіяхъ стало замѣтно нетерпѣніе и желаніе видѣть у себя скорѣе разсадникъ будущихъ образованныхъ матерей семействъ".

Въ Грязовцѣ директоръ училищъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ убѣждалъ собранныхъ въ думу горожанъ въ пользѣ женскихъ училищъ и въ томъ, что для этого каждому придется пожертвовать самую ничтожную сумму.

Едва ли не болѣе всѣхъ другихъ по дѣлу устройства женскихъ училищъ было сдѣлано въ вятской губерніи. Какъ только былъ полученъ указъ вятскаго губернскаго правленія съ объявленіемъ воли государя объ ихъ учрежденіи, въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" была напечатана статья, занявшая цѣлый нумеръ, о необходимости женскихъ училищъ въ Вяткѣ и въ вятскомъ краѣ.

„Счастливъ тотъ,—говорилось въ статьѣ,—на долю котораго выпадетъ высокое дѣло осуществленія въ Вяткѣ женской гимназіи или, по крайней мѣрѣ, положившій начало ея основанію: онъ увѣковѣчитъ свое имя этимъ прекраснымъ дѣломъ. Память о благодѣтелѣ вятскихъ жителей будетъ для насъ священна, а вятская лѣтопись украсится новымъ незабвеннымъ для него листкомъ великаго дѣла, ибо немногое въ жизни человѣческой, что выше образованія ума и сердца подобныхъ себѣ [1])".

Въ концѣ 1858 года вятское купеческое общество положило вносить на училище по $^1/_2$ процента съ объявляемыхъ капиталовъ. Начальникъ губерніи, Н. Муравьевъ, нашелъ, что этого мало; онъ пріѣхалъ въ собраніе купеческаго общества и убѣдилъ его въ необходимости увеличить взносы. Тогда купечество постановило вносить въ теченіе 12-ти лѣтъ по $1^1/_2$ процента съ объявленныхъ капиталовъ и кромѣ того обязалось по открытіи въ Вяткѣ общественнаго банка назначить изъ его прибылей сумму на содержаніе училища, а также устраивать въ его пользу лотереи.

Какъ только приговоръ вятскаго общества сталъ извѣстенъ въ уѣздныхъ городахъ, они также стали жертвовать на училища, и къ концу 1859 года состоялись приговоры еще въ пяти городахъ губерніи. Котельничскіе купцы и мѣщане сами ходатай-

[1]) Вятская хроника за послѣднія 25 лѣтъ, 1855 — 1880 гг. (Столѣтіе вятской губ. 1780—1880 гг. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи вятскаго края. Изданіе вятскаго губ. статистич. комитета. Вятка. 1880 г.).

ствовали объ учрежденіи женскаго училища, для котораго былъ предназначенъ общественный домъ и обезпечена сумма на содержаніе изъ взносовъ съ гильдейскихъ капиталовъ и при совершеніи браковъ (съ купцовъ 1-й гильдіи по 36 руб. отъ жениха и невѣсты, 2-й—по 19 руб., 3-й—по 5 руб., съ мѣщанъ—по 80 коп.) и крестинъ (съ купцовъ 1-й гильдіи по 5 руб., 2-й—3 руб., 3-й—1 руб.). Городской голова объявилъ, что, желая ускорить открытіе училища, онъ, до формальнаго учрежденія, устроитъ его на свой счетъ въ собственномъ домѣ, который жертвуется училищу навсегда, и принимаетъ на себя всѣ расходы въ первый годъ существованія училища. Кромѣ того, онъ обязался вносить ежегодно училищу по 100 рублей, если будетъ „удостоенъ" званія попечителя, также и жена его, изъявившая готовность быть попечительницею.

Елабужскій купецъ 1-й гильдіи, Ушковъ, предложилъ построить на свой счетъ и пожертвовать двухэтажный домъ для мужского уѣзднаго училища, съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ. Расходы на первоначальное обзаведеніе и содержаніе этого отдѣленія елабужское общество положило покрыть изъ городскихъ доходовъ и частныхъ пожертвованій. По поводу этихъ приговоровъ „Вятскія Губернскія Вѣдомости" сказали, что „имена Кардаковыхъ (котельничскій городской голова и его жена) и Ушкова не будутъ забыты въ лѣтописи просвѣщенія вятскаго края".

Такіе же приговоры составили общества въ Сарапулѣ и Слободскомъ. Послѣднее постановило, чтобы въ женскомъ училищѣ, съ курсомъ приближеннымъ къ уѣздному, дочери гражданъ, духовенства и чиновниковъ, служащихъ въ Слободскомъ, обучались обязательнымъ предметамъ даромъ.

Ускоренію открытія училищъ въ нѣкоторыхъ городахъ значительно содѣйствовалъ проѣздъ черезъ нихъ государя и императрицы въ 1858 году. Въ Нижнемъ-Новгородѣ еще въ 1856 году начались совѣщанія объ открытіи женскаго всесословнаго училища; тогда было предложено чиновникамъ высказать свое мнѣніе по этому дѣлу и опредѣлить способы для покрытія расходовъ на его обзаведеніе. Чиновники согласились жертвовать по полупроценту, а нѣкоторые и болѣе, съ получаемаго жалованья; преподаватели гимназіи, Александровскаго института и уѣзднаго училища предложили свой даровой трудъ; купцы и мѣщане обязались вносить по четверти процента и по десяти копѣекъ съ окладной души мѣщанъ и цеховыхъ въ теченіе первыхъ, съ 1857 года, четырехъ лѣтъ. Такимъ образомъ составилась ежегодная сумма въ 1.900 рублей. Начальникъ губерніи

призналъ это недостаточнымъ, „если только дворянство не приметъ участія на выборахъ въ декабрѣ 1857 года". Но большинство чиновниковъ нашли непримѣнимыми къ своему быту тѣ основанія устройства училища, которыя были имъ предъявлены. Когда императрица разрѣшила выдавать изъ процентовъ съ запаснаго капитала 2.071 рубль 45 копѣекъ взамѣнъ такой же суммы, отпускавшейся нижегородскимъ приказомъ общественнаго призрѣнія нижегородскому институту, было найдено неудобнымъ открыть женское училище 2-го разряда, какъ раньше думали. Средствъ, однако, не было; но 30-го октября 1858 года, „въ ознаменованіе посѣщенія города Ихъ Императорскими Величествами съ Ихъ Высочествами", купеческое общество постановило вносить по полупроценту съ объявленныхъ капиталовъ въ теченіе 10 лѣтъ, что составляло ежегодную сумму въ 2.500 рублей. Училище было открыто 29-го марта 1859 года. Хотя уставъ его уже давно ходилъ по рукамъ и была разослана публикація въ видѣ афиши объ открытіи училища, но къ этому времени поступило всего 8 ученицъ. Директоръ нижегородскихъ училищъ съ сожалѣніемъ объявилъ, что замѣчаетъ въ родителяхъ, приводившихъ къ нему дѣтей, какую-то нерѣшительность, „какъ будто предубѣжденіе". Публики на открытіи училища было также немного; „больше лица оффиціальныя, изъ купечества два-три человѣка; мѣщанство, разумѣется, не посмѣло выслать ни одного представителя, также какъ и мелкая бюрократія... А для чьихъ же дѣтей,—прибавляетъ авторъ корреспонденціи,—и открывается новое училище, если не для средняго сословія"?

На харьковское училище купечество опредѣлило вносить въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ извѣстную сумму съ гильдейскихъ капиталовъ, составившую въ 1858 году 1.880 рублей. По случаю проѣзда черезъ Харьковъ государя было собрано на сооруженіе тріумфальной арки 3.305 рублей, которые, по лично выраженному государемъ желанію, были отданы на устройство женскаго училища. Тогда съ этой цѣлью стали поступать пожертвованія отъ частныхъ лицъ и капиталъ училища возросъ до 15.637 р. [1]).

Въ Вологдѣ предположеніе объ устройствѣ женскаго училища и переписка о немъ тянулись полтора года; черезъ полиціймейстера было собрано 400 рублей 50 копѣекъ, были даны два любительскихъ спектакля, городское общество назначило выдавать 1.250 рублей въ годъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ (съ 1857 года); но этихъ суммъ было недостаточно для откры-

---

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1860, т. 107.

тія училища. Когда стало извѣстно, что государь, въ 1858 году, проѣдетъ черезъ Вологду, начальствующія лица приложили усиленныя старанія къ изысканію средствъ на училище; они обратились къ почетному гражданину Кокореву съ просьбой, чтобы онъ отдалъ имъ проценты съ пожертвованныхъ въ пользу ополченцевъ вологодской губерніи 50.000 рублей съ тѣмъ, чтобы дочери недостаточныхъ ополченцевъ допускались въ училище безплатно и по окончаніи курса, еще въ теченіе одного года, упражнялись въ преподаваніи въ низшихъ классахъ. Эти проценты, пожертвованные Кокоревымъ на первыя восемь лѣтъ существованія училища, составляли 1.000 рублей въ годъ, и училище было открыто „въ ознаменованіе всерадостнаго посѣщенія Его Императорскаго Величества Вологды“ 14-го іюня 1858 года. Въ училище поступили 30 учениць, бо́льшей частью изъ бывшаго единственнаго во всей губерніи частнаго пансіона г-жи Дозе, которая была переименована въ начальницы училища [1]).

Въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1858 годъ было сказано, что пока производилась переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о привлеченіи къ участію въ устройствѣ женскихъ училищъ мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ, дѣло шло медленно и въ 1857 году открыто только одно, въ Костромѣ; что затѣмъ, по полученіи отъ попечителей учебныхъ округовъ и изъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, было составлено Положеніе о женскихъ училищахъ, Высочайше утвержденное 30-го мая 1858 года, и тогда, а также послѣ принятія императрицею нѣкоторыхъ училищъ подъ свое покровительство, открытіе ихъ пошло весьма быстро. Въ теченіе второй половины 1858 года открыты или предположены къ открытію: въ Вологдѣ, Тотьмѣ, Устьсысольскѣ, Твери, Рязани, Самарѣ, Моршанскѣ, Ржевѣ, Черниговѣ, Тулѣ, Смоленскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

„Если и далѣе пойдетъ такъ,—говорилось въ отчетѣ,—то просвѣщеніе въ Россіи получитъ сильное подкрѣпленіе, ибо никто и ничто не можетъ имѣть такого благотворнаго вліянія на первоначальное образованіе юношества, какъ просвѣщенная мать“ [2]).

17-го іюля 1859 года, по докладу товарища министра народнаго просвѣщенія, состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы учреждаемыя на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ, дворянства и городскихъ обществъ женскія всесословныя училища,

---

[1]) Женскія училища. П. Максимовича.

[2]) Журн. мин. нар. просв. 1859 г., т. 103.

даже и тѣ, которыя приняты подъ покровительство императрицы, состояли въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія на основаніи положенія 30-го мая 1858 года, а получающія средства отъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи—въ вѣдѣніи принца Ольденбургскаго.

Въ половинѣ 1859 года въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи было 4 училища въ Петербургѣ и одно въ Вышнемъ-Волочкѣ; разрѣшены къ открытію 4 въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, одно въ Кіевѣ и одно въ Саратовѣ. Хотя изъ этихъ 11 училищъ 7 учреждались на средства дворянства, городского общества и частнаго лица [1]), но по Высочайшему повелѣнію они были подчинены Главному Совѣту. Въ нихъ допускались представители мѣстныхъ сословій: предводитель дворянства, архіерей (въ Саратовѣ), начальникъ округа путей сообщенія (въ Вышнемъ-Волочкѣ), городской голова, старшій протоіерей, директоръ училищъ. Всѣ эти лица носили званіе почетныхъ блюстителей.

Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія въ 1859 году училищъ было болѣе, нежели въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи,—но это были преимущественно училища второго разряда.

Е. Лихачева.

---

[1]) Четыре училища въ западномъ краѣ на средства дворянства, въ Саратовѣ и Вышнемъ-Волочкѣ на средства городскихъ обществъ, въ Кіевѣ—на пожертвованіе сенатора Фундуклея.

ПАВЕЛЪ I и ГУСТАВЪ IV

1796—1800 гг.

По документамъ стокгольмскаго архива.

Главная цѣль, которую по случаю поѣздки молодого шведскаго короля Густава IV въ Петербургъ имѣли въ виду кабинеты с.-петербургскій и стокгольмскій, какъ извѣстно, не была достигнута. Проектъ брака Густава IV съ дочерью великаго князя Павла Петровича, Александрою, остался открытымъ вопросомъ. Король желалъ, чтобы его невѣста приняла лютеранскую вѣру, а Екатерина II не считала возможнымъ исполнить это желаніе, требуя для своей внучки, будущей шведской королевы, полной свободы вѣроисповѣданія и устройства въ Стокгольмѣ православной церкви, или по крайней мѣрѣ часовни въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ могло бы отправляться богослуженіе. Переговоры по этому вопросу не привели къ желаемому результату.

Такимъ образомъ, свиданіе между Густавомъ IV и членами царской фамиліи, осенью 1796 года, кончилось довольно рѣзкимъ диссонансомъ. Раздраженіе императрицы по случаю этого эпизода доходило до того, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, ея кончина, воспослѣдовавшая нѣсколько недѣль спустя послѣ отъѣзда короля изъ Петербурга, могла стоять въ нѣкоторой связи съ этимъ событіемъ. Великая княгиня Марія Ѳедоровна, расположенная къ королю, какъ къ будущему зятю, страдала тѣмъ болѣе отъ уничтоженія этой надежды, что видѣла страстную любовь дочери къ жениху. Личныя отношенія между королемъ и цесаревичемъ въ послѣднее время пребыванія Густава IV въ

Петербургѣ были, впрочемъ, натянутыми. Благодаря этому, король, уѣзжая, вовсе не простился съ великокняжескою четою. Онъ и его дядя, герцогъ Зюдерманландскій, обмѣнялись съ Павломъ Петровичемъ и Маріею Ѳедоровною письмами, въ которыхъ высказывалась однако надежда на возобновленіе близкихъ сношеній. Изъ этихъ писемъ видно, что проектъ брака тогда еще не рушился вовсе и что съ обѣихъ сторонъ питали надежду на его осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ. Регентъ, Карлъ Зюдерманландскій, писалъ къ великому князю Павлу Петровичу: „Я не отчаяваюсь имѣть счастіе обнять васъ, какъ родственника"... Въ письмѣ короля къ Маріи Ѳедоровнѣ сказано: „Я не теряю надежды видѣть вскорѣ осуществленіе моихъ желаній въ счастливомъ союзѣ, который упрочитъ счастіе двухъ націй". Особенная нѣжность проглядывала въ письмѣ къ королю со стороны Маріи Ѳедоровны; она писала между прочимъ: „Я никогда не утрачу ни воспоминанія о минутахъ, въ которыя я имѣла честь васъ видѣть, ни живѣйшаго желанія, чтобы онѣ возобновились" [1]). Также и другія лица, зорко слѣдившія за ходомъ событій при дворѣ, какъ-то: Державинъ, княгиня Голицына, русскій дипломатъ въ Стокгольмѣ, Будбергъ, шведскій посолъ въ С.-Петербургѣ, Стедингъ, и др., не теряли надежды на осуществленіе проекта брака, считавшагося весьма важнымъ средствомъ сближенія между Россіею и Швеціею.

Изъ донесеній шведскихъ дипломатовъ, находившихся въ Россіи при дворѣ, видно, какъ они много потрудились надъ возстановленіемъ благопріятныхъ отношеній между обѣими державами. Письма барона Стединка и барона Клингспора къ королю Густаву IV и къ министрамъ даютъ намъ возможность составить себѣ точное понятіе о настроеніи с.-петербургскаго двора, о томъ, какъ относились къ этому вопросу Павелъ Петровичъ, Марія Ѳедоровна и великая княжна Александра Павловна. Оба дипломата пользовались особеннымъ расположеніемъ членовъ царской фамиліи. Въ самыхъ интимныхъ бесѣдахъ съ государемъ, съ императрицею и съ несчастною невѣстою они обсуждали всѣ подробности дѣла. Воспроизведеніе этихъ бесѣдъ составляетъ самую любопытную часть депешъ Стединка и Клингспора. Изъ нихъ видно, до чего доходила уступчивость русскаго двора въ вопросѣ объ исповѣданіи. При чтеніи этихъ документовъ не трудно убѣдиться также въ томъ, что виновникомъ окончательнаго разлада по этому дѣлу былъ Густавъ IV.

[1]) „Р. Старина", IX. 497—498.

I.—Перемѣна на престолѣ въ Россіи.

Король Густавъ IV и регентъ покинули Петербургъ 20 сентября 1796 г. Шведскій посолъ Стединкъ провожалъ короля до шведской Финляндіи. Положеніе его было очень неловкимъ. Екатерина была имъ очень недовольна, подозрѣвая съ его стороны неблагопріятное вліяніе на короля [1]). Можно было ожидать, что съ нимъ при русскомъ дворѣ станутъ обращаться съ нѣкоторою холодностью. О настроеніи императрицы и русскаго общества въ отношеніи къ Швеціи и къ королю свидѣтельствуютъ слѣдующія замѣчанія въ донесеніяхъ шведскихъ дипломатовъ. Между тѣмъ какъ Стединкъ находился въ Финляндіи, секретарь посольства Зеннингсъ доносилъ королю 26 сентября (7 октября), что ежегодно ему случается слышать благопріятные отзывы о Густавѣ и лицахъ, его окружавшихъ во время его пребыванія въ Петербургѣ. „Вся свита, находящаяся здѣсь, а также и прислуга, вели себя во все это время какъ нельзя лучше",—сказано въ письмѣ Зеннингса. Далѣе, секретарь посольства сообщаетъ слѣдующія данныя о придворномъ балѣ, устроенномъ 20 сентября (1 октября), въ день отъѣзда короля по случаю празднованія дня рожденія Павла Петровича: „Императрицы, Павла и Маріи Өедоровны на этомъ балѣ не было. Гостей принимали великія княжны Александра, Елена и Марія". Стединкъ доносилъ, 3/14 октября, возвратившись въ Петербургъ изъ города Ловизы, гдѣ онъ простился съ королемъ: „Всѣ хвалятъ короля. Очевидно, приближается время, когда обѣ націи будутъ тѣсно связаны узами близкаго родства".

Павелъ видѣлся съ королемъ, въ послѣдній разъ до отъѣзда послѣдняго, на придворномъ балѣ, устроенномъ въ день рожденія великой княгини Анны Өедоровны. При этомъ случаѣ Павелъ безцеремонно далъ почувствовать королю свой гнѣвъ. Въ письмѣ придворнаго врача Роджерсона къ графу Воронцову сказано объ этомъ эпизодѣ: „Ея величество явилась нѣсколько позже; великій князь-отецъ былъ хозяиномъ и принималъ гостей. Король входитъ, кланяется всѣмъ присутствующимъ; великій князь, стоявшій у колонны, показываетъ видъ, будто не замѣчаетъ короля,

---

[1]) Такъ должно понимать выраженіе императрицы въ ея письмѣ къ Будбергу, отъ 19-го сентября: „Стединкъ, какъ говорятъ, промѣнялъ дружбу Рейтергольма на дружбу Флемминга". О Флеммингѣ же, котораго Екатерина называла фатомъ, ханжою и т. п., разсказывали, что онъ дѣйствовалъ на короля въ духѣ религіозной нетерпимости.

смотрить въ сторону и продолжаетъ бесѣдовать съ графомъ Салтыковымъ. Король подходитъ къ великой княгинѣ Маріи Өедоровнѣ и къ супругамъ молодыхъ великихъ князей; онѣ съ нимъ говорятъ, но мало. Затѣмъ онъ является передъ отцомъ невѣсты, стоитъ передъ нимъ съ минуту, но тотъ притворяется, будто не видитъ его, и, отвернувшись, не прерываетъ разговора съ Салтыковымъ. Всѣ присутствующіе не знали куда дѣваться отъ смущенія. Король удалился къ своимъ шведскимъ кавалерамъ... Къ счастью, иностранные министры не были свидѣтелями этой сцены. Всѣ они стояли у дверей, ожидая появленія императрицы" [1]). Прусскій посланникъ доносилъ, что при этомъ случаѣ королю былъ оказанъ „явно холодный пріемъ" [2]). По другимъ источникамъ, когда король хотѣлъ говорить съ Павломъ, послѣдній обернулся къ нему спиною, а Зубовъ также явно высказалъ свое нерасположеніе. Татищевъ писалъ Воронцову: „на балу великій князь не поклонился королю, не говорилъ съ нимъ и ушелъ до удаленія императрицы" [3]). Немного спустя, Тауенцинъ доносилъ королю Фридриху-Вильгельму: „Стедингъ мнѣ разсказывалъ о всѣхъ непріятностяхъ, происходившихъ во время пребыванія здѣсь короля; онъ сообщилъ мнѣ частности разныхъ сценъ, тогда случившихся" [4]).

Поведеніе великаго князя при этомъ послѣднемъ свиданіи съ Густавомъ IV не могло не подѣйствовать сильно на короля и на лицъ его окружавшихъ. Послѣ отъѣзда короля изъ Петербурга Стедингъ писалъ регенту 9/20 октября 1796 г.: „Я увѣренъ, что великій князь искренно сожалѣетъ о томъ, что онъ на балу, гдѣ не было вашего королевскаго высочества, столь явно обнаружилъ свой гнѣвъ. Хотя публика давно привыкла къ такого рода выходкамъ съ его стороны, все-таки на этотъ разъ всѣ осуждаютъ весьма рѣзко его образъ дѣйствій. Особенно неблагопріятными будутъ отзывы о немъ въ случаѣ благополучнаго окончанія этого дѣла. Впрочемъ, пока о насъ не говорятъ вовсе. Если событія окажутся благопріятными, то всѣ будутъ на нашей сторонѣ; если же въ противномъ случаѣ заключеніе союзнаго договора и брака не состоится, на насъ станутъ нападать безпощадно. Тогда даже начнутъ говорить о необходимости отмстить намъ за нанесенное имъ оскорбленіе. Говорятъ, что императрица тщательно избѣгаетъ говорить о Швеціи и о томъ, что здѣсь слу-

[1]) Архивъ князя Воронцова. XXX, 68.
[2]) Депеша Тауенцина въ берлинскомъ архивѣ.
[3]) Архивъ князя Воронцова. XVIII, 320.
[4]) Депеша Тауенцина, отъ 8/19 ноября 1796 г., въ берлинскомъ архивѣ.

чилось. Впрочемъ, она не являлась въ публикѣ съ тѣхъ поръ, какъ я сюда вернулся".

Въ какой мѣрѣ русскій дворъ былъ недоволенъ Швеціею— видно было изъ образа дѣйствій Екатерины II въ отношеніи къ Стединку, котораго въ это время ко двору не приглашали. Онъ самъ доносилъ королю, что его положеніе сдѣлалось столько же неловкимъ, каково оно было во время сговора шведскаго короля съ мекленбургскою принцессой [1]). „Быть можетъ,—писалъ онъ регенту, — императрица, бывшая донынѣ расположенною въ мою пользу, перемѣнила на мой счетъ свое мнѣніе. Мнѣ говорили, что она горько жаловалась на то, что я былъ виновникомъ возникшихъ затрудненій, что я оказывалъ вредное вліяніе на ходъ дѣла, что я ничего не сдѣлалъ для того, чтобы измѣнить рѣшеніе короля. Такимъ образомъ, выпадаетъ на мою долю служить козломъ отпущенія. Я не протестую противъ этихъ несправедливыхъ обвиненій для того, чтобы не вредить другимъ. Моя совѣсть чиста. Всѣ здѣсь хвалятъ ваше высочество, всѣ въ одинъ голосъ отдаютъ вамъ полную справедливость. Также хвалятъ и Рейтергольма... Авось мои усилія будутъ увѣнчаны успѣхомъ, и въ такомъ случаѣ я буду оправданъ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ я жду извѣстій изъ Стокгольма. Мои мученія до рѣшенія, которое тамъ примутъ, возростаютъ при мысли, что все это сильно тревожитъ ваше высочество".

Въ другихъ письмахъ Стединка, писанныхъ также въ октябрѣ 1796 г., между прочимъ, къ „совѣтнику государственной канцеляріи" Розенкранцу, говорится о настроеніи умовъ въ Петербургѣ и объ опасности, грозившей Швеціи въ случаѣ упорства короля. Хотя сама Екатерина избѣгала говорить о шведскомъ дѣлѣ, мысли всѣхъ были заняты этимъ вопросомъ. Зубовъ о послѣднемъ довольно любезно бесѣдовалъ съ Стединкомъ, высказывая надежду на мирный и благопріятный исходъ дѣла. Въ Петербургѣ ожидали, что король, который въ это время былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, не затруднится сообщить ратификацію договора [2]) и устранить тѣмъ самымъ возникшія недоразумѣнія. Въ то же время, однако, послу давали понять, что единственнымъ средствомъ упрочить царствованіе Густава IV и избавить Швецію отъ грозившихъ ей несчастій оказывалось исполненіе желаній Россіи.

Около этого же времени въ Петербургѣ были получены

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы", 1890, апр., 792—793 стр.

[2]) О заключеніи трактата 17 (28) сентября 1796 см. статью „Густавъ IV и Екатерина II" въ „Вѣстн. Европы", 1890, іюнь, стр. 68.

благопріятныя извѣстія. Русскій посолъ Будбергъ писалъ изъ Стокгольма, что король по вопросу о различіи исповѣданій обратился къ консисторіи, и послѣдняя отнеслась къ этому вопросу съ терпимостью. Въ письмѣ Будберга къ графу Моркову было сказано: „Консисторія гораздо менѣе затруднялась, нежели я могъ предполагать, и была менѣе строга, чѣмъ король" [1]). Эти вѣсти, какъ кажется, оказали благопріятное вліяніе на настроеніе Екатерины. При дворѣ былъ балъ, и княгиня Голицына, побывавъ при дворѣ, писала: „Императрица была очень весела: это всегда хорошій знакъ. Говорятъ, пріѣхалъ курьеръ изъ Швеціи съ хорошими вѣстями" [2]). И въ письмахъ другихъ современниковъ, наканунѣ кончины Екатерины, мы встрѣчаемъ выраженіе надежды на благопріятное окончаніе переговоровъ о бракѣ. Такъ, напр., Завадовскій писалъ къ Воронцову, 16-го октября: „Съ восшествіемъ короля на престолъ (т.-е. съ объявленіемъ его совершеннолѣтнимъ) извѣстное дѣло возьметъ свой маршъ. Духовенство шведское дало свое согласіе на церковь греческую" [3]). Въ письмѣ графа Н. П. Панина къ князю Н. В. Репнину сказано: „Послѣдній курьеръ нашего посланника привезъ пріятное извѣстіе, что консисторія не противится нашимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, препятствія представляются отстраненными. Если все это кончится согласно съ нашими желаніями, публичное объявленіе о бракосочетаніи состоится въ началѣ ноября" [4]).

Къ тому же, судя по донесеніямъ Будберга, нельзя было сомнѣваться въ привязанности короля къ царскому семейству, о которомъ онъ въ бесѣдѣ съ разными лицами отзывался съ большою похвалою. Густавъ IV въ это время любилъ разговаривать о красотѣ великой княжны Александры Павловны и о своей къ ней любви.

Однако, въ то же время ходили слухи о новыхъ затрудненіяхъ по вопросу о религіи, возбужденныхъ будто бы архіепископомъ упсальскимъ Тройлемъ, а далѣе—о натянутыхъ отношеніяхъ между королемъ и сторонниками проекта брака и тѣснаго союза съ Россіею. Понятно, что при петербургскомъ дворѣ недоумѣвали и сильно безпокоились. Надежда, что все скоро уладится въ минуту объявленія короля совершеннолѣтнимъ, оказалась лишенною основанія. Екатерина узнала о церемоніи въ Стокгольмѣ, которою окончилось регентство Карла Зюдерманландскаго и нача-

[1]) Сб. Ист. Общ. IX, стр. 325—326.
[2]) „Истор. Вѣстникъ". XXX, стр. 109.
[3]) Арх. кн. Воронцова. XII, стр. 175.
[4]) Сб. Ист. Общ. XVI, стр. 524.

лось самостоятельное царствованіе Густава IV, но вѣсти о ратификаціи договора и возобновленіи переговоровъ о бракѣ ожидали напрасно. Не даромъ Екатерина писала Будбергу: „Несмотря на рѣшеніе консисторіи, я буду сомнѣваться въ согласіи короля до тѣхъ поръ, пока не узнаю о немъ".

Скоро послѣ этого воспослѣдовала и перемѣна на престолѣ въ Россіи. Екатерины не стало 6-го ноября. Послѣ того, какъ Павелъ въ послѣднее время пребыванія Густава IV въ Петербургѣ высказалъ королю явную непріязнь, едва-ли можно было ожидать съ его стороны мѣръ къ сближенію со Швеціею. Тогда-то и было высказано однимъ современникомъ предположеніе, что „странности и причуды Павла окажутся болѣе сильною помѣхою осуществленія брака его дочери съ шведскимъ королемъ, нежели высокомѣріе Екатерины и неумѣлость ея министровъ" [1]).

Вышло иначе. Принимая иностранныхъ дипломатовъ тотчасъ же послѣ воцаренія, Павелъ обратился къ Стединку и сказалъ ему нѣсколько словъ о своемъ расположеніи къ королю Густаву IV. Особенно же шведскій дипломатъ былъ обрадованъ слѣдующими выраженіями Маріи Ѳедоровны при этомъ же случаѣ: „Вамъ извѣстны мои нѣжныя чувства (tendresse) къ вашему королю; они никогда не измѣнятся. Я считаю самыми лучшими минутами моей жизни тѣ, которыя я провела съ нимъ. Вы никогда не будете въ состояніи сообщить королю въ достаточно сильныхъ выраженіяхъ мои чувства въ отношеніи къ нему. Я разсчитываю на его дружбу и надѣюсь, что онъ не забудетъ вѣрнаго друга, какого онъ имѣетъ въ Россіи". При этомъ императрица обнаруживала нѣкоторое волненіе; когда Стединкъ поцѣловалъ ея руку, она сказала: „Вы меня знаете, г-нъ посолъ; то, чтò я вамъ говорила, происходитъ изъ глубины моего сердца" [2]).

Въ сущности Стединкъ былъ очень доволенъ перемѣною на престолѣ въ Россіи. Въ его депешахъ встрѣчаются въ это время весьма рѣзкіе отзывы о Екатеринѣ и о характерѣ ея царствованія. Ему казалось, что Павелъ энергично и успѣшно займется исправленіемъ того, чтò было испорчено императрицею. Онъ считалъ вѣроятнымъ приведеніе въ порядокъ разстроенныхъ финансовъ, неудовлетворительныхъ пріемовъ администраціи. Наконецъ, онъ, особенно послѣ ласковаго пріема, оказаннаго ему Павломъ Петровичемъ и Маріею Ѳедоровною, ожидалъ сближенія Рос-

[1]) Masson, Mémoires secrets sur la Russie. I, 80.

[2]) Донесеніе Стединка отъ 8 (19) ноября 1796 г.

сіи со Швеціею. Екатерина, какъ мы видѣли, обращалась съ нимъ въ послѣднее время своего царствованія съ явною холодностью, оказывая недовѣріе къ нему и не приглашая его на вечера въ эрмитажѣ. Главными лицами въ области внѣшней политики до кончины императрицы Екатерины были Зубовъ и Морковъ. Ихъ же обвиняли въ томъ, что они въ переговорахъ съ королемъ Густавомъ IV и его министрами обнаруживали легкомысліе и чванство; теперь же можно было ожидать удаленія отъ дѣлъ этихъ министровъ. Очевидно, не безъ удовольствія Стединкъ доносилъ королю въ концѣ ноября, что Морковъ получилъ отставку „со всѣми признаками немилости".

Между тѣмъ, прибылъ въ Петербургъ генералъ-лейтенантъ Клингспоръ, а потому можно было ожидать возобновленія переговоровъ о бракѣ.

II.—Пріѣздъ барона Клингспора въ С.-Петербургъ.

Русскій посолъ въ Стокгольмѣ, Будбергъ, узналъ отъ барона Вреде о возложенномъ на Клингспора порученіи, что „оно состоитъ въ томъ, чтобы возбудить сочувствіе Ея Императорскаго Величества къ судьбѣ короля и достигнуть того, чтобы онъ могъ согласовать *свои личныя чувства* съ обязательствами относительно націи и, наконецъ, стараться устранить препятствія къ браку, который составляетъ единственное желаніе короля".

Какъ видно, Густавъ IV все еще надѣялся на принятіе невѣстою лютеранской вѣры. При такихъ обстоятельствахъ миссія Клингспора не обѣщала успѣха. Онъ имѣлъ съ собою письмо короля къ императрицѣ Екатеринѣ. На пути въ Петербургъ онъ узналъ о приключившейся въ Россіи перемѣнѣ на престолѣ, что̀, впрочемъ, не останавливало его путешествія. Прибывъ въ Петербургъ, онъ передалъ письмо короля новому государю.

Хранящіяся въ стокгольмскомъ архивѣ донесенія Клингспора къ королю и министрамъ заключаютъ въ себѣ самый важный матеріалъ для исторіи переговоровъ о бракѣ. Между тѣмъ какъ Стединкъ писалъ исключительно по-французски, письма Клингспора писаны по бо̀льшей части на шведскомъ языкѣ. Особенно любопытны нѣкоторыя приложенія къ этимъ донесеніямъ, заключающія въ себѣ воспроизведеніе заявленій [1]) Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны объ условіяхъ брака.

---

[1]) Сб. Ист. Общ. IX, 383.

Въ Швеціи ожидали отъ миссіи Клингспора самыхъ важныхъ результатовъ. Будбергъ писалъ 21-го ноября изъ Стокгольма: „Со времени отъѣзда генерала Клингспора, здѣсь, кажется, не сомнѣваются болѣе въ благопріятномъ исходѣ порученныхъ ему переговоровъ".

Клингспоръ прибылъ въ Петербургъ въ концѣ ноября. Объ оказанномъ ему пріемѣ онъ, въ донесеніи къ королю отъ 2/13 декабря, сообщаетъ слѣдующее.

Явившись къ государю, онъ засталъ тамъ вице-канцлера Остермана, который, по желанію Павла, тотчасъ же удалился. Государь хотѣлъ бесѣдовать наединѣ съ шведскимъ дипломатомъ. Привѣтствуя Клингспора самымъ радушнымъ образомъ, Павелъ сказалъ ему: „Оставимте лишніе комплименты; садитесь вотъ здѣсь",—причемъ, государь указалъ на кресло, стоявшее возлѣ письменнаго стола. Затѣмъ Павелъ началъ говорить о высокомъ мнѣніи, которое онъ составилъ себѣ о королѣ Густавѣ IV, а также о своемъ дружескомъ расположеніи къ отцу короля, Густаву III. Далѣе, Павелъ намекнулъ на послѣднюю встрѣчу съ Густавомъ IV на придворномъ балѣ 12-го сентября и замѣтилъ, что король при этомъ случаѣ не исполнилъ правилъ учтивости, такъ какъ не считалъ нужнымъ поклониться ему, Павлу. Клингспоръ тотчасъ же замѣтилъ, что король, сколько ему извѣстно, обвиняетъ Павла именно въ томъ же самомъ упущеніи. Государь возразилъ на это: „Забудемте прошлое" [1]). Затѣмъ Павелъ говорилъ о неловкомъ положеніи, въ которомъ онъ находился въ продолженіе 34-хъ лѣтъ [2]). „Королю, — продолжалъ Павелъ,— были причинены непріятности; съ моей стороны ему не будетъ сдѣлано ничего подобнаго. Я очень сожалѣю, что переговоры приняли (въ сентябрѣ) столь неблагопріятный оборотъ, и нисколько не удивляюсь раздраженію, въ которомъ король отсюда уѣхалъ. Такъ какъ я теперь не устраненъ болѣе отъ дѣлъ, какъ прежде, то сдѣлаю все отъ меня зависящее для возстановленія прежняго взаимнаго довѣрія, которое должно существовать между столь близкими родственниками. Я не намѣренъ допускать министровъ къ участію въ переговорахъ, а буду вести ихъ самолично и открыто", и проч. [3]). Павелъ увѣрялъ Клингспора въ томъ, что будетъ обращаться съ нимъ какъ съ представителемъ глубоко уважаемаго имъ государя. Затѣмъ онъ весьма откровенно бесѣдовалъ съ шведскимъ дипломатомъ о своемъ положеніи и о Россіи,

---

[1]) „Passons une éponge sur le passé".
[2]) „J'ai eu des chagrins 34 ans".
[3]) „Avec franchise de souverain à souverain".

объясняя, что послѣ того какъ онъ 34 года проживалъ въ качествѣ частнаго человѣка, онъ теперь станетъ заботиться о благѣ государства, которое послѣ столькихъ войнъ нуждается въ мирѣ. Наконецъ, онъ выразилъ надежду на заключеніе съ шведскимъ королемъ твердаго и неразрывнаго союза. „Я уступаю королю,— сказалъ Павелъ,—мою дорогую дочь, самое драгоцѣнное сокровище моей короны. Король питаетъ къ вамъ полное довѣріе; почему же мнѣ не слѣдовать его примѣру? Вы, конечно, имѣете полномочіе вести переговоры"? Клингспоръ отвѣчалъ: „Я имѣю порученіе не столько вести переговоры, сколько сообщить нѣкоторыя объясненія, лишь бы вашему величеству было угодно ихъ выслушать". На это Павелъ возразилъ: „Изъ письма короля къ моей матери я усматриваю, что король любитъ мою дочь; я ее отдамъ ему отъ всего сердца; сегодня вечеромъ я займусь чтеніемъ записки, приложенной къ письму короля" [1]). Тутъ Клингспоръ, исполняя возложенное на него порученіе, замѣтилъ, что король Густавъ IV искренно желаетъ вступить въ бракъ съ великою княжною, лишь бы шведскіе законы допустили бракъ съ принцессою другого исповѣданія.

Бесѣда Клингспора съ Павломъ Петровичемъ продолжалась полтора часа. Наконецъ, государь спросилъ: „Не пожелаете ли вы видѣть мою жену? я пойду за нею, и она сама вамъ скажетъ, какъ она страдала по случаю разрыва, и какъ страдала моя дочь, которую мы оба нѣжно любимъ". Затѣмъ явилась императрица Марія Ѳедоровна; Клингспоръ поцѣловалъ ея руку. Она говорила о своей привязанности къ королю Густаву IV: „Знаете ли вы, — сказала она,— что я заболѣла послѣ сцены, происходившей здѣсь; моя дочь — быть можетъ, мнѣ бы не слѣдовало говорить объ этомъ—нѣжно любитъ короля, и мы не можемъ вообразить себѣ, чтобы король, столь честный и благородный (loyal), могъ сдѣлаться причиною ея несчастія. Она не желаетъ шведской короны, которая при всемъ своемъ блескѣ ее не прельщаетъ. Она имѣетъ въ виду лишь занять въ сердцѣ короля то мѣсто, которое онъ ей обѣщалъ; не въ качествѣ императрицы, а какъ лицо, которое имѣетъ полное право разсчитывать на дружбу короля, я требую, чтобы были исполнены обѣщанія, сдѣланныя моей дочери королемъ. Увѣряю васъ, что по заявленію моего супруга, государя, мы не можемъ сдѣлать уступокъ по вопросу о религіи, но мы сдѣлаемъ все, что̀ только можно, для того, чтобы устроить

---

[1]) Къ сожалѣнію, въ стокгольмскомъ архивѣ не оказалось ни концепта письма, ни черновой записки.

дѣло, соображаясь съ желаніями короля. Мы знаемъ, что онъ долженъ соблюдать извѣстныя правила. Мы поэтому будемъ довольствоваться устройствомъ скромной часовни [1]) въ одномъ изъ покоевъ будущей королевы. Король не могъ бы вполнѣ надѣяться на искренность любви къ нему моей дочери, если бы онъ считалъ ее способною измѣнить обѣту, произнесенному ею у алтаря. Я знаю свою дочь. Она готова сдѣлать все, что только возможно, чтобы угодить королю и содѣйствовать его счастью. Я не сомнѣваюсь въ томъ, чтобы шведы, нація столь достойная уваженія, не отдавали полной справедливости моей дочери, какъ скоро они увидятъ ея старанія снискать себѣ любовь и уваженіе шведовъ. Я знаю короля и поэтому вполнѣ увѣрена, что онъ совсѣмъ чуждъ мелкимъ разсчетамъ; но вы все-таки можете увѣрить короля въ томъ, что никакая иная королева шведская не могла бы получить столь богатаго приданаго, какъ моя дочь; мнѣ извѣстно, сколько ей было назначено покойною императрицею; мы умножимъ еще приданое, какъ видно изъ записки, составленной 29-го ноября" [2]).

Въ бесѣдѣ съ императрицею Клингспоръ позволилъ себѣ замѣтить, что вѣдь сама Марія Ѳедоровна перемѣнила исповѣданіе по случаю брака съ великимъ княземъ. Марія Ѳедоровна возразила на это: „Я не перемѣнила религіи. Родившись, правда, какъ и вы, въ лютеранской вѣрѣ, я не пріобщалась Святыхъ Тайнъ въ этомъ исповѣданіи; я не была конфирмована и поэтому не произносила никакого обѣта; моя же дочь это сдѣлала. Впрочемъ, наша религія отличается терпимостью и не преслѣдуетъ другихъ исповѣданій; мы не принуждаемъ никого принять наше исповѣданіе, мы не проклинаемъ иновѣрныхъ, какъ это дѣлается у католиковъ [3]). Моя дочь будетъ участвовать во всѣхъ публичныхъ церковныхъ церемоніяхъ вмѣстѣ съ королемъ; никакого соблазна не будетъ [4]). Неужели шведы, народъ столь благородный и честный, могутъ быть столь несправедливыми, чтобы порицать короля, къ тому же такого короля, сына Густава III, обожаемаго всѣми до послѣдняго нищаго, что онъ выбираетъ себѣ въ супруги принцессу по влеченію сердца, принцессу, воззрѣнія которой никогда не будутъ расходиться съ воззрѣніями мужа? Законъ о

---

[1]) „Une chapelle particulière portative dans l'intérieur d'un appartement suffit"

[2]) О содержаніи этой записки, найденной между бумагами Клингспора, мы будемъ говорить ниже.

[3]) „Notre religion n'est d'ailleurs ni intolérante, ni persécutrice; elle ne fait point de prosélytes et ne condamne pas les autres religions comme les catholiques".

[4]) „Elle ne choquera personne".

терпимости въ Швеціи даетъ послѣднему подданному короля полную свободу вступить въ бракъ съ женщиною иного исповѣданія. Къ тому же въ обрядахъ почти нѣтъ различія между исповѣданіями, развѣ только въ эпоху варварства, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ, обращали на это вниманіе" [1]).

Затѣмъ Марія Θедоровна спросила Клингспора, имѣетъ ли онъ порученіе вести переговоры? Онъ отвѣчалъ отрицательно. „Въ такомъ случаѣ, — сказала императрица, — сообщите королю слово въ слово о нашей бесѣдѣ. Обѣщайте мнѣ это сдѣлать". Клингспоръ обѣщалъ исполнить желаніе Маріи Θедоровны. „Я не думаю, — продолжала она, — чтобы король могъ быть столь жестокимъ и отказаться, послѣ всего случившагося между нимъ, мною и моею дочерью, отъ этого дѣла [2]). Садитесь; я вамъ разскажу объ этомъ подробнѣе". Затѣмъ Марія Θедоровна сообщила Клингспору разныя частности о ходѣ дѣла и сколько горькихъ слезъ она проливала при размолвкѣ. Она намекнула и на скоропостижную кончину Екатерины, которой, быть можетъ, содѣйствовало сильное огорченіе при этомъ случаѣ. Императрица выразила предположеніе, что Александра Павловна, въ случаѣ окончательной размолвки съ королемъ, вообще откажется отъ всякаго брака и рѣшится провести свою жизнь въ монастырѣ [3]). Марія Θедоровна показала Клингспору концептъ письма, съ которымъ она чрезъ Головкина обратилась къ Густаву IV, и спросила шведскаго дипломата: „Не думаете ли вы, что король будетъ тронутъ"? Клингспоръ убѣждалъ императрицу въ томъ, что король питаетъ къ ней глубокое уваженіе и сильную привязанность.

И Павелъ Петровичъ, и Марія Θедоровна, обратились въ этой бесѣдѣ къ Клингспору съ вопросомъ, можно ли разсчитывать на то, что личность чрезвычайнаго дипломата, графа Головкина, отправленнаго въ это время въ Стокгольмъ, королю будетъ угодна. Клингспоръ возразилъ, что не имѣетъ основанія сомнѣваться въ этомъ.

Между тѣмъ явилась великая княжна Александра Павловна, расплаканная, и упала къ ногамъ родителей; Марія Θедоровна спросила Клингспора, можетъ ли онъ послѣ этого сомнѣваться въ страстной любви ея дочери къ королю [4])? Въ письмѣ Клингс-

---

[1]) „Il y a d'ailleurs si peu de différence entre nos cultes, qu'en vérité il n'y a que le temps barbare du 15 et 16 siècle qui y ait à redire".

[2]) См. объ интимныхъ бесѣдахъ и обращеніи короля съ Маріею Θедоровною и ея дочерью: „Вѣстникъ Европы", 1890 г., май, стр. 19, 21, 23, 25—27.

[3]) Александра Павловна вышла, какъ извѣстно, за австрійскаго эрцгерцога Іосифа.

[4]) „Pouvez-vous douter un instant que ma fille aime le roi"?

пора къ королю сказано: „Не взыщите, ваше величество, но я не безъ самаго глубокаго волненія былъ свидѣтелемъ этой сцены. Развѣ только непреодолимыя затрудненія могли бы препятствовать тому, чтобы вы осчастливили столь прелестную принцессу".

Во время этихъ бесѣдъ Павелъ набросалъ проектъ главныхъ условій брака, также и Марія Ѳеодоровна резюмировала письменно сдѣланныя ею заявленія. Эти документы приложены къ донесенію Клингспора и находятся въ стокгольмскомъ архивѣ. Всѣ эти разговоры продолжались два часа съ половиною (отъ 5 часовъ до половины 8-го). Клингспора пригласили остаться ужинать. Павелъ объявилъ ему, что надѣется видѣть его часто [1]), коль скоро онъ пожелаетъ, хотя бы ежедневно, обѣдать и ужинать въ царскомъ семействѣ. Приглашеніе къ ужину въ этотъ день было особенною честью. То былъ праздникъ Андрея Первозваннаго и при дворѣ ужинали кавалеры андреевскаго ордена.

Съ тѣхъ поръ въ продолженіе декабря Клингспоръ бывалъ при дворѣ весьма часто и въ своихъ письмахъ къ королю воспроизводилъ частности своихъ бесѣдъ съ Павломъ Петровичемъ, Маріею Ѳеодоровною и Александрою Павловною. Такъ, напр., онъ, 9 декабря, въ кабинетѣ государя бесѣдовалъ съ великою княжною, которая спросила шведскаго дипломата: „Вспоминаетъ ли король еще обо мнѣ? Ему извѣстны мои чувства; они неизмѣнны; однако вы сами видите, что я не могу перемѣнить религіи. Я прошу васъ увѣрить короля, что ничто на свѣтѣ не можетъ заставить меня забыть его" [2]).

Въ одной изъ бесѣдъ Маріи Ѳеодоровны съ Клингспоромъ опять зашла рѣчь объ участіи королевы шведской въ публичныхъ церемоніяхъ. Клингспоръ заявилъ, что Александрѣ Павловнѣ непремѣнно пришлось бы пріобщаться святыхъ тайнъ по лютеранскому обряду вмѣстѣ съ королемъ. Императрица, желая показать, до чего доходитъ терпимость греческой церкви, изъявила свое согласіе. При этомъ коснулись вопроса объ исповѣданіи супруги царевича Алексѣя, сына Петра Великаго. Какъ извѣстно, принцесса вольфенбюттельская Софія-Шарлотта не перемѣнила своего исповѣданія и оставалась до гроба лютеранкою. Марія Ѳедо-

---

[1]) „Je vous regarde comme un homme envoyé de quelqu'un qui nous est bien cher; vous viendrez à la cour quand vous voudrez; vous dînerez et vous souperez quand vous le jugerez à propos".

[2]) „Le roi pense-t-il véritablement encore à moi? Il connaît mes sentiments; ils ne changeront jamais. Mais vous voyez bien, que je ne puis changer de religion. Je vous prie, monsieur, de l'assurer, que rien au monde ne pourra me le faire oublier".

ровна указывала на это обстоятельство, какъ на сильный аргументъ въ пользу сохраненія Александрою Павловною своего исповѣданія. Насколько этотъ фактъ, случившійся за нѣсколько десятилѣтій раньше, считался важнымъ прецедентомъ, видно изъ того обстоятельства, что однажды, въ концѣ декабря, князь А. Б. Куракинъ пригласилъ генерала Клингспора явиться ко двору, гдѣ Марія Ѳедоровна приняла шведскаго дипломата въ своемъ кабинетѣ и передала ему копію съ брачнаго договора, заключеннаго по случаю свадьбы царевича Алексѣя Петровича съ брауншвейгъ-вольфенбюттельскою принцессою. Въ пятомъ параграфѣ этого документа сказано о невѣстѣ царевича и лицахъ, ее окружавшихъ: „Принцесса въ христіанской евангелической вѣрѣ, въ которой она родилась и воспитана, до окончанія ея живота пребывать по волѣ своей можетъ тако и такимъ образомъ, дабы ниже Ея Свѣтлости персонѣ ниже ея нѣмецкимъ служителямъ, которые сей вѣры будутъ, ниже також де сихъ служителей дѣтямъ ни малѣйшаго поущенія наименьшежъ принужденія ихъ вѣры исповѣданія перемѣнить ни отъ кого, ни отъ духовныхъ, ни отъ свѣтскихъ учинено не было, въ чемъ Его Царское Величество и Его Высочество царевичъ особливое защищеніе свое обѣщаютъ, но паче дабы къ спокойному и непрепятственному исправленію своей службы Божіей какъ въ главнѣйшей резиденціи Его Царскаго Величества также и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ Ея Высочеству принцессѣ одну каплицу про себя къ своему и при ней сущихъ употребленію имѣть и наказаніе—Божіе слово, пѣніе и отправленіе святыхъ таинствъ по евангелическому лютерскому употребленію безъ препятія держать свобода оставлена; також де когда кто изъ Ея люторскихъ дворовыхъ людей въ его Царскаго Величества государствѣ умретъ, имъ кладбище къ погребенію назначено быть имѣетъ“ [1]).

[1]) Въ стокгольмскомъ архивѣ между бумагами Клингспора находится копія параграфовъ пятаго и одиннадцатаго договора на русскомъ языкѣ, а также французскій переводъ этихъ условій. Достойно вниманія то обстоятельство, что мать Екатерины II принцесса ангальтъ-цербстская, Іоганна Елизавета, послѣ пріѣзда съ дочерью въ Россію въ 1744 году, попыталась-было въ бесѣдѣ съ императрицею Елизаветою Петровною выставить на видъ, ссылаясь на примѣръ супруги царевича Алексѣя Петровича, что и ея дочь могла бы сдѣлаться супругою наслѣдника всероссійскаго престола, не принимая православія; но императрица настаивала тогда на необходимости перемѣны исповѣданія. Въ письмахъ Іоганны-Елизаветы къ ея супругу сказано, что императрица Елизавета Петровна въ пользу своего взгляда указывала будто на слѣдующіе два аргумента: во-первыхъ, что Алексѣй Петровичъ въ сущности не считался наслѣдникомъ престола (?), а во-вторыхъ, что вольфенбюттельская принцесса обѣщалась будто принять православіе въ случаѣ рожденія у нея сына (??).

Такимъ образомъ, примѣръ терпимости Петра Великаго въ 1711 году служилъ орудіемъ въ спорѣ, возникшемъ въ 1796 г. между русскимъ и шведскимъ дворами. Очевидно, требованія Павла Петровича и Маріи Өеодоровны не доходили даже до тѣхъ правъ, которыми должна была пользоваться невѣста царевича Алексѣя Петровича. Едва ли Софія-Шарлотта когда-либо участвовала вмѣстѣ со своимъ супругомъ въ публичныхъ церковныхъ церемоніяхъ по обряду православной церкви. Желаніе, чтобы Александра Павловна имѣла часовню во внутреннихъ покояхъ стокгольмскаго дворца („une chapelle particulière portative") оказывается скромнѣе права вольфенбюттельской принцессы имѣть „каплицу" во всѣхъ мѣстахъ пребыванія двора. Согласіе на то, чтобы сохраненіе Александрою Павловною своей вѣры имѣло „частный" характеръ, оставаясь, такъ сказать, явленіемъ закулиснымъ, обнаруживаетъ весьма замѣчательную уступчивость со стороны родителей невѣсты Густава IV. Эта уступчивость, какъ мы увидимъ ниже, доходила до того, что въ Россіи ожидали принятія лютеранскаго исповѣданія королевою въ будущемъ, обѣщая не противодѣйствовать этому и настаивая лишь на томъ, чтобы эта перемѣна не происходила до вступленія въ бракъ Александры Павловны. Екатерина II, незадолго до своей кончины, писала къ русскому послу въ Стокгольмѣ, Будбергу: „Первымъ послѣдствіемъ обращенія невѣсты въ протестантскую вѣру было бы то, что ни я, ни отецъ ея, ни мать, ни братья, ни сестры не увидѣли бы ее во всю жизнь, и что она никогда не осмѣлилась бы пріѣхать въ Россію, вслѣдствіе чего потеряла бы всякое расположеніе къ себѣ и въ Швеціи и осталась бы съ довольно значительнымъ приданымъ во власти страны, нуждающейся и корыстной, которая не замедлила бы мало-по-малу обобрать у нея, подъ предлогомъ государственныхъ нуждъ, ея деньги и другія драгоцѣнныя вещи. Такъ какъ она не имѣла бы покровительства Россіи, то всякій договоръ былъ бы нарушенъ, и она осталась бы при одной только лютеранской религіи. Самъ король, не имѣя ни помощи, ни такъ сказать покровительства Россіи, подвергся бы опасности быть во всѣхъ дѣлахъ предоставленнымъ самому себѣ" и т. д. Мало того, Екатерина, въ послѣдней бесѣдѣ съ королемъ, сказала ему: „Еслибы моя внука была настолько слаба, что согласилась бы перемѣнить религію, знаете ли, что̀ изъ этого бы вышло? она потеряла бы всякое уваженіе къ себѣ въ Россіи, а вслѣдствіе этого и въ Швеціи". Король началъ оспаривать послѣдній взглядъ императрицы, которая сказала: „Пусть такъ, но

на что же вамъ она, если она потеряетъ уваженіе къ себѣ въ Россіи" [1])?

Очевидно, Павелъ Петровичъ и Марія Θедоровна въ переговорахъ съ Клингспоромъ не раздѣляли такого пессимизма Екатерины и не придавали вопросу объ исповѣданіи Александры Павловны столь громаднаго политическаго значенія. Ихъ уступчивость можетъ служить доказательствомъ, въ какой мѣрѣ они желали устроить этотъ бракъ и тѣмъ самымъ обезпечить счастье дочери. Екатерина смотрѣла на это дѣло прежде всего съ точки зрѣнія политики. Поэтому она, въ бесѣдахъ съ королемъ, съ регентомъ и шведскими сановниками, оставалась нѣсколько сдержанною, соблюдая все свое достоинство и сохраняя дипломатическія формы. Родители Александры Павловны, какъ видно изъ ихъ бесѣдъ съ Клингспоромъ, свели весь вопросъ нѣкоторымъ образомъ на частную почву, увлекаясь въ изложеніи своихъ чувствъ и обращаясь прямо къ чисто человѣческимъ чувствамъ короля Густава IV. Откровенность, быть можетъ чрезмѣрная откровенность Маріи Θедоровны нисколько не походила на гордую осанку Екатерины. Едва ли Екатерина превосходила Марію Θедоровну твердостью или глубиною религіозныхъ убѣжденій; въ сущности обѣ императрицы находились подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда началъ раціонализма и терпимости. Однако Екатерина какъ-то гораздо болѣе невѣстки была проникнута убѣжденіемъ необходимости поддерживать авторитетъ Россіи, тогда какъ Марія Θедоровна, какъ нѣжная мать, была готова на уступки и мечтала о компромиссѣ, лишь бы вопросъ о счастьѣ ея дочери былъ рѣшенъ благопріятнымъ образомъ.

Объ интимности бесѣдъ императрицы Маріи Θедоровны со шведскимъ дипломатомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія черты, о которыхъ Клингспоръ доносилъ королю Густаву. Однажды императрица сказала: „Въ рукахъ короля находится обручальное кольцо; я надѣюсь, что насъ не принудятъ вытребовать у него это кольцо". Бесѣдуя съ шведскимъ дипломатомъ, императрица велѣла принести изъ своего кабинета портретъ короля Густава IV, удачно исполненный извѣстнымъ художникомъ Лампи, чтобы показать его Клингспору. Марія Θедоровна выразила надежду, что бракъ состоится очень скоро, лишь бы король рѣшился, не мѣшкая. Императрица замѣтила при этомъ, что она согласилась бы отправить свою дочь въ Швецію, хотя бы еще зимою. Написавъ королю письмо, она неоднократно спрашивала Клингспора: „Какъ

[1]) Сб. Ист. Общ. IX., стр. 316—323.

вамъ кажется, подѣйствуетъ ли мое письмо на короля? Неужели онъ можетъ считать себя свободнымъ послѣ всего того, что здѣсь происходило? Я благословила ихъ, короля и дочь, и Богу извѣстно, что я это сдѣлала отъ всего сердца". Другой разъ императрица замѣтила: „Если это дѣло уладится, я сдѣлаю королю драгоцѣнный подарокъ: я ему дамъ всѣ тѣ письма, которыя она писала ко мнѣ, начиная съ того злосчастнаго четверга; она ко мнѣ писала чуть ли не ежедневно. Изъ этихъ писемъ король можетъ усмотрѣть, какую я ему даю супругу". Марія Θедоровна, въ бесѣдѣ съ Клингспоромъ, просила его не говорить ни съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ за исключеніемъ ея, Павла Петровича и Безбородки, который пользовался въ это время полнымъ довѣріемъ государя и государыни.

Сообщая обо всемъ этомъ королю, Клингспоръ выставлялъ на видъ политическое значеніе всего дѣла. Императоръ и его супруга занимались имъ по преимуществу. Бракъ этотъ былъ предметомъ общаго желанія въ Россіи. Швеція, по мнѣнію Клингспора, могла извлечь изъ него для себя самыя существенныя выгоды, причемъ и богатое приданое невѣсты заслуживало вниманія.

Въ бесѣдахъ съ Клингспоромъ былъ затронутъ вопросъ о проектѣ брака короля Густава IV съ мекленбургскою невѣстою. Павелъ, тотчасъ же послѣ пріѣзда шведскаго дипломата, спросилъ его, можно ли разсчитывать на то, что этотъ проектъ оставленъ окончательно. Клингспоръ увѣрялъ, что о немъ болѣе нѣтъ рѣчи. „Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ Павелъ,—я намѣренъ вознаградить мекленбургскій дворъ двоякимъ образомъ. Я пристрою одного изъ принцевъ въ моей имперіи и дамъ ему въ супруги мою дочь Елену. Чтò же касается до нашего дѣла, то, если оно уладится, вы можете увѣрить короля въ томъ, что интересы нашихъ обоихъ государствъ будутъ солидарными" [1]).

Нельзя отрицать, что Павелъ Петровичъ и Марія Θедоровна самымъ тѣснымъ образомъ связывали это семейное дѣло съ политикою. Характеръ сношеній между Швеціею и Россіею зависѣлъ отъ исхода переговоровъ о бракѣ. Условія, предлагаемыя на этотъ счетъ русскимъ дворомъ, имѣли значеніе дипломатическихъ нотъ, но въ то же время пріемы въ этихъ переговорахъ отличались отъ обычныхъ формъ тѣмъ, что государь и Марія Θеодоровна самолично, безъ всякаго участія министровъ, занимались редакціею бумагъ, относившихся къ этому вопросу. Се-

---

[1]) „Si le roi de Suède devient mon gendre, ses ennemis deviendront les miens".

мейная тайна заключала въ себѣ важное государственное дѣло, о немъ была рѣчь безъ участія Безбородки, Куракина, Ростопчина и др. Клингспоръ, бесѣдовавшій исключительно съ государемъ, императрицею и Александрою Павловною, разыгрывалъ роль и дипломата, и близкаго друга. Интимность и таинственность переговоровъ придавали его пребыванію въ Петербургѣ особенное значеніе.

Приложенія къ донесеніямъ Клингспора, хранящіяся въ стокгольмскомъ архивѣ, слѣдующія [1]):

На особомъ листѣ набросаны Павломъ главныя условія въ слѣдующихъ терминахъ: „Клингспоръ сообщитъ королю, что я не могу согласиться на какое-либо ограниченіе свободы совѣсти [2]). Для будущей шведской королевы нужно устроить частную и подвижную часовню. Она будетъ сопровождать короля при всѣхъ публичныхъ обрядахъ церкви. Достаточно для всего этого честное слово съ обѣихъ сторонъ [3]). Остальныя частности упомянуты въ письмѣ императрицы къ королю".

Вопросъ о приданомъ затронутъ въ бумагѣ, писанной императрицею. Тутъ сказано: „Императоръ назначаетъ своей дочери въ приданое одинъ милліонъ рублей; половина этой суммы будетъ уплачена въ Швеціи, другая половина останется въ здѣшнемъ банкѣ. Будущая королева можетъ располагать этою суммою въ пользу своихъ наслѣдниковъ [4]). Кромѣ того, государь назначаетъ своей дочери пенсію въ размѣрѣ 40.000 рублей и подарокъ въ размѣрѣ 20.000 рублей. Я же буду давать дочери въ подарокъ 20.000 рублей въ годъ. Что касается до частностей переводовъ и гипотекъ, то о нихъ будетъ опредѣлено въ брачномъ договорѣ".

Далѣе, въ особой бумагѣ, озаглавленной: „Précis de ma conversation du 24 novembre 1796", Марія Θедоровна написала слѣдующее:

„Параграфы моего письма къ королю будутъ исполнены въ точности. Дротнинггольмскій договоръ (1791 г.) будетъ возобновленъ на восемь лѣтъ. Субсидіи будутъ уплачены по условіямъ прежняго договора. По вопросу о коронаціи, для избѣжанія пріобщенія святыхъ тайнъ, были обсуждаемы двѣ формы. Или ко-

---

[1]) Всѣ эти документы, имѣющіе характеръ черновыхъ набросокъ, писаны на французскомъ языкѣ, очевидно, рукою Павла Петровича и Маріи Θеодоровны.

[2]) „Je ne puis accorder aucune restriction sur la liberté de religion".

[3]) „Pour tout ceci il ne faudra qu'une parole d'honneur de souverain à souverain".

[4]) „et en qualité de première fille de Russie mariée".

ронація состоится до брака короля, или же королева не будетъ вовсе коронована. Однако, по мнѣнію г-на Клингспора, коронація необходима, потому что, въ случаѣ несчастія [1]), королева должна сдѣлаться опекуншею своихъ дѣтей и регентшею. Съ цѣлью вознагражденія мекленбургскаго дома была рѣчь о проектѣ брака наслѣднаго принца мекленбургскаго".

Затѣмъ найденъ еще концептъ подъ заглавіемъ: „Précis de la conversation d'hier, 28 novembre". Тутъ сказано, что Павелъ прочиталъ письмо короля, адресованное къ императрицѣ, и что онъ намѣренъ отвѣчать на это письмо. Считая пріѣздъ Клингспора какъ бы имѣвшимъ цѣлью поздравить Павла съ восшествіемъ на престолъ, послѣдній не станетъ требовать отправленія другого уполномоченнаго; точно также и Головкинъ, отправленный въ Стокгольмъ до воцаренія Павла, будетъ считаться какъ бы посланнымъ самимъ Павломъ.

Наконецъ, при бумагахъ Клингспора въ стокгольмскомъ архивѣ найденъ еще документъ, доказывающій, въ какой мѣрѣ императрица Марія Θеодоровна входила въ частности вопроса и какъ она старалась устранить препятствія брака дочери. Хотя русскій посолъ въ Стокгольмѣ, Будбергъ, писалъ, что консисторія не противилась прямо вступленію короля въ бракъ съ иновѣрною принцессою, все-таки при этомъ случаѣ былъ составленъ сводъ всѣхъ постановленій прежнихъ шведскихъ сеймовъ по этому вопросу, и въ сущности выходило, что король могъ жениться лишь на лютеранкѣ. Намъ неизвѣстно, кѣмъ была составлена записка, которую Клингспоръ передалъ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Быть можетъ архіепископъ упсальскій, Тройль, или духовникъ короля Флодинъ принимали участіе въ составленіи этого документа, въ которомъ пересчитывались законы, постановленные по вопросу о престолонаслѣдіи и объ исповѣданіи шведскихъ королевъ. Тутъ была рѣчь о рѣшеніяхъ сейма въ Вестеросѣ (13-го января 1544 г.) и сейма въ Норчёпингѣ (22-го марта 1604 г.), о конституціи 21-го августа 1772 г., о законѣ о терпимости, отъ 26-го января 1779 г., и о рѣшеніи сейма въ Гевле, отъ 24-го февраля 1792 г. Марія Θеодоровна, прочитавъ все это, разбирала по пунктамъ эти вопросы и доказывала несостоятельность аргументовъ шведскаго правительства, примѣнявшаго всѣ эти постановленія и законы къ надлежащему случаю проекта брака съ Александрою Павловною. Такъ, напр., она указывала на то обстоятельство, что законы XVI-го и XVII-го

[1]) Очевидно, въ случаѣ кончины короля.

столѣтій имѣли главною цѣлью защищать Швецію послѣ эпохи реформаціи отъ католической пропаганды, и что шведскій король Іоаннъ III, а также Сигизмундъ III, состоявшіе подъ вліяніемъ римской церкви, дѣйствительно представляли собою опасность для протестантизма, распространеннаго въ Швеціи, между тѣмъ какъ греческо-православная церковь никогда не думала о пропагандѣ. Къ тому же императрица, въ примѣчаніяхъ къ сообщенной ей Клингспоромъ запискѣ, повторяла, что сохраненіе Александрою Павловною своей вѣры останется дѣломъ частнымъ и почти незамѣтнымъ для публики [1]). По поводу одного изъ вышеупомянутыхъ рѣшеній, въ силу котораго шведскому королю воспрещалось вступать въ бракъ съ принцессою „d'une religion erronée", императрица доказывала, что этотъ терминъ не можетъ быть примѣненъ къ Александрѣ Павловнѣ, такъ какъ православная вѣра основана на началахъ, принятыхъ всѣми христіанскими исповѣданіями, и что развѣ лишь какія-либо секты могли бы заслуживать это названіе [2]). Въ запискѣ было сказано, что король, вступая въ бракъ съ иновѣрною принцессою, нарушаетъ тѣмъ самымъ право наслѣдства на престолъ, и что кто желаетъ совратить наслѣдника престола въ другую вѣру—долженъ считаться врагомъ отечества и измѣнникомъ. Протестуя противъ этого взгляда, императрица Марія Ѳедоровна замѣтила, что весь этотъ параграфъ отзывается варварствомъ эпохи полнаго отсутствія терпимости. Этому варварству соотвѣтствуетъ предположеніе возможности, чтобы наслѣдный принцъ воспитывался въ какой-либо языческой религіи и пр. [3]). Далѣе императрица выставляла на видъ, что различіе исповѣданій въ данномъ случаѣ не представляло собою никакой опасности для Швеціи, что шведскій народъ желаетъ этого брака, что характеръ будущей королевы заключаетъ въ себѣ ручательство за то, что она окажется достойною любви подданныхъ. Затѣмъ

---

[1]) „Il ne s'agit pas de ce que la future reine professe ouvertement la religion grecque, mais d'une manière privée" и пр.

[2]) Le roi en s'unissant avec la grande-duchesse Alexandrine ne prend pas pour épouse une princesse d'une religion ni erronée, ni fausse, parce qu'elle est fondée et puisée dans les évangiles respectés et reconnus par toutes les religions. On peut dire d'une secte, qu'elle est erronée et fausse, mais non pas d'une religion chrétienne, qui est restée inaltérée depuis son origine".

[3]) „Tout cet article se ressent de la barbarie du temps d'intolérance d'alors. La barbarie se prouve par la supposition d'une possibilité, qu'un prince héréditaire puisse être élever dans une religion payenne. L'intolérance d'alors se prouve en ce qu'on met au niveau de cette possibilité-là avec celle d'une union avec une personne d'une autre religion que la luthérienne".

Марія Ѳедоровна доказывала, что король Густавъ III намѣревался распространить начало терпимости въ Швеціи и что онъ прямо желалъ, чтобы наслѣдный принцъ избралъ себѣ невѣсту, не обращая вниманія на исповѣданіе. Повторяя, что Александра Павловна не можетъ перемѣнить своего исповѣданія, но что она станетъ участвовать въ богослуженіи лютеранскомъ, не измѣняя тѣмъ самымъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ православію, Марія Ѳедоровна опять-таки указываетъ на различіе между католицизмомъ, противъ котораго, главнымъ образомъ, были направлены законы Швеціи, и православіемъ, отличающимся терпимостью и мирнымъ настроеніемъ [1]). Въ заключеніе императрица заявляла, что всѣ дѣти этого брака будутъ принадлежать къ лютеранскому исповѣданію. Наконецъ, Марія Ѳедоровна указала на содержаніе письма Густава IV къ императрицѣ Екатеринѣ, доставленнаго Павлу послѣ кончины матери. Тутъ была рѣчь о готовности короля согласиться на сдѣлку, которою могло бы быть устранено препятствіе къ достиженію желаемаго имъ счастья. Не безъ основанія Марія Ѳедоровна выставляла на видъ въ этихъ „Réflexions séparées", приложенныхъ къ вышепомянутой запискѣ, что въ уступкахъ Павла заключается именно желаемый королемъ „arrangement", и что эти уступки, свидѣтельствующія объ уваженіи императора къ королю и о любви его къ своей дочери, превосходятъ то, чего можно было ожидать отъ русскаго двора, и что поэтому Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна считаютъ себя въ правѣ ожидать взаимныхъ чувствъ со стороны короля.

Какъ видно, Клингспору, какъ представителю короля Густава IV, соотвѣтствовала Марія Ѳедоровна какъ бы въ качествѣ дипломата Россіи.

Нельзя отрицать, что образъ дѣйствій русскаго двора въ это время и по этому вопросу отличался сговорчивостью. Спрашивалось, можно ли было разсчитывать на „взаимность чувствъ со стороны короля". Густавъ IV уже по поводу переговоровъ, происходившихъ 11 сентября, обнаруживалъ нѣкоторое упрямство; и теперь онъ легко могъ настаивать на своемъ и тѣмъ самымъ уничтожить надежду заключенія этого брака.

Къ тому же сношенія между дворами стокгольмскимъ и петербургскимъ легко могли именно въ это время пострадать вслѣдствіе ничтожныхъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу новыхъ обстоятельствъ.

---

[1]) „La religion grecque est paisible et tolérante".

III.—Новыя затрудненія.

Густавъ IV, узнавъ о воцареніи Павла, долженъ былъ отправить новую кредитивную грамоту шведскому послу въ Петербургѣ, барону Стединку. Онъ это и сдѣлалъ; однако при этомъ случаѣ въ этомъ документѣ оказалась неточность въ употребленіи царскаго титула. Вышла непріятность. Стединкъ, требовавшій формальной и торжественной аудіенціи, не могъ добиться ея. Павелъ былъ до того раздраженъ невниманіемъ шведскаго двора къ его титулу, что грозилъ прямо прекращеніемъ всѣхъ дипломатическихъ сношеній съ Швеціею; далѣе, онъ хотѣлъ жаловаться королю на Стединка и пр. [1]).

Понятно, что при пылкомъ нравѣ государя этотъ эпизодъ не могъ не повліять на переговоры о бракѣ. Разсказываютъ, будто Павелъ при этомъ случаѣ вошелъ въ комнату дочерей и сказалъ Александрѣ Павловнѣ: „Тебя нельзя выдать за него, твой женихъ и писать не умѣетъ“ [2]).

Русскіе министры въ бесѣдахъ съ Стединкомъ старались уладить дѣло. Особенно ревностно Марія Өедоровна взяла на себя посредничество между Павломъ и Стединкомъ. Она сильно безпокоилась, предвидя затрудненія въ вопросѣ о бракѣ дочери [3]). Поэтому старались опредѣлить форму, въ которой Стединкъ долженъ былъ объяснить упущеніе, сдѣланное шведскимъ правительствомъ; однажды Остерманъ для этой цѣли пригласилъ къ себѣ Стединка въ 9 часовъ утра [4]).

Клингспоръ, столь ласково принятый при дворѣ, былъ крайне озадаченъ этимъ инцидентомъ. Онъ доносилъ королю, что при раздражительности Павла считалъ удобнѣе являться ко двору не иначе, какъ по случаю оффиціальныхъ пріемовъ. Онъ также какъ и Стединкъ писалъ, что особенно императрица была недовольна замедленіемъ аудіенціи посла, и что великая княжна Александра Павловна, узнавъ объ этомъ случаѣ, проливала слезы. Впрочемъ дружескія сношенія между Клингспоромъ и императорскою четою продолжались. Однажды Марія Өедоровна спросила его, не можетъ ли онъ доставить ей шведскихъ перчатокъ. Клингспоръ, имѣя съ собою двѣ дюжины паръ, поднесъ ихъ императрицѣ,

---

[1]) Донесеніе Стединка къ королю отъ 13/24 декабря 1796 г.

[2]) Masson, Mémoires secrets sur la Russie, I, 47.

[3]) „Elle était très alarmée du mauvais effet que ferait peut-être le retard de mes audiences“, сказано въ депешѣ Стединка.

[4]) „Car on est devenu extrêmement matineux ici depuis le nouveau régne“.

которая тотчасъ же отдала полдюжину Александрѣ Павловнѣ, а Клингспору подарила табакерку осыпанную драгоцѣнными камнями [1]). На парадѣ Павелъ, замѣтивъ Клингспора, велѣлъ его призвать къ себѣ и сказалъ ему: „Я далъ отставку князю Зубову и удалилъ этого жалкаго Моркова. Надѣюсь, что вашъ король не будетъ въ претензіи по этому случаю“ [2]). Въ этомъ замѣчаніи заключался намекъ на то, что Зубовъ и Морковъ считались главными виновниками спора, возникшаго 11-го сентября при переговорахъ о бракѣ. Зубову совѣтовали отправиться за границу, а Морковъ долженъ былъ удалиться въ свои имѣнія.

Дѣло съ Стединкомъ уладилось, и его аудіенція состоялась. Павелъ оказалъ ему благопріятный пріемъ. Особенно же радушно его приняла императрица. Привѣтствуя шведскаго посла въ своихъ покояхъ безъ свидѣтелей, она сказала ему, что въ этихъ именно комнатахъ король Густавъ IV, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, проводилъ нѣсколько разъ послѣобѣденное время въ бесѣдахъ съ нею и съ ея дочерью. Вспоминая объ этомъ, Марія Ѳедоровна говорила о своей привязанности къ королю; къ этому она прибавила, что она относилась къ нему не только съ истинною дружбою, но какъ нѣжная мать [3]). Стединкъ не могъ нахвалиться любезностью и радушіемъ, съ которымъ съ нимъ бесѣдовала императрица.

Въ это самое время Марію Ѳедоровну ожидало разочарованіе. Она надѣялась, что ея письмо къ королю, писанное послѣ воцаренія, произведетъ сильное дѣйствіе на короля. Къ сожалѣнію, содержаніе этого письма осталось неизвѣстнымъ. Неоднократно императрица, какъ мы видѣли, спрашивала Клингспора, которому она показывала концептъ этого письма, думаетъ ли онъ, что король послѣ этого останется непреклоннымъ? Теперь же, во второй половинѣ декабря, Клингспору было доставлено запечатанное письмо короля къ Павлу, которое онъ, испросивъ аудіенцію, передалъ государю. Павелъ, принявъ письмо, не читалъ его въ присутствіи шведскаго дипломата и въ общихъ выраженіяхъ говорилъ о своемъ расположеніи къ королю. Когда Клингспоръ послѣ этого побывалъ у императрицы, она спросила его, заключается

---

[1]) Клингспоръ замѣчаетъ, разсказывая объ этомъ въ донесеніи отъ 9/20 декабря, что такъ какъ табакерка не представляла собою особенной цѣнности, онъ не затруднился принять отъ императрицы этотъ подарокъ.

[2]) J'ai donné congé au prince Zoubow et j'ai renvoyé ce faquir (?) de Morkow. J'espère que le roi votre maître n'en sera pas fâché“.

[3]) „Que c'était non seulement les sentiments d'une bonne amie, mais si elle osait le dire, d'une tendre mère“.

ли въ письмѣ къ Павлу отвѣтъ на ея письмо? Клингспоръ отвѣчалъ, что содержаніе письма ему неизвѣстно.

Павелъ былъ доволенъ письмомъ Густава, который въ лестныхъ выраженіяхъ говорилъ о своемъ удовлетвореніи по поводу воцаренія Павла. Очевидно, однако, въ письмѣ не было рѣчи о проектѣ брака; Марія Өедоровна была сильно озадачена тѣмъ, что король не отвѣчалъ на ея письмо. Чрезъ своего секретаря Николаи, она велѣла сообщить Клингспору о своемъ безпокойствѣ. Тѣмъ не менѣе она до того разсчитывала на удачный исходѣ дѣла, что въ бесѣдѣ съ Клингспоромъ выразила надежду получить въ ближайшемъ будущемъ отъ короля рѣшительный и благопріятный отвѣтъ. Къ этому она прибавила, что намѣрена отправиться вмѣстѣ съ дочерью до шведской границы, надѣясь тамъ встрѣтить короля.

Отношенія Клингспора къ императорской четѣ въ это время были особенно благопріятными. Павелъ и Марія Өедоровна приглашали его въ Москву, куда они намѣревались отправиться для коронаціи. Удаленіе отъ дѣлъ Моркова и Зубова могло считаться выгодою для Швеціи. Клингспору разсказывали въ это время, что Зубовъ въ сентябрѣ всячески старался противодѣйствовать браку Густава съ Александрою Павловною и что онъ даже желалъ разрыва съ Швеціею. Моркова также считали заввятымъ противникомъ Швеціи. Имѣя дѣло съ другими министрами, Клингспоръ и Стедингъ скорѣе могли надѣяться на успѣхъ. Впрочемъ о другихъ вопросахъ, чисто политическихъ, въ бесѣдахъ шведскихъ дипломатовъ съ русскими государственными людьми, какъ кажется, не говорили [1]).

Но уступчивости русскаго двора по вопросу о свободѣ совѣсти въ данномъ случаѣ нисколько не соотвѣтствовала терпимость въ Швеціи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Стокгольмѣ разсчитывали на удачный исходъ дѣла, но въ то же время не переставали ожидать, что невѣста короля сдѣлается лютеранкою. Благодаря этому, Густавъ IV не рѣшался высказаться прямо и открыто на вышеупомянутое письмо императрицы Маріи Өедо-

---

[1]) Въ статьѣ г. Чумикова: „Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна", въ „Русскомъ Архивѣ", 1887, т. I, стр. 91, сказано: „Павелъ обѣщалъ Клингспору, буде состоится бракъ великой княжны, доставить Швеціи, въ видѣ приданаго, Норвегію. При этомъ будто бы обѣщано было вознаградить Данію шведскими землями въ Германіи" и пр. Къ сожалѣнію, г. Чумиковъ не сообщилъ объ источникахъ, которыми онъ пользовался. Въ донесеніяхъ Клингспора и Стединга, относящихся къ этому времени, объ этомъ проектѣ присоединенія Норвегіи къ Швеціи не говорится.

ровны. Очевидно, въ Стокгольмѣ ожидали результатовъ убѣжденій Клингспора по вопросу о религіи. Во всякомъ случаѣ, король не желалъ дать формальнаго обѣщанія о свободѣ совѣсти будущей королевы, между тѣмъ какъ родители Александры Павловны настаивали на такомъ заявленіи Густава. Еще до отправленія Клингспора въ Петербургъ, генералъ Вреде говорилъ Будбергу: „Король не желаетъ стѣснять великую княжну условіемъ, которое отчуждало бы ее отъ ея семейства и отечества; король и министры будутъ чтить религію ея и никогда ея не коснутся, но король будетъ компрометированъ, если его заставятъ подписать въ формальномъ трактатѣ обязательства, которыхъ отъ него требуютъ“ [1]).

Какъ видно, существовало по прежнему нѣкоторое различіе воззрѣній на этотъ вопросъ. Екатерина II требовала обѣщанія свободы совѣсти и формальнаго документа въ этомъ отношеніи; король же предпочиталъ ограничиваться общими выраженіями, устнымъ соглашеніемъ, обѣщаніемъ, имѣвшимъ частный характеръ.

Нѣтъ сомнѣнія, что король и въ письмѣ къ Екатеринѣ, которое не застало ее въ живыхъ, уклонялся отъ формальнаго заявленія по вопросу о религіи, ограничиваясь общими фразами. Быть можетъ, самъ Будбергъ былъ косвенно отчасти виноватъ въ томъ, что король, избѣгая оффиціальной формы, свелъ вопросъ на почву частныхъ увѣреній. Будбергъ замѣчаетъ въ одной изъ своихъ депешъ къ Екатеринѣ: „Я далъ замѣтить окружающимъ короля лицамъ, что послѣ непріятнаго столкновенія, которое Его Величество имѣлъ съ Вами, Государыня, было бы, по моему мнѣнію, гораздо лучше, еслибы отношенія между нимъ и Вашимъ Величествомъ были отношенія родственника къ родственницѣ, а не государя къ государынѣ. Эта мысль, казалось, очень имъ понравилась“ и пр. Какъ видно, король, отправляя Клингспора въ Россію съ письмомъ къ Екатеринѣ, слѣдовалъ совѣту Будберга. Въ донесеніи послѣдняго, отъ 30-го октября (10 ноября) 1796 г., сказано: „Генералъ Клингспоръ сообщилъ одному лицу, которое передало это извѣстіе мнѣ, что ему поручено передать вашему величеству письмо отъ короля, въ коемъ онъ проситъ извиненія за дѣйствія его въ Петербургѣ, случившіяся лишь вслѣдствіе незнанія законовъ страны, которыхъ ему никто не далъ себѣ труда объяснить, и увѣряетъ, что въ настоящее время, будучи въ этомъ отношеніи болѣе опытенъ, онъ ничего такъ

---

[1]) См. депешу Будберга въ Сборникѣ Ист. Общ. IX, стр. 375.

сильно не желаетъ, какъ поправить свои ошибки". Въ другой депешѣ Будберга, отъ 5/16 ноября, сказано: „Со времени назначенія генерала Клингспора, повидимому, не сомнѣваются болѣе въ успѣхѣ порученнаго ему дѣла, и онъ самъ говорилъ мнѣ, что король, слѣдуя совѣту, который я далъ его величеству, обращается къ императрицѣ какъ нѣжный сынъ къ матери въ отправляемомъ съ нимъ письмѣ". Также Будбергъ писалъ Моркову 21 ноября (2 декабря): „Со времени отъѣзда генерала Клингспора здѣсь, кажется, не сомнѣваются болѣе въ благопріятномъ исходѣ порученныхъ ему переговоровъ. Я не знаю, на чемъ основаны эти надежды, ибо нѣтъ и рѣчи о простомъ и открытомъ подписаніи петербургскаго договора, но вѣрно то, что король освѣдомился у герцога Зюдерманландскаго о состояніи яхты „Амфіонъ", которая, какъ прибавилъ онъ, должна привезти изъ Россіи въ Стокгольмъ королеву шведскую" [1]).

Можно думать, что въ Стокгольмѣ хотѣли, не принимая обязательства относительно выполненія великою княжною обрядовъ греческой вѣры, ограничиться общимъ обѣщаніемъ не насиловать ея религіозныхъ убѣжденій, а потомъ, по пріѣздѣ въ Швецію, достигнуть ея обращенія въ лютеранскую вѣру [2]).

Переговоровъ объ этомъ вопросѣ въ Швеціи не происходило. Ни Головкину, ни Будбергу, не было поручено входить въ частности этого дѣла [3]). Отъ удачныхъ дѣйствій Клингспора зависѣлъ исходъ дѣла. Онъ же до конца декабря могъ быть доволенъ результатами своихъ стараній, какъ видно, между прочимъ, изъ хранящагося въ стокгольмскомъ архивѣ письма его къ государственному канцлеру, барону Фредерику Спарре, отъ 9/20 декабря. Тутъ сказано между прочимъ: „я старался узнать подробности неудачи переговоровъ (въ сентябрѣ) и прихожу къ тому убѣжденію, что графъ Бернсторфъ не даромъ трудился здѣсь, и что дипломаты прусскій и англійскій были довольны разрывомъ. Теперь же они не имѣютъ никакого вліянія [4]). Павелъ честенъ и благороденъ, но съ нимъ имѣть дѣло не легко; онъ не терпитъ возраженій [5]). Если король пожелаетъ вступить въ бракъ съ ве-

---

[1]) Сб. Ист. Общ. IX, 380—383.

[2]) Таково предположеніе, высказанное издателемъ бумагъ Будберга въ Сб. Ист. Общ. IX, 385.

[3]) См. „Apostille" въ донесеніи Клингспора къ королю, отъ 18/24 декабря, въ стокгольмскомъ архивѣ.

[4]) „Le comte Bernstorff n'était pas ici en vain et les ministres de Prusse et d'Angleterre n'ont ponit été fâchés de la rupture". Бернсторфъ былъ датскимъ дипломатомъ; прусскимъ былъ Тауенцинъ, англійскимъ—Витвортъ.

[5]) „Paul est de bonne foi, quoique entièrement difficile à vivre, et son humeur prompt ne souffre point de difficultés".

ликою княжною Александрою, то здѣсь склонны ко всевозможнымъ уступкамъ въ пользу его величества и Швеціи. Только я долженъ сказать, что не должно мѣшкать въ обращеніи съ Павломъ, менѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо инымъ, и далѣе я прямо объявляю, что Павелъ и Марія Ѳедоровна никогда не дозволятъ, *по крайней мѣрѣ до брака* [1]), чтобы Александра Павловна перемѣнила религію. Нѣтъ возможности говорить объ этомъ. Я попытался всячески коснуться этого дѣла въ бесѣдахъ съ ихъ величествами; я обращался къ разнымъ лицамъ, пользующимся ихъ довѣріемъ; мнѣ говорили, что, не благодаря какому-либо чванству и не вслѣдствіе пустосвятства (bigotisme), они не могутъ согласиться на эту перемѣну, пока великая княжна находится здѣсь. Но, судя по нѣкоторымъ намекамъ, эта перемѣна послѣ ея пріѣзда въ Швецію не послужитъ поводомъ къ войнѣ, особенно если королева приметъ лютеранскую вѣру по любви къ супругу и въ случаѣ надежды на рожденіе сына [2]). Я говорилъ съ гувернанткою великой княжны, г-жею Ливенъ, которая увѣряла меня, что будущая королева не причинитъ никакого соблазна [3]) и что ее увидятъ въ лютеранской церкви при всѣхъ случаяхъ, которые этого потребуютъ, и что она станетъ участвовать въ протестантскомъ богослуженіи съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ бы она присутствовала при немъ, принадлежа къ этому исповѣданію, что она не поклоняется иконамъ [4]), и что такъ какъ пріобщеніе святыхъ тайнъ происходитъ у православныхъ въ двоякомъ видѣ [5]), совсѣмъ такъ же, какъ и у насъ, различіе исповѣданій ничтожно. Также и термины при таинствѣ одни и тѣ же. Боже меня избави отъ того, чтобы я осмѣлился давать (королю) совѣты, но, сколько я понимаю въ вопросахъ религіи [6]), король не можетъ имѣть болѣе достойной супруги; что же касается до тещи, то такихъ женщинъ мало или вовсе ихъ нѣтъ. Она оказываетъ благопріятное вліяніе на мужа, и поэтому отъ нея можно ожидать всего хорошаго" [7]). Клингспоръ продолжаетъ:

[1]) „Au commencement du moins".

[2]) „Que ce n'est ni par hauteur ni par bigotisme qu'ils ne peuvent donner leur consentement tant que la grande duchesse est ici; mais à juger de leurs discours ce ne sera une raison de guerre surtout si elle le fait par amour pour le roi et qu'elle est dans le cas de lui donner un héritier".

[3]) „Qu'elle ne scandalisera personne".

[4]) „Qu'elle n'adore point les images".

[5]) „Sous les deux espèces".

[6]) „Selon ma façon de voir à la religion près".

[7]) „Une belle-mère, qui est véritablement la femme comme il y en a peu, pour ne pas dire comme il n'y en a pas, et disposant par sa bonne conduite et son caractère doux son époux, on peut tout en attendre".

„До сихъ поръ я, кажется, велъ дѣло въ удовольствію короля. Здоровье императрицы и ея дочери зависитъ отъ этого дѣла. Великая княжна проливаетъ слезы, какъ только намекнуть, что бракъ не состоится [1]). Понятно, впрочемъ, что все это не можетъ быть рѣшительнымъ аргументомъ".

Въ этомъ же письмѣ Клингспоръ высказываетъ надежду, что ему не придется оставаться долго въ Россіи. Прибавляя, что его пригласили въ Москву, онъ замѣчаетъ, что, вѣроятно, до отъѣзда двора въ древнюю столицу все будетъ улажено.

Въ письмѣ Клингспора къ барону Спарре, отъ 20 декабря 1796 г. (1 января 1797 г.), сказано: „Павелъ и Марія Ѳедоровна ежедневно говорятъ съ особеннымъ уваженіемъ о королѣ, и всѣ царедворцы, какъ водится, слѣдуютъ ихъ примѣру. Всѣ убѣждены въ томъ, что имѣющійся въ виду союзъ представитъ самыя важныя выгоды обоимъ государствамъ [2]). Къ сожалѣнію, однако, я не предвижу возможности заставить императора согласиться на перемѣну вѣры. Однако нѣтъ сомнѣнія, что эта перемѣна состоится, какъ скоро королева будетъ въ Швеціи. Я не считаю удобнымъ говорить здѣсь объ этомъ. Императрица не желаетъ, чтобы ее считали способною согласиться на это; но едва ли она окажется непримиримою, какъ скоро дѣло будетъ сдѣлано" [3]).

Немного позже, Клингспоръ, въ письмѣ къ барону Спарре, отъ 29-го декабря 1796 г. (9 января 1797 г.), сообщалъ подробности о богатомъ приданомъ невѣсты. Былъ заказанъ роскошный „trousseau". Готовились великолѣпный сервизъ, мебель, фарфоръ, туалетъ и пр. [4]). Шведскій дипломатъ писалъ далѣе, что Александра Павловна при послѣднемъ куртагѣ была украшена особенно драгоцѣнными алмазами. Хотя объ этихъ приготовленіяхъ съ Клингспоромъ не говорили, онъ все-таки узналъ, что однажды Марія Ѳедоровна сказала своимъ приближеннымъ: „Здѣсь-то у насъ

---

[1]) „la dernière est dans les pleurs tant et quand de fois qu'elle entend la moindre idée que cela ne se fera pas".

[2]) „On fait des pronostics des plus grands avantages pour les deux états par l'alliance projetée". Что же касается до царедворцевъ, то Клингспоръ пишетъ: „Morkow a été chassé uniquement pour cela", т.-е. за то, что онъ не поддерживалъ сближенія Россіи съ Швеціею.

[3]) Le changement de religion ne pourra pas manquer d'avoir lieu, quand une fois la reine sera en Suède, quoique pour ne pas tout rompre je ne le met pas en question dans ce moment. L'impératrice, extrêmement sensible qu'on la croit capable d'y donner les mains, appuie infiniment sur cet article, quoique je ne prévois pas qu'elle soit irréconciliable quand une fois la chose sera faite".

[4]) „Avec la plus grande profusion".

все готово; я ничего не забыла". О королѣ говорили въ тонѣ восхищенія. „Я не сомнѣваюсь въ искренности Павла и Маріи Θедоровны", писалъ Клингспоръ. А въ донесеніи Стединка къ королю, отъ 30-го декабря 1796 г. (10 января 1797 г.), сказано: „Я имѣлъ аудіенцію у великой княжны Александры Павловны. Въ отвѣтѣ, съ которымъ она обратилась ко мнѣ, она сказала между прочимъ, что ничто не измѣнитъ когда-либо тѣхъ чувствъ, которыя она питаетъ въ отношеніи къ вашему величеству".

Изъ всего этого видно, что въ сущности ни государь ни государыня, ни ихъ дочь, не сомнѣвались въ томъ, что дѣло, уладится въ ближайшемъ будущемъ, и что король отвѣтитъ на письмо Маріи Θедоровны въ томъ смыслѣ, что будущая королева будетъ пользоваться въ Швеціи полною свободою совѣсти, и что для нея будетъ устроена во дворцѣ часовня для отправленія богослуженія по обрядамъ православной церкви.

Вышло иначе. Какъ кажется, именно въ это время нѣкоторыя богословскія знаменитости Стокгольма оказывали на молодого короля вліяніе въ смыслѣ нетерпимости, внушая королю, что будущая королева должна быть лютеранкою, и что нельзя допустить, чтобы въ однихъ и тѣхъ же королевскихъ покояхъ исповѣдовалась иная вѣра, и что эта чужая вѣра исповѣдовалась бы матерью страны и народа. Королю говорили, что этимъ онъ поставитъ на карту не только уваженіе къ себѣ народа, но и самый престолъ [1]).

Какъ бы то ни было, король не объявлялъ того, чего ожидали въ С.-Петербургѣ, и неполученіе прямого отвѣта приводило русскій дворъ въ крайнее смущеніе.

Между бумагами Клингспора въ стокгольмскомъ архивѣ находится концептъ письма короля къ Павлу, отъ 9 января 1797 г. новаго стиля. Тутъ говорится исключительно о непріятности, происшедшей по поводу императорскаго титула. О проектѣ брака ни слова [2]).

Около половины января 1797 г., ст. ст., прибылъ въ С.-Пе-

---

[1]) Такъ разсказываетъ г. Чумиковъ въ статьѣ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ", 1887, I, стр. 89—90, безъ точныхъ ссылокъ на источники. Ссылка при этомъ случаѣ: „Изъ напечатаннаго письма архіепископа Тройля и доктора Мюррея къ герцогу" (Карлу Зюдерманландскому)—неудовлетворительна.

[2]) Вотъ содержаніе этого письма: „Des formalités ne doivent point troubler notre heureuse harmonie. Dans ce qui s'est passé, les anciennes formes avaient été suivies. L'ambassadeur de V. M. a déclaré à mon ministère qu'elles étaient changées. Il lui a communiqué officiellement les nouveaux titres de V. M. déjà reçus et donnès par d'autres puissances. Je ne serai point le dernier à les joindre aux anciens" и пр.

тербургъ сынъ генерала Клингспора съ какими-то письмами короля; Клингспоръ-отецъ отдалъ ихъ Павлу. Письма эти произвели при русскомъ дворѣ самое сильное и чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе. Марія Ѳедоровна была крайне недовольна тѣмъ, что король не считалъ нужнымъ отвѣтить на ея письмо. Хотя Клингспора пригласили ужинать при дворѣ, настроеніе умовъ было самое мрачное, и за столомъ говорили очень мало. Клингспоръ доносилъ обо всемъ этомъ королю въ своей депешѣ, отъ 18/29 января, слѣдующее: „Только я успѣлъ вернуться домой, какъ императрица чрезъ одно лицо, пользующееся ея довѣріемъ, велѣла сказать мнѣ, что она къ крайнему своему сожалѣнію видитъ, что король къ ней не относится болѣе съ тѣмъ радушіемъ, на которое она имѣла право разсчитывать; далѣе, она велѣла сообщить мнѣ, что она по этому случаю проливала горькія слезы, и что Павелъ считаетъ переговоры о бракѣ прерванными. Наконецъ, Марія Ѳедоровна велѣла спросить меня, могу ли я объявить прямо и ясно, что Густавъ IV подразумѣваетъ подъ свободою совѣсти право великой княжны отправлять богослуженіе частнымъ образомъ [1]). Я отвѣчалъ, что такъ какъ Павелъ выразилъ желаніе трактовать объ этомъ дѣлѣ „de souverain à souverain“, я не считаю себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, надѣясь впрочемъ на благородныя чувства вашего величества и на ваше желаніе заключить этотъ союзъ [2]); къ этому я прибавилъ, что при нѣжности чувствъ родителей они едва ли станутъ безпокоиться о судьбѣ дочери, разъ вышедшей изъ ихъ опеки [3]); что свобода совѣсти заключается въ томъ, чтобы никого не насиловать въ своей вѣрѣ и въ своихъ воззрѣніяхъ, и что вѣра и долгъ равно обязательны въ греческой религіи, какъ и въ нашей. Далѣе, я указалъ на готовность вашего величества признать полную свободу совѣсти великой княжны, какъ это было высказано въ запискѣ, доставленной (11-го сентября) покойной императрицѣ [4]), и высказалъ надежду, что ихъ величества будутъ

---

[1]) „D'une manière privée et très particulière“.

[2]) „Qu'il ne m'appartenait de m'en mêler autrement qu'à assurer de la loyauté des sentiments de V. M. et de son désir de conclure cette alliance“.

[3]) „Que persuadé de la tendresse des augustes parents, V. M. ne pouvait entrevoir, qu'ils voudraient s'inquiéter du sort de la princesse une fois hors de leur tutelle“.

[4]) Въ этой запискѣ было сказано слѣдующее: „Такъ какъ я далъ уже ея имп. величеству честное слово, что великая княжна никогда не будетъ стѣсняема въ дѣлѣ ея совѣсти и во всемъ томъ, что касается ея религіи, и ея величество, казалось, удовольствовалась этимъ, то я увѣренъ, что она не сомнѣвается нисколько въ томъ,

довольствоваться этимъ, не вдаваясь въ частности [1]); они могутъ объ этомъ или объявить устно, или выразиться въ письмѣ къ королю, лишь бы объ этомъ ничего не было сказано въ оффиціальной бумагѣ или объявлено всенародно [2]). Молодая королева будетъ имѣть полный просторъ при отправленіи богослуженія, и обѣимъ сторонамъ нужно всецѣло положиться на нее въ этомъ отношеніи".

„Понятно, что эти заявленія шведскаго дипломата не могли считаться удовлетворительными съ точки зрѣнія Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны. Дѣло принимало очень неблагопріятный оборотъ; Стединкъ сильно безпокоился и искалъ случая переговорить обо всемъ съ высшими сановниками. Не заставъ дома ни Безбородки, ни Остермана, шведскій посолъ вечеромъ отправился во второй разъ къ Остерману, отъ котораго онъ узналъ, что при дворѣ господствовало самое сильное смущеніе, что особенно императрица была глубоко потрясена, и что государь не въ состояніи скрывать своего неудовольствія. „Я не могу не быть озадаченъ,— писалъ Стединкъ королю,—всѣмъ тѣмъ, что грозитъ нарушеніемъ счастія вашего величества и благоденствія вашего царствованія".

О своей бесѣдѣ съ Безбородкою посолъ доносилъ слѣдующее: „Я усмотрѣлъ изъ этого разговора, что надежда государя и государыни на этотъ бракъ, которымъ обусловливается не только сохраненіе мира на сѣверѣ, но, быть можетъ, даже сохраненіе важнѣйшихъ правъ въ области религіи и государства въ большей части Европы [3]), угасла почти совершенно, благодаря тому, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна не считаютъ возможнымъ согласиться на дальнѣйшія уступки, и далѣе, вслѣдствіе того, что ихъ старанія не успѣвали устранять возникшія затрудненія. Графъ Безбородко не скрывалъ, что въ виду шума, который надѣлалъ этотъ предметъ въ публикѣ, и въ виду важности его, переговоры не могутъ окончиться безъ самыхъ серьезныхъ послѣдствій для обоихъ дворовъ, и что отъ ихъ исхода будетъ зависѣть дружба или непріязнь между ними".

Молодой Клингспоръ привезъ вмѣстѣ съ письмами короля полномочіе отцу для заключенія брачнаго договора. Сообщивъ объ этомъ Безбородкѣ оффиціальною запискою, Клингспоръ тре-

---

что я знаю священныя обязанности, которыя возлагаетъ на меня это обѣщаніе, такъ что всякое другое письмо будетъ совершенно излишне". См. Сборн. Ист. Общ. IX, 310.

[1]) „Sans rien spécifier de plus".

[2]) „Et l'on se fiera bien à elle des deux parts".

[3]) „Dont dépend certainement non seulement la tranquillité du nord, mais peut-être le maintien de l'ordre et des droits de la religion et de la souveraineté de la plus grande partie de l'Europe".

бовалъ торжественной аудіенціи у Павла. Безбородко, пригласивъ къ себѣ Клингспора, спросилъ его отъ имени Павла, имѣетъ ли онъ формальное порученіе объявить, что подъ терминомъ „свобода совѣсти" король понимаетъ, во-первыхъ, право королевы отправлять богослуженіе частнымъ образомъ и, во-вторыхъ, устройство подвижной часовни. Въ требованіи такого объявленія заключался нѣкоторымъ образомъ ультиматумъ русскаго двора. Павелъ заявилъ, что не можетъ предоставить свою дочь какому бы то ни было произволу. При этомъ, однако, Павелъ Петровичъ и Марія Θедоровна выказали опять-таки нѣкоторую уступчивость, предлагая Клингспору чрезъ графа Безбородко слѣдующее: во-первыхъ, что формальное объявленіе о свободѣ совѣсти и толкованіе этого термина останутся тайною и будутъ сохраняться въ шкатулкѣ, а во-вторыхъ, что родители невѣсты готовы отъ себя также объявить, что предоставляютъ своей дочери полную свободу совѣсти.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднемъ заявленіи заключалось предположеніе, что Александра Павловна, сдѣлавшись шведскою королевою, согласится на принятіе лютеранской вѣры, и что въ такомъ случаѣ родители ея готовы не мѣшать этому.

Клингспоръ не считалъ возможнымъ отъ имени короля толковать въ требуемомъ смыслѣ терминъ „liberté de conscience". Изъ донесенія къ королю видно, что это заявленіе прямо противорѣчило бы данной ему инструкціи. Мало того: онъ прямо объявилъ, что не считаетъ вѣроятнымъ, чтобы Густавъ IV рѣшился обѣщать вышеупомянутыя условія. Безбородко возразилъ, что въ такомъ случаѣ переговоры о бракѣ должны будутъ считаться прерванными.

Мы видѣли выше, что Марія Θедоровна обращалась къ королю съ письмами, и что эти отношенія имѣли характеръ интимной бесѣды между родственниками. Въ виду упорнаго и холоднаго образа дѣйствій короля эта частная связь не могла продолжаться. Клингспору говорили, что Павелъ вытребовалъ отъ своей супруги честное слово, что она отъ себя не станетъ принимать какихъ-либо мѣръ для устройства этого брака.

И Клингспоръ, и Стединкъ, въ своихъ донесеніяхъ къ королю сообщали данныя о мрачномъ настроеніи русскаго двора и о томъ, какъ это настроеніе было замѣтно при пріемѣ членовъ дипломатическаго корпуса. Павелъ былъ задумчивъ; Марія Θедоровна и Александра Павловна казались печальными [1]). Павелъ

---

[1]) „On voyait le chagrin et la tristesse empreints sur le visage de l'impéra-

сказалъ Стединку нѣсколько словъ, не имѣвшихъ никакой важности, но его взоръ обнаруживалъ необычайное волненіе и раздраженіе [1]). „Вашему величеству извѣстно,—писалъ шведскій посолъ,—что этотъ государь, по нраву чистосердечный и благородный, не можетъ скрывать своихъ чувствъ. Въ эти дни Марія Өедоровна употребила всевозможныя старанія для того, чтобы уговорить его попытаться еще разъ склонить ваше величество къ сдѣлкѣ [2]). Хотя государь считалъ дѣло оконченнымъ, онъ все-таки согласился и, благодаря этому, въ слѣдующій праздничный день (jour de gala) настроеніе двора было лучше". Императрица написала новое письмо, и Клингспоръ и Стединкъ рѣшили отправить его вмѣстѣ со своими донесеніями въ Стокгольмъ чрезъ секретаря посольства Деннингса.

„Нельзя описать, — доносилъ королю Клингспоръ, — печаль великой княжны. Она на дняхъ, проходя мимо меня, сказала мнѣ со слезами: „Значитъ, король меня болѣе не любитъ и забылъ меня". Я возразилъ: „Напротивъ того, онъ желаетъ вашего и въ то же время своего счастья" [3]).

Клингспоръ, въ донесеніи къ королю, выставлялъ на видъ, что личное расположеніе Маріи Өедоровны къ королю имѣло важное политическое значеніе. „Какъ скоро,—писалъ онъ,—переговоры о бракѣ будутъ прерваны, она не будетъ имѣть вліянія на государя". Клингспоръ умолялъ короля во всякомъ случаѣ, т.-е. и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, удостоить императорскую чету дружескаго, собственноручнаго письма. „Павелъ,—писалъ онъ,—имѣетъ самое высокое понятіе о могуществѣ Россіи. Его супруга не всегда успѣваетъ въ укрощеніи его нрава. Я знаю его. Онъ придерживается рабски своихъ заявленій. Онъ можетъ быть вѣрнымъ другомъ; его непріязнь опасна, благодаря его мнительности" [4]).

И Стединкъ, и Клингспоръ, находили положеніе Швеціи опаснымъ въ случаѣ разрыва. Къ тому же шведскіе дипломаты считали вѣроятнымъ, что прусскій и датскіе кабинеты желали этого

---

trice et la même impression régner sur la figure de m-me la grande-duchesse Alexandra". Донесеніе Стединка, отъ 16 (27) января 1797 г.

[1]) Стединкъ: „Son regard me fit connaître à quel point il était ému et agité".

[2]) „Tout ce jour et le suivant furent employés par l'impératrice à obtenir qu'il lui fut permis de faire une dernière tentative auprès de votre majesté, puisque l'empereur regardait l'affaire comme rompue".

[3]) „Le roi ne m'aime donc plus et m'a oubliée".—„Au contraire, madame, son plus grand désir est votre bonheur et le sien, seul objet de ma mission". Донесеніе Клингспора отъ 18 (29) января 1797 г.

[4]) „Susceptible et sensible aux procédés".

разрыва, считая чрезмѣрное сближеніе между Россіею и Швеціею для себя опаснымъ. Около этого времени въ Петербургъ прибылъ прусскій дипломатъ Брюль, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ Павла, и Клингспору казалось, что Павелъ съ той минуты обнаруживалъ нѣкоторую холодность и сдержанность въ обращеніи съ нимъ.

Въ частномъ письмѣ къ барону Спарре Клингспоръ указывалъ на свое крайне затруднительное положеніе. И тутъ была рѣчь о значеніи дружбы Маріи Ѳеодоровны и о необходимости задобрить ее, въ случаѣ разрыва брачнаго проекта, ласковымъ и собственноручнымъ письмомъ короля. Не безъ краснорѣчія Клингспоръ описываетъ отчаяніе императрицы, которая для того, чтобы подѣйствовать на Павла, прибѣгла даже къ помощи Нелидовой [1]). Далѣе, Клингспоръ писалъ, что работы для приготовленія „trousseau" великой княжны продолжаются, но нѣсколько медленнѣе прежняго. Наконецъ, въ письмѣ Клингспора къ барону Спарре сказано: „Я имѣю основаніе думать, что если мнѣ будетъ приказано обѣщать часовню, эта часовня не долго будетъ въ употребленіи, потому что великая княжна пожелаетъ болѣе всего угождать королю, какъ скоро она ознакомится съ нашимъ исповѣданіемъ, не обремененнымъ лишними обрядами. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что молодая принцесса чужда всякаго суевѣрія, и что она обожаетъ короля".

Во всякомъ случаѣ и Стедингъ, и Клингспоръ были проникнуты убѣжденіемъ, что политическія отношенія между Швеціею и Россіею всецѣло зависѣли отъ рѣшенія брачнаго вопроса. Стедингъ писалъ о желаніи Павла не отдѣлять вопроса о возобновленіи договора, заключеннаго въ 1791 году въ Дротнингольмѣ, отъ вопроса о бракѣ. Павлу казалось, что такъ какъ дѣло шло о чести дочери и царской фамиліи вообще, союзъ съ Швеціею становился рѣшительно невозможнымъ послѣ уничтоженія проекта брака. Такая тѣсная связь между дѣломъ семейнымъ и политикою характеризируетъ вообще воззрѣнія той эпохи.

А. Брикнеръ.

---

[1]) „L'impératrice est douce et gracieuse, quoique véritablement triste, quelle peine qu'elle se donne pour le cacher. Jugez de son désir de rendre sa fille heureuse; elle s'est vue obligée d'employer même m-me Nelidoff pour porter l'empereur où il en est". О Павлѣ сказано: „Je prévois l'orage", хотя государь пока остается „poli et réservé".

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

АККОРДЫ.

C'est un phare allumé sur mille citadelles.
Baudelaire.

Мнѣ снился мучительный Гойя, художникъ чудовищныхъ грёзъ,—
Больная насмѣшка надъ жизнью,—надъ царствомъ могилы вопросъ.
Мнѣ снился безсмертный Веласкесъ, Коэльо, Мурильо святой,
Создавшій воздушность, и холодъ, и пламень мечты золотой.
И Винчи, спокойный, какъ Гёте, и свѣтлый, какъ сонъ, Рафаэль,
И нѣжный, какъ вздохъ, Боттичели, нѣжнѣй, чѣмъ весною свирѣль.
Мнѣ снились волхвы откровеній, любимцы грядущихъ временъ,
Воззванья влекущихъ на битву, властительно-яркихъ знаменъ.
Намеки на сверхчеловѣка, обломки нездѣшнихъ міровъ,
Аккорды бездонныхъ значеньемъ, еще не разгаданныхъ словъ.

II.

СФИНКСЪ.

Среди песковъ пустыни вѣковой
Зловѣщій сфинксъ царитъ на фонѣ ночи,
Въ лучахъ луны гигантской головой
Встаетъ, ростетъ,—глядятъ, не видя, очи.

Съ отчаяньемъ живого мертвеца,
Воскресшаго въ безвременной могилѣ,
Здѣсь бился рабъ, томился безъ конца,—
Рабы кошмаръ въ гранитѣ воплотили.

И замыселъ чудовищной мечты,
Средь вѣчности всегда однообразной,
Возсталъ, какъ врагъ обычной красоты,
Какъ сонъ слѣпой, нѣмой—и безобразный.

III.

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

Золотая звѣзда надъ землею въ пространствѣ летѣла,
И съ лазури на сонную землю упасть захотѣла.

Обольстилась она голубыми земными цвѣтами,
Изумрудной травой и шуршащими въ полночь листами.

И, раскинувши путь золотой по лазури бездонной,
Полетѣла, какъ ангелъ,—какъ ангелъ преступно-влюбленный.

Чѣмъ быстрѣй улетала она, тѣмъ блистала яснѣе,
И горѣла, сгорала, въ восторгѣ любви пламенѣя.

И, зардѣвшись блаженствомъ, она уступила безсилью,
И, земли не коснувшись, разсыпалась яркою пылью.

К. Бальмонтъ.

Парижъ, 1897.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
ГР. А. К. ТОЛСТОГО
1851—1875 гг. *).

1851 г.

1.

Пустынька [1]), 22 августа.

Я здѣсь съ понедѣльника. Погода такая жаркая, что днемъ нельзя выходить. Должно быть не меньше 25 гр. Я хожу, насколько больная нога позволяетъ, — а вечеромъ ѣзжу верхомъ.

Сейчасъ только вернулся изъ лѣсу, гдѣ искалъ и нашелъ много грибовъ. Мы разъ какъ-то говорили о вліяніи запаховъ и до какой степени они могутъ напомнить и возстановить въ памяти то, чтò забыто уже много лѣтъ. Мнѣ кажется, что лѣсные запахи обладаютъ всего больше этимъ свойствомъ. А впрочемъ, можетъ быть, мнѣ это такъ кажется, потому что я провелъ все дѣтство въ лѣсахъ. Свѣжій запахъ грибовъ возбуждаетъ во мнѣ цѣлый рядъ воспоминаній. Вотъ сейчасъ, нюхая рыжикъ, я увидалъ передъ собой, какъ въ молніи, все мое дѣтство во всѣхъ подробностяхъ до семилѣтняго возраста.

Это продолжалось, можетъ быть, лишь одну тысячную секунды,

---

*) Часть переписки гр. А. К. Толстого съ друзьями была нами напечатана въ 1895 г., окт., 628; нояб., 158; дек. 616.

[1]) Имѣніе, въ 40 верстахъ отъ Петербурга.

не больше. Всякій сортъ грибовъ имѣетъ свое особенное свойство, но всѣ они меня относятъ въ прошедшее.

А потомъ являются всѣ другіе лѣсные ароматы, напримѣръ запахъ моха, древесной коры, старыхъ деревьевъ, молодыхъ только-что срубленныхъ сосенъ, запахъ въ лѣсу во время сильнаго зноя, запахъ лѣса послѣ дождя... и такъ много еще другихъ... не считая запаха цвѣтовъ въ лѣсу...

2.

Пустынька, 14 октября.

...Ложь или зло имѣетъ тысячу формъ и видовъ, но правда и добро не могутъ не *быть едиными*. Такъ что если два или нѣсколько человѣкъ вернутся къ нормальному состоянію, непремѣнно будетъ общее сліяніе между ними, и въ этомъ сліяніи нѣтъ ничего печальнаго—оно насъ только приближаетъ къ Богу.

...Но теперь поговоримъ о Тургеневѣ. Я вѣрю, что онъ очень благородный и достойный человѣкъ, но я ничего не вижу Юпитеровскаго въ его лицѣ!..

Просто хорошее лицо, довольно слабое и даже не очень красивое. Ротъ въ особенности очень слабъ. Форма лба хорошая, но черепъ покрытъ жирными тѣлесными слоями. Онъ весь мягкій —весь такой же мягкій, какъ мои ногти.

Я вчера остановился, разсказывая тебѣ, что я видѣлъ Улыбышева. Тамъ было еще два господина... изъ „міра *искусства*“, и они принялись обсуждать вопросъ о контрапунктѣ, въ которомъ я конечно ничего не понялъ, — но ты не можешь себѣ вообразить, съ какимъ удовольствіемъ я вижу людей, которые посвятили себя какому-нибудь искусству.

Видѣть людей, которымъ за 50 лѣтъ, которые жили и живутъ во имя искусства, и которые относятся къ нему серьезно, мнѣ доставляетъ всегда большое удовольствіе — потому что это такъ рѣзко отдѣляется отъ такъ-называемой *службы* и отъ всѣхъ людей, которые подъ предлогомъ, что они служатъ, живутъ интригами, одна грязнѣе другой.

А у этихъ добрыхъ людей, внѣ служебнаго круга—и лица другія. Такъ и видно, что въ нихъ живутъ совсѣмъ другія мысли, и смотря на нихъ можно отдохнуть.

Не хочется мнѣ теперь о себѣ говорить, а когда-нибудь я тебѣ разскажу, какъ мало я рожденъ для служебной жизни и какъ мало я могу принести ей пользы.

Я родился художникомъ, но всѣ обстоятельства и вся моя

жизнь до сихъ поръ противились тому, чтобы я сдѣлался *вполнѣ* художникомъ.

Вообще вся наша администрація и общій строй—явный непріятель всему, что̀ есть художество — начиная съ поэзіи и до устройства улицъ...

Я никогда не могъ бы быть ни министромъ, ни директоромъ департамента, ни губернаторомъ. Я дѣлаю исключеніе только для службы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которая, можетъ быть, могла бы мнѣ подойти—но къ этому мы вернемся позже.

Я не вижу, отчего съ людьми не было бы того же самаго, что̀ и съ матеріалами.

Одинъ матеріалъ годенъ для постройки домовъ, другой—для дѣланія бутылокъ, третій — для издѣлія одеждъ, четвертый— для колоколовъ... но у насъ — камень или стекло, ткань или металлъ—всѣ полѣзай въ одну форму—въ служебную!.. Иной и влѣзетъ, а у другого или ноги длинны, или голова велика—и хотѣлъ бы, да не впихаешь!

И выходитъ изъ него чортъ знаетъ что̀ такое.

Это люди или безполезные, или вредные, но они сходятъ за людей, отплатившихъ свой долгъ отечеству,—и въ этихъ случаяхъ принята фраза: „Надобно, чтобы каждый приносилъ по мѣрѣ силъ пользу государству".

Тѣ же, которые не служатъ и живутъ у себя въ деревнѣ и занимаются участью тѣхъ, которые ввѣрены имъ Богомъ, называются праздношатающимися или вольнодумцами. Имъ ставятъ въ примѣръ тѣхъ полезныхъ людей, которые въ Петербургѣ танцуютъ, ѣздятъ на ученье или являются каждое утро въ какую-нибудь канцелярію и пишутъ тамъ страшную чепуху.

Что до меня касается, я не думаю, чтобы я могъ быть хорошимъ сельскимъ хозяиномъ—я сомнѣваюсь, чтобы я съумѣлъ поднять цѣнность имѣнія—но мнѣ кажется, что я могъ бы имѣть хорошее вліяніе нравственное на моихъ крестьянъ — быть по отношенію къ нимъ справедливымъ и отстранять всякія вредныя возбужденія, внушая имъ уваженіе къ тому же правительству, которое такъ дурно смотритъ на людей не служащихъ.

Но если ты хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ, какое мое настоящее призваніе—*быть писателемъ.*

Я еще ничего не сдѣлалъ — меня никогда не поддерживали и всегда обезкураживали, я очень лѣнивъ, это правда, но я чувствую, что я могъ бы сдѣлать что-нибудь хорошее, — лишь бы

мнѣ быть увѣреннымъ, что я найду артистическое эхо,—и теперь я его нашелъ... это ты.

Если я буду знать, что ты интересуешься моимъ писаніемъ, я буду прилежнѣе и лучше работать.

Это—поприще, въ которомъ я безъ сомнѣнія буду обреченъ на неизвѣстность, по крайней мѣрѣ надолго, такъ какъ тѣ, которые хотятъ быть напечатаны теперь, должны стараться писать какъ можно хуже — а я сдѣлаю все возможное, чтобы писать хорошо... Съ ранняго дѣтства я чувствовалъ влеченіе къ художеству и ощущалъ инстинктивное отвращеніе къ „чиновнизму" и—къ „капрализму".

Я не знаю, какъ это дѣлается, но, большею частью, все, что я чувствую, я чувствую художественно.

Я рожденъ художникомъ не только для литературы, но и для пластическихъ искусствъ.

Хотя я самъ ничего не могу сдѣлать какъ живописецъ, но я чувствую и понимаю живопись и скульптуру также. Часто я самъ себѣ говорю, смотря на картину: „Господи, еслибы я могъ это сдѣлать... насколько бы я еще лучше сдѣлалъ".

Музыка одна для меня недоступна; это—великолѣпный край, который я вижу издали, который я отгадываю и вокругъ котораго я хожу—но не могу взойти въ него.

....Такъ знай же, что *я не чиновникъ, а художникъ.*

. . . .

1852 г.

3.

10 мая.

....Я хотѣлъ поговорить съ тобой о моихъ мысляхъ, о прямомъ вліяніи молитвы; я тебѣ это скажу въ нѣсколькихъ словахъ—разсуждать не могу—сердце не на мѣстѣ.

Я думаю, что въ нашей жизни соединяются предопредѣленіе и свобода воли, но мы не можемъ установить ихъ соотношенія. Отрицать совершенно свободу воли—значитъ отрицать очевидность, ибо, въ концѣ концовъ, если твой домъ горитъ, ты не остаешься тамъ сложа руки, но ты оттуда выходишь и большею частью этимъ спасаешься.

Итакъ, если мы допускаемъ это, мы можемъ до нѣкоторой степени руководить обстоятельствами, мы должны допустить свое воздѣйствіе и на другихъ людей; изо всѣхъ же дѣйствій самое

могучее—дѣйствіе души, и ни въ какомъ положеніи душа не пріобрѣтаетъ болѣе обширнаго развитія, какъ въ приближеніи ея къ Богу. Просить съ вѣрой у Бога, чтобы Онъ отстранилъ несчастіе отъ любимаго человѣка—не есть безплодное дѣло, какъ увѣряютъ нѣкоторые философы, признающіе въ молитвѣ только способъ поклоняться Богу, сообщаться съ Нимъ и чувствовать Его присутствіе.

Прежде всего молитва производитъ прямое и сильное дѣйствіе на душу человѣка, о которомъ молишься, такъ какъ чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ Богу, тѣмъ болѣе вы становитесь въ независимость отъ вашего тѣла, и потому ваша *душа менѣе стѣснена* пространствомъ и матеріей, которыя отдѣляютъ ее отъ той души, за которую она молится.

Я почти-что убѣжденъ, что два человѣка, которые бы молились въ одно время съ одинаково сильной вѣрой другъ за друга, могли бы сообщаться между собой, безъ всякой помощи матеріальной и вопреки отдаленію.

Это—прямое дѣйствіе на мысли, на желанія, и потому—на рѣшенія той сродной души. Это дѣйствіе я всегда желалъ произвести на тебя, когда я молился Богу... и мнѣ кажется, что Богъ меня услышалъ... и что ты почувствовала это дѣйствіе,—и благодарность моя къ Богу—безконечная и вѣчная. Теперь остается то косвенное дѣйствіе, которое отстраняетъ несчастіе отъ любимаго человѣка, если молишься, напримѣръ, чтобы онъ совершилъ путешествіе безъ препятствій, или объ исполненіи его желаній, если они хорошія, и т. д. Чтобы отрицать это косвенное дѣйствіе, надо было бы отрицать предопредѣленіе, что̀ немыслимо.

Какъ можемъ мы знать, до какой степени предопредѣлены заранѣе событія и въ жизни любимаго человѣка?

И если они были предоставлены всякимъ вліяніямъ, какое вліяніе можетъ быть сильнѣе, чѣмъ вліяніе души, приближающейся къ Богу съ горячимъ желаніемъ, чтобы всѣ обстоятельства содѣйствовали счастію души друга?

Я, можетъ быть, дурно выражаюсь, но твоя душа достаточно понимаетъ мою, чтобы знать, что̀ я хочу сказать. Завтра я опять ѣду въ Царское, и надѣюсь, что мнѣ можно будетъ принести немного добра, высказывая правду о томъ, что̀ представляется въ фальшивомъ свѣтѣ.

Да хранитъ тебя Богъ, да сдѣлаетъ Онъ насъ счастливыми, какъ мы понимаемъ, т.-е. да сдѣлаетъ Онъ насъ лучшими.

4.

11 мая.

Я былъ два раза сегодня въ Царскомъ, утромъ въ 7½ и потомъ я обѣдалъ у великаго князя (Наслѣдника)... Я очень доволенъ моимъ днемъ,—день не потерянный...

5.

13 мая.

....Мнѣ нужно тебѣ сказать одну особенность моего характера. У меня чувство роскоши, въ большомъ видѣ (en grand), очень развито!

Я люблю, чтобы были великолѣпные дворцы, прекрасные экипажи, но главное—художественные шедёвры,—но самъ не люблю ихъ имѣть. Я ихъ уважаю, я ихъ люблю, я ужасно страдаю, когда я вижу, что ими пренебрегаютъ, или ихъ портятъ, но я самъ ни за что не согласился бы жить въ роскошномъ дворцѣ. Еще пожалуй—имѣть художественныя вещи, но мнѣ противно было бы имѣть великолѣпный аппартаментъ—золоченый, или богато сервированный столъ, или ливрейныхъ лакеевъ, и т. д., и т. д...

Мои аристократическія влеченія—гораздо больше для другихъ, чѣмъ для себя.

6.

Парижъ, 30 мая.

Мы никогда не будемъ вполнѣ счастливы! ...но у насъ есть удовлетвореніе въ нашемъ обоюдномъ уваженіи, въ сознаніи нашихъ нравственныхъ устоевъ и добра, которое мы сдѣлаемъ другъ другу.

Я люблю это счастье, полное страданія и печали.

Отчего мнѣ случалось въ дѣтствѣ плакать безъ причинъ, отчего съ 13-лѣтняго возраста я прятался, чтобы выплакаться на свободѣ,—я, который казался для всѣхъ невозмутимо веселымъ?..

7.

Пустынька, 5 октября.

Я проснулся отъ шума вѣтра; страшная метель, продолжается уже два часа—все кругомъ бѣло. Если снѣгъ останется и больше не выпадетъ, можно будетъ завтра найти медвѣдей и лосей... Не думаю, что я бы пошелъ ихъ искать... развѣ только съ мыслью пріобрѣсти для твоихъ ногъ медвѣжью шкуру...

8.

6 октября.

Я прочелъ моей матери весь второй томъ „Записокъ Охотника“, которыя она прослушала съ большимъ удовольствіемъ. Въ

самомъ дѣлѣ очень хорошо,—безъ окончательной формы,... оно какъ-то переходитъ изъ одного въ другое и принимаетъ всевозможныя формы, зависящія отъ настроенія духа, въ которомъ находишься... Мнѣ напоминаетъ это какую-то сонату Бетховена... что-то деревенское и простое...

....Какую великолѣпную вещь онъ могъ бы сдѣлать изъ Чертопханова! Еслибы только онъ разработалъ этотъ характеръ артистично, не удовлетворяясь лишь однимъ наброскомъ, онъ могъ бы совершить литературный и философическій фокусъ,—онъ могъ бы заставить всѣхъ преклоняться передъ человѣкомъ, безъ воспитанія, неумнымъ, грубымъ, грязнымъ, пьянымъ, вращающимся въ кругу неинтересномъ... Онъ могъ бы возбудить къ этому человѣку общій энтузіазмъ.

Что до меня касается, я восхищался этимъ человѣкомъ—такимъ, какимъ онъ его сотворилъ,—одна только „присядка" въ концѣ мнѣ испортила картину.

Чертопхановъ можетъ быть пьянъ и грубъ, но онъ не долженъ плясать, ему это не идетъ.

Когда я встрѣчаю что-нибудь подобное,—я чувствую, что энтузіазмъ подымается къ головѣ, по спинному хребту, такъ же, какъ когда я читаю прекрасные стихи. Многіе изъ его характеровъ —драгоцѣнные камни, но не обтесанные.

Мой умъ медленъ и находится подъ вліяніемъ моихъ страстей, но онъ справедливъ.

Думаешь ли ты, что изъ меня что-нибудь когда-нибудь выйдетъ?

И что̀ можетъ когда-нибудь изъ меня выйти?

Если бы дѣло было только въ томъ, чтобы взять въ руки факелъ и поджечь пороховую мину и себя взорвать вмѣстѣ съ нею, я съумѣлъ бы это сдѣлать; но столько людей съумѣли бы также это сдѣлать... Я чувствую въ себѣ сердце, умъ—и большое сердце, но на что оно мнѣ?

Но у меня тоже есть лучъ свѣта впереди, и мнѣ всегда казалось, что я предназначенъ для чего-нибудь.

Андрей Шенье́ тоже это думалъ, но онъ ошибся, такъ же, какъ, можетъ быть, и я ошибаюсь.

Въ этомъ лучѣ свѣта я всегда предвидѣлъ большую способность самоотверженія,—но во имя чего? Въ пользу кого? Не знаю...

9.

13 іюля.

....Настоящая дружба (я не говорю о любви) основана на постоянномъ и безграничномъ изліяніи одной души въ другую.

Въ душахъ нѣтъ неподвижности, онѣ всегда въ движеніи; когда двѣ души ищутъ одна другую и находятъ другъ друга, ихъ движенія, хорошія или дурныя, должны слиться въ одну душу.

Такъ какъ душа заключена въ тѣлѣ, ея движенія не могутъ быть отвлеченными, у всѣхъ ихъ есть какое-нибудь матеріальное примѣненіе. Чтобы никогда не удаляться отъ истины, не нужно опасаться матеріальнаго примѣненія, или матеріальной рамки, и не слѣдуетъ въ обоюдномъ довѣріи раздѣлять спиритуализмъ отъ матеріализма.

Одухотворять свое довѣріе — значитъ связывать его по рукамъ и по ногамъ и уменьшать его на половину...

10.

Петербургъ, 31 іюля.

...Есть эпоха моей жизни, о которой я тебѣ никогда не говорилъ, или говорилъ поверхностно; это—*артистическая* эпоха моей жизни—*мой XVI-ый вѣкъ*.

Не знаю почему, но мнѣ хочется говорить о ней сегодня. Мнѣ было 13 лѣтъ и мы были въ Италіи.

Ты не можешь себѣ представить, съ какою жадностью и съ какимъ чутьемъ я набрасывался на всѣ *произведенія искусства*. Въ очень короткое время я научился отличать прекрасное отъ посредственнаго, я выучилъ имена всѣхъ живописцевъ, всѣхъ скульпторовъ и немного изъ ихъ біографіи, и я почти-что могъ соревновать съ знатоками въ оцѣнкѣ картинъ и изваяній.

При видѣ картины, я могъ всегда назвать живописца и почти никогда не ошибался.

Я до сихъ поръ ощущаю то лихорадочное чувство, съ которымъ я обходилъ разные магазины въ Венеціи. Когда мой дядя торговалъ какое-нибудь произведеніе искусства, меня просто трясла лихорадка, если это произведеніе мнѣ нравилось.

Не зная еще никакихъ интересовъ жизни, которые впослѣдствіи наполнили ее хорошо или дурно, я сосредоточилъ всѣ свои мысли и всѣ свои чувства на любви къ искусству.

Эта любовь превратилась во мнѣ въ сильную и исключительную страсть.

Я жилъ всецѣло въ вѣкѣ *Медичи*, и я принималъ къ сердцу произведенія этого столѣтія такъ же, какъ могъ это сдѣлать современникъ Бенвенутто Челлини.

Съ тѣхъ поръ я сильно измѣнился, я заснулъ на этомъ, какъ на многихъ другихъ вещахъ,—но развѣ есть возможность остаться

художникомъ при той жизни, которую мы ведемъ? Я думаю, что нельзя быть *художникомъ одному, самому по себѣ*, когда нѣтъ художниковъ среди окружающихъ васъ...

Энтузіазмъ, каковъ бы онъ ни былъ, скоро уничтожается нашими условіями жизни; но тогда я не зналъ этихъ условій и вполнѣ отдавался своему энтузіазму.

Въ Венеціи жилъ молодой *графъ Гримани*, единственный наслѣдникъ семьи. Онъ разорился, какъ большинство венеціанскихъ аристократовъ, и продавалъ свой дворецъ цѣликомъ и частями.

Дворецъ былъ наполненъ самыми прекрасными вещами на свѣтѣ, но увѣряю тебя, что, несмотря на надежду пріобрѣсти нѣкоторыя изъ нихъ, мнѣ было тяжело видѣть эту разоренную семью, принужденную продавать своихъ предковъ, писанныхъ во весь ростъ Тиціаномъ, Тинторетто и другими.

Когда мы отправлялись въ гондолѣ во дворецъ Гримани и когда мы проѣзжали мимо другихъ дворцовъ, одинаково разрушенныхъ, владѣльцы которыхъ одинаково были разорены и въ долгахъ, я ощущалъ смѣшанное чувство уваженія, восхищенія, жалости и алчности, такъ какъ тогда существовало во мнѣ чувство собственности, которое я съ тѣхъ поръ совершенно утратилъ.

Моя алчность была главнымъ образомъ возбуждена великолѣпною мраморною головой фавна, самого *Микель-Анджело*, удостовѣренной столько же традиціями, какъ и документами семейства Гримани, находившимися у нихъ нѣсколько вѣковъ.

Эта голова, немного больше натуральной величины, не имѣла ничего кривляющагося—это былъ красивый, молодой фавнъ, улыбающійся, немного слишкомъ матеріальный и напоминающій, въ очень красивомъ видѣ, лицо Рубинштейна.

Онъ находится теперь въ домѣ Бутурлиныхъ на Почтамтской; очень дурно стоитъ и очень дурно освѣщенъ.

Когда послѣ многихъ переговоровъ, которые заставляли мое сердце биться, въ одинъ прекрасный день торгъ былъ заключенъ, намъ принесли фавна и много другихъ художественныхъ произведеній въ гостинницу, гдѣ мы жили, между прочимъ портретъ дожа Антонія Гримани въ натуральную величину, писаннаго Тиціаномъ, я не могу тебѣ разсказать, что со мной произошло... я прыгалъ, плакалъ отъ радости.

Бюстъ фавна поставили на полъ—я цѣлыми часами лежалъ около него, я пытался поднять его, мнѣ хотѣлось знать, могу ли я его спасти въ случаѣ пожара; какъ только у меня была свободная минута, я бѣжалъ къ нему... я не вѣрилъ своему счастью...

Даже теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, мое сердце слегка волнуется. Какая красивая вещь этотъ фавнъ,—одна изъ самыхъ красивыхъ, которыя я когда-либо видѣлъ!

Когда я разсказываю тебѣ про Венецію, всѣ эти воспоминанія встаютъ передо мной одно за другимъ; мнѣ кажется, я слышу шумъ, съ которымъ укладывались гондольерами весла въ гондолу, когда подходили къ какому-нибудь дворцу,—когда гребутъ, весла у нихъ совсѣмъ не шумятъ,—мнѣ кажется, я чувствую запахъ въ каналахъ, дурной запахъ, но напоминающій хорошую эпоху моей жизни!..

Я думаю, что еслибы я поселился въ Италіи или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но окруженный людьми, *любящими искусство*, я могъ бы вернуться къ тому, къ чему я былъ предназначенъ.

Но какъ работать для искусства, когда слышишь со всѣхъ сторонъ слова: *служба*, *чинъ*, *вицмундиръ*, *начальство* и тому подобное?

Какъ быть поэтомъ, когда совсѣмъ увѣренъ, что васъ никогда не напечатаютъ, и вслѣдствіе того никто васъ никогда не будетъ знать?

Я не могу восторгаться вицмундиромъ, и мнѣ запрещаютъ быть художникомъ; что̀ мнѣ остается сдѣлать, если не заснуть? Правда, что *не слѣдуетъ* засыпать, и что нужно искать другой кругъ дѣятельности, болѣе полезный, болѣе очевидно полезный, чѣмъ искусство; но это перемѣщеніе дѣятельности труднѣе для человѣка, родившагося художникомъ, чѣмъ для другого...

11.

22 октября.

Я провелъ вечеръ у Шеміоттъ. Была масса народу. Поляки, и изъ русскихъ только я и Вельгорскій. Всѣ поляки, изъ которыхъ нѣкоторые громадные, пробовали свою силу со мной, и я ихъ всѣхъ поборолъ по очереди. Мнѣ кажется, что я становлюсь сильнѣе, но всѣ находятъ, что я похудѣлъ. Мнѣ сшили новое платье всѣхъ цвѣтовъ; я бы тебѣ ихъ описалъ, еслибы это не было такъ скучно. Ихъ шилъ Шармеръ. У Шеміоттъ была молодая княгиня Сангушко, удивительной красоты; она была вся въ бѣломъ. M-me Столыпина была въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ воланами изъ черныхъ кружевъ и съ черными кружевами на головѣ; на ней была коротенькая пелеринка изъ голубого бархата, вышитая по восточному жемчугомъ и золотомъ...

Я нашелъ у Монтеня страницы еще болѣе грубыя, чѣмъ тѣ, которыя мы нашли вмѣстѣ, но несмотря на это я нахожу, что

женщинѣ удобнѣе признаться, что она читала Монтеня, чѣмъ Альфреда Мюссé.

Монтень—наивенъ и грубъ, Альфредъ Мюссе—грязенъ съ намѣреніемъ быть грязнымъ, съ самодовольствіемъ, особенно въ пьесѣ „Гассанъ".

Я бы далъ читать Монтеня женщинѣ, которую я уважаю, несмотря на ужасный цинизмъ его выраженій; я бы осмѣлился это сдѣлать, потому что Монтень не намѣренно циниченъ. Я бы не осмѣлился дать читать А. Мюссе женщинѣ, которую уважаю, потому что онъ преднамѣренно циниченъ.

....Все это близко моему сердцу не по своей собственной важности, но со стороны моего общаго взгляда...

12.

25 октября.

У меня были внутреннія бури, доводившія меня до желанія биться головой объ стѣну. Причиной этого было лишь возмущеніе противъ моего положенія... Мнѣ кажется, что первобытное состояніе нашей души — сильная любовь къ добру или къ Богу, которую мы теряемъ съ холоднымъ прикосновеніемъ къ матеріи, въ которой заключается наша душа. Но душа не забыла совершенно свое первое существованіе, до ея заключенія въ то застывшее состояніе, въ которомъ она теперь находится... Это и есть причина тому чувству необходимости любви, которое мучаетъ иныхъ людей, и тому радостному чувству и счастью, которое они ощущаютъ, когда они, согрѣваясь и тая, возвращаются къ своему первоначальному нормальному существованію; еслибы мы не были скованы матеріей, мы бы сейчасъ вернулись въ наше нормальное состояніе, которое есть непрерывное *обожаніе* Бога, и единственное, въ которомъ можно быть безъ страданій; но матерія намъ мѣшаетъ и холодитъ душу настолько, что душа совершенно теряетъ свое первое свойство расплавленности (fusion) и переходитъ въ полный застой.

Богъ дозволяетъ, время отъ времени, чтобы въ этой жизни немного тепла оживило нашу душу и напомнило бы ей случайно то блаженное состояніе, въ которомъ она находилась до своего заключенія... и къ которому возвращеніе обѣщано намъ послѣ смерти. Это бываетъ, когда мы любимъ женщину, мать или ребенка...

13.

30 октября.

Сужденія свѣта о *моихъ лично* дѣйствіяхъ мнѣ безразличны. Богъ и совѣсть—мнѣ судьи, и когда мой умъ сомнѣвается, твой умъ меня освѣщаетъ; у меня большіе непріятели—мой характеръ и моя впечатлительность...

14.

3 ноября.

....Я очень грустенъ и я скучаю, насколько мое горе мнѣ это позволяетъ.

....Работать мнѣ слишкомъ трудно... можетъ быть, я могъ бы писать смѣшныя вещи, но ничего не могу писать такого грустнаго и серьезнаго, какъ моя душа теперь.

Я понимаю, отчего натуры такія глубоко-печальныя, какъ Мольеръ и Гоголь, могли быть такими комиками. Чтобы хорошо передать что-нибудь, хорошо оцѣнить, нужно быть внѣ этого, также какъ надо выйти изъ дому, чтобы срисовать фасадъ дома...

Мой двоюродный братъ пріѣхалъ изъ Малороссіи и привезъ съ собой такіе великолѣпные національные мотивы! Они мнѣ перевернули сердце...

....Никакая національная музыка не выразила свою народность съ такимъ величіемъ и силой, какъ малороссійская музыка, даже лучше великороссійской, которая такъ выразительна.

Слушая ее, ты бы постепенно видѣла открывающуюся передъ тобой всю исторію Малороссіи, ты бы лучше поняла характеръ народностей, чѣмъ читая Гоголя или Конисскаго.

Это—рѣзкія и неожиданныя ощущенія, которыя иногда испытываешь, и которыя открываютъ передъ нами горизонтъ, о которомъ мы не подозрѣвали, или который мы совсѣмъ забыли... Онъ пѣлъ безъ всякаго аккомпанимента.

Еслибы мнѣ оставалось только десять лѣтъ жизни, я бы охотно отдалъ половину, чтобы обладать красивымъ голосомъ или большимъ музыкальнымъ талантомъ.

15.

15 ноября.

Я оставилъ мать въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ Рашель играетъ *Адріеннъ Лекувреръ*, и я пришелъ поговорить съ тобой...

Я вообще нахожу Рашель невыносимой и игру ея фальшивой и аффектированной; къ тому же она окружена толпой негодяевъ, которые играютъ еще хуже ея.

Въ самомъ дѣлѣ удивительна ея репутація.

Дѣланные эффекты, модуляціи голоса, то умирающія, то крикливыя, всегда подготовленныя заранѣе, всегда фальшивыя интонаціи, предназначенныя, чтобы вырвать аплодисменты, и которыя, по моему, вызываютъ ихъ точно изъ милости,—все это мнѣ надоѣло и дѣйствуетъ мнѣ на нервы...

16.

17 ноября.

Я былъ въ Царскомъ у Цесаревича, который въ самомъ дѣлѣ очень добръ ко мнѣ, гораздо больше, чѣмъ я этого достоинъ. Сегодня вечеромъ я долженъ написать письмо Тургеневу, который, какъ я уже тебѣ сказалъ, прощенъ и пріѣдетъ сюда...

Я пришелъ къ убѣжденію, что Рашель—актриса, слишкомъ часто не выказывающая драматическаго чувства и еще чаще чувства эстетическаго.

Ея драматическія *тонкости* выходятъ у нея грубыми какъ полѣно. Боясь, что публика ихъ не пойметъ, она выражаетъ ихъ бѣшеными движеніями тѣла и телеграфическими знаками, въ то время какъ искусство, равно какъ и природа и правдоподобіе, указываютъ, что ихъ слѣдуетъ передавать голосомъ и выраженіемъ лица.

Въ концѣ она умираетъ отъ отравы и какъ *любитель* подражаетъ агоніи, предсмертной икотѣ и конвульсіямъ.

Чтобъ дойти до этого великолѣпнаго результата, она ходила въ больницы смотрѣть, какъ умираютъ бѣдныя молодыя женщины. Однимъ словомъ, по моему, она—артистка непріятная и антиэстетичная.

Ея лицо умное и красивое, но игра ея безъ выраженія и непріятная.

1854 г.

17.

Москва, 15 іюня.

.... Я пріѣхалъ въ половинѣ девятаго вечеромъ; мы ѣхали очень медленно; у меня былъ хорошій попутчикъ, тотъ, котораго я сперва принялъ за кондуктора, но я поговорю о немъ въ другой разъ; я только-что видѣлъ у Велегорскаго телеграмму, помѣченную нынѣшнимъ числомъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Непріятельскій флотъ въ числѣ болѣе 40 судовъ со вчерашняго дня подъ Кронштадтомъ, но военныхъ дѣйствій еще не открывалъ, держась внѣ выстрѣла“.

Въ настоящее время, можетъ быть, началось...

18.

Петербургъ, 17 іюня.

Англичане, которые все еще стоятъ противъ Кронштадта, нѣсколько утѣшаютъ меня... они приближаются и удаляются, держась всегда внѣ пушечнаго выстрѣла; ихъ музыка слышна въ Ораніенбаумѣ... Завтра я ѣду въ Петергофъ... Англичане были отброшены съ урономъ съ форта *Алландъ*, имъ повредили два парохода...

19.

Петергофъ, 18 іюня,

.... У меня является возможность ѣхать въ *шхеры*; я провелъ весь день съ Алексѣемъ Б.; мы хотимъ каждый вооружить 40 человѣкъ, и, быть можетъ, мы найдемъ еще любителя, который бы вооружилъ столько же...

Я пишу тебѣ очень безпорядочно, но у меня такъ много дѣла и столько пустяковъ по нашей экспедиціи — всего этого можно было бы избѣгнуть, если просто принять за образецъ финскихъ стрѣлковъ, которые у насъ подъ носомъ въ Петербургѣ. Только найти форму пули для этихъ чертовскихъ ружей заняло у меня болѣе восьми дней.

Цесаревичъ спросилъ меня сегодня, гдѣ я путешествовалъ; я сказалъ ему—на *Волгѣ*...

20.

20 іюня, въ городѣ.

.... Рѣшено, что я ѣду въ шхеры; я заказалъ 40 карабиновъ, по 20 рублей каждый, и уѣзжаю какъ можно скорѣе, но не ранѣе трехъ недѣль, а если ранѣе, то лишь временно и для набора людей. Все дѣлается подъ предлогомъ прогулки на яхтѣ и безъ всякаго другого разрѣшенія, кромѣ какъ плавать въ шхерахъ.

Съ первымъ успѣхомъ, если таковой будетъ, мы испросимъ полномочія на партизанскія дѣйствія. Мнѣ кажется, что моя мать одобряетъ мои планы и находитъ ихъ вполнѣ естественными...

Но я говорю тебѣ про себя и не говорю, что мы одержали новую блестящую побѣду въ Грузіи; сегодня утромъ прибылъ курьеръ и привезъ 30 турецкихъ знаменъ, захваченныхъ кн. Андрониковымъ съ 13 орудіями.

Непріятель, въ числѣ 30 тысячъ, потерпѣлъ полную неудачу,

оставивъ намъ три лагеря со всѣмъ, чтò въ нихъ было, включая горячій обѣдъ, который былъ немедленно съѣденъ нашими солдатами.

Потери съ обѣихъ сторонъ еще неизвѣстны.

Англичане покинули сегодня утромъ Кронштадтъ и отступили по направленію къ Ревелю.

Вѣроятно то, что они только разгуливаютъ.

.... Я не сказалъ тебѣ, что я въ Вязенкахъ купался въ Клязьмѣ въ то время, какъ мои спутники мальпоста обѣдали, чтò доказываетъ тебѣ, что я не такъ обжорливъ, какъ ты думаешь...

Сегодня я завтракалъ у Тургенева, между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, куда я поѣхалъ съ Маркевичемъ, и видѣлъ тамъ Анненкова и Некрасова.

Тургеневъ все тотъ же, озабоченный своими собственными мыслями, мало обращающій вниманія на мысли другихъ: тѣмъ не менѣе, онъ очень благородный человѣкъ... Говорятъ, что онъ женится на m-lle Тургеневой, но не знаю, правда ли это...

21.

23 іюня.

... Я провожу все время съ Б. Мы бѣгаемъ по городу, ходимъ къ оружейникамъ, ищемъ парохода, котораго найти не можемъ, но безъ котораго обойдемся, ежели не найдемъ; но въ этомъ случаѣ наши дѣйствія будутъ затруднительнѣе и будутъ зависѣть отъ случайности...

Англичане, удалившіеся отъ Кронштадта, вернулись на разстояніе 60-ти верстъ, въ числѣ 6-ти судовъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ думаютъ, что они аттакуютъ Кронштадтъ послѣ-завтра, въ день рожденія Государя, но мнѣ это кажется невѣроятнымъ.

Б. только-что уѣхалъ въ Тулу, чтобъ наблюдать и торопить исполненіе заказанныхъ нами ружей... Я сейчасъ ѣду въ Царское, чтобъ хлопотать опять о нашихъ дѣлахъ, требующихъ большой предосторожности, въ виду того, что мы не хотимъ дѣйствовать оффиціально, боясь отказа или зачисленія въ какой-нибудь полкъ.

Я долженъ тебѣ сказать, что всѣ наши люди будутъ именоваться матросами яхтъ-клуба и всякое дѣйствіе съ англичанами сойдетъ за случайную встрѣчу; иначе мы найдемъ препятствіе и противодѣйствіе со стороны властей. Сегодня вечеромъ я ѣду въ Петербургъ и въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ проектъ нашего будущаго отряда.

22.

25 іюня.

.... Сегодня утромъ ожидали аттаки со стороны англичанъ; вмѣсто этого они исчезли неизвѣстно куда...

23.

Петербургъ, 26 іюня.

.... Я въ городѣ, поздно... Завтра по желѣзной дорогѣ я ѣду на 2—3 дня въ деревню; моя мать уже тамъ.

Холера очень свирѣпствуетъ здѣсь и въ Петергофѣ; графъ Иванъ В. умираетъ.

Въ особенности умираютъ дѣти; я радъ, что Юрія здѣсь нѣтъ; поцѣлуй его за меня, я его очень люблю...

24.

Пустынька, 27 іюня.

.... Я не буду ждать отвѣта отъ Б. Я поѣду въ Гельсингфорсъ, чтобъ вновь набирать людей.

Сегодня утромъ, до пріѣзда сюда, я получилъ разрѣшеніе Абазы пользоваться его судномъ „Рюрикъ“. Понятно, что я имъ не воспользуюсь, но это разрѣшеніе дастъ мнѣ возможность набрать матросовъ.

25.

30 іюня...

.... Англичане овладѣли островомъ Даго, а такъ какъ владѣльцы его (Унгернъ-Штернбергъ) вывезли заранѣе все, что могли, включая стада, англичане изъ мести опустошили островъ, разрушая и грабя дома, не исключая домовъ знати. Они все ходятъ по заливу, но гдѣ они находятся—не съумѣю сказать...

26.

Петергофъ, 30 іюня.

.... Крейцъ слышалъ отъ очевидца, что на Сешарѣ островѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Кронштадта, англичане разгромили крестьянскіе дома и разрушили и уничтожили топорами внутренность лютеранской церкви...

27.

1 іюля.

.... Сегодня день рожденія Императрицы; я съ восьми часовъ утра въ мундирѣ; былъ у Цесаревича.

Исторія разбоя острова Сешаръ совершенно достовѣрна, и

чтò болѣе—по рапорту Непира своему правительству—видно, что *грабить берега* входитъ въ инструкцію англійскихъ адмираловъ.

Увѣряютъ почти навѣрно—англичане аттакуютъ Кронштадтъ и Свеаборгъ, но когда?—неизвѣстно. Получена телеграмма, объявляющая, что англійскій пароходъ подошелъ къ Свеаборгу—подъ парламентерскимъ флагомъ,—но еще неизвѣстно, чего онъ хотѣлъ.

Изъ Кронштадта виднѣются 52 англійскихъ корабля, которые стоятъ все на томъ же мѣстѣ.

Ты знаешь изъ газетъ, что, къ несчастію, мы покинули осаду Силистріи, и, чтò еще важнѣе, наши войска очистили княжества.

Говорятъ, что 10 тысячъ человѣкъ послѣдовали за нами, чтобы избѣгнуть мести турокъ.

Война съ Австріей очень правдоподобна...

Газеты иностранныя объявляютъ, что французы посылаютъ 25 тысячъ человѣкъ, для высадки на балтійскіе берега—изъ-за этого отложили отъѣздъ гвардіи на австрійскую границу.

28.

Петергофъ, 9 іюля.

.... Англичане продолжаютъ разбойничать на берегахъ: они жгутъ сёла, стрѣляютъ изъ пушекъ въ суда лоцмановъ, которыя имъ встрѣчаются.

Пруссія за насъ и настаиваетъ, чтобы Австрія сдѣлала то же самое; на это смотрятъ какъ на хорошую вѣсть, но ты знаешь, что я не раздѣляю этой точки зрѣнія, и по-моему гораздо желательнѣе имѣть Австрію какъ непріятеля....

29.

11 іюля.

.... Очень поздно, я ходилъ по улицамъ и зашелъ къ Ронкони... Было уже 11 час., когда я вошелъ къ нему. Жена его была уже раздѣта, и она исчезла—онъ живетъ въ домѣ Ѳедорова, на Фонтанкѣ.

Онъ сочинилъ русскій гимнъ, который будетъ исполненъ преображенскимъ оркестромъ,—и онъ по этому случаю ходитъ часто къ Лярскому.

Завтра опять ѣду въ Пустыньку, или Алексѣевку, какъ ее зовутъ теперь. Тамъ буду пробовать ружья и новыя пули и учить стрѣлять одного человѣка, котораго беру съ собой.

.... Мнѣ очень бы хотѣлось имѣть русскихъ въ компаньонахъ, и мнѣ хочется предложить Самарину присоединиться къ намъ; онъ русскій и имѣетъ состояніе. Онъ могъ бы вооружить человѣкъ 50.

На этихъ дняхъ буду искать въ Пустынькѣ желающихъ, между мужиками въ окрестностяхъ. Они всѣ мнѣ знакомы, но почти всѣ негодяи...

Такъ меня тянетъ начать поскорѣе нашу экспедицію... Конечно, не моя вина, что все такъ тянется, а все-таки мнѣ даже передъ тобой совѣстно, что мы такъ медлимъ...

Хотя я рѣшилъ,—если это не удастся, я пойду одинъ и присоединюсь, какъ вольноопредѣляющійся, къ войскамъ, ожидающимъ на берегу непріятельскій дессантъ...

30.

Алексѣевка, 19 іюля.

.... Я намѣренъ уѣхать черезъ восемь дней въ Финляндію и не беру никого съ собой, кромѣ Дениса и другого человѣка... Пріѣхавши въ Гельсингфорсъ, я увижу, что я могу сдѣлать съ моими слабыми средствами... т.-е., раздавая мои ружья и дяди моего желающимъ и присоединяя къ себѣ вооруженныхъ волонтеровъ съ ихъ собственными ружьями, можемъ ли мы надѣяться что-нибудь сдѣлать, съ болѣе или менѣе равными силами?.. Если это невозможно будетъ, я ограничусь собираніемъ насколько возможно болѣе свѣдѣній на будущее и, осмотрѣвши немного берега, вернусь въ Петербургъ очень грустнымъ и озабоченнымъ...

.... Видъ англичанъ меня ободрилъ; я ихъ видѣлъ сегодня утромъ—я былъ верстъ 15 за Ораніенбаумомъ, на Бронной Горѣ, откуда ихъ было видно отлично; я насчиталъ 31 судно. Шуваловъ и Арнольди, конно-гвардейцы, которые были со мной, насчитали 33. Англичане всякій день дѣлаютъ дессанты отъ 20 до 50 человѣкъ —на неохраненныхъ берегахъ. Большею частью они себя хорошо ведутъ, но иные дѣйствуютъ отвратительно, подобно дикимъ...

Завтра я тебѣ скажу, отчего англичане идутъ въ шхеры, а сегодня—покойной ночи...

31.

Петергофъ, 22 іюля.

.... Я здѣсь потому, что сегодня именины Цесаревны. Послѣднія извѣстія объ англичанахъ—съ островоъ Аллавдъ, гдѣ они соединили свои силы и думаютъ прозимовать.

Проектъ англичанъ прозимовать съ французами въ Финляндіи, во всемъ тысячъ 20—очень бы насъ обрадовалъ, если бы мы были увѣрены въ Швеціи, но, какъ оказывается, мы не долго останемся съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ...

Въ Бѣломъ морѣ они подошли къ *Соловецкому монастырю*, и адмиралъ послалъ къ *командующему цитаделью*—такъ они

назвали монастырь—требовать его шпагу, угрожая, въ случаѣ отказа, разрушить стѣны монастыря. Архимандритъ велѣлъ отвѣчать, что шпаги у него нѣтъ, но что онъ не намѣренъ сдать монастырь.

Тогда они начали бомбардировать его въ теченіе 10 часовъ и сожгли деревянныя зданія. Монахи отвѣчали 20 пушечными ядрами, которыя были имъ высланы на случай, и по истеченіи 10 часовъ англичане ушли.

Они зашли въ маленькій монастырь около Онеги, вошли въ церковь, въ которой находились четыре монаха... и послѣ безчиннаго поведенія—увезли колоколъ вѣсомъ въ 10 пуд.

Нѣсколько дней тому назадъ, Вел. Кн. Константинъ пробовалъ между Кронштадтомъ и Петербургомъ парусную американскую лодку... На ней находились: Великій Князь, Истоминъ, Юшковъ, князь Евгеній Голицынъ, сынъ кн. Голицына изъ Коммиссіи прошеній—и, кажется, два матроса,—лодка перевернулась. Голицынъ потонулъ; другіе были спасены катеромъ, который шелъ за ними. Великій Князь такъ утомился отъ долгаго плаванія, что потерялъ сознаніе на катерѣ; особенныя знанія необходимы были для управленія лодкой....

32.

5 августа.

Вчера пришло извѣстіе, что три тысячи французовъ сдѣлали дессантъ въ Алландѣ, но ихъ отбили...

Подробности этого дѣла еще неизвѣстны. Сингаидъ окруженъ непріятельскимъ флотомъ, и можно въ него попасть лишь хитростью или переодѣтымъ.

33.

9 августа.

.... Сегодня—такая прекрасная ночь, такъ много звѣздъ отражается въ водѣ, воздухъ теплый; когда я вижу подобную ночь, хотя я продолжаю такъ же сильно любить природу, мнѣ все кажется, что есть что-то лучшее, что̀ должно быть нашею цѣлью... Чувство это очень сильно во мнѣ—и всегда было, но это очень больно.

Вокругъ насъ масса цвѣтовъ, и воздухъ благоухаетъ, и глаза наслаждаются... Я чувствую недостаточность жизни... и хотя не говорю объ этомъ, но это чувство очень искренно во мнѣ....

34.

Выборгъ, 29 августа.

.... Я догналъ Пьера и мы сейчасъ ѣдемъ вмѣстѣ... Знаешь, что очень можетъ быть—я увижу Непира! Ему, можетъ быть,

пошлютъ депеши, насчетъ обмѣна плѣнныхъ—и я могъ бы быть посланнымъ съ ними..

35.

Гельсингфорсъ, 2 сентября.

Мы ѣдемъ въ Або и возвратимся черезъ три дня—въ 15-му или раньше мы будемъ въ Петербургѣ.

Цѣлый день я на ногахъ, былъ у разныхъ адмираловъ и у военныхъ властей. Мы провели вечеръ у Глазенапа,—братъ тверского,—тамъ былъ еще Стериваль, братъ m-me Карамзиной, который идетъ съ нами....

36.

10 сентября.

.... Когда я тебѣ говорилъ о нашихъ военныхъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ, это всегда бывало послѣ разговора съ какими-нибудь военными авторитетами изъ здѣшнихъ. Они всѣ согласны въ пользу нашего предпріятія, но всѣ расходятся въ способѣ его совершить...

Ты не можешь себѣ вообразить, какой хаосъ совѣтовъ, указаній, предостереженій мы слышали съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, и черезъ сколько разныхъ совѣтовъ и мнѣній мы прошли!..

37.

20 сентября.

.... У насъ другія горести, кромѣ тѣхъ, которыя касаются лично насъ. Мы потерпѣли большія потери въ Крыму, непріятель сдѣлалъ дессантъ, сраженіе длилось болѣе шести часовъ... непріятель потерялъ до 2.800 чел.—убитыхъ и раненыхъ, а мы, если вѣрить *слухамъ*, мы потеряли еще болѣе, и мы должны были отступить.

Теперь мы занимаемъ выгодную позицію—мы стоимъ спиной къ Бахчисараю и лицомъ къ морю. Если непріятель аттакуетъ Севастополь, мы можемъ напасть на него съ фланга и съ тыла. Съ 8 сент., день послѣдняго дѣла, до 16 сент. не было ничего новаго—непріятель ждетъ подкрѣпленія, а мы ждемъ дивизію, посланную намъ на помощь Горчаковымъ...

38.

Петербургъ, 27 сентября.

.... Съ этой почтой я тебѣ посылаю романъ Алекс. Дюма и мистическія книги и философическія—напримѣръ:

1-я. О духахъ и ихъ манифестаціяхъ. Мирвилля.

2-я. О жизни душъ послѣ смерти. Делажа.

3-я. Принципы философическіе, политическіе и нравственные, сочин. полковника Вейссъ.

Изъ всѣхъ этихъ книгъ, книга Мирвилля мнѣ кажется всѣхъ лучше; Делажа—не дурная книга, но поповскій аргò въ ней мнѣ не нравится, а что касается до Вейсса,—нѣкоторая широта относительно женской нравственности и какая-то наклонность представлять себя Ловеласомъ меня возмущаетъ. Я себѣ добылъ другой экземпляръ Мирвилля и читаю его; я очень рекомендую тебѣ эту книгу—можно не соглашаться *со всѣмъ*, чтò онъ говоритъ, но онъ пишетъ съ большою логикою и вѣрою—я почти-что всегда одинаковаго мнѣнія съ г-мъ Мирвиллемъ. И ты также будешь. Прикажи тоже Пьеру ее прочесть.

У насъ нѣтъ никакихъ политическихъ извѣстій. Въ Севастополѣ все въ томъ же положеніи...

Тургеневъ не женился, онъ въ деревнѣ; если ты ему напишешь, ты мнѣ сдѣлаешь удовольствіе...

39.

15 октября.

.... Вотъ чтò я хотѣлъ тебѣ сказать про Лаблаша,—я только-что его видѣлъ у Вельгорскаго. У него въ самомъ дѣлѣ очень красивое лицо, онъ тебѣ бы очень понравился, еслибы ты слышала, какъ онъ разсказывалъ, какъ надо приготовлять разныя кушанья; онъ смѣется надъ твоимъ Луи Бланомъ, который проповѣдуетъ коммунизмъ, и который самый причудливый человѣкъ насчетъ ѣды—и который ѣстъ дичь подправленною ломтиками ананаса... ты видишь, что онъ—свинья.

Вмѣсто того, чтобы раздавать свои деньги между бѣдными, онъ употребляетъ ихъ на ананасы для приправки жаркого—и онъ заказываетъ себѣ элегантные экипажи.—Зачѣмъ же онъ проповѣдуетъ противъ роскоши?

Лаблашъ разсказывалъ, какъ слѣдуетъ варить шоколадъ, и, показывая, какъ пѣна въ чашкѣ падаетъ, онъ садился на корточки... и дѣлался совсѣмъ маленькимъ... Онъ не для эффекта говоритъ съ жестами, у него это совершенно натурально. . .

. . . .

Я вѣрю Богу, и у меня невысокое мнѣніе о разумѣ человѣческомъ, и я не вѣрю тому, что онъ называетъ возможнымъ и невозможнымъ—я вѣрю больше тому, чтò *я чувствую*, чѣмъ тому, чтò *я понимаю*, такъ какъ Богъ намъ далъ чувство, чтобъ

идти дальше, чѣмъ разумъ. Чувство—лучшій вожакъ, чѣмъ разумъ, также какъ музыка совершеннѣе слова.

....То, что̀ я тебѣ говорю—очень слабо, сравнительно съ тѣмъ, что я чувствую; есть многое въ душѣ, что̀ только можетъ быть понято другой душой — всякое словесное объясненіе лишь затмеваетъ смыслъ.

40.

24 октября.

Ты несправедлива къ книгѣ Мирвилля: „Пневматологія"; я совсѣмъ не согласенъ съ тобою, что это—дурная книга; какъ можешь ты говорить, что авторъ не вѣритъ самъ дyхамъ—когда на всякой страницѣ чувствуется его убѣжденіе?! И потомъ ты говоришь, что вся книга—лишь собраніе фактовъ, которые онъ не связалъ и не освѣтилъ личною вѣрою. Ты, значитъ, не читала книги, или ты прочла нѣсколько страницъ гдѣ попало...

Что̀ можетъ лучше доказать правду, чѣмъ *собраніе фактовъ*,— главное, если эти факты удостовѣрены доказательствами, заявленіями живыхъ людей и т. д.? Я, напротивъ, нахожу большую послѣдовательность въ данныхъ Мирвилля, много логики въ его опроверженіяхъ академическихъ отчетовъ и очень сильную личную вѣру...

Я нахожу, что это—большое достоинство, когда авторъ, желая установить истину, или по крайней мѣрѣ то, что̀ онъ считаетъ оной, высказываетъ свои мысли съ точностью, очень категорично, вмѣсто того, чтобы допускать возможность читателю вставлять свои дополненія между строками и объяснять смыслъ на свой ладъ... Это хорошо лишь для произведеній воображенія или очень интимной переписки, какъ между тобой и мной.

Я съ тобой согласенъ, что онъ самъ не обладаетъ магнетическою силою (fluide), но мнѣ это совсѣмъ не нужно, и чѣмъ холоднѣе его логика, тѣмъ болѣе она въ меня вселяетъ довѣріе и тѣмъ яснѣе она.

Когда я читаю серьезную книгу, я хочу, ее читая, учиться, а не самъ сочинять.

Я тебя увѣряю, что твоя манія—видѣть въ авторѣ другое, чѣмъ онъ говоритъ—никуда не годится, и если у тебя есть эта способность, ты бы лучше ею воспользовалась, чтобы самой писать.

Хорошо въ поэзіи не договаривать мысль, допуская всякому ее пополнить по-своему, но въ такой книгѣ, какъ книга Мирвилля, которая написана для защиты существованія духа и въ опроверженіе всѣхъ сочиненій, утверждающихъ противное, кото-

рая, слѣдовательно, является сочиненіемъ, имѣющимъ цѣлью взвѣшивать всѣ защиты и опроверженія съ математической точностью, —всякая неясность выраженія, туманность мысли были бы совсѣмъ неумѣстны, даже если бы они имѣли то же обаяніе, какъ Jean-Paul...

Я не могу согласиться съ Мирвиллемъ насчетъ нѣкоторыхъ единичныхъ фактовъ. Я могу изъ этихъ фактовъ вывести другія заключенія, чѣмъ онъ выводитъ; я могу допустить, что *онъ лично* ослѣпленъ своимъ воображеніемъ или какими-нибудь фокусами, но я не могу не быть совершенно съ нимъ согласенъ въ томъ, что̀ онъ находитъ недобросовѣстнаго и нелогичнаго въ школѣ натурализма, которая опровергаетъ духовъ, потому что она ихъ не видала, и которая отказывается провѣрить возможность ихъ существованія только оттого, что она въ своей мудрости рѣшила, что они не существуютъ... Это совершенно то же самое, какъ исторія Змигродскаго съ петербургскимъ (?) факультетомъ, который отвергаетъ возможность принесенія пользы его лекарствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается уступить ему больныхъ, которыхъ они обрекли на смерть. Нѣтъ, ты несправедливо говоришь, что книга Мирвилля нехороша, и я продолжаю думать, что ты ея не читала, а только перелистала. Что касается до Делажа,—не имѣя никакого понятія о немъ, я не могу тебѣ сказать мое мнѣніе. Мнѣніе книгопродавца, у котораго я купилъ эту книгу: думаетъ, что онъ—спекуляторъ.

Есть еще новое сочиненіе Катаньé (Cahagnet), которое я тебѣ доставлю, если смогу. Что̀ мнѣ не нравится въ Делажѣ, то это то, что онъ помѣстилъ свой портретъ въ своей книгѣ; серьезный и скромный человѣкъ этого бы не сдѣлалъ...

41.

25 октября.

Я въ городѣ. Б. Николаи одержалъ большую побѣду противъ Шамиля, на Кавказѣ, но мнѣ неизвѣстны подробности и результатъ; можетъ быть, завтра я успѣю получить бюллетень...

Въ Севастополѣ ничего новаго, но надѣются удержать за собой городъ и отнять у непріятеля всякую надежду на этотъ годъ...

Мы посадили передъ домомъ въ Пустынькѣ большой дубъ со стороны двора; его перевозили изъ Никольскаго (4 версты), въ теченіе трехъ дней, пять паръ воловъ, двѣ пары лошадей и человѣкъ сто людей; его все время тащили на салазкахъ, хотя снѣгу не было, и тащили стоя; тебя бы интересовало это видѣть.

42.

Петербургъ, 29 октября.

....Я тебѣ не разсказалъ, что я на дняхъ былъ у Одоевскаго, на его *ораніенбаумскомъ вечерѣ*; это было собраніе разнородныхъ людей, между прочимъ—фрейлины Велик. Княгини Елены Павловны.

Ронкони сочинилъ слова и музыку національнаго гимна, примѣнимаго одновременно къ великой побѣдѣ и именинамъ Императора (ad libitum). Онъ очень разсчитываетъ на послѣднюю фразу, которую онъ мнѣ сказалъ на ухо по секрету нѣсколько разъ сряду.

Слова приблизительно слѣдующія:

Nicolai,
Troverai
Sedio e regno
In ogni cuor;
Troverai con fermezza
Sedio e regno in ogni cuor.

Онъ очень разсчитываетъ на выраженіе: „con fermezza", и думаетъ, что оно непремѣнно понравится Государю.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ: „con fermezza", подымая при этомъ указательный палецъ кверху и глядя мнѣ въ глаза съ серьезнымъ видомъ: „Con fermezza! Questo piacerà, perche è affatto, nel suo carattere"!

Я ему сказалъ, что я съ нимъ совершенно согласенъ, и онъ только безпокоился, какъ можно перевести по-русски: „con fermezza"; я ему предложилъ слово *плотно*, но недоставало слоговъ, и онъ не принялъ мое предложеніе...

43.

8 ноября.

Извини меня, если я отложу свой отъѣздъ до 11—12; курьеръ долженъ пріѣхать изъ Севастополя; я хочу знать, что̀ онъ привезетъ. До сихъ поръ извѣстія были хорошія, то-есть, что ничего новаго не произошло, и соединенная армія, кажется, пала духомъ.

Она частью отступила въ Херсонесъ, какъ будто бы желая опять отплыть.

Но не слѣдуетъ слишкомъ рано ликовать. Бомбардировка все продолжается, и у насъ много раненыхъ и больныхъ. Дай Богъ, чтобъ это хорошо кончилось. Наши удивительно сражаются. Осво-

бодили каторжниковъ,—часть ихъ работаетъ надъ укрѣпленіями, другая удивительно сражается, и всѣ себя хорошо ведутъ.

Французы укрѣпляютъ свой лагерь, что̀ ставитъ насъ въ недоумѣніе: хотятъ ли они уѣхать, или зимовать въ Крыму.

Ихъ позиція неприступна.

Англійская армія, состоявшая изъ 24 тысячъ человѣкъ, уменьшилась до 11-ти.

Соединенная армія состоитъ тысячъ изъ 30, остальное—турки; у всѣхъ дурной провіантъ и недостатокъ въ водѣ и топливѣ.

1855.

44.

1 января.

.... Я все думаю и грущу о Смальковѣ... Мнѣ кажется, это—кульминаціонный пунктъ моей жизни. ...Я не замѣтилъ зимы, ни дурной погоды. Мнѣ казалось, что была весна, я вывезъ изъ Смалькова впечатлѣніе зелени и счастья. Если бы я могъ сконцентрировать свои принципы на остріѣ иголки, я бы это сдѣлалъ, что̀ не помѣшало бы мнѣ быть *милосерднымъ* къ натурамъ менѣе строгимъ... Мой другъ, намъ, можетъ быть, много лѣтъ жить на этой землѣ—будемъ стараться быть лучше и *достойнѣе*; ни ты, ни я не рискуемъ стать менѣе щедрыми.... Завтра, если ничего мнѣ не помѣшаетъ, я уединюсь, чтобъ тебѣ дать отчетъ о вечерѣ Тургенева и объ обѣдѣ Маркевича. Некрасовъ просилъ у меня стихотвореній, но не знаю—дамъ ли я ему...

45.

3 января.

.... И наконецъ я могу дать тебѣ отчетъ о вечерѣ Тургенева. Онъ постоянно справляется о тебѣ, и онъ искалъ тебя въ твоей прежней квартирѣ и пошелъ спрашивать княгиню Мещерскую, что̀ съ тобой сталось.

Вотъ кто былъ на вечерѣ: онъ самъ, Писемскій, я, оба двоюродныхъ брата, Дружининъ, Панаевъ, актеръ Бурдинъ, господинъ, фамилію котораго я забылъ, господинъ изъ Оренбурга, фамилію котораго я также забылъ, и еще два господина, которыхъ я совсѣмъ забылъ, а всего 12.

Писемскій читалъ одинъ изъ своихъ романовъ, очень скучный и весь составленный изъ описаній и діалоговъ, безъ малѣй-

шаго дѣйствія и безъ малѣйшаго анализа чувства (психологіи). Тургеневъ восторгался и восклицалъ: „прекрасно! какъ вѣрно"! etc...

Послѣ этого Бурдинъ представилъ съ большимъ талантомъ и большой правдивостью нѣсколько чрезвычайно пошлыхъ сценъ, и это меня огорчило: это—невѣрное направленіе, а талантъ его положительный.

Все это длилось очень долго. Прервали чтеніе, чтобъ дать отдохнуть слушателямъ, говорили и снова начинали читать.

Писемскій—человѣкъ жирный, маленькаго роста, лимфатичный и смуглый, съ маленькими пухлыми руками и съ очень оригинальнымъ выговоромъ, какъ у костромскихъ мужиковъ. Въ общемъ онъ похожъ на уѣзднаго судью.

Потомъ пошли ужинать; сначала были сыры, ростбифъ съ картофелемъ и *хрѣномъ* (какъ я думалъ объ тебѣ!). Мнѣ кажется, что была и рыба, но я не увѣренъ.

Потомъ подали что-то сладкое, мороженое или варенье, теперь я это забылъ, но тогда я хорошо замѣтилъ это, чтобъ тебѣ повторить...

На слѣдующій день я сказалъ Тургеневу, что вполнѣ отрицаю талантъ Писемскаго, или по меньшей мѣрѣ признаю за нимъ только талантъ commissaire-priseur, и онъ довольно вяло его защищалъ.

Обѣдъ Маркевича я могу описать тебѣ болѣе точно, такъ какъ онъ у меня свѣжѣе въ памяти. Насъ было: Маркевичъ, я, Алексѣй Жемчужниковъ, Тургеневъ, Некрасовъ и Арнольди. Было гораздо веселѣе и поучительнѣе...

Въ Севастополѣ на два фута снѣга и очень холодно; непріятель сильно страдаетъ. Бюллетени все тѣ же; ни съ ихъ, ни съ нашей стороны ничего не сдѣлано. Пироговъ пишетъ, что изъ 12 сестеръ милосердія, присланныхъ съ первымъ транспортомъ, семь заболѣли тифомъ.

Запахъ ранъ настолько силенъ, что онъ чувствуется на разстояніи полуверсты отъ Симферополя, куда перевезены раненые...

Нѣтъ мѣста, офицеры спятъ въ грязи... Телеграмма принесла извѣстіе, что нашъ дивизіонный генералъ Ушаковъ разбилъ на голову турецкую дивизію изъ 12 тысячъ человѣкъ около Тульчи...

46.

8 января.

....Еще 15 сестеръ милосердія заболѣли тифомъ... Завтра я поѣду къ Цесаревичу; можетъ быть, я узнаю еще что-нибудь про Севастополь... Пока могу тебѣ только сказать, что все находится

въ томъ же положеніи, но число французскихъ перебѣжчиковъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Зуавы перебѣгаютъ къ намъ въ большомъ количествѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ французское правительство выдало имъ полушубки. Они находятъ, что это—самый подходящій костюмъ, чтобы покидать свой лагерь.

Одинъ изъ нашихъ солдатъ, послѣ продолжительнаго боя на штыкахъ съ англичаниномъ, будучи раненъ самъ и видя своего врага раненымъ, сказалъ ему: „комрадъ, комензи, бивштексъ"! послѣ чего они, поддерживая другъ друга, пришли на русскій перевязочный пунктъ, гдѣ ихъ помѣстили рядомъ и гдѣ они стали лучшими друзьями.

Зуавъ писалъ своимъ родителямъ: „Милые родители, я пишу вамъ изъ Севастополя. „А! Севастополь, значитъ, взятъ„! скажете вы. Вовсе нѣтъ, это я взятъ. „Ахъ, несчастный"! скажете вы.— Вовсе нѣтъ, я гораздо счастливѣе, чѣмъ у себя въ лагерѣ"...

Я пишу тебѣ анекдоты, а сердце мое обливается кровью...

Я прочелъ *Кто виноватъ*, которое одолжилъ мнѣ Маркевичъ; это—замѣчательная повѣсть, прелестная, одно изъ тѣхъ произведеній, которое останется навсегда, и которое не можетъ пройти незамѣченнымъ, такъ какъ оно все написано однимъ сердцемъ.

Стиль очень плохой (въ смыслѣ синтаксиса)... На всякой страницѣ встрѣчаются quiproquo — смѣшныя двусмысленности... Но какъ чувство—очень хорошо, и злоба, которая высказывается въ книгѣ, окупается сердечною глубокостью; есть тамъ тоже много вульгарностей, но все это искупается цѣльностью, которая великолѣпна...

Этотъ человѣкъ глубоко чувствуетъ то, что̀ онъ пишетъ... И названіе его повѣсти можетъ быть примѣнимо ко многимъ другимъ положеніямъ...

Рядомъ съ такими пошлыми и вульгарными людьми есть такіе благородные, такіе хорошіе, такіе (вѣрные) *правдивые* характеры!..

Въ самомъ дѣлѣ, отличная книга!..

Насколько Писемскій, Достоевскій и всѣ эти писатели *натуральной школы* скучны и утомительны сравнительно св этой книгой!

Тургеневъ, который гораздо тоньше и обработаннѣе въ своихъ произведеніяхъ, ничего не написалъ такого, что̀ стоило бы этой повѣсти. Что касается до нынѣшней *натуральной школы*, это—просто дурной хламъ, инвентарій мебели и пустые разговоры; просто жалко! и я не могу присутствовать при такихъ чтеніяхъ, не зѣвая...

Я былъ сегодня вечеромъ у Петра Шувалова, который увлекъ меня въ свою ложу, слушать второй актъ „Гугенотовъ". Очень было прекрасно, но, къ сожалѣнію, я долженъ тебѣ сказать, что Тамберликъ оказался гораздо ниже Маріо... въ сценѣ дуэли, единственную, которую я видѣлъ...

47.

10 января.

....Когда ты пріѣдешь, я тебѣ непремѣнно приведу Писемскаго... Онъ любитъ читать, и я тебя буду имъ угощать... Тургеневъ—не человѣкъ; у него недостаетъ спинного хребта, какъ говоритъ Д. Ѳ. Т.—Я тебѣ недавно послалъ рукописную комедію его...

48.

18 февраля.

....Я хотѣлъ бы тебѣ писать, но у меня нѣтъ бумаги; я еще не легъ, я жду извѣстій, которыя Вельгорскій долженъ получить о Государѣ, которому очень плохо; завтра онъ причащается, хотѣли его сегодня причастить, но отложили до завтра.

Да хранитъ его Господь!

Я пришелъ сверху—ноги Государю завернули въ клеенку, чтобы притянуть подагру и вызвать боль; хирургъ, который его лечитъ 30 лѣтъ, находитъ, что ему лучше. Дай Богъ!..

Государь умираетъ—нѣтъ надежды...

(*Другая записка.*)

Сейчасъ получилъ повѣстку—насчетъ службы въ крѣпости... Какъ бы я желалъ тебя видѣть... Я только-что вернулся изъ крѣпости, съ панихиды... Ты знаешь, черезъ нѣсколько дней я подаю оффиціальное прошеніе о поступленіи моемъ въ стрѣлки.

49.

25 марта.

Я только-что вернулся изъ церкви, гдѣ я еще былъ въ качествѣ церемоніймейстера, такъ какъ я жду еще приказа. Такъ мнѣ было грустно, что я не могъ христосоваться съ тобой,—это такой хорошій, такой русскій обычай.

50.

28 марта.

....Я сегодня надѣлъ мундиръ... Государь меня милостиво принялъ въ полкъ. Въ петербургскомъ округѣ меня хотѣли выбрать въ ротные командиры, но личности, которыхъ я преду-

предилъ, воспротивились этому. Въ субботу я ѣду съ матерью въ деревню, а потомъ на два дня въ село Медвѣдь. Я ѣду поздравить графиню Шувалову,—ея сынъ женится на княжнѣ Бѣлосельской...

51.

15 мая.

Я провелъ очень грустный день... Но я былъ бы неблагодаренъ Господу Богу, еслибъ чувствовалъ себя несчастнымъ, имѣя такого друга, какъ ты. Мысль о твоемъ братѣ Юріѣ не покидала меня сегодня. Какъ бы хотѣлъ опять съ тобой посмотрѣть на его могилу,—это одно изъ моихъ лучшихъ воспоминаній. Это тоже было весной, когда мы тамъ были въ послѣдній разъ. Помнишь ли цвѣты, которые мы оттуда привезли? Поѣдемъ опять туда, какъ только будетъ возможно...

52.

20 мая.

Я съ сегодняшняго утра въ Медвѣдѣ. Мои товарищи, кажется, всѣ хорошіе малые, и мы подружились. Они скучаютъ смертельно и этого не скрываютъ. Мѣсто очень грустное, но окрестности очень красивы... Я—единственный съ усами, кромѣ Кушелева...

53.

23 мая.

Я измѣняю своему характеру: я, который нуждаюсь въ одиночествѣ, провожу всю жизнь съ товарищами. Когда я не на ученіи, я у нихъ, или они у меня. Мы играемъ въ городки, гуляемъ... Есть между ними занимающіеся литературой и декламирующіе неизданные стихи графини Ростопчиной. Я предложилъ прочесть имъ свои стихи, и они имѣли большой успѣхъ...

Твой портретъ передо мной, и передъ нимъ букетъ ландышей и лѣсного жасмина, который я сорвалъ вчера въ Княжемъ Дворѣ, гдѣ мы были всѣ вмѣстѣ. Это—великолѣпное мѣсто; нужно пройти двѣ рѣки, чтобъ туда попасть; тамъ дворецъ и огромный паркъ; тамъ такъ много ландышей, что совѣстно ходить. Я не знаю полковника Жукова, который пріѣхалъ сегодня; говорятъ, что онъ—хорошій человѣкъ. Сипягинъ—хорошій, добрый, благородный малый, который обожаетъ свою роту, и чрезвычайно ею любимъ. Онъ за солдатами смотритъ какъ за своими дѣтьми, и каждый день ходитъ въ больницу. Есть офицеръ изъ арміи, Дубскій, лицо котораго тебѣ очень понравится, добрый малый, очень скромный, очень изящный и русскій по наружности, впро-

чемъ болѣе малороссъ, чѣмъ русскій... Есть тоже добрый и хорошій малый Кушелевъ; ему около 40 лѣтъ, высокій, сѣдой и черный; я его полюбилъ съ перваго взгляда... Впрочемъ, всѣ офицеры, кромѣ одного, мнѣ нравятся. Всѣ живутъ въ дружбѣ и *всѣ имѣютъ отвращеніе къ тѣлесному наказанію.*

54.

25 мая.

Завтра командиръ обѣдаетъ у меня, и я попрошу отпускъ на два или три дня...

....Я увѣряю тебя, что меня уже любятъ, всѣ очень откровенны и довѣрчивы со мной—я еще не имѣлъ случая заставить себя полюбить солдатъ, такъ какъ я ничѣмъ не командую... но я очень прилежно отношусь къ службѣ...

Сегодня лошадь моя пріѣхала — съ нею Кракъ и Денисъ...

55.

Медвѣдь, 9 іюня.

....Вотъ я опять одинъ — и болѣе, чѣмъ себѣ воображалъ... жизнь какъ камень на мнѣ лежитъ.

Сегодня утромъ, проѣзжая мимо св. Софіи, я вышелъ изъ тарантаса, взошелъ въ церковь—я молился за тебя и поставилъ свѣчу св. Софіи...

56.

Медвѣдь, 10 іюня.

....Все и всякій мнѣ непріятны — я хотѣлъ-было сѣсть за „Серебрянаго", но я еще не могу...

Меня прервалъ Бартеневъ, который пришелъ мнѣ разсказать со слезами на глазахъ, насколько жизнь юнкеровъ несчастна, и насколько начальство относится къ нимъ пренебрежительно; напр.: имъ говорятъ: „подите на конюшню и скажите, чтобы мнѣ заложили лошадей"... и т. д.

Мы себѣ обѣщали измѣнить это... Ты все думаешь о монастырѣ, а я мечтаю о старости рядомъ съ тобой,—хорошей старости, спокойной, доброй, полезной...

Я забылъ тебѣ сказать, что завтра обѣдаютъ у меня командиръ и Жуковъ—вотъ что̀ будетъ:

1-е. Картофельный супъ.
2-е. Рисъ съ почками.
3-е. Телятина съ луковымъ соусомъ.
4-е. Блины...

Я вижу твое доброе лицо и какъ ты смѣешься надъ моими обѣдами; ты находишь даже трогательнымъ, насколько они глупы!

Можетъ быть, и теперь ты надо мною смѣешься?

57.

16 іюня.

....У меня было 14 человѣкъ за обѣдомъ, включая Бартенева и Шахматова; они сидѣли рядомъ съ командиромъ... Всѣ безъ мундировъ—въ красныхъ рубашкахъ. Всякій день поютъ *Славу*...

58.

Медвѣдь, 18 іюня.

....Арбузовъ пріѣхалъ; я его еще не видалъ и не слыхалъ, но инстинктивно чувствую его пріѣздъ, по волненію въ батальонѣ... ...Я забылъ тебѣ сказать, что докторъ здѣшній—френологъ, и что онъ сказалъ мнѣ, что ни у кого не развито до такой степени чувство красоты, и что никто не имѣетъ такую способность *любить*, какъ я... Онъ еще сказалъ: „у васъ сильно развита привязанность, такъ что кого полюбите—не разлюбите"...

Арбузовъ пришелъ ко мнѣ со всѣмъ батальономъ—просидѣли нѣсколько часовъ...

59.

19 іюня.

....Когда мнѣ было 15 лѣтъ, я написалъ стихи:

Я вѣрю въ чистую любовь
И въ душъ соединенье;
И мысли всѣ, и жизнь, и кровь,
И каждой жилки біенье
Отдамъ я съ радостію той,
Которой образъ милый,
Меня любовію святой
Исполнитъ до могилы.

Я тогда говорилъ только о любви до могилы; я не предвидѣлъ тогда, что любовь должна идти дальше... Покойной ночи... Посылаю тебѣ всю мою душу—да будетъ она всегда съ тобой...

60.

Петербургъ, 30 іюня.

....Полкъ пришелъ въ Славянку... и останется тамъ по крайней мѣрѣ до 15 іюля, а я остаюсь въ городѣ изъ-за ноги, которая идетъ лучше, но нужно еще нѣкоторый уходъ. Сидоровъ доволенъ раной, и черезъ два дня я надѣну мягкій сапогъ.

Послѣ 15-го мы ѣдемъ въ Красное-Село, гдѣ мы и останемся до предполагаемаго дессанта...

Если мы будемъ совершенно увѣрены, что дессанта не будетъ, мы, можетъ быть, *пойдемъ въ Крымъ*; что касается до бомбардировки Кронштадта, Ревеля или Свеаборга—она навѣрно будетъ, Англія ея требуетъ во что бы ни стало,—не даромъ же она деньги давала.

Вчера много непріятельскихъ лодокъ направились къ сѣверу отъ Кронштадта, и тамъ на берегѣ сожжены нѣсколько селъ... и мы обмѣнялись нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

Въ Крыму ничего новаго; мнѣніе арміи противоположно мнѣнію Пелиссье́, котораго считаютъ сумасшедшимъ и взбалмошнымъ; все-таки приготовляются къ новому нападенію, но никогда духъ нашихъ не былъ такъ бодръ, такъ героиченъ; послѣдняя наша побѣда у стѣнъ Севастополя насъ укрѣпила и обезнадежила непріятеля, который, говорятъ, нехотя готовится къ новому бою...

61.

3 іюля.

....Я опять читалъ *Шенье́*; очень хорошія есть, прекрасныя вещи, но тоже очень непристойныя (libres), и если ты хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ все, чтò я думаю,—я нахожу, что Шенье въ своихъ образахъ, въ самыхъ непристойныхъ, нравственнѣе, чѣмъ Беранже́... Потому-что Шенье—только простой живописецъ и художникъ—тамъ, гдѣ Беранже—проповѣдникъ! Шенье описываетъ сюжеты безнравственные, а Беранже—апостолъ безнравственности, и его ученіе можетъ быть выражено слѣдующими словами: добродѣтель, цѣломудріе—лишь смѣшныя химеры; будьте милосердны, не будьте шпіонами и—наплевать на остальное; женщина распущеннаго поведенія и сестра милосердія стоятъ совершенно на той же точкѣ.—А твой пріятель Альфредъ Мюссе́ не имѣетъ ни ума Беранже, ни искусства Шенье́; онъ просто танцуетъ—канканъ въ стихахъ; и я не знаю, почему—если женщина находитъ справедливымъ, что полиція запрещаетъ канканъ, отчего же она не возмущается, когда восхваляютъ Альфреда де Мюссе?

Если когда-нибудь я найду экземпляръ Мюссе на твоемъ столѣ, я его уже не скипидаромъ оболью, а дегтемъ...

...Царю и Царицѣ очень понравились и *Слава*, и *Чарочка*. Царица хочетъ, чтобы я ей списалъ *Славу*...

62.

4 іюля.

....Я долженъ тебѣ сказать очень грустную вѣсть: Нахимовъ убитъ!.. Новая бомбардировка Севастополя продолжалась два дня, безъ результатовъ, и новая предполагаемая осада еще не совершилась...

Смерть Нахимова будетъ большимъ тріумфомъ для непріятеля. *Слава* принята въ трехъ батальонахъ и ее уже поютъ...

63.

Депеша отъ 30 августа.

Большая часть укрѣпленій нами взорвана. Непріятель при штурмѣ оставилъ у насъ въ плѣну 18 офицеровъ и 169 нижнихъ чиновъ...

64.

Москва, 8 сентября.

Я весь день бѣгалъ изъ одного дворца въ другой, былъ на разводѣ; парада не будетъ... Государь ѣдетъ сегодня ночью въ Николаевъ. Мы тоже идемъ въ Николаевъ. Я возвращаюсь на 10 дней въ Петербургъ. Завтра будетъ молебенъ въ Кремлѣ—митрополитъ будетъ служить... и потомъ обѣдъ у Шевалье—гдѣ я живу, № 8 въ корридорѣ...

65.

Москва, 9 сентября.

....Я ужасно усталъ—я на ногахъ 18 часовъ. У насъ былъ тріумфальный маршъ черезъ весь городъ; молебенъ служили передъ Мининомъ и Пожарскимъ—митрополитъ служилъ и роздалъ намъ 100 тысячъ крестовъ, присланные царствующей Императрицей... Офицерамъ тоже дали по кресту, и я уже свой надѣлъ на шею...

Крыши и стѣны были покрыты народомъ—картина очень красивая и торжественная...

Пиши—въ Одессу, Е. Бл. Егору Ивановичу Бренделю—въ домѣ г-жи Нарышкиной—для доставленія Маіору Графу Толстому въ Штабъ Стрѣлковъ Императорской Фамиліи.

66.

Москва, 5 декабря.

....Я былъ у Подчатскаго; онъ живетъ съ сыномъ, которому лѣтъ 20,—у нихъ очень маленькая квартира, очень чистая, очень симпатичная, наполненная картинами, рисунками, акварелями—

такъ спокойно, такъ *хорошо (добро)*. Онъ такой хорошій человѣкъ, и вездѣ, гдѣ онъ живетъ, его обстановка принимаетъ характеръ спокойства и чего-то деревенскаго. Я видѣлъ его въ разныхъ обстановкахъ, и всюду онъ вноситъ съ собой атмосферу простоты, хорошаго вкуса и что-то совсѣмъ особенное,—*античиновничество*; сынъ его—хорошій малый, занимается въ университетѣ; у него замѣчательный талантъ поэтическій...

Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько отрывковъ стихотвореній,—очень хорошія вещи.

Вообрази себѣ, что я сегодня вечеромъ написалъ маленькую вещицу, которая можетъ быть очень ничтожна, я не могу судить свои стихотворенія, особенно маленькія... Я хочу тебѣ ее написать, такъ какъ передъ тобой мнѣ не совѣстно, и я не придаю этому никакого значенія:

Въ колоколъ мѣрно звучавшій... [1])

67.

20 декабря. Буслыкъ или Кашкино село—52 вер. отъ Озмы.

Здѣсь находится батальонъ... Ничего нѣтъ удивительнаго... не изъ-за чего перекреститься, чему сказать: слава Богу!

Черезъ два мѣсяца мы будемъ въ такъ-называемой позиціи, и вскорѣ нашъ батальонъ покидаетъ эту мѣстность; мы уйдемъ на 20 верстъ дальше...

68.

22 декабря.

Сегодня батальонъ отходитъ на свою окончательную позицію—въ другое болгарское село, подъ названіемъ Катаржи... 30 верстъ отсюда и 70 отъ Одессы. Тамъ я проведу зиму, но съ возможностью ѣздить въ Одессу.

Болгары—хорошіе люди, большею частью красивые, говорятъ на библейскомъ языкѣ; жены тоже красивыя и *честныя*—что̀ не нравится офицерамъ.

Опасности, которой мы подвергаемся теперь — это болѣзни.

Всѣ больны, и наиболѣе 600 больныхъ и умершихъ отъ тифа, диссентеріи и лихорадокъ.

Жуковъ тоже заболѣлъ, и меня назначили на его мѣсто, несмотря на то, что у меня сильный катарръ, но надѣюсь его вылечить Змигродскимъ, какъ только буду въ Катаржи.

---

[1]) Это стихотвореніе напечатано въ собраніи сочиненій гр. А. К. Толстого.

Севериновка—село, въ которомъ стоитъ нашъ штабъ, а насъ всѣхъ разсѣяли по ближайшимъ селамъ...

69.

Катаржи, 26 декабря.

....Я командую нѣсколько дней первымъ батальономъ. Жуковъ боленъ и находится въ Одессѣ. Батальонъ размѣщенъ на трехъ пунктахъ, на разстояніи отъ 8 до 17 верстъ; вездѣ тифъ, диссентерія, у насъ нѣтъ докторовъ. Оба нашихъ—одинъ изъ которыхъ, Сидоровъ, боленъ—находятся въ Севериновкѣ со штабомъ; больныхъ перевозятъ туда то на волахъ, то на лошадяхъ; у насъ нѣтъ госпиталя, больные размѣщены по избамъ—одинъ на другомъ, умираютъ лицомъ къ лицу; мѣста совсѣмъ нѣтъ; выздоравливающіе разбросаны по всей Севериновкѣ и присмотру за ними никакого нѣтъ; они часто убѣгаютъ, ѣдятъ вредныя вещи у хозяевъ и опять заболѣваютъ. Вчера третья рота перевозила своихъ больныхъ черезъ наше село; одинъ изъ нихъ скончался въ дорогѣ, и я принялъ его тѣло въ мой домикъ. Я хотѣлъ оставить его на всю ночь, но нашли возможность отвести для него пустую *землянку*... Сегодня я возилъ туда священника и присутствовалъ на панихидѣ. Какіе хорошіе люди болгары, гостепріимные, добродушные; они одѣты точно люди на картинахъ Каналетти — курящіе трубки на площади Св. Марка.

Во всякомъ домѣ находятся образа православные и портретъ Іоанна Цр҃ѧ Блга҃р.

Они ненавидятъ турковъ, отъ которыхъ бѣжали, и говорятъ библейскимъ славянскимъ языкомъ. Я никогда не былъ въ такой странѣ, но они мнѣ напоминаютъ мою повѣсть „Вурдалакъ".

....Снѣгъ совсѣмъ исчезаетъ, сегодня былъ весенній день; мы его провели большею частью сидя передъ домомъ, безъ шубъ, играя въ шахматы... Я даже сдѣлалъ два раза матъ Б...

....Я увѣренъ, что я всегда исполню свой долгъ, но—военная жизнь не по мнѣ. Когда война кончится, я постараюсь сдѣлаться тѣмъ, къ чему я всегда стремился—т.-е.—*художникомъ*...

ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННАГО

ПЕЛОПОННЕСА

VI.—Въ долинахъ Алфея *).

Я зачитался долго ночью, подготовляясь къ предстоявшей на завтра поѣздкѣ. Цивилизованные пути сообщенія обрываются въ Олимпіи, и внутрь Пелопоннеса приходится отправляться или верхомъ, или пѣшкомъ, какъ чаще всего путешествовали древніе эллины. Дорогъ тутъ никакихъ, гостинницъ никакихъ, достать ничего нельзя. За безопасность тоже поручиться трудно, если вспомнить не особенно давніе разсказы путешественниковъ, хотя мѣстные люди всячески успокаиваютъ васъ на этотъ счетъ. Встали мы въ четыре часа, плохо выспавшись. Но раннее утро глядѣло такимъ молодымъ, яснымъ и радостнымъ, что вливало бодрость и въ мою душу. Нашъ „агоятъ" (проводникъ) Дмитрій Мереудитисъ дожидался насъ на дворѣ, пустивъ попастись по скатамъ холма уже осѣдланныхъ лошадокъ, пока мы пили кофе и разсчитывались съ хозяиномъ. Книжка его была полна самыми краснорѣчивыми восхваленіями его „агоятскихъ" талантовъ и добродѣтелей на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, между прочимъ и на родномъ нашемъ россійскомъ отъ доцента московскаго университета г. Аппельрота. Естественнымъ послѣдствіемъ такой всесвѣтной знаменитости было, конечно, соотвѣтствующее

---

*) См. выше: мартъ, 126.

назначеніе гонорара, а именно, по 10 греческихъ франковъ (драхмъ) въ день за каждую лошадь, которыхъ требовалось подъ „киріо“, т.-е. господина, подъ „кирію“, т.-е. госпожу, подъ драгомана и багажъ — четыре штуки. При этомъ было условлено, что „киріо“ и „киріа“ обязаны путешествовать съ прославленнымъ агоятомъ Дмитріемъ не менѣе семи дней, а иначе должны оплатить агояту его обратный путь. За это Дмитрій обѣщалъ доставить насъ въ четыре дня до Мессены и въ семь дней до Спарты. Хозяинъ „Grand Hôtel d'Olympie“ тоже не положилъ охулки на руку, какъ и подобаетъ мэтрдотелю „первоклассной“ гостинницы, посѣщаемой важными особами, и получилъ съ насъ за пару зародышей цыпленка 6 франковъ, за бутылку кислаго мѣстнаго вина 4 франка, за десятокъ яицъ 2 франка, и все, конечно, золотомъ, и все въ такомъ же масштабѣ. Но онъ впрочемъ и не могъ бы содержать свой отель въ этой глуши, еслибы держался обычныхъ городскихъ цѣнъ.

Драгоманъ нашъ даже находилъ удивительнымъ безкорыстіе своего земляка, съ которымъ ему пришлось провести пріятный вечерокъ за стаканомъ дарового хозяйскаго вина.

Мы были не мало озадачены и даже смущены, когда, вопреки всѣмъ Бедекерамъ и Мурреямъ, обнаружилось, что у олимпійскихъ туземцевъ совсѣмъ нѣтъ верховыхъ сѣделъ, ни мужскихъ, ни женскихъ. Лошаденки Дмитрія оказались осѣдланными деревянными вьючными сѣдлами, на которыхъ въ Египтѣ и Палестинѣ ослики возятъ всякія тяжести. Другихъ сѣделъ, кромѣ ослиныхъ, тутъ и не знаютъ. Да и сами ихъ лошаденки больше похожи на осликовъ, чѣмъ на коней—такія же маленькія, тонконогія, тщедушныя. Кажется, вспрыгнешь на сѣдло и раздавишь этого игрушечнаго конька. Однако онѣ выносливы безконечно, какъ и ослики, даромъ что не больше теленка. Вьючное сѣдло — это длинная, туго набитая подушка, охваченная по концамъ двумя наклоненными на встрѣчу другъ къ другу досчатыми луками, между которыми вставлены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга узкія дощечки, ослабляющія давленіе вьюка на спину лошади. Къ лукамъ придѣланы желѣзные крючья для увязки вьюка, а само сѣдло держится на лошади широкою кожаною шлеею, которая пропускается подъ хвостъ лошади, и кромѣ того подпругою. Когда греки сами садятся на такое сѣдло, то подвязываютъ къ передней лукѣ короткія стремена, покрываютъ деревяшку сѣдла цвѣтною попоною или коврикомъ, и садятся въ него какъ въ стулъ, согнувъ колѣнки въ стремянахъ. Часто впрочемъ ѣздятъ безъ всякихъ стремянъ, сидя бокомъ на сѣдлѣ

и болтая ногами. Женщины иначе и не ѣздятъ. Нужна изрядная привычка сидѣть въ такой позѣ, не теряя равновѣсія при толчкахъ и качкѣ, особенно при горныхъ спускахъ и подъемахъ. Съ непривычки такое сѣдло—чистая мука. Ноги должны быть согнуты въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, ляжки страдаютъ отъ непомѣрной ширины и твердости сѣдла. Женщинѣ же не за что держаться и очень легко опрокинуться назадъ. Однако, выбирать было не изъ чего, и волей-неволей нужно было садиться на то, что̀ намъ давали. Мы только подвязали подъ ноги женѣ дощечку на веревкахъ, чтобы ей можно было во что-нибудь упереться. Жена моя еще вечеромъ познакомилась въ гостинницѣ съ героической англичанкой, которая въ одиночку съ агоятомъ, даже безъ драгомана, совершила на такомъ же сѣдлѣ двухдневное путешествіе въ Андрицену и Фигалію; не умѣя вообще ѣздить верхомъ, она предпочла усѣсться на ослиномъ сѣдлѣ по-мужски, ноги въ стремена, и хотя была очень довольна всѣмъ тѣмъ, что̀ увидѣла, но избилась и измучилась до крайности. Ея искренніе охи и вздохи на постели, съ которой она не хотѣла вставать цѣлый день, сулили и намъ не особенно пріятную перспективу. Но вотъ, наконецъ, все уложено, укрыто, увязано, и всѣ мы на своихъ конькахъ: агоятъ у стремени „киріи", его глухой и чуть ли не нѣмой товарищъ—при лошади багажа, а мы съ драгоманомъ въ качествѣ кавалеровъ — самостоятельными всадниками. Было уже 5½ часовъ, когда мы тронулись въ походъ. „Заря, розоперстая вѣстница утра", успѣла уже разгорѣться въ солнечный день. Всѣ тревоги ожиданія, все разочарованіе и досада, которымъ я невольно поддавался при сборахъ въ путь, сейчасъ же слетѣли съ моей души, какъ только охватила насъ цвѣтущая долина Алфея. Мы опять проѣхали черезъ мостикъ Кладеоса и потомъ по скатамъ Кроніона, мимо маститыхъ развалинъ священнаго Альтиса, съ которымъ я прощался глазами и сердцемъ. Обогнувъ Кроніонъ, мы все время ѣдемъ теперь вдоль безпорядочно разметавшагося русла Алфея, по подножію гористыхъ холмовъ, покрытыхъ сплошнымъ тѣнистымъ паркомъ, словно по капризно извивающимся аллеямъ его. Бѣлыя звѣзды цвѣтущаго шиповника и кроваво-огненные букеты гранатника, пылающаго среди темно-зеленой листвы, будто какая-то чудодѣйственная „купина неопалимая", осѣняютъ насъ на всякомъ шагу сплошными колыхающимися пологами. Дубы, падубы, платаны и сосны живописными группами и одиночными великанами спускаются по зеленымъ скатамъ холмовъ. Алфей здѣсь не особенно широкъ, но онъ прорылъ себѣ не одно русло, а цѣлую сѣть рукавовъ, одинъ

рядомъ съ другимъ, самъ себѣ загораживая путь кучами камней и голышей, которые онъ нагрызаетъ и обтачиваетъ на всемъ своемъ пути. „Народы священной Элиды“, какъ называетъ ихъ Гомеръ, не даютъ, однако, вольнаго хода водамъ Алфея и во многихъ мѣстахъ запруживаютъ ихъ камнями, чтобы ловить рыбу въ этихъ широкихъ, какъ озеро, запрудахъ. Съ высоты холмовъ то-и-дѣло сбѣгаютъ по узкимъ ущельямъ на подкрѣпленіе Алфея весело рокочущіе горные ручьи, и когда нашей кавалькадѣ приходится спускаться къ нимъ по живописнымъ лѣснымъ дорожкамъ, то почти всегда видишь внизу переправляющихся черезъ стремнины этихъ ручьевъ верхомъ и пѣшкомъ оживленныя группы бѣлыхъ фустанеллъ. Греки-пѣшеходы не ходятъ, а бѣгаютъ; издали кажется, будто ихъ широковѣющія бѣлыя юбки несутъ ихъ, какъ крылья птицъ—до того легко и свободно сбѣгаютъ и взбѣгаютъ они по горнымъ тропинкамъ.

Всѣ они одѣты очень картинно: въ бѣлыхъ рубахахъ, бѣлыхъ фустанеллахъ, бѣлыхъ поножьяхъ, часто затѣйливо расшитыхъ. Не даромъ еще Иліада величала ихъ „пышно-поножными ахейцами“. Сверхъ рубахи—безрукавки на распашку, черныя и синія, на головахъ красныя мягкія шапки съ кистями, но не фески, какъ у турокъ, совсѣмъ другія, круглыя; на многихъ, впрочемъ, обыкновенныя соломенныя шляпы съ полями, очевидно домашняго производства. Широкій кожаный поясъ грека—это цѣлое сооруженіе, въ многочисленныхъ складкахъ и карманахъ котораго можно спрятать не только кисетъ съ табакомъ, кошель съ деньгами, пистолетъ и ножъ, но и все, что̀ только можетъ понадобиться въ дорогѣ. Оригинальны также башмаки грека: они изъ грубой коровьей кожи и загибаются сильно кверху острымъ носкомъ, непремѣнно украшеннымъ краснымъ или синимъ шерстянымъ махромъ. Зачѣмъ тутъ эта смѣшная кисточка — трудно понять, но можетъ быть она предохраняетъ носокъ отъ ударовъ камней, которыми завалены дороги Греціи, и которые, безъ сомнѣнія, заставляютъ задрать такъ высоко вверхъ и носокъ башмака.

Мы заучили сотни двѣ новогреческихъ словъ и позволяемъ себѣ перекидываться съ своими провожатыми и встрѣчнымъ народомъ короткими вопросами. Къ намъ равно пристала молодая парочка, бѣгущая куда-то на свадьбу. Какъ всѣ греки, они, разумѣется, не отстаютъ отъ нашихъ лошадей, ѣдемъ ли мы рысцой или шагомъ. Для легкости оба они въ башмакахъ на босу ногу и одѣты довольно оборванно. Но у дѣвушки за спиною сумка, гдѣ безъ сомнѣнія хранится ея праздничный нарядъ, а пожалуй

и нарядъ ея спутника, который по обычаю, очень удобному для мужчинъ Востока, спокойно предоставляетъ „слабому полу“ нести за себя всѣ тяжести и тягости жизни. Дѣвушка—совсѣмъ еще молоденькая и красавица, какъ и подобаетъ дѣвѣ „Ахайи, славной женъ красотою“, хотя въ ней и не поражаютъ воспѣтыя Гомеромъ прелести: „полныя перси и страстно блестящія очи“.

Мы долго ѣхали вмѣстѣ съ этою проворною парочкою, и оба они услуживали намъ всѣмъ, чѣмъ могли, съ трогательною простотою и искренностью.

Противъ горы Палеофани, на зеленой пирамидальной вершинѣ которой видѣются развалины древней Фриксы, — Алфей дѣлаетъ рѣзкій изгибъ, поворачивая подъ прямымъ угломъ кругомъ подножія горы. Дорога измѣняется также рѣзко, хотя пейзажъ становится еще прелестнѣе. Вся низина Алфея, всѣ сырыя лощинки, высохшія ложи ручьевъ и рукавовъ рѣки—одинъ сплошной розовый цвѣтникъ, безконечный садъ цвѣтущихъ олеандровъ.

Послѣ мы убѣдились, что олеандръ заполоняетъ собою въ Греціи всѣ ея сырыя лощины, неизбѣжно провожаетъ всякую рѣчку и ручей. Глядя на эти густыя заросли высокихъ деревьевъ, тянущихся по нѣскольку верстъ сряду и облитыхъ съ макушки до корня пышными розовыми цвѣтами, съ улыбкой жалости вспоминаешь чахлые олеандры нашихъ гостиныхъ и оранжерей, заботливо воспитываемые въ кадкахъ, за которыя платятся довольно крупныя деньги, тогда какъ здѣсь, въ счастливыхъ долинахъ Греціи, самые чудные олеандры можно рубить возами на дрова или на плетни, какъ у насъ по болотамъ лозу или тальникъ.

Особенно эффектны эти олеандровыя рощи, когда вы ѣдете въ гущѣ ихъ по узкой тропѣ, и надъ вашею головою колышатся и пылаютъ нѣжными огнями зари цѣлые своды цвѣтущихъ и благоухающихъ вѣтвей.

Зато дорога дѣлается все хуже, все труднѣе. Ручьи на каждомъ шагу перебиваютъ путь. Только и приходится спускаться да подниматься. Въ иномъ мѣстѣ лѣзешь наверхъ, какъ на чердакъ, то по скверно вырубленнымъ ступенямъ скалы, то по глиняной осыпи. Обрывы, рытвины, водомоины—вотъ единственный спускъ нашъ; и все по грудамъ крупныхъ и мелкихъ голышей. Къ счастью, наши крошечныя лошаденки подкованы сплошными круглыми подковами и, несмотря на свой хилый видъ, на свои тонкія ножки, карабкаются по камнямъ неутомимо и легко, какъ козы. Но хуже всего, что приходится нѣсколько разъ переѣзжать вбродъ рѣку. Это уже совсѣмъ перенесло наши воспоминанія въ послѣднее туркестанское путешествіе наше, къ рѣчкамъ кир-

гизскихъ кочевій Алая и Кокана. О мостахъ тутъ, какъ и тамъ, помину нѣтъ. Здѣшнія рѣки разливаются не однимъ, а тремя—четырьмя руслами, и никто хорошо не знаетъ, какъ глубока въ нихъ вода въ настоящую минуту.

Когда въѣзжаешь, довѣряясь проводнику, въ середину стремнины и видишь, какъ постепенно лошадь уходитъ въ воду сначала выше колѣнъ, потомъ подъ брюхо, заставляя васъ задирать ноги къ самой мордѣ ея, то такъ естественно кажется, что вотъ-вотъ она уйдетъ сейчасъ въ пучину и совсѣмъ съ сѣдломъ.

Особенно досадны и рискованны такія переправы для женщины при ихъ длинныхъ юбкахъ и невозможности свободно маневрировать ногами, какъ нашему брату. Алфей, который здѣсь зовется Руфія, мы переѣхали три раза не безъ тревожнаго чувства, невольно вспоминая Гомеровъ „быстро-пучинный" и „глубоко-пучинный" Ксанфъ, потому что и у насъ, какъ у героя Иліады, „рѣка удручала могучія ноги; бурная подъ ноги била и прахъ изъ-подъ стопъ вырывала".

Оказалось, что мы ѣхали не лѣвымъ берегомъ Алфея, какъ совѣтуетъ Бедекеръ, а правымъ. Агоятъ нашъ увѣрялъ, что тою дорогою ѣздятъ только зимою, когда здѣсь нельзя проѣхать отъ разлива водъ, лѣтомъ же будто бы нѣтъ возможности продираться черезъ тамошніе лѣса. Такъ что мы должны были считать свою теперешнюю дорогу лучшею дорогой и благодарить еще за нее олимпійскихъ боговъ.

Селенія Лала, Неохори, Белези, Св. Іоанна, оставались хотя и въ нашемъ виду, но на той сторонѣ Алфея, и мы проѣхали только черезъ одно село Мурія. Тамъ у церкви собралась толпа празднично-одѣтыхъ мужчинъ въ бѣлыхъ фустанеллахъ, производившая довольно величественное впечатлѣніе; это были, очевидно, домовладыки мѣстечка, о чемъ-то горячо толковавшіе.

Старцы, уже не могучіе въ брани, но мужи совѣта,
Сильные словомъ, цикадамъ подобные, кои по рощамъ,
Сидя на вѣтвяхъ деревъ, разливаютъ голосъ ихъ звонкій...

На балконѣ двухъ-этажнаго дома, увѣшанный яркими коврами, высыпалъ глядѣть на насъ цѣлый букетъ красивыхъ дѣвушекъ, женщинъ и дѣтей, одѣтыхъ гораздо чище обычнаго. Нашъ агоятъ остановился не для того, конечно, чтобы обмѣняться любезностями съ какою-нибудь „лилейно-раменной Еленою" или „Клименой съ блистательнымъ взоромъ", а просто-на-просто, чтобы выпить вмѣстѣ съ своимъ глухонѣмымъ сподручникомъ по стакану черно-краснаго смолистаго вина въ знакомомъ кабачкѣ-

лавочкѣ, помѣщавшемся въ нижнемъ этажѣ. Выпили они, конечно, на даровщинку, получивъ зато отъ хозяевъ порученіе свезти по дорогѣ кому-то, куда-то, что-то такое. Нашъ практическій агоятъ былъ сугубо доволенъ этимъ порученіемъ, которое ему обезпечивало впереди подобное же даровое угощеніе. Въ слѣдующей же деревнѣ Белесейкѣ и потомъ дальше—мы убѣдились, что эти порученія и сопряженныя съ ними выпивки входятъ въ обычный путевой бюджетъ агоятовъ, замѣняя хотя отчасти для жителей отсутствіе почтовыхъ сообщеній. Въ Белесейкѣ тоже ханъ и мельница, и приходится опять переправляться черезъ разливы рѣки. Но тутъ уже самъ агоятъ посовѣтовалъ пригласить туземца-проводника, не ручаясь за безопасность переправы. Высокій и статный малый тонкаго греческаго типа, съ обнаженными скульптурными голенями, напоминавшій собою Ганимеда, любимца Кроніона, смѣло повелъ подъ уздцы впереди всѣхъ насъ лошадь моей жены.

Онъ зналъ на память всѣ повороты стремнины и то пересѣкалъ рѣчку, то шелъ на встрѣчу волнѣ, которой быстрое мельканіе рябило въ глазахъ и кружило голову. Однако и этотъ рослый юноша до половины замочилъ свою фустанеллу, обрываясь въ глубокихъ мѣстахъ чуть не по поясъ. Агоятъ нашъ въ этихъ случаяхъ очень ловко взбирается на крупъ багажной лошади, а его глухой помощникъ сидитъ почти на хвостѣ за нашимъ драгоманомъ, нѣжно охвативъ его своими объятіями. На встрѣчу намъ по этимъ широкимъ стремительно несущимся разливамъ—бредутъ пѣшкомъ, заголивъ ноги, насколько только возможно, а кто и верхами, туземные люди, всѣ въ бѣлымъ рубахахъ и фустанеллахъ, всѣ въ черныхъ шапкахъ, черныхъ куртках и черныхъ поясахъ. У иныхъ, кромѣ того, бѣлыя лохматыя мантіи въ родѣ бурокъ, и только одинъ угрюмый старикъ бредетъ весь черный, окутанный въ черный плащъ. На меня этотъ деревенскій греческій народъ, несмотря на фустанеллы свои и на звуки гомеровой рѣчи, производитъ впечатлѣніе тѣхъ же нашихъ выносливыхъ русскихъ мужиковъ, знающихъ на память всякую тропинку, способныхъ терпѣливо пройти пѣшкомъ 10 — 20 дней подъ-рядъ, ни въ чемъ отъ другихъ не нуждаясь, все дѣлая сами себѣ, и безъ которыхъ нашему брату, избалованному культурному человѣку, приходилось бы пропасть на каждомъ шагу со всѣми нашими Бедекерами и драгоманами. Широкая, насквозь пропотѣвшая спина нашего агоята Дмитрія и его плутоватые глаза совсѣмъ напоминаютъ мнѣ моего стараго щигровскаго пріятеля мужика Миная, а вонъ тотъ сумрачный воркотунъ-старикъ въ

черной свиткѣ—это чистый дѣдъ Прохоръ, какимъ я его зналъ съ дѣтства, а ужъ никакъ не потомокъ Леонида или Менелая.

Впрочемъ, по именамъ многихъ окрестныхъ деревень можно думать, что здѣшніе жители—по крайней мѣрѣ на половину огречившіеся славяне, успѣвшіе въ теченіе многихъ вѣковъ забыть родной языкъ. Здѣсь вы найдете и Селехово, и Нйвицу, и Платяну, и Гремку...

Можетъ быть, оттого и дома ихъ безъ садиковъ, голые, неопрятные. Тутъ много домовъ въ два этажа, довольно большихъ, но какихъ-то безпріютныхъ, безъ оконныхъ рамъ, съ отверстіями, прикрытыми только огромными тяжелыми ставнями. Мы заходили нарочно въ нѣсколько домовъ. Вездѣ почти грязь и безпорядокъ, особенно въ бѣдныхъ одноэтажныхъ хижинахъ. Станки для тканья, полки для глиняной посуды, очагъ по срединѣ на полу да въ углу какіе-нибудь сундуки съ тряпьемъ. Гдѣ домъ побогаче, тамъ непремѣнно прилавокъ и кувшины вина на полкахъ,—значитъ, ханъ своего рода для захода и заѣзда путниковъ. Винограду здѣсь видно очень мало, все больше хлѣбъ да неубранная пустыня съ кустами и деревьями, заросшая пожелтѣвшею, никуда теперь негодною травою... А украшающіе ее цвѣты олеандровъ, гранатника и шиповника ростутъ сами собою, безъ всякаго ухода человѣка.

Мы остановились передохнуть часа на два подъ группою деревьевъ у рѣки, неподалеку отъ селенія Св. Іоанна, которое виднѣлось на высотѣ. За походнымъ завтракомъ разговорились, съ помощью драгомана, съ агоятомъ, выспрашивая его о житьѣ-бытьѣ здѣшнихъ крестьянъ.

— Жить намъ плохо! — увѣрялъ насъ „могучераменный" агоятъ.—Земли совсѣмъ мало; есть, конечно, у всякаго свой домъ и маленькій виноградникъ, лошадь есть, корова, овцы и свиньи, да за все нужно въ казну платить: за лошадь и за быка по 12 драхмъ въ годъ, за свинью—1½ драхмы, за каждую овцу—по ½ драхмы; а за землю опять плати особо: за каждые 300 кв. метровъ сухой земли—4 драхмы, а за заливную—по 6 драхмъ. Всего и наберется много, силъ нѣтъ выплатить, а правительство насильно требуетъ, имущество продаетъ. Коринку теперь мало стали покупать, вино, масло тоже подешевѣло,—съ чего взять?!

Я спросилъ, есть ли у крестьянъ мѣстные заработки.

— Да кто побогаче, нанимаетъ себѣ работниковъ. 2—3 драхмы за день платятъ пѣшему рабочему; пахать однимъ быкомъ—6 драхмъ, двумя—12, да не вездѣ работа есть, только мѣстами.

Быки здѣсь мелкіе, плуги самые неважные; я видѣлъ ихъ потомъ не разъ на пахотѣ, даже и въ воскресные дни.

Нашу импровизованную трапезу салютовала какая-то импровизованная музыка. Звуки барабановъ и дудокъ доносились до насъ откуда-то по теченію Алфея. Дмитрій объяснилъ намъ, что это справляютъ гдѣ-нибудь по близости деревенскую свадьбу. Еще раза три переѣхали мы разливы Алфея и теперь уже углубились совсѣмъ въ горныя мѣста. Дмитрій, кажется, потащилъ насъ для сокращенья пути „на простецъ", т. е. безъ всякихъ дорогъ, прямо на глазъ, потому что то-и-дѣло приходится переѣзжать вспаханныя поля, перескакивать рвы, пробираться деревенскими задворками; но хотя мы усердно ругаемъ за это нашего безцеремоннаго агоята, однако скоро убѣдились, что это бездорожье все-таки во много разъ было покойнѣе и легче тѣхъ дорогъ, по которымъ пришлось намъ потомъ карабкаться.

Вмѣсто холмовъ теперь пошли ужъ настоящія горы; мы одолѣвали ихъ терпѣливо и мужественно одну за другою, всѣ ихъ крутѣйшіе подъемы и головоломные спуски по обрывистымъ карнизамъ, по потокамъ камней въ нѣсколько верстъ длиною. Когда попадаешь изрѣдка на сравнительно ровную дорогу изъ краснаго хряща, радуешься будто Богъ знаетъ какому подарку. Зато сейчасъ же послѣ такой передышки вмѣсто дороги поднимаются передъ вами перевернутыя торчкомъ ребра какого-нибудь шифернаго сланца, крѣпкаго и пестраго какъ мраморъ, и вы вынуждены драться вверхъ по этимъ острымъ грядкамъ, сбивающимъ не только подковы, но и копыта. И при этомъ никакихъ оградъ отъ зіяющей подъ вами пропасти, никакихъ попытокъ что-нибудь сравнять или расчистить. Никто не надзираетъ за этими горными дорогами, никто не заботится о нихъ, хотя это единственные пути сообщенія между поселеньями. Переломать на каждомъ шагу ноги лошади, всаднику, пѣшеходу—тутъ не стоитъ ничего, точно также какъ и загремѣть вмѣстѣ съ конемъ съ какого-нибудь обрыва. Отказываешься вѣрить, чтобы даже въ вѣка Гомера, 3.000 лѣтъ тому назадъ, дороги Греціи были въ такомъ непозволительномъ запущеньѣ, въ какомъ ихъ оставило въ наслѣдіе грекамъ четырехъ-сотъ-лѣтнее владычество ислама, вездѣ здѣсь запечатлѣвшее свою мертвящую руку... Только въ дебряхъ Дагестана, въ какихъ-нибудь неприступныхъ ущельяхъ аварскаго Койсу, случалось мнѣ ѣздить по такимъ убійственнымъ каменоломнямъ. Правда, Иліада восхваляетъ „коней твердокопытыхъ", способныхъ съ легкостью бѣжать „по дорогѣ жестокобугристой", но я думаю, что все-таки эллины, сообщавшіеся такъ часто съ

священными храмами своей Олимпіи, были слишкомъ умны, изящны, разсчетливы, слишкомъ проникнуты сознаніемъ своихъ государственныхъ обязанностей, чтобы могли срамить свое отечество такими невозможными дорогами...

По неволѣ вспомнишь англичанъ, которыхъ кратковременное владычество надъ іонической республикою обратило самыя крутыя горныя дороги Корфу въ прекрасныя шоссе для экипажей. Вѣдь въ сущности превосходнѣйшій матеріалъ для шоссе весь уже готовъ здѣсь же, на полотнѣ дороги, и только требуетъ небольшого труда, чтобы уложить его въ порядкѣ и сберечь этимъ каждому жителю Греціи на сотни драхмъ въ годъ обувь, скотину, время и здоровье. Не говорю уже объ иностранцахъ, которыхъ приливъ въ эти интересныя древнія мѣстности былъ бы въ десять разъ сильнѣе, если бы ихъ не останавливали непроходимые пути. Теперь же самый выносливый и любознательный туристъ проклянетъ всякія античныя развалины, когда приходится добираться до нихъ такими многодневными мученіями. Видами перестаешь любоваться отъ утомленья и досады; и нигдѣ по дорогѣ, одиннадцать часовъ сряду не слѣзая съ коня, вы не встрѣчаете ничего, гдѣ можно было бы дѣйствительно отдохнуть и освѣжиться цивилизованному человѣку, мало-мальски привыкшему къ чистотѣ и питающему вполнѣ законное отвращеніе къ блохамъ, клопамъ и всякой подобной мерзости.

Деревня Ба̀ртси наверху одной горы, деревня Са̀кула—на другой. Мы поднялись въ Сакулы. Дома будто бойницы, двухъэтажные, изъ темнаго камня, съ рѣдкими и узенькими окошечками внизу, хоть сейчасъ изъ ружей палить. Еще всецѣло пахнетъ тревожными временами турецкаго насилія и туземныхъ разбоевъ. Среди виноградниковъ разныя фруктовыя деревья; кругомъ непроницаемый заборъ кактусовъ въ желтомъ цвѣтѣ.

Множество женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей высыпало къ окнамъ, на балконы, на улицу глазѣть на насъ. Видно, пріѣзжіе иностранцы тутъ не часты. Бабы—всѣ грязны, оборваны, несмотря на воскресенье; смотрятъ какими-то распущенными цыганками. Онѣ исполняютъ всѣ работы по хозяйству, а ихъ повелители за то разгуливаютъ себѣ спокойно по улицѣ, разодѣтые въ чистыя рубахи и фустанеллы, болтая, покуривая и попивая винцо и кофе въ своихъ безчисленныхъ ханахъ. Старая Сакула дальше и много выше на горѣ. Отсюда очень красивый видъ на покрытый снѣгомъ Олоносъ и Гуртанейскія горы Аркадіи. Ближе, на зеленыхъ горахъ, хорошо виденъ городокъ Димитцана, на большомъ пути изъ Олимпіи въ Триполицу и Аргосъ.

VII.—Заоблачный храмъ Аполлона.

Къ Андриценѣ дорога дѣлается все труднѣе, каменистѣе и круче. Нѣсколько разъ я спѣшивался, чтобы дать отдохнуть ногамъ, отекавшимъ въ крайне неудобной и неестественной позѣ на этомъ невозможномъ вьючномъ сѣдлѣ. Встрѣчающійся народъ, однако, привыкъ къ роднымъ каменьямъ и не идетъ, а бѣжитъ по нимъ будто по гладкому паркету. Намъ всѣ вѣжливо уступаютъ дорогу, окидывая насъ любопытными взглядами и перекидываясь короткими вопросами съ нашими греками. Черезъ четыре часа съ половиною мы, наконецъ, спустились по карнизу очень высокой горы и очутились висящими надъ поразительно живописною и обширною зеленою котловиною, утопавшею глубоко внизу и изрѣзанною будто шахматная доска разноцвѣтными квадратиками хлѣбныхъ полей, огородовъ, виноградниковъ и рядами кипарисовъ. Эту цвѣтущую и плодородную пропасть охватили полукруглымъ кольцомъ горные великаны Палеокастро и Ликеона, сросшіеся сѣдлиною какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ярко пестрѣетъ среди зелени живописный городокъ Андрицена. Андрицена съ своими двухъ-этажными и трехъ-этажными краснокрышими домиками, толпящимися одинъ на головѣ другого, въ своей картинной альпійской обстановкѣ, смотритъ издали чистенькимъ городкомъ какой-нибудь Швейцаріи или Тироля. Много загородныхъ домиковъ въ садахъ торчатъ еще выше этого забравшагося на высоты города, пріютившись въ разныхъ прелестныхъ уголкахъ и на обрывахъ горы; а всѣхъ ихъ выше, даже выше вѣнчающей городъ красивой церкви,—старая разрушенная часовня святого Георгія. Вблизи города дороги вымощены и вездѣ хорошіе каменные мосты. Поднимаясь на послѣдній изволокъ, мы встрѣтили толпу молодцовъ грековъ въ бѣлыхъ фустанеллахъ, черныхъ шапочкахъ, черныхъ курткахъ и ноговицахъ, съ старинными пистолетами за поясомъ. Они бѣжали легко и красиво, какъ дикія козы, по непроходимой каменной тропѣ внизъ съ крутѣйшаго ската и смотрѣли удальцами паликарами, спѣшившими на какой-нибудь кровавый бой.

— Англичане?—съ веселой небрежностью окликнули они нашихъ провожатыхъ, и когда тѣ такимъ же короткимъ возгласомъ сообщили имъ, что не англичане, а русскіе, то всѣ эти удалыя усатыя физіономіи съ сочувственнымъ любопытствомъ оглянулись на насъ. Мы въѣхали въ чрезвычайно узкія улицы этого горнаго городка словно въ дагестанскій аулъ. Дома у насъ надъ головою,

дома подъ нашими ногами, и мы, и городъ—все виситъ надъ бездною. Лавочки въ родѣ восточныхъ базаровъ, много празднаго народа на улицахъ и въ кофейняхъ. Агоятъ остановилъ нашъ караванъ у знакомаго ему заѣзжаго дома; гостинницъ для проѣзжихъ тутъ совсѣмъ нѣтъ. Вокругъ насъ сейчасъ же собралась толпа зѣвакъ, обрадовавшихся рѣдкому случаю поглазѣть на иностранцевъ.

Въ гостепріимномъ греческомъ домѣ оказалось, къ огорченію нашему, и слишкомъ людно, и слишкомъ нечистоплотно. Ни о какихъ привычкахъ цивилизованныхъ людей тутъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, и для удовлетворенія самыхъ насущныхъ нашихъ потребностей нѣтъ рѣшительно ничего. Съ огромными затрудненіями удалось намъ нàскоро добыть горячей воды для нашего бульона и чая, да нѣсколько яицъ съ бутылкою сквернаго смолистаго вина. Комната, которую намъ отвели, до того отвратительно кишѣла всякою нечистью и наполнена была такимъ вонючимъ тряпьемъ въ видѣ замасленныхъ тюфяковъ, одѣялъ, ковровъ, старыхъ одеждъ, что страшно было прикоснуться къ чему-нибудь. Соръ изъ-подъ кровати и изъ угловъ не выметался, повидимому, годами. Жена моя вынуждена была посвятить нѣсколько часовъ изгнанью изъ комнаты самыхъ опасныхъ источниковъ заразы, обсыпанію далматскимъ порошкомъ всего, чтò только возможно было обсыпать, и прикрытію многочисленными простынями всего, чтò только возможно было прикрыть. Этотъ ночлегъ былъ для нея сплошнымъ страданіемъ и непрекращавшеюся борьбою съ надвигавшимися отовсюду на насъ ратями всякихъ ползучихъ и прыгающихъ тварей. Къ довершенію удовольствія, во всѣхъ комнаткахъ кругомъ и даже на балконѣ, выходившемъ изъ нашей комнаты, ночевали и громко болтали до полуночи, едва отдѣленные отъ насъ дырявыми драничными дверями, многочисленные хозяева и гости этого своеобразнаго отеля, а хозяйка въ теченіе всей ночи безцеремонно входила въ нашу комнату то за тѣмъ, то за другимъ. Я, впрочемъ, по грубости своихъ мужскихъ нервовъ, все-таки заснулъ глубокимъ сномъ и только утромъ убѣдился, среди какого поля битвы пришлось намъ провести ночь... Щедро усыпанные порошкомъ полъ и простыни нашихъ кроватей оказались покрытыми, будто красными арабесками, миріадами очумѣвшихъ или околѣвшихъ клоповъ; подъ подушками нашими лежалъ цѣлый слой ихъ, тоже погибшій отъ коварнаго далматскаго зелья. Жена моя нарочно призвала хозяйку полюбоваться на это безобразное количество насѣкомыхъ и энергически стыдила ее черезъ драгомана, но добродушная

гречанка, кажется, не особенно была тронута поученіемъ слишкомъ придирчивой иностранки, и не находила, повидимому, ничего ужаснаго въ такихъ обыкновенныхъ житейскихъ вещахъ, какъ клопы и блохи. Какъ ни въ чемъ ни бывало, она любезно поднесла моей женѣ, послѣ полученнаго разсчета, розанъ изъ своего цвѣтничка, и научила своихъ маленькихъ дѣтокъ тоже поднести что-нибудь столь рѣдкимъ гостямъ. Дѣвочка принесла букетикъ цвѣтовъ, мальчикъ—старинную монетку. Мы, конечно, въ качествѣ иностранцевъ-туристовъ, которые непремѣнно должны быть богачи, по представленію простосердечнаго грека, обязаны были отблагодарить за любезныя подношенія не однимъ только платоническимъ „эвхаристо“ (благодарю), но и звонкою монетою короля Георга. Встали мы въ пять часовъ, но сборы нашихъ грековъ, докармливавшихъ лошадей, задержали насъ чуть ли не до семи часовъ.

Черный какъ цыганъ хозяинъ изъ любезности самъ повелъ подъ уздцы мою лошадь, чтобы вывести насъ по запустѣлымъ переулкамъ на гору. Ѣхали мимо лавченокъ такихъ же нечистоплотныхъ, какъ и дома грековъ, гдѣ всѣ товары набросаны вперемежку другъ съ другомъ, ситцы и разныя матеріи валяются прямо на полу, въ пыли, рядомъ съ деревяннымъ масломъ.

Къ намъ въ попутчики присталъ франтоватый грекъ съ пышными рукавами, съ цѣлою копною черныхъ кудрей на головѣ, вмѣсто шапки очень ловко обвитой на макушкѣ шелковою коричневою косынкою, концы которой висятъ сзади въ видѣ косы. Мы карабкались по тѣснымъ, будто ножемъ разрѣзаннымъ переулочкамъ круто на гору, минуя постепенно тѣ домики, сады, церкви и часовенки, что̀ снизу казались намъ висѣвшими надъ Андриценою стрижиными гнѣздами. Теперь они сами кажутся намъ глубоко внизу, а надъ нами все выше и выше выростаютъ вершины горъ.

Влѣзли мы на сѣдлину, соединяющую Палеокастро съ Дикеономъ, по сквернѣйшей костоломкѣ, а спустились съ нея по еще ужаснѣйшей. Теперь мы въ высокихъ альпійскихъ областяхъ, среди безлюдной, мало обработанной мѣстности. Горы кругомъ покрыты мелкимъ вырубленнымъ кустарникомъ, не то совсѣмъ голы. По низинамъ и скатамъ—тощіе хлѣба. Кое-гдѣ торчатъ среди сплошныхъ порубокъ уродливо обрубленные скелеты когда-то могучихъ столѣтнихъ дубовъ. Чтобы не возиться съ тяжелыми стволами, греки обрубаютъ у нихъ всѣ ихъ плоти и сучья и оставляютъ безполезно сохнуть этихъ лѣсныхъ великановъ. Безхозяйственность во всемъ полная. Ни общины, ни мѣстныя власти.

ни государство—никто не хлопочетъ водворить какой-нибудь порядокъ въ хозяйственную жизнь этихъ заброшенныхъ угловъ.

Мѣстность, гдѣ мы теперь, въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія, ни политическаго, ни религіознаго. Но въ древности средневѣковой и въ древности классической здѣсь были важные центры туземной жизни. Торчащія на разныхъ окрестныхъ высотахъ полуразвалившіяся башни и стѣны маленькихъ замковъ—остатки безпокойныхъ феодальныхъ вѣковъ, большею частью XIII-го и XIV-го столѣтій, когда разные родовитые авантюристы, Гильомы де Шамплиты, Жофруа де-Вильгардуины, Гюги де-Брюеры и tutti quanti, растерзавъ въ 4-мъ крестовомъ походѣ византійскую имперію, свивали себѣ здѣсь свои разбойничьи гнѣзда и стерегли съ недоступныхъ вершинъ, изъ-за неприступныхъ стѣнъ, захваченныя силою крошечныя баронства и княжества свои, разоряя своими междуусобицами и рыцарскою роскошью несчастныхъ выродившихся эллиновъ. А гора Ликеонъ, нынѣшній Діафорти, по сѣдлинѣ которой мы только-что поднялись, и которая теперь увѣнчана одною жалкою часовенкой св. Иліи, покрыта въ разныхъ мѣстахъ множествомъ развалинъ другого рода, представляющихъ въ настоящемъ своемъ видѣ, правда, мало интереса для туриста, вслѣдствіе слишкомъ полнаго разрушенія. Все это остатки храмовъ первобытныхъ временъ Греціи, нѣкогда привлекавшихъ на священную гору Ликеонъ поклонниковъ цѣлой Греціи. Миѳы глубочайшей древности связаны съ этою горою. Здѣсь Рея, мать-Земля, родила всепожирающему Кроносу, тайно отъ него, бога-громовержца Зевса и отдала его на воспитаніе тремъ нимфамъ ручьевъ, между прочимъ Недѣ, оставившей свое имя теперешней рѣчкѣ Недѣ, отдѣляющей Элиду отъ Аркадіи.

Здѣсь же родился прародитель греческихъ племенъ—пелазговъ, царь Пелазгъ, сынъ того же Зевса, выросшій вдругъ изъ земли въ темнотѣ дѣвственнаго лѣса, за что пелазги, потомки его, и назывались всегда „изъ земли рожденными". Самымъ именемъ своимъ гора обязана Ликеону, сыну Пелазга, первому строителю городовъ Греціи. Всѣ эти священныя преданія, несомнѣнно, показываютъ, что мѣстность эта была однимъ изъ самыхъ первоначальныхъ гнѣздъ греческой исторіи. На одной изъ вершинъ Ликеона очень долго существовалъ „священный предѣлъ"—„теменосъ"—Зевса, въ который не могла вступить нога человѣка, поражавшагося за то смертью, и въ которомъ солнце не осмѣливалось бросать на землю тѣни отъ дерзновеннаго, нарушавшаго неприкосновенность святыни. Особый ликейскій праздникъ празд-

новался кругомъ этого недоступнаго святилища, въ воспоминаніе о его священныхъ легендахъ.

Когда-то высились на макушкѣ Ликеона, сіяя издали путникамъ, мраморныя колонны, увѣнчанныя золочеными орлами громовержца и осѣнявшія его жертвенникъ, передъ которымъ уже въ историческія времена приносились человѣческія жертвы. Любопытные путешественники могутъ до сихъ поръ видѣть на вершинѣ Ликеона груды искрошившихся и уже окаменѣвшихъ костей.

Въ христіанское время св. Илія вездѣ замѣнилъ своимъ именемъ имя былого языческаго громовержца, и его скромныя часовенки съ изумительною послѣдовательностью забрались на самыя недоступныя вершины горъ, гдѣ только стояли когда-нибудь и привлекали къ себѣ молитвы вѣрующихъ храмы или статуи верховнаго олимпійскаго бога. Зевсу, владыкѣ Олимпа, „тучегонителю", древніе греки естественно старались воздвигать храмы и жертвенники на господствующихъ высотахъ, и теперь, въ какомъ бы углу Пелопоннеса, Эллады, Өессаліи, Іоническихъ или Цикладскихъ острововъ, ни проѣзжали вы—вездѣ увидите на самыхъ высокихъ окрестныхъ вершинахъ горъ или холмовъ—бѣленькую agios Elias—часовню св. Иліи. Точно также, вмѣсто бывшихъ храмовъ Геры, Юноны, вы обязательно увидите на вершинѣ горы „Панагію", т.-е. часовню во имя Богоматери; вмѣсто алтаря Аполлону—часовню святаго Георгія; вмѣсто храма Гермесу—св. Димитрія и т. д. Этихъ часовенъ въ Греціи такое безчисленное множество, что часто вы разомъ можете видѣть ихъ 10, 15 и болѣе на всевозможныхъ кручахъ, высотахъ и обрывахъ... Онѣ придаютъ греческому пейзажу удивительно характерный и трогательный видъ. И на горѣ Ликеонѣ, у былого языческаго жертвенника, заваленнаго человѣческими костями, до сихъ поръ по прежнему собираются на праздникъ и моленья каждое 20 іюля, хотя уже не во имя стараго громовержца, а во имя катящагося по небу въ огненной колесницѣ библейскаго пророка,—мало просвѣтившіеся съ тѣхъ поръ потомки выросшаго въ лѣсу изъ земли царя Пелазга.

Аппетитъ разыгрывается жестоко отъ верховой ѣзды, отъ свѣжаго горнаго воздуха, отъ утомленія. Но ни деревни, ни одинокаго хана по дорогѣ. Въ одной долинкѣ, однако, мы натолкнулись на пастуховъ, пріютившихся съ своими овцами и козами отъ солнечнаго зноя въ зеленомъ островкѣ кустарниковъ. Я бросился къ нимъ, какъ къ роднымъ братьямъ:

— Эхете гáла? тѵ́ри?—есть у васъ молоко, сыръ?—спраши-

валъ я ихъ, хвастаясь передъ снисходительно улыбавшимся драгоманомъ своею греческою рѣчью.

Тири—сыра—у нихъ не оказалось, но гàла—молоко—сейчасъ же явилось. Это было, конечно, не коровье молоко, котораго, кажется, не достанешь во всей Греціи, ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, а козье, только-что выдоенное, еще теплое молоко, котораго въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ я никогда не взялъ бы въ ротъ. Но теперь мы съ жадностью прильнули по очереди къ кувшину съ возрождающею и утоляющею жаръ жидкостью. Хотѣлось бы, конечно, при этомъ кое-чего еще, да у эллинскихъ пастырей не было даже куска хлѣба—псоми, по ихнему,—чтобы заѣсть молоко. По неволѣ я вспомнилъ тутъ Эвмея, „свинопаса богоравнаго“, и его обильныя угощенія Одиссея, такъ выразительно описанныя Гомеромъ:

...остальныя-жъ
Части на острые вертелы вздѣвъ, на огнѣ осторожно
Начали жарить; дожаривъ же, съ вертеловъ сняли и кучей
Всѣ на подносныя доски сложили и поровну началъ
Пищею всѣхъ одѣлять свинопасъ. Онъ приличіе вѣдалъ.
...Каждому, какъ кто сидѣлъ, наблюдая порядокъ,
Роздалъ, но лучшей, хребтовою частью свиньи острозубой
гостя почтилъ...
Пурпурнымъ наполненный кубокъ виномъ Одиссею
Градорушителю подалъ; тотъ сѣлъ за приборъ свой, и мягкихъ хлѣбовъ
принесъ имъ Мезавлій...

Намъ же, къ сожалѣнію, пришлось только сладко мечтать и о мягкихъ хлѣбахъ, и о пурпурномъ винѣ, и о хребтѣ свиньи острозубой...

А дорога дѣлается между тѣмъ все хуже, все труднѣе, горы все круче, все каменистѣе. Для развлеченія нашего судьба послала намъ на встрѣчу цѣлую кавалькаду всадниковъ, на бойкихъ маленькихъ лошадкахъ. Это ѣхалъ одѣтый по-европейски мѣстный адвокатъ, сопровождаемый свитою щегольскихъ фустанеллъ. Они пронеслись мимо весело и самоувѣренно, а наши коньки продолжали съ трудомъ волочить усталыя ноги...

Теперь кругомъ все безнадежно ощетинившіяся острія какихъ-то бѣлосѣрыхъ, словно испепеленныхъ известняковъ, напоминающихъ старыя, вывѣтрившіяся кости... Кое-гдѣ только во впадинкахъ ихъ—лужайки темно-коричневой, какъ тертый табакъ, почвы, перемѣшанной съ голышами. Самые крупные камни старательно выбраны изъ этой плодородной почвы и сложены изгородями кругомъ этихъ крошечныхъ полей или по серединѣ ихъ,

приваленные огромными кострами къ стволамъ дубовъ. Тщедушныя, низкорослыя бабенки, грязныя и оборванныя, терпѣливо выкапываютъ мотыгами эти камни и сносятъ ихъ къ кучамъ въ мѣшкахъ и ведрахъ. Мужикъ-грекъ на парѣ воликовъ, ростомъ съ теленка, медленно бредетъ за деревяннымъ плужкомъ, похожимъ на большой клинъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, такимъ точно, какимъ пашутъ кавказскіе грузины и среднеазіатскіе сарты, и какимъ, безъ сомнѣнія, богиня Церера пахала первобытную Грецію. Распашка и раскопка этихъ крошечныхъ полей-горшковъ идетъ на огромную, непостижимую для насъ высоту, по кручамъ, гдѣ непривыкшему человѣку невозможно держаться на ногахъ. Да и мы сами лѣземъ теперь словно на стѣну. Это совсѣмъ кавказскія горы, совсѣмъ нашъ Дагестанъ по непроходимости и крутизнѣ. Бѣдныя лошади наши растягиваются какъ змѣи, скользятъ и прыгаютъ, срываются съ камней, ползутъ назадъ; дороги, по моему, слѣда нигдѣ нѣтъ; куда ни посмотришь, вездѣ торчатъ, словно орудія пытки, острые, угловатые осколы сѣрыхъ камней, переламывающіе пополамъ ногу, до-крови ссаживающіе кожу. Я это испытывалъ на себѣ, спѣшиваясь по временамъ изъ сострадавія къ мученицѣ-лошади.

Но вотъ, послѣ новаго отчаяннаго подъема, послѣ ожесточенныхъ криковъ нашихъ проводниковъ и не прекращавшагося дождя нагаекъ, мы спустились два шага внизъ по той же бѣлосѣрой каменоломнѣ и остановились какъ вкопанные отъ радостнаго изумленія: вся карта горной Греціи была у нашихъ ногъ. Вправо отъ насъ и впереди насъ, ближе къ горизонту, сверкали въ торжественыхъ лучахъ южнаго солнца заливы нѣжно-голубого моря, дышавшаго даже издали бодрящею свѣжестью и прохладою. Это виднѣлись заливы Кипариссіи и Каламаты—Аркадскій и Мессенскій. Мысы и бухты пелопоннесскаго берега съ необыкновенною наглядностью и отчетливостью вырѣзались на этомъ голубомъ фонѣ. Горы Спарты, горы Гуртеніи—былой Аркадіи—можно было хоть срисовывать отсюда и узнавать всякую ихъ отдѣльную вершину. А на первомъ планѣ, на бархатисто-мягкомъ фонѣ этихъ широкихъ и свѣтлыхъ далей, которыя знаетъ только счастливый солнечный югъ, передъ нами вырѣзались неожиданною волшебною декораціею колоннады огромнаго античнаго храма.

Мы были у знаменитаго Аполлонова святилища въ Бассе. Этотъ древній дорическій храмъ, до суровости простой и строгій, высилъ въ царственномъ одиночествѣ ряды своихъ величественныхъ колоннъ среди сѣрыхъ камней и торчащихъ кругомъ сѣрыхъ известковыхъ утесовъ,—самъ такой же сѣрый, какъ они, сложен-

ный изъ такого же голаго безплоднаго камня, какъ и вся эта безплодная гористая пустыня, только кое-гдѣ осѣненная рѣдкими дубами, кое-гдѣ скупо пробрызнувшая тощею зеленью травъ и хлѣбовъ... Храмъ свѣтлому богу солнца такъ кстати приподнятъ былъ поближе къ солнцу, въ заоблачныя вершины горъ. На этой высотѣ своей онъ былъ виденъ издалека, съ голубыхъ водъ морей, омывающихъ Грецію, сверкая когда-то бѣлыми мраморами своей кровли и рѣзныхъ карнизовъ, давно уже теперь обрушившихся.

Онъ сохранился, однако, въ изумительной цѣлости для 24-хъ вѣковъ, имъ прожитыхъ. Фигалійцы построили его въ самомъ началѣ V-го вѣка до Р. Хр., соревнуя съ прогремѣвшимъ по всему эллинскому міру Пареенономъ Аѳинъ, и въ строители пригласили Иктиноса, того самаго знаменитаго художника, который создалъ Пареенонъ. Онъ и похожъ на Пареенонъ, а еще больше на храмъ Тезея въ Аѳинахъ.

Обвалились всего только три колонны изъ 38 колоннъ перистиля, и ихъ отсутствіе почти не бросается въ глаза. Массивный архитравъ, сложенный изъ громадныхъ камней, почти вездѣ еще покоится на плинтусахъ дорическихъ столбовъ, поднимающихся снизу безъ всякихъ базисовъ. Портикъ храма хотя уже вездѣ сильно потрескался, а мѣстами и обрушился, установленъ на террасѣ, спускающейся тремя ступенями во всѣ стороны. Съ короткихъ фасадовъ, гдѣ были фронтоны, по шести колоннъ, съ длинныхъ боковыхъ— по 15. Это довольно обычная форма древнѣйшихъ храмовъ, такъ называемый „гексастилосъ“, т.-е. шестистолбникъ. Какъ во всѣхъ храмахъ этого стиля—тутъ были: притворъ—пронáосъ; зала храма, или целла, и заднее сокровенное помѣщеніе — опистодóмосъ. Стѣны, окружавшія целлу и отдѣлявшія ее отъ пронаоса и опистодомоса, теперь разрушены; украшавшія ихъ внутри массивныя полуколонны обвалились на половину, кромѣ одной, уцѣлѣвшей пока вполнѣ. Впрочемъ греческое правительство, очевидно, заботится о поддержкѣ этихъ замѣчательно сохранившихся развалинъ, потому что всѣ почти колонны перистиля починены и скованы въ необходимыхъ мѣстахъ. Жаль только, что для укрѣпленія поврежденныхъ частей употребили какую-то красную замазку, которой яркія пятна непріятнымъ образомъ нарушаютъ строгую цѣльность впечатлѣнія этихъ маститыхъ колоннадъ... Аполлоновъ храмъ въ Бассе открылъ случайно путешествовавшій французскій архитекторъ. До тѣхъ поръ никто, кромѣ мѣстныхъ пастуховъ, ничего не вѣдалъ о немъ, и только въ началѣ нынѣшняго столѣтія произведены были въ немъ археологическія раскопки,

между прочимъ нашимъ русскимъ археологомъ барономъ Штакельбергомъ, который первый и издалъ описаніе храма. Найденныя въ развалинахъ его превосходныя скульптурныя „метопы", изображающія битвы грековъ съ амазонками и кентаврами, были потомъ куплены англичанами и считаются теперь однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ археологическихъ сокровищъ Британскаго музея. Найдены были также подъ обломками храма куски колоссальной мраморной статуи Аполлона; другая же нѣкогда славная статуя этого бога, вылитая изъ бронзы, была увезена изъ храма еще въ древности и поставлена среди площади города Мегалополиса.

Въ настоящее время вся внутренность храма и подступы къ нему завалены грудами мраморныхъ и каменныхъ обломковъ, подъ которыми несомнѣнно можно найти еще много интересныхъ для археолога вещей.

Обошли, осмотрѣли добросовѣстнѣйшимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, снаружи и снутри, жарясь на полдневномъ солнцѣ, храмъ солнечнаго бога, и усѣлись, наконецъ, подъ тѣнью дуба, на одномъ изъ огромныхъ суставовъ развалившейся колонны, позавтракать, чѣмъ Богъ послалъ изъ своихъ походныхъ запасовъ.

Должно быть, это былъ тоже часъ отдыха стадамъ овецъ и козъ, которыя паслись на скалахъ еще повыше насъ, и которымъ теперь хотѣлось спрятаться немножко отъ черезчуръ горячихъ лучей солнца. По крайней мѣрѣ, цѣлые потоки ихъ потекли вдругъ на насъ съ голыхъ известковыхъ утесовъ и поочередно заливали своею движущеюся и тревожно блеющею курчавою волною—развалины храма, кощунственно взбираясь на его поверженные архитравы и столбы, профанируя священные предѣлы бѣлаго опистодомоса и целлы—наглядными слѣдами своего пребыванія.

Греческіе мальчишки-пастушенки—всѣ статные красавцы съ полунагими бронзовыми ногами, черноглазые, чернокудрые, съ густымъ грубымъ румянцемъ солнечнаго загара, сильные, гибкіе, проворные и вмѣстѣ пугливые, какъ дикіе звѣрки.

Они не бѣгутъ и не прыгаютъ, а какъ-то переносятся по воздуху свободно, легко, незамѣтно, едва касаясь камней своими, какъ кремень, крѣпкими ногами, закинувъ на плечи длинныя крючковатыя горлыги, безъ всякихъ шапокъ на головѣ, несмотря на зной лѣтняго полдня.

Но тутъ не одни пастухи, тутъ и пастушки,—такія же молоденькія, такія же голоногія и простоволосыя, такія же бронзовосмуглыя, сильныя, проворныя и пугливыя, какъ и мальчишки, отъ которыхъ даже трудно отличить ихъ. Онѣ гонятъ своихъ

козъ съ огромными желѣзными колоколами, подвѣшанными къ шеѣ, и этотъ грубый кострюльный звонъ кажется мелодическимъ въ оригинальной обстановкѣ древнихъ развалинъ, въ чистомъ и рѣдкомъ воздухѣ заоблачной пустыни.

Раза четыре овладѣвали на нашихъ глазахъ колоннадами храма одно стадо за другимъ и отливали потомъ дальше, подъ сѣнь разбросанныхъ деревьевъ и кустовъ...

Но вотъ въ этой пустынѣ неожиданно появились и всадники, тоже спустившіеся откуда-то сверху, словно упали къ намъ съ неба, какъ снѣгъ на голову. Это три грека верхами на осликахъ, отправляющіеся куда-то за камнями для своихъ построекъ. Они въ первый разъ были въ этой мѣстности и съ любопытствомъ подъѣхали осмотрѣть развалины. Вѣжливо привѣтствовавъ насъ, они стали разспрашивать нашего драгомана про насъ и про древній храмъ. Легкомысленный Димитрій не былъ, однако, силенъ въ исторіи и археологіи и долженъ былъ прибѣгнуть къ моей помощи, чтобы объяснить своимъ любознательнымъ соотечественникамъ, что̀ именно за штуку видятъ они передъ собою. Въ расплату за эти свѣдѣнія, агоятъ нашъ, повидимому, не особенно твердо знавшій эти горныя тропинки, разспросилъ ихъ самымъ подробнымъ образомъ, какъ ближе и лучше пробраться намъ на Дьяволицу. Кстати, они ѣхали въ томъ же направленіи—и мы могли слѣдовать за ними. Но когда пришлось собирать нашихъ лошадей, поднялся гвалтъ. Лошади забрались въ какой-то посѣвъ вмѣстѣ съ козами двухъ злополучныхъ пастушекъ, и выскочившій откуда-то хозяинъ посѣва очень шумно и грозно требовалъ возмездія за потоптанный хлѣбъ и съ козъ, и съ лошадей. Не знаю, на чемъ поладилъ съ нимъ послѣ отчаянной перебранки нашъ агоятъ,—кажется, онъ просто воспользовался ариѳметическимъ преимуществомъ пяти противъ одного,—по крайней мѣрѣ, мы безъ дальнѣйшихъ приключеній стали спускаться внизъ. Даже туземцы не совѣтовали оставаться на сѣдлѣ во время этого невозможнаго спуска. Я велъ за руку жену, чтобы поддержать въ опасныхъ мѣстахъ, но минутами просто не зналъ, куда ступить и какъ удержаться на совершенно обсыпавшейся, слизанной дождями тропинкѣ, чуть протоптанной по высочайшему карнизу скалъ, надъ головокружительной пропастью. Зато часто стали встрѣчать пріятную лѣсную тѣнь и прекрасные горные родники подъ сѣнью платановъ и падубовъ. Въ этихъ укромныхъ уголкахъ, благословляемыхъ путешественниками—почти всегда отдыхающія живописныя группы пѣшеходовъ и всадниковъ.

Деревня Драгой, опять съ славянскимъ именемъ, какъ и многія

сосѣднія селенія, стоитъ на обрывистомъ мысѣ рѣчной долины. Мы отдохнули около нея часокъ на голышахъ рѣки Неды, подъ тѣнью платановъ, и опять пустились въ путь. Мы думали, что попали, наконецъ, въ ровныя мѣста, что дорога пойдетъ отсюда гораздо лучше. Но наше разочарованіе было, по истинѣ, ужасно, и я увѣренъ, что самое мѣстечко Дьяволица названо было такъ именно потому, что проѣхать къ ней можно только этимъ дьявольскимъ путемъ.

Было бы безполезнымъ повтореніемъ того, что̀ я уже не разъ описывалъ раньше, говорить о всѣхъ тѣхъ неодолимыхъ кручахъ, непроходимыхъ каменныхъ осыпяхъ, невозможныхъ тропинкахъ-ловушкахъ, на которыхъ мы осуждены были мучиться долгіе часы сряду. Вдобавокъ то-и-дѣло нужно было продираться черезъ колючія заросли лѣсовъ, обрывая платье, ежеминутно оставляя шляпы на сучьяхъ деревьевъ.

VIII. — Походъ въ Дьяволи́цу.

Какъ ни выносливъ я въ пути, какъ ни привыченъ ко всякаго рода походнымъ испытаніямъ,—но и я мучился жестоко и внутренно проклиналъ нашего агоята, окончательно усомнившись въ его знакомствѣ съ здѣшними дорогами и убѣжденный, что онъ ведетъ насъ наугадъ. Послѣ я убѣдился горькимъ опытомъ, что въ Греціи, въ тѣхъ безчисленныхъ углахъ, куда еще не построены въ послѣднее время ея немногочисленныя желѣзныя дороги или правительственное шоссе, не существуетъ другихъ путей сообщенія. Идти пѣшкомъ тутъ тоже нельзя: острые, безпорядочно-наваленные камни уничтожаютъ сразу и ногу, и обувь. Жена страдала въ героическомъ молчаніи, ощущая наболѣвшими нервами каждый камень, каждый невѣрный шагъ лошади. Даже недоступный никакимъ впечатлѣніямъ агоятъ Дмитрій, гнусившій въ томительные часы безконечныхъ подъемовъ и спусковъ свои заунывныя, совсѣмъ немелодическія греческія пѣсни, и тотъ, кажется, повѣсилъ носъ и уморился не на шутку. Продольныхъ долинъ тутъ нѣтъ, а на всякомъ шагу круглыя, отовсюду запертыя котловины, изъ которыхъ непремѣнно приходится перелѣзать, словно черезъ стѣны, черезъ крутѣйшія горы въ сосѣднія котловины. Пейзажъ не разнообразится ни водопадами, ни озерами, ни ледниками, какъ въ Швейцаріи. Горы обросли только въ нижней половинѣ лѣсами изуродованнаго дуба, а вверху суровы и голы. Я утѣшаю себя только тѣмъ, что мы узнаемъ настоящую,

а не декоративную Грецію, ея внутренніе домашніе покои, а не одну парадно-устроенную гостиную. Эти разобщенные другъ отъ друга горные уголки, безъ сомнѣнія, имѣли важное значеніе въ развитіи греческой жизни, греческаго народнаго характера, и отразились на исторіи грековъ. Тутъ поймете не только мыслью, но и ребрами своими, существованіе на такомъ маленькомъ полуостровѣ, какъ Пелопоннесъ, множества независимыхъ республикъ и общинъ. Изучая исторію и поэзію грековъ, необходимо имѣть въ виду эти пути сообщенія, эту трудовую и скудную ихъ жизнь, дающую имъ каждый кусокъ хлѣба Богъ знаетъ какою цѣною. Хотя горецъ свыкся съ своими горами, какъ русскій крестьянинъ съ снѣгами своихъ равнинъ, а все-таки жаль такой безполезной траты силъ, и непонятно, ради чего люди залѣзаютъ въ такія недоступныя трущобы, гдѣ удобно жить только птицамъ, когда, кажется, столько еще вездѣ свободныхъ и сравнительно привольныхъ мѣстъ. Но вкусы и влеченія человѣка—неразрѣшимая загадка. Къ тому же тяжелыя историческія обстоятельства прежнихъ вѣковъ, заставлявшія грековъ искать себѣ безопаснаго убѣжища, хотя бы за пропастями и облаками, даютъ достаточно вѣское объясненіе этому стремленію его къ горнымъ высотамъ. Впрочемъ, прежніе люди, да и теперешній туземецъ этихъ горъ, не были избалованы, какъ мы, современные европейцы, комфортомъ роскошныхъ вагоновъ и каютъ-компаній, и не знали другихъ способовъ передвиженія. Цари путешествовали верхомъ и пѣшкомъ по этимъ самымъ привычнымъ имъ горнымъ тропамъ, проводя дни и недѣли подъ открытымъ небомъ, не мучась нетерпѣніемъ, закаленные противъ непогоды и трудности пути. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь есть особенная поэзія въ этомъ медленномъ странствованіи по лѣсамъ и горамъ, въ сообществѣ простодушныхъ горцевъ, сидя на свѣжемъ воздухѣ среди величественнаго пейзажа заоблачныхъ пустынь. Это чувство наполняетъ и мое сердце всякій разъ, какъ окончится слишкомъ уже невыносимый подъемъ или спускъ, и начинается возможный путь. Въ эти минуты оживаютъ почему-то воспоминанія далекаго дѣтства, еще крѣпостной эпохи, когда приходилось ѣздить по нѣскольку сотъ верстъ „на долгихъ", терпѣливо вынося толчки и тряску рогожной кибитки, не выходя подолгу изъ отрезвляющихъ волнъ народной и природной жизни. Павелъ апостолъ тоже, должно быть, пѣшкомъ проходилъ съ своими немногочисленными учениками эти глухія дебри Греціи, насаждая въ нихъ первыя сѣмена религіи и любви,—и уже, навѣрное, не жаловался, какъ мы, на тернистость своего пути. Но Гомеровы поэмы наводятъ меня на

мысль, что въ древнѣйшіе вѣка Пелопоннесъ былъ, повидимому, цивилизованнѣе относительно путей сообщеній, чѣмъ средневѣковая и даже современная намъ Греція. По крайней мѣрѣ „сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный“, у него разъѣзжаетъ совершенно свободно по дорогамъ Пелопоннеса, сначала въ Пилосъ блистательный, потомъ изъ Пилоса „въ царственный градъ Лакедѐмонъ, холмами объятый“, и оттуда опять въ „Нелеевъ градъ пышный Пилосъ“; вмѣстѣ съ другомъ своимъ „Несторовымъ сыномъ Пизистратомъ“, не верхомъ, а въ колесницѣ, чего ни въ какомъ случаѣ невозможно бы было продѣлать даже героямъ Гомера по теперешнимъ горнымъ дорогамъ Греціи.

Путники снова въ свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчалися звонкій,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Скоро достигли они до великаго Пилоса-града.

А что такіе же колесные пути сообщенія существовали тогда во всей Греціи, а не въ одномъ Лакедемонѣ, это видно изъ разговора съ Телемакомъ „Атрида Менелая, вызывателя въ бой“:

Если-жъ ты хочешь Аргосъ посѣтить и объѣхать Элладу,
Самъ я тебѣ проводникъ; дай коней лишь запречь въ колесницу.
Многихъ людей города покажу я...

Винограда давно уже не видно; кругомъ все рѣденькій овесъ да ячмень, на скудныхъ пастбищахъ однѣ козы. Хозяйство совсѣмъ первобытное, какъ во дни Полиѳема, — пастыря-циклопа.

Въ иныхъ мѣстахъ посмотришь на верхъ съ высоты уже достаточно высокой горы, и видишь, Богъ знаетъ еще на какой высотѣ, тропинку, что вьется чуть не на самое небо, и отказываешься вѣрить, чтобы по ней можно было идти или ѣхать. А между тѣмъ выше этой тропы, тамъ же за облаками, мелькаютъ домики селенья, и черезъ полъ-часа, черезъ часъ, ты уже съ своимъ неутомимымъ конькомъ мѣряешь, одну за другою, капризныя петли этой тропы. Самое лучшее для нервнаго человѣка— не оглядываться по сторонамъ, не смотрѣть ни внизъ, въ провожающія васъ сбоку пропасти, ни вверхъ, гдѣ такъ жутко даже взглянуть на ожидающую васъ кручу, а сосредоточить все свое вниманіе на томъ вершкѣ каменистаго пути, по которому двигается въ эту минуту ваша многострадальная лошадь. Дошли, долѣзли, наконецъ, до темени нескончаемой горы, и вѣтерокъ такъ пріятно охватываетъ здѣсь наши головы послѣ тѣсноты каменныхъ ущелій и гущи лѣсовъ. Изъ одинокаго домика выскочили поглядѣть на насъ грекъ съ своей гречанкою и дѣтиш-

ками. Онъ увѣряетъ, что теперь не далеко, что сейчасъ увидимъ Дьяволицу. Лошади не успѣли сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по ровной глади, какъ передъ нами словно распахнулась вдругъ вся эта горная страна и глубоко внизу засверкала, зазеленѣла, охваченная рамкою горъ, далеко убѣгающая къ морю широкая плодоносная долина.

До сихъ поръ мы двигались гористымъ рубежемъ, отдѣляющимъ Мессенію отъ неприступной Аркадіи, а теперь переваливаемъ въ благодатную равнину Мессеніи, издревле кормилицу Пелопоннеса. Дьяволъ, искушавшій Христа, могъ бы поставить Его на той горѣ, гдѣ мы теперь стояли, и соблазнять Его красотою міра, открывающагося съ вершины этой горы. Долина рѣки Левказіи, древняго Памизоса, видимая намъ теперь съ птичьяго полета, — одинъ сплошной садъ оливъ, апельсиновъ, гранатъ и всякихъ южныхъ плодовъ, одна сплошная, тянущаяся на многія версты, плантація табака и винограда. Многочисленные городки, деревеньки, одинокія фермы—тонутъ въ этой роскошной зелени рѣчной низины, едва не сливаясь другъ съ другомъ. Сзади оттѣняютъ эту радостную весеннюю свѣжесть садовъ и рощъ веселые бѣленькіе домики человѣческаго жилья, туманно-лиловый хребетъ лакедемонскихъ горъ, изъ-за горбовъ котораго сверкаетъ далекими снѣгами, словно на воздухѣ нарисованный, Тайгетъ. Съ нашей стороны тянутся другія горныя громады, гораздо болѣе близкія, выдвигаясь другъ изъ-за друга лапами, медвѣжьими хребтами, гигантскими горбушками. Всѣ горные мысы и заливы южнаго берега Греціи: Матапанъ, Каламатскій заливъ, — видны намъ отсюда, какъ на живой ландкартѣ. Море загораживаетъ больше всѣхъ громадная трапеція Вуркано, у котораго развалины древней Мессеніи,—цѣль нашего теперешняго похода. А на первомъ планѣ, живописно вырѣзаясь на темно-мраморномъ туманѣ всѣхъ этихъ синеватыхъ, голубыхъ, лиловыхъ и дымчатыхъ далей,—ярко освѣщенные дома-бойницы деревни Сирдіа, картинно торчащіе на вершинѣ пирамидальнаго холма. Агоятъ Дмитрій охваченъ патріотическимъ восторгомъ и чувствуетъ, что мы вознаграждены имъ теперь за всѣ свои походныя злополучія. Онъ съ увлеченіемъ указываетъ намъ дороги въ Спарту и въ Мессену, отыскиваетъ намъ Вуркано, Дьяволицу, Каламату, соблазняя насъ, какъ злой духъ, продолжать свой путь на его настрадавшихся конькахъ, несмотря на то, что среди садовъ Дьяволицы мы уже видимъ гораздо болѣе соблазнительные для насъ дымки желѣзнодорожнаго поѣзда, бѣгущаго вдоль мессенской долины до самой Каламаты, стало быть, до берега моря,

до парохода!.. Но мы уже твердо рѣшились пересѣсть въ Дьяволицѣ на желѣзную дорогу, и въ настоящемъ настроеніи своемъ готовы завѣщать своимъ дѣтямъ, чтобы они подождали посѣщать горныя трущобы Греціи, по крайней мѣрѣ до изобрѣтенія воздушныхъ поѣздовъ, съ которыхъ, безъ сомнѣнія, прекрасно можно будетъ изучать всѣ красоты этой древней страны. Вотъ курскіе соловьи, тѣ не нуждаются въ воздушныхъ шарахъ,—прилетѣли себѣ спокойно, не вѣдая греческихъ дорогъ и греческихъ сѣделъ, въ греческіе лѣса, и распѣваютъ себѣ теперь тамъ, словно въ родныхъ рощахъ Рати и Тускаря. Съ радости мнѣ показалось, что испытаніямъ нашимъ пришелъ, наконецъ, конецъ, что теперь пойдемъ мы легко и весело катиться, какъ по маслу, внизъ по дорожкѣ столбовой. Равно же тутъ опять кактусы, алоэ, оливы, всѣ обаянія юга. Но разочарованіе наше было болѣе, чѣмъ жестоко. Вмѣсто дороги опять развернулась у нашихъ ногъ, віясь какъ кольца безконечной змѣи и все время прячась въ колючихъ чащахъ лѣса, глубокая и узкая водороина, занесенная цѣлыми потоками огромныхъ камней, среди хаоса которыхъ поминутно спотыкались и обрывались даже стальныя ноги нашихъ горныхъ лошадокъ. А тутъ еще, вдобавокъ ко всѣмъ удовольствіямъ, одинъ жеребчикъ, до сихъ поръ спокойно тащившій наши чемоданы и сакъ-вояжи, восчувствовалъ вдругъ какое-то весеннее настроеніе духа и сталъ обнаруживать самый буйный нравъ, бросаясь на нашихъ лошадей, кусая и толкая ихъ въ такихъ трудныхъ мѣстахъ, гдѣ и безъ его неожиданныхъ аттакъ коньки наши едва одолѣвали крутизны спуска. Напугалъ онъ немного насъ, но агояты его скоро скрутили и привели въ должное повиновеніе, не упустивъ, однако, всыпать ему за его черезчуръ вольнолюбивый порывъ изрядное число нагаекъ. Вечеръ надвигался быстро, мы выбивались изъ силъ, лошади тоже, и рѣшено было заночевать, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Дьяволицы, въ селѣ Богати. Это—прехорошенькое мѣстечко, полное двухъ- и трехъ-этажныхъ домовъ; въ нижнихъ ярусахъ ихъ ни одного окна, безъ сомнѣнія на случай бывшихъ здѣсь опасностей. Въ селеньѣ двѣ большія церкви, построенныя въ видѣ домовъ, на подобіе лютеранскихъ. Въѣхали мы въ мѣстечко мимо водяной мельницы, прямо по ручью, черезъ заваливающіе его груды камней. Здѣсь это и дорога, и улица. Пускаетъ тутъ къ себѣ только единственный хозяинъ, богатый лавочникъ и владѣлецъ нѣсколькихъ домовъ. Драгоманъ нашъ знакомъ съ нимъ по военной службѣ, и онъ встрѣтилъ насъ весьма привѣтливо. Но хотя самъ онъ былъ разодѣтъ щеголемъ, въ бѣлой какъ

снѣгъ пышной фустанеллѣ, въ домѣ его оказалась обычная греческая нечистота и безпорядокъ. Лечь было безопаснѣе всего на дырявомъ, насквозь свѣтившемся полу, потому что ни до какой мебели невозможно было прикоснуться. Намъ постлали по серединѣ комнаты коверъ и матрацы, а жена моя обсыпала кругомъ наше ложе цѣлою фортификаціонною системою изъ далматскаго порошка. Впрочемъ, намъ удалось, прежде чѣмъ улечься спать, устроить русскій чай съ лимономъ, сварить вкусный бульонъ съ яйцами и яйца въ смятку, въ прибавокъ къ цыплятамъ и вину, которымъ мы запаслись раньше, такъ что ужинъ нашъ вышелъ даже роскошнымъ въ своемъ родѣ. Хозяйка, дебелая красавица, выбивалась изъ силъ, чтобы услужить такимъ рѣдкимъ и далекимъ гостямъ...

Невольницы хлѣбъ принесли имъ въ корзинахъ;
Отроки свѣтлымъ напиткомъ до края имъ налили чаши;
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ лакомой пищей, вошло имъ
Въ сердце иное желанье—

но не „сладкаго пѣнья и пляски", какъ героямъ Одиссеи, а только „сладкаго сна".

Достигнуть этого было не особенно легко, если принять въ соображеніе постоянный пискъ дѣтишекъ, раздававшійся цѣлый вечеръ изъ хозяйскихъ покоевъ, гдѣ вся семья сидѣла на полу вокругъ очага-камина, прикрытаго сверху жестянымъ шатромъ. Комнаты этихъ зажиточныхъ хозяевъ набиты матрацами, одѣялами, подушками, коврами, сундуками и всякою домашнею всячиною, какъ добрая кладовая, но вездѣ возмутительный безпорядокъ и грязь. Ночью то-и-дѣло будили насъ ослы, ревѣвшіе въ своей весенней ревности другъ къ другу яростно и громко, какъ іерихонскія трубы. А подъ нашимъ сквознымъ поломъ все время бѣгали и ссорились, топая ножками, будто подкованными сапогами, и немилосердно звеня своими желѣзными колоколами, безпокойныя козы. Зато въ открытыя широкія отверстія оконъ, никогда не имѣющія рамъ и стеколъ въ этой благодатной странѣ, и только прикрываемыя въ холодное время деревянными ставнями, —не шелохнется мягкій и сладостный воздухъ теплой греческой ночи. Сады дышатъ прямо къ намъ въ комнату своими южными ароматами съ обѣихъ сторонъ дома. Народъ спитъ уже наружи, какъ у насъ, въ развалъ лѣта, хотя еще май на дворѣ. А въ комнатѣ у насъ, несмотря на отворенныя настежъ окна, духота, отъ которой дѣться некуда. Верховая ѣзда еще больше разгорячила кровь, и никакимъ лимонадомъ не отопьешься отъ муча-

щаго тебя внутренняго жара. За ночлегъ, за горячую воду для супа, 6 яицъ и 2 стакана козьяго молока хозяинъ взялъ съ насъ десять драхмъ (греческихъ франковъ), но хозяйка по здѣшнему обычаю тоже должна была получить какой-нибудь подарокъ отъ путешественниковъ, и съ этою цѣлью явилась къ моей женѣ съ ребенкомъ на рукахъ и апельсиномъ въ презентъ. Выѣхали мы изъ Богати только въ 7 часовъ утра. Кругомъ все виноградники, сады фигъ, орѣховъ, шелковицъ, оливокъ. Здѣсь разводятъ много шелковичныхъ червей и разматываютъ шолкъ. Заборы — все непролазная чаща кактусовъ. Ручьи и рѣчонки на каждомъ шагу; воды изобиліе. Куда ни глянь, всюду цвѣтущее плодородіе. Тутъ я въ первый разъ научился отличать виноградъ-коринку отъ винограда виннаго. Кусты коринки имѣютъ лозы длинныя, густыя, многочисленныя, оттого и ягоды ихъ мельче. Для вина же виноградъ обрѣзается гораздо сильнѣе, и въ кустѣ оставляется менѣе лозъ, чтобы ягоды наливались крупнѣе и сочнѣе. Дорога среди виноградниковъ подъ тѣнью тутовъ и оливъ ровная и легкая, но зато жаръ печетъ здѣсь далеко не такъ, какъ въ горныхъ лѣсахъ; въ восемь часовъ утра лучи солнца уже невыносимы. Мы теперь на днѣ той же „Макаріи", т.-е. „благословенной" страны, которою любовались вчера сверху. Одна изъ лапъ горнаго хребта, впадающихъ въ эту равнину, провожаетъ ее слѣва своими обрывами. На скатѣ ея—деревня св. Константина, гдѣ много древнихъ камней съ надписями византійской эпохи, деревня св. Власія и другія, тоже съ воспоминаніями христіанской, а не языческой древности. Напротивъ—гора Эленика съ романтическими развалинами стариннаго замка. Къ ней примыкаютъ и высоты Дьяволицы. Такъ странно было увидѣть въ этой средневѣковой обстановкѣ маленькій вокзальчикъ желѣзной дороги. У кофейни, за этимъ вокзальчикомъ, сидѣло подъ деревомъ, вокругъ столика, нѣсколько грековъ. Мы тоже подъѣхали къ нимъ, и такъ какъ поѣздъ долженъ былъ прибыть только черезъ нѣсколько часовъ, спросили себѣ отдѣльную комнату. Насъ повели по высокой наружной лѣстницѣ въ большую комнату, занявшую весь верхній ярусъ надъ кофейнею.

Ставни были закрыты, и въ комнатѣ царствовала отрадная прохлада. Топчаки, стоявшіе кругомъ стѣнъ, были покрыты грубыми домашними одѣялами и коврами, и цѣлая кипа такихъ же ковровъ, одѣялъ и матрацевъ стояла на полу. Греція въ этомъ отношеніи совсѣмъ напоминаетъ азіатскій Востокъ, турокъ, татаръ, сартовъ, лезгинъ и арабовъ. Половина комнаты заставлена огромными рѣшетками на ножкахъ, на которыхъ настланы слои

тутовыхъ листьевъ и кишатъ бѣлые шелковичные черви. Тутъ же стоятъ густые вѣники тамарикса, въ жесткихъ метелкахъ котораго черви эти ползаютъ и вьютъ свои коконы. Никто тутъ не гнушается этой вонючей гадины. Бабы ссыпаютъ ихъ горстями куда нужно; дѣти играютъ ими и хладнокровно давятъ ихъ пальцами. Возня съ червями вообще большая. Женщины цѣлые дни перебираютъ ихъ, отбрасывая больныхъ и мертвыхъ, присыпая свѣжихъ листьевъ. Во дворахъ, въ садахъ, на дорожкахъ виноградниковъ, вездѣ торчатъ наверху шелковичныхъ деревьевъ мальчишки и дѣвчонки, безостановочно рвущіе эти свѣжіе листья, которые съ немолчнымъ чавканьемъ пожираются на вашихъ глазахъ копошащимися миріадами этихъ ползучихъ гадинъ. Сейчасъ видно, что вся хозяйственная жизнь греческаго дома теперь въ шелковичныхъ червяхъ. Зато и сами черви ростутъ просто на вашихъ глазахъ не по часамъ, а по минутамъ, изъ крошечныхъ червячковъ превращаются въ жирныхъ и крупныхъ гусеницъ, изъ гусеницъ въ коконы... Вѣники тамарикса сплошь уже окутаны дымкою паутины, сквозь которую, какъ сквозь кисею, бѣлѣютъ яички коконовъ, желтѣютъ ползающіе черви.

Въ здѣшнихъ греческихъ домахъ, также какъ вездѣ, каминъ-очагъ прямо на полу; кругомъ его виситъ и стоитъ разная посуда и домашнія вещи. Солнце не проникаетъ сквозь крышу, потому, что черепица стелется на слои камыша, слегка напоминающаго бамбукъ, и этотъ камышъ виденъ намъ снизу вмѣсто потолка. Отдыхая, мы все время слышали внизу подъ нами крикливый голосъ народнаго учителя, „демоди даскалоси“, и шумъ школьнаго улья, которымъ онъ командовалъ. Громкое и дружное зубренье по очереди смѣшивалось съ духовными и свѣтскими пѣснями дѣтворы. Въ Андриценѣ мы тоже слышали съ утра зубрежку юноши, ходившаго въ школу, и изумлялись, до какой степени похожи на наши тоны и пріемы здѣшней школьной зубрежки. Насъ поразило въ домахъ этого православнаго города совершенное отсутствіе иконъ. Ихъ нѣтъ ни въ деревняхъ, ни въ городахъ. Правда, драгоманъ увѣрялъ насъ, будто греки считаютъ оскорбительнымъ для иконы вѣшать ее въ жилыхъ комнатахъ, гдѣ часто произносятся и даже дѣлаются непристойныя вещи, но будто бы въ каждомъ домѣ есть икона излюбленнаго святого въ одной изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ не спятъ. Мы однакоже нигдѣ не видѣли ихъ. Точно также греки никогда не крестятся, садясь за обѣдъ, вставая изъ-за обѣда, какъ это дѣлаетъ русскій народъ. Въ Дьяволицѣ мы от-

пустили своего агоята Дмитрія Мерѐудитиса, оплативъ ему съ каждой лошадиной головы не только за дни нашего путешествія, но и столько же дней его возвращенія въ Олимпію. Этотъ греческій „долгій извозчикъ" былъ въ большомъ удовольствіи отъ русской щедрости, такъ какъ послѣднюю прибавку мы сдѣлали ему сверхъ уговора, да еще по русскому обычаю подарили, конечно, на чай. Кромѣ того, онъ очень дорожилъ вписанной въ его книжку рекомендаціей и обѣщаніемъ моимъ упомянуть о немъ въ своихъ будущихъ путевыхъ очеркахъ, такъ что прощанье съ нимъ вышло даже трогательнымъ. Мы долго колебались, соблазняясь ровными дорожками долины, не поѣхать ли намъ въ монастырь Вуркано, изъ котораго обыкновенно осматриваютъ развалины древней Мессены, опять верхами, такъ какъ все равно въ Цеферемини придется вылѣзать изъ желѣзнодорожнаго вагона и нанимать тамъ лошадей до Вуркано, что̀ выйдетъ пожалуй и дороже, и неудобнѣе. Но благоразуміе взяло верхъ, и мы рѣшились хотя этотъ недлинный кончикъ сдѣлать съ нѣкоторымъ удобствомъ, чтобы дать немножко отдохнуть изломаннымъ хребтамъ, ногамъ и ребрамъ, чѣмъ впослѣдствіи я былъ очень доволенъ. Желѣзная дорога отходила на югъ въ Каламату въ часъ 35 минутъ дня. Намъ отвели довольно покойное, хотя не особенно изящное купе І-го класса, котораго незамѣнимое достоинство состояло въ томъ, что кромѣ насъ двухъ въ немъ не было ни души. Благодаря стекляннымъ боковымъ стѣнкамъ вагоновъ, которыя къ тому же всѣ опускаются и даютъ вольный притокъ бодрящему душу сквозному вѣтерку, мы все время могли любоваться и направо, и налѣво, и впереди себя картинами этой прелестной „благословенной" долины, кишащей всякимъ земнымъ и воднымъ обиліемъ, и окружающихъ ее горъ... Весенніе разливы Левказіи еще не вобрались въ свои берега и вездѣ сверкаютъ своими зеркальными озерами, заливами и притоками. Низины ея береговъ, также какъ всѣхъ ручейковъ и водороинъ, несущихъ въ нее свои воды — сплошныя безконечныя корзины цвѣтущихъ олеандровъ. Листьевъ ихъ не видно изъ-за густыхъ свѣтлорозовыхъ шапокъ, прелестныхъ и нѣжныхъ какъ лучи утренней зари. Болѣе весенняго и болѣе радостнаго вида, какъ эта сочная зеленая долина, вся увитая, будто невѣста, гирляндами розовыхъ цвѣтовъ, мнѣ не случалось видѣть нигдѣ. Невольно напоминала она стихи Гомера:

Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ, и злаковъ полные сочныхъ;
Когда бы въ то мѣсто вошелъ и безсмертный
Богъ,—изумился бъ, и радость въ его проникла бы сердце

Дорога сначала поднималась сильно вверхъ, такъ что въ Мелигалѣ мы были на высотѣ 100 метровъ надъ моремъ, потомъ стала постепенно спускаться къ морю, и въ Цеферемини я прочелъ на желѣзнодорожномъ столбикѣ уже 26 метровъ. Здѣсь намъ нужно было выходить и нанимать верховыхъ лошадей въ Вуркано и къ развалинамъ Мессены; наняли, къ счастью, довольно скоро и довольно дешево, за 25 франковъ туда и обратно трехъ лошадей для насъ и драгомана, не считая проводниковъ, съ условіемъ переночевать въ монастырѣ сколько намъ потребуется. Цеферемини—богатое и красивое мѣстечко съ хорошими двухъэтажными домами, какъ всѣ здѣшнія селенья, съ большою хорошею церковью. Народъ весь на улицѣ, передъ дверями кабачковъ, подъ тѣнью деревьевъ, за трубками, кофеемъ, болтовней. Но фустанеллы уже тутъ нѣтъ, а все какіе-то итальянцы въ узко обтянутыхъ панталонахъ, въ короткихъ до-нѣльзя безрукавныхъ курточкахъ, расшитыхъ снурками, въ соломенныхъ шляпахъ. И лица тоже тонкія, южныя, совсѣмъ итальянскія. Тутъ уже не придетъ на умъ никакая славянщина. Наши три проводника—молодцы на подборъ, хотя и смотрятъ немножко бандитами. Они такъ увѣренно и твердо шагаютъ по каменистымъ тропамъ впереди своихъ лошадей, что невольно напоминали мнѣ рисунки Флаксмана къ Иліадѣ и Одиссеѣ, гдѣ Телемакъ съ посохомъ въ рукѣ идетъ могучею широкою поступью своихъ мужественныхъ ногъ вслѣдъ за своимъ другомъ Менторомъ на розыски отца. Да, тутъ умѣютъ люди ходить, тутъ они успѣли выучиться ходьбѣ за четыре прожитыхъ тысячелѣтія... Мы переѣхали единственный видѣнный нами до сихъ поръ въ Греціи прекрасный мостъ черезъ Памизосъ и сейчасъ же стали подниматься въ гору, сначала кустами, потомъ прекраснымъ оливковымъ лѣсомъ, потомъ опять обрывами и кустами. Послѣ путей изъ Олимпіи въ Дьяволицу—самая плохая дорога кажется легкою, а тутъ все-таки сколько-нибудь подготовленная дорога, даже выложена мѣстами камнемъ, а не сплошная костоломка. Вольный греческій гражданинъ, предлагавшій намъ на станціи довести насъ пѣшкомъ до монастыря и помогавшій намъ выручать свой багажъ, оказался удивительнымъ образомъ значительно впереди насъ, уже подъ монастыремъ. Онъ не былъ очень пьянъ, „но веселъ безконечно", и бутылка, которую онъ заботливо несъ въ рукахъ, вмѣсто всякой другой дорожной ноши, показывала намъ ясно, что веселіе его систематически поддерживалось во время пути. Мы отправили свой багажъ въ монастырь, не заѣзжая въ него, а сами продолжали путь къ развалинамъ Мессены.

Посланному нашему обѣщали въ монастырѣ, что примутъ насъ на ночлегъ даже послѣ захода солнца, но предупредили, что въ монастырѣ ѣсть розно нечего, и что намъ нужно запастись провизіею въ селеніи Мавромати, черезъ которое намъ придется проѣзжать на возвратномъ пути.

IX.—Монастырь Вуркано и развалины древней Мессены.

Нужно было подниматься все дальше въ гору. Монастырь Вуркано виденъ былъ намъ еще снизу въ сѣдлинѣ между двухъ горъ — Итомою и горою Св. Василія. Но онъ особенно характеренъ и живописенъ, когда глядишь на него сверху, отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе. Это—цѣлый замокъ, въ своемъ родѣ, просторный и крѣпкій, внушительно ощетинившійся четырехугольникомъ своихъ наружныхъ стѣнъ съ высоко поднятыми узкими окнами, съ вышкою въ родѣ сторожевой башни на углу. Замокъ этотъ виситъ надъ пропастью глубокой долины, царствуя надъ нею, какъ орелъ на своемъ утесѣ. Внутри двора церковь, глубоко чтимая окрестнымъ народомъ. Дорога сначала вьется надъ пропастью по узкому окрайку скалы, потомъ поворачиваетъ внутрь, въ самую сѣдлину, отдѣляющую гору св. Василія отъ Итомы. Здѣсь груды циклопическихъ камней на мѣстѣ древней стѣны, замыкавшей доступъ въ долину Мессены. Проѣзжаемъ сквозь проломъ этой стѣны около хорошо еще замѣтныхъ остатковъ, когда-то бывшихъ здѣсь „Лакедемонскихъ воротъ". Стѣна идетъ по обрывамъ горы Итомы, заворачивая по скату ея вверхъ и внутрь. Гора Св. Василія слѣва отъ насъ; на макушкѣ ея, какъ разъ надъ нашими головами, купаются высоко въ облакахъ развалины старинной церкви Св. Василія, до сихъ поръ посѣщаемыя въ извѣстные дни. Каменистая тяжелая тропа ведетъ насъ вдоль скатовъ Итомы, то круто поднимаясь, то еще круче спускаясь въ новую обширную долину, проваливающуюся глубоко у нашихъ ногъ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, подъемовъ и спусковъ, мы въ селеніи Мавромати, по переводу на русскій—„Черный глазъ". Большіе двухъ- и трехъэтажные дома его, потонувшіе въ роскошныхъ деревьяхъ юга, картинно спускаются по кручамъ горы Итомы, будто одинъ на головѣ другого, въ глубину долины. Вездѣ множество кипарисовъ, кактусовъ, смоковницъ, орѣховъ, вездѣ виноградники. Все это весело и разнообразно сбѣгаетъ внизъ по скатамъ и разливается по привольно кишащей обиліемъ низинѣ,

что стелется до самаго моря. Подъ каменной пятою Итомы, въ стѣнѣ голой скалы, живописно убранной густыми шапками нависшаго плюща и всякихъ цвѣтущихъ кустарниковъ, чернѣетъ круглая дыра, изъ которой падаетъ со звономъ въ старинную каменную цистерну струя ключевой воды. Около стоитъ другая древняя каменная лохань, не меньше сажени въ поперечникѣ, можетъ быть, помнящая еще Эпаминонда. Изо всѣхъ швовъ и трещинъ скалы тоже бьетъ гвоздемъ, сочится простынями ключевая вода; цѣлое озерцо натекло внизу; ручей бѣжитъ отсюда по всему селу. Дѣвчонки и утята полощутъ въ этомъ озерцѣ свои лапки; бабы моютъ бѣлье, черпаютъ воду. Кругомъ цѣлая армія кувшиновъ и боченковъ. „Клипсидра" эта и есть тотъ „Черный глазъ", что далъ изстари имя селенію. Тутъ же черезъ улицу огромный старый орѣхъ, подъ нимъ неизбѣжный ханъ, столики и лавочки, и толпа праздно болтающагося народа. Сейчасъ видно, что здѣсь средоточіе мѣстной жизни. Стѣны древней Мессены, или Мессины, какъ называютъ ее современные греки, видимы только выѣхавъ изъ села и завернувъ направо за уголъ горы. Обхватъ ихъ громадный, какого никакъ не ожидаешь. Можно подумать, что онѣ заключали въ себѣ не городъ, а цѣлую страну. Вездѣ по хребтамъ и холмамъ, окружающимъ верховье долины, далеко кругомъ, видны четырехугольныя массивныя башни съ узкими бойницами и уцѣлѣвшіе обрывки полуразрушенныхъ стѣнъ. Однѣ спускаются, прячутся въ ложкахъ, другія взбираются на верхушки холмовъ, какъ зоркіе часовые, сами всѣмъ видные и все сами видящіе... Нѣкоторыя еще почти совсѣмъ цѣлы, только сверху порастрескались и порасшатались, какъ червивые зубы. Пять башенъ и лента стѣны, между ними, видны слѣва довольно близко отъ дороги, а три сильныя четырехугольныя башни преграждаютъ дорогу впереди. Но большинство изъ нихъ видны только вдали и съ очень высокихъ мѣстъ. Любопытнѣе всего осмотрѣть такъ называемыя Аркадскія ворота, фланкированныя двумя четырехугольными башнями и выстроенныя съ замѣчательнымъ искусствомъ. Устояла до насъ только правая башня, а отъ лѣвой одна нижняя половина, на которую нетрудно взобраться, чтобы осмотрѣть окрестность, даже и женщинѣ. Ни наружныхъ, ни внутреннихъ полотнищъ воротъ давно уже не существуетъ; зато еще сохранились кое-гдѣ громадныя плиты мраморовиднаго известняка, которымъ въ прежнее время была устлана вся дорога вплоть до главнаго городского рынка. Дорога проходитъ до сихъ поръ черезъ круглое каменное зданіе воротъ, не загражденная ничѣмъ; прекрасно высѣ-

ченный верхній фризъ воротъ, длиною болѣе двухъ съ половиною саженъ, обрушился сверху и нижнимъ угломъ своимъ уперся въ землю. Внутри двойныхъ воротъ круглая просторная караульня для защитниковъ съ четырехугольными нишами въ стѣнахъ. Рядомъ съ первою башнею стѣна изъ огромныхъ тесаныхъ камней сѣраго известняка, толщиною около сажени, вся заросшая плющомъ и сверху порядочно раскрошенная, выпятилась наружу, грозя скорымъ паденіемъ. Слѣдующая башня, забравшаяся выше на холмъ, сохранилась гораздо лучше. Я съ драгоманомъ и проводниками пролѣзъ внутрь ея, черезъ осыпи камней и колючіе кусты, чтобы полюбоваться изъ верхнихъ бойницъ на долину Мессены. Послѣдняя башня уже на половинѣ горы Итомы, но она раскололась на-двое, и торчитъ сѣрымъ скелетомъ только одна ея половина, пока еще устоявшая отъ землетрясеній. Съ высоты этихъ башенъ открывается очаровательный видъ на убѣгающую внизъ къ морю Мессенскую долину, ту самую „Стениклэросъ" древности, гдѣ еще первые мессенскіе цари собирали народныя вѣча для рѣшенья важныхъ вопросовъ государственной жизни. При первомъ взглядѣ на нее дѣлается ясно, что Мавромати и сосѣдняя съ ней Зимица выросли на могилѣ древняго города. Въ садахъ и дворахъ Мавромати еще можно видѣть хотя уже совсѣмъ жалкіе остатки театра, рыночной площади, цистернъ, гробницъ, не представляющихъ въ настоящемъ видѣ своемъ ничего интереснаго, но разбросанность этихъ развалинъ, также какъ громадный охватъ стѣнъ, даютъ понятіе о величинѣ былыхъ Мессенъ.

Это однако еще не древвій центръ исторической жизни мессенцевъ. Городъ первыхъ мессенскихъ войнъ, гнѣздо отчаянной защиты Эвфасса, Аристодема, Аристомена, былъ гораздо выше, на самой макушкѣ горы Итомы, съ обрыва которой теперь меланхолически смотрятъ на насъ живописныя развалины средневѣковаго монастыря, и гдѣ еще попадаются скудные остатки отъ когда-то славнаго жертвенника Зевса Итомскаго. Тѣ же башни и стѣны, оригинальною картиною которыхъ мы теперь любуемся, построены не въ VIII и не въ VII, даже не въ V вѣкѣ, когда велась третья и послѣдняя мессенская война, окончившаяся полнымъ порабощеніемъ Мессеніи спартанцами и повальнымъ выселеніемъ ея жителей,—а только въ IV вѣкѣ до Рождества Христова, когда смѣлый геній Эпаминонда пытался сдѣлать изъ разрозненныхъ и маловоинственныхъ народцевъ Пелопоннеса надежный оплотъ противъ властолюбивыхъ притязаній Спарты и сокрушить ея своекорыстное могущество. Мессену Эпаминондъ со-

здалъ какъ главный центръ соединенной военной силы Пелопоннеса, какъ вооруженный лагерь своего рода на грани спартанскихъ горъ. Сама природа обратила эту мѣстность въ сильнѣйшую и вмѣстѣ удобнѣйшую крѣпость... Эпаминондовы стѣны захватили въ свою ограду не только жилища горожанъ и воиновъ, но и плодоносныя поля, пастбища, сады и воды, которыя могли не одинъ мѣсяцъ пропитать осажденное войско, а скалистая вершина Итома, гдѣ стоялъ четыре вѣка тому назадъ древнѣйшій городъ, была обращена въ неприступную цитадель. Оттого-то укрѣпленія Мессены тянулись на цѣлыхъ девять верстъ; оттого же такой громадный охватъ ихъ не могъ устоять впослѣдствіи противъ нападеній врага, разъ только ѳиванскій герой сошелъ со сцены исторіи и Мессена перестала располагать такимъ множествомъ защитниковъ, какъ при немъ. Развалины мессенскихъ стѣнъ и башенъ, изумительно сохранившіяся въ такой сравнительной цѣлости, давно уже служатъ для изслѣдователей греческихъ древностей однимъ изъ самыхъ поучительныхъ образчиковъ былого военнаго и строительнаго искусства эллиновъ... Павзаній, знаменитый греческій географъ и историкъ II вѣка нашей эры, оставившій намъ самыя полныя и подробныя свѣдѣнія о посѣщенныхъ имъ памятникахъ древней Греціи, даетъ такой отзывъ объ укрѣпленіяхъ Мессены: „Я не видалъ стѣнъ Вавилона и Мемноновыхъ стѣнъ Сузы въ Персіи и не говорилъ о нихъ ни съ кѣмъ, кто ихъ видѣлъ; но я знаю то, что мессенскія стѣны крѣпче стѣнъ Амфризскихъ въ Ѳокидѣ, Византіи и Родосѣ, которыя считаются за самыя надежныя укрѣпленія Эпаминонда, простоявшія почти 23 вѣка, были, по увѣренію Діодора, построены, въ одно лѣто, даже въ восемь дней“. Нашимъ современнымъ архитекторамъ и инженерамъ слѣдовало бы усвоить себѣ это не всегда у насъ обычное свойство древнихъ невѣждъ, умѣвшихъ, какъ оказывается, строить геометрически правильныя зданія еще за добрыхъ полвѣка до появленія элементовъ Эвклида. Эпаминондова Мессена впрочемъ далеко не такъ интересна своею исторіей, какъ разрушенный за четыре вѣка до нея мессенскій Акрополь, вѣнчавшій вершину Итомы и называвшійся тогда Итомою или Мессеною. Эти заоблачныя развалины полны поэтическихъ народныхъ легендъ еще изъ первыхъ полуфантастическихъ временъ греческой исторіи. Неприступный вышградъ Итомы, противъ котораго, по убѣжденію древнихъ, оказывались безсильными всѣ осадныя машины того времени, въ теченіе длиннаго ряда десятилѣтій былъ горячо бившимся сердцемъ мессенскаго патріотизма въ героической борьбѣ съ спартанцами за свою независимость. О мессен-

скихъ войнахъ не сохранилось, правда, строгихъ историческихъ документовъ, и свѣдѣнія о нихъ древніе извлекали только изъ поэмъ Тиртея, да изъ романтическихъ пересказовъ Мирона и Ріануса, греческихъ писателей, жившихъ уже въ III вѣкѣ до Рождества Христова, стало быть, 500 или 400 лѣтъ спустя послѣ двухъ первыхъ мессенскихъ войнъ и очевидно передавшихъ въ своихъ произведеніяхъ скорѣе патріотическія легенды мессенцевъ о ихъ народныхъ герояхъ и былыхъ подвигахъ, чѣмъ объективныя подробности войнъ. Этими единственными источниками воспользовался въ свое время Павзаній, о которомъ я только-что упоминалъ, чтобы разсказать такъ называемую исторію мессенскихъ войнъ, всецѣло поэтому проникнутую обычнымъ поэтическимъ колоритомъ народныхъ былинъ... Жертвенникъ Зевса Итомскаго, на вершинѣ горы Итомы, камни котораго уже смѣшались теперь съ развалинами христіанскаго монастыря, былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ храмовъ Пелопоннеса, главною народною святынею мессенцевъ. „За Зевса Итомскаго" — былъ обычный бранный кликъ мессенцевъ. Преданіе увѣряло, что нимфы воспитывали на этомъ мѣстѣ младенца Зевса. Статуя этому грозному богу была работы художника Агеладоса, и алтарь передъ нею еще въ историческое время обагрялся кровью человѣческихъ жертвъ. На немъ долженъ былъ совершать закланіе своей красавицы дочери и герой первой мессенской войны Аристодемъ, добровольно вызвавшійся на эту жертву, чтобы умилостивить, по требованію дельфійскаго оракула, грозныхъ боговъ Аида... Но влюбленный въ нее юноша, не зная, чѣмъ спасти возлюбленную, объявляетъ ея отцу, будто она беременна. Негодующій Аристодемъ собственноручно закалываетъ дочь и вскрываетъ на глазахъ народа ея трупъ, чтобы торжественно опровергнуть нечестивую клевету. Это убійство дѣлается мученіемъ въ жизни Аристодема, даже несмотря на то, что онъ избирается царемъ. Убитая дочь каждую ночь является ему во снѣ, показываетъ свои окровавленныя раны и призываетъ его за собою... Неудачи войны еще болѣе омрачаютъ его душу и, наконецъ, отчаявшись въ спасеніи родины, Аристодемъ убиваетъ самъ себя на гробницѣ дочери, на той же вершинѣ Итомы, которая купаетъ въ эту минуту подъ нами свои суровые утесы въ глубокой синевѣ неба. Вотъ вамъ прекрасный сюжетъ для драмы или для трогательной поэмы...

Замѣчательно, что въ древней исторіи Греціи почти ни одна война, ни одно крупное историческое событіе не обходятся безъ тѣснаго участія женщины: рядъ мессенскихъ войнъ, окончившійся гибелью мессенскаго царства, какъ разсказываютъ народныя пре-

данія, тоже былъ вызванъ насиліемъ черезчуръ страстныхъ мессенскихъ юношей надъ цѣломудренными дѣвами Спарты, которыхъ они встрѣтили на праздникѣ Діаны въ порубежномъ храмѣ, построенномъ на общій счетъ спартанцами и мессенцами; онѣ не захотѣли пережить своего безчестія и закололи сами себя у подножія богини-дѣвственницы. Вторая мессенская война выдвинула другого, еще болѣе славнаго героя—Аристомена, и о немъ создался новый циклъ поэтическихъ сказаній, пріуроченныхъ опять-таки къ той же Итомѣ, да къ горѣ Ирѣ, на которую онъ перенесъ гнѣздо своей борьбы... Послѣ первой мессенской войны спартанцы сравняли съ землею и итомскій вышградъ, и всѣ укрѣпленія горы Итомы; мессенцы обращены были въ такихъ же безправныхъ илотовъ, какими были вообще всѣ сосѣдніе народы, сокрушенные желѣзною силою Спарты. Въ пѣсняхъ поэта Тиртея, этого хромого школьнаго учителя, присланнаго Аѳинами по приказу дельфійскаго оракула въ вожди спартанскому войску, вдохновлявшаго спартанцевъ къ побѣдамъ своими воинственными гимнами, съ художественной мѣткостью обрисовано это жалкое положеніе побѣжденныхъ мессенцевъ: „Подобно ословъ, раздавленнымъ непосильною ношею, они принуждены были отдавать своимъ господамъ половину урожая своихъ полей и приходить въ Спарту вмѣстѣ съ своими женами въ траурныхъ одѣяніяхъ, чтобы плакать по заказу при похоронахъ царей и важныхъ особъ"... Аристоменъ, потомокъ древняго царскаго рода, рѣшился спасти своихъ земляковъ отъ спартанскаго рабства и началъ рядъ отчаянныхъ возстаній. Отвага его не знала никакихъ предѣловъ. Чтобы навести ужасъ на враговъ, онъ одинъ ночью проникаетъ въ городъ Спарту и прибиваетъ къ дверямъ самаго почитаемаго храма Аѳины свой щитъ съ надписью: „Аристоменъ посвящаетъ этотъ щитъ богинѣ изъ добычи, отнятой у спартанцевъ". Онъ разбиваетъ спартанцевъ въ цѣломъ рядѣ битвъ. Три раза онъ приноситъ на Итомѣ священную жертву Зевсу Итомскому, именуемую гекатомфоніей, которую вправѣ былъ приносить только воинъ, собственноручно убившій 100 человѣкъ. Три раза онъ вырывается изъ спартанскаго плѣна, всякій разъ проявляя чудеса мужества и ловкости. О подвигахъ его поются пѣсни мессенскими дѣвами и женами нѣсколько вѣковъ сряду. Даже четыре вѣка спустя, въ славной битвѣ при Левктрахъ, гдѣ Эпаминондъ сокрушилъ навсегда силу спартанцевъ, народная фантазія видѣла все ту же героическую тѣнь Аристомена, разившаго невидимымъ мечомъ ненавистныхъ ему лакедемонцевъ. Такія древнія и яркія историческія легенды висятъ надъ безмолвнымъ прахомъ итом-

скихъ развалинъ, что пріосѣняютъ своею горою-пирамидою окружающія насъ мирныя теперь селенія цвѣтущей мессенской долины.

Возвращаясь назадъ уже усталыми черезъ Мавромати, мы осмотрѣли мимоходомъ остатки древняго театра и стадіола и еще разъ аппетитно напившись изъ „ключа сидры“ прохлаждающей струи „черваго глаза“, въ то время какъ нашъ драгоманъ и агояты довольно усердно занялись подъ гостепріимной сѣнью хана другою, нисколько не прохладительной жидкостью, которую они очевидно предпочитали всякимъ историческимъ воспоминаніямъ. Тутъ же кстати купили они намъ необходимую для ужина провизію. Солнце между тѣмъ уже стало спускаться за горы, и когда мы поднялись изъ деревни по извилистой горной тропѣ, то она удивительно эффектно вырѣзалась на расплавленномъ золотомъ фонѣ заката всѣмъ темнымъ профилемъ своимъ, всѣми рѣдкими и характерными контурами своихъ домовъ, бойницъ, своихъ кипарисовъ, ступенями сходящихъ внизъ на дно глубокой долины...

Только-что я успѣлъ выѣхать изъ пролома лакедемонскихъ воротъ, съ немалымъ трудомъ перелѣзая съ своею лошадью черезъ громадные, безпорядочно наваленные камни и сталъ свертывать на узкій карнизъ подъ скалами горы Св. Василія, какъ лошадь моя пугливо шарахнулась въ сторону. На встрѣчу намъ въ полутьмѣ сумерокъ поднималась согнутая стуломъ желтая старуха съ вязанкою сухого хворосту за плечами. Несмотря на наступавшую темноту, она сучила руками кудель черной шерсти, грубой, какъ конскій волосъ, надѣтую на желѣзной рогулькѣ. Еслибы я былъ живописецъ, я бы нарисовалъ съ нея портретъ одной изъ макбетовскихъ вѣдьмъ, остановившихъ на дорогѣ будущаго хана Кавдора и Гламиса, а не то и саму Гекату—верховную владѣлицу всѣхъ вѣдьмъ... Эта старуха, не перестающая работать даже ночью, подъ тяжестью ноши, можетъ служить наглядною картиною того задавленнаго положенія, въ которомъ до сихъ поръ греческій народъ держитъ своихъ женщинъ. Впослѣдствіи я въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Греціи я не разъ встрѣчалъ подобныя же бытовыя сцены. Азіатскій востокъ въ этомъ отношеніи глубоко въѣлся въ греческіе нравы, хотя, по правдѣ сказать, и гораздо раньше турецкаго владычества, даже въ золотой вѣкъ Гомера греческая женщина не переставала быть вѣчно работающимъ домашнимъ скотомъ своего рода. Недаромъ въ Одиссеѣ Гомера даже кроткій и любезный Телемакъ позволяетъ себѣ обращаться съ матерью какъ хозяинъ съ рабынею. Когда Пенелопа, „старца Икаріи дочь многоумная“, „божество между женами“, растроганная печальною пѣснью пѣвца Θемея, воспѣ-

вавшаго подвиги исчезнувшаго на чужбинѣ супруга ея, со слезами просила его спѣть что-нибудь другое, менѣе терзающее ея сердце, юный сынъ ея Телемакъ, еще никѣмъ не признаваемый за настоящаго мужа, поучительно говорилъ ей: „Удались! занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства, пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежнѣй къ работѣ были своей; говорить же—не женское дѣло"!... Мы вернулись въ монастырь Вуркано уже совсѣмъ вечеромъ, Вуркано теперь далъ свое имя и всей древней горѣ Итомѣ. Монахи встрѣтили насъ ласково: — „Кали эсперассисъ!" (добрый вечеръ!) — слышалось при каждой встрѣчѣ.

Мы поднялись вслѣдъ за однимъ изъ братіи по трясущейся, стонущей деревянной лѣсенкѣ на внутреннюю открытую галерею съ колонками, которая обходитъ весь четырехугольникъ монастырскихъ зданій и съ которой двери ведутъ въ кельи и комнаты для пріѣзжихъ. Намъ отвели приличную на видъ комнату, со стульями, диваномъ, столами, съ какою-то стариннѣйшей, массивной лавкою, а главное съ балкончикомъ, висящимъ надъ бездною, съ котораго отлично видна вся окрестность. Монахи только напрасно застращали насъ ожидающимъ насъ у нихъ голоднымъ ночлегомъ; оказалось, что въ своемъ великодушіи они зарѣзали для насъ цѣлаго барана, такъ что вмѣстѣ съ купленною въ Мавромати провизіею мы могли устроить себѣ въ своемъ родѣ роскошный ужинъ, съ бараньимъ супомъ и пилавомъ изъ баранины во главѣ. Вина тоже нашлось здѣсь въ изобиліи, и несмотря на его противно-душистую горьковатую сливку, съ голодухи мы его пили словно порядочное. Только чаю сдѣлать никакъ не удалось.

Въ монастырскихъ комнатахъ, какъ и въ другихъ греческихъ домахъ, совсѣмъ нѣтъ иконъ. Заглянулъ я по сосѣдству въ келью къ одному изъ братьевъ—и тамъ тоже стоитъ хорошая желѣзная кровать, на нее навалены въ безпорядкѣ шубы, платья, всякая всячина. Много въ комнатѣ вещей совсѣмъ не монашескихъ,—золотыя рыбки и разныя бездѣлушки,—видно, что убранство своего жилья занимаетъ сердце почтеннаго инока, но иконъ, однако, нигдѣ не видно,—значитъ, не полагается. Пробовалъ я потолковать съ здѣшними святыми отцами о древностяхъ, объ историческихъ воспоминаніяхъ этой мѣстности и родной имъ православной Россіи, но невѣжество этихъ почтенныхъ иноковъ и матеріальность помысловъ ихъ оказались такою стѣною нерушимою, что всѣ мои попытки добиться отъ нихъ съ помощью драгомана чего-нибудь внѣ области будничныхъ интересовъ кончились безплодно. Очень можетъ быть, впрочемъ, что монахи, которыхъ я

видѣлъ, были не изъ главныхъ здѣшнихъ иноковъ. Никто не предложилъ намъ ни отслужить молебенъ или утреню, ни посѣтить храмъ. Эти религіозныя упражненія здѣсь не въ ходу, а монастырями пользуются больше какъ удобными постоялыми дворами. Монастырь Вуркано—одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ и богатыхъ въ Греціи. Въ настоящую минуту здѣсь живетъ двадцать монаховъ, чтò большая рѣдкость въ этой странѣ. Почти вся гора Итома до самой долины принадлежитъ монастырю; у него кромѣ того деньги и дома въ Аѳинахъ. Агояты наши увѣряли даже насъ, будто монастырь получаетъ со всѣхъ своихъ имѣній и съ богомольцевъ до 100.000 драхмъ въ годъ, но, повидимому, это сильное преувеличеніе.

Потушивъ лампу, мы долго сидѣли съ женою въ ласточкиномъ гнѣздѣ своего балкончика, молча наслаждаясь тихою и теплою весеннею ночью. Глубокіе и широкіе провалы долины съ ея заснувшими деревеньками и хуторами въ неподвижной красотѣ лежатъ у нашихъ ногъ. Бѣлые клубы тумановъ тихо, какъ воры, подкрадывались и сползывали со всѣхъ сторонъ въ эту долину, изъ ущелій окружающихъ горъ и только кое-гдѣ около пастушьяго стада или въ одинокомъ окошечкѣ сиротливо мигали красные огоньки, отъ которыхъ еще безмолвнѣе и необхватнѣе казалась эта торжественно почившая южная ночь. Балконъ оставался открытымъ всю ночь, но и то казалось порядочно душно. Встать было необходимо въ четыре часа, потому что поѣздъ изъ Цеферемини отходилъ въ 7 часовъ, а до него еще нужно добраться верхами. Пропустили бы этотъ поѣздъ, — не поспѣли бы сѣсть въ Каламатѣ на пароходъ, который отходитъ въ Гитеонъ въ 10 часовъ утра, и пришлось бы ждать понапрасну четыре дня слѣдующаго парохода. Ударъ церковнаго колокола раздался ровно въ четыре часа, но онъ уже засталъ насъ на ногахъ. Пить кофе было рано, и мы пошли садиться прямо на коней. Спавшіе на галерейкахъ монахи только-что начинали подниматься и одѣваться. Тутъ же у нихъ висятъ стѣнные рукомойники для умыванія. Дворикъ монастыря—уютный и живописный. Колонки, крылечки, лѣсенки и переходцы характернаго стариннаго стиля переносятъ воображеніе въ давно прошедшіе вѣка и просятся въ альбомъ художника. По серединѣ—небольшая, но изящная и типичная старинная цирковь. Она очень напоминаетъ— восьмигранною формою своей церковки, башни и своего низенькаго купольчика—древнія грузинскія церкви Кахетіи и Мингреліи. Расписана церковь снаружи горизонтальными полосками желтоватыми и красноватыми, въ родѣ каирскихъ мечетей, а налич-

ники ея оконъ, карнизы и нижнія панели—изъ бѣлаго мрамора съ голубыми прожилками. Алтарь, по старинному, тройнымъ полукруглымъ выступомъ въ ознаменованіе св. Троицы. Въ алтарѣ и въ каждой грани верхней восьмиугольной башни—вмѣсто обычныхъ оконъ, по два круглыхъ глаза, одинъ подъ другимъ, то, что у французскихъ архитекторовъ называется oeil de boeuf... На малиновой восьмиугольной крышкѣ, сведенной въ родѣ купола, креста совсѣмъ не видно; можетъ быть, онъ былъ, да сваленъ вѣтромъ. Теперь же торчитъ крошечный бѣленькій крестикъ, едва замѣтный даже вблизи, только на колоколенкѣ. Это полное отсутствіе или робкая приниженность церковнаго креста—общее явленіе въ странахъ, долго страдавшихъ подъ властью мусульманъ въ Греціи, точно такъ же какъ въ Грузіи, Арменіи и Палестинѣ.

Расплатившись съ возможной для насъ щедростью съ гостепріимными монахами и поблагодаривъ ихъ не только по-русски, но и по-гречески, мы выѣхали со двора, провожаемые привѣтливыми пожеланіями калугеровъ, которые уже бродили, будто сонныя мухи, по двору и галерейкамъ, въ своихъ зеленыхъ, синихъ и черныхъ кофточкахъ поверхъ длинныхъ черныхъ подрясниковъ, въ ожиданіи еще не начавшейся утренней службы. Вмѣстѣ съ нами выгнали пастись на гору изъ хозяйственнаго двора, построеннаго за воротами монастыря, табунокъ монастырскихъ лошадей, муловъ и ословъ. Долина, надъ пропастью которой мы лѣпились по своимъ тропинкамъ, вся еще въ облакахъ и тѣняхъ ночи. Даже ночные костры еще не догорѣли. Теперь жнутъ ячмень, и народъ ночуетъ въ поляхъ, чтобы не терять времени на переѣзды. Здѣсь косъ не видно, а все серпы. Снопы возятъ большими вязанками, какъ вьюки, по обѣ стороны сѣдла. Въ оливковомъ лѣсу, за древними цистернами эллинскаго времени—граница монастырской земли. Дальше уже идутъ земли Цеферемини. Оливковый лѣсъ съ своими величественными деревьями-старцами особенно хорошъ раннимъ утромъ. Съ $5^1/_2$ часовъ солнце уже выбралось изъ-за горъ и изъ облегавшихъ ихъ ночныхъ облаковъ, и въ Цеферемини мы спустились уже совсѣмъ ярко-сверкающимъ утромъ. Подъ гору мы ѣхали такъ скоро, что поспѣли за цѣлыхъ полтора часа до поѣзда; бабы и дѣти только-что выгоняли со дворовъ овецъ и рогатый скотъ, шли съ серпами на гору—жать ячмень; встрѣтились намъ нѣсколько мужчинъ съ ружьями за спиной, отправлявшихся куда-то на охоту.

Цеферемини кишитъ кофейнями, кабачками, лавками. Это—богатое и хорошо отстроенное мѣстечко. Мы забрались въ тѣнистую залу одной изъ кофеенъ, достаточно приличной для простого селенія,

и въ ожиданіи поѣзда спросили себѣ, по греческой модѣ, кофе съ холодной водой. Желѣзная дорога въ Каламату бѣжитъ все по той же роскошной долинѣ Памизоса, среди садовъ, виноградниковъ, городковъ и деревень. Древній Памизосъ, современная Левказія—самая большая рѣка въ Пелопоннесѣ, а его долина, составляющая сердце Мессены—самая плодоносная житница Пелопоннеса. Отъ Аспрохомы, недалеко отъ моря, отдѣляется желѣзнодорожная вѣтка въ городъ Низи, на который почему-то перенесено историческое имя Мессины, то-есть Мессены. Вѣтка эта предназначена дойти впослѣдствіи до порта Пилоса, древней столицы Нестора, теперешняго Наварина славной памяти, на западномъ берегу Мореи; но постройка этой дороги еще не окончена.

Каламата—довольно большой и довольно торговый, но мало интересный городъ. Это—древняя Фера, съ незапамятныхъ временъ посѣщавшаяся смѣлыми финикійскими мореплавателями, насаждавшими въ Греціи религію, культуру, торговлю и промышленность. Желѣзная дорога придала теперь Каламатѣ особенное значеніе, какъ важному пункту греческаго вывоза. Расположенъ городъ на низкомъ берегу прежняго Мессенскаго залива, безъ всякой живописности и оригинальности, но среди множества апельсинныхъ, гранатовыхъ, шелковичныхъ и всякихъ другихъ садовъ. Называютъ теперь этотъ заливъ Коронскимъ, потому что крѣпость и портъ Коронъ расположены на его берегу, у самаго входа въ заливъ. Съ восточной стороны надъ Каламатою тянутся отроги Тайгета и на вершинѣ ближняго холма маячатся сквозь прорывы облаковъ башни средневѣковаго замка. Здѣсь, какъ и въ другихъ приморскихъ мѣстностяхъ Греціи, всегда есть приличные экипажи къ услугамъ путешественниковъ, и мы прямо отъ вокзала, никуда не заѣзжая, отправились въ коляскѣ на пароходъ. Каламата извѣстна своими шолковыми издѣліями, и мы сейчасъ же убѣдились въ этомъ, потому что на пристани насъ окружила толпа ловкихъ разносчиковъ, чуть не насильно совавшихъ намъ въ руки разныя шолковыя матеріи... Но намъ было теперь не до покупокъ. Пароходъ стоялъ довольно далеко и пришлось перегружаться еще разъ въ лодку съ своимъ довольно многочисленнымъ скарбомъ. Въ Греціи много частныхъ, конкуррирующихъ другъ съ другомъ, пароходныхъ компаній для круговыхъ рейсовъ по берегамъ Греціи, и это удобно въ томъ отношеніи, что вы можете захватить въ любой гавани или тотъ, или другой пароходъ; но самые пароходы эти хвалить нельзя: всѣ они маленькіе, узенькіе, качаютъ немилосердно, тѣсны и нечистоплотны; ихъ

каюты перваго класса значительно хуже даже каютъ второго класса въ огромныхъ комфортабельныхъ пароходахъ австрійскаго ллойда. Пока, однако, насъ нисколько не качаетъ, и пароходъ „Пелопоннесъ" бѣжитъ себѣ на славу, посвистывая и пуская за собою хвосты дыма. Слѣва, совсѣмъ близко отъ насъ, полуостровъ Тайгета, уходящій на югъ дальше всѣхъ полуострововъ Пелопоннеса и обрывающійся въ море острымъ гвоздемъ мыса Матапана, древняго Тенарона. Берега этого полуострова вблизи Каламаты—такіе же плодоносные, цвѣтущіе и зеленые, какъ вся Мессенская долина, хотя это уже не Мессенія, а Лаконія; на холмахъ—городки и деревеньки среди оливковыхъ и апельсинныхъ садовъ, поля, виноградники. При яркомъ свѣтѣ южнаго дня, среди глубокой синевы моря, весело смотрѣть, покойно сидя на рубкѣ ровно бѣгущаго парохода, на эти проносящіяся мимо вашихъ глазъ милыя картины обилія и трудолюбія...

X.—Страна майнотовъ.

Спарта, однако, начинаетъ чувствоваться все больше и больше по мѣрѣ нашего удаленія отъ равнины Памизоса. Горы дѣлаются выше, обрывистѣе, голѣе и безплоднѣе. Море тоже расшумѣлось и развело крупную зыбь. Началась Мани или Майна, суровая страна суровыхъ майнотовъ, неприступная, дикая, безхозяйственная и безотрадная. Горы нагромождены другъ на друга, какъ гигантскіе каменные кристаллы. Все это сѣробѣлые известняки, остроребрые, голые, безъ травки и кустика, точно выпершія изъ нѣдръ земли обглоданныя кости ея могучаго скелета... Изрѣдка только въ какомъ-нибудь пустынномъ заливчикѣ, затерянномъ въ пятѣ надвинувшихся каменныхъ громадъ, покажется нѣсколько домиковъ, къ которымъ пристаетъ пароходъ. Тогда передъ вашими глазами открывается какая-нибудь, будто ножомъ прорѣзанная, горная трещина, сквозь которую съ ревомъ пробивается бѣшеный ручей и по кручамъ которой суровые обитатели этой каменной пустыни сползаютъ съ своихъ заоблачныхъ пастбищъ и ущелій къ простору моря, сбывать добычливымъ кораблямъ своихъ барановъ и свой ячмень... Это настоящія волчьи тропы, по которымъ лѣсные хищники спускаются по ночамъ къ своимъ водопоямъ. Поселки около такихъ разбойничьихъ лазеекъ скорѣе похожи на крѣпостцы, чѣмъ на торговыя факторіи. Дома, какъ бойницы, съ высоко поднятыми и узкими окнами, съ крѣпкими и глухими каменными стѣнами. А кругомъ на холмахъ вездѣ

одиноко торчатъ, будто разставленные на дозоръ часовые, старинныя башни... Трудно рѣшить, кто тутъ защищался отъ кого, и кто нападалъ. Въ средніе, да и въ новые вѣка, едва ли не до самаго освобожденія Греціи, моря, окружающія Грецію, кишѣли пиратами, которые то-и-дѣло разоряли ея берега. Но сама Греція съ ея пустынными бухтами и гористыми мысами, съ ея безчисленными островками, населенными смѣлыми и неустрашимыми мореходами, можетъ быть, больше, чѣмъ какая-нибудь другая сосѣдняя страна, давала подходящихъ матеріаловъ для пиратской предпріимчивости. Послѣ Кардамиліи мы пристали къ Итилону или Витулѣ. Это—характерный уголокъ подлинной Майны: неприступные голые обрывы, безотрадная пустыня кругомъ. Внизу на скалѣ старая крѣпостца съ старою церковкой и маленькой кучкой домовъ-блокгаузовъ, наваленныхъ вмѣстѣ какъ куски голыхъ камней. Одинокая пальма придаетъ этому сухому пейзажу еще болѣе пустынный видъ. Немного южнѣе, на мысѣ—опять защитная башня. Не легкій и не соблазнительный входъ въ страну воинственныхъ горцевъ!..

— Какъ же называется теперь это мѣстечко, Итилонъ, или Витула?—спрашиваю я у капитана, который немного говорилъ по-французски.

— Да здѣшній народъ просто называетъ его Петро-Бей. Вѣдь здѣсь все майноты живутъ... А Петро-Бей былъ у нихъ вождь знаменитый, старшина ихъ. Когда была война за освобожденіе Греціи, въ 1821 г., такъ онъ первый поднялъ своихъ майнотовъ и первый сталъ бить турокъ... Можетъ быть, слыхали когда-нибудь или читали про героя греческаго Мавромихали; такъ это онъ самый...

— Что-жъ, онъ жилъ тутъ?

— Да, да, тутъ его домъ былъ, и до сихъ поръ потомки его здѣсь живутъ. По его имени и мѣстечко все окрестили... А вы знаете, что тутъ и русскіе ваши были,—помолчавъ, обратился ко мнѣ капитанъ,—такъ что для васъ это мѣстечко не совсѣмъ чужое.

— Какіе русскіе? Зачѣмъ они могли тутъ быть? — удивился я.

— Это давно было, при вашей царицѣ Екатеринѣ! Вы, конечно, не можете помнить,—снисходительно разъяснилъ мнѣ капитанъ. — Графъ Орловъ вашъ сюда высадился съ русскимъ отрядомъ, и тутъ лагерь ихъ долго былъ... Не такъ давно еще живъ былъ здѣсь одинъ старый майнотъ, который помнилъ Орлова, мальчишкой воевать съ нимъ ходилъ подъ Триполицу. Неудачно вѣдь

все тогда вышло, сколько грековъ турки потомъ перерѣзали...— сдержанно вздохнулъ капитанъ, очевидно не рѣшавшійся высказать всего русскому собесѣднику.

Тогда и я дѣйствительно вспомнилъ эту печальную и вмѣстѣ героическую исторію, о которой не разъ случалось читать и у иностранныхъ, и у русскихъ историковъ. Алексѣй Орловъ, впослѣдствіи герой Чесмы, эта подлинно русская, размашистая и вмѣстѣ разсамашистая натура того стариннаго типа, изъ котораго выходили нѣкогда новгородскіе ушкуйники, Ермаки и Хабаровы-Симскіе, полный страстей и увлеченья, безпринципный, необразованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ бойкаго и находчиваго ума, самоувѣренный и беззавѣтно смѣлый во всѣхъ своихъ планахъ и дѣлахъ, хладнокровно ставившій на конъ и свою, и чужую жизнь, задумалъ столько же грандіозный, сколько фантастическій для того времени планъ освобожденія изъ-подъ турецкаго ига всѣхъ православныхъ славянъ и грековъ Балканскаго полуострова, со многими изъ которыхъ онъ близко сталкивался въ Ливорно, Венеціи и разныхъ другихъ приморскихъ городахъ Италіи. Политическій геній Екатерины II сразу оцѣнилъ огромныя выгоды, которыя Россія могла извлечь изъ возстанія многочисленной турецкой райи для успѣха своихъ почти безпрерывныхъ войнъ съ Турціею. Болѣе опасной диверсіи для турецкихъ силъ трудно было выдумать. Но Екатерина своимъ проницательнымъ государственнымъ умомъ смотрѣла на планъ Алексѣя Орлова далеко не его глазами, не ждала отъ этого предпріятія немедленнаго освобожденія славянства и Греціи, а видѣла въ немъ только одинъ изъ крупныхъ козырей противъ Турціи, котораго не слѣдовало выпускать изъ рукъ. Всемогущій Григорій Орловъ давалъ въ Петербургѣ тѣ же совѣты, что и Алексѣй Орловъ изъ Ливорно, такъ что въ концѣ концовъ отправленъ былъ къ берегамъ Греціи съ флотиліею адмирала Спиридова маленькій дессантъ войска въ 1.200 человѣкъ и довольно скромный запасъ оружія и пороху. Орловъ черезъ своихъ эмиссаровъ распространилъ между тѣмъ воззваніе ко всѣмъ славянскимъ и греческимъ подданнымъ султана, приглашая ихъ подниматься съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы, пользуясь войною Россіи съ Турціею, низвергнуть съ себя ненавистное иго мусульманское. Русскіе корабли оказались такими старыми и неисправными, такъ плохо снабженными, что Спиридовъ не зналъ, какъ доползти съ ними до Греціи; наши посольства въ Даніи, Англіи и другихъ попутныхъ государствахъ приходили въ ужасъ отъ плачевнаго состоянія русской эскадры и сулили ей самый позорный конецъ, а береговые жители Англіи съ злораднымъ смѣхомъ

потѣшались надъ ветхозавѣтнымъ устройствомъ нашихъ кораблей, ихъ неповоротливостью, нечистоплотностью и неловкостью нашихъ матросовъ. Императрица выходила изъ себя на медленность Спиридова, у котораго чуть не половина экипажа числилась въ больныхъ, и который только къ веснѣ 1770 г. добрался коекакъ до Греціи, захвативъ въ Италіи Алексѣя и Өедора Орловыхъ. Маленькій русскій отрядъ въ 500 человѣкъ высадился подъ начальствомъ Өедора Орлова въ той самой Витулѣ, у которой мы теперь остановились, чтобы поднять прежде всего самое воинственное и самое независимое изъ всѣхъ племенъ Греціи,—племя майнотовъ, считавшихъ себя прямыми потомками спартанцевъ и мало подчинявшихся въ своихъ неприступныхъ горныхъ дебряхъ турецкой власти. Наслѣдственными старшинами, или беями, майнотовъ и тогда были Мавромихали. Греки, давно уже возбуждаемые тайными русскими эмиссарами, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія русскихъ войскъ, русскихъ кораблей, русскихъ денегъ и русскаго оружія. Всѣ берега Греціи волновались и готовились къ возстанію. Но появленіе ничтожной горсти русскихъ, вмѣсто воображаемой арміи, привело въ страхъ и разочарованіе всѣхъ здравосудившихъ участниковъ заговора. Ужасъ передъ турецкимъ янычаромъ еще былъ среди грековъ во всей силѣ, и они хорошо понимали, что безъ помощи значительныхъ русскихъ войскъ самыя храбрыя толпы греческихъ повстанцевъ не сдѣлаютъ ничего. Чтобы увеличить свои силы, Алексѣй Орловъ послалъ эмиссаровъ по всему Адріатическому побережью приглашать добровольцевъ изъ приморскихъ славянъ и грековъ на соединеніе съ русскими; ихъ прибыло довольно много, но они не могли существенно подкрѣпить слабый русскій отрядъ. Однако, съ помощью духовенства и нѣкоторыхъ мѣстныхъ приматовъ, все-таки удалось составить изъ русскихъ, майнотовъ и жителей ближайшихъ береговъ два небольшіе отряда, получившіе торжественныя наименованія „восточнаго“ и „западнаго легіоновъ“. Братья Мавромихали, безстрашные и рѣшительные, тѣмъ не менѣе были въ большомъ негодованіи на русскихъ, потому что ясно предвидѣли неудачу предпріятія при такихъ ничтожныхъ средствахъ. Съ трудомъ удалось уговорить ихъ стать во главѣ движенія; къ тому же начальническія замашки Өедора Орлова глубоко оскорбляли этихъ самолюбивыхъ и свободолюбивыхъ горскихъ вождей. Дѣло доходило между ними чуть не до кровавой схватки.

— Ты забываешь, — крикнулъ гордый майнотъ Орлову въ одну изъ такихъ ссоръ,—что я не поступалъ въ подданство къ

твоей госпожѣ; хотя бы ты командовалъ всѣми арміями ея, все-таки ты былъ бы не чѣмъ другимъ, какъ рабомъ, а я—вождь свободнаго народа, и если бы по волѣ судьбы я остался даже одинъ душою, все-таки моя голова стоила бы дороже твоей!..

И Орловъ, и Мавромихали, схватились при этомъ за пистолеты, такъ что ихъ съ трудомъ успокоили. Предсказанія благоразумныхъ грековъ, къ несчастью, сбылись очень скоро. Правда, восточный легіонъ, подъ начальствомъ русскаго капитана Баркова, сначала быстро овладѣлъ всею Лакедемонскою долиною и даже взялъ, разбивъ предварительно турокъ, неприступную турецкую крѣпость Мистру около Спарты, гдѣ неукротимые майноты, несмотря на всѣ угрозы Баркова, съ опасностью своей жизни защищавшаго плѣнниковъ, безъ жалости перерѣзали болѣе тысячи сдавшихся имъ безоружныхъ турокъ; но потомъ, когда Барковъ осадилъ Триполицу, прибывшія вдругъ изъ Эпира албанскія войска навели ужасъ на майнотовъ, не привыкшихъ сражаться въ открытомъ полѣ, и весь греческій отрядъ разсыпался, кто куда могъ, оставивъ горсть русскихъ геройски умирать подъ ударами албанскихъ наѣздниковъ. Только четыре человѣка уцѣлѣли изъ этой бойни; они принесли на своихъ плечахъ въ Мистру израненнаго Баркова и русское знамя, которымъ этотъ храбрецъ велѣлъ опоясать себя. Неудачны были дѣла и западнаго легіона, которымъ командовалъ князь Долгорукій. Долгорукій тоже овладѣлъ сначала всею Аркадіею и пришелъ потомъ къ Наварину, который былъ въ это время осажденъ и взятъ русскимъ отрядомъ Ганибала. Орловъ думалъ захватить этотъ удобный портъ навсегда подъ русскую власть, какъ этого требовала отъ него Екатерина, и потому устроилъ въ наваринской бухтѣ стоянку нашего флота и свою главную квартиру. Отсюда онъ послалъ Долгорукова взять сосѣднюю крѣпость Модонъ.

Но осада Модона вышла такъ же безплодна, какъ и предпринятая нѣсколько раньше осада Корона. Появленіе у береговъ Греціи турецкаго флота и вторженіе албанцевъ въ Пелопоннесъ заставили малочисленную русскую дружину запереться въ стѣнахъ Наварина, а толпы безоружнаго греческаго населенія, искавшаго защиты подъ крыломъ русскихъ, старики, женщины, дѣти, не могли быть впущены въ маленькую крѣпость, плохо снабженную провіантомъ, и были по неволѣ предоставлены расправѣ озлобленныхъ турокъ. Множество ихъ бросалось на первыя попавшіяся суда и тонуло вмѣстѣ съ ними; множество бѣжало на скалистый островокъ Сфактерію, около Наварина, и тамъ гибли отъ всякихъ лишеній. Турки, особенно албанцы, свирѣпствовали теперь без-

препятственно во всемъ Пелопоннесѣ. Герой Іовани Мавромихали, оберегавшій важное дефиле Низи, недалеко отъ Каламаты, отчаянно защищался три дня сряду отъ цѣлаго турецкаго отряда съ 22 своими паликарами. Турки изумились, увидѣвъ, что изъ пылавшаго дома, обваленнаго кругомъ ихъ трупами, вышелъ только старикъ съ ребенкомъ. Это былъ Іовани и его сынъ. Всѣ воины его уже пали... До 80.000 народа, по увѣренію нѣкоторыхъ авторовъ, было продано въ рабство. Патросъ былъ сожженъ и горѣлъ три дня; Модонъ былъ разрушенъ; въ Триполицѣ изрублено 3.000 христіанъ, казненъ епископъ и священники. Орловъ и Спиридовъ съ своею флотиліей должны были покинуть Грецію и присоединились къ подоспѣвшей русской эскадрѣ Эльфинстона. Греція заплатила дорогою цѣною за необдуманную и несвоевременную попытку Орлова, но эта мелкая неудача русскаго оружія безслѣдно потонула въ неожиданномъ колоссальномъ разгромѣ Орловымъ турецкаго флота въ Чесменской бухтѣ 25-го іюня 1770 г. Нашъ дрянной и малочисленный флотъ съ своими 9 кораблями еще Петровской конструкціи, къ удивленію всѣхъ, оказалъ чудеса геройства. Въ одну ночь турецкаго флота не существовало: 15 ихъ кораблей, 6 фрегатовъ и до 50 мелкихъ судовъ погибли въ огнѣ, 1 корабль и 6 галеръ взяты въ плѣнъ русскими. А меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ Чесменскаго боя, 21-го іюля того же 1770 г., Румянцовъ нанесъ такой же неслыханный и колоссальный разгромъ при Кагулѣ сухопутнымъ силамъ Турціи, истребивъ и обративъ въ бѣгство съ 17.000 войска полуторастатысячную армію турецкаго визиря...

Майноты во всякомъ случаѣ—народъ, достойный обстоятельнаго изученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще мало изслѣдованный. Сами себя они считаютъ единственными потомками спартанцевъ, которыхъ старую землю они населяютъ, и очень гордятся такимъ славнымъ происхожденіемъ своимъ; но нѣкоторые очень основательные ученые, напротивъ того, цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ доказываютъ, что майноты, какъ большая часть жителей Пелопоннеса—не что иное, какъ огречившіеся славяне. Нѣмецкій ученый Фальмерайеръ особенно убѣдительно и обстоятельно развилъ эти взгляды на славянское происхожденіе современныхъ грековъ и преимущественно майнотовъ. Книга его, появившаяся въ эпоху греческаго возрожденія, въ самый разгаръ всеобщаго увлеченія эллинизмомъ, подѣйствовала какъ холодный дождь на разгоряченное тѣло и возбудила въ свое

время и возбуждаетъ и до сихъ поръ страшное негодованіе среди интеллигентныхъ грековъ и многочисленныхъ филэллиновъ разныхъ европейскихъ странъ; она вызвала вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны греческихъ историковъ и филологовъ, также какъ и нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, цѣлую страстную литературу, опровергающую эти нечестивые въ глазахъ эллина научные выводы Фальмерайера. Очень можетъ быть, что Фальмерайеръ дѣйствительно нѣсколько преувеличилъ значеніе славянскаго элемента въ этнографическомъ составѣ теперешняго населенія Греціи; можетъ быть, слишкомъ уже рѣзокъ и абсолютенъ приговоръ, который онъ сдѣлалъ, въ своей извѣстной „Geschichte des Halbinsel Morea“ etc., о судьбѣ греческаго племени: „Das Geschlecht der Hellenen ist in Europa ausgerottet“ — „Эллинское племя искоренено въ Европѣ“. Но, читая его сочиненіе, убѣждаешься несомнѣнно, что во всякомъ случаѣ огромный процентъ населенія Греціи, можно смѣло сказать, большинство его по крайней мѣрѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ было славянское и албанское. Еще Страбонъ говоритъ: „Весь Эпиръ, вся почти Эллада, и Пелопоннесъ, и Македонія, обращены въ скиѳскихъ славянъ“. Неопровержимые отзывы современниковъ свидѣтельствуютъ, что въ Аркадіи, Элидѣ, Мессеніи, Лаконіи, Віотіи, Акарнаніи, цѣлыя поколѣнія говорили въ свое время на славянскомъ языкѣ. Въ V, VI и VII столѣтіяхъ нашего лѣтосчисленія весь Балканскій полуостровъ былъ залитъ волною славянства, частью основавшаго тамъ нѣсколько сильныхъ самостоятельныхъ царствъ, частью заполонившаго собою области, еще остававшіяся во власти византійской имперіи. Греческое населеніе, уже и безъ того сильно порѣдѣвшее отъ нашествія другихъ варваровъ, было окончательно истреблено и вытѣснено изъ большинства занятыхъ имъ мѣстностей этими новыми воинственными и грубыми пришельцами, дорожившими притомъ землею и возобновлявшими свои нашествія въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ. Въ 1000 году по Рождествѣ Христовѣ полуостровъ Морея, то-есть, Пелопоннесъ, Эллада и далѣе къ сѣверу лежавшія земли Балканскаго полуострова оффиціально именуются „Славянскою землею“. Императоръ Константинъ Багрянородный, который, какъ извѣстно, самъ былъ славянинъ изъ Македоніи, и легко, конечно, могъ отличить славянскую рѣчь и славянскіе обычаи отъ греческихъ, говоритъ въ своихъ „Типахъ“, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Пелопоннесъ“: „Когда въ царствованіе Константина Копронима черная смерть опустошила вселенную, вся провинція (Пелопоннесъ) ославянилась и сдѣлалась варварской“. Фальмерайеръ нашелъ указанія у

византійскихъ лѣтописцевъ, что въ Мессеніи жили именно наши кривичи, а на Тайгетѣ, то-есть въ Майнѣ, съ мессенской стороны—какіе-то миленги, а съ лакедемонской, по долинѣ Эвротаса—эзериты. „Въ этой странѣ,—говоритъ Константинъ Багрянородный,—находится крутая, непроходимая, далеко вдавшаяся въ море гора, называемая Пентадактилосъ (Тайгетъ). На одной сторонѣ ея утесистой отлогости живутъ миленги, на другой же—эзериты". Миленги эти могли быть, пожалуй, жители нашего Смоленска, потому что въ извѣстномъ сочиненіи Константина Багрянороднаго: „De administratione imperii", въ IX главѣ, гдѣ повѣствуется „о Россахъ, ходящихъ на лодкахъ изъ Руссіи въ Константинополь", въ числѣ городовъ, откуда отправляются эти лодки, упоминаются между прочимъ Немоградъ (Новгородъ) и Милинискъ (Смоленскъ). Знаменитый знатокъ славянскихъ древностей, Шаффарикъ, родиною этихъ пелопоннеснихъ миленцевъ положительно считаетъ Россію; „что народныя и мѣстныя названія Греціи перенесены сюда изъ сѣверо-восточныхъ странъ славянской земли, съ Ильменскаго озера, Днѣпра, Западной Двины и Оки—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія", говоритъ этотъ авторитетный ученый;—„большая часть населенія Греціи, въ теченіе средневѣкового времени, были славяне, потому что не только названія людей, но и городовъ, селъ, горъ и рѣкъ были чисто славянскія". Въ половинѣ XV-го столѣтія горцы Майны говорили еще по-славянски, а страна ихъ и сосѣдняя долина Эвротаса до сихъ поръ полна славянскихъ названій: Косова, Половица, Горица, Кривица, Паница, Гарденица, Рыло, Селица и проч. Епископъ эйхштетскій Вилибальдъ, въ своемъ паломничествѣ ко Гробу Господню, въ VIII-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, присталъ между прочимъ къ берегамъ Пелопоннеса, именно къ городу Монемвазіи, который онъ называетъ „городомъ славянской земли... Монемвазія и теперь существуетъ какъ приморскій портъ на восточномъ берегу Лаконіи. Еще поразительнѣе свидѣтельство греческаго писателя половины XV-го вѣка нашей эры—Халкондивія, родомъ аѳинянина, которому уже невозможно было впасть въ ошибку касательно народовъ, обитавшихъ въ его ближайшемъ сосѣдствѣ. Онъ пишетъ про славянскія племена, что, несмотря на разныя названія, подъ которыми они являются въ исторіи, по обычаямъ своимъ и языку они ничуть не отличаются другъ отъ друга. „Жилища ихъ разбросаны по большей части Европы и отчасти распространены по Пелопоннесу до горы Тайгета и мыса Тенара въ Лаконскомъ округѣ". Пелопоннесскіе славяне, въ томъ числѣ и предки майнотовъ—миленги и эзерситы,—не образовавъ само-

стоятельнаго царства, не получали отъ грековъ при обращеніи своемъ въ христіанство священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ, какъ получили болгары, сербы, русскіе, моравы и чехи, и, будучи народомъ неграмотнымъ, окруженнымъ иноплеменниками, поддались въ теченіе вѣковъ вліянію греческаго языка, которымъ говорило и правительство ихъ, и церковь, и все, что было торговаго, промышленнаго, богатаго и образованнаго кругомъ ихъ, точно такъ, какъ прибалтійскіе или лужицкіе славяне, гораздо болѣе сплотившіеся и жившіе долго самостоятельною историческою жизнью, поддались невольно вліянію нѣмецкаго языка и нѣмецкой культуры.

Но, конечно, эти несомнѣнные историческіе факты не устраняютъ все-таки возможности существованія въ Пелопоннесѣ и остальной Греціи, даже въ вѣка самаго сильнаго наплыва славянъ и албанцевъ, отдѣльно уцѣлѣвшихъ оазисовъ и греческаго племени, которое въ послѣдующія, болѣе благопріятныя для него времена, могло и должно было съ своей стороны *приливать* въ свою старую родину изъ другихъ областей византійской имперіи, и изъ тѣхъ городовъ и земель, куда оно спасалось въ годины бѣдствій отъ нашествія варваровъ. Безъ этого предположенія не было бы никакой логической возможности объяснить несомнѣнно совершившееся огреченіе славянъ, албанцевъ и другихъ этнографическихъ составныхъ элементовъ теперешняго населенія Греціи. Что собственно въ Майнѣ славяне не составляли никогда единственнаго элемента населенія—видно изъ того же сочиненія императора Константина Багрянороднаго, на которое ссылается главнымъ образомъ Фальмерайеръ: „Жители крѣпости Майны, — говоритъ Константинъ,—не принадлежатъ къ племени упомянутыхъ славянъ, *но происхожденія древнихъ римлянъ*, которые и въ настоящее время отъ *туземцевъ эллинами называются*. Страна, ими обитаемая, безводна и непроходима, но обилуетъ масличными деревьями, отъ которыхъ они питаются. Лежитъ же это мѣсто на круто выдавшейся наклонности Малаври, то-есть по ту сторону Эзера, на морскомъ берегу“. Вотъ, стало быть, и историческая основа для горделивыхъ преданій майнотовъ о ихъ спартанскомъ происхожденіи. Будь они чистые славяне, едва ли могло бы даже возникнуть среди нихъ такое ничѣмъ необъяснимое притязаніе, ибо у славянъ свои народные герои, своя историческая гордость, не могущая имѣть ничего общаго съ чуждыми имъ по крови и врядъ ли извѣстными даже по слуху невѣжественному народу земляками Леонида и Агезилая.

Вотъ сколько событій, близкихъ намъ, русскимъ, напоминаетъ

собою эта суровая страна, которой пустынныя скалы и недоступныя кручи угрюмо провожають нашъ бѣгущій пароходъ въ теченіе цѣлаго дня, открывая намъ по очереди каждую грозно величественную складку своихъ оголенныхъ каменныхъ громадъ, поднимающихся прямо изъ морского прибоя... Такой же суровый народъ обитаетъ въ этихъ горныхъ трущобахъ, доступныхъ только птицамъ. Цѣлые вѣка борьбы, угнетенья выковали изъ этихъ горцевъ полудикое воинствующее племя, всецѣло еще живущее обычаями и понятіями среднихъ вѣковъ. Все это разбойничьи гнѣзда своего рода, гдѣ только недавно сколько-нибудь сталъ имѣть силу общій законъ государства, куда даже турецкіе паши не смѣли проникать безнаказанно и иначе какъ во главѣ сильныхъ военныхъ отрядовъ, и гдѣ до сихъ поръ греческое правительство вынуждено содержать многочисленную военную команду такъ-называемыхъ „эвзоновъ“, чтобы хотя сколько-нибудь сдерживать обычаи взаимной кровавой расправы, грабежи и разбои. Въ этихъ вольнолюбивыхъ общинахъ патріархальная власть родовыхъ старшинъ еще до сихъ поръ значитъ гораздо больше, чѣмъ всѣ судьи и администраторы, присылаемые цивилизованными Аѳинами, и не очень давно прошло то время, когда каждый житель этихъ пустынныхъ горъ съ гордостью носилъ имя „клефта“, синонима съ разбойникомъ, да и до сихъ поръ воровство и разбой считаются у этихъ наивныхъ горцевъ за удальство и геройство. Это тѣ же кавказскіе лезгины, тѣ же средне-азіатскіе туркмены, со всѣми ихъ недостатками и достоинствами, только на почвѣ классическаго эллинизма и съ языкомъ Гомера въ устахъ. Наши пароходные собесѣдники разсказывали намъ, что тутъ то-и-дѣло отбиваютъ другъ у друга стада и грабятъ на дорогахъ. Сосѣдніе жители иначе будто бы не зовутъ майнотовъ, какъ „скверные люди“ — „како-андронъ“. Эти „клефты“ однако сослужили неоцѣненную службу своей родинѣ. Закаленные суровою и скудною жизнью въ своихъ заоблачныхъ трущобахъ, гордые своею фактическою независимостью вольныхъ звѣрей, они одни среди порабощенной Греціи сохранили культъ свободы, одни не отвыкали отъ оружія, которымъ имъ приходилось на каждомъ шагу защищать свои права и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Въ этихъ храбрецахъ или „паликарахъ“, какъ ихъ называлъ народъ, сберегалось такимъ образомъ въ теченіе четырехъ вѣковъ греческаго рабства готовое ядро будущихъ защитниковъ родины; греческій народъ всегда чувствовалъ это, если не сознаніемъ, то инстинктами своими, и считалъ поэтому народными героями и прославлялъ въ своихъ пѣсняхъ и разсказахъ отличавшихся особенно удалыми подвигами разбойничества „ка-

питановъ", этихъ паликаровъ и клефтовъ, въ родѣ Захарія, Буковалоса, Капантони... Въ нихъ однихъ была его патріотическая надежда, первая заря манившей его болѣе свѣтлой будущности...

О майнотахъ въ свое время писали и спорили очень много; одни идеализировали ихъ и возводили чуть не въ героевъ Гомера или Плутарха; другіе же не видѣли въ нихъ ничего, кромѣ воровъ и разбойниковъ. Императрица Екатерина II-ая, послѣ неудачной попытки Орлова, писала Вольтеру, что „въ ущельяхъ Тайгета нѣтъ больше воиновъ Леонида". Шатобріанъ тоже говорилъ, что „онъ не могъ узнать въ этихъ пиратахъ доблестныхъ наслѣдниковъ спартанской свободы". Извѣстный французскій изслѣдователь Греціи, Пуквиль, считаетъ майнота „такимъ же вѣроломнымъ, какъ и трусомъ"; по его словамъ, „онъ наноситъ свои удары только въ темнотѣ, а если сражается при свѣтѣ дня, то, подобно воину Горація, бываетъ храбръ, когда потеряетъ свой кошелекъ, и дѣлается трусомъ послѣ того, какъ найдетъ его. Онъ бьется только ради добычи и почти всегда спрятавшись среди скалъ или изъ какой-нибудь засады". Странно было бы и требовать отъ горца, вѣками воспитаннаго въ привычкахъ разбоя, какихъ-нибудь рыцарскихъ взглядовъ на свои обязанности, но эти вкусы и пріемы, общіе всѣмъ воинственнымъ дикарямъ, не мѣшали однако майнотамъ стойко отстаивать свободу своего отечества и первыми ложиться за него своими головами... Вождь ихъ Петръ Мавромихали все-таки первый спустился съ своими майнотами съ Тайгета, первый овладѣлъ Каламатой и созвалъ въ ней такъ-называемый „*мессенскій сенатъ*"; и первый онъ же обратился, въ качествѣ избраннаго президента этого сената, съ манифестомъ къ европейскимъ державамъ, открыто заявляя о возстаніи грековъ и требуя помощи христіанскихъ народовъ...

Море жестоко расходилось, когда мы стали подходить къ южной оконечности Майны, и изъ залива, прикрытаго высокими горами, которыхъ мы держались очень близко, стали подаваться въ открытое море. Невыносимая качка сразу свалила меня. Только, слышу, вдругъ стало тише,—выползъ опять на палубу, смотрю,—мы только-что прошли Capogrosso; слѣва встаютъ изъ воды сплошнымъ каменнымъ столбомъ голыя отвѣсныя скалы, безъ травки, безъ кустика; вправо уходятъ такіе же отвѣсные утесы мыса Матапана, древняго Тенара. Мы въ серединѣ, въ глубокой бухточкѣ, на берегу которой оригинальное мѣстечко изъ новыхъ

каменныхъ домиковъ, безъ малѣйшей тѣни и пріюта, голое и безотрадное, словно выросшее изъ камней окрестныхъ скалъ. Около навалено множество каменныхъ бочекъ, горшковъ, приготовленныхъ къ отправкѣ. Жители этой каменной страны по неволѣ живутъ камнемъ, а не хлѣбомъ. Это поселокъ, очевидно, недавній, вызванный къ жизни потребностями мирной торговли; а надъ нимъ, по каменнымъ холмамъ, которыми раздвинуты здѣсь горы, уходя все выше и выше, сидятъ раскинутыя тѣсными кучками, будто гнѣзда каменныхъ грибовъ, старыя жилища майнотовъ, сурово ощетинившіяся своими башнями-столпами, и надъ всѣмъ этимъ, высоко на вершинѣ горы, неизбѣжная церквочка святого Иліи, „Агіосъ Эліасъ"—это своего рода народное знамя, водруженное надъ крайнимъ рубежомъ Греціи. Мысъ Матапанъ, уже значительно ниже горы Святого Иліи, на которомъ романтически бѣлѣетъ башенька маяка. Это самая южная точка не только Греціи, но и всей Европы.

Въ древности на этихъ охваченныхъ моремъ послѣднихъ утесахъ европейскаго материка стоялъ лакедемонскій городъ Тенаръ. Тенарскій портъ былъ именно тотъ просторный и хорошо укрытый отъ вѣтровъ Лимень, въ которомъ мы только-что видѣли новые каменные дома и новыя каменныя бочки. Сюда въ былыя времена приставали корабли не только спартанцевъ, мессенянъ или аѳинянъ, но и финикійцевъ, и египтянъ, и малоазіатскихъ грековъ. Привлекалъ всѣхъ сюда славный въ то время храмъ Посейдона, грознаго бога морей, милости котораго были особенно необходимы смѣлымъ прибрежнымъ народцамъ Средиземнаго моря. Теперешній Агіосъ-Эліасъ, безъ сомнѣнія, только замѣнилъ собою старое языческое святилище, на развалинахъ котораго онъ воздвигнулъ свой крестъ. Посейдоновъ храмъ окружала нѣкогда священная роща, въ которой каждый преступникъ имѣлъ право безопаснаго убѣжища. Въ глубинѣ этого лѣса чернѣлъ зѣвъ пещеры, сквозь мрачные своды которой спускалась дорога въ тартаръ. Черезъ этотъ подземный ходъ Геркулесъ, по сказаніямъ эллиновъ, притащилъ адскаго сторожа Цербера, и Орфей—свою освобожденную супругу, такъ что мысъ Тенаръ служилъ въ древности не только первымъ порогомъ Греціи, но и воротами въ царство тѣней. Такихъ воротъ въ Аидъ, какъ извѣстно, было, впрочемъ, нѣсколько: въ Герміонѣ арголидскомъ, въ эпирскомъ городѣ Аорнѣ, въ Кумахъ около Неаполя, въ Гераклеѣ понтійской и другихъ. Смертные пользовались этими „вратами адовыми" для разныхъ житейскихъ цѣлей своихъ. Они вызывали здѣсь, со множествомъ священныхъ церемоній, возліяній, жертвъ и моле-

ній, тѣни умершихъ родныхъ и друзей, съ которыми имъ хотѣлось повидаться, или же, напротивъ того, заклинали возвратиться съ миромъ подъ своды тартара безпокойныя души, приходившія мучить ихъ на землѣ... Жрецы требовали, чтобы, послѣ исполненія всѣхъ таинственныхъ обрядовъ, молящійся проводилъ ночь въ стѣнахъ Посейдонова храма; поэтому, рѣдкому изъ нихъ не приходилось увидѣть во снѣ тѣни того, о которомъ они такъ много должны были думать въ теченіе дня...

Качка, и безъ того большая, сдѣлалась невыносимою, когда мы стали огибать мысъ, и нашъ „корабль быстроходный" очутился совсѣмъ въ открытомъ „бурнопустынномъ морѣ", по художественному выраженію Гомера.

Корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру,
Были весь день паруса путеводнымъ дыханіемъ полны.
Былъ намъ по темнымъ волнамъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтло-кудрявой богиней.
Вдругъ собирающій тучи Зевесъ буреносца Борея,
Страшно ревущаго, выслалъ на насъ; облака обложили
Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь;
Мчались суда, погружаяся въ волны носами...
Разомъ и Эвръ, и полуденный Нотъ, и Зефиръ, и могучій,
Свѣтлымъ рожденный Эѳиромъ, Борей, взволновали пучину...

Ночь-то, положимъ, еще не сходила на насъ, зато небо и горы дѣйствительно заволокло ночь-ночью! Сдѣлалось такъ холодно, что даже въ осеннихъ драповыхъ пальто, которыми мы, къ счастью, запаслись, не совсѣмъ пріятно было сидѣть на открытой палубѣ. А тутъ еще, какъ нарочно, на юго-восточномъ горизонтѣ моря вырѣзались вдругъ скалистые силуэты острова Чериго, той самой поэтической Киѳеры классической древности, у береговъ которой, по сказаніямъ греческой миѳологіи, родилась изъ пѣны волны нагая богиня красоты—Афродита.

Вдругъ видимы стали вдали надъ водами
Горы тѣнистой земли, уже недалекой;
Чернымъ щитомъ на туманистомъ морѣ они простирались...

На Киѳерѣ стоялъ въ свое время самый древній храмъ Афродитѣ, потому что здѣсь она и Купидонъ въ первый разъ появились на грѣшной землѣ и основали свое сладостное и вмѣстѣ мучительное царство въ душахъ смертныхъ... Вездѣ, куда ступала чудная ножка богини, куда упадалъ ея чарующій взглядъ, мгновенно зарождались и расцвѣтали весенніе цвѣты. Но, должно быть, богиня, „изъ пѣны рожденная", слишкомъ уже давно поки-

нула свою пустынную родину, которой крутыя скалы и каменистая почва, съ трудомъ производящія деревянное масло и виноградную лозу, совсѣмъ уже не напоминаютъ теперь ни роскошнаго ложа изъ цвѣтовъ, ни любовной нѣги царицы красоты... Замѣчательно впрочемъ, что и въ древнемъ храмѣ Афродиты-Ураніи, построенномъ еще здѣсь финикіянами, которые рано стали посѣщать этотъ островъ ради водившихся тамъ во множествѣ пурпуровыхъ улитокъ, богиня была представлена не въ какой-нибудь соблазнительной формѣ, вливающей въ душу непобѣдимую страсть, а вся съ головы до ногъ покрытая оружіемъ, угрожающая своимъ врагамъ... Островъ Черего, несмотря на свою отдаленность отъ Корфу и на свою тѣсную близость къ Лаконіи, принадлежалъ къ республикѣ семи іоническихъ острововъ и былъ уступленъ Греціи Англіею вмѣстѣ съ другими іоническими островами.

Когда мы, обогнувъ окончательно мысъ Тенаръ, рѣзко повернули съ юга на сѣверъ, качка къ моей радости разомъ прекратилась, хотя буря сдѣлалась еще сильнѣе; но вѣтеръ дулъ теперь съ сѣвера, прямо намъ въ лицо и въ носъ корабля, такъ что бокового колыханія не слышалось вовсе. Мы входили теперь въ Лаконскій заливъ; налѣво отъ насъ, совсѣмъ близко надъ нашими головами, продолжали тянуться суровыя горы Майны, а вправо, гораздо дальше, провожалъ насъ самый восточный изъ трехъ южныхъ полуострововъ Мореи—Малея, входящій, какъ и Майна, въ область Лаконіи. Вся пароходная публика, угнанная свирѣпымъ сѣвернымъ вѣтромъ, попряталась по каютамъ, и мы съ женою, укутавшись въ пальто и пледы, только одни любуемся на суровыя картины горъ и моря, такъ мало подходящія къ классическимъ воспоминаніямъ этихъ южныхъ мѣстъ. Какія-то бѣлоледяныя и какъ дымъ черныя облака сгустились теперь надъ Майною, надъ безотрадными голыми горами ея, которыя даже туземцы зовутъ не иначе, какъ „скверными горами“ — „каковуни“, подъ стать обитающимъ на нихъ „сквернымъ людямъ“,— „како-андронъ“. Облака эти, будто злые духи, гонимые невидимымъ бичомъ, несутся вмѣстѣ съ бурею намъ на встрѣчу по острымъ гребнямъ этихъ горъ, цѣпляясь за нихъ, разрываясь лохмотьями, и темныя тѣни ихъ также быстро проплываютъ и переползываютъ по освѣщеннымъ скатамъ береговыхъ обрывистыхъ громадъ.

„Многовершинный Тайгетъ“ начинаетъ по временамъ сквозить своими темными крутыми ребрами, своими бѣлыми снѣговыми потоками сквозь прорывы мимо несущихся облаковъ,—хотя голова его по прежнему укутана какъ чалмою густыми ту-

чами. Издали онъ кажется мнѣ какою-то колоссальною баттареею, отчаянно отстрѣливающеюся во всѣ стороны и обволоченною курчавыми клубами дыма своихъ орудій. Отъ этого центральнаго жерла пальбы, гдѣ сбились, давя другъ друга, всѣ эти бѣлыя, сизыя и черныя тучи, высылаются и тянутся они по всей длинной цѣпи горъ, все рѣдѣя и блѣднѣя по мѣрѣ удаленія, но все-таки словно не въ силахъ оторваться отъ своего главнаго очага... Старый Тайгетъ, словно древній кудесникъ, верховный жрецъ языческаго бога, самъ укутался съ головою въ непроницаемые туманы и тьму, и на все поколѣніе свое, на все подвластное ему царство этихъ голыхъ горъ напускаетъ ту же тьму и туманы. Это онъ, должно быть, выпустилъ на насъ изъ своихъ заоблачныхъ пещеръ Борея и всю его крылатую братью; онъ вспѣнилъ родное ему море, чтобы оно не пускало насъ, иноземцевъ, пришельцевъ, въ его суровое царство; онъ хочетъ скрыть отъ насъ мрачныя тайны своей насильственной и кровавой исторіи, нравы своего теперешняго разбойничьяго и мстительнаго населенія, и дикую красоту своихъ пустынныхъ пейзажей, висящихъ постоянною угрозою надъ цвѣтущимъ обиліемъ и трудолюбивою домовитостью сосѣднихъ долинъ Мессеніи. Въ этомъ сказывается и до сихъ поръ старый духъ недовѣрчивой и ко всѣмъ враждебной Спарты, не признававшей никакой человѣческой потребности, въ горделивой дикости своей отрицавшей образованіе, удобства, наслажденіе, нѣжныя чувства и пытливость ума,—все, кромѣ храбрости, силы и выносливости тѣла. Чтобы понять спартанца и его исторію, нужно посѣтить эту суровую страну, воспитавшую его младенчество. На этомъ берегу Майны селенія рѣдки. А гдѣ есть, все это—настоящія разбойничьи гнѣзда, на макушкахъ холмовъ, на недоступнѣйшихъ горныхъ высотахъ. Эти жилища майнотовъ невольно переносятъ мои воспоминанія въ аулы Дагестана и Сванетіи. Тутъ, вѣроятно, были главные притоны пиратства въ средніе вѣка. Вѣчная борьба съ голыми, неприступными утесами, непроходимыми тропинками, съ суровымъ климатомъ и всякаго рода лишеніями на землѣ, съ бурями на морѣ, невольно должна была выработать изъ майнота дерзкаго пирата на морѣ и безстрашнаго бандита въ горахъ, „клефта“ или „паликара“, по терминологіи туземцевъ.

Евгеній Марковъ.

ФАУСТУЛУСЪ

„Faustulus. Roman von Fried. von Spielhagen".

Окончаніе.

XX *).

Жестокій конецъ Стины возбудилъ къ ней всеобщую симпатію. Интересъ къ ея судьбѣ достигъ высшей степени, когда разнесся слухъ, будто бы на ней хотѣлъ жениться молодой докторъ Радловъ, сынъ берлинскаго тайнаго совѣтника; на него не одна изъ дочерей обитателей города Узелина возлагала тайныя надежды.

И вдругъ!.. надо жъ было бѣдной дѣвочкѣ такъ ужасно погибнуть, и къ тому же, при исполненіи ею обязанности, которую она добровольно взяла на себя единственно для того, чтобы избавить старушку-кухарку отъ необходимости лишній разъ пробѣжаться на рынокъ. Вотъ, и еще,—говорили,—доказательство, что „чему быть,—того не миновать"!

Нѣсколько дней шелъ говоръ по городу. Отклоненія въ сторону въ различныхъ предположеніяхъ были самыя незначительныя. Старикъ Кришанъ Гӧфтъ считался вообще человѣкомъ, которому можно вѣрить, и, сверхъ того, ему пришлось давать показанія въ полиціи; онъ готовъ былъ даже подтвердить все подъ присягой, но начальникъ полиціи сказалъ:

— Это совсѣмъ не нужно, я вамъ и такъ вѣрю!

Карлъ Бредовъ, со второй лодки, видѣлъ все происшедшее и описывалъ все такъ точно, какъ и Кришанъ Гӧфтъ.

---

*) См. выше: мартъ, 234 стр.

Во всемъ Узелинѣ было только двое людей, которые не вѣрили въ несчастный случай: докторъ Арно и Мальвина Мюллеръ.

Тотъ вечеръ, когда съ бѣдной Стиной случилось несчастіе, Арно провелъ въ домѣ своихъ будущихъ тестя и тещи. Коммерціи совѣтникъ настоялъ на томъ, чтобы тотчасъ же, на-скоро, созвать небольшое общество ближайшихъ друзей и знакомыхъ, которые болѣе или менѣе удивлялись сдержанному и почти холодному обращенію жениха и невѣсты между собою.

— Они всегда такіе? — спрашивала г-жу Моорбекъ директорша Ленцъ, которая отвела ее въ сторону и отъ волненія говорила не совсѣмъ понятно.

На это послѣдняя отвѣтила спокойно:

— У нихъ гармонія, главнымъ образомъ, духовная!

И этотъ отвѣтъ директорша, минутъ десять спустя, передала своему мужу, но въ собственномъ переводѣ.

— Съ *ея* стороны — это капризъ, а съ *его* — разсчетъ.

Такая мало-объяснимая сдержанность жениха и невѣсты не могла, однако, помѣшать тому, чтобы за ужиномъ было шумно и весело, чтобы шампанское лилось рѣкой. Почтъ-директоръ Ленцъ, настроенный зловѣщими словами своей супруги, которыя нанесли рану его высокопарному настроенію, произнесъ самый краткій и самый худшій изо всѣхъ своихъ тостовъ.

Коммерціи совѣтникъ отличился самымъ длиннымъ и самымъ лучшимъ тостомъ. Рихардъ, который былъ уже совершенно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, разразился потокомъ такой чепухи, что его сосѣдка, Матильда Ленцъ, не могла удержаться отъ смѣха, за что ей выпалъ на долю строгій взглядъ ея мамаши, глубоко оскорбленной сегодня въ своихъ святѣйшихъ чувствахъ.

Одного только Арно не могли заставить сказать рѣчь; никакіе намеки, никакія требованія и побужденія не могли на него подѣйствовать.

— У меня принято за правило лучше совсѣмъ не дѣлать того, что̀ я не могу сдѣлать хорошо! Въ томъ числѣ, конечно, и застольныя рѣчи. Примите ужъ меня такимъ, каковъ я есть, со всѣми пробѣлами, какіе только были въ моемъ воспитаніи; примѣромъ можетъ послужить моя невѣста, которая въ этомъ отношеніи разъ и навсегда объявила мнѣ свое благоволеніе.

— Вотъ истинно прекрасная застольная рѣчь! — восторженно воскликнулъ Рихардъ. — Да здравствуетъ мой краснорѣчивый зять!

И снова звонко чокнулись бокалы.

Общество разошлось, когда было уже очень поздно.

Въ продолженіе всего остатка ночи Арно не могъ почти глазъ сомкнуть. О Стинѣ онъ и думать не хотѣлъ. Итоги, съ его точки зрѣнія, были съ нею сведены.

Онъ дѣйствительно любилъ эту дѣвушку, насколько былъ способенъ къ воспринятію того чувства, которое люди называютъ любовью. Затѣмъ, наступила реакція, и онъ увидѣлъ въ ней опять, когда разсѣялись его иллюзіи, лишь то, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ: незначительное, необразованное, почти даже *не* хорошенькое существо, какихъ встрѣчаются тысячи тысячъ. Таковъ уже естественный ходъ въ явленіяхъ человѣческой природы. Если же, повидимому, ихъ отношенія должны были имѣть послѣдствія, такъ вѣдь и это было въ порядкѣ вещей.

— Мефистофель правъ совершенно въ своемъ изреченіи: „Не первая она"!.. Если же это кажется Фаусту на первый разъ противнымъ, то въ другой—онъ уже самъ зоветъ себя за это филистеромъ и шпицбюргеромъ, какимъ я самъ въ своихъ глазахъ былъ и остался, несмотря на все свое фанфаронство.

Нѣтъ! О сведеніи счетовъ нечего было и думать, несмотря на появленіе новаго двигателя, который по совершенно извинительному недосмотру, опрометчивости, не фигурировалъ въ его прежнихъ соображеніяхъ.

Къ сожалѣнію, все дѣло сводилось теперь только къ тому, чтобы удержать втайнѣ „положеніе" Стины, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ чувствовать подъ собой твердую почву при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ нечаянно очутился.

— Нечаянно?!

Однакоже, онъ вѣдь и прежде иной разъ, при случаѣ, подумывалъ о томъ, что вовсе не такой плохой разсчетъ жениться на дѣвушкѣ со ста-тысячнымъ (или около того) приданымъ и съ видами, въ дальнѣйшемъ будущемъ, на милліонное наслѣдство. Вѣдь повсемѣстно капиталъ коммерціи совѣтника цѣнятъ по мѣньшей мѣрѣ въ три милліона. Есть даже и такіе, что считаютъ его въ четырехъ или пяти милліонахъ.

Наружность Алексы не имѣла ничего особенно для него привлекательнаго, скорѣй наоборотъ. Ея пышныя формы были не въ его вкусѣ. Поцѣлуй ея пышныхъ губъ, съ усиками на верхней губѣ, казался ему чуть не противнымъ.

Сначала онъ, правда, находилъ еще удовольствіе въ ея бойкой рѣчи, но это ощущеніе уже значительно пошло на убыль; нерѣдко ея мѣткіе удары не попадали въ цѣль; у него же вошло въ привычку удовлетворять своимъ умственнымъ потребностямъ

своими же собственными средствами. Такъ было и вечеромъ третьяго дня.

Ему было просто забавно разсказывать ей исторію своей юности, придавая ей нѣкоторую поэтическую окраску, обязательно въ искусственно-ложномъ освѣщеніи гётевскаго „Wahrheit und Dichtung". То былъ монологъ, какіе онъ давно привыкъ уже произносить: чисто-случайно оказалась Алекса его единственнымъ слушателемъ. А потомъ они дали другъ другу слово. Или вѣрнѣе говоря: только она—ему. Ни за секунду передъ тѣмъ не думалъ онъ, что дѣло дойдетъ до этого! Но разъ ужъ такъ пришлось,—что жъ, онъ дуракъ, что-ли, чтобы отказаться отъ такой будущности, которая, судя по заключенію всѣхъ и каждаго, должна была сложиться самымъ блестящимъ образомъ? Онъ вѣдь сознавалъ, что по своему развитію онъ стоитъ неизмѣримо выше многихъ, которые въ его глазахъ просто пигмеи,—а между тѣмъ эти пигмеи, несмотря на всю свою глупость, умѣютъ цѣлыми ворохами загребать то, чего у него нѣтъ до сихъ поръ ни крупицы. Хотя его назначеніе въ Берлинѣ и открываетъ ему болѣе благопріятную дорогу, но настоящій свѣтъ прольется на нее отъ золотого отраженія милліоновъ коммерціи совѣтника. Наконецъ, если онъ, Арно, и не любилъ (и никогда не полюбитъ) Алексы, зато на ея красивой маменькѣ, хоть та и старше дочери на девятнадцать лѣтъ, онъ былъ бы готовъ жениться хоть сейчасъ! Рихардъ глуповатый, но зато предобрый малый, а отецъ его также недалекій, но зато премилый человѣкъ. Съ такой семьею отчего же не ужиться, особенно если принять въ разсчетъ дальность разстоянія между Узелиномъ и Берлиномъ.

Такого рода соображенія, наконецъ, разсѣяли дурное настроеніе духа, съ которымъ онъ вернулся домой изъ общества гостей своихъ будущихъ тестя и тещи.

Арно прочелъ двѣ-три странички новаго сочиненія о тифѣ. Затѣмъ улегся спать и заснулъ крѣпкимъ сномъ, безъ сновидѣній, до поздняго утра.

На цѣлый часъ позже обыкновеннаго Арно собрался выйти изъ дому, но въ эту минуту къ нему въ комнату ворвался докторъ Радловъ—блѣдный какъ мертвецъ. Дрожа съ головы до ногъ, онъ былъ не въ силахъ вымолвить ни слова, и наконецъ, съ видимымъ усиліемъ надъ собой, пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя должны были обозначать приблизительно:

— Она... погибла!

Затѣмъ, онъ бросился на первый попавшійся стулъ и разразился громкими слезами и рыданіями.

Арно не приходилось спрашивать: кто погибъ? По комъ же и убиваться Радлову, какъ не по Стинѣ?

Первымъ его движеніемъ было внутренно разсердиться.

„Пожалуй, она постаралась передъ смертью сдѣлать всю больницу свидѣтельницей своего горя! Чего добраго, повѣрила свою тайну г-жѣ Ливоніусъ или какой-нибудь другой изъ больничныхъ служащихъ, или въ предсмертной запискѣ повѣдала всему міру, чего ради она должна была искать смерти“!..

Ни на одно мгновеніе Арно не сомнѣвался, что Стина сама лишила себя жизни.

Строгимъ, начальническимъ тономъ, который только потому не оскорбилъ его сослуживца, что тотъ въ своемъ ужаснѣйшемъ волненіи вовсе его не замѣтилъ, Арно потребовалъ, чтобы Радловъ пересталъ рыдать и охать и разсказалъ бы все, что̀ ему извѣстно.

— Просто даже невѣроятно! — началъ тотъ. — Полицейскій принесъ эту вѣсть въ больницу чуть-что не въ восемь часовъ утра... Кухарка нашла въ своей кухонной книгѣ записку, которую ей туда вложила Стина, и пошла показать г-жѣ Ливоніусъ. Обѣ начали удивляться, гдѣ такъ долго пропадаетъ Стина... Но кто же могъ знать, что такъ ужасно разрѣшится эта загадка. Я побѣжалъ сейчасъ же въ гавань. Вокругъ лодки рыбака толпился народъ. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ пробить себѣ дорогу и узнать отъ него все подробно... Нѣсколько позднѣе явился и самъ полиціймейстеръ и увѣрилъ меня, что никто въ этомъ несчастіи не виноватъ; что не можетъ быть рѣчи даже о простой неосторожности со стороны несчастной, или о случайной оплошности лодочника - рыбака; что это лишь просто совпаденіе роковыхъ обстоятельствъ; что, наконецъ, по всему теченію будутъ искать утопшую, хоть и мало надежды разыскать ее...

Во время разсказа молодого Радлова, Арно успѣлъ совершенно овладѣть собою. Тотъ ужъ готовъ былъ снова разразиться слезами при мысли, что онъ никогда больше не увидитъ любимую дѣвушку, но тутъ Арно уже подъискалъ и нашелъ такія выраженія, которыя въ его устахъ звучали довольно благосклонно и утѣшили бѣднаго влюбленнаго лучше самой высокопарной рѣчи.

— Ничего, коллега, не стыдитесь своихъ слезъ! Она сто̀итъ того, чтобы о ней рыдать, и даже больше, нежели тысячи всякихъ другихъ. Я и самъ любилъ ее, въ своемъ родѣ, такъ что я, по меньшей мѣрѣ, могу сочувствовать вашему горю. Вы знаете, я грубый человѣкъ; когда со мной случается бѣда, я стискиваю зубы и проклинаю злобныхъ духовъ, которые наслали ее на меня.

Но это не въ вашемъ духѣ. Вамъ можетъ помочь только время. Но оно все-таки (повѣрьте мнѣ!) сдѣлаетъ свое дѣло. Да,—время и трудъ: передъ ними никакое душевное страданіе долго не устоитъ. А я ужъ позабочусь, чтобы работы у васъ было вдоволь. Только, само собою разумѣется, не здѣсь! Вы не должны тутъ оставаться, гдѣ вамъ ежедневно, ежечасно все будетъ напоминать ваше горе. Вамъ надо переѣхать вмѣстѣ со мною въ Берлинъ; я ужъ это устрою. Предоставьте мнѣ объ этомъ позаботиться!

Радловъ, растроганный, еще и еще пожималъ руку своему начальнику и коллегѣ. При этомъ Арно испытывалъ какое-то странное ощущеніе, какъ будто онъ самъ, въ качествѣ посторонняго, третьяго лица стоялъ тутъ же и выслушивалъ свои собственныя рѣчи, которыми онъ старался ободрить своего младшаго собрата, но въ то же время какъ будто вовсе не былъ непосредственнымъ участникомъ происшедшаго.

И въ сущности, развѣ оно не такъ и есть? Для него счеты съ нею были покончены: она, Стина, больше не будетъ мѣшать его дальнѣйшей жизненной программѣ...

Въ такомъ равнодушномъ настроеніи поддерживалъ онъ себя цѣлый день неутомимо. Отбылъ свою городскую практику, побывалъ въ больницѣ и спокойно выслушивалъ слезоточивую г-жу Ливоніусъ, которая оплакивала свою погибшую любимицу; убѣдился въ безспорномъ улучшеніи въ состояніи больной, которой Стина въ послѣдній разъ оказала свое участіе, полное любви.

— И даже она въ этомъ мнѣ не поперечила!—восклицала фрау Ливоніусъ, вспоминая свой разговоръ со Стиной о дежурствѣ.—А развѣ улучшеніе въ состояніи больной не есть еще новое доказательство чудной цѣлительной силы, которая, по милости Божіей, всегда исходила изъ этого милаго ребенка?

Арно провелъ вечеръ у своихъ будущихъ тестя и тещи, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ обсуждалъ вмѣстѣ съ ними мѣропріятія, по необходимости вытекавшія изъ будущаго переселенія молодой четы въ Берлинъ. Свадьба должна была состояться перваго сентября, а до тѣхъ поръ оставалось еще шесть недѣль впереди,—то-есть, больше, чѣмъ нужно для закупки приданаго, о которомъ ужъ сами мать и дочь позаботятся въ Берлинѣ. Если время и занятія Арно позволятъ, онъ долженъ будетъ сопровождать ихъ въ Берлинъ. А нѣтъ,—такъ и безъ него обойдутся, тѣмъ болѣе, что для этого особенно удобна его казенная квартира при берлинской больницѣ.

И въ этотъ второй вечеръ тоже не было замѣтно никакого

проявленія нѣжностей между женихомъ и невѣстой. Это даже нѣсколько изумило совѣтника, хотя ему смутно припоминалось, что его жена,—мать Алексы,—когда была невѣстой, иной разъ весьма смущала его своей благородной сдержанностью по отношенію къ нему, какъ жениху. Но относительно Арно онъ не могъ этого сказать: тотъ, повидимому, вовсе не былъ смущенъ. Впрочемъ, совѣтнику такъ часто приходилось слышать, что доктора называютъ „особеннымъ", „исключительнымъ" человѣкомъ.

— Что-жъ, вѣрно ужъ такъ полагается поступать „особеннымъ" людямъ (думалъ онъ въ заключеніе); только у меня, какъ у простого смертнаго, на это вѣроятно не хватаетъ разумѣнія.

Арно довольно рано простился и, вернувшись домой, добрую половину ночи просидѣлъ надъ работой, въ которой приводилъ доказательства, что авторъ сочиненія о тифѣ—самый отъявленный плагіаторъ, который даже списывать чужія слова въ точности не умѣетъ.

XXI.

На другой день, вскорѣ послѣ пріемныхъ часовъ, къ доктору пришла его экономка съ докладомъ, что внизу г-на доктора дожидаетъ старикъ-матросъ, который уже былъ однажды, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вмѣстѣ съ женой.

— Просите!—отвѣчалъ Арно своимъ обычно равнодушнымъ тономъ, не задумавшись. Онъ такъ и самъ понималъ, что отецъ Стины явится къ нему; этого ужъ никакъ нельзя было миновать: „И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше"! думалъ онъ.

А между тѣмъ его растрогало (и сознаніе этого чувства было для него даже непріятно), что старикъ явился не въ своемъ обычномъ матросскомъ нарядѣ, а въ длинныхъ черныхъ брюкахъ, черной курткѣ съ большими пуговицами, съ большой глянцовитой черной шляпою въ рукѣ, съ чернымъ густымъ крепомъ.

Конечно, ужъ не перемѣна въ одеждѣ такъ повліяла на старика, что онъ показался доктору постарѣвшимъ на десять лѣтъ сразу: она не избороздитъ лобъ такими глубокими морщинами, не придастъ глазамъ такого стекляннаго блеска, не протянетъ въ рѣдкихъ сѣдоватыхъ волосахъ такихъ серебристо-бѣлыхъ нитей. Все это можетъ сдѣлать только самое тяжкое сердечное горе.

„И можетъ даже въ чертовски короткое время"!—сказалъ самъ про себя Арно, встрѣчая старика-лоцмана и заставляя его сѣсть. Но какъ слаба, какъ вяла теперь сдѣлалась та самая рука,

которую онъ держалъ въ своей рукѣ; какъ ему была хорошо знакома прежняя мощь, которой теперь уже не было въ ея пожатіи!

— Мой бѣдный старый другъ! Вы только меня предупредили: я самъ хотѣлъ на-дняхъ побывать у васъ на Недурѣ.

Старикъ неподвижнымъ взоромъ уставился въ свою шляпу, обвитую крепомъ.

— Г. докторъ! Мы ее нашли.

— А!

Послѣ долгаго молчанія, Арно спросилъ глухимъ голосомъ:

— Гдѣ?.. Когда?..

— Сегодня, до разсвѣта, г. докторъ, въ два часа; я и Іохенъ Лахмундъ... Мы искали ее на южномъ берегу: вѣдь могло случиться, что ее теченіемъ принесетъ туда. Тамъ теченіе не прекращается никогда, особенно, когда оно быстро, какъ за послѣдніе дни, напримѣръ. Мы провели тамъ уже прошлую ночь, г. докторъ. Іохенъ шелъ съ веста на остъ, а я съ оста на вестъ, пока мы съ нимъ не сходились, наконецъ, на серединѣ; а потомъ опять начинали сначала. И такъ всю ночь напролетъ, г. докторъ. Днемъ это и не нужно: днемъ прямо съ дюны можно оглядѣть весь берегъ.

— Ночью была луна?

— Да, г. докторъ: и даже очень свѣтлая! Вѣтеръ дулъ зюйдъ-зюйдъ-вестъ, такъ среднiй, и прибой былъ слабый. Вотъ я все и говорилъ себѣ:—Если угодно будетъ милосердому Богу, такъ ужъ найдемъ сегодня. Если жъ Господу Богу не угодно, чтобы старикъ-отецъ еще разъ увидалъ свое дитя, то вѣрно Онъ попустилъ, чтобъ ее унесло теченіемъ въ открытое море. И только я еще разокъ такъ подумалъ, и еще прибавилъ про себя:—Ты, милосердый Боже, можешь это сдѣлать, если на это будетъ Твоя воля!—какъ вдругъ вижу что-то такое—то нырнетъ, то снова вынырнетъ... шагахъ въ шестидесяти отъ берега. Тамъ вѣдь семь футовъ глубины: выемка не изъ глубокихъ; а потомъ идетъ песчаная коса, на которой почти не бываетъ воды. Отъ выемки до берега и совсѣмъ мелко, какихъ-нибудь одинъ-два фута по ровному песку. Будь это во всякое другое время, я бы сказалъ: это моржъ! а теперь я зналъ, что это... *она*! У насъ все это время уже стояла у берега лодка—такъ, на всякій случай, г. докторъ. Это было совсѣмъ близко отъ лодки, да и Іохенъ былъ тутъ же, недалеко. Я крикнулъ:—Іохенъ! Іохенъ! Онъ прибѣжалъ, какъ только могъ скорѣе, мы спустили лодку на воду и принялись грести *туда* наперерѣзъ прибою. И въ самомъ дѣлѣ, г. докторъ: то была она. Тѣло ея наполовину лежало на песчаной косѣ, а

другой половиной было еще въ глубокой выемкѣ, подъ водою. Только-что я успѣлъ ухватиться за *нее*, какъ она снова соскользнула въ воду и совсѣмъ погрузилась. Это было ужасно!.. Теченіе здѣсь особенно сильно, надъ углубленіемъ... Что, если *она* не выплыветъ?.. Но, вотъ, я ее увидалъ тамъ, подъ водою. Вода была совершенно прозрачна, луна свѣтила ярко. Она стояла вверхъ лицомъ: ее поддерживало напоромъ теченія, которое внизу сильнѣе, нежели наверху. Я достаю до нея, хватаю за волосы... Они распустились и всплыли наверхъ, прямо мнѣ въ руку. За ними показалось наверху и все тѣло... Это было ужасно, г. докторъ—тащить свое родное дѣтище за волосы, такъ грубо!.. Но что жъ мнѣ было дѣлать? Вотъ мы вытащили ее на ровное теченіе, и Іохенъ спрыгнулъ въ воду и вынесъ ее наружу... А тамъ мы уже вмѣстѣ понесли ее домой...

Старикъ-лоцманъ, изъ своей шляпы, которую все еще держалъ между колѣнъ, вынулъ красный платокъ, которымъ и отеръ потъ, сверкавшій каплями у него на лбу. Затѣмъ, опять положилъ платокъ обратно въ шляпу, сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая встать, но остался опять сидѣть на мѣстѣ неподвижно, глядя во внутрь шляпы, на дно.

— Г. докторъ...

— Ну, говорите, мой милый Пребровъ!

— На ней вѣдь было платье... такое, какое вѣроятно полагается носить въ больницѣ. Жена высушила и выгладила его. Я его привезъ съ собой и отдалъ тамъ, внизу.

— Да это и не нужно... А все-таки, благодарю васъ.

— Я и тамъ, на берегу, въ гавани, говорилъ съ Кришаномъ Гёфтомъ и съ другими. Они всѣ говорятъ: у нея былъ надѣтъ платокъ, когда она упала въ воду. Но его, вѣрно, унесло теченіемъ; когда мы ее отыскали, на ней больше ничего не было. А то я бы привезъ съ собою.

— Ну, право, вы только дѣлаете себѣ лишнія хлопоты. А я такъ думаю совсѣмъ о другомъ. Наша больница кругомъ обязана Стинѣ за тѣ большія и многочисленныя услуги, которыя она оказывала ей съ самаго начала своего пребыванія и до самой послѣдней минуты. Для больницы принять на себя заботы о ея погребеніи значило бы воздать ей лишь въ слабой мѣрѣ долгъ благодарности. Вѣдь вы ее хороните въ Тиссовѣ?

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, г. докторъ: мы своихъ погребаемъ у себя на кладбищѣ, на Недурѣ, между сѣверо-западными дюнами. Тамъ ужъ лежатъ десять человѣкъ, жившихъ на Недурѣ, и еще трое, кото-

рыхъ пригнало волной, какъ мою Стину. Иногда для этого къ намъ пріѣзжаетъ изъ Тиссова г. пасторъ, а иной разъ и нѣтъ, если бываетъ буря. Ну, тогда Бонзакъ или кто другой за него прочтетъ молитву: мы думаемъ, что для Господа Бога это все едино. Если кого къ намъ принесетъ волной, тому дѣлаетъ гробъ правительство. И Бонзакъ мнѣ ужъ говорилъ, что такъ какъ я бѣдный человѣкъ, а *ее* тоже принесло волной, то ей должно правительство сдѣлать гробъ на свой счетъ. Но я этого не потерплю, г. докторъ! За гробъ моему дѣтищу заплачу я самъ!

Голосъ старика-лоцмана зазвучалъ почти рѣзко; морщинистыя руки, державшія шляпу, задрожали.

Арно счелъ неблагоразумнымъ дальше разспрашивать его.

— Вы сегодня же назадъ, Пребровъ?—только спросилъ онъ.

— Да, г. докторъ, какъ только гробъ будетъ доставленъ на лодку. Можетъ быть, онъ будетъ уже тамъ, когда я вернусь.

Старикъ всталъ. Арно нерѣшительно послѣдовалъ его примѣру. Ему хотѣлось еще что-то сказать; это не было трудно, а сказать надо было.

— Слушайте, Пребровъ! Я здѣсь—главное лицо и директоръ больницы, на пользу которой трудилась ваша дочь, и за которую она даже, такъ сказать, животъ свой положила. Это въ порядкѣ вещей, чтобы я, отъ имени больницы, отдалъ ей послѣдній долгъ. Поэтому прошу васъ позволить мнѣ поѣхать съ вами на Недуръ. Задержки вамъ не будетъ никакой: въ полчаса я готовъ.

— Нѣтъ, г. докторъ, это невозможно!

— Но почему же?

— Г. докторъ! Вы желали добра нашей Стинѣ; я такъ и говорю! И жена моя, и Бонзакъ, и всѣ другіе говорятъ. Но одинъ только человѣкъ этого не говоритъ...

— Іохенъ Лахмундъ?

— Да, г. докторъ! Онъ ужъ очень дурно говоритъ объ васъ, какъ я ни стараюсь повторять:—Іохенъ, не бери на себя грѣха!.. Видите ли, г. докторъ, онъ такъ любилъ Стину и всегда былъ увѣренъ, что когда-нибудь она все-таки выйдетъ за него. Такъ вотъ, онъ и говоритъ, что вы стали между ними—и всему пришелъ конецъ.

— Ужъ не думаете ли вы, что я вашего Іохена боюсь?

— Нѣтъ, г. докторъ. Я этого не думаю. Мнѣ только не хотѣлось бы, чтобъ разгорѣлась ссора, пока Стина еще на землѣ, или послѣ того, какъ ее только-что опустятъ въ могилу. Прогнать Іохена прочь я не могу: самъ Бонзакъ говоритъ, что Лахмундъ не заслужилъ этого отъ Стины. Я вѣдь его, Бонзака,

сегодня утромъ спрашивалъ, какъ онъ думаетъ: надо ли просить г-на доктора на похороны, или нѣтъ? „Я не могу взять на себя эту отвѣтственность, — говоритъ онъ: — Іохенъ себя не помнитъ, когда обозлится," — говоритъ. Видите ли, г. докторъ, у насъ на Недурѣ Бовзакъ — самый старшій, — ну, какъ бы здѣсь у васъ полиція, что-ли. Таковъ уже у насъ, лоцмановъ, законъ, что мы должны дѣлать все, что̀ онъ ни скажетъ... Такъ ужъ, пожалуйста, не судите, г. докторъ!

И онъ протянулъ Арво руку. Дрожь пробѣжала по спинѣ у доктора при воспоминаніи, что на этомъ же самомъ мѣстѣ, пожимая эту самую руку, онъ обѣщалъ старику, что будетъ вѣрно и честно *беречь* его дочь...

„А впрочемъ, кому принесло бы это пользу, еслибъ я признался, что не сдержалъ данной клятвы"? — возразилъ онъ мысленно самъ себѣ.

— Ну, полноте, Пребровъ! — проговорилъ онъ вслухъ, крѣпко пожимая ему руку. — Въ концѣ концовъ, такъ оно даже лучше! Мнѣ и безъ того жаль этого бѣднягу; я не хочу, чтобы изъ-за меня онъ воображалъ себя еще болѣе несчастнымъ.

Старикъ вышелъ. Арно неподвижнымъ взоромъ посмотрѣлъ на дверь, которая захлопнулась за нимъ.

„Не позвать ли его назадъ? Не сказать ли?.. Вотъ еще вздоръ какой! На это я даже права не имѣю. Она же сама пожелала, чтобы смерть ея казалась случайной. Ну, пусть ужъ такъ и будетъ, если не ради меня, то хоть ради нея"...

Арно взялъ свою шляпу и палку и отправился на практику.

Вѣсть, что тѣло Стины отнесло на Недуръ и что отецъ пріѣхалъ ей за гробомъ, разнеслась по всему городу, какъ, впрочемъ, и все, что̀ хоть въ какомъ-либо отношеніи нарушало пустоту и однообразіе будничной жизни. Однимъ случилось видѣть, какъ ея гробъ двое мальчиковъ везли на телѣжкѣ изъ дома столяра Мейнкса по Землосской улицѣ; другіе даже видѣли, какъ онъ стоялъ на лодкѣ лоцмана, у мостковъ, пока старикъ не прикрылъ его парусомъ.

Неоднократно въ теченіе дня многіе заговаривали съ докторомъ о замѣчательномъ происшествіи, которое должно было близко касаться его самого, какъ директора больницы.

— А что̀, докторъ, — спрашивали его: — какъ скоро можетъ наступить смерть для человѣка, который упалъ въ воду? Вѣдь есть же люди, которые, ныряя, могутъ оставаться до двухъ минутъ

подъ водою... А тяжелая эта смерть—тонуть?.. А сколько времени должно тѣло пробыть въ водѣ, пока сдѣлается совершенно неузнаваемымъ?.. А рыбы портятъ также и свѣжія тѣла, или нѣтъ?..

Никто не могъ пожаловаться, чтобы докторъ Арно уклонялся отъ отвѣта на эти интересные вопросы. Многіе находили даже, что сегодня онъ особенно участливъ и предупредителенъ, несмотря на то, что онъ не очень скупился (по своему обыкновенію) на обычныя ѣдкости и остроты. Такова ужъ была у него привычка, къ которой приходилось по неволѣ привыкать всѣмъ, кто только хотѣлъ у него лечиться.

Къ вечеру его ждали у будущихъ тестя и тещи, но онъ долженъ былъ послать имъ сказать, что не будетъ: почти подъ вечеръ за нимъ прислали изъ далекаго села, гдѣ одновременно проявилось нѣсколько тяжелыхъ случаевъ тифа. Онъ даже самъ не знаетъ, когда придется вернуться; можетъ быть, даже очень поздно. Онъ просилъ ни подъ какимъ видомъ не ждать его за ужиномъ.

И въ самомъ дѣлѣ было уже одиннадцать часовъ, шелъ двѣнадцатый, когда небольшая деревенская телѣжка, въ которой два мѣшка сѣна замѣняли сидѣнія, довезла его обратно, до дому. Арно чувствовалъ сильную усталость и напряженіе нервовъ послѣ цѣлаго дня работы, не давшей ему ни минуты настоящаго отдыха. Противу своего обыкновенія, онъ немедленно улегся въ постель и почти тотчасъ же заснулъ, глубокимъ сномъ безъ сновидѣній. Онъ не могъ бы сказать, долго ли онъ такимъ образомъ проспалъ, когда вдругъ проснулся. Съ вечера усталость помѣшала ему спустить занавѣски на окно, когда онъ ложился, и теперь луна ярко освѣщала стѣну, которая была какъ разъ напротивъ обоихъ оконъ. Тамъ по стѣнѣ стоялъ большой дубовый шкафъ и его почернѣвшая отъ времени поверхность какъ бы вбирала въ себя лунный свѣтъ.

Часы на башнѣ св. Іоанна пробили четыре четверти. Вѣтеръ былъ вѣроятно съ гавани; такъ ясно, отчетливо звучали удары. Потомъ, послѣ краткой остановки, на терцію ниже и гуще, медленно пробили два.

Въ то время, когда еще не совсѣмъ замеръ послѣдній ударъ, на стѣнѣ, по которой стоялъ шкафъ, показалось странное сіяніе, въ родѣ луннаго свѣта, который отражается на чуть трепещущей поверхности воды. Потомъ онъ увидалъ и ту часть воды, которая была глубже и несравненно темнѣе, нежели верхняя, свѣтлая часть ея. Въ водѣ стояла прямо женская фигура; ея лицо и туловище были въ болѣе свѣтлыхъ верхнихъ слояхъ воды, а остальная часть тѣла — въ темныхъ. Арно могъ ясно различить лицо

Стины. Глаза ея были только на половину закрыты и падавшій въ нихъ свѣтъ придавалъ имъ жизненный блескъ. Какъ и вода, окружавшая тѣло, которое чуть-чуть то поднималось, то опускалось, такъ и распустившіеся съ одной стороны бѣлокурые волосы вмѣстѣ съ нею то поднимались, то опускались, колыхаясь какъ тончайшія нити морской травы. На ней было темно-синее платье больничной сидѣлки; бѣлыя руки были положены одна на другую, ниже груди...

Это видѣніе, тихо колыхаясь, то опускаясь, то снова поднимаясь, какъ бы подъятое мѣрнымъ теченіемъ, медленно плыло слѣва направо... и пропало. Еще немного виднѣлась лишь серебристая поверхность воды, но вскорѣ и та исчезла... пропала...

Опять только шкафъ, какъ и прежде, темнѣлъ на стѣнѣ, выдѣляясь своими очертаніями изъ темноты.

Въ тотъ мигъ, когда пропало видѣніе, Арно зажегъ свѣчу. Онъ зналъ, что его часы (онъ случайно въ этомъ еще сегодня убѣдился) совершенно вѣрны по башеннымъ часамъ. Если предположить, что съ того момента, когда замеръ послѣдній ударъ, и до того, когда онъ зажегъ спичку, едва прошло полминуты, то, значитъ, видѣніе длилось всего нѣсколько секундъ, несмотря на то, что ему показалось, будто оно заняло цѣлыхъ десять. По меньшей мѣрѣ, разъ двѣнадцать видѣлъ онъ, какъ тѣло Стины медленно поднялось и такъ же медленно опустилось. Судя по своимъ ощущеніямъ, Арно могъ предположить, что прошла навѣрно цѣлая минута, пока въ блестѣвшихъ струяхъ воды появилось тѣло, и вѣрно еще минута послѣ того, какъ оно исчезло и какъ угасла блестящая поверхность воды.

Для него не оставалось сомнѣнія, что у него просто была галлюцинація, и уже не впервые приходилось ему съ нею вѣдаться. Не дальше, какъ дня три тому назадъ, въ больницѣ, ему вдругъ почудилось, что передъ нимъ не дверь, а бѣлый парусъ на далекомъ морскомъ просторѣ. Но такой подробной до самыхъ мелочей галлюцинаціи еще никогда ему не случалось испытать. По всей вѣроятности тому причина — отсутствіе вымысла, который въ данномъ случаѣ никакой роли не игралъ: все видѣнное было лишь воспроизведеніемъ посторонней картины. Все это было точнымъ повтореніемъ тѣхъ обстоятельствъ и условій, при которыхъ, по разсказу старика Преброва, тотъ нашелъ трупъ дочери своей. Весьма естественно, что все это, безъ вѣдома Арно, запечатлѣлось въ его памяти глубоко и теперь ожило въ его сновидѣніяхъ; затѣмъ, проснувшись, онъ, Арно, по всей вѣроятности,

продолжалъ еще видѣть сонъ на яву, или, вѣрнѣе, думалъ, что еще продолжаетъ его видѣть.

Все это психологически вѣрно вытекало одно изъ другого: такъ же вѣрно было и то, что психологическому состоянію доктора надежнымъ подспорьемъ оказывалось и физическое. Онъ измѣрилъ себѣ температуру: градусникъ показалъ тридцать-восемь и три-десятыхъ, т.-е. легкую лихорадку, которой вполнѣ соотвѣтствовалъ рѣзкій, усиленный пульсъ: девяносто-пять въ минуту.

Все-таки это былъ интересный случай, который стоилъ того, чтобы надъ нимъ дѣлать тщательныя наблюденія и воспроизвести его на словахъ въ журналѣ по нервнымъ болѣзнямъ, въ которомъ онъ, при случаѣ, принималъ участіе въ качествѣ сотрудника.

Поэтому, Арно поспѣшно подошелъ къ своему столу и набросалъ нѣсколько замѣтокъ, чтобы утромъ быть совершенно увѣреннымъ, что онъ ничего не позабылъ. Затѣмъ онъ принялъ среднюю дозу порошка, къ которому совѣтовалъ и другимъ прибѣгать въ подобномъ состояніи, и который онъ имѣлъ всегда у себя подъ рукою. Еще четверть часа пролежалъ онъ въ постели, мысленно занимаясь продолженіемъ своей вчерашней обличительной статьи, и опять уснулъ крѣпкимъ сномъ.

XXII.

Пророчество доктора Арно, что ближе къ осени разовьется тифозная эпидемія, оправдалось. Деревня за деревней быстро заражались; особенно круто приходилось тѣмъ изъ нихъ, которыя лежали внизъ по теченію, между городомъ и взморьемъ. Населеніемъ овладѣлъ страхъ, перешедшій въ паническій ужасъ, когда разнеслась молва, будто въ двухъ мѣстахъ свирѣпствуетъ тифъ въ самой своей ужасной формѣ, а именно — пятнистый тифъ.

Молва, однако, не ошиблась: опасность отъ заразы не могла достигнуть болѣе высокой степени.

Слишкомъ поздно взялось городское управленіе за мѣры, на которыхъ Арно настаивалъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ органахъ печати. Правительство выказало лихорадочно-горячую дѣятельность, которая весьма мало могла оказать пользы теперь, когда бѣдствіе уже достигло такихъ ужасающихъ размѣровъ. Все-таки эти мѣры помогли хоть немного успокоить тревогу обывателей. Съ особой благодарностью указывали всѣ на то, что былъ присланъ въ Узелинъ и въ большинство зараженныхъ мѣстностей цѣлый отрядъ врачей.

— Такъ что теперь, по крайней мѣрѣ, люди ужъ могутъ быть спокойны, что умрутъ по всѣмъ правиламъ медицинскаго искусства!—говорилъ плотникъ Валь, всѣмъ извѣстный въ городѣ шутникъ и острякъ.

Арно съ своей стороны давно уже пріучилъ всѣхъ къ тому, что его искусство и способность къ труду далеко переходятъ за границы обыкновенныхъ; но теперь они, казалось, въ немъ стали еще вдвое, втрое больше! Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстнымъ его назначеніе въ Берлинѣ, онъ сдѣлался непреложнѣйшимъ авторитетомъ не только для молодыхъ, но и для старшихъ своихъ коллегъ. Да, впрочемъ, и могло ли быть иначе, когда виднѣйшіе изъ докторовъ, стоявшіе во главѣ медицинскаго искусства и науки, присланные въ Узелинъ министерствомъ для изученія тифозной эпидеміи на мѣстѣ, оказывали доктору Арно особое почтеніе, какое принято оказывать только равнымъ себѣ; они опять-таки настаивали на томъ, чтобы всѣ смотрѣли на его мнѣніе какъ на законъ.

Каждый „имѣющій глаза, чтобы видѣть", видѣлъ, какіе чудеса трудовъ и искусства творилъ изо дня въ день тощій человѣкъ съ обострившимися чертами лица; никто не подозрѣвалъ (да и не могъ подозрѣвать), какіе ужасы выстрадалъ онъ за всѣ эти дни и недѣли, изъ ночи въ ночь.

Каждую ночь неизмѣнно—часъ въ часъ, минута въ минуту, секунда въ секунду—являлось передъ нимъ зловѣщее видѣніе, при тѣхъ же условіяхъ и все въ томъ же видѣ. Сначала—сверкающая вода; потомъ—тѣло женщины стоймя, съ бѣлыми руками, скрещенными ниже груди, съ полуоткрытыми глазами, съ распустившимися въ водѣ золотистыми волосами; оно колыхалось, то поднимаясь, то опускаясь, медленно проплывая мимо, передъ нимъ. Затѣмъ, снова однѣ лишь сверкавшія струи воды, которыя блѣднѣли... исчезали!..

Онъ положительно установилъ фактъ, что на самомъ дѣлѣ это явленіе продолжалось всего только три секунды; но, несмотря на это, впечатлѣніе, что это длилось цѣлыхъ десять минутъ, не измѣнялось. И въ самомъ дѣлѣ, это явленіе могло усилиться, судя по тому, что теперь оно даже не будило его отъ сна, а прямо наступало совершенно на яву—тогда, какъ онъ повидимому владѣлъ вполнѣ своими пятью чувствами. Разница была только въ томъ, что ярко свѣтившая лампа, у него на рабочемъ столѣ, и свѣчи, которыя онъ зажигалъ сверхъ того, какъ бы потухали на то время, пока длилась галлюцинація.

Арно ужъ и то пускался на разные съ нею опыты. Онъ

ожидалъ, что призракъ можетъ появиться передъ нимъ на открытомъ воздухѣ, въ обществѣ, у постели больного: онъ зналъ, что никуда отъ него не уйдетъ. Видѣніе не мѣшало ему даже ни писать, ни говорить: перо продолжало механически работать; языкъ также не отказывался ему служить ни на минуту.

Когда съ нимъ случался подобный припадокъ, онъ тщательно разспрашивалъ присутствовавшихъ, не замѣтно ли имъ какой перемѣны?

Но нѣтъ: никто начего не замѣчалъ, даже когда Арно увѣрялъ, что онъ только-что въ ихъ присутствіи на мигъ потерялъ сознаніе.

— Вы просто слишкомъ переутомились, коллега, — говорилъ ему докторъ Радловъ.—Вамъ бы хоть на нѣсколько дней отдохнуть отъ работы, въ которую вы себя впрягли. Во всякомъ случаѣ, вамъ надо выспаться. Я бы вамъ настоятельно совѣтовалъ принять нѣсколько разъ по небольшой дозѣ морфія; если же вы его не выносите, то хоть какого-нибудь другого наркотическаго средства.

Арно уже давно прибѣгалъ къ усыпительнымъ средствамъ въ сильныхъ и все въ сильнѣйшихъ дозахъ; но они скорѣе ухудшили, нежели улучшили его состояніе. Какъ испуганный, пробуждался онъ отъ самаго крѣпкаго искусственнаго сна и ясно видѣлъ, какъ передъ нимъ медленно плыла „она"; только въ такихъ случаяхъ ему казалось, что время, которое предшествовало „ея" появленію, было дольше, нежели когда-нибудь. Онъ зналъ прекрасно, что такое состояніе могло привести его только на тотъ путь, съ котораго для Лоры Зибольдъ уже не было возврата,—путь, въ концѣ котораго неизбѣжно было сумасшествіе.

Въ самое первое время ихъ знакомства, когда онъ еще былъ знакомъ съ Зибольдами лишь въ качествѣ врача, онъ самъ неоднократно дѣлалъ ей вспрыскиванія морфія, для облегченія случайныхъ приступовъ невралгіи, которою она страдала. Но это случайное зло грозило перейти въ постоянное, хроническое, и съ той минуты, какъ это ему стало ясно, Арно больше не прописывалъ ей морфія, чтобы она къ нему не привыкала. Но было уже поздно! Она не могла отъ него отстать. Во всемъ, рѣшительно во всемъ другомъ власть его надъ Лорой была безгранична, но только не въ этомъ отношеніи. Выдумки и уловки Лоры для того, чтобы добыть себѣ этотъ ядъ, были просто неистощимы.

Ходили слухи, что она не боялась прибѣгать даже къ самымъ низкимъ и неблаговиднымъ средствамъ для того, чтобъ только достиг-

нуть своей цѣли. Мужъ ея, напуганный докторомъ, отказывался быть въ этомъ случаѣ ея покорнѣйшимъ пособникомъ и рабомъ, несмотря на всѣ ея просьбы; тогда поочередно черезъ ея руки прошли провизоры и аптекарскіе помощники, и ни одного не нашлось такого, который былъ бы въ состояніи устоять до конца передъ ея соблазнительными чарами. По поводу морфія между Арно и ею выходили страшныя сцены, во время которыхъ она проливала горячія слезы и клялась всѣми святыми на свѣтѣ, что отстанетъ отъ своего постыднаго порока, какъ только онъ убѣдитъ ее на дѣлѣ, что любитъ ее. И вѣроятно, съ ея стороны это не было пустымъ выраженіемъ: постоянныя сомнѣнія его любви къ ней имѣли даже худшія послѣдствія, нежели невралгическія боли. Подъ конецъ Зибольдъ былъ вынужденъ, вслѣдствіе упорныхъ настояній своего домашняго врача, д-ра Ганнемана, отправить жену въ заведеніе для нервно-больныхъ или, проще говоря, въ „домъ умалишенныхъ". Докторъ Ганнеманъ самъ отвезъ туда свою паціентку. Арно узналъ объ этомъ въ тотъ же самый день изъ устъ ея супруга, съ которымъ встрѣтился въ портерной на Гаваньской площади; туда онъ обыкновенно заходилъ съѣсть нàскоро легкій завтракъ.

Когда Арно вошелъ, Зибольдъ сидѣлъ передъ уже опорожненной бутылкой и былъ немного смущенъ появленіемъ доктора.

— Чтò подѣлаваете, любезный докторъ?—проговорилъ онъ, притянувъ Арно почти насильно къ своему столу и заставляя его выпить стаканъ вина. — Надо же, наконецъ, имѣть куражъ, хоть и теряешь все самое дорогое на свѣтѣ! Вы вѣдь всегда говорили, что къ этому рано или поздно придется придти. Я не рѣшался вѣрить. Такая она умная, такая добрая женщина! Ну, да, Боже мой! и у нея были свои маленькіе недостатки, но гдѣ та женщина, у которой ихъ нѣтъ? Хотя бы, напримѣръ, исторія съ этой Стиной Пребровой, пока она была у насъ! Да впрочемъ, и тутъ обошлось бы все прекрасно, если бы не Мальвина... А, понимаю! Я, очевидно, касаюсь больного мѣста. Бѣдное дитя! Вы вѣдь такъ желали ей добра! А тутъ еще моя злополучная Лора! Ей уже не вернуться, — говоритъ докторъ Ганнеманъ.— Никогда, никогда въ жизни!..

Маленькій человѣчекъ снялъ свои золотые очки и своимъ желтымъ фуляровымъ платкомъ протеръ стеклышки, чтобы дать возможность предположить, будто при послѣднихъ словахъ глаза его увлажнились слезами.

Эта краткая рѣчь произвела на доктора Арно самое отталкивающее впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ будто бы нечаянно

наступилъ на черепаху. И въ сущности, не онъ ли кругомъ виноватъ въ несчастіи Лоры? Не онъ ли кругомъ виноватъ и въ смерти Стины? Ужъ не начнетъ ли теперь ему являться Лора, отгоняя отъ него сонъ, какъ уже давно является Стина?

„А вотъ и та, уже третья; она ожидаетъ, что я дамъ ей то, что̀ люди называютъ счастьемъ. Ей тоже слѣдовало бы приготовиться къ тому, что я, пожалуй, могу доставить ей обратное. Развѣ это не моя прямая обязанность, по крайней мѣрѣ, предупредить невѣсту? Обязанность?! Вотъ еще вздоръ какой! Пусть каждый самъ постоитъ за себя. Эта съумѣетъ: она умна и хладнокровна отъ природы. И мать ея, вдобавокъ, тоже умна и хладнокровна"...

Ему, Арно, вѣдь никто не приходилъ и не придетъ на помощь. Онъ никому не можетъ сказать, что онъ уже стоитъ на рубежѣ къ сумасшествію, что онъ уже теперь началъ съ ума сходить.

„Теперь нужно держать ухо востро̀! Никому не давать заглянуть въ тайникъ души своей! — думалъ тревожно Арно.—Не упустить бы только моментъ, когда я начну терять власть надъ собой; когда я невольно самъ могу выдать себя. Только бы успѣть за минуту передъ тѣмъ выпить ядъ, который у меня ужъ давно готовъ съ этой цѣлью".

— Придетъ сегодня вечеромъ Арно?—спросила г-жа Моорбекъ.

— Почему я могу знать, мама̀, когда онъ даже самъ никогда не знаетъ, въ какое время ему это окажется возможнымъ.

Обѣ дамы сидѣли, каждая со своей работой, въ глубокой амбразурѣ окна, которое выходило на площадь, осѣненную длинной тѣнью отъ церкви св. Николая.

— Что̀ за ужасную жизнь онъ ведетъ!—начала снова г-жа Моорбекъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Право, я могу только восхищаться твоимъ терпѣніемъ и невозмутимостью.

— Весьма мило съ твоей стороны, мама́,—возразила Алекса, вынимая изъ корзинки шолкъ;—но, право, я не знаю, чѣмъ тутъ восхищаться. Нетерпѣніемъ и тревогой ничего бы я не взяла. Сверхъ того, я знала же, что онъ—докторъ, и что доктора никогда не располагаютъ своимъ временемъ, какъ всѣ другіе люди. Тутъ еще подвернулась эта ужаснѣйшая эпидемія. Конечно, это роковая и даже весьма плачевная случайность. Но она же даетъ ему возможность доказать, что онъ—человѣкъ первенствующаго достоинства въ своемъ дѣлѣ... въ чемъ, впрочемъ, я никогда, кстати сказать, не сомнѣвалась.

— Такъ же, какъ и я. Однако...

— Чтò же, мамà: „однако"?..

Совѣтница Моорбекъ сдѣлала нѣсколько стежковъ, которые, она знала, ей все равно придется распороть. Наконецъ, рѣшительнымъ движеніемъ она положила работу въ корзинку и сказала:

— Дитя мое! Мнѣ надо бы поговорить съ тобой серьезно.

— Пожалуйста, мамà!

— Дѣло касается твоихъ отношеній къ Арно.

— Моихъ отношеній къ Арно? Да они хороши, — какъ нельзя быть лучше!

— Не знаю: мнѣ они нравятся, только не совсѣмъ. Надѣюсь, ты не разсердишься, если я выскажу свое мнѣніе совершенно откровенно?

— Зачѣмъ же это, мамà? Тѣмъ болѣе, что я и безъ того его знаю. Мы, на твой взглядъ, недостаточно нѣжны другъ съ другомъ. Чтò, угадала?

— Угадала, да не совсѣмъ. Пожалуй, и я сама была невѣстой не изъ нѣжныхъ.

— Ну, тогда въ чемъ же дѣло?

— Трудно тебѣ сказать, дитя!.. Любовь моя къ твоему отцу также была не изъ страстныхъ: я полагаю, этого нѣтъ вовсе у меня въ характерѣ. А все-таки я питала къ нему чистое, сердечное влеченіе. Я сама себѣ говорила: быть можетъ, мы никогда другъ друга не поймемъ; но всегда и во всякое время я могу на него безусловно положиться.

— Я и полагаюсь на Арно *безусловно*!

— А между тѣмъ, казалось бы, трудно положиться на такого человѣка, котораго трудно постигнуть.

— Отчего же? Я только-что сегодня блестящимъ образомъ доказала это на дѣлѣ.

— Но чѣмъ же это?

— Тѣмъ, что прогнала Мальвину, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

— Но потому что она была съ тобой дерзка.

— Да, я такъ назвала ея поведеніе; но единственно потому, что другого названія я дать ему не смѣла.

— Для меня—это все загадки, милое дитя.

— Которыхъ я, къ сожалѣнію, не могу тебѣ разгадать.

— Ты бы хотѣла, вѣроятно, перемѣнить предметъ разговора.

— Говоря откровенно: да, мамà!

Г-жѣ Моорбекъ и самой не было непріятно имѣть поводъ замолчать подъ благовиднымъ предлогомъ. Ей сдѣлалось очевид-

нымъ, что было бы гораздо болѣе неловкимъ, нежели можно предполагать, признаться своей энергичной дочери, что она испытываетъ тяжкую тревогу по поводу ея жизни въ будущемъ; сказать ей прямо, что она ошиблась въ разсчетѣ, что ничуть не исполнилась ея надежда на то, что съ теченіемъ времени отношенія жениха и невѣсты станутъ нѣжнѣе, сердечнѣе, горячѣе; сказать, что она даже вынуждена оставить всякую надежду на исполненіе этой мечты, хотя бы въ будущемъ.

„Вотъ и сейчасъ, развѣ не натолкнулась я на нѣчто весьма оригинальное? — думала она. — Алекса не хотѣла или, какъ она говоритъ, „не смѣла" назвать настоящую причину, по которой она сегодня отказала своей горничной, и настояла, чтобы та немедленно оставила нашъ домъ. Что жъ это могло быть такое, если не сплетни „этой особы" насчетъ настоящихъ отношеній Арно къ г-жѣ Зибольдъ? Цѣлью ихъ было, конечно, желаніе Мальвины вообще подслужиться, пріобрѣсти въ глазахъ своей госпожи важное значеніе; наконецъ, просто желаніе заслужить ея благодарность, или же чисто по злости, или по другому какому поводу.

Она же сама, т.-е. г-жа Моорбекъ, никогда и не думала видѣть въ отношеніяхъ Лоры Зибольдъ и Арно (что бы тамъ люди ни болтали!) что-либо другое, кромѣ слишкомъ далеко зашедшаго ухаживанія, flirtation—которое, впрочемъ, можетъ быть потому только и казалось ей самой такимъ противнымъ, что она считала его недостойнымъ доктора Арно.

„Или ужъ не сказала ли ей *та* чего-нибудь лишняго, потому что это лишнее было ей извѣстно? Не наговорила ли она, пожалуй, и такого, чего ушамъ Алексы никогда не полагалось бы услышать?—продолжала совѣтница думать свои думы.— И Алекса не дала себя провести: она, очевидно, послѣ сообщенія Мальвины, какъ и до него, вѣрила своему жениху, вѣрила безусловно!

„Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, и мнѣ лучше всего молчать, затая въ душѣ мои материнскія сомнѣнія и тревоги, и предоставить обоимъ самостоятельно вступать въ жизнь...

„Люди выдающіеся, необыкновенные, не идутъ по торному пути"...

Да! А вѣдь Арно человѣкъ положительно „не" обыкновенный. Въ этомъ совѣтница никогда не сомнѣвалась; никогда противъ этого не спорила, хоть и во многомъ могла бы укорить Арно...

Да и сама Алекса—дѣвушка не изъ обыкновенныхъ: въ этомъ

мать ея успѣла убѣдиться за истекшіе нѣсколько мѣсяцевъ ихъ совмѣстной жизни.

Между тѣмъ, пока совѣтница думала безмолвно свои думы, умолкла и Алекса. Гаваньская площадь теперь вся была въ тѣни; только надъ верхушками домовъ еще играли послѣдніе лучи румянаго заката.

— Вонъ идетъ Арно! — проговорила Алекса, которая давно уже отложила въ сторону работу и молча слѣдила за тѣмъ, какъ меркло дневное освѣщеніе.

— Ну, такъ я исчезаю!—сказала совѣтница, вставая и вынимая изъ корзины связку ключей.—Ты что на это скажешь?

— Какъ хочешь, мамà.

— Вотъ ужъ четыре дня, какъ вы почти не имѣли возможности перекинуться словечкомъ. Понятно, онъ просидитъ у насъ весь вечеръ, если у него есть время.

— Ну, разумѣется, мамà!

Невѣста сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу жениху, подала ему руку, а онъ поднесъ ее къ своимъ губамъ. Поцѣлуй былъ не изъ горячихъ, и Алекса не могла удержаться отъ улыбки.

Они усѣлись въ амбразурѣ окна; Арно—въ креслѣ-качалкѣ, съ котораго только-что встала г-жа Моорбекъ.

— А гдѣ мамà?—спросилъ онъ.

— Она только-что была здѣсь, но ушла, когда увидала, что вы идете,—возразила Алекса.

— Это почему?

— Потому что, какъ она говоритъ, мы за „послѣдніе четыре дня почти не имѣли возможности перекинуться словечкомъ“.

— Но это не моя вина.

— Она этого не говорила, да и конечно не подумала.

— А вы это думаете?

— Нѣтъ; я знаю, что вы работаете на пользу своего призванія и день, и ночь, до полуночи, а то и всю ночь напролетъ.

— Женщины не всегда выводятъ изъ фактовъ *надлежащія* заключенія.

— А что если изъ того факта, что сегодня, когда мы, наконецъ, имѣемъ возможность побыть вдвоемъ, наединѣ, безъ помѣхи, у васъ нѣтъ для меня ни ласковаго слова, ни привѣтливаго взгляда, я возьму, да и выведу заключеніе: „онъ тебя больше ужъ не любитъ“! Найдете вы такое заключеніе правильнымъ и *надлежащимъ*?..

— Мы бы должны были съ самаго начала установить вопросъ, чтò мы такое понимаемъ вообще подъ словомъ *любовь*.

— Мнѣ кажется то, чтò *я* подъ этимъ словомъ понимаю, будетъ достаточно для васъ яснымъ, какъ только я вамъ разскажу, чтò сегодня случилось.

— Разскажите, пожалуйста!

— Мальвина (вы знаете ее!) сегодня, одѣвая меня къ обѣду, вдругъ сказала, что не можетъ дольше на все смотрѣть хладнокровно, что она должна же, наконецъ, открыть мнѣ глаза. И вслѣдъ затѣмъ, прежде чѣмъ я успѣла ей помѣшать, полились длиннѣйшія жалобы на васъ. Повторяю еще разъ: мнѣ было совершенно невозможно ей помѣшать или заставить ее замолчать. Она вела себя какъ бѣшеная. Когда я, наконецъ, дождалась, что она очутилась за порогомъ моей комнаты, я тотчасъ же распорядилась, чтобы не позже, какъ черезъ полчаса, ея духу не было у насъ въ домѣ.

— Понятно, вы ей не повѣрили, ни одному слóву!

— Наоборотъ, я повѣрила каждому ея слову.

— И несмотря на то?..

— Нѣтъ, именно поэтому, — но только ей я не смѣла виду подать, что вѣрю.

— Ну, такъ она пойдетъ и будетъ благовѣстить объ этомъ всему міру.

— Ну, такъ и я поступлю такъ же точно по отношенію ко всему міру: я сдѣлаю видъ, что не вѣрю.

— Могу спросить, чтò именно такое она вамъ про меня поразсказала?

— Я готова все вамъ повторить, но зато вы должны мнѣ разрѣшить сдѣлать это въ моихъ собственныхъ выраженіяхъ, а не въ выраженіяхъ этой Мальвины: для меня они иной разъ, съ моей точки зрѣнія, кажутся немного... немного... какъ бы сказать?

— Бойки?

— Ну, пусть будетъ, бойки.

— Итакъ, прошу васъ, это *нѣчто*, разсказанное вамъ Мальвиной, изобразить такъ, какъ это вамъ покажется наиболѣе подходящимъ.

— Вы были близки съ г-жею Зибольдъ, которую, къ сожалѣнію, какъ я узнала, третьяго дня отправили въ сумасшедшій домъ.

— Это почти всему городу извѣстно.

— Да вы поймите: это было не простое ухаживанье, „flir-

tation", какъ допускаетъ мама́, а настоящая связь, въ дальнѣйшія опредѣленія которой вы мнѣ, надѣюсь, дозволите не входить.

— Таково мнѣніе, по меньшей мѣрѣ, доброй половины города.

— И вы на него ничего не имѣете возразить?

— Нѣтъ, потому что я лгать не привыкъ.

— У васъ, повидимому, были еще и другія возлюбленныя,— женщины и дѣвушки?

— Въ другихъ случаяхъ слово „flirtation" было бы болѣе подходящимъ.

— Все равно! Passons là-dessus! Я не придаю этому никакого значенія. Въ моихъ глазахъ гораздо болѣе важными являются ваши отношенія къ Стинѣ Пребровой.

— Стина Преброва на томъ свѣтѣ. Надѣюсь, мы можемъ оставить мертвыхъ въ покоѣ.

— Какъ? Даже и тогда, когда мы ничего, кромѣ хорошаго, не могли бы о нихъ сказать?

— Даже и тогда!

— Въ такомъ случаѣ, конецъ моему разсказу!

— Но изъ него я вѣдь долженъ былъ, кажется, вывести заключеніе о вашемъ понятіи, что̀ такое любовь.

— И все-таки еще не можете?

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ показалось бы болѣе предпочтительнымъ, чтобы вамъ самимъ угодно было формулировать это заключеніе.

— Попробую. Мое воззрѣніе таково, что женщина, которая любитъ мужчину, не должна, не смѣетъ разспрашивать его о прошломъ. Если же она, безъ малѣйшихъ разспросовъ или стараній съ своей стороны, получаетъ объ этомъ свѣдѣнія изъ постороннихъ источниковъ, какъ это случилось, напримѣръ, со мною, она должна поставить на этомъ крестъ, а главное, предъ лицомъ всего міра разыгрывать не вѣрящую въ непреложность этихъ свѣдѣній...

— Весьма свободныя мысли!..

— Пожалуй! Я даже полагаю: мысли *не* женственныя, *не* дѣвически-стыдливыя. Но думать и чувствовать по шаблону мнѣ никогда не было дано, или, вѣрнѣе, съ самыхъ младенческихъ лѣтъ я всегда думала, что въ этомъ-то и есть причина, почему вы заинтересовались мною. Но тутъ является еще неразрѣшеннымъ одинъ вопросъ, на который вы *одинъ* только можете отвѣтить.

— Какой же именно?

— Теперь, когда вы меня узнали поближе, доходитъ ли еще этотъ интересъ до того, чтобы вы все еще питали желаніе видѣть меня своей женой... Постойте минутку!.. Я не стыдясь могу вамъ признаться, что вашъ отрицательный отвѣтъ заставилъ бы меня глубоко страдать. Но я увѣрена, что вы сочтете своимъ долгомъ дать мнѣ откровенный отвѣтъ.

— Вы благородная дѣвушка, Алекса! Вы достойны лучшей любви, нежели моя.

— Но это отвѣтъ далеко не прямой!

— А другого у меня вовсе нѣтъ! Предоставляю вамъ самой выводить заключенія, т.-е. я хочу сказать такія, которыя вамъ кажутся наиболѣе вѣрными и справедливыми, и моимъ выводомъ долженъ непремѣнно быть вашъ собственный.

— Вы говорите: „лучшей любви“? Чтò это можетъ значить? Любовь, собственно говоря, остается еще свѣжимъ вопросомъ, возникающимъ особо, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. А если для меня ваша любовь, или—я хочу сказать—то, чтò вы привыкли понимать подъ словомъ „любовь“ и чтò привыкли чувствовать,—какъ бы ничтожна и сдержанна она ни была въ глазахъ другихъ дѣвушекъ,—для меня дороже, тысячу разъ дороже и лучше? Если я не желаю никакой другой, не чувствую къ ней ни малѣйшаго стремленія?.. Арно, любимый мой! Можешь ли ты быть этимъ недоволенъ? Или же я сама должна броситься къ тебѣ на шею?

Арно только-что приподнялся, чтобы встать, и Алекса дѣйствительно бросилась къ нему въ объятія въ ту самую минуту, какъ входила въ комнату г-жа Моорбекъ.

Само собою разумѣется, она ничего не замѣтила, ничего не видала. Однако, въ ея красивомъ низкомъ голосѣ дрожали отголоски радостнаго довольства въ то время, какъ она здоровалась съ докторомъ Арно и выражала надежду, что ему окажется возможнымъ остаться у нихъ на вечеръ.

Арно остался.

То былъ первый радостный вечеръ, какого еще не бывало со времени помолвки Арно съ Алексой въ домѣ его будущихъ тестя и тещи. Женихъ былъ общительнѣе, чѣмъ когда-либо, и даже не проронилъ ни одного единаго сарказма!

Къ великому своему изумленію, семейство Моорбекъ узнало отъ него, что его пьесу, драму, которую онъ посылалъ въ Карлсруэ, вотъ ужъ четыре дня какъ давали на сценѣ: Карлъ Девріентъ уже возвѣстилъ ему полный успѣхъ.

— Я бы не прочь туда и самъ поѣхать,—говорилъ онъ,—

чтобы посмотрѣть на эту потѣху, но откуда же мнѣ взять столько времени? Если же я не объявляю самъ, urbi et orbi, о своихъ первыхъ успѣхахъ на драматическомъ поприщѣ, ахъ, Боже мой!.. такъ это потому, что я такъ мало придаю имъ значенія. Труды начинающаго школьника! Самое бо̀льшее, что̀ можно сказать про пьесу,—это ballon d'essai, или своего рода stepping stone, который, весьма возможно, когда-нибудь пригодится для моего же „Фаустулуса“, если тотъ когда-либо будетъ доведенъ до конца, —въ чемъ, собственно говоря, я сильно сомнѣваюсь на тѣхъ же основаніяхъ, которыя мѣшаютъ квадратурѣ круга.

Когда Арно такимъ образомъ болталъ, Алекса изрѣдка вставляла мѣткое словечко и все время съ блестящими глазами слушала жениха; а мать ея сама сіяла, глядя на улыбку дочери.

„Значитъ, опасенія мои были напрасны“! — думала она.— „Какъ блестяще оправдывается мое убѣжденіе, что самая худшая рознь, это—рознь въ мысляхъ, и съ нею никакіе другіе недостатки въ единеніи и въ любви не могутъ сравняться.

Совѣтникъ и Рихардъ были оба тоже очень счастливы, когда въ первый разъ услыхали, что женихъ и невѣста говорятъ другъ другу сердечное *ты*, вмѣсто холоднаго *вы*, которое одному изъ нихъ казалось неблагозвучно, а другому даже оскорбительно. Положимъ, когда Арно сталъ прощаться, дѣло не дошло до сердечнаго поцѣлуя, которому заранѣе такъ радовался Рихардъ. Зато Алекса обѣщала его самого поцѣловать, чѣмъ онъ остался весьма доволенъ, и, получивъ обѣщанную дань, объявилъ, что, несмотря на весь свой умъ, Арно, по его мнѣнію, въ высшей степени глупый малый!

XXIII.

Арно бранилъ себя самыми крѣпкими словами въ то время, когда безцѣльно шатался ночью по безмолвнымъ улицамъ города Узелина. Уже много дней носился онъ съ твердымъ рѣшеніемъ порвать свои отношенія къ Алексѣ, чѣмъ бы это ему ни угрожало. Алекса только-что доставила ему возможность это сдѣлать, а онъ не воспользовался ею, и когда оставалось только за нее ухватиться, онъ даже сильнѣе далъ себя запутать, подчинился, какъ нерѣшительный человѣкъ, какъ негодный трусишка.

„Что̀ же могло меня настроить на такой мягкій ладъ?— думалъ онъ.— Очевидно, восхищеніе, вызванное ея великодушіемъ, ея благороднымъ, своеобразнымъ способомъ любить. Но чѣмъ искреннѣе я долженъ восхищаться ею, тѣмъ сильнѣе мой долгъ

—не приносить въ жертву сумасшедшему это рѣдкое существо... Могу ли я еще сомнѣваться въ своемъ сумасшествіи! Развѣ я самъ не причислилъ бы къ разряду неизлечимыхъ мономановъ такого человѣка, про котораго мнѣ было бы извѣстно все, что̀ я знаю самъ про себя? Развѣ захочется мнѣ видѣть въ своемъ смягченномъ воображеніи призракъ *той*, другой, въ то время, какъ въ объятіяхъ своихъ я буду держать свою молодую жену"?

Но не въ этомъ еще заключалось самое ужасное. Алекса, которая понимала такъ многое, въ случаѣ необходимости, вѣроятно, поняла бы и это, еслибъ у него хватило духу передъ ней покаяться. Она увидала бы въ немъ человѣка, который раненъ тяжело; рана его еще не зажила и, можетъ быть, никогда совершенно не заживетъ. Она имѣла бы съ нимъ и терпѣніе, и отнеслась бы къ нему сострадательно, какъ относятся добрые люди къ такимъ несчастнымъ... А въ чемъ ему слѣдовало сверхъ того признаться,—того не могла бы простить ни она сама, ни всякая другая. Простить можно только то, что̀ понимаешь; но чего не понять, что̀ просто непостижимо, того и простить невозможно. Да, непонятно для всякаго другого, но не для него! Ему самому понадобились цѣлыя недѣли, пока ему постепенно все стало ясно. О настоящемъ страхѣ или ужасѣ, даже и въ первый разъ, когда ему явился призракъ Стины, не могло быть и рѣчи, а все-таки, въ послѣдующіе разы, онъ ожидалъ появленія призрака съ нѣкоторымъ напряженіемъ, а когда видѣніе исчезало, говорилъ себѣ:

— Ну, теперь я могу быть спокоенъ на цѣлыхъ двадцать четыре часа.

Прошло еще нѣсколько времени — и это первое настроеніе осталось, но только приняло другой характеръ, а именно, характеръ ожиданія.

— Она явится и сегодня, какъ являлась во всѣ остальныя ночи!

А потомъ ожиданіе превратилось въ горячую тоску, въ жажду свиданія; онъ сталъ считать часы и минуты до того мгновенія, которое должно было принести ему свиданіе съ его возлюбленной, хотя бы только въ видѣ призрака, набросаннаго его собственной фантазіей.

Да! Именно—*возлюбленную*! До нея онъ не зналъ и не подозрѣвалъ о томъ, что̀ такое любовь. Для него любовь была просто опьяненіемъ чувствъ, не больше. Самъ же онъ смѣялся надъ глупыми, которые только о томъ и мечтали, чтобы имъ удалось обнять заоблачную мечту, ихъ же воображеніемъ возве-

денную въ степень богини. Но тутъ, въ его любви къ Стинѣ, чувственность потеряла свою грубую власть надъ нимъ. Ну, какое обаяніе, какую притягательную силу имѣлъ для него видъ утонувшей дѣвушки-полуребенка, которая тихонько, то поднимаясь, то опускаясь, плыла мимо него, полуоткрывъ глаза, скромно сложивъ руки на груди, при свѣтѣ мнимаго луннаго свѣта, въ *поддѣльной* водѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Не чувственность на меня вліяетъ! Это она— единственно она сама,—та, что молчала, когда говорили только мои грубые инстинкты; это моя душа, глубоко потрясенная и растроганная невинностью, такой счастливой, такой довѣрчивой, покорной любовью"!.. Или теперь онъ уже сумасшедшій? Нѣтъ, нѣтъ: онъ тогда былъ дѣйствительно безумнымъ, когда не распозналъ, какая драгоцѣнная жемчужина была въ его рукахъ!.. Онъ ее бросилъ, онъ швырнулъ ее въ грязь, какъ негодный осколокъ. Онъ былъ и глухъ, и нѣмъ,—грубое животное! Да это все равно, что пошлымъ хохотомъ нарушить нѣжнѣйшую гармонію тоновъ, какую когда-либо приходилось слышать изъ устъ человѣческихъ! Это все равно, что хватить звѣроподобнымъ кулакомъ самую дорогую изъ всѣхъ картинъ въ мірѣ, какую когда-либо создавала природа, и бросить ее внизъ, къ жабамъ, жадно разрывающимъ на части тѣла мертвецовъ. „Почему бы и мнѣ самому не броситься туда же, внизъ? Къ чему влачить черезъ всю пустоту жизни муки совѣсти и всю ихъ подавляющую тяжесть?.. Трусость?! Нѣтъ, клянусь небомъ, я не трусъ, и мое чувство—лишь осадокъ того благородства, которое обитало въ душѣ ея. Она даже не захотѣла, чтобы смерть ея могли приписать ея же палачу!.. Такъ же точно не слѣдовало, чтобы люди могли осмѣлиться сказать:—Онъ нарочно покончилъ съ собой, чтобы избѣжать брака съ Алексой Моорбекъ"!

Это была даже его обязанность по отношенію къ невѣстѣ и къ ея прекрасной благородной матери, которая съ самаго начала ихъ знакомства всегда обращалась съ нимъ предупредительно, какъ добрая сестра; ласково переносила его грубости и шероховатости его характера, и въ заключеніе не отказала ему, бѣдняку, въ рукѣ своей дочери, богатой невѣсты, которая свободно могла найти себѣ жениха въ высшемъ кругу знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ господъ.

Ему надо было идти на встрѣчу смерти, которая, повидимому, знать его не хотѣла. Если онъ и не съумѣетъ сдѣлать это такъ умно и такъ тонко все обставить, какъ это сдѣлала она, един-

ственная! несравненная!..—то, все-таки, надо будетъ сдѣлать нѣчто въ родѣ этого...

Самъ не зная, какъ это случилось, Арно попалъ на пристань. Ночь была очень темная. На широкомъ докѣ, на большомъ разстояніи одинъ отъ другого, тускло горѣли фонари. Изрѣдка звѣздочка появлялась изъ-за черныхъ тучъ и нѣсколько минутъ смотрѣлась, сверкая, въ черныя воды рѣки, волны которой порой тихо плескались объ стѣны набережной. Минута, когда призракъ долженъ былъ явиться, приближалась. Сегодня Арно порѣшилъ здѣсь ея дождаться.

Потомъ, когда тѣнь любимой дѣвушки проскользнула мимо и исчезла, Арно всталъ съ кучки бревенъ строительнаго лѣса, на которой сидѣлъ, закрывая лицо руками, и плакалъ такъ, что слезы текли у него ручьемъ, сквозь плотно прижатые пальцы. Плакалъ онъ отъ любви и тоски, какъ плачетъ больное дитя; плакалъ онъ, Арно, такъ, какъ ему никогда еще въ жизни не случалось плакать...

Черезъ площадь онъ не хотѣлъ идти домой. Въ одной изъ узкихъ улицъ, по которымъ ему надо было проходить, онъ шелъ мимо простого шинка для матросовъ, въ которомъ сильно шумѣли. Окна танцовальной залы, помѣщавшейся внизу, были открыты настежь. Взглядъ Арно скользнулъ въ одно изъ оконъ, и онъ замѣтилъ двѣ фигуры, повидимому углубившіяся въ усердный разговоръ; или, вѣрнѣе, женщина въ чемъ-то усердно убѣждала мужчину, который внимательно слушалъ ее, понуривъ голову. Въ лицо женщинѣ падалъ яркій свѣтъ фонаря передъ входной дверью: это была, несомнѣнно, Мальвина. А воловій затылокъ мужчины, лицо котораго было обращено въ сторону комнаты, наполненной табачнымъ дымомъ, могъ принадлежать одному только Іохену Лахмунду.

А что̀, еслибы ему, Арно, зайти въ этотъ притонъ и завязать ссору съ этимъ дѣтиной? Ножъ у него, вѣроятно, всегда виситъ свободно, наготовѣ... Но тогда всѣ бы стали говорить:—Зачѣмъ могло понадобиться д-ру Арно заглядывать въ этотъ притонъ, какъ не за смертью?

„Послѣ завтра, милый мой Фрицъ, состоится моя свадьба, а завтра, согласно мѣстнымъ обычаямъ, дѣвичникъ.

„Итакъ, я стою на самомъ краю моего житейскаго рубежа или, такъ сказать, могилы. Въ такихъ случаяхъ люди считаютъ своей обязанностью сдѣлать духовное завѣщаніе, если были на-

столько легкомысленны, что оно до сихъ еще поръ оставалось несдѣланнымъ. Кому же, какъ не тебѣ, я могъ бы сдать его на храненіе,—ты мой единственный другъ!

„Да, Фрицъ, ты именно *такой* другъ! Никогда не было, да и не хотѣлось мнѣ имѣть своимъ другомъ никого другого. Ты другъ мой, еще начиная съ четверть-часовой перемѣны у насъ въ классѣ, въ терціи. Когда ты такъ блестяще отбилъ бѣднаго, робкаго, засмѣяннаго мальчишку отъ цѣлой злорадно-усмѣхавшейся толпы мучителей, тогда въ мое черствое сердце проникъ лучъ благодарности и въ немъ расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ чувство дружбы. Но этотъ цвѣтъ вѣрно скоро поблекъ бы и завялъ, еслибъ его хранителемъ былъ только я, человѣкъ суровый; но ты съ нѣжной заботливостью лелѣялъ и ростилъ его; съ неутомимымъ терпѣніемъ изъ глубины моей холодной души ты вызывалъ его, согрѣтое какъ солнцемъ, твоей душевной теплотою.

„Итакъ, мы съ тобой остались друзьями и превыше всего ставили слова старика Саллюстія. Когда бывало, чтобы мы оба захотѣли или не захотѣли одного и того же? Наши занятія тоже съ тѣхъ поръ не соприкасались, а если это и случалось, то наши мнѣнія непремѣнно расходились. Наши взгляды съ точки зрѣнія философіи, наши воззрѣнія на жизнь и вселенную не могли бы, кажется, быть еще болѣе различными: одинъ изъ насъ какъ бы земной, другой—небесный. Словомъ, наши характеры разнятся, какъ масло отъ воды. Ты всѣ усилія употребляешь, чтобъ быть хорошимъ человѣкомъ, и ты, дѣйствительно, хорошій человѣкъ. А я... Я спрашиваю, пожимая плечами:—но что́ же хорошо и что́ дурно?

„Ты ни подъ какимъ видомъ не оправдалъ бы самоубійства, и порицаешь его, какъ дурной, безнравственный поступокъ. Я говорю: для кого жизнь ужъ не представляетъ больше никакой цѣны, тотъ имѣетъ право предъ лицомъ всѣхъ другихъ и даже обязанъ передъ самимъ собою отвергнуть ее отъ себя. Вотъ почему для меня Фаустъ Гёте представляется такимъ жалкимъ и достойнымъ презрѣнія: онъ тысячу разъ проклинаетъ свою жизнь—и *земля завладѣваетъ имъ*, какъ только пасхальный хоралъ вызываетъ на глазахъ его слезы умиленія. Да! Та самая земля, духъ которой только-что называлъ его свернувшимся червякомъ...

„Вотъ такъ молодецъ! По-моему, таковъ именно долженъ быть человѣкъ, который сколько-нибудь себя цѣнитъ и обладаетъ нѣкоторымъ мужествомъ. Гёте же часто смѣшиваетъ себя самого со своимъ героемъ—и наоборотъ.

„Потому именно онъ и не дерзнулъ нанести себѣ смертельный ударъ прямо въ сердце, что чувствовалъ и сознавалъ, что онъ—великій и, можетъ быть, даже величайшій изъ поэтовъ на свѣтѣ. Фаустъ долженъ былъ выпить свое бурое зелье, въ то время, какъ ему, кажется, слѣдовало бы знать, что и самъ-то онъ, со всѣми своими стремленіями и усердіемъ—ничто; ничего онъ не создаетъ и не создастъ въ будущемъ, кромѣ смѣхотворнаго шутовства, какое творится при дворѣ владыки тѣней; онъ можетъ только разводить мечты о Вальпургіевой ночи съ обязательнымъ присутствіемъ Елены Прекрасной; ничего не можетъ онъ сдѣлать безъ помощи трехъ всемогущихъ силъ; онъ строитъ проблематичные планы усовершенствованій въ государствѣ и говоритъ красивыя рѣчи... которыя ему надуваетъ въ уши Гёте.

„Но къ чему мнѣ все снова распространяться объ этомъ цвѣтистомъ говорунѣ, который ни минуты не способенъ устоять на собственныхъ ногахъ и въ которомъ германскій народъ видитъ свое идеализированное отраженіе!

„Ты говоришь мнѣ: зависть?

„Нѣтъ, другъ, нѣтъ. Чортъ побери! Я никогда и не сомнѣвался, что въ сравненіи съ Гёте я просто ничтожество и дрянь; но только мнѣ лучше его извѣстно, какой видъ должна имѣть душа героя и что̀ именно ему наиболѣе пристало.

„Ему пристало изливать мощь и пылкость духа своего въ великихъ подвигахъ. Силы и дарованія тысячъ и милліоновъ людей себѣ порабощать; играть на душѣ и на сердцѣ тысячъ и милліоновъ людей, какъ на какомъ-нибудь гигантскомъ органѣ, оглушительныя созвучія которыхъ, какъ побѣдныя пѣсни, находятъ отголосокъ въ его собственной душѣ.

„Все это такъ же точно происходитъ съ моимъ Фаустулусомъ.

„Или еще иной разъ случается подмѣтить, что я самъ слишкомъ надѣялся на свои силы и что не застрахованъ отъ лихорадки, несмотря на многонедѣльную благополучную борьбу съ ужаснѣйшей формой тифа, несмотря на то, что пренебрегаю (и, повидимому, совершенно безнаказанно) необходимѣйшими противозаразными мѣрами; когда, напротивъ, знаешь, что тобой овладѣла любовная лихорадка, которая и здоровыхъ-то лишаетъ разсудка, мучитъ и затемняетъ умъ. Одну ночь за другой, въ одинъ и тотъ же часъ, въ одну и ту же минуту и секунду, она показываетъ намъ такія лица и картины, передъ которыми у другихъ застынетъ кровь и побѣлѣютъ волосы, какъ снѣгъ. А для тебя это видѣнье мило и такъ дорого, что силъ человѣческихъ не хватило бы сказать... И невольно подмѣтишь, что стоишь на краю

сумасшествія, и ничего противъ того не имѣешь, лишь бы только не давать людямъ, которыхъ сколько-нибудь уважаешь, спектакля въ видѣ своей смерти,—а уйти бы изъ міра незамѣтно.

„Сдѣлать все, все такъ же точно, какъ...

„Но лучше остановимся на моемъ Фаустулусѣ.

„Я вѣдь посылалъ его тебѣ въ рукописи, и ты, читая ее, навѣрное смущенно покачивалъ головою. Собакамъ на съѣденіе бросаешь ты самое даже имя ея, и въ извѣстномъ отношеніи— ты правъ; но только все вѣдь трусливое человѣчество само наказываетъ своихъ собакъ...

„Я обѣщалъ прислать тебѣ и послѣднія сцены: вотъ онѣ, хотя и несовсѣмъ въ такомъ видѣ, въ какомъ бы я желалъ. Но за послѣднія недѣли на меня нахлынуло слишкомъ много всего, и голова у меня была какъ-то не такъ свѣтла, какъ обыкновенно. А все-таки я хотѣлъ довести до конца работу, которая принадлежитъ къ той части моей жизни, на рубежѣ которой я остановился. Той же части, въ которую я теперь долженъ вступить, вовсе не касается бушеваніе стихійныхъ силъ, которое оставляетъ за собой низверженнаго Фаустулуса: тамъ царитъ миръ, тамъ властвуетъ тишина, тамъ управляетъ—счастье! Туда,—въ долины Асмодея, надъ которыми льется мягкій свѣтъ, непохожій ни на ночное, ни на дневное освѣщеніе; въ эти священныя мѣста никому не дозволенъ доступъ изъ тѣхъ, которые не отрѣшились отъ міра, какъ Фаустовская Гретхенъ.

„Или какъ...

„Фрицъ! Еслибъ ты только зналъ ее... Тебѣ бы, и никому другому, я разсказалъ бы все. Одному тебѣ!.. И ты, конечно, понялъ бы ее,—ты, которому извѣстно въ чистотѣ душевной, почему полевая лилія роскошнѣе одѣта, нежели царь Соломонъ, во всемъ своемъ богатомъ убранствѣ!

„Вотъ и сейчасъ! я только-что видѣлъ ее опять: едва замѣтно поднимаясь и опускаясь, съ полураскрытыми глазами, скрестивъ надъ своей нѣжной грудью руки, медленно скользила она по водѣ, на поверхности которой серебрился лунный свѣтъ...

„Ты говоришь:—онъ съума сошелъ?

„Да нѣтъ же! Я просто грустно настроенъ, потому что не могу, какъ мой младшій и болѣе сильный братецъ Фаустулусъ, остаться вѣрнымъ до послѣдняго вздоха этой властной натурѣ, которая мнѣ, какъ и ему, присуща отъ рожденія“...

Рядомъ съ письмомъ, которое докторъ писалъ своему другу Фрицу, лежала рукопись трагедіи „Фаустулусъ“.

XXIV.

Предстоящая свадьба самой красивой и самой богатой дѣвушки-невѣсты въ Узелинѣ, а тѣмъ болѣе съ докторомъ Арно, который за три года далъ обильную пищу языкамъ, уже цѣлую недѣлю поддерживала въ городѣ возбужденіе, возраставшее по мѣрѣ того, какъ время приближалось къ этому высокоторжественному дню.

Какъ впрочемъ и всегда, когда докторъ Арно являлся на сцену, мнѣнія раздѣлились. Кегельный клубъ молодыхъ людей, подъ предсѣдательствомъ Рихарда, единодушно вотировалъ рѣшеніе, что докторъ Арно—единственный женихъ, достойный Алексы. Другой клубъ, соперникъ перваго, состоялъ также изъ молодыхъ людей непризнанной аристократіи, посвятившихъ себя гребному и парусному спорту, и оказался такимъ же единодушнымъ въ другую сторону.

— Кровь узелинскаго бюргера — самая аристократичная во всемъ мірѣ; а дѣвушку, которая ослѣплена настолько, что не видитъ этой истины, ясной какъ Божій день, можно только пожалѣть!—говорили они.

Тоже было и въ отношеніи мнѣнія отцовъ, въ которомъ выяснились сильныя разногласія. Такъ, напр., если одни находили вполнѣ подходящимъ по порядку и духу времени, чтобы состоялись браки людей интеллигентныхъ съ богатыми, то другіе придерживались воззрѣнія, что просто грѣшно выпускать изъ города такіе большіе капиталы, прибавляя:

— Стыдился бы совѣтникъ, заработавшій каждый изъ своихъ грошей здѣсь, въ Узелинѣ!..

Молодыя дамы и пожилыя особы также раздѣлились на два враждебныхъ лагеря.

— Если кому угодно знать, чтò каждый объ этомъ думаетъ,— говорилъ знаменитый по всему городу острякъ-сенаторъ Валь:— стòитъ только спросить: приглашенъ ли вопрошаемый на свадьбу, а слѣдовательно и на дѣвичникъ, или нѣтъ? Я приглашенъ принять участіе въ томъ и другомъ. Ergo...

О приготовленіяхъ къ этому дѣвичнику разсказывали просто волшебныя вещи. А все-таки надъ приглашенными (а слѣдовательно и доброжелательно-настроенными) нависло какъ бы мрачное облако.

Ужасный бичъ небесъ, тифъ, который уже почти угасъ въ низменной мѣстности, направился теперь къ самому городу,

сперва, конечно, бушуя властно и неудержимо только въ предмѣстьѣ, которое было населено рыбаками, лодочниками, рабочими на пристаняхъ и другимъ мелкимъ людомъ, который ютился на самомъ берегу, у воды. Между тѣмъ и внутри города уже было нѣсколько случаевъ тифа, и даже очень тяжелыхъ, изъ которыхъ два имѣли смертельный исходъ. Какъ знать? Можетъ быть, это и было уже началомъ, послѣдствія котораго могли ужасно разыграться. Съ такими тревожными ожиданіями на сердцѣ нельзя весело смотрѣть на предстоящія празднества, на которыхъ въ извѣстной мѣрѣ приходится больше ѣсть и больше пить, нежели того требуетъ скромность, и потому едва ли можно избѣжать опасности простудиться.

Въ домѣ коммерціи совѣтника Моорбека настроеніе тоже было далеко не безоблачное; впрочемъ, если допустить, что оно было навѣяно просто облакомъ, то во всякомъ случаѣ тѣнь отъ него была несравненно мрачнѣе: состояніе здоровья доктора Арно оставляло такъ многаго желать!

Но развѣ могло быть иначе? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ несъ на себѣ тяжелое бремя такого усиленнаго труда, который истощилъ бы самыя крѣпкія силы. День за днемъ проводилъ онъ, спѣша отъ одной постели къ другой, не находя себѣ ни на часъ покою. Сколько часовъ ночного отдыха долженъ онъ былъ принести въ жертву своимъ обязанностямъ!

— Онъ жжетъ свою свѣчу съ обоихъ концовъ, — говорилъ сенаторъ Валь:—этого не выдержитъ никакой человѣкъ.

И Арно не выдержалъ; это было даже слишкомъ очевидно. Отъ его длиннаго, тощаго, узкогрудаго тѣла, казалось, уцѣлѣлъ только скелетъ. На тонко-очерченномъ лбу, единственной красѣ его лица, врѣзались глубокія морщины; голубоватыя жилки, не скрываясь, обрисовались на вискахъ. Острый взглядъ его черныхъ глазъ („ястребиный взглядъ", какъ называлъ его сенаторъ Валь) притупился и только изрѣдка пріобрѣталъ вдругъ страшный блескъ, который казался особенно зловѣщимъ.

Съ возроставшей тревогой слѣдила Алекса съ матерью за развитіемъ въ докторѣ такой перемѣны. У совѣтницы Моорбекъ, знавшей прекрасно печальную участь Лоры Зибольдъ, возникло пренепріятное опасеніе. Она разспрашивала и настоятельно убѣждала доктора Радлова признаться откровенно, что̀ дѣлается съ его коллегой. Радлову были всегда рады, и онъ часто приходилъ въ домъ совѣтника въ качествѣ ближайшаго сослуживца доктора Арно и, конечно, долженъ былъ ближе всего знать все, что̀ его касалось. Но молодой человѣкъ сначала хотѣлъ укло-

ниться отъ прямого отвѣта, а затѣмъ, только заручившись обѣщаньемъ, что совѣтница будетъ хранить строжайшее молчаніе, снизошелъ къ исполненію ея просьбы.

— Да!—сказалъ онъ:—Арно уже давно принимаетъ морфій, приблизительно съ самаго того времени, когда въ деревняхъ разгорѣлась эпидемія и требованія, которыя она къ нему предъявляла, разрослись до неограниченныхъ размѣровъ. Я даже самъ совѣтовалъ ему принимать морфій; самъ говорилъ, что это наркотическое средство въ не слишкомъ большихъ дозахъ и на нѣкоторое время, сообразно съ натурой паціента, собственно говоря, не хуже всякаго другого pis-aller; но вѣдь то же самое можно сказать и обо всякихъ другихъ героически рѣшительныхъ средствахъ. Что Арно съумѣетъ соблюсти извѣстную мѣру, этого конечно можно ожидать отъ него, какъ отъ выдающагося врача. Со мной совѣтовался самъ мой коллега, и я думаю, что могу за него поручиться. Слава Богу, періодъ времени, въ который Арно по необходимости прибѣгаетъ къ этому зловредному средству, близится уже къ концу быстрыми шагами. Во время свадебной поѣздки, которая начнется для молодыхъ тотчасъ же послѣ свадьбы, конечно, для Арно не можетъ быть и рѣчи о морфіи; а по всѣмъ вѣроятіямъ даже и потомъ, и больше никогда въ жизни. Почти навѣрное можно утверждать, что никогда не вынудитъ его обратиться снова къ такимъ напряженнымъ трудамъ его положеніе директора больницы. А за полнѣйшее выздоровленіе Арно прошу васъ и фрейлейнъ Алексу не тревожиться: такія натуры, сотканныя изъ нервовъ, какъ его натура, способны удивительно быстро поправляться!

Совѣтница успокоилась. Она питала весьма большое довѣріе къ молодому врачу, который съ искреннимъ почитаніемъ и любовью относился къ своему старшему коллегѣ. Ей удалось успокоить и Алексу, которая также была въ страшной тревогѣ, а равно и ободрить своего мужа, пробудить въ нихъ обоихъ бодрость духа и вѣру въ будущее. Что же касается Рихарда, то у него съ самаго начала не было никакихъ сомнѣній.

Всеобщее мнѣніе сходилось единогласно на томъ, что такого блестящаго дѣвичника городъ Узелинъ еще не видывалъ съ момента своего основанія.

Казалось, всѣ горожане хотѣли принять участіе въ торжествѣ. Всѣ суда въ гавани расцвѣтились флагами; на Гаваньской площади дома были украшены гирляндами и коврами, за исключе-

ніемъ аптеки, которая и вечеромъ оставалась впотьмахъ, тогда какъ окна другихъ домовъ сіяли огнями. Передъ домомъ виновницы торжества въ гигантскихъ факелахъ на высокихъ желѣзныхъ канделябрахъ пылало могучее пламя, посылая къ небесамъ столбы дыма, который поднимался прямо вверхъ въ затихшемъ воздухѣ. Полъ-города, казалось, собралось смотрѣть на эту роскошь. Всѣ зрители частью бродили по площади, частью же стояли въ парахъ или тѣсными кучками, наслаждаясь тихимъ лѣтнимъ вечеромъ и любуясь на жениха съ невѣстой, которые вышли на балконъ надъ главнымъ подъѣздомъ въ то время, какъ внизу, подъ ними, неутомимо пѣлъ „ремесленный хоръ", попечителемъ и почетнымъ президентомъ котораго былъ самъ совѣтникъ Моорбекъ.

Въ своей душевной радости коммерціи совѣтникъ готовъ былъ, кажется, созвать къ себѣ на вечеръ весь городъ; но по неволѣ убѣдился, что его домъ не можетъ вмѣстить народа бо̀льшее количество, нежели онъ на самомъ дѣлѣ пригласилъ. Но въ то же время и опасенія г-жи Моорбекъ оказались на дѣлѣ довольно неосновательными: двигаться въ залахъ и въ другихъ комнатахъ можно было довольно свободно, несмотря на то, что главная зала, въ которой должны были состояться представленія, еще была закрыта. Начаться эти представленія должны были только въ десять часовъ вечера, такъ какъ сперва долженъ былъ закончиться праздникъ въ саду, который приходилось отложить до наступленія полной темноты. Только тогда могли произвести надлежащее впечатлѣніе безчисленные цвѣтные фонарики изъ бумаги, повѣшанные на проволоку вдоль дорожекъ и мосточковъ, и затѣмъ фейерверкъ, который должны были спустить на большой круглой лужайкѣ. Передъ глазами общества, которое возвращалось послѣ него домой, открылся видъ на задній фасадъ дома, роскошно освѣщенный бенгальскими огнями. Гости вошли въ домъ и съ высоты верхней площадки широкой дубовой лѣстницы, разубранной цвѣтами, ихъ привѣтствовали трубные звуки, возвѣщавшіе о началѣ представленій въ роскошно-декорированной залѣ. Тамъ, передъ изящной сценой, стояли рядами кресла съ почетными мѣстами для жениха и невѣсты, ихъ родителей и прочихъ лицъ первѣйшей важности.

Тутъ было на что̀ посмотрѣть и чему посмѣяться.

Вниманіе зрителей разгорѣлось, начиная съ пролога, который былъ придуманъ и выполненъ не кѣмъ инымъ, какъ самимъ сенаторомъ Валемъ,—послѣдній появился подъ личиной всѣмъ извѣстнаго старика-глашатая.

Матильда Ленцъ, въ костюмѣ, аллегорически олицетворявшемъ ея собственную фамилію (Lenz—весна), поднесла невѣстѣ вѣнокъ, въ качествѣ подруги ея дѣтскихъ игръ и заслужила всеобщее одобреніе тѣмъ, что сказала длинное и довольно-трогательное стихотвореніе (присутствующіе тихонько шептали другъ другу, что авторъ его—ея мать, супруга почтъ-директора), хотя два раза *почти* остановилась, а на третій и совсѣмъ стала.

Но зато тѣмъ бойчѣе исполнилъ свою роль струнный квартетъ, который (какъ говорилось въ прологѣ) долженъ былъ уяснить жениху, у котораго не было ровно никакихъ способностей къ музыкѣ, что̀ такое хорошая музыка. Ихъ инструменты состояли изъ сигарныхъ и другихъ коробочекъ и ящичковъ, надъ отверстіемъ которыхъ молодые артисты натянули струны и изъ которыхъ они извлекали далеко не дурные, но весьма шутливые и забавные звуки. Главный изъ нумеровъ ихъ программы—цыганскій танецъ, для котораго къ нимъ присоединились еще артисты; пятый и шестой, съ тамбуриномъ и кастаньетами, пришлось даже повторить.

Затѣмъ появились двѣнадцати-четырнадцатилѣтнія дѣвочки въ костюмахъ пажей Louis XIV, вмѣстѣ со своими маленькими дамами, и всѣ они такъ граціозно танцовали, такъ были очаровательно-милы, что съ большимъ шумомъ зрители потребовали повторенія. Тѣмъ не менѣе, дирижеръ былъ настолько уменъ, что удовлетворился уже полученнымъ успѣхомъ, не гоняясь за вторымъ, который, вѣроятно, былъ бы если не больше, то меньше перваго.

Потомъ началась бойкая шутка, авторъ которой (такъ гласило торжественное увѣреніе въ прологѣ) „желалъ остаться и останется неизвѣстнымъ". Это заявленіе возбудило веселый хохотъ; уже пятую недѣлю всѣмъ было извѣстно, что авторъ ея — не кто иной, какъ сынъ хозяина дома.

Трубы возвѣстили появленіе статнаго бородача въ нарядѣ герольда, который, въ видѣ какъ бы королевскаго приказа (на подобіе глашатая въ „Лоэнгринѣ"), провозгласилъ:

Кто самый глупый изъ мужчинъ
Здѣсь въ городѣ у насъ,
Пусть тотъ съ уродомъ-дѣвушкой
Вѣнчается тотчасъ!

Публика стоитъ безпомощно, смущенно склоняя голову въ раздумьѣ: никому не охота быть „глупѣйшимъ"; ни одна женщина не хочетъ признать себя самой некрасивой. Начинаются взаимные попреки; выходятъ сцены безпорядочныя и тревожныя.

Магистратъ принимаетъ мѣры—созываетъ совѣтъ и постановляетъ свое рѣшеніе:

— Городскіе старѣйшины, въ качествѣ завѣдомо-умнѣйшихъ лицъ, конечно и знать не могутъ, кто изъ насъ—глупѣйшій. Это уже слѣдовало бы рѣшить самимъ глупѣйшимъ между собою. На свѣтѣ же нѣтъ ничего глупѣе кегельной игры, что̀ ясно слѣдуетъ изъ страсти къ кеглямъ самыхъ главныхъ изъ городскихъ бездѣльниковъ, которые усерднѣе всего ею занимаются... Итакъ, лучше всего рѣшить спорный вопросъ съ помощью кегель, тѣмъ болѣе, что знаменитый кегельный клубъ взялъ это дѣло на себя, подъ руководствомъ своего извѣстнаго всѣмъ предсѣдателя.

Эта мысль поразила молодыхъ людей, и они ушли, чтобы тотчасъ же приняться за дѣло.

Между тѣмъ собрались старѣйшія и мудрѣйшія изъ женщинъ, чтобы со своей стороны рѣшить, которая изъ нихъ—самая некрасивая. Поднимаются колкія рѣчи; оскорбительные намеки перелетаютъ отъ одной чашки кофе къ другой; наконецъ, всѣ нападаютъ на самую вѣрную мысль:

— Къ чему ломать себѣ голову? Пусть сначала найдется „самый глупый" мужчина (это должно ужъ скоро выясниться), а тамъ ужъ можно смѣло предоставить выборъ ему самому. Не можетъ быть сомнѣнія, что онъ выберетъ самую некрасивую. Только бы теперь созвать всѣхъ молодыхъ дѣвицъ!

Дѣвицъ созвали; онѣ смущены; каждая боится, что выборъ падетъ на нее. Онѣ разбѣгаются по угламъ, толпятся въ кучку. Только одна не поддается общему смятенью и остается спокойно стоять на переднемъ планѣ. Сейчасъ же можно узнать, что эта молодая и такая изящно-самоувѣренная дама—не кто иная, какъ Алекса.

Молодые люди стремительно бѣгутъ обратно, побѣдоносно таща на плечахъ какого-то человѣка: онъ всѣ разы „пропуделялъ" безбожно! Очевидно, онъ и есть „глупѣйшій" изо всѣхъ!.. Его ставятъ на ноги, и онъ оказывается настолько похожимъ на Арно, какъ молодая дама похожа на Алексу.

Однако этотъ господинъ заявляетъ, что у него много дѣла и помимо того, чтобы тратить время на дурацкія шутки.

— Но если ужъ мнѣ такъ необходимо выбирать, я поверну дѣло круто и выберу себѣ первую попавшуюся дѣвушку.

Затѣмъ подходитъ къ молодой богатой дѣвицѣ, которая привѣтливо ему улыбается и въ его руку довѣрчиво кладетъ свою.

Толпа на сценѣ, какъ и въ первой картинѣ, стоитъ смущенная, въ недоумѣніи.

— Да это невозможно! Да какъ же такъ? Онъ — самый глупый?! А она—уродъ?!

Сквозь толпу, шумящую съ неустаннымъ ропотомъ, продирается впередъ *г. Прологъ*. Онъ запыхался, онъ проситъ у публики прощенія.

— Произошла ошибка: герольдъ возвѣстилъ совсѣмъ не то! Вотъ онъ уже идетъ и объявитъ сейчасъ настоящее рѣшеніе.

Трубы трубятъ. Герольдъ вѣщаетъ громкимъ голосомъ и нараспѣвъ:

Кто *самый умный* изъ мужчинъ
Здѣсь въ городѣ у насъ,
Пусть съ дѣвушкой-*красавицей*
Вѣнчается тотчасъ!

Поднимается бурное ликованіе. Въ вышинѣ появляется роскошный транспарантъ со словами: „Докторъ Арно и Алекса Моорбекъ помолвлены".

Занавѣсъ быстро опускается и передъ нимъ на авансцену выходитъ опять *Прологъ* въ качествѣ эпилога.

„Представленіе кончено. Если и въ самомъ дѣлѣ, согласно моимъ опасеніямъ, въ немъ проявилось слишкомъ много ума, то прошу приписать это не исполнителямъ, а девяти музамъ и Аполлону, которые вмѣстѣ имъ управляли. Тѣхъ же, которые предпочитаютъ поклоняться Бахусу и Церерѣ, мягко и вѣжливо я приглашаю перейти въ столовую, гдѣ вышеназванныя божества царятъ и гдѣ уже собрались ихъ поклонники".

Только тогда стало замѣтно, до какой степени общество было многочисленно, когда оно собралось въ обширной столовой. А между тѣмъ всѣмъ нашлось мѣсто: кому за маленькими, а кому за большими столами. За почетнымъ столомъ, гдѣ сидѣли женихъ съ невѣстой, ихъ ближайшіе родные и почетные гости со своими дамами, служили четверо пажей, и это повергало молодыхъ людей въ немалое смущеніе; они почти всѣ безъ исключенія объявили, что по уши влюблены въ ихъ синіе бархатные костюмы.

Всего было вдоволь за богатымъ пиршествомъ; даже рѣчи, которыя говорились, противу обыкновенія были хороши. Положимъ, съ сенаторомъ Валемъ въ этомъ отношеніи никто не могъ тягаться; но вслѣдъ за нимъ говорилъ Рихардъ, который отвѣчалъ вмѣсто своего молчаливаго будущаго шурина.

Всѣмъ было извѣстно, что на Арно ничто не могло повліять, чтобы заставить его говорить за столомъ, а больше ни въ какомъ другомъ отношеніи не приходилось жаловаться на него. Противу своего обыкновенія, онъ за весь вечеръ со многими раз-

говаривалъ, и всѣ не могли нахвалиться его привѣтливымъ и мягкимъ обхожденіемъ, тогда какъ о его грубости и рѣзкости ходила такая шумная молва. Однако, по его лицу видно было, до чего онъ былъ утомленъ и изнуренъ. Надъ впалыми глазами лобъ выдавался съ какой-то зловѣщей рѣзкостью очертаній.

Не только совѣтникъ и совѣтница, но даже сама Алекса просили его горячо уйти. Онъ отвѣчалъ:

— Да... Я и самъ хотѣлъ!

Но тотчасъ же опять принимался колебаться. То же повторилось и послѣ того, какъ вышли изъ-за стола и молодежь тѣснилась, чтобы пройти въ танцовальную залу, изъ которой тотчасъ же раздались звуки первыхъ тактовъ бойкаго вальса.

Наконецъ, Рихардъ приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

— Тебѣ бы, Арно, лучше пойти домой! Ты едва стоишь на ногахъ. Подумай-ка, завтра тоже будетъ для тебя денекъ...

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно проговорилъ Арно. Я только попрощаюсь съ Алексой, а теперь она танцуетъ.

— По-моему, это слишкомъ тебя задержитъ. Я за тебя извинюсь передъ нею,—и передъ стариками также. Ну, пойдемъ!

— Пожалуй.

— Мнѣ за тебя придется отвѣчать. Я провожу тебя до дому.

— Ну, это ни за что!

— Такъ хоть внизъ по лѣстницѣ?

— Ну, такъ и быть.

Арно постоялъ съ минуту, поглядывая въ залу усталыми глазами. Въ это самое мгновенье Алекса пролетала мимо въ объятіяхъ Луи Крафта, товарища Рихарда. Она ласково кивнула жениху, улыбаясь глазами; онъ тоже махнулъ ей въ отвѣтъ рукою и уже больше не препятствовалъ Рихарду увести себя прочь.

Парадный подъѣздъ былъ настежъ открытъ. На площади, передъ нимъ, полукругомъ густо тѣснилась толпа. Были тутъ мужчины и женщины, которымъ, по старинному обычаю, слуги совѣтника выносили пироговъ и вина.

— Теперь ступай назадъ! — проговорилъ Арно. — Здѣсь страшно дуетъ, а ты еще такъ разгоряченъ.

— Хорошо!—согласился Рихардъ.—Прощай. До свиданія, до завтра! Я за тобой заѣду.

— Только не слишкомъ рано.

— Будь покоенъ! Мнѣ и самому захочется выспаться.

XXV.

Когда Арно проходилъ сквозь толпу, которая охотно давала ему дорогу, къ нему подошелъ юноша-подростокъ, сынъ рыбака. Онъ зналъ, что этотъ мальчикъ—старшій сынъ въ семействѣ, которое принадлежало къ разряду его бѣднѣйшихъ паціентовъ.

— Ты что? Ко мнѣ?

— Да, г. докторъ.

— Отцу сдѣлалось хуже?

— Да, г. докторъ.

— Ты ужъ давно тутъ ждешь?

— Меня сначала не хотѣли пускать. Да и мать говоритъ, что вы не поѣдете.

— Мать твоя ошибается: я поѣду съ тобой.

Во время этого краткаго разговора совсѣмъ по близости стоялъ какой-то человѣкъ, котораго Арно не могъ разглядѣть впотьмахъ. Арно подумалъ, что онъ, вѣроятно, пріѣхалъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, и спросилъ его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

Арно подошелъ къ этому человѣку и спросилъ:

— У васъ есть какое-нибудь дѣло до меня?

Человѣкъ пробормоталъ нѣчто совершенно непонятное и опять втиснулся въ толпу. У д-ра Арно явилось твердое убѣжденіе въ томъ, что это былъ Іохенъ Лахмундъ.

Прежде, чѣмъ старикъ Пребровъ успѣлъ его предупредить, Арно уже зналъ, что въ лицѣ Іохена онъ имѣетъ смертельнаго врага. А вчера, вдобавокъ, онъ видѣлъ въ шинкѣ, въ окно, этого же самаго Лахмунда въ бесѣдѣ съ Мальвиной, которую изъ-за него, Арно, прогнали изъ дома аптекарши Зибольдъ и только-что опять прогнали отъ Моорбековъ.

Арно улыбнулся, но невесело, идя впередъ со своимъ вожатымъ.

— Вотъ былъ бы хорошій варіантъ послѣдней сцены для моего „Фаустулуса“. За чѣмъ же дѣло стало? Я вѣдь и самъ—лишь варіантъ моего собственнаго героя.

Они шли по узкимъ прибрежнымъ улицамъ, въ которыхъ звукъ ихъ шаговъ отдавался звонко по изрытой мостовой; шли мимо того же самаго шинка, въ которомъ сегодня было совершенно темно. При тускломъ освѣщеніи фонаря у входа въ него Арно посмотрѣлъ на часы: было четверть второго. Семья, къ которой онъ шелъ, жила въ одномъ изъ послѣднихъ домиковъ на

длинной улицѣ, идущей параллельно съ берегомъ рѣки. Вотъ и эта улица.

„Трудновато будетъ вернуться домой къ двумъ часамъ"!— подумалъ Арно.

Мальчикъ все бѣжалъ впередъ, передъ нимъ; онъ спѣшилъ тоже большими шагами. Въ темнотѣ казалось, что конца не будетъ этой улицѣ.

Наконецъ, они пришли къ какой-то маленькой, полу-развалившейся лачугѣ. По лѣвую сторону отъ входной двери были два четырехугольныхъ окна, въ которыхъ свѣтился красноватый огонь лампочки.

Жена больного встрѣтила доктора на темной площадкѣ лѣстницы, заливаясь слезами:

— Совсѣмъ, совсѣмъ кончается!—говорила она.

И въ самомъ дѣлѣ, мужъ ея кончался: для Арно это стало очевиднымъ съ перваго же взгляда на искаженное лицо больного. Ему пришлось предупредить бѣдную женщину.

Она продолжала тихонько плакать въ то время, какъ они оба сидѣли у кровати больного: Арно на полуразвалившемся буковомъ стулѣ, а жена—на козлахъ для дровъ. Пульсъ его бился такъ слабо и неуловимо, что едва можно было уловить его тонкое трепетанье. Потомъ пропалъ и этотъ слабый признакъ жизни... Она отлетѣла!

Арно наклонился надъ умершимъ и, поднимаясь, слегка провелъ рукою по его застывшимъ глазамъ.

— Такъ-то! — сказала вдова, сдѣлавшись вдругъ какъ-то особенно спокойной.—Теперь мнѣ съ дѣтьми остается только умереть съ голоду!

Арно оглянулся вокругъ. Комнатка, въ которой лежалъ умершій, была такъ чиста, но такъ невыразимо жалка въ своей убогой обстановкѣ! Впрочемъ, Арно зналъ и безъ того, что эти люди принадлежали къ самымъ бѣднымъ во всемъ городѣ.

— Нѣтъ, вамъ не придется голодать,—возразилъ онъ.—Я самъ черезъ нѣсколько часовъ уѣзжаю въ путешествіе, изъ котораго ужъ больше не вернусь. Но мой... то-есть, коммерціи совѣтникъ Моорбекъ позаботится о васъ. Снесите ему завтра утромъ вотъ эту карточку.

Арно вынулъ изъ своего бумажника визитную карточку, подошелъ къ столику, на которомъ стояла лампочка, и на оборотѣ написалъ нѣсколько словъ, которыми особенно поручалъ вниманію „человѣка, извѣстнаго своей благотворительностью, подательницу сего и ея дѣтей,—это бѣднѣйшее изъ бѣднѣйшихъ семействъ".

Потомъ вынулъ изъ бумажника банковый билетъ покрупнѣе, сложилъ его и положилъ подъ карточку на столъ, незамѣтно для бѣдной вдовы, которая опять повернулась къ мужу. Охотно далъ бы онъ и больше; но ему самому необходимо было сохранить для себя нѣкоторую опредѣленную сумму.

Здѣсь ему больше нечего было дѣлать. Вдова, которая все еще сохраняла свое странное спокойствіе, проводила его съ лампочкой въ рукахъ. На порогѣ Арно посмотрѣлъ на часы: три четверти второго!

— Очевидно, я уже не поспѣю къ двумъ быть дома. Да и не все ли равно? Минута въ минуту, секунда въ секунду, *она* явится предо мной, гдѣ бы я ни былъ... Сегодня ужъ въ послѣдній разъ!..

Трудно сказать, что̀ именно было тому причиной: тѣсная комнатка съ четырехугольнымъ окошечкомъ, сырой запахъ отъ воды, голосъ этой женщины, звучавшій такъ же точно, какъ голосъ матери Стины,—только Арно живо припомнилась та обстановка, при которой онъ увидѣлъ любимую дѣвушку въ первый разъ. Прежде онъ часто возстановлялъ въ памяти своей всю эту сцену, лишь только закрывалъ для этого глаза; но потомъ она являлась только въ видѣ мертвой...

Но и мертвая была она ему мила невыразимо!

А все-таки въ сердцѣ у него не умолкало страстное желаніе хоть разъ,—хоть одинъ только разъ! увидѣть ее еще такою, какъ *тогда*... И онъ готовился принять это какъ доказательство того, что она все-таки, несмотря ни на что, ему простила и съ жизнью разсталась не во гнѣвѣ на него... несмотря ни на что!

„Нѣтъ, такой милости мнѣ не дождаться: я ея недостоинъ"! Да, недостоинъ даже и теперь, когда добровольно рѣшилъ уйти отъ жизни, которая лишь какой-нибудь часъ тому назадъ прельщала его своимъ обманчивымъ блескомъ. Все, что̀ онъ видѣлъ сегодня, какъ бы сквозь дымку тумана, все казалось ему какимъ-то особымъ, прекраснымъ міромъ, надъ которымъ все гуще и гуще сбираются ночныя тѣни, пока, наконецъ, его не объемлетъ окончательно вѣчная ночная тьма,—все: и его прекрасная невѣста; и ея мать, которая даже еще красивѣе, нежели невѣста, радушный и добрый отецъ, братъ — славный малый; доброжелательные гости; роскошь чуть не княжескаго двора, окружавшая его; безумныя шалости жизнерадостной молодежи; милыя фигурки молодыхъ дѣвушекъ, которыя такъ изящно двигались подъ нѣжные звуки музыки гавота...

Арно свернулъ съ узкой улицы на широкій гаваньскій докъ.

Этой дорогой идти было дальше, но и кратчайшая, все равно, не могла бы во-время привести его къ цѣли... Вдругъ онъ чувствуетъ, что по всѣмъ его нервамъ пробѣгаетъ ознобъ, который каждый разъ предшествуетъ появленію знакомаго милаго видѣнія. Онъ облокачивается на лодку, которая тутъ же лежитъ на штапелѣ, и закрываетъ глаза.

Вотъ! Вотъ онъ видитъ ее...

Видитъ такою точно, какой она была въ то утро,—дивно-прекрасное утро! Вотъ залитый солнцемъ уголокъ дюны, и на немъ, растянутая на четырехъ шестахъ, вбитыхъ въ землю, виднѣется рыбачья сѣть. Передъ нею, къ доктору спиной, двигается молодая дѣвичья фигурка, то поднимая свои голыя бѣлыя руки, чтобы достать повыше клочья тины, застрявшія между петель, то наклоняясь, чтобы почистить и освободить сѣть отъ ила. Ея короткая юбочка,—полосатая, красная съ коричневымъ,—довольно плотно облегаетъ бока и спускается лишь пониже колѣнъ, предоставляя ея бѣлымъ ножкамъ безъ чулокъ сверкать своею бѣлизной надъ грубыми деревенскими башмаками. Когда она встаетъ на цыпочки и поднимаетъ кверху руки, между полосатой красно-бурой юбкой и плотно облегающимъ синимъ лифомъ виднѣется немножко бѣлая рубашка. Тогда еще ниже спускается на спину толстый узелъ, въ который она свернула свои золотисто-блестящіе волосы.

Арно видитъ молодую дѣвушку только въ профиль. Но вотъ она къ нему обращается совершенно. Ея нѣжное личико подернуто радостнымъ румянцемъ; большіе голубые глаза сверкаютъ какимъ-то особенно страннымъ блескомъ. Она широко раскрываетъ руки и съ крикомъ радости бросается къ нему на грудь...

Видѣніе исчезло.

Арно открываетъ глаза, привстаетъ. Какъ разъ рядомъ съ нимъ стоитъ мрачная, массивная фигура съ занесенной надъ нимъ правой рукою; въ кулакѣ зажатъ ножъ и сверкаетъ при свѣтѣ полу-мѣсяца, который стоитъ далеко надъ лугами.

— Рази!—говоритъ ему Арно.

Но этого незнакомецъ не ожидалъ и откинулся назадъ.

— Рази!—повторилъ Арно еще разъ, распахивая на груди свой сюртукъ и рубашку.—Вотъ оно, мое сердце, вотъ! То самое сердце, которое все цѣликомъ принадлежитъ Стинѣ и на жизнь, и на смерть; какъ ея сердце и на жизнь, и на смерть принадлежало мнѣ!

Сдавленный ревъ ярости, какъ у дикаго звѣря, вырывается

изъ груди убійцы. Его гигантская рука съ ножемъ быстро опускается...

Безъ звука, безъ стона падаетъ Арно.

Изъ-за лодки поспѣшно подходитъ чья-то женская фигура.

— Хорошо угостилъ его?

— Да, думаю, что хорошо!

— Ну, такъ старайся поскорѣй добраться до своего корабля. Смотри же, изъ Америки пиши!

— Хорошо, изъ Америки напишу!..

Оба пропали въ потемкахъ.

А. Б—г—

КОНЕЦЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга десятая. Спб. 1896. Книга одиннадцатая. Спб. 1897.

Уже съ первыхъ томовъ трудъ г. Барсукова сталъ разростаться въ цѣлую хронику литературной ученой и общественной жизни, хронику, для которой жизнь Погодина давала поводъ и рамку. Въ концѣ концовъ, интересъ является двойственнымъ: біографія Погодина обставлена такою массою объясненій, какъ этого не бывало до сихъ поръ ни въ какой другой біографіи русскаго общественнаго дѣятеля; но для этой обстановки собрано такое множество подробностей, что онѣ сами по себѣ даютъ чрезвычайно занимательную картину нашей общественности. И этотъ интересъ становится тѣмъ значительнѣе, что до сихъ поръ мы не имѣемъ, внѣ чисто литературныхъ изслѣдованій, никакой собственной исторіи нашей общественной жизни. Правда, въ книгѣ г. Барсукова затронуты только тѣ явленія, которыя такъ или иначе касались героя біографіи; но Погодинъ, по спеціальности ученый историкъ, въ сороковыхъ годахъ былъ и журналистъ, и вообще былъ человѣкъ чрезвычайно подвижной, разносторонній, впечатлительный, такъ что и біографу, слѣдя за этой сложной дѣятельностью, приходилось говорить о самыхъ разнородныхъ явленіяхъ нашей жизни. И должно сказать, что Погодинъ очень часто доставляетъ своему біографу весьма любопытныя черты, и для собственной его характеристики, и для изображенія самой эпохи: это былъ человѣкъ, какъ мы сказали, очень впечатлительный; въ своихъ сочиненіяхъ

онъ былъ большой и нерѣдко очень искусный риторъ; онъ безъ сомнѣнія самъ въ данную минуту увлекался предметами своей реторической фантазіи,—но въ другую минуту, въ простыхъ отношеніяхъ, въ дѣлахъ прозаической дѣйствительности, онъ высказывался и съ другой стороны, и въ его письмахъ къ близкимъ пріятелямъ и въ дневникѣ являются нерѣдко отзывы мѣткіе, оригинальные и очень реальные, даже съ крупными словами.

Біографъ, какъ это бываетъ часто, почти всегда, питаетъ къ своему герою великое расположеніе. Но должно отдать справедливость автору, что онъ умѣетъ оставаться повѣствователемъ объективнымъ: онъ не дѣлаетъ выбора между фактами, и какими бы они ни представлялись ему самому, онъ оставляетъ читателю возможность видѣть и показную, и оборотную сторону предмета.

Читателями и критикой была уже оцѣнена масса любопытныхъ свѣдѣній, какія собраны въ книгѣ г. Барсукова о двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ; мы остановимся здѣсь на двухъ послѣднихъ томахъ біографіи, основной интересъ которыхъ заключается въ изображеніи послѣднихъ сороковыхъ годовъ, и затѣмъ первыхъ пятидесятыхъ. Особенный интересъ разсказа г. Барсукова, какъ и въ этихъ послѣднихъ томахъ, заключается въ томъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ исторіи нашей общественной жизни: есть, правда, не мало довольно подробныхъ отдѣльныхъ біографій, напримѣръ, писателей, гдѣ сказываются черты этой общественной жизни; есть много эпизодическихъ разсказовъ въ различныхъ мемуарахъ; есть исторія оффиціальныхъ учрежденій,—но все это, разсчитанное на спеціальныя темы или отрывочное, не даетъ цѣльнаго изображенія, такъ что въ настоящемъ случаѣ даже внѣшнее хронологическое сопоставленіе фактовъ, связанное нитью біографіи и приводящее читателя въ различныя сферы нашей общественности, становится нерѣдко весьма занимательнымъ.

Конецъ сороковыхъ годовъ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ любопытнѣйшихъ историческихъ моментовъ въ жизни русскаго общества. Извѣстно, какая знаменательная роль принадлежитъ „сороковымъ годамъ“ въ исторіи нашей литературы. Какъ ни ограничены были внѣшніе и внутренніе размѣры нашей литературы, эти года сдѣлали однако великое дѣло: впервые литература стала глубокимъ и сознательнымъ выраженіемъ той принципіальной борьбы, въ которой совершалось и выражалось развитіе русскаго общества. Какъ мы сказали, размѣры литературы были тѣсны; было мало людей, которые вели эту борьбу,—извѣстны на перечетъ имена писателей, представлявшихъ такъ называемую за-

падную и славянофильскую партію; извѣстны на перечетъ имена нѣсколькихъ писателей-художниковъ, дѣятельность которыхъ въ той или другой степени соприкасалась съ этимъ принципіальнымъ броженіемъ или даже создавалась подъ его вліяніемъ. Но этотъ немногочисленный рядъ былъ рядъ замѣчательныхъ писателей: на одной сторонѣ это были: Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, Кавелинъ, и вскорѣ С. М. Соловьевъ; на другой — Кирѣевскіе, Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковы; въ литературѣ художественной являлись тогда первыя произведенія Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Некрасова, нѣсколько позднѣе Островскаго; еще въ концѣ сороковыхъ годовъ началась и тотчасъ была прервана литературная дѣятельность Салтыкова, — все это когда еще доживалъ послѣдніе годы Гоголь. Всѣ названныя имена частью уже давно, а другія еще недавно отошли въ исторію; и всѣ они займутъ въ этой исторіи почетное мѣсто, какъ дѣятели общественной мысли или какъ первостепенные художники; это были люди глубокаго убѣжденія и отъ нихъ несомнѣнно начинается то движеніе, какое наполняло, въ дальнѣйшемъ развитіи ихъ идей, послѣдующія десятилѣтія. Во всякомъ случаѣ, они въ первый разъ вносили въ нашу литературу тотъ элементъ сознательнаго пониманія историческихъ и общественныхъ отношеній, который въ прежнія времена бывалъ какъ бы только инстинктивнымъ чувствомъ у лучшихъ и даровитѣйшихъ людей, а теперь становился и для гораздо большей массы людей образованныхъ потребностью установить свои теоретическія идеи и сдѣлать изъ нихъ руководство для своей общественной дѣятельности. Было много разъ указано и составляетъ историческій фактъ, что когда начался новый періодъ нашей исторической жизни со второй половины пятидесятыхъ годовъ, исполнителями великихъ реформъ явились люди, приготовленные этой эпохой „сороковыхъ годовъ“: отличительная и высокая черта лучшихъ людей этого времени было именно сознательное и убѣжденное пониманіе своего нравственнаго долга къ народу и обществу. Это былъ осязательный историческій результатъ, который именно указывалъ истинный смыслъ движенія, совершавшагося въ сороковыхъ годахъ; но этотъ результатъ получился не непосредственнымъ спокойнымъ путемъ послѣдовательнаго развитія, а напротивъ, оказался въ пятидесятыхъ годахъ почти неожиданно послѣ тяжелыхъ испытаній, какія пришлось перенести этому направленію общественной мысли съ конца сороковыхъ годовъ.

Дѣло въ томъ, что это направленіе въ періодъ своего оживленнаго развитія въ ту пору было уже обставлено величайшими

препятствіями. Оно держалось въ литературѣ какъ бы только по недоразумѣнію со стороны властей, завѣдывавшихъ литературнымъ благочиніемъ. Съ новѣйшей точки зрѣнія почти трудно себѣ представить, чтобы это движеніе, факты котораго всѣ на лицо, могло заключать въ себѣ что-либо опасное для общественнаго и государственнаго порядка: интересы обѣихъ, притомъ боровшихся, сторонъ литературы, западной и славянофильской, были или чисто отвлеченные или историческіе, опять въ смыслѣ самаго общаго философскаго опредѣленія историческихъ основаній русской жизни; та и другая сторона только отдаленнымъ образомъ указывали на тѣ реальныя примѣненія къ современной дѣйствительности, какія могли быть выводимы изъ этихъ теоретическихъ положеній; наконецъ, эта литература обращалась и находила пониманіе въ такомъ небольшомъ кругѣ образованныхъ людей, что странно было думать о какомъ-либо опасномъ вліяніи ея, если бы даже въ ея содержаніи было дѣйствительно что-либо ложное. Тѣмъ не менѣе уже вскорѣ это опасное было найдено, и что литература сороковыхъ годовъ допускалась дѣйствительно по недоразумѣнію, это оказалось уже вскорѣ, когда въ 1848, 2-го апрѣля, учрежденъ былъ извѣстный „негласный комитетъ", который долженъ былъ заново пересмотрѣть литературу недавнихъ годовъ и провѣрять дѣйствія самой цензуры.

Но если и въ свое время литература сороковыхъ годовъ должна была испытывать большія препятствія къ своей дѣятельности, то съ конца сороковыхъ годовъ она должна была почти совсѣмъ замолкнуть. Опять, съ позднѣйшей точки зрѣнія (для многихъ и съ тогдашней) чрезвычайно странно было видѣть, что виною тѣхъ преслѣдованій, какимъ подверглась литература съ послѣднихъ сороковыхъ годовъ, были революціонныя событія въ западной Европѣ. Это былъ какой-то удивительный обманъ зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могло быть общаго между Россіей и Западомъ въ политическомъ отношеніи? На одной сторонѣ было полное отсутствіе внутренней политической жизни и безграничный авторитетъ власти, и въ обществѣ лишь очень ограниченный процентъ образованія въ одномъ верхнемъ слоѣ; на другой сторонѣ—широко развитая общественная и политическая жизнь съ давнимъ историческимъ преданіемъ, съ высокимъ уровнемъ образованія и общественной иниціативой и, наконецъ, съ давно развившимися политическими вопросами, искавшими рѣшенія. Общаго не было ничего, и если европейскія событія того времени возбуждали и у насъ извѣстный, даже очень горячій интересъ въ немногихъ кружкахъ молодого поколѣнія, если здѣсь читали французскихъ соціа-

листовъ (что̀ послѣ поставлено было на степень государственнаго преступленія), очевидно это былъ интересъ до такой степени отвлеченный, что придать этому какое-нибудь реальное значеніе, а тѣмъ болѣе увидѣть въ немъ государственную опасность, какъ это случилось, можно было только въ особыхъ условіяхъ времени и мѣста. Западныя событія возбудили у насъ въ извѣстномъ кругу какъ бы паническій страхъ и съ нимъ всплыли всѣ старыя опасенія о вредѣ образованія, ведущаго къ либеральнымъ идеямъ или къ вольнодумству: отсюда цѣлый рядъ мѣръ противъ литературы, а также противъ университетовъ: цензура, подавляемая „негласнымъ комитетомъ", доходила до послѣднихъ предѣловъ строгости; въ университетахъ установленъ былъ комплектъ въ триста студентовъ, за лекціями профессоровъ установленъ особый надзоръ... Въ 1849 г. разыгралось дѣло Петрашевскаго и, вслѣдствіе его, между прочимъ, Достоевскій былъ отправленъ въ каторгу, Плещеевъ въ солдаты; за годъ передъ тѣмъ, Салтыковъ за свою повѣсть былъ административно сосланъ въ Вятку.

Это былъ дѣйствительно конецъ „сороковыхъ годовъ", какъ литературной эпохи. „Негласный комитетъ" уже осудилъ то, что̀ совершалось передъ тѣмъ въ литературѣ: становились невозможны даже отвлеченныя разсужденія о художественныхъ требованіяхъ литературы, о философско-историческихъ вопросахъ и первые опыты опредѣлять идеи общественной нравственности. Когда Бѣлинскій умеръ въ самомъ началѣ гоненія на ту литературу, гдѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей, въ печати не разрѣшалось даже упоминаніе его имени. Журналы поставлены были подъ такой строгій надзоръ цензуры, что статья, касавшаяся какихъ-нибудь общественныхъ вопросовъ, должна была проходить точно сквозь строй, черезъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ цензуръ; боязнь печатнаго слова дошла до того, что, наконецъ, каждое министерство, каждое отдѣльное вѣдомство пожелали имѣть свою отдѣльную цензуру, независимо отъ общей;—къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ такихъ цензуръ насчитывалось до семнадцати, и всѣ онѣ были, конечно, весьма требовательны, такъ какъ всѣ боялись, потому что надъ всѣми господствовалъ еще „негласный комитетъ"... Понятно, что литературѣ приходилось заниматься предпочтительно такими предметами, которые могли бы, если возможно, избѣгать семнадцати цензуръ.

Это испытаніе въ своей острой формѣ продолжалось нѣсколько лѣтъ, а именно до первыхъ годовъ новаго царствованія, когда мало-по-малу самою силою вещей, подъ вліяніемъ наступавшихъ серьезныхъ событій, эти семнадцать цензуръ отступили передъ

новымъ оживленіемъ литературы. Но эти годы испытанія не прошли безплодно для литературы и общественнаго сознанія. Они имѣли, конечно, свою тяжелую сторону, какъ бываетъ всегда тяжело, унизительно и вредно подавленіе мысли,—въ данномъ случаѣ даже мысли научной и искренно народолюбивой,—но въ ихъ дѣйствіи была и своя, хотя дорого купленная польза: нельзя было не почувствовать самымъ осязательнымъ образомъ настоящаго смысла той практической дѣйствительности, на которую прежде, бывало, находили возможнымъ смотрѣть съ философскимъ благодушіемъ съ точки зрѣнія теоріи Гегеля; на мѣсто философской отвлеченности становилось по необходимости изученіе ближайшей исторической и общественной дѣйствительности. Къ этому уже и раньше приходили люди „сороковыхъ годовъ“ въ естественномъ развитіи ихъ понятій, и это можно, напримѣръ, наглядно видѣть на личномъ развитіи самого Бѣлинскаго съ его первыхъ трудовъ въ 1834 и до его послѣднихъ мыслей въ 1848; но теперь практика жизни самымъ рѣшительнымъ образомъ устраняла остатки иллюзій и направляла мысли на существенные вопросы общественнаго быта. Были люди, въ которыхъ эти годы испытанія, если не уничтожили совсѣмъ, то очень испугали и подавили прежній идеализмъ; но въ другихъ онъ уцѣлѣлъ и опредѣлился, и мы упоминали, что изъ этихъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ образовались дѣятели реформъ новаго царствованія.

Эта пора нашей общественной исторіи въ концѣ сороковыхъ годовъ и продолженіе ея въ началѣ пятидесятыхъ изображается въ послѣднихъ томахъ книги г. Барсукова въ примѣненіи къ Погодину и его ближайшему кругу. То, что̀ сказано выше о тогдашнемъ положеніи литературы и ея испытаніяхъ, собственно говоря, не могло бы быть примѣнено къ Погодину. На себѣ онъ всего меньше испыталъ какія-нибудь тягости новой суровой цензуры и т. п. Онъ стоялъ особнякомъ отъ тѣхъ двухъ литературныхъ партій, которыя были самымъ яркимъ выраженіемъ тогдашняго броженія русской общественной мысли. Партію западную онъ, какъ и его неизмѣнный другъ Шевыревъ, ненавидѣлъ; это были его злѣйшіе враги; партія славянофильская была ему сочувственна, славянофиловъ онъ, какъ-будто, считалъ своими, и дѣйствительно, въ разныхъ случаяхъ имъ содѣйствовалъ, ими восхищался,—но, въ сущности, его, конечно, невозможно отожествлять съ ними. Руководители славянофильства исходили не только изъ непосредственнаго національнаго инстинкта, но также изъ философской или философско-богословской системы; Погодинъ философомъ не былъ и эта сторона славянофильства была

ему чужда; славянофилы въ своемъ міровоззрѣніи были величайшіе идеалисты, Погодинъ былъ практикъ,—правда, и онъ очень часто „мечталъ“ и въ его воображеніи строилось, напримѣръ, фантастическое русско-славянское царство (приблизительно отъ Камчатки до Венеціи), но, очевидно, что это былъ не идеализмъ, а фантастика; славянофилы въ своемъ идеализмѣ слѣдовали только тому, что̀ считали требованіемъ своего ученія, и отсюда происходило, какъ извѣстно, не мало столкновеній съ практической дѣйствительностью и оффиціальной народностью, которая ихъ не одобряла и стѣсняла весьма чувствительнымъ образомъ; Погодинъ былъ именно слуга оффиціальной народности. Насколько тягости литературнаго положенія касались славянофиловъ, онъ ихъ понималъ, но самъ ихъ не чувствовалъ: онъ или вовсе не интересовался тѣми общими вопросами, по которымъ шелъ споръ между двумя партіями, или могъ быть только доволенъ стѣсненіемъ такъ называемыхъ „западныхъ“ мнѣній. Поэтому и теперь онъ оставался въ совершенно благодушномъ настроеніи; тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ, и ему пришлось почувствовать неудобства тогдашняго положенія литературы и общественной жизни, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, съ его именемъ ходила по рукамъ, по тогдашнему обыкновенію, въ рукописи, очень характерная записка о цензурѣ, быть можетъ и дѣйствительно ему принадлежавшая. Не знаемъ, находится ли она въ матеріалахъ г. Барсукова.

Западъ былъ для Погодина вообще предметомъ ненависти и въ особенности возбуждалъ ее теперь, въ 1848 и 1849, когда революціонныя волненія объяснялись для него только одною необузданностью и безнравственностью западныхъ народовъ; эти волненія должны были доказывать лишній разъ тщету западнаго просвѣщенія; Россія представляла счастливую противоположность, и Погодинъ не однажды находилъ здѣсь поводъ къ патріотическимъ восторгамъ и къ проклятіямъ Западу; послѣднимъ подпадали и тѣ русскіе, которые имѣли безуміе увлекаться западнымъ просвѣщеніемъ. Въ обоихъ случаяхъ Погодинъ былъ, вѣроятно, искрененъ, хотя при случаѣ не забывалъ для устройства своихъ дѣлъ указывать и на свой патріотизмъ. Вѣроятно, совершенно искренно онъ нападалъ и на своихъ враговъ въ западномъ лагерѣ, причемъ можно удивляться только тому, до какой степени ему было непонятно содержаніе ихъ взглядовъ; важность теоретическаго вопроса, необходимость критики или указаніе какихъ-либо недостатковъ въ русской жизни и даже въ историческомъ прошломъ, были выше его пониманія. Приводимъ для образчика его разсу-

жденія по поводу вышедшаго въ 1847 „Обозрѣнія Кіева“, изданнаго Фундуклеемъ. „Честь и слава, и благодарность достопочтенному сановнику. О, еслибъ примѣръ его нашелъ подражателей,— Владиміръ, Суздаль, Новгородъ, Петербургъ, Нижній, Рязань, Вологда, Устюгъ, Тверь были описаны также! О всякомъ почти городѣ въ Россіи можно сказать много любопытнаго, но мы ничего не знаемъ, и въ гордости невѣжества думаемъ, что и сказать о нихъ нечего; останавливаемся во всякомъ городишкѣ нѣмецкомъ, и подъ руководствомъ лон-лакея обѣгаемъ всѣ закоулки, терпѣливо выслушиваемъ всякій вздоръ, осматриваемъ всякія мелочи, — и проѣзжаемъ безъ вниманія Новгородъ, Черниговъ, Переяславль, Кострому, Куликово поле. Скажу здѣсь кстати, что я, ѣздивши нарочно изъ Москвы осмотрѣть мѣсто сраженія на рѣкѣ Сити, гдѣ рѣшилась въ 1237 году судьба Россіи на двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, въ трехъ окружныхъ городахъ не могъ узнать даже, гдѣ оно было, и послѣ долгихъ тягостныхъ усилій, наконецъ, нашелъ истокъ рѣки и знаменитое мѣсто, на которомъ никто и никогда не бывалъ прежде меня, какъ увѣряли жители. Таково наше невѣжество въ ту минуту, какъ мы кричимъ о національности! А явились еще люди, писатели, журналисты, которые пошли еще дальше, которые имѣютъ дерзость доказывать, что и знать намъ ничего не нужно, и что для полнаго счастія русскихъ людей довольно ихъ варварскихъ переводовъ Вѣчнаго Жида, Парижскихъ Тайнъ и подобныхъ гадостей французской литературы, раздаваемыхъ ими въ придачу, gratis, просвѣщеннымъ субскрибентамъ. Этого мало—они думаютъ, что только ихъ убѣжденія (?) и имѣть можно, и что убѣжденія противоположныя невозможны, не естественны, и должны быть поносимы, искореняемы всѣми средствами, позволенными и непозволенными“. Оставляя въ сторонѣ злость Погодина на его журнальныхъ противниковъ, которые были непріятными конкуррентами, нельзя не видѣть, что такая же злость руководитъ и его разсужденіями о Западѣ. Онъ не хочетъ признать общеизвѣстнаго факта, что западная Европа сохранила несравненно больше историческихъ памятниковъ, чѣмъ сохранилось у насъ (между прочимъ, какъ давно было замѣчено, потому, что европейская архитектура вообще была каменная, а наша вообще деревянная), что въ западной Европѣ еще съ римскихъ временъ шла несравненно болѣе дѣятельная и разнообразная культурная жизнь, и гораздо шире развивалось образованіе, которое научало также сбереженію старины. По словамъ Погодина выходитъ, что въ забвеніи нашей старины были виноваты ненавистные ему журна-

листы; но изъ этихъ же словъ видно, что даже мѣстные жители не могли ему указать, гдѣ было мѣсто сраженія на рѣкѣ Сити: ясно, что сами мѣстные жители забыли объ этомъ очень давно, и безъ помощи журналистовъ и Парижскихъ Тайнъ, и самое „мѣсто" не было памятникомъ.

Обращаемся къ событіямъ конца сороковыхъ годовъ, которыя такъ или иначе затрогивали Погодина: въ книгѣ г. Барсукова собрано очень много интересныхъ подробностей изъ того времени, и мы остановимся лишь на нѣсколькихъ эпизодахъ.

Въ 1848 Погодинъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ" подробный отчетъ объ осмотрѣ московскаго университета министромъ просвѣщенія гр. Уваровымъ, когда, между прочимъ, устроены были безъ всякихъ приготовленій многочисленные доклады студентовъ по разнымъ факультетскимъ предметамъ. Уваровъ остался этими докладами очень доволенъ. Погодинъ написалъ цѣлый панегирикъ. Онъ говорилъ въ заключеніе: „Скажемъ однимъ словомъ, что эти три дня останутся долго въ памяти университетской. Напряженіе, въ коемъ находились студенты, соревнованіе, возбужденное между ними, сила мыслительная, приведенная въ движеніе предметами разсужденій—все это дастъ непремѣнно прекрасный плодъ. Профессоры сами найдутъ о чемъ подумать по этому поводу, и Т. Н. Грановскій вѣрно сравнилъ разсужденія съ зеркаломъ, въ коемъ видны и преподаватели, и слушатели". Погодинъ вспоминаетъ, наконецъ, стихи Мерзлякова:

Цвѣти нашъ вертоградъ священный;
Мужайся въ силахъ, спѣй въ плодахъ;
Сіяй всегда въ величьи новомъ
Подъ Николаевымъ покровомъ.

Самъ Уваровъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ осмотрѣ московскаго университета счелъ возможнымъ упомянуть объ этихъ работахъ студентовъ. „Дабы нѣкоторымъ образомъ доказать юношеству степень и родъ участія, которое высшее начальство принимаетъ въ ихъ успѣхахъ, я допустилъ экзамены особаго рода, упражненія, въ коихъ студенты замѣняли преподавателей и гдѣ каждый по желанію могъ съ каѳедры говорить о предметѣ имъ избранномъ. Эти бесѣды (коимъ былъ сдѣланъ мною за шестнадцать лѣтъ первый опытъ въ московскомъ же университетѣ) имѣли полный успѣхъ: онѣ возбудили живое и благородное соревнованіе между студентами, рѣзко отдѣляя способныхъ отъ слабыхъ, и открыли нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ. Мнѣ же служили, такъ сказать, зеркаломъ, въ коемъ непосредственно отражались

и духъ преподаванія профессоровъ, и собственный взглядъ молодыхъ людей на предметы ихъ занимающіе. Этими вѣрными данными министерство не оставитъ воспользоваться и на будущее время".

Но ошибся и гр. Уваровъ, и Погодинъ слишкомъ поспѣшилъ съ своими восхваленіями. Имп. Николай, какъ замѣчаетъ г. Барсуковъ, не особенно сочувственно отнесся къ этому и свой взглядъ начерталъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Подобныя рѣчи съ каѳедры студентовъ считаю полезными *только* и *единственно* для тѣхъ изъ нихъ, которые сами готовятся служить по ученой или учебной части; для прочихъ же считаю сіе рѣшительно *вреднымъ* и не могу дозволить продолжать сего, ибо это вселяетъ въ нихъ привычку и желаніе блистать краснорѣчіемъ, что противно духу нашихъ постановленій и вовсе безполезно".

Впослѣдствіи, когда явилась въ „Москвитянинѣ" статья Погодина о пребываніи въ Москвѣ гр. Уварова, эта статья обратила на себя вниманіе „негласнаго комитета" и предсѣдатель его Бутурлинъ писалъ въ апрѣлѣ 1849 къ самому министру народнаго просвѣщенія: „Въ вышедшемъ недавно седьмомъ нумерѣ „Москвитянина", въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Почетный гость на лекціяхъ университета*, напечатано: „Въ то время когда праздные люди толкуютъ о какомъ-то преобразованіи университетовъ, и *становится необходимымъ стать за нихъ во имя просвѣщенія*, членамъ московскаго университета пріятно видѣть, что государственные сановники, успѣвшіе въ жизни своей соединить постоянную вѣрность началамъ русскимъ съ высокою степенью европейскаго просвѣщенія, обнаруживаютъ къ университетамъ самое искреннее участіе и смотрятъ на нихъ какъ на вѣрные разсадники русскаго просвѣщенія". Усматривая изъ сего, что вопреки удостоенному Высочайшаго утвержденія заключенію комитета 2-го апрѣля 1848 г., въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ все еще продолжаются подобные прежнимъ толки насчетъ университетовъ, комитетъ не могъ не остановиться особенно на употребленной въ помянутой статьѣ фразѣ: „становится необходимымъ *стать за университетъ во имя просвѣщенія*", фразѣ неумѣстной, если авторъ указывалъ ею на частныхъ людей, какъ не имѣющихъ у насъ голоса въ дѣлѣ общественныхъ преобразованій, и болѣе нежели дерзкой, если онъ хотѣлъ намекнуть симъ на преднамѣренія правительства. Вслѣдствіе чего комитетъ доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія и о сей статьѣ „Москвитянина". Государь императоръ въ 17-й день текущаго апрѣля изволилъ на семъ послѣднемъ представленіи комитета собственноручно напи-

сать: „Министру народнаго просвѣщенія подтвердить, что я рѣшительно *запрещаю* всѣ подобныя статьи въ журналахъ *за* и *противъ* университетовъ“.

Университетскій вопросъ, какъ мы упоминали, былъ тогда на очереди: университеты считались въ извѣстныхъ кругахъ учрежденіемъ, которое можетъ стать зловреднымъ въ политическомъ отношеніи, потому что здѣсь предполагалось возможнымъ броженіе умовъ подъ вліяніемъ неблагонамѣреннаго или неосторожнаго преподавателя: въ концѣ концовъ именно здѣсь считалось возможнымъ отраженіе западныхъ революціонныхъ волненій. Съ нынѣшней точки зрѣнія это представляется невѣроятнымъ, потому что въ дѣйствительности русская жизнь была отдѣлена отъ европейской цѣлыми вѣками историческаго развитія. Но, какъ увидимъ, эти предположенія не считались совсѣмъ невозможными даже въ частныхъ кругахъ. Оффиціальнымъ отраженіемъ этихъ взглядовъ были принятыя вскорѣ, упомянутыя выше мѣры объ опредѣленіи „комплекта“ и о болѣе строгомъ надзорѣ за чтеніемъ лекцій. Ревизія московскаго университета гр. Уваровымъ была несомнѣнно въ связи съ этимъ вопросомъ о „духѣ“ университетовъ, но изъ своей ревизіи гр. Уваровъ вынесъ благопріятныя впечатлѣнія и въ докладной запискѣ, представленной императору Николаю въ октябрѣ 1848, онъ именно говорилъ:

„Начиная съ духа юношества, я осмѣливаюсь донести, что не только не оказывается ничего предосудительнаго, но что, по моему замѣчанію и по мнѣнію многихъ уважительныхъ наблюдателей, общій духъ какъ будто утвердился и броженіе умовъ утихло при видѣ европейскихъ событій. Этотъ оборотъ въ понятіяхъ обнаруживается болѣе или менѣе во всѣхъ классахъ общества. Кажется, что умы, устрашенные внѣшними ужасами, ближе сомкнулись около народныхъ началъ и учрежденій. Вездѣ слышенъ отголосокъ общаго сознанія, что посреди бурь, волнующихъ окрестныя государства, Россія, опираясь на твердомъ и незыблемомъ началѣ своемъ, сохраняетъ величественное спокойствіе, соотвѣтствующее ея достоинству и силѣ. Отвращеніе къ печальнымъ явленіямъ Западной Европы можно назвать всеобщимъ.

„Тѣ же впечатлѣнія замѣтны въ умахъ юношества, особенно въ Москвѣ, гдѣ влеченіе къ народнымъ преданіямъ и отечественной славѣ имѣло во всякое время особую силу. Можно и должно по совѣсти сказать, что, наблюдая въ этомъ отношеніи должную осторожность и понимая это положеніе вещей, умы юношества охранятся въ неисчислимомъ большинствѣ отъ заразы губительныхъ заблужденій и отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ“.

При всемъ томъ Уваровъ принималъ, однако, мѣры къ тому, чтобы „очистить“ университетъ, а именно, усиливши экзамены, затруднить доступъ въ университетъ. Въ той же докладной запискѣ онъ говоритъ:

„Строгость, которую я требовалъ на сей разъ при пріемныхъ экзаменахъ, будучи тщательно соблюдаема ректоромъ и профессорами, имѣла послѣдствіемъ, что едва ли *половина* явившихся на экзамены желающихъ принята въ университетъ; равномѣрно строгость при переводныхъ (годичныхъ) экзаменахъ удалила значительное число студентовъ, не надѣющихся выдержать экзамены. Такимъ образомъ, положено начало пестепенному, такъ сказать, очищенію университета, и какъ въ семъ случаѣ не были ни въ чемъ нарушены законныя правила и требовано было въ точности только то, что̀ предписывается закономъ, то сіе уменьшеніе числа студентовъ совершилось безъ огласки и безъ жалобъ, нечувствительно и само собою. Продолжая дѣйствовать указаннымъ образомъ, университетское начальство, коему даны отъ меня подробнѣйшія наставленія, окончитъ начатое въ непродолжительномъ времени; тѣмъ достигнется двоякая цѣль: студентовъ будетъ меньше и они будутъ лучше образованы и нравственнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ. Тщеславное усиліе умножать цифру студентовъ, дабы выказать тѣмъ благосостояніе университета, есть безсомнѣнно первый шагъ къ совершенному упадку подобныхъ заведеній“.

Къ 1849—1850 учебному году прямо опредѣленъ былъ упомянутый комплектъ въ 300 студентовъ на университетъ (кромѣ медицинскаго факультета).

Въ университетахъ однако чувствовали себя не легко отъ этого ожидаемаго процвѣтанія, даже люди совершенно неповинные въ какомъ-нибудь либерализмѣ и приверженные къ гр. Уварову. Біографъ Погодина приводитъ „меланхолическое“ письмо И. И. Давыдова отъ ноября 1848, повидимому съ намекомъ на Уварова... „Вамъ издали представляется все въ миражѣ, и вы думаете, что здѣсь все возможно. Напротивъ, въ гостяхъ мы бываемъ мягче и ко всему готовы, а у себя дома и въ потокѣ дѣлъ иное говоримъ, иначе дѣйствуемъ“. Давыдовъ стоялъ собственно въ сторонѣ отъ университетскихъ дѣлъ, но онъ поклонялся Уварову; а въ самомъ университетѣ даже Шевыревъ, „несмотря на полученную награду“, какъ замѣчаетъ г. Барсуковъ, пишетъ Погодину въ декабрѣ того же года: „Мнѣ хотѣлось бы очень чаще видѣться съ тобою... Я обдумываю тоже свое положеніе. Смекнуть безъ дружескаго совѣта не могу. Приходитъ время тяжкое. Право, пошелъ бы скорѣе въ земледѣльцы. При

новыхъ распоряженіяхъ не будетъ возможности сдѣлать ничего для науки. Я уже и теперь отъ нея отвлеченъ поминутно. Между тѣмъ силы слабѣютъ. Еслибы я могъ теперь за прослуженное время получить три четверти пенсіи, поселиться въ деревнѣ и работать для науки, я былъ бы счастливѣйшій человѣкъ".

Въ послѣдніе дни пребыванія Уварова въ Москвѣ началась та исторія, которая вскорѣ стряслась надъ московскимъ Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, состоящимъ при университетѣ, и гдѣ предсѣдателемъ былъ попечитель гр. С. Г. Строгановъ, а секретаремъ и редакторомъ изданій Общества извѣстный славистъ, профессоръ О. М. Бодянскій. Московское Общество едва влачило существованіе до тѣхъ поръ, когда секретаремъ его сдѣлался Бодянскій, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ славянскихъ земель; съ начала 1846 Общество обнаружило, напротивъ, чрезвычайную дѣятельность, заслуга которой принадлежала всецѣло Бодянскому. За неполныхъ три года Бодянскій издалъ двадцать три книги „Чтеній", наполненныхъ множествомъ матеріаловъ первостепенной важности и изслѣдованій о славянской и русской древности и исторіи: „Чтенія" стали тотчасъ важнымъ и авторитетнымъ изданіемъ, необходимымъ для филолога и историка. На ряду съ другими источниками Бодянскій обратилъ вниманіе на иностранныхъ писателей о Россіи. У него приготовленъ былъ переводъ извѣстной книги Аделунга, представляющій обозрѣніе старыхъ иностранныхъ путешествій въ Россію, и онъ началъ также печатать переводы самыхъ сочиненій иностранцевъ о древней Россіи. Въ первомъ же году изданія помѣщенъ былъ сдѣланный П. Кирѣевскимъ переводъ сочиненія англичанина Самуила Коллинса; далѣе, напечатанъ былъ переводъ иноземнаго разсказа о самозванцѣ: Tragoedia Demetrio-Moscovitica; другая исторія о самозванцѣ, Бареццо Барецци; Дневникъ Самуила Бѣльскаго и пр.; теперь для „Чтеній" былъ приготовленъ переводъ англійской книги о Россіи Флетчера, 1591 года. Книга „Чтеній" съ этимъ переводомъ вышла въ то время, когда Уваровъ былъ еще въ Москвѣ: встрѣтивши въ сочиненіи Флетчера неодобрительные отзывы о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ (въ концѣ XVI-го столѣтія), онъ велѣлъ остановить этотъ выпускъ „Чтеній" и вырѣзать изъ него сочиненіе Флетчера. Гр. Строгановъ, предсѣдатель Общества, въ оправданіе изданія писалъ къ Уварову:

„Сочиненіе Флетчера, писанное въ 1588 году, казалось мнѣ такого содержанія, что ни одна въ немъ строка не могла примѣниться къ Россіи нашего времени, и что любопытная сатира эта содержитъ много важнаго, но только для древней Руси. Самъ

Карамзинъ неоднократно изъявлялъ желаніе видѣть напечатаннымъ этотъ документъ: такъ онъ цѣнилъ его для эпохи, въ немъ изображенной. Я полагалъ, что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за триста лѣтъ и напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ".

Но, по словамъ г. Барсукова, эти справедливые доводы не были убѣдительны для гр. Уварова. Повидимому, дѣло было рѣшено: осужденная статья была вынута изъ книжки „Чтеній", ея зловредное вліяніе предотвращено, но министръ просвѣщенія все-таки нашелъ нужнымъ представить дѣло на высочайшее усмотрѣніе, и вслѣдствіе того состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы впредь изданія общества (выходившія прежде подъ его собственной цензурой) были подвергаемы разсмотрѣнію общей цензуры, на основаніи существующихъ правилъ. Вслѣдъ затѣмъ гр. Строгановъ сложилъ съ себя званіе предсѣдателя Общества въ виду „частыхъ отлучекъ изъ Москвы"; и Бодянскій просилъ Общество уволить его отъ должности секретаря; но кромѣ секретарства Бодянскій долженъ былъ лишиться и профессуры въ московскомъ университетѣ. На его мѣсто назначенъ былъ Григоровичъ; его самого переводили въ Казань, но онъ просилъ освободить его отъ этого переселенія, ссылаясь на свои недуги, а также и на то, что нѣкогда, послѣ путешествія на казенный счетъ въ славянскія земли, онъ обязывался прослужить извѣстное число лѣтъ именно въ московскомъ учебномъ округѣ.

Эта исторія произвела различное впечатлѣніе въ ближайшемъ ученомъ кругу, и между прочимъ въ этомъ кругу оказались очень странные нравы. Прежде всего бросаются въ глаза крайне враждебныя отношенія Погодина и другихъ къ Бодянскому, задолго до исторіи. Дневникъ Погодина, по обыкновенію лаконическій и потому иногда совсѣмъ непонятный, въ январѣ 1848 отмѣчаетъ эту вражду такими словами: „Вельтманъ и Бодянскій. О гадостяхъ Бодянскаго". Біографъ замѣчаетъ, что ему неизвѣстно, какія это были гадости, и изъ дальнѣйшаго дневника и писемъ извлекаетъ еще нѣсколько отзывовъ, гдѣ Погодинъ бранитъ Бодянскаго послѣдними словами, зацѣпляя тутъ же и Ундольскаго. Это раздраженіе имѣло, кажется, отношеніе къ Обществу исторіи и древностей, гдѣ Бодянскій, опираясь на Строганова, распоряжался, повидимому, довольно самовластно, — скажемъ впрочемъ, что на это онъ имѣлъ извѣстное право, потому что никогда ни прежде,

ни послѣ къ изданіямъ Общества не было приложено столько неутомимаго (хотя иной разъ и слишкомъ поспѣшнаго) труда: въ первыхъ годахъ „Чтеній“ издано было множество важнаго матеріала, появленіе котораго было для тогдашней нашей исторіографіи настоящимъ событіемъ. При этой враждѣ неудивительно, что когда произошло запрещеніе „Чтеній“ и удаленіе Бодянскаго, молва приписала это наущеніямъ Погодина и его друга Шевырева, которые будто бы указали Уварову на изданіе Флетчера,—между прочимъ эти упорные московскіе слухи занесены были москвичами и въ Петербургъ, и Никитенко отмѣтилъ ихъ въ своемъ дневникѣ. Біографъ доказываетъ несправедливость этой молвы и въ опроверженіе ея приводитъ то обстоятельство, что въ то время самъ Бодянскій обратился къ Погодину въ своей бѣдѣ съ такимъ письмомъ: „Предчувствую: наступаетъ новая пора въ жизни моей. Съ покорностью склоняюсь подъ крестъ, изъ-подъ котораго не подниматься ужъ мнѣ болѣе. Пріютите же бѣдную мою *книжницу* — единственное мое сокровище и гордость (въ ней безъ малаго десять тысячъ томовъ). Ворочусь—и вы воротите ее мнѣ; нѣтъ—пріобщите къ своему сокровищу, по словамъ писанія: *Ему же дано—придано*. Озираясь кругомъ, я не вижу, куда бы и кому бы достойнѣе могъ ввѣрить это въ томъ и другомъ случаѣ. Пусть будетъ оно хоть малымъ толикимъ свидѣтельствомъ того неизмѣннаго въ глубинѣ души моей чувства, которое я, несмотря ни на какую размолвку нашу, всегда питалъ и питаю къ вамъ, какъ человѣку, больше всѣхъ сдѣлавшему мнѣ добра въ жизни моей“. Надо думать, что это дѣйствительно была клевета относительно его и Шевырева; но изъ приведеннаго г. Барсуковымъ письма Погодина объ этомъ дѣлѣ, въ январѣ 1849 (стр. 165), можно думать, что Шевыревъ сдѣлалъ какую-то неосторожность. „Къ величайшему моему удивленію и прискорбію пріѣзжаетъ ко мнѣ вечеромъ вчера С. П. Шевыревъ, разсказываетъ мнѣ свои дѣйствія касательно Бодянскаго и читаетъ всѣ письма. Я такъ и обомлѣлъ (?). Послѣ перваго письма къ О., я уже предугадалъ всѣ остальныя. Ну, что̀ прикажете дѣлать! Источникъ его дѣйствій прекрасный—доброе движеніе сердца, но исполненіе никуда не годится“... „Между прочимъ пущена была клевета, что Бодянскій погубленъ мною и имъ, то-есть, Шевыревымъ, что я указалъ графу на статью и проч. О Шевыревѣ говорили Богъ знаетъ что. Я, разумѣется, плюнулъ на эту клевету и ожидалъ, что она спадетъ сама собою, какъ прежнія, а ему захотѣлось ее скинуть тотчасъ и показать, что онъ не только

не виноватъ въ несчастіи Бодянскаго, но еще употреблялъ всѣ силы облегчить его" и т. д.

Отзывы тогдашнихъ ученыхъ людей объ этомъ дѣлѣ иногда по истинѣ удивительны. Никитенко въ свое время понялъ все дѣло совершенно правильно. Разсказавъ дѣло по тогдашнимъ слухамъ, онъ представляетъ его въ своемъ дневникѣ какъ ссору двухъ графовъ: „Строгановъ, по выраженію Гоголя, *нагадилъ* Уварову, Уваровъ Строганову. Это въ порядкѣ вещей на святой Руси... Но за что погибла книга Флетчера—книга полезная для нашей исторіи? За что пострадалъ секретарь общества Бодянскій, котораго велѣли удалить въ Казань? За что парализовано Общество, оказавшее не мало услугъ наукѣ"? Никитенко не былъ особенно ученый человѣкъ, но ему понятно было значеніе погибели книги Флетчера; но И. И. Давыдовъ, вѣрный слуга графа Уварова и другъ Погодина, писалъ послѣднему: „нѣкоторыя страницы изъ Флетчера я пробѣжалъ: удивляюсь тупоумію и сумасбродству предсѣдателя, переводчика и издателя". Другой ученый, Кубаревъ, въ январѣ 1849, въ письмѣ къ Сахарову обрушился на Бодянскаго цѣлымъ градомъ ругательствъ; Бодянскій — „неистовый звѣрь"; онъ „глупъ и полуневѣжда"; „Чтенія" — „глупый журналъ, сбродъ всякой всячины"; книга Флетчера — „вздорный памфлетъ"; далѣе: „какъ я обрадовался-было, что Богъ внушилъ благую мысль министру очистить университетъ, столицу (!) и общество отъ этой скверны (!). Теперь говорятъ, что графъ Строгановъ за него хлопочетъ. Очень жаль. Онъ не знаетъ, что этотъ человѣкъ не заслуживаетъ его ходатайства, и въ выборѣ людей не дѣлаетъ ему чести" и пр. Кубаревъ утверждаетъ далѣе: „Я бы готовъ былъ простить ему всякую обиду, еслибъ она относилась только къ лицу моему, но, какъ членъ Общества, не могу простить ему. Вы также членъ—раздѣлите жъ со мною негодованіе и примите сердечное участіе въ дѣлахъ Общества" [1]). Но этотъ гражданинъ, находившій только одинъ недостатокъ въ гр. Строгановѣ, что онъ не умѣлъ выбирать людей, три года однако сидѣлъ въ Обществѣ исторіи и древностей и, кажется, могъ бы раньше заявить свое благородное негодованіе или—уйти изъ Общества; а притомъ ему должно было быть извѣстно то, что̀ сообщаетъ въ одномъ письмѣ Погодинъ, что Строгановъ принималъ на себя всю отвѣтственность по изданію

[1]) Это письмо въ полномъ его текстѣ издано было раньше г. Варсуковымъ въ книжкѣ: „Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ". Спб. (1881), стр. 62—63.

Флетчера и долженъ былъ это сдѣлать, такъ какъ „Бодянскій спрашивалъ Строганова два раза и читалъ ему всѣ главы сполна".

Что касается до дѣйствій Общества, которыми иные изъ членовъ были недовольны во время секретарства Бодянскаго, то и здѣсь главную роль опять игралъ не секретарь, а предсѣдатель. „Подъ 4-мъ марта 1847 года Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Бѣляевъ разсказывалъ, какъ Строгановъ прогналъ Строева изъ собранія". По разсказу г. Барсукова, слухъ объ этомъ дошелъ до Петербурга и И. И. Давыдовъ „съ справедливымъ негодованіемъ" писалъ Погодину: „Ему (гр. Строганову) съ рукъ сошла и дерзость со Строевымъ, и тогда никто не двинулся съ мѣста, когда непремѣнно должно было всѣмъ встать и выйти изъ собранія, оставивъ его съ секретаремъ и актуаріемъ". Дѣло въ томъ, что Строевъ вообще былъ не въ ладахъ съ предсѣдателемъ и секретаремъ, и когда въ началѣ 1847 года въ Обществѣ былъ поднятъ вопросъ объ изданіи Флетчера, Строевъ находилъ это изданіе неудобнымъ, конечно, по цензурнымъ соображеніямъ; какъ показали послѣдствія, онъ и не ошибался въ этомъ.

Когда все дѣло кончилось, Давыдовъ опять писалъ Погодину нравоучительное посланіе: „Наконецъ и послѣднія пакости злого кошемара прошли безвозвратно. Предсѣдатель Историческаго общества догадался выйти изъ Общества и тѣмъ всѣхъ успокоить. Слава Богу! Теперь избирайте предсѣдателя, не начальника, о которомъ никто не смѣлъ говорить, а primum inter pares. Что касается до права цензуры, называемаго вами драгоцѣннымъ, въ этомъ съ вами нельзя согласиться. Во-первыхъ, Общество не имѣло никогда права цензуры, подобно университетамъ, педагогическому институту, академіямъ, а пользовалось этимъ правомъ more majorum ex usu. Поэтому Общество ничего не лишено, а ему указана только законная дорога къ цензурѣ. Во-вторыхъ, право цензуры, еслибъ и принадлежало Обществу, нельзя назвать драгоцѣннымъ; скорѣе это опасное право, потому что все Общество всегда подвергалось бы отвѣтственности за одного предсѣдателя или секретаря. Положимъ, что цензура Общества вошла въ обычай: но прежній предсѣдатель не умѣлъ уберечь этого обычая. Вотъ онъ и наказанъ. Такъ преслѣдуйте его за попраніе ногами той довѣренности, какую Общество ему предоставляло. По крайней мѣрѣ Общество этой мѣрою спасено. Секретарь переводится въ Казань, и это изъ различныхъ бѣдствій, ему угрожавшихъ (?), наименьшее. Вамъ за семьсотъ верстъ многое представляется не въ томъ видѣ, въ какомъ на-

добно разсматривать эти важные предметы. Благословляйте милосердіе государя и снисходительность министра".

Біографъ Погодина разсказываетъ, однако, что несчастіе, постигшее Бодянскаго, возбудило къ нему всеобщее сочувствіе. „Что̀ это у васъ дѣлается,—писалъ Хомяковъ Погодину изъ деревни:—неужели правда, что Бодянскій переведенъ въ Казань? Если это правда, неужели это вамъ всѣмъ не стыдно? Если это только въ будущемъ, то, мнѣ кажется, и Шевыреву, и всѣмъ профессорамъ добропорядочнымъ слѣдуетъ отвратить это твердостью, сдѣлать изъ этого une question de cabinet? Вѣдь Бодянскій человѣкъ, котораго ни университетъ, ни историческое Общество замѣнить не могутъ". По другому поводу Хомяковъ замѣчалъ о тогдашнихъ университетскихъ дѣлахъ: „Боюсь я вашихъ раздоровъ. Усобицы на Руси радость для татаръ и нѣмцевъ". Въ то же время писалъ Погодину М. А. Дмитріевъ: „Что у васъ новаго въ литературѣ и просвѣщеніи? А Бодянскаго, я слышалъ, уже не будетъ въ университетѣ? А Общество исторіи и древностей подчинено цензурѣ? Жаль, это можетъ повредить его успѣхамъ: цензура, пожалуй, и къ Нестору придерется". Наконецъ М. А. Максимовичъ писалъ Бодянскому: „Жалѣю сердечно о вашихъ *Чтеніяхъ*... но вы успѣли уже ими составить себѣ навсегда памятникъ и много добраго запаса обнародовали для ученаго люда... Честь вамъ—слава за то! У меня съ появленіемъ духовныхъ стиховъ родилось какое-то предчувствіе не къ добру". Максимовичъ разумѣлъ изданіе духовныхъ стиховъ, сдѣланное П. Кирѣевскимъ въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ „Чтеній". Какъ видимъ, даже это изданіе казалось для людей опытныхъ небезопаснымъ!

Въ началѣ того же 1849 года В. А. Жуковскому исполнилось 66 лѣтъ. По этому случаю вспомнили о томъ, что еще за два года передъ тѣмъ совершился 50-лѣтній юбилей его литературной дѣятельности [1]): юбилей не былъ отпразднованъ, потому что виновникъ его отсутствовалъ изъ Россіи; но по крайней мѣрѣ теперь кн. П. А. Вяземскій устроилъ въ кругу близкихъ друзей и почитателей Жуковскаго полуоффиціальное торжество дня его рожденія, замѣнившее юбилей. Въ „Москвитянинѣ" явилось объ этомъ извѣстіе, составленное Шевыревымъ. „Торжество,—писалъ онъ,—совершилось въ кругу друзей и близкихъ почитателей Жуковскаго. Намъ сообщены нѣкоторыя по-

---

[1]) Считая съ перваго стихотворенія, которое онъ напечаталъ въ 1797 г. въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени".

дробности объ этомъ праздникѣ отъ А. Я. Булгакова, которому передалъ ихъ очевидецъ, П. П. Новосильцовъ. Князь Вяземскій одушевилъ этотъ вечеръ своими прекрасными стихами, въ которыхъ мыслію обозрѣлъ всю прекрасную жизнь Жуковскаго. Эти стихи прочитаны были графомъ Д. Н. Блудовымъ и сильно тронули всѣхъ. Затѣмъ собесѣдники и другъ поэта, графъ Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій, котораго имя также любезно многимъ, своимъ одушевленнымъ голосомъ пропѣлъ куплеты, которыхъ слова принадлежатъ князю Вяземскому: „Ты, Вьельгорскій! Влагой юга кубокъ сѣверный напѣнь"... а музыка самому пѣвцу. Хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ свѣтскаго общества сопровождалъ его. Не можемъ не упомянуть о томъ, что тутъ же раздавались голоса Львова и Глинки. Всѣ участвовавшіе въ этомъ вечерѣ исполнены были одних чувствъ: любви къ Жуковскому, желанія ему возвращенія на родину и здоровья его супругѣ, отъ чего зависитъ возвратъ его. Списокъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ этомъ праздникѣ, былъ немедленно написанъ ими и отправленъ къ Жуковскому".

Чрезвычайно любопытно, какъ между прочимъ и по этому поводу весьма различно складывалось впечатлѣніе людей новаго поколѣнія, хотя такихъ же любителей русской старины и народности, какъ были руководители „Москвитянина",—молодыхъ славянофиловъ. Передъ нами видимо стоитъ не различіе случайныхъ впечатлѣній, а два разныхъ міровоззрѣнія. На торжество приглашены были находившіеся тогда въ Петербургѣ Ю. Ѳ. Самаринъ и Иванъ Аксаковъ. Послѣдній писалъ къ отцу объ этомъ праздникѣ слѣдующее: „Въ субботу Самаринъ получилъ записку отъ Вяземскаго, гдѣ онъ приглашаетъ его и меня, хоть я у него и не былъ, къ себѣ на вечеръ для празднованія юбилея Жуковскаго по случаю пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. Мы отправились и, къ удивленію, нашли почти всѣхъ въ бѣлыхъ галстухахъ и орденахъ: скоро узнали мы, что на этомъ вечерѣ будетъ Наслѣдникъ; тутъ было множество народу: былъ Киселевъ, Блудовъ и вообще цвѣтъ петербургскихъ придворныхъ умовъ. Пріѣхалъ Наслѣдникъ, и Блудовъ прочиталъ стихи Вяземскаго, на сей случай написанные. Стихи очень плохи. Блудовъ читалъ ихъ, безпрестанно прикладывая лорнетъ къ глазамъ и тряся голосъ для эффекта. Еслибъ мнѣ не было противно и досадно, мнѣ было бы смѣшно. Да, я забылъ сказать, что все это началось пѣніемъ „Боже, царя храни"; пѣли бывшіе тутъ артисты, Оболенскіе (Дмитрій и Родіонъ), Бартенева и нѣкоторыя другія дамы. Когда Блудовъ читалъ стихи, то нѣкоторыя дамы просле-

зились, нѣсколько разъ раздавался ропотъ неудержимаго восторга изъ устъ этихъ чопорныхъ фигуръ въ бѣлыхъ галстухахъ; когда кончилось чтеніе, то послышались жаркія похвалы: c'est charmant, c'est sublime! Послѣ этого пропѣты были куплеты старикомъ Вьельгорскимъ; послѣ каждаго куплета хоръ повторялъ refrain:

Нашъ привѣтъ ему отраденъ,
И отъ города Петра
Пусть домчится въ Баденъ-Баденъ
Наше русское ура!

„Надо было видѣть, съ какимъ жаромъ эти бѣлые галстухи кричали: *Наше русское ура*... Послѣ этого поданъ былъ листъ бумаги, на которомъ всѣ посѣтители должны были написать свои имена, начиная съ Наслѣдника. Дѣлать нечего, и я вписалъ свое имя, только почти предпослѣднимъ. Наконецъ Великій Князь уѣхалъ, и тогда Глинка-музыкантъ сталъ пѣть разные свои романсы... Это только меня и утѣшило. Предоставляю вамъ судить, чтò испыталъ и перечувствовалъ я въ первую половину вечера. Среди этого стараго общества я чувствовалъ себя новымъ человѣкомъ, совершенно ему чуждымъ; среди воздаяній этой старой поэзіи во мнѣ пробуждалось сознаніе того новаго пути, по которому пошла моя стихотворная дѣятельность... Я рѣшительно не хотѣлъ сближаться съ этимъ обществомъ... Глинка, немножко подпивъ за ужиномъ, пѣлъ испанскія мелодіи и свои сочиненія съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Это по истинѣ геніальный художникъ. Я познакомился съ нимъ и завтра читаю ему Бродягу"...

Теперь, когда прошло нѣсколько десятилѣтій, отмѣченныхъ знаменательными произведеніями писателей періода послѣ Гоголя, становится историческимъ фактомъ то, что Иванъ Аксаковъ чувствовалъ себя въ томъ обществѣ новымъ человѣкомъ и носилъ въ себѣ сознаніе новаго пути. Прежнему поколѣнію этотъ новый путь былъ совершенно непонятенъ. Любопытно за этими словами Аксакова письмо къ Жуковскому того же Шевырева, который ожидалъ возвращенія его въ Россію. „Присутствіе ваше здѣсь,— писалъ Шевыревъ,—необходимо и для добра нашей литературы. Вы поддержали бы въ молодомъ поколѣніи дѣятелей, которые хранятъ красоту слова и остаются вѣрны вашимъ преданіямъ. Нельзя утаить, что большая часть молодого поколѣнія идетъ не тою стезею. Это художники безъ *идеала*. Они сами отъ него отрекаются, полагая его въ дѣйствительности (!). Грустное, отчаянное самоубійство искусства—вотъ чтò видно въ нихъ! Не знаю, какъ

мы спасемся отъ этой бѣды и выйдемъ на настоящій путь. Всего болѣе огорчаетъ и поражаетъ меня ранняя гибель многихъ молодыхъ дарованій. Журнальная Сцилла и Харибда такъ скоро поглощаетъ ихъ и дѣлаетъ жертвами своего бумажнаго водоворота"... Какъ удачно Шевыревъ открылъ въ тогдашней литературѣ самоубійство искусства, можно видѣть изъ того, что именно въ эти годы открывался блистательный періодъ нашего искусства: въ 1849, когда это было писано, появились уже яркія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго.

Въ это время и самому Жуковскому, при всѣхъ преимуществахъ его положенія, пришлось испытать неудобства условій русской литературы. Онъ напечаталъ въ „Allgemeine Zeitung", въ формѣ извлеченій изъ писемъ русскаго на родину, статью подъ заглавіемъ „Англійская и русская политика", и желалъ, чтобы на русскомъ языкѣ статья явилась въ „Москвитянинѣ". Шевыревъ перевелъ ее, но такъ какъ статья была политическаго содержанія, то московская цензура переслала ее въ Петербургъ на разсмотрѣніе главнаго управленія цензуры, и попечитель московскаго округа, по тогдашнему предсѣдатель московской цензуры, писалъ съ своей стороны князю Ширинскому-Шихматову слѣдующую рекомендацію: „Думаю, что воспитатель Его Высочества Наслѣдника Цесаревича и вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ знаменитый поэтъ, котораго творенія проникнуты высокимъ нравственнымъ чувствомъ и благоговѣніемъ ко всему, чѣмъ велико и сильно наше отечество, не имѣетъ нужды предъ вашимъ сіятельствомъ въ моемъ ходатайствѣ за благонамѣренность Его послѣдняго сочиненія". Князь Шихматовъ въ свою очередь писалъ во всеподданнѣйшей докладной запискѣ о статьѣ Жуковскаго: „Она сама по себѣ есть краснорѣчивое и въ высшей степени благонамѣренное сочиненіе, исполненное преданности къ Престолу и любви къ Отечеству. Но какъ въ ней весьма съ невыгодной стороны представляется современная политика Англіи и порицаются въ сильныхъ выраженіяхъ дѣйствія лорда Пальмерстона, то Главное Управленіе Цензуры и не можетъ дозволить печатанія означенной статьи безъ Высочайшаго разрѣшенія. Какъ по этому уваженію, такъ и по содержанію сочиненія *Англійская и Русская Политика*, заслуживающаго вниманія Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше представляя оное на Высочайшее благоусмотрѣніе, имѣю счастіе испрашивать повелѣнія". Но рѣшенія печатать статью не послѣдовало и,—какъ говоритъ г. Барсуковъ,—это глубоко огорчило и оскорбило Жуковскаго. „То, что̀ вы пишете о цензурѣ,—писалъ онъ Плетневу,—дѣйствуетъ на душу, какъ удушенье на

горло, не потому, что оно касается до меня лично, а потому, что это есть общее бѣдствіе".

Въ это же время Погодинъ опять выступаетъ въ роли патріотическаго лѣтописца. Поводъ былъ тотъ, что въ ту зиму затѣянъ былъ грандіозный маскарадъ въ домѣ графа Закревскаго, московскаго генералъ-губернатора. Въ январѣ 1849 года учрежденъ былъ комитетъ подъ руководствомъ графини Закревской и подъ предсѣдательствомъ Лужина, оберъ-полицеймейстера, куда приглашены были свѣдущіе люди, въ числѣ которыхъ оказались также Погодинъ и Шевыревъ; было и нѣсколько художниковъ. Погодинъ долженъ былъ разыскивать свѣдѣнія о старыхъ костюмахъ, между прочимъ, англійскихъ, такъ какъ на маскарадѣ предполагалось изобразить, между прочимъ, дворъ королевы Елизаветы. Погодинъ, по словамъ біографа, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ этого комитета, и занятый маскарадомъ, онъ тутъ же написалъ чуть не цѣлый трактатъ о русской одеждѣ: „Нѣсколько словъ о значеніи русской одежды въ сравненіи съ европейской". Конечно, онъ патріотически возсталъ противъ послѣдней. „Разсмотрите русскую одежду,—писалъ онъ,—съ какой вамъ угодно стороны. Начнемъ, напримѣръ, со стороны *значенія смысла характерности*. Не сознаетесь ли вы, что нарядъ дѣвицы, женщины, юноши, пожилого человѣка рѣзко, явственно у насъ отличается, и что съ перваго взгляда всѣхъ ихъ распознать легко? Сколько невинности, скромности, кротости, грацін выражается одеждой дѣвичьей! А красота во второмъ своемъ фазѣ, красота замужней женщины, со всѣми ея прелестными формами, какъ выгодно выставляется въ русскомъ особенномъ ея убранствѣ! Отвагу, энергію, живость юноши, какъ характеризуетъ этотъ легкій, коротенькій зипунъ, съ узкими рукавами, при открытой шеѣ! Сколько важности, степенности, величія въ одѣяніи старческомъ! У европейцевъ этихъ различій не существуетъ: одинакой фракъ и одинакое круглое платье для всѣхъ возрастовъ". Русская одежда была и умнѣе и способнѣе для украшеній и улучшеній, разнообразнѣе и живописнѣе, наконецъ, соотвѣтственнѣе нашему климату и русскому характеру. Фракъ былъ для Погодина предметомъ негодованія: когда русская одежда такъ проста, естественна и удобна для разнообразныхъ украшеній, „что сдѣлаете вы изъ фрака?—спрашиваетъ Погодинъ.—Какъ ни ломаютъ себѣ голову наши заморскіе артисты и артистки,—и поуже, и пошире, и покороче, и подлиннѣе,—нѣтъ, не выходитъ ничего, кромѣ такой нелѣпой, мизерабельной фигуры, для которой есть слова и клейма только у Гоголя". Онъ, конечно, подобралъ и

извѣстія о древней русской одеждѣ и разсыпалъ ихъ передъ читателемъ, какъ искусный торговецъ, умѣющій показать товаръ лицомъ. Онъ сосчитываетъ: кафтаны, однорядки, плащи, епанчи, платна, опашни, ферязи, полушубки, зипуны, полукафтанья, поддевки, сарафаны, тѣлогрѣи, шубки, шубейки, душегрѣйки и пр. и пр., и объясняетъ, какъ русская одежда можетъ разнообразиться, „оставаясь однакоже собою". „Во-первыхъ, вы можете употреблять на нее какія угодно матеріи—бумажныя, шерстяныя, шолковыя, бархатъ, парчу; во-вторыхъ, вы можете пользоваться всѣми цвѣтами, отъ небесной лазури до полевой зелени. Вы можете строчить, вышивать ее всякими шерстами, шелками, серебромъ, золотомъ; объ узорахъ, разводахъ и говорить нечего, на рукавахъ, на полахъ, по краямъ, насколько станетъ воображенія. Напомнимъ ихъ древнія имена по *Выходамъ Царскимъ* Строева: городы, деревца, копыты, короны, косы, кречатье перо, круги, кубы, кустики, листы, лучи, люди, облачка, птички, репьи, рѣки, струи, травы, цвѣты, челночки, черенки, чешуя, шахматы и проч. А какъ легко и удобно употребить здѣсь кисти, бахромы, каймы, галуны, позументы, блестки, запонки, пуговицы. Въ моемъ музеѣ есть до ста древнихъ формъ пуговицъ, а новое искусство увеличитъ ихъ легко до тысячи. Чтò можно сдѣлать съ кушаками и поясами, съ ихъ длиною, шириною, концами, узлами, петлями. Все сказанное относится одинаково къ сарафану и къ кафтану" и т. д.

Любопытно, однако, что эта статья и тогда не показалась убѣдительной. Въ бумагахъ Погодина г. Барсуковъ нашелъ оригинальное письмо, гдѣ какой-то неизвѣстный корреспондентъ напалъ на Погодина по существу. Онъ отдаетъ справедливость патріотическимъ чувствамъ Погодина, но „за всѣмъ тѣмъ",—говоритъ онъ,—„вы смотрите слишкомъ односторонне на вашъ предметъ и берете только одну внѣшнюю сторону. Неужели въ самомъ дѣлѣ мы будемъ умнѣе, образованнѣе, честнѣе и дѣльнѣе, если бросимъ фракъ и надѣнемъ старый русскій зипунъ? Вамъ, какъ прямо русскому человѣку... какъ журналисту и патріоту, слѣдовало бы вооружиться противъ тѣхъ предразсудковъ и язвъ нашего общественнаго быта, которые суть не внѣшнее, а дѣйствительное, коренное зло нашей жизни, отъ которыхъ въ нашемъ русскомъ царствѣ гніетъ все... умъ, дарованіе, самые добрые нравы и даже терпитъ физическое благосостояніе и всѣ успѣхи гражданственности". И для примѣра неизвѣстный корреспондентъ беретъ одно изъ явленій нашей общественной жизни—господство чина, которое дѣлаетъ изъ насъ „въ своемъ родѣ Китай въ

Европѣ". „Дѣйствительно,—говоритъ онъ,—ежели у насъ нѣтъ положительно узаконяемыхъ десяти тысячъ китайскихъ церемоній, то онѣ какъ бы подразумѣваются въ нашемъ обществѣ. Скверно и даже до возмущенія духа мерзко смотрѣть на наше общество, напримѣръ, въ Петербургѣ, особенно въ Петербургѣ. Гордый, чувствующій свое достоинство молодой человѣкъ плюнетъ, взглянувъ на это общество, и уйдетъ—уйдетъ и изъ службы, и изъ Петербурга, къ намъ въ степь, въ деревню. Чтò за униженіе, низкопоклонство, поддакиваніе, чтò за тенеты на умъ и на всякое свободное выраженіе мысли! а отъ чего? Оттого, что тамъ, куда ни оглянись, торчитъ тайный или дѣйствительный тайный совѣтникъ, при которыхъ никакъ нельзя человѣку въ двадцать лѣтъ, хотя бы титулярному совѣтнику, *смѣть свое сужденіе имѣть*. Отъ этого и народный характеръ портится; является лицемѣріе духа и китайскіе поклоны"... Слѣдуютъ примѣры.

Наконецъ, въ февралѣ состоялся маскарадъ. На этотъ разъ воспѣваніе этого торжества пришлось на долю Шевырева. „Праздникъ,—писалъ онъ,—и своею прекрасною мыслью, и художественнымъ характеромъ, и совершенною удачею исполненія привелъ всѣхъ его видѣвшихъ въ единодушный восторгъ... Лѣтописи московской пріятно сохранить память объ этой свѣтлой минутѣ, тѣмъ болѣе, что она вся проникнута была живою мыслью". Не совсѣмъ ясно, почему маскарадъ сосредоточенъ былъ на изображеніи Англіи и Россіи: представленъ былъ, какъ мы упоминали, дворъ королевы Елизаветы и Россія въ олицетвореніи ея разнородныхъ областей и ея историческихъ воспоминаній. Шевыревъ истолковалъ это слѣдующимъ образомъ: „Въ наше время въ образованной Европѣ есть два великія государства, которыя могутъ понимать другъ друга въ своей непоколебимой и самостоятельной народности. Они оба остаются вѣрны мудрымъ началамъ своего политическаго устройства, оба вѣрятъ въ успѣхъ человѣческаго образованія и никакъ не думаютъ, чтобы можно было его достигнуть путемъ насилія, безначалія и крови. Оба въ большинствѣ массы народа уважаютъ свою исторію, свои отечественныя преданія, свою вѣру, законы, нравы и обычаи. Оба равно огромны и какъ будто раздѣлили между собою планету на сушѣ и на водахъ: одна—царица твердой земли, другая—царица моря". Историческій комплиментъ былъ однако въ обоихъ случаяхъ ошибоченъ: Шевыревъ забылъ англійскую революцію, которая больше чѣмъ за сто лѣтъ предшествовала французской, забылъ отдѣленіе сѣвероамериканскихъ колоній и т. д.; относительно русской жизни онъ также забылъ многое, напримѣръ хотя бы то, что русское обще-

ство, высшій образованный кругъ, именно вовсе не могло похвалиться сохраненіемъ народныхъ нравовъ и обычаевъ. Съ другой стороны въ обществѣ шли, повидимому, толки о непомѣрной тратѣ денегъ на это торжество. Шевыревъ и здѣсь нашелъ пріятное объясненіе. „Москвѣ, непрерывно благотворящей, можно иногда и повеселиться. Торговля оживилась. Магазины и лавки не наготовлялись товару. Фабрики приходили въ дѣятельность. Заработная плата умножалась. Портные и другіе ремесленники не находили времени. Около богатѣющаго купца, около довольнаго ремесленника сытнѣе былъ и бѣдный. Признано экономами за лучшее средство благотворенія народу и обществу возбуждать трудъ, дѣятельность, давать поводъ къ работѣ. Всякое сильное движеніе въ торговлѣ обращается въ пользу всѣмъ и дойдетъ непремѣнно до тѣхъ, которые нуждаются“.

Погодинъ былъ отъ маскарада въ полномъ восхищеніи. Въ русскихъ одеждахъ маскарада, по словамъ его (въ „Москвитянинѣ“), „Русскій духъ *во очью совершился*, какъ нарядились порусски наши красныя дѣвицы, наши добрые молодцы, какъ явились передъ нашими глазами въ дѣдовскихъ кафтанахъ степенные бояре и величавыя боярыни. Что за прелесть, что за пышность, что за разнообразіе, что за красота, что за поэзія!“ Онъ смутно чувствовалъ, что однихъ костюмовъ все-таки мало, и высказывалъ такое желаніе: „Что еслибы еще когда-нибудь въ подобномъ обществѣ раздавались звуки родной русской пѣсни, которая захватываетъ за сердце еще глубже! Что еслибъ вмѣсто кадрили заплелся плетень и закружился хороводъ, и какая-нибудь красавица выступила павою, и, поднявъ правую руку, подпираясь лѣвою, стала манить къ себѣ суженаго. Вѣдь у всѣхъ забилось бы сердце, всѣмъ стало веселѣе и радостнѣе, несмотря ни на какое различіе мнѣній—такъ отчего же мы не хотимъ веселиться и сами себя произвольно обрекаемъ на европейскую скуку и монотонность? Зачѣмъ мы, здоровые, напрашиваемся въ чахотку, и хотимъ чваниться худобою, когда намъ Богъ далъ столько хлѣба-соли?“ По словамъ Погодина, европейскіе балы и маскарады потеряли уже всю свою прелесть и обветшали, — конечно кромѣ только московскаго маскарада. „Искусство съ своимъ лицемѣріемъ взяло верхъ; если есть еще гдѣ природа съ своей искренностью, то это у Словенъ“. И здѣсь опять Погодинъ „для исторической вѣрности“ замѣчалъ, что и на этомъ великолѣпномъ вечерѣ „французскій языкъ, вдругъ раздававшійся изъ устъ какой-нибудь прелестной, кровь съ молокомъ русской дѣвушки... разрушалъ иногда, ненавистный, мое очарованіе“; но все-таки

„Да, у насъ есть все свое—прекрасное, высокое, удивительное, чудесное, душевное, сердечное, чего нѣтъ нигдѣ, или что уже на Западѣ устарѣло, или ослабѣло, замерло... Почему же мы не пользуемся до сихъ поръ всѣми своими сокровищами?“ и т. д.

Но по замѣчанію г. Барсукова, и маскарадъ, и статьи о немъ „возбудили желчь“ въ Аксаковыхъ. Изъ Петербурга Иванъ Аксаковъ съ негодованіемъ писалъ отцу о статьѣ Шевырева, гдѣ съ одной стороны написанъ „вздоръ“ о пользѣ роскоши, а съ другой, разлитъ по статьѣ „отвратительный сиропъ“. Аксаковъ съ уныніемъ говорилъ о томъ, что „какой-нибудь маскарадъ— вотъ все проявленіе общественной публичной жизни“, и думалъ, что „надобно имѣть или непонятную мудрость, или тайное равнодушіе сердца, чтобы довольствоваться какою-нибудь малою толикою проявившагося здѣсь движенія мысли, чтобъ довольствоваться и быть довольну, то-есть спокойну!“ Въ Москвѣ Константинъ Аксаковъ, по словамъ отца, „взбѣсился“; самъ С. Т. Аксаковъ, повидимому, не былъ противъ маскарада и писалъ Ивану Аксакову, что „ругательство, какъ говорятъ иные, надъ русскимъ платьемъ, какъ костюмъ въ маскарадѣ, произвело на общество самое благопріятное дѣйствіе, и что послѣдствія его будутъ полезны“. Но о Шевыревѣ онъ говорилъ съ негодованіемъ.

Весной, къ страстной недѣлѣ, въ Москву прибылъ дворъ на довольно продолжительное пребываніе. Погодинъ написалъ восторженную статью, хотѣлъ быть историкомъ пребыванія въ Москвѣ царскаго семейства и просилъ у Закревскаго, чтобы выданъ былъ циркуляръ о сообщеніи ему свѣдѣній отъ всѣхъ вѣдомствъ по этому предмету. Ѳ. П. Корниловъ, который былъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора, сомнѣвался, чтобы это было удобно; и дѣйствительно, по докладу Корнилова, Закревскій въ этомъ отказалъ: „Вызывать начальства заведеній учебныхъ и благотворительныхъ, монастырей и проч., къ доставленію обстоятельныхъ свѣдѣній о посѣщеніяхъ Царя и Царскаго семейства, чрезъ пропечатаніе въ газетахъ графъ нашелъ совершенно неприличнымъ“.

Съ пребываніемъ двора въ Москвѣ соединилось освященіе новаго Кремлевскаго дворца и, наконецъ, повтореніе упомянутаго національнаго маскарада, конечно, въ еще болѣе великолѣпной формѣ. Историками этихъ событій были Вельтманъ, Погодинъ и Шевыревъ. „Это примѣчательное празднество,—писалъ Погодинъ, —украсилось сторицею: введены многія историческія лица, драгоцѣнныя для русскаго человѣка по своимъ воспоминаніямъ: и Сусанинъ, и Мининъ, и Пожарскій, и Ломоносовъ; придано больше правильности и полноты движеніямъ, введены пѣсни и хороводы,

о коихъ изъявлялъ желаніе *Москвитянинъ*". Слухи дошли и до Петербурга, откуда Ив. Аксаковъ писалъ отцу: „Говорятъ пріѣзжіе изъ Москвы, что Москва теперь необыкновенно торжественна и празднична и что пятьдесятъ рындъ сдѣланы пажами! Изъ этого должно заключить, что русскіе костюмы произвели желаемое дѣйствіе".

Это ожиданіе однако не оправдалось. Въ то самое время,— разсказываетъ г. Барсуковъ,—когда московское общество любовалось на маскарадахъ русскими костюмами, изъ Петербурга пришелъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ циркуляръ ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства о томъ, что правительству неугодно, чтобы русскіе дворяне носили бороды, „ибо съ нѣкотораго времени изъ всѣхъ губерній получаются извѣстія, что число бородъ очень умножилось; на западѣ бороды—знакъ, вывѣска извѣстнаго образа мыслей; у насъ этого нѣтъ", но „борода будетъ мѣшать дворянину служить по выборамъ". Это запрещеніе произвело особенное дѣйствіе въ славянофильскомъ кругу и всего болѣе въ семьѣ Аксаковыхъ. Какое значеніе имѣла для нихъ борода, можно видѣть изъ слѣдующихъ писемъ. „И такъ,— писалъ С. Т. Аксаковъ къ сыну въ апрѣлѣ 1849, — конецъ кратковременному возстановленію русскаго платья, хотя не на многихъ плечахъ! Конецъ надежды на обращеніе къ русскому направленію. Все это было предательство. Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ; но увѣрившись въ противномъ, и въ душѣ все-таки не любя насъ, хотя безъ всякой причины, сейчасъ рѣшились задавить наше направленіе. Мнѣ это ничего, я уже прожилъ мой вѣкъ, а тяжело мнѣ смотрѣть на Константина, у котораго отнята всякая общественная дѣятельность, даже хоть своимъ наружнымъ видомъ. Мы рѣшаемся закупориться въ деревнѣ навсегда"...

Въ писаніяхъ Погодина мы находимъ и другія черты его собственнаго настроенія и самой эпохи. Достаточно извѣстно, что это былъ человѣкъ съ довольно сложной психологіей. Среди многихъ странностей, научнаго и общественнаго непониманія, у него бывали искренніе порывы и иногда вѣрное чутье народной жизни. Во время празднествъ въ Москву пріѣзжалъ и гр. Блудовъ съ дочерью. Погодинъ въ это время въ первый разъ съ нею познакомился и въ письмахъ къ ней есть любопытныя подробности. Такъ онъ беретъ подъ свою защиту первую знаменитую комедію Островскаго, появленіе которой въ печати и на сценѣ встрѣчало тогда препятствія. „Комедія Островскаго,—писалъ Погодинъ, — имѣетъ больше достоинствъ, нежели полагаете вы и

графъ. Причина вашей несправедливости въ томъ, что вы не знаете тѣхъ купцовъ, съ которыхъ она списана. Это не тѣ купцы, которыхъ графъ оставилъ въ Москвѣ въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ. Это негодное поколѣніе, переходъ отъ грубости, доброты, простоты къ такъ называемой цивилизаціи. Ихъ жаргонъ и въ словахъ и въ мысляхъ совершенно другой: онъ-то схваченъ Островскимъ отлично, и очень жаль, въ отношеніи къ автору, публикѣ, искусству, что комедію не позволяютъ играть. Она дополненіе къ уголовному кодексу. Липочка — лицо превосходное, типическое, какъ Простаковъ, Скалозубъ, по сочиненію. Автора надо бы ободрить, а онъ подвергается почти гоненію. Вотъ почему мнѣ хотѣлось такъ, чтобъ вы послушали Садовскаго и замолвили слово, въ случаѣ нужды, въ Петербургѣ за пьесу".

Рядомъ съ этимъ размышленія о народѣ по поводу московскихъ празднествъ: „Гдѣ представители науки, искусства, просвѣщенія? Сколько ихъ? Ни громкой лиры нѣтъ, ни убѣдительнаго слова. Я ходилъ въ толпѣ, прислушивался, присматривался. Россія, народъ, отечество, — говорятъ: какъ онъ, такой-то, любитъ отечество, какая она русская и т. п. Но эти слова отвлеченныя, собирательныя! Любите меня, его, ее! Ивана, Григорья, Аграфену. Зачѣмъ толкаете вы эту старуху, которая пробирается въ соборъ? Вѣдь—она народъ, Россія. Ея нитка есть въ этомъ ветхомъ знамени. Можетъ быть, ея молитва дойдетъ скорѣе другой! Зачѣмъ бьете вы въ грудь этого бѣдняка, чтобъ онъ не подходилъ къ рѣшеткѣ. Вѣдь онъ—Россія, народъ, отечество. Развѣ онъ чувствуетъ слабѣе вашего. Зачѣмъ гоните съ площади эту толпу. Вѣдь это — Россія, народъ, отечество. Она кричитъ ура громче вашего. Ихъ доля есть въ общей славѣ. Они дали тѣ лучи и искры, изъ которыхъ составилось ваше сіяніе. Пожалуй, все это назовутъ коммунизмомъ, припишутъ дурному направленію, и я никогда не рѣшусь употребить въ печати этого оборота, который попалъ мнѣ на языкъ и доставилъ авторское удовольствіе.

„Грустно, графиня, и два дня я ходилъ какъ шальной, воспоминая о прошедшемъ, размышляя о настоящемъ"...

Погодинъ впадаетъ даже въ весьма рѣзкій тонъ. „Да, — говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, — позабылъ я вамъ разсказать: часа два провелъ я во дворцѣ въ ожиданіи представиться Великому Князю. Человѣкъ тридцать промелькнуло передъ моими глазами. Я смотрѣлъ и слушалъ. И чего я не наслушался! Что это за дикіе! Объ чемъ они говорятъ? Что̀ ихъ занимаетъ? Отчего они безпокоятся? Никогда не забуду я этого впечатлѣнія. И какое идолопоклонство! Какое забвеніе человѣческаго и всякаго

достоинства. Жалко, грустно, гадко! Я сошелъ съ лѣстницы, какъ изъ пытки.

„Когда же эти и прочіе люди имѣютъ время, чтобъ подумать о чемъ-нибудь серьезномъ, не торопясь, чтобъ прочесть хоть что-нибудь? Послѣ такого затянутаго утра, гдѣ уму еще тѣснѣе, чѣмъ стану, не долженъ ли человѣкъ тупѣть, деревенѣть".

Вскорѣ совершилось новое событіе, которое огорчило московскихъ университетскихъ старожиловъ. Въ апрѣлѣ 1849 статсъ-секретарь Танѣевъ извѣстилъ министра просвѣщенія, что съ учрежденіемъ въ Москвѣ второго кадетскаго корпуса найдено было безполезнымъ существованіе московскаго Дворянскаго института, и что онъ долженъ быть закрытъ съ тѣмъ, чтобы дѣти меньшихъ классовъ были переданы въ кадетскій корпусъ, а воспитанники высшихъ классовъ оставлены только до окончанія курса, а затѣмъ самое зданіе института передать для одной изъ московскихъ гимназій. Московскій Дворянскій институтъ возникъ въ 1830 изъ знаменитаго университетскаго Благороднаго Пансіона, съ которымъ связано было нѣкогда много славныхъ именъ русской литературы и просвѣщенія. Давыдовъ писалъ Погодину въ маѣ 1849: „Дошло ли до васъ извѣстіе о закрытіи Дворянскаго Института, какъ безполезнаго въ настоящее время? Вотъ какъ начальствующіе умѣли довести до безполезности нѣкогда процвѣтавшее заведеніе!.. Грустно вмѣстѣ съ вами и другими, почитающими almam Universitatem за вторую мать, но что дѣлать? Жаль и того вертограда, гдѣ мы съ Антономъ Антоновичемъ Прокоповичемъ-Антонскимъ много трудились, но тоже нечего дѣлать". Передъ тѣмъ Погодинъ записывалъ въ своемъ дневникѣ сначала слѣдующее оригинальное замѣчаніе: (19 мая) „Крыловъ вечеромъ о закрытіи Дворянскаго Института. Что это значитъ. Вѣрно относится къ Строганову. Ахъ, еслибы онъ былъ уменъ, сколько бы онъ могъ сдѣлать зла или добра, какъ ловко бы могъ обмакуть всѣхъ" (?); потомъ: (23 мая) „Институтъ уничтожаютъ... Чуть ли не по плану Ив. Ив. Давыдова. Не хорошо вообще". Слухъ о Давыдовѣ оказался однако несправедливымъ: ему только было поручено привести въ исполненіе эту правительственную мѣру.

Для характеристики самого Погодина любопытны въ біографіи выдержки изъ дневника. По замѣчанію г. Барсукова, царское пребываніе въ Москвѣ пробудило въ Погодинѣ честолюбивые помыслы. Вотъ нѣсколько его отмѣтокъ:

24 мая: „Ахъ, еслибъ напечатать мнѣ два тома и взять приступомъ Исторіографію"! (т.-е. получить званіе исторіографа).

26 мая: „Работаю усердно, и между тѣмъ мысль написать Государю о нынѣшнемъ политическомъ состояніи Европы и Россіи".

7-го октября: „Думалъ, что Назимовъ захочетъ имѣть меня помощникомъ".

8-го октября: „Шевыревъ думалъ, что Давыдовъ помощникомъ попечителя. Для меня все равно".

29-го ноября: „Вездѣ слухи о моемъ ректорствѣ и моихъ будто бы исканіяхъ. Подлецы!"

Затѣмъ, по разсказу біографа, свѣтлые московскіе мартовскіе дни были омрачены раскрытіемъ въ Петербургѣ общества Петрашевскаго. Біографъ изображаетъ вкратцѣ сущность дѣла по донесеніямъ Липранди, которыя извѣстны, и приводитъ образчики московскихъ толковъ. Въ этихъ толкахъ, даже въ кругу образованныхъ людей, дѣло принимало размѣры фантастическіе. Погодинъ собирался спасать Россію. Еще въ 1848 г. Шевыревъ сообщалъ ему какіе-то слухи изъ Петербурга, и Погодинъ отвѣчалъ ему: „О, матушка Москва! Не было у тебя ни генералъ-губернатора, ни митрополита, одинъ глухой комендантъ (Сталь), о которомъ столько было слышно, сколько слышитъ онъ самъ — и все время прошло преспокойно, а западный городъ буйствуетъ. Настроили они его себѣ на голову" (!). Подъ первыми числами мая 1849 года онъ пишетъ въ дневникѣ: „Въ Петербургѣ захвачено сорокъ человѣкъ. Ровинскій (?). Духъ корпуса въ правовѣдахъ. Страшная тревога". Подъ 21 мая: „Слухъ о развращеніи и подкапываніи подъ религію между крестьянами въ устроенной школѣ государственныхъ имуществъ. О, Боже мой, что дѣлается? Думалъ, не приходится ли мнѣ написать такую же записку, какъ Карамзинъ, и почти въ такихъ же обстоятельствахъ".

Между прочимъ разсказъ самого біографа объ этомъ дѣлѣ слишкомъ буквально принимаетъ показанія Липранди, и слишкомъ буквально принимаетъ также какъ бы подтверждающій ихъ позднѣйшій отзывъ Достоевскаго, что „соціалисты произошли отъ петрашевцевъ". Говоря исторически, отъ петрашевцевъ ничего не произошло: если бывали у насъ увлеченія соціализмомъ, то ихъ можно указать гораздо раньше Петрашевскаго, въ тридцатыхъ годахъ, и потомъ онѣ продолжались опять совершенно отъ него независимо, чисто книжнымъ путемъ изъ западной соціальной литературы, и главное, подъ вліяніемъ нашего собственнаго положенія вещей, именно крестьянскаго вопроса; Петрашевскій не могъ учить людей, которые никогда его не видывали.

Въ томъ же году любопытно отмѣтить, какъ черту времени, извѣстное тогда произведеніе Я. И. Ростовцева. Разсказавъ о кончинѣ

великаго князя Михаила Павловича въ августѣ 1849, біографъ Погодина говоритъ: „было напечатано знаменитое *Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній*, составленное не безъ участія московскаго университета (?). *Наставленіе* это вызвало неодобреніе. Профессоръ А. В. Никитенко въ Дневникѣ своемъ подъ 27-мъ марта 1848 года записалъ: „На дняхъ вышло въ свѣтъ Наставленіе для образованія воспитанниковъ *военно-учебныхъ заведеній*, составленное Ростовцевымъ. Люди недалекіе въ восторгѣ. Другіе недоумѣваютъ надъ этимъ притязаніемъ скомкать всякую науку такъ, чтобы она была и наука, и то, что намъ угодно". Еще рѣшительнѣе отозвался объ этихъ *Наставленіяхъ* А. Ѳ. Бычковъ въ письмѣ своемъ къ Погодину: „Имѣете ли вы въ рукахъ *Наставленіе*, сочиненное Ростовцевымъ, о цѣли, направленіи и объемѣ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Это — крайніе предѣлы фразы, ученаго нахальства и учености, обглодавшей верхушки знаній, а нашъ министръ приложилъ къ этому руку. Жаль, что не въ ходу теперь дубинка Петра Великаго".

„Это сужденіе, — прибавляетъ г. Барсуковъ, — заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что въ то время самъ А. Ѳ. Бычковъ съ успѣхомъ подвизался на поприщѣ педагогіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Осторожный же Погодинъ въ дневникѣ своемъ подъ 26-го октября 1849 года записалъ: „Не проговорился ли предъ Булыгинымъ о негодности *Наставленій* Ростовцева".

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ біографъ останавливается на трудахъ Погодина по изданію „Москвитянина". Здѣсь опять есть черты, любопытныя для общественной и литературной исторіи того времени. Редакторъ „Москвитянина", какъ извѣстно, былъ человѣкъ чисто-консервативнаго образа мыслей, и изъ приведенныхъ выше эпизодовъ можно видѣть, что его благонамѣренность стояла внѣ всякихъ сомнѣній; но и ему приходилось не однажды испытывать въ своей журнальной дѣятельности неудобства тогдашней подозрительной цензуры, которая впрочемъ была не безъ основанія боязлива, потому что надъ нею самой производимъ былъ строжайшій контроль, даже независимый отъ ея непосредственнаго начальства: „негласный комитетъ" былъ не только независимъ отъ министра народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда цензура, но, какъ увидимъ, дѣлалъ замѣчанія и выговоры самому министру. Въ перепискѣ Погодина по изданію „Москвитянина", находимъ неоднократныя жалобы на цензуру, даже со стороны такихъ людей, какъ былъ М. А. Дмитріевъ и Даль. Первый имѣлъ-было планъ напечатать записки И. И. Дмитріева,

знаменитаго нѣкогда баснописца, друга Карамзина, а подъ конецъ министра юстиціи. М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Записки Ивана Ивановича боюсь печатать. Увѣряю васъ, что изъ двухъ послѣднихъ частей половину выкинетъ цензура; я и васъ обману, и книгу на вѣкъ испорчу. Вспомните, какого труда мнѣ стоило выбрать какіе-нибудь отрывки для Москвитянина! А нынѣшняя цензура—да спаси Господи! подождемте лучшаго времени для нашей литературы! Вотъ вы вѣдь обѣщали, кажется, прошлаго года напечатать Записки И. В. Лопухина? Въ одномъ петербургскомъ журналѣ тоже было обѣщано; но ни у васъ, ни тамъ не было; стало быть нельзя. Ничего, ничего нельзя!—Labora, obedi, tace—вотъ и все. Радуюсь, однако, что у насъ еще пишутъ и что готовится столько литературныхъ новостей! Какъ это мы пишемъ!"

Даль, знаменитый нѣкогда Казакъ Луганскій, жилъ въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда онъ назначенъ былъ въ качествѣ управляющаго удѣльной конторы. Передъ тѣмъ съ нимъ также была цензурная исторія [1]). Дѣло произошло изъ-за повѣсти Даля „Ворожейка", гдѣ разсказывалось, какъ ворожея-цыганка обманула деревенскую бабу и обокрала ее. Повѣсть была благополучно напечатана въ „Москвитянинѣ" (1848), но „негласный комитетъ" нашелъ въ ней неблагонамѣренность, и Бутурлинъ, въ бумагѣ къ гр. Уварову, изложивъ дѣло, писалъ: „Находя, что двусмысленно выраженный въ словахъ: *заявили начальству — тѣмъ, разумѣется, дѣло кончилось*—намекъ на обычное, будто бы, бездѣйствіе начальства, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало пропускать въ печать... комитетъ полагалъ сдѣлать цензору, пропустившему эту неумѣстную остроту, строгое замѣчаніе". Никитенко записывалъ въ своемъ дневникѣ: „Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какого-то высшаго негласнаго комитета въ цензурѣ и дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать. Вотъ недавній случай. Далю запрещено писать. Какъ? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и онъ попалъ въ коммунисты и соціалисты? Въ „Москвитянинѣ" напечатаны его два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ изображена цыганка-воровка. Бутурлинъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ, не тотъ ли это самый Даль, который служитъ у него въ министерствѣ? Перовскій призвалъ къ себѣ Даля, выговорилъ ему за то, что, дескать, охота тебѣ писать что-нибудь, кромѣ бумагъ по

---

[1]) Подробности о ней въ книгѣ г. Барсукова, т. IX, стр. 287—289.

службѣ, и въ заключеніе предложилъ ему на выборъ любое: писать — такъ не служить; служить — такъ не писать". Даль писалъ объ этомъ Погодину въ декабрѣ 1848: „Времена шатки, береги шапки; тяжело будетъ вамъ теперь издавать журналъ... боюсь даже, что бросите. О моихъ похожденіяхъ вамъ теперь, конечно, уже давно извѣстно, по выговору цензору; разумѣется, что я теперь ужъ болѣе печатать ничего не стану, покуда не измѣнятся обстоятельства". Передъ тѣмъ Даль былъ въ Москвѣ и по старому пріятельству пользовался гостепріимствомъ Погодина и Шевырева. Но вслѣдъ затѣмъ Погодинъ пишетъ въ дневникѣ (14 мая 1848): „Непріятныя извѣстія отъ Загряжскаго о свойствахъ Даля. Не пріѣзжалъ ли онъ соглядатаемъ. Что за гадкое время!" Въ томъ же 1848 году Погодинъ заноситъ въ дневникъ (15 іюля): „Пріѣхалъ Крыловъ и напугалъ извѣстіемъ о петербургскомъ духѣ. Національное направленіе-де есть самое опасное. Уже не бросить ли журналъ и замолчать". Ив. Вас. Кирѣевскій писалъ тогда же изъ деревни къ Погодину: „Извѣсти пожалуйста о томъ, что̀ у васъ дѣлается съ цензурою, и есть ли надежда, что наша литература еще кое-какъ будетъ чахнуть, или уже ей пропѣта вѣчная память". Г. Барсуковъ замѣчаетъ, что вмѣсто отвѣта мы находимъ въ дневникѣ Погодина слѣдующую запись: „Страстная недѣля. Говѣлъ. Молился съ меньшимъ усердіемъ и лѣнивѣе. Непріятности цензурныя".

Погодинъ, однако, не унывалъ и, объявляя о своемъ журналѣ на 1849 годъ, онъ поставилъ въ ряду важнѣйшихъ сотрудниковъ имя Даля. Послѣдній сдѣлалъ ему въ письмѣ дружескій выговоръ и требовалъ, чтобы тотъ исправилъ свое объявленіе и заявилъ, что Даль ничего не обѣщаетъ, потому что „недосугъ". „Да смотрите, М. П., не откладывайте, а то здѣсь какъ разъ подцѣпятъ и выведутъ исторію. Непріятностей, кромѣ Высочайшаго выговора, мнѣ не было; но, вѣроятно, будетъ со временемъ, когда захотятъ доброхоты припомнить, что онъ-де ужъ *попадался*. Въ чемъ—это все равно; былъ *замѣченъ*, и довольно. На васъ мнѣ было бы грѣшно пенять за это; не знаю, кто именно изъ цензоровъ подвергся отвѣту—пожалуйста ударьте челомъ моимъ именемъ. Я этого не захотѣлъ. О чемъ же еще хотите, чтобъ васъ увѣдомить? Неужто не знаете, что это сдѣлано комитетомъ, гдѣ гг. Бутурлинъ, Корфъ, Дегай?—Болѣе и я ничего не знаю". Изъ Нижняго Даль писалъ, между прочимъ: „Я ужъ *не писатель*. Мельниковъ бываетъ почти каждый день, но доселѣ соглашается отдать Гермогена развѣ только за годъ до своей смерти". Къ концу 1849 года Даль успокоился и нѣсколько его разсказовъ

было имъ послано въ разные журналы, между прочимъ, и въ „Москвитянинъ".

Сочувствіе къ славянамъ, какъ разсказываетъ г. Барсуковъ, давно сблизило Погодина съ С. П. Шиповымъ, и хотя время было неблагопріятно для толковъ о славянствѣ по тогдашнему состоянію литературы, Шиповъ предположилъ напечатать въ „Москвитянинѣ" свою статью „О любителяхъ словенства". Московскій цензурный комитетъ опять не считалъ себя въ правѣ разрѣшать статьи политическаго содержанія, представилъ статью въ главное управленіе цензуры, и при этомъ московскій попечитель Назимовъ особенно рекомендовалъ статью вниманію кн. Ширинскаго-Шихматова, управлявшаго тогда министерствомъ просвѣщенія и стоявшаго во главѣ цензурнаго вѣдомства. „Сочиненіе *О любителяхъ Словенства въ Россіи* принадлежитъ генералъ-адъютанту Сергѣю Павловичу Шипову, котораго уже одно имя ручается за глубокую преданность Престолу и Отечеству, что̀, вѣроятно, не безъизвѣстно и вашему сіятельству". Князь Ширинскій былъ другого мнѣнія, но все-таки не находилъ возможнымъ взять на себя рѣшеніе этого вопроса и представилъ его на высочайшее разсмотрѣніе и въ своей запискѣ говорилъ: „Благонамѣренная цѣль сочинителя этой статьи состоитъ въ объясненіи хорошей стороны высказавшагося у насъ въ послѣдніе годы сочувствія къ Словенамъ, обитающимъ въ иностранныхъ государствахъ. Принявъ за основаніе, что существованіе верховной власти есть необходимая потребность племенъ Словенскихъ, и что всякій благомыслящій гражданинъ великаго союза Словенскаго, во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ, стремиться долженъ къ утвержденію въ своемъ отечествѣ самодержавія, генералъ-адъютантъ Шиповъ защищаетъ идею Словенскаго монархическаго единства, относя ее, впрочемъ, къ распространенію общаго русскаго начала въ областяхъ, входящихъ въ составъ имперіи. Принимая въ соображеніе, что напечатаніе статьи „О любителяхъ Словенства въ Россіи" могло бы возбудить, по счастію уже упавшій у насъ, вопросъ о словенофилахъ, а высокое званіе, которымъ облеченъ сочинитель, и одобреніе главнаго управленія цензуры придало бы ей въ общественномъ мнѣніи особенный вѣсъ, котораго она не должна имѣть по современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, я бы признавалъ за лучшее не разрѣшать изданія въ свѣтъ этой статьи". Печатаніе статьи было запрещено.

Въ томъ же году,—разсказываетъ г. Барсуковъ,—при дружелюбномъ посредствѣ князя П. А. Вяземскаго Погодину удалось украсить свой журналъ печатаніемъ отрывковъ изъ путешествій

по Индіи и Персіи внука воспитателя императора Александра I, князя Алексѣя Дмитріевича Салтыкова. Путешествія вышли на французскомъ языкѣ и въ „Москвитянинѣ“ напечатался переводъ; но цензоръ Лешковъ (извѣстный профессоръ и пріятель Погодина) допрашивалъ: „А что этотъ Салтыковъ? Зачѣмъ по-французски, и во Франціи?“ Это объяснилъ кн. Вяземскій, передавая отзывъ одной изъ французскихъ газетъ о книгѣ князя Салтыкова. Отзывъ былъ весьма сочувственный, и кн. Вяземскій, объясняя, что эта книга, писанная по-французски, есть все-таки дорогой вкладъ въ русскую литературу, остановился, между прочимъ, на историческомъ значеніи дворянскаго круга въ развитіи нашей литературы. „Дѣятельнѣйшія и блистательнѣйшія наши литературныя знаменитости,—говорилъ кн. Вяземскій,—придали своимъ почетнымъ и родовымъ именамъ блескъ новой и личной славы. Если и бывали исключенія, какъ, напримѣръ, Ломоносовъ, то и эти исключенія не долго оставались въ сторонѣ, но силою общаго порядка входили въ высшій кругъ и наравнѣ съ другими пользовались ихъ правами и преимуществами... Дворянство наше хорошо поняло и примѣнило къ дѣйствію прекрасный смыслъ французскаго изреченія: дворянство обязываетъ, „noblesse oblige“. Оно всегда было въ передовой странѣ образованности и просвѣщенія. Занимавшіеся науками и литературою не были ему чужіе, и оно не было для нихъ ни чуждымъ, ни недоступнымъ. Въ этомъ отношеніи дворянство слѣдовало примѣру, данному ему свыше. Служба общественному благу мыслію и перомъ всегда признаваема была нашимъ правительствомъ за дѣйствительную службу“. Погодинъ „счелъ обязанностью“ прибавить отъ себя нѣсколько словъ: „Въ исторіи нашей непріязненнаго раздѣленія не было: слѣдственно, не могло быть ни столкновенія, ни борьбы, ни противодѣйствія, а было единомысліе и единодушіе. Всѣ сословія участвовали одинаково въ созданіи судебъ отечества, а подлѣ имени князя Пожарскаго блистаютъ также ярко имена крестьянина Сусанина, купца Минина, келаря Палицына и патріарха Гермогена. Предъ рыбакомъ Ломоносовымъ и Пушкинъ, и Карамзинъ, и Державинъ, и Дмитріевъ благоговѣли такъ же, какъ благоговѣемъ всѣ мы, и будутъ благоговѣть наши потомки всѣхъ сословій“. Онъ говорилъ наконецъ: „Замѣчу еще, что наша умственная литературная дѣятельность, какъ изливается сверху внизъ, такъ и снизу подымается вверхъ, чему доказательствомъ служатъ, кромѣ Ломоносова,—Сильвестръ, Посошковъ, Ѳеофанъ, Платонъ, Михаилъ, Филаретъ, Иннокентій... все сословіе ученыхъ, не говоря уже о незнатномъ дворянствѣ, къ которому принадлежало большинство

писателей“. Цензура нашла, однако, въ словахъ Погодина нѣчто неодобрительное, и цензоръ Ржевскій писалъ Погодину: „В. И. Назимовъ обратилъ вниманіе на выноску вашу въ статьѣ о письмахъ князя Салтыкова. Говоря, что между дѣятелями на поприщѣ отечественной литературы встрѣчается много лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ, вы цитируете Ломоносова и потомъ цѣлый рядъ епископовъ и архіепископовъ нашихъ и, между прочимъ, Филарета. Но всѣ они и по сану, и по происхожденію принадлежали и принадлежатъ къ духовному сословію, въ законахъ нашихъ сравненному съ дворянскимъ. Вѣроятно, Филарета оскорбило это замѣчаніе. Сообщаю вамъ это для того, чтобы при случаѣ вы знали, въ чемъ дѣло“.

Весьма изумительно другое обстоятельство. Цензоръ „Москвитянина“, профессоръ Лешковъ, находившійся съ Погодинымъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и, какъ надо думать, человѣкъ образованный, имѣлъ однако довольно странныя представленія о литературныхъ предметахъ: онъ не очень одобрялъ разсказы Даля изъ русскаго быта и теперь, можетъ быть, и самъ совсѣмъ запуганный, онъ дѣлалъ затрудненія Погодину относительно печатавшагося въ „Москвитянинѣ“ перевода „Давида Копперфильда“, Диккенса. Онъ писалъ къ редактору: „Не изъ любопытства хотѣлъ я знать имя переводчика Диккенса, а по законной необходимости. Цензоръ долженъ знать. Но этимъ мои спросы не кончаются. Что это такое? Романъ? Должно имѣть дозволеніе къ переводу. Повѣсть? Откуда взята и окончена ли въ изданіи?“ Погодину пришлось въ августѣ, 1849, обратиться въ главное управленіе цензуры. „Въ журналѣ „Москвитянинъ“, издаваемомъ мною въ семъ 1849 году,—писалъ онъ,—помѣщено было нѣсколько отрывковъ изъ новаго сочиненія Диккенса: Жизнь, похожденія, наблюденія и замѣчанія Давида Копперфильда. Помѣщеніе новыхъ отрывковъ цензоръ не допускаетъ, потому что сочиненіе Диккенса не кончено. Но сочиненіе Диккенса не есть романъ, а психологическая біографія въ формѣ романа, и во всѣхъ петербургскихъ журналахъ помѣщались и помѣщаются подобныя сочиненія, хотя онѣ и не были кончены... Что же касается до романовъ и повѣстей, въ разныхъ отношеніяхъ соблазнительныхъ, „Москвитянинъ“ самъ по своимъ правиламъ удерживался всегда отъ ихъ помѣщенія и старался удерживать даже другихъ своими замѣчаніями. Диккенсово сочиненіе совершенно чистое, нравственное и не заключаетъ въ себѣ никакихъ заднихъ мыслей и намековъ непозволительныхъ. Я осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о позволеніи помѣщать изъ него въ „Москви-

тянинѣ" отрывки". Уваровъ положилъ на этой бумагѣ не совсѣмъ понятную резолюцію: „просьба не имѣетъ основанія". Но первымъ основаніемъ было прямое требованіе цензора.

Относительно самого Погодина характерны нѣкоторыя подробности, сообщаемыя біографомъ. Погодинъ писалъ тогда своего „Андрея Боголюбскаго", и былъ имъ очень доволенъ. Въ дневникѣ онъ записываетъ: „Писалъ Андрея и чувствую, что это будетъ хорошо". Затѣмъ, онъ читалъ его своимъ дѣтямъ. Во время чтенія пришелъ Гоголь, „прослушалъ и ни слова. Не досадно ли ему, что онъ потеряетъ свое первенство. Чего добраго!"—т.-е. что самъ Погодинъ станетъ выше Гоголя.

Передъ тѣмъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" печатались статьи П. И. Небольсина „Покореніе Сибири". Погодинъ замѣчалъ по этому поводу: „*Именитые люди Строгановы* [1]) не заслуживаютъ вовсе той чести и славы, которую восписывали имъ русскіе историки; это были смышленые торгаши, которые умѣли пользоваться обстоятельствами и которые жертвовали казнѣ то, въ чемъ отказать не могли". Погодинъ одобрялъ содержаніе статьи Небольсина, но не былъ ею доволенъ въ другомъ отношеніи. „Это я печаталъ десять лѣтъ тому назадъ!—говорилъ онъ.—А Небольсинъ, предлагая теперь... описаніе покоренія Сибири, доказываетъ подробно тоже самое. Странная привычка у нѣкоторыхъ писателей нашихъ, указывающая на младенчество литературы; они силятся опровергать какое-нибудь мнѣніе, представляютъ себя первыми воителями противъ него, распространяются объ его адептахъ, которыхъ уничтожаютъ въ прахъ, и *забываютъ* упоминать о тѣхъ, которые прежде ихъ говорили тоже самое, если иногда не такъ подробно, судя по цѣлямъ или объемамъ ихъ статей"... Онъ прибавляетъ еще: „Въ рецензіяхъ моихъ, не говоря о лекціяхъ, разсыпано множество мыслей обо всѣхъ почти вопросахъ русской исторіи, но отрывочно, случайно; ихъ подбираютъ пролетаріи русской исторіи, кормятся ими, пробавляются, и ихъ же ругаютъ. Но вотъ скоро выйдутъ еще три тома, и авантюристы постыдятся"... И здѣсь опять не обошлось безъ цензурныхъ вмѣшательствъ: по словамъ Погодина, гр. Строгановъ „жаловался на автора (статей „Покореніе Сибири") оффиціально, какъ отвергающаго заслуги его предковъ".

Въ бумагахъ Погодина нашлись и отзывы о С. М. Соловьевѣ,—труды котораго также не миновали цензурныхъ препятствій. Онъ печаталъ тогда статьи о междуцарствіи и объ исторіи Малорос-

[1]) Это было заглавіе книги Устрялова 1842.

сіи. Никитенко въ своемъ дневникѣ очень хвалилъ эти статьи: „никто еще изъ нашихъ историковъ не обнаруживалъ такого основательнаго и глубокаго анализа, какъ этотъ ученый... Но вотъ что̀ случилось. Негласный комитетъ нашелъ, что статьи Соловьева хотя благонамѣренны и безвредны, однако ему не слѣдовало говорить въ нихъ о Болотниковѣ! — особенно въ журналѣ. Цензору велѣно сдѣлать замѣчаніе". Впослѣдствіи было совсѣмъ запрещено писать о смутномъ времени... Погодинъ былъ о трудахъ Соловьева другого мнѣнія, чѣмъ Никитенко. „Это — просто Полевой по своей дѣятельности. Сходство между этими писателями, впрочемъ, не въ одной дѣятельности: та же смѣлость въ утвержденіяхъ, то же самоуправство съ источниками, та же легкость въ заключеніяхъ, такъ что мы не понимаемъ, какъ г. Соловьевъ не берется до сихъ поръ кончить „Исторію русскаго народа". Вотъ его настоящій трудъ, къ которому онъ призванъ, судя по его сочиненіямъ (!). Знатоки не нашли бы даже шва между началомъ Полевого и концомъ Соловьева"!...

Въ бумагахъ Погодина нашлось не мало свѣдѣній и объ его извѣстномъ древлехранилищѣ. Таковы разсказы о томъ, какъ онъ пріобрѣталъ древнія рукописи и вещи, и письма нѣкоторыхъ его агентовъ и сотрудниковъ по этой части. Торговцы рукописями, между прочимъ имѣвшіе въ рукахъ чрезвычайно цѣнные памятники, сами бывали малограмотны, а одинъ, большой знатокъ, былъ даже совсѣмъ безграмотенъ: онъ просилъ только какого-нибудь знакомаго книжника, дьячка и т. п., прочитывать ему по нѣскольку строкъ, и этимъ опредѣлялъ характеръ рукописи. Такимъ образомъ, вопросъ о русской книжной старинѣ находился въ самомъ первобытномъ состояніи. Изъ писемъ извѣстнаго Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому [1]), г. Барсуковъ припомнилъ слѣдующій эпизодъ: „Къ сожалѣнію, много матеріаловъ древнихъ то погибло въ огнѣ, то затеряно небрежностью. Напримѣръ, какъ вамъ покажется слѣдующее распоряженіе преосвященнаго Владиміра (впослѣдствіи Казанскаго, а предъ тѣмъ Курскаго)? Въ Бѣлгородѣ собраны были святителемъ Іоасафомъ старинныя богослужебныя книги, печатанныя въ польско-литовскихъ типографіяхъ, по подозрѣнію въ ихъ неправославіи и ошибкахъ. Книги хранились неприкосновенно во главѣ соборной (бывшей каѳедральной) церкви. Преосвященный Владиміръ приказалъ свезть ихъ въ рѣку Донецъ, и воля владычная исполнена. Признаюсь, мнѣ больно было узнать объ этомъ, когда доискивался

[1]) М. 1885.

я по бумагамъ о судьбѣ отобранныхъ изъ Украйны книгъ. Если такъ распорядился епископъ, чтò думать остается о священникахъ? По многимъ здѣшнимъ церквамъ были царскія жалованныя грамоты, какъ видно по дѣламъ. Но теперь ихъ уже нѣтъ. Съ ними, конечно, поступили по примѣру владыки Владиміра. Было же время непонятной страсти къ европейскому и ненависти или пренебреженія къ русскому. Все писанное на французскомъ языкѣ казалось образцомъ ума и чуть не святымъ, а все, чтò писано было на русскомъ, было предметомъ или насмѣшекъ, или холодности самой крайней". Надо думать, однако, что европейское и французское было здѣсь ни при чемъ: это было просто доморощенное невѣжество. Припомнимъ разсказъ о томъ, какъ знаменитый Евгеній Болховитиновъ, отправляясь для осмотра Юрьевскаго монастыря, успѣлъ спасти отъ погибели цѣлый возъ старыхъ, между прочимъ „кожаныхъ", рукописей, который иноки для порядка, къ пріѣзду преосвященнаго, собирались выкинуть въ рѣку: между этими „кожаными" рукописями оказались отдѣльные листки рѣдкихъ памятниковъ X — XI вѣка, хранящіеся теперь въ Публичной Библіотекѣ, какъ драгоцѣнность,—цѣлыя рукописи, кромѣ этихъ листковъ, вѣроятно уже раньше были выброшены въ рѣку для порядка. Евгеній Болховитиновъ вѣрнѣе понималъ источникъ такого пренебреженія; ему сообщили однажды, что записки извѣстнаго путешественника XVIII вѣка Лепехина обращены въ макулатуру; онъ писалъ: „Лепехина записки не первыя проданы на завертки. Часто выходитъ на оныя и сенатская архива. У иностранцевъ каждая записка ученаго и каждая книга, ученымъ измаранная, считается гороскопомъ его ума; а у насъ и умъ считается только хорошею оберткою чиновъ, богатства и силы".

Древлехранилище стало уже пріобрѣтать извѣстность; Погодинъ показывалъ его разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и въ послѣдствіи успѣлъ очень выгодно для себя продать его въ казну, въ Публичную Библіотеку.

Между тѣмъ, событія шли по прежнему. Біографъ Погодина приводитъ извѣстные разсказы объ арестѣ Ю. Ѳ. Самарина, за его „Рижскія письма", и арестъ И. С. Аксакова, вслѣдствіе его „близости съ Самаринымъ, рѣзкости нѣкоторыхъ его выраженій въ семейныхъ письмахъ, попавшихъ въ руки тайной полиціи, и, наконецъ, подозрѣнія, возникшаго въ оффиціальныхъ сферахъ, что начавшееся въ Москвѣ словенофильское направленіе находится въ связи съ панславистскимъ ученіемъ на Западѣ". Аксакову были поставлены въ третьемъ отдѣленіи письменные вопросы, на ко-

торые онъ долженъ былъ отвѣтить; его отвѣты представлены были императору Николаю и вообще получили его одобреніе. Такимъ образомъ,—говоритъ г. Барсуковъ:—„двадцатипятилѣтній коллежскій ассессоръ Иванъ Аксаковъ чрезъ посредство Третьяго Отдѣленія вступилъ въ непосредственное общеніе и въ обмѣнъ мыслей съ самимъ императоромъ Николаемъ I".

Но,—разсказываетъ г. Барсуковъ,—„несмотря на болѣе чѣмъ благосклонное отношеніе самого императора Николая I къ юному коллежскому ассессору, ни на комфортабельную квартиру въ столовой графа А. Ѳ. Орлова, И. С. Аксаковъ не унимался и продолжалъ клеймить то общество, среди котораго ему доводилось жить, было ли оно петербургское или провинціальное". Дѣйствительно, едва прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ и И. С. Аксаковъ писалъ отцу въ апрѣлѣ 1849 г.: „Трудно представить себѣ, до какой степени жизнь въ Петербургѣ дѣлаетъ всѣхъ этихъ господъ тупоумными! Что особенно противно здѣсь, такъ это самодовольствіе, написанное на всѣхъ лицахъ, особенно же на лицахъ господъ, принадлежащихъ къ высшему обществу. Все это необыкновенно счастливо, довольно самимъ собою, обществомъ, прогрессомъ, чортъ знаетъ чѣмъ. Говорятъ, что сравнить нельзя теперешняго общества съ тѣмъ, которое было лѣтъ за десять и пятнадцать! Положимъ, то было просто глупо и не занималось никакими вопросами, а теперь и времена, и обстоятельства не тѣ. Необыкновенно противно видѣть, какъ эти господа сдѣлали себѣ тѣсто изъ одной доли христіанства, изъ двухъ четвертей языческой мудрости и изъ остальныхъ долей собственной человѣческой подлости, и изъ этого тѣста вылѣпили себѣ какой-то коротко-хвостый идеалъ нравственности, которымъ и удовлетворились и стали необыкновенно покойны и счастливы. Не говоря уже о томъ, какъ я васъ хочу видѣть, обнять и успокоить, мнѣ просто нужно освѣжиться ощущеніями природы, народа, труда... и поэзіи!" С. Т. Аксаковъ пугался этой необузданности и писалъ своему сыну: „Неужели ты понадѣялся на то, что Государь милостиво принялъ и даже оцѣнилъ твои объясненія? Неужели ты не знаешь пословицы: жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь? Неужели ты не понимаешь, что ты своими письмами и своими отвѣтами на вопросы у Дубельта сдѣлалъ всѣхъ псарей смертельными и непримиримыми врагами самому тебѣ и всѣмъ раздѣляющимъ твой образъ мыслей?"

„Въ письмахъ И. С. Аксакова,—продолжаетъ г. Барсуковъ,—какъ въ зеркалѣ отражается его міровоззрѣніе и насъ поражаетъ въ немъ та ненависть къ древнему боярству и дворянству, кото-

рая совершенно не согласуется съ домашнимъ бытомъ его родителей, родныхъ и всѣхъ друзей ихъ и единомышленниковъ. Что еслибы И. С. Аксакову довелось прочесть слѣдующія записи въ дневникѣ Погодина, касающіяся его родительскаго дома: „Обѣдать опять къ Аксаковымъ. Гадко смотрѣть на нашихъ помѣщиковъ, — совершенныя свиньи, а эти еще добрые. Огыгралъ сто рублей. Смѣшонъ Николай Тимоѳеевичъ Аксаковъ своими предводительскими подвигами. Вечеръ у Аксаковыхъ, гдѣ я напитываюсь злобою противъ невѣжества и барства".

Между тѣмъ, ходили слухи неблагопріятные для университетовъ. Подъ 7 января 1849 г. Никитенко записывалъ въ своемъ дневникѣ: „Въ городѣ невѣроятные слухи о закрытіи университетовъ. Проектъ этотъ приписываютъ Ростовцеву, который будто бы подалъ государю записку о преобразованіи всего воспитанія, преобразованіи и самой науки въ Россіи, и гдѣ онъ предполагаетъ на мѣсто университетовъ учредить въ Петербургѣ и Москвѣ два большіе высшіе корпуса, гдѣ наука преподавалась бы спеціально только людямъ высшаго сословія, готовящимся къ службѣ". Но оказался справедливымъ другой слухъ, о сокращеніи числа студентовъ, и въ дневникѣ Погодина записано:

21 мая: „Слухъ, что въ университетѣ число студентовъ ограничивается тремя стами".

28-го: „Извѣстіе Шевырева, что число студентовъ ограничивается тремя стами вездѣ, прошибло меня до слезъ. Что они дѣлаютъ? И никто не берется объяснить государю, въ чемъ дѣло. Потому что никто не понимаетъ его. Думалъ написать письмо къ Адлербергу".

29-го: „Уныніе, говорятъ, въ университетѣ".

Но,—говоритъ г. Барсуковъ,—„въ защиту университетовъ, какъ и слѣдовало ожидать, выступилъ съ самоотверженіемъ самъ министръ народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уваровъ, и въ „Современникѣ" появилась (безъ имени автора) статья подъ слѣдующимъ заглавіемъ: О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи". Статья была написана Давыдовымъ и исправлена Уваровымъ. Можно судить по этому, что она проникнута была патріотическими чувствами, которыя, повидимому, должны были бы казаться безупречными даже съ точки зрѣнія такихъ строгихъ судей, какіе засѣдали въ негласномъ комитетѣ: она говорила о мудрыхъ намѣреніяхъ монарховъ, которые основывали университеты, о заслугахъ, оказанныхъ университетами общественному просвѣщенію, о глубокой преданности ихъ питомцевъ православной вѣрѣ, государямъ и Россіи. Но „негласный коми-

тетъ", дѣлавшій видъ, что не знаетъ, кѣмъ писана статья, нашелъ въ ней вещи недозволительныя. Въ началѣ статьи было сказано: „Съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности университетовъ. На западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ — общій недугъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного настоящаго. Для такихъ людей не существуетъ ни вѣра, ни законъ, ни право, ни обязанности: они пользуются смутами, въ чаду властолюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбивой Руси благоговѣніе къ Провидѣнію, преданность Государю, любовь къ Россіи — эти святыя чувствованія никогда не переставали питать всѣхъ и каждаго; ими спасены мы въ годины бѣдствій; ими возвышены на степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ историческомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу намъ остается лишь только наслаждаться этими благами". И въ концѣ статья опять возвращалась къ этимъ слухамъ: „Итакъ, мысли объ университетахъ, пускаемыя въ общественное обращеніе людьми поверхностными, уничтожаются историческими доводами и статистическими выводами".

Никитенко записалъ тогда въ своемъ дневникѣ, что эта статья произвела сильное впечатлѣніе „на людей со здравымъ смысломъ и на тѣхъ, кому дорога наука". Но иначе взглянулъ на эту статью негласный комитетъ. Предсѣдатель его, Бутурлинъ, въ письмѣ къ гр. Уварову, въ мартѣ 1849, замѣтивъ, что эта статья по *внѣшнему ея изложенію* не имѣетъ ничего предосудительнаго, говорилъ однако, что по своему *внутреннему смыслу* она заключаетъ „неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства и, сверхъ того, подъ благовидною оболочкою сокрыта такая тайная мысль, выраженіе которой отнюдь не надлежало допускать въ печати. Всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени слухъ, что правительство имѣетъ въ виду преобразовать университеты. Справедливъ ли сей слухъ, или нѣтъ, но вдругъ, среди этого общаго говора, является въ печати, передъ большою массою журнальныхъ читателей, статья, гдѣ — какъ бы въ отвѣтъ на приписываемое правительству намѣреніе — университеты защищаются противъ порицаній, пускаемыхъ „въ общественное мнѣніе" людьми *поверхностными*; гдѣ частное лицо принимаетъ на себя разбирать и опредѣлять, тономъ законодателя, сравнительную пользу учрежденій государственныхъ, каковы университеты и другія учебныя

заведенія; гдѣ оно впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія", и т. д. „Если допускать подобныя статьи, то не будетъ предначертаній правительства, которыя, сдѣлавшись какъ-либо извѣстными публикѣ, не могли бы быть опровергаемы въ видѣ возраженій противъ мнимыхъ частныхъ мнѣній, а тогда журналы поставятъ себя судьями вопросовъ государственныхъ и вмѣсто того, чтобы—какъ въ сей же статьѣ сказано—„за правое дѣло стояла исторія", за свое дѣло будетъ проповѣдывать журналистика". Комитетъ съ одной стороны „предоставлялъ" министру просвѣщенія „привести въ извѣстность сочинителя означенной статьи", а съ другой сообщить редакторамъ журналовъ, а „Современника" въ особенности, а также и цензорамъ, что „правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе сей статьи въ печати, внушить имъ, чтобы впредь ничего подобнаго не было допускаемо". Такимъ образомъ комитетъ самъ говорилъ уже отъ имени правительства. Въ концѣ онъ прибавлялъ, что дѣло доведено до Высочайшаго свѣдѣнія.

Получивъ такую оскорбительную бумагу,—сообщаетъ г. Барсуковъ,—Уваровъ обратился прямо къ государю съ подробнымъ изложеніемъ этого дѣла. Онъ прямо принималъ статью на свою отвѣтственность и объяснялъ, почему считалъ ее необходимой. Дѣло въ томъ, что родители, вслѣдствіе ходившихъ по городу слуховъ, опасались за существованіе высшихъ учебныхъ заведеній и за средства къ окончательному образованію своихъ дѣтей. „Эти не безвредные толки,—писалъ гр. Уваровъ,—не ограничивались однако молвою о столичномъ говорѣ; они нашли себѣ опору и подкрѣпленіе въ подробной *запискѣ*, которая также стала ходить по рукамъ, которая направлена прямо противъ общей системы народнаго образованія, принятой русскимъ правительствомъ со временъ Петра Великаго, и въ особенности противъ нашихъ университетовъ, противъ ихъ существованія и пользы, которая, наконецъ, требуетъ уничтоженія всѣхъ русскихъ университетовъ, оставляя только одинъ дерптскій неприкосновеннымъ", и т. д.

Въ резолюціи, положенной императоромъ Николаемъ на записку гр. Уварова (22-го марта), было сказано: „Не вижу никакой уважительной причины измѣнять существующій нынѣ порядокъ", но статья тѣмъ не менѣе найдена была неприличною, „ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственныя учрежденія, для отвѣта на пустые толки, несогласно ни съ достоинствамъ правительства, ни съ порядкомъ у насъ, къ счастію, существующимъ. Должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя".

Университеты закрыты не были, но состоялась та мѣра о сокращеніи числа студентовъ, о которой мы упоминали, и которая такъ огорчила университетскіе круги. Дни министерства Уварова были однако сочтены: лѣтомъ 1849 года съ гр. Уваровымъ сдѣлался нервный ударъ, отъ котораго онъ, правда, оправился; но въ сентябрѣ того же года состоялась его отставка. Г. Барсуковъ приводитъ изъ этого времени отмѣтки изъ дневника Погодина.

13 сентября: „Уваровъ уволенъ и ударъ. Жаль его. Протасовъ министръ". (Слухъ о назначеніи министромъ Протасова, тогдашняго оберъ-прокурора святѣйшаго синода, былъ невѣренъ).

14-го: „Читалъ газеты и думалъ о нашемъ времени. Что за мертвая сторона. Нужно утѣшеніе".

28-го: „Въ полтораста лѣтъ послѣ Петра мы не убѣдились, что науки полезны. Какое разительное доказательство нашего варварства".

Мы остановимся въ другой разъ на дальнѣйшемъ любопытномъ матеріалѣ, который собранъ г. Барсуковымъ въ связи съ біографіей Погодина. Это былъ тяжелый періодъ нашей общественной исторіи и періодъ болѣзненный. Русская жизнь, очевидно, не представляла никакого основанія для тѣхъ опасеній, какія выражались въ мѣропріятіяхъ того времени; но за мнимыми опасностями укрывались отъ вниманія другіе, широкіе и органическіе недостатки общественнаго и народнаго быта. Крымская война раскрыла глаза правительства и общества, и логическимъ послѣдствіемъ ея стала эпоха реформъ.

Т.

ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

ВЪ

БЕРЛИНѢ.

I.

Прусское городовое Положеніе 1853 года, изъ котораго заимствовано наше городовое Положеніе 1870 г., его выборная система, равно и многія другія основныя черты, — само уже было дважды искажено передѣлкой первоначальнаго Положенія 1808 года—созданія великаго Штейна. Творецъ замѣчательнѣйшаго изъ законовъ о самоуправленіи былъ глубоко убѣжденъ, что всѣ граждане имѣютъ одинаковыя права и одинаковыя обязанности, и потому послѣдовательно поставилъ въ основу своего городового Положенія *всеобщее, прямое и тайное избирательное право.* Исключены только личности, опороченныя по суду, находящіяся подъ слѣдствіемъ, по уголовному преступленію, или подъ опекой, банкроты и члены управы. Выборы были ежегодные, но каждый годъ возобновлялась лишь треть состава думы. Съ избирательнымъ правомъ соединена была и избирательная *обязанность*: кто систематически отъ нея уклоняется безъ уважительныхъ причинъ, тотъ можетъ быть лишенъ на срокъ или навсегда права быть выбраннымъ въ почетныя должности и вообще избирательнаго права. Смѣлость реформъ Штейна тѣмъ поразительнѣе, что вся предшествующая политика прусскаго государства, начиная съ эпохи великаго курфюрста, направлена была къ полному уничтоженію самостоятельности общинъ; въ тѣхъ же узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ еще уцѣлѣла коммунальная дѣятельность, она отравлялась раздѣленіемъ горожанъ на сословія и цехи и не-

терпимостью къ пришлымъ лицамъ. Тяжелый ударъ, нанесенный Пруссіи Наполеоновскимъ нашествіемъ, научилъ наконецъ государство цѣнить такія качества, какъ самостоятельность и гражданскій смыслъ въ населеніи. „Любовь къ отечеству и сознаніе національной чести, — писалъ Штейнъ, — стоятъ въ тѣсной связи съ привычкой къ общенію, съ интересомъ къ общественной жизни, которые создаютъ гармонію между взглядами и потребностями населенія и дѣйствіями государственныхъ учрежденій"... Передавая гражданамъ управленіе дѣлами города, Штейнъ говоритъ имъ: „законъ и само избраніе—ваши полномочія; ваше убѣжденіе—ваша инструкція" [1]). И несмотря на рѣзкую противоположность новаго порядка со старымъ, при которомъ магистратъ (управа), назначаемый правительствомъ, не могъ прежде шагу ступить безъ позволенія администраціи, несмотря даже на то, что продолжительная опека отъучила бюргеровъ отъ самодѣятельности, такъ-что на первыхъ порахъ они видѣли въ новой реформѣ не столько право, сколько обязанность,—прусскій исторіографъ Трейчке замѣчаетъ: „Реформа Штейна подняла націю высоко надъ мелкою и душною сферой личныхъ и домашнихъ интересовъ. Во время войны за освобожденіе ясно обнаружилось, что̀ значитъ свобода въ жизни народовъ". Государство же не только не поколебалось отъ отмѣны прежней административной опеки, не только не оправдались „жалобы дворянства и стараго чиновничества на республиканскія, будто бы, начала городового устройства, но государство нашло въ городскомъ самоуправленіи твердый базисъ для своей собственной дѣятельности" [2]).

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду писать исторію коммунальнаго права въ Пруссіи и потому ограничимся только напоминаніемъ, что „феодаламъ" и чиновникамъ, о которыхъ упоминаетъ Трейчке, удалось однако въ 1831 г. провести „пересмотръ" Положенія Штейна, значительно усилившій вліяніе администраціи, а въ 1850 и 1853 г. въ городовое Положеніе внесены были ея плутократическія черты, съ раздѣленіемъ избирателей на разряды, усиленіемъ вліянія богатыхъ плательщиковъ и устраненіемъ менѣе достаточныхъ. Нынѣ дѣйствующее въ Берлинѣ „Städteordnung" 30-го мая 1853 г. [3]) постановляетъ (въ ст. 5—8), что правомъ голоса на выборахъ пользуется „всякій самостоятельный, не находящійся въ зависимости ни отъ городской управы, ни отъ администраціи, надзирающей за городскими дѣлами, прусскій горожанинъ, если онъ 1) живетъ не меньше года въ избиратель-

---

[1]) *Prof. Paul Schön.* Das Recht der Kommunalverbände in Preussen (1897), p. 23 и слѣд.

[2]) *Heinrich Treitschke.* Deutsche Geschichte im XIX Jahrh. Bd. I, p. 284—285.

[3]) Это положеніе издано для семи восточныхъ (старыхъ) провинцій Пруссіи.

номъ участкѣ; 2) не пользуется пособіемъ отъ общественнаго призрѣнія; 3) уплатилъ причитающіеся съ него городскіе налоги, и 4) если владѣетъ домомъ, или имѣетъ постоянное ремесло и торговлю (въ городахъ, начиная съ 10.000 жителей—ремесло-торговлю съ двумя приказчиками или подмастерьями), или же уплачиваетъ подоходнаго налога не менѣе 4 марокъ". „Самостоятеленъ" же всякій, достигшій 24 лѣтъ и имѣющій собственное хозяйство.

Какъ ни репрессивны эти требованія въ сравненіи со всеобщимъ избирательнымъ правомъ въ положеніи Штейна, но они находятъ все-таки противовѣсъ себѣ въ двухъ очень существенныхъ фактахъ: въ дѣйствующемъ въ Пруссіи подоходномъ налогѣ и въ сохранившемся отъ реформы Штейна требованіи безвозмездной личной работы въ пользу города. Ниже мы постараемся показать, какъ благотворно было въ Пруссіи вліяніе подоходнаго налога на городскіе финансы; какъ, благодаря этому обильному и прочному базису бюджетовъ, городá въ состояніи были отказаться отъ болѣе обременительныхъ для населенія податей, не отступая отъ исполненія очень широкихъ задачъ городского хозяйства. По отношенію же къ участію населенія въ управленіи городомъ вліяніе подоходнаго налога прежде всего обнаруживается въ расширеніи круга избирателей всѣми лицами, уплачивающими въ пользу города не менѣе 4 марокъ, или имѣющими доходъ не менѣе 660 марокъ (около 350 руб.). Не говоря уже, что такимъ образомъ, кромѣ домовладѣльцевъ, самостоятельныхъ ремесленниковъ и купцовъ, избирательнымъ правомъ пользуется все образованное, интеллигентное населеніе,—доступъ къ выборамъ получаютъ и очень широкіе слои народныхъ массъ, доходъ которыхъ превышаетъ минимумъ, опредѣленный закономъ. Въ Берлинѣ отъ уплаты налога освобождены всѣ, получающіе въ годъ менѣе 900 марокъ, и все-таки въ 1895 г. въ спискахъ оказалось 300.814 избирателей (въ Петербургѣ—6.000). Во время выборовъ 1893 года,—какъ всегда въ Пруссіи, только для одной трети гласныхъ, ибо обновленіе состава думы происходитъ не сразу,—мы слышали отъ мѣстныхъ бюргеровъ горькія жалобы на несправедливость избирательной системы, дающей перевѣсъ избирателямъ первыхъ двухъ разрядовъ и вслѣдствіе этого ведущей къ индифферентизму и абсентеизму. Съ своей точки зрѣнія, жаловавшіеся были правы: изъ 111.637 избирателей, призванныхъ въ этотъ разъ къ выбору новой трети гласныхъ, явилось только 31.430,—по нѣмецкимъ понятіямъ, это полный абсентеизмъ. Въ Саксоніи, Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ, при болѣе справедливой системѣ, результаты, дѣйствительно, совершенно другіе. Въ Мюнхенѣ, напримѣръ, число голосовавшихъ избирателей достигло 60% всѣхъ внесенныхъ въ списки; въ Лейпцигѣ—66%; въ Майнцѣ—69. Въ Нюрнбергѣ изъ 7.297 горожанъ, имѣющихъ

право голоса, 5.204 пришли на выборы; въ Дрезденѣ изъ 13.378 явились 8.643 [1]). Между тѣмъ, въ прусскихъ городахъ процентъ явившихся для исполненія своего долга избирателей въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ 40—45, по большей же части не превышаетъ 25—30%. Въ болѣе широкой сферѣ парламентскихъ выборовъ результаты еще болѣе поразительны: на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагѣ, происходящихъ, какъ извѣстно, на основаніи всеобщаго прямого и тайнаго избирательнаго начала, голосовали почти 73% всѣхъ избирателей; на послѣднихъ же выборахъ въ прусскую палату, ограниченныхъ имущественнымъ цензомъ и разрядами, съ небольшимъ только 18% имѣющихъ право голоса дѣйствительно участвовали!

Какъ ни справедливы, слѣдовательно, жалобы пруссаковъ на искаженіе первоначальной идеи городового устройства, послѣднее и въ своемъ нынѣшнемъ видѣ еще весьма удовлетворительно, если его сравнить съ результатами реформы, испытанной въ 1892 г. нашимъ городовымъ Положеніемъ 1870 года. По населенію Берлинъ почти вдвое больше Москвы, между тѣмъ противъ 300 тысячъ берлинцевъ, внесенныхъ въ городскіе избирательные списки, въ Москвѣ на послѣднихъ выборахъ въ спискахъ числилось 7.371 избиратель, т.-е. въ нашей первопрестольной въ 41 разъ меньше горожанъ, пользующихся правомъ выборовъ въ думу, чѣмъ въ германской столицѣ. Неудивительно, что при тѣсной связи избирательной системы съ отношеніемъ избирателей къ общественнымъ дѣламъ и при сравнительно низкомъ образовательномъ цензѣ того класса, который у насъ пользуется имущественными привилегіями,—изъ 7.371 москвичей-избирателей къ урнамъ на первыхъ выборахъ явились только 1.312? Это неминуемый, хотя и естественный результатъ Положенія, какъ уже справедливо замѣчено было въ журналѣ, „до крайности сократившаго число избирателей и пріурочившаго избирательное право къ владѣнію домомъ или выборкѣ гильдейскаго свидѣтельства“ [2]).

Изученіе бюджета города Берлина, составляющее задачу настоящаго очерка, должно привести всякаго непредубѣжденнаго читателя къ заключенію, что на одномъ домовладѣніи и гильдейскихъ или трактирныхъ свидѣтельствахъ нельзя основывать благополучія городскихъ финансовъ. Если Берлинъ по своему внѣшнему благоустройству, своимъ школамъ, общественному призрѣнію, сталъ образцомъ для многихъ другихъ европейскихъ городовъ, то онъ этимъ обязанъ дѣятельности общественнаго самоуправленія, не потерявшаго связи съ массой городского населенія, черпающаго свои средства въ дохо-

---

[1]) *Neefe*. Statist. Jahrbuch deutscher Städte. Jahrgang V, 1896, p. 356—357.
[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе, 1897 г., январь, стр. 390.

дахъ зажиточнаго класса и обновляющагося всегда приливомъ лучшихъ интеллигентныхъ силъ общества.

II.

Какъ поразительны цифры въ нынѣшнемъ бюджетѣ германской столицы, если сравнить ихъ съ бюджетами 40-хъ и даже 60-хъ годовъ! Берлинъ росъ, какъ ни одинъ другой столичный городъ въ Европѣ; населеніе его увеличилось съ 400 тысячъ, въ 1849 г., до 1 милліона 700 тысячъ, въ 1895 г.; но еще быстрѣе, чѣмъ населеніе, росли городскіе доходы, увеличивалось поступленіе налоговъ. Съ 3¼ милліоновъ марокъ сумма *городскихъ налоговъ* (не *доходовъ*, въ число которыхъ входитъ прибыль отъ собственныхъ городскихъ предпріятій и т. п.) за 50 лѣтъ поднялась до 47 милліоновъ! Въ то время какъ населеніе увеличилось *вчетверо*, налоги въ пользу города увеличились въ *четырнадцать разъ*. Гораздо существеннѣе различіе въ способѣ и характерѣ обложенія. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что хотя въ 1849 г., въ среднемъ, на 1 берлинскаго жителя падало 8 марокъ городскихъ налоговъ, теперь же средній берлинецъ платитъ около 26 марокъ, но бремя податей теперь легче переносится, чѣмъ прежде, такъ какъ распредѣленіе ихъ несравненно справедливѣе и пріурочено къ платежнымъ средствамъ городского населенія.

Въ періодъ съ 1843 и до 1869 г., т. е. до появленія подоходнаго налога, около 20% налоговъ падали на недвижимыя имущества; 40% на квартирный налогъ, и 36% на косвенные налоги—съ мяса, муки и напитковъ. По бюджету 1867 г., напр., изъ 8.125.215 марокъ всѣхъ налоговъ, налогъ на домá далъ 1.381.353 м.; квартиртирный — 3.861.510; косвенные налоги на предметы потребленія—2.729.595 м. Едва ли еще нужно доказывать, что налогъ на предметы потребленія, какъ хлѣбъ и мясо, больше всего обременяетъ неимущее и малоимущее населеніе; между тѣмъ какъ богатый легко переноситъ надбавку въ цѣнѣ мяса, для бѣдняка она равносильна отнятію куска изо рта. Этимъ отчасти страдалъ и квартирный налогъ, въ особенности въ той формѣ, въ какой онъ существовалъ въ Берлинѣ, со времени его введенія, въ 1815 году, до его измѣненія въ 1889 г. Налогъ взимался въ размѣрѣ 6⅔% наемной цѣны, безъ всякаго различія между жилищами богачей и бѣдняковъ. Между тѣмъ, въ рабочихъ классахъ населенія и у мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ расходы на квартиру составляютъ около одной пятой всего ихъ бюджета, а въ особенно неблагопріятныхъ случаяхъ доходятъ даже до 25%. Квартирный налогъ, слѣдовательно, несравненно чув-

ствительнѣе отражался на судьбѣ массы народа, нежели на бюджетахъ богатаго класса, у котораго квартирная плата составляетъ тѣмъ меньшую долю всѣхъ расходовъ, чѣмъ выше доходъ. Берлинская дума вслѣдствіе этого измѣнила налогъ на квартиры въ духѣ прогрессивнаго обложенія, опредѣливъ платежи въ 3% при цѣнѣ до 300 марокъ въ годъ, въ 5% до 600, и 6⅔% свыше 600 марокъ. Вскорѣ затѣмъ (въ 1891 г.) квартиры съ наемной платой до 200 марокъ вовсе были освобождены отъ налога; для квартиръ съ 200—400 марокъ налогъ установленъ въ размѣрѣ 2%, съ 400 до 600—3%; съ 600 до 800—4%; съ 800 до 1.000—5%, и для всѣхъ остальныхъ—6⅔%. Съ 1-го же апрѣля 1895 г., въ виду увеличенія поступленій отъ подоходнаго налога и предоставленія въ пользу города государственнаго поземельнаго и промысловаго налога, самоуправленіе Берлина вовсе отмѣнило взиманіе квартирнаго налога, дававшаго городской кассѣ (по бюджету 1894-95 гг.) 13.306.917 марокъ. Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, мы и въ этомъ подражаемъ европейскому образцу, уже сыгравшему на его родинѣ свою роль и оказывающемуся теперь устарѣлымъ. Не надо, однако, забывать, что недостатки этого налога ярко обнаруживаются только при сравненіи съ прямымъ и прогрессивнымъ обложеніемъ доходовъ, и пока у насъ не будетъ подоходнаго налога, налогъ на квартиры, въ качествѣ суррогата послѣдняго, все же несравненно лучше не только косвенныхъ, но и большинства другихъ прямыхъ налоговъ. Въ особенности же значеніе его увеличивается, если имѣть въ виду связь городскихъ платежей съ избирательнымъ правомъ. Фактически налоги въ пользу города въ Россіи платятъ не домохозяева и не трактирщики и лавочники, пользующіеся правомъ голоса, а масса квартирантовъ и потребителей, на которыхъ городскіе налоги перелагаются въ квартирной платѣ и цѣнахъ на предметы потребленія, безъ правильнаго отношенія, конечно, къ платежеспособности и безъ права дѣйствительныхъ плательщиковъ участвовать въ городскомъ хозяйствѣ.

Въ Берлинѣ первая попытка ввести подоходный налогъ въ систему городскихъ налоговъ сдѣлана была въ 1848 г., но вмѣстѣ со многими другими идеями того времени признана вредной или неудобной, и исчезла въ началѣ 50-хъ годовъ. Почти 20 лѣтъ спустя, уже при другихъ общественныхъ условіяхъ, она находитъ себѣ доступъ въ городскую роспись. Сначала подоходный налогъ взимался только въ видѣ надбавки одной шестой къ государственному налогу и далъ городу въ 1870 г. всего 1¼ милліона марокъ. Изъ года въ годъ, однако, подоходный налогъ увеличивается, и одновременно съ тѣмъ понижаются косвенные налоги. Въ 1875 г., налоги на мясо и муку совершенно исчезаютъ, и единственнымъ налогомъ на предметы

потребленія остается Braumalz-Steuer, сборъ съ солода, не играющій роли въ такомъ бюджетѣ, какъ берлинскій. Зато городской подоходный налогъ составляетъ съ тѣхъ поръ отъ 80 до 100 процентовъ государственнаго, а въ отдѣльные годы онъ даже превышаетъ послѣдній. Въ 1876 г., при 20 милліонахъ всѣхъ городскихъ налоговъ въ Берлинѣ, подоходный даетъ городу болѣе 6 милліоновъ, или 30%; въ 1881 г. изъ 23 милліоновъ подоходный даетъ 10½ милліоновъ; въ 1895 г.—23 милліона изъ 42 милліоновъ!

Что это не исключительно благопріятныя условія столицы, а типичныя для всѣхъ прусскихъ городовъ, доказано было коммунальной статистикой еще въ 70-хъ годахъ. Въ 32 прусскихъ городахъ, насчитывавшихъ въ 1875 г. болѣе 20.000 жителей въ каждомъ, общая сумма городскихъ налоговъ составляла нѣсколько болѣе 49 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ свыше 18 милліоновъ доставлены подоходнымъ налогомъ. Прусскіе города держались и держатся системы прямыхъ налоговъ, какъ наиболѣе справедливой по отношенію къ малоимущимъ, и наиболѣе соотвѣтствующей цѣлямъ и средствамъ общиннаго хозяйства. Кромѣ подоходнаго налога, главными категоріями податей были поземельный, домовый, квартирный, налогъ на собакъ, на зрѣлища, и только въ самыхъ незначительныхъ предѣлахъ—налоги на предметы потребленія. Картина городскихъ финансовъ несравненно благопріятнѣе въ Пруссіи и Саксоніи, нежели въ южной Германіи, гдѣ подъ французскимъ вліяніемъ еще со времени Наполеона, —во многихъ другихъ отношеніяхъ очень благопріятномъ,—косвенные налоги на пищу и напитки вытѣснили прямые и прогрессивные. Такъ, въ 70-хъ годахъ, въ Пруссіи 93% городскихъ налоговъ—прямые, и менѣе 7%—косвенные и въ Баваріи же 44% прямыхъ,—56% косвенныхъ налоговъ. Съ тѣхъ поръ, въ коммунальной финансовой политикѣ южныхъ городовъ замѣчается стремленіе перенять хорошее у Пруссіи, но косвенные налоги, въ видѣ octroi на мясо, вино, муку, и много другихъ предметовъ, еще не исчезли. Во Франціи городскіе доходы еще въ бо̀льшей степени основываются на косвенныхъ налогахъ, и по статистикѣ Геррфурта, едва ли очень уклоняющейся и отъ нынѣшней дѣйствительности, 80% всѣхъ коммунальныхъ налоговъ во французскихъ городахъ состоятъ изъ octroi, и только 20% достигаются прямымъ налогомъ [1]).

Въ началѣ 80-хъ годовъ, все мѣстное обложеніе въ Пруссіи составляло (въ круглой цифрѣ) 200 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ

[1]) L. Herrfurth (бывшій прусскій министръ внутр. дѣлъ): Beiträge zur Statistik der Gemeinde Abgaben in Preussen, въ „Zeitschrift" прусскаго статистическаго бюро, 1878 г., p. 1—60. Его же и фонъ-деръ-Бринкена: „Beiträge zur Finanz Statistik der Gemeinden in Preussen". 1882. Ergänzungsheft IX.

108 падали на города и 92—на деревни. Такъ какъ по переписи 1880 года изъ $27^{1}/_{4}$ милліоновъ населенія только $9^{1}/_{2}$ милліоновъ жили въ городахъ, то почти вдвое большее население деревни платило въ общей сложности меньше горожанъ на нужды мѣстнаго управленія. Изъ 108 же милліоновъ городскихъ платежей, 8 милліоновъ шли въ спеціальные фонды (церковный, призрѣнія бѣдныхъ внѣ городской организаціи) и окружные и провинціальные бюджеты. Остается ровно 100 милліоновъ, распредѣляющихся по слѣдующимъ источникамъ: подоходный (вмѣстѣ съ классным)—$46^{1}/_{2}$ милліоновъ; поземельный и на городскія строенія — $22^{1}/_{2}$ милліона; налогъ на торгово-промышленныя заведенія—$12^{1}/_{2}$ милліоновъ, квартирный—10 милліоновъ; остальная сумма покрывается налогами на зрѣлища, предметы роскоши и косвенными налогами на мясо и напитки. Въ большихъ городахъ налоги уже составляли главный источникъ городскихъ бюджетовъ, и достигали 15—20 марокъ (въ исключительныхъ случаяхъ еще больше), на 1 жителя, тогда какъ доходы отъ собственныхъ имуществъ, въ далекомъ прошломъ составлявшіе основаніе, центръ городского хозяйства, не превышали $2^{1}/_{2}$—3 марокъ на душу. Города съ историческимъ прошлымъ, особенно на югѣ и западѣ Германіи, еще сохранили большіе участки земли, доходы отъ которыхъ иногда покрывали почти всѣ потребности городского хозяйства, но это крайнее меньшинство, и при томъ это города съ незначительнымъ населеніемъ. Большіе города въ Пруссіи рѣдко имѣютъ исторію, а возникаютъ и ростутъ вмѣстѣ съ промышленностью, и нуждаются въ налогахъ.

Съ 1876 г., послѣ того какъ косвенные налоги въ городскихъ бюджетахъ были доведены до минимума, размѣры подоходнаго налога въ пользу городовъ стали быстро увеличиваться. Такъ какъ опредѣленіе его выражается въ процентахъ государственнаго подоходнаго налога, то 150—200 процентовъ подоходнаго городского налога стали обычнымъ явленіемъ; бывали случаи взиманія и 500 процентовъ, т.-е. въ 5 разъ больше, чѣмъ въ пользу государства. Естественно, что зажиточное населеніе, на которое падаетъ этотъ налогъ, подняло ропотъ, и нужно признаться, что на низшихъ ступеняхъ налога, хотя по идеѣ прогрессивнаго и менѣе обременяющаго небольшіе доходы, благодаря надбавкѣ въ нѣсколько сотъ процентовъ въ пользу города, гнетъ становился весьма чувствительнымъ. Преобразованіе прусскимъ министромъ финансовъ Микелемъ подоходнаго налога положило конецъ чрезмѣрному обремененію мелкихъ и среднихъ доходовъ, заставивъ богатыхъ плательщиковъ показать дѣйствительные свои доходы и вносить въ пользу государства большій процентъ своего чистаго дохода, тогда какъ для доходовъ ниже

9.500 марокъ тарифъ былъ пониженъ. По закону 1891 г., доходы съ 900 марокъ платятъ $^{1}/_{2}$ процента; съ 1.500 марокъ — $1^{1}/_{2}$ процента; съ 3.000—2%, съ 10.000—3%, и съ 100.000—4%. Такъ какъ городской подоходный налогъ взимается въ процентахъ государственнаго, то съ одной стороны платежи болѣе слабосильныхъ гражданъ понизились, съ другой—увеличились платежи зажиточнаго населенія, и съ увеличеніемъ общей суммы налога получилась возможность уменьшить процентное отношеніе городского къ государственному налогу. Берлинъ, напр., взимавшій раньше до 130% государственнаго подоходнаго налога, понизилъ свои требованія до 90—95 процентовъ.

Закономъ 1893 г. о налогахъ въ пользу общины, вступившимъ въ силу съ 1895 года, Пруссія пытается объединить финансовую систему мѣстнаго управленія и внести твердыя начала въ городскіе и земскіе бюджеты. Законъ исходитъ изъ мысли, что налоги только тогда умѣстный источникъ земскихъ бюджетовъ, когда они соотвѣтствуютъ тѣмъ услугамъ, которыя плательщики получаютъ отъ мѣстнаго самоуправленія. Такъ какъ дѣятельность послѣдняго прежде всего отражается на землѣ и мѣстныхъ промыслахъ, то въ системѣ налоговъ поземельный и промысловый не должны играть второстепенной роли. Для этой цѣли *государство вовсе отказывается отъ обложенія земли и промысловъ* и предоставляетъ эти объекты налоговъ исключительно мѣстнымъ финансамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новый законъ ставитъ извѣстныя границы общинамъ какъ въ правѣ пользованія этими источниками (общины не должны облагать земель и строеній больше какъ до 200% прежняго государственнаго налога), такъ и съ взиманія подоходнаго налога. Общины въ правѣ пользоваться подоходнымъ налогомъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ имъ пользуется государство; сверхъ же этой нормы необходимо испрашивать каждый разъ разрѣшенія отъ правительства.

Мы не имѣемъ въ виду входить въ критику новаго закона и не касаемся даже его другихъ постановленій, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ занимающему насъ бюджету столицы [1]). При сравненіи доходовъ отъ налоговъ *до* вступленія въ силу закона о мѣстномъ обложеніи и *послѣ* 1 апрѣля 1895 г., въ бюджетахъ Берлина мы находимъ слѣдующія отличія: въ 1893—94 бюджетномъ году общая сумма налоговъ въ 39.174.430 марокъ составлялась изъ подоходнаго налога, приносившаго городу почти 19 милліоновъ; квартирнаго, дававшаго почти 13 милліоновъ; налога на землю и дома

[1]) Текстъ закона съ примѣчаніями напечатанъ у Целле (Zelle, берлинскій оберъ-бургомистръ). Die Städteordnung von 1853 in ihrer heutigen Gestalt. Berlin, 1896, стр. 58—88.

въ 6¼ милліоновъ; косвеннаго налога на пивовареніе въ 632 тысячи и налога на собакъ, дававшаго 493 тысячи. Въ росписи же на 1896—97 годъ общая сумма налоговъ превышаетъ 47 милліоновъ, и въ ней первое мѣсто занимаетъ по прежнему подоходный налогъ, въ 22.275.067 марокъ. Квартирный налогъ вовсе исчезъ; онъ отмѣненъ не въ силу закона, а постановленіемъ самой думы. Зато налогъ на землю и дома фигурируетъ почти втрое бо̀льшей цифрой — 17 милліонами, и въ бюджетѣ появляются два налога, раньше въ Берлинѣ не взимавшіеся: на промышленно-торговыя заведенія, 6 милліоновъ, и полупроцентный сборъ съ продажъ недвижимаго имущества, 1¼ милліона. По разсчету берлинской думы въ сравнительно тихое, мало-спекулятивное время въ Берлинѣ ежегодно переходитъ изъ рукъ въ руки на 250 милліоновъ домовъ и участковъ земли.

Также и во всѣхъ другихъ городахъ подоходный налогъ занимаетъ и въ настоящее время первое мѣсто среди прямыхъ платежей гражданъ въ пользу города. Въ Бреславлѣ,изъ 7 милліоновъ марокъ налоговъ, 4½ милліона относятся къ подоходному налогу; во Франкфуртѣ-на-Майнѣ при такомъ же бюджетѣ—4¾ милліона. То же самое мы видимъ въ Саксоніи. Въ Лейпцигѣ, напр., изъ 8.553.790 милл. всѣхъ налоговъ, на долю подоходнаго падаетъ 6.547.340 марокъ.

III.

Роспись Берлина на 1896—97 годъ (бюджетный годъ въ общинахъ, какъ и въ государственномъ бюджетѣ, — съ 1 апрѣля по 1 апрѣля) сведена съ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ въ 89.117.812 марокъ. Обыкновенный доходъ исчисленъ въ 86 милліоновъ, обыкновенный расходъ—въ 81 милліонъ. Экстраординарнымъ расходамъ въ 8 милліоновъ соотвѣтствуетъ излишекъ отъ ординарнаго доходнаго бюджета въ 5 милліоновъ и чрезвычайные доходы въ 3 милліона (все въ крупныхъ цифрахъ). Главныя сводныя статьи ординарной росписи слѣдующія:

	Доходъ.	Расходъ.
Налоги	47.524.917	491.700
Капиталъ и долги	14.951.722	18.330.316
Городскія предпріятія	5.589.702	1.705.110
Образованіе	2.591.071	16.527.016
Призрѣніе бѣдныхъ	1.140.407	10.448.718
Больницы и гигіена	1.517.489	5.604.379
Сады и парки.	13.271	591.180
Постройки, мостовыя, мосты . . .	3.385.855	9.359.201
Управленіе.	557.916	8.474.288

Полиція	656.300	5.711.462
Освѣщеніе, чистка и поливка . . .	178.124	2.787.137
Разные доходы и расходы	7.493.807	873.927

По сравненіи съ Петербургомъ, смѣта котораго на 1897 г. сведена въ приходахъ и расходахъ съ $10^1/_2$ милліонами рублей,—бюджетъ Берлина въ четыре раза больше. Въ дѣйствительности, разница, однако, еще значительнѣе вслѣдствіе различія въ пріемахъ составленія смѣты. Въ этомъ тотчасъ же убѣждаетъ сравненіе отдѣльныхъ статей приходнаго бюджета. Въ петербургской росписи доходъ съ городскихъ предпріятій указанъ въ 2.439.958 рублей, но это не чистый доходъ, а валовой, вслѣдствіе чего въ росписи расходовъ по той же статьѣ фигурируютъ 1.221.466 рублей. Въ послѣдней статьѣ, однако, нѣтъ очень существеннаго источника расходовъ—погашенія и процентовъ по долгамъ, заключеннымъ для городскихъ предпріятій; болѣе 632 тысячъ на погашеніе процентовъ по водопроводному долгу включены въ общую статью „уплата процентовъ и погашеніе займовъ", требующихъ изъ расходнаго бюджета 849 тыс. руб. Въ берлинскомъ бюджетѣ совершенно другая система. Городскія предпріятія имѣютъ свои особые бюджеты—зависящіе отъ общаго бюджета города лишь настолько, сколько они ему отпускаютъ чистой прибыли или требуютъ отъ него приплатъ. Цифра въ $5^1/_2$ милліоновъ въ доходномъ бюджетѣ Берлина „отъ городскихъ предпріятій"—чистая прибыль отъ газоваго завода, водопровода и скотобоенъ. Канализація требуетъ еще приплаты въ $1^3/_4$ милліона, и они внесены въ расходную смѣту; бюджетъ городскихъ рынковъ сведенъ безъ доходовъ и расходовъ, такъ какъ эта статья не дала излишка, но и не потребовала приплаты. Кромѣ значительнаго превышенія доходовъ надъ расходами по предпріятіямъ города, послѣдніе сами покрывали также свои платежи по процентамъ и на погашеніе займовъ. Такъ какъ главные займы заключены для канализаціи, водопроводовъ, рынковъ и газовыхъ заводовъ, то всѣ эти городскія производства вмѣстѣ и несутъ почти $^4/_5$ всѣхъ платежей по городскимъ долгамъ—изъ 18,3 милліоновъ, ежегодныхъ платежей—почти 15 милліоновъ, и на обязанности плательщиковъ остается только уплата $3^1/_2$ милліоновъ марокъ въ годъ за займы, обращенные не на доходныя статьи, а на постройку школъ, мостовъ и т. п.

Не имѣя въ виду подробнаго анализа всѣхъ статей берлинскаго бюджета, остановимся нѣсколько дольше только на отдѣльныхъ предпріятіяхъ Берлина.

Впереди всѣхъ другихъ городскихъ предпріятій по своимъ финансовымъ результатамъ стоятъ газовые заводы. Спеціальный ихъ бюджетъ балансируетъ въ приходахъ и расходахъ колоссальною циф-

рой 21.500.000 марокъ. Въ росписи на 1896-97 г. чистый доходъ отъ газовыхъ заводовъ показанъ въ 3½ милліона, но эта цифра далеко не даетъ надлежащаго представленія о выгодахъ, извлекаемыхъ городомъ отъ собственнаго завѣдыванія освѣщеніемъ. Почти 19 милліоновъ куб. метр. газа отпускается заводами на освѣщеніе улицъ и городскихъ зданій. По низшему тарифу, взимаемому за газъ съ частныхъ лицъ: по 10 пфен. за куб. метр., городу пришлось бы платить за газовое освѣщеніе, еслибъ оно было частнымъ предпріятіемъ, 1 милліонъ 900 тысячъ марокъ. Едва ли частный заводъ удовлетворился бы столь низкой цѣной съ городскихъ жителей, платящихъ теперь по 16 пф. за газъ для освѣщенія и по 10 пф. за газъ для хозяйственныхъ цѣлей—отопленія, приготовленія пищи и промышленныхъ предпріятій. Несмотря на конкурренцію электричества и сокращенія расхода въ газѣ вслѣдствіе почти всеобщаго употребленія такъ называемыхъ горѣлокъ Ауэра (Gasglühlicht), берлинское населеніе употребляетъ болѣе 76 милл. куб. метр. газа на освѣщеніе и около 15 милліоновъ на другія цѣли. Послѣдняя статья ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и „koche mit Gas"! становится принципомъ всякой благоразумной хозяйки, къ большой выгодѣ, конечно, и городского хозяйства. Не считая мелкихъ побочныхъ статей, можно сказать, что газовые заводы даютъ городу чистой прибыли не менѣе 5½ милліоновъ марокъ. Разумѣется, городу пришлось затратить на заводъ большую сумму. Займы, заключенные для этой цѣли, составляютъ около 40 милліоновъ марокъ, но не городъ изъ своего общаго бюджета, а сами заводы платятъ проценты и погашаютъ свой долгъ. Въ спеціальномъ бюджетѣ газовыхъ заводовъ фигурируетъ 1.217.381 милл. на уплату процентовъ и 1.269.575 милл. на погашеніе долговъ, и кромѣ того 1½ милліона отчислено на погашеніе капитала, лежащаго въ зданіяхъ и машинахъ и подвергающагося порчѣ отъ времени. За всѣми отчисленіями остается еще болѣе 3½ милліоновъ чистой прибыли и даровое освѣщеніе города газомъ. Сравните съ этимъ условія уличнаго освѣщенія въ Петербургѣ, гдѣ городъ платитъ частному обществу за 8.700 горѣлокъ (въ Берлинѣ ихъ 25.000) 263.000 рублей—и вы увидите, что частные потребители въ нашей столицѣ навѣрное платятъ за газъ дороже, чѣмъ въ Берлинѣ.

Слѣдующее по своимъ размѣрамъ и доходности предпріятіе—водопроводъ; въ этомъ отношеніи разница между нашей и германской столицей уже несравненно меньше. Водопроводы даютъ берлинскому бюджету чистаго дохода 1 милліонъ 300 тыс. марокъ, около 600 тысячъ рублей; въ Петербургѣ такой доходъ города простирается до 250 тыс. рублей. Въ томъ и другомъ случаѣ чистый доходъ исчисленъ за выключеніемъ уплатъ процентовъ по водопровод-

нымъ займамъ и по срочнымъ соглашеніямъ [1]). Принимая во вниманіе различіе въ населеніи и новизну у насъ водопроводнаго дѣла, результаты петербургскаго хозяйства не могутъ быть названы неблагопріятными. Конечно, весьма важно знать, какъ городское хозяйство отражается на частномъ хозяйствѣ въ той и другой столицѣ, сколько населеніе потребляетъ воды и по какой цѣнѣ? Берлинская роспись даетъ намъ относительно этого нѣкоторыя показанія, которыхъ нѣтъ въ петербургской смѣтѣ. Около 25.000 городскихъ домовъ и фабрикъ платятъ въ среднемъ по 297 марокъ за воду. На поливку улицъ, парковъ и для городской канализаціи потребовалось $5^1/_4$ милліоновъ куб. м. воды на 630 тысячъ марокъ, т.-е. куб. м. воды оцѣнивается приблизительно въ 5 копѣекъ.

Берлинъ, какъ извѣстно, располагаетъ теперь 15 великолѣпными крытыми рынками, почти совершенно вытѣснившими прежнюю торговлю съѣстными припасами на открытыхъ площадяхъ. На постройку Markthallen съ 1882 г. до сихъ поръ затрачено около 29 милліоновъ марокъ. Доходы города съ торговцевъ достигаютъ 2.610.000 марокъ, которыми совершенно покрываются расходы и проценты съ погашеніемъ на затраченный капиталъ.

Единственное крупное предпріятіе, до сихъ поръ требующее приплатъ изъ городскихъ средствъ—канализація, для осуществленія которой Берлинъ затратилъ болѣе 100 милліоновъ марокъ! Сравнительно съ гигіеническими выгодами такого предпріятія, приплата въ 1.700.000 марокъ въ годъ, однако, еще небольшая сумма для города съ 80-милліоннымъ бюджетомъ, да въ сущности Берлинъ приплачиваетъ не къ завѣдыванію канализаціей, а только къ погашенію затраченнаго на нее капитала. Правда, главный источникъ доходовъ канализаціонныхъ учрежденій—$4^1/_2$ милліона—состоитъ въ платежѣ домовладѣльцами особаго налога въ размѣрѣ $1^1/_2$ процента чистаго дохода съ имущества; нужно однако вспомнить, что берлинскій домовладѣлецъ до введенія канализаціи имѣлъ значительно бóльшіе расходы на вывозъ нечистотъ, которыхъ онъ теперь совершенно не знаетъ. Городъ же до сихъ поръ, кромѣ процентовъ по займу въ 102.290.391 марку, уплатилъ уже болѣе 16 милліоновъ погашенія. Въ нынѣшней росписи, изъ $8^1/_2$ милліоновъ расходовъ на канализацію, бóльшая половина—почти 5 милліоновъ—состоитъ изъ процентовъ по долгамъ (3 милліона) и срочныхъ погашеній (почти 2 милліона). Изъ остальныхъ $3^1/_2$ милліоновъ годовыхъ расходовъ болѣе

[1]) Не можемъ однако не замѣтить, что въ то время, какъ въ Петербургѣ по займу 1891 г. въ $12^1/_2$ милл. рублей, изъ $632^1/_2$ тысячъ годового платежа 545 т. идутъ на проценты и только 87.200 р. на погашеніе,—въ Берлинѣ, изъ 4-милліоннаго платежа 2 милліона назначены на проценты и 2 милліона на погашеніе.

2 милліоновъ относятся на счетъ Rieselfelder, этого грандіознаго агрикультурнаго предпріятія города Берлина, которое имѣетъ цѣлью предупредить засореніе рѣкъ отъ стока городскихъ нечистотъ [1]). Расходы на Rieselfelder однако окупались ихъ доходомъ, такъ что, по уплатѣ займа, канализація, въ нынѣшнемъ ея размѣрѣ, не только не потребуетъ больше приплатъ, но можетъ дать городу чистаго дохода по крайней мѣрѣ 3 милліона.

Перейдемъ теперь къ расходному бюджету.

Статья: „начальное образованіе" въ смѣтѣ расходовъ Петербурга на 1897 годъ поглощаетъ 814.903 р. 51 к.; въ росписи же Берлина (съ 1-го апр. 1896 по 1-е апр. 1897 г.) 11.965.246 марокъ, или по нынѣшнему курсу около $5^1/_4$ милліоновъ рублей. При населеніи, только на $^2/_3$ превышающемъ петербургское, Берлинъ тратитъ на школы въ *шесть съ половиною разъ* бо́льшую сумму, нежели наша столица. Въ то же время между бюджетомъ обѣихъ столицъ на содержаніе полиціи столь существенной разницы не замѣчается: въ Петербургѣ расходовъ на градоначальство, полицію, пожарную часть и жандармскій дивизіонъ, предположено къ ассигнованію 1.526.750 рублей; въ Берлинѣ—5.711.462 марки, или около $2^1/_2$ милліоновъ рублей: разница, почти вполнѣ соотвѣтствующая количеству населенія обѣихъ столицъ. Но въ то время, какъ Берлинъ тратитъ вдвое больше на школы, чѣмъ на полицію, Петербургъ тратитъ вдвое больше на полицію, чѣмъ на школы.

Съ исторіей развитія и нынѣшнимъ состояніемъ берлинскихъ школъ мы уже познакомили читателей въ особой статьѣ [2]), такъ что здѣсь нѣтъ надобности входить въ подробное изложеніе школьнаго дѣла. Отмѣтимъ только нѣсколько характерныхъ особенностей берлинскихъ школъ, бросающихся въ глаза при сравненіи съ петербургской смѣтой. Въ послѣдней мы находимъ, среди *доходовъ*, 27.100 рублей съ обучающихся въ городскихъ школахъ, тогда какъ этой статьи въ берлинской смѣтѣ не существуетъ, потому что народная школа безплатна. Въ спискѣ берлинскихъ школьныхъ доходовъ есть, правда, статья 17.000 марокъ за право ученія, но эта сумма взимается съ общинныхъ властей окрестныхъ мѣстъ, не входящихъ въ составъ города Берлина, за дѣтей, родители которыхъ живутъ и, слѣдовательно, платятъ налоги въ этихъ общинахъ. Зато въ берлинской росписи мы встрѣчаемъ небольшую, но очень интересную доходную

---

[1]) Воды спускаются на обширную площадь сельскихъ участковъ, принадлежащую городу и теперь превышающую 5.000 гектаровъ. Благодаря обильному орошенію, заключающемуся въ нечистотахъ, удобренію и прекрасному агрономическому руководству, городскія земли стали образцовыми фермами.

[2]) См. „Вѣстн. Европы" 1896, октябрь.

статью: до 5.000 марокъ штрафовъ за неисправное посѣщеніе школы дѣтьми. Вы ее, конечно, напрасно стали бы искать въ смѣтѣ нашей столицы; но означаетъ ли это исправность посѣщенія дѣтьми школъ?—едва ли.

Въ Петербургѣ изъ 686 тысячъ, ассигнованныхъ собственно на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ, почти 282 тысячи, т.-е. 41%, уходятъ на наемъ квартиръ. Въ Берлинѣ же эта статья, включая въ нее уже отопленіе и освѣщеніе школъ, ремонтъ школьныхъ зданій и налоги, занимаетъ меньше 1 милліона марокъ, на 11 милліоновъ школьнаго бюджета, слѣдовательно, 9%; собственно же за наемъ помѣщеній для школъ городъ платитъ 122 тысячи марокъ, съ небольшимъ *одинъ процентъ* своего школьнаго бюджета. Причина понятна: почти всѣ школы помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ и квартирный расходъ поэтому не играетъ роли. Въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ является Берлинъ при разсмотрѣніи другихъ расходовъ на школы. Въ нашей (петербургской) смѣтѣ, въ статьѣ: жалованье учащимъ, замѣчено, что учителя и учительницы получаютъ по 600 р. въ годъ, законоучитель 150 и на запасную учительницу 20 р. на школу. Берлинская же роспись сообщаетъ, что на содержаніе 1.205 штатныхъ учительницъ потребуется 2 милліона марокъ, а жалованья 2.119 штатнымъ учителямъ составятъ 5.992.275 марокъ, вмѣстѣ, слѣдовательно, около 8 милліоновъ марокъ, кромѣ жалованья учительницамъ рукодѣлій, учителямъ гимнастики, школьной прислугѣ и т. п. Минимумы жалованья учительницы 1.200 марокъ, но его получаетъ только одна пятая берлинскихъ учительницъ. Благодаря системѣ повышенія жалованій съ годами службы, 128 учительницъ получаютъ по 2.000, 192 по 2.200 марокъ. Несравненно лучше положеніе народныхъ *учителей*: минимумъ оклада, 1.600 марокъ, получаютъ только 197 изъ 2.119, менѣе 10%, другіе получаютъ больше: напр., 357 учителей по 2.800; 299 по 3.000; 234 учителя получаютъ максимальное учительское жалованье — 3.800 марокъ. Для „ректоровъ", т.-е. инспекторовъ каждаго училища, оно доходитъ до 4.200 марокъ. Къ чести Петербурга однако замѣтимъ, что у него есть одна статья, выгодно отличающая его отъ Берлина, это 12.075 руб. на санитарный надзоръ и врачебную помощь въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Въ этомъ отношеніи берлинская дума отстала отъ многихъ другихъ городовъ.

При обозрѣніи расходовъ германскихъ городовъ на народное образованіе и, въ особенности, при сравненіи общей суммы расходовъ по городскимъ бюджетамъ, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду одного существеннаго обстоятельства: въ Германіи содержаніе *средне-учебныхъ* заведеній, гимназій и реальныхъ училищъ въ большей сте-

пени, нежели у насъ, относится къ обязанностямъ мѣстнаго управленія. Въ отдѣльныхъ городахъ условія чрезвычайно различны: такъ, въ Мангеймѣ, въ Баденѣ и въ Познани всѣ средне-учебныя заведенія для мальчиковъ—государственныя, или какъ у насъ выражаются: „министерскія", тогда какъ въ Потсдамѣ, Крефельдѣ, Дортмундѣ, Герлицѣ и Бохумѣ, всѣ гимназіи и реальныя училища содержатся на средства города и находятся въ его управленіи. Въ большинствѣ случаевъ, однако, смѣшанная система, т.-е. и государство, и городъ, участвуютъ и въ расходахъ, и въ управленіи средне-учебными заведеніями. Въ большихъ городахъ, какъ Берлинъ, Франкфуртъ-на-М. или Бреславль, оба типа раздѣльно развиваются другъ подлѣ друга: государственная и городская гимназія, государственныя и городскія реальныя училища пользуются совершенно одинаковыми правами и ничѣмъ не отличаются въ своихъ программахъ. Единственная разница только въ „патронатѣ", принадлежащемъ городскому самоуправленію относительно гимназій и училищъ, которыя содержатся на его счетъ: на основаніи своего патроната, городъ не только имѣетъ наблюденія надъ хозяйственною стороной, но и пользуется правомъ назначенія директора и участіемъ въ педагогическихъ вопросахъ. Въ Берлинѣ 17 мужскихъ классическихъ гимназій, изъ нихъ 6 съ 3½ тыс. учениковъ—министерскія, и 11 съ 5½ тыс. учащихся—городскія; на 19 же реальныхъ училищъ въ Германіи (они, какъ извѣстно, раздѣляются на реальныя гимназіи, высшія и низшія реальныя училища)—18 городскихъ и только 1 казенное. Отъ бо̀льшаго или мѐньшаго участія государства въ расходахъ на средне-учебныя заведенія, а также и отъ школьной политики городовъ зависитъ распредѣленіе расходовъ городскихъ самоуправленій между средне-учебными заведеніями, въ большинствѣ случаевъ составляющими школы для дѣтей высшаго и средняго классовъ, и народной школой въ тѣсномъ смыслѣ слова: Volksschule и Fortbildungsschule. Въ Данцигѣ, Ганноверѣ, Касселѣ, расходы городовъ на средне-учебныя заведенія поглощаютъ почти половину всего школьнаго бюджета (43—46%), но это исключенія; въ значительнѣйшемъ числѣ городовъ главная статья—расходы на элементарныя школы. Въ Берлинѣ на долю Volksschule достаются 72% школьнаго бюджета, въ Лейпцигѣ 80 и въ Штуттгартѣ даже 98% [1]).

---

[1]) Статистическія данныя въ большинствѣ случаевъ относятся къ 1894 году и приведены тутъ на основаніи Statistisches Jahrbuch deutscher Städte, 5 Jahrgang (1896, Breslau). Ср. стр. 147—176. Отмѣчу мимоходомъ что за рѣдкими исключеніями, школьная политика городовъ отдаетъ преимущество реальнымъ училищамъ предъ классическими гимназіями. Въ Берлинѣ „классики" и „реалисты" почти въ одинаковомъ числѣ (49% классиковъ и 51 реалистовъ); въ Лейпцигѣ изъ учениковъ средне-учебныхъ заведеній только 38% посѣщаютъ классическія гимназіи; въ Гамбургѣ же—гимназистовъ только 19% учатся въ средней школѣ.

Абсолютныя цифры однако гораздо краснорѣчивѣе такихъ процентныхъ отношеній. Онѣ свидѣтельствуютъ, что не только въ столицѣ Германіи, но и во всѣхъ остальныхъ городахъ, школы пользуются самымъ усерднымъ попеченіемъ мѣстнаго самоуправленія, видящаго главную свою задачу въ развитіи народнаго образованія. Въ Гамбургѣ—104 городскія школы съ 64½ тысячъ учащихся; 33.448 мальчиковъ и 33.908 дѣвочекъ; въ Лейпцигѣ на 400.000 жителей—болѣе 50 тысячъ школьниковъ. Исторія народнаго образованія въ Лейпцигѣ—апологія мѣстному самоуправленію. Въ 1836 г., городъ, при населеніи въ 43.000, имѣлъ всего 5 народныхъ школъ, или какъ ихъ тогда называли—школъ для бѣдныхъ. Тридцать лѣтъ спустя населеніе города удвоилось, но число учениковъ утроилось, и классовъ въ 5 разъ больше, чѣмъ въ 1836 г. Какими однако микроскопическими кажутся успѣхи тридцатилѣтія того 1836—1866 гг., по сравненію его съ слѣдующимъ тридцатилѣтіемъ! Населеніе прежняго „стараго" Лейпцига достигаетъ 180 тысячъ; вмѣстѣ же съ предмѣстьями, соединенными теперь со старымъ городомъ, оно превышаетъ 400.000. Въ „старомъ городѣ" въ началѣ 1896 г. оказалось болѣе 21.000 дѣтей, учащихся въ городскихъ школахъ: 11.402 ученика въ городскихъ народныхъ училищахъ, Bezirksschüler, какъ ихъ называютъ въ Лейпцигѣ, и 9.861—учениковъ Bürgerschüler. Во всемъ же нынѣшнемъ Лейпцигѣ въ городскихъ школахъ воспитывается 59 тысячъ дѣтей, изъ нихъ 41.000 Bezirksschüler, 18.000 Bürgerschüler. Какъ и въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ преобладаютъ большія многоклассныя школы, въ среднемъ на 1 школу теперь приходится 1.400 дѣтей, но классы не переполнены, въ каждомъ по 42 ученика. Насколько городскія училища удовлетворяютъ требованіямъ населенія, и какъ, благодаря улучшенію народной школы, зажиточные классы пріучаются не отдѣлять своихъ дѣтей отъ народа, можно видѣть изъ слѣдующаго: въ 1836 г. изъ всѣхъ учащихся дѣтей почти 30% учились въ частныхъ училищахъ; въ 1866 г. въ послѣднихъ только 8%, теперь же всего 2 процента всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Такіе результаты могутъ быть достигнуты только при сознательномъ отношеніи гражданъ къ народному образованію, какъ къ базису народнаго величія, и при постановкѣ мѣстнаго самоуправленія на началахъ, при которыхъ лучшіе элементы населенія не относятся апатично ко всему, что лежитъ за ихъ личнымъ интересомъ. Изъ своего 20-милліоннаго бюджета Лейпцигъ отдаетъ болѣе 5 милліоновъ, изъ которыхъ, правда, 530 тысячъ покрываются субсидіей изъ государственныхъ средствъ, на школы всѣхъ видовъ, и изъ нихъ болѣе 4 милліоновъ, или одну пятую своихъ доходовъ, на народное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Во всѣхъ городскихъ бюджетахъ мы на первомъ мѣстѣ находимъ расходъ на школы; за ними обыкновенно слѣдуютъ расходы на *общественное призрѣніе.* Въ Берлинѣ по росписи 1896—97 г. на призрѣніе бѣдныхъ (Armenwesen) ассигновано 10½ милліоновъ м. Главная статья — непосредственная общественная помощь бѣднымъ черезъ „мѣстныя коммиссіи" и другіе органы города—потребовала болѣе 6 милліоновъ; помощь бѣднымъ больнымъ—1½ милліона; почти въ милліонъ обходится призрѣніе сиротъ; полъ-милліона идетъ на рабочій домъ въ Руммельсбургѣ,—учрежденіе, какъ я могъ убѣдиться, далеко не заслуживающее такихъ затратъ, и ¾ милліона на 2 дѣйствительно симпатичныхъ пріюта: для бездомныхъ и ихъ семействъ, и для хроническихъ больныхъ и хилыхъ, которымъ обыкновенно нѣтъ мѣста въ больницахъ.

Статистическое бюро г. Берлина даетъ намъ въ своемъ послѣднемъ Ежегодникѣ [1]) возможность ближе присмотрѣться къ характеру общественнаго призрѣнія въ германской столицѣ. Въ 1894—95 г. изъ 9½ милліоновъ марокъ, затраченныхъ на общественное призрѣніе, не считая больницъ, 5½ милліоновъ издержаны были коммиссіями для призрѣнія бѣдныхъ, на непосредственную помощь бѣднымъ деньгами. Въ среднемъ, 24.903 человѣка пользовались постоянной поддержкой изъ средствъ общественной благотворительности, не считая тѣхъ, которые находились въ рабочемъ домѣ, и 82.323 бѣдныхъ обращались изрѣдка или случайно къ кассѣ общественнаго призрѣнія. На послѣднихъ истрачена сравнительно небольшая сумма —700 тысячъ марокъ въ годъ, тогда какъ постоянные кліенты потребовали затраты въ 3.869.949 марокъ, въ среднемъ—150 марокъ въ годъ на душу. Къ расходамъ открытаго призрѣнія бѣдныхъ надо причислить еще натуральную помощь, въ особенности снабженіе бѣдняковъ зимою углемъ на 220 тысячъ марокъ и предоставленіе 2.600 семействамъ участковъ городской земли для засѣва картофелемъ. Другія крупныя статьи расходовъ общественной благотворительности состоятъ въ призрѣніи сиротъ и заброшенныхъ дѣтей, содержаніи рабочаго дома, пріюта для бездомныхъ и прокормленіи послѣднихъ (мимоходомъ только замѣчу, что, имѣя въ городскомъ пріютѣ отдѣленіе для семейныхъ, общественное управленіе устроило и для бродячихъ дѣтей школу при пріютѣ).

Изъ какого круга, какого типа, какихъ профессій набираются бѣдняки, пользующіеся постояннымъ пособіемъ изъ общественнаго призрѣнія? Двѣ характерныя черты прежде всего бросаются въ глаза, когда вы изучаете эту статистику; среди публично-признанныхъ бѣдныхъ,—и эта

---

[1]) Statistisches Jahrbuch der Stadt Berlin, 21 Jahrg, 1896. P. 340 и слѣд.

характерная черта всего общественнаго призрѣнія не въ одномъ Берлинѣ,—больше всего стариковъ и женщинъ. Почти до 25 тысячъ пользующихся ежемѣсячнымъ пособіемъ; только 1.240 моложе 40 лѣтъ, болѣе 18.000 старше 60 лѣтъ. Дряхлыхъ бѣдняковъ въ возрастѣ 80—90 лѣтъ еще оказывается 1.257, а 54 болѣе 90 лѣтъ. Ровно три-четверти всѣхъ пользующихся общественнымъ пособіемъ—Offene Armenpflege, а именно 18.529 изъ 24.903—женщины, и среди женщинъ подавляющая часть вдовъ (14.511), замужнихъ всего 141, остальныя незамужнія, разведенныя и покинутыя. Что касается 6.374 мужчинъ, пользующихся постояннымъ пособіемъ на городскія средства, то половина изъ нихъ—чернорабочіе, остальные—бывшіе ремесленники, купцы, мелкіе чиновники, приказчики и лица вольныхъ профессій, напр. 46 „ученыхъ, литераторовъ и художниковъ". Наконецъ, что касается причинъ бѣдности, то относительно 56% причиной является старость, у 29% она заключается въ болѣзненности и неспособности къ труду, и 15% записываются въ бѣдные за отсутствіемъ или недостаточностью заработковъ.

Утѣшительна для нѣмцевъ картина ихъ общественной благотворительности, дающая берлинцу во всякомъ случаѣ больше успокоенія совѣсти, чѣмъ петербуржцу, убѣждающемуся изъ бюджета своего родного города, что на „дѣла благотворенія" идетъ съ небольшимъ 1% городскихъ доходовъ (113 т.), включая сюда и „приданыя бѣднымъ невѣстамъ". Тѣмъ не менѣе, и законодательство, и общественное мнѣніе въ Германіи все больше убѣждаются, что и хорошо организованное призрѣніе—не послѣднее слово въ отношеніяхъ общества къ проблемѣ бѣдности.

Законы о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и при болѣзни дали милліонамъ нѣмецкихъ рабочихъ *право*, тогда какъ раньше они могли разсчитывать только на *милость*. Мастеровой, искалѣченный машиной, не только не протягиваетъ на улицѣ руки и не выставляетъ на показъ, для возбужденія состраданія, своихъ ранъ, но и не записывается въ публичные бѣдные, а получаетъ свою пенсію въ страховомъ учрежденіи или черезъ почтамтъ, совершенно такъ, какъ раненый офицеръ и отставной чиновникъ. Въ случаѣ болѣзни, каждый рабочій пользуется медицинской помощью и получаетъ содержаніе для себя и своей семьи изъ кассы страхованія отъ болѣзни, и наконецъ страхованіе на случай старости и инвалидности, несмотря на краткость времени, прошедшаго съ его вступленія въ силу, уже теперь даетъ въ Берлинѣ болѣе 5.000 старикамъ пенсіи, вмѣсто милости. Когда принципъ обязательнаго страхованія получилъ распространеніе и на обезпеченіе вдовъ и сиротъ, когда нынѣ уже дѣйствующіе въ Германіи законы—что неизбѣжно—будутъ до-

полнены и улучшены новыми, сфера общественнаго призрѣнія съузится, но оказываемая ею помощь будетъ дѣйствительнѣе, интенсивнѣе.

Я только бѣгло коснусь теперь другихъ крупныхъ статей расходнаго бюджета Берлина, насколько онѣ представляютъ интересъ для сравненія съ нашей столицей. Берлинъ и Петербургъ тратятъ почти одинаковыя суммы на больницы: первый съ небольшимъ 5 милліоновъ марокъ, второй болѣе 2 милліоновъ рублей—удивительный, на первый взглядъ, результатъ, но имѣющій свои вполнѣ понятныя причины. Хотя населеніе Берлина на 600—700 тысячъ больше петербургскаго, но его заболѣваемость средняя значительно меньше. Затѣмъ, благодаря законодательству о страхованіи рабочихъ, тысячи бѣдныхъ больныхъ въ Берлинѣ имѣютъ возможность лечиться у себя на дому, тогда какъ у насъ они вынуждены идти въ больницы. То же обязательное страхованіе даетъ всегда рабочему возможность обращаться къ врачамъ своей страховой кассы, и этимъ часто предупреждаются серьезныя заболѣванія. Надо также прибавить, что самая большая изъ берлинскихъ больницъ, Charité, не находится въ завѣдываніи городского самоуправленія. Однако и въ Петербургѣ не мало больныхъ находятся въ больницахъ, также не принадлежащихъ городу. Отмѣчу здѣсь одно въ высшей степени симпатическое учрежденіе при вѣдомствѣ городскихъ больницъ,—фермы для выздоравливающихъ, Heimstatten für Genesende, помѣщающіяся въ принадлежащемъ городу помѣстьѣ въ окрестностяхъ Берлина. Выпущенные изъ городскихъ больницъ паціенты, если они еще нуждаются въ отдыхѣ, находятъ въ этихъ городскихъ колоніяхъ хорошее помѣщеніе, паркъ, лѣсъ, здоровую пищу. При разсчетѣ, что каждый паціентъ пробудетъ въ колоніи 3 недѣли, нынѣшнія 4 фермы могутъ дать въ годъ отдыхъ около 4.000 выздоравливающимъ. Содержаніе ихъ обходится въ 200 тыс. марокъ, изъ которыхъ бо́льшая часть однако падаетъ не на городскую кассу, а на различные благотворительные и спеціальные фонды.

На очистку и поливку улицъ и площадей Петербургъ отдаетъ изъ своего бюджета 100 тысячъ рублей, Берлинъ—почти $2^1/_2$ милл. марокъ, т.-е. въ 12 разъ большую сумму. Сравнивая эти цифры бюджетовъ, вы замѣчаете, что впечатлѣніе изумительной чистоты, которое производитъ германская столица на всякаго русскаго, не обманчиво, и что причины поражающаго насъ явленія заключаются не только въ привычкахъ мѣстныхъ жителей, но и въ дѣятельности ихъ общественнаго управленія. Армія городскихъ чистильщиковъ улицъ въ 1.000 человѣкъ *постоянно* находится на улицахъ и не даетъ грязи накопляться и дождевой водѣ застаиваться. Въ экстрен-

ныхъ случаяхъ, при обиліи снѣга, какъ въ нынѣшнюю зиму, напр., къ постояннымъ рабочимъ присоединяются резервные, часто сразу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Рѣзкое различіе между обѣими столицами, и не въ пользу нашей, существуетъ также въ отношеніи къ расходамъ на содержаніе городскихъ садовъ и парковъ; у насъ на это назначается 54½ тысячи р., въ Берлинѣ—болѣе 700 тысячъ марокъ, и замѣтьте, что Берлинъ еще находится въ исключительно счастливыхъ условіяхъ, допускающихъ сбереженія, такъ какъ главные расходы по содержанію извѣстнаго „Тиргартена" падаютъ не на городской бюджетъ,—городъ даетъ всего 30.000 марокъ субсидіи,—а на вѣдомство государственныхъ имуществъ. И удивительно ли, что у Петербурга нѣтъ средствъ на парки и сады, если для содержанія мостовъ и мостовыхъ въ городѣ, далеко еще не вымощенномъ, городская роспись не въ состояніи удѣлить 400 тысячъ р., тогда какъ Берлинъ, со своими несравненно лучшими мостовыми, ассигнуетъ на мостовыя и мосты почти 5 милліоновъ *рублей*?

Однако мы никогда бы не кончили, еслибы хотѣли сравнить хотя бы только всѣ крупныя статьи обоихъ бюджетовъ. Скажемъ еще только нѣсколько словъ о расходахъ Берлина на содержаніе городского общественнаго управленія. На первый взглядъ цифра въ 5½ милліоновъ кажется страшной даже для города съ такимъ бюджетомъ, какъ Берлинъ, и съ такимъ колоссальнымъ полемъ дѣятельности. Въ дѣйствительности, однако, мы въ спеціальныхъ рубрикахъ убѣждаемся, что то, чтó въ Берлинѣ относятъ къ расходамъ на управленіе, далеко не значитъ расходъ на содержаніе управы и ближайшихъ органовъ муниципалитета. Въ рубрикахъ Personal-Verwaltungskosten находятся и содержаніе старшихъ врачей больницъ, и жалованье инспекторовъ по школамъ, и расходы по взиманію городскихъ налоговъ, и многое другое, чтó въ петербургской росписи отнесено къ другимъ, самостоятельнымъ нумерамъ смѣты. На содержаніе „городскихъ общественныхъ установленій", въ тѣсномъ смыслѣ слова, остается менѣе 4 милліоновъ марокъ, около 4½ процентовъ бюджета, тогда какъ въ Петербургѣ на это уходитъ 550 тысячъ или нѣсколько болѣе 5%. Содержаніе городского головы, его товарища и 15 членовъ управы—Берлину стоитъ менѣе 200.000 марокъ, около 90 тысячъ рублей. Голова (оберъ-бургомистръ) получаетъ 30 тысячъ марокъ, 14 тысячъ рублей въ годъ, и нужно ли доказывать, что постъ этотъ, во главѣ города Берлина, сопряженъ съ не мéньшимъ трудомъ, не мéньшими обязанностями, и требуетъ уже во всякомъ случаѣ больше знаній и опыта, чѣмъ должность городского головы—въ Москвѣ?

Мы должны еще упомянуть о состояніи городскихъ имуществъ и

городскихъ долговъ въ Берлинѣ. Германская столица имѣетъ долгъ въ $3^1/_2$-процентныхъ облигаціяхъ на сумму свыше 280 милліоновъ марокъ, ровно 130 милліоновъ рублей по нынѣшнему курсу. Какъ будто колоссальная цифра, если сравнить ее съ задолженностью нашихъ городовъ, но въ дѣйствительности оказывается, что Берлинъ не только не въ „пассивѣ“, но еще въ очень крупномъ „активѣ“. Всѣ займы его имѣли производительное назначеніе. Въ своихъ газовыхъ заводахъ городъ, за отчисленіемъ погашенія, имѣетъ капиталъ въ 33 милліона, въ водопроводахъ—54 милліона, въ канализаціи—88 милліоновъ, скотобойняхъ—12 и крытыхъ рынкахъ свыше 27 милліоновъ,—всего 215 милліоновъ. Зданія думы, школъ, пріютовъ, больницъ и т. п. представляютъ капиталъ въ 285 милліоновъ; помѣстья, принадлежащія городу, стоятъ болѣе 23 милліоновъ; незастроенной земли въ собственности города по крайней мѣрѣ на 32 милліона, и затѣмъ у него на десятки милліоновъ строительныхъ матеріаловъ, библіотекъ, машинъ и т. п. Къ 1-му апрѣля 1895 г. активъ города равнялся 543.339.468 милл.; пассивъ (займы, текущіе долги, остатки по возвращенію) 289.651.673; такъ что, подводя свой балансъ, городъ съ удовольствіемъ можетъ констатировать, что онъ все-таки самая богатая фирма въ Берлинѣ и Германіи,—богаче Ротшильда во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, показавшаго къ налогу на капиталъ 215 милліоновъ, тогда какъ имущество Берлина превышаетъ 288 милліоновъ!

Все это прекрасно,—скажетъ, можетъ быть, иной читатель,—дѣятельность берлинскаго самоуправленія дѣйствительно обширная, во многихъ случаяхъ плодотворная, но и при самой раціональной системѣ налоги остаются тяжестью, которая ложится на населеніе болѣе или менѣе чувствительнымъ бременемъ, а въ Берлинѣ населеніе платитъ 47 милліоновъ марокъ прямыхъ налоговъ. Весьма вѣроятно, что такъ будетъ разсуждать не одинъ, но очень многіе читатели, а потому я долженъ себѣ позволить небольшое разъясненіе.

Понятіе о налогахъ, какъ о неизбѣжномъ злѣ, и афоризмъ, что „чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ лучше“, выработались при господствѣ податной системы, всей тяжестью своею обрушивавшейся на наиболѣе слабое въ платежномъ отношеніи населеніе, и при управленіи, котораго типическимъ признакомъ являлось преобладаніе расходовъ на полицію надъ экономическими и культурными затратами. Въ дѣйствительности же прогрессъ государства и общества характеризуется расширеніемъ сферы общественнаго хозяйства и умноженіемъ нитей, связывающихъ личную и семейную жизнь съ благосостояніемъ общины, города, страны. Въ благоустроенной жизни современнаго европейскаго города

я не ношу съ собою ночью своего фонаря въ дополненіе къ городскому освѣщенію керосиномъ, не вывожу грязи съ своего двора, не спасаю своей души копѣечкой нищему, воспитываю дѣтей въ общественной школѣ, пользуюсь чистою водою изъ фильтровъ городского водопровода, и имѣю шансы больше прожить отъ того, что въ городѣ хорошая канализація, а если у моего сосѣда дѣти болѣли дифтеритомъ, то квартира его будетъ дезинфектирована городскою санитарной станціею. И область дѣятельности общественныхъ органовъ неминуемо должна будетъ расшириться; она чрезвычайно увеличилась, напр., за короткій періодъ дѣйствія законовъ о страхованіи рабочихъ; городъ Берлинъ взялъ на себя такія новыя обязанности, какъ руководительство учрежденіемъ для страхованія при старости и неспособности къ труду и кассамъ помощи больнымъ. Никто въ этомъ не видитъ зла, — ни домовладѣлецъ, избавленный за небольшую плату городу отъ необходимости самому вывозить грязь съ своего двора, ни родители учащихся дѣтей въ школѣ, для которой городъ выстраиваетъ чуть ли не дворцы.

Самоуправленіе столицы Германіи дало населенію прекрасный благоустроенный городъ, хорошо вымощенный, освѣщенный, содержимый въ безукоризненной чистотѣ; правильно фильтрованную, а потому совершенно чистую, воду, канализацію, понизившую общую смертность и изгнавшую многія заразныя болѣзни; школы, въ которыхъ есть мѣсто для всѣхъ дѣтей, вступившихъ въ школьный возрастъ, и которыя своею организаціею удовлетворяютъ главнымъ требованіямъ гигіены и педагогіи. Людямъ не даютъ умирать съ голоду на улицѣ, нищіе не толпятся у церквей и парадныхъ подъѣздовъ, больные находятъ уходъ. Я могъ бы еще продлить списокъ городскихъ услугъ, но довольно будетъ и этихъ главныхъ статей. Несомнѣнно, что все это такія обязанности, которыя при общежитіи могутъ быть удовлетворены только извѣстными жертвами изъ частнаго хозяйства въ пользу общественнаго. Удовлетворяютъ ли въ Берлинѣ эти жертвы частнаго хозяйства требованіямъ разумной податной системы по отношенію къ оказываемымъ общественнымъ платежнымъ силамъ населенія?

Мы видѣли, что изъ огромнаго берлинскаго бюджета около половины покрывается доходами городскихъ предпріятій, приплатами государства, сборомъ съ конно-желѣзныхъ дорогъ (около полуторамилліона марокъ) и собственными доходами отдѣльныхъ частей городского управленія. Другая же половина имѣетъ своими главными источниками налогъ съ земли и домовъ и въ особенности—подоходный налогъ. Я уже сказалъ выше, что въ сущности сборъ съ землевладѣльцевъ, домохозяевъ и промышленниковъ въ той или иной

формѣ перелагается на потребителей. Подоходнаго налога переложить нельзя, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что его платятъ именно тѣ, съ которыхъ его взыскиваютъ. Что̀ еще не менѣе, однако, важно, это то, что при прогрессивномъ устройствѣ этого налога, каждый его платитъ по своимъ силамъ: имѣющій менѣе 900 марокъ вовсе ничего не платитъ; при 1.200 маркахъ налогъ составляетъ 1%; въ высшихъ онъ доходитъ до 4%. Въ Берлинѣ оказалось 263.500 плательщиковъ съ доходомъ отъ 900 до 3.000 марокъ, и 43 тысячи съ доходомъ болѣе 3.000 марокъ. На долю послѣднихъ падаетъ, однако, болѣе 16 милліоновъ подоходнаго налога, тогда какъ тѣ 263½ тысячи гражданъ платятъ въ совокупности менѣе 4 милліоновъ, да еще 544 акціонерныхъ общества и товарищества платятъ городу 3½ милліона. Богатѣйшій берлинскій плательщикъ, показавшій доходъ въ 3 милліона марокъ, платитъ 119.800 марокъ подоходнаго налога въ пользу города. Вѣроятно, этотъ Кревъ имѣетъ и дома, и торговыя предпріятія, и за нихъ онъ платитъ еще отдѣльно. Гдѣ у насъ милліонеры, платящіе такіе налоги? И представляютъ ли себѣ зажиточные люди, съ доходомъ въ 8—10 тысячъ рублей въ годъ, что въ сущности они почти ничего, кромѣ какъ потребители, не вносятъ для городского хозяйства, тогда какъ въ Берлинѣ человѣкъ съ такимъ доходомъ платитъ въ пользу города отъ 250 до 300 рублей въ годъ?

И не только въ налогахъ выражаются обязанности гражданина относительно общественнаго самоуправленія. По прусскому городовому Положенію, сохранившему въ этомъ случаѣ счастливую мысль Штейна, никто не въ правѣ отказаться отъ избранія на безплатную городскую должность безъ законныхъ основаній, которыми считаются: болѣзнь, многочисленная семья, необходимость уѣхать и веденіе собственнаго дѣла безъ помощниковъ, приказчиковъ или наемныхъ рабочихъ. Противъ упорствующихъ и индифферентныхъ городовое Положеніе даетъ думамъ очень рѣшительныя средства: лишеніе правъ гражданина и обложеніе налогами на ⅛ сверхъ законной нормы. Въ прошломъ году во Франкфуртѣ-на-Майнѣ двое именитыхъ гражданъ на этомъ основаніи были лишены на три года избирательнаго права и обложены добавочнымъ налогомъ. Расходы на общественное управленіе Берлина, при огромной сферѣ дѣятельности мѣстнаго самоуправленія, увеличились бы, по крайней мѣрѣ, вдвое, еслибы въ распоряженіи города не было дарового труда 8.000 гражданъ, добросовѣстно исполняющихъ обязанности членовъ санитарныхъ, училищныхъ, подоходныхъ, благотворительныхъ и др. коммиссій, гордящихся званіемъ „представителя округа", будящихъ и въ прочемъ населеніи интересъ и любовь къ своему родному городу.

Кажется, такихъ фактовъ достаточно, чтобы объяснить поразительное развитіе благоустройства и культурности Берлина. Для того, чтобы и наши города хоть сколько-нибудь походили въ этомъ отношеніи на столицу Германіи, отнюдь не нужно просить, чтобы насъ „произвели въ нѣмцевъ": достаточно, быть можетъ, открыть доступъ къ общественному самоуправленію болѣе образованнымъ и добросовѣстнымъ элементамъ городского общества и поставить центромъ городской податной системы вмѣсто гильдейскихъ и трактирныхъ свидѣтельствъ—прогрессивный подоходный налогъ.

Г. Б. Іоллосъ.

Берлинъ, 12 (24) марта 1897 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1897.

Расширеніе полномочій главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.—Безпорядки въ Шполѣ.—Авторитетныя свидѣтельства въ пользу земскихъ учрежденій.—Тамбовское дворянство и „Гражданинъ“.—Тенденціозныя нападенія на „странную книгу“.—Всесословная волость и реакціонная печать.

Одновременно съ вступленіемъ въ должность новаго главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, кн. Г. С. Голицына, состоялся Именной указъ 3-го марта 1897 г., направленный къ снабженію его „дѣйствительными способами, съ пользою для края, проявлять присвоенное ему право ревизіи и надзора, возстановлять, гдѣ требуется, силу закона, направлять мѣстные административные органы къ исполненію служебнаго долга и ограждать мирное преуспѣяніе управляемыхъ“. Установленныя съ этою цѣлью временныя правила предоставляютъ главноначальствующему, между прочимъ, принимать рѣшительныя мѣры къ прекращенію безпорядковъ и упущеній въ административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ (кромѣ вѣдомствъ государственнаго контроля и государственнаго банка), отмѣнять постановленія этихъ учрежденій, устранять служащихъ въ нихъ (за нѣкоторыми исключеніями) отъ должности, привлекать ихъ къ судебной отвѣтственности на правахъ ревизующаго сенатора и, наконецъ, воспрещать жительство въ какой-либо мѣстности Кавказскаго края и вообще въ предѣлахъ края лицамъ, пребываніе которыхъ тамъ признано будетъ вреднымъ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла въ совѣтѣ главноначальствующаго. Послѣдняя изъ этихъ мѣръ касается частныхъ лицъ, всѣ остальныя—должностныхъ лицъ и административныхъ и общественныхъ учрежденій. Для всѣхъ мѣръ второй категоріи существуютъ коррективы—донесеніе сенату или доведеніе до свѣденія министровъ и главноуправляющихъ, окончательное разрѣшеніе вопроса объ увольненіи должностного лица въ общемъ

установленномъ для того порядкѣ, окончательное разрѣшеніе судебнаго дѣла подлежащимъ судомъ. Мѣры первой категоріи являются, наоборотъ, безповоротными и всецѣло предоставленными усмотрѣнію главноначальствующаго, несмотря на весьма тяжелыя послѣдствія ихъ для лицъ, противъ которыхъ онѣ приняты: высылка изъ данной мѣстности или, тѣмъ болѣе, изъ края, можетъ повлечь за собою полное разореніе высылаемаго, полное разстройство его семейныхъ дѣлъ.—Общественными учрежденіями на Кавказѣ являются дворянскія собранія и городскія думы. Нелегко представить себѣ допущеніе ими такихъ упущеній или безпорядковъ, которые требовали бы немедленнаго принятія „рѣшительныхъ мѣръ". Ни дворянскія собранія, ни городскія думы не облечены *властью* и не могутъ, слѣдовательно, совершать злоупотребленій, подлежащихъ безотлагательному пресѣченію; въ немедленной отмѣнѣ ихъ постановленій едва ли можетъ встрѣтиться надобность, въ виду принадлежащаго администраціи права пріостановить ихъ исполненіе. Болѣе точному опредѣленію подлежало бы, повидимому, самое понятіе о „рѣшительныхъ мѣрахъ", особенно въ примѣненіи къ общественнымъ учрежденіямъ. Если оно обнимаетъ собою распущеніе городскихъ думъ и дворянскихъ собраній, то желательно было бы знать, въ какой срокъ должны быть произведены затѣмъ новые городскіе выборы или созвано вновь дворянское собраніе?.. По мнѣнію одной изъ петербургскихъ газетъ, чрезвычайныя полномочія, предоставленныя главноначальствующему, имѣютъ цѣлью „поднять уваженіе къ власти и возстановить нормальный порядокъ въ краѣ, нарушенный за послѣднее десятилѣтіе, главнымъ образомъ, безпрерывными разбоями, запутанностью вопроса о казенныхъ земляхъ и инородческими тенденціями". Этотъ перечень причинъ, нарушившихъ „нормальный порядокъ", недостаточенъ для объясненія *всѣхъ* чрезвычайныхъ полномочій, данныхъ главноначальствующему. „Инородческія тенденціи" и „непрерывные разбои" имѣлись, по всей вѣроятности, въ виду при усиленіи власти главноначальствующаго надъ должностными и частными лицами—но едва ли ими мотивировано усиленіе его власти надъ административными и общественными учрежденіями. Что касается до „запутанности вопроса о казенныхъ земляхъ", то ее, очевидно, нужно *распутать,* а не *разсѣчь* какимъ-либо рѣшительнымъ мѣропріятіемъ. На Кавказѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, слѣдуетъ насаждать и укрѣплять уваженіе къ закону; уваженіе къ власти, строго соблюдающей законъ, явится, затѣмъ, само собою. Главную причину непорядковъ, существующихъ на Кавказѣ, слѣдуетъ искать, кажется, не столько въ недостаточности правъ, которыми была облечена мѣстная власть, сколько въ неправильномъ пользованіи этими правами. Необходимы, безспорно,

широкія и глубокія перемѣны въ мѣстномъ административномъ персоналѣ—но не столько потому, что въ его средѣ было распространено бездѣйствіе власти, сколько потому, что власть слишкомъ часто служила здѣсь источникомъ злоупотребленій.

Нужно надѣяться, что при обновленіи кавказской администраціи не будетъ выдвинутъ на первый планъ вопросъ національный, какъ этого желали бы газетные ревнители обрусѣнія. При первой вѣсти о назначеніи новаго главноначальствующаго „Московскія Вѣдомости" поспѣшили заявить, что усиленію разбойничества на Кавказѣ способствуетъ занятіе административныхъ должностей, *главнымъ образомъ*, армянами. Еще раньше онѣ ставили въ вину высшей кавказской администраціи *переполненіе* государственной службы армянами, „въ то время, когда сепаратистская армянская агитація принимаетъ явно террористическій характеръ". И что же? Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 11) появилась статья г. Г. Д., показывающая, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, что въ Закавказьѣ изъ 289 административныхъ должностей (губернаторовъ, вице-губернаторовъ, окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, полицейскихъ или участковыхъ приставовъ, начальниковъ земской стражи) армянами заняты только 31, т.-е. 10,7%! Изъ 31 армянъ нѣтъ ни одного губернатора; вице-губернаторъ—1, уѣздныхъ начальниковъ—2, помощниковъ начальниковъ—8, низшихъ полицейскихъ чиновъ—20 (а грузинъ—75, татаръ—44). Еще меньше армянъ въ закавказскихъ судахъ (изъ 101—3). „Московскія Вѣдомости" не перепечатали этихъ данныхъ, вѣроятно, за невозможностью ихъ опровергнуть; но онѣ такъ краснорѣчивы, что едва ли могутъ быть оставлены безъ вниманія при безпристрастномъ изученіи предмета... Та же газета, которая взвела напраслину на армянъ, отличилась теперь удивительнымъ толкованіемъ указа 3-го марта. Она находитъ, что права, вновь предоставленныя главноначальствующему, „не создаютъ какой-либо *чрезвычайной* власти, а лишь даютъ главноначальствующему *нѣкоторую дѣйствительную* власть, которой онъ былъ ранѣе лишенъ". Итакъ, всѣ генералъ-губернаторы и губернаторы въ Европейской Россіи совершенно лишены „дѣйствительной" власти?.. „Окажется ли достаточною эта степень власти,—читаемъ мы дальше,—покажетъ будущее; но нельзя не пожелать, чтобы при законодательномъ пересмотрѣ учрежденія кавказскаго края [1]), степень власти главноначальствующаго была опредѣлена дѣйствительными условіями кавказской жизни, которыя, весьма вѣроятно, потребуютъ

[1]) Впредь до этого пересмотра и сохраняютъ силу „временныя" правила, установленныя указомъ 3-го марта.

не уменьшенія нынѣ дарованныхъ полномочій, но скорѣе ихъ расширенія". Въ этомъ стремленіи раздвигать предѣлы власти, раздвигать ихъ ad infinitum, никогда не насыщаясь и не удовлетворяясь, есть нѣчто несомнѣнно болѣзненное. Къ давно извѣстному недугу властолюбія, какъ личной страсти, общественная патологія должна прибавить новоявленный недугъ властолюбія, какъ жажды власти для другихъ (правда—подъ условіемъ употребленія ея въ заранѣе предрѣшенномъ направленіи и смыслѣ). Съ точки зрѣнія одержимыхъ этимъ недугомъ, единственный источникъ зла—недостатокъ власти, единственное средство борьбы со зломъ—избытокъ власти. Все ненормальное въ кавказской жизни приписывается, безъ оговорокъ и колебаній, умаленію (съ 1883 г.) полномочій главноначальствующаго. А между тѣмъ московская газета не можетъ не знать, что именно въ послѣдніе годы на Кавказѣ было принято немало чрезвычайныхъ мѣръ, отнюдь не свидѣтельствующихъ о безвластіи; она не можетъ не знать этого хотя бы потому, что сама же напечатала, около года тому назадъ, правдивый, во многомъ, разсказъ о судьбѣ тифлисскихъ духоборовъ [1]). Правда, это не мѣшаетъ ей говорить теперь о „фанатическомъ сопротивленіи духоборческаго населенія"; но не всѣ такъ забывчивы, какъ она, и факты остаются фактами... Къ тому, что̀ было сказано нами недавно (въ январьской Общественной Хроникѣ) о настоящемъ положеніи сосланныхъ духоборовъ, примыкаетъ слѣдующее извѣстіе, сообщенное „Новому Времени" (№ 7554) изъ Тифлиса: „изъ мѣстъ поселенія духоборовъ, разселенныхъ въ 1896 г. по четыремъ уѣздамъ тифлисской губерніи, безъ средствъ къ жизни, въ непривычномъ для нихъ климатѣ, стали пріѣзжать сюда ихъ женщины и дѣти—все болѣе и болѣе—совсѣмъ слѣпыя. Ужасная картина! Глаза воспаленные и красные, какъ кровь. Когда начнемъ прикладывать имъ свинцовую примочку, то куски холста, насыщенные въ холодной примочкѣ, дѣлаются горячими черезъ пять минутъ, такой ужасный жаръ въ глазахъ. Глаза начинаютъ затягиваться какой-то бѣлой оболочкой и совсѣмъ слѣпнутъ. Было бы хорошо имъ свезти медикаменты на мѣсто: тѣмъ, которые еще не запустили своихъ глазъ, можно помочь. Плачевная картина — видѣть дѣтей 2-3 лѣтъ слѣпыми"! Чтобы положить конецъ этимъ ужасамъ, не требуется никакихъ особыхъ полномочій; нужно только, чтобы мѣстная власть обратила вниманіе на факты, хорошо извѣстные не только въ Тифлисѣ, но даже въ Петербургѣ.

Въ числѣ чрезвычайныхъ правъ, предоставленныхъ главноначаль-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Европы" за 1896 г.

ствующему гражданскою властью частью на Кавказѣ, нѣтъ ни одного, которое относилось бы къ усмиренію безпорядковъ и волненій среди населенія. Если, такимъ образомъ, даже на окраинѣ имперіи, даже въ мѣстностяхъ недавно присоединенныхъ, населенныхъ малокультурными и враждебными другъ другу племенами, признается возможнымъ обходиться законными средствами возстановленія порядка, то еще болѣе достаточными такія средства должны быть, повидимому, внутри государства. Наши законы такъ строго караютъ всякое сопротивленіе властямъ, всякое серьезное посягательство на общественное спокойствіе, что предупреждать ихъ дѣйствіе или усугублять его предварительной суммарной расправой нѣтъ, казалось бы, никакой надобности. На самомъ дѣлѣ, однако, экстраординарные способы репрессіи безпорядковъ—или, лучше сказать, сверхъ-законныя кары за безпорядки, уже прекращенные,—до сихъ поръ еще не вышли изъ употребленія. Вотъ что̀ мы читаемъ въ описаніи недавняго (18—19 февраля) еврейскаго погрома въ мѣстечкѣ Шполѣ (кіевской губерніи), напечатанномъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: „погромъ не прекращался до самаго прибытія г. вице-губернатора съ казаками. Значительная часть виновныхъ была немедленно наказана розгами, закована въ кандалы и отправлена въ Звенигородку“. Экзекуція, слѣдовательно, произошла по окончаніи погрома, когда порядокъ былъ уже возстановленъ: да это и не можетъ быть иначе, потому что самый приступъ къ экзекуціи предполагаетъ нахожденіе нарушителей порядка въ рукахъ власти. Въ такой моментъ рѣчь должна идти не объ усмиреніи, уже достигнутомъ вмѣшательствомъ полиціи или военной силы, а о привлеченіи виновныхъ къ уголовной отвѣтственности. Одно изъ двухъ: или противъ лица, задержаннаго полиціей или войскомъ, имѣются улики, достаточныя для возбужденія уголовнаго преслѣдованія — въ такомъ случаѣ немедленное наказаніе его несовмѣстно съ основнымъ юридическимъ принципомъ: ne bis in idem; или относительно его виновности существуетъ только смутное предположеніе—въ такомъ случаѣ наказаніе его нарушаетъ еще болѣе элементарныя требованія справедливости, типичнымъ выраженіемъ которыхъ служитъ знаменитое, но постоянно забываемое изреченіе императрицы Екатерины II-ой объ „одномъ невинномъ и десяти виновныхъ“. Не говоримъ уже объ ошибкахъ, неизбѣжныхъ при массовыхъ экзекуціяхъ, о характерѣ истязанія, который онѣ часто принимаютъ; слишкомъ еще памятно для всѣхъ крожское дѣло или орловское сѣченье, превзошедшее, по словамъ Я. П. Полонскаго [1]), всѣ ужасы временъ крѣпостного права.

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 11 „Вѣстн. Европы“, за 1895 г.

Такіе пріемы, какъ „сѣченіе усмиренныхъ" (выраженіе генерала Драгомирова), не могутъ быть исправлены, смягчены, улучшены въ частностяхъ; они могутъ только быть совершенно оставлены—и мы глубоко убѣждены, что общественное спокойствіе и порядокъ отъ того нисколько бы не пострадали. Какъ устрашающая мѣра для самихъ виновниковъ безпорядка, экзекуція является слишкомъ поздно; какъ устрашающая мѣра для другихъ, на будущее время, она не достигаетъ цѣли, потому что мало кому дѣлается извѣстной и мало кѣмъ вспоминается при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ обыкновенно возникаютъ безпорядки. Никогда, можетъ быть, экзекуція не пускались въ ходъ такъ часто, какъ во время холерныхъ волненій 1892-го года—и это нисколько не мѣшало повторенію безпорядковъ въ мѣстностяхъ, иногда довольно близкихъ отъ театровъ усмиренія... Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что возможность экстраординарныхъ мѣръ *послѣ прекращенія* безпорядковъ способствуетъ ослабленію заботъ о ихъ *предупрежденіи*. Администрація расположена думать, что населеніе, зная о возможныхъ послѣдствіяхъ нарушенія порядка, не рѣшится его нарушить; но этотъ разсчетъ далеко не всегда оказывается вѣрнымъ. Возьмемъ хотя бы тотъ же самый еврейскій погромъ, о которомъ мы говорили выше. „Во время погрома,—читаемъ мы въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ",—крестьяне громко выражали сожалѣніе, что не устроили его еще 15-го мая, когда, во время гулянья, русскіе стали-было придираться къ евреямъ, толкать ихъ и бросать, но евреи имъ уступили и ушли съ гулянья. *Общее убѣжденіе относительно погрома, что онъ былъ обдуманъ и подготовленъ заранѣе*". Какимъ же образомъ могло случиться, что погромъ, заранѣе подготовленный, не только безпрепятственно начался, но и безпрепятственно окончился? Къ 12 часамъ дня 19-го февраля, по словамъ корреспонденціи, „разрушать уже почти нечего было"—а между тѣмъ, только въ это время пришла телеграмма о выѣздѣ въ Шполу кіевскаго губернатора, другихъ начальствующихъ лицъ и трехъ сотенъ уральскихъ казаковъ... Весьма характеристичны слова одного крестьянина, пришедшаго изъ сосѣдней деревни съ намѣреніемъ воспользоваться частью добычи, но возвращеннаго обратно, такъ какъ Шпола уже была занята казаками: „казалы, що можно бить жідівъ, алый-жъ воно брехня" (сказали, что можно бить жидовъ, а это оказывается вздоромъ). Еслибы крестьянамъ и мѣщанамъ заранѣе было объяснено, что бить и грабить евреевъ нельзя, то шпольскаго погрома, быть можетъ, не было бы вовсе или, во всякомъ случаѣ, онъ не принялъ бы такихъ громадныхъ размѣровъ.

Въ трудахъ коммиссіи, образованной, года четыре тому назадъ, для реорганизаціи общественнаго призрѣнія, произошелъ перерывъ, вызванный отказомъ К. К. Грота отъ предсѣдательства въ коммиссіи. Одному изъ самыхъ крупныхъ очередныхъ вопросовъ государственной и общественной жизни угрожала, такимъ образомъ, опасность долговременной отсрочки или возвращенія къ обычному бюрократическому производству. Теперь, повидимому, эта опасность устранена, благодаря комитету попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, состоящему подъ предсѣдательствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳедоровны. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій этого комитета возникъ вопросъ о томъ, желательно ли устройство правильной организаціи городского и земскаго общественнаго призрѣнія, въ видахъ созданія условій, благопріятныхъ для развитія дѣятельности домовъ трудолюбія. Комитетъ нашелъ, „что благотворительная помощь нуждающимся, несмотря на разнообразіе формъ, въ коихъ она проявляется, составляетъ, въ сущности, единое цѣлостное понятіе. Въ виду сего, ни одинъ изъ видовъ благотворительности не можетъ достигнуть полнаго расцвѣта и принести всю желаемую пользу, если одновременно не будутъ поставлены въ благопріятныя условія остальныя стороны того же дѣла. Правило это въ полной мѣрѣ примѣнимо къ домамъ трудолюбія, а потому попечительство не можетъ относиться безучастно къ дѣлу развитія и упорядоченія мѣстной благотворительности вообще. Обращаясь, затѣмъ, къ вопросу о томъ, на кого слѣдуетъ возложить заботу о направленіи и объединеніи ея, комитетъ принялъ на видъ, что въ помощи бѣдствующимъ, вызываемой чувствомъ состраданія и желаніемъ доставить непосредственное и немедленное облегченіе въ нуждѣ, ближе всего заинтересовано въ каждомъ пунктѣ мѣстное населеніе и избранные изъ его среды ȯрганы общественнаго управленія. Ихъ необходимо вызвать къ жизни, пробудить къ дѣятельности. Но для этого нужно, прежде всего, пересмотрѣть относящееся до благотворительности законодательство, облегчить способы организаціи общественныхъ силъ на борьбу съ разными видами нужды. Хотя вопросы эти не входятъ въ предѣлы вѣдѣнія попечительства, тѣмъ не менѣе комитетъ счелъ себя обязаннымъ высказаться по данному предмету и своимъ ходатайствомъ содѣйствовать разрѣшенію его въ установленномъ порядкѣ. Въ виду сего, комитетъ призналъ соотвѣтственнымъ предоставить своему вице-предсѣдателю войти по сему дѣлу въ сношеніе съ подлежащими вѣдомствами“. Это постановленіе комитета даетъ основаніе ожидать не только быстраго, но и правильнаго осуществленія вполнѣ назрѣвшей реформы. Чѣмъ больше распространено въ настоящее время отрицательное отношеніе къ зем-

скому и городскому самоуправленію, чѣмъ больше дѣятельность его ограничивается закономъ и стѣсняется на практикѣ, тѣмъ отраднѣе встрѣтить выраженіе довѣрія къ нему, едва ли могущее остаться безъ вниманія и безъ вліянія. Въ словахъ комитета какъ бы дается отвѣтъ тѣмъ порицателямъ земства, которые ставятъ ему въ вину недостаточность мѣръ, принятыхъ имъ для организаціи помощи бѣднымъ. По справедливому замѣчанію комитета, нужно сначала создать почву для такой организаціи. Только пересмотръ законовъ, касающихся общественнаго призрѣнія, дастъ земствамъ (и городамъ) возможность приступить къ дѣлу, для котораго у нихъ до сихъ поръ не было ни средствъ, ни силъ. Если Москва является, съ этой точки зрѣнія, изъятіемъ изъ общаго правила, то исключительно благодаря особымъ условіямъ столичной жизни. Ея примѣру могли бы послѣдовать Петербургъ и еще нѣсколько большихъ городовъ; во всѣхъ остальныхъ городахъ, тѣмъ болѣе—въ уѣздахъ, матеріальныя средства для широкаго, правильнаго и прочнаго устройства общественной помощи можетъ дать только спеціальный налогъ, личныя силы—только мелкая самоуправляющаяся единица. Ни того, ни другого нельзя достигнуть безъ коренныхъ перемѣнъ въ законодательствѣ объ общественномъ призрѣніи.

Хорошій урокъ противникамъ земства данъ также въ рѣчи волынскаго губернатора Ѳ. Ѳ. Трепова, при открытіи губернскаго совѣщанія, созваннаго для обсужденія вопроса о введеніи въ волынской губерніи земскихъ учрежденій. Обрисовавъ весьма наглядно неудовлетворительность порядковъ, обусловливаемыхъ отсутствіемъ земства, Ѳ. Ѳ. Треповъ указалъ на то, что всѣ отрасли народной жизни, въ земскихъ губерніяхъ стоящія на высокой ступени развитія, на Волыни находятся едва въ зачаточномъ состояніи; а между тѣмъ Волынь, „превосходя по своимъ природнымъ богатствамъ и географическому положенію многія мѣстности Россіи, при наличности общественной иниціативы и дѣятельности живыхъ общественныхъ силъ, могла бы быть одною изъ выдающихся по своему культурному и экономическому значенію губерній Россіи". Всѣ уѣздныя совѣщанія волынской губерніи высказались за введеніе въ ней положенія о земскихъ учрежденіяхъ, въ полномъ его объемѣ; къ этому заключенію, выслушавъ рѣчь губернатора, присоединилось и губернское совѣщаніе. Нужно замѣтить, что для сравненія губерніи неземской съ земскими Ѳ. Ѳ. Треповъ располагаетъ вполнѣ достаточными данными: онъ былъ нѣсколько лѣтъ вятскимъ губернаторомъ и видѣлъ во-очію, чего съумѣло достигнуть земство даже въ одной изъ самыхъ суровыхъ, самыхъ бѣдныхъ мѣстностей имперіи. Его рѣчь является лучшимъ отвѣтомъ реакціонной печати, силящейся

доказать, что хорошо живется россіянамъ только тамъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій.

Отмѣтимъ еще одно отрадное явленіе. Не одно только алексинское дворянство, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ обозрѣніи, оказалось способнымъ устоять противъ повѣтрія жалобъ и ходатайствъ, охватившаго дворянскія собранія. Послѣднее тамбовское губернское дворянское собраніе единогласно, безъ всякихъ преній—отклонило двѣ записки (одну—переданную полтавскимъ дворянствомъ, другую—составленную мѣстнымъ дворяниномъ), предлагавшія просить о пониженіи процентовъ по банковымъ ссудамъ, о новыхъ льготахъ для дворянскаго землевладѣнія [1]). Отрицательно собраніе отнеслось и къ предложенію своего члена кн. Цертелева (сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей" и „Русскаго Вѣстника"), настаивавшаго на избраніи коммиссіи для изслѣдованія причинъ упадка дворянскаго землевладѣнія. Тамбовскій уѣздный предводитель дворянства, г. Петрово-Соловово, возразилъ кн. Цертелеву, что земледѣльческій кризисъ, переживаемый Россіей, охватываетъ не одно дворянское землевладѣніе; онъ отражается не на однихъ интересахъ дворянства, интересы государства и народа имъ затрогиваются не менѣе; какихъ-либо особыхъ условій, порождающихъ кризисъ дворянскаго землевладѣнія, нѣтъ. Коммиссія не безполезна, но ее не должно ставить въ узко-сословныя рамки; пусть дворянство, какъ наиболѣе культурный классъ, дѣлаетъ первый шагъ къ созданію новаго типа хозяйства, но не на академической почвѣ, а на практической. Дворянинъ Измайловъ предложилъ избрать коммиссію для выработки мѣръ, при помощи которыхъ дворянское землевладѣніе могло бы выйти изъ затруднительнаго положенія не на почвѣ выпрашиваній и ходатайствъ, а на почвѣ самопомощи и самодѣятельности. „Пора уже,—воскликнулъ онъ,—перестать просить, просить и просить! На Бога надѣйся, а самъ не плошай". Предложеніе г. Измайлова принято собраніемъ. Въ этомъ разумномъ рѣшеніи „Гражданинъ" поспѣшилъ усмотрѣть... полную побѣду *антидворянской* партіи! Тамбовское дворянство—восклицаетъ кн. Мещерскій—„въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, какъ дворянское собраніе, выключило себя изъ русскаго дворянства и причислилось къ народу". Затѣмъ идетъ діатриба противъ г. Петрово-Соловово и противъ тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Челокаева, „имена которыхъ звучатъ ненавистью къ дворянству" и означаютъ „вождей либеральной партіи безсословныхъ землевладѣльцевъ". Что же сдѣлалъ, однако, кн. Челокаевъ? Въ корреспонденціи „Новаго Времени"

---

[1]) См. корреспонденцію изъ Тамбова въ № 7552 „Новаго Времени".

(послужившей единственнымъ поводомъ къ негодованію кн. Мещерскаго) о немъ сказано только, что онъ нашелъ ходатайство о нуждахъ дворянства въ *настоящее время* совершенно излишнимъ, такъ какъ ходатайствъ было очень много и всѣ нужды дворянъ правительству хорошо извѣстны; затѣмъ нужно не ходатайствовать, а ждать. Итакъ, простое нежеланіе повторять сто разъ сказанное есть уже измѣна интересамъ дворянства! Обязанность дворянскаго собранія — быть навязчивымъ и неотвязчивымъ просителемъ, разсчитывающимъ достигнуть цѣли если не убѣжденіемъ, такъ упорствомъ? „Мараты-предводители" (такъ называетъ „Гражданинъ" кн. Челокаева и г. Петрово-Соловово) „повелѣли" собранію „предать уничтоженію (!) всѣ ходатайства на имя Государя"—и оно подчинилось этому повелѣнію, „отдаливъ себя отъ всѣхъ (?) другихъ дворянствъ Россіи, для которыхъ не для подачекъ, а для попеченія и заботы о нихъ, Царь считается отцемъ и покровителемъ и, по примѣру своихъ предковъ, первымъ дворяниномъ имперіи". Куда мѣтятъ и съ чѣмъ соприкасаются подобныя выходки—это не требуетъ комментаріевъ. Усердствуя и шумя какъ бы въ защиту дворянства, кн. Мещерскій оказываетъ ему, въ то же время, по истинѣ медвѣжью услугу: принятіе тамбовскимъ дворянствомъ предложенія г. Измайлова онъ объясняетъ властнымъ внушеніемъ кн. Челокаева и г. Петрово-Соловово, „отлично знавшихъ, что дворянство безъ помощи правительства, *разумѣется*, ничего не можетъ выработать цѣльнаго и общаго". Такого testimonium paupertatis не выдавали дворянству и самые ревностные противники дворянскихъ льготъ и привилегій!.. Рекомендуемъ „благосклонному" вниманію кн. Мещерскаго еще одного „измѣнника дворянскимъ интересамъ": новаго черниговскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Н. Д. Долгорукова. Привѣтствуя у себя въ первый разъ губернскихъ гласныхъ, кн. Долгоруковъ выразился такъ: „мѣстному самоуправленію, его здоровому и правильному развитію я придаю такое важное значеніе въ жизни государства, что *не вѣрить въ будущность земства для меня равносильно отсутствію вѣры въ будущность Россіи*". Со стороны дворянина, да еще губернскаго предводителя дворянства, это, очевидно, смертный грѣхъ. Чтобы заслужить одобреніе „Гражданина", кн. Долгорукову слѣдовало бы связать вѣру въ будущность Россіи съ вѣрою въ будущность не земства, а дворянства, и притомъ дворянства именно такого, какимъ оно является въ настоящее время...

Ревнители дворянскихъ интересовъ раздѣляются у насъ, какъ извѣстно, на двѣ главныя группы. Одна изъ нихъ идетъ на про-

ломъ, откровенно заботясь только о помѣстномъ дворянствѣ, или утверждая, что все полезное для него полезно и необходимо для самого правительства; другая, болѣе искусная, старается отожествить потребности дворянъ-землевладѣльцевъ съ потребностями всего населенія. Припомнимъ, напримѣръ, восклицаніе одного изъ бывшихъ губернскихъ предводителей дворянства, приведенное въ нашемъ предыдущемъ обозрѣніи: „нѣтъ, мы не *извѣстная группа землевладѣльцевъ*! Мы—представители интересовъ землевладѣнія всей Россіи, представители нуждъ и нашихъ, и крестьянскихъ, и общегосударственныхъ"! Въ этой короткой формулѣ выразилась цѣлая теорія, очень распространенная и сильно претендующая на авторитетность. Понятно, какой переполохъ должно было произвести въ средѣ ея приверженцевъ появленіе книги, въ короткое время обратившей на себя общее вниманіе—изслѣдованія о „Вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства". Представляя собою результатъ труда двѣнадцати русскихъ экономистовъ, большею частью весьма извѣстныхъ и работавшихъ подъ руководствомъ такихъ ученыхъ, какъ А. И. Чупровъ и А. С. Посниковъ, это изслѣдованіе приходитъ къ выводамъ, прямо противоположнымъ дипломатически-дворянской формулѣ. Высокія цѣны на хлѣбъ оказываются выгодными только для небольшой, сравнительно, группы среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, низкія—для массы населенія. Противъ такого заключенія ополчилась, прежде всего, реакціонная печать: „Московскія Вѣдомости" посвятили изданію гг. Чупрова и Посникова длинный рядъ статей, подъ общимъ заглавіемъ: „Странная книга". Это было въ порядкѣ вещей: солидарность (т.-е. *мнимая* солидарность) всѣхъ землевладѣльческихъ интересовъ—такой драгоцѣнный аргументъ для единомышленниковъ московской газеты, что она не можетъ отказаться отъ него безъ отчаяннаго сопротивленія. Нужно, притомъ, отдать ей справедливость: споръ былъ веденъ ею на этотъ разъ въ приличной, сдержанной формѣ, безъ экскурсій въ область, не имѣющую ничего общаго съ наукой. Столь же безукоризненны были, въ этомъ отношеніи, и многія возраженія, выставленныя противъ А. И. Чупрова и его сотрудниковъ (въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ) систематическими противниками натуральнаго хозяйства, видящими въ капитализмѣ необходимую стадію развитія, черезъ которую должна пройти и Россія. Инымъ характеромъ отличались рѣчи двухъ с.-петербургскихъ профессоровъ, не принадлежащихъ ни къ лагерю дворянскихъ экономистовъ, ни къ той группѣ, которую принято соединять подъ знаменемъ „экономическаго матеріализма". Воздерживаясь отъ всякихъ попытокъ объяснить это странное явленіе, мы остановимся только на двухъ главныхъ обвиненіяхъ, взведенныхъ на авторовъ и редакторовъ „Вліянія

хлѣбныхъ цѣнъ": они подчинили, будто бы, науку административному воздѣйствію—и создали оправданіе и основу для оффиціальнаго оптимизма, убаюкивающаго себя мыслью объ увеличеніи народнаго благосостоянія. А. И. Чупровъ какъ бы предвидѣлъ сущность этихъ обвиненій. Еще прежде, чѣмъ они были формулированы, онъ объяснилъ (въ вступительной рѣчи, которою открылись пренія въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ), что вопросъ о томъ, увеличивается ли народное благосостояніе, имъ и его сотрудниками не затрогивался и не разрѣшался [1]; они не выходили за предѣлы вліянія хлѣбныхъ цѣнъ, какъ одного изъ многихъ факторовъ экономической жизни. И въ самомъ дѣлѣ, кому придетъ въ голову разсуждать, напримѣръ, такъ: эпидеміи приносятъ громадный вредъ народу; въ послѣдніе годы не было особенно острыхъ и распространенныхъ эпидемій; ergo—народное благосостояніе возросло. Не ясно ли, что его росту, и при отсутствіи эпидемій, могло мѣшать многое другое? Не ясно ли, что опредѣлять общій уровень народнаго благосостоянія и констатировать его повышеніе или пониженіе можно только на основаніи всесторонняго изученія *всѣхъ* условій, отъ которыхъ оно зависитъ, въ ихъ совокупности и взаимодѣйствіи? Сказать: „низкія хлѣбныя цѣны благопріятны для массы населенія"—вовсе не значитъ подтвердить чьи бы то ни было оптимистическія воззрѣнія: это значитъ только установить (правильно или неправильно—объ этомъ мы теперь не говоримъ) фактъ существенно важный, но отнюдь не исчерпывающій собою оцѣнку цѣлаго момента народной жизни. Объ „административномъ воздѣйствіи" на научный выводъ здѣсь тѣмъ меньше можетъ идти рѣчь, что низкія хлѣбныя цѣны вовсе не являются послѣдствіемъ административныхъ мѣропріятій, и вредное ихъ вліяніе—еслибы оно было обнаружено—отнюдь не могло бы быть поставлено въ вину администраціи. Еще менѣе серьезны упреки, основанные на перепечаткѣ, въ введеніи къ книгѣ, небольшого отрывка изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ. Изъ той же вступительной рѣчи А. И. Чупрова, на которую мы уже ссылались, видно, что въ составъ доклада вошла часть записки, представленной министру, въ концѣ 1894 г., гг. Посниковымъ и Чупровымъ: можно говорить, слѣдовательно, о воздѣйствіи науки на администрацію, но ужъ никакъ не о воздѣйствіи администраціи на науку... Или, быть можетъ, все изслѣдованіе было направлено къ тому, чтобы подтвердить, во что бы то ни стало, заранѣе выраженную догадку о значеніи низкихъ и высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ? Нѣчто въ этомъ родѣ высказывалось во время преній въ Вольномъ Экономическомъ Обще-

---

[1] Мы цитируемъ по отчету, напечатанному въ „Новомъ Времени" (№ 7548).

ствѣ—но опровергать подобное предположеніе мы считаемъ излишнимъ: оно падаетъ само собою, въ виду именъ изслѣдователей и всего характера ихъ труда. Коллективная фальсификація фактовъ и цифръ, продѣланная исключительно съ цѣлью оправдать мимоходомъ брошенную мысль—это нѣчто небывалое въ исторіи науки, русской и европейской; создать подобную фантасмагорію могло только болѣзненно-настроенное воображеніе отдѣльныхъ лицъ... Достаточнымъ отвѣтомъ на подозрѣнія и намеки послужили оваціи, сдѣланныя А. И. Чупрову въ концѣ преній Вольнаго Экономическаго Общества, а на другой день—въ кружкѣ многочисленныхъ его почитателей и въ собраніи экономистовъ. Теперь наступило время для строго-объективной оцѣнки труда, которое можетъ имѣть и нѣкоторыя слабыя стороны, но несомнѣнно заключаетъ въ себѣ много новаго и цѣннаго для экономической науки и экономической практики.

Когда приближается заря, ночныя птицы приходятъ въ безпокойство и смущеніе. Въ нашей печати есть свои ночныя птицы, отличительною чертою которыхъ служитъ страхъ не только передъ свѣтомъ, но и передъ мыслью о свѣтѣ. Онѣ встрѣчаютъ ее долгимъ, оглушительнымъ крикомъ, стараясь подавить, уничтожить ее въ самомъ началѣ, не дать ей вылиться въ опредѣленную форму. Такая встрѣча выпала на долю вопроса о всесословной волости, какъ только сдѣланы были первыя попытки вспрыснуть его живой водой. Совершенно забытымъ онъ никогда не былъ [1]). Кто стоялъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, за утвердительное его рѣшеніе—и не совершилъ, съ тѣхъ поръ, эволюціи въ противоположную сторону,—тотъ не могъ не видѣть, что каждый годъ, каждое крупное событіе въ народной жизни, каждая перемѣна въ законодательствѣ о крестьянахъ, приносили съ собою все болѣе и болѣе убѣдительные аргументы въ пользу всесословной волости. Если о ней, тѣмъ не менѣе, говорилось мало и рѣдко, то это объясняется обстоятельствами, не позволявшими даже мечтать о скоромъ ея осуществленіи. Чтобы вновь выдвинуть ее на очередь, нуженъ былъ только поводъ—и такимъ поводомъ явился предпринятый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ пересмотръ положеній о крестьянахъ. Обсуждая, два съ половиной года тому назадъ [2]), программу вопросовъ, предложенныхъ министер-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, напримѣръ, высказавшись за всесословную волость еще въ 1881 г. (№№ 7 и 11), возвращался къ ней не только въ эпоху дѣятельности Кахановской коммиссіи (см. Внутр. Обозр. въ № 11 за 1883 и въ № 11 за 1884 г.), но и позже, настойчиво и неоднократно (см., напр., Внутр. Обозрѣніе въ № 12 за 1888 г., №№ 2, 10 и 12 за 1893 г., № 3 за 1894 г.).

[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г.

ствомъ на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній, мы указали на то, что волостная организація, едва затронутая программой, составляетъ, въ сущности, „самую слабую сторону мѣстнаго административнаго строя. Волостные старшины и волостныя правленія давно уже обратились, de facto, въ органы общаго, а не спеціально-крестьянскаго управленія; волостной сходъ не играетъ почти никакой роли въ хозяйственной жизни крестьянства, ограничиваясь выборомъ должностныхъ лицъ и раскладкой волостныхъ мірскихъ сборовъ, значительно бо̀льшая часть которыхъ опять-таки идетъ не на спеціально-крестьянскія надобности. При такомъ положеніи дѣла, частныя измѣненія въ составѣ волостного схода не могутъ имѣть никакого значенія; существенной перемѣной къ лучшему была бы только замѣна крестьянской волости другою территоріальною единицею, общесословною и самоуправляющеюся". Теперь пересмотръ узаконеній о крестьянахъ вступилъ, какъ извѣстно, въ новый фазисъ: при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образована, подъ предсѣдательствомъ министра, особая коммиссія, для выработки законопроекта, долженствующаго замѣнить или измѣнить положенія 19 февраля 1861 г. Извѣстіе объ этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, усилило интересъ ко всему касающемуся крестьянскаго быта и, въ томъ числѣ, къ всесословной волости. О ней заговорили въ газетахъ, не исключая даже тѣхъ, которыя еще недавно относились къ ней скептически или равнодушно; вспомнило о ней и земство, какъ о нормальной основѣ земскаго самоуправленія. Этого было достаточно, чтобы встревожить мраколюбивую печать. Съ ея „московской" сторожевой башни раздались выстрѣлы, сигнализирующіе опасность. Согласно боевому обычаю, усвоенному со времени послѣдней мобилизаціи реакціоннаго лагеря, эти выстрѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ, съ короткими промежутками. Пускается въ ходъ, какъ всегда, съ одной стороны устрашеніе, съ другой—крючкотворство. Возраженіямъ „по существу" предпосылаются „отводы", fins de non recevoir. Остановимся прежде всего на этихъ полемическихъ прелиминаріяхъ.

Первый „отводъ" основанъ на томъ, что вопросъ о всесословной волости не имѣетъ ничего общаго съ пересмотромъ положеній о крестьянахъ и что связывать ихъ между собою можно только въ силу „укоренившейся съ шестидесятыхъ годовъ манеры расширять всякій вопросъ до необъятныхъ предѣловъ" — манеры, которую „нельзя осудить достаточно энергичнымъ образомъ". „Расширеніе преобразованія чисто-крестьянскихъ уставовъ и порядковъ до преобразованія всего мѣстнаго управленія" признается столь же ненормальнымъ, какъ, напримѣръ, „расширеніе медицинскимъ съѣздомъ вопроса о санитарномъ устройствѣ до предѣловъ вопроса о земскомъ или не-

земскомъ мѣстномъ управленіи". „И у насъ это всегда такъ,—восклицаетъ съ благороднымъ негодованіемъ московская газета: — начнутъ съ отдѣльныхъ вопросовъ о волостныхъ старшинахъ, десятскихъ и сотскихъ, перейдутъ къ пересмотру крестьянскаго положенія въ его цѣломъ, и закончатъ чуть что не критикой существующаго государственнаго устройства". Въ пылу гнѣва здѣсь упущено изъ виду, что переходъ отъ отдѣльныхъ вопросовъ (о волостныхъ старшинахъ и т. п.) къ пересмотру цѣлаго положенія о крестьянахъ совершонъ не печатью и не земскими собраніями, а самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Разъ что онъ совершился, раздвинулись, сами собою, и рамки изслѣдованія, предшествующаго преобразованію. Замѣнить избраніе волостныхъ старшинъ и другихъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ назначеніемъ ихъ по усмотрѣнію земскаго начальника можно было бы, конечно, и не касаясь другихъ сторонъ мѣстнаго управленія — и для обожателей „властной руки" весьма желательно было бы, конечно, этимъ и ограничить всю реформу. Другое дѣло—общій пересмотръ „узаконеній о сельскомъ состояніи". Сельское состояніе, въ настоящее время, обнимаетъ собою не однихъ только крестьянъ. Обитатели деревни становятся все болѣе и болѣе разнородны по своему составу — и этого не можетъ упускать изъ виду законодатель, еще въ 1889 г. подчинившій живущихъ въ уѣздѣ мѣщанъ, цеховыхъ, ремесленниковъ и посадскихъ крестьянской полиціи и крестьянскому суду. Все болѣе и болѣе волостныя и сельскія власти пріобрѣтаютъ характеръ органовъ общаго управленія, а значительная часть мірскихъ сборовъ — характеръ государственнаго налога. Все болѣе и болѣе чувствуется недостатокъ живой связи между земскими и крестьянскими учрежденіями, задачи которыхъ во многомъ аналогичны или даже тожественны. Успѣшно привести къ концу пересмотръ положеній о крестьянахъ, не затронувъ мѣстнаго управленія, совершенно немыслимо. Крестьянскій вопросъ уже давно, силою вещей, пересталъ быть вопросомъ сословнымъ; несмотря на всѣ искусственныя задержки, „крестьянское сословіе" становится частью „сельскаго состоянія", обнимающаго собою, de facto, все негородское населеніе имперіи... Сторожевая пресса оказывается здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, болѣе католическою, чѣмъ папа. Одновременно съ газетными статьями, старающимися стереть съ лица земли самый вопросъ о всесословной волости, въ печати появилось извѣщеніе земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ о поступленіи въ продажу свода заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру узаконеній о сельскомъ состояніи, въ видахъ ознакомленія съ нимъ всѣхъ тѣхъ, кто, „по служебному своему положенію, научнымъ занятіямъ или практической

дѣятельности, интересуется этой работой". По заявленію земскаго отдѣла, „всякаго рода сообщенія, статьи и замѣтки по вопросамъ, составляющимъ предметъ свода, *либо по инымъ до устройства сельскаго состоянія относящимся*, будутъ приняты въ должное вниманіе при пересмотрѣ узаконеній о сельскихъ обывателяхъ и найдутъ себѣ мѣсто въ разработываемыхъ нынѣ для этого законодательнаго труда матеріалахъ". Доказать, что вопросъ о бытіи или небытіи спеціально-крестьянской волости *не относится до устройства сельскаго состоянія* — это задача, съ которою не справятся даже патентованные казуисты реакціонной печати.

Второй „отводъ", предъявляемый гг. казуистами, формулированъ такъ: *всесословная волость безусловно несовмѣстима съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ*. Другими словами—учрежденіе земскихъ начальниковъ, во всѣхъ своихъ деталяхъ, должно навсегда оставаться ненарушимымъ и неприкосновеннымъ, или измѣняться лишь въ смыслѣ дальнѣйшаго расширенія его сферы дѣйствій и круга власти. Такое положеніе, очевидно, не выдерживаетъ критики. Нѣтъ учрежденія, которое не подлежало бы, съ теченіемъ времени, перемѣнамъ—и, притомъ, перемѣнамъ не въ одномъ только заранѣе предрѣшенномъ направленіи. Допустимъ, однако, что для учрежденія земскихъ начальниковъ моментъ болѣе или менѣе коренныхъ преобразованій еще не насталъ и настанетъ не скоро. И въ этомъ случаѣ „отводъ" не имѣетъ никакой силы, по той простой причинѣ, что всесословная волость не есть нѣчто неподвижное, неизмѣняемое, всегда равное самому себѣ: при однихъ условіяхъ она можетъ быть организована такъ, при другихъ—иначе. „Та всесословная волость,—писали мы болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ [1]), какъ бы предусматривая главное возраженіе нашихъ противниковъ, — *та* всесословная волость, которая проектировалась земствомъ и печатью въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ эпоху расцвѣта земской жизни, предполагаетъ, конечно, совершенно иную систему мѣстнаго управленія, чѣмъ существующая въ настоящее время; но типовъ всесословной волости много, и если въ данную минуту нельзя осуществить лучшаго изъ нихъ, то это еще не значитъ, что нужно отказаться и отъ всѣхъ другихъ". Что въ всесословной волости нѣтъ ничего безусловно несовмѣстимаго съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ—этому можно привести слѣдующее вѣское доказательство. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ введенія въ дѣйствіе узаконеній 12-го іюля 1889 г., выдающійся государственный дѣятель, теперь умершій, возражалъ противъ законопроекта, стоявшаго тогда на очереди, указаніемъ на недостаточность отры-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстн. Европы" за 1893 г.

вочныхъ мѣропріятій и на необходимость достройки зданія, воздвигнутаго Положеніями 19-го февраля, на основаніи этихъ Положеній и по твердо установленному плану. Онъ находилъ, что какъ село, такъ и волость, страдаютъ у насъ отсутствіемъ правильнаго устройства, являясь учрежденіями сословными, крестьянскими, а не государственными; крестьянское населеніе, какъ бы близко ни соприкасались его интересы съ интересами прочихъ жителей села или волости, стоитъ особнякомъ не только по дѣламъ крестьянскимъ, но и по дѣламъ касающимся всего мѣстнаго населенія. Есть сборы мірскіе, есть сборы волостные, но къ нимъ не привлекаются другія, живущія на мѣстахъ сословія. При подобномъ общественномъ неустройствѣ селъ и волостей, нельзя и думать о надлежащемъ веденіи сельскаго общественнаго хозяйства, о составленіи сельскихъ и волостныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ, о вліяніи болѣе образованныхъ классовъ, т.-е., главнымъ образомъ, дворянства, на благоустройство селеній. Безъ сельскаго общественнаго устройства, съ опредѣленными правами и обязанностями для всѣхъ жителей села, крестьянство останется темной массой, а образованные классы—безъ вліянія на его благосостояніе... Рекомендовалось, такимъ образомъ, не только устройство всесословной волости, но и устройство всесословнаго села; а между тѣмъ въ томъ же мнѣніи учрежденіе земскихъ начальниковъ признавалось, по своей мысли, въ высшей степени благотворнымъ. Не ясно ли, затѣмъ, все безсиліе аргументаціи, устрашающей всесословную волость простою ссылкой на существованіе земскихъ начальниковъ? Не ясно ли, что послѣднимъ обусловливается развѣ только *способъ* осуществленія всесословной волости, но отнюдь не самая ея возможность?

Съ пріемомъ, заимствованнымъ изъ области гражданскаго процесса, газетные обскуранты соединяютъ пріемъ уголовнаго свойства: отъ „отводовъ" они переходятъ къ заподозриванью и устрашенію. *Всесословную* волость они признаютъ только ширмой для волости *безсословной*, „излюбленнаго дѣтища либеральныхъ эгалитаристовъ, съ которымъ они носились еще во времена графа Лорисъ-Меликова". „Печальной извѣстности" тверское земство „приложило тогда не мало трудовъ для проведенія этой реформы, долженствовавшей окончательно сгубить нашу деревню". Въ эпоху „конституціонныхъ бредней", эта реформа обсуждалась особенно усиленно и съ бо̀льшею откровенностью, чѣмъ теперь: „учрежденіе, имѣвшее прямою и несомнѣнною цѣлью разрушеніе сословій и сословныхъ отличій, такъ прямо и называлось *безсословная* волость. Теперь люди стали хитрѣе, и эпитетъ *безсословная* замѣнили болѣе корректнымъ эпитетомъ *всесословная*. Но неужели эти хитрости введутъ кого-либо въ заблуж-

деніе"? Во всей этой тирадѣ недомолвки переплетены съ прямымъ искаженіемъ истины. Возбужденіе, въ 1880 г., вопроса о всесословной или безсословной волости приписано одному только „печальной извѣстности" тверскому земству, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ поставленъ на очередь въ разныхъ концахъ Россіи и многими земскими собраніями (въ томъ числѣ, напр., и с.-петербургскимъ, никогда „печальною извѣстностью" не пользовавшимся) разрѣшенъ утвердительно. Уже тогда эпитеты „всесословная" и „безсословная" употреблялись безразлично [1]), одинъ вмѣсто другого, потому что они вовсе другъ друга не исключаютъ. *Безсословная волость* столь же мало предполагала „разрушеніе сословій и сословныхъ отличій", какъ и *безсословное земство,* существовавшее у насъ съ 1864 до 1890 г. и, въ свою очередь, часто именовавшееся *всесословнымъ*. И тамъ, и здѣсь, оба слова относились къ одному и тому же явленію, указывая только на разныя его стороны. *Всесословными* реальное земство и проектируемая волость являлись въ томъ смыслѣ, что соединяли въ себѣ всѣ сословія, а *безсословными*—въ томъ смыслѣ, что расчленялись и организовались не по сословіямъ. Подобно тому, какъ въ прежнихъ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ личные землевладѣльцы-дворяне участвовали наравнѣ съ не-дворянами, право и степень участія въ преобразованныхъ волостныхъ сходахъ предполагалось поставить въ зависимость отъ землевладѣнія, а не отъ принадлежности къ тому или другому сословію. Если, въ продолженіе цѣлой четверти вѣка, соединеніе дворянъ и не-дворянъ въ одномъ и томъ же земскомъ избирательномъ съѣздѣ не уничтожило дворянства, какъ сословія, то гдѣ же основаніе предполагать, что его „сословнымъ отличіямъ" положилъ бы конецъ смѣшанный составъ волостного схода? Если выраженіе: *всесословная волость* уже давно, съ половины восьмидесятыхъ годовъ, взяло верхъ надъ выраженіемъ: *безсословная волость*,—то это объясняется вовсе не какимъ-нибудь обдуманнымъ разсчетомъ, не какою-либо „хитростью", а просто тѣмъ, что первое выраженіе шире второго, одинаково подходя къ разнообразнымъ типамъ мелкой земской единицы.

Возраженія противъ всесословной волости *по существу*, т. е. съ точки зрѣнія справедливости и цѣлесообразности, въ реакціонной печати являются не чѣмъ инымъ, какъ варіаціями на тему о несовмѣстимости всесословной волости съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ. Интересны здѣсь только признанія, невольно дѣлаемыя реакціонною печатью. „Введеніе въ составъ волостей",—читаемъ мы въ

---

[1]) Въ этомъ можно убѣдиться хотя бы просмотромъ „Вѣстника Европы" за 1881 годъ.

„Московскихъ Вѣдомостяхъ“,—„образованнаго и привычнаго къ дѣлу управленія элемента населенія, въ видѣ помѣстнаго дворянства, можетъ имѣть своимъ оправданіемъ только поднятіе волостной администраціи на бо̀льшую высоту и приданіе ей бо̀льшей самостоятельности. Но и эта высота, и эта самостоятельность, совершенно несовмѣстимы съ административнымъ положеніемъ земскаго начальника“. Pas trop de zèle!—могутъ воскликнуть, по этому поводу, единомышленники московской газеты. Въ избыткѣ рвенія она не замѣчаетъ, какой выводъ вытекаетъ самъ собою изъ ея словъ. „Поднятіе волостной администраціи на бо̀льшую высоту“ есть, очевидно, не зло, а благо—и если ему препятствуетъ „административное положеніе земскаго начальника“, то это положеніе, очевидно, подлежитъ измѣненію. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать всякую іоту въ правахъ и полномочіяхъ земскаго начальника такой святыней, которой должно быть принесено въ жертву благосостояніе населенія; нельзя же утверждать, что администрація не должна улучшаться, разъ что улучшеніе ея могло бы быть достигнуто только путемъ ограниченія власти земскаго начальника. Защитникамъ всесословной волости приписывается желаніе, „въ видахъ политическаго и соціальнаго равенства, лишить помѣщика-дворянина особаго привилегированнаго положенія, ввести его въ общіе ряды, заставить его нести спеціально-крестьянскіе налоги, ввести его имѣніе въ территорію волости и распространить на него попечительность крестьянскихъ волостныхъ властей“. Всѣмъ этимъ,—продолжаетъ газета,—„сразу достигались самыя разнообразныя цѣли. *Во-первыхъ*, торжествовалъ принципъ равенства, и дворянинъ смѣшивался въ одну толпу съ крестьяниномъ; *во-вторыхъ*, карманъ дворянина-помѣщика открывался, и, быть можетъ, даже весьма широко, для нуждъ почти исключительно крестьянскихъ; *въ-третьихъ*, со введеніемъ дворянства въ составъ волости становился совершенно невозможнымъ какой бы то ни было начальственный надзоръ надъ волостью, ибо такой надзоръ никакъ не мирился бы ни съ бытомъ дворянства, ни съ его нравами и привычками, какъ высшаго культурнаго сословія, ни съ его государственными правами, а съ устраненіемъ надзора сама собою разрывалась бы связь государственной власти съ народомъ; *въ-четвертыхъ*, безсословная волость открывала широкій просторъ приложенію труда разночинства, переименованнаго въ интеллигенцію, и широкому политическому вліянію этой интеллигенціи на народную массу, а слѣдовательно на государственную и народную жизнь вообще“. Ужасовъ нагромождена цѣлая масса—но при ближайшемъ разсмотрѣніи они оказываются похожими на чучела, выставляемыя въ садахъ какъ пугала для воробьевъ. Въ земствѣ дворяне цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ „смѣшивались въ одну

толпу съ крестьянами"—и никакого ущерба для дворянства отъ этого не произошло; оно осталось привилегированнымъ сословіемъ, о торжествѣ „принципа равенства" не было и рѣчи. Въ томъ же земствѣ „карманъ дворянина открылся", между прочимъ, „для нуждъ почти исключительно крестьянскихъ"—и открылся, въ значительной степени, по иниціативѣ самихъ дворянъ, съумѣвшихъ понять, что въ удовлетвореніи нужды, *повидимому* „почти исключительно крестьянской" (напр. нужды въ начальномъ обученіи), заинтересовано, на самомъ дѣлѣ, все населеніе. Весьма многіе изъ числа мірскихъ расходовъ имѣютъ, притомъ, совершенно общій характеръ—а тѣ изъ нихъ, которые идутъ *только* на пользу крестьянъ, и въ всесословной волости могли бы лежать по прежнему на однихъ крестьянахъ [1]). Что вступленіемъ дворянства въ составъ волости не исключался бы правительственный надзоръ надъ нею — это доказывается съ достаточною ясностью существованіемъ надзора надъ земствомъ, усиленнаго именно тогда, когда численный перевѣсъ въ земскихъ собраніяхъ былъ обезпеченъ за дворянствомъ. Или, быть можетъ, подъ именемъ „начальственнаго надзора" надъ всесословной волостью московская газета понимаетъ полное подчиненіе ея земскому начальнику? *Такой* надзоръ, конечно, сдѣлалъ бы излишнимъ самое учрежденіе всесословной волости—но онъ вовсе не нуженъ для поддержанія „связи между государственною властью и народомъ". Что касается до „разночинства" и „интеллигенціи" (совершенно неправильно отождествляемыхъ московскою газетою), то преобладающей роли въ всесословной волости они не могли бы играть уже вслѣдствіе ихъ крайней малочисленности—а „приложеніе труда" интеллигенціи къ волостнымъ дѣламъ было бы весьма полезно. Если мѣстная жизнь развивается у насъ такъ вяло и туго, то это обусловливается, отчасти, именно тѣмъ, что въ сторонѣ отъ нея остаются цѣлыя группы лицъ, способныхъ сослужить ей большую службу.

Съ точки зрѣнія реакціонной печати, „лучшіе и наиболѣе способные элементы деревни" и теперь уже принимаютъ достаточное участіе въ ея дѣлахъ... въ лицѣ земскихъ начальниковъ! Смѣшеніе понятій достигаетъ здѣсь крайнихъ предѣловъ. Поглощенные административными и судебными функціями, земскіе начальники не имѣютъ ни времени, ни возможности заботиться о хозяйственныхъ нуждахъ населенія; они не располагаютъ и необходимыми для того средствами, какъ потому, что мірскими сборами распоряжаются, *по закону*, волостные и сельскіе сходы, такъ и въ особенности потому,

---

[1]) Вопросъ о справедливомъ распредѣленіи мірскихъ расходовъ между крестьянами и лицами другихъ сословій разобранъ нами подробно въ внутр. обозрѣніяхъ №№ 10 и 12 „Вѣстн. Европы" за 1898 г.

что значительная и наиболѣе достаточная часть сельскаго населенія не принимаетъ никакого участія въ расходахъ по волостному и сельско-общественному хозяйству. Болѣе чѣмъ странно предполагать, что 5—10 должностныхъ лицъ на уѣздъ, *вліяніе* которыхъ сплошь и рядомъ обратно пропорціонально ихъ *власти*, могутъ замѣнить собою нѣсколько десятковъ или сотенъ развитыхъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ людей, живущихъ на мѣстѣ, пользующихся довѣріемъ населенія, раздѣляющихъ его потребности и относящихся къ нему не какъ начальство, а какъ первые между равными. Масса силъ пропадаетъ теперь понапрасну и будетъ пропадать до тѣхъ поръ, пока работа въ деревнѣ и на пользу деревни будетъ доступна для помѣстныхъ дворянъ только подъ условіемъ поступленія въ земскіе начальники. Въ среду помѣстнаго дворянства, какъ и въ среду остальнаго не-крестьянскаго населенія уѣздовъ, давно уже проникло сознаніе общности интересовъ, обусловливаемой одинаковостью или однородностью бытовыхъ условій. Чтобы сдѣлаться общераспространеннымъ и плодотворнымъ, это сознаніе нуждается только въ одномъ: въ санкціи закона, въ установленіи такого порядка вещей, при которомъ совмѣстный трудъ всѣхъ сословій былъ бы возможенъ не только въ уѣздѣ, но и въ болѣе мелкой территоріальной единицѣ. Замедленіе наступленія этого момента можетъ тормазить естественный ходъ народной жизни и наносить неисчислимый вредъ народному благу.

КРИЗИСЪ И „МУЖИКЪ".

Письмо въ Редакцію.

Вышедшая недавно подъ редакціею профессора А. И. Чупрова книга: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства", заключаетъ въ себѣ массу статистическаго матеріала; она подтвердила, между прочимъ, мнѣніе, что ни хорошій урожай, ни низкія хлѣбныя цѣны, не могутъ имѣть общаго убыточнаго вліянія на означенное хозяйство, а собственно низкія цѣны, если приносятъ потери одной части хозяевъ, то большинству крестьянскаго населенія не убыточны, а благопріятны. „Введеніе" этой книги констатируетъ, „что повышеніе урожаевъ отражается благопріятно на крестьянскихъ бюджетахъ при всякомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ"; а немного далѣе говоритъ: „на бюджеты съ остатками высокія цѣны дѣйствуютъ выгодно, а низкія невыгодно; на бюджеты же съ дефицитами, наоборотъ, высокія хлѣбныя цѣны вліяютъ въ неблагопріятномъ, а низкія — въ благопріятномъ смыслѣ. Такъ какъ при обычныхъ среднихъ условіяхъ крестьянскіе бюджеты характеризуются самымъ незначительнымъ остаткомъ, и такъ какъ сѣверная часть Россіи — преимущественно сѣверныя, сѣверо-западныя и западныя губерніи — потребляютъ не малую долю покупного хлѣба, то наиболѣе выгодною комбинаціею для крестьянскихъ бюджетовъ вообще оказываются высокіе урожаи и низкія цѣны на хлѣбъ".

Итакъ, хорошіе урожаи выгодны всѣмъ, а вліяніе низкихъ цѣнъ, на которыя столько лѣтъ слышатся у насъ жалобы—двойственно: одной части населенія онѣ убыточны, а другой—выгодны. Мнѣніе это въ сущности не ново, и его признавали многіе въ то самое время, когда у насъ лились рѣчи о бѣдствіяхъ переполненія страны хлѣбомъ, и когда, въ силу крупнаго недомыслія, или по мотивамъ храброй односторонней тенденціозности, у насъ договарились даже до желанія Россіи „хорошенькаго неурожая", а пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ выставляли разореніемъ *всего* сельскаго хозяйства. И вотъ, появленіе книги г. Чупрова вызвало разныя выраженія неудовольствія. Съ одной стороны, посыпались рѣзкія замѣчанія на неудовлетворительность данныхъ, послужившихъ основаніемъ для выводовъ, а съ другой—выступило раздраженіе тѣхъ, которые долго силились выста-

вить невыгоды одной (правда, очень значительной) части хозяевъ—общимъ бѣдствіемъ страны.

Удивляться этимъ неудовольствіямъ нечего. Не касаясь замѣчаній первыхъ (критиковъ статистическихъ данныхъ), нельзя не вспомнить, что вопросъ объ урожаяхъ и цѣнахъ у насъ слишкомъ долго трактовали съ узкой, односторонней точки зрѣнія, настаивая на широкомъ обобщеніи убытковъ части хозяевъ отъ дешевизны хлѣба. Сосредоточивая все вниманіе на интересахъ этой части, старались увѣрять, что невыгодное ей—невыгодно всему русскому населенію. Удивляться можно скорѣе тому, что для опроверженія столь явной нелѣпости, какъ вредъ обильныхъ урожаевъ, пришлось обращаться къ особому изслѣдованію, къ изданію объемистой, двухтомной книги. Но что̀ прикажете дѣлать, если у насъ и нелѣпости получаютъ широкое обращеніе, нерѣдко становясь ходячимъ мнѣніемъ. Помиритесь на минуту съ подобною нелѣпостью—и что̀ за курьезныя потекутъ мысли! Если урожай вреденъ, а неурожай полезенъ, то, значитъ, каждый хозяинъ долженъ желать, чтобы масса его усилій и народнаго труда оставалась какъ можно безплоднѣе; бросая въ землю зерно, онъ долженъ всею душою обрекать его на гибель, только о томъ и думая, какъ бы плоды его неустаннаго труда и затратъ вышли поменьше,—если не пропали совсѣмъ. Мечты о прибавкѣ для одной части хозяевъ полученія „денегъ" заводили въ такія дебри запутанныхъ понятій, что увеличеніе въ странѣ столь важной матеріальной цѣнности, какъ хлѣбъ, представлялось зломъ, а обѣднѣніе этою цѣнностью — настоящимъ благомъ. Но такъ у насъ водится, такъ наша печь печетъ! И сколько экономическихъ уродливыхъ призраковъ выдвигали передъ нами въ самое послѣднее время!

Вопросъ о цѣнахъ, конечно, сложнѣе вопроса объ урожаяхъ, и жалобы на низкій уровень ихъ болѣе объяснимы. Если крутое пониженіе цѣнъ вредитъ и части хозяевъ, все же тутъ есть реальное основаніе. Надо только знать ему мѣру, надо вѣрнѣе опредѣлять границы его вліянія, надо скорѣе положить предѣлъ той сбивчивости представленій объ этомъ предметѣ, какая еще продолжаетъ у насъ держаться,—и тутъ изслѣдованія еще необходимы.

Въ наиболѣе простой формѣ вопросъ этотъ представляется такъ: низкая цѣна выгодна покупщику и убыточна продавцу; слѣдовательно, надо толкомъ разобрать — кто у насъ продавцы, и кто покупщики? Землевладѣльцы, производящіе хлѣба больше, чѣмъ имъ нужно для потребленія, т.-е. живущіе сбытомъ излишковъ на сторону, несомнѣнно продавцы; въ такомъ же положеніи находятся и многоземельные и вообще хорошо надѣленные крестьяне. А земледѣльцы, обладающіе такими малыми или малопроизводительными участками, которые не

даютъ имъ полнаго прокормленія, очевидно—покупщики; если замѣчаютъ, что мелконадѣльные крестьяне часто осенью сбываютъ хлѣбъ, то фактъ этотъ нисколько не измѣняетъ дѣла, потому что за нимъ неизбѣжно слѣдуютъ зимнія и весеннія покупки того же хлѣба по высшей цѣнѣ, такъ какъ получая, напр., съ своей земли 60 пудовъ и нуждаясь для прокорма въ 100 пудахъ, нельзя отдѣлаться отъ необходимости прикупки 40 пудовъ въ общемъ годовомъ итогѣ. Если такой земледѣлецъ, подъ вліяніемъ нужды или уплаты податей, и продастъ изъ своихъ 60 пудовъ осенью 10 пудовъ, то весною вмѣсто 40 купитъ 50 пудовъ; а если продастъ 30, то докупитъ 70 пудовъ, и т. д. Словомъ, все проданное онъ вознаградитъ соотвѣтствующею покупкою впослѣдствіи и выйти изъ этой необходимости ему нельзя, потому что самъ собою хлѣбъ ни откуда не придетъ, т.-е. какъ ни толкуйте, онъ больше покупщикъ, чѣмъ продавецъ. На это мы указывали еще девять лѣтъ тому назадъ („По поводу сельско-хозяйственнаго кризиса", см. „Вѣстникъ Европы" 1888 г., апр., 863 стр.), высказываясь такъ: „Въ качествѣ землевладѣльцевъ, крестьяне дѣлятся на два разряда: имѣющихъ значительное количество земли и имѣющихъ ничтожный надѣлъ. Первые производятъ столько хлѣба, что сами его не съѣдаютъ, и часть своего производства продаютъ. На этой продажѣ они теряютъ то же самое, что теряетъ и помѣщикъ. Вторые же, потребляя продуктъ собственнаго производства, этимъ сыты не бываютъ и должны еще покупать хлѣбъ для своего продовольствія, т.-е. въ общемъ балансѣ они не столько продавцы, сколько покупатели. Какъ покупателямъ, имъ дешевизна хлѣба была бы выгодна, еслибы не уменьшались ихъ средства на покупку".

Итакъ, продавцы у насъ—помѣщикъ и обладающій большимъ надѣломъ мужикъ. Они и теряютъ на дешевизнѣ. Наоборотъ, крестьянинъ на мелкомъ или непроизводительномъ надѣлѣ—покупщикъ, и ему дешевизна выгодна, по крайней мѣрѣ въ первое время, пока она не отразилась другими экономическими явленіями. Стало быть, въ дѣлѣ цѣнъ на одной сторонѣ стоятъ болѣе крупные владѣльцы и небольшая часть крестьянъ, а на другой—большинство крестьянства, такъ какъ малоземелье у насъ очень распространено и продолжаетъ рости уже въ силу одного прироста населенія. Арендаторовъ мы не касаемся, потому что ихъ выгоды и потери отъ колебанія цѣнъ балансируются колебаніями платимыхъ ими же арендныхъ цѣнъ: вздорожалъ хлѣбъ, поднялся земельный доходъ, отъ арендатора потребуютъ за счетъ земли больше денегъ, а при обратныхъ условіяхъ онъ уплатитъ за тотъ же счетъ дешевле, что̀ мы и видѣли въ самое послѣднее время, когда такъ обильны были жалобы на упа-

докъ арендныхъ платъ. Слѣдовательно, тутъ потери и выгоды выпадаютъ, главнымъ образомъ, на долю владѣльца, а не съемщика.

Конечно, эта простая постановка вопроса объ убыточности и выгодности дешевизны и дороговизны можетъ встрѣчать на практикѣ нѣкоторыя осложненія, но даже изъ словъ видящихъ спасеніе отечества въ дороговизнѣ нельзя извлечь основаній для вывода, чтобы подобныя осложненія были особенно велики. Встрѣчая заявленія сторонниковъ дороговизны, и въ печати, и въ публичныхъ собраніяхъ, и въ частныхъ бесѣдахъ со многими хозяевами, относясь съ полнымъ вниманіемъ ко всѣмъ возраженіямъ, приходилось только убѣждаться, что практика вовсе не опровергаетъ правильности объясненнаго раздѣла состава хозяевъ на два разряда и не вноситъ въ приведенную постановку вопроса сколько-нибудь существенныхъ измѣненій. Дешевыя цѣны вовсе не чужды значенія благопріятнаго явленія для большинства крестьянства. Силящіеся убѣждать въ противномъ больше выражаютъ гнѣва на недовѣріе къ ихъ увѣреніямъ, или высокомѣрныхъ шутокъ, чѣмъ убѣдительныхъ аргументовъ или серьезныхъ фактическихъ поправокъ. Но не говоря уже о плохой убѣдительности гнѣва, нельзя не замѣтить, что тутъ и сердиться-то не на что. Предметъ настолько серьезенъ, что требуетъ наиболѣе спокойнаго и внимательнаго обсужденія,—да, притомъ, теряющая отъ дешевизны сторона можетъ сколько угодно хлопотать о своихъ интересахъ, какъ объ интересахъ группы, не навязывая частному, хотя бы и значительному явленію общаго для всѣхъ характера.

Такимъ образомъ, нѣтъ основанія отказываться отъ признанія за дешевизною значенія явленія благопріятнаго для большей части крестьянства. Но, заговоривъ объ этомъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду вступать въ какую-либо полемику или приводить въ доказательство этой благопріятности новыя соображенія. Оставаясь при тѣхъ же мнѣніяхъ, какія были нами высказаны девять лѣтъ назадъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ другую цѣль.

Изъ мнѣнія о благопріятности совершившагося пониженія хлѣбныхъ цѣнъ могутъ выводить, что оно успѣло поднять благосостояніе большинства земледѣльцевъ, что послѣднее теперь представляетъ увеличившуюся платежную силу и т. д. А такія заключенія были бы не только слишкомъ смѣлы и поспѣшны, но даже прямо ошибочны—и сильно ошибочны. Если бы и появилось одно благопріятное условіе, то оно привело бы къ соотвѣтствующимъ полезнымъ послѣдствіямъ только тогда, когда бы не дѣйствовали одновременно съ нимъ другія условія противоположнаго характера, парализующія его, и если бы даже само оно попутно не дѣйствовало и въ обратномъ направ-

леніи. Между тѣмъ, наличныя экономическія вліянія на сельскую жизнь нашу гораздо сложнѣе.

Не вдаваясь въ пространныя разсужденія, поставимъ такіе вопросы: постоянно или кратковременно то благопріятное вліяніе, о которомъ идетъ рѣчь? Не порождаетъ ли оно само отчасти такихъ явленій, которыя парализуютъ или сокращаютъ его значеніе? Не дѣйствуютъ ли одновременно съ нимъ другія вліянія, уничтожающія его силу или даже перевѣшивающія всѣ ея результаты?

Считаемъ, однако, нужнымъ прежде всего оговориться — какую именно низкость цѣнъ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ. Эта низкость можетъ быть временная, происходящая просто отъ обильныхъ урожаевъ и дѣйствующая на сравнительно ограниченной территоріи; но она можетъ быть и болѣе постоянною, даже установившеюся безповоротно, когда происходитъ отъ дѣйствія болѣе сильныхъ причинъ: измѣненія условій производства, появленія новыхъ конкуррирующихъ по хлѣбному производству странъ и вообще отъ міровыхъ условій производства, доставки и торговли. Эти два рода пониженія цѣнъ смѣшивать не слѣдуетъ, хотя вліяніе ихъ часто сливается; бывали и у насъ года, въ которые случался хорошій урожай съ значительными цѣнами (напр., 1881 годъ) и плохой урожай со слабыми цѣнами (напр., 1886 г.). При дешевыхъ цѣнахъ болѣе постояннаго характера, онѣ, конечно, тоже колеблются въ зависимости отъ урожаевъ, только колебанія эти происходятъ около уровня низшаго, сравнительно съ прежнимъ, напр., прежде цѣна хлѣба колебалась отъ 40 до 80 коп. (при среднемъ уровнѣ—въ 60 коп.), а потомъ—отъ 20 до 50 к. (при среднемъ—въ 35 к.). Стало быть, возможно, что и при *постоянной* низкости уровня иногда хлѣбъ можетъ быть дороже, чѣмъ прежде, но это выражаетъ лишь то, что высшій предѣлъ новыхъ цѣнъ превосходитъ низшую норму прежнихъ. Есть разница и въ экономическихъ послѣдствіяхъ. Напр., при дешевизнѣ собственно отъ обилія хлѣба трудъ бываетъ дорогъ (усиливается спросъ на него и уменьшается нужда), а при пониженіи цѣнъ *постояннаго* характера, эти цѣны уже отражаются не повышеніемъ, а пониженіемъ цѣны труда. Мы имѣемъ въ виду именно пониженіе цѣны *постояннаго* характера, такъ какъ оно-то и создаетъ толкуемый теперь „кризисъ".

Цѣна труда находится въ неизбѣжной связи съ минимумомъ стоимости содержанія рабочаго. Масса экономическихъ условій направлена къ тому, чтобы уменьшать оплату труда, но тутъ есть извѣстный барьеръ — стоимость содержанія рабочей силы, безъ покрытія которой послѣдняя не могла бы существовать. Поэтому, означенныя условія могутъ приближать рабочую плату къ этому барьеру,

но не могутъ далеко заходить за него, развѣ—на короткое время. Скажемъ опять прежними нашими словами: подешевѣлъ хлѣбъ, уменьшилась стоимость содержанія работающаго человѣка,—понизился и минимумъ, о которомъ идетъ рѣчь; иначе сказать—самъ барьеръ подался назадъ, и, подъ напоромъ наличныхъ экономическихъ вліяній, плата за трудъ стала падать и должна падать".

То *постоянное* пониженіе хлѣбной цѣны, которое вызвало такъ называемый „кризисъ", не только не можетъ не отразиться уменьшеніемъ рабочей платы,—то-есть, пониженіемъ заработочнаго дохода того самаго „мужика", который выигрывалъ отъ пониженія хлѣбной цѣны, но безъ сомнѣнія уже и подѣйствовало въ означенномъ смыслѣ. Правда, оно дѣйствуетъ не сразу, а по истеченіи нѣкотораго времени, и сначала рабочій обмѣниваетъ свой трудъ на хлѣбъ и другіе предметы съ чувствительною выгодою для себя, но слѣдуетъ вспомнить, что нашъ кризисъ дѣйствуетъ уже давно. Пониженіе хлѣбной цѣны началось не теперь, а еще съ начала восьмидесятыхъ годовъ, и, какъ можно было замѣтить, главнымъ образомъ—проявлялось скачками, которыхъ можно отмѣтить три: первый въ 1882—1883 годахъ, второй—въ 1887 году и третій—въ 1893—1894 гг. Каждый изъ этихъ скачковъ дѣйствовалъ одинаково, т.-е. сначала дешевѣлъ хлѣбъ, а потомъ—трудъ. Если, можетъ быть, послѣдній скачокъ и не успѣлъ отразиться всѣми своими послѣдствіями, то первые, конечно, уже отразились многими. Итакъ, мужикъ выигралъ на хлѣбной дешевизнѣ, но потерялъ на цѣнѣ труда. Дешевый хлѣбъ онъ покупаетъ пониженнымъ заработкомъ. Конечно, есть основаніе надѣяться, что въ дальнѣйшемъ результатѣ подешевѣютъ и другіе предметы потребленія, такъ какъ въ стоимость ихъ производства входитъ крупнымъ элементомъ оплата труда, и на этомъ удешевленіи мужикъ опять нѣсколько выиграетъ,—но остается еще подвести балансъ выгодамъ и потерямъ, плюсамъ и минусамъ. При постоянствѣ хлѣбной дешевизны, въ концѣ концовъ, надо ожидать, какъ мы высказывали прежде, „общей перестройки цѣнъ, сообразно новымъ условіямъ", и трудъ, вмѣстѣ съ другими предметами, станутъ взаимно обмѣниваться въ той же пропорціи, какъ прежде, съ прибавкою, конечно, вліянія тѣхъ экономическихъ условій, какія принесутъ намъ еще разныя будущія причины. Стало быть, выгода, которую теперь даетъ значительной части крестьянства хлѣбная дешевизна, кратковременна и устранится не въ далекій срокъ. Мужикъ можетъ тутъ не потерять, но по крайней мѣрѣ возвратится къ прежнему положенію, получая за день труда столько же хлѣба и другихъ вещей, сколько получалъ.

Если перестройка цѣнъ приведетъ только къ возврату старыхъ условій обмѣна, то сколько есть еще вліяній, дѣйствующихъ не въ

пользу большинства земледѣльцевъ, а сокращающихъ его средства. И они не гдѣ-нибудь впереди, а уже предъ нами. Обратимся къ старому вопросу—къ малоземелью, ослабленіе котораго идетъ съ очень ничтожнымъ успѣхомъ, тогда какъ само оно возрастаетъ быстро. Крестьянское населеніе, возрастая въ числѣ, имѣетъ все меньше и меньше средствъ къ производительному приложенію своихъ силъ. Съ каждымъ годомъ ему становится тѣснѣе и, не пускаясь въ далекія доказательства этой очевидности, можно сослаться хотя бы на ростъ потребности въ переселеніи. Въ 1896 году, за Уралъ двинулось уже 200 тысячъ человѣкъ, тогда какъ пятнадцать лѣтъ назадъ не было и десятой части такого движенія; нужно очень много смѣлости, чтобы видѣть въ этомъ одно проявленіе какого-то спеціальнаго переселенческаго зуда. Видимо, ростетъ элементъ, не находящій дома достаточно дѣла, и стоитъ ли даже распространяться объ экономическомъ значеніи подобнаго положенія! Оно слишкомъ ясно. Наличное земледѣліе предъявляетъ спросъ все на меньшій и меньшій процентъ наличной рабочей силы, между тѣмъ какъ ей надо чѣмъ-нибудь себя содержать, а ростъ обработывающей промышленности, о которомъ столько шума, питаетъ очень незначительную долю населенія и весьма долго еще будетъ питать только такую долю.

Переселенческое движеніе по административнымъ соображеніямъ, главнымъ образомъ въ виду недостаточности заготовленныхъ собственно въ Сибири участковъ, сокращаютъ, и значительное впечатлѣніе произвелъ извѣстный недавній циркуляръ новаго переселенческаго управленія. Но не касаясь этихъ соображеній, нельзя же не сказать, что означенное сокращеніе вовсе не устраняетъ той нужды, которая создала переселенческій вопросъ, и въ этомъ—главное. Другіе способы выхода изъ этой нужды не указаны и не готовы. Правда, въ нашей печати выступали голоса признававшихъ въ упомянутомъ циркулярѣ какое-то „разрѣшеніе“ переселенческаго вопроса, но тутъ выразилось болѣе чѣмъ оптимистическое воззрѣніе. Тутъ сказалась просто крайняя поверхностность отношенія къ дѣлу. Конечно, циркуляръ стремился къ предупрежденію напрасныхъ скитаній; однако заявленіе, что участковъ въ Сибири нѣтъ, само по себѣ, безъ предоставленія другихъ способовъ исхода, хотя бы суррогатныхъ, еще ничего не разрѣшаетъ и жизненнаго вопроса не упраздняетъ. Участковъ нѣтъ, сидите дома — это въ извѣстной степени напоминаетъ то, какъ еслибы толпѣ пришедшихъ голодныхъ сказать: успокойтесь, хлѣба въ запасѣ нѣтъ, а потому можете мирно расходиться! Едва ли они уйдутъ удовлетворенными.

Обращаясь къ условіямъ прибыльности труда, слѣдуетъ обратиться еще къ одному явленію—распространенію сельскихъ машинъ;

часто говорятъ, что машинъ у насъ мало; однако въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ —и широкихъ мѣстностяхъ—онѣ распространились у насъ настолько, что уже сильно понизили спросъ на крестьянскій трудъ и сократили отхожіе промыслы. Конечно, каждый хозяинъ имѣетъ право заботиться о своемъ интересѣ и замѣнять ручной трудъ машиннымъ, и распространяться объ этомъ не требуется, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы надо было игнорировать—какъ означенное явленіе отражается на заработкахъ большой массы, для которой послѣдніе—одинъ изъ главныхъ источниковъ содержанія. Ограждая одинъ интересъ, надо по крайней мѣрѣ видѣть другой, особенно когда мы имѣемъ въ виду оцѣнку наличнаго экономическаго положенія. Въ Новороссіи, напр., которая издавна привлекала массу пришлаго рабочаго люда изъ густо населенныхъ губерній, плата за трудъ понизилась болѣе чѣмъ вдвое, сравнительно съ тѣмъ, что было хотя бы въ семидесятыхъ годахъ. Подробныхъ изслѣдованій по этой части, конечно, нѣтъ, но воспользуемся хотя характерными указаніями земской „Сельско-хозяйственной хроники херсонской губерніи".

Одинъ изъ выпусковъ этой хроники за 1895 годъ говоритъ, что не только помѣщичьи экономіи обзавелись машинами, но и многіе крестьяне—„зажиточные крестьяне, въ одиночку и товариществами, покупаютъ и новыя машины въ складахъ, земскихъ и частныхъ, въ разсрочку, на льготныхъ условіяхъ. Это явленіе знаменательно и въ будущемъ грозитъ прихожимъ рабочимъ такимъ пониженіемъ цѣнъ на мускульный трудъ, что рабочему изъ сѣверныхъ губерній *невыгодно* будетъ идти въ степи на заработки". Въ другомъ мѣстѣ, отмѣчая „необыкновенно низкую заработную плату", хроника говоритъ: „Уборка хлѣба началась при цѣнѣ $2^1/_2$ рубля съ десятины, и это при *весьма удовлетворительномъ* урожаѣ, обѣщающемъ 100—150 пудовъ зерна съ той же десятины. Причина лежитъ въ *приспособленіи* населенія къ сельскохозяйственному кризису, т.-е. къ низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ"... Но „радоваться этому явленію не приходится", такъ какъ если сельское населеніе, даже послѣ хорошихъ урожаевъ, покупало хлѣбъ на базарахъ пудами, то нѣтъ основанія, „чтобы нынѣшній урожай могъ хоть сколько-нибудь улучшить его положеніе". Дальше приводится, что пришлыхъ рабочихъ „хозяева берутъ очень мало, надѣясь убрать хлѣбъ домашними средствами". Приводились примѣры того, что машина даже неуспѣшно конкуррировала съ ручною силою: плата за трудъ понижалась настолько, что иные хозяева предпочитали обращаться къ ручной работѣ вмѣсто машинной. Т.-е. мѣстами „руки" вытѣсняли машину путемъ необыкновеннаго пониженія своей оплаты. При машинѣ часто дѣйствуетъ женщина, подростокъ, и они вытѣсняютъ трудъ полнорабочаго, который остается

безъ дѣла, а работаютъ онѣ, разумѣется, за мѐньшую противъ взрослаго мужика плату.

Въ „Статистико-экономическомъ обзорѣ херсонской губерніи за 1894 годъ" (урожайный) между прочимъ сказано: „Плата рабочимъ была *ниже*, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, и ровнѣе... Мы не имѣемъ цифровыхъ данныхъ о числѣ машинъ, работающихъ въ херсонской губерніи, но относительно усиленнаго спроса на машины можно судить по цифрамъ ввоза машинъ иностраннаго производства. Въ 1892 году, черезъ Одессу было ввезено машинъ 50.000 пудовъ; въ 1893 году—130.000, а въ 1894 г.—205.000 пудовъ. Конечно, эти машины работаютъ не въ одной херсонской губерніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же работаютъ машины русскаго производства... Машинная уборка хлѣба сильно понизила рабочую плату, и въ 1894 году за уборку десятины хлѣба плата была уже мало чѣмъ выше платы за такую же работу въ подольской и кіевской губерніяхъ, откуда являются нахожіе рабочіе; что же касается сравненія съ полтавскою губерніею, то рабочая плата на всѣ роды издѣльныхъ работъ въ херсонской губ. была даже *ниже*, чѣмъ въ полтавской". А между тѣмъ еще недавно херсонская губернія была обѣтованною землею по части отхожаго промысла и прибыльныхъ заработковъ и для кіевлянъ, и для полтавцевъ, и для подолянъ, которымъ дòма гораздо тѣснѣе.

Такія же извѣстія приходили и съ Дона, и съ сѣвернаго Кавказа, и изъ другихъ мѣстъ. Мы не можемъ цитировать подробнѣе, да едва ли это и нужно при характерности приведенныхъ указаній. Повторяемъ, каждый хозяинъ имѣетъ основаніе предпочитать машину ручному труду, и распространеніе машинъ — техническій прогрессъ. Но вліяніе ихъ на другія стороны жизни, въ свою очередь, заслуживаетъ большого вниманія, и очевидно, что тутъ выступаетъ явленіе совершенно обратное тому, какое производитъ на рядового земледѣльца хлѣбная дешевизна въ первое время ея дѣйствія. Уменьшеніе выгодности отхожаго промысла и сокращеніе его—очень чувствительное уменьшеніе средствъ означеннаго земледѣльца, и съ этимъ надо серьезно считаться. Если значительная часть крестьянъ густо населенныхъ губерній, волею-неволею, перестанетъ ходить на эти заработки, оставаясь дома, то на ея родинѣ много рабочей силы будетъ пропадать даромъ, безъ вознагражденія. Прибыль рукъ безъ дѣла становится такою тягостью, такимъ минусомъ, который почувствуется не только тамъ, гдѣ рабочіе остались, но и въ другихъ мѣстахъ. Понятны мотивы переселеній, понятны исканія тѣхъ или другихъ исходовъ, а если переселеніе закроется или сильно сократится, то еще однимъ выходомъ станетъ меньше. Мы не имѣемъ

въ виду предлагать здѣсь то или другое опредѣленное средство, но не можемъ не отмѣтить тѣхъ крупныхъ явленій, которыя выступаютъ одновременно съ пониженными хлѣбными цѣнами.

Слѣдуетъ обратиться еще къ одной сторонѣ дѣла—къ отношенію цѣнъ къ налогамъ. Здѣсь опять повторимъ сказанное нами въ 1888 г. Въ предположеніи, что „постоянное" пониженіе хлѣбной цѣны отразилось на оплатѣ труда и стоимости другихъ предметовъ, мы сказали: „какъ бы ни падали, какъ бы ни возвышались цѣны предметовъ, коль скоро эти измѣненія совершаются равномѣрно—взаимный обмѣнъ совершается по прежнему, причемъ обмѣнивающіеся не терпятъ потерь. Деньги тутъ остаются при одной роли орудія мѣны. Но когда дѣло идетъ о платежахъ, тутъ деньги уже выходятъ изъ означенной роли и получаютъ гораздо болѣе реальное значеніе, потому что платежи (долги или налоги) не уменьшаются съ пониженіемъ цѣнъ и не зависятъ отъ нихъ. Платить тысячу рублей при дорогихъ хлѣбныхъ цѣнахъ и платить ихъ при дешевыхъ—далеко не одно и тоже. Чтобы заплатить эту тысячу, въ 1879 году надо было отдать 1.280 пудовъ ржи, или урожай съ 21 десятины хорошей земли,—а теперь надо отдать 2.630 пудовъ или урожай съ 44 десятинъ. Долги оплачиваетъ бо̀льшая часть владѣнія, и на прожитокъ владѣльцу остается мѐньшая. Вотъ что̀ давитъ землевладѣльца... На мужикѣ лежитъ изрядное количество налоговъ, оплачивать которые становится труднѣе при упадкѣ цѣнъ (на хлѣбъ и трудъ). Въ отношеніи къ денежнымъ платежамъ, мужикъ обезсиливается такъ же, какъ помѣщикъ въ отношеніи къ его долгамъ".

Тяжесть налоговъ не усиливалась бы при кризисѣ и сопровождающихъ его явленіяхъ, если бы размѣръ ихъ сообразовался съ послѣдними, и мужику приходилось бы отдавать въ уплату налоговъ прежнюю матеріальную цѣнность. Но облегченіе населенія проводилось только въ періодъ 1881—1886 годовъ, а затѣмъ, въ самый разгаръ вліянія кризиса, послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ повышеній налоговъ, перечислять которыя нѣтъ надобности, такъ какъ они еще въ свѣжей памяти. Тогда какъ за каждый рубль приходилось отдавать больше хлѣба, труда и т. п., понадобилось отдавать и больше этихъ рублей. Кромѣ налоговъ, выступали потери и въ другихъ формахъ. Укажемъ для примѣра одну—ближайшую. Съ введеніемъ казенной продажи питей многія сельскія общества лишились дохода отъ разрѣшенія на ихъ земляхъ открытія питейныхъ заведеній, и потеря эта остается невознагражденною, хотя цѣнность ея перешла въ казну. Въ юго-западныхъ, напр., губерніяхъ означенный доходъ фактически существовалъ почти во всѣхъ селеніяхъ и, судя по извѣстнымъ намъ прежнимъ примѣрамъ, давалъ обществамъ отъ 50 к. до

рубля на душу въ среднемъ выводѣ, что составляло чувствительное подспорье для покрытія мірскихъ расходовъ. Сколько онъ давалъ въ самое послѣднее время—въ точности не знаемъ. Можно подыскивать разныя юридическія объясненія такому лишенію, но фактъ все же остается фактомъ; былъ мірской доходъ—и теперь нѣтъ его,—и надо взамѣнъ усиливать обложеніе крестьянскаго населенія. А для экономической оцѣнки положенія фактъ всего важнѣе. Размѣръ же утраченнаго дохода—около половины бывшей подушной подати. Не станемъ входить въ цифровыя выкладки налоговъ и другихъ тягостей, но и сказаннаго достаточно для вывода, что налоговая тягость стала больше прежней, и теперь приходится отдавать значительнѣйшую матеріальную цѣнность. Эта тягость возрастаетъ вдвойнѣ: отъ размѣра налога и отъ вліянія дешевизны сельскихъ произведеній.

Итакъ, признавая благопріятность хлѣбной дешевизны для большинства крестьянства, малоземельныхъ и живущихъ въ неплодородныхъ губерніяхъ, приходится заключить, что вліяніе ея кратковременно, а другія условія парализуютъ и это вліяніе. Если означенная дешевизна приводитъ къ уменьшенію цѣны труда, если малоземелье и тѣснота ростутъ, машины сокращаютъ спросъ на трудъ, отхожіе промыслы падаютъ, переселенія ограничиваются, а тягость налоговъ возрастаетъ,—то выходитъ, что на одно благопріятное и не долго дѣйствующее вліяніе есть нѣсколько другихъ, не только его парализующихъ, но и въ сильной степени перевѣшивающихъ его. Серьезнымъ изслѣдованіямъ тутъ представляется еще много простора. До роста благосостоянія населенія тутъ еще далеко, и это населеніе—вовсе не увеличившаяся платежная сила...

Ѳ. Воропоновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1897 г.

Военныя дѣйствія на Критѣ и участіе въ нихъ европейскихъ броненосцевъ.—Характеръ и значеніе нынѣшняго вмѣшательства Европы въ критскія дѣла.—Отношенія великихъ державъ къ Греціи и Турціи. — Новыя „армянскія звѣрства" и турецкія реформы.—Перемѣны въ программѣ дипломатіи.—Сближеніе между Сербіею и Болгаріею.—Письмо изъ Бѣлграда.

Кровавыя битвы происходятъ по прежнему на островѣ Критѣ; но стоящія въ критскихъ водахъ европейскія эскадры не соблюдаютъ уже пассивнаго нейтралитета, какъ во время прошлогоднихъ военныхъ дѣйствій башибузуковъ противъ критскихъ христіанскихъ семействъ. Въ новѣйшихъ столкновеніяхъ турецкихъ войскъ съ вооруженными отрядами критянъ участвуютъ, по мѣрѣ возможности, и броненосцы великихъ державъ, заглушая своими орудіями перестрѣлку воюющихъ сторонъ.

Чью сторону принимаютъ теперь европейскіе флоты? Кого защищаютъ и за кого заступаются они? Самый фактъ дѣятельнаго вмѣшательства Европы въ ходъ военныхъ событій на островѣ Критѣ не подлежитъ сомнѣнію; но вопросъ о характерѣ и направленіи этого вмѣшательства остается, повидимому, неяснымъ для многихъ, вслѣдствіе крайней запутанности современныхъ политическихъ обстоятельствъ на Востокѣ. Извѣстія о послѣднихъ стычкахъ кажутся довольно вразумительными сами по себѣ, но ихъ внутренній смыслъ ускользаетъ отъ пониманія постороннихъ наблюдателей. Возьмемъ, напримѣръ, газетные отчеты о недавнемъ дѣлѣ подъ Малаксою. Фортъ Малакса, въ полутора миляхъ отъ Канеи, былъ осажденъ инсургентами; небольшой турецкій гарнизонъ находился въ безвыходномъ положеніи, по отсутствію провіанта, и долженъ былъ бы неминуемо очистить фортъ или сдаться на капитуляцію. Въ понедѣльникъ, 22 (10) марта, отрядъ регулярныхъ турецкихъ войскъ двинулся на помощь осажденнымъ, но былъ отбитъ съ урономъ. На слѣдующій день, 23 числа, вмѣшались въ дѣло командиры европейскихъ эскадръ. Какъ видно изъ депешъ, прочитанныхъ въ англійской палатѣ общинъ, дипломатія приняла въ соображеніе интересы турокъ: „Британскій адмиралъ въ Канеѣ телеграфировалъ, что турецкій отрядъ въ блокгаузѣ у Малаксы совершенно лишенъ жизненныхъ припасовъ: инсургенты не допускаютъ подвоза провіанта. Три турка, подвозившіе

провіантъ, были убиты въ виду европейскихъ кораблей (т.-е. изъ турецкаго отряда, пытавшагося выручить гарнизонъ, убито три человѣка). Адмиралы послали послѣ того вождямъ инсургентовъ ультиматумъ, въ которомъ сказано, что они должны допустить доставку провіанта; въ противномъ случаѣ будетъ употреблена сила". Въ среду, 24 (12) марта, заручившись этимъ распоряженіемъ европейскихъ командировъ, турецкія войска сдѣлали вновь попытку проникнуть къ Малаксѣ, но встрѣтили сильный отпоръ со стороны инсургентовъ, которые успѣшно оттѣснили ихъ и преслѣдовали до окрестностей Суды. Британскій адмиралъ опять телеграфировалъ своему правительству, что инсургенты, несмотря на требованіе адмираловъ, не допустили провіанта въ блокгаузъ. „Турецкое военное судно стрѣляетъ, чтобы ихъ прогнать; если эта цѣль достигнута не будетъ, то стрѣлять начнутъ суда державъ. Адмиралы единогласно признаютъ этотъ шагъ необходимымъ для спасенія блокгауза: стрѣлять рѣшительно необходимо, чтобы изгнать инсургентовъ съ позиціи, занимаемой ими вопреки ихъ (адмираловъ) письменному протесту. Стрѣльба, къ которой сигналъ былъ данъ итальянскимъ адмираломъ, длилась шесть минутъ. Когда она прекратилась, то оказалось, что инсургенты разграбили и подожгли блокгаузъ. 26 (14) марта, адмиралъ донесъ, что наканунѣ послѣдовало удаленіе турокъ изъ блокгауза, который и взятъ инсургентами при помощи двухъ орудій, принадлежащихъ грекамъ и управляемыхъ греками за предѣлами круга зрѣнія европейскихъ судовъ (слѣдовательно, съ броненосцевъ нельзя было видѣть, какія это орудія, и кто управляетъ ими?). Доступъ воды къ блокгаузу прерванъ. Занятіе блокгауза было прямымъ ослушаніемъ предостереженія адмираловъ, посланнаго инсургентамъ черезъ англійскаго консула двумя днями раньше. Адмиралы постановили при помощи огня съ судовъ не допускать дальнѣйшихъ посягательствъ со стороны инсургентовъ, такъ какъ занятая ими позиція господствуетъ надъ дорогой къ судскому арсеналу". Затѣмъ британскій командиръ сообщилъ, что „такъ какъ инсургенты продолжаютъ свои нападенія, и орудія ихъ находятся на передовомъ посту, господствующемъ надъ Канеею, то адмиралы рѣшили поступать съ инсургентами какъ съ непріятелями и потребовать отъ своихъ правительствъ немедленной присылки дальнѣйшихъ войскъ, чтобы надлежащимъ образомъ обезпечить защиту города".

Въ газетныхъ телеграммахъ участіе броненосцевъ въ сраженіи подъ Малаксою описывается въ такомъ видѣ, какъ будто иностранныя эскадры имѣютъ своею прямою задачею оказаніе военной помощи туркамъ противъ критскихъ христіанъ. „Небольшой турецкій гарнизонъ, занимавшій этотъ блокгаузъ",—читаемъ мы въ одной депешѣ,

—„вынужденъ былъ наконецъ очистить его, потерявъ двадцать человѣкъ убитыми и ранеными. Въ три часа иностранныя военныя суда, стоящія въ судской бухтѣ, стали обстрѣливать грековъ и пустили въ нихъ около ста снарядовъ. Греки, повидимому, были вынуждены отступить". Очевидно, инсургенты имѣли полный успѣхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но неудача послѣднихъ заставила европейскихъ адмираловъ направить орудія противъ критскихъ христіанъ и пустить въ нихъ около ста снарядовъ. Инсургенты предприняли рѣшительное нападеніе на Малаксу, послѣ того какъ турецкія войска дважды пытались напасть на нихъ врасплохъ. „Аттака началась артиллерійскимъ огнемъ. Нѣсколько снарядовъ пробили крышу форта, который вслѣдствіе этого пришлось тотчасъ очистить. Гарнизонъ отступилъ по направленію къ Судѣ. Въ восемь часовъ утра находящіяся въ судской бухтѣ турецкія военныя суда открыли огонь, чтобы прикрыть отступленіе гарнизона. Инсургенты преслѣдовали мусульманъ по пятамъ вплоть до деревни Трикаларіи, которую они сожгли. Гарнизонъ Малаксы понесъ чувствительныя потери. Тѣмъ временемъ отрядъ турецкихъ войскъ, конвоировавшій транспортъ провіанта, предназначеннаго для форта, по дорогѣ въ деревню Нерокуру, не будучи освѣдомленъ объ аттакѣ, наткнулся на инсургентовъ, вслѣдствіе чего и здѣсь завязался горячій бой. Въ 3¼ часа пополудни европейскія военныя суда стали стрѣлять въ инсургентовъ подъ Малаксою. Огонь продолжался около десяти минутъ. Несмотря на то, что гранаты падали въ большомъ количествѣ, инсургенты держались подъ самымъ блокгаузомъ почти до шести часовъ и только тогда отступили, предварительно предавъ блокгаузъ пламени". Въ результатѣ, „турки потеряли подъ Малаксою 60 человѣкъ убитыми, уронъ же инсургентовъ опредѣляется въ 200 человѣкъ убитыхъ", вѣроятно благодаря удачной стрѣльбѣ изъ орудій европейскихъ броненосцевъ.

Телеграммы сообщаютъ, далѣе, что „мятежникамъ (т.-е. критскимъ христіанамъ, возставшимъ противъ турецкаго ига), готовящимся къ нападенію на Киссамо, послано со стороны начальниковъ эскадръ такое же предостереженіе, какъ и критянамъ у Малаксы". Намѣреніе помочь турецкимъ отрядамъ, очутившимся на островѣ въ крайне стѣсненномъ положеніи, нисколько не скрывается дипломатами и адмиралами, дѣйствующими отъ имени Европы. Инсургенты, какъ видно изъ депеши нашего телеграфнаго агентства изъ Канеи, отъ 30 (18) марта, „аттаковали фортъ Изеддинъ, господствующій надъ входомъ въ судскую бухту. Иностранныя суда стали стрѣлять въ критянъ, чтобы оказать помощь форту, который занятъ турками и вооруженіе котораго состоитъ изъ двѣнадцати орудій и одной

митральезы". Мотивомъ дѣйствій броненосцевъ выставляется здѣсь какъ будто недостаточное вооруженіе турецкаго форта, которому необходимо поэтому „оказать помощь". Бомбардировка около Изеддина продолжалась и на слѣдующій день; „греческій отрядъ, занимающій блокгаузъ Калами, выше Изеддина, по словамъ телеграммы изъ Канеи, стрѣлялъ изъ орудія; стрѣляли также стоящія на рейдѣ въ судской бухтѣ суда" (т.-е. европейскіе броненосцы).

То же самое повторяется и въ другихъ мѣстахъ острова; европейскія эскадры повсюду, при столкновеніяхъ турецкихъ войскъ съ критянами, дѣйствуютъ согласно съ турками и стараются помочь имъ своими орудіями, чтобы нанести возможно большій уронъ христіанамъ. Такъ, отъ 30 (18) марта, телеграфируютъ, что подъ Спиналунгою „турки понесли тяжелыя потери и отступили на укрѣпленную позицію внутри острова; французскій адмиралъ отправился въ Спиналунгу вѣроятно для того, чтобы выручить турокъ". Греческія суда съ провіантомъ не допускаются къ побережью въ томъ предположеніи, что они могутъ снабжать инсургентовъ оружіемъ. Еще за три дня до формальнаго объявленія блокады Крита австрійское торпедное судно потопило греческую шкуну, замѣченную близъ берега; нѣсколько дней спустя, другой австрійскій крейсеръ „доставилъ въ судскую бухту греческій пароходъ съ 60 добровольцами и греческую нарусную лодку съ провіантомъ и огнестрѣльными припасами". Европейскіе адмиралы, видя недостаточность своихъ силъ для успѣшныхъ дѣйствій противъ инсургентовъ на сушѣ, требуютъ присылки подкрѣпленій; въ то же время они сами вынуждены какъ бы вмѣшиваться въ дѣла дипломатіи и предлагать извѣстныя политическія мѣры, чтобы выйти изъ неудобнаго положенія одностороннихъ союзниковъ турецкой власти противъ христіанъ. Они обратились къ своимъ правительствамъ съ заявленіемъ, что необходимо назначить на Критъ европейскаго генералъ-губернатора съ обширными полномочіями и средствами, и потребовать отъ Порты отозванія турецкихъ войскъ, присутствіе которыхъ препятствуетъ водворенію порядка на островѣ. Этотъ проектъ, исходящій отъ командировъ европейскихъ эскадръ, входитъ уже прямо въ кругъ компетенціи и дѣятельности дипломатовъ, и такое вторженіе адмираловъ въ чуждую имъ дипломатическую область служитъ наиболѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ вообще ненормальности нынѣшняго положенія критскаго вопроса.

Если внимательно разобрать приведенныя выше фактическія свѣдѣнія о военныхъ дѣлахъ на островѣ Критѣ, то получаются весьма оригинальные выводы, едва ли соотвѣтствующіе дѣйствительнымъ намѣреніямъ великихъ державъ. Прежде всего очевидно, что броне-

носцы дѣйствуютъ именно противъ возставшихъ критянъ, а не противъ греческихъ войскъ, занимающихъ внутреннюю часть острова подъ начальствомъ полковника Вассоса; инсургенты осаждали турецкіе форты и готовились занять Канею еще до прибытія грековъ, и участіе послѣднихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ вдоль побережья не только не подтверждается, но опровергается косвенно самими адмиралами, какъ видно, напримѣръ, изъ догадки ихъ относительно того, что̀ происходило подъ Малаксою, „за предѣлами круга зрѣнія европейскихъ броненосцевъ“. Значитъ, въ предѣлахъ круга зрѣнія иностранныхъ эскадръ нельзя было до сихъ поръ уловить ни одного случая или признака вмѣшательства греческаго регулярнаго войска въ битвы инсургентовъ съ турками; вездѣ броненосцамъ приходилось стрѣлять только въ инсургентовъ, въ кандіотовъ-христіанъ, а не въ греческихъ солдатъ и офицеровъ, которые по вполнѣ понятнымъ причинамъ предоставили все побережье туземцамъ, а сами держатся вдали отъ поля зрѣнія европейскихъ командировъ, избѣгая всякихъ непосредственныхъ съ ними столкновеній, согласно полученнымъ изъ Аѳинъ инструкціямъ.

Правда, въ депешѣ англійскаго адмирала, отъ 27-го (15-го) марта, прочитанной въ палатѣ общинъ, сказано между прочимъ, что, „по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, до Вассоса дошло предостереженіе адмираловъ (относительно Малаксы), но онъ отвѣчалъ на него приказомъ занять блокгаузъ“; что затѣмъ „инсургенты, въ виду побѣды подъ Малаксою, принялись за осаду форта, занятаго турками позади Судскаго мыса, и вообще положеніе на Критѣ такое, какъ будто Вассосъ объявилъ открытую войну противъ великихъ державъ“. Но это сообщеніе адмирала Гарриса не указываетъ источника, откуда получены свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Вассоса, и въ то же время оно само по себѣ состоитъ изъ крайне странныхъ обмолвокъ: изъ того, что *инсургенты* грозятъ *туркамъ*, занимающимъ одинъ изъ мѣстныхъ фортовъ, дѣлается заключеніе, что *вообще* Вассосъ какъ будто объявилъ войну *великимъ державамъ*. Съ одной стороны, критскіе инсургенты, существовавшіе и дѣйствовавшіе съ успѣхомъ задолго до появленія греческаго отряда, отождествляются съ этимъ отрядомъ и съ его начальникомъ Вассосомъ безъ малѣйшаго къ тому фактическаго основанія, а съ другой—военныя дѣйствія противъ турокъ и занимаемыхъ ими фортовъ приравниваются вообще къ объявленію войны великимъ державамъ, которыя въ данномъ случаѣ отождествляются съ Турціею.

Мы видимъ тутъ цѣлый рядъ недоразумѣній, за которыя должны теперь расплачиваться кандіоты, простые критскіе жители, едва ли свѣдущіе въ дипломатическихъ тонкостяхъ. Европейскія эскадры

дѣйствуютъ непріязненно относительно грековъ и ихъ судовъ, пытающихся доставить провіантъ кандіотамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно заботятся объ облегченіи насильственнаго снабженія жизненными припасами турецкихъ фортовъ, осажденныхъ критянями, и даже требуютъ отъ послѣднихъ добровольнаго пропуска провіанта для ихъ непримиримыхъ враговъ. Здѣсь кроется какая-то загадка, недоступная пониманію не однихъ только грековъ и критскихъ христіанъ. Какъ можно было предлагать кандіотамъ, сражающимся противъ турокъ и успѣвшимъ окружить ихъ форты, — чтобы они добровольно пропустили въ эти осажденные ими пункты вспомогательные турецкіе отряды съ продовольствіемъ, въ то время, какъ сами критяне нуждаются въ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ, которые къ нимъ не допускаются извнѣ? Какъ ни могущественны европейскіе броненосцы, но передѣлать естественныя человѣческія чувства и инстинкты они не въ силахъ. Брать на себя подобную задачу даже относительно горсти критянъ было бы несомнѣнною ошибкою, ибо бываютъ положенія, когда люди согласятся лучше умереть, чѣмъ насиловать свое природное чувство и поступить противъ своей совѣсти,— а кандіоты, возмутившіеся противъ турецкаго владычества, много разъ доказывали на дѣлѣ, что жизнь имъ недорога, и что они готовы охотно пожертвовать собою ради освобожденія родины отъ турокъ. Если бы адмиралы совѣтовали инсургентамъ воздерживаться отъ нападеній на турецкіе форты, въ ожиданіи добровольнаго ихъ очищенія и предстоящаго затѣмъ занятія ихъ смѣшанными европейскими отрядами, то такое предупрежденіе имѣло бы понятный смыслъ и по всей вѣроятности привело бы къ желательному практическому результату. Мало того: можно было съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ требовать воздержанія отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, въ виду предпринимаемыхъ великими державами рѣшительныхъ мѣръ къ удаленію турецкихъ войскъ. Но адмиралы предлагали кандіотамъ не простое воздержаніе отъ нападеній, а приказывали имъ остаться спокойными зрителями прихода новыхъ турецкихъ силъ съ жизненными припасами и съ боевыми принадлежностями для подкрѣпленія гарнизоновъ, осажденныхъ ими, кандіотами. Подобное приказаніе— если оно своевременно дошло до инсургентовъ въ доступной для нихъ формѣ,—могло быть понято ими только въ одномъ единственномъ значеніи,—что турки нашли могущественныхъ внѣшнихъ союзниковъ, которые довольствуются еще только словесными угрозами; отсюда—рѣшимость какъ можно скорѣе завладѣть турецкими фортами, пока иностранные броненосцы не успѣли еще высадить вспомогательныя войска для защиты и усиленія мусульманской арміи.

Было бы нелѣпо предположить, что Греція и ея полковникъ Вас-

сосъ умышленно раздражаютъ и возстановляютъ противъ себя великія державы; напротивъ, по здравому смыслу, греческое правительство и греческая армія должны всего болѣе опасаться неудовольствія и вражды руководящихъ европейскихъ кабинетовъ, отъ которыхъ зависитъ въ концѣ концовъ судьба самихъ грековъ и ихъ исконныхъ враговъ, турокъ. Но то, что̀ обязательно для правителей и дипломатовъ Греціи, не можетъ имѣть никакого примѣненія къ критскимъ инсургентамъ, къ этимъ первобытнымъ обитателямъ несчастнаго острова, которые давно уже не видятъ для себя другого исхода, кромѣ кровавой борьбы съ угнетающими ихъ турецкими пашами и башибузуками. Критскіе инсургенты не связаны никакими международными обязательствами и договорами; они имѣютъ вѣроятно весьма смутное понятіе—а можетъ быть, не имѣютъ даже никакого понятія—объ Европѣ и о великихъ державахъ; они знаютъ только Турцію, отъ которой жаждутъ избавиться съ давнихъ поръ, и Грецію, съ которою связаны племеннымъ родствомъ и вѣковыми историческими традиціями. Европейскіе дипломаты и адмиралы относятся къ критскимъ христіанамъ какъ къ противникамъ, выказывающимъ недостаточное почтеніе къ Европѣ и виновнымъ въ „упорномъ ослушаніи“ ея совѣтовъ и приказовъ; но почему же инсургенты острова Крита обязаны проникнуться сознаніемъ важности дипломатическихъ комбинацій, которыя кажутся слишкомъ неясными и запутанными большинству просвѣщенныхъ умовъ въ самой Европѣ? Что касается „упорнаго ослушанія“, то, какъ мы видѣли, оно было естественнымъ послѣдствіемъ распоряженій, совершенно неосуществимыхъ и какъ бы заранѣе разсчитанныхъ на упорное ослушаніе. Критскіе инсургенты —въ лучшемъ случаѣ такіе же простые поселяне, какъ наши крестьяне или какъ крестьяне любой изъ великихъ европейскихъ націй; но никому еще не приходило на мысль претендовать на то, что темные крестьяне какой-нибудь страны не уважаютъ Европы и великихъ державъ, а предпочитаютъ слушаться своихъ собственныхъ совѣтниковъ и свѣдущихъ людей, для которыхъ Европа есть пустой звукъ. Пускать сотни усовершенствованныхъ снарядовъ въ этихъ темныхъ людей за непониманіе ими важнаго значенія Европы и ея дипломатіи,—это, конечно, дѣло весьма печальное и грустное, продуктъ рокового недоразумѣнія. Можно сказать, что европейскіе кабинеты были только послѣдовательны въ своемъ стремленіи возстановить миръ на островѣ и предотвратить войну между Греціею и Турціею;—вѣроятно, они дѣйствовали правильно съ своей общей точки зрѣнія, но трудно винить и критянъ за ихъ невѣжество, вполнѣ простительное для заброшенныхъ островитянъ, выросшихъ притомъ въ атмосферѣ грубаго турецкаго произвола и насилія.

Но съ самаго начала, при первыхъ сношеніяхъ съ инсургентами, упущено было изъ виду, что надо считаться съ понятіями и чувствами людей, съ которыми приходится имѣть дѣло. Въ прокламаціи къ жителямъ Крита, отъ имени командировъ европейскихъ эскадръ, заявлена была „безповоротная рѣшимость великихъ державъ доставить Криту полную автономію подъ верховною властью султана", и на основаніи этой рѣшимости было предложено всѣмъ „положить оружіе". Британскій консулъ въ Канеѣ совѣтовалъ прибавить къ словамъ о верховной власти султана оговорку, что „критянамъ будетъ обезпечена безусловная независимость отъ Порты въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ и интересахъ"; но эта прибавка не была принята представителями другихъ державъ. Четверо инсургентскихъ вождей имѣли затѣмъ свиданіе съ адмиралами на итальянскомъ броненосцѣ; выслушавъ объясненія и совѣты европейскихъ командировъ, они совѣщались еще съ другими критскими предводителями и наконецъ сообщили адмираламъ свое окончательное рѣшеніе, что они видятъ передъ собою только два исхода изъ своего настоящаго положенія—или присоединеніе къ Греціи, или борьбу на жизнь и смерть. Фраза о верховной власти султана, имѣющая свой дипломатическій смыслъ, должна была произвести на кандіотовъ такое впечатлѣніе, что другого отвѣта они дать не могли; они понимали только одно, что ихъ хотятъ по прежнему подчинить турецкому владычеству, съ которымъ немыслимо имъ примириться даже наружнымъ образомъ послѣ всего совершившагося. Дальнѣйшее вытекало изъ этого перваго шага европейской дипломатіи. Адмиралы дали формально знать инсургентамъ, осаждающимъ турецкіе форты въ различныхъ мѣстностяхъ острова, что „для безопасности высадившихся или имѣющихъ высадиться иностранныхъ войскъ признается безусловно необходимымъ чтобы эти форты не перешли въ руки грековъ, и что поэтому инсургенты должны допустить доставленіе провіанта въ осажденные ими блокгаузы", подъ угрозою суровыхъ репрессалій въ случаѣ ослушанія. Какъ могли кандіоты понять это заявленіе о томъ, что форты должны быть заняты непремѣнно турками, а не греками? Безопасность высадившихся европейскихъ войскъ—аргументъ довольно убѣдительный въ устахъ адмираловъ, хотя и трудно сообразить, почему эта безопасность подвергалась бы риску отъ сосѣдства слабыхъ греческихъ отрядовъ; но слѣдуетъ ли удивляться, что для критянъ несравненно ближе и дороже ихъ собственная безопасность, которой дѣйствительно всегда грозило и грозитъ присутствіе турецкихъ солдатъ и башибузуковъ? При такихъ обстоятельствахъ и при такомъ способѣ убѣжденія кандіотовъ въ необходимости исполнять даваемые имъ совѣты, ослушаніе было неизбѣжно; а ослушаніе должно было

повлечь за собою исполненіе угрозы — стрѣльбу въ инсургентовъ съ европейскихъ броненосцевъ, такъ что одно недоразумѣніе тянуло за собою другое. Отъ того и происходитъ вся та запутанность нынѣшняго положенія, въ которой мудрено разобраться при одной поверхностной оцѣнкѣ совершающихся событій.

Непріязненное отношеніе къ Греціи, проявляющееся нынѣ въ значительной части западно-европейской печати, имѣетъ въ сущности чисто формальные мотивы. Греція вмѣшалась въ критскія дѣла и стала готовиться къ войнѣ съ Турціею, располагая весьма скудными финансовыми и военными средствами; она нарушила общую увѣренность въ сохраненіи мира между державами и затѣмъ не желаетъ или не можетъ подчиниться настойчивымъ совѣтамъ дипломатіи — отозвать войска съ острова Крита и прекратить вооруженія. Но греческое правительство не располагаетъ уже свободою дѣйствій; оно связало себя первымъ шагомъ, который также сдѣланъ былъ подъ давленіемъ общественнаго и народнаго возбужденія. Отозвать войска, когда они уже благополучно водворились на островѣ, и опять оставить Критъ подъ властью турецкихъ гарнизоновъ, послѣ восторженныхъ надеждъ, вызванныхъ въ странѣ отправленіемъ экспедиціоннаго отряда полковника Вассоса,—едва ли возможно теперь для Греціи, если не будетъ допущена въ ея пользу какая-нибудь политическая, хотя бы только внѣшняя уступка. Какъ бы строго ни относиться къ грекамъ, но во всякомъ случаѣ они заслуживали бы нѣкотораго снисхожденія со стороны просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ, такъ какъ и къ Турціи дипломатія относится довольно снисходительно, несмотря на всѣ ея грѣхи. Между тѣмъ, судя по многимъ признакамъ, можно бы думать, что великія державы склонны теперь обращаться съ Греціею гораздо хуже и рѣзче, чѣмъ съ турками. Осенью прошлаго года рѣшено было прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ относительно Порты, если она не приметъ и не введетъ въ дѣйствіе необходимыхъ реформъ, выработанныхъ европейскою дипломатіею; однако объ этихъ мѣрахъ и вообще о турецкихъ реформахъ ничего не слышно съ тѣхъ поръ. Въ настоящее время идетъ рѣчь объ энергическихъ мѣрахъ противъ Греціи. о блокадѣ ея портовъ, а въ критскихъ водахъ поступаютъ съ ея кораблями какъ съ непріятельскими; въ этомъ отношеніи замѣчается несравненно бо́льшая рѣшительность и быстрота дѣйствій, чѣмъ относительно Турціи. Это неравенство отношеній также, вѣроятно, имѣетъ свои причины; но оно непріятно должно поражать всякаго, не посвященнаго въ дипломатическія тайны.

Весьма некстати для Турціи напомнили о себѣ уже какъ будто забытыя „армянскія звѣрства“: въ Токатѣ, въ сивасскомъ вилайетѣ,

произошло новое избіеніе, жертвы котораго насчитываются сотнями, и мѣстныя турецкія власти, по обыкновенію, предоставили башибузукамъ дѣйствовать безпрепятственно. Рѣзня произошла 19 (7) марта, почти одновременно съ тѣмъ, какъ на островѣ Критѣ турецкіе гарнизоны объявлены были необходимыми для безопасности европейскихъ христіанъ. Невольно почувствовалось противорѣчіе между дипломатическими предположеніями и непріятными, настойчиво напоминающими о себѣ фактами. Несбывшіяся турецкія реформы и дѣйствительныя основы режима, вновь освѣщенныя избіеніемъ христіанъ въ Токатѣ, внесли нѣкоторый диссонансъ въ новѣйшія заботы дипломатовъ о поддержаніи и сохраненіи принципа неприкосновенности оттоманской имперіи, ея верховныхъ правъ на островѣ Критѣ и въ другихъ мѣстахъ, населенныхъ христіанами.

Современное политическое положеніе, при всей своей запутанности не угрожаетъ, повидимому, близкою европейскою войною; оно едва ли можетъ пока привести къ опасному общему кризису, такъ какъ восточный вопросъ въ его цѣломъ никѣмъ еще не поставленъ — и едва ли можетъ быть скоро поставленъ на практическую почву въ Европѣ.

Второстепенныя балканскія государства призваны, безъ сомнѣнія, играть значительную роль въ событіяхъ, связанныхъ съ турецкими дѣлами на европейскомъ юго-востокѣ. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ особенный интересъ состоявшееся недавно торжественное сближеніе между правительствами Сербіи и Болгаріи.

По поводу современнаго положенія Сербіи и ея новыхъ отношеній къ Болгаріи мы получили изъ Бѣлграда отъ одного весьма компетентнаго дѣятеля обстоятельное письмо, которому охотно удѣляемъ мѣсто въ нашемъ обозрѣніи:

„Режимъ государственнаго переворота въ Сербіи, установившійся съ 9-го января 1894 года, приближается нынѣ къ своему концу. Этотъ режимъ, съ отжившей конституціей 1869 года, не могли упрочить ни насильственныя и застращивающія мѣры „нейтральныхъ“ кабинетовъ Свѣтомира Николаѐвича и Николая Христича, ни псевдо-конституціонный кабинетъ ученаго академика г. Новаковича. Оно и понятно. Потрясеніе 9-го января 1894 года не было логическимъ явленіемъ внутренней жизни страны, которая находилась на вѣрномъ пути своего экономическаго и финансоваго укрѣпленія. Оно было вызвано безпокойнымъ эксъ-королемъ Сербіи, который, несмотря на добровольное отреченіе не только отъ престола, но и отъ всѣхъ правъ въ Сербіи, не могъ воздержаться отъ дальнѣйшаго пагубнаго вліянія на ея судьбы.

„Сербія—страна демократическая. Конституціонный образъ правленія отвѣчаетъ духу и традиціямъ народа. „Народна Скупштина", исходящая только изъ свободныхъ выборовъ, одна можетъ быть настоящею представительницею общественнаго мнѣнія въ странѣ. Такого характера не могла имѣть „скупштина" государственнаго переворота, которую составляли не выборные, а отъ полицейскихъ органовъ назначенные депутаты. И несмотря на всю внѣшнюю парламентарную корректность, какую старался соблюдать кабинетъ Новаковича, ему все-таки не удалось ни разсѣять недовѣріе страны, ни упрочить за собою дальнѣйшую поддержку короля. Юный правитель Сербіи еще раньше пришелъ къ сознанію, что сдѣланный по внушенію его отца coup d'état не поведетъ къ добру, и, не желая дѣлать новыхъ сюрпризовъ, онъ дожидался конца истекшаго года, когда скупштина послѣдней сессіи заканчивала свои работы. Тогда онъ отпустилъ напредняцкое министерство Новаковича и образовалъ теперешній кабинетъ Симича, поставивъ ему главной задачей пересмотръ конституціи и возвращеніе конституціоннаго порядка.

„Новый сербскій кабинетъ по большей части составленъ изъ т.-н. радикаловъ; поэтому появленіе его подѣйствовало успокоительно на умы и возбудило довѣріе въ народѣ.

„Хотя возникшій греческій кризисъ временно отвлекъ вниманіе правительства отъ внутреннихъ вопросовъ, и оно не могло до сихъ поръ приступить къ главной своей задачѣ по пересмотру конституціи, тѣмъ не менѣе оно можетъ справедливо гордиться однимъ важнымъ успѣхомъ во внѣшней политикѣ. Окончательное примиреніе и сближеніе Сербіи съ Болгаріей—давнишняя мечта всѣхъ просвѣщенныхъ патріотовъ обѣихъ родственныхъ сосѣднихъ странъ—теперь совершившійся фактъ. Личное свиданіе въ прошломъ году князей болгарскаго и черногорскаго съ сербскимъ королемъ въ Бѣлградѣ, а теперь недавній визитъ короля Александра, сдѣланный князю Фердинанду въ Софіи, скрѣпилъ узы дружбы трехъ славянскихъ балканскихъ государствъ. Это не можетъ не имѣть благотворнаго вліянія на будущія судьбы Балканскаго полуострова.

„Сдержанность Сербіи относительно теперешняго греческаго волненія предписана ей самою же Греціей. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ Греція никогда не высказывала желанія войти въ болѣе близкія отношенія съ Сербіей. Во время нашихъ войнъ съ Турціей 1876—78 годовъ, напротивъ, она хотѣла показать, что съ сербами не хочетъ имѣть общаго дѣла. Даже почти на дняхъ она отказалась примкнуть къ сербско-болгарскому соглашенію, признавая его, вѣроятно, стѣснительнымъ для осуществленія своихъ широкихъ пан-эллинскихъ вожделѣній. Желая грекамъ всякаго успѣха, мы, однако,

думаемъ, что только въ искреннемъ соглашеніи и сближеніи небольшихъ балканскихъ государствъ можно найти вѣрную основу для обороны ихъ національныхъ интересовъ и для противодѣйствія завоевательнымъ планамъ на Балканскомъ полуостровѣ нашей доброй сосѣдки Австро-Венгріи".

Трудно, конечно, предвидѣть, какое положеніе займутъ славянскія государства при дальнѣйшемъ ходѣ событій, особенно если онъ сдѣлается неблагопріятнымъ для мира; но, судя по послѣднему замѣчанію автора письма, едва ли можно думать, что прежнія ошибки греческой политики, по отношенію славянскихъ государствъ, могутъ когда-нибудь побудить ихъ спасать Турцію отъ Греціи, совмѣстно съ Австро-Венгріею—ихъ „доброю сосѣдкой".

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1897.

— **Кн. Евгеній Трубецкой. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI-мъ вѣкѣ.—Идея Божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII-го и публицистовъ его современниковъ. Кіевъ, 1897.**

Новый трудъ даровитаго ученаго, какъ по руководящей мысли, такъ и по заглавію, связанъ съ вышедшимъ пять лѣтъ тому назадъ его же сочиненіемъ: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Міросозерцаніе блаженнаго Августина". Можно пожалѣть, что авторъ изъ V вѣка прямо перешелъ въ XI-й, —отъ блаженнаго Августина къ Григорію VII-му,—минуя такихъ важныхъ и во многихъ отношеніяхъ интересныхъ созидателей западной теократіи, какъ папы Левъ Великій, Григорій Великій, Николай I. Скажемъ, впрочемъ, спасибо и за то, что̀ намъ даютъ. Книга кн. Трубецкого посвящена Борису Николаевичу Чичерину, какъ „воспитателю молодого поколѣнія русскихъ государствовѣдовъ",—и на ней дѣйствительно отразилось вліяніе этого глубоко-серьезнаго, многообъемлющаго и возвышеннаго ума. Излагая во всей подробности и со всѣмъ подобающимъ ученымъ аппаратомъ историческую дѣятельность Григорія VII, нашъ авторъ не упускаетъ изъ виду общій смыслъ этой дѣятельности, то, что̀ даетъ ей настоящую важность, и всѣ частные факты въ сочиненіи являются какъ подтвержденія и иллюстраціи его основной идеи. Имя самаго энергичнаго и воинствующаго изъ папъ связано главнымъ образомъ съ троякою борьбою: противъ женитьбы духовенства, противъ симоніи и противъ инвеституры. Особенно важно и интересно то, что̀ нашъ авторъ говоритъ относительно послѣдняго пункта. Обыкновенно борьба Григорія VII противъ Генриха IV представляется какъ типичный примѣръ антагонизма между духовною властью и властью свѣтскою. Весьма убѣдительныя соображенія и доводы кн. Трубецкого должны въ корнѣ

измѣнить такой взглядъ. Свѣтской власти въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ въ средніе вѣка вообще не было, а германская имперія менѣе всякаго другого учрежденія могла соотвѣтствовать такому понятію.— Власть церковная и власть государственная одинаково имѣютъ священный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ у обѣихъ духовная сторона неразрывно связана съ матеріальною. Территоріальныя и имущественныя права церковныхъ предстоятелей суть непремѣнная принадлежность самаго ихъ сана, и въ этомъ смыслѣ духовные, какъ такіе, обладаютъ свѣтскою властью; но какъ разъ вслѣдствіе этого тотъ верховный властитель, отъ котораго они зависятъ съ мірской стороны, т.-е. императоръ, оказывается распорядителемъ и духовной власти. И въ этомъ именно пунктѣ возникаетъ роковой вопросъ объ его отношеніи къ главѣ священства. „Въ основѣ произведенія публицистовъ клерикальнаго и императорскаго лагеря,—пишетъ кн. Трубецкой,—лежитъ общее обѣимъ партіямъ теократическое міровоззрѣніе, общій обѣимъ идеалъ божескаго царства... Обѣимъ партіямъ чуждо пониманіе государства, его самостоятельныхъ задачъ и цѣлей. Обѣ видятъ въ немъ лишь проявленіе, *часть* церкви. Имперіалисты такъ же далеки отъ мысли о секуляризаціи государства, какъ и ихъ противники—клерикалы; различіе между ними заключается лишь въ томъ, что одни видятъ въ царѣ власть *надъ церковью*, другіе видятъ въ немъ подчиненное должностное лицо *въ церкви*. Для обѣихъ партій „царствовать надъ христіанами“ и „управлять церковью“, хотя бы частью или одною стороной церкви, суть понятія синонимическія“ (стр. 92).

Здѣсь было, значитъ, противоположеніе не между церковью и государствомъ, или между духовною властью и свѣтскою, а между двумя высшими духовно-свѣтскими властями въ самой церкви. „Споръ объ инвеститурѣ, — продолжаетъ кн. Трубецкой, — не есть борьба между церковью и государствомъ, а столкновеніе двухъ формъ, двухъ органовъ теократіи — борьба между царственнымъ священствомъ и святительскимъ царствомъ. Въ этомъ всего болѣе убѣждаетъ насъ самая исторія спора. — Церковный споръ XI-го и начала XII-го вѣка есть преимущественно споръ между папствомъ и имперіей, именно потому, что священная римская имперія представляетъ собою наиболѣе законченный типъ, классическое олицетвореніе царской теократической идеи. Въ Германіи и въ Италіи, въ занимающую насъ эпоху, король и императоръ можетъ править своимъ царствомъ лишь въ качествѣ вѣнчаннаго святителя — главы іерархіи. Власть государя надъ епископатомъ здѣсь составляла особую привилегію монарха, его отличіе отъ прочихъ мірянъ, въ томъ числѣ герцоговъ, князей, графовъ. Только въ силу этой исключительной привилегіи, связанной съ его саномъ, онъ можетъ держать

въ страхѣ своихъ алчныхъ, честолюбивыхъ свѣтскихъ вассаловъ и принуждать ихъ къ повиновенію" (стр. 94).—Вопросъ объ инвеститурѣ былъ прежде всего вопросомъ о взаимномъ отношеніи двухъ главъ теократіи—о правахъ святительской власти надъ царствомъ и о святительскихъ полномочіяхъ царской власти" (стр. 96—97).

Взгляды автора въ первыхъ четырехъ главахъ его труда доказываются исторически и едва ли могутъ вызывать серьезныя возраженія. Спорными, а иногда и явно ошибочными слѣдуетъ признать нѣкоторыя обобщенія въ двухъ послѣднихъ главахъ, гдѣ авторъ хочетъ дать окончательную оцѣнку теократическому „идеалу" XI-го в. Прежде всего возбуждаютъ недоумѣніе самыя слова „религіозно-общественный идеалъ" и вообще „идеалъ", играющія столь важную роль въ обоихъ сочиненіяхъ кн. Трубецкого. Я имѣю въ виду не тотъ фактъ, что такихъ словъ не существовало въ средневѣковой терминологіи. Это бы еще не бѣда, еслибы существовали въ то время соотвѣтствующія имъ близкія понятія. Но ихъ не было и не могло быть. Общественный идеалъ есть представленіе о наилучшемъ устройствѣ человѣческаго общежитія, а когда въ основу этого представленія кладутся извѣстныя истины вѣры, то получается идеалъ религіозно-общественный. Но при этомъ всегда разумѣется наилучшее устройство общежитія въ предѣлахъ нашего земного, или точнѣе природнаго существованія. Представленіе о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ никто не рѣшится назвать „религіозно-общественнымъ идеаломъ". Но вѣдь по вѣрѣ христіанской истинный порядокъ жизни, или то ея устройство, которое безусловно *должно* быть, находится именно лишь за предѣлами земного существованія. Конечно, у христіанъ новыхъ временъ, хоть бы и вѣрующихъ въ будущее блаженство, но не занятыхъ всецѣло мыслію о немъ, можетъ быть представленіе объ *относительно*-лучшемъ общественномъ порядкѣ и на этой землѣ. Но у христіанъ XI-го вѣка не могло быть и такого относительнаго и провизорнаго „идеала", по причинамъ, о которыхъ обстоятельно говоритъ и нашъ авторъ въ своей послѣдней главѣ, а именно потому, что эти христіане, не исключая и Григорія VII, непрестанно ждали кончины міра и страшнаго суда. Психологически невозможно при такомъ ожиданіи,—серьезный характеръ котораго вполнѣ признается нашимъ авторомъ,—думать и дѣйствовать для осуществленія на землѣ какого-нибудь нормальнаго порядка, когда не нынче завтра эта „земля и всѣ дѣла на ней" должны сгорѣть. На взглядъ людей XI-го вѣка послѣднія времена уже наступили, всеобщая катастрофа уже началась. Но кто же, видя начавшійся пожаръ въ своемъ домѣ, станетъ думать о приведеніи этого дома въ порядокъ, о его наилучшемъ

убранствѣ и украшенія? Чѣмъ же, однако, объяснить въ такомъ случаѣ неустанную и необъятную дѣятельность Григорія VII-го на пользу всего христіанскаго міра? Онъ самъ даетъ объясненіе въ тѣхъ библейскихъ словахъ, въ которыхъ онъ передъ смертью выразилъ смыслъ своей жизни: „Я возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе, сего ради умираю въ изгнаніи". Онъ дѣйствовалъ не для осуществленія какого-нибудь идеала, а *потому*, что возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе. Dilexi justitiam et odi inequitatem,—вотъ достаточный мотивъ для дѣятельности такого человѣка. Правда не теряетъ своей силы и наканунѣ страшнаго суда, когда ни о какомъ здѣшнемъ идеалѣ не можетъ быть рѣчи. Въ самомъ концѣ апокалипсиса читаемъ: и „праведный да творитъ правду еще, и святый да святится еще". Средневѣковой міръ чувствовалъ себя глубоко лежащимъ въ крайнемъ злѣ, и борьба съ этимъ зломъ была не „идеаломъ", а просто нравственною обязанностью всѣхъ христіанъ. Объемъ же и характеръ борьбы опредѣлялся провиденціально личнымъ положеніемъ каждаго. Назначенный, какъ онъ вѣрилъ, по особой волѣ Божіей быть верховнымъ предстоятелемъ всего христіанскаго міра въ эти наихудшія времена, Григорій VII долженъ былъ отстаивать правду во всей вселенной, повинуясь данному ему свыше порученію, и, конечно, не ожидая дѣйствительнаго осуществленія идеальнаго порядка на той землѣ, которая была для него вдвойнѣ землею изгнанія, но которая, по его убѣжденію, не надолго должна была пережить его самого. Говорить при этомъ объ идеалѣ Григорія VII или другихъ представителей средневѣкового міровоззрѣнія можно только принимая „идеалъ" за синонимъ нравственнаго мотива вообще, что едва ли основательно.

Излагая по письмамъ Григорія VII средневѣковыя идеи о папской власти, объ апостолѣ Петрѣ и т. д., нашъ авторъ впадаетъ въ ту ошибку, что совсѣмъ не различаетъ собственно-религіозную и собственно-церковную стороны дѣла,—интересъ личнаго благочестія и интересъ публичныхъ задачъ теократіи. Между тѣмъ, при всей ихъ связи въ общемъ, эти двѣ стороны не могутъ совпадать въ частностяхъ. Кн. Трубецкой утверждаетъ, напримѣръ, что для средневѣковыхъ вѣрующихъ ап. Петръ какъ бы заслоняетъ собою Христа. Это можетъ быть справедливо относительно публичной стороны церкви; здѣсь Христосъ заслоняется Петромъ такъ же, какъ и Петръ въ свою очередь заслоняется папой. Но такъ ли это для религіозной души—личной и народной? Конечно, нашъ авторъ не станетъ спорить, что съ этой собственно-религіозной стороны рядомъ съ Христомъ стоитъ въ средніе вѣка не Петръ и не папа, а только Богородица. Вотъ замѣчательный и рѣшающій фактъ: въ „законническомъ" строѣ средне-

вѣковой теократіи для Мадонны нѣтъ мѣста, и нашъ авторъ не упоминаетъ о ней, кажется, ни однимъ словомъ,—а въ дѣйствительной средневѣковой религіи Она, безспорно, первенствуетъ!

Средневѣковыя понятія о папской власти излагаются авторомъ безъ достаточной богословской точности. Такъ, онъ настаиваетъ на существовавшемъ и существующемъ будто бы у западныхъ христіанъ представленіи о *святости* папъ ex officio, то-есть будто бы самый санъ папы дѣлаетъ своего носителя святымъ человѣкомъ. Насколько это неосновательно, явствуетъ уже изъ того, что католическая церковь въ средніе вѣка, какъ и теперь, признавала *нѣкоторыхъ* папъ святыми, слѣдовательно тѣмъ самымъ объявляла остальныхъ папъ *не-святыми*.

Главная ошибка автора рѣзко выражается въ той общей оцѣнкѣ средневѣкового міросозерцанія, или „идеала", которою онъ заканчиваетъ свою книгу. „Поскольку Григорій VII и другіе учители среднихъ вѣковъ требуютъ, чтобы правовой порядокъ господствовалъ не только внутри отдѣльныхъ государствъ, но и въ международной сферѣ, поскольку они хотятъ, чтобы всѣ народы сложились въ „мирное сообщество правды",—они несомнѣнно стоятъ на почвѣ универсальныхъ христіанскихъ началъ. Но поскольку господство единой власти, единаго закона надъ человѣчествомъ служитъ для нихъ *высшею цѣлью*, поскольку они отождествляютъ „божеское царство" съ внѣшнею іерархическою организаціей и смѣшиваютъ порядокъ правовой съ порядкомъ благодатнымъ,—ихъ христіанство есть христіанство одностороннее, *законническое*" (стр. 363).

Что историческое христіанство въ средніе вѣка, а отчасти и послѣ нихъ, было одностороннимъ—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Оно было такимъ у Григорія VII и Иннокентія III, какъ и у Іосифа Волоцкого, или Стефана Яворскаго, у св. Доминика, какъ и у Кальвина, у Генриха IV, какъ и у Ивана IV. Но то опредѣленіе односторонности собственно средневѣкового западнаго христіанства, какое даетъ нашъ авторъ, поражаетъ своею странностью. Какимъ образомъ Григорій VII и другіе учители среднихъ вѣковъ могли считать папскую монархію *высшею цѣлью*? Развѣ они отрекались отъ христіанскаго догмата о второмъ пришествіи Христа и о жизни будущаго вѣка, гдѣ никакой другой власти, кромѣ Божіей, не будетъ, и эта Божія власть совпадетъ съ любовью? Мы знаемъ, напротивъ, что если они чѣмъ-нибудь погрѣшали на этотъ счетъ, то лишь преждевременнымъ ожиданіемъ кончины міра и, слѣдовательно, осуществленія высшей цѣли, ничего общаго съ законничествомъ не имѣющей. А практическая дѣятельность Григорія VII и его единомышленниковъ имѣла, конечно, законническій характеръ, но это относилось не къ высшей цѣли, а къ низшимъ потребностямъ повседневной обществен

ной жизни. Среди средневѣкового хаоса, въ царствѣ насилія и безправія, церковная власть въ достойныхъ своихъ представителяхъ *должна* была принять законническій характеръ. Принципіальный недостатокъ средневѣковой системы заключался не въ этомъ, а въ безъисходномъ столкновеніи двухъ верховныхъ властей—въ томъ бѣдствіи, на которое указываетъ неизвѣстный стихотворецъ конца XI-го вѣка: „Папа желаетъ лишить короля королевства, король, напротивъ того, стремится отнять у папы папство. О, еслибы былъ между ними судья, который могъ бы рѣшить споръ такъ, чтобы король сохранилъ королевство, а папа—папство! Это было бы великимъ счастьемъ и спасеніемъ отъ двоякаго зла". Въ средневѣковой системѣ не хватало такой третьей власти, такого третьяго „органа теократіи", по выраженію нашего автора. Но этотъ предметъ, котораго не коснулась разбираемая книга, не входитъ и въ задачу настоящей рецензіи. Въ заключеніе я долженъ сказать, что указанные изъяны въ изслѣдованіи кн. Е. Н. Трубецкого рѣшительно отступаютъ на задній планъ передъ положительными достоинствами этого превосходнаго сочиненія, составляющаго одно изъ рѣдкихъ пріобрѣтеній нашей исторической литературы за послѣднее время.—Вл. С.

— **Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Н. Кондакова, заслуженнаго профессора Спб. университета. Томъ первый. Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 политипажами. Спб. 1896.**

Новый трудъ г. Кондакова есть крупное событіе въ нашей археологической литературѣ. Изученія древности у насъ еще новы: старѣйшее Археологическое общество только въ концѣ прошлаго года отпраздновало 50-лѣтній юбилей своей дѣятельности. Правда, изслѣдованія древности—въ тѣхъ или другихъ направленіяхъ—начались гораздо раньше, еще съ прошлаго столѣтія; но ежели и въ прежнее время онѣ бывали обыкновенно только отрывочны, то большею частью онѣ остаются таковыми и до сихъ поръ. Эта отрывочность имѣетъ конечно свои объясненія: наша археологія еще только собираетъ свой матеріалъ; почва розысковъ этого матеріала громадна—раскопки, требующія конечно денежныхъ средствъ, должны совершаться отъ Крыма и Кавказа до Перми и отъ западнаго края до Волги и Урала (говоря только объ европейской Россіи); археологическіе періоды идутъ отъ „каменнаго" и „бронзоваго" вѣка до скиѳскихъ кургановъ, до древностей восточныхъ, византійскихъ, наконецъ до русскихъ памятниковъ. На все это требуется и полагается много труда, но въ большинствѣ случаевъ дѣло все еще останавливается на этой первой стадіи—собираніи матеріала и его частныхъ объясненіяхъ. Для успѣха

самаго дѣла нужны были бы, однако, обобщенія по крайней мѣрѣ того, что̀ уже собрано, нужно объясненіе фактовъ съ тѣми данными въ рукахъ, какія уже добыты цѣлой археологической наукой, съ тѣми пріемами, какіе выработаны въ археологической критикѣ. Такого рода изслѣдованій у насъ еще слишкомъ мало. Однимъ изъ первыхъ, если не первымъ опытомъ такого цѣльнаго взгляда и изслѣдованія были „Русскія древности въ памятникахъ искусства", изданіе которыхъ предпринято было въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Н. П. Кондаковымъ и гр. И. И. Толстымъ. Настоящій трудъ г. Кондакова имѣетъ болѣе спеціальную цѣль — изслѣдованіе древности періода великокняжескаго, но съ тѣмъ же широкимъ взглядомъ на историческія и международныя отношенія русскихъ памятниковъ; самая древность, объясняемая имъ въ этомъ трудѣ, есть древность предметная—содержаніе кладовъ до-монгольскаго періода, какіе открываемы были въ теченіе нынѣшняго столѣтія, и изъ числа которыхъ были особенно замѣчательны клады, встрѣченные въ восьмидесятыхъ годахъ въ самомъ центрѣ Кіева.

На первыхъ страницахъ книги г. Кондаковъ опредѣляетъ историческое значеніе этихъ кладовъ и, устраняя одностороннія теоріи, державшіяся въ археологіи вслѣдствіе тѣснаго горизонта наблюденій, указываетъ тотъ историческій путь, какимъ шло развитіе этого древняго искусства, и на основаніи котораго только и можетъ быть пріобрѣтено правильное объясненіе предметовъ, уцѣлѣвшихъ въ кладахъ далекой древности. Автору приходилось даже доказывать важность и историческую необходимость изученія этого разряда древностей.

„Подъ именемъ *кладовъ*,—говоритъ г. Кондаковъ,—издавна принято разумѣть тѣ предметы матеріальной цѣнности, которые, будучи нѣкогда сокрыты въ нѣдра земли, наскоро сложенными, или тщательно спрятанными, ради сохранности, и въ надеждѣ собственника ими воспользоваться по милованіи опасности, уцѣлѣли равно отъ расхищенія и своевременнаго вскрытія, для того, чтобы составить историческую или археологическую находку. Кладъ всегда, но для опредѣленнаго времени и мѣста, составляетъ своего рода сокровище въ собственномъ и переносномъ смыслѣ, но его цѣнность можетъ или быть исключительно матеріальною, если кладъ заключается въ слиткахъ и массѣ одинаковыхъ монетъ, или составить важный памятникъ древности. Именно, въ сферѣ русской древности до-монгольскаго періода клады, состоящіе почти исключительно изъ предметовъ бытовыхъ и художественныхъ уборовъ и украшеній всякаго рода, являются съ такимъ особо важнымъ значеніемъ"... „Однако, и теперь изученіе русскихъ кладовъ не можетъ еще считаться начатымъ, и доселѣ держится отрицательный взглядъ на самостоятельное значеніе

всей группы кладовъ по отношенію къ такъ называемой до-исторической древности, или, какъ въ русской археологіи уже установилось, къ древностямъ курганнымъ, точнѣе — погребальнымъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, изслѣдователи курганныхъ древностей сторонятся отъ кладовъ, отказываясь даже понимать ихъ отдѣльные предметы, относя ихъ безусловно къ позднѣйшей эпохѣ, почти отрицая связь вещей и формъ въ кладахъ и курганныхъ древностяхъ. Главный недостатокъ кладовъ, какъ памятника, полагаютъ въ случайности ихъ состава и подбора предметовъ: клады зарываются на̀скоро, въ суетѣ, въ страхѣ передъ нашествіемъ, пожаромъ, истребленіемъ дома и семьи, состоятъ изъ вещей, случайно попавшихъ подъ руку, разрозненныхъ, разбросанныхъ, нерѣдко лишнихъ вещей и уборовъ, не бывшихъ въ обиходѣ, не на себѣ бывшихъ, а хранившихся въ ларцѣ, часто изъ лому и браку, лежавшаго тамъ въ кучѣ. Многіе отказываются понимать неполный подборъ предметовъ, оторванныхъ отъ ихъ назначенія, насильственно рознятыхъ, лишенныхъ паръ, крючковъ, прикрѣпленій, иногда прямо брошенныхъ въ кладъ частями. Находятъ мало интереса въ предметахъ кладовъ по ихъ бо̀льшей или ме́ньшей (что̀, однако, не было установлено точно) одновременности—предполагается, что клады въ большинствѣ (особенно кіевскіе) зарыты наканунѣ монгольскаго разоренія. Наконецъ, обычно жалуются на дурное состояніе предметовъ, вслѣдствіе самыхъ условій сокрытія вещей въ грубомъ горшкѣ, ящикѣ, въ мусорѣ двора, среди развалинъ и пр., и на дурныя условія случайной находки, при землекопныхъ и пахотныхъ работахъ и т. д.

„Но всѣ эти детальныя возраженія противъ исторической важности кладовъ, какъ бы ни были сами по себѣ вѣрны и точны, уступаютъ мѣсто тому общепризнанному факту, что клады образуютъ въ Россіи какъ бы продолженіе курганныхъ древностей, точнѣе говоря, являются со времени распространенія христіанства и исчезновенія языческихъ погребальныхъ обычаевъ, оставившихъ намъ курганы, единственными (впредь до изслѣдованія христіанскихъ могильниковъ) вещественными древностями, мѣстами уже въ эпоху XI-го столѣтія, мѣстами для XII-го и XIII-го вѣковъ".

Авторъ указываетъ далѣе одностороннее направленіе курганной археологіи, которая хочетъ брать на себя задачи „науки первобытной древности"; въ результатѣ этого односторонняго направленія является то, что „древностями вещественными занимаются естествоиспытатели, этнографы, антропологи, историки, словомъ, всѣ тѣ, кто наименѣе приготовленъ къ ихъ изученію, и наоборотъ, благодаря установившимся отношеніямъ, курганныхъ древностей чуждается историкъ искусства". Съ другой стороны,—замѣчаетъ авторъ,—не-

смотря на всѣ толки о прогрессѣ (въ историческомъ развитіи), „какъ только надо его понять по существу, какъ непрерывную историческую связь явленій, его нить разомъ перерывается во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ есть нація, на памяти исторіи выработавшаяся изъ варварскаго племени, а разъ нить эта порвана, каждый уже тянетъ свой конецъ въ свою сторону. Ученые при этомъ процессѣ слѣдуютъ, конечно, внушеніямъ неодолимаго еще для науки узкаго патріотизма, которымъ они пытаются сдабривать свои обзоры національныхъ древностей, взамѣнъ научнаго анализа, но источникъ этого непониманія кроется, отчасти, въ томъ мракѣ, который окутываетъ еще древности Византіи и Востока". Эта односторонность является естественно, когда изслѣдователь ограниченъ только тѣмъ кругомъ мѣстныхъ фактовъ, какой ему наиболѣе доступенъ. Такова односторонность скандинавскихъ и иныхъ археологовъ. Сильный поворотъ къ болѣе правильному пониманію этой древности авторъ указываетъ въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя, особливо съ семидесятыхъ годовъ, сдѣланы были на сѣверномъ Кавказѣ, на берегахъ Дона и въ Венгріи. Теперь становится ясно, что „великое переселеніе народовъ было окончательнымъ перенесеніемъ этого новаго „готскаго" (мнимаго первобытно-скандинавскаго) стиля, вѣрнѣе восточно-варварскаго, на римскій западъ, и одною изъ интереснѣйшихъ задачъ будущаго археологическаго изслѣдованія со временемъ явится вопросъ объ источникахъ этого стиля, охватившаго индустрію Европы отъ Кавказа до Испаніи и Англіи включительно". Теперь признано, что „переселеніе народовъ было переносомъ съ одного конца Европы на другой своеобразной культуры, а потому наступило время и для историческаго, сравнительнаго изученія варварскихъ древностей, начиная съ источниковъ въ искусствѣ восточномъ и греко-римскомъ, идя затѣмъ по пути самыхъ народовъ черезъ южную Россію и по теченію Дуная до краевъ Европы и кончая изученіемъ всѣхъ встрѣченныхъ на этомъ пути вліяній, перемѣнъ и историческаго развитія въ періодъ съ III по VI столѣтіе включительно". *Изученіе стиля* откроетъ въ предметахъ не одни нумера раскопокъ, но установитъ историческую связь культурныхъ явленій, поставитъ археологію впервые на степень науки и „въ будущемъ поведетъ къ созданію историческаго періода тамъ, гдѣ имѣемъ лишь ходячія и книжныя легенды, отрывочные факты, переданные безъ пониманія лѣтописцемъ и сочиненныя по рефлексу построенія примитивнаго быта".

Въ этомъ смыслѣ археологическія соображенія наводятъ автора на слѣдующія чрезвычайно любопытныя заключенія о самыхъ историческихъ судьбахъ древней Руси.

„Въ русскихъ древностяхъ періода великокняжескаго господствуетъ

подобное же историческое заблужденіе: періодъ этотъ считается темнымъ не по одному лишь отсутствію историческихъ свидѣтельствъ, но и по господствовавшему будто бы въ немъ примитивному варварству; историки заранѣе отказываются изучать бытъ этой темной, безличной, однообразной среды земледѣльческаго быта и первобытнаго состоянія звѣролововъ и кочевниковъ. Между тѣмъ, нельзя принимать безъ критики и даже рѣшительнаго отпора тѣхъ заключеній о примитивности древней Руси, которыя сдѣланы нашими историками, только на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца. Нельзя отождествлять добрые нравы, чистые христіанскіе обычаи съ культурою племени, которая, напр., могла стоять въ языческомъ періодѣ для извѣстной мѣстности выше, чѣмъ въ періодъ христіанскій, по разнымъ причинамъ. Еще менѣе можно характеристику промысловъ древней Руси начинать съ звѣриныхъ лововъ, рыболовства, бортничества, скотоводства и иныхъ формъ хищническаго пользованія природными богатствами, тогда какъ, очевидно, основнымъ занятіемъ славянскихъ племенъ было земледѣліе, а рядомъ съ нимъ издревле уживались и развивались по мѣстностямъ, подъ условіемъ торговли, всевозможные промыслы и ремесла. Не было заводовъ, фабрикъ, но тѣмъ больше было мастерскихъ, и такъ какъ, кромѣ Кіева, Новгорода, Чернигова и Смоленска, торговыхъ городовъ было мало, то тѣмъ шире распространялась кустарная промышленность, стоявшая въ до-монгольскій періодъ даже выше, чѣмъ въ московское время, въ періодъ стѣсненія торговыхъ сношеній, съуженія страны, обособленія ряда областей на западѣ, югѣ и востокѣ, подъ гнетомъ страшныхъ нашествій.

„Русь до-монгольскаго періода была, въ народной жизни, богаче, развитѣе, выше ближайшаго послѣдующаго періода, потому что эта жизнь развивалась шире, во всѣ стороны, и была разнообразна, благодаря небывалому въ исторіи иныхъ народовъ соединенію разнообразныхъ племенъ въ одной странѣ, какъ бы подъ однимъ гостепріимнымъ кровомъ. Въ этомъ соединеніи, взаимномъ ознакомленіи, а затѣмъ и сліяніи былъ неизсякаемый источникъ и вѣрный залогъ всякаго преуспѣянія, жизненныхъ силъ и дарованій націи".

Книга заключаетъ три главы. Въ первой — объясненіе художественно-историческаго значенія русскихъ древнихъ кладовъ и необходимости ихъ изслѣдованія на основаніи господствовавшихъ стилей; далѣе, опредѣленіе самыхъ стилей: арабскаго. „звѣринаго стиля", греко-восточнаго или „корсунскаго"; подробности о техникѣ и между прочимъ объясненіе сканнаго мастерства Мономаховой шапки и вопроса о ея происхожденіи. Во второй главѣ— описаніе кладовъ, начиная съ рязанскаго 1822 и до новѣйшихъ, особливо многочислен-

ныхъ кладовъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, всего болѣе въ Кіевѣ, а также въ Черниговѣ и Черкасахъ. Въ третьей главѣ—художественно-историческій разборъ предметовъ бытовыхъ и церемоніальныхъ, какъ діадемы, гривны, цѣпи, серьги, перстни, браслеты и пр. Таблицы прекрасно исполненныхъ рисунковъ и множество политипажей въ текстѣ даютъ изложенію полную наглядность. Въ числѣ рисунковъ помѣщены четыре любопытныхъ миніатюры изъ греческой рукописи XIV вѣка, въ національной библіотекѣ въ Мадридѣ, гдѣ, впрочемъ, нѣкоторыя миніатюры исполнены изъ болѣе древнихъ оригиналовъ: миніатюры, снятыя съ оригинала фотографіей, представляютъ историческія сцены: пріемъ русской княгини Ольги во дворцѣ византійскаго императора; переговоры Іоанна Цимисхія съ княземъ Святославомъ; свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ; чудо съ книгою евангелія, брошенною въ огонь передъ архонтомъ руссовъ.

— В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томъ двѣнадцатый. Часть первая. Часть вторая. Берлинъ (1897).

Спеціалисты и любители русской исторіи встрѣтятъ, безъ сомнѣнія, съ великимъ удовольствіемъ появленіе этого двѣнадцатаго тома книги г. Бильбасова, представляющаго конецъ сочиненія, и будутъ желать, чтобы явились въ нашей литературѣ и тѣ десять томовъ, которыхъ недостаетъ между началомъ и концомъ. Въ предисловіи къ первой части двѣнадцатаго тома мы читаемъ: „Появленіе въ свѣтъ двѣнадцатаго тома вслѣдъ за первыми двумя объясняется исключительно цензурными затрудненіями. „Исторія Екатерины Второй" изложена въ первыхъ восьми томахъ: девятый, десятый и одиннадцатый тома посвящены разбору бумагъ Екатерины II; послѣдній, двѣнадцатый томъ — обзору иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ II. Весь трудъ, начатый печатаніемъ въ 1889 году, долженъ былъ явиться въ свѣтъ къ осени нынѣшняго года, къ столѣтію смерти императрицы. Такъ какъ затрудненія, встрѣченныя нами при изданіи собственно исторіи Екатерины Второй, до настоящаго времени еще не устранены, то мы предпочли напечатать послѣдній томъ, какъ наиболѣе обезпеченный въ цензурномъ отношеніи".

Изъ книгопродавческихъ объявленій извѣстно, что въ 1896 году вышло въ Берлинѣ два первыхъ тома Исторіи Екатерины II—перепечатка перваго тома, вышедшаго въ Петербургѣ въ 1890, и второго, который приготовленъ былъ въ Петербургѣ въ 1891, но не выходилъ въ свѣтъ; этотъ второй томъ заключаетъ исторію воцаренія Екате-

рины, 1762—1764. Еще раньше этихъ берлинскихъ изданій вышелъ нѣмецкій переводъ обоихъ томовъ. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ, съ 1891 года, не могли быть устранены цензурныя затрудненія, задержавшія выходъ второго тома; нечего говорить, до какой степени желательно было бы появленіе труда г. Бильбасова въ его цѣломъ составѣ.

Двѣнадцатый томъ, какъ сказано выше, посвященъ обзору иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ Второй; авторъ желаетъ посвятить его Публичной Библіотекѣ, которой этотъ томъ обязанъ своимъ появленіемъ.

„Еще нѣтъ и пятидесяти лѣтъ,—говоритъ г. Бильбасовъ,—какъ по мысли одного изъ директоровъ Публичной Библіотеки, барона М. А. Корфа, приступлено было къ образованію спеціальнаго отдѣла иностранныхъ сочиненій о Россіи, а между тѣмъ Russica составляютъ уже единственное собраніе, подобнаго которому, по относительной полнотѣ, нѣтъ ни въ одномъ изъ учено-литературныхъ центровъ Европы. Серьезныя изслѣдованія, ученые труды по отечественной исторіи немыслимы безъ пособій, предлагаемыхъ богатымъ собраніемъ этого отдѣла Библіотеки. Предлагаемый трудъ можетъ служить лучшимъ тому доказательствомъ.

„При обзорѣ 1.282 сочиненій на иностранныхъ языкахъ, какъ и въ предъидущихъ томахъ, первое слово предоставлено самой Екатеринѣ, точнымъ указаніемъ на бумаги, въ которыхъ она высказала свое мнѣніе или свой взглядъ по данному вопросу, чѣмъ значительно облегчается критическая провѣрка ея показаній.

„Этотъ обзоръ, которымъ заканчивается весь двѣнадцатитомный трудъ автора, касался первоначально лишь 785 сочиненій, которыми мы пользовались при изложеніи „Исторіи Екатерины Второй". Издавая его въ настоящее время ранѣе предъидущихъ томовъ, мы признали необходимымъ дополнить его обозрѣніемъ всѣхъ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ II, имѣющихся въ Публичной Библіотекѣ. Вслѣдствіе такого дополненія XII томъ является въ двухъ частяхъ.

„Сочиненія, которыми мы воспользовались для нашего труда, разсмотрѣны болѣе подробно, причемъ имъ сдѣлана соотвѣтствующая критическая оцѣнка; при обозрѣніи остальныхъ указано ихъ содержаніе и отмѣчены страницы, касающіяся Екатерины. Въ обоихъ же случаяхъ опредѣленъ, по мѣрѣ возможности, годъ изданія и указаны характерныя черты автора, когда анонимность его не могла быть раскрыта".

Этотъ обзоръ, занимающій двѣ большія книги двѣнадцатаго тома, представляетъ чрезвычайно внимательное разсмотрѣніе литературы о Екатеринѣ Второй, съ 1744 до 1896 года. Относительно каждой

книги и брошюры указано ея содержаніе, ея источникъ, степень достовѣрности; въ книгахъ болѣе важныхъ отмѣчены всѣ эпизоды, въ томъ и другомъ отношеніи требующіе вниманія, такъ что получается цѣлая рецензія, очень сжатая, но подробная. Въ концѣ прибавленъ, во-первыхъ, списокъ изданій наиболѣе часто упоминаемыхъ; во-вторыхъ, предметный указатель съ нумерами разобранныхъ сочиненій; наконецъ, списокъ упомянутыхъ сочиненій въ азбучномъ порядкѣ. Въ нашей литературѣ еще не было примѣра такой обстоятельной работы, какая исполнена здѣсь г. Бильбасовымъ. Предметъ такъ интересенъ и авторъ говоритъ о немъ съ такимъ знаніемъ дѣла, что даже этотъ библіографическій обзоръ можетъ дать любопытное и поучительное чтеніе не для однихъ спеціалистовъ.

Прибавимъ еще замѣчаніе. Въ предисловіи г. Бильбасовъ говоритъ, что двѣнадцатый томъ напечатанъ въ Берлинѣ по соображеніямъ исключительно типографскимъ — „вслѣдствіе неимѣнія въ петербургскихъ типографіяхъ спеціальныхъ шрифтовъ для тѣхъ 14-ти языковъ, на которыхъ изданы разсматриваемыя нами сочиненія"; и дальше г. Бильбасовъ сообщаетъ нѣчто невѣроятное: „Чисто типографскія затрудненія заставили Императорскую Публичную Библіотеку исключить изъ каталога Russica всѣ сочиненія, напечатанныя кириллицей и на греческомъ и восточныхъ языкахъ". Г. Бильбасовъ прекрасно знаетъ Russica Публичной Библіотеки и его сообщеніе должно быть достовѣрно; но каталогъ Russica печатался въ 1873 въ типографіи Академіи Наукъ, самой богатой у насъ всякими европейскими и восточными шрифтами: какимъ образомъ могло недоставать въ ней не только греческаго, но даже кирилловскаго шрифта?

— **П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Изданіе редакціи журнала „Міръ Божій". Спб. 1897.**

Въ Литературномъ Обозрѣніи прошлаго года мы отмѣчали первую часть Очерковъ г. Милюкова, которые впервые ставили судьбу русской культуры спеціальнымъ вопросомъ историческаго изслѣдованія. Эта культура въ разныхъ ея сторонахъ не была конечно упускаема изъ виду и прежними историками и, напримѣръ, у Соловьева въ концѣ каждаго крупнаго періода посвящались особые трактаты разсмотрѣнію „внутренняго быта"—экономическихъ и юридическихъ отношеній, состоянію вѣры и нравственности, школы и т. п.; г. Милюковъ въ этомъ „внутреннемъ бытѣ" видитъ основной интересъ историческаго развитія народа и, слѣдовательно, наиболѣе важный предметъ для историческаго объясненія. Эта историческая важность

внутренняго быта оцѣнена историками еще съ прошлаго столѣтія и все больше останавливала на себѣ ихъ вниманіе; но никогда прежде вопросы культуры не пріобрѣтали такого важнаго значенія, какъ теперь, и преимущественно со стороны экономическихъ условій этой культуры,—когда школа экономическаго матеріализма сочла даже возможнымъ построить на экономическихъ отношеніяхъ цѣлую исторію человѣчества. На эту сторону дѣла обратилъ особенное вниманіе и г. Милюковъ. Повидимому, онъ не присталъ къ новой школѣ, но и не остался ей чуждъ, и въ настоящей второй части заявляетъ объ извѣстной солидарности съ ея взглядами. „Роль экономическаго матеріализма,—говоритъ г. Милюковъ,—важна какъ средство устранить изъ соціологіи послѣдніе слѣды метафизическихъ объясненій; но она временна, какъ и всѣ попытки подобнаго рода"; но вслѣдъ затѣмъ авторъ замѣчаетъ: „при всемъ нашемъ разногласіи съ выводами „экономическаго матеріализма", мы стоимъ несравненно ближе къ его принципіальнымъ основамъ, чѣмъ къ антропоцентрическому міровоззрѣнію его "противниковъ" (стр. 4—5). Намъ казалось бы, что не только для тѣхъ читателей, къ какимъ обращается авторъ, но и по существу дѣла это согласіе и несогласіе со школой экономическаго матеріализма и отношеніе къ „субъективной" школѣ полезно было бы изложить вновь (хотя бы въ предисловіи), не отсылая читателя къ старой журнальной статьѣ (1887), гдѣ автору случилось говорить объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны успѣли съ тѣхъ поръ обмѣняться новыми военными дѣйствіями.

Вторая часть книги: „Церковь и школа", имѣетъ въ виду объясненіе новыхъ капитальныхъ вопросовъ въ исторіи русской культуры. Въ пятомъ очеркѣ: „Церковь и вѣра", авторъ говоритъ о началѣ русской религіозности, національзаціи русской вѣры и церкви, о происхожденіи и судьбахъ раскола, поповщины, безпоповщины и болѣе поздняго сектантства, и о судьбахъ господствующей церкви. Очеркъ шестой: „Церковь и творчество", ставитъ слѣдующіе вопросы: церковь и литература, церковь и искусство отъ первыхъ вліяній христіанства и до новѣйшаго времени. Очеркъ седьмой: „Школа и образованіе", опять обнимаетъ вопросъ на всемъ пространствѣ нашей исторіи: до-Петровская школа, состояніе знаній до-Петровской Руси, исторія школы восемнадцатаго столѣтія и наконецъ девятнадцатаго. Въ заключительной главѣ авторъ разбираетъ вопросъ о разрывѣ интеллигенціи и народа, съ чѣмъ онъ постоянно встрѣчается въ этой второй части своихъ Очерковъ; а именно, онъ опредѣляетъ слѣдующія частности предмета: какъ не слѣдуетъ ставить вопроса о причинахъ разрыва; роль вѣры на Западѣ и у насъ, какъ причина различія въ характерѣ разрыва; разница въ исторіи творчества, какъ

слѣдствіе различія въ исторіи вѣры; разница въ положеніи школы, какъ слѣдствіе различія въ отношеніи церкви и государства.

Таковы многосложные вопросы, какіе ставитъ историкъ; при обширныхъ изученіяхъ и критической пытливости автора его рѣшенія становятся особенно любопытны: многое сказано очень вѣрно и мѣтко; иное можетъ показаться поспѣшнымъ, и мы желали бы остановиться на книгѣ г. Милюкова въ болѣе подробной замѣткѣ.

— Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты. Спб. 1897.

Авторъ этой книги предпринялъ собрать и объяснить довольно многочисленные проекты реформъ, какіе составлялись во времена Петра Великаго частными лицами, а также издать многіе изъ нихъ, которые до сихъ поръ оставались еще неизвѣстны въ печати. Такимъ образомъ изданы имъ: Изъявленія прибычныя государству, Ѳедора Салтыкова; Пункты о кабинетъ-коллегіумѣ, Алексѣя Курбатова; Доношеніе объ уравнительномъ платежѣ, Алексѣя Нестерова; Доношеніе Ивана Филиппова; Письмо о генералъ-ревизорѣ, Конона Зотова, и въ приложеніи нѣсколько писемъ и документовъ. Этотъ матеріалъ извлеченъ имъ изъ рукописей, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ дѣлахъ кабинета Петра I.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, — говоритъ авторъ, — мы предлагаемъ опытъ изученія проектовъ реформъ Петровской эпохи, въ которомъ, кромѣ указанныхъ выше, и напечатанныхъ ранѣе записокъ современниковъ, разсматриваемъ, пользуясь Кабинетныи Дѣлами, нѣсколько другихъ неизданныхъ памятниковъ этого рода. Въ этомъ изслѣдованіи мы изучаемъ проекты, главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для характеристики преобразовательныхъ стремленій Петровскаго общества, въ связи съ другими свѣдѣніями о жизни и мысляхъ прожектеровъ и, сообразно съ такою задачей, даемъ обзоръ всѣхъ извѣстныхъ намъ проектовъ русскихъ авторовъ, но лишь мимоходомъ касаемся проектовъ, составленныхъ иностранцами, Фикомъ, Лейбницемъ, Люберасомъ",—послѣдніе достаточно извѣстны изъ другихъ изслѣдованій.

Комментаріи автора къ этой литературѣ проектовъ заключаютъ нѣсколько главъ, гдѣ, указавъ вообще на сближеніе съ Западомъ во времена Петра, авторъ даетъ характеристику различныхъ проектовъ — отъ крайняго западника Ѳедора Салтыкова до московскихъ прогрессистовъ типа Посошкова,—указываетъ то или другое вліяніе ихъ на взгляды и мѣры самого Петра и въ двухъ послѣднихъ главахъ

останавливается на тогдашнихъ вопросахъ земской жизни, именно, на положеніи крестьянства и купечества.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ излагаетъ біографическія свѣдѣнія объ этихъ прожектерахъ и затѣмъ подробно разбираетъ ихъ предложенія въ связи съ тогдашнимъ положеніемъ тѣхъ отраслей управленія и народной жизни, къ которымъ проекты относятся. Онъ пользуется для этого фактами современнаго законодательства, исторической литературой, новѣйшими разысканіями о хозяйствѣ и администраціи временъ Петра Великаго, наконецъ рукописнымъ матеріаломъ государственнаго архива. Въ этихъ проектахъ, какъ общая черта, отражается конечно то броженіе понятій, которое вызвала реформа, или которое было ей современно или даже предшествовало. Авторъ внимательно слѣдитъ за этими первыми проявленіями общественной мысли, отмѣчаетъ въ нихъ и отголоски XVII вѣка, и новыя стремленія, составлявшіяся подъ очевиднымъ вліяніемъ западныхъ порядковъ, извѣстныхъ нѣкоторымъ изъ прожектеровъ по собственному наблюденію за границей. Все это даетъ чрезвычайно любопытный матеріалъ для изученія самаго процесса реформы, которая, хотя сопровождалась весьма крутыми мѣрами противъ разныхъ приверженцевъ старины, но была тѣмъ не менѣе органическимъ слѣдствіемъ предъидущей исторіи. Уже въ это время сказались двѣ крайности взглядовъ на тотъ путь, который предлежитъ русской жизни: приверженцы старины вопіяли противъ нововведеній, совѣтуя строго и исключительно хранить завѣты предковъ и чуждаться западныхъ нововведеній, въ особенности по соображеніямъ религіознымъ, такъ какъ съ иноземнымъ ученіемъ могла входить и, по ихъ мнѣнію, уже входила иноземная ересь; приверженцы преобразованія настаивали на необходимости новаго ученія для пользы самому государству и для того, чтобы русскіе люди могли сравняться съ другими народами въ „свободныхъ наукахъ“. Одинъ изъ прожектеровъ, Өедоръ Салтыковъ, корабельный мастеръ изъ стараго боярскаго рода, жившій за границей, въ особенности отличался въ своихъ предположеніяхъ этою ревностью усвоенія западныхъ наукъ. „Планы Салтыкова,—говоритъ авторъ,—нерѣдко были слишкомъ широкими и вслѣдствіе этого совершенно неосуществимыми для того времени, въ задуманныхъ имъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, онъ считалъ необходимымъ устроить 16 академій, по двѣ въ каждой губерніи; набрать въ каждую академію по 2.000 студентовъ и установить 17-лѣтній курсъ ученія. Между тѣмъ, учрежденіе одной только академіи, морской, основанной въ 1715 году, потребовало большихъ усилій со стороны Петра, вслѣдствіе недостатка въ самомъ необходимомъ, отсутствія учителей и учебниковъ. Спеціалиста директора Сентъ-Илера,

выписаннаго изъ Франціи, пришлось уволить черезъ годъ, по его неспособности, и затѣмъ, поручая академію то одному, то другому изъ немногихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, тотчасъ же отрывать ихъ отъ заботъ объ академіи для другихъ болѣе важныхъ дѣлъ"... „Учрежденіе академій съ такою цѣлью Петръ долженъ былъ признать несвоевременнымъ; въ то время какъ насущныя потребности государства не были удовлетворены, въ то время, какъ государство болѣе всего нуждалось въ дѣятеляхъ-спеціалистахъ, Петръ не могъ ставить на первый планъ общее образованіе общества"... „Столь же преждевременнымъ былъ и проектъ нашего автора объ учрежденіи губернскихъ библіотекъ. Петръ заботился только объ одной библіотекѣ въ Петербургѣ (нынѣшняя библіотека Академіи Наукъ); о губернскихъ публичныхъ библіотекахъ правительство начало заботиться лишь съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія". Далѣе: „Салтыковъ указывалъ правительству Петра много такихъ задачъ, которыя были исполнены гораздо позже, во второй половинѣ столѣтія. Предупреждая Посошкова и Татищева, онъ совѣтовалъ произвести генеральное межеваніе, при помощи измѣреній „по ѳеодолиту или по компасу". Необходимость этой мѣры для „успокоенія земляныхъ ссоръ" была позднѣе выяснена Посошковымъ; но она приведена была въ исполненіе лишь въ царствованіе Екатерины II".

По многочисленнымъ текстамъ, издаваемымъ въ первый разъ, и по обстоятельно составленнымъ объясненіямъ проектовъ, книга г. Павлова-Сильванскаго составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ изученіе эпохи Петра Великаго.—А. П.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Айзлеръ, Р., д-ръ.—Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Перев. съ нѣм. Н. Ремизова. Од. 97. Стр. 88. Ц. 30 к.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга одиннадцатая. Спб. 1897. XI, стр. 560. Ц. 2 р. 50 к.

Бобровницкій, свящ., Иннокентій. — Существенныя черты православнаго нравоученія. Опытъ курса VIII кл. гимназій. Елисаветгр. 97. Стр. 165. Ц. 1 р. 25 коп.

Борисовъ, Н. И.—Продолжительность курса въ одноклассныхъ земскихъ школахъ херсонской губерніи. Херсонъ 97. Стр. 72.

Братчиковъ, И.—Сибирская язва лошадей и крупнаго рогатаго скота въ вятской губ. за 20 лѣтъ. Съ прилож. 2 картъ. Вятка 96. Стр. 151.

Бураковскій, С.—Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, въ біографіяхъ и характеристикахъ. Пособіе для учащихся. Изд. 2-е. Новг. 97. Стр. 144. Ц. 80 к.

Быховскій, В. В.—Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія. М. 97. Стр. 68. Ц. 30 к.

Вальдо, Франкъ.—Современная метеорологія. Очеркъ ея прошлаго и настоящаго. Перев. М. Косача, п. р. Б. Срезневскаго. Съ 112 рис. Спб. 97. Стр. 380. Ц. 2 р. 75 к.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. 1708—1893 г. Вып. XI: Бабаевъ-Бальзакъ.

Веневитиновъ, М. А. — Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698 г. М. 97. Стр. 232 in 4°.

Витте, шт.-кап.—Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для ротныхъ, эскадронныхъ, батарейныхъ, парковыхъ школъ, и полковыхъ и бригадныхъ учебныхъ командъ. Сарат. 97. Стр. 56. Ц. 40 к.

Вучетичъ, Н. Б.—Двѣ легенды. Съ рис. Од. 97. Стр. 36. Ц. 15 к.

Гейсманъ, П. А.—Графъ Л. Н. Толстой и М. И. Драгомировъ. Спб. 97. Стр. 95. Ц. 75.

Гельмгольцъ.—Сочиненія. № 4: Научное и философское изслѣдованіе зрѣнія. 2) Объ академической свободѣ. Изд. М. Филиппова. Спб. 97. Стр. 52. Ц. 15 к.

Геффдингъ, Г. — Ученіе о принципахъ нравственности. Перев. съ нѣм. В. К. М. 97. Стр. 64. Ц. 40 к.

Годлевскій, С. Ф.—Э. Ренанъ, его жизнь и научно-литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая Библіотека Ф. Павленкова). Съ портретомъ Эрнеста Ренана. Спб. 1895. Стр. 160. Ц. 25 к.

Гринфельдъ, А. И.—Проказа въ области Войска Донского и мѣры борьбы съ нею. Спб. 97. Стр. 20.

Діатроповъ, П.—О чумѣ. Од. 97. Стр. 34. Ц. 20 к.

Дружининъ, К.—Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ статей: I. Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія. II. Крестьянская женщина. III. „Вы" и „ты". IV. Наказаніе безъ суда. V. Преобразованный волостной судъ. VI. Юридическая безпомощность крестьянъ. Спб. 97. Стр. 385. Ц. 2 р.

Елпатьевскій, С. Я.—Очерки Сибири. Спб. 97. Стр. 186. Ц. 1 р.

Енько, П. Д.—Чему и какъ учить нашихъ дѣтей. Спб. 97. Стр. 70.

Еремѣевъ, И.—Городъ С.-Петербургъ, съ точки зрѣнія медицинской полиціи. 1897 г. Спб. 97. Стр. 737.

Кабановъ, Н.—Жизнь—любовь. Сборникъ первый. М. 96. Стр. 61. Ц. 30 к.

Кантъ, Иммануилъ.—Критика практическаго разума. Переводъ Н. М. Соколова. Спб. 1897, III. Стр. 193. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н.—Выборъ факультета и прохожденіе университета. Спб. 97. Стр. 167. Ц. 1 р.

К., Н.—Питейная реформа и народное благосостояніе. Томскъ, 97. Стр. 35.

Козловъ, П. А.—Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Изд. 4-е. М. 97. Стр. 384. Ц. за 4 т. 5 р.

Коншинъ, В. В.—Стихотворенія. Т. I. Спб. 97. Стр. 402. Ц. 2 р.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II: Особенная часть. Изд. 2-е. Спб. 97. Стр. 589. Ц. 3 р.

Кохъ, I. д-ръ.—Нервная жизнь человѣка въ дни здоровья и болѣзни. Свѣдѣнія, совѣты, утѣшенія. Перев. съ нѣм. изд. Спб. 97. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

Красновъ, А. Н. проф.—Формы поверхности суши и дѣятели, ихъ создающіе. Харьк. 97. Стр. 232. Ц. 1 р. 30 к.

Крафтъ-Эбингъ, д-ръ.—Учебникъ психіатріи, на основаніи клиническихъ наблюденій для практическихъ врачей и студентовъ. Съ 5-го изд. пер. А. Черемшанскій. Изд. 3-е. Спб. 97. Стр. 889. Ц. 5 р.

Кропотовъ, М.—Еще о круговой порукѣ, крестьянскихъ платежахъ и порядкахъ въ крестьянскихъ обществахъ. Яросл. 96. Стр. 41. Ц. 25.

Кругловъ, А. В.—Стихотворенія. Стр. 324. Ц. 1 р. 25 к.

Кубасовъ, П. И. д-ръ мед.—Что такое микробы вообще и болѣзнетворныя въ частности? Спб. 97. Стр. 54, съ рис.

Лаландъ, А.—Этюды по философіи наукъ. Перев. съ франц. Спб. 97. Стр. 186. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А.—Записки Полкана. Повѣсть изъ собачьей жизни. Спб. 97. Стр. 216. Ц. 60 к.

Лунскій, Н.—Вычисленія въ текущихъ счетахъ. Контокоррентныя вычисленія. Од. 97. Стр. 66. Ц. 50 к.

Мартыновъ, Н.—Узаконеніе и усыновленіе дѣтей, съ разъясненіями и образцами бумагъ. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 47.

Мёллеръ, В.—Полезныя ископаемыя минеральныя воды Кавказскаго края. Съ картою. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 494.

Мережковскій, Д. С.—Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 97. Стр. 552. Ц. 2 р.

Метерлинкъ, Морисъ.—Пять драмъ: 1) Слѣпцы; 2) Тайны души; 3) Семь принцессъ; 4) Смерть Тентажиля; 5) Вторженіе смерти. М. 97. Стр. 178 in 4°.

Мижуевъ, П. Г.—Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. Спб. 97. Стр. 80. Ц. 40 к.

М., М.—Стихотворенія. Спб. 97. Стр. 64. Ц. 40 к.

Нансенъ, Фритіофъ.—Во мракѣ ночи и во льдахъ. Вып. II. Спб. 97. Стр. 33—80. Ц. 20 к.

Неймайръ, М. проф.—Исторія земли. Перев. съ 2-го изд. нѣм., п. р. проф. А. А. Иностранцева. Вып. 1 и 2. Спб. 97. Стр. 1—88. Ц. за 30 вып. (2 б. тома, съ 1.000 рис.) 11 р., отд. вып. по 50 коп.

Перро.—Сказки: Волшебный міръ. Пер. Ек. Урсыновичъ. М. 97. Стр. 143. Ц. 75 к.

Печоринъ, С.—„Утро души". Книга шаржей и парадоксовъ. Спб. 97. Стр. 203. Ц. 75 к.

Прево, Марсель.—Тайный садъ. Романъ. Изданіе журнала „Читатель". М. 1897. Стр. 187. Ц. 50 к.

Рафаловичъ, Л. А.—Лажъ на золото и хлѣбныя цѣны, съ таблицами. Спб. 97. Стр. 21. Ц. 25 к.

Ревонъ, М.—Жоржъ де-Мэстръ. Философія войны. Перев. Н. Распопова. Спб. 97. Стр. 109. Ц. 50 к.

Родзевичъ, А. И.—Хлѣбъ и желѣзныя дороги. Отвѣтъ Ѳ. Э. Ромеру. Воронежъ 97. Стр. 20.

Сенiговъ, І.—Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе. Спб. 96. Стр. 15. Ц. 15 к.

——— Приходская библіотека. Герои древней Греціи. Ч. I: Троянская война. Ч. II: Странствованіе Одиссея. Спб. 95. Стр. 260 и 240. Ц. по 30 к.

——— Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ. Спб. 97. Стр. 35. Ц. 15 к.

Сисмонди, де, Ж. Симондъ.—Новыя начала политической экономіи. Пе-

реводъ Б. О. Эфруси. Изд. К. Т. Солдатенкова. (Библіотека экономистовъ). Вып. VIII. Москва 1897. Стр. XL+XIV+292. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Владиміръ.—Право и нравственность. Очерки изъ прикладной этики. Спб. 97. Стр. 177. Ц. 1 р.

Толстой, гр. А. К.—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Спб. 97. Стр. 359. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. Н., графъ.—Сочиненія изъ послѣдняго періода его дѣятельности. Съ иллюстраціями русскихъ художниковъ. Спб. 1897. Книгоиздательство Германа Гоппе. Стр. 203. (Премія къ журналу „Всемірная Иллюстрація" 1896 г.).

Трачевскій, А., проф.—Средняя исторія. Второе, исправл. и дополн. изд. съ 119 рисунками и 10 картами, съ указателемъ годовъ, именъ и предметовъ. Спб. 1897. Изданіе К. Л. Риккера. Стр. 717. Ц. 4 р.

Тулуповъ, Н. В.—Воскресныя чтенія для рабочихъ на заводѣ. К. Тиль и К° въ Москвѣ. М. 97. Стр. 18. Ц. 10 к.

Уилльямсъ, Е.—Торжество германской промышленности. Перев. съ англ. В. Ляпидевской, съ предислов. проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. 97. Стр. 221. Ц. 1 р.

Флексигъ, П.—Мозгъ и душа. Перев. съ нѣм. Н. Березина. Спб. 97. Стр. 22. Ц. 40 к.

Фрейсине, Ш.—Очерки по философіи математики. Перев. съ французскаго В. Обреимова. Спб. 97. Стр. 160. Ц. 60 к.

Хохряковъ, А. А.—О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ сѣтчатой оболочки глаза при острой уреміи. Спб. 97. Стр. 52.

Чаннингъ, Эд.—Исторія Соедин.-Шт. Сѣверной Америки. 1765—1865 гг. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 97. Стр. 382. Ц. 1 р. 50 к.

Штернбергъ, А. Я., д-ръ.—А. С. Суворинъ и Евреи. Кіевъ 97. Стр. 11. Ц. 10 к.

Щербатова, кн. С. А.—Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на Явѣ 1893 г. Спб. 97. Стр. 352.

Эльснэръ, бар. А.—Зеленая книга. I. Поэмы: Сатана. II. Драмы: Черная дама, Скряга, Рабъ большого свѣта. III. Разсказы: Дарьялъ; Дуэль. Тифл. 97. Стр. 368. Ц. 1 р. 25 к.

Энъ, Н.—Очерки современной жизни. Спб. 96. Стр. 139.

— Альбомъ XXV-лѣтіе товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ 1872—1897. Вып. 1. Изд. худож. фототипіи. К. А. Фишеръ. М. 97. Всего 6 выпуск. по 30 лист. Ц. по подпискѣ 9 руб.

— Бакинскій справочный календарь на 1897. Баку 96. Ц. 50 к.

— Библіографическій указатель трудовъ А. Д. Градовскаго. Спб. 97. Стр. 21.

— Двѣнадцатый съѣздъ врачей Тверского земства, іюль, 1896 г. Тв. 96. Стр. 379.

— Платежи и недоимки крестьянскаго населенія Псковской губерніи и продовольственные долги. Псковъ 97. Стр. 24 съ прилож.

— Почтово-телеграфная статистика за 1895 г. Спб. 97. Стр. 37.

— Программы чтенія для самообразованія. Изд. 2-е. Спб. 97. Стр. 296. Ц. 40 к.

— Рождественскіе разсказы. Нов. серія изданій, п. р. В. Вах—ва. М. 97. Стр. 71.

— Рождественскіе разсказы „Степного Края". Омскъ 97. Стр. 74. Ц. 20 к

— Сборникъ. Житейскія невзгоды. М. 97. Стр. 142. Ц. 10. Деревенскіе разсказы. М. 97. Стр. 105.

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива мин. нар. просв. Т. II: Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ 1802—1804. Спб. 97. Столбц. 1160.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ иностранныхъ городовъ. Вып. IV. Изд. Москов. Город. Думы. М. 97. Стр. 218.

— Старина и Новизна. Историч. сборникъ, издав. при Общ. ревнителей русск. историч. просвѣщенія, въ память имп. Александра III. Кн. I. Спб. 97. Стр. 323. Ц. 2 р.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1896 г. М. 97.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Hermann Sudermann. „Morituri". Leipzig, 1897. Стр. 156.

Германъ Зудерманъ занимаетъ пока въ новой нѣмецкой литературѣ неопредѣленное положеніе. По замысламъ своихъ пьесъ, по стремленію отстаивать индивидуальную свободу отъ ограниченій общественности, онъ, какъ и Гауптманъ и нѣкоторые другіе, составляетъ часть „молодой Германіи", или „молодого Берлина", какъ ихъ обыкновенно называютъ (Jung-Berlin). Но, несмотря на эти замыслы, пьесы Зудермана большею частью сбиваются на общественную сатиру, и по пріемамъ своимъ примыкаютъ скорѣе всего къ натуралистической школѣ, имѣющей въ Германіи такое же распространеніе, какъ и во Франціи. Въ сущности, Зудерманъ—бытописатель современнаго Берлина, того Берлина, который стремятся обратить въ столицу міра, но который, у Зудермана, остается провинціею по нравамъ большинства обитателей. Мелкіе люди, мелкія требованія отъ жизни и мертвенные захолустные предразсудки—а снаружи утонченность парижскихъ салоновъ, разнузданность образа жизни, цинизмъ рѣчей,—такова атмосфера всѣхъ пьесъ Зудермана, и на фонѣ этихъ бытовыхъ картинъ, очень искусно сдѣланныхъ, очень мрачныхъ, Зудерманъ проводитъ свои этическіе замыслы. Основныя задачи его пьесъ —вопросы о чести, о достоинствѣ человѣческой личности. Особенность его міросозерцанія заключается въ томъ, что эти понятія ка-

жутся ему въ жизни не абсолютными, а чисто условными. Онъ показываетъ, какъ то самое, что̀ называется честью въ „переднемъ домѣ“, выходящемъ на улицу, совершенно иначе понимается въ „заднемъ домѣ“, выходящемъ на дворъ. На этомъ основана его первая знаменитая комедія „Честь“ (Die Ehre), которая и доставила ему европейскую извѣстность. Въ ней вопросъ поставленъ былъ принципіально и крайне рѣзко, чтобы не сказать грубо. Пессимистическій выводъ автора сводится къ тому, что и на той, и на другой сторонѣ столичнаго дома господствуетъ одинаковое отсутствіе „нравственнаго чувства“. Если въ „Hinterhaus“ мать готова продавать дочь, то и покупатель ея изъ „передняго дома“ не обладаетъ болѣе высокимъ нравственнымъ уровнемъ, а герой пьесы, молодой пасторъ, тоже рожденный въ „заднемъ домѣ“, оказывается жалкимъ и одинокимъ въ своей нетронутости.

Менѣе теоретично и тѣмъ болѣе художественно проводится та же мысль въ другой, болѣе поздней пьесѣ: „Бой бабочекъ“. Тамъ мать, живущая въ „заднемъ домѣ“, тоже стремится эксплуатировать красоту своихъ трехъ дочерей, конечно, искренно увѣренная, что заботится только объ ихъ счастьѣ. На этотъ разъ жертвою долженъ быть сынъ богатаго домовладѣльца, т.-е. обитатель „передняго дома“. Этого благороднаго юношу изворотливая вдова хочетъ заманить въ сѣти и женить на одной изъ дочерей. Она даже старается опутать своими сѣтями и старика домовладѣльца и такимъ образомъ обезпечить богатый бракъ для своей любимицы. Но всѣ ея интриги раскрываются, и тогда благородный домовладѣлецъ призываетъ ее къ себѣ и читаетъ ей длинную внушительную рѣчь о безнравственности ея поведенія, о томъ, что она злоупотребляла его довѣрчивостью и хотѣла эксплуатировать его симпатіи къ ея младшей дочери, которой онъ давалъ хорошіе заказы—она рисовальщица вѣеровъ. И въ отвѣтъ на эту грозную рѣчь добродѣтельнаго старика, развалившагося въ удобномъ креслѣ, въ женщинѣ, стоящей передъ нимъ, поднимается воспоминаніе о всѣхъ униженіяхъ ея нищенской жизни, и, выслушавъ сдержанное и справедливое внушеніе, она отвѣчаетъ одной фразой: „Знаете ли вы, сударь, почемъ фунтъ маргариноваго масла“? Этимъ отвѣтомъ какъ бы проводится черта, отдѣляющая разные нравственные міры. Очевидно, есть одна мораль для тѣхъ, кто получаетъ подагру отъ слишкомъ обильной жизни, и другая—для другихъ, кто хорошо освѣдомленъ о цѣнахъ на маргариновое масло.

Въ двухъ новыхъ пьесахъ Зудерманъ, опять-таки занятый вопросами объ оцѣнкѣ нравственныхъ принциповъ въ обществѣ, переходитъ отъ общаго понятія о нравственности къ частному пониманію свободы и достоинства. Вопросъ о свободѣ поднятъ въ „循Родинѣ“ (Die

Heimat) и поставленъ очень пессимистично. Самое заглавіе кажется какъ бы вопросомъ. Гдѣ родина для свободолюбивой женщины, которая слѣдуетъ внушеніямъ своего таланта и своей жаждѣ жить всѣми силами богатой натуры? Можетъ ли она считать своей родиной то захолустье, въ которомъ она родилась, и гдѣ ничего не измѣнилось въ то время, какъ она сама жила сосредоточенной внутренней жизнью? Тамъ отъ нея требуютъ подчиненія смѣшному для нея авторитету городского общества; тамъ отецъ требуетъ, чтобъ она „возстановила" свою честь, выйдя замужъ за человѣка, котораго она презираетъ. Эта родина, къ которой она стремилась по какому-то непонятному дѣтскому чувству, оказалась ей чуждой всѣми подробностями своей жизни, и въ ней вскипаетъ одно только желаніе порвать всякія нити, которыя вели къ этой родинѣ, и уйти, не зная, бываетъ ли вообще на свѣтѣ родина для проснувшагося сознанія. Самая исторія актрисы, порвавшей внутренно съ буржуазной жизнью и разрывающею также внѣшнюю связь съ ней, была бы крайне обыденной и пошлой, если бы Зудерманъ не поднялъ ее общечеловѣческимъ толкованіемъ. Отношеніе его Магды къ своей родинѣ воплощаетъ отношеніе всякаго свободнаго человѣка къ навязанной ему родинѣ, т.-е. къ обществу, скованному предразсудками, и пессимистическій конецъ пьесы поднимаетъ ея общее значеніе.

Столь же общимъ является положеніе въ другой пьесѣ: „Гибель Содома". Тамъ личность молодого талантливаго художника погибаетъ среди Содома салонной жизни. Онъ гибнетъ жертвой женскаго вліянія, которое въ столичной жизни создаетъ моду на людей и убиваетъ личность героевъ моды. Тэма эта очень не новая. О гибельномъ вліяніи женщины на художниковъ толковали Гонкуры во всѣхъ своихъ романахъ. Но нѣмецкій драматургъ сдѣлалъ свою пьесу интересной главнымъ образомъ характеристиками берлинской жизни, въ которой есть много парижскаго, но есть также много своего сантиментально-нѣмецкаго.

Совершенно въ другомъ родѣ послѣднее произведеніе Зудермана— три одноактныя пьесы: „Теа" (Tea), „Фрицхенъ" и „Das Ewig Männliche", объединенныя однимъ заглавіемъ „Morituri". Въ этихъ трехъ очень сжатыхъ драматичныхъ пьесахъ Зудерманъ совершенно выходитъ изъ рамокъ комедіи нравовъ и пытается дать нѣчто общечеловѣческое, трагичное по существу, а не по положеніямъ. Въ трехъ небольшихъ пьесахъ идетъ рѣчь о смерти или, вѣрнѣе, объ умираніи, и отношеніе героевъ къ тому, что̀ имъ предстоитъ, обусловливаетъ характеръ каждой изъ пьесъ. Первая изъ пьесъ — трагедія, написанная величаво и спокойно, съ паѳосомъ, еще болѣе выдѣляющимся, благодаря отдаленности сюжета. Готскій король Теа—идеаль-

ный вождь, дѣлящій съ своимъ войскомъ всѣ его лишенія. Войско голодаетъ и не ропщетъ, потому что Теа голодаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Духовенство и войско рѣшаетъ, что вождю ихъ, согласно древнимъ обычаямъ, нужно избрать себѣ жену, и суровый полководецъ принимаетъ изъ рукъ епископа назначенную ему невѣсту, которую онъ послѣ совершоннаго обряда бракосочетанія называетъ королевой, потому что онъ не знаетъ ея имени. Онъ занятъ только мыслью о благѣ своего войска и о томъ, придутъ ли ожидаемые корабли съ хлѣбомъ, чтобы избавить осажденное войско отъ долгаго голода. И въ самый день свадьбы онъ получаетъ извѣстіе, что ожидаемые корабли съ провіантомъ попались въ руки непріятеля, и что войску приходится сдаться или умереть отъ голода. Теа убѣждаетъ своихъ воиновъ пасть въ бою, и геройская смерть рѣшена. Всѣ готовятся къ ней, условившись не сообщать женщинамъ и дѣтямъ о томъ, что предстоитъ рѣшительное сраженіе, и проститься съ ними мирно и безъ слезъ. Но въ жизнь самого Теа вдругъ врывается лучъ неожиданнаго счастья. Къ нему приходитъ молодая королева; разговаривая съ нимъ, дѣля съ нимъ оставшуюся корку хлѣба и раскрывая передъ нимъ чистую, прекрасную душу, она возбуждаетъ въ немъ любовь, радость и беззаботность молодости. Въ короткое свиданіе съ ней онъ какъ бы переживаетъ цѣлую жизнь, полную любви и счастья. И тѣмъ трагичнѣе и величавѣе становится его шествіе на смерть послѣ этого мелькнувшаго луча жизни. Въ короткой пьесѣ интенсивно сочетаются контрасты жизни и смерти, и самое отношеніе Теа къ смерти такъ цѣльно и гармонично, что получается необычайно мирная картина, скрывающая глубокій трагизмъ. Въ этомъ спокойномъ, какъ бы примиренномъ трагизмѣ пьесы—ея новизна. Смерть тутъ является не конечнымъ диссонансомъ, разрушающимъ дѣло жизни, а напротивъ, послѣднимъ величавымъ аккордомъ глубокой симфоніи.

Слѣдующая пьеса „Фрицхенъ“ — болѣе житейскаго характера. Отвлеченная философская трагедія „Теа“ превращается здѣсь уже въ драму, гдѣ минуты душевнаго напряженія смѣняются подробностями будничнаго характера. Завязка драмы—самая банальная. Молодой офицеръ, уличенный въ преступной любви мужемъ своей возлюбленной, долженъ выйти на поединокъ, гдѣ его ожидаетъ неминуемая смерть, такъ какъ его противникъ имѣетъ первый выстрѣлъ и никогда въ жизни не дѣлалъ промаха. Фрицхенъ заѣзжаетъ домой, чтобы проститься съ отцомъ и матерью, не говоря, что̀ ему предстоитъ. Но передъ старикомъ-отцомъ онъ не можетъ сдержаться и все разсказываетъ. Какъ молодая жена Теа благословила своего мужа на подвигъ смерти, такъ и здѣсь старый майоръ доводитъ до конца

свою родительскую любовь и помогаетъ сыну умереть, ободряя его передъ отходомъ на вѣрную смерть. Самый сюжетъ, какъ мы видимъ, зауряденъ и, казалось бы, не можетъ тѣмъ болѣе вызвать сочувствія, что центромъ дѣйствія является дуэль, т.-е. нѣчто само по себѣ безцѣльное и жестокое. Но замыселъ драматурга въ томъ, что всякое ожиданіе смерти, въ какихъ бы обстоятельствахъ оно ни проявлялось, поднимаетъ человѣка, и пошлый, легкомысленный Фрицъ становится тихимъ и прекраснымъ, потому что его касается своимъ крыломъ нѣчто великое и роковое.

Наконецъ, показавъ смерть въ душахъ геройскихъ и среди житейской будничности, Зудерманъ даетъ въ послѣдней пьесѣ, „Das Ewig Männliche", каррикатуру смерти. Это—водевиль, заканчивающій серьезное зрѣлище. Здѣсь все не настоящее, и люди не настоящіе, и чувства ихъ выдуманныя, и смерть ихъ обманчива. Но эта поддѣлка подъ смерть оказывается средствомъ раскрыть нравственный тлѣнъ и освѣтить всю обстановку, гдѣ господствуетъ условность, свѣтомъ истины. Королева, которая требуетъ поклоненія отъ всѣхъ, кто къ ней приближается, и которая не знаетъ, на комъ остановить выборъ: на модномъ живописцѣ или храбромъ маршалѣ; два маркиза, одинъ „въ голубомъ", другой „въ розовомъ", двѣ статсъ-дамы, одна глухая, другая постоянно засыпающая,—вотъ всѣ дѣйствующія лица пьесы, среди которыхъ людьми съ живой душой оказываются два претендента на милости королевы. Они сначала встрѣчаются какъ враги. Художникъ надѣется смѣнить прежняго любимца, но рѣзкостью своихъ чувствъ вызываетъ неудовольствіе королевы, которую оскорбляетъ его властное отношеніе, и она отдаетъ его въ руки маршала, показывая этимъ, что если маршалъ убьетъ своего соперника въ поединкѣ, то онъ этимъ завоюетъ себѣ и ея сердце. Но тутъ разыгрывается сцена, напоминающая пріемы Мариво́. Между двумя соперниками устанавливается симпатія родственныхъ душъ, и они рѣшаются испытать сердце королевы. Маршалъ беретъ на себя роль убитаго въ поединкѣ врага, чтобы узнать, что̀ будутъ говорить о немъ. Оказывается, что всѣ симпатіи сразу переносятся на побѣдителя, и что умершій противникъ вызываетъ только презрѣніе и благодарность къ тому, кто избавилъ отъ него. Когда продѣлка раскрывается, художникъ вмѣстѣ съ маршаломъ уходятъ отъ людей, которые раскрылись передъ ними во всемъ своемъ мелкомъ и узкомъ эгоизмѣ. Близость смерти, хотя бы и кажущейся, послужила нравственнымъ критеріемъ и отдѣлила міръ условный отъ истины.

Вся эта небольшая пьеса написана въ скептическомъ тонѣ вольтеровскихъ сказокъ; отъ нея вѣетъ XVIII вѣкомъ, оттѣненнымъ современнымъ пессимизмомъ. Прекрасная трилогія Зудермана какъ бы

разрѣшаетъ, своимъ полу-разочарованнымъ, полу-юмористическимъ тономъ, трагизмъ первыхъ двухъ пьесъ и напоминаетъ объ узкихъ рамкахъ человѣческой дѣйствительности.

II.

Adolf Bartels. Die deutsche Dichtung der Gegenwart. Leipzig, 1897. Стр. 118.

Въ своей небольшой книжкѣ А. Бартельсъ не стремится дать полной картины современной нѣмецкой литературы, и останавливается лишь вскользь на характеристикахъ отдѣльныхъ писателей. Задача его другая, и очень интересная. Онъ намѣчаетъ тѣ послѣдовательныя теченія, которыя смѣняютъ другъ друга въ духовной жизни Германіи за вторую половину нашего вѣка, и дѣлаетъ изъ этого нѣкоторые выводы. Вслѣдствіе такой постановки вопроса, книга Бартельса помогаетъ оріентироваться въ массѣ литературнаго матеріала за нѣсколько десятковъ лѣтъ, и помогаетъ придти къ выводамъ, быть можетъ, и несогласнымъ съ выводами самого автора.

Одно изъ качествъ Бартельса заключается въ отсутствіи узко-національной или мнимо-патріотической точки зрѣнія. Онъ откровенно говоритъ о томъ, что нѣмецкая литература, вплоть до новѣйшаго времени, находилась въ несомнѣнномъ періодѣ упадка, „декаданса", какъ онъ это называетъ, употребляя иногда это слово не въ современномъ его значеніи, а въ буквальномъ. События 1870-71 годовъ и возбужденіе національнаго чувства въ Германіи отвлекли умы отъ художественнаго творчества и наложили печать тенденціозности на цѣлый періодъ нѣмецкой литературы.

Бартельсъ начинаетъ свой обзоръ съ періода, предшествовавшаго этому упадку, съ 40-60-хъ годовъ, т.-е. со времени расцвѣта многихъ значительныхъ талантовъ. Періодъ этотъ онъ называетъ „серебрянымъ періодомъ" нѣмецкой литературы по количеству писателей, и главнымъ образомъ по ихъ сильному, почти классическому творчеству. Во главѣ этого движенія стоятъ два писателя: Фридрихъ Геббель и Отто Людвигъ, извѣстные, главнымъ образомъ, своими драмами и отчасти романами. Геббель въ сущности мало извѣстенъ за предѣлами Германіи. Бартельсъ, какъ и многіе другіе нѣмецкіе критики, ставитъ его чрезвычайно высоко, считая его очень близкимъ къ Шиллеру. Геббель, также какъ и Отто Людвигъ, не можетъ быть причисленъ къ эпигонамъ классической эпохи. У нихъ нѣтъ преобладанія формы и виртуозности, которая составляетъ характерную черту всѣхъ эпигоновъ. Они вносятъ нѣчто новое и постоянно бо-

рются съ формой, въ которой воплощають свои идеи. Людвигъ создалъ своего рода поэтическій реализмъ соединеніемъ идеалистическихъ замысловъ съ сильно выдержанной реальной формой. Его обрисовка различныхъ общественныхъ круговъ напоминаетъ Зола̀ по своей точности. Въ его романѣ „Между небомъ и землею" (Zwischen Himmel und Erde) особенно замѣтно это сочетаніе возвышенныхъ замысловъ съ реализмомъ изложенія. Внутренняя жизнь людей чрезвычайно приподнята въ этой повѣсти о простыхъ деревенскихъ людяхъ, но бытъ кровельщиковъ, среди которыхъ происходитъ дѣйствіе, изображенъ съ удивительнымъ соблюденіемъ жизненной правды. По самой же манерѣ своей, Людвигъ напоминаетъ не Зола̀, о которомъ говоритъ Бартельсъ, а скорѣе англійскихъ реалистовъ, всего ближе Джоржа Элліотъ, съ ея пристрастіемъ къ мелкой выписанности подробностей. Говоря о Геббелѣ, Бартельсъ превозноситъ больше всего его народную драму „Марія Магдалина". Къ талантливымъ писателямъ серебрянаго періода Бартельсъ относитъ, конечно, Густава Фрейтага, Фрица Рейтера, Вильгельма Раба, Шторха и, наконецъ, удивительнаго швейцарскаго новеллиста, Готфрида Келлера. Онъ болѣе всего находитъ достоинствъ въ длинномъ романѣ Келлера „Зеленый Генрихъ", который онъ сопоставляетъ съ Гётевскимъ „Вертеромъ". Но, быть можетъ, выше этого нѣсколько утомительнаго романа стоятъ мелкіе разсказы Келлера, его „Die Leute von Seldwyla", гдѣ рисуются мелкіе типы безмятежныхъ швейцарцевъ, занятыхъ выдѣлкою сыра и другими столь же невинными дѣлами; и въ этихъ полу-юмористическихъ разсказахъ о флегматичныхъ швейцарцахъ отражается нѣчто глубокое и общечеловѣческое, и показывается иронія человѣческихъ судебъ. Бартельсъ правъ, сравнивая по тону эти разсказы съ повѣстями Тургенева: это та же близость къ природѣ, то же пониманіе типичныхъ явленій и простой жизни.

Часть писателей, проявившихъ себя до 1870 года, объединена Бартельсомъ подъ названіемъ „Мюнхенской группы". Во главѣ ея стоятъ Эмануэль Гейбель, Поль Гейзе, имѣвшіе оба значительное, но едва ли благотворное вліяніе на своихъ современниковъ. Гейбель, съ его нѣсколько поверхностной, чувствительной лирикой, породилъ цѣлую школу сантиментальныхъ поэтовъ. Въ Полѣ Гейзе Бартельсъ видитъ только любимца толпы, не имѣющаго серьезнаго литературнаго значенія. Онъ, вмѣстѣ съ Карломъ Блейбтрей, примѣняетъ къ Гейзе извѣстныя слова о Карлѣ II, Стюартѣ: „Онъ не сказалъ никогда ни одного красиваго слова и не совершилъ ни одного красиваго поступка". Въ творчествѣ Гейзе онъ видитъ только искусство для дилеттантовъ. Нѣмецкую литературу со временъ 70-го года Бартельсъ довольно оригинально подраздѣляетъ на ранній „декадансъ"

и поздній,—понимая на этотъ разъ декадентство въ обычномъ смыслѣ, т.-е какъ творчество, вытекающее изъ ослабленной воли, любящей все исключительное, всѣ насильственные контрасты, смѣсь искусственнаго и естественнаго, рядомъ съ тѣмъ, чтó рѣзко потрясаетъ нервы. „Есть нѣчто демоническое въ этомъ отрицаніи искусства,—говоритъ критикъ, характеризуя человѣка „декаданса"—въ этомъ ироническомъ чувствѣ одиночества и изгнанности, не надѣющейся быть понятой. Красота возбуждаетъ только какъ наркозъ".

Странно, конечно, примѣнять такую формулу декаданса къ германской литературѣ 70-хъ годовъ, когда Германія была преисполнена жизненныхъ силъ и стремленія къ побѣдѣ. Но все-таки среди этого расцвѣта національной жизни критикъ усматриваетъ признаки духовнаго упадка, и причины его видитъ главнымъ образомъ въ возрастаніи капитализма и матеріалистическаго міросозерцанія, получившаго въ то время научныя основы въ лицѣ Молешотта, Фохта и Бюхнера. Капитализмъ привелъ къ великому растлѣнію нравовъ среди все возрастающей роскоши. Матеріализмъ повелъ къ развитію промышленности и къ росту городовъ. И вслѣдствіе этого интеллигенція очутилась нѣсколько въ сторонѣ отъ общаго движенія и прониклась шопенгауэровскими идеями, изъ которыхъ исходитъ весь позднѣйшій философскій и литературный пессимизмъ. Зародыши этихъ идей критикъ видитъ въ 70-хъ годахъ и называетъ ихъ поэтому раннимъ декадансомъ, который продолжается послѣ войны и достигаетъ въ 1880 году высшаго пункта. За этимъ періодомъ полнаго декаданса (Hochdecadance) слѣдуетъ въ наши дни поздній декадансъ. Конечно, въ раннемъ періодѣ этого теченія критикъ видитъ только нѣкоторую склонность къ болѣзненному и нѣкоторую развинченность, замѣчая все это даже въ такихъ твердыхъ и здоровыхъ талантахъ, какъ Фридрихъ Шпильгагенъ и Робертъ Гаммерлингъ. Онъ отмѣчаетъ въ нихъ преувеличенную чувственность и разнузданность воображенія. Писательскую манеру Гаммерлинга, по отношенію котораго мнѣнія критики такъ расходятся, онъ сравниваетъ, по пышности и страстности описаній, съ рѣзкимъ колоритомъ художника Макарта.

Въ 70-хъ годахъ мало большихъ талантовъ появилось въ Германіи, и къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, Людвигъ Анценгруберъ, непризнанный въ свое время драматургъ, авторъ пьесы „Viertes Gebot" („Четвертая заповѣдь"). Въ свое время эта пьеса не была принята ни однимъ театромъ, а въ настоящее время это одна изъ лучшихъ пьесъ нѣмецкаго репертуара.

Къ числу самыхъ удачныхъ главъ въ книжкѣ Бартельса принадлежитъ описаніе литературнаго упадка послѣ войны 70-го года, когда

все творчество сдѣлалось съ одной стороны фельетоннымъ, а съ другой—получило археологическій отпечатокъ. Драма и романъ носятъ одинаково фельетонный характеръ, и однимъ изъ такихъ фельетонныхъ драматурговъ является Пауль Линдау, очень популярный, но мало литературный драматургъ, на ряду съ которымъ Бартельсъ ставитъ также Фульда, извѣстнаго автора „Талисмана". Представителемъ археологическаго направленія въ литературѣ является, конечно, Фрейтагъ, съ его „Ahnen" („Предки"), отразившій въ романѣ пристрастіе къ наукѣ, охватившее умы Германіи, а также патріотическое оживленіе нѣмецкаго общества.

Переходя отъ ранняго декаданса къ его расцвѣту, т.-е., другими словами, къ современной литературѣ, Бартельсъ начинаетъ свой обзоръ съ Рихарда Вагнера, имѣвшаго громадное значеніе для литературы. Отмѣчая эти вліянія и характеризуя общее состояніе литературы въ періодѣ 70-80 годовъ, Бартельсъ не отрицаетъ ея упадка въ буквальномъ смыслѣ слова, т.-е. полнаго отсутствія оригинальныхъ и сильныхъ произведеній. Поэтому, — говоритъ онъ, — было въ это время столь сильнымъ вліяніе иностранцевъ—французовъ, Зола и Додэ, русскихъ въ лицѣ Достоевскаго и Тургенева, и нарождающееся вліяніе скандинавскаго сѣвера. Послѣ всего этого въ Германіи настоящихъ дней критикъ видитъ приближеніе какого-то апогея новаго періода Sturm und Drang, какой, по его мнѣнію, переживаетъ всякое идейное теченіе. Но Бартельсъ—не сторонникъ новѣйшаго Sturm und Drang въ лицѣ натуралистической школы, съ Конради, Арно Гольцемъ и др. во главѣ, также какъ и съ другой стороны, съ болѣе идеалистическими писателями, т.-е. Зудерманомъ, Гауптманомъ и др. берлинскими и отчасти австрійскими лириками и драматургами. Особенно сильно нападаетъ онъ на Зудермана и Гауптмана, отрицая въ нихъ даже талантъ. Очень любопытны послѣдніе выводы Бартельса. Отрицая значеніе современной молодой литературы, съ ея болѣзненными стремленіями, онъ видитъ спасеніе въ постепенномъ возрастаніи соціальнаго движенія. Онъ полагаетъ, что оно внесетъ оздоровленіе въ умы и благотворно повліяетъ на литературу.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1897.

Народное образованіе и газетный обскурантизмъ.— „Умныя вечеринки" и „программа народнаго развращенія".— Привать-доцентура богословія.— Предводители дворянства и дворянство.—Еще о союзѣ писателей.—А. Н. Егуновъ, И. А. Кейслеръ и А. Н. Майковъ †.

Еслибы наши газетные „охранители" захотѣли отвѣтить откровенно на вопросъ, чего они въ настоящее время всего больше боятся, они должны были бы сказать: „распространенія образованія въ народѣ и въ сферахъ, стоящихъ непосредственно надъ народомъ". Доказательства этому можно найти на каждомъ шагу. Стоитъ только, напримѣръ, какому-нибудь земскому собранію отвергнуть мѣру, направленную къ увеличенію числа земскихъ школъ—и въ реакціонной прессѣ раздаются ликующіе звуки, перемѣшанные съ инсинуаціями по адресу побѣжденныхъ. Такова, напримѣръ, обширная статья, посвященная „Гражданиномъ" (№№ 14, 15 и 17) волчанскому земству (харьковской губерніи). О постановленіи, заслужившемъ одобреніе кн. Мещерскаго, мы уже говорили [1]: большинствомъ 15 голосовъ противъ 13, волчанское уѣздное земское собраніе отклонило предложеніе уѣздной управы и уѣзднаго училищнаго совѣта о введеніи въ уѣздѣ всеобщаго обученія. Баллотировка была закрытая—и это даетъ „Гражданину" поводъ утверждать, что рѣшеніе собранія состоялось не подъ вліяніемъ земскихъ начальниковъ (возставшихъ противъ распространенія земской школьной сѣти). Признаемся, такъ сначала думали и мы; мы имѣли наивность предполагать, что закрытая баллотировка исключаетъ возможность давленія на голосующихъ. Не то, однако, оказывается на самомъ дѣлѣ. Въ особомъ мнѣніи одного изъ гласныхъ, оставшихся въ меньшинствѣ, приведены слѣдующія слова земскаго начальника, сказанныя гласному-крестьянину передъ самой подачей голосовъ по вопросу о всеобщемъ обученіи: „клади налѣво и скажи остальнымъ". Что съ подобными указаніями или приказаніями земскіе начальники обращались къ гласнымъ-крестьянамъ и въ другихъ случаяхъ—въ подтвержденіе этого гласный, подавшій особое мнѣніе, сослался, между прочимъ, на свидѣтельство представителей удѣльнаго вѣдомства и министерства земледѣлія и государственныхъ

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 1 „Вѣстн. Европы" за текущій годъ.

имуществъ. Послѣдствіемъ этого особаго мнѣнія была отсрочка въ утвержденіи постановленія, состоявшагося по вопросу о всеобщемъ обученіи. Мѣсяцъ спустя постановленіе это было утверждено губернаторомъ—но, по словамъ жалобы, принесенной тѣмъ же гласнымъ въ правительствующій сенатъ, утверждено безъ всесторонняго разслѣдованія дѣла: кромѣ предсѣдателя собранія, о которомъ въ особомъ мнѣніи не было и рѣчи, спрошены только земскіе начальники, удостовѣрившіе, что они давали крестьянамъ не приказанія, а только *совѣты и разъясненія*. Не знаемъ, какое разрѣшеніе получитъ эта жалоба: но для всякаго, знакомаго съ современнымъ положеніемъ нашей деревни и съ составомъ гласныхъ-крестьянъ (не столько избираемыхъ, сколько назначаемыхъ), не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что совѣтъ земскаго начальника для крестьянъ его участка вполнѣ равносиленъ приказанію. Волчанскимъ инцидентомъ обнаруживается не равнодушіе крестьянъ къ земской школѣ, а невозможность правильной земской дѣятельности, пока представителями крестьянства въ земскомъ собраніи являются подчиненные, руководимые своимъ начальствомъ... „Московскія Вѣдомости" остановились на другой сторонѣ этого инцидента. На всеобщее обученіе волчанская уѣздная управа предлагала обратить, между прочимъ, тѣ 5 копѣекъ съ десятины, на которыя уменьшенъ въ волчанскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе Всемилостивѣйшаго Манифеста 14-го мая 1896 г., государственный поземельный налогъ. Одинъ изъ гласныхъ, земскій начальникъ Л., усмотрѣлъ въ этомъ посягательство на „царскій порядокъ", который населеніе должно всегда чувствовать и помнить. Къ мнѣнію г. Л. вполнѣ примыкаетъ московская газета, находя, что принять предложеніе управы, значило бы, со стороны земства, уничтожать созидаемое правительствомъ: если правительство считаетъ нужнымъ уменьшить земельное обложеніе, то земство не въ правѣ его увеличивать. Нашъ взглядъ по этому предмету мы уже выразили раньше; теперь мы ограничимся вопросомъ, какъ относятся „Московскія Вѣдомости" къ постановленію тульскаго губернскаго дворянскаго собранія, высказавшагося, въ принципѣ, за увеличеніе дворянскаго сбора именно въ той суммѣ, въ какой уменьшенъ манифестомъ поземельный налогъ? Подлежитъ ли одна и та же мѣра одобренію или порицанію, смотря по тому, принимаетъ ли ее дворянство или земство? Примѣнимо ли къ данному случаю изреченіе: quod licet Jovi, non licet bovi?.. И пускай намъ не говорятъ, что дворянскій сборъ идетъ только на нужды самого дворянства, а земскій—на нужды всѣхъ сословій; вѣдь возраженія г. Л. и поддерживающей его газеты вызваны не *назначеніемъ* сбора, а *увеличеніемъ* его именно настолько, насколько уменьшенъ поземельный налогъ... Для того, чтобы сохранить въ населеніи

память о царскомъ подаркѣ, въ волчанскомъ земскомъ собраніи было предложено другое средство, гораздо болѣе цѣлесообразное, чѣмъ отказъ въ увеличеніи земскаго сбора: ассигнованіе добавочныхъ суммъ на постройку и содержаніе земскихъ школъ въ память коронованія Ихъ Величествъ, т.-е. именно въ память событія, благодаря которому состоялось уменьшеніе государственнаго поземельнаго налога. Это предложеніе, однако, не было допущено предсѣдателемъ къ баллотировкѣ, хотя ничего противозаконнаго оно въ себѣ, конечно, не заключало.

Еще характеристичнѣе отношеніе реакціонной печати къ внѣшкольному образованію народа. Въ одной изъ новыхъ газетъ, вовсе не отличающейся избыткомъ либерализма, появилось извѣстіе объ устройствѣ гдѣ-то въ деревнѣ „умныхъ вечеринокъ", на которыхъ крестьяне читаютъ, между прочимъ, сочиненія Глѣба Успенскаго и толкуютъ по поводу прочитаннаго. „Караулъ"!—кричатъ тотчасъ же газетные мраколюбцы: народъ читаетъ „умныя книжки", народъ обсуждаетъ ихъ содержаніе — это опасный безпорядокъ, на который какъ можно скорѣе должно быть обращено вниманіе власти. Какія средства пускаются въ ходъ для достиженія желанной цѣли—объ этомъ дадутъ понятіе два-три примѣра. Сообщивъ о существованіи „умныхъ вечеринокъ", газета „Русь" сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: „книжонки, сочиненныя для проповѣди народу ребяческой морали, наводятъ одну скуку и даже обижаютъ деревенскихъ слушателей. И вправду, за какихъ ребятъ принимаютъ нашихъ бородатыхъ мужиковъ всѣ эти сочинители специфически-народныхъ повѣстей и драмъ? Мужикъ пойметъ и оцѣнитъ общечеловѣческое въ талантливомъ произведеніи, изъ какого бы быта содержаніе его ни было взято". Казалось бы, что̀ можетъ быть вѣрнѣе и безобиднѣе мысли, выраженной въ этихъ словахъ? Способность народа понимать Пушкина, Гоголя, Островскаго признаетъ даже такой „благонамѣренный" писатель, какъ г. С. Рачинскій. Народъ вовсе не нуждается въ какой-то особой умственной пищѣ, приспособленной скорѣе для малыхъ дѣтей, да и для нихъ часто никуда негодной. Произведенія, переполненныя черезъ край такъ называемой „прописной моралью", изгоняются теперь даже изъ дѣтской литературы; еще меньше они умѣстны въ литературѣ народной. Что „Русь" имѣла въ виду именно такія произведенія—это показываетъ ссылка на „сочинителей специфически-народныхъ повѣстей и драмъ". „Охранительное" чтеніе между строками, ничѣмъ, въ данномъ случаѣ, не отличающееся отъ Щедринскаго „чтенія въ сердцахъ", отыскиваетъ въ невинной замѣткѣ нѣчто совершенно иное. „Ребяческой морали" приписывается тѣсная связь „съ религіозными вѣрованіями народа, съ его приверженностью къ исконнымъ государствен-

нымъ устоямъ, наконецъ—съ его патріотизмомъ". „Общечеловѣческое", о которомъ говоритъ „Русь"—т.-е. то, благодаря чему великое произведеніе становится достояніемъ всѣхъ націй—обращается, съ точки зрѣнія газетнаго сыска, въ средство вытравить изъ народа все „національное", „искалѣчить мужика на интеллигентскій ладъ". Въ концѣ концовъ г. Quidam изъ „Московскихъ Вѣдомостей" обвиняетъ „прогрессистовъ" въ намѣреніи обмануть правительство, чтобы „ослабить „противодѣйствіе", встрѣчаемое проповѣдью „общечеловѣческаго". По словамъ г. Quidam'а, „прогрессисты" дѣйствуютъ при этомъ такъ неумѣло, „такъ много кричатъ о культурномъ ростѣ, о новыхъ воззрѣніяхъ" и т. п., что „сами себя выдаютъ и помимо воли разоблачаютъ подлинный смыслъ своихъ *просвѣтительскихъ* домогательствъ". Итакъ, прогрессисты „сами себя выдали", а не-прогрессисты указали на это кому слѣдуетъ—остается только ожидать соотвѣтствующихъ мѣропріятій противъ „умныхъ вечеринокъ", „хорошихъ книжекъ" и „культурнаго роста" народа...

Тотъ же г. Quidam обращаетъ вниманіе „консуловъ" на другую попытку „развратить"—т.-е. просвѣтить—народъ. Эта попытка принадлежитъ профессору Корелину, задавшемуся вопросомъ, „что̀ можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи". Въ газетномъ обвинительномъ актѣ перечисляются многія и тяжкія прегрѣшенія московскаго историка: онъ думаетъ, напримѣръ, что картины Варѳоломеевской ночи и другихъ аналогичныхъ событій могутъ содѣйствовать развитію гуманныхъ чувствъ и возбудить отвращеніе къ насилію; онъ считаетъ благотворной силой только такой патріотизмъ, который проникнутъ нравственными началами и выражается въ разумныхъ стремленіяхъ—онъ совѣтуетъ разсказывать крестьянамъ о благотворныхъ послѣдствіяхъ религіозной терпимости Генриха IV-го и Фридриха II-го. Конечно, для невооруженнаго глаза во всемъ этомъ нѣтъ никакой вины, ни умышленной, ни даже неосторожной: но у „Московскихъ Вѣдомостей" особые очки, которыми онѣ не только пользуются сами, но и усердно предлагаютъ пользоваться другимъ. Съ помощью этихъ очковъ чувство негодованія и жалости, вызываемое знакомствомъ съ кровавыми страницами исторіи, обращается въ „ту слащавую интеллигентную гуманность, которая не умѣетъ творить добро ради добра, но за то умѣетъ все осуждать, все обличать, все (мысленно) перестраивать на свой ладъ" (гдѣ и когда существовала „все осуждающая гуманность"—это секретъ московской газеты). Съ помощью этихъ очковъ патріотизмъ, о которомъ говоритъ г. Корелинъ, является переодѣтымъ космополитизмомъ, „ибо нѣтъ патріотизма, который былъ бы проникнутъ безнравственными началами" (на самомъ дѣлѣ безнравственность несовмѣстна только

съ *идеей* патріотизма, но сплошь и рядомъ проникаетъ собою его практическое пониманіе и примѣненіе). Съ помощью этихъ очковъ вѣротерпимость отождествляется съ религіознымъ индифферентизмомъ, вполнѣ возможнымъ и при самой крайней нетерпимости, если только она разсматривается какъ „орудіе правленія". Иногда очки откладываются въ сторону, и желанный эффектъ достигается просто ядовитымъ намекомъ. Г. Корелинъ признаетъ полезнымъ „дать обстоятельное описаніе всѣхъ источниковъ рабства и выяснить вредъ его вліянія не только на индивидуальную нравственность, но и на развитіе всѣхъ формъ народнаго труда". Это чтеніе, — замѣчаетъ отъ себя г. Quidam,—„очевидно будетъ имѣть особенный успѣхъ на фабрикахъ и заводахъ". A bon entendeur, salut! „Православіе,—читаемъ мы дальше, — непремѣнно нужно подорвать, гг. прогрессисты не хотятъ съ нимъ мириться—а потому г. Корелинъ думаетъ предложить не только весьма обстоятельныя біографіи и обстоятельное изложеніе ученія Лютера, Кальвина и Цвингли, но даже обстоятельное изложеніе ученія Магомета. Все что угодно: лютеранство, кальвинизмъ, наконецъ исламъ—только не православіе"! Здѣсь усердный обличитель хватилъ черезъ край: кто же повѣритъ, что „прогрессисты" стремятся къ распространенію ислама?.. Какъ бы очевидна, однако, ни была клевета, отъ нея, по извѣстному французскому изреченію, всегда что-нибудь остается — и мы нисколько не будемъ удивлены, если узнаемъ, что предпріятіе, рекомендуемое г. Корелинымъ, встрѣтило какія-либо внѣшнія препятствія: это будетъ естественнымъ всходомъ сѣмянъ, брошенныхъ въ статьѣ г. Quidam'а. Общій ея смыслъ резюмированъ довольно удачно въ заключительныхъ ея словахъ: „ужъ пусть нашъ народъ лучше коснѣетъ въ *всемірно-историческомъ невѣжествѣ*, нежели просвѣщается во вкусѣ гг. Гольцевыхъ и Корелиныхъ"! Еще откровеннѣе было бы высказаться прямо за „всемірно-историческое невѣжество народа", безъ всякихъ оговорокъ. Еслибы гг. Quidam'ы заботились только о томъ, чтобы предупредить распространеніе въ народѣ *невѣрныхъ* историческихъ свѣденій или взглядовъ, имъ слѣдовало бы подождать появленія первыхъ историческихъ чтеній, составленныхъ по мысли г. Корелина. Но цензора-добровольцы не хотятъ ждать: имъ нужно заранѣе дискредитировать предпріятіе, грозящее расширеніемъ народнаго горизонта... Правда, г. Quidam старается увѣрить, что ничего не имѣетъ противъ общедоступныхъ чтеній по всемірной исторіи, лишь бы они не были тенденціозны: но въ какой степени правдоподобно такое увѣреніе — объ этомъ нетрудно судить по образцамъ безпристрастія, приведеннымъ нами выше. Еслибы на фабрикѣ гг. Quidam'овъ были изготовлены когда-нибудь „общедоступныя историческія чтенія", *исто-*

рическимъ, въ настоящемъ значеніи слова, въ нихъ было бы только одно заглавіе: содержаніе ихъ было бы написано ad usum populi въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣкогда писались книги ad usum Delphini.

Въ неустанномъ и непрерывномъ заподозриваньѣ всего того, что́ можетъ поднять умственный уровень народа, есть, несомнѣнно, своего рода система. Образованіе народа, съ точки зрѣнія газетныхъ обскурантовъ—это опасность, которую нужно предотвратить во что бы то ни стало. Преподаваніе въ начальной школѣ должно быть сведено къ возможному минимуму, составъ народныхъ читаленъ и библіотекъ по возможности ограниченъ, устройство народныхъ чтеній по возможности затруднено [1]), попытки самообразованія поставлены въ возможно узкія рамки. Читая безконечный рядъ статей, написанныхъ на эту тему, можно подумать, право, что мы живемъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, до освобожденія негровъ, или, по меньшей мѣрѣ—въ до-реформенной Россіи, до освобожденія крестьянъ. *Образованные рабы* или *образованные крѣпостные*—эти слова, поставленныя рядомъ, дѣйствительно могли рѣзать ухо защитниковъ statu quo, какъ явная несообразность или скрытая угроза. Другое дѣло—народъ освобожденный; по отношенію къ нему противорѣчіемъ, абсурдомъ является уже не образованіе, а невѣжество. Поддерживать послѣднее, значитъ, въ сущности, стоять за безправіе народа, коекакъ прикрытое видимостью права. Въ концѣ концовъ такая поддержка оказывается не только безнравственной, но и безцѣльной. Никакими мѣрами строгости нельзя закрыть доступъ въ деревню сочиненій, дозволенныхъ общей цензурой; никакой надзоръ не можетъ помѣшать обращенію обычной крестьянской вечеринки въ „умную", т.-е. чтенію вслухъ и обсужденію книги, купленной какимъ-нибудь грамотѣемъ и интересной для его слушателей. Разъ что сдѣланъ первый шагъ, т.-е. сравнительно широко распространена грамотность, дальнѣйшее движеніе къ просвѣщенію можетъ быть только задержано и затруднено, но не предупреждено—а искусственныя задержки никогда не ведутъ къ добру. Предсказанный Некрасовымъ день, когда крестьянинъ понесетъ къ себѣ съ базара Бѣлинскаго и Гоголя, непремѣнно настанетъ—и страшнымъ онъ можетъ казаться только для гг. Quidam'овъ и К°.

Интересный вопросъ обсуждался недавно, какъ мы слышали, въ

[1]) Когда эти строки были уже написаны, мы прочли въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 76) передовую статью, отстаивающую, противъ земскихъ ходатайствъ, нынѣшній порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній. Газета признаетъ, что этотъ порядокъ отличается „извѣстною сложностью", но находитъ, что это и не должно быть иначе.

совѣтѣ одного изъ нашихъ университетовъ. Преподаватель богословія мѣстной духовной семинаріи, г. С., выразилъ желаніе читать въ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, курсъ христіанскаго ученія о нравственности (христіанской этики). Противъ этого высказался профессоръ богословія въ университетѣ, свящ. Б. Приватъ-доценты, по его мнѣнію, могутъ состоять только при отдѣльныхъ факультетахъ, между тѣмъ какъ каѳедра богословія — общая для всего университета; притомъ, богословіе читается въ университетѣ лишь съ цѣлью обоснованія религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій учащейся молодежи, а для этого достаточно одной штатной каѳедры; приватъ-доцентура могла бы только нарушить цѣльность изложенія предмета, единство задачи и правильное соотношеніе ея частей. Иначе отнесся къ вопросу профессоръ церковной исторіи, г. Л. Не усматривая въ университетскомъ уставѣ ничего несовмѣстнаго съ учрежденіемъ приватъ-доцентуры богословія, онъ сослался на авторитетъ преосв. Макарія, находившаго такую доцентуру весьма полезной, какъ въ видахъ соревнованія между учащими, такъ и въ видахъ болѣе полнаго и глубокаго изученія ими различныхъ отраслей богословія. Къ этому взгляду присоединился и профессоръ церковнаго права, г. О., указавъ на важность и своевременность преподаванія въ университетѣ христіанской этики. Совѣтъ университета, соглашаясь съ гг. Л. и О., постановилъ возбудить соотвѣтственное ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ утвердительномъ его разрѣшеніи — по крайней мѣрѣ насколько оно зависитъ отъ министерства — едва ли можно сомнѣваться. Всѣ соображенія, говорящія въ пользу приватъ-доцентуры вообще, вполнѣ примѣнимы къ доцентурѣ богословія, въ особенности если спеціальностью приватъ-доцента является христіанская этика. Составляя лишь часть общаго, обязательнаго курса богословія, она, конечно, не можетъ быть излагаема съ такою полнотою, какъ при выдѣленіи ея въ отдѣльный, самостоятельный предметъ, читаемый добровольнымъ слушателямъ. Трудно допустить, чтобы проповѣдь христіанской любви, отъ имени и подъ контролемъ православной церкви, могла встрѣтить препятствія чисто формальнаго свойства.

Сессія уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній въ 1894-95 и 1895-96 гг. была ознаменована цѣлымъ рядомъ ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ волостныхъ судовъ. Въ нѣкоторыхъ, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ обсужденіе этихъ ходатайствъ не могло состояться вслѣдствіе veto предсѣдателя, т.-е. предводителя дворянства; гораздо чаще оно происходило безпрепятственно, съ согласія и подъ руководствомъ предсѣдателя. Что въ такихъ хо-

датайствахъ не было ничего противозаконнаго—это лучше всего доказывается тѣмъ, что правительствующій сенатъ отмѣнялъ опредѣленія губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій, останавливавшія ихъ дальнѣйшій ходъ, и предписывалъ представлять ихъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ (обязаннаго, какъ извѣстно, вносить отклоняемыя имъ ходатайства на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ). При такомъ положеніи дѣлъ едва ли остается мѣсто для судебной или дисциплинарной отвѣтственности предводителя дворянства, допустившаго обсужденіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Мы слышали, однако, что по отношенію къ одному изъ уѣздныхъ предводителей дворянства тверской губерніи вопросъ о такой отвѣтственности возбужденъ и дошелъ до разсмотрѣнія правительствующаго сената. Не думаемъ, чтобы, при полномъ тожествѣ условій, возможно было столь рѣзкое различіе между лицами; не думаемъ, чтобы за совершенно однородныя дѣйствія, происходившія гласно и открыто, одинъ предводитель могъ быть привлеченъ къ отвѣту и подвергнутъ взысканію, а многіе другіе—остаться свободными отъ преслѣдованія. Правда, на уѣзднаго предводителя дворянства, о которомъ мы упомянули выше, взведены еще два другія обвиненія, также имѣющія предметомъ бездѣйствіе власти; но значеніе ихъ совершенно второстепенно, и центромъ тяжести остается все-таки ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Предводителю ставится въ вину, что онъ допустилъ прочтеніе оффиціальнаго документа—приглашенія одного изъ министровъ къ сообщенію ему мнѣній по важному законодательному вопросу,—и избраніе коммиссіи для составленія отвѣта на это приглашеніе. Въ другомъ случаѣ онъ не воспротивился избранію коммиссіи для изслѣдованія экономическаго и санитарнаго положенія населенія, работающаго на фабрикахъ и уходящаго въ отхожіе промыслы. Намъ кажется, что на оффиціальное приглашеніе въ правѣ отозваться какъ частное лицо, такъ и общественное собраніе—а постановленіе о производствѣ изслѣдованія, въ предѣлахъ вѣдомства земскаго собранія, не можетъ быть противозаконнымъ уже потому, что оно ничего не предрѣшаетъ и не предопредѣляетъ. Чтó уцѣлѣло бы отъ самостоятельности земскихъ собраній, еслибы они не могли даже отвѣчать на правительственные запросы и собирать свѣденія о положеніи населенія—и во что обратились бы предсѣдатели земскихъ собраній, еслибы они должны были на каждомъ шагу идти въ разрѣзъ съ самыми законными желаніями большинства гласныхъ? Къ чему, наконецъ, обставлять едва преодолимыми трудностями самое возбужденіе земскихъ ходатайствъ, когда ихъ исходъ зависитъ всецѣло отъ высшихъ правительственныхъ учрежденій? Къ чему, въ особенности, увеличи-

вать, угрозою отвѣтственности, бдительность уѣзднаго предводителя дворянства, когда ни одно ходатайство уѣзднаго земства не можетъ получить дальнѣйшаго движенія безъ санкціи губернскаго земскаго собранія?.. Еслибы газетные панегиристы дворянства нѣсколько меньше дорожили его выгодами, нѣсколько больше—его достоинствомъ, они должны были бы вступиться за предводителей дворянства, какъ предсѣдателей земскихъ собраній, и показать, что обостреніе цензорской ихъ власти не имѣетъ ничего общаго съ истинными интересами сословія. Но нѣтъ: „авторы дворянскихъ мелодій" упорно держатся старыхъ тэмъ, подчеркивая только то, что́ отдѣляетъ и отдаляетъ дворянство отъ остальныхъ классовъ населенія. Они становятся, въ этомъ отношеніи, все менѣе и менѣе сдержанными. Вотъ что́ мы читаемъ, напримѣръ, въ отрывкѣ изъ частнаго письма, напечатанномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 77): „Плохо, ужасно плохо идетъ дѣло о возстановленіи дворянства!.. Говорятъ о сельскомъ хозяйствѣ, о тарифахъ и сельскохозяйственныхъ машинахъ, говорятъ о какой-то шаблонной помощи дворянскому банкротству, а не говорятъ о томъ, что дворянство не можетъ существовать на мѣстахъ его жительства безъ особыхъ правъ и безъ опредѣленныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, направленныхъ ко благу народному. Не понимаютъ, что банкротство дворянства произошло вовсе не потому, что оно не умѣло вести сельскаго хозяйства на принципѣ наемнаго труда. Банкротство это наступило вслѣдствіе лишенія дворянства его значенія въ уѣздѣ, вслѣдствіе отнятія у него права руководить народною жизнью, вслѣдствіе изолированія его отъ крестьянъ, возложенія на него, какъ и на весь земледѣльческій классъ, непосильныхъ тягостей, гоненія его въ теченіе 35 лѣтъ на всѣхъ поприщахъ его ускромненной дѣятельности и даже за самый фактъ его существованія!" Гоненіе дворянства на всѣхъ поприщахъ въ теченіе *тридцати пяти лѣтъ* (конечно, начиная съ 1861 г.)! Вѣдь это значитъ, что гоненіе продолжалось все прошлое царствованіе, продолжается и въ настоящее время! Если эпоха основанія дворянскаго банка, учрежденія земскихъ начальниковъ и предоставленія дворянамъ перевѣса въ земскихъ учрежденіяхъ—эпоха гоненія дворянства, то что же мы увидимъ, когда это „гоненіе" прекратится? Что это за „особыя права", безъ которыхъ дворянство „не можетъ существовать на мѣстахъ его жительства"? Въ чемъ должно выразиться „право дворянъ руководить народною жизнью"? Всѣ эти вопросы требуютъ категорическаго отвѣта. Отъ намековъ на какую-то новую дворянскую программу пора перейти къ ясной и точной ея формулировкѣ.

Агитація противъ союза писателей нѣсколько ослабѣла, но не прекратилась, сосредоточиваясь теперь преимущественно въ „толстыхъ“ журналахъ. Противъ суда чести выдвинуто нѣсколько новыхъ возраженій, еще менѣе убѣдительныхъ, нежели разсмотрѣнныя нами въ предыдущей хроникѣ. Выражается удивленіе, что никакихъ апелляцій и кассацій на рѣшеніе суда чести не полагается. Но вѣдь обжалованіе *по существу* было бы несовмѣстно съ самымъ понятіемъ о судѣ чести: подобно суду присяжныхъ, онъ рѣшаетъ дѣло по внутреннему убѣжденію, не допускающему повѣрки со стороны высшей инстанціи. Какимъ образомъ, притомъ, могла бы быть организована эта инстанція, изъ кого она могла бы состоять? Мыслимы ли, въ литературномъ союзѣ, низшіе и высшіе судьи чести, менѣе и болѣе компетентные въ рѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ достоинствомъ профессіи? Въ обыкновенномъ судоустройствѣ апелляціонная инстанція предполагается состоящею изъ судей болѣе свѣдущихъ или, по меньшей мѣрѣ, болѣе опытныхъ, чѣмъ члены суда первой степени; въ организаціи суда чести нѣтъ мѣста для такихъ предположеній. Что касается кассаціи—т.-е. отмѣны рѣшенія, постановленнаго съ нарушеніемъ процессуальныхъ формъ или съ превышеніемъ власти,— то судъ чести никакою властью не облеченъ и никакимъ формамъ, кромѣ самыхъ элементарныхъ (напр. вызова сторонъ), не подчиненъ; заранѣе установлять для него особый кассаціонный порядокъ казалось излишнимъ—но еслибы, сверхъ ожиданія, въ такомъ порядкѣ встрѣтилась надобность, то дополненіе устава соотвѣтствующимъ правиломъ едва ли представитъ какія-либо затрудненія. Можетъ ли судъ чести—спрашивается дальше—привлечь къ отвѣту лицо, не состоящее членомъ союза и даже не имѣющее ничего общаго съ литературой? *Привлеченіе къ отвѣту* предполагаетъ непремѣнно какую-нибудь санкцію, т.-е. какія-нибудь невыгодныя послѣдствія въ случаѣ неявки на судъ. Для членовъ союза такое послѣдствіе и установлено: въ случаѣ неявки безъ достаточныхъ причинъ они считаются выбывшими изъ союза. Для всѣхъ остальныхъ лицъ никакой санкціи нѣтъ и быть не можетъ; отвѣчать или не отвѣчать на вызовъ суда зависитъ совершенно отъ ихъ усмотрѣнія — и за судомъ, въ случаѣ ихъ неявки, остается только право выразить свое *мнѣніе*, ни для кого не обязательное. Это право въ высшей степени цѣнно для лица, противъ котораго носятся въ воздухѣ обвиненія, не принимающія опредѣленной формы. Для него чрезвычайно важна возможность обращенія къ суду чести, какъ единственный, иногда, выходъ изъ невыносимаго положенія... Неисчерпаемымъ источникомъ нападеній служитъ, наконецъ, то правило устава, въ силу котораго разсмотрѣнію суда чести могутъ подлежать поступки члена союза,

если въ нихъ будетъ усмотрѣно комитетомъ *противодѣйствіе цѣлямъ союза*. Совершенно очевидно, однако, что подъ понятіе о противодѣйствіи цѣлямъ союза не подходитъ ни критика его устава, хотя бы и самая рѣзкая, ни порицаніе его дѣйствій, хотя бы и самое пристрастное. Суду *чести* противодѣйствіе цѣлямъ союза можетъ быть подвѣдомственно лишь тогда, когда оно нарушаетъ правила *чести*—напр. идетъ подпольнымъ путемъ или выражается въ распространеніи завѣдомо ложныхъ свѣденій о намѣреніяхъ и стремленіяхъ союза.

Союзу писателей въ цѣломъ его составѣ ставится въ вину, больше всего, его замкнутость, которую онъ всячески, будто бы, желаетъ охранить и на будущее время. Доказательство этому противники союза видятъ въ тѣхъ статьяхъ устава, которыя опредѣляютъ порядокъ вступленія въ члены союза и порядокъ избранія членовъ комитета, управляющаго его дѣлами. Если писатель желаетъ вступить въ члены союза, а комитетъ отказывается предложить его къ избранію, онъ можетъ потребовать баллотировки въ общемъ собраніи, но считается избраннымъ въ такомъ только случаѣ, если получитъ двѣ трети голосовъ присутствующихъ членовъ. Такого большинства—утверждаютъ противники союза—кандидатъ, забракованный комитетомъ, никогда не получитъ, уже потому, что въ составѣ комитета насчитывается цѣлыхъ шестнадцать человѣкъ. Цифра 16 (правильнѣе —12; кандидаты къ членамъ комитета не участвуютъ въ его постановленіяхъ) можетъ казаться довольно крупной, пока въ составѣ союза числится не болѣе 150 человѣкъ, изъ которыхъ почти половина не является на выборы; но вѣдь такое положеніе дѣлъ продлится не долго. Заявленій о новыхъ членахъ уже теперь получено въ комитетѣ около ста—и близокъ, по всей вѣроятности, моментъ, когда 12-16 голосовъ будутъ совершенно исчезать въ массѣ голосующихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что высказываться противъ принятія кого-либо въ члены союза комитетъ будетъ весьма рѣдко, и только по основаніямъ очень серьезнымъ. Предоставить комитету безконтрольное право отказа было бы опасно—но не менѣе опасно было бы ставить избраніе лица, отклоняемаго комитетомъ, въ зависимость отъ случайнаго, ничтожнаго большинства. Другое дѣло, еслибы комитетъ публично объяснялъ мотивы своего отказа, кандидатъ—столь же публично представлялъ свои возраженія и оправданія; но вѣдь такой способъ обсужденія *личныхъ* вопросовъ не допускается ни въ какомъ обществѣ. Выборы всегда производятся закрытою баллотировкой, безъ предварительныхъ преній о правахъ кандидата на то или другое званіе... Желаніе закрѣпить замкнутость союза на вѣчныя времена усматривается въ томъ, что половина членовъ комитета выбирается по списку,

составленному комитетомъ. Здѣсь упускается изъ виду, что во многихъ обществахъ (назовемъ хотя бы литературный фондъ) по комитетскому списку выбираются *всѣ* члены комитета—и никакихъ неудобныхъ послѣдствій отъ этого не происходитъ. Стоитъ только просмотрѣть списокъ членовъ комитета литературнаго фонда за 37 лѣтъ его существованія, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ комитетѣ были представлены всѣ литературныя группы, кромѣ систематически уклонявшихся и уклоняющихся отъ участія въ фондѣ. Учредители союза писателей не хотѣли, однако, ограничиться избраніемъ по комитетскому списку; они поставили рядомъ съ нимъ свободное избраніе, предполагая, что соединеніемъ обѣихъ системъ всего лучше обезпечивается цѣлесообразность выборовъ и, рядомъ съ поддержаніемъ традицій, столь важнымъ для успѣшной дѣятельности общества, открывается достаточный просторъ для освѣженія ея новыми элементами. Если избиратели, не желая утруждать себя пріисканіемъ кандидатовъ въ члены комитета, *подмахнутъ* цѣликомъ весь комитетскій списокъ, то это будетъ уже ихъ вина, а не вина устава. Съ *такими* избирателями вообще ничего не подѣлаешь: они могутъ „подмахнуть" и какой-нибудь частный, партійный списокъ. Мы не думаемъ, однако, чтобы ихъ оказалось много между членами союза писателей...

Въ минувшемъ мѣсяцѣ скончались два писателя, не пользовавшіеся громкою, широкою извѣстностью, но оставившіе прочный слѣдъ въ нашей экономической наукѣ. Одинъ изъ нихъ, А. Н. Егуновъ, началъ свою дѣятельность почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и обратилъ на себя вниманіе въ особенности сочиненіемъ о хлѣбныхъ цѣнахъ (1855). Убѣжденный фритредеръ, онъ принималъ очень большое участіе въ составленіи возраженій вольнаго экономическаго общества противъ крайностей протекціонизма. За нѣсколько дней до смерти онъ присутствовалъ въ собраніи экономистовъ и, какъ мы слышали отъ очевидца, говорилъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ, приводя на память массу фактовъ, удивляя силою и блескомъ аргументаціи. Другой почившій ученый, И. А. Кейслеръ, принадлежалъ къ числу лучшихъ знатоковъ русской поземельной общины; главное его сочиненіе: „Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland" (1876—87) спеціалисты признаютъ, по полнотѣ содержанія, не имѣющимъ себѣ равнаго на русскомъ языкѣ; его очень высоко цѣнилъ К. Д. Кавелинъ, посвятившій ему въ нашемъ журналѣ особую статью („Поземельная община въ древней и новой Россіи", 1877, № 5). Самъ Кейслеръ напечаталъ

въ „Вѣстникѣ Европы" (1887, № 12) статью о сельской общинѣ и ея современномъ положеніи.

8-го марта скончался А. Н. Майковъ—не „послѣдній", какъ назвала его одна газета, забывая о Я. П. Полонскомъ и А. М. Жемчужниковѣ, но одинъ изъ послѣднихъ выдающихся поэтовъ послѣ-Пушкинской эпохи. Мы не послѣдуемъ примѣру тѣхъ, которые, надъ не закрытымъ еще гробомъ Майкова, сводили счеты съ своими противниками; мы не станемъ говорить о томъ, насколько онъ былъ „нашъ" или „не-нашъ". Для насъ существуютъ теперь только лучшія его страницы, столь же свѣжія и благоуханныя но прошествіи тридцати, сорока, пятидесяти лѣтъ, какъ и въ самый моментъ ихъ написанія. Онѣ выдержали уже искусъ времени; потомство наступило для нихъ еще при жизни автора. Многія антологическія стихотворенія Майкова и нѣкоторыя его поэмы навсегда заняли мѣсто, близкое къ вершинамъ нашей литературы. Чтобы увѣковѣчить его имя, достаточно было бы юношескихъ пьесъ, вызвавшихъ восторженное одобреніе Бѣлинскаго: но онъ поднялся еще выше, написавъ „Три Смерти"—это чудное изображеніе античнаго міра, блестящаго, но уже отживающаго и близкаго къ паденію. Неувядаемо прелестны и такія картины, какъ „Нива" или „Весна", всего больше, быть можетъ, способствовавшія популярности Майкова... Мы назвали когда-то Майкова „поэтомъ и тенденціознымъ писателемъ"; эту двойственность мы видимъ въ немъ и понынѣ, но, въ моментъ его утраты,—*тенденціознаго писателя*, о которомъ возможны различныя мнѣнія, затмѣваетъ, въ нашихъ глазахъ, *поэтъ*, высокое дарованіе котораго стоитъ внѣ всякаго спора.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Россійскаго Общества Краснаго Креста.

I. Съ Высочайшаго соизволенія Августѣйшей Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, при всѣхъ кассахъ учрежденій Общества Краснаго Креста открытъ сборъ пожертвованій для устройства въ Имперіи колоній, въ которыхъ будутъ призрѣваться, подъ покровительствомъ Краснаго Креста, прокаженные.

II. Съ соизволенія Августѣйшей Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста и по соглашенію съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, при всѣхъ кассахъ Общества Краснаго Креста открывается сборъ пожертвованій на усиленіе врачебной помощи нуждающимся переселенцамъ. Сборъ этотъ предназначается на устройство учрежденіями Общества Краснаго Креста въ Сибири, въ мѣстахъ поселеній новоселовъ, наиболѣе пораженныхъ эпидемическими формами заболѣваній и лишенныхъ медицинской помощи, а также въ мѣстахъ большихъ скопленій переселенцевъ по пути ихъ движенія, амбулаторныхъ лечебницъ и питательныхъ пунктовъ Краснаго Креста и на командированіе въ тѣхъ же цѣляхъ санитарныхъ отрядовъ Краснаго Креста.

Сочувствующіе этому доброму дѣлу Общества Краснаго Креста дадутъ Обществу матеріальныя для выполненія его средства.

Въ С.-Петербургѣ касса Главнаго Управленія Общества открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. дня.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1897.

Книга третья. — Мартъ. стр.

Книга четвертая. — Апрѣль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива мин. народ. просвѣщенія. Т. II. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ. 1802—1804 гг. Спб. 1897. Столбц. 1160.

Новый выпускъ „Сборника" относится къ самымъ первымъ годамъ учрежденія министерства народнаго просвѣщенія и посвященъ спеціально исторіи одного изъ семи учебныхъ округовъ, на которые была раздѣлена тогда вся имперія. Такъ какъ первымъ попечителемъ этого округа, именно виленскаго, былъ любимецъ имп. Александра I, князь Адамъ Чарторыйскій, соединившій позже съ этою должностью другой, еще болѣе важный постъ — министра иностранныхъ дѣлъ, то во главѣ „Сборника" помѣщено обширное извлеченіе изъ извѣстной, впрочемъ, автобіографія кн. Чарторыйскаго, а затѣмъ помѣщены выдержки изъ позднѣйшихъ „Записокъ Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго". И то, и другое лицо, имѣли одинаково рѣшительное вліяніе на ходъ народнаго образованія въ западномъ краѣ. Весьма интересны помѣщенные во главѣ „Сборника" журналы конца 1802 г. объ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія и о преобразованіи коммиссіи объ училищахъ. Въ началѣ 1803 г. были обнародованы выработанныя коммиссіею „Правила народнаго просвѣщенія", начертавшія цѣлую стройную его систему, начиная съ приходскаго училища, гдѣ, кромѣ грамоты, письма и счета, предполагалось „дать учащимся правильное понятіе о вещахъ"—и до университета. Въ указѣ сенату объ обнародованіи этихъ „Правилъ", была ясно высказана мысль, что задача народнаго просвѣщенія можетъ быть съ успѣхомъ разрѣшена только при помощи содѣйствія правительству общественныхъ силъ: „Мы удостовѣрены,—говорится въ указѣ имп. Александра I,—что и всѣ наши вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и сердцу нашему любезномъ". Что же касается до того, чтобы и приходскіе священники были учителями, то „святѣйшій Синодъ и долженъ пещись, чтобы въ непродолжительномъ времени сіе произведено было въ дѣйствіе безъ малѣйшаго отягощенія какъ для священниковъ, такъ и для прихожанъ".

Въ странѣ вулкановъ. Путевыя замѣтки на о. Явѣ 1893 года. Княгини С. А. Щербатовой. Съ 10 фототипіями, 100 рис. въ текстѣ и картой. Спб. 1897. Стр. 352.

Настоящій трудъ составляетъ результатъ не одного изученія иностранной литературы предмета, но и личнаго знакомства съ Малайскимъ архипелагомъ, занимающимъ, вмѣстѣ съ воднымъ пространствомъ, площадь, равную всей Европѣ—свыше 1 милліона кв. миль, съ населеніемъ около 40 милліоновъ. Одинъ о. Ява равенъ по величинѣ Англіи и имѣетъ населеніе до 25 милліоновъ. Изданіе исполнено весьма изящно, и многочисленныя иллюстраціи дополняютъ текстъ разсказовъ и описаній мѣстностей, посѣщенныхъ авторомъ.

Философскій Ежегодникъ. Я. Колубовскій. Годъ второй, изд. Л. Ф. Пантелѣева, М. 1896.

Любопытный и полезный сборникъ г. Колубовскаго относится не только къ философской литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ, но и ко всѣмъ явленіямъ нашей печати—книжной, журнальной и газетной—насколько они такъ или иначе касаются философскихъ вопросовъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Если, какъ мы надѣемся, предпріятіе почтеннаго ученаго не остановится на двухъ вышедшихъ книгахъ, то будущій историкъ получитъ обильный матеріалъ для полной картины умственнаго состоянія русскаго общества за извѣстную эпоху и если эта картина напомнитъ отчасти коллекцію „монстровъ", то въ этомъ, конечно, будетъ виноватъ не г. Колубовскій. Съ его стороны требовалось не мало самоотверженности для такого труда, и тѣмъ болѣе останется ему благодарнымъ всякій понимающій интересъ умственнаго движенія во всемъ объемѣ общества, а не на однѣхъ только вершинахъ. Это есть драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русской культуры; но кромѣ этого главнаго значенія, въ сборникѣ г. Колубовскаго мы находимъ и самостоятельный критическій элементъ въ искусномъ сопоставленіи нѣкоторыхъ выписокъ—и въ немногихъ и краткихъ, но очень мѣткихъ замѣчаніяхъ составителя. Настоящая книга обнимаетъ философскую и quasi-философскую литературу въ Россіи за 1894 г.

Право и нравственность. Очерки изъ прикладной этики. Владиміра Соловьева. Спб. 1897. Стр. 147. Ц. 1 р. (№ 14 „Юридической Библіотеки", изд. Я. Канторовича).

Авторъ объясняетъ въ предисловіи, что онъ не беретъ на себя изслѣдованіе во всѣхъ подробностяхъ тѣхъ двухъ крайнихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ отрицается, преимущественно у насъ, внутренняя связь между правомъ и нравственностью, а потому ограничивается разсмотрѣніемъ одного существеннаго пункта спора между безусловными отрицателями, съ одной стороны, значенія права въ жизни человѣческихъ обществъ, а съ другой—его защитниками во что бы то ни стало. Въ первыхъ главахъ авторъ анализируетъ понятіе о правѣ, какъ вообще, такъ и въ связи его съ понятіемъ о нравственномъ, и затѣмъ останавливается нѣсколько долѣе на уголовномъ правѣ, смертной казни и принудительномъ правосудіи. Послѣдняя глава посвящена, какъ и слѣдовало ожидать, объясненію, какимъ же образомъ самъ авторъ понимаетъ „идею истиннаго, безстрастнаго и безпристрастнаго правосудія, чуждаго мстительности и злобы", и въ какомъ видѣ ему представляется уголовное правосудіе, которое могло бы назваться „нормальнымъ"? Такое правосудіе должно преслѣдовать и достигать одновременно двухъ цѣлей: „дѣйствительной защиты угрожаемыхъ лицъ — и возможнаго исправленія самого преступника". Авторъ, впрочемъ, самъ предвидитъ трудности достиженія послѣдней цѣли и допускаетъ возможность — неисправимости преступника въ отдѣльныхъ случаяхъ, но именно для того-то, чтобы удостовѣриться въ томъ, и „необходимо — говоритъ авторъ—ставить *всѣхъ* въ условія, наиболѣе благопріятныя для возможнаго исправленія".

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1897 г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и вторую четверть 1897 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

NOV 15 1898
OCT 27 '60 H